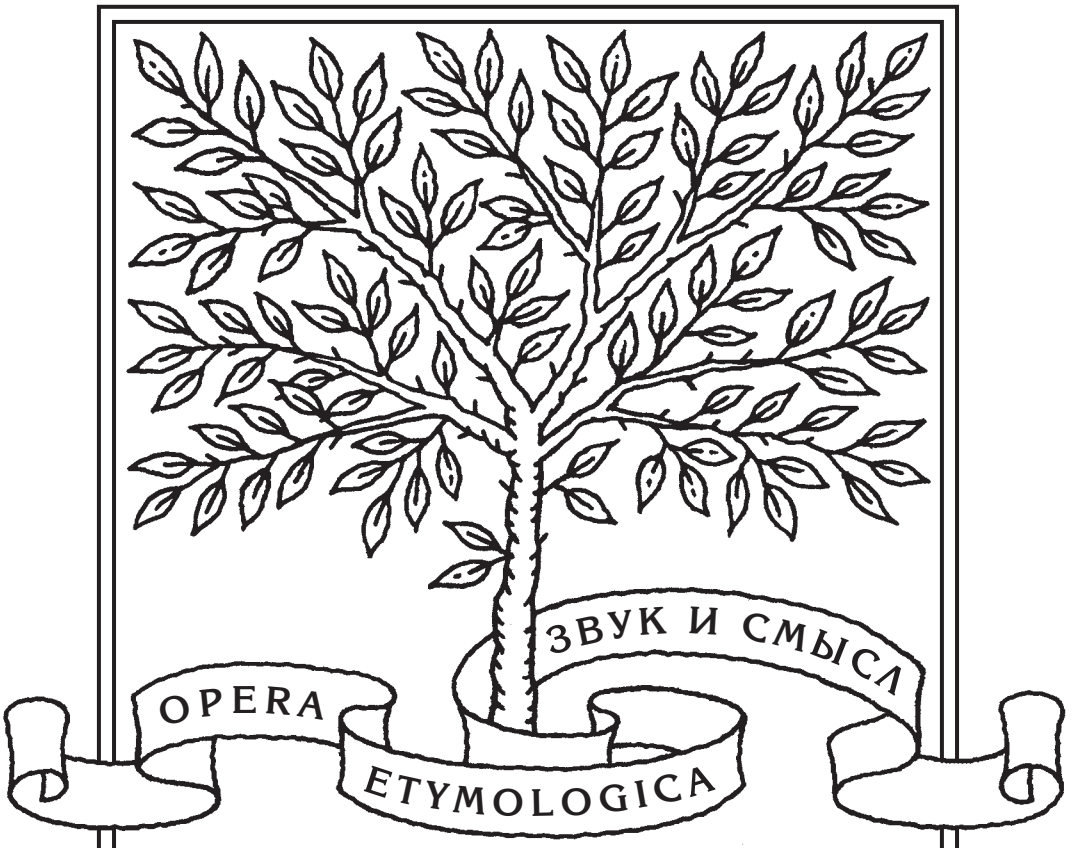


Вяч. Вс. Иванов

Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков

Том 1

Вяч. Вс. Иванов

Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
ЗНАК
МОСКВА 2007

Вяч. Вс. Иванов

Том 1

Индоевропейские корни в хеттском языке

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
ЗНАК
МОСКВА 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 11
Введение 21

Глава первая
Хеттские глагольные и именные основы, восходящие к индоевропейским корням

§ 1. Корневой глагол *eš-* и образованные от него именные основы на *-(*e*)*nt* и *-ri-* 55
§ 2. Корневой глагол *ed-*; производные от него глагольные основы на *-š-* и на *-šk-*; производные именные основы на *-(*e*)*nt-* и *ri-* 58
§ 3. Корневой глагол *kuen-* и особенности производных от него слов; редуплицированная именная основа *kunkunuzzi-* 67
§ 4. Корневой глагол *uek-* и его производные; редуплицированная основа *ueuak-* 70
§ 5. Корневой глагол *ep-* и связанные с ним производные слова 72
§ 6. Корневой глагол *tarḫ-* и родственные ему основы на *-*u*-(*er*)-*en-* в хетто-лувийских и индоиранских языках 74
§ 7. Корневой глагол *šanḫ-* 77
§ 8. Корневой глагол *ḫark-* и глагол с носовым инфиксом *ḫarnink-* в сравнении с родственными словами других индоевропейских языков 78
§ 9. Корневой глагол *eku-* и родственные ему слова хетто-лувийских языков 83
§ 10. Корневой глагол *luk-*; производная глагольная основа на *-eš*; производные именные основы *lutta-* и *lalukkima* 88
§ 11. Корневой глагол *neku-*; значение данных хеттского языка для анализа общеиндоевропейского названия «ночи» 94
§ 12. Глагол медиопассивного спряжения *ki-* 96
§ 13. Глагол медиопассивного спряжения *šup*; причина исчезновения производных от **suep-* в клинописном хеттском языке 97

§ 14. Глагол *šeš-*; история производных от **ses-* в хеттском языке в сопоставлении с историей производных от **su̯ep-* 105
§ 15. Слова, восходящие к корню **ei-*/*i-*, в хеттском языке; архаичные производные от **ei-*; происхождение термина *antiḭant-* 111
§ 16. Глагол спряжения на *-ḫi dai-*/*te-* 121
§ 17. Глагол спряжения на *-ḫi ar-* и родственные ему глагольные основы на **-n*(*e*)*u-*, *-š-*, *-šk-* 122
§ 18. Глагол спряжения на *-ḫi nai-* и производные основы на *-š-* и *-šk-* 128
§ 19. Хеттский глагол спряжения на *-ḫi spant-* в сравнении с родственными словами других индоевропейских языков 129
§ 20. Глагол спряжения на *-ḫi gank-* 134
§ 21. Глагол спряжения на *-ḫi šek-* 135
§ 22. Глагол *eš-* ‘сидеть’ и производные от него слова 136
§ 23. Глагол на *-iḭa u̯ešiḭa-* и существительное *u̯eši-*; имя деятеля *u̯eštara-* и соответствующие ему слова в лувийском и древнеиранском языках 138
§ 24. Глагол на *-iḭa turiḭa-* 146
§ 25. Глагол на *-iḭa u̯eriḭa-* 147
§ 26. Глагол на *-iḭa u̯arsaniḭa-* и родственные ему слова 149
§ 27. Глагол *paḫš-* и проблема глаголов на *-š-* и на *-šk-* в хетто-лувийских, кучанско-карашарских и других индоевропейских языках 151
§ 28. Глагол на **-es- u̯eš-* 173
§ 29. Глагол на **-es- kalleš-* 175
§ 30. Глагол *damaš-* 175
§ 31. Глагол *u̯aš-* 178
§ 32. Морфологическая структура хеттских глаголов, восходящих к корню *keš-*; производная именная основа на *-ri kišri-* 179
§ 33. Глагол *dušk-* 180
§ 34. Глагол *malda-* 183
§ 35. Глагол *lišša-* 185
§ 36. Глагол *iškalla-* 186
§ 37. Глагол *laḫḫu*(*u̯a*)-; вопрос о выделении аффикса **-u-* в этом глаголе и родственных ему основах 187
§ 38. Глагол *malla-* 190
§ 39. Глагол *taiḭa-* 191
§ 40. Глагол *iḭa-* 193
§ 41. Глагол *mema-* и его древняя морфологическая структура 195
§ 42. Общеиндоевропейское название «сердца» в свете данных хеттского языка 197
§ 43. Корневое имя существительное *u̯ett-* 204

§ 44. Корневое имя *ḫant-*; особенности родственных ему именных и наречных форм 205
§ 45. Прилагательное на *-u- parku-*; глагол *parkeš-* и происхождение отыменных глаголов на *-eš-* 208
§ 46. Прилагательное на *-u- panku-* 213
§ 47. Прилагательное на *-u- tepu-* 217
§ 48. Прилагательное на *-u- aššu-* и родственные ему слова хетто-лувийских языков 219
§ 49. Прилагательное на *-i- dankui-* 226
§ 50. Прилагательное на *-i- ḫarki-* 229
§ 51. Прилагательное на *-i- mekki-* 230
§ 52. Прилагательное на *-i- palḫi-* 231
§ 53. Хеттское имя существительное гетероклитического типа *u̯atar* и корневое имя *u̯id-* в хетто-лувийских языках; существительное *u̯ataru* и вопрос об основах на *-ru-* 233
§ 54. Хеттское имя существительное гетероклитического типа *pattar* и его значение для сравнительно-исторического языкознания 241
§ 55. Имя существительное гетероклитического типа *ešḫar* и родственные ему именные и глагольные основы; вопрос о связи существительных *ešḫar* и *ešḫaḫru* 244
§ 56. Имя существительное гетероклитического типа *paḫḫur* 255
§ 57. Древний морфологический тип именных основ *ḫappar* и *ḫappinant* 259
§ 58. Имя существительное *keššar* 261
§ 59. Имя существительное гетероклитического типа *ḫaraš* 262
§ 60. Существительное *aiš* 265
§ 61. Прилагательное *maklant-* 267
§ 62. Производные от общеиндоевропейского названия «кости» в хетто-лувийских языках 268
§ 63. Существительное *melit* и родственные слова хетто-лувийских языков 274
§ 64. Прилагательное *daluki-* 277
§ 65. Существительное *karau̯ar* 279
§ 66. Существительное *genu* 280
§ 67. Существительное *taru-* 282
§ 68. Существительное *šiu-* и родственные ему именные основы в хеттском и других древних индоевропейских языках Малой Азии 282
§ 69. Прилагательное *nekumant-* 291
§ 70. Общеиндоевропейское название «зимы» в хеттском языке 291
§ 71. Существительное *laman* 293

§ 72. Существительное *tekan* 294
§ 73. Существительное *ḫulana-* и родственные ему слова 296
§ 74. Существительное *u̯iu̯ana* 297
§ 75. Существительное *paltana-* 299
§ 76. Существительное *paršna-* 301
§ 77. Существительное *ḫuu̯ant-* 302
§ 78. Существительное *nepiš* 303
§ 79. Существительное *ḫišša-* 304
§ 80. Прилагательное *neu̯a-* 306
§ 81. Имена существительные *pedan* и *pata* 307
§ 82. Имя существительное *i̯ugan* и родственные ему хеттские именные основы 309
§ 83. Существительное *ešḫa-* 312
§ 84. Существительное *ḫašša-* 315
§ 85. Существительное *arra-* 316
§ 86. Существительное *šakiu̯a* и его особенности; родственные слова хеттского, лувийского и других индоевропейских языков 317

Глава вторая
Особенности структуры индоевропейских корневых морфем, представленных в хеттском языке

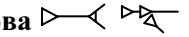
§ 87. Огласовка корня 327
§ 88. Проблема **þ* и **ð* Бругмана в свете данных хеттского языка 355
§ 89. Особенности корневых морфем, в состав которых входит *ḫ*. Фонетическая характеристика хеттского *ḫ* и родственных ему фонем древних индоевропейских языков Малой Азии 366
§ 90. Структурные типы индоевропейских корневых морфем, представленные в хеттском языке 411

Заключение 430

Приложение I
История слов клинописного хеттского языка, восходящих к индоевропейскому корню *$b^henĝ^h$- (в связи с историей хеттского *panku-* ‘государственное собрание’) 435

I. Слова, родственные хеттскому *panku-*, в других индоевропейских языках 436
II. Хеттское прилагательное *panku-* и родственные ему слова в хеттском языке 447

III. Хеттский термин *pankuš* ‘государственное собрание’ в двуязычном документе Хаттусилиса I 461
IV. Термин *pankuš* ‘государственное собрание’ в документе Телепинуса 474
V. Хеттское слово *pankur* ‘род’ и его связь с *panku-* 492
VI. Употребление существительного *panku-* в хеттских текстах религиозного содержания 497
VII. Исчезновение «государственного собрания» (*pankuš*) в новохеттский период 506

Приложение II
Значение и чтение слова  **в хеттских ритуальных текстах** 510

Сокращения 519

Библиография 522

Дополнение 531

Библиография к Предисловию и Дополнению 551

Английское резюме. Indo-European Roots in the Cuneiform Hittite Language and the Special Features of their Structure. 556

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей текст был написан в основных частях в 1952—1954 гг., когда автор занимался в аспирантуре МГУ под руководством проф. М. Н. Петерсона. Законченный в начале 1955 г. труд был представлен к защите на Ученом совете филологического университета МГУ в качестве сперва кандидатской диссертации, а потом (по решению этого Ученого совета) докторской диссертации. Утверждение постановления Ученого совета о присуждении автору докторской степени было отложено ВАКом под различными предлогами на неопределенное время (и так и не было принято: в ВАКе текст был потерян навсегда), а вскоре (в 1958 г. в связи с преследованием получившего Нобелевскую премию Б. Л. Пастернака, дружба с которым считалась главной моей виной) автор работы по политическим причинам был изгнан из профессуры МГУ, и предполагавшееся издание этой работы не состоялось. Принимая теперь предложение о публикации текста, большая часть которого написана больше чем полвека назад, автор исходил из предположения, что собранный в работе материал и сделанные на его основе выводы сохраняют свою значимость, а дальнейшие уточнения, связанные с существенным обогащением знаний за истекшие пятьдесят лет, могут быть извлечены из новой литературы (в том числе из последующих моих работ, не дублировавших эту первую), которая суммарно обозначена в Дополнении к книге, написанном для настоящего издания (и в прилагаемой в конце книги Библиографии к этому Предисловию и к Дополнению). Цели и задачи выполненной в диссертации работы, в более специальной части обрисованные в ее публикуемом ниже Введении, стоит кратко сформулировать в качестве предварения к книге, после чего имеет смысл остановиться на более новой проблематике, связанной с открытиями последних лет, позволяющими взглянуть на изучаемые проблемы в более широкой перспективе.

О целях настоящего исследования

Одной из главных задач, поставленных перед собой группой тех начинавших лингвистов, к которой я принадлежал вместе с В. Н. Топоровым,

Т. Я. Елизаренковой и другими, которым до того, пока мы были студентами филологического факультета МГУ, М. Н. Петерсон преподавал санскрит, литовский язык и сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков, было возобновление на современном уровне (учитывающем самые новые открытия) занятий этой последней областью языкознания. На протяжении послереволюционных лет она была в небрежении, если ее и касались не с намерением хулить все в ней сделанное, то писали о ней до начала пятидесятых годов преимущественно в духе соединения сравнительно-исторических выводов со стадиальной типологией, тогда допускавшейся как единственная ортодоксальная область диахронической лингвистики. Одним из немногих исключений среди публикаций послевоенного времени была статья известного ираниста члена-корреспондента АН СССР А. А. Фреймана о хеттском языке в его отношении к другим индоевропейским языкам (Фрейман 1947 [1]). Прочитав ее сразу после выхода в свет, я поставил себе задачу вести работу в будущем в том направлении, которое описал Фрейман (он станет позднее — вместе с историком академиком В. В. Струве и лингвистом-компаративистом членом-корреспондентом АН СССР А. В. Десницкой — одним из главных оппонентов на моей докторской защите в 1955 г.).

Хеттский язык, дешифрованный великим чешским ассириологом Грозным в годы первой мировой войны, сделал возможным радикальное преобразование сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Прежде всего открылись большие возможности того, что в терминах Карла Поппера можно назвать фальсифицированием ранее выдвинутых гипотез [2]. Хотя ни одно научное утверждение (в том числе и касающееся реконструкции языкового прошлого) не дает полной правильной картины описываемого явления, можно соотнести его с фактами и показать, не противоречит ли оно им. Если противоречия нет, осуществлена фальсификация гипотезы. С помощью фактов хеттского языка была проведена такая процедура по отношению ко многим общим построениям младограмматиков и деталям предложенных ими реконструкций. Этим объясняется в настоящей книге обилие ссылок на свод реконструкций Бругмана [3]. Поскольку эти (и многие другие) гипотетические предположения, основанные на абдукции (в смысле Пирса [4]), прошли проверку фальсификацией благодаря открытию фактов хеттского языка, которые не были известны создателям проверяемых с его помощью гипотез, была про-

[1] Ссылки без сопровождающей звездочки относятся к основной Библиографии к книге, ссылки со звездочкой относятся к Библиографии к Предисловию и Дополнению.

[2] *Поппер 1983.

[3] Brugmann 1897—1916.

[4] См. главу о реконструкции: *Иванов 2004.

демонстрирована принадлежность сравнительного языкознания к числу точных наук.

Хеттский язык не просто дал возможность проверить ранее существовавшие гипотезы, построенные на основе строгих методов сравнительно-исторического языкознания (преимущественно тех, которые были сформулированы младограмматиками и которые до сих пор остаются основой для многих исследований в этой области лингвистики). Едва ли не еще большее значение имеет то, что с помощью этих вновь открытых фактов удалось показать справедливость выводов, полученных Фердинандом де Соссюром благодаря внутренней реконструкции древнейшего состояния, осуществленной с помощью исследования соотношений между элементами системы [1]. Самый характер метода исследования Соссюра обнаружил новые перспективы, открывающиеся перед диахроническим языкознанием. Открытие в 1927 г. Куриловичем тождества хеттской фонемы *ḫ* выявленному Соссюром «сонантическому коэффициенту» [2] означало обнаружение возможности соотносить факты вновь открытого древнего языка с гипотезами о предыстории, полученными посредством внутреннего анализа. Созданная таким образом ларингальная гипотеза, история которой обсуждается во Введении к работе, изменила представление о характере исходной праиндоевропейской языковой системы фонем и об использовании этих фонем в корневых морфемах. В книгах, изданных в 1935 г., Бенвенист [3] и Курилович [4] изложили принципы изучения структуры индоевропейского корня, которые открылись благодаря ларингальной гипотезе. Вопрос представлял такой интерес, что его обсуждение было вынесено на очередной предполагавшийся международный съезд лингвистов. Предварительные материалы к этому обсуждению были собраны и в 1939 г. опубликованы (они использованы во Введении к книге), но сам съезд не состоялся из-за начала Второй мировой войны. После ее окончания казалось естественным продолжить прерванную работу.

Поскольку и ларингальная теория, и теория структуры индоевропейского корня строятся на основе данных хеттского языка, в начале 1950-х годов представлялось возможным на основе всего тогда достигнутого в области изучения хеттского языка вернуться к сопоставлению его фактов с этими теориями. Для этого было необходимо провести анализ строения хеттских глагольных и именных основ индоевропейского происхождения с целью выделения в них корней с помощью словообразовательного анализа. При этом

[1] *Ельмслев 1950—1951.
[2] Kuryłowicz 1927.
[3] Benveniste 1935.
[4] Kuryłowicz 1935.

использовалось синхронное понимание корневой морфемы (морфологическое определение корня в его соотношении с фонетическим рассмотрено во Введении). Вопросам выделения посредством словообразовательного анализа корневых морфем в хеттских существительных, прилагательных и глаголах посвящена первая глава книги. Выделенные в исследованных хеттских существительных, прилагательных и глаголах корни с достоверной индоевропейской этимологией можно считать базой для выявления правил построения корня в самом хеттском языке (числительные, местоимения и служебные слова не рассматривались специально ввиду действия в них особых морфонологических правил). Выявленные таким образом характерные черты хеттского словообразования и динамика их развития были изложены автором в его докладе на 25-м Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г.[1] Проблеме структуры индоевропейских корней, отраженных в хеттском языке, и связанным с ней вопросам сравнительной фонетики и в особенности ларингальной теории посвящена вторая глава книги.

В первой главе была сделана попытка осуществить историко-этимологический подход к рассматриваемым лексемам. В тот период разделение древних и более новых хеттских текстов проводилось по особенностям их грамматики и содержания. Введенные позднее критерии датировки текстов по характеру письма, выделившие памятники, написанные древним пошибом клинописи (древнехеттским дуктом)[2], частично перекрещиваются с этими ранее использовавшимися содержательными и грамматическими критериями архаичных документов. Но архаичный текст может принадлежать к числу таких, которые переписаны в более позднее время, что сказалось на форме знаков, отличной от древнехеттского пошиба.

Хеттология, располагающая рядом древних текстов, описывающих структуру хеттского общества или дающих материал для ее реконструкции, представляет собой область, в которой могут быть получены результаты, важные для соотнесения языковых данных с историческими. Некоторые детали подобного исследования изучались в первом приложении к книге. Оно остается актуальным не только для хеттологии, потому что изучаемая в нем проблема соотношения власти, становящейся деспотической, с выборным собранием сохраняет значение и для последующих эпох и связана с постановкой социологических вопросов общего характера. Второе приложение рассматривает некоторые специальные проблемы изучения лексики ритуальных текстов, составляющих едва ли не наиболее статистически преобладающую часть архива хеттских царей.

[1] *Ivanov 1962; *Иванов 2001, с. *185—212.

[2] *Rüster 1972; *Neu, Rüster 1975.

Автор в момент написания книги стремился использовать уже известные параллели из других анатолийских (хетто-лувийских в принятой им тогда терминологии) языков и обнаружить явления, для них общие. Изучение этих языков, родственных хеттскому, с тех пор существенно продвинулось. В особенности много сделано для понимания лувийского клинописного языка, тексты которого только начинали анализировать, когда книга писалась (поэтому я счел нужным оставить без изменения соответствующие части работы, дающие представление о том, в каком виде находилась эта сфера знаний, что — как и некоторые другие сохраненные при публикации черты этой рукописи — может представить интерес для истории науки). Установлена значительная близость иероглифического лувийского (в книге еще именовавшегося «иероглифическим хеттским») к клинописному. Новые исследования показали вместе с тем, что это хотя и очень близкие языки, но все же разные. Оба этих лувийских языка входят в одну ветвь индоевропейской семьи языков, которую называют южно- (или западно-) анатолийской. К ней, кроме клинописного и иероглифического лувийских, относятся потомки лувийского, известные уже в античное время: архаичный и пока еще не вполне доступный для понимания ликийский Б или милийский; развившийся из этого древнего ликийского более поздний ликийский (А), близкие к нему античные языки Юго-Запада Малой Азии — недавно раскрытый карийский и еще совсем мало известные сидетский и писидийский. Исследование этой группы индоевропейских языков, продвинувшееся за последнее время, открыло в ней, наряду с чертами, очень напоминающими хеттский язык, другие, иногда сближающие ее с остальными индоевропейскими языками. Поэтому до сих пор продолжается дискуссия по поводу того, насколько реально существование особой единой группы языков, включавшей вместе с хеттским и близко ему родственным палайским (эти два языка объединяются в северно- или восточноанатолийскую группу) также и все южноанатолийские. К ним относился и лидийский язык, более близкий к хеттскому, чем к лувийскому. В диссертации все северно- и южноанатолийские языки вместе взятые называются (как это часто делалось в то время) «хетто-лувийскими»; в настоящее время общепринятым стал в этом значении термин «анатолийские». Некоторые современные лингвисты полагают, что анатолийские языки представляют собой скорее языковой союз, образовавшийся благодаря длительному контакту соседивших друг с другом северно- и южноанатолийских ветвей индоевропейской семьи языков. Первоначально эти две ветви могли существенно отличаться друг от друга. В таком случае большинство слов, общих для хеттского и лувийского (если они не принадлежат к заимствованиям более позднего времени из одного языка в другой или из третьего источника), можно признать общеиндоевропейскими.

О перспективах дальнейших продолжений начатого исследования

Основная задача, поставленная автором, была выполнена на ограниченном материале. Его границы определялись тогда степенью изученности хеттского словаря. К тому времени был издан только один крайне несовершенный этимологический словарь хеттского языка Жюре и уже вышло второе издание прекрасной сравнительно-исторической грамматики хеттского языка Стертеванта [1], подводившей итоги основным достижениям предшествующих исследований самого Стертеванта и многих хеттологов, создавших на протяжении 1900—1930-х годов замечательную хеттологическую школу и издавших большое число хеттских текстов с комментариями и переводами (результаты трудов, изданных за это время, и были суммированы в диссертации), а также индоевропеистов, интенсивно включившихся тогда в изучение анатолийских языков. По мере возможности доступные тогда исследования по отдельным словам и корням были учтены в диссертации.

Исследование хеттских текстов и содержавшегося в них лексического запаса продолжалось после Второй мировой войны с большой интенсивностью. Созданная еще за два предшествующих десятилетия хеттологическая школа в Германии (где хранилась основная масса ранее найденных клинописных таблиц) совершенствовала филологические методы исследования прежде всего в сериях работ, изданных Оттеном [2], Камменхубер [3], Нейем [4] и их учениками (соответствующие библиографические ссылки на эти и другие труды, упоминаемые ниже, можно найти в Библиографии к Дополнению и в работах, в ней указанных); Камменхубер начала переиздавать существенно ею дополненный и переработанный словарь Фридриха [5], она успела до своей смерти издать и отдельные выпуски обширных собранных ею и ее учениками и сотрудниками лексикографических материалов [6]. Оттен создал марбургский фонд хеттских текстов, часть которого постепенно становится доступной в Интернете. В Турции продолжались раскопки хеттских клинописных архивов не только в ранее изучавшейся столице Хеттского государства Богазкёе (Богаз-Кале), но и во вновь открытых провинциальных городах Хеттского царства. Хеттология продолжала развиваться во многих странах. Начал выходить начатый при участии крупного хеттолога Гютербока фундаментальный Чикагский словарь

[1] Sturtevant, Hahn 1951.
[2] *St Bo T; *Otten 1958; 1973.
[3] *THeth; *Kammenhuber 1969; 1973—.
[4] *Neu 1968, 1970, 1974, 1996; *Neu, Meid 1979.
[5] *Friedrich, Kammenhuber 1975—.
[6] *Kammenhuber 1973—.

хеттского языка, в отдельных выпусках которого обобщен огромный материал по словам, начинающимся с определенных букв (L, M, N, P)[1]. Тишлер издавал детальный этимологический словарь, содержащий очень богатую библиографию[2]; он же опубликовал краткий словарь, подводящий итоги современному знанию хеттской лексики. Оригинальный историко-этимологический словарь хеттского языка, издаваемый отдельными томами, довел уже до середины Яан Пухвель[3]. Молодые русские хеттологи, учившиеся у безвременно умершего Королева, начали издавать серьезные хеттологические работы, стоящие на уровне современных методов. От Польши до Японии во многих научных центрах ведется углубленное изучение хеттских текстов и словаря хеттского языка.

Накопленный в работах последних пяти десятилетий запас хеттской лексики с достоверной индоевропейской этимологией количественно существенно превышает размеры базисного словаря, использованного в первой главе книги. Но основные результаты остаются в силе, так как корневые морфемы, выделяемые в словах, вновь включаемых в базисный словарь, построены по тем же моделям, которые освещены во второй главе книги. Поскольку в диссертации исследована выборка достоверно унаследованных от индоевропейского праязыка слов, содержащих все употребительные типы корневых морфем, основные выводы подтверждаются вновь обнаруживаемым материалом. При расширении материала полученные результаты не меняются, но получают дополнительное подтверждение.

Новый подход может существенно изменить не конкретные выводы, касающиеся корневых морфем хеттского языка и индоевропейского праязыка и их структуры, а возможности восстановления их предыстории и характера их преобразования на ранних этапах распада индоевропейского праязыка. Для возможности решения первой проблемы особенно важны результаты ностратического внешнего сравнения, ставшего возможным благодаря трудам В. М. Иллич-Свитыча и его последователей, создавших целую новую область сравнительно-исторического языкознания, которая получила особенное развитие в работах многих наших лингвистов. Ностратическое языкознание может пролить свет на ранний этап истории анатолийских языков. В лексикостатистических исследованиях С. А. Старостина и его группы подтвердилось с помощью глоттохронологических вычислений высказывавшееся ранее предположение, что хеттский язык отделился от других индоевропейских раньше, чем все другие. Согласно последним лексикостатистическим вычис-

[1] *CHD.
[2] Tischler 1983—.
[3] *Puhvel 1984—.

лениям С. А. Старостина, прерванным его смертью, индоевропейские диалекты отделялись от общего праязыка в последовательности, где первым был хеттский (т. е. северноанатолийский; не исключено, что южноанатолийская группа отделилась несколько позднее), а следующими за ним тохарские (в книге они условно названы «кучанско-карашарскими»). Согласно этому предположению, такие рассматриваемые в книге слова и корни, которые являются общими для хеттского (и других анатолийских языков) и тохарского, могут быть остатками времени совместного существования этих диалектов. Но число таких слов невелико, и поэтому возможны и другие истолкования этих соответствий.

Если говорить об исторической последовательности фиксации индоевропейских диалектов, из них всех ранее представлен древнехеттский язык. По теперь общепринятому мнению, его самым ранним памятником была надпись царя Аниттаса, дошедшая до нас в поврежденных частях древнехеттского текста и копиях более позднего времени. Не исключено, что к той же эпохе староассирийских колоний в Малой Азии, концом которой датируется надпись Аниттаса (XVII в. до н. э.), может относиться создание древнехеттских текстов, прямо связанных с городом Неса (хаттское Каниш), по имени которого и сам язык, который мы зовем хеттским, назывался говорившими на нем «несийским» («неситским»). Собственно «несийских» текстов, упоминающих Несу и «певцов Каниша», сохранилось очень мало. Все они относятся к древнехеттским и архаичны по языку. Но сохранились они в составе архива Богазкёя и поэтому скорее всего представляют собой копии более ранних оригиналов (перенос их из прежнего несийского архива маловероятен). В самой Несе (Канише, соврем. Кюль-Тепе) собственно несийский (раннедревнехеттский) архив пока не найден. Раскопана та часть города, где находились дома староассирийских торговцев. Найденные в них и в других староассирийских колониях в Малой Азии тексты написаны особым пошибом клинописи на староассирийском диалекте аккадского языка, но содержат несийские имена местных жителей (в том числе теофорные, образованные от имен хеттских и лувийских богов), а также отдельные заимствованные слова несийского происхождения, имеющие индоевропейскую этимологию. Древнейшие из этих текстов, судя по новейшим датировкам (радиокарбонным, дендрохронологическим в сочетании с анализом эпонимов), восходят к XXII в. до н. э., т. е. на полтысячелетия древнее самых ранних письменных памятников хеттского языка. Еще более ранние отдельные слова индоевропейского происхождения предполагаются в архиве Эблы (Северная Сирия) в середине III тыс. до н. э. и (по правдоподобной гипотезе Виттакера, принятой пока немногими учеными) в самых ранних текстах Южной Месопотамии, где возможные следы индоевропейского «евфратского» диалекта восходят к концу IV и началу III тыс. до н. э.

С этими предположительными новыми, значительно удаленными в пространстве и времени от позднейшей Европы (куда, по-видимому, индоевропейцы с юго-запада проникают через Балканы и Средиземное море позднее), данными о ранних индоевропейских диалектах согласуется предложенная С. А. Старостиным хронологическая датировка и локализация индоевропейского праязыка, начало распада которого отодвигается к V тыс. до н. э., когда индоевропейцы обитали еще на Древнем Ближнем Востоке. Первым от индоевропейского в этом хронотопе отделяется (северно-)анатолийский диалект, из которого позднее развивается несийский (раннедревнехеттский) язык.

С точки зрения ностратического внешнего сравнения оправданным оказывается вопрос, четко сформулированный в 1979 г. (по отношению к индоуральскому) Б. Чопом [1] и позднее подхваченный Дж. Гринбергом и рядом других ученых: если хеттский язык раньше других отделился от раннего общеиндоевропейского («индо-хеттского» в терминологии Стертеванта) языка, то в таком случае оправданным представляется поиск в нем таких ностратических архаизмов, которые из-за его древности (в плане абсолютной хронологии) могли сохраниться только в нем (и в других анатолийских языках, а в отдельных случаях и в позже отделившемся тохарском), тогда как в других индоевропейских языках они могли исчезнуть.

Из явлений, рассматриваемых в настоящей книге, к таким архаизмам хеттского и анатолийского (кроме отдельных слов, приводимых в Дополнении), принадлежат ларингальные и одна из двух основных серий глагольных форм (в других диалектах отраженная в существенно видоизмененной форме). Некоторые детали, относящиеся к более углубленному изучению предыстории соответствующих явлений, рассматриваются в Дополнении.

Автор надеется, что при дальнейшей разработке этих проблем могут принести известную пользу и материалы, собранные в настоящем исследовании.

[1] Čop 1979.

ВВЕДЕНИЕ

Расшифровка памятников клинописного хеттского (неситского) языка выдающимся чешским востоковедом Бедржихом Грозным и последовавшее за этим открытием интенсивное исследование хеттских текстов имеет исключительное значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. Хеттский язык является единственным индоевропейским языком, представленным многочисленными и разнообразными письменными памятниками, начинающимися с первой половины II тыс. до н. э. Эти памятники намного древнее письменных памятников других ранее известных индоевропейских языков [1].

Знакомство с фактами клинописного хеттского языка сделало необходимым пересмотр многих построений сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков и по-новому осветило ряд важных вопросов, относящихся к древнему периоду их развития. Среди проблем, привлекших внимание лингвистов в связи с использованием данных хеттского языка, одной

---

[1] Ко II тыс. до н. э. многие современные ученые относят создание древнейших гимнов «Ригведы» (для решения этого вопроса в настоящее время большое значение имеет сравнение ведийского языка с отдельными индоарийскими словами, известными из хурритских и хеттских текстов, ср.: *R. T. Ö'Callaghan.* Aram Naharaim. A Contribution to the History of Upper Messopotamia in the Second Millenium B. C. // Analecta Orientalia. XXVI. Roma, 1948), но ведийские гимны были записаны в гораздо более поздний период. Как показали Вентрис и Чедвик, крито-микенские надписи «линеарного письма B» составлены на древнегреческом языке (*M. Ventris, J. Chadwick.* Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives // The Journal of Hellenic Studies. 1953. Vol. 73; ср.: *A. Farumark.* Ägäische Texte in griechischer Sprache // Eranos. 1953. Vol. 51. Fasc. 3/4. S. 103—120), но и эти надписи относятся к более позднему периоду, чем древнехеттские тексты; гипотеза В. Георгиева о том, что и более ранние надписи «линеарного письма A» составлены на греческом языке (*В. Георгиев.* Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954), не может еще считаться доказанной, поэтому можно утверждать, что пока науке неизвестны более древние пространные письменные памятники индоевропейских языков, чем древнехеттские тексты XVII—XVI вв. до н. э.

из наиболее значительных является проблема структуры индоевропейского корня.

Изучение структуры корня имеет существенное значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. Особенности структуры корня должны учитываться при исследовании фонетического и морфологического развития индоевропейских языков [1]. Вместе с тем закономерности фонетического строения корня следует принимать во внимание при этимологических исследованиях [2]; поэтому исследование структуры индоевропейского корня представляет известный практический интерес для составления этимологических словарей индоевропейских языков (большинство словарей, выходивших в последнее время, продолжает оперировать традиционным набором индоевропейских корней, к которым возводятся все незаимствованные слова). Вполне оправданным, следовательно, является внимание, уделяемое этой проблеме в современной лингвистике.

Интерес к этой проблеме усилился в середине XX века — после выхода в свет в 1935 г. исследований польского лингвиста Е. Куриловича [3] и французского языковеда Э. Бенвениста [4], в которых излагались новые теории структуры индоевропейского корня, связанные с использованием материала клинописного хеттского языка. Показательно, что на V Международном лингвистическом конгрессе в Брюсселе в 1939 г. проблеме корня посвящалось первое пленарное заседание [5]. Интерес к этой проблеме не ослабевает и в послевоенные годы, о чем свидетельствует появление специальных монографий и статей, посвященных анализу строения индоевропейского корня [6]. В 1950-е годы значение

[1] Этим объясняется то, что в новейших руководствах по истории отдельных индоевропейских языков изложение особенностей структуры индоевропейского корня предпосылается анализу морфологических явлений, см., напр.: *П. Шантрен.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 9—12.

[2] Ср. замечания А. А. Белецкого о значении «теории фонетического строения простых основ или корневых морфем» для этимологических исследований: *А. А. Белецкий.* Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950. С. 238.

[3] *J. Kuryłowicz.* Etudes indo-européennes. Kraków, 1935.

[4] *E. Benveniste.* Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935 (в дальнейшем сокращенно «Origines»).

[5] В представленном к этому заседанию докладе: *J. Duchesne Guillemin.* Le problème de la racine (5ème Congrès international des linguistes. Deuxième publication. Rapports. Bruges, 1939. P. 7—18) были подведены итоги широкому обсуждению проблемы корня, которое предшествовало конгрессу (см.: 5ème Congrès international des linguistes. Réponses au questionnaire. Bruges, 1939. P. 5—24; Réponses (Suite). Bruges, 1939).

[6] *Th. H. Maurer.* Unity of Indo-European Ablaut System: the Disyllabic Roots // Language. 1947. Vol. 23. № 1/2. P. 1—22; *B. Schwartz.* The Root and its Modification in

исследования закономерностей структуры индоевропейского корня подчеркивается нашими лингвистами. В работах крупнейшего слависта-компаративиста старшего поколения проф. Л. А. Булаховского отмечается, что именно в этой области новые исследования показали все значение сравнительно-исторического метода: как указывает Л. А. Булаховский, «сравнительно-исторический метод в гораздо большей степени, чем можно было думать еще в начале XX в., дает возможность исследовать древнейшую структуру индоевропейских корней» [1]. Выдвинутые Куриловичем и Бенвенистом теории строения индоевропейских корней подвергались критическому рассмотрению в работах наших ученых [2]; в исследовании проф. А. А. Белецкого изучалась проблема фонетического строения индоевропейских корневых морфем на материале древнегреческого языка [3].

Теория строения индоевропейского корня в сравнительно-историческом языкознании конца XIX и XX вв. тесно связана с теорией чередования гласных. Уже древнеиндийские языковеды, внимательно анализируя строение морфологических единиц древнеиндийского языка, создали классификацию корней и их звуковых видов, зависящих от различных ступеней огласовки *dhātu* (корня). Влияние теорий древнеиндийских лингвистов и воздействие взглядов арабских и еврейских ученых, изучавших структуру корня и чередования гласных в корне в семитических языках, сказывалось уже в первых работах языковедов XIX в., касавшихся проблемы структуры корня в индоевропейских языках [4]. Однако несовершенство методов и недостаточность ма-

---

Primitive Indo-European // Language Dissertation № 40 (Supplement to: Language. 1947. Vol. 23. № 1); *K. Ammer.* Studien zur Indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Wien, 1952. Bd. 2. H. 4. P. 193—214; *W. P. Lehmann.* Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952. P. 14—18, 106—107; *C. Hj. Borgström.* Internal Reconstruction of Pre-Indo-European Word-Forms // Word. 1954. Vol. 10. № 2/3 (Linguistics Today). P. 275—287.

[1] *Л. А. Булаховский.* Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина. 2-е изд. М., 1952. С. 235.

[2] *А. А. Белецкий.* Принципы этимологических исследований. С. 21—24, ср. с. 237—238; *А. И. Смирницкий.* К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании // Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 17—18.

[3] *А. А. Белецкий.* Принципы этимологических исследований. С. 238, ср.: *И. М. Тронский.* Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953. С. 101.

[4] Неизмеримо меньшее значение в этой области имела античная традиция. Утверждение о наличии «понятия об однослоговой базе» у Филоксена (*J. Whatmough.* Root and Base in Indo-European // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1943. Vol. 54. P. 10) является безусловным преувеличением, так как Филоксен «до различения корня и суффикса… не доходит» (*И. Тронский.* Проблема языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936. С. 23). Не имеет реальной почвы и утверждение Младенова о наличии теории «корневых расширителей» у Сократа, см.:

териала, находившегося в распоряжении лингвистов первой половины XIX в., препятствовали тому, чтобы в сравнительно-исторической грамматике были сделаны все возможные выводы из теории чередования и классификации корней (в частности, корней *set* и *anit*), намеченной еще древнеиндийскими грамматиками [1]. Впервые эта задача была выполнена в работе Ф. де Соссюра «Исследование о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» [2], которой открывается новый период в истории изучения индоевропейских корней.

Исходя из анализа индоевропейских чередований, Соссюр выдвинул гипотезу о существовании в общеиндоевропейском языке фонем *A*, *Q*. Согласно Соссюру, система индоевропейских чередований была единой: по образцу чередований кратких гласных типа *er* : *r̥* чередование, наблюдаемое при изучении корней с долгим гласным *ē*, Соссюр рассматривал как *eA* : *A*; точно так же *ō* : *ə* Соссюр рассматривал как *eQ* : *Q* [3]. Из этого Соссюр сделал вывод о происхождении индоевропейских долгих гласных из сочетаний кратких гласных с фонемами *A* и *Q*.

Для доказательства своей теории происхождения долгих гласных Соссюр использовал сопоставление VII и IX классов древнеиндийских глаголов. VII класс древнеиндийских глаголов характеризуется вставкой инфикса *na-* < **ne-* перед последней фонемой корня: напр., 1 л. ед. ч. действ. зал. наст. вр.

5ème Congrès international des linguistes. Réponses au questionnaire. P. 7. При всем остром интересе к этимологическому анализу, который проявляли многие древнегреческие ученые (ср.: *А. А. Белецкий.* Указ. соч. С. 25—27), недостаточное понимание принципов морфологического анализа не позволило им создать теорию корня, подобную той, которая имелась у древнеиндийских языковедов.

[1] Эти недостатки сказываются и в тех работах ученых середины XIX в., которые содержат ценные мысли, относящиеся к теории корня. Акад. И. И. Давыдов дал краткую классификацию структурных типов («разрядов») «корней, общих всем славянским наречиям» (Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852. § 63. С. 45). Этот параграф труда акад. Давыдова представляет несомненный интерес как один из первых опытов решения вопроса, до настоящего времени привлекающего внимание славистов (ср., напр., опубликованную через сто лет после выхода в свет грамматики Давыдова статью: *A. Dostál.* K otázce slovotvorných typů, zvláště slovanských // Studie a práce linguistické. I. K šedesátým narozeninám akademika Bohuslava Havránka. Praha, 1954. С. 102—106, где рассматривается эта же проблема). Но в то же время в этом разделе работы И. И. Давыдова имеются такие серьезные ошибки, как употребление термина «буква» вместо «звук» (ср., однако, об их различении: Там же. С. 31. § 24).

[2] *F. de Saussure.* Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes (1879), см.: Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. Heidelberg, 1922.

[3] *F. de Saussure.* Recueil des publications scientifiques. P. 127 (a_1 Соссюра соответствует обычному обозначению *e*).

изъяв. накл. *yu-na-j-mi* ‘Я соединяю’ (корень *yuj*-). IX класс характеризуется присоединением к корню суффикса *nā*, напр., *gṛbh-nā́-mi* ‘я схватываю’ от корня *grabh*-. Согласно гипотезе Соссюра долгий гласный этого суффикса произошел из *-*neA*- > *-*nē*- > др.-инд. -*nā*-; на этом основании Соссюр считает возможным признать IX класс древнеиндийских глаголов разновидностью VII класса [1]. Инфикс *-*ne*- вставлялся перед последней фонемой **A* корня *gerbhA*, что давало форму **gṛbh-ne-A*- > **gṛbhnē*- > др.-инд. *gṛbhnā*-.

Сходным образом Соссюр доказывает и происхождение так наз. «долгих сонантов» (существование которых было независимо от Соссюра установлено акад. Ф. Ф. Фортунатовым) из сочетаний сонантов с фонемой *A* [2]. Фонема *A* используется Соссюром также для объяснения истории корней *set* (типа *jani*-), в конечном звуке которых Соссюр предполагает отражение этой фонемы [3], а также и для решения некоторых других вопросов, в том числе вопроса о происхождении глухих смычных придыхательных: *th* < **t* + *A* по Соссюру [4]. На основании гипотезы о существовании фонем *A*, *O* Соссюр построил оригинальную теорию структуры индоевропейского корня, оказавшую большое влияние на все последующие теории.

В том понимании фонем *A* и *O*, которое было изложено Соссюром, имелась, несомненно, сознательная абстрактность: в частности, оставался не определенным фонетический характер этих единиц. Эти стороны теории Соссюра подчеркиваются такими учеными, как Ельмслев, который пробует изобразить Соссюра уже в первый период его деятельности в качестве предшественника

---

[1] *F. de Saussure.* Указ. соч. P. 224. В соответствии с теорией Соссюра излагает вопросы инфиксации А. Мейе: Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. С. 231 (в дальнейшем «Введение»). Бенвенист (*Benveniste.* Origines. P. 159—163) предлагает иное понимание этих явлений, отличающееся от концепции Соссюра тем, что древнейшей формой инфикса Бенвенист считает *-*n*- (а не *-*ne*-), ср. ниже в § 8, 17, 45, 47 настоящей работы о носовом инфиксе -*nin*-, -*n*- в хеттском языке. Ср. также критические замечания о гипотезе Соссюра в статье: *P. Thieme.* Beiträge zur Vedaexegese. I. Die beiden Verben *mī* // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, 1941. Bd. 95. S. 103.

[2] Ср. чрезвычайно высокую оценку этой части теории Соссюра в книге: *В. А. Богородицкий.* Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. 2-е изд. Казань, 1917. С. 22—23.

[3] Значение этого открытия Соссюра признается даже теми учеными, которые отрицают другие положения Соссюра, ср., напр., показательную в этом отношении статью: *F. Specht.* Die «indogermanische» Sprachwissenschaft von der Junggrammatikern bis zum ersten Weltkriege // Lexis. Bd. 1. 1948. S. 237—238 (в статье Шпехта подчеркивается связь теории Соссюра с классификацией корней в древнеиндийской науке о языке).

[4] См. отчет о докладе, прочитанном Соссюром в 1891 г., воспроизведенный в: Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. P. 603.

современной глоссематики. Согласно Ельмслеву, Соссюр в исследовании индоевропейского вокализма стремился только к тому, чтобы дать условное внеисторическое максимально простое описание индоевропейской системы независимо от анализа конкретных звуков и от данных отдельных языков [1] (см. об этом ниже, гл. II, § 89) [2]. Эти утверждения модернизируют тот период истории языкознания, так как Соссюр в своей ранней работе выступает в качестве исследователя истории языка; именно применение сравнительно-исторического метода в сочетании с пониманием языка как системы позволило Соссюру сделать в своем исследовании очень ценные выводы [3]. Недостаточная ясность в фонетическом определении *A* и *Ọ* в работе Соссюра объяснялась прежде всего тем, что ему не были известны факты, необходимые для решения этого вопроса. Эти факты, ставшие известными лишь в настоящее время, заставляют внести существенные поправки в понимание *A* и *Ọ*: данное Соссюром определение этих единиц как «сонантических коэффициентов» не подтверждается фактами хетто-лувийских и других индоевропейских языков (см. ниже, глава II, § 90). Но в то же время следует подчеркнуть, что именно факты хеттского языка, которые стали известны через несколько десятилетий после выхода в свет монографии Соссюра, подтверждают ряд выдвинутых им положений, в частности положение о происхождении *ā* долгого из сочетания гласного с фонемой **H* [4] (ср. **A* де Соссюра) и положение о происхождении долгих сонантов из сочетаний сонантов с той же фонемой (см. ниже, гл. II, § 89—90). Это имеет существенное значение не только для решения конкретных вопросов, объяснявшихся с помощью гипотезы Соссюра, но и для теории сравнительно-исторического языкознания. Как указывает член-корреспондент АН СССР А. А. Фрейман, «подтверждение этой гипотезы на хеттском материале свидетельствует… о плодотворности методологически правильно поставленного теоретического лингвистического исследования, которое дает возможность постулировать положения, оправдывающиеся впоследствии на фактах» [5].

---

[1] *Л. Ельмслев.* Метод структурного анализа в лингвистике // Acta linguistica. Copenhague, 1950—51. Vol. 6. № 2/3. С. 60.

[2] Здесь и далее в тексте в скобках указываются параграфы настоящей работы.

[3] См. общую характеристику метода ранних работ Соссюра, данную Р. А. Будаговым: *Р. А. Будагов.* Из истории языкознания (Соссюр и соссюрианство) // Материалы к курсам языкознания / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. М., 1954. С. 4—6.

[4] В настоящей книге индоевропейская фонема, к которой восходит хет. *ḫ*, обозначается посредством знака **H*, предложенного Педерсеном и принятого многими современными лингвистами (см. ниже, § 90).

[5] *А. А. Фрейман.* Хеттский язык в его отношении к индоевропейским // ИАН ОЛЯ. 1947. Т. 6. Вып. 3. С. 208. В качестве примера аналогичного исследования

Все значение гипотезы Соссюра о фонемах *A* и *Q̣* и основанной на ней теории корня раскрылось только после того, как были изучены данные хеттского языка. Но уже в последней четверти XIX в. и в начале XX в. некоторые ученые (Меллер, Кюни, Педерсен) приняли эту теорию. Хольгер Педерсен в своих ранних работах связал проблему **A* с вопросами изучения истории общеиндоевропейского языка [1]. Меллер в первой своей статье, посвященной проблеме *A* Соссюра, дал фонетическую интерпретацию *A* и *Q̣* (к которым он прибавил *E* для объяснения $\bar{e} < e + E$ подобно $\bar{a} < e + A$ и $\bar{o} < e + Q$), отличную от гипотезы Соссюра: согласно Меллеру, *A*, *E* и *Q̣* являются шумными согласными, а не сонантами [2]. Позднее Меллер предположил, что эти согласные родственны семитическим ларингальным. Дальнейшие исследования Меллера [3] и его ученика Кюни [4] (в меньшей степени также и ранние работы Педерсена) занимают особое положение среди других исследований, посвященных фонемам *A* и *Q̣*, потому что названные ученые исходили из гипотезы о родст-

можно указать на анализ тройственной системы грузинских смычных, благодаря которому Е. Д. Поливанов в 1925 г. (Краткая классификация грузинских согласных // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. № 8. Ташкент, 1925. С. 115—116) и независимо от него в 1938 г. Г. С. Ахвледиани (см.: *Г. С. Ахвледиани.* Две системы гармонических смычных в грузинском языке // Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951. С. 113—116) предположили, что единственный смычный, стоящий особняком, — фарингальный абруптив *g* — некогда был членом шестой тройки смычных, два других члена которой спирантизировались, впоследствии эта теория была подтверждена путем привлечения данных родственных картвельских (в частности сванского) языков (см.: *Г. С. Ахвледиани.* Указ. соч. С. 114—115). Ср. также другие указанные в настоящей книге случаи подтверждения фактами хеттского языка гипотез, высказанных ранее на основе сравнительно-исторического исследования других индоевропейских языков (см. ниже).

[1] См.: *H. Pedersen.* Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Bd. I. Göttingen, 1909. S. 177 и след. Роль ларингальной гипотезы для установления относительной хронологии развития общеиндоевропейского языка и его диалектов позднее подчеркивалась Куриловичем, Бенвенистом и многими другими современными лингвистами.

[2] *H. Möller.* Englische Studien. 3. Halbronn, 1879. C. 151, примечание: «Diese wurzelhaften Elemente werden als konsonantisch... aufzufassen sein». См. о фактах, подтверждающих эту гипотезу, ниже, § 89—90.

[3] Меллер посвятил этой проблеме ряд работ, подытоженных в монографии: Die semitisch-vorindogermanischen laryngalen Konsonanten. København, 1917.

[4] Результаты многочисленных работ Кюни о «ларингальных» кратко изложены в его последней книге: *A. Cuny.* Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-sémitiques. Ch. VIII: Les laryngales «nostratiques» en chamito-sémitique et en indo-européen. Paris, 1946. P. 133—145 (обширное предисловие к этой книге почти целиком посвящено вопросу о структуре корня).

ве семитических и индоевропейских языков. Опираясь на эту гипотезу, Меллер высказал ряд положений, которые в работе Соссюра отсутствовали. Согласно Меллеру, эти звуки были ларингальными; их число было больше двух (три ларингальных предполагаются в первых работах Меллера, пять ларингальных — в более поздних работах); ларингальные могли изменять качество корневого **e* в **a* и **o*; каждый индоевропейский корень начинался с согласного; после исчезновения начального ларингального образовались корни с начальным гласным. На основании этих гипотез Меллера его последователь А. Кюни в 1912 г. высказал предположение о том, что все индоевропейские корни принадлежат к одному и тому же структурному типу: согласный + гласный *e* (чередующийся с другими ступенями огласовки) + согласный [1]. Для строгого доказательства этих теорий Меллера и Кюни необходимо было бы прежде всего обосновать предположение о родстве семитических и индоевропейских языков, на котором основаны эти теории. Но гипотеза о родстве этих языковых семей остается предметом дискуссии; в настоящее время она не может еще считаться доказанной [2]; эту гипотезу не признают и многие современные ученые, в работах которых сказывается влияние указанных выше положений Меллера и Кюни. Не случайно поэтому наиболее спорными в работах этих современных ученых являются те положения, которые Меллер обосновывал сравнением индоевропейских языков с семитическими, напр. положение об обязательности согласного в начале корня (ср. ниже, гл. II, § 90). Следует подчеркнуть принципиальное различие между теорией Меллера, которая основана на фактах семитических языков и достоверность которой зависит поэтому от решения спорного вопроса о родстве индоевропейских языков с семитическими, и теорией Соссюра, которая опирается на сравнительно-исторический анализ фактов индоевропейских языков и может быть подтверждена (в существенной своей части, см. § 89—90) и уточнена благодаря использованию фактов одного из древних индоевропейских языков — хеттского (и других хетто-лувийских языков).

---

[1] *A. Cuny.* Notes de phonétique historique: indo-européen et sémitique // Revue de phonétique. II. 1912. P. 101. Ср. о связи этой гипотезы с теорией корня Бенвениста: *J. Duschesne-Guillemin.* Le problème de la racine // 5ème Congrès international des linguistes. Rapports. Bruges, 1939. P. 10, см. также замечание: *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1947. Vol. 56—57. P. 173: «This is, in a small compass, an anticipation of Benveniste's theory of the Indo-European Root».

[2] Ср., напр., категорическое утверждение акад. В. Георгиева: «Индоевропейските и семитските езикови групи не са сродни помежду си» (*В. Георгиев.* Сравнителноисторическият метод и маровият четириелементен анализ // Въпроси на езикознанието в сталинско осветление. София, 1951. С. 79).

Значение фактов клинописного хеттского языка для доказательства гипотезы Соссюра было впервые установлено в 1927 г. выдающимся польским лингвистом Куриловичем, показавшим, что хеттское *ḫ* в ряде слов с индоевропейской этимологией может быть возведено к *A* де Соссюра, которое Курилович называет «согласным *ə̯*» [1]. Теория «согласного *ə̯*» (= *A*, *O*, *E*) была затем изложена Куриловичем в ряде статей (1927—1937 гг.) и в его монографии «Индоевропейские исследования» [2]. Курилович показал, что сочетание *-aḫ-* в ряде хеттских слов и морфем соответствует долгому *ā* в других индоевропейских языках; сочетание сонорного с последующим *ḫ* в хеттских корнях Курилович сопоставил с отражением так называемых «долгих сонантов» в других индоевропейских языках. Таким образом, открытие Куриловича подтвердило ряд положений теории Соссюра.

В решении некоторых вопросов Курилович ближе к Меллеру, чем к Соссюру. «Согласный *ə̯*» Курилович считает несонантическим согласным, что соответствует фактам хеттского языка (см. ниже, § 89—90). Некоторые хеттские слова, начинающиеся с *ḫ*, соответствуют словам других индоевропейских языков с начальным гласным (§ 89). Курилович увидел в этом подтверждение гипотезы Меллера об обязательности начального согласного в каждом индоевропейском корне, хотя фактами хеттского языка эта гипотеза во всем ее объеме не может быть доказана (см. о хеттских корнях типа *eš-*, *ed-* ниже, § 90). Курилович принимает существование трех *ə̯*, влияющих на качество *e*: *ə̯*$_1$ = *E* Меллера, *ə̯*$_2$ = *A* Соссюра, *ə̯*$_3$ = *O* Соссюра; из них в хеттском языке, по Куриловичу, отражено *ə̯*$_2$ > *ḫ*, влиянием которого Курилович объясняет появление *ā* < *eə̯*$_2$; *ă* < *ə̯*$_2$*e* (или **ə̯*$_2$*o*) (для объяснения *a* в хеттских словах, где *ḫ* отсутствует, Курилович, с некоторыми оговорками, выдвигал в 1935—1937 гг. гипотезу о существовании *ə̯*$_4$, исчезнувшего в хеттском языке, ср. § 89).

При рассмотрении теории Куриловича и его последователей необходимо разграничивать те положения, которые основаны на фактах хеттского языка

---

[1] *J. Kuryłowicz.* *ə* indo-européen et *ḫ* hittite // Symbolae Grammaticae in Honorem Ioannis Rozwadowski. 1. Kraków, 1927. P. 95—104. Независимо от Куриловича к аналогичному выводу пришли Кюни и Куврер.

[2] *J. Kuryłowicz.* Etudes indo-européennes. I. Kraków, 1935. P. 27—76; II: Sur les éléments consonantiques disparus en indo-européen (с указанием более ранних работ Куриловича на ту же тему), см. также: *J. Kuryłowicz.* L'indo-européen connaissait-il *A* à côté de *O*? // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken. Paris, 1937. P. 199—206; *J. Kuryłowicz.* Quelques problèmes de consonantisme indo-européen // Prace Filologiczne. 17. Lwów, 1937. P. 90—96. В более поздних работах Куриловича теория **ə̯* специально не рассматривается, хотя она и привлекается при изучении некоторых других вопросов, см., напр.: *J. Kuryłowicz.* Réflexions sur l'apophonie qualitative en indo-européen // Word. 1950. Vol. 6. № 3. P. 207—208; *J. Kuryłowicz.* L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952. P. 14, 72 и др.

(теория о происхождении долгого *ā* и долгих сонантов из сочетаний с *ə̯*), и гипотезы, восходящие к тем идеям Меллера и Соссюра, которые непосредственно фактами хеттского языка не доказываются: предположения об обязательности начального согласного корня, о влиянии *ə̯* на качество корневого гласного **e*/*o* и связанное с этим последним предположением допущение нескольких *ə̯* (три *ə̯* в первых работах Куриловича, четыре *ə̯* в некоторых более поздних работах). Для доказательства этих положений (а также и для объяснения с помощью «теории согласного *ə̯*» таких явлений, как возникновение индоиранских глухих смычных придыхательных и протетического гласного в древнегреческом языке) Курилович использует целый ряд фактов древнеиндийского и древнегреческого языков: явления метрики, подтверждающие двусложность многих форм, где, по его мнению, исчезло *ə̯* между гласными; особенности редуплицированных форм и сложных слов, где долгота гласного может быть объяснена воздействием *ə̯*. Но по отношению к таким явлениям не всегда можно с достаточной точностью отличить архаические явления от более новых, как признает сам Курилович [1]. Остается неясным во многих случаях, объясняет ли Курилович явления стяжения и зияния в древнеиндийском и древнегреческом непосредственным воздействием *ə̯* или же более поздними аналогичными процессами после исчезновения *ə̯*. При всей ценности идей, высказанных Куриловичем по отношению к фактам древнеиндийского [2] и древнегреческого языков, эти положения Куриловича и основанные на них теоретические выводы нельзя не признать значительно более гипотетическими, чем выводы, сделанные Куриловичем на основании изучения фактов хеттского языка [3]. Именно то обстоятельство, что теория Куриловича — «ларингальная гипотеза» [4] — опиралась в существенной своей части на фак-

[1] См.: *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. P. 32 (об аттическом удвоении как греческой архаической инновации), p. 35 (о трудности различения архаизма и имитации архаизма), примеч. 1, p. 34 (о правиле vocalis ante vocalem corripitur как о возможном распространении доисторической нормы на разговорный язык).

[2] Развитие идей Куриловича применительно к фактам древнеиндийского языка см. в работах: *F. B. Kuiper.* Notes on Vedic Noun-Inflexion // Mededeelingen der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen. Afdeeling letterkunde. Nieuwe Reeks. Deel 5. № 4. Amsterdam, 1942; *F. B. Kuiper.* Traces of Laryngeals in Vedic Sanskrit // India antiqua. Leyden, 1947. P. 198—212.

[3] См. критические замечания в статье: *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1947. Vol. 56/57. P. 161—232, особенно p. 178—180 и p. 200—206. Ср. также ниже, в § 90, об объяснении Куриловичем ведийских форм типа *dvīpa*.

[4] Термин «ларингальный» в общепринятых выражениях «ларингальная гипотеза (или теория)» и «ларингальный» (название *ə̯* Куриловича = **H* Педерсена) является условным (о фонетической характеристике **H* см. § 89—90), однако ввиду того, что

ты хеттского языка, в котором *ḫ* реально засвидетельствовано, обусловило принятие этой теории большинством индоевропеистов и хеттологов [1].

После работ Куриловича ларингальная гипотеза стала одной из центральных проблем сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков [2]. В многочисленных работах, посвященных этой проблеме [3], ларингальная гипотеза используется для освещения различных вопросов истории общеиндоевропейского языка и его диалектов. Особое значение ларингальная гипотеза имеет для теории индоевропейского корня. Выводы, которые можно извлечь из разработанной Куриловичем теории *ə̯* в применении к проблеме структуры корня, были сформулированы Куриловичем и Бенвенистом в работах, опубликованных в 1935 г. Если Бенвенист в главе о структуре корня пишет, что ларингальная гипотеза создает необходимые предварительные условия для любой реконструкции индоевропейской формы[4], то и Курилович говорит о неожиданном свете, который эта гипотеза проливает на структуру индоевропейского корня [5]. Как Бенвенист, так и Курилович используют ларингальную гипотезу для объяснения трех структурных типов корней: корней с долгими гласными, корней *set* и корней, начинающихся на гласный. Корни с долгими гласными объясняются как корни, в которых имелись древние сочетания краткого гласного с ларингальным; корни *set* рассматриваются как разновидность корней *anit* (но при этом для Бенвениста эти корни *set* представляются с исторической точки зрения двучленными морфологическими образованиями); корни, начинающиеся на гласный, рассматриваются как корни, начинавшиеся с «ларингального». Эти положения с теми или иными

эти термины приняты в настоящее время всеми специалистами, в данной книге используется общепринятая терминология.

[1] Характерно то, что постепенно лингвисты, не признававшие эту теорию, становятся ее сторонниками, ср., напр.: *J. Friedrich.* // JAOS. Vol. 73. № 2. 1953. P. 107.

[2] Ср. замечания об этом в статьях А. В. Десницкой (*А. В. Десницкая.* О хеттском языке // *И. Фридрих.* Краткая грамматика. С. 35); Л. Згусты (*L. Zgusta.* La théorie laryngale // AOr. 1951. Vol. 19. № 3/4. P. 428); А. Мартине (*A. Martinet.* Рецензия на: Lehmann. Proto-Indo-European Phonology // Word. 1953. Vol. 9. № 9. P. 286) и ряда других ученых.

[3] Перечень этих работ см. в указанной выше статье: *L. Zgusta.* P. 420—437; см. также *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. P. 20—22; добавления у *L. L. Hammerich.* Laryngeal before a Sonant // Meddelelser. København, 1948. Bd. 31. № 3. P. 65. Из работ начала 50-х годов XX в. следует отметить статьи Коллинджа (*Collindge* // Archivium linguisticum. 1953; см. ниже, § 90) и Поломэ (*E. Polomé* // Language. 1952. № 4; Revue belge de philologie et d'histoire. 1952).

[4] *Benveniste.* Origines. Ch. IX: Esquisse d'une théorie de la racine. P. 148.

[5] *J. Kuryłowicz.* Etudes indo-européennes. P. 28.

видоизменениями повторяются почти во всех новейших работах, посвященных структуре индоевропейского корня. Теория структуры индоевропейского корня в настоящее время неразрывно связана с ларингальной гипотезой [1]. Именно поэтому хеттский язык приобретает особое значение для изучения структуры индоевропейских корней, так как ларингальная гипотеза опирается в первую очередь на данные хеттского языка.

В работах наших лингвистов, опубликованных в 1950-х годах (в частности, в ряде статей Б. В. Горнунга) [2], подчеркивалось, что для теории строения индоевропейских корней особое значение имеет ларингальная гипотеза, основанная на фактах хеттского языка, которые должны быть использованы «для совершенно необходимых поправок в прежних реконструкциях, в частности в учении о строении древнейших индоевропейских корней» [3]. А. В. Десницкая отмечает, что «хотя в так называемой “ларингальной теории” многое еще подлежит уточнению и дальнейшей разработке, не может быть сомнения в том, что при опоре на хеттские языковые данные изучение закономерностей древнейшей структуры слова в индоевропейских языках стало на несравненно более твердую почву» [4].

Тщательный анализ данных хеттского языка необходим и для уточнения и дальнейшей разработки ларингальной гипотезы, и для проверки связанных с ней теорий строения корня. В работах многих современных лингвистов-компаративистов не делается должного различия между теми положениями

---

[1] Кронассер в этой связи пишет о «die weiteren zahlreichen Modifikationen der Saussüreschen Wurzeltheorie unter dem immer mehr irreführenden Namen «Laryngaltheorie» («дальнейших многочисленных видоизменениях соссюровской теории корня под названием “ларингальная теория”, которое все более вводит в заблуждение»): *H. Kronasser.* Structural Linguistics und Laryngal-theorie // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 56.

[2] *Б. В. Горнунг.* К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков // ИАН ОЛЯ. 1950. Т. 9. Вып. 5. С. 347, примеч. 34; *он же.* О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков // Тез. докл. научн. сотр. Ин-та языкознания на объединенной сессии Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР. М., 1951. С. 38. Ср. также замечания о необходимости разработки ларингальной гипотезы и изучения фактов хеттского языка в статье: *Б. А. Серебренников.* Проблемы сравнительно-исторического метода и происхождение языковых семей // Докл. и сообщ., прочитанные на научной конференции по языкознанию, июнь 1951 г. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1952. С. 222—223.

[3] *Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров.* Проблема образования и развития языковых семей // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 58.

[4] *А. В. Десницкая.* Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков // Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 571.

ларингальной гипотезы, которые могут быть проверены на фактах хеттского языка, и теми идеями Соссюра, Меллера, Куриловича и их последователей, которые до настоящего времени остаются гипотетическими. Более того, для целого ряда исследований в области ларингальной гипотезы характерно увлечение чисто гипотетическими построениями в ущерб конкретно-историческому анализу фактов. В этом отношении от большинства исследований по данному вопросу отличаются труды Педерсена [1] и некоторых других следующих за ним ученых (в особенности Хендриксена) [2]. Педерсен отрицает существование двух из четырех гипотетических ларингальных [3]. Третий ларингальный (∂_3) Куриловича отрицается потому, что в формах типа греч. *δίδωμι* ʻдаю' *ō* может быть не основной ступенью чередования, а ступенью *ō*, находящейся в качественном чередовании с **ē* основной ступени [4], т. е. качество *ō* здесь может не быть связано с воздействием ∂_3. Педерсен и следующие за ним ученые справедливо указывают также на недостаточность материала, который используется для доказательства существования ∂_4 (см. ниже, § 89). Педерсен отрицает и гипотезу об обязательности начального согласного корня. Но даже и в работах Педерсена сохраняются некоторые теоретические положения, не находящие подтверждения в реальных фактах: Педерсен считает *ə* слогообразующей формой ∂ (*Ḥ* в его обозначении); но Педерсен не объясняет, каким образом ларингальный звук мог стать слогообразующим [5].

Необходимо отметить, что те исследования по ларингальной гипотезе, в которых применяются наиболее строгие методы критической проверки этой гипотезы, сравнительно мало используются в работах о структуре индоевропейского корня. На крайне гипотетический характер многих исследований, посвященных ларингальной гипотезе и основанным на ней теориям структуры корня, обращали внимание в 1950-е гг. современные лингвисты, указывающие на то, что только детальный анализ конкретных фактов хеттского

[1] См.: *H. Pedersen.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. Kbh., 1938. Ср. также рецензию Педерсена на книгу: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] // Language. 1953. Vol. 29. № 1. P. 95.

[2] *Hendriksen.* Untersuchungen. 1941.

[3] Различие между двумя другими ларингальными предполагается на основе гипотезы о влиянии **H_2* на качество гласного *e*; те лингвисты (напр., Згуста), которые отрицают влияние ларингального на качество гласного, приходят к признанию только одного ларингального (см. § 89—90).

[4] См.: *Pedersen.* Hittitisch. P. 180; *Hendriksen.* Untersuchungen. P. 89. Для доказательства этого положения используется отражение *ā* в лат. *dās* ʻты даешь' и лит. *dovana* ʻдар' (латыш. *dāvana*).

[5] См. в § 90 о трактовке этой проблемы в новейших работах по ларингальной гипотезе (в частности, в работе Коллинджа).

языка и других древних индоевропейских языков Малой Азии может внести необходимую ясность в эти проблемы [1].

Для разработки теории индоевропейского корня необходимо не только применение проверенных на конкретных фактах положений сравнительно-исторической фонетики, но и четкое понимание соотношения морфологических и фонетических явлений.

В России очень много ценного в этой области было сделано представителями Казанской лингвистической школы, в первую очередь И. А. Бодуэном де Куртенэ. И. А. Бодуэн де Куртенэ обращал внимание на значение проблемы «фонетическо-морфологической изменяемости корня» [2] и отмечал при этом в качестве явления, характерного для «ариоевропейского» (индоевропейского) корня, развитие в корнях чередований «как морфологического средства» [3].

Еще ранее (в 1867 г.) профессор Московского университета А. Л. Дювернуа высказал по отношению к индоевропейскому корню чрезвычайно важное положение, согласно которому «фонетический состав корня условливается взаимоотношением корня с элементами образовательными» [4]. Этот принцип, который В. А. Богородицкий формулирует как закон, согласно которому «определенные суффиксы связаны лишь с определенным видом корня» [5], был обоснован в исследовании Соссюра об индоевропейской системе гласных и позднее в работах Мейе [6], имеющих особое значение для теории корня.

Исследуя структуру индоевропейского корня, Мейе исходил из понимания корня как одной из важнейших морфологических единиц общеиндоевро-

---

[1] См.: *H. Kronasser.* Structural Linguistics und Laryngaltheorie. S. 70, 57, ср. также замечания о ларингальной гипотезе в статье: *A. Kammenhuber.* Studien zum hethitischen Infinitivsystem // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1954. Bd. 2. H. 1.

[2] Подробная программа лекций И. А. Бодуэна де Куртенэ в 1876—1877 учебном году. Казань; Варшава, 1878. С. 150.

[3] Там же. С. 152. Ср. также многочисленные более поздние работы И. А. Бодуэна де Куртенэ (и Н. В. Крушевского) по теории чередований, подытоженные в монографии: *J. Baudoin de Courtenay.* Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Strassburg, 1895.

[4] *А. Л. Дювернуа.* Об историческом наслоении в славянском образовании. М., 1867. С. 202. Данное положение было сформулировано независимо друг от друга несколькими русскими и западноевропейскими учеными.

[5] *В. А. Богородицкий.* Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. 2-е изд. Казань, 1917. С. 72.

[6] Ср.: *В. А. Богородицкий.* Там же. С. 72, примеч. 1. В. А. Богородицкий называет данный закон «фонетико-морфологическим», ср. выше об употреблении этого термина по отношению к индоевропейскому корню в ранних работах И. А. Бодуэна де Куртенэ.

пейского языка. Мейе показал, что корень в общеиндоевропейском языке был реальной величиной, так как «у большинства корней были именные и глагольные формы с нулевым суффиксом, постепенно исчезавшие по мере развития отдельных диалектов, но представлявшие существенный элемент в общеиндоевропейском; корень, следовательно, сам по себе и без присоединения суффикса выступал как основа, т. е. являлся конкретной реальностью» [1]. Мейе указывал на то, что для понимания роли корня в общеиндоевропейском языке существенно не только наличие корневых имен и корневых глаголов, выступавших в качестве «корней-основ» [2], но и характерное для системы индоевропейского глагола наличие ряда независимых основ, связанных непосредственно с корнем [3].

---

[1] *А. Мейе.* Введение. С. 169. Признавая правильность этого положения Мейе, следует вместе с тем отметить, что в понимании корневых слов у Мейе имелись стороны, связанные с его социологическими воззрениями. Мейе предполагал, что корневые слова обозначали «внутреннюю силу, присущую действию» (*Мейе.* Введение. С. 169, 268), с чем он связывал и возможность их культовой значимости (ср. анализ этих взглядов Мейе в статье: *А. В. Десницкая.* К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1949. Вып. 14. № 97. С. 105—139). На основании этой недостаточно обоснованной характеристики, иллюстрируемой лишь двумя-тремя примерами, Мейе утверждал, что именно по корневым словам можно судить о высоком уровне духовной культуры «индоевропейской аристократии», см.: *A. Meillet.* Sur l'état actuel de la grammaire comparée // Linguistique historique et linguistique générale. T. 2. 1932. P. 165. Это утверждение, связанное с его пониманием общественного строя носителей индоевропейского праязыка, является более чем спорным. Но анализ грамматических особенностей корневых слов в связи с проблемой индоевропейского корня, данный в работах Мейе, имеет большое значение.

[2] Ср. о «корнях-основах» исследование: *А. П. Погодин.* Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.

[3] *Мейе.* Введение. С. 428, ср.: *E. Benveniste, J. Vendryes* // Les langues du monde. 2ème éd. Paris, 1952. P. 11. Ср. характеристику древних общеиндоевропейских основ настоящего времени, перфекта и аориста как «самостоятельных глагольных лексем, образованных от одного и того же корня» в статье: *П. С. Кузнецов.* К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. 2. М., 1953. С. 228, 250, см. также: *П. С. Кузнецов.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1953. С. 211—212. Значение корня подчеркивается специалистами и по отношению к неиндоевропейским языкам, в которых имеется разветвленная система независимых глагольных основ, соотносимых непосредственно только с корнем, ср., напр.: *J. Lukas.* Die Spache der Tubu in der Zentralen Sahara. Berlin, 1955 (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientsforschung. Veröffentlichung. № 14). P. 59—62.

Характерной чертой индоевропейских корней Мейе (вслед за Соссюром) признает строгую регулярность их форм [1]. Структура корня и чередования корневых гласных исследуются Мейе в связи с рассмотрением принципов индоевропейской морфологии [2]; вопрос о структуре корня для Мейе является частью вопроса о форме морфологических единиц общеиндоевропейского языка. Установив особенности фонетической структуры корня, Мейе затем использовал их при морфологическом анализе, но фонетический критерий никогда не становился для него самодовлеющим. В этом отношении работы Мейе отличаются от исследований многих современных лингвистов, дающих фонетическое определение индоевропейского корня.

Истоки современных теорий, в которых корень рассматривается прежде всего с фонетической точки зрения, можно видеть в трудах таких ученых начала XX в., как Хирт и его последователи. В работах Хирта изучение структуры корней — морфологических единиц языка — сменилось исследованием древнейших «баз» [3]. Связь изучения структуры морфологических единиц с теорией чередований при отсутствии правильного теоретического освещения этих вопросов приводила к тому, что «база» становилась фонетической абстракцией, принимавшейся лишь для объяснения происхождения чередований гласных [4].

Вместе с тем с конца XIX в. развивается теория «расширителей корня» («детерминативов»), показавшая, какие трудности связаны с морфологическим анализом индоевропейских основ, состав которых подвергался значительным изменениям уже в древние эпохи. Несмотря на значительные успехи, достигнутые в области изучения «детерминативов» [5], оставалось неясным древнейшее морфологическое членение многих основ, выступающих в от-

---

[1] *Мейе.* Введение. С. 203, ср.: *F. de Saussure.* Cours de linguistique générale. 2ème éd. Paris, 1922. P. 316.

[2] *Мейе.* Введение. Гл. 4.

[3] Ср. замечания по этому вопросу в труде: *K. Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. Strassburg, 1906. S. 10, примеч. 1. Наложение взглядов ученых школы Хирта на индоевропейские «базы» и критику теории корня см.: *H. Hirt.* Indogermanische Grammatik. Bd. II, III; *H. Hirt, H. Arntz.* Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939.

[4] Большинство «баз» Хирта было чисто гипотетическими, что многократно отмечалось в работах русских ученых школы акад. Ф. Ф. Фортунатова. См. об этом также: *W. P. Lehmann.* Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952. P. 16; *F. Specht.* Die «indogermanische» Sprachwissenschaft von den Junggrammatikern bis zum ersten Weltkriege // Lexis. Glückstadt, 1948. Bd. I. S. 239, 252, ср. в указанной работе Шпехта о связи теорий Хирта и Куриловича.

[5] Особое значение имели работы шведского лингвиста Перссона (*P. Persson.* Studien zu Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. 1891; *P. Persson.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. T. 2. Uppsala, 1912).

дельных индоевропейских языках в качестве непроизводных, это также благоприятствовало появлению теорий, согласно которым выделение древних корней могло быть осуществлено на основании фонетических критериев.

Чисто фонетическое определение индоевропейского корня было предложено в 1935 г. Куриловичем. Согласно Куриловичу, «корень является понятием чисто фонетическим» [1].

По мысли Куриловича, всякая начальная часть слова, удовлетворяющая определенным фонетическим требованиям, должна считаться корнем. Предлагая такое определение корня, Курилович указывает, что это определение позволяет избегать рассмотрения спорного вопроса о детерминативах [2]. На практике, однако, Куриловичу на протяжении своего исследования неоднократно приходится обращаться к понятию «детерминатива» [3], которое приобретает в его изложении весьма неопределенный характер. Детерминативы рассматриваются им то как морфологические элементы, то как чисто фонетические [4]. Чисто фонетическое понимание Куриловичем корней и детерминативов побуждает его при изучении морфологических вопросов ввести дополнительное понятие «комплекса», частным случаем которого является корень [5]. На практике Курилович почти не использует фонетическое определение корня: для иллюстрации своей схемы классификации индоевропейских корней Курилович пользуется ведийскими корнями, приводимыми согласно Уитни [6]. Если в некоторых случаях можно оспаривать правильность морфологического анализа в работе Уитни [7] (широко использовавшего древнеиндийскую традицию), то все же не подлежит сомнению, что Уитни (как и древнеиндийские языковеды) исходил из морфологических принципов определения корня. Таким образом, фонетическое определение корня у Куриловича остается в значительной степени декларативным. То, что, классифицируя корни, Курилович анализировал структуру реальных морфологических единиц, положительно сказывается на результатах его исследований в области структуры корня (см. в главе II настоящей работы о ценности данной Куриловичем

[1] *Kuryłowicz.* Études indo-européennes. P. 122.

[2] Там же. P. 122.

[3] Там же. P. 13, 14, p. 31, примеч. 1, p. 125, 134, 135, 231.

[4] См., напр., там же. P. 134, 231, замечание о детерминативе, единственное назначение которого состоит в превращении «легкой» формы корня в тяжелую.

[5] Там же. P. 133. «Комплексы» Куриловича во многих отношениях близки к «базам» Хирта и его школы.

[6] Там же. С. 126—128.

[7] *W. D. Whitney.* The Roots, Verb-Forms and Primary Derivatives of the Sanskrit Language. Delhi, 1963 (работа, содержащая список корней древнеиндийского языка с указанием важнейших форм, от них образованных).

классификации «легких» и «тяжелых» корней). Курилович, для лучших работ которого характерно правильное понимание соотношения фонетических и морфологических явлений, не мог не понять бесплодность чисто фонетического определения корня. Уже через 4 года после выхода в свет «Индоевропейских этюдов» Курилович приходит к необходимости признания морфологического определения корня, хотя и отмечает трудности, связанные с этим [1]. В дальнейших своих работах Курилович придерживается морфологического понимания корня [2].

Если Курилович занимался проблемой структуры корня в связи с анализом истории чередований гласных (возникновение различных типов индоевропейских корней Курилович объяснял как результат «первого ослабления гласных»), то Бенвенист в те же годы подошел к этой проблеме, изучая в свете данных хеттского языка древние типы гетероклитических имен и закономерности, связывающие огласовку корня с огласовкой суффикса [3]. В решении обоих указанных вопросов Бенвенисту удалось достичь блестящих результатов: данный анализ имен на *-r/n-* и других типов гетероклитических образований (ср. ниже, гл. I), как и установленное им соотношение огласовки корня и суффикса (ср. ниже, гл. II), подтверждается материалом древних индоевропейских языков, в частности хеттского языка. Однако на работе Бенвениста отрицательно сказывается то, что он стремится подвести под предложенную схему двучленных образований с взаимосвязанной огласовкой первого члена (корня) и второго члена (суффикса) (с дальнейшими расширениями) все именные основы древних индоевропейских языков. Бенвенист исходит из того, что следует установить «постоянную схему»; основным критерием правильности своих построений он считает их стройность [4]. Известный итальянский лингвист Джакомо Девото замечает по этому поводу: «Бенвенист стремится к систематизации; он сознательно совершает “извне” опыт геометро-математического характера для того, чтобы представить рационально то, что, по всей видимости, является нестройным и сложным. Это порождение соссюрианства» [5]. Именно стремление подвести все индоевропейские корни под

[1] *J. Kuryłowicz* // 5ème Congrès international des linguistes. Réponses au questionnaire. Bruges, 1939. P. 12.

[2] См.: *Kuryłowicz.* L’accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952. P. 32—33.

[3] *Benveniste.* Origines.

[4] *E. Benveniste.* Sur la théorie de la racine en indo-européen // 5ème Congrès international des linguistes. Réponses (Suite). Bruges, 1939. P. 5.

[5] *G. Devoto.* Matteo Bartoli // Word. 1947. Vol. 3. № 3. P. 215. Ср. также указанный выше доклад: *J. Duchesne-Guillemin.* Le problème de la racine. P. 10—11. Ср. также замечания Лемана о теории Бенвениста, приведенные ниже, § 90.

единую структурную схему (согласный + гласный *e* + согласный; схема была ранее предложена Кюни, см. выше) представляется наиболее спорной частью теории Бенвениста, не согласующейся с фактами (см. ниже, § 90).

Сравнивая теории корня Куриловича и Бенвениста, можно установить, что, хотя Бенвенист излагает теорию корня не в связи с фонетическими вопросами, как Курилович, а в связи с проблемами морфологического анализа, его определение корня в значительной мере основывается на фонетических, а не на морфологических критериях [1], так же как и определение различия между суффиксом и детерминативом. При этом, если Курилович изучает фонетическую структуру морфем, выделение которых в большинстве случаев не вызывает затруднений (см. классификацию ведийских корней в его исследовании), то Бенвенист часто оперирует единицами, членение которых весьма проблематично [2].

Бенвенист не мог не видеть трудностей, возникающих при практическом приложении его теории корня. Некоторые случаи, где Бенвенист находил противоречие между своей теорией и фактами, объясняется в действительности тем, что Бенвенисту не был известен более древний облик соответствующих основ, который согласуется с его теорией (см. в § 88 об общеиндоевропейском названии «земли», для объяснения структуры которого Бенвенист предполагал существование особых «аффрикат», что опровергается фактами хеттского языка). В других же случаях выделение корня, отвечающего формуле Бенвениста, оказывается практически невозможным.

В более поздних своих работах Бенвенист попытался объяснить трудность выделения корня, соответствующего его определению, подчеркивая различие между «radical» («непроизводной основой») и «racine» («корнем»). Термином «radical» Бенвенист вслед за Марузо называет общий элемент, выделяемый благодаря сравнению ряда родственных слов (напр., латинск. *figo*, *figura*, *figulus*, *fictus*, *fingo*, *effigies*) и заключающий значение, общее всем этим словам [3]. В этом понимании термина нет ничего нового. Значительно менее ясным является определение термина «racine» («корень» в том смысле, в каком этот термин употребляется в указанной выше монографии Бенвени-

[1] Отмечено: *А. А. Белецкий.* Указ. соч. С. 23 («это ведь тоже “фонетическое” определение, но не “чистое”»).

[2] На это различие между трудами Куриловича и Бенвениста обратил внимание норвежский лингвист Альф Соммерфельт в рецензии на эти труды, помещенной в: Norsk tidsskrift for Sprogvidenskap. 1939; ср. также: *A. Sommerfelt.* Some New Ideas on the Structure of the Indo-European Parent Language // Transactions of the Philological Society 1945. London, 1946. P. 206—221.

[3] *E. Benveniste.* Sur la théorie de la racine en indo-européen // 5ème Congrès international des linguistes. Réponses (Suite). P. 5.

ста). Под «корнем» («racine») Бенвенист понимает «l'élément radical de forme insécable, de nature productif et de contenu significatif» [1] («корневой элемент, неделимый по форме, продуктивный по природе и знаменательный по содержанию»). Сопоставляя эти два определения, нетрудно убедиться в том, что термин «racine» отличается от термина «radical» лишь большей расплывчатостью его определения; термин «racine» определяется через посредство термина «radical» («la racine, c'est-à-dire l'élément radical» — «корень, т. е. корневой элемент»), но различие между этими двумя понятиями остается неясным. Тем не менее Бенвенист приписывает этому различию большое значение. По мнению Бенвениста, в индоевропейских языках в исторический период их развития «единственной ощутимой реальностью является непроизводная основа» («radical»), тогда как «корень» («racine») может быть установлен лишь с помощью сравнительно-исторического исследования. В этом Бенвенист видит существенное различие между индоевропейскими и семитическими языками. Это утверждение Бенвенист повторяет и в своей обзорной статье об индоевропейских языках. Характеризуя основные черты индоевропейской морфологии, Бенвенист в качестве одной из таких черт называет то, что «"корень" (racine), как правило, является неощутимым; говорящий сознает только существование непроизводной основы (radical), являющейся носителем значения» [2]. Несомненно, что Бенвенист при этом имеет в виду (так же как и в более ранних своих работах) индоевропейские языки на относительно более позднем этапе развития (в период письменной их истории) [3]. Для древнего этапа развития языка-основы Бенвенист предполагает реальность «корня» («racine»), структура которого соответствует его теории. В концепции Бенвениста образуется непреодолимый разрыв между общеиндоевропейским языком и отдельными языками, причем «корень» («racine») в праязыке приобретает некий особый характер, так как утверждается его принципиальное отличие от корня («radical») в отдельных языках. Таким образом делается попытка дать теоретическое обоснование тому, что реальность постулируемых Бенвенистом индоевропейских корней во многих случаях не может быть подтверждена данными отдельных европейских языков.

Еще Соссюр указывал на то, что в таком языке, как французский, корень имеет меньшее значение, чем в немецком, древнегреческом и семитических языках [4]. Развивая эти мысли Соссюра, Мейе в специальной статье доказывал,

[1] Там же.

[2] Les langues du monde. Nouv. éd. Paris, 1952. P. 9.

[3] Ср. истолкование этой концепции Бенвениста в цитированных выше статьях: *J. Duchesne Guillemin.* Le problème de la racine. 1939. P. 8; *J. Whatmough.* Root and Base in Indo-European // Harvard Studies in Classical Philology. 1943. Vol. 54. P. 3.

[4] См.: *Ф. де Соссюр.* Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 170—171.

что «непроизводная основа» («radical») во французском языке отлична от «корня» («racine») в арабском и других языках, где почти в каждом слове можно выделить корень («racine») [1]. Но Мейе отнюдь не распространял эту характеристику французского языка на другие индоевропейские языки. Мейе подчеркивал, что роль корня, проявлявшаяся в общеиндоевропейском языке, сохраняется в древних индоиранских языках [2]. Именно благодаря сопоставлению архаичных явлений в древних индоевропейских языках Мейе приходил к выводу, что корень был конкретной реальностью в общеиндоевропейском языке (см. выше). В этом отношении за Мейе следовал и Вандриес, придававший особое значение чередованию гласных в корне, которое, по мнению Вандриеса, делало индоевропейский корень ощущаемой реальностью [3]; в то же время Вандриес отмечал, что корень в общеиндоевропейском языке был по своим особенностям отличен от непроизводной основы, например, во французском языке *aim-* в *aim-er*, *part-* в *part-ir* и т. п. [4] Но Вандриес не считал, что во всех индоевропейских языках в письменный период их развития отсутствовал корень как реальная величина. Напротив, Вандриес утверждает, что «из индоевропейских языков мы найдем наиболее ясно выраженный корень в греческом и особенно в санскрите» [5]. Как показывает рассмотрение концепций Мейе и Вандриеса, именно у этих ученых Бенвенист заимствовал противопоставление «корня» (racine) в индоевропейском языке-основе и «непроизводной основы» (radical) в отдельных индоевропейских языках. Но в то время как Мейе и Вандриес считали, что о роли индоевропейского корня можно судить по данным древних языков, Бенвенист резко противопоставляет индоевропейские корни и непроизводные основы отдельных языков (в том числе и древних). Поэтому если понимание индоевропейского корня Мейе и Вандриесом опирается на фактические данные, то теория Бенвениста о различии между «racine» и «radical» в значительной степени оказывается лишенной доказательств.

Неудовлетворительность противопоставления «корня» (racine) и «непроизводной основы» (radical) в работах Бенвениста подчеркивается Джошуа Уотмо, посвятившим этой проблеме специальную статью [6]. Но нельзя считать приемлемым и различение «базы» и «корня», предлагаемое Уотмо. Уотмо,

---

[1] См.: *A. Meillet.* La notion de radical en français // Linguistique historique et linguistique générale. T. II. Paris, 1936. P. 123—127.

[2] *Мейе.* Введение. С. 427.

[3] *Ж. Вандриес.* Язык. М., 1937. С. 83.

[4] Там же. С. 84.

[5] Там же.

[6] *J. Whatmough.* Root and Base in Indo-European. P. 1—23. На связь теории Бенвениста с концепцией Мейе и Вандриеса Уотмо не указывает.

опираясь на положения лингвистической теории Блумфилда, настаивает на различении «базы» — морфологической единицы — и «корня» — семантической единицы, которая не может быть использована для описания общеиндоевропейского языка. «Базы», согласно Уотмо, могут быть бессмысленными, но только к установлению «баз» можно прийти посредством сравнения родственных языков. «Корни» должны устанавливаться путем сравнения реконструированных форм. Эта концепция, в которой фонетическое понимание «баз», идущее от младограмматиков, сочетается с игнорированием значения, характерным для американской дескриптивной лингвистики, на практике приводит к принятию самых фантастических построений. Отрицая семантическую значимость «баз», Уотмо считает крупнейшим достижением лингвистики книгу Лангенхове [1]. В этой книге во всех индоевропейских корнях («базах» по Уотмо) выделяются «префиксы», число которых безгранично, так как каждый трехфонемный корень, начинающийся с согласной, согласно Лангенхове содержит префикс. Фантастические, совершенно бездоказательные построения Лангенхове близки к идеям, высказанным в диссертации Шварца [2], в которой индоевропейские корни расчленяются на множество префиксов, инфиксов и суффиксов, причем сколько-нибудь убедительные доказательства правильности производимого анализа отсутствуют.

Не только для «научно-фантастических» построений этого типа, но и для наиболее серьезных компаративистских работ последних лет, посвященных структуре корня, характерно отсутствие четкости и разграничения фонетического и морфологического подхода к проблеме корня. Карл Аммер [3] следует морфологическому определению корня, данному Куриловичем в 1933 г. Но это морфологическое определение Аммер считает нужным дополнить вто-

[1] *Van Langenhove.* Essais de linguistique indo-européenne (Linguistische Studien. II). Antwerpen, 1939; с этой книгой тесно связано исследование: *E. Raucq.* Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indo-européen. Antwerpen, 1939, ср. резко отрицательную рецензию Бенвениста в: BSL. T. 42 (1942—45). F. 2 (№ 125). P. 44—45.

[2] *B. Schwartz.* The Root and its Modification in Primitive Indo-European // Language Dissertation. № 40 (Supplement to «Language». Vol. 23. № 1), 1947, ср. характеристику Шварца как хеттолога в книге: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. Bd. II. 1946. S. 73. К диссертации Шварца вполне применимо замечание Мейе о языковедах, расчленяющих короткие корни на части и тем самым лишающих себя возможности найти доказательство своей теории: *А. Мейе.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 36—37, ср.: *А. И. Смирницкий* // Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 17; *M. Cohen.* BSL. T. 42. F. 2. P. 22.

[3] *K. Ammer.* Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Bd. 2. H. 4. Wien, 1952. S. 193—214.

рым определением, необходимым, по его мнению, для сравнительно-исторического языкознания. Это второе определение корня исходит из существования «корневых расширителей». Аммер склонен абсолютизировать отсутствие значения у расширителей, так как к такому выводу приводит «синхроническое» изучение языка, которым якобы следует довольствоваться при исследовании индоевропейских языков. Согласно Аммеру, «попытка реконструкции праязыка является не чем иным, как искусственной синхронизацией (Synchronisierung) различных состояний языка, которые нами наблюдаются в отдельных языках» [1]. Эта вневременная точка зрения препятствует историческому рассмотрению проблемы корня в работе Аммера. На практике Аммер приходит к допущению полного произвола в определении корней: признавая очень спорной теорию Бенвениста о двухсогласности корня, Аммер тем не менее кладет ее в основу своих построений (см. § 90). Аналогичные внутренние противоречия обнаруживаются и в других работах, в которых сказывается влияние теории Бенвениста: в монографии Лемана [2] (см. § 90) и в особой статье Боргстрема, который, следуя за Бенвенистом, дает определение корня как морфемы, содержащей два согласных, в отличие от «темы», содержащей по меньшей мере три согласных [3]. Аммер, Леман и Боргстрем в теории принимают фонетическую формулу структуры корня, данную Бенвенистом. Однако ввиду того, что многие корни несводимы к схеме согласный + гласный *e* + согласный, три названных лингвиста вынуждены использовать наряду с термином «корень» также и другие термины для обозначения непроизводных основ, которые отличаются от «корня» только фонетическими (а не морфологическими) особенностями.

Анализ рассмотренных выше работ современных компаративистов показывает, что чисто фонетическое определение корня лишает понятие «корень» его исторического и морфологического содержания и поэтому не может быть принято. Необходимым предварительным условием для изучения фонетической структуры корня должен быть морфологический анализ основ, в которых выделяются корневые морфемы на основании морфологических (а не фонетических) критериев.

При выделении корневых морфем (непроизводных основ) необходимо учитывать то, что корень является исторически изменяющейся морфологической единицей языка. Только те единицы, которые должны быть признаны корнями на основании морфологического анализа, могут быть изучены после

[1] Там же. С. 194.

[2] *W. P. Lehmann.* Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952.

[3] *C. H. Borgström.* Internal Reconstruction of Pre-Indo-European Word-Forms // Word. 1954. Vol. 10. № 2/3 (Linguistics Today). P. 277.

этого с точки зрения их фонетической структуры, для установления особенностей строения корня в данный период развития языка.

Одной из актуальных задач, стоящих перед современным сравнительно-историческим языкознанием, является анализ с такой точки зрения хеттских основ, имеющих индоевропейскую этимологию. Хотя в недавней лингвистической литературе часто встречаются утверждения, что достоинства новейших гипотез о структуре индоевропейского корня заключаются в их согласии с фактами хеттского языка [1], соответствующие факты хеттского языка во всей их совокупности не рассматриваются в работах лингвистов. Во многих работах ученых-компаративистов, посвященных проблеме корня, встречаются лишь ссылки на отдельные явления хеттского языка, к которым прибегают для иллюстрации той или иной гипотезы, но систематический анализ фактов хеттского языка отсутствует. В некоторых исследованиях (напр., в указанной выше работе Б. Шварца) данные хеттского языка привлекаются для подтверждения чрезвычайно спорных гипотез, что становится возможным из-за недостаточности сравнительно-исторического изучения хеттской лексики. До сих пор отсутствует удовлетворительный этимологический словарь хеттского языка. Первый опыт Жюре [2] был крайне неудачным, так как при этимологизировании Жюре часто не соблюдал элементарных правил, не учитывал установленных фонетических соответствий; кроме того, сведения о значения хеттских слов, почерпнутые Жюре из вторых рук, часто недостоверны. Данные об этимологии хеттских слов, даваемые в последнем словаре хеттского языка Фридриха [3], эпизодичны и излишне кратки [4]. Многочисленные этимологии хеттских слов, содержащиеся в отдельных работах последнего времени, не рассматривались последовательно с целью отделения недостоверных гипотез от этимологий, которые можно считать доказанными [5]. Между тем, только доказанные или очень вероятные этимологии могут принести пользу при изучении проблемы индоевропейского корня. Только основываясь на проверенных сближениях хеттских слов со словами других индоевропейских языков, можно прийти к обоснованным выводам относительно древних корневых морфем, представленных в словах хеттского языка.

---

[1] Ср., напр.: *J. Whatmough.* Указ. соч. С. 9; *W. P. Lehmann.* Указ. соч. С. 17.

[2] *A. Juret.* Vocabulaire étymologique de la langue hittite // Publications de la faculté des lettres de l'Université de Strasbourg. F. 99. 1942.

[3] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1—4. Heidelberg, 1952—1954.

[4] Ср. об этом в рецензии: *E. Laroche.* RA. 1953. № 1.

[5] О необходимости такого критического рассмотрения этимологий хеттских слов см. указанную выше статью *H. Kronasser*. 1952, ср. также рецензию Педерсена (H. Pedersen) на второе издание книги *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2}, напечатанную в: Language. 1953. № 1.

Выполнение этой задачи тесно связано со сравнительно-историческим анализом системы хеттского словообразования, которому до настоящего времени не уделялось должное внимание в специальных исследованиях как по хеттскому языку [1], так и по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков в целом. Исследование Бенвениста об индоевропейском именном словообразовании [2] содержит целый ряд положений, имеющих большое значение для анализа фактов хеттского языка (см. ниже, гл. I, особенно § 45—77). Но в самом исследовании Бенвениста факты хеттского языка использованы в недостаточной степени, что объясняется отчасти тем, что в этой монографии, написанной в 1935 г., не могли быть учтены многие факты, открытые лишь в последнее время в связи с интенсивным изучением хеттолувийских языков. Вместе с тем на работе Бенвениста, как и на работах многих других лингвистов, отрицательно сказывается отсутствие внимания к конкретно-историческим проблемам изучения развития хеттского языка в связи с историей его носителей (см. в Приложении I о неудовлетворительном истолковании соотношения терминов *pankur* 'род' и *panku-* 'государственное собрание' в работе Бенвениста). В еще меньшей степени конкретные факты истории хеттского языка используются в работах других ученых, исследовавших вслед за Бенвенистом систему древнего индоевропейского словообразования, в частности в исследовании Шпехта [3].

Для современной науки долго был характерен разрыв между работами по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, в которых приводятся данные хеттского языка, и специальными историческими и филологическими изысканиями по хеттологии, результаты которых часто совсем не учитываются в исследованиях по сравнительно-исторической грамматике. После замечательного открытия чешского ученого Грозного было издано очень значительное число хеттских текстов, переводов и комментариев к ним (см. работы Грозного, Зоммера, Гетце, Фридриха, Элольфа, Гютербока, Оттена, Лароша и др.). Следует отметить, что высокими филологическими достоинствами обладает напечатанная в 1925 г. работа выдающегося русского исследователя древних языков Передней Азии В. К. Шилейко о хеттских фрагментах, хранящихся в настоящее время в Государственном Эрмитаже [4]. О

[1] Анализу хеттского словообразования со сравнительно-исторической точки зрения посвящена лишь небольшая часть книги *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] В исследовании Педерсена (*Pedersen.* Hittitisch) именное словообразование почти совсем не рассматривается.

[2] *Benveniste.* Origines.

[3] *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.

[4] *В. К. Шилейко.* Богазкейские фрагменты в собрании Н. П. Лихачева // ИГАИМК. Т. 4. Л., 1925. С. 318—324. Достаточно указать на то, что интерпретация глаго-

значительных достижениях нашей науки в области изучения памятников, написанных на клинописном хеттском языке, свидетельствовал первый полный перевод хеттских законов, выполненный И. М. Дунаевской, и в особенности комментарий к ним под редакцией И. М. Дьяконова [1].

В работах ряда наших историков освещены важнейшие вопросы хеттской истории, что имеет очень большое значение и для исследования истории хеттского языка.

В настоящей книге ставится задача исследовать хеттские глагольные и именные основы, имеющие достоверную индоевропейскую этимологию, с возможно более полным привлечением данных письменных памятников. Для изучения раннего этапа развития хеттского языка наибольшее значение имеют памятники древнехеттского периода [2]. Грозный [3] и Форрер правильно признали наиболее древним памятником надпись царя Аниттаса [4] (около XVII в. до н. э.). Некоторые ученые выступали против этого предположения, считая, что этот текст (безусловно, относящийся к древнехеттскому периоду) переведен с аккадского языка на хеттский гораздо позже царствования Аниттаса [5].

Ученые, не признававшие того, что надпись царя Аниттаса относится к XIX в. до н. э., считали древнейшим памятником хеттского языка двуязыч-

---

ла *ḫurtaliia-* в очень трудных для понимания ритуальных текстах, впервые данная В. К. Шилейко (указ. соч. С. 320, примеч. 2), сохраняет свое значение до нашего времени (ср. об этом глаголе: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952, s. v. *ḫurtaliia*).

[1] ЗХЦ.

[2] Некоторые данные относительно наиболее древнего периода можно извлечь из собственных имен хеттского происхождения, засвидетельствованных в аккадских каппадокийских таблицах (см.: *E. Laroche.* Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951), относящихся к началу II тыс. до н. э. (о датировке каппадокийских таблиц ср.: *И. М. Дьяконов.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949. С. 16).

[3] *B. Hrozny.* L'invasion des indo-européens en Asie Mineure vers 2000 av. J.-C. // AOr. 1929. Vol. 1. № 3.

[4] При передаче хеттских имен в настоящей книге сохраняется форма им. пад. ед. ч. (ср. русскую передачу латышских и литовских собственных имен типа Райнис, Донелайтис). Хеттское *š* передается русским *с*.

[5] Эта точка зрения детально обосновывалась в статье: *H. G. Güterbock.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern. II // ZA N. F. Bd. 10. 1938. S. 139—145. Но определенности в этом вопросе нет (ср., напр., нерешительное высказывание Биттеля: *K. Bittel.* Hethiter und Proto-Hattier. Eine archäologische Betrachtung // Historia. 1950. Bd. I. H. 2. S. 270, примеч. 6); архаичность надписи (без подробной мотивировки) признает *H. Otten.* Hethitisch und Indogermanisch // Wissenschaftliche Annalen. 1953. Jg. 2. H. 5. S. 327. Ср. освещение данной проблемы в связи с вопросом о древней иероглифической хеттской письменности в статье: *H. Th. Bossert.* GIŠ.ḪUR // Bibliotheca Orientalis. 1952. Jg. 9. № 5/6. S. 172.

ную хеттско-аккадскую надпись царя Хаттусилиса I[1] (около XVII в. до н. э.)[2]; к этой надписи примыкает близкий по жанру документ царя Телепинуса (XVI в. до н. э. Общую характеристику этих памятников и их исторического значения см. в Приложении I), а также ряд других древнехеттских памятников исторического содержания (в том числе архаичный по языку сборник рассказов — «анекдотов» — из жизни древнехеттского царства[3]).

К древнехеттским памятникам XVII—XVI вв. по языку близки хеттские законы (хеттский судебник), составление древнейшей части которых в настоящее время некоторые ученые относят к эпохе Телепинуса[4], и многочисленные хеттские ритуальные тексты (часть которых была составлена, однако, уже в новохеттский период). В хеттских мифологических (эпических) текстах, изучение которых особенно продвинулось за последние годы, необходимо различать а) наиболее древние мифы, связанные с хаттской («протохеттской») традицией, которые дошли до нас в качестве составных частей архаичных и ритуальных культовых текстов (мифы о Телепинусе и Иллуянкасе)[5],

[1] В частности, такова точка зрения известного английского хеттолога Герни, изложенная им в его монографии о хеттах: *O. Gurney.* The Hittites (Pelican Books A 259). London, 1952. P. 170—171. Герни считает надпись Хаттусилиса не только древнейшим дошедшим до нас памятником, но и древнейшим памятником хеттской письменности из всех когда-либо существовавших. Во втором издании своей книги (1954 г.) Герни отступил от прежней точки зрения, допустив древность надписи Аниттаса (p. XV).

[2] Проблема хеттской хронологии остается дискуссионной, т. к. против слишком большого приближения — «снижения» — хронологии выдвинуты серьезные возражения, см.: *A. Goetze.* The Problem of Chronology and Early Hittite History // BASOR. 1951. № 122. P. 18—25, и последующие полемические статьи Götze, Rowton и Albright в BASOR и JAOS за 1952 г.

[3] Большинство этих текстов собрано в издании Форрера: *E. Forrer.* 2 BoTU; надпись Хаттусилиса издана: *Sommer.* HAB. Анализу данных текстов посвящена диссертация: *R. S. Hardy.* The Old Hittite Kingdom. A Political History // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. Vol. 58. № 2. 1941, имеется и отдельное издание (Chicago, 1941).

[4] См.: *H. G. Güterbock.* Authority and Law in the Hittite Kingdom // Authority and Law in the Ancient Orient. Supplement to JAOS. 1954. № 17. P. 21. В данной книге использовано издание: *E. Neufeld.* The Hittite Laws. London, 1951.

[5] О различных группах хеттских мифологических текстов см.: *H. Otten.* Ein kanaanäischer Mythus aus Bogazköy // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Bd. 1. H. 1. Berlin, 1953. S. 146—148. Недостатком классификации Оттена является то, что не указана связь первой группы мифов с протохеттской традицией. О «протохеттском» (хаттском) происхождении мифа об Иллуянкасе свидетельствует как то, что он составляет часть ритуала *puruliia-*, хаттское происхождение которого твердо установлено (*Sommer.* Hethiter und

и б) более поздние мифологические повествования хурритского и ханаанского происхождения, хеттские письменные версии которых относятся к новохеттскому периоду (эпос о Кумарби, частью которого является поэма «Песнь об Улликумми» [1], миф об Ашерту). Язык всех хеттских мифологических текстов близок к древнехеттскому, но в мифологических текстах, относящихся ко второй (более поздней) группе, обнаруживается ряд явлений, характерных для новохеттского языка [2].

Новохеттские тексты (начиная с XIV в. до н. э. и вплоть до XII в. до н. э.), язык которых во многих отношениях отличается от древнехеттского языка (XVII—XVI вв.), в настоящей книге привлекаются прежде всего для изучения истории хеттского языка в письменный период его развития. Вместе с тем новохеттские тексты, более разнообразные в жанровом отношении и обширные по своему объему, позволяют обогащать наши знания в области словарного состава хеттского языка. Особую ценность представляют для исследования хеттской лексики такие новохеттские тексты, как автобиография Хаттусилиса III, анналы Мурсилиса II и книга о коневодстве, написанная похеттски хурритом Киккули; существенны также и данные дошедших до нас шумеро-аккадско-хеттских словарей этого периода. Новохеттские тексты имеют существенное значение для сравнительно-исторического исследования хеттского языка также и потому, что в этих текстах встречается большое число слов, выражений и целых отрывков на лувийском языке и некоторых других диалектах (или языках), родственных хеттскому [3].

Сравнение данных хеттского языка с близкородственными ему языками древней Малой Азии является наиболее актуальной задачей сравнительно-исторической грамматики хеттского языка. В настоящее время твердо установлено близкое родство клинописного хеттского языка с другими древними

Hethitisch. S. 92—93), так и то, что в этом мифологическом тексте величайшим из всех богов объявляется протохеттский бог Zašḫapunaš (см. об этом боге в § 13), см. KBo III 7 IV 17—19 (перевод этого места опубликован Goetze в рецензии на книгу: *Caster.* Thespis // JCS. 1952. Vol. 6. № 2. P. 101). Протохеттский характер имени бога Telipinuš также твердо установлен, см.: *E. Laroche.* Recherches. Paris, 1947.

[1] *H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1951. Vol. 5. № 6; 1952. Vol. 6. № 1.

[2] См. о языке хеттского эпоса: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 33.

[3] Многие из этих слов, отмечавшихся хеттскими писцами посредством так называемого «глоссового клина», ранее некоторые ученые считали лувийскими. В настоящее время признается лувийский характер некоторых из этих слов; точная языковая принадлежность других слов с глоссовым клином еще не определена, хотя несомненно, что это слова языка (или диалекта), близкого к хеттскому и лувийскому, см.: *Otten.* Luv. (1953) и раздел, посвященный этим словам, в словаре: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 4. Heidelberg, 1954.

индоевропейскими языками Малой Азии [1]. Эти языки образуют одну «ветвь» (подгруппу) индоевропейской семьи языков, куда входят клинописный хеттский (неситский или несийский) [2] язык, лувийский язык и палайский язык [3]; в настоящей книге эта группа языков называется термином «хетто-лувийская», который уже использовался в нашей лингвистической литературе (в частности, в ряде работ Б. В. Горнунга). С хетто-лувийскими языками тесно связан и иероглифический хеттский язык, хотя его принадлежность к языкам *satəm* (доказываемая в настоящее время с помощью убедительного чтения ряда слов) [4] и вызывает много трудностей при интерпретации связей между этими языками [5].

---

[1] Очерк современного состояния знаний о языках, родственных хеттскому, дается в монографии: *Otten.* Luv. (1953) и в статьях: *B. Rosenkranz.* Luvisch und «anatolische» Sprachen // Forschungen und Fortschritte. 1954. Jg. 28. H. 10. S. 308—312; *R. Werner.* Zur Stellung des Luwischen unter den altanatolischen Sprachen // OLZ. 1954. № 7/8.

[2] В последнее время некоторые ученые предлагают заменить общеупотребительный термин «хеттский» («клинописный хеттский») язык более точным термином «неситский» или «несийский» — в соответствии с клинописным хеттским *našili*, *nešumnili* ‘по-неситски’ (т. е. «по-хеттски»). Однако ввиду практических неудобств, связанных с изменением общепринятой терминологии, в настоящей работе сохраняется термин «хеттский» (сокращенное обозначение вместо более полного названия «клинописный хеттский»). Название «хеттский» имеет основания в том отношении, что хеттский язык был основным языком хеттского государства (хет. KUR ^{URU}*Ḫatti* ‘страна Хатти’).

[3] Сомнения И. М. Дунаевской (Вопросы языкознания. 1954. № 6. С. 66 и примеч. 3 на с. 62) в реальности самостоятельного существования палайского языка следует признать недостаточно обоснованными после того, как Оттен опубликовал в автографии (KUB XXXV) ряд палайских текстов, исследование которых велось уже на протяжении ряда лет Боссертом, Оттеном и Ларошем, установившими существенные отличия палайского языка от других родственных ему языков.

[4] Доказательство чтения соответствующего знака со свистящим (а не с задненебным) см. в работе: *P. Meriggi.* I nuovi frammenti e la storia di Kargamis // Athenaeum. N. S. Vol. 30. Fasc. III—IV. 1952. P. 175; см. также: *J. Gelb.* The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Deciphrement of Hieroglyphic Hittite // Bibliotheca Orientalis. Jg. 7. № 5. 1950. Ср., однако: *A. Goethze* // Language. 1954. № 2.

[5] Ср. замечания по этому поводу Б. В. Горнунга в рецензии на книгу: *В. Георгиев.* Проблемы минойского языка (Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 109, примеч. 11; с. 113, примеч. 25); *А. В. Десницкая.* Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков // Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 49; *М. М. Гухман,* примечания к *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 336. Ср. также ниже, § 65 и § 89.

Менее ясным остается вопрос о родственных связях ликийского и в особенности лидийского языков [1], вследствие чего использование фактов этих языков требует особой осторожности.

Достигнутые за последние годы успехи в изучении древних индоевропейских языков Малой Азии, родственных хеттскому, позволяют по-новому осветить некоторые явления хеттского языка. Поэтому в настоящей книге уделяется большое внимание сравнению хеттского языка с другими родственными ему языками Малой Азии. Особое внимание уделено фактам лувийского языка, близкого к хеттскому; для их анализа используются лувийские тексты, опубликованные в 1953 г. (KUB XXXV и LTU).

Факты индоевропейских языков, входящих в другие группы, в этой книге используются в той мере, в какой это необходимо для сравнительно-исторического исследования явлений хеттского языка. При этом обращено внимание на данные «тохарских» (кучанско-карашарских) языков [2], представляющие особый интерес для сравнения с фактами хеттского языка [3] и в то же время до настоящего времени относительно мало использованные в этих целях.

Сравнение хеттского языка с другими индоевропейскими языками [4] имеет особое значение для морфологического анализа хеттских слов, имеющих

---

[1] См.: *В. Георгиев.* Вопросы родства средиземноморских языков // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 65—66; *Б. В. Горнунг.* О так называемых «азианических языках» // Известия АН Армянской ССР. 1954. № 6. С. 36.

[2] Термин «тохарские» в применении к этим языкам научно неправомерен, см.: *А. А. Фрейман.* Тохарский вопрос и его решение в отечественной науке // Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковед. наук. Вып. 3. Л., 1952. С. 123—135. Его нет необходимости сохранять и из практических соображений (ср. выше о термине «неситский»), так как термин «тохарский В» вышел из употребления, замененный термином «кучанский» (в работах Лэйна, Куврера и других современных ученых, принявших терминологию Леви и Мейе). Поэтому представляется целесообразным заменить и термин «тохарский А» (в соответствии с областью распространения этого языка) термином «карашарский» (*G. Lane* [Language. Vol. 29. № 4. P. 483] также высказывается за устранение термина «тохарский А»). Эта новая терминология принимается в данной работе. Вся группа в целом (т. наз. «тохарская» группа индоевропейской семьи языков) в соответствии с областью ее распространения называется «кучанско-карашарской» (этот термин еще 30 лет назад употреблялся выдающимся советским востоковедом акад. Б. Я. Владимирцовым, см. *Б. Я. Владимирцов.* Mongolica 1. Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Т. 1. Л., 1925. С. 310).

[3] См. вывод о близости хеттского и «тохарских» языков, который Педерсен делает в своем исследовании: *Pedersen.* Tocharisch (1941).

[4] Гипотеза об «индо-хеттском» праязыке, отличном от «индоевропейского», долгое время время отвергалась специалистами, см.: *А. В. Десницкая.* О хеттском языке //

индоевропейскую этимологию. Изучение реальных соотношений, наблюдаемых в системе хеттского языка, позволяет выделить в хеттских словах определенные корневые морфемы. Но корневые морфемы, выделяемые с точки зрения хеттского языка письменной эпохи развития, могли стать непроизводными основами уже во время самостоятельного развития этого языка или обще-хетто-лувийского языка в результате различных морфологических процессов (опрощения и др.). Для установления более древнего морфологического членения необходимо обратиться к сравнению с родственными языками. Начиная с корней хеттского языка и сопоставляя их с родственными основами других индоевропейских языков, можно прийти к более древним корневым морфемам. Такой метод последовательного исторического анализа, ведущий от корней отдельных индоевропейских языков к индоевропейским корням, был с большой ясностью намечен еще А. А. Потебней [1], подчеркивавшим, что «принятие как общеиндоевропейских, так и специально греческих, славянских и др. корней не заключает ни малейшего противоречия» [2].

При последовательном сравнительно-историческом анализе хеттских основ и корней можно с большим вероятием установить морфологическое членение основ в эпоху, предшествовавшую самостоятельному развитию хетто-лувийских диалектов. Следовательно, таким способом устанавливается членение морфем для периода развития общеиндоевропейского языка-основы, непосредственно предшествовавшего отделению от других индоевропейских диалектов того диалекта, к которому восходят клинописный хеттский язык и некоторые другие древние индоевропейские языки Малой Азии. Именно по отношению к корневым морфемам общеиндоевропейского языка-основы в этот период его развития в настоящей книге употребляется термин «индоевропейские корни» (в случае, если специально не оговаривается, что имеется в виду другая эпоха). Выводы, полученные в отношении этой эпохи, нельзя механически переносить ни на более ранние периоды развития общеиндоевропейского праязыка (так как по отношению к этим ранним периодам многие «корни», возможно, следовало бы рассматривать как производные основы), ни на более позднюю эпоху развития индоевропейских диалектов.

В древних диалектах общеиндоевропейского языка корень является реальной величиной по отношению к глагольным и именным основам (см. вы-

---

Фридрих. Краткая грамматика. С. 38—39; *Б. В. Горнунг.* О так называемых «азианических языках» // Известия АН Армянской ССР. 1954. № 6. С. 35. Ср. также замечания А. Мартине относительно «The Indo-Hittite set-up, this product of misguided conservatism» (Word. 1953. Vol. 9. № 3. P. 287).

[1] *А. А. Потебня.* Из записок по русской грамматике. I—II. Харьков, 1888. С. 20—21.

[2] *А. А. Потебня.* Там же. С. 21.

ше о доказательствах этого тезиса, данных Мейе). По отношению к местоимениям в древних индоевропейских языках нельзя говорить о корне в том же значении, что и по отношению к имени и глаголу. По отношению к наречиям (функционирующим в хеттском языке и как наречия-приставки и как послелоги, ср. ниже, § 15) о корне (в плане исторического анализа) можно говорить лишь в тех случаях, когда ясно именное происхождение той или иной окаменевшей формы, т. е. когда удается возвести наречие к древней именной форме (ср. ниже о хеттском *ḫanti*). Поэтому в настоящей книге вопрос о местоимениях и наречиях специально не рассматривается [1]. Сравнительно-историческое исследование проводится по отношению к хеттским глагольным и именным основам, в которых могут быть выделены корни, генетически связанные с общеиндоевропейскими корневыми морфемами.

Для целей настоящего исследования важно дать анализ хеттских слов с достоверной индоевропейской этимологией [2].

Число таких слов возрастает с каждым годом по мере развития и увеличения знаний о хеттском и других хетто-лувийских языках. Многие из этих слов могут быть обнаружены после опубликования многочисленных еще не изданных хеттских памятников и по мере дальнейшего сравнительно-исторического исследования хеттского языка. Некоторые слова (в частности, названия некоторых животных, многие имена родства) до настоящего времени скрыты под идеограммами, фонетическое чтение которых неизвестно. Некоторые рассмотренные ниже факты указывают на сохранение в хеттском языке корневых слов и корней, утраченных во многих индоевропейских языках (см., напр., § 3). Возможно, что некоторые индоевропейские корневые слова сохранились только в хеттском языке. По всем этим причинам настоящая книга не может ставить перед собой задачу исчерпать все слова хеттского языка индоевропейского происхождения. Но анализ тех хеттских слов, этимология которых может быть строго доказана, уже в настоящее время позволяет исследовать ряд проблем, имеющих существенное значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

В соответствии с обрисованными выше задачами книга делится на две главы. В первой главе изучаются хеттские глагольные и именные основы, в которых можно выделить корни, генетически связанные с индоевропейскими

[1] Оставлена в стороне также и проблема числительных, так как, с одной стороны, вследствие особенностей хеттской графики чтение большинства числительных остается неизвестным, с другой стороны, эта проблема в плане сравнительно-историческом требует специального исследования.

[2] Слова, этимологию которых нельзя еще считать несомненной, специально не рассматриваются, но проблемы, связанные с изучением некоторых из таких слов, затрагиваются в ходе последующего изложения.

корнями. Для такого исследования необходимым явилось как изучение ряда специальных хеттологических вопросов, так и исследование некоторых проблем истории хеттского словообразования. Сложность и неразработанность многих из этих вопросов потребовала детального изложения анализа соответствующих проблем с привлечением конкретного материала памятников, что и обусловило значительный объем первой главы настоящей книги. Некоторым утешением для автора может служить то, что составляющий основную часть первой главы набор основных корней и слов индоевропейского происхождения, подобранный на основе работ классиков хеттологии, может служить частичной основой для хеттского этимологического словаря (которого на русском языке пока еще нет). То, что по указанным причинам автор ориентировался преимущественно на наиболее достоверные индоевропейские объяснения хеттских слов, делает их перечень удобным при пользовании им как справочным пособием. В большинстве случаев, как это принято в этимологических словарях, автор не претендовал на оригинальность, а старался отразить современное состояние знаний.

Во второй главе рассматривается структура корневых морфем, выделенных с помощью анализа, проведенного в главе первой. Исследование, проводимое во второй главе, опирается на результаты, изложенные в первой главе.

Рассмотрение ряда специальных хеттологических вопросов выделено в приложения.

Глава первая

ХЕТТСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ И ИМЕННЫЕ ОСНОВЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ КОРНЯМ

В настоящей главе рассматриваются хеттские глагольные и именные основы, восходящие к индоевропейским корням. Для выделения древних корневых морфем необходим сравнительно-исторический анализ строения этих основ; поэтому в данной главе затрагиваются вопросы изучения древней индоевропейской словообразовательной системы и исторически связанной с ней системы хеттского словообразования. Но анализ происхождения отдельных словообразовательных типов дается лишь в той мере, в какой он необходим для решения основной задачи — изучения представленных в хеттском языке индоевропейских корней и основ, от них образованных. В соответствии с этой основной задачей глава делится на отдельные параграфы, в каждой из которых изучаются хеттские глагольные и именные основы, восходящие к одному индоевропейскому корню.

От каждого индоевропейского корня могли быть образованы как глагольные, так и именные основы. Но хеттские слова, восходящие к какому-либо индоевропейскому корню, обычно группируются вокруг одного — «центрального» — слова, которое входит в базисный словарь хеттского языка. Это «центральное» слово является либо глаголом («часто корневым глаголом, входящим в ядро базисного словаря), либо именем.

Морфологическими особенностями таких слов базисного словаря определяется последовательность расположения отдельных параграфов данной главы. Вначале рассматриваются индоевропейские корни, представленные в хеттском языке корневыми глаголами (спряжения на *-mi* и спряжения на *-ḫi*), и производные от этих корней, далее изучаются индоевропейские корни, которые можно выделить в хеттских глагольных основах, являющихся с исторической точки зрения производными. Ввиду того, что значительную группу таких глаголов составляют глаголы на *-*s*-, этому малоизученному типу основ уделено особое внимание. Вслед за корнями, выделяемыми в производных глагольных основах, рассматриваются корни, представленные в именных

основах: в немногочисленных корневых именах и в разнообразных именах, принадлежащих к различным типам гетероклитических образований. Изложение заканчивается анализом корневых морфем, выделяемых в различных типах существительных и прилагательных, являющихся с исторической точки зрения производными. Ввиду того, что основной целью настоящего исследования является анализ представленных в хеттском языке индоевропейских корней, все производные от одного корня рассматриваются совместно, это не препятствует соблюдению указанного выше порядка изложения, так как в основу указанной классификации положены особенности морфологической структуры одного — «центрального» — из слов, восходящих к данному корню [1], а не тип образования каждого из производных от данного корня. Совместное изучение всех производных от одного корня является необходимым для анализа структуры этих производных основ. Каждому рассматриваемому корню и восходящим к нему основам посвящается специальный параграф.

§ 1. Корневой глагол *eš*- и образованные от него именные основы на *-(*e*)*nt* и *-ri*

К индоевропейским корням восходит значительное число корневых глаголов, входивших в ядро базисного словаря хеттского языка. Наиболее многочисленную группу корневых глаголов составляют глаголы спряжения на *-mi*. К этой группе корневых слов относится ряд представленных в хеттском языке общеиндоевропейских корневых атематических глаголов «длительного значения» [2]. Таким глаголом является хеттский корневой глагол спряжения на *-mi* *eš*- ʻбытьʼ.

Глаголы, соответствующие хет. *eš*- ʻбытьʼ, известны во многих индоевропейских языках, причем как в хеттском, так и в ряде других языков хорошо сохранялся атематический тип спряжения этого глагола на *-mi*. Значительный

[1] Данный классификационный принцип применяется в настоящей работе для исторического анализа (а не для описательной характеристики языка письменных памятников). Поэтому в случае, когда «центральное» для данной группы слово в языке письменных памятников постепенно утрачивает свое значение, но с исторической точки зрения его роль может быть легко раскрыта, изложение ведется согласно тому же принципу (хотя и отмечается специфика данного случая), см. ниже о глаголе *i* — «идти». Более сложными являются случаи (в хеттском языке очень редкие), когда корень оказывается представленным несколькими производными, приблизительно равноценными по своему удельному весу в системе языка (а иногда уже и полностью разобщенными, ср., напр., ниже о производных от *ar*-). Но и в этих случаях для целей настоящего исследования целесообразно сохранять принцип совместного рассмотрения всех производных от одного корня.

[2] См. об этих глаголах: *Мейе.* Введение. С. 214—215.

интерес представляет тот факт, что корневой атематический глагол **es-* оказывается общим для всех древних индоевропейских языков Малой Азии: хеттскому *eš-/aš-* ʻбытьʼ соответствует лувийское *aš-* ʻбытьʼ [1], палайское *aš-* ʻбытьʼ [2] и иероглифическое хеттское *as-* ʻбытьʼ [3] (о вокализме корня в хеттском и родственных ему языках см. ниже). Спряжение этих глаголов лувийского, палайского и иероглифического хеттского языков в точности соответствует спряжению корневого атематического глагола *eš-* в хеттском: ср. хеттское *e-eš-ta* ʻон былʼ (3 л. ед. ч. прош. вр.), лув. *a-aš-ta*, иер. хет. *a-s-ta* (= финикийскому *KN* в двуязычной надписи из Каратепе, № 37). В настоящее время стали известны формы, указывавшие на генетическое тождество типа спряжения этого корневого глагола в древних индоевропейских языках Малой Азии и в древних индоиранских языках. Хеттская сакральная формула *a-pa-a-at e-eš-du* ʻда будет так!ʼ, часто повторяющаяся в ритуальных текстах [4], близка к лувийскому *a-pa-ti a-aš-du* [5] (KUB XXXV 103 пер. ст. III 7 = LTU, с. 95, ср. также KUB XXXV 101 пер. ст. 9). Хеттскому *e-eš-du* (3 л. ед. ч. повелит. наклонения), лув. *a-aš-du* соответствует, с одной стороны, палайское *a-aš-du* [6] и иероглифическое хеттское *á-s-tu-u-* [7], с другой стороны, ведийское *astu*. Параллелизм образования форм 3 лица повелительного наклонения от глагола **es-* в хетто-лувийском и ведийском подтверждается и формами множественного числа: хет. *a-ša-an-du* ʻ(они) да будутʼ, лув. *a-ša-an-du*, *a-ša-a-an-du*, палайское *a-ša-an-du*, ср. ведийское *santu* [8].

---

[1] *Otten.* Luv. P. 70, 92.

[2] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 42.

[3] *H. G. Güterbock.* Die Bedeutung der Bilinguis vom Karatepe für die Entzifferung der hethitischen Hieroglyphen // Eranos. 1949. Vol. 47. Fasc. 3—4. S. 105; *I. J. Gelb.* The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite // Bibliotheca Orientalis. Jg. 7. № 5. 1950. P. 139.

[4] Об этой формуле (примерно соответствующей «Аминь!») см.: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. P. 33, примеч. 50; *O. R. Gurney.* Hittite Prayers of Mursili II // Annals of Archaeology and Anthropology. University of Liverpool. 1940. Vol. 27. P. 35, примеч. 2, p. 37, примеч. 4, p. 116.

[5] Оттен, рассматривая вопрос о лув. *apati(n)* (*Otten.* Luv. P. 56), не обратил внимания на наличие соответствия в хеттском приведенной лувийской формуле.

[6] *H. Otten.* Zum Palaischen // ZA NF. 1943. Bd. 14. S. 132; *J. Friedrich.* Das Glossenkeilwort *limma* im Hethitischen // Orientalia. N. S. 1953. Vol. 22. F. 2. S. 210.

[7] *H. Th. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. 1. S. 221, рис. 4.

[8] На общность хеттских и индоиранских форм на *-tu*, *-ntu* обратил внимание еще Мейе, Введение, с. 250, но ему неизвестно было наличие аналогичных форм в других индоевропейских языках Малой Азии. Следует отметить, что Педерсен сопоставлял с хет. *ešdu* ликийское *esu* (*H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. § 27. S. 18), но предполагаемый Педерсеном переход **st* > лик. *s* (в *esu*) нуждается в строгом доказательстве.

Другие формы хеттского глагола *eš-* находят соответствие не только в индоиранских, но и во всех других индоевропейских языках (ср. хет. *e-eš-mi*, ст.-сл. **ѥсмь**, др.-инд. *ásmi*, гр. *εἰμί* и т. п.). В сочетании с рассмотренными выше фактами это позволяет установить, что в хеттском языке хорошо сохранились древние морфологические особенности данного корневого слова. Наряду с глагольными личными формами корневого глагола *eš-* в хеттском языке засвидетельствовано также причастие *ašant-* ʻсуществующий, настоящий, истинныйʼ [1]. Соответствующие причастия от **es-* имеются и в других индоевропейских языках, причем в др.-инд. *sant-* ʻсуществующий, истинныйʼ и др.-англ. *sōð* ʻправдивый, действительныйʼ > *sooth* можно обнаружить то же семантическое развитие, что и в хеттском (ср. употребление *сущий* в выражении *сущая правда* и т. п.). О продуктивности корня **es-* в хеттском свидетельствует наличие других архаичных именных производных от этого корня (помимо указанного причастия на *-nt-*). В частности, представляется несомненной связь с этим корнем хеттского существительного *ešri-* [2].

Обычно это существительное переводят как «образ, форма» [3]. Но Гётце и Фридрих, устанавливая в своих ранних работах это значение *ešri-*, исходили из того, что фонетическому написанию *ešri-* может соответствовать идеограмма ALAM ʻформа, образ, статуяʼ [4]. Однако в эти работы следует внести поправки в связи с тем, что установлено другое хеттское соответствие идеограмме ALAM: *šena-* ʻфигура, изображение, образʼ [5]. Гетце объяснил различие в употребление ALAM = *šena-* ʻфигура, образʼ и ALAM = *ešri* ʻобразʼ, указав на то, что в ритуалах, где используются магические изображения («фигуры», *šena-*), *ešri* = ALAM употребляется, когда речь идет не об этих фигурах, а о человеке, ради которого совершаются обряды [6]. Из этого следует, что нужно разграничивать два значения идеограммы ALAM в хеттских текстах: ʻизображение, форма, внешний облик' (*šena-*) и ʻобраз (существо)'

[1] *Sommer.* AU. S. 69.

[2] До настоящего времени морфологическая структура *ešri-* и этимология этого слова не подвергались анализу в научной литературе, хотя следует отметить, что Зоммер относил *ešri-* к числу слов, которые, судя по их строению, могут быть индоевропейского происхождения (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 42).

[3] См., напр.: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. S. 85; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Heildelberg, 1952. Lief. 1. S. 44: «Bild, Gestalt, Körperbau».

[4] *A. Götze.* ZA. Bd. 34. S. 188; *J. Friedrich.* ZA HF. Bd. V. S. 33 и след.

[5] «Figure, model, image», *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. S. 73.

[6] *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. S. 77, примеч. 283; ср. об употреблении идеограммы ALAM в ритуальных текстах: *Otten.* Luv. S. 64.

(*ešri-*). В архаичных хеттских текстах *ešri-* употребляется в значении «существо». В хеттском мифе о демоне-змее Иллуянкасе, принадлежащем к древнейшей группе хеттских мифологических текстов, рассказывается, что бог грозы, у которого Иллуянкас похитил сердце и глаза, с помощью своего сына получил их назад: *nu-za-an* (= *-za-šan*) ^{d}IM-*aš* ^{UZU}ŠÀ *ša-ku-u̯a-aš-še-ta* EGIR-*pa da-a-aš* ʻи бог грозы взял назад (свое) сердце и глаза своиʼ (KBo III 7 III 18—19). За этим следует предложение *ma-a-an e-eš-ri-eš-ši a-ap-pa ka-ru-ú-i-li at-ta⟨-aš⟩* SIG_5-*at-ta* ʻкогда отец (т. е. бог грозы) привел в прежнее состояние (буквально: привел обратно в порядок на старый лад) свое существо (*ešri-*)ʼ [1] (KBo III 7 III 20—21). В данном предложении *ešri-* не может означать «форма, внешний облик», так как это слово здесь означает все существо бога грозы, включая не только его глаза, которые в данном мифе играют особую роль важнейших атрибутов бога [2], но и его сердце (^{UZU}ŠÀ). Таким образом, в этом архаичном мифологическом тексте *ešri-* имеет значение «существо», что соответствует указанному выше соотношению существительных *šena-* и *ešri-*.

Соотношение между корневым глаголом *eš-* ʻбыть, существоватьʼ и производным существительным *ešri-* ʻсущество, образʼ аналогично соотношению между корневым глаголом *ed-* ʻестьʼ и производным существительным *etri-* ʻедаʼ (см. ниже). Тип образования этих существительных на *-ri-*, являющихся в хеттском языке архаичными именными основами, подробно рассматривается в следующем параграфе в связи с анализом именных основ, образованных от корня *ed-*.

§ 2. Корневой глагол *ed-*; производные от него глагольные основы на *-š-* и на *-šk-*; производные именные основы на *-(e)nt-* и *ri-*

К группе корневых глаголов атематического спряжения на *-mi*, в которую входил глагол *eš-* ʻбытьʼ, относится хеттский глагол *ed-* ʻестьʼ. Как и корень *eš-*, общеиндоевропейская глагольная непроизводная основа *ed-* засвидетельствована во всех древних индоевропейских языках Малой Азии: ср. лувийское *ad-*, *at-*, *az-* (см. ниже), палайско*e at-* [3] и иероглифическое хеттское *at-*

[1] В подлиннике конструкция с дат.-мест. пад. *ešri-ši* (форма на *-i*, редкая для дат. пад. ед. ч. основ на *-i*, ср. об употреблении этой формы в данном тексте: *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} § 61в. P. 5).

[2] Ср. по этому поводу замечания о мифе об Иллуянкасе в исследовании: *M. Riemschneider.* Augengott und Heilige Hochzeit (Fragen zur vorgeschichtlichen Religion. I), Leipzig, 1953. S. 223—224, 265—266.

[3] См.: *H. Otten.* Palaisch *aḫu-* «trinken» und *at-* «essen» // Archiv für Orientsforschung. 1945. Bd. XV. S. 81—82; *H. Th. Bossert.* Ein hethitisches Königssiegel. S. 88.

(или *az-*, характер согласного, передаваемого данным хеттским иероглифическим знаком, не установлен вполне точно)[1]. Древний тип спряжения этого корневого глагола сохранен в таких хеттских формах, как *etmi* ʻя емʼ (ср. др.-инд. *ádmi*, старолит. *émi*, ст.-сл. **ѣмь**, **ꙗмь**). Но ряд форм в парадигме хеттского глагола *ed-* образован не от корневой (непроизводной) основы *ed-*/*ad-*, а от основы с суффиксом *-s*: хет. *et-s-* *at-s-*, передававшейся посредством написаний *ez-*, *ezz-*, *ezzaš*[2]. Эта основа на *-s*, представленная уже в древнейших хеттских памятниках, восходит к обще-хетто-лувийскому: ср., например, форму 2 л. мн. ч. наст. вр. *az-za-aš-te-ni* (= *at-s-teni*) в древнехеттском документе Хаттусилиса I (HAB III, 48) и соответствующую лувийскую форму *a-az-za-aš-ta-an* (= *at-s-tan*)[3] в хетто-лувийской билингве KUB IX 31 пер. ст. II 26 (= LTU, с. 16). Глагольная основа на *-s azzaz-* [*at-s-*] в лувийских текстах встречается часто[4]; глагол *at-s* = *azzaš-* в опубликованных лувийских текстах выступает в качестве наиболее употребительного глагола, восходящего к **ed-* (о лувийском глаголе *ad*(*a*)*ri-* того же корня см. ниже). Об отличии спряжения глагола *azzaš-* в лувийском от типа спряжения хетто-лувийского корневого атематического глагола *ed-* говорит наличие медиопассивных форм глагола *az-* (*zas-*) в лувийском (лув. 2 л. мн. ч. наст. вр. медиопассива *az-tu-u-u̯a-ri*, KUB IX 31 II 28 = LTU, с. 16) при отсутствии медиальных форм корневого глагола *ed-* в хеттском и других родственных языках. Если в лувийском языке *az-*, *azzaš-* является употребительным глаголом, отличным от древнего корневого глагола, то в хеттском языке формы этой глагольной основы на *-s* оказались включенными в парадигму корневого глагола *ed-*.

Сравнительно-исторический анализ системы хеттского глагола показывает, что в хетто-лувийском важную роль в глагольном основообразовании играл суффикс *-s-*, сохранившийся в лувийском, а в хеттском представленный лишь в архаичных глагольных основах (см. об этом подробнее ниже, в связи с анализом хет. *paḫš-*). Хетто-лувийское *ed-s-* принадлежит к этому типу основ[5]. Процесс включения форм глагола *ed-s-* в парадигму глагола *ed-* следует связать с отмиранием глаголов на *-s-* в хеттском, сопровождавшимся ростом

[1] Ср. *P. Meriggi*, рецензия на книгу: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch // Athenaeum. (N. S. XXXI). Pavia, 1953. Vol. 41. S. 348.

[2] Об этом написании см.: *Sommer.* HAB. S. 148.

[3] О написаниях этого типа в лувийском см.: *Otten.* Luv. S. 46, 55.

[4] Ср.: *Otten.* Luv. S. 46—47. Вопроса о морфологической структуре этой основы Оттен не касается.

[5] Наличие в хеттском *ez-* суффикса *-s-* отмечает Стертевант (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 237. P. 135; § 300. P. 150), но историю этой основы Стертевант не рассматривает, так как ему оставались неизвестными как происхождение хеттских глаголов на *-s-*, так и соответствующие факты лувийского языка.

значимости типа глаголов с суффиксом *-sk-*, синонимичным суффиксу *-s-* (подробнее об этом см. ниже, в разделе о хет. *paḫš-*). Для раннего дописьменного периода истории хеттского языка следует предположить существование трех глагольных основ, образованных от *ed-*: корневой атематической основы *ed-* (спряжение на *-mi*) и синонимичных итеративных основ *ed-s-* (спряжение на *-ḫi*) и *ed-sk-* (спряжение на *-mi*), ср. ниже о таких параллельных итеративных глаголах, напр. *ḫalzešša-* : *ḫalzešk-* от *ḫalzai* ʻзвать’. Развитие этих трех глагольных основ, образованных от *ed-*, можно сравнить с развитием аналогичных по структуре основ *au-* ʻвидеть’, *auš-* и *ušk-*, по отношению к которым также можно отметить включение форм на *-s-* в парадигму корневого глагола уже в древнехеттском языке. Точно так же в древнейших хеттских памятниках формы основы *azzaš = at-s* уже включены в парадигму корневого глагола и глагол на *sk azzik- = at- sk* выступает в качестве единственного итеративного образования от *ed-*, ср. в памятнике Хаттусилиса I противопоставление итеративных форм глаголов *ad-* ʻесть’ и *eku-* ʻпить’ *az-zi-ik-ki-id-du ak-ku-uš-ki-id-du* ʻпусть (он) закусывает и запивает’ (HAB II 33; повторяется в HAB III 21—22) и неитеративных форм тех же глаголов в выражении NINDA-*an az-za-aš-te-ni ḫa-a-tar-ra e-ku-ut-te-ni* (HAB III 34; повторяется в HAB III 48) ʻхлеб ешьте и воду пейте’. Эти факты древнехеттского языка показывают, что смешение форм глаголов *ed-* и *ed-s-* осуществлялось еще в эпоху, предшествовавшую составлению письменных памятников. Данный процесс может быть связан не только с указанными особенностями истории хеттских глаголов на *-s-*, но и с фонетическим развитием, характерным для дописьменной истории хеттского языка[1]: с переходом *ti > zi* в хеттском (ср. хет. окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. *-zi* и соответствующее лувийское окончание *-ti*). Вследствие этого фонетического развития употребительная форма 3 л. ед. ч. наст. вр. **ed-ti* (с ассимиляцией **et-ti*, др.-инд. *átti*) должна была приобрести фонетический облик *et-zi > ezzi*, что могло привести к фонетическому совпадению выделяемой в этой форме глагольной основы с производной основой **ed-s > ez-*.

Благодаря действию указанных морфологических и фонетических факторов непроизводная основа *ed-*/*ad-* и производная основа на *-s-* перестали различаться. Предлагаемое объяснение истории этих хеттских глагольных основ подтверждается при сравнении двух параллельных форм 3 л. ед. ч. наст. вре-

[1] Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. § 84. S. 126—127) предполагал, что особенности спряжения *ed-* объясняются только фонетическими процессами (суффикс *-s-* в формах типа *azzašteni*. Педерсен в отличие от Стертеванта не выделяет). Недостаточность объяснения Педерсена становится очевидной при изучении хеттских форм, передача которых в клинописи ясно указывает на наличие *-s-* между корнем и окончанием (ср. формулировку Фридриха: Краткая грамматика. § 170. С. 89). Еще более ясной ошибочность гипотезы Педерсена делается при сравнении с фактами лувийского языка.

мени от глагола *ed-*. Первая форма — *e-iz-za-az-zi*, *e-iz-za-zi*, *e-za-az-zi* (= *ezzi*) является характерным образованием корневого типа спряжения на *-mi* и может быть объяснена как результат фонетического развития древней атематической формы **ed-ti* > *et-zi* после ассибиляции палатизированного *t* в хеттском. Вторая форма — *e-iz-za-i* является типичным образованием от глагола спряжения на *-ḫi* с итеративным суффиксом *-s-*, ср., напр., аналогичные формы *e-eš-ša-i* (от *ešša-*, производное с суффиксом *-š-* от *iḫa-* ʻделать’), *hal-zi-iš-ša-i* (от *ḫalzešša-*, производное с суффиксом *-s-* от *ḫalzai-* ʻзвать’) и т. п. (ср. ниже о глаголах на *-s* этого типа). Сопоставление форм *ezzazi* (спряжение на *-mi*) и *ezzai* (спряжение на *-ḫi*) позволяет восстановить характерное для древней эпохи развития хеттского языка соотношение корневого глагола *ed-* (спряжение на *-mi*) и производного глагола *ed-s-* (спряжение на *-ḫi*). Позднее формы этих двух основ объединились в одной парадигме, чем объясняется своеобразие спряжения глагола *ed-*, *ad-*, *ez-*, *az-* [1] в хеттском.

Рассмотренные выше факты свидетельствуют об архаичности глагольной основы *ed-s-*, восходящей к обще-хетто-лувийскому. Хеттским глагольным основам на *-s-* в некоторых случаях имеются точные соответствия в славянских языках (см. ниже о хет. *paḫš-*, ст.-сл. **пасти**), поэтому значительный интерес представляет наличие основы *ed-s-* в общеславянском, где эта основа имеет аористическое значение [2]: ст.-сл. аорист **ѣсъ** (**ꙗсъ**). С этой славянской глагольной основой следует сопоставить многочисленные именные образования балтийских и славянских языков, произведенные от основы **ed-*(*e*)*s-* [3]:

[1] Возможно, что от основы *ez-* образовано существительное *ezzan*, для которого Гютербок предположил значение «соль» (*H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1932. Vol. 6. № 1. P. 36—37); ср. также: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1, s. v.). В пользу предположения о связи *ezzan* с глаголом *ez* говорит употребление существительного *ezzan* рядом с названиями съестных припасов: идеограммами Ì.NUN ʻмасло’ и LAL ʻмед’ во фрагменте 1086 c, 5—6 (напечатано Гютербоком: *Güterbock.* Указ. соч. P. 37). Гютербок (Там же. P. 37) отмечает значение этого перечисления для интерпретации данного слова, но не ставит вопроса о возможности связи *ezzan* ʻсоль (?)’, с глаголом *ez-* ʻесть’.

[2] В сравнительно-исторических работах обычно отмечается позднее происхождение этого славянского аориста, образованного от неаористического («длительного») корня (см.: *A. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 166), но сравнение с хетто-лувийским *ed-s-* и балтийско-славянскими именными производными от *ed-*(*e*)*s-* позволяет предположить, что поздний характер имеет только аористическое значение данной глагольной основы, тогда как ее образование относится к гораздо более раннему периоду.

[3] Существование в глубокой древности именной основы **ed-*(*e*)*s-* давно уже отмечалось в сравнительных грамматиках (ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 514, где, однако, не учтены данные латышского языка), но эта основа не сравнивалась с глагольной основой *ed-s-*, так как не были известны данные хетто-лувийских языков.

лит. *edesỹs*, *ẽdesis* < **ed-es-i-s* ‘корм, еда, приманка’; латыш. *edesis* ‘корм для свиней’ [1], латыш. *ēsma* < **ēd-s-mo-* ‘корм, еда, приманка’ [2], латыш. *esli*(*s*) < **ēd-s-li-* ‘тот, кто постоянно жует; обжора’ [3], ст.-сл. **ꙗсли** < **ed-s-l*(*e*)*i-* [4] (ср. суффикс *-l*(*e*)*i-* в ст.-сл. **ꙗсли** и латыш. *ēsli-*; о семантическом соотношении этих основ, аналогично соотношению других производных от *ed-*, см. ниже). В литовском и латышском языках наряду с указанными производными от основы **ed-*(*e*)*s-* имеются производные от основы **ed-sk-*, лит. диалект. *éskà* < **ed-sko* ‘аппетит’ [5], *éskùs* < **ed-sk-u-s* ‘прожорливый’, латыш. *ešķa* ‘обжора’ [6], *ēšķuot* ‘часто есть’. Архаичность литовско-латышского **ed-sk-*(*o*) доказывается благодаря сравнению с латинским *esca* ‘пища’; давно уже предполагавшаяся связь этих именных основ с глагольной основой *ed-sk-* [7] подтверждается благодаря сравнению с хеттским *azzik-* < **(e)d-sk-*. Сравнение всех указанных фактов показывает, что основы *ed-s-* и *ed-sk-*, отраженные в хет. *azzaš-* и *azzik-*, восходят к очень древней эпохе развития индоевропейских диалектов (ср. ниже, в разделе о *paḫš-*, о других аналогичных общеиндоевропейских основах).

Наряду с производными глаголами **ed-s* > *ezz-* и **(e)d-sk-* > *azzik-* в хеттском языке засвидетельствованы и архаичные основы, образованные от корня *ed-*. Значительный интерес представляет причастие на *-(e)nt* от корневого глагола *ed-*, так как к этой основе обычно возводят индоевропейское название «зуба» (др.-инд. *dant-* и т. п.) [8]. В хеттском языке соответствующее название «зуба» не засвидетельствовано, но причастие на *-ant-* от глагола *ed-*/*ad-* встречается во многих хеттских текстах. В настоящее время установлено, что причастие *adant-* в отличие от большинства хеттских причастий от переходных глаголов имело не только пассивное значение «съеденный», но и актив-

[1] *K. Mulenbacha.* Latviešu valodas vardnica. I sējums. Rīgā, 1923—1925. C. 573.

[2] Там же. C. 577.

[3] Там же. C. 577.

[4] О морфологической структуре архетипа этого общеславянского имени существительного см.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 514; *V. Vondrak.* Vergleichende Slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1924. § 51. S. 86. Латышское *ēsli-* с этим славянским словом ранее не сопоставлялось.

[5] См.: *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. C. 124.

[6] Ср.: *Endzelīns.* Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951. § 183a. C. 356; *Endzelīns.* Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948. § 142. C. 95.

[7] Это предположение основывалось на сравнении с лат. *vescor* ‘питаюсь’ < **ve-escor*, см.: *K. Brugmann.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904. S. 48; *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 478, 357.

[8] О методологической стороне этой реконструкции ср.: *А. И. Смирницкий.* К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании // Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 17.

ное значение «съевший» [1]. Обнаружение аналогичных случаев двоякого (активного и пассивного) значения причастной формы на *-ant-* от некоторых других переходных глаголов в хеттском [2] (ср. ниже о причастии от глагола *eku-* ʻпить’) подтверждает предположение А. В. Десницкой об отражении в хеттском языке первичной залоговой нейтральности общеиндоевропейского отглагольного прилагательного на *ent-* [3]. Поэтому для общеиндоевропейского архетипа хет. *ad-ant-* следует предполагать значение нейтрального в залоговом отношении отглагольного прилагательного от корня *ed-*; следовательно, употребление этого отглагольного имени в значении «имеющий отношение к еде > зуб» вполне вероятно. В качестве близкой параллели можно указать на развитие значений образованной от *ed-* именной основы в жемайтских говорах литовского языка: *ẽd-mens* ʻзубы’ [4].

Помимо причастия *adant-*, восходящего к древнему отглагольному прилагательному, в хеттском языке засвидетельствовано и другое архаичное имя, производное от *ed-* ʻесть’: хет. *etri* ʻеда, кушанье’ [5] (ср. соотношение *es-* : *aš-ant-* : *eš-ri-* и *ed-* : *ad-ant-* : *et-ri-*, указывающее на параллелизм именных производных от этих корневых глаголов). Существительное *etri* в хеттских текстах встречается очень редко, что несомненно связано с употреблением в том

[1] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. 1952. S. 44 (со ссылкой на письмо Гютербока). Открытие Гютербока имеет существенное значение для сравнительного языкознания, так как часто встречающееся в сравнительно-исторических работах последнего времени сопоставление греч. *ὀδών* ʻзуб’, арм. *atamn* ʻзуб’ и хет. *adant-* ʻсъеденный’ (см., напр.: *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. 1947. Vol. 56—57. P. 193) никак нельзя признать убедительным со стороны семантической. Открытие Гютербока, сделанное благодаря анализу хеттских текстов, позволяет лучше обосновать данную этимологию.

[2] *Otten.* Luv. S. 45. Следует заметить, что отмеченное Фридрихом (*J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 88) сочетание хеттского причастия *išḫiant-* (от *išḫai-* ʻсвязывать, обвязывать, опоясывать’) с формой вин. пад. имени существительного в хетто-лувийской билингве KUB IX 31 I 38 (= LTU. S. 14) опровергает утверждение Зоммера о том, что причастие на *-ant-* в хеттском никогда не могло сочетаться с объектом в форме винительного падежа (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 37).

[3] *А. В. Десницкая.* О хеттском языке // *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 23. О характере общеиндоевропейских отглагольных прилагательных на *-ent-* в свете данных хеттского языка ср.: *Benveniste.* Origines. P. 126; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 67—68.

[4] О значении жемайтского *ẽdmens* см.: *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. С. 295. О типе образования ср. ниже.

[5] О значении этого существительного см.: *E. H. Sturtevant* // Transactions of the American Philological Association. 58. P. 22; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 44. Сравнительно-исторический анализ данной именной основы в указанных работах отсутствует. Правильность данного перевода подтверждается общепринятым переводом глагола *etriia-* (см. ниже).

же значении существительного *adatar* ‘еда’, принадлежащего к продуктивному типу отглагольных имен на -(*a*)*tar*. В отличии от *adatar* существительное *etri* принадлежит к числу именных основ с непродуктивными суффиксами; есть основания считать *adatar* более новым образованием по сравнению с *etri* [1]. Помимо параллельных образований от корневых глаголов *eš-* и *ed- eš-ri-* (см. выше) и *et-ri*, к группе хеттских существительных на *-ri-* принадлежит только производное *kiš-ri-* (от глагола *kiš-* ‘чесать’, родственного рус. *чесать*, см. ниже) и, по-видимому, также основа *pangar*(*i*)-, сохранившаяся в окаменевшей форме твор. пад. *pangarit* ‘во множестве, целой массой’ (корень *pank-*, см. об этом слове подробно в Приложении I к настоящей книге). Характерно, что все эти основы, встречающиеся в древнейших текстах, образованы от индоевропейских корней; их следует возводить к дописьменному периоду истории хеттского языка. На древность основы *etri-* указывает наличие в древнехеттских текстах вторичного производного от *etri-* — глагола *etriia-* ‘кормить’. Глагол *etriia-* образован от *etri-* с помощью суффикса **-ia-* так же, как глагол *uesi-ia-* ‘пасти’ образован от *uesi-* ‘пастбище’. Но образование глаголов на -(*a*)*ri-ia-* от существительных на *-ri-* характерно еще для дописьменного периода развития хеттского языка, так как помимо архаичных глаголов *etriia-* и *pangariia-* ‘увеличиваться’ (от *pangar*(*i*), см. подробнее в Приложении I к настоящей книге) другие глаголы на *-ariia-* уже не соотносятся с именами на *-ri-*, ср. ниже о *gimmant-ariia-* ‘зимовать’ от *gimmant* ‘зима’. В хеттском языке эпохи письменных памятников в глаголах типа *gimmant-ariia-* выделялся суффикс -(*a*)*riia-*, возникший из древнего сочетания двух суффиксов: *ri* + *ia*. Поэтому глаголы на *-riia-*, соотносящиеся с именными основами на *-ri-*, в хеттском языке являются редкими архаизмами. Архаичный по своей структуре глагол *etriia* очень редко встречается в хеттских текстах. В § 100 хеттских законов, язык которых отражает особенности древнехеттского языка, засвидетельствована итеративная форма на *-sk- e-et-ri-eš-ki-iz-zi* ‘(он) будет кормить [2] (скот)’.

[1] В настоящее время общепризнано, что многие суффиксы, образованные из слияния *-t-* с другими суффиксами, относятся к сравнительно позднему периоду развития индоевропейских диалектов (*I. Holt.* La chronologie des suffixes indo-européens // Bulletin du cercle linguistique de Copenhague. IV. Année 1937—38. Copenhague, 1939. P. 4—6). В этом отношении очень показательно хронологическое соотношение между архаичным хеттским существительным *etri* <**ed-r-i-* и синонимичным *adatar* с продуктивным суффиксом -(*a*)*tar* < **t* + (*e*)*r* (о происхождении этого суффикса ср.: *Benveniste.* Origines. P. 103—110).

[2] Перевод *etrešk-* ‘кормить’, предложенный впервые Вальтером, принят во всех новейших переводах хеттских законов, ср. перевод: *И. М. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 271; *E. Neufeld.* The Hittite Laws. § 100.

Ввиду того, что факты хеттского языка свидетельствуют об архаичности глагола *etriia* (образованного от *etri*-), исключительный интерес представляет обнаруженное Оттеном [1] лувийское соответствие этому хеттскому глаголу. Лувийский глагол *ad*(*a*)*ri*- употребляется наряду с глагольной основой на -*s*-*az*(*zaš*)- в хетто-лувийской билингве KUB IX 31 пер. ст. II 32 в значении, близком к значению хеттского глагола *etriia*-. Поэтому глагольную основу *edri*(*i*)- можно считать общей для хеттского и лувийского языков. Следовательно, производное имя на -*r*(*i*)- от корня *ed*- существовало уже в очень древний период развития индоевропейских диалектов; только этим можно объяснить наличие в хетто-лувийском глагола, образованного от этой именной основы. Поэтому следует рассмотреть вопрос о соответствиях хет. *etri*-(*ad*(*a*)*ri*-) в других индоевропейских языках. Вопрос этот имеет особое значение, так как в данном случае факты хеттского языка позволяют уяснить характер древних именных образований от *ed*- в индоевропейских языках; поэтому следует подробнее остановиться на этом вопросе [2].

Как отмечалось выше, суффикс -*ri*- встречается лишь в нескольких хеттских архаичных именных основах, образованных от индоевропейских корней. Поэтому несомненным является генетическое тождество хеттского суффикса -*ri*- суффиксу -*ri*-, засвидетельствованному в древних именных основах других древних индоевропейских языков, наиболее характерной чертой индоевропейского суффикса -*ri*- является его тесная связь с суффиксами *ro* (*rā*-) и *ru* [3], на основании которой делается вывод о том, что все эти суффиксы явились результатом слияния архаичного суффикса -(*e*)*r*- с вторичными суффиксами -*o*-(-*ā*), -*u*-, -*i*- [4] (см. об этом ниже, в разделе о хет. *ugatar* ‘вода’). В индоевропейских языках известны параллельные образования от одного и того же корня с суффиксами -*ro*-(-*rā*), -*ru*-, -*ri*-, ср. напр., производные от корня *ak*- [5]:

---

[1] *Otten.* Luv. S. 58. Вопросы о морфологической структуре этой хетто-лувийской основы Оттен не рассматривает, так как его исследование ставит своей основной задачей только филологическую иитерпретацию лувийских текстов.

[2] До настоящего времени в научной литературе особенности структуры этой хетто-лувийской основы не изучались, в связи с чем осталось незамеченным и наличие соответствующих образований от корня *ed*- в других индоевропейских языках.

[3] Ср. о связи суффиксов -*ro*- : -*ri*-: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. § 274. S. 381; о связи суффиксов -*ro*- : -*ru*-: *Brugmann.* Указ. соч. § 232. S. 334.

[4] О происхождении *ru* < *-*r*-(*e*)*u* см.: *Benveniste.* Origines. P. 56.

[5] О закономерном развитии значений производных от этого корня см.: *Б. В. Горнунг.* К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков // ИАН ОЛЯ. 1950. Т. IX. Вып. 5. С. 348.

Языки	Основа на *-*ro*-(*rā*-)	Основа на *-*ri*-	Основа на *-*ru*
Греческий	*ἄκρος* ‘верхний, крайний’	*ἄκρις* ‘вершина’	
Латинский	старолат. *ācra*, *ācrum*	*ācris* ‘острая’	
Древнеиндийский	*-aśra* ‘угол’ (в сложных словах)	*aśri-s* ‘острый угол’	
Литовский	*ãštras* ‘острый’		*aštrùs* ‘острый’

Характерной особенностью литовского языка является наличие многочисленных производных этого типа на *-ru-*, тогда как основы на *-ri-* в литовском почти полностью исчезли [1], ср. лит. *aštrùs* : лат. *acris*, др.-инд. *aśri-s* и т. п.

В соответствии с этим можно ожидать, что хетто-лувийскому *ed-ri-* в литовском языке может соответствовать производное на *-ru-*. Это теоретически обоснованное предположение подтверждается реальными фактами: в литовском языке имеется именная основа *ėd-rù-s* ‘прожорливый, всеядный’. Наряду с основой на *-r-u-* в литовском языке имеется именная основа на *-r-o-* : *ėd-rà-* ‘корм (для животных)’; с *edra* связаны синонимичные глаголы *ẽdroti*, *ėdrineti*, *ėdrauti* ‘есть (о скоте), пастись, пощипывать траву’, ср. хет. *etrešk-* ‘кормить (скот)’. Таким образом, сравнение хетто-лувийского с литовским позволяет установить наличие в этих языках производных *ed-r-o-*, *ed-r-u*, *ed-r-i-* от корня *ed-* ‘есть’. Именные основы, образованные от корня *ed-*, являются такими же паралельными образованиями на *-r*o-, *-ru-*, *-ri-*, как и указанные выше производные от корня *ak-*, ср.

Язык	Основа на *-*ro*-	Основа на *-*ri*-	Основа на *-*ru*
Хеттский		*etri*, *etriia* ‘еда’, ср. ‘кормить (скот)’ (лув. *adri-*)	
Литовский	*ėd-rà-* ‘корм (для животных)’, ср. *ẽdroti*, *ėdrineti*, *ėdrauti* ‘есть (о скоте)’		*ėd-rù-* ‘прожорливый, всеядный’

Производные этого типа на *-ro-*, *-ru-*, *-ri-* генетически связаны с основами на *-(e)r-* гетероклитического характера, ср. ниже о связи между хет. *ua̯tar* ‘вода’ и *ua̯taru* ‘источник’, латыш. *ûdri-s* ‘выдра’, рус. *выдра* и т. п. В ряде случаев можно обнаружить, что от одного и того же корня образуются как

[1] За исключением основ со сложными суффиксами *rio-*, *rie-*: *Endzelīns.* Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948. § 133. С. 90.

основы данных типов, так и основы с суффиксом -(*e*)*n*-, ср. приведенные выше производные от корня *ak*- на -*ri*-, -*ro*-, -*ru*- и основу на -*en*- в др.-инд. *aśan*-, авест. *asan* ‘камень’. Поэтому следует обратить особое внимание на то, что наряду с указанными производными от *ed*- на -*ri*- (хет. *etri*-), -*ro*-, -*ru*- существуют и производные с суффиксом -*en*-: лат. *edo*, *edonis* ‘обжора’ (ср. литовск. *ėdrù*- ‘прожорливый’), др.-в.-нем. -*ezzo* в сложных словах (*man-ezzo*- ‘людоед’), ср. суффикс -*eno*- в др.-инд. *ádana*(*m*) ‘корм’, родственном греч. *ἐδανον* ‘еда’ и производным от **ed*- на **-*ono*- в германских языках, выступающих в качестве инфинитивов. Сопоставление всех этих фактов позволяет предположить, что существовало имя существительное, образованное от корня *ed*- *c* помощью суффиксов -*er*-/-*en*-. Это предположение подтверждается данными языка Гомера, где засвидетельствовано существительное *εἶδαρ* ‘еда, корм’ (Е 369 и N 35 — ‘корм (для лошадей)’), приналежащее гетероклитическому типу (род. пад. *εἴδατος* и т. п.). Согласно предположению Шмидта [1], в недавнее время поддержанному Швицером [2], это слово восходит к **ἦδαρ* (а не к **ἔδ-αρ*, как полагают некоторые лингвисты вслед за Шульце) [3]. Греческое **ēdr̥* (**ἦδαρ*), **ed-n̥-t-* (**ηδ-α-τ-*) можно сравнить с хет. *etr-i*- (и *ad-ant*-).

§ 3. Корневой глагол *kuen-* и особенности производных от него слов; редуплицированная именная основа *kunkunuzzi-*

К числу общеиндоевропейских корневых атематических глаголов спряжения на -*mi*- принадлежит глагол **g^{w}hen-* > хет. *kuen*- ‘бить, убивать’. В хеттском языке хорошо сохранились древние морфологические особенности этого глагола (ср. ниже об огласовке корня в формах глагола *kuen*-), в связи с чем в научной литературе неоднократно подчеркивалось значение парадигмы глагола *kuen*- для установления принадлежности хеттского языка к числу индоевропейских [4].

Тип спряжения корневого глагола **g^{w}hen-*, сохраненный в хеттском языке и во всех древних индоиранских диалектах, в других индоевропейских диалектах преобразуется еще в дописьменный период (ср. ст.-сл. **женѫ** и т. п.), но такие архаические формы, как атематический аорист *ἀπέφατο·*

[1] *J. Schmidt.* Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889. S. 173; KZ. Bd. 32. S. 347; *K. F. Johansson.* BB. 18. S. 16.

[2] *E. Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. I. 1939. S. 227.

[3] Ср., напр.: *E. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 4. Bern, 1950. S. 289. Достаточных оснований для предположения об исчезновении **u̯* в данном слове нет, ср.: *E. Schwyzer.* Там же.

[4] Ср. об этом: *E. H. Sturtevant.* The Prehistory of Indo-European; a Summary // Language. 1952. Vol. 28. № 2 (part 1). P. 177; *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 35, примеч. 107.

ἀπέθανεν (Гесихий) [1], указывают на относительно позднее исчезновение корневых форм в греческом.

Как и во многих других индоевропейских языках, в хеттском засвидетельствованы многочисленные производные глаголы и имена, образованные от корня *$g^{w}hen$- > *kuen*-.

Изучение особенностей употребления хеттских слов, относящихся к данному корню, как и анализ их морфологической структуры, существенно для установления сходных черт в образовании и употреблении производных от общеиндоевропейских корней в различных древних индоевропейских языках. Чрезвычайно употребительный глагол *kuen*- ‘бить, убивать, разбивать (противника)’ послужил для образования ряда производных глагольных основ: *kuuašk*- (итеративное образование на -*šk*-), *kuennai*-, *kuenniia* ‘разбивать’. В новохеттских текстах (напр., в анналах Мурсилиса) корневой глагол *kuen*- и производные от него глаголы чаще всего употребляются в качестве специального военного термина в значении «разбить (противника), нанести полное поражение врагу». Образование от *$g^{w}hen$- производных, играющих важную роль в специальной военной лексике, характерно и для других индоевропейских языков, в особенности древнегерманских, ср. др.-англ. *gūð*- ‘битва, война’, входившее в базисный словарь древнеанглийского языка [2], и родственные слова других древних германских языков, восходящие к *$g^{w}hn̥tjā$ [3]: др.-исл. *gunnr*, *guðr*, др.-в.-нем. *gund*- (в сложных словах), др.-сакс. *gûdea* ‘битва, война’ (в «Песне о Хильтибранте», ср. там же сложное слово *gûðhamo* ‘боевая одежда’, ср. др.-в.-нем. **gund*- в сложных словах и т. п.). Указанные слова германских языков послужили для образования многочисленных сложных слов, являвшихся специальными военными терминами, как и новохеттские глаголы, производные от *$g^{w}hen$- > *kuen*-.

Помимо названных глаголов в хеттском языке имеется производное имя существительное *kunkunuzzi* ‘смертоносное каменное орудие, убийца’, по своей структуре это существительное является редуплицированным образо-

[1] Ср., напр.: *П. Шантрен.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953. § 183. С. 136, примеч. 1. Образование в греческом данного среднего корневого аориста от корня *$g^{w}hen$-, не принадлежащего к числу недлительных аористических корней, указывает на особый характер этого образования, ср. ниже о греч. *ὦρτο*, находящем соответствие в хеттском *ar*-, медиопассивные формы которого принадлежат к спряжению на -*mi*.

[2] О роли *gūð* и производных от него в древнеанглийском ср.: *В. А. Звегинцев.* Общие и внутренние законы развития языка // Иностранные языки в школе. 1951. № 5. С. 5.

[3] Об архетипе данных слов ср.: *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 50; *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. § 305. S. 44.

ванием от *kuen-* с суффиксом *nomina instrumenti -uzzi-* [1]. На редупликацию этого корня следует обратить особое внимание потому, что в «Ригведе» встречается аналогичное редуплицированное именное образование от корня *g*^{w}*hen-* : *ghanāghana-* ʻсильный в сражении’, ср. также ведийские интенсивные причастные основы с тем же типом удвоения *jáṅghanat-*, *jáṅghnat-*, *ghánighnat-*. Существительное *kunkunuzzi* в хеттских текстах употребляется по отношению к камню, из которого выделывалась головка жезла (булавы); ср. употребление производных от *g*^{w}*hen-* для обозначения орудий в других индоевропейских языках: ведийское *ghaná-* ʻтот, кто уничтожает, разрушает; дубина’; др.-исл. *gandr* ʻпалка, шест’.

Наряду с употреблением *kunkunuzzi* в качестве названия каменного орудия и камня, из которого сделано это орудие, следует отметить особую роль этого слова в хеттских мифологических текстах. В поэме «Песнь об Улликумми» существительное *kunkunuzzi* употребляется в качестве прозвища каменного чудовища Улликумми, которое бог Кумарби породил для уничтожения своих соперников. Основное значение *kunkunuzzi-* ʻкаменное орудие, служащее для уничтожения’ сохраняется, но это существительное служит в то же время в качестве названия мифологического существа. В некоторых местах поэмы встречается сочетание существительного *kunkunuzzi-* с корневым глаголом *kuen-*, указывающее на живую связь между этими словами, ср., напр., [*ku-e*]*n-ta-ua-ra-an-kán ku-u*[*a-at-qa*] ^{NA4}*ku-un-ku-n*[*u-zi-iš*] ʻон-де, *kunkunuzzi* (т. е. Улликумми, каменное чудовище), возможно убил (*kuen-*) его’ (Ullikummi, 3 табл., I, 32—33). С этим значением хеттского производного от *kuen-* можно сравнить значение указанного выше др.-инд. *ghanaghana-* ʻсильный в сражении’, ср. также авестийское *Vərəθrajna* < **vṛtra-ghna-* ʻуничтожающий сопротивление’ (название мифологического существа) [2].

Рассматриваемые факты, следовательно, говорят о том, что структура, употребление и значение производных от корня в хеттском языке близки к явлениям, обнаруживаемым в других индоевропейских языках.

Но при изучении производных от *g*^{w}*hen-* (как и от многих других индоевропейских корней) в хеттском языке обнаруживаются и явления, характерные только для хеттского языка. В частности, следует отметить специфическое употребление хеттских производных от данного корня в качестве юридиче-

[1] Интерпретация Стертеванта (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 107. P. 77), обоснованная Гютербоком: *H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1952. Vol. 6. № 1. P. 37. В указанной статье Гютербока показаны слабые стороны более ранних опытов истолкования этого существительного.

[2] Ср. об этом древнеиранском слове: *E. Benveniste, L. Renou.* Vṛtra et Vrθragna // Cahiers de la Société Asiatique. III. Paris, 1934; ср.: *J. Bloch.* Journal asiatique. T. CCXXVIII. 1936. P. 164—165.

ских терминов. В хеттских законах глагол *kuen-* в ряде параграфов (§ 187, 188, 198, 199) имеет значение «приговаривать к смертной казни; карать смертью» [1]. Соответственно *kunannaš* (форма род. пад. ед. ч. редко встречающегося отглагольного существительного на *-atar*) в текстах KUB XXVI 58 пер. ст. 16 и в KUB XIV 31 II 7 (письмо Tawagalawa) [2] выступает в значении «заслуживающий умерщвления» [3] (характерное для хеттского языка употребление формы родительного падежа; ср. ниже о синонимичном *ḫarkannaš*). Подобные специфические для хеттского языка случаи свидетельствуют о своеобразном развитии производных от архаичного общеиндоевропейского корневого глагола *g*^{w}*hen-*, особенности которого хорошо сохранились в хеттском языке.

§ 4. Корневой глагол *u̯ek-* и его производные; редуплицированная основа *u̯eu̯ak-*

Корневой атематический тип спряжения глагола *g*^{w}*hen-*, как отмечалось выше, сохраняется только в индоиранских языках и в хеттском; в греческом обнаруживаются лишь следы древнего типа образования форм этого глагола. Точно такое же соотношение между индоиранскими, хеттским, греческим и другими индоевропейскими языками можно отметить и при изучении формы древнего корневого глагола **u̯eḱ-*. В 1934 г. (в седьмом издании своего «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков») Антуан Мейе писал: «Есть следы многих индоевропейских атематических форм настоящего времени, исчезнувших в большинстве языков. Так, у вед. *váśmi* ‘хочу’, *úśmasi* ‘хотим’, гат. *vasəmī*, *usmahī* нет соответствий вне индоиранского; но греческое прилагательное *ϝεκών* ‘добровольный’ с тоном на том же месте, что и у *ἰών* ‘идущий’, есть причастие от несохранившейся формы настоящего времени, соответствующей вед. *vaśmi*» [4]. Через двадцать лет после того как были написаны цитированные строки, наличие в общеиндоевропейском языке-основе корневого глагола **u̯ek-* можно было считать доказанным.

Гипотеза об общеиндоевропейском характере данного корневого глагола была подтверждена благодаря обнаружению в хеттском языке глагола *u̯ek-* ‘желать, требовать’, соответствующего др.-инд. *vaś-*, авест. *vas-* и по значе-

[1] См.: *S. Alp.* Rec. ad op.: *E. Neufeld.* The Hittite Laws // JCS. 1952. Vol. 6. № 2. P. 96 (примеч. 5) и перевод § 197—198, p. 97.

[2] Напечатано Зоммером: *Sommer.* AU. S. 6.

[3] См.: *S. Alp.* Там же. P. 93, примеч. 27. Этот случай следует прибавить к другим ранее известным примерам употребления род. пад. этого типа, ср.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 223. С. 131; *Pedersen.* Hittitisch. § 94. S. 149; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 69.

[4] *Мейе.* Введение. С. 217; ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. Lief. 1. § 521. S. 91.

нию, и по типу спряжения (ср. хет. *ḫek-mi* ʻя требую’, др.-инд. *váś-mi*, авест. *vasᵊ-mi*).

Значительный интерес представляет не отмечавшееся в научной литературе полное структурное тождество редуплицированных глагольных основ, образованных от корня *ḫek-* в хеттском и ведийском: хеттское *ḫeḫak-* ʻмногократно требовать’ соответствует по типу удвоения ведийскому *vaváś-* (в «Ригведе» употребляется в значении «желать, чтобы то или иное действие совершилось», RV, 665, 6). Это точное соответствие особенно показательно ввиду того, что редуплицированные глагольные основы в хеттском языке встречаются редко. Значение хеттской редуплицированной основы *ḫeḫak-* близко к значению итеративных основ *ḫekišk-* (напр., KBo V 6 III 50) и *ḫešk* (< *ḫeksk-*). Эти производные на *-sk-* от корня *ḫek-* не имеют точных соответствий в других индоевропейских языках; учитывая относительно поздний период распространения глаголов на *-sk-* в хеттском (см. об этом ниже), можно предполагать, что редуплицированная основа *ḫeḫak-* восходит к более древней эпохе, чем синонимичная итеративная основа *ḫekišk-*/*ḫešk-*. Параллельное употребление *ḫeḫak-* и *ḫekišk-* можно обнаружить еще в текстах начала новохеттского периода. В анналах Мурсилиса, в тексте KBo III 4 II 11 употребляется глагол *ḫeḫak-*: *nu-ḫa-ra-aš-ta* EGIR-*pa ku-it ú-e-ḫa-ak-ki-nu-un* ʻи так как я их у тебя требовал много раз’, но в дубликате 888/c [1] употребляется в том же значении *ú-e-ki-iš-ki-nu-un* ʻя многократно требовал (о множестве предметов)’. Подобные факты представляют особый интерес, так как они позволяют проследить процесс исчезновения древних редуплицированных образований, функции которых стали исполнять чрезвычайно употребительные и продуктивные в новохеттском языке глаголы на *-šk-*.

От корня *ḫek-* в хеттском языке образованы не только указанные глагольные основы, но и отглагольное существительное [2] на *-ḫar uek(u)ḫar* ʻтре-

[1] Опубликовано Оттеном: *H. Otten.* Ein Beitrag zu den Boğazkoy Tafeln im Archäologischen Museum zu Ankara // Bibliotheca Orientalis. 1951. Jg. 8. № 6. S. 227, примеч. 27. См. там же о других редуплицированных глагольных основах с аналогичным значением. В свете этих фактов замечание Зоммера об отсутствии определенной временной функции у редуплицированных основ в хеттском (*F. Sommer.* Hethiten und Hethitisch. S. 53 — о *ḫeḫak-*) должно быть уточнено и дополнено указанием на то, что редуплицированные глагольные основы в хеттском имели видовое значение, отличное от значения соответствующих нередуплицированных основ.

[2] В хеттологических работах 20—40-х гг. XX в. эта форма обычно называлась «инфинитивом». В настоящее время установлено, что точнее говорить не об инфинитивах, а об отлагательных существительных на *-ḫar* (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 101. P. 74). Фридрих, пользовавшийся в своей «Краткой грамматике» (1940 г.) термином «первый инфинитив», в настоящее время в предисловии к словарю хеттского языка

бование’, об употребительности которого свидетельствует наличие таких форм, как форма отлож. пад. ед. ч. *ḫekuḫarraz*[1] (от других существительных этого типа формы отлож. пад. не засвидетельствованы; единственное исключение составляет производное от *uesiḫa-* ‘пасти’, см. ниже). Но древний гетероклитический тип этого отглагольного существительного на *-*ḫer-*/*ḫen-* в хеттском языке изменен вследствие обобщения основы на *-r*, как и в большинстве других существительных на *-ḫar* (ср. однако ниже о сохранении форм на *-ḫan-* у существительного *aššiḫaḫar*, *aššiḫaunit*).

§ 5. Корневой глагол *ep-* и связанные с ним производные слова

Во всех рассмотренных выше случаях формы корневых глаголов сохранены в индоевропейских языках с наиболее древними памятниками (хеттском, индоиранском и в меньшей степени в греческом). Поскольку, как видно из рассмотрения **ḫe͡k-* и **g^{w}hen-*, корневые глаголы лучше всего сохраняются в хеттском и древних индоиранских языках, некоторые общеиндоевропейские корневые глаголы спряжения на *-mi* оказываются представленными только в этих языках, ср. хет. *šeš-* ‘покоиться, спать’ и др.-инд. *sas-* (подробнее этот корневой глагол рассматривается ниже в связи с синонимичным глаголом *šup-*). Другие корневые глаголы сохранились только в хеттском языке, тогда как в индоиранских и некоторых других индоевропейских языках можно обнаружить только следы корневых атематических форм.

К числу корневых глаголов, от которых в других индоевропейских языках сохранились только следы, принадлежит хет. *ep-* ‘схватывать’. Ведийская основа перфекта *āp-* ‘достигнуть, завладеть’ (1 л. ед. ч. *āp-a* и т. п.) и формы причастия на **-to-* в древнеиндийском (*āp-tá-*) и латинском (*ap-tus*) языках указывают на существование соответствующего корневого глагола в древних индоевропейских языках в дописьменный период их развития. Но в формах настоящего времени во всех языках, кроме хеттского, засвидетельствованы только производные основы др.-инд. **āp-no-ti* ‘он достигает’, авест. *āfəntə* ‘они достигнуты’ (< др.-ир. **apḫantai*, суффикс *-ḫo- > -ḫa-*), лат. *ap-ī-sc-or* ‘достигаю, получаю’. В хеттском языке корневой атематический тип спряжения глагола *ep-* хорошо сохранился[2] (ср. 1 л. ед. ч. наст. вр. *ep-mi*, 3 л. ед. ч.

высказался за замену этого термина термином «Verbalsubstantiv» (*J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 16).

[1] Ср. об этой форме: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 205 б. С. 122.

[2] Вероятным является предположение о наличии глагола *ap*(*a*)- ‘хватать’ в иероглифическом хеттском, но эту гипотезу нельзя еще считать окончательно доказанной, см.: *J. Friedrich.* Zur Lesung der hethitischen Bilderschrift // AOr. 1953. Vol. 21. № 1. S. 138, примеч. 8.

наст. вр. *ep-zi*). Глагол *ep-* принадлежал к числу корневых глаголов, входивших в ядро базисного словаря хеттского языка. Глагол *ep-*, производные от этого глагола и многочисленные фразеологические выражения, одним из компонентов которых был глагол *ep-*, очень употребительны в хеттских текстах. Для сопоставления с латинской основой *ap-ī-sc*(-*or*) известный интерес представляет итеративное образование на *-sk-* в хеттском; *appešk-* (ср., напр., 3 л. мн. ч. наст. вр. *ap-pí-eš-kán-zi*, KUB XIX 37 обр. ст. IV 7), но в данном случае речь идет о двух параллельных образованиях от *ep-* на **-sk-*, генетически непосредственно не связанных; хет. *appešk-* образовано от корневого глагола *ep-*/*ap-*, тогда как лат. *ap-ī-sc-*(o*r*) связано с *-apio*, ср. старолат. *coepio* (у Плавта), *coepi*. Характерной особенностью хеттских именных производных от *ep-* является их ярко выраженная связь с корневым глаголом. Существительное *appant-* ʻ(военно)пленный’ сохраняет тесную связь с причастием *appant-* ʻсхваченный’, глагольный характер которого особенно отчетливо проявляется при его предикативном употреблении, ср. напр., *ma-a-an-kán* ^{LÚ}*MU-NAB-TUM ku-iš-ki IŠTU* ^{LÚ}KÚR *ap-pa-an-za* ʻесли какой-нибудь беглец на стороне врага схвачен (= будет схвачен)’, KUB XXI I + XIX 6, III, 68. Тесная связь отглагольного существительного на *-atar app-atar* ʻзахват; взятие’ (= акк. *sabatu* в словаре KBo I 42. II 35, 45 I II) с корневым глаголом *ep-* сказывается в том, что это существительное выступает в исключительно своеобразных конструкциях, основанных на употребительных фразеологических сочетаниях глагола *ep-* с именем существительным или с наречием-приставкой. На основании сочетания *kurur ep-* ʻвозыметь ненависть (*kurur*), возненавидеть’ [1] возникает *kurur appatar* ʻвраждебность’ [2] (соответствует аккадскому *saru*(*m*) в словаре KBo I 45 II 4). На основании сочетания *ḫanza ep-* ʻдружески приветствовать (?)’, которое занимает промежуточное положение между сочетанием *ep-* с существительными (напр., *kurur*) и с приставками (ср. ниже о своеобразии грамматической роли хет. *ḫant-*), образовано *ḫanza appatar* ʻприветствие (?)’. На базе словосочетания *appa ep-* ʻбрать назад’ [3] возникает *appa appatar* ʻполучение (чего-либо) назад; повторное приобретение’ [4], ср. аналогичное *šara appatar* ʻподнятие’ при *šara ep-* ʻподнимать’. Синонимичное *šara ep-* сочетание *šer ep-* ʻвоздеть (руки)’ послужило основой для *šer appatar*, выступающего в качестве религиозного термина, эквивалентного аккадскому *nis qati* ʻподнятие рук’ [5]. Приведенные примеры показывают,

[1] *F. Sommer.* HAB. S. 115.
[2] *Friedrich.* Staatsverträge. I. P. 88.
[3] *Sommer.* AU. S. 317.
[4] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 26.
[5] См.: *M. Vieyra*. Revue de l’histoire des religions. P. 119, 121 и сл.

что стало возможным образование подобных конструкций на основе каждого из употребительных фразеологических сочетаний глагола *ep-* с наречием или приставкой; такие сочетания находились на пути к превращению в сложное слово (ср. ниже об *andaiandatar*, образованном от *antiiant* < *anda iiant-*). Создание такого рода словосочетаний свидетельствует о значительной роли корневого глагола *ep-* в лексико-фразеологической системе хеттского языка. Производные от *ep-* имели существенное значение уже в древнехеттскую эпоху. В архаичных по языку хеттских законах встречается производный от *appatar* глагол *appatariia-* (*appatriia-*) ʻбрать в залог' (§ 76 и § 164)[1], указывающий на роль отглагольного производного *appatar* для образования новых слов, начиная с древнехеттской эпохи. Глагол *appat*(*a*)*riia-* представляет интерес также и по своей морфологической структуре: в этой производной основе наблюдается характерное для хеттского языка сочетание нескольких суффиксов: *app-atar-iia-*, ср. в § 164 хеттских законов форму I инфинитива[2] *app-atr-i-anzi* с еще более сложной структурой. Но строение этой производной основы оставалось отчетливым благодаря соотнесенности с корневым глаголом *ep-*. Наличие в хеттском языке ряда производных существительных и вторично произведенных от них глаголов, тесно связанных с корневым глаголом *ep-*, при почти полном отсутствии первичных производных глаголов (за исключением итеративного *appešk-*), должно было способствовать сохранению в хеттском языке особенностей корневого глагола *ep-,* в других языках замененного производными от него глаголами.

§ 6. Корневой глагол *tarḫ-* и родственные ему основы на **-u̯-*(*er*)*-en-* в хетто-лувийских и индоиранских языках

Хеттский корневой глагол спряжения на *-mi tarḫ-* ʻпобеждать, покорять' восходит к корню, который представлен в ряде древних индоевропейских языков. Значение глагола *tarḫ-* ʻпобеждать, покорять' (ср., напр., в древнехеттских текстах: Tel. I, 6; I, 16; I, 26; II 43) точно соответствует значению родственного ведийского *tárati* ʻон побеждает', авест. *ti-tarənt-* ʻпобеждающий' в ряде других производных от этого корня в индоиранском[3].

[1] О значении этого глагола см.: *И. М. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 269, примеч. и примеч. 4 к с. 276; *Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 26.

[2] «Супин» согласно старой терминологии Фридриха; «инфинитив 1-й» согласно новой терминологии (ср.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 16).

[3] Генетическая связь хеттского и индоиранских глаголов отмечается во многих работах (см., напр., *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 30; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 74. P. 40), но не обращается при этом должного внимания на полное семантическое тождество хет. *tarḫ-* и некоторых производных от индоиранского *tar-* (так как обычно в

Но в индоиранских языках корневой атематический глагол, соответствующий хеттскому *tarḫ-*, не сохранился, хотя имеется большое число производных основ, относящихся к этому корню. Существование в древности соответствующего корневого глагола и в индоиранском доказывается такими ведийскими формами, как причастие *tīr-ṇa* и т. п. В ведийском встречается также в качестве второй части сложного слова корневое образование *-tur* [1], напр. *viśva-tur* (об Индре — RV, 708, 5) ʻвсепобеждающийʼ, *vṛtra-túr* ʻпобеждающий врагаʼ (ср. выше о *Varəθraγna* в «Авесте») и т. п. Корневое имя *tir* в «Ведах» выступает в качестве инфинитива. Поэтому для древнейшего периода развития индоиранского языка-основы можно установить наличие корневого имени и корневого глагола, родственного хеттскому *tarḫ-*. Однако в древних индоиранских памятниках встречаются только пережиточные формы, образованные от непроизводной глагольной основы *tar-* (ср. выше об аналогичном постепенном исчезновении корневого глагола *ap-* в индоиранском).

В хеттском языке с глаголом *tarḫ-* ʻпобеждать, покорять, мочьʼ связано прилагательное *tarḫuili-* ʻсильныйʼ [2] и образованное от этого прилагательного отвлеченное существительное *tarḫuilatar* ʻсилаʼ (употребляется в специфическом значении «мужская сила»). В прилагательном *tarḫu-ili-* выделяется суффикс *-ili-* [3] и основа *tarḫu-*. Эта основа на *-u-* является весьма древней, как показывает сравнение с другими индоевропейскими языками[4]. Основа с суффиксом *-u-* засвидетельствована в древнейших памятниках индоиранских языков: ведийское *táru-tra-* ʻпобедоносныйʼ, *taru-tr* ʻпобедительʼ, ср. глагольную форму *taru-te* (RV, 902, 2), *tūrva-ti* ʻон побеждаетʼ, авест. *ta^{u}rvaye^{i}ti* ʻон побеждаетʼ и т. п.

Сравнение с данными индоиранских языков позволяет установить архаичность хеттских отглагольных основ на *-u̯ar*, *-u̯an*, образованных от корня *tarḫ-*: супина *tarḫuu̯an* и отглагольного существительного *tarḫuu̯ar* ʻспособность, возможностьʼ (ср. значение *tarḫ-* ʻмочьʼ), род. пад. *tarḫuu̯aš* (KUB XIII 20 I 36). Сравнительная грамматика хеттского языка показывает, что формы на *-u̯ar*, *-u̯an* восходят к основам гетероклитического существительного на **-u̯er*/*u̯en*; к то-

сравнительно-исторических работах приводятся в этой связи значения других производных от этого корня: *trā-ti* ʻон защищаетʼ и т. п., менее близкие к значению *tarḫ-*).

[1] О фонетических соотношениях хеттских и ведийских форм см. ниже.

[2] О значении этого прилагательного ср.: *E. H. Sturtevant.* Hittite Glossary. 2nd ed. Philadelphia, 1936. P. 153.

[3] См. о суффиксе *-ili-*: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 54, 6. С. 57.

[4] Наличие индоиранских соответствий хет. *tarḫu-* (в *tarḫuilatar*) отмечает Гётце: *A. Goetze.* The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names // JCS. 1954. Vol. 8. № 2. P. 80, примеч. 104. В хеттских текстах встречается также и глагол *tarḫu-*, но его соотношение с *tarḫ-* еще не вполне выяснено (ср.: *A. Goetze.* JAOS. 1954. Vol. 74. № 3. P. 190; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. S. 213).

му же типу отглагольных имен возводятся и индоиранские инфинитивы на *-van*[1]. Поэтому хет. *tarḫuu̯an* следует признать генетически тождественным индоиранской именной основе, образованной от *tar-* с помощью суффикса *-van*, ср. др.-инд. инфинитив *turváṇe* (в «Ведах» *turvan-* означает «победа»), др.-инд. прилагательное *turváṇi-* ‘победоносный’ и авестийское *taurvan-* с тем же значением[2] и авест. *ta^{u}rvar-*. Данные основы в индоиранском являются производными от глагольной основы на *-u-* , см. выше о др.-инд. *taru-te* и т. п.

Следовательно, первоначальным для ведийского *turvan-* ‘победа’ следует считать трехчленное деление: *tur-v-an*. Аналогичным было и древнее строение родственных хеттских основ: в хеттском *tarḫuu̯ar* суффикс *-(a)r* присоединялся к основе на *-u-*, как показывает форма род. пад. *tarḫ-uu̯-aš*. В период письменной истории хеттского языка образование отглагольного существительного на *-uu̯ar* (род. пад. *-uu̯aš*) и супина на *-uu̯an* было возможно от всех глаголов независимо от того, имелась ли параллельная основа от данного корня на *-u-* или же не имелась. Суффикс супина *-uu̯an* стал неразложимой морфемой, тогда как относительная членимость *-(u)u̯ar* в отглагольных именах определялась только отсутствием *-r* в формах косвенных падежей, но и эта особенность постепенно устранялась, ср. приведенную в § 4 форму отлож. пад. *u̯ekuu̯arraz*, где обобщен суффикс имен. пад. *-u̯ar-*[3]. Поэтому особый интерес представляют архаичные основы на *u̯-er*, *u̯-en*, образованные от *tarḫ-*. Древнее членение этих хеттских основ удается установить, во-первых, благодаря тому, что основа *tarḫu-* представлена не только в форме род. пад. *tarḫuu̯aš* (которую можно было бы счесть и новообразованием ввиду продуктивности данного типа основ), но и в других именных производных (см. выше о *tarḫ-u-ili*, *tarḫ-u-il-atar*), во-вторых, ввиду прозрачности морфологической структуры соответствующих именных основ в древнеиндийском (*tur-v-an*) и древнеиранском (*taur-v-an*).

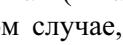
Рассмотренные факты показывают, что с основой *tarḫu-* в хеттском языке связан ряд архаичных производных имен. Поэтому значительный интерес представляет гипотеза Гётце о связи с данным корнем именной основы *tarḫunt-*,

---

[1] См.: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 101—102. P. 74—75 (с указанием литературы вопроса). Ср. также ниже о склонении существительного *aššiu̯aru̯ar*, которое подтверждает гипотезу Стертеванта.

[2] Об авест. *taurvan* см.: *Chr. Bartholomae.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. S. 643. Генетическое тождество образованных от данного корня хеттских и индоиранских форм на *-u̯er*/*-u̯en* ранее в хеттологических работах не отмечалось.

[3] В этом отношении показательно также наличие новых форм мн. ч. типа *minumarr-i* при архаичном *minumar* (см. ниже о формах мн. ч. архаичных существительных гетероклитического склонения типа *u̯atar*), см.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 205. С. 122.

известной из иероглифического хеттского и лувийского языков, а также из топонимии древней Малой Азии[1]. В иероглифическом хеттском языке  *tar-ḫu*(*n*)*-tá-s* является именем «бога грозы»[2]; в лувийском ^{d}*tar-ḫu-un-za* (KUB XXXV II 36 = LTU, с. 43) также употребляется в качестве имени бога грозы[3]. Образование имени бога грозы от основы *tarḫu-*, известной из прилагательного *tarḫu-ili* ʻсильный’, можно связать с тем, что идеограмма ^{d}U ʻбог грозы’ в богазкёйских текстах чаще всего выступает в сочетании ^{d}U NIR.GÁL ʻмогущественный бог грозы’. Основа *tarḫunt-* может быть причастием на *-nt-* от глагола *tarḫu-* ср. аналогичное причастие в «Ригведе»: *turvant-as* (RV, 455, 3) и т. п. Поэтому анализ лувийского и иероглифического хеттского *tarḫunt-* позволяет предположить, что основа *tarḫu-* (от корня *tarḫ-*) была общей для хеттского языка в других древних индоевропейских языках Малой Азии.

Исследование производных от корневого глагола *tarḫ-* в клинописном хеттском языке обнаруживает исключительную близость хеттских производных основ основам, образованным от того же корня в других древних индоевропейских языках (в частности, индоиранских). Но сохранение корневого глагола в данном случае, как и во многих других, является отличительной особенностью хеттского языка.

§ 7. Корневой глагол *šanḫ-*

В рассмотренных выше случаях в хеттском языке сохраняется корневой глагол спряжения на *-mi*, который в ведийском не засвидетельствован, но может быть реконструирован на основании некоторых архаичных ведийских форм, в том числе причастных (ср. хет. *ep-* : др.-инд. *āp-ta-*; хет. *tarḫ-* : др.-инд. *tūr-na-*). Сходные явления можно обнаружить и при изучении ведийских соответствий хеттскому корневому глаголу спряжения на *-mi šanḫ-* ʻстремиться, требовать’. Хеттскому *šanḫ-* ʻстремиться, добиваться’ соответствует ведийское *sanóti* ʻон достигает’[4]. Семантическая связь хеттского и древнеин-

[1] *A. Goetze.* The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names // JCS. 1954. Vol. 8. № 2. P. 80.

[2] К литературе об этом иероглифическом хеттском имени, указанном Оттеном (*Otten.* Luv. P. 102, примеч. 192), следует присоединить названную в предыдущем примечании статью Гётце и работу *J. Friedrich.* Zur Lesung der hethitischen Bilderschrift. 1953. Bd. XXI. № 1. S. 133, 139.

[3] Интерпретация Оттена: *Otten.* Luv. P. 101—102. Фонетическое чтение идеограммы ^{d}U ʻбог грозы’ в клинописных хеттских текстах не установлено.

[4] Об этой этимологии многократно писал Курилович в статьях по ларингальной гипотезе (ср.: *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. Kraków, 1935), ср. также *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 29.

дийских слов данного корня может быть установлена благодаря тому, что в «Ведах» производные от *san-* часто имеют значение ʻполучить желаемое, достигнуть целиʼ. Во II мандале «Ригведы» встречается производное *sān-u-ka* ʻжадный к добычеʼ — (RV, 214, 7) *sānukás vṛ́kas* ʻволк, жадный к добычеʼ, ср. древнехеттское *ešḫar šanḫ-* ʻстремиться к кровиʼ (термин, связанный с кровной местью, ср. ниже в разделе об *ešḫar*). На основании всех этих фактов можно предположить, что в древнеиндийском значение «достигать» было связано со значением «стремиться (к цели)» (значение ведийского дезидератива от *san-*, ср. выше о *sān-uka-*) > «достигнуть цели».

В ведийском личные глагольные формы образуются от производных основ, восходящих к данному корню: *sanu-*, *sana-*; но причастие *sā-ta* свидетельствует о наличии в древности корневого глагола, ср. также употребление корневой основы *-san-* в качестве второй части ведийских сложных слов типа *go-san* ʻдобывающий быковʼ. Поэтому наличие в хеттском языке корневого глагола (спряжение на *-mi*) *sanḫ-* показывает, что в хеттском языке сохранилось корневое слово, принадлежавшее к общеиндоевропейскому словарю.

§ 8. Корневой глагол *ḫark-* и глагол с носовым инфиксом *ḫarnink-* в сравнении с родственными словами других индоевропейских языков

В предшествующих параграфах разбирались корневые глаголы хеттского языка, имеющие соответствие в архаичных древнеиндийских формах. Но исследователи индоевропейских языков еще до открытия хеттского языка обращали внимание на то, что в некоторых индоевропейских языках существуют следы корневых глаголов, не имеющих соответствий в древнеиндийском. Сравнение с фактами хеттского языка позволяет и в этих случаях установить большую древность корневого глагола. В этом отношении значительный интерес представляет хеттский корневой глагол *ḫark-* (спряжение на *-mi*).

С корневым глаголом *ḫark-* ʻпогибатьʼ, входившим в ядро базисного словаря хеттского языка, связан целый ряд производных именных и глагольных основ. Существительное *ḫarga-* (общ. р.) имело значение «гибель, бедствие, опасность» [1]. Отглагольное существительное на *-atar* выступает в форме род. пад. *ḫarkannaš* ʻзаслуживающий смертиʼ [2]: *ma-a-na-aš ḫar-kán-na-aš na-aš ḫar-*

[1] *Götze.* AM. P. 286 и перевод, p. 81. Наряду с существительным *ḫarga*(*š*) существовало прилагательное *ḫarga-*; но его значение точно не определено, так как оно засвидетельствовано лишь в одном тексте (см.: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 85—86).

[2] О значении этой формы см.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 223. С. 131; *H. Pedesen.* Hittitisch. § 94. S. 149; *S. Alp*. Rec. ad op. *E. Neufeld.* The Hittite Laws // JCS. 1952. Vol. 6. № 2. С. 96, примеч. 27; Фридрих (*J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. 2. S. 86) устанавливает основу *ḫarkanna-*; однако нет оснований считать, что форма

ak-du ‘если он заслуживает смерти (присужден к смерти), то пусть он умрет (погибнет)’, KBo IV 10 I 10 (ср. выше об аналогичном употреблении формы *kunannaš* от *kuen-*). Как показывает приведенное предложение, связь между формой род. пад. ед. ч. отглагольного существительного *ḫar-kán-na-aš* и формой 3 л. ед. ч. повел. накл. корневого глагола *ḫar-ak-du* (= *ḫarktu*) была очень тесной. С приведенным примером употребления формы *ḫar-kán-na-aš* нельзя не сопоставить употребление формы *ḫar-kán-na* в автобиографии Хаттусилиса III: *a-pa-a-aš-ma-mu ḫar-kán-na... ša-an-aḫ-ta* ‘он же... старался меня погубить (искал для уничтожения)’ (Hat. III 63—64). По своему синтаксическому функционированию в этом предложении *ḫarkanna* является именной, а не глагольной формой, так как объект *mu* связан с глаголом *šanhta*, а не с *ḫarkanna*[1]. Поэтому, учитывая полный параллелизм в употреблении форм *ḫarkannaš* и *ḫarkanna* в приведенных предложениях, форму *ḫarkanna* следует признать формой дат.-мест. пад. ед. ч. отглагольного существительного на *-atar*, еще не утратившей характер именной формы (ср. ниже, § 9 об аналогичных формах, образованных от *ed-* и от *eku-* ‘пить’). Это показывает, что процесс превращения форм дат.-мест. пад. ед. ч. отглагольных существительных на *-atar* в инфинитивы на *-anna* осуществлялся на относительно позднем этапе развития хеттского языка.

Употребление указанных форм отглагольного существительного *ḫarkatar* ‘смертная казнь, уничтожение’ подтверждает предположение Х. Педерсена о том, что первоначальным значением глагола *ḫark-* было не «погибать», а «губить»[2]. В этой связи значительный интерес представляет тот факт, что в древнехеттских текстах итеративный глагол *ḫarkišk-* ‘погибать (о множестве людей)’ спрягается по медиопассивному типу, см., напр., в документе Телепинуса: DUMU^{MEŠ} LUGAL-*ma ku-e-da-ni še-ir ḫar-ki-iš-kán-ta-ri* ‘(тот) же, из-за кого погибают царевичи’ (Tel. II, 56—57). Возможно, что в значении «погибать» первоначально употреблялись только медиопассивные формы данного глагола, тогда как активные формы корневого глагола *ḫark-* могли иметь значение «губить, убивать» (ср. *ḫarkatar* ‘смертная казнь, уничтожение’). Но

род. пад. ед. числа *ḫarkanna-* утратила связь с формой им. пад. на *-atar*, как это имело место при образовании существительного *ḫaššanaš* из употреблявшейся в конструкциях данного типа формы род. пад. ед. ч. от *ḫaššatar*, см. об этом: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 69; *Sommer.* HAB. S. 76, примеч. 2. Ср. ниже о форме *ḫarkanna*.

[1] Ср.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 281. С. 146 (см. также *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. 1. S. 80—81).

[2] *H. Pedersen.* Hittitisch. S. 143. Педерсен, основываясь на сопоставлении с глаголом *ištark-*, предполагал, что значение «погибать» могло развиться из первоначального значения «губить» после переосмысления переходного глагола в безличном употреблении как непереходного.

в эпоху, к которой относятся письменные памятники хеттского языка, активные формы глагола *ḫark-* имеют значение «погибать», тогда как в значении «губить, уничтожать» употребляются только каузативные глаголы *ḫarnink-* и *ḫarganu-*. Этим развитием значений можно объяснить то, что в хеттских текстах (начиная уже с документа Телепинуса) глагол *ḫarnink-* ‘губить’ употребляется значительно чаще, чем глагол *ḫark-*. Глагол *ḫarnink-* в хеттских текстах является необычайно употребительным; достаточно указать на то, что в некоторых местах анналов Мурсилиса глагол *ḫarnink-* употребляется почти в каждом предложении, см., напр., KBo II 5 II 6, 7, 8, 9, 14, 16 и т. п. В хеттском языке имелись глагольные и именные производные основы, образованные от *ḫarnink-*, ср. итеративный глагол *ḫarninkišk-* (уже в древнехеттских текстах: Tel. 1, 7; 1, 17) и отглагольное существительное *ḫarninkuu̯ar* ‘гибель’ (KBo III 4 I 36). Анализ употребления *ḫarnink-* и производных от этого глагола в хеттских текстах приводит к выводу, что глагол *ḫarnink-* в эпоху создания письменных памятников входил в базисный словарь хеттского языка. Большая употребительность производного глагола *ḫar-nin-k-* (по сравнению с непроизводным глаголом *ḫark-*) представляется явлением вторичного происхождения, но образование этой производной глагольной основы с инфиксом *-nin-* следует отнести к глубокой древности.

Каузативные образования в хеттском языке чаще всего имеют суффикс *-nu-*: в нескольких архаичных глаголах в той же функции выступает носовой инфикс. В параллелизме этих двух хеттских типов каузативных основ можно видеть подтверждение давно уже высказывавшейся мысли о родстве индоевропейских глаголов с носовым инфиксом и глаголов на *-neu̯-* (древнеиндийские 7 и 5 классы). Каузативные образования от *ḫark-* имеют особое значение для изучения этой проблемы, так как наряду с образованным по продуктивному типу глаголом *ḫarganu* (=*ḫark-nu-*; 5 класс по терминологии древнеиндийских грамматиков) в хеттском языке имеется архаичный глагол с носовым инфиксом *ḫarnink-*, *ḫarnik-* (7 класс по терминологии древнеиндийских грамматиков). Глагол *ḫarnink-* принадлежит к типу глагольных основ, продуктивных в общеиндоевропейском языке, но в хеттском языке уже отмиравших (сохранилось всего лишь 5 глаголов, в которых носовой инфикс выделялся в качестве отдельной морфемы). Как особенности структуры этого глагола, так и его принадлежность к базисному словарю хеттского языка позволяют относить образование этой глагольной основы к глубокой древности, что имеет существенное значение для сравнения с родственными языками. Как установил в 1934 г. Кюни, хет. *ḫark-* родственно ирландскому *org-* ‘убивать, уничтожать, разрушать’ и армянскому *harkanem* ‘(я) бью’ [1]. Значение данного корня в кельтских языках соответствует тому значению, которое имеют в

[1] *A. Cuny.* Linguistique du hittite // Revue hittite et asianique. 1934. II. F. 14. P. 205.

хеттском языке каузативные глаголы *ḫarnink-* и *ḫarganu-* и которое в дописьменный период, по-видимому, имел и хеттский корневой глагол (см. выше), ср., напр., хет. *ḫarkannas* ‘(человек), заслуживающий смерть’ и валлийское *dyni-or-n* (где *-or-* < *-org-*) ‘человекоубийство’ [1]. Значение армянского *harkanem* также близко к значению хет. *ḫark-*, *ḫarnink-*, ср. частое употребление хет. *ḫarnink-* в значении «уничтожить, разгромить (врага, противника)» и др.-арм. *kotorac zawracn hareloc* (Phawstos Biwzandaci, 111, 7 [2]) ‘поражение разбитого (*har-eal* — причастие от *hark-*) войска’.

Предложенная Кюни этимология, следовательно, с семантической стороны может быть хорошо обоснована; ее правильность подтверждается и при изучении фонетических (см. гл. II) и морфологических особенностей данных слов. Однако как в работе Кюни, так и в трудах других ученых, принимавших эту этимологию, она рассматривалась исключительно с фонетической стороны [3], хотя данная этимология существенна и для решения проблем сравнительно-исторической морфологии.

Для сопоставления с хеттским корневым глаголом *ḫark-* особое значение имеет ирландская форма прошедшего времени *-ort* < **-orcht* [4], образованная от корневого атематического глагола. Еще Бругман, указывая случаи сохранения корневых индоевропейских глаголов, отмечал эту редкую кельтскую форму [5]. Но до открытия индоевропейского происхождения хеттского *ḫark-* ирландская форма *ort* оставалась изолированной, так как в армянском формы соответствующего корневого глагола не засвидетельствованы. Но в настоящее время очевидным является генетическое тождество ирландского *org-* в *ort* и хеттского корневого глагола *ḫark-*.

---

[1] *Т. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 447.

[2] Цит. по: *A. Meillet.* Altarmenisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913. S. 112.

[3] *Götze—Pedersen.* MS. P. 50; *Hendriksen*. Untersuchungen. S. 26; *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. § 56 c. P. 57; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 86, p. 57, § 64, p. 42 (следует отметить, что в § 64 указанной работы Стертеванта с корнем *ḫark-* ошибочно связывается существительное *ḫurkel* ‘смертная казнь’, в действительности произведенное от *ḫurki-* ‘колесо’, см.: *S. Alp.* // JCS. 1952. Vol. 6. № 2. P. 93). Вопросов морфологии (в частности, инфиксации) в связи с глаголом *ḫark-* касаются Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. P. 146) и Бенвенист (*Benveniste.* Origines. P. 162), но и эти ученые не рассматривают вопроса о связи морфологических особенностей *ḫark-* со структурой родственных глаголов ирландского и армянского языков, хотя и принимают этимологию Кюни.

[4] *R. Thurneysen.* A Grammar of Old Irish. Dublin, 1946. P. 112. § 180.

[5] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. Lief. 1. Относительно поправок, которые в свете данных хеттского языка следует внести в фонетическую реконструкцию архетипа этого слова, принятую Бругманом, см. ниже, гл. II.

Ирландская форма 3 л. ед. ч. прошедшего времени *ort* < **orcht* < *(*H*)*org-t* соответствует хет. *ḫar-ak-ta* (=*ḫarkt*) [1]. В хеттском языке атематический тип спряжения глагола сохранился значительно лучше, чем в ирландском языке, в котором формы настоящего времени *org-* образованы по тематическому типу (*orgid*, *orcid* ‘он бьет’), но ср. причастие *-ort*(*a*) < **-*(*H*)*org-tj*(*o*), где суффикс присоединяется непосредственно к корню [2]. Из производных от этого общекельтского корня наибольший интерес представляет ирл. *or-n*, *orgon*, возводимое к *(*H*)*org-na* [3], где носовой суффикс может быть связан с носовым аффиксом в хеттских и армянском производных от того же корня (ср. ниже). Точное соответствие хеттской производной основы с носовым аффиксом обнаруживается в армянском языке. Армянский глагол *harkanem* является производным глаголом с суффиксом *-ane-*. Древний характер данного суффикса, являвшегося приметой основы настоящего времени, в древнеармянском выступает очень отчетливо, так как *-ane-* имеется только в формах наст. вр., тогда как образованные от тематической основы аорист (1 л. ед. ч. *havi*, 3 л. ед. ч. *ehar*), будущее время, повелительное наклонение, причастие прошедшего времени и именные производные от этого корня суффикса *-ane-* не имеют [4]. Древнеармянские основы с суффиксом *-ane-*, как давно уже установлено, соответствуют основам настоящего времени с носовым инфиксом в других индоевропейских языках [5]. В этой связи следует отметить, что параллелизму суффикса *-nu-* и инфикса *-nin-* в хеттском соответствует параллелизм суффиксов *-nu-* и *-ane-* в армянском [6]. Учитывая эти факты, следует предположить, что нормальным соответствием хеттским основам с носовым инфиксом *-nin-* должны быть основы с суффиксом *-ane-* в армянском. Поэтому соответствие хет. *ḫarnink-* и армянского *harkanem* с морфологической точки зрения является совершенно закономерным; ср.

---

[1] О фонетическом значении клинописного знака *-ta* в хеттских формах прош. вр. ср.: *Pedersen.* Hittitisch. S. 97—98; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 255. P. 141. Данное соответствие хеттской и ирландской форм представляет интерес для изучения происхождения форм кельтского прошедшего времени.

[2] *Г. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М. 1954. С. 369.

[3] *Г. Льюис, Х. Педерсен.* Указ. соч. С. 445.

[4] *A. Meillet.* Altarmenisches Elementarbuch. § 109. S. 99; ср. парадигму в книге: *Н. Марр.* Грамматика древнеармянского языка. СПб., 1903. С. 237, § 275.

[5] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. § 228. P. 315; ср.: *Мейе.* Введение. С. 236 (о соотношении армянского *lk'anem* и *rinákti*); *A. Meillet.* Esquisse d'une grammaire comparée de l'armenien classique. 2ème éd. Vienne, 1936. § 76. P. 106.

[6] Об армянском ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. P. 315.

Армянская основа на -*ane*(*m*)	Основа с носовым инфиксом в других индоевропейских языках
lkʿ-anem ʿоставляю’	др.-инд. *ri-ná-k-ti*, лат. *li-n-quo*
hark-anem ʿбью’	хет. *ḫar-ni-k-mi* (:*ḫarg*(*a*)-*nu*-)

Таким образом, хет. *ḫarnink*-, архаичный характер которого обнаруживается благодаря анализу фактов хеттского языка (см. выше), имеет соответствия в других индоевропейских языках. Это представляет исключительный интерес для сравнительно-исторической морфологии хеттского языка, так как до настоящего времени связь хеттского инфикса с носовым аффиксом глагольных основ других индоевропейских языков устанавливалась лишь на основе структурного сходства; рассмотренные соотношения наглядно подтверждают правильность гипотезы о тождестве носовых инфиксов, выделяемых в хет. *ḫar-ni-k-mi* и др.-инд. *ri-ná-k-ti*. Сравнительно-историческое исследование глагола *ḫark*- и родственных ему слов показывает, какое значение факты хеттского языка имеют для проверки и уточнения выводов, полученных благодаря изучению ранее известных индоевропейских языков. Анализ ирландской формы *ort* приводил к выводу о существовании корневого глагола, к которому восходит ирл. *org*-; арм. *harkanem* показывало существование общеиндоевропейских форм с носовым аффиксом, образованных от этого корня. Но только после обнаружения в хеттском языке глаголов *ḫark*- и *ḫarnink*- эти гипотезы можно считать окончательно доказанными.

Следует подчеркнуть, что соответствия хеттскому корневому глаголу и производным от него в данном случае обнаруживаются в языках, во многих других отношениях близких к хеттскому, — в армянском и кельтских языках.

§ 9. Корневой глагол *eku*- и родственные ему слова хетто-лувийских языков

Следует отметить наличие в хеттском языке корневых глаголов, которым соответствуют корневые глаголы в других древних индоевропейских языках Малой Азии и в кучанско-карашарских языках. К числу таких корневых глаголов спряжения на -*mi* принадлежит *eku*- ʿпить’.

Глагол *eku*- ʿпить’ и производные от него часто употребляются в хеттских текстах, начиная с древнейших памятников. Особенно употребительны сочетания глаголов *eku*- ʿпить’ и *ed*- ʿесть’ (ср. приведенные выше, § 2, цитаты из древнейшего текста — памятника Хаттусилиса), а также сочетания однотипных производных от этих корневых глаголов (о значении фразеологического сочетания итеративных глаголов *akkušk*- и *azzik*- см. в Приложении I). Связь сочетаний этих корневых глаголов с сочетаниями однотипных произ-

водных от *eku-* и *ed-* была очень тесной: сочетанию корневых глаголов *nu-za e-te-ir e-ku-ir* ʻи (они) ели (и) пили’ в архаичном тексте мифа об Иллуянкасе (KUB XVII 6 I 5) предшествует сочетание форм дат.-мест. пад. ед. ч. (на *-anna*) отглагольных существительных на *-atar*: *nu-ua a-da-an-na a-ku-ua-an-na e-hu* ʻи приходи-де для еды (и) питья’ [1], KUB XVII 6 I 3, ср. сочетание форм им. пад. ед. ч. существительных *a-ku-ua-tar* и *a-da-tar* в KUB XXXIII 71 III 12. В более позднем (новохеттском) тексте поэмы «Песнь об Улликумми» эти формы на *-anna* (ср. выше о *ḫarkanna*) употребляются в функции инфинитивов: (Ullikummi I, табл. II, 25) *a-da-an-na-ua-aš-š*[*i a*]*-ku-ua-an-na u-da-an-du* ʻпусть они принесут ему есть и пить’ (= ʻто, что нужно для еды и для питья’).

Указанные факты свидетельствуют о полном параллелизме в структуре и употреблении производных слов, образованных от близких по своей семантике корневых глаголов спряжения на *-mi*, *ed-* и *eku-*. В этой связи следует указать на то, что причастие от переходного глагола *eku- akuuant-* имеет двоякое значение «выпитый» и «выпивший» [2]. Это соответствует двоякому значению причастия *adant-* ʻсъеденный, съевший’ от глагола *ed-* (см. о причастии *adant-* выше, § 2). Это обстоятельство представляет особый интерес, так как аналогичное значение обнаруживается только у причастий нескольких хеттских переходных глаголов, сохраняющих первоначальную залоговую нейтральность отглагольного прилагательного (см. выше). Поэтому параллелизм в значении причастий *adant-* и *akuuant-* свидетельствует не только о близости производных от *ed-* и *eku-*, но и о том, что производные от обоих этих глаголов могут иметь весьма архаичные черты.

Архаичность производных от *eku-* всего нагляднее обнаруживается при изучении имени деятеля ^{LÚ}*ekuttara* [3], которое употребляется в качестве при-

[1] Значение сочетания форм *adanna akuuanna* в данном тексте (и в приводимой ниже цитате из «Песни об Улликумми») показывает, что указанное Гётце значение этого употребительного сочетания (*A. Goetze* // JCS. 1948. Vol. 2. № 2. P. 154—155) не охватывает всех случаев его употребления (Гётце основывался, по-видимому, только на данных ритуальных текстов, где это сочетание носит специфический характер).

[2] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 40; *Otten.* Luv. P. 45.

[3] Зоммер (*Sommer.* HAB. P. 122) предполагал, что идеографическим соответствием данному титулу является LÚ A *ŠA* KUŠ.LAL ʻводонос’, в недавнее время Гютербок выдвинул другое предположение, согласно которому ^{LÚ}*ekuttaraš* = ^{LÚ}QA.ŠU.DU$_8$.A-*as* ʻчашник’ (*H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi. 1951. Vol. 5. № 4. P. 151 и 161). Но с этим последним предположением нельзя согласиться, так как в хетто-хаттской («протохеттской») билингве KBo V, II пер. ст. I *ekuttareš* и ^{LÚ}QA.ŠU.DU$_8$ A-*aš* выступают в качестве различных хеттских титулов: первому соответствует на языке хатти ^{LÚ}*ḫa-ag-ga-zu-u-e-el* ʻ(тот) питья’ (KBo V II пер. ст. I 14; о значении хаттского *ḫaggazuel* см.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. P. 83), тогда как второму титулу соответствует на языке хатти ^{LÚ}*ui-in-du-uq-qa-ra-am* (KBo V II пер. ст. I 8 = LTU, с. 12).

дворного титула. В существительном *ekuttara* выделяется суффикс *-tara*; этот суффикс имени деятеля в хеттском языке является очень архаичным и редко встречающимся (в отличие от продуктивного *-tala*, ср. слав. **tel*-, рус. *-тель*). Помимо существительного *ekuttara* в хеттском языке известна еще только одна именная основа с суффиксом имени деятеля *-tara*, образованная от корня *u̯es-* ʻпастиʼ (см. ниже); эта именная основа **u̯e*/*os-tor-* является общей для хетто-лувийских и древнеиранского (авестийского) языков (подробнее см. ниже). Можно предполагать, что и основа *ekuttara-* восходит к дописьменному периоду истории хеттского языка. В хеттских текстах можно найти подтверждение гипотезы об общехетто-лувийском характере этого имени деятеля. В хеттских текстах это имя деятеля засвидетельствовано в форме *ekutara*; чисто хеттский (неситский) характер данной формы доказывается хеттско-хаттской («протохеттской») билингвой KBo V II, где существительное ^{LÚ}*e-ku-ut-tar-ra-aš* (KBo V II I 14) относится к числу слов, сказанных «по-неситски»: *-na-a-ši-li* (KBo V II I 3). Но в тексте HT 40 I 3, 7 это же имя деятеля выступает в форме ^{LÚ}*a-ku-ut-tar-aš*. Объяснять различие в огласовке корня (*e* и *a*) чередованием *eku-* : *aku-* в глагольных формах [1] нельзя, так как существительные, образованные от глаголов с чередованием гласных в личных формах, в хеттском языке всегда имеют одну и ту же определенную огласовку корня.

Насколько позволяет судить сравнение с архаичным хеттским существительным *ueš-tara-* и с фактами родственных языков, для имен деятеля с суффиксом *-tara-* характерна была огласовка корня *e*, наблюдаемая в хеттской (неситской — *našili*) основе *ekuttara-*.

Видеть в форме *akuttaraš* более позднее аналогическое влияние глагольных форм с огласовкой *a* нет достаточных оснований, так как неясно, почему это влияние должно было сказаться на данном архаическом существительном, имевшем характер устойчивого термина — придворного титула. Сравнение со вторым хеттским существительным на *-tara-* позволяет предложить иное решение этого вопроса. Хеттской именной основе *u̯eš-tara-* ʻпастухʼ с огласовкой корня *e* соответствует лувийская основа *u̯aš-tara* с огласовкой корня *a* (см. ниже). Такое соотношение (хет. *e* : лув. *a*) является закономерным и подтверждается множеством примеров. Текст HT 40, в котором встречается форма *akuttaraš*, принадлежит к группе текстов, в которых сказывается сильное воздействие лувийского языка (ср. известный текст HT 1 с хетто-лувийскими параллельными местами и т. п.). Поэтому соотношение основ

[1] Это объяснение было выдвинуто в одной из ранних работ Зоммера (*F. Sommer.* Hethitisch. II. 1922. S. 30); после этого данный вопрос в научной литературе специально не рассматривался, хотя накопленные с того времени сведения об огласовке хеттских существительных противоречат устаревшей гипотезе Зоммера.

eku-tara- и *aku-tara-* можно объяснить так же, как соотношение *u̯eš-tara-* и *u̯aš-tara-*: основы с огласовкой *e* следует признать хеттскими, тогда как *u̯aš-tara-* и *aku-tara-* являются соответствующими лувийскими основами [1]. Следовательно, можно предположить наличие глагольной основы *aku-* в лувийском. Высказанная гипотеза подтверждается лувийскими текстами, найденными во время раскопок в Богазкёе в 1952 г. В этих лувийских текстах засвидетельствована глагольная форма (дважды повторяющаяся) 3 л. ед. ч. прош. вр. *a-ku-u̯a-at-ta* (43/k, обр. ст. III, 13 и 18, LTU, с. 114), ср. также форму *a-ku-u̯a-an* в лувийском тексте KUB XXXV 128 обр. ст. III 10 = LTU, с. 107. Как можно судить на основании сочетания *akuu̯atta* с предшествующей формой вин. пад. ед. ч. на *-an*, данный глагол в лувийском был переходным (как и хет. *eku-*). Образование формы 3 л. ед. ч. прош. вр. на *-(a)tta-* в лувийском закономерно, ср. *arlanuu̯atta* от *arlanu-* и т. п. [2] при хет. *arnut* от *arnu-* и т. п.; таким образом, лувийскую форму *a-ku-u̯a-at-ta* можно признать соответствующей хеттской *e-ku-ut-ta*. Подтверждение правильности предлагаемого толкования лув. *akuu̯atta* заключается в том, что в этом же лувийском ритуальном тексте, где дважды повторяется форма *akuu̯atta*, речь идет о «чашнике» («чашеносце») — ^{LÚ}QA.ŠU.DU$_8$-*iš* (43/k пер. ст. II 12 = LTU, с. 113). Это обстоятельство имеет существенное значение, потому что идеограмма ^{LÚ}QA.ŠU.DU$_8$ в хеттских текстах часто сочетается с глаголом *eku-*, ср., напр., $^{LÚ.MEŠ}$QA.ŠU.DU$_8$.A-*ma-aš-ši* GEŠTIN.KU$_7$ *a-ka-u̯a-an-n*[*a ú-t*]*e-ir* 1-*ŠU e-ku-ir* 2-*ŠU e-ku-*[*ir*] [7]-*ŠU e-ku-ir* (Ullikummi, табл. 1, II, 27—30) ʻЧашники сладкое вино [3] для питья принесли ему. Раз они выпили; второй раз они выпили... (формула повторяется семь раз вплоть до)... седьмой раз они выпили’, ср. в том же тексте: QA.ŠU.DU$_8$.A-*aš* ḪUL-*l*[*u-uš* GAL-*in*] *ku-iš pa-a-iš nu U-UL e-ku-ut-t*[*a*] (Ullikummi, табл. 1, A IV, 57—58) ʻНе плох ли (тот) чашник, который (тебе) подает

[1] Значительно более сложным является вопрос о встречающемся в хеттских текстах существительном *akugalla-* ʻсосуд с водой’ (*Carruthers.* Language. Vol. 9. P. 153; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 18). Соотношение (*eku-*:) хет. *eku-tara*, лув. *aku-tara-*: *aku-galla-* [*aku-kla*] близко к типичному для древних индоевропейских языков соотношению имени деятеля на *-ter* и названия орудия действия на *-tro-*, *-tlo-* (*-klo-* в италийских, восточнобалтийских и карашарском языках), ср. др.-инд. *pā-* ʻпить’: вед. *pā-tr-* ʻтот, кто пьет’, др.-инд. *pa-tra-* ʻсосуд для питья’, лат. *po-culu-m* ʻчаша, кубок’. Но возможность сравнения суффиксов в лат. *po-culu-m* и *aku-galla-* остается неясной.

[2] *Otten.* Luv. P. 37, 57, 121. В своей монографии о лувийском языке Оттен не рассматривает вопроса о лув. *aku-*, так как материал, открытый во время раскопок 1952 г., в его работе еще не был использован.

[3] О значении идеограммы GEŠTIN.KU$_7$ в этом тексте см.: *A. Goetze.* Contributions to Hittite Lexicography // JCS. 1951. Vol. 5. № 2. P. 72; *H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1951. Vol. 5. № 4. P. 151.

чашу, раз ты не пьешь?’. В хеттских ритуальных текстах часто возвещается о приходе «чашника» (^{LÚ}QA.ŠU.DU$_8$), после чего следуют предложения с глаголом *eku*- ‘пить’, ср., напр., хранящийся в Ленинграде ритуальный хеттский текст, изданный и переведенный В. К. Шилейко [1]. Сходным образом можно истолковать и последовательность, в которой встречаются идеограмма QA.ŠU.DU$_8$.A-*iš* и глагольная форма *akuu̯atta* в указанном лувийском ритуальном тексте. Гипотеза о соответствии лувийского *aku*- хеттскому *eku*- подтверждается новейшими исследованиями в области палайского языка. В тех случаях, когда хеттскому корневому глаголу с вокализмом *e*/*a* соответствует глагол с вокализмом *a* в лувийском, аналогичный глагол часто обнаруживается и в палайском, ср. хет. *eš*- : лув. *aš*-, пал. *aš*-; хет. *ed*-, лув. *ad*-, пал. *at*- и т. п. Аналогичное соответствие можно установить и в данном случае: в палайском языке обнаружен глагол *aḫu*- ‘пить’, соответствующий хеттскому *eku*-/*aku*- и лувийскому *aku*-. Спряжение палайского *aḫu*- по своему типу соответствует спряжению хеттского *eku*-, ср. формы 3 л. мн. ч. наст. вр.: хет. *a-ku-u̯a-an-zi* ‘они пьют’ и палайское *a-ḫu-u̯a*-(*a*-)*an-ti*. Параллелизму глаголов *ed*- и *eku*- в хеттском языке соответствует параллелизм глаголов *at*- и *aḫu*- в палайском [2]. Эти факты показывают, что корневой глагол *ek*- был общим для древних индоевропейских языков Малой Азии, входивших в хетто-лувийскую группу.

Соответствующий глагол имелся и в кучанско-карашарских языках: хет. *eku*-, лув. *aku*-, пал. *aḫu*- соответствует кучанское *yok*-, карашарское *yok*- ‘пить’ [3]. Структура кучанско-карашарских форм глагола *yok*- (напр., карашарского инфинитива *yok-tsi* [4], ср. куч. *yok-tsi*, *yok-si*) указывает на то, что данный глагол принадлежал к корневому атематическому типу, как и хет. *eku*-. В кучанском засвидетельствованы и производные именные основы, образованные от *yok*- ‘пить’, напр. *yoko* ‘жажда’ [5], ср. карашарское прилагательное *yokañi*

[1] *В. К. Шилейко.* Богазкейские фрагменты в собрании Н. П. Лихачева // ИГАИМК. Л., 1925. Т. IV. С. 319—320.

[2] *H. Otten.* Palaisch *aḫu*- «trinken» und *at*- «essen» // Archiv für Orientsforschung. 1945. Bd. 15. H. 1. S. 81—82. Лувийские факты по указанной выше причине в работе Оттена не могли быть использованы.

[3] Родство хет. *eku*- и куч. *yok* было установлено Педерсеном в 1925 г.: *H. Pedersen.* Le groupement des dialectes indo-européens. København. Meddelelser. B. XI. 3. P. 40. О начальном *y* в кучанском слове ср.: *E. Benveniste.* BSL. 1937. T. 38. F. 3 (№ 114). P. 32.

[4] В карашарском инфинитивы образуются от основы настоящего времени, см.: *W. Thomas.* Die Infinitive im Tocharischen // Asiatica. Leipzig, 1954. S. 710 (об употреблении *yoktsi* см.: Там же. S. 753—750).

[5] См.: *E. Sieg.* Die medizinischen und tantrischen Texte der Pariser Sammlung in Tocharisch B // KZ. 1954. Bd. 72. S. 81 (в отличие от Зига Педерсен ставил под сомнение связь *yoko* с *yok*, что было неправильно).

ʻтомимый жаждойʼ. Глаголы, соответствующие хет. *eku-* и куч. *yok-*, в других группах индоевропейских языков до настоящего времени не обнаружены [1]. Многие лингвисты [2] сравнивают с этими глаголами хеттского и кучанского языков название «воды», представленное в «западных» индоевропейских диалектах: лат. *aqua*, гот. *aha*, др.-англ. *ēa* (ср. *-apa* в кельтских языках). Но этот вопрос в настоящее время нельзя считать решенным, ввиду фонетических трудностей [3]. Поэтому остается неясным, можно ли считать, что в данном случае в хетто-лувийских в кучанско-карашарских языках сохранился корневой глагол, утраченный другими индоевропейскими диалектами (что можно было бы связать с возросшей ролью синонимичного слова: др.-инд. *pā-* ʻпитьʼ и т. п.). Но, во всяком случае, архаичный характер хеттских производных от *eku-* и наличие соответствий в других хетто-лувийских языках и в кучанско-карашарском позволяет возводить хет. *eku-* к очень ранней эпохе развития индоевропейских диалектов.

§ 10. Корневой глагол *luk-*; производная глагольная основа на *-eš*; производные именные основы *lutta-* и *lalukkima*

Во всех рассмотренных выше случаях в хеттском языке обнаруживается корневой глагол спряжения на *-mi*, известный или во многих индоевропейских языках (хет. *eš-*), или в нескольких, представленных наиболее древними памятниками (хет. *kuen-*, *ǫek-*), или же, наконец, корневой глагол, следы которого обнаруживаются также в какой-либо другой группе индоевропейских языков. Но в ряде случаев корневой глагол спряжения на *-mi* засвидетельствован только в хеттском языке.

---

[1] Майрхофер в 1953 г. опубликовал статью, в которой пробует связать хет. *eku-* с ведийским *aś-*: *M. Mayrhofer.* Hethitisches *eku-* «trinken» und die vedische Bedeutung von *aśnā́ti* // KZ. 1953. Bd. 71. H. 1/2. S. 45—48. Но гипотеза Майрхофера основана на ошибочном предположении о том, что в хеттском лабиовелярные теряли лабиализацию. Поэтому Майрхофер считает *-u-* в хет. *eku-* формантом, что, однако, ничем не доказывается. Гипотеза о родстве хет. *eku-* с др.-инд. *aś*, выдвинутая еще Шварцем (*B. Schwartz.* Root and its Modification in Primitive Indo-European. 1947. P. 7; работа Шварца Майрхоферу, по-видимому, осталась неизвестной), не может быть сочтена достаточно обоснованной.

[2] Впервые Грозный (*Fr. Hrozny.* Die Sprache der Hethiter (Boghazköi-Studien, 1). Leipzig, 1917. S. 42), после него Педерсен в целом ряде работ, см.: *Götze—Pedersen.* MS. P. 49 (с библиографией вопроса); *Pedersen.* Hittitisch. S. 128. § 85.

[3] Соотношение хет. *e* в *eku-* и лат. *a* в *aqua* можно было бы объяснить как *ē* : *ə*, но этому противоречит краткость гласного *o* в кучанско-караш. (ср. о количестве гласного в *yok-*: *Pedersen.* Tocharisch. P. 222).

Значительный интерес представляет наличие в хеттском языке корневого глагола *luk*-, восходящего к корню **leu̯k*-. Во всех других индоевропейских языках соответствующий корневой глагол отсутствует, хотя засвидетельствованы другие многочисленные производные от **leu̯k*-, в том числе древняя глагольная основа на *-s* и древнее корневое имя: лат. *lux* ‘свет’, др.-инд. *ruk*- (форма дат. пад. *ruc-é* выступает в RV, 735, 2, в функции инфинитива). Наличие корневого глагола, связанного с лат. *lux*, давно уже предполагалось исследователями [1]. Открытие такого глагола в хеттском языке подтверждает правильность предположения о том, что в общеиндоевропейском языке от одного и того же корня могли быть образованы корневое имя и корневой глагол.

Корневой атематический глагол *luk*- ‘светать, рассветать’ в хеттских текстах засвидетельствован как в активных формах (3 л. ед. ч. наст. вр. *lukzi*), так и в медиопассивных (3 л. ед. ч. прош. вр. *luktat*). Значение активных и медиопассивных форм глагола *luk*- одинаково («светать, рассветать»), но есть основания для предположения, что активные формы в более древний период сочетались с прямым дополнением [2]. Конструкция типа *nu-mu I-NA* ^{URU}*Kat-ti-mu-u̯a lu-uk-ta* ‘и для меня (*-mu* форма дат.-вин. пад.) в городе Каттимува рассвело’ (KBo V 8 пер. ст. I 25—26) могли возникнуть из более древнего ‘меня (*mu*) озарило, осветило (солнце)’. Но в новохеттский период в данной конструкции глагол *luk*- был непереходный: активной форме *lukta* по значению тождественна пассивная форма *luktat* в аналогичном предложении KBo V 8 обр. ст. III 22: *nu-mu-kán I-NA* ^{URU}*Ša-píd-du-u̯a* A.ŠÀ *ku-e-ri an-da lu-uk-tat* ‘и для меня (*mu*) в поле (в области) Сапиддува рассвело’.

Помимо корневого глагола *luk*-, в хеттском языке засвидетельствованы и другие глагольные основы, восходящие к корню *leu̯k*-. Ряд форм указывает на существование наряду с корневым атематическим глаголом *luk*- (3 л. ед. ч. пр. вр. медиопасс. *luktat*) тематического глагола *lukka*- (3 л. ед. ч. пр. вр. медиопасс. *lukkatati*) [3], ср. тематические образования от *leu̯k*- в других индоевропейских языках (др.-инд. *roca-te* и т. п.). Медиопассивные формы этого тематического глагола употребляются в значении «(рас)светать»; с ними по происхождению связано наречие *lukkatta* (*lukkatti*) [4] ‘утром, на следующее утро, завтра’ (ср. семантическое развитие рус. *завтра*, *за-утра*, немец. *morgen*, франц. *lendemain*, *demain* < *de mane*, лат. *mane* ‘утро’). Активные формы тематического глагола, образованного от *luk*-, имеют значение «зажигать», ср.

[1] Ср.: *А. В. Десницкая.* К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1949. Сер. филол. наук. Вып. 14. № 97. С. 115.

[2] Ср.: *Götze.* AM. P. 257.

[3] *Götze.* AM. P. 255—257.

[4] *F. Sommer.* Hethitisches. II. S. 22—32; *Götze.* AM. P. 255—256.

напр., *lu-uk-ki-iz-zi* [1] ‘подожжет’ в § 99 хеттских законов; следует отметить, что аналогичное значение производный глагол (на *-*sk*-) от корня **leu̯k*- имеет в армянском языке, во многих отношениях близком к хеттскому, ср. др.-арм. *luçanem* ‘я зажигаю’ [2].

Образование некоторых хеттских глагольных и именных основ, восходящих к корню *leu̯k*-, следует отнести к дописьменной эпохе. В научной литературе уже обращалось внимание на особое положение глагола *lukkeš*- ‘рассветать’ в системе хеттских глагольных основ. Этот глагол не принадлежит к продуктивному типу глаголов на -*es*, так как эти глаголы в хеттском являются производными от имен прилагательных, тогда как *lukkeš*- соотносится не с прилагательным, а с корневым глаголом [3]. Соотношение *lukkeš*- : *luk*- было истолковано Педерсеном в качестве свидетельства сохранения в данном случае в хеттском языке древнего индоевропейского глагольного образования на *-*es*/-*s* [4]. Педерсен при этом не указал на то, что его гипотеза находит полное подтверждение в данных других индоевропейских языков, так как образование на -*es*-/-*s*- от корня **leu̯k*- безусловно относится к общеиндоевропейскому периоду. Общеиндоевропейским признается вторичное производное на *-*no*- (*nā*) от первичного производного **leu̯k-s*-: авест. *raoxš-na*- ‘блестящий’, лат. *lūna*, *losna*, рус. *луна* и т. п. [5]; наряду с этим широко распространенным во всех подгруппах индоевропейской семьи языков именным образованием давно уже был обнаружен ряд других слов различных индоевропейских языков, доказывающих древность общеиндоевропейской глагольной основы **leu̯k-s*-/*luk-es*-, др.-англ. *líxan*, *lýxan* ‘светить’, др.-исл. *lióss* ‘свет’ [6], др.-инд. *ruksa*- ‘сияющий’. Для сопоставления с хеттским языком, в котором

[1] О тематических формах этого типа см.: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2]. P. 158—159, § 313. Возможно, что соответствующий глагол имелся и в палайском языке; ср. замечание Оттена о глагольном характере (медиопассивных?) форм *lu-ki-in-ta* и *lu-ki-it*, встречающихся в палайских текстах: *H. Otten*. Zum Palaischen // ZA NF. 1944. Bd. XIV. S. 131—132. Палайское *lukit* фонетически тождественно хет. *lukitta* ‘рассветает’ (ср., напр., Tun. I 53). В лувийском тексте KUB XXXV 101 пер. встречается форма *lu-uk-ki*, сходство которой с палайскими формами отмечено Оттеном, см.: LTU. P. 93, примеч. 4.

[2] Сходство между значениями хеттских и армянских производных от **leu̯k*- отмечается и в других случаях, ср. хет. *luk*- ‘рассветать’ и арм. *lusun* ‘утром, на рассвете’ (см. об этом слове в мушском диалекте: *Л. Меериану.* Этюды по армянской диалектологии. Ч. I. С. 67).

[3] Отмечено (без объяснений) Стертевантом: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 225. P. 126.

[4] *H. Pedersen.* Hittitisch. S. 95.

[5] *Мейе.* Введение. С. 275; *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. P. 264—265; ср. о суффиксах *s-n*(*o*) в этом слове: *Benveniste.* Origines. P. 103.

[6] Ср.: *P. Persson.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. T. 2. Uppsala; Leipzig, 1912. S. 582.

обнаруживается ряд общих черт с кельтскими и италийскими, существенно наличие целого ряда слов, восходящих к этой индоевропейской производной глагольной основе на *-s* в кельтских языках (напр., др.-корнуэлл. *luchet* ʻмолнияʼ < **le*/*oukseta* и др. [1]), в италийских (напр., лат. *lustrare*, *illustris* и др.) [2]. Существует ряд архаичных явлений, общих, с одной стороны, для италийских и кельтских языков, с другой стороны, для хеттского и кучанско-карашарских. Поэтому чрезвычайно важно отметить, что точное соответствие хет. *lukkeš*- и производным от глагольной основы **leu̯ks*- в италийских и кельтских языках обнаруживается в кучанско-карашарском. Это особенно важно потому, что кучанский язык является единственным индоевропейским языком, в котором сохраняется древняя роль глагольного суффикса *-s*- (см. об этом ниже). Кучанское *luks*- ʻосвещатьʼ (глагол VIII класса), соотносимое с другими кучанскими производными от глагольного корня *luk*- ʻсветитьʼ [3], является в кучанском языке производной основой с легко выделяемым суффиксом в отличие от родственных слов других индоевропейских языков, где суффикс *-s*/*-es* выделяется только с помощью сравнительно-исторического анализа. Хеттское *lukk-eš*- в этом отношении ближе к кучанскому *luk-s*-, хотя соотношение глагола *lukk-eš*- и глагола *luk*- в хеттском было исключительным (ср. выше о глагольном суффиксе *-s* в хеттском) в отличие от кучанского, где глаголы на *-s* представлены еще целой обширной группой. Изолированное положение хет. *lukk-eš*- в системе хеттского языка, свидетельствующее об архаичности этого образования, показывает, что развитие глагольных основ на *-s* в хеттском шло по пути, сходному с тем, который характерен для других индоевропейских языков (ср. о хеттских глаголах на *-š*(*š*) ниже). Сравнение хеттского языка с кучанским и другими индоевропейскими языками не оставляет никаких сомнений в том, что в хет. *lukk-eš*- представлена древняя глагольная основа общеиндоевропейского типа.

К более позднему периоду дописьменной истории хеттского языка следует отнести образование другого производного от того же корня *lutta*(*i*) ʻокноʼ [4]. Насколько позволяет судить сравнение фактов отдельных языков, в общеиндоевропейском языке название «окна» отсутствовало. Когда, по мере

---

[1] Ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 538 (о данной основе на *-s* ср.: Там же. S. 11 и 520); *Г. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 33.

[2] Ср.: *F. B. Kuiper.* Zur Geschichte der indoiranischen *s*-Präsentia // Acta Orientalia. 1934. Vol. 12. Partes III—IV. S. 285 (с указанием литературы вопроса).

[3] См.: *W. Krause.* Westtocharische Grammatik. Bd. I: Das Verbum. Heidelberg, 1952. S. 80.

[4] Об этом хеттском слове ср.: *J. Friedrich.* // ZA NF. 1927. Bd. III. № 4. S. 297—299; *H. Otten.* Überlieferungen des Telipinu-Mythus. Berlin, 1944. S. 41, примеч. 2.

развития материальной культуры носителей отдельных индоевропейских диалектов, возникала потребность в соответствующем термине, в различных языках эта задача решалась по-разному, хотя известны и некоторые сходные явления, ср. рус. *окно*, ст.-сл. **окно** : *око*, англ. *window*, исл. *vind-auga* ‘ветровой глаз’ [1]. В хеттском языке (в отличие, напр., от славянских и германских) название «окна» было образовано от корня *leu̯k-* [2].

К эпохе создания письменных памятников связь *lutta*(*i*)- с глаголом *luk-* ‘светать’ была нарушена. Древний суффикс сросся с корнем, с чем было связано фонетическое изменение: уподобление заднеязычного смычного «акцессивного» комплекса *-kt-* последующему переднеязычному смычному [3]. Древняя граница между корнем и суффиксом оказалась стертой; в хеттском языке в письменный период его развития *lutta*(*i*)- выступает в качестве непроизводной основы. Вместе с тем изменялся и тип склонения этого существительного. В древнехеттском языке оно принадлежало к типу основ на *-a*: *lutta-* < **luk-to-*, ср. встречающуюся в архаичных мифологических текстах форму отлож. пад. ед. ч. *lu-ut-ta-an-za* ‘из окна’ (миф об Иллуянкасе, KUB XVII 6 I 19; миф о Телепинусе, KUB XVII 10 IV 10 и др.). Позднее это существительное переходит в тип основ на *-i-* [4], ср. род. пад. ед. ч. *lu-ut-ti-i̯a-aš* в ABoT 9 I 20 и другие формы этого типа в новохеттских текстах (ср. частый переход из типа основ на *-a-* в тип склонения на *-i-* в лувийском [5]). На данном примере можно

[1] О различных типах образования названий «окна» в индоевропейских языках ср.: *O. G. Jespersen.* Growth and structure of the English language. Leipzig, 1936.

[2] Поэтому лингвистические данные не подтверждают предположений М. Римшнейдер о связи понятий «окна» и «глаза» в хеттской мифологии, ср.: *M. Riemschneider.* Augengott und heilige Hochzeit (Fragen zur vorgeschichtlichen Religion. I). Leipzig, 1953. S. 53—57, 255. В работе Римшнейдер не учтена и специфика хеттских ритуальных текстов, в которых употребляется слово *luttai-* ‘окно’, см. об употреблении *luttai-* в ритуалах, связанных с грозой: *H. Otten.* Bibliotheca Orientalis. 1951. Bd. VIII. № 6. P. 229, примеч. 38.

[3] О развитии *kt* > *tt* в хет. *luttai-* ср.: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 105. P. 76. К общефонетической интерпретации этого явления ср.: *Г. С. Ахвледиани.* К вопросу об изменении «акцессивного» сочетания согласных в старофранцузском языке // АН СССР. Рефераты научно-иссл. работ за 1945 г. Отд. лит. и яз. М.; Л., 1947. С. 40. Аналогичное развитие имело место в двух языках, во многих отношениях сближаемых с хеттским, — в армянском и фригийском, ср.: *V. Georgiev.* Eine gemeinsame Lauteigentümlichkeit des Albanischen, Phrygischen, Armenischen und das Gutturalproblem // KZ. D. 64. 1936. S. 104—107.

[4] Стертевант предполагал здесь наличие суффикса *-ti-* (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 75—76), но *-ti-* обычно развивается в *-zi-*, а предполагаемое Стертевантом сохранение *t* в группе *kti/tti* не подтверждается другими данными, кроме того, гипотезе Стертеванта противоречат указанные древнехеттские формы.

[5] *Otten.* Luv. P. 34.

проследить постепенное преобразование в хеттском языке древних отглагольных имен с суффиксом *-*to*-, сохранявшихся лишь в виде исключения (ср. ниже о *šaš-ta*- ʻложе, место для отдыха’ от корня **ses*-).

Лучше сохранился в хеттском языке тот тип именных основ, к которому принадлежит другое производное от корня *leu̯k*- хеттское существительное *lalukkima*- ʻсвет, теплота’ [1].

Выделяемая в этом слове редуплицированная основа *lalukk*- соответствует по своей структуре древнеиндийской интенсивной основе *roruc*- от того же корня [2] (ср. интенсивное причастие *roruc-ana*-, RV, 297, 7). В ведийском имеется и производная именная основа *ruk-ma*- ʻблестящий, золото, золотое украшение’, где суффикс -*ma*- генетически тождествен хеттскому суффиксу -*ma* (из *-*mo*) [3], ср. в кучанском редуплицированное имя *lalaukarne* и прилагательное *lyukemo* от того же корня.

Суффикс *-*mo*-, выделяемый в др.-инд. *ruk-ma*- и хет. *lalukkima*-, по своему происхождению тесно связан с суффиксом -*men*-, ср., напр., медиопассивные причастия на *-*men*- в греческом и индоиранских языках и медиопассивное причастие на *-*m*(*o*)- в лувийском [4], иероглифическом хеттском [5], армянском [6] и балтийско-славянских [7] языках. Поэтому образованные с помощью суффикса *-*m*(*o*) основы хеттского и древнеиндийского языков следует сопоставить со словами германских языков, образованных от того же корня посредством -*men*-: гот. *lauh-muni* ʻмолния, пламень’, др.-сакс. *lio-mo* ʻлуч, свет’, др.-исл. *ljó-me*, ср. также лат. *lumen* < **leuk-s-mn*, где суффикс *-*men*-

[1] О значении этого слова в хеттском см.: *E. Laroche.* // RA. F. 49. P. 19; *Он же.* Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 102; *Он же.* Hittitica // Revue de philologie. T. XXIII. F. 1. 1940. P. 38. Помимо этих работ Лароша можно указать на более раннее замечание Гютербока о слове *lalukkima*-: *H. G. Güterbock.* // JAOS. Vol. 65. P. 251 (перевод «светильник»); Гютербоку следовал Оттен: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. P. 30, примеч. 1.

[2] Ср. также повторение *luk*- в палайской конструкции [*b*]*uki lukinta* (*H. Otten.* Zum Palaischen // ZA HF. 1944. Bd. XIV. S. 133).

[3] Тождество др.-инд. суффикса -*ma* и хет. -*ma* (в *laḫlaḫḫima* ʻбеспокойство’ и т. п.) отмечал Стертевант (*Sturtevant.* Comp., Gr.[2] § 109. P. 77), но ему оставалось неизвестным соответствие хет. *lalukkima* и др.-инд. *rukma*. О кучанском см.: *Krause*. Das Verbum. S. 47, 284.

[4] *Otten.* Luv. P. 44 и 80. Индоевропейское происхождение этого лувийского суффикса отмечено Зоммером (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 35), но он не указал на наличие однотипных форм в армянском и иероглифическом хеттском.

[5] *A. Goetze.* Contributions to Hittite Lexicography // JCS. 1951. Vol. 5. № 2. P. 72—73.

[6] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. P. 232.

[7] *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 269. В балтийско-славянских языках имеется и вариант этого суффикса -*imo*- (ср. *lalukk-ima*).

присоединяется к основе на *-s-* (ср., напр., § 2: латыш. *ēsma* < **ed-s-mo* при *ed-man-is*). Сравнение этих фактов показывает, что образование именной основы от *leu̯k-* с помощью суффикса *-m-* (**-mo-*, **-men-*) было широко распространено в древних индоевропейских диалектах.

Таким образом, как тип суффикса (**mo*), так и тип редупликации корня, представленный в хет. *lalukkima*, имеют соответствия в других древних индоевропейских языках. Но сочетание редупликации с присоединением суффикса *-ma* является характерной особенностью хеттского языка, в котором существительные, образованные таким способом, составляют особый словообразовательный тип (ср. *laḫlaḫḫima* ‘беспокойство’ и т. п.) [1].

Сравнение хет. *lalukkima* с вед. *róruc-* и *rukmá-* и кучанским *lalauk-arne* и *lyuk-emo* показывает, что такие характерные для хеттского языка именные основы, как *lalukkima*, *laḫlaḫḫima* и т. п., по своей структуре являются результатом развертывания в хеттском языке морфологических средств, унаследованных от общеиндоевропейского языка-основы. Следует подчеркнуть вместе с тем сходство редупликации корня *leu̯k-* в хеттском и ведийском (ср. выше об удвоении корней **g*^{w}*hen-* и **u̯ek-*).

§ 11. Корневой глагол *neku-*; значение данных хеттского языка для анализа общеиндоевропейского названия «ночи»

Если корневой глагол *luk-* засвидетельствован только в хеттском, то в других индоевропейских языках засвидетельствованы производные глаголы, образованные от корня *leu̯k-*, часть которых (глаголы на *-es-*/*-s-* и тематические) находит соответствие в хеттском. Иначе обстоит дело с хеттским корневым атематическим глаголом *-neku-* ‘смеркаться’. Этот корневой глагол представлен только в хеттском языке; в других же индоевропейских языках отсутствует не только корневой глагол, но в другие глагольные основы, образованные от данного корня, но во всех группах индоевропейской семьи языков имеется общеиндоевропейское название «ночи», произведенное от этого корня. Обнаружение в хеттском языке корневого глагола *neku-* является блестящим подтверждением правильности результатов, полученных благодаря изучению родственных языков посредством сравнительно-исторического метода. Задолго до расшифровки письменных памятников хеттского языка было установлено, что общеиндоевропейское существительное *nok*^{w}*t* является производным с суффиксом *-t-*. Формулируя это положение, Бартоломэ и Бругман

[1] О хеттских редуплицированных именных основах с суффиксом *-(i)ma* см.: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 70.

отмечали, что старое корневое имя *nok*^{w}- не сохранилось [1]. Отсутствие *-t* в греч. *παν-νύχιος* ‘длящийся всю ночь напролет’ некоторые исследователи считали вторичным [2], поэтому положительных доказательств правильности анализа **nok*^{w}*-t-* долгое время не было. Факты хеттского языка позволяют окончательно решить данный вопрос, так как в хеттском языке засвидетельствовано и общеиндоевропейское название «ночи», и корневой глагол, от которого образовано это название. Общеиндоевропейское существительное **ne*/*ok*^{w}*-t-* в хеттском языке представлено в застывшем выражении *nekuz meḫur* ‘время вечера, ночи (*nekut-s*)’ [3]; развитие значения «ночь > вечер» наблюдается и в кучанско-карашарских языках, близких к хеттскому, ср. кучанское *nekciye* ‘вечером’, карашарское *n*[*o*]*ktim* (*n*[*i*]*ktim*) [4].

Наряду с существительным *nekut* в хеттском языке сохранился корневой глагол *neku-* ‘смеркаться’. Как и принадлежащий к той же лексико-семантической группе глагол *luk-* ‘(рас)светать’, корневой атематический глагол *neku-* засвидетельствован в синонимичных активных (3 л. ед. ч. наст. вр. *ne-ku-uz-zi*) и медиопассивных (3 л. ед. ч. настоящее вр. *ne-ku-ut-ta-at*) формах (*с*р. выше об аналогичном соотношении *lukzi* и *luktat*). Сходство в употреблении корневых глаголов *luk-* и *neku-* подчеркивается тем, что эти глаголы всегда употребляются в безличных предложениях, чаще всего в сочетании с союзом *maḫḫan* (в древнехеттском языке *mān*) ‘когда’, ср., напр., *ma-a-an lu-uk-ta-at* ‘когда рассвело’ в архаичном сборнике «анекдотов» из жизни древнехеттского царства (2 Bo T 12 A, ± 19) и *ma-aḫ-ḫa-an-ma ne-ku-ut-ta-at* ‘когда же стемнело (когда же наступил вечер)’ в анналах Мурсилиса, KBo V 8, обр. ст. III 19, ср. аналогичную конструкцию с активной формой корневого глагола *neku-*: *nu ma-aḫ-ḫa-an ne-ku-zi* ‘и когда (стемнеет) [5]’ (Bo T 24 III 10 § 3).

---

[1] *Bartholomae.* // BB. Bd. 15. P. 21; *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. P. 426. Ср.: *Мейе.* Введение. С. 279.

[2] См.: *Walde-Pokorny.* Bd. II. P. 338, ср. там же о вал. *he-no*.

[3] Это выражение детально изучено Зоммером: *F. Sommer.* Hethitisch. II. P. 32—36, 63.

[4] Об огласовке корня в карашарском слове, ср.: *W. Couvreur.* B-Tocharische Etymologien // AOr. Vol. 18. 1—2. 1950. P. 127, примеч. 1.

[5] В ряде работ Стертеванта (*E. H. Sturtevant, G. Bechtel.* A Hittite Chrestomathy. Philadelphia, 1935. P. 106, 119; *E. H. Sturtevant.* Hittite Evidence Against Fullgrade *o* // Language. Vol. 14. 1938. P. 105—106; *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. § 18c. P. 27) высказывается предположение, согласно которому активная форма *nekuzzi* в данном предложении означает «(он) раздевается». Но эта гипотеза противоречит контексту, в котором засвидетельствована данная форма, так как если бы данное предложение имело смысл, который в него вкладывает Стертевант, то оно обязательно начиналось бы с сочетания союза с личным местоимением. Гипотеза Стертеванта о том, что субъект должен быть «примыслен» из другого предложения, не подтверждается ни одним примером из известных хеттских текстов. Форма *nekuzzi* в данном

Параллелизму в употреблении глаголов *luk-* и *neku-* соответствует и частое сопоставление (и противопоставление) в хеттских текстах связанных с этими глаголами наречных выражений *lukkatta* ‘утром’ и *nekuz meḫur* ‘вечером’. Употребление глагола *neku-* и производного *nekuz* показывает, что связь между этими словами сохранилась вплоть до периода создания хеттских письменных памятников. В существительном *neku-t-* можно выделить тот же суффикс, что и в хеттском названии «дня» *šiuatt* (подробнее об этом см. ниже, в разделе о хет. *šiu-*). Для анализа производных от корня **nek^{w}-* данные хеттского языка имеют особое значение потому, что в других индоевропейских языках не только отсутствует корневой глагол **nek^{w}-*, но и вообще засвидетельствованы только именные производные от этого корня, в большинстве которых суффиксальное *-t-* срослось с корнем благодаря морфологическому опрощению [1].

§ 12. Глагол медиопассивного спряжения *ki-*

Хеттские корневые глаголы спряжения на *-mi*, рассмотренные в § 1—9, спрягаются по активному типу: от *luk-* и *neku-* (§ 10—11) в хеттском языке образуются как активные, так и медиопассивные формы. Но в хеттском языке засвидетельствованы также (хотя и в значительно меньшем количестве) индоевропейские корневые атематические глаголы спряжения на *-mi*, имеющие исключительно медиопассивные формы. Как и по отношению к корневым глаголам спряжения на *-mi*, в данной группе глаголов можно отметить значи-

тексте ритуала употреблена безусловно в безличной конструкции, причем *nekuzzi* синонимично *nekuttat* ‘смеркается, темнеет’ в других текстах. Стертевант не учел также и полного параллелизма в употреблении глаголов *luk-* и *neku-*. Поэтому гипотезу Стертеванта о связи хет. *neku-* и *nekut* с хет. *nekumanza* ‘нагой’ следует признать необоснованной. Ср. о *neku-* и *luk-* в новохеттских текстах: *A. Kammenhuber* // Forschungen und Fortschriften. 1954. Jg. 28. H. 4. S. 123.

[1] Отсутствие *-t-*, помимо упомянутого выше греч. *παν-νύχιος* (ср. *παν-νυχος*, *παννυχεύω*) и валл. *he-no* ‘hac nocte’ можно отметить в ряде литовских производных основ: *nakv-oti* ‘ночевать’, *nakv-iša-* ‘полуночник, лунатик’, *nãkv-inas* ‘заночевавший; дающий ночлег’ (ср. из балтийских основ того же семантического круга прус. *deinina*(*n*) ‘дневной’: *Endzelins.* Baltu valodu skanas un formas. P. 83), *nakv-inti* ‘принимать на ночлег’. Но происхождение этих литовских производных остается не вполне ясным, ср.: *W. Schulze.* Kleine Schriften (Zum 70. Geburtstag am 15. Dezember 1933 herausgegeben vom Indogermanischen Seminär der Universität Berlin). Göttingen. S. 119; *Skardžius.* Lieutuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. P. 242. По-видимому, для объяснения этих форм, как и греч *νυχ-*, следует учитывать особенности фонетического развития данной основы, по-разному отраженной в различных индоевропейских диалектах.

тельную близость явлений, обнаруживаемых в языках с наиболее древними памятниками: в хеттском, древнегреческом и древних индоиранских. Хеттский корневой атематический глагол медиопассивного спряжения на *-mi ki-* (*ke-*) ʻлежать, быть положенным' в точности соответствует др.-инд. *śi-*, греч. *κεῖμαι*. Р. Вернер показал в своей работе [1], что хеттская форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *kitta* ʻон лежит' полностью тождественна др.-инд. *śéte*, авест. *saēte*, греч. *κεῖται*. Во всех названных индоевропейских языках данный глагол спрягается по медиопассивному типу. Как уже отмечалось в научной литературе, существует исключительное сходство между греческим и хеттским языками в использовании хет. *ki-*, греч. *κει* ʻлежать', служащих глаголами со страдательным значением, которым в действительном залоге соответствуют восходящие к одному индоевропейскому корню *dai-* (см. ниже об этом глаголе), греч. *θη-* [2].

Как и некоторые другие рассмотренные выше корневые глаголы, хет. *ki-* имеет редуплицированную форму *kikki-*, находящую соответствие в редупликации данного корня в древнеиндийском (ср. др.-инд. причастие перфекта *śaśyāná-*). Сравнение древних индоевропейских языков с хеттским указывает на то, что особенности данного корневого глагола хорошо сохранились в хеттском.

§ 13. Глагол медиопассивного спряжения *šup*; причина исчезновения производных от **sꙋep-* в клинописном хеттском языке

Число представленных в хеттском языке индоевропейских глаголов спряжения на *-mi*, спрягающихся по медиопассивному типу, невелико. Помимо *ki-* к глаголам этого типа принадлежит *ar-* ʻвставать' (лат. *orior*), но ввиду того, что этот глагол родствен глаголу *ar-* ʻдостигать', оба эти глагола рассматриваются в настоящей работе вместе (см. ниже).

---

[1] *R. Werner* // OLZ. 1953. № 5(6). P. 242.

[2] *H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. 2. Aufl. København, 1949. § 51. S. 31; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 41. Педерсен (Указ. соч. С. 21) устанавливает аналогичное соотношение между ликийскими *sijeni* и *tadi*. Сопоставление лик. *si-* и греч. *κει-* (хет. *ki-*) принято и А. В. Десницкой, см.: Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 45. Если этот вопрос, как и другие проблемы сравнительно-исторического изучения ликийской лексики, нуждается еще в дальнейшем исследовании, то наличие соответствий хет. *ki-* в древних индоевропейских языках Малой Азии представляется весьма вероятным. В частности, представляется, что глагольная медиопассивная форма *ki-i-ta-ar*, встречающаяся в палайских текстах (*H. Otten.* Zum Palaischen // ZA NF. 1944. Bd. XIV. S. 132, примеч. 22), может соответствовать хет. *ki-it-ta-ri*.

К этой же группе принадлежит глагол *šup-*, на истории которого можно проследить процесс постепенного исчезновения древнего индоевропейского корневого слова в хеттском языке.

Хеттский корневой глагол *šup-* восходит к индоевропейскому корню **su̯ep-/sup-* ʻспать’. В большинстве индоевропейских языков этот корень засвидетельствован в именной основе с суффиксом *-no-*: ст.-сл. **съньнъ** < **supno-*, рус. *сон*, др.-инд. *sváp-na-h* < **su̯e/op-no-* и т. д. [1] В некоторых индоевропейских диалектах эта основа стала уже в древнюю эпоху непроизводной и послужила для образования вторичных глаголов: литовск. *sapnuoti* ʻвидеть во сне’ (литовск. *sãpnas* ʻсон’), латышск. *sapnuôt* ʻвидеть во сне’ (латышск. *sapņis* ʻсон, сновидение’), ср. греч. *ὑπνόω* ʻсплю’ (уже у Гомера). В других диалектах засвидетельствованы производные глаголы, образованные не от именной основы **su̯e/opno-/supno-*, а непосредственно от корня **su̯ep-/sup-*: ст.-сл. **съпати**, рус. *спать*, др.-англ. *swefan* ʻспать’, др.-в.-нем. *swefan*, др.-исл. *sofa*, ср. лат. *sopio* ʻусыпляю’. В древних индоиранских языках представлен ряд употребительных глагольных основ, образованных от данного корня (др.-инд. *svap-*, авест. *hvap-*); однако даже в ведийском, особенно хорошо сохраняющем корневые формы, соответствующий корневой глагол непосредственно не засвидетельствован. Корневая основа *sup-* в «Ригведе» представлена только в отглагольном прилагательном *prasúp-* ʻдремлющий’ (из *pra* + *sup-*), встречающемся лишь 1 раз в IX мандале: им. пад. мн. ч. м. р. *prasúpas* (*sómāsas*), RV, 781, b. Искажение соответствующего места в «Самаведе» в *prasútas* указывает на то, что корневые формы от *sup-* очень рано перестали употребляться в ведийском, благодаря чему *prasúpas* в сочетании с *sómāsas* (им. пад. мн. ч. от *soma-*) было переосмыслено как производное от глагола *su-* ʻдавить, выжимать сок’, часто сочетающееся в «Ведах» с существительным *soma-* («сок сома»).

Если существование в древнеиндийском языке восходящего к корню **su̯ep-* корневого глагола можно только предполагать для древнейшего периода развития языка на основе ведийской формы отглагольного прилагательного *prasupas*, то в хеттском языке засвидетельствованы личные формы этого глагола [2], ср. MI-*an-da-aš U-UL šu-up-ta-ri* ʻНочью (он) не спит’ (KUB

[1] Об огласовке ср.: *Meйe.* Введение. С. 172, 175, 275; *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. § 181. P. 260.

[2] Наличие корневого глагола *šup-* ʻспать’ в хеттском впервые установлено Фридрихом: *J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexicon // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. P. 294. В указанной статье (P. 294) Фридрих высказал также предположение, что в KBo V 4 II 33 засвидетельствован этот же корневой глагол, а не глагол *šupš-* (с тем же значением), и соответственно предложил для данного места чтение *šu-up-ta-ri* вместо *šu-up-ša-ri*. Однако, учитывая наличие в хеттском языке большого числа глаголов с древним

IV 47 I 3). Наряду с редко встречающимся корневым глаголом *šup-* ‘спать’ в хеттском языке существовал производный глагол *šuppariia-* ‘спать’, принадлежащий к архаичному типу глаголов на *-(a)riia* (ср. *etriia-*), которые образованы от индоевропейских корней (ср. ниже о *pangariia-*, *gimmantariia-*, ср. *genuriia-*). Этот производный глагол также мало употребителен; в хеттских памятниках засвидетельствовано причастие от этого глагола *šuppariiant-* (им. пад. *šuppariianza*)[1]. Другие производные от *sup-* в хеттском языке до настоящего времени не обнаружены [2].

Обращает на себя внимание отсутствие в хеттском языке общеиндоевропейского названия «сна, сновидения» **sue/op-no-* (*sup-no-*). Эта именная основа, безусловно, была образована еще в общеиндоевропейском языке-основе, о чем свидетельствует как ее наличие во всех подгруппах индоевропейской семьи языков (в том числе в армянском и кучанско-карашарском, во многих отношениях близких к хеттскому), так и образование от нее уже в глубокой древности вторичного производного на *-iio-*, общего для многих древних индоевропейских языков: ст.-сл. **сънии** ‘сновидение’, греч. (ἐν)ὕπνιον, лат. *somnium*, др.-инд. *svapn*(*i*)*yam* [3]. Не существует ни одного индоевропейского языка (кроме хеттского), в котором был бы отражен данный корень и в то же время не было бы представлено общеиндоевропейское название «сна», образованное от этого корня с помощью суффикса *-no-*. В хеттском языке имеется как корневой глагол *šup-*, так и ряд архаичных производных с суффиксом **-no-*, образованных от других индоевропейских корней. По указанным причинам отсутствие общеиндоевропейской основы **su*(*e*/*o*)*p-no-* в хеттском языке следует объяснить как результат ее исчезновения в процессе развития хеттского языка [4]. Данный вопрос имеет большое значение для исследования особенностей развития производных от общеиндоевропейских кор-

суффиксом *-es*/*-s* (см. об этом ниже), можно признать и возможность существования производной основы *šupš-* ‘спать’ наряду с корневым глаголом *šup-*. Но ввиду отсутствия параллельных мест в других опубликованных текстах окончательно решение этого вопроса в настоящее время не может быть дано.

[1] *H. Ehelolf.* OLZ. 1933. P. 3 и след.; *E. H. Sturtevant.* JAOS. Vol. 56. P. 282—284.

[2] Можно предположить, что во 2-й молитве Мурсилиса во время чумы засвидетельствовано в форме *šu-up-pa-ia* существительное *šupi-*, образованное от корня *šup-* ‘спать’ (см. об этом ниже, § 14 настоящей работы). Но в других текстах аналогичные формы отсутствуют.

[3] А. Мейе относил образование этого вторичного производного к общеиндоевропейскому периоду, см.: *А. Мейе.* Общеславянский язык. § 401. С. 287.

[4] Это согласуется с гипотезой Майрхофера о связи хеттского (отыменного) глагола *šuppariia-* с общеиндоевропейским названием «сна» **su*(*e*)*p*(*ō*)*r*, *supn-és*, см.: *M. Mayrhofer.* Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 42—43, ср. ниже, Приложение I.

ней в хеттском языке; поэтому необходимо остановиться на нем подробнее. Для уяснения причин исчезновения этой именной основы в хеттском необходимо рассмотреть хеттские слова, значение которых соответствует значению слов других индоевропейских языков, восходящих к **sṷe*/*op-no-* (**sup-no-*).

В хеттском языке в значении «сон, сновидение» употребляются формы *tešḫa-* и *šašḫa*(*a*)*i-* (*zazḫi-*). Существительные *tešḫa-* и *zašḫi-* употребляются в хеттском языке в одинаковом значении; оба этих существительных соответствуют идеограмме U ‘сон, сновидение’.

Гётце показал, что *tešḫa-*, *zašḫi-* и *zazhi-* (вариант *zašḫi-*) являются разными формами одного слова [1]. В настоящее время можно установить, что аналогичные чередования характерны для передачи в хеттских текстах слов хаттского («протохеттского») происхождения, ср. различные формы названия древнего города страны Хатти ^{URU}*Liḫšina*, ^{URU}*Liḫzina* [2] и ^{URU}*Zi-iḫ-zi-na* (KUB XXXIII 66 III 3, 20; чередуются с *Li-iḫ-zi-na* в том же тексте), где, согласно Зоммеру [3], чередование *l* : *z* следует понимать как *t* : *z* (ср. *tabarna* : *labarna*). Такое же чередование *-ḫš-* : *-ḫz-* (*Liḫšina-* : *Liḫzina-*, ср. *-šḫ-* : *zh* в *tešḫa-* : *zazḫi-*) обнаруживается в хеттском слове *antuḫša-* «человек», которое сходно с заимствованиями из языка хатти [4] («протохетского»), ср. написания *an-tu-uḫ-ša-aš* и *an-tu-u-ṷa-aḫ-za* (KUB XII 44 III 7). Новейшими исследованиями установлено, что чередования *t* : *z* (*t* > *z*) и изменение группы *šḫ* характерны для хаттских («протохеттских») собственных имен, заимствованных в хеттский язык [5]. Таким образом, фонетические особенности *tešḫa-*/ *zašḫi-*/*zazḫi-* позволяют предположить, что слово является заимствованием из языка хатти («протохеттского»). Это предположение подтверждается благодаря сравнению *tešḫa-* и *zašḫi* с хаттским именем бога *Tašḫapuna* [6]. Передача этого хаттского имени бога в хеттских текстах обнаруживает разительное сходство с

[1] *A. Götze.* Die Pestgebete des Mursilis // Kleinasiatische Forschungen. 1930. Bd. I. S. 232; *Götze — Pedersen.* MS. S. 23. Гётце не дал, однако, объяснения чередованиям, обнаруживаемым в этом слове, так как не знал других аналогичных явлений.

[2] *H. Ehelolf.* ZA NF. Bd. IX. S. 185, примеч. 1. Параллелизм чередований *ḫhš* : *ḫz* в этом названии города и чередований *šḫ* : *zḫ* в *tešḫa-* : *zazḫi* отмечен Фридрихом (Краткая грамматика. § 29. С. 51), но также без объяснений.

[3] *F. Sommer.* Zu den letzten Publikationen hethtischen Keilschrifttexte aus Berlin // OLZ. 1953. Jg. 18. № 1/2. S. 11—12.

[4] О происхождении хет. *antuḫša-* см.: *E. Laroche.* Hattic Deities and their Epithets // JCS. 1947. Vol. 1. P. 195.

[5] *E. Laroche.* Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947. P. 36, 38—39, 41—42.

[6] См. об этом имени бога: *E. Laroche.* Recherches sur les noms des dieux hittites. P. 38—39.

чередованиями, отмечаемыми в хеттском названии «сна» [1], ср., с одной стороны, *tešḫa-* и *Tašḫapuna-*, *Tašḫapuni-*, с другой стороны, *zašḫi* и *Zašḫapuna*, *zašḫi-* (согласно Гётце = *zaḫi-* [2]) и *zaḫapuna*, *zaḫpuna* [3]. В хаттском имени бога *Tašḫapuna* можно выделить морфему *-puna*, часто выступающую в качестве второй части имени хаттского божества, ср. *Ḫate-puna-* < *ḫate-* (хаттская основа, известная во многих других словах) + *puna* [4], *Teli-puna* [5] и др. Следовательно, можно утверждать, что в хаттском имени бога *Tašḫapuna* выделяется морфема *tašḫa-*, фонетическая передача которой в хеттских текстах в точности соответствует облику хет. *zašḫi-*, *zazḫi-*, *tešḫa-*; весьма вероятным представляется генетическое тождество хаттской основы *tašḫa-*, выделяемой в имени хаттского бога *Tašḫa-puna-*, и хеттского *tešḫa-*/*zasḫi-*/*zazḫi-*, которое по фонетическим причинам следует признать хаттским заимствованием [6]. Проникновение заимствований из языка хатти в хеттский язык было связано главным образом с сильным воздействием религии исконного населения страны Хатти на религию носителей хеттского (неситского) языка [7]; поэтому большинство хеттских заимствований в хеттском языке относится к религиозной лексике. В этой связи следует подчеркнуть то, что хеттское *zašḫi-*, *tešḫa-* (= идеограмме Ù) является прежде всего важным религиозным терми-

[1] Это было мимоходом отмечено Ларошем (*E. Laroche.* Указ. соч. P. 39), не сделавшим, однако, никаких выводов из своего наблюдения.

[2] Гётце показал, что звукосочетание, передаваемое двояким написанием *zašḫ-*/*zazḫ-*, могло бы быть передано и написанием *zaḫ-* (что в данном случае не сделано только для того, чтобы избежать смешения с существительным *zaḫḫai-* ‘битва’), см.: *Götze—Pedersen*. MS. P. 23.

[3] Наличие таких дублетных форм, по-видимому, следует объяснять различной хронологией проникновения заимствований: более древние заимствования изменились согласно законам исторического развития хеттского языка (ассибиляция *t* > *z*, развитие *šḫ* > *ḫ*), тогда как в более позднее время те же слова могли вновь войти в хеттский язык из языка хатти (сохранявшегося в качестве языка культа) в форме, более близкой к первоначальному хаттскому звучанию.

[4] *E. Laroche.* Recherches. P. 24—25.

[5] *E. Laroche.* Recherches. P. 35.

[6] Установление хаттского происхождения слова *tešḫa-* окончательно подтверждает справедливость сомнений, которые давно уже высказывались (*Götze—Pedersen.* MS. P. 69) по поводу попыток Стертеванта объяснить это слово как исконное индоевропейское. Сравнение с греч. θεάομι (*Sturtevant.* Comp. Gr.[1] P. 160) не может быть признано удовлетворительным ни с фонетической, ни с семантической стороны; характерно, что сам Стертевант, предложивший эту этимологию, в более поздних работах к ней не возвращался и обходил ее молчанием.

[7] Ср.: *А. В. Десницкая.* О хеттском языке // *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 8, 21.

ном; это доказывается употреблением этих слов в памятниках самого разнообразного содержания и разных жанров. В автобиографии Хаттусилиса III сообщается, что в юности он был сделан жрецом богини Иштар потому, что сон, приснившийся его отцу, был истолкован как проявление воли богини Иштар; *nu* ^{d}*IŠTAR* GAŠAN-*i̯A A-NA* ^{I}*Mur-ši-li A-BI-i̯A* Ù-*it* ^{I}NIR.GÁL-*in* ŠEŠ-*i̯A u-i-i̯a-at* ‘и богиня Иштар, моя владычица, брата моего Муваталлиса к моему отцу послала посредством сна (Ù-*it* = *tešḫit* или *zašḫit*)’ (Hat. I 13—14; далее излагается содержание речи Иштар, обращенной к Мурсилису). В дальнейшем повествовании Хаттусилиса сны (Ù), во время которых самому Хаттусилису (Hat. I 36—37) или его жене (Hat. IV 9) являлась богиня Иштар, занимают важное место. Религиозное истолкование снов составляет основное содержание сборника обетов царя и царицы различным богам и богиням, ср., напр., следующую характерную запись из этого сборника: Ù^{TUM} SAL.LUGAL *za-aš-ḫi-i*[*a-u̯a-*]*mu* ^{d}LUGAL-*ma-aš* (*QI-BI*) ‘Сон царицы. Во сне (*zašḫiia*) мне бог Саррумас сказал...’ (KUB XV I, II 42, ср. аналогичные места там же, II, 38, 40; KUB XV 5 II, 39, 42, 46). В повествовании Мурсилиса о том, как он лишился дара речи, решающее значение приписывается сну, который понимается следующим образом (пер. ст. 9—10): *nu-mu-kán za-az-ḫi-i an-da* ŠU DINGIR *a-ar-aš* KA×U-*iš-ša-mu-kán ta-pu-ú-ša pa-it* ‘Тогда меня во сне (*zazḫi*) коснулась рука божества и дар речи от меня ушел’ (пер. ст. 8—9) [1]. Соответственно при перечислении бед, от которых нужно спасти человека, в ритуале рядом называются *i-da-la-mu-uš za-aš-ḫi-mu-uš* DINGIR^{MEŠ}*-aš kar-pí-in* ‘дурные сны (и) гнев богов’ (Tun. § 32 III 51).

Из приведенных текстов и других, аналогичных им, мест хеттских памятников [2] явствует, что *tešḫa-* и *zašḫi-* употреблялись главным образом в значении «сон, сновидение, понимаемое как проявление воли божества». То, что *tešḫa-* (*zazḫi-*) в этом значении принадлежало к числу специальных религиозных терминов, особено ясно проявляется в известной молитве Мурсилиса во время чумы. Прося богов, чтобы они открыли, в чем состоит причина их гнева, вызвавшего чуму, Мурсилис говорит: *na-at-za-kán na-aš-šu te-eš-ḫi-it ú-u̯a-al-lu na-aš-na-at a-ri-i̯a-še-eš-na-az* [*ḫa-an-da-i̯*]*a-at-ta-ru* ‘и пусть ее (= причину гнева богов) или посредством сна (*tešḫa-*) я увижу или это оракулом будет установлено’ (2-я молитва Мурсилиса во время чумы [3], II § 11, 3). В этом месте *tešḫit* ‘посредством сна’ (ср. в том же тексте несколькими строками выше, в § 10, *te-eš-ḫa-az* в том же значении) выступает параллельно с *ari-*

[1] Текст цитируется по изданию: *Götze—Pedersen*. MS. P. 4.

[2] Ср. тексты, указанные в работе: *F. Sommer, H. Ehelolf.* Das hethitische Ritual des Päpanikri von Komana. Leipzig, 1924 (Boghazköi-Studien, H. 10). S. 31.

[3] Издание *A. Götze.* Kleinasiatische Forschungen. Bd. I. 1930.

i̯ašešnaz «посредством оракула» [1]. Как ясно из дальнейшего текста молитвы, речь идет об особом гадании посредством сна; *tešḫa* — ʻсновидение’ оказывается поэтому таким же специальным термином, как и *arii̯ašeššar* ʻоракул’. Гаданию посредством сновидения приписывается особое значение; о его возможном исходе Мурсилис молит следующим образом: *nu-za* DINGIR^{MEŠ} *BE-LU*^{MEŠ}*-i̯A pa-ra-a ḫa-an-da-an-da-a-tar ti-ik-ku-uš-nu-u̯a-an-du na-at-za-kán a-pí-i̯a ku-iš-ki te-eš-ḫi-it a-uš-du* ʻи пусть боги, мои повелители, явят божественное чудо и тогда пусть кто-нибудь (из жрецов) его увидит посредством (сна) (*tešḫa-*)’ (там же, II § 11). Аналогичное сочетание религиозных терминов *para ḫandatar* ʻбожественное чудо’ [2] и *zašḫi-* ʻсон’ встречается и в других хеттских текстах, например, в ритуале Papanikri, I 43 [3]. Рассмотрение данных хеттских памятников, следовательно, приводит к выводу, что *tešḫa-*, *zašḫi-* являются очень важными религиозными терминами, связанными со специфическим пониманием сновидений в хеттской религии. Если учесть, что хеттские религиозные представления складывались под влиянием хаттской религии и что большинство «протохеттских» заимствований в хеттском является религиозными терминами, то оправданным явится предположение о связи между религиозной значимостью хеттских слов *tešḫa-*, *zašḫi-* и их «протохеттским» происхождением. Надо думать, что название «сновидения» (понимаемого в духе хаттской религии) было заимствовано вместе с другими хаттскими религиозными терминами в период после прихода хеттов в Малую Азию, это заимствование принадлежит к числу давно вошедших в словарный состав хеттского языка, так как *tešḫa-* и *zašḫi-* склоняются всегда по законам хеттской морфологии [4] (в отличие от проникших в хеттский язык в середине II тыс. до н. э. хурритских заимствований, сохранявших в хеттских текстах иноязычный морфологический облик) и не отмечались «глоссовым клином», который писцы Нового царства ставили перед словами, воспринимавшимися ими как иноязычные. *Tešḫa-* было заимствовано, во всяком случае, до эпохи Нового царства. В рассказе Мурсилиса о том, как он лишился дара речи, употребляется глагол *tešḫanišk-* ʻчасто являться во сне’ (пер. ст. 7) [5]. Этот глагол образован по архаичному типу (см. ниже о *dankunešk-*) от именной осно-

[1] Об одинаковой функции этих форм ср.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 229 а. С. 133.

[2] О *para ḫand*(*and*)*atar* ср.: *A. Goetze.* Kleinasien. P. 138; *E. H. Sturtevant, G. Bechtel.* A Hittite Chrestomathy. P. 85—86 и 229.

[3] Издание *F. Sommer, H. Ehelolf.* Das hethitische Ritual des Papanikri von Komana. P. 4.

[4] См. парадигму склонения *tešḫa-*: *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 59; парадигму склонения *zašḫi-*: Там же. С. 62.

[5] Издание *Götze—Pedersen.* MS.

вы *tešḫa-* (в указанном тексте *tešḫanišk-* употребляется в сочетании не с *tešḫa-*, а с *zašḫi-*, там же, 8), что лишний раз подтверждает полный параллелизм в употреблении двух этих существительных. Наличие такого производного от *tešḫa-* в тексте, относящемся к началу новохеттского периода, свидетельствует о проникновении этого заимствования в хеттский язык в более ранний период. Что же касается *zašḫi-*, то фонетические изменения, которые отмечаются в этом слове (изменение палатализованного *t*), свидетельствуют о его проникновении в словарный состав хеттского языка до эпохи создания письменных памятников. То, что данное заимствование вошло в словарный состав хеттского языка в период дописьменного развития языка, должно быть связано с отсутствием уже в древнейших памятниках существительного, восходящего к общеиндоевропейскому **su̯op-no-*.

Таким образом, отсутствие данного общеиндоевропейского имени в хеттском языке объясняется особенностями развития лексики этого языка, вызванными влиянием древней культуры Малой Азии на пришедшие в страну Хатти племена, говорившие на индоевропейских диалектах. Именная основа с суффиксом **-no-* была наиболее существенным образованием от корня **su̯ep-* в общеиндоевропейском языке (насколько позволяет судить сравнение индоевропейских языков); показательно то, что для ряда диалектов общим было вторичное производное от этой основы (на **-iio-*, см. выше), и в некоторых языках (напр., восточнобалтийских) эта именная основа на **-no-*, ставшая непроизводной, выступает в функции, тождественной функции общеиндоевропейского **su̯ep-*. Поэтому исчезновение данной именной основы, связанное с заимствованием близкого по значению термина из языка хатти, не могло не отразиться на роли корня *šup-* в системе хеттского языка. Как уже отмечалось выше, корневой глагол *šup-* в хеттском языке малоупотребителен; единственным производным от этого глагола является архаичный по типу образования глагол *šupp-ariia-*, засвидетельствованный в редко встречающейся причастной форме *šuppariiant-*. Корневой глагол *šup-*, который некогда должен был играть существенную роль в лексической системе языка, утратил свою былую значимость. Но неправильным было бы предположение, что это объясняется только воздействием на хеттский язык языка хатти. О недостаточности такого объяснения свидетельствует то, что хаттские заимствования выступают главным образом в роли, соответствующей роли древних именных образований от корня **su̯ep-*; что же касается глагольных образований, то с заимствованным из хаттского словом связан только глагол *tešḫanešk-*, ср. также описательное выражение *tešḫit* (или *zašḫiia*) *auš-* ‘видеть посредством сна (во сне)’. Большинство же глагольных (и часть именных) основ данного семантического круга образованы от хеттского корневого глагола *šeš-*, имеющего индоевропейскую этимологию.

§ 14. Глагол *šeš-*; история производных от **ses-* в хеттском языке в сопоставлении с историей производных от **sụep-*

Как отмечается в новейших хеттологических исследованиях, первоначальным значением корневого глагола *šeš-* (спряжение на *-mi*) в хеттском было не значение «спать» (как предполагали ранее некоторые исследователи), а значение «покоиться, отдыхать, лежать спокойно» [1]. Это особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда *šeš-* в архаичных текстах относится к неодушевленным предметам, ср., напр., в ритуальном предписании относительно того, что нужно делать ночью с водой, использовавшейся во время ритуальных церемоний: *nu ú-i-da-a-ar A-NA ŠA-PAL* MUL$^{\text{HI.A}}$ *še-eš-zi* ʻи воды [2] останутся (будут покоиться) под звездами’ (KBo V 2 II 28). Со значением *šeš-* ʻпокоиться, отдыхать’ связано употребление этого глагола в значении «наслаждаться спокойствием; пользоваться благами мира», напр., во введении к архаичному мифологическому рассказу о битве бога грозы с демоном-змеем Иллуянкасом (KBo III 7 I 5—7) *ud-ni-ụa ma-a-ú še-eš-du nu-ụa ud-ni-e pa-aḫ-ša-nu-ụa-an e-eš-du nu ma-a-an ma-a-i še-eš-zi* ʻСтрана (де) должна процветать (и) должна наслаждаться спокойствием, а страна (де) должна быть защищена. И если (она) процветает (и) наслаждается спокойствием...’ [3]. В значении «оставаться (в спокойном состоянии, в бездействии), не двигаться» глагол *šeš-* применяется не только к неодушевленным предметам, но и к людям, в частности, когда речь идет в полководце и его войске, напр., в анналах Мурсилиса: *nu* ^{D}UTU^{ŠI} *a-pí-e-da-ni-pát* UD-*ti* [*A*-]*NA* ^{URU}*A-ri-ip-ša-a-pát še-e-šu-un* ʻи в тот день я, солнце (титул хеттсхого царя), остался в городе Арипсасе’ (KBo IV 4 = 2 BoTU 58 B). В анналах Мурсилиса встречается также выражение *A-NA* BÀD.KARAŠ *šeš-* ʻостаться в укрепленном лагере’ (KUB XIX 37 = 2 BoTU 60 25—26). Значение глагола *šeš-* ʻпокоиться, находиться в бездеятельном состоянии (в каком-либо месте)’ тесно связано со значением ʻотдыхать, спать, находиться в бездеятельном состоянии в постели’; в этом последнем значении *šeš-* особенно часто употребляется в новохеттских текстах (в сочетании

[1] *J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexikon // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. S. 294 (ср. также перевод формы *šešụeni* в статье: *J. Friedrich.* Der churritische Mythus vom Schlangedamon Ḫedammu in hethitischer Sprache // AOr. 1949. Vol. 17. P. 1. S. 237); *E. Laroche.* Hittitica. P. 39; *E. Laroche.* Hattic Deities and their Epithets // JCS. 1947. Vol. 1. № 3. P. 211. Это правильное положение, однако, в указанных статьях не было подтверждено систематическим анализом соответствующих текстов и не было связано с данными родственных языков (ведийского).

[2] О значении формы *ụidar* в этом тексте см. ниже.

[3] Ср. о переводе последнего предложения: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946.

šašti šeš- ʻспать в постелиʼ). Со значением *šeš-* ʻспать, находиться в постелиʼ связано и употребление этого глагола в качестве обозначения физиологического понятия типа немецкого «beischlafen; schlafen (vom Geschlechtsverkehr)» [1].

Древнее значение корня *šeš-* отражено и в значении производного *šašta*, на архаичный характер которого указывает как чередование *e* : *a*, редко встречающееся в хеттском языке при образовании имени от глагола, так и суффикс **-to-* > хет. *-ta-*, в хеттском языке принадлежавший к числу отмирающих словообразовательных средств (см. выше, § 10, о *luttai-*). Существительное *šašta-* имеет значение «место для отдыха; место, где отдыхают, находятся в бездействии; место остановки» [2]. В частности, отмеченному выше употреблению *šeš-* в значении «оставаться (в спокойном состоянии), не двигаться (о войске)» соответствует употребление *šašta-* в значении «военный лагерь» (ср. KBo V 8 = 2 BoTU 61 A + KUB XIX 36 = 2 BoTU 61 B, пер. II, 28). В анналах Мурсилиса употребляется также выражение *šašti u̯alḫ-* ʻнапасть (на противника), когда он не подготовлен к защите (т. е. спокоен, отдыхает *šeš-*)ʼ (KBo IV 4 IV 36—37) [3]. В новохеттских текстах часто встречается сочетание *šašti šeš-*, ср., напр., ^{GIŠ}*ša-aš-ti… še-eš-š*[*e-ir*] в мифе об Ашерту [4], с. 11, и *ša-aš-*

[1] В этом значении *šeš-* обычно выступает в сочетании с *katta*(*n*). В древнехеттских текстах *šeš-* в этом значении употребляется в сочетании с дат.-местн. пад. ед. ч. существительного *katta*(*n*) ʻнижняя сторона, близостьʼ + дат.-местн. пад. ед. ч. притяжательного местоимения, напр., в архаичном мифе об Иллуянкасе, KBo III 7 I 25 *katti-ti šeš* (о конструкциях с *kattan* этого типа см.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 259 в. С. 141). В более поздних мифологических текстах новохеттского времени в том же значении употребляется сочетание послелога-наречия (-приставки) *katta*(*n*) с глаголом *šeš-*, напр., в «Песне об Улликумми», Ullikummi, I табл. I 18 (фрагмент, впервые напечатанный Оттеном: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950); в мифе о Гурпаранцаху (напечатано Гютербоком в ZA NF. B. X. 1938. S. 86), 24; в ханаанском мифе об Ашерту (напечатано в статье: *H. Otten.* Ein kanaanäischer Mythus aus Bogazköy // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. 1953. Bd. I. H. I. S. 126). Сравнение ранних текстов с текстами более позднего происхождения в данном случае позволяет проследить развитие сочетания глагола с наречием-послелогом из более древнего сочетания глагола с существительным, постепенно превращающимся в наречие, и позднее приближающимся к функции приглагольной приставки (преверба).

[2] Ср.: *Sommer.* HAB. 1936. P. 38, 243; *H. Otten.* Die Überlieferungen der Telepinu-Mythus. Berlin, 1943. S. 73.

[3] Перевод этого места у Гётце: *Götze.* AM. P. 121, и Фридриха (Краткая грамматика. § 217. С. 129, ср.: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 1, прим. 29) является неточным, так как ими не были учтены все значения *šašta*, отмеченные Зоммером и Оттеном в работах, которые указаны выше.

[4] Напечатано в статье: *H. Otten.* Ein kanaanäischer Myth aus Bogazköy // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1953. Bd. I. H. 1. S. 142. Детерминатив GIŠ показывает, что имеется в виду деревянное ложе.

ti... še-eš-ta в мифе о Гурпаранцаху [1], с. 24. Поскольку глагол *šeš-* в новохеттских текстах чаще всего имеет значение «спать», выражение *šašti šeš-* означает ʻспать (отдыхать) в постели’.

Значение «спать», не являющееся первоначальным значением хеттского глагола *šeš-*, постепенно стало основным значением этого глагола. Производные, образованные от этого корневого глагола в более поздний период развития языка, связаны только со значением *šeš-* ʻспать’ (в отличие от архаичного производного *šašta-*, имевшего первоначально значение, связанное с более древним значением *šeš-*, см. выше). В этом отношении особенно показательны производные глаголы *šeškišk-* и *šeškiia-*, о позднем времени образования которых свидетельствует их морфологическая структура. Оба глагола образованы от итеративного глагола *šešk-* < *šeš-šk-*, где *-šk-* перестал выделяться, вследствие чего стало возможным вторичное присоединение суффикса *-šk-* к древней основе на *-šk-*: *šešk-išk-*, ср. аналогичное *uškišk-* от *ušk-* (древнее итеративное образование от *au-*/*u-* ʻвидеть’, где *-šk-* уже не выделялось благодаря наличию основы *auš-*, ставшей непроизводной, ср. *šeš-* : *šešk-* : *šeškišk-* и *auš-* : *ušk-* : *uškišk-*)[2]. Глагол *šeškišk*, как и *šeš-* в указанных выше новохеттских мифологических текстах, сочетается с *šašti* в значении «иметь обыкновение спать в постели», см. напр., KBo IV 2 IV 30 след.: *ša-aš-ti-ia-az-za-kán ku-e-da-ni še-eš-ki-eš-ki-nu-un* ʻи в которой постели я имел обыкновение спать’. Глагол *šeškiia-*, являющийся отглагольным производным на *-iia-* от основы *šešk-*, ставшей непроизводной, имеет значение «спать». С этим же значением *šeš-* связаны значения других производных, образованных посредством продуктивных суффиксов. Каузативный глагол с продуктивным суффиксом *-nu-* *šašnu-* (*šaššanu-*) имеет значение «заставлять спать; укладывать спать»; также «(sexuell) bei jemanden schlafen lassen» [3] (ср. отмеченное выше физиологическое значение *katti šeš-*, *katta*(*n*) *šeš-* и существительное *šašant-* ʻналожница’ [4], являющееся по происхождению причастием от *šeš-*). С *šeš-* в значении «спать» связано и отглагольное существительное *šešuuar*, встречающееся в

[1] Напечатано Гютербоком: ZA NF. 1938. Bd. X. S. 86.

[2] Параллелизм этих образований отмечен в работе: *Götze—Pedersen.* MS. P. 67, но анализ форм глагола *šeš-* в этой работе неточен (т. к. не учтены факты древнеиндийского языка и поэтому нет должной ясности в определении древней непроизводной основы). Следует думать, что в новохеттскую эпоху *šešk-* стало вариантом непроизводной основы *šeš-*, но Педерсен не учел того, что такая картина является результатом длительного развития.

[3] О значениях глагола *šaš-nu-* см.: *J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexicon // JCS. 1947. Vol. I. № 4. S. 302.

[4] См. об этом слове: *E. Laroche.* Hittitica // Revue de philologie. 1949. T. XXXIII. F. I. P. 39; JCS. 1947. Vol. 1. № 3. P. 211.

поэме «Песнь об Улликумми», см. сочетание *šešuuaš* É.ŠÀ-*naš* ʻкомната (помещение) для сна’ (Ullikummi, 2 табл., III, 12). Указанные факты показывают, что *šeš-* ʻспать’ в новохеттский период стал центром целого гнезда производных слов. Но сравнение с архаичным производным *šašta-* и с употреблением *šeš-* в древнехеттских текстах позволяет установить, что употребление *šeš-* только в значении «спать» и образование производных, связанных только с этим значением данного глагола, относится к относительно более позднему периоду развития хеттского языка.

Глагол *šeš-* является общим для хетто-лувийских [1] и индоиранских языков. Спряжение корневого атематического глагола спряжения на *-mi šeš-* в хеттском языке полностью соответствует спряжению корневого глагола *sas-* в древнеиндийском, ср. хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *šešzi* < **ses-ti*, др.-инд. *sasti*; хет. 3 л. ед. ч. повел. наклон. *šešdu*, др.-инд. *sastu*. В последнее время в работах по сравнительной грамматике часто приводится эта этимология, но при этом не учитывается значение *šeš-* в архаичных хеттских текстах, ср., напр., замечание Бенвениста (в его обзорной статье об индоевропейских языках) об общеиндоевропейском «racine **ses-* ʻdormir’ (skr. *sas-ti*, hitt. *šeš-zi* ʻil dort’)» [2] («корне *ses-* ʻспать’, ср. санскр. *sas-ti*, хет. *šeš-zi* ʻон спит’»). Однако после того как установлено, что исходным значением *šeš-* в хеттском было значение «покоиться, отдыхать, быть в бездействии», можно более точно определить значение *šeš-*, так как факты ведийского языка совпадают с фактами древнехеттского языка. Ведийское *sas-* в наиболее архаичных книгах ведийских гимнов имеет значение «быть в бездействии» [3] (RV, 53, I; 135, 7; 161, II; 329, 7); в других текстах *sas-* означает «спать».

Сравнение хеттского и ведийского языков не позволяет сомневаться в том, что значение корня **ses-* ʻбыть в бездействии, покоиться, оставаться спокойно лежать = спать’ является очень древним[4]. Сопоставление хеттского язы-

[1] Существование в лувийском языке глагола, родственного хет. *šeš-*, можно предполагать на основании встречающейся в мифологических текстах лувийской формы с «глоссовым клином» *ša-aš-šu-ma-a-i* (Bo 2567 I 20) ʻ(чтобы) идти спать’ (см. об этой форме: *H. Otten.* Ein kanaanäischer Mythus aus Bogazköy // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1953. Bd. I. H. 1. S. 132—133, со ссылкой на письмо Гютербока), ср. также засвидетельствованную в KUB XXIII 112 + I 13, 120 II 36 диалектную форму *še-eš-ḫa-at-ta* с лувийским окончанием (см.: *J. Friedrich.* RHA. 47. P. 8 и след.; *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. P. 33), но с вокализмом, характерным для хеттского, а не для лувийских диалектов.

[2] *E. Benveniste.* Les langues du monde. Paris, 1952. P. 8; ср.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 41.

[3] *Grassmann.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873. S. 1494.

[4] На это следует обратить особое внимание потому, что Бенвенист, следуя методам французской лингвистической школы, объясняет особенности структуры этого

ка с ведийским позволяет установить наличие двух общеиндоевропейских корней с близким значением: **sṷep-* ʻспать’ и **ses-* ʻбыть в бездействии, покоиться, лежать спокойно = спать’. Древнеиндийский язык сохраняет как корневой глагол *sas-*, так и глагольные основы, производные от корня *svap-*; от этого корня в древнеиндийском сохраняется и именное образование на *-no- svap-na-ḥ* ʻсон, сновидение’. Как указывалось выше, хеттский язык утратил соответствующую именную основу в связи с заимствованием хаттского (религиозного) термина «сновидение, сон». В связи с утратой именной основы на *-n-*, являвшейся наиболее существенным производным от корня **sṷep-*, этот корень в хеттском языке утратил свою прежнюю значимость. Но в то же время заимствование из языка хатти не послужило для образования глаголов, соответствующих по значению *sup-* и производным от него (*supp-ariia-*). Единственный глагол, произведенный от этого заимствованного слова, употребляется в значении «являться во сне» (*tešḫanišk-*, ср. *tešḫit au*(*š*)- ʻувидеть посредством сна’. В значении же **sup-* (ʻспать’) выступает глагол *šeš* < **ses* и производные от него; глагол *šup-* почти полностью выходит из употребления; тогда как основным значением глагола *šeš-* становится значение «спать». Глагол *šeš-* в значении «спать» в новохеттский период служит для образования большого числа производных слов. Связь употребления этих производных от *šeš-* с употреблением заимствованного из языка хатти названия «сновидения, сна» особенно ясно можно увидеть в цитированной выше молитве Мурсилиса во время чумы. В этой молитве производный от *šeš-* глагол *seškišk-* ʻмногократно спать’ (о вторичном характере *-šk-* и позднем типе образования этого глагола см. выше) употребляется для обозначения того состояния, которое позволяет увидеть сновидение (*tešḫa-*), открывающее волю богов.

Говоря о гадании посредством сна, Мурсилис сообщает, что жрецы «будут неоднократно ложиться спать (в ритуально чистом месте)» [1] — *šu-up-pa-*

корня его «экспрессивной сущностью» («nature expressive»), см.: Les langues du monde. P. 3. Однако эта гипотеза не находит подтверждения в реальных фактах, так как корень со значением «покоиться, оставаться в бездействии, лежать спокойно = спать» вряд ли можно считать экспрессивным.

[1] Так обычно понимается в данном тексте форма *šuppaia*, которую Гётце (в указанной выше работе «Die Pestgebete des Mursilis») и Фридрих (*J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 75, 98) считают формой дат.-мест. пад. от *šuppi-* ʻчистый (в ритуальном отношении)’. Однако такое употребление *šuppi-* является исключительным (другие случаи субстантивизации *šuppi-* неизвестны); поэтому, поскольку установлено наличие в хеттском языке корня *šup*(*p*)- ʻспать’ и его производных, а в данном контексте речь идет о «сне» и употребляются различные связанные со «сном» хеттские термины, форму *šuppaia-* можно было бы связать с корнем *šup-* ʻспать’. Но для дат.-мест. пад. ед. ч. существительного *šuppi-* (ср. *ueši-* ʻпастбище’ от *ueš-* и т. п.) закономерной была бы форма **šuppiia-*, поэтому данное объяснение нель-

i̯a še-eš-ki-iš-kán-zi и после этого, обращаясь к богам, молит: «кто-нибудь (из жрецов) да увидит посредством сна (причину гнева богов)» — *ku-iš-ki te-eš-ḫi-it a-uš-du* (2-я молитва во время чумы, § 11). Из этого текста видно, что *šeškišk-* (как *šeš-* и другие производные от *šeš-*) употреблялось для обозначения того физического состояния («спать, лежать в постели»), которое приводит к тому, что человек видит «сон» (*tešḫa-*, ср. *tešḫit auš-* ʻувидеть посредством сна’). Точно такое же сочетание глагола *šeš-* ʻложиться спать, засыпать’ и существительного *zašḫi-* ʻсновидение’ встречается в ритуальном тексте KUB VII 5 IV 1 след., где сообщается, что человек ложится спать (*še-eš-zi*), после чего во сне он видит божество: *za-aš-ḫi-iš a-uš-zi* ʻво сне (*zašḫi-*) он видит’. Для обозначения «сновидения» употреблялось слово хаттского происхождения *tešḫa-*/*zašḫi-*, ср. описательные выражения *tešḫit auš-* и *zašḫi̯a auš-*, тогда как физическое состояние сна (покоя, отдыха) обозначалось глаголом *šeš-* и производными от этого глагола.

Вместо древних словообразовательных и лексико-семантических связей, которые сохраняет ведийский язык в соотношениях *svap-na-ḥ* : *svap-* : *sas-*, в хеттском языке сложились новые соотношения между глагольными и именными основами данного семантического круга [1]. Этот процесс можно пояснить следующей таблицей:

Язык	Именная основа со значением «сон, сновидение»	Глагольная основа со значением «спать»	Глагольная основа со значением «быть в бездействии, отдыхать, покоиться, спать»
общеиндоевропейский	**su̯e/op-r/n(o)-*	**su̯ep-/sup-*	**ses-*
древнеиндийский	*svap-na-*	*svap-/sup-*	*sas-*
хеттский	*tešḫa-*, *zašḫi-*	(*šup-*)	*šeš-*

Подводя итоги рассмотрения данной проблемы, следует подчеркнуть, что, хотя изменение соотношений в системе языка в данном случае было связано с заимствованием, преобразование древней роли корня **sup-* нельзя объ-

зя считать доказанным, тем более, что в других текстах аналогичные формы не встречаются.

[1] Согласно Майрхоферу (*M. Mayrhofer.* Indorermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 42—43), общеиндоевропейским названием «сна» было имя существительное гетероклитического типа; др.-инд. *svap-na-ḥ-* отражает основу косвенных падежей этого слова, тогда как хет. *šuppari̯a-* свидетельствует о наличии в дописьменную эпоху имени существительного типа гр. *ὕπαρ* в хеттском языке (см. об этой гипотезе выше).

яснить только взаимодействием хеттского языка с языком хатти. Существенное значение имело изменение соотношений между исконными составными частями хеттского базисного словаря — корневыми глаголами *šup-* и *šeš-*. Именно в этом отношении рассмотренные факты представляют особый интерес для изучения особенностей развития общеиндоевропейского лексического фонда в хеттском языке.

§ 15. Слова, восходящие к корню *eḭ-/i-, в хеттском языке; архаичные производные от *eḭ-; происхождение термина *antiḭant-*

На примере глагола *šup-* можно проследить процесс постепенного исчезновения древнего индоевропейского корневого слова в хеттском языке. В результате подобных процессов некоторые индоевропейские корневые глаголы спряжения на *-mi* могли полностью исчезнуть; от других остались только следы в виде изолированных форм. Последнее относится к такому широко распространенному в индоевропейских языках корневому слову, как глагол **ei-*.

Корневой атематический глагол **eḭ-/i-* ‘идти’, засвидетельствованный в древних индоиранских, греческом, италийских и балтийских языках, в хеттском языке в письменный период его истории не выступает в качестве самостоятельной лексемы. Но о наличии в хеттском языке в более раннюю эпоху этого корневого глагола свидетельствуют сохранившиеся в качестве реликтов изолированные формы 2 лица повелительного наклонения: *i-it* ‘иди!’, *i-it-teen*, (*i-*)*it-tin* ‘идите!’. В настоящее время общепризнанным можно считать сопоставление хет. *it* ‘иди!’ с греч. ἴθι, др.-инд. *ihi* (<**i-dhi-*), авест. *i-δi*; следовательно, хет. *i-t* возводится к индоевропейской форме повелительного наклонения **i*, к которой присоединялась частица **-dhi-*. Отсутствие конечного *-i-* в *i-t* (из *i-ti* < *i-dhi*), вызывавшее затруднение у некоторых исследователей [1], легко объясняется, если сопоставить древнехеттские и новохеттские глагольные формы повелительного наклонения, оканчивающиеся на *-ti*. В древнехеттском медиопассивные формы 2 л. ед. ч. повелительного наклонения имеют окончание *-ḫu-ti*, тогда как в новохеттском это окончание лишено конечного *-i-*: новохет. *-ḫu-t* < др.-хетт. *-hu-ti* [2]. Не подлежит сомнению, что аналогичное развитие *i-t* < *i-ti* имело место и в активной форме 2 л. ед. ч. Форма

[1] Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. § 70. P. 99) связывал это явление с энклитическим характером *-dhi-*; Стертевант (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 253. P. 142) искал объяснение в действии аналогии или же в сохранении в хеттском более древнего состояния (согласно этому последнему предположению, *-i-* в формах других индоевропейских языков носит вторичный характер).

[2] *Фридрих.* Краткая грамматика. § 163. С. 37, ср.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 61.

i-tten имеет обычное окончание 2 л. мн. ч. повел. накл. (тождественное окончанию 2 л. мн. ч. прош. вр.). Таким образом, в формах *i-t* и *i-tten* засвидетельствована непроизводная глагольная основа *-i- > i* (*ei*). Но этот корневой глагол, существование которого в хеттском языке в древний период его развития несомненно [1], в языке хеттских письменных памятников представлен только в двух обособленных формах повелительного наклонения. Форма *i-t* служит формой 2 л. ед. ч. повелит. накл. от глагола *pai-* ʻидти’; форма *i-tten* служит формой 2 л. мн. ч. повел. накл. от того же глагола, причем существует также и параллельная форма *paitten*. Уже то обстоятельство, что формы *it* и *itten* включены в парадигму глагола *pai-*, равно как и соотношение синонимичных форм *pai-tten i-tten*, заставляет поставить вопрос о генетической связи основ *i-* и *pai-*. Производный характер основы *pai-* доказывается ее соотношением с основой *иа*(*-i*)- ʻприходить’: соотношение форм *paizzi* ʻон идет (он пойдет)’ и *uizzi* ʻон приходит’ аналогично соотношению *peda-* ʻотнести’ и *uda-* ʻпринести’ и других глаголов, где выделяются древние префиксы *p*(*e*)- и *u*-(*е-*)[2]. На то, что образование этих производных относится к древнему периоду истории хеттского языка, указывает как особый характер архаичных префиксов *pe-* и *u-*, в отличие от других приставок выступающих в функции самостоятельного наречия-послелога [3], так и особенности спряжения глаголов *pai-* и *иа-*, заставляющие выделить их в особую группу [4]. Значение глаголов *pai-*

[1] В этой связи следует отметить наличие в лувийском языке глагольной основы *i-*, от которой засвидетельствована форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *iti* (ср.: *Otten.* Luv. P. 80, 89). Значение *i-ti* (хеттским соответствием которого должен быть глагол *iz*(*z*)*i*) еще твердо не было установлено, но существенно то, что этот лувийский глагол является непереходным и часто сочетается с формой (дат.-мест.?) падежа на *-i* (*Otten.* Luv. P. 80), что можно истолковать как сочетание глагола *i-* ʻидти’ с существительным, указывающим направление или цель движения. Особое значение для решения данной проблемы может иметь обнаруженный во время раскопок 1952 г. хетто-лувийский ритуальный текст. В лувийском тексте этого ритуала встречается форма *i-du* (75/k пер. ст. II 6, LTU, с. 115), которую можно понять как лувийскую форму 3 л. ед. ч. повелит. накл. Оттен, по-видимому, учитывает эту возможность (см. осторожное упоминание формы *idu* в связи с вопросом о глаголе *i-* в лувийском: *Otten.* Luv. P. 89, примеч. 133). Но Оттен не сопоставил лувийский текст данного ритуала с хеттским, между тем это очень существенно для решения рассматриваемого вопроса. Вслед за *i-du* в лувийском тексте ритуала засвидетельствована в хеттском тексте форма *pa-is-zi* ʻон пойдет’ (или ʻон идет’), 75/k пер. ст. II, LTU, с. 115. Это подтверждает понимание предшествующей формы *idu* как ʻон должен пойти’, поэтому наличие в лувийском корневого глагола *i-* ʻидти’ представляется весьма вероятным.

[2] *Фридрих.* Краткая грамматика. § 157. С. 84.

[3] См.: *H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. København, 1945. P. 24. § 40.

[4] См.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 181. С. 103—104.

‘идти’ и *иḭа-* ‘приходить’ не позволяет сомневаться в том, что эти архаичные производные образованы от глагола со значением «идти»; соотношения типа *pai-tten* : *i-tten* убеждают в том, что этим первичным глаголом был архаичный хеттский глагол *e*/*i*; восходящий к индоевропейскому **eḭ-*/*i-* ‘идти’ (индоевроп. *eḭ* > *e* в хеттском языке). Это предположение подтверждается характером спряжения глаголов *pai-* и *иḭа-*, которое можно объяснить как спряжение производных от древнего корневого глагола типа греч. *εἶμι* [1]. Постепенное исчезновение древнего корневого глагола *e-*/*i-* в хеттском языке было связано с увеличением значимости его производных, которые стали выступать в функции, соответствующей функции древней непроизводной основы (см. также ниже о производном *иḭа-* ‘идти’). Употребительная форма 2 л. ед. ч. повелит. наклонения *i-t* (*i-ti*) была при этом включена в парадигму одного из производных *pai-* ‘идти’. Обращает на себя внимание то, что и в парадигме второго из указанных древних производных от *e*/*i-* (**eḭ*/*i-*) глагола *иḭа-* ‘приходить’ форма 2 л. ед. ч. повелительного наклонения является супплетивным образованием. В значении «приходи!» в хеттских текстах употребляется форма *eḫu*. Несмотря на то, что форма *eḫu* может иметь функцию междометия, по происхождению она является глагольной формой, о чем свидетельствует частое употребление в сочетании с ней приглагольных приставок-наречий [2]. Для понимания синтаксических функций *eḫu* в древнехеттском языке очень существенно употребление этой формы в сочетании с зависящими от нее формами дат.-мест. пад. ед. ч. отглагольных существительных на *-atar*: *nu-иḭа a-da-an-na a-ku-иḭа-an-na e-ḫu* ‘и приходи (де) для еды и питья’ (миф об Иллуянкасе, KUB XVII 6 I 3). Такие конструкции показывают, что *eḫu* в древнехеттском языке было личной формой глагола. Форма *eḫu* употребляется постоянно в сочетании с глаголами *иḭа-*, *pai* и формами повелительного наклонения от *i-*, ср., напр., в недавно опубликованном мифологическом тексте: *e-ḫu pa-a-i-u-e-ni* ‘Приходи! Мы пойдем’ (Ullikummi, 3 табл., II, 19); ср. также чередование форм *eḫu* (Bo 2567 I 10) [3] и *it* (там же, I 20) во фрагменте мифа об Ашерту, ср. также сочетание однотипных глагольно-наречных сочетаний *arha eḫu* и *arha it* в письме Tavagalava, III, 65—68 [4]. Морфологическая структура формы *e-ḫu* в настоящее время хорошо изучена: *-ḫu* в этой форме является окончанием

[1] *Pedersen.* Hittitisch. § 86. P. 129—130; *Götze—Pedersen.* MS. P. 62—63, 73 (с указанием библиографии вопроса); *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 220 a. P. 120.

[2] *Фридрих.* Краткая грамматика. § 183. С. 105; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg. S. 39—40.

[3] Напечатано: *H. Otten.* Ein kanaanäischer Mythus aus Bogazköy // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1953. Bd. I. H. 1. S. 126.

[4] Напечатано в издании: *Sommer.* AU. P. 14.

медиопассивной формы 2 л. ед. ч. повел. наклонения [1], в других случаях выступающим в сочетании с *-ti* > *t*: *-ḫu-ti* > *ḫu-t* (ср. выше). Образование формы посредством присоединения *-ḫu-* без *-t-* является исключением несомненно архаичного характера. Следовательно, хет. *eḫu* — архаичная глагольная форма, образованная от корня *e-*. Учитывая семантическую близость *eḫu-* к основам *uu̯a-*, *pai* и *i-*, можно считать вероятным, что корень *e-* в *eḫu-* восходит к *ei-* ʻидти’, так как **ei̯-* в хеттском монофтонгизировалось в *e* [2]. Если это предположение [3] правильно, то *eḫu* является такой же изолированной формой корневого глагола *ei-*, как и *it* (о различии в огласовке этих форм см. ниже, гл. II).

Помимо архаичных глагольных форм *i-t* и *i-tten* корневая морфема *i-* в хеттском языке выделяется в отглагольном существительном *i-tar*, засвидетельствованном только в одном тексте (Bo 20 72 I 20) [4]. Это отглагольное имя находит точное соответствие в италийских и кучанско-карашарских языках: лат. *iter* ʻпуть, поход’, род. пад. *itin-er-is*, с которым сопоставляется оскское *eituns* ʻпроезды, дороги’ [5]; карашарское *ytar*, кучанское *ytarye*, *ytari* ʻдорога’. Хеттское *itar* свидетельствует о наличии в хеттском древних производных от корня **ei̯-*/*i-*, представленных в других индоевропейских языках. К древнему периоду развития индоевропейских диалектов (возможно, к общеиндоевропейскому) восходит и хеттский глагол *iia̯-*ʻидти, ходить, шагать, идти походом’, соответствующий древнеиндийскому *yā-* (1 л. ед. ч. наст. вр. *yāmi*, 3 л. *yāti*) ʻидти, ходить, ехать’ [6], кучанскому *iyā-* ʻприезжать, вести’ [7], карашарскому *yā-* с тем же значением, литовскому *jója*, *jójo*, *jóti* ʻехать’, латышскому *jâj*, *jâja*, *jât* ʻехать’, ст.-сл. **ѩхати**, **ѣдѫ** ʻехать’. Значение хеттского глагола находит соответствие в семантике древнеиндийского *yā-*, одно из значений которого («ехать») вместе с тем близко к значению указанных слов кучанско-

[1] Об окончании *-ḫu-* см.: *Pedersen.* Hittitisch. § 75; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 290. P. 248; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 61.

[2] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 61 в. P. 35; *Pedersen.* Hittitisch. § 101. P. 170.

[3] Такая интерпретация *eḫu* намечена в указанных работах Педерсена, Фридриха и Зоммера и сформулирована (хотя и очень кратко) Стертевантом: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 61 в. P. 35, ср.: *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. § 52 c. P. 55, § 63a. P. 60.

[4] *E. Forrer.* Revue hittite et asianique. Paris, 1932. Vol. 1. P. 146; об этимологических связях этого слова ср.: *Benveniste.* Origines. P. 10, 104; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 99. P. 72.

[5] О значении оскск. *eituns* см.: *J. Whatmough.* Epigraphica // Language. 1953. Vol. 29. № 3. P. 298—299.

[6] О соответствии хет. *iia̯-* и др.-инд. *yā-* ср.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 80 (со ссылкой на письмо Зоммера); *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 76. P. 53.

[7] О кучанском *iya-* см.: *W. Krause.* Westtocharische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1952. S. 223.

карашарских, балтийских и славянских языков. Поэтому следует уточнить утверждение Мейе, писавшего, что этот глагол «встречается на территории, ограниченной индоиранскими, славянскими и балтийскими языками» [1]. Правильнее было бы сказать, что на этой территории, к которой следует прибавить область распространения кучанско-карашарских языков, данный глагол встречается в значении «ехать», но границы распространения этой глагольной основы не ограничены теми пределами, о которых говорит Мейе. Помимо хеттсхого *iḭa-* следует в этой связи указать на производные существительные, возводимые к той же основе: латинское *janua* ʻдверь, входʼ (ср. ведийское *yāna* ʻповозкаʼ, др.-инд. *yānas* ʻдорогаʼ и др.). Для сопоставления с хеттским *iḭa-* особое значение имеет др.-инд. *yā-*, куч. *iyā-*, караш. *yā-*, так как в других языках засвидетельствованы либо существительные, либо вторичные производные глаголы на *-i̯o-* (в балтийских) или на **-dh-* (в славянских языках). Хеттское *iḭa-* и древнеиндийское *yā-* соответствуют друг другу по значению («идти»), по нулевой огласовке корня и по качеству гласного суффикса [2] (происхождение др.-инд. *ā* < *ā* устанавливается на основании сравнения с кучанско-карашарскими, балтийскими и славянскими языками) [3]; и в хеттском, и в древнеиндийском данный глагол принадлежит к спряжению на *-mi*, но в хеттском языке он обычно спрягается по медиопассивному типу (в отличие от древнеиндийского).

Хет. **iḭa-* уже в древнехеттском языке входило в базисный словарь; этот глагол является очень употребительным, входит в ряд часто встречающихся выражений; засвидетельствован ряд производных от *iḭa-* ʻидтиʼ. Глагольную основу, образованную от *iḭa-* с помощью носового суффикса, — хет. *iḭannai-*, *iḭanniḭa-* ʻидти (долгое время), путешествовать' некоторые исследователи сравнивали с латинскими формами типа *prodī-n-unt*, *obī-n-unt* и литовским *einù* [4]. Следует, однако, заметить, что как в латинском, так и в балтийских [5] языках носовой суффикс присоединяется к корню **eḭ-*, тогда как в хеттском

[1] *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951. § 577. С. 405.

[2] Ср. об образованиях на *-а* этого типа: *Мейе.* Введение. С. 225—226. При возведении др.-инд. *yā-* к «базе» **eḭā-*, принятом в работах ряда немецких лингвистов, игнорируется вопрос о древней морфологической структуре данной основы.

[3] Более сложным является вопрос о соотношении количества гласного в хеттском и других индоевропейских языках, ср. ниже, гл. II.

[4] *Pedersen.* Hittitisch. § 82. S. 124—125. Стертевант (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 235. P. 134) ограничивается сравнением хеттской и латинских форм.

[5] Связь этих глагольных основ латинского и балтийских языков остается неясной. Я. М. Эндзелин замечает по поводу лит. *einu* и латышск. диалект. *īnu* < **ienu*: «līdzība ar lat. *-īnunt*… ir laikam tikai nejauša» («сходство с лат. *-inunt*… возможно является только случайным»): *J. Endzelins.* Latviešu valodas gramatika. Riga, 1951. § 601 в. С. 722.

суффикс образует вторичную производную основу от производного *iia-*, поэтому данные образования в хеттском, латинском и балтийских языках не совпадают полностью по своей структуре. Но можно указать на более близкие соответствия хет. *iiannia-* в других родственных языках. Формы, образованные от данного корня посредством носового суффикса, обнаружены в кучанском («тохарском B») языке. Если кучанские формы типа *ynem*(*o*) [1] ʻмы идем' могут быть сравнены с лат. *-ī-n*(*unt*), лит. *einù*, то древняя морфологическая структура кучанских форм типа *ya-n-eṃ* очень близка к структуре форм хеттского глагола *iiannai-*, *iiannia-* [2].

Но в кучанском языке суффикс *-n-* в формах типа *yan-em* уже не может быть выделен в качестве самостоятельной морфемы, имеющей определенное значение, хеттский язык в этом отношении является более архаичным. В хеттском *iiannai-*, соотносимом с *iia-*, выделялся суффикс, который служил для образования производных глаголов с длительным значением [3]. Поэтому данные хеттского языка не только позволяют установить древность этого типа производных [4], но и позволяют определить функции носового суффикса в этих формах.

Для исследования роли производных от индоевропейских корней в хеттском языке значительный интерес представляют не только производные от *iia-*, имеющие соответствия в других индоевропейских языках (как *iiannai-*), но и такие производные от *iia-*, образование которых относится к более позднему периоду развития хеттского языка. В это время получают широкое распространение сочетания *iia-* (и других употребительных корневых глаголов) с приглагольными наречиями-приставками.

Сочетания типа *arḫa iia-* ʻуходить прочь', *para iia-* ʻидти вперед', *šara iia-* ʻидти вверх' приобретали характер фразеологических сочетаний и находились на пути к превращению в одно слово — производный глагол, где *arḫa* и т. п. — не служебное слово, а приставка. Однако в конструкции типа суще-

---

[1] О конечном *o* в этой форме (где *m*(*o*) < **mes*) см.: *W. Krause.* Westtocharische Grammatik. Bd. I: Das Verbum. Heidelberg, 1952. § 4, 2 c. S. 9.

[2] Краузе (*W. Krause.* Указ. соч. I. § 63. P. 51.) сравнивает эти формы кучанского, латинского, литовского и хеттского языков, не указывая на структурные различия между этими формами, см. также: *Pedersen.* Tocharisch. S. 160, примеч. 1.

[3] О хеттских глаголах этого типа см.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 150. С. 82 (ср. там же о соотношении *iia-* : *iiannai-*).

[4] Учитывая наличие тесных связей между хеттским и кучанско-карашарским, с одной стороны, и италийскими языками, с другой стороны, можно было бы сравнить с хет. *iiann-* и куч. *yan-* латинское *jan-* в *janua* ʻвход, дверь', но происхождение и функции носового суффикса в этом слове не вполне ясны (ср. др.-инд. *ya-na-*, где *-n*(*a*)-, по-видимому, является суффиксом имени, а не глагольной основы).

ствительное + {послелог-наречие-приставка} + глагол наречие-приставка могло выступать в функции послелога. Например, в сочетании название города + *anda*(*n*) ʻв, внутри, внутрь’ + личные формы глагола *iḭa-* ʻидти’ *anda*(*n*) могло то связываться с существительным и выступать в значении послелога «в», то связываться с глаголом в качестве наречия-приставки «внутрь, внутри». Благодаря этому связь глагола с приставкой-наречием была еще не столь тесной, как связь приставки и глагола в рус. *в-ходить* и т. п. (в качестве параллели хеттскому *anda*(*n*) *iḭa-*, *šara iḭa-* можно указать на английские «verb-adverb combinations» типа *to come in*, *to go up*). Но такая двойственная функция послелога-наречия обнаруживается только в сочетании с личными формами глагола. В тех же случаях, где приглагольное наречие сочетается с причастием, связь оказывается значительно более тесной (аналогичные явления обнаруживаются и в ведийском) [1]. Если сочетание *anda*(*n*) *iḭa-* ʻвойти внутрь’ в конструкции *I-NA* ^{URU}*Kar-ga-miš an-da-an i-ḭa-aḫ-ḫa-at* ʻв город Кархемыш я вошел’ (KBo IV 4 = 2 BoTU 48, пер. ст. II 67—68) нельзя считать одним словом, то в соответствующей причастной форме *anda iḭant-* ʻвнутрь вошедший’ уже в древнехеттский период осуществилось слияние приставки *anda* с причастием. Этот случай представляет особый интерес потому, что, как недавно установлено, субстантивированное причастие *anda iḭant* > *antiḭant* в хеттском языке выступает в качестве специфического термина родства — «зять, живущий в доме тестя, вошедший в дом тестя без собственного хозяйства» (турецкое *içgüvey*) [2]. Употребление в хеттском языке причастия *anda iḭant* ʻвошедший внутрь’ для обозначения данного явления соответствует аккадской терминологии. В аккадском языке употребляется глагол *errêbu* ʻвходить’, когда речь идет о так называемом «браке *errêbu*», т. е. «о приеме в дом малоимущего зятя для продолжения рода» [3]. В хеттском языке в аналогичных случаях употребляется производное от глагольно-наречного сочетания *anda iḭant* ʻвходить’, в точности соответствующего аккадскому *errêbu*.

Благодаря слиянию *anda* + *iḭant* в одно слово осуществлялось фонетическое развитие *anda iḭant* > *antiḭant*, о позднем характере которого позволяет судить отвлеченное имя существительное *andaḭandatar* ʻположение зятя, живущего в доме тестя’ (засвидетельствована форма дат.-мест. пад. ед. ч. ^{LÚ}*andaḭandanni*, KUB XIII 8, 14). Существительное *andaḭand-atar* показывает, что

[1] Ср. *В. В. Иванов,* рецензия на книгу: *J. Kuryłowicz.* L’accentuation des langues indo-européennes // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 130.

[2] *K. Balkan.* Eti Hukukunda Içgüveylik // Université d’Ankara, Revue de la Faculté de Langues, d’Histoire et de Geographie. 1948. VI. 3. P. 147—152: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 23.

[3] *И. М. Дьяконов.* Ассирийские законы (Комментарии) // ВДИ. 1952. № 4. С. 242, прим. 3.

наряду с *antiḫant-* существовал фонетический вариант того же слова *andaḫant-*, более близкий к первоначальному *anda iḫant-*. Но уже в текстах конца древнехеттского периода данное существительное засвидетельствовано в форме *antiḫant-*.

Существительное *antiḫant-* в хеттских текстах встречается в сочетании *antiḫantan ep-* ‘брать в качестве зятя, входящего в дом родителей жены для продолжения рода’, см. в § 36 хеттских законов: *ták-ku* ÌR-*iš A-NA* DUMU.NITA *EL-LIM ku-ú-ša-ta pe-d*[*a-a-iz*]*-zi na-an* LÚ*an-ti-ḫa-an-ta-an e-ip-zi* ‘Если раб дает выкуп (*kušata*) за свободного юношу и возьмет его в качестве зятя, входящего в дом для продолжения рода...’ [1]. В этом параграфе хеттских законов речь идет а браке *errêbu* дочери раба со свободным человеком, чем объясняется то, что за зятя в данном случае дается выкуп [2]. Упоминание о выкупе отсутствует, когда то же выражение *antiḫantan ep-* применяется по отношению к свободным людям. Особенно существенным представляется употребление выражения *antiḫantan ep-* в документе Телепинуса, когда речь идет о порядке наследования [3]: *ma-a-an* DUMU.LUGAL-*ma* DUMU.NITA NU.GÁL *nu ku-iš*

[1] До недавнего времени значение этого параграфа оставалось неясным, ошибочное толкование слова *antiḫant-* («муж») приводило к предположению, что здесь идет речь о противоестественном сожительстве, см.: *В. В. Струве.* Параграфы 34 и 36 хеттского судебника // ВДИ. 1937. № 1. С. 33—63, ср.: *J. Friedrich.* Symbolae ad Iura Orientis Antiqui Pertinentes, Paulo Koschakov dedicatae. Leiden, 1939. Vol. 2. P. 6. Подробная библиография этого вопроса дается в книге: *E. Neufeld.* The Hittite Laws. London, 1951. P. 151. Ср. также замечания: *И. М. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 263, примеч. 6.

[2] Связь обязательности выкупа с тем, что речь идет о взаимоотношении раба и свободного человека, доказывается благодаря сравнению с предшествующим параграфом: в § 35 говорится о том, что раб должен дать выкуп за свободную женщину.

[3] На употребление *antiḫant-* в документе Телепинуса в научной литературе не обращено должного внимания. В зарубежной хеттологической литературе в связи с проблемой брака *errêbu* у хеттов используется только § 36 хеттских законов: *E. Neufeld.* Notes on Hittite Laws. II. Errebu Marriage amongst the Semites and among the Hittites // AOr. 1950. Vol. 18. № 4. P. 125—130; *E. Neufeld.* The Hittite Laws. Раздел: Errebu Marriage. P. 151—153. Вследствие того, что Нейфельд не сравнил текстов, характеризующих данный вид брака по отношению к рабу, с текстом документа Телепинуса, он не отметил специфического отражения бесправного положения раба в § 36 хеттских законов (обязательность выкупа, см. выше). То, что Нейфельд не учитывает специфики параграфа, где речь идет о рабе, указано: *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 298, примеч. 1, но И. М. Дьяконов счел возможным вообще усомниться в правильности объяснения § 36 как отражения брака *errêbu*. Такую точку зрения И. М. Дьяконов мотивирует ссылкой на отсутствие аналогичной нормы по отношению к свободным, но это утверждение И. М. Дьяконова ошибочно, так как И. М. Дьяконов (как и Нейфельд) не учел употребления термина *antiḫant-* в документе Телепинуса. Вместе с тем

DUMU.SAL *ḫa-an-te-iz-zi-iz nu-uš-ši-iš-ša-an* ^{LÚ}*an-ti-ia-an-ta-an ap-pa-a-an-du nu* LUGAL-*uš a-pa-a-aš ki-ša-ru* ‘когда же наследника-сына царя нет, то которая дочь царя первая, для той пусть возьмут зятя, входящего в дом (*antiiant-*), и он да будет царем’ (Tel. § 28 II, 38—39).

Употребление термина *antiiant-* в документе Телепинуса имеет большое значение для определения времени создания данного термина. В законе Телепинуса о престолонаследии закреплены новые отношения, пришедшие на смену тем архаичным обычаям, которые отражены в более древних текстах, в частности, в документе Хаттусилиса I (см. подробнее о документах Телепинуса и Хаттусилиса в Приложении I). Обычаи, впервые закрепленные в законе Телепинуса, не принадлежали к числу таких древних норм, как, напр., наследование престола племянником царя по женской линии, отраженное в документе Хаттусилиса I (см. Приложение I). Прием зятя в дом для продолжения царского рода впервые вводился законом Телепинуса; это дает основание полагать, что данный обычай не принадлежал к числу древних установлений. Но поскольку закон Телепинуса только закреплял уже существовавшие обычаи, обычай принятия зятя в дом для продолжения рода тестя, не имеющего сыновей, должен был существовать уже в течение некоторого времени до закрепления его законодательным актом, следовательно, данный обычай возник до составления документа Телепинуса, т. е. в начале древнехеттского периода. К этому же времени следует отнести и возникновение термина *antiiant-*. Этот вывод подтверждается и лингвистическими данными.

Сочетания типа *anda iia-* в хеттском языке получили распространение на относительно позднем этапе его развития[1]. К еще более позднему периоду относится слияние глагода с приглагольным наречием-приставкой в сочетаниях этого типа (ср. выше, в § 5, о производных типа *šer appatar*, близких к *andaiandatar*). Колебания в написании между *antiiant-* и *andaiant-* свидетельствуют о том, что слияние обоих компонентов сочетания *anda iiant-* осуществилось в период, который не может далеко отстоять от времени создания письменных памятников. Но в то же время уже в древнехеттский период *antiiant-* выступает как отдельное слово: в памятнике Телепинуса (XVI в. до н. э.), в хеттских законах, восходящих к концу древнехеттского периода, слово *antiiant-* употребляется в качестве установившегося и хорошо известного термина, и в письменных памятниках засвидетельствовано не только

И. М. Дьяконов не дал лингвистического обоснования своей точки зрения. В переводе, который сопровождается его комментарием, слово *antiiant-* переводится неправильно (муж), так как не учтено указанное выше исследование К. Балкана.

[1] В некоторых случаях удается проследить по данным письменных памятников развитие сочетаний этого типа из сочетаний глаголов с существительными, позднее превратившимися в наречия-приставки (см. выше о *katti šeš-*, *kattan šeš-*).

это слово, но и производное от него отвлеченное имя существительное на -(*a*)*tar*.

Существительное *antiḭant-* представляет значительный интерес, так как оно показывает, какими своеобразными путями шло развитие исконного индоевропейского фонда в хеттском языке. Все морфемы, выделяемые с исторической точки в существительном *antiḭant-*, восходят к индоевропейскому наследию: наречие-послелог *anda*(*n*), ср. старолатинское *endo* ‘в’, греч. ἔνδον ‘внутри (в доме)’ [1]; глагольная основа *iḭa-* (см. выше) и окончание причастия -(*a*)*nt-*. Тем не менее, еще недавно известные хеттологи относили это существительное к числу хеттских слов неиндоевропейского происхождения [2]. Это показывает, насколько несостоятельны преждевременные заключения о заимствованном характере многих хеттских слов, содержащиеся в работах некоторых ученых. Следует постоянно иметь в виду, что многие хеттские слова возникли в результате своеобразного использования индоевропейского лексического фонда в хеттском языке; в каждом отдельном случае, не увлекаясь гипотезами о заимствовании, необходимо внимательно изучать закономерности развития хеттского языка и хеттского общества, обусловившие появление того или иного слова.

Анализ хеттского слова *antiḭant-* и производного от него *andaḭandatar* показывает, насколько затруднительным бывает установление наличия индоевропейского корня в хеттском слове, содержащем этот корень. Только историко-лингвистический анализ может выделить в хеттском существительном *andaḭandatar* ‘положение зятя, вошедшего в дом тестя (для продолжения рода тестя)’ древнюю корневую морфему *i-*, восходящую к индоевропейскому корню **eḭ-*/*i-* ‘идти’.

Изучение истории корневого глагола **eḭ-*/*i-* в хеттском языке показывает, что некоторые корневые глаголы спряжения на *-mi* в хеттском языке утратили свою былую значимость. Но вместе с тем в хеттском языке сохранились корневые глаголы этого спряжения, утраченные в других индоевропейских языках (ср. выше о *neku-*, *eku-*, *luk-*). В целом индоевропейские корневые атематические глаголы спряжения на *-mi* составляют значительную группу корневых слов, входивших в ядро базисного словаря хеттского языка. Меньшая группа индоевропейских корневых глаголов представлена в хеттском языке непроизводными глаголами спряжения на *-ḫi*.

---

[1] Согласно Педерсену, хет. *anda*, лат. *endo* в ликийском соответствует *ñtr* (*H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. § 39, I. S. 23), ср. также лувийское *anda* (*Otten.* Luv. P. 112, 34, 56).

[2] См., напр.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 43, ср.: *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. P. 134.

§ 16. Глагол спряжения на -ḫi dai-/te-

К числу индоевропейских корней, представленных в хеттском корневыми глаголами спряжения на -ḫi, принадлежит глагол *da*(*i*)-/*te*- ʻкласть, ставитьʼ, соответствующий греч. θη-, др.-инд. *dhā*- и т. п. В данном случае (как и в некоторых других) от корневой глагольной основы образуются в хеттском языке формы по типу спряжения на -ḫi, тогда как в других индоевропейских языках от данного корня образуются корневые аористы (ср. ниже, § 17). Интерпретация графического изображения форм глагола *dai*-/*te*- в хеттской клинописи и связанные с этим вопросы фонетического характера вызывают большие затруднения, вследствие чего в ряде случаев неясно, отражается ли в хеттском языке корневая основа или основа на -*i*(*o*), в частности, остается невыясненным, можно ли видеть в написании *ai* в *dai* особый графический способ передачи гласного (монофтонга) переднего ряда [1] (ср. ниже о написании *ais* ʻротʼ, ср. *gaina* ʻсвойственникʼ, ср. также *aipta* = *epta*, 3 л. ед. ч. прош. вр. от *ep*-), или же здесь отражается дифтонг *ai* (как в формах глагола *nai*-, см. § 18). Поэтому остается не вполне ясной древняя структура таких форм, как *dai-tti* (ср. *nai-tti* от *nai*-).

Вместе с тем неясно, можно ли основу *tiį*(*a*)- в некоторых формах этого глагола объяснить только как результат фонетического развития корневого глагола [2]; возможно, что в таких формах (напр., 1 л. мн. ч. наст. вр. *ti-i-įa-u-e-ni*), как и в *dai-tti* и т. п., отражена производная основа с суффиксом *-*įo*-. Если эта гипотеза правильна, то в хет. *tiįa*- отражена основа на *-*įo*-, засвидетельствованная в ряде других индоевропейских языков [3], в том числе в славянских (ст.-сл. **дѣѭ**).

О наличии в хеттском и славянских языках генетически тождественных производных от данного корня свидетельствует сравнение хеттского глагола *te*- ʻговоритьʼ (спряжение на -*mi*) и славянских глаголов с тем же значением, образованных от корня **dhē*- [4], напр., хет. 2 л. ед. ч. наст. вр. *te-si* и ст.-сл.

[1] О написании *ai* в хеттской клинописи ср.: *И. М. Дунаевская.* ВДИ. 1954. № 1. С. 76.

[2] Предположение Р. Вернера: *R. Werner.* OLZ. 1953. № 516. P. 243.

[3] Интерпретация Педерсена (*Pedersen.* Hittitisch. P. 113). Стертевант также принимает это объяснение (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 221. P. 121), но в другом месте своей грамматики говорит о «корневом *y*» («radical *y*»: Там же. § 238 c. P. 137) в древнеиндийских формах этого глагола, что с исторической точки зрения не может быть признано правильным.

[4] *F. Hrozny.* Die Sprache der Hethiter. 2. 1916. S. 2, примеч. 3. В настоящее время это сопоставление можно считать общепризнанным: *Götze—Pedersen.* MS. P. 68; *Pedersen.* Hittitisch. P. 129; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2]. P. 121; *L. Zgusta.* La theorie laryngale // AOr. Vol. 19. 1951. № 3—4. P. 453. Педерсен (MS. P. 60) высказал предположение,

дѣшши, **дѣкшши** ʻговоришьʼ. Различие в характере спряжения глаголов *te-* (спряжение на *mi-*) ʻговоритьʼ и *te-* (спряжение на *-ḫi*) ʻставить, класть' аналогично различию между глаголами спряжения на *-mi* и на *-ḫi*, образованными от корня *ar-*, который рассматривается в следующем параграфе.

§ 17. Глагол спряжения на *-ḫi ar-* и родственные ему глагольные основы на **-n(e)u-, -š-, -šk-*

К хеттским корневым глаголам активного спряжения на *-ḫi*, к которым относится глагол *da(i)-/te-* ʻставить, класть', принадлежит также глагол *ar-* ʻдостигать'. Если хеттскому корневому глаголу спряжения на *-ḫi dai-/te-* в греческом и индоиранских языках соответствуют глагольные корневые основы, от которых образуются формы аориста, то в тех же языках можно обнаружить аналогичные соответствия и хеттскому корневому глаголу спряжения на *-ḫi ar-*. В греческом и древнеиндийском имеются корневые аористы, образованные от данного корня: гр. *ὦρτο*, др.-инд. *ārta*. Др.-инд. *iy-arti*, авест. *īratu* (в «Гатах») свидетельствуют о том, что основа настоящего времени от **er-/*or-* образовывалась в индоиранском [1] посредством редупликации, как это было обычно для корней, образовывающих аористы [2], ср. др.-инд. *dadhā-ti* от **dhē-* (хет. *dai-*) и т. п. В хеттском языке редуплицированные основы, образованные от данных корней, не засвидетельствованы, но другие древнеиндийские производные от корня *er-/or-* находят точное соответствие в хеттском. От корневого глагола *ar-* ʻдостигать' образован хеттский каузативный глагол *ar-nu-* ʻсдвигать, доставлять, приносить', в точности соответствующий др.-инд. *ṛṇó-ti* ʻон двигается, он приносит' (морфологически *ṛṇó-ti* точно соответствует хет. *arnuzzi*). Как показывает сравнение с древнеиндийским, производный глагол *ar-nu-* сохранил древнее значение, тогда как корневой глагол *ar-* в хеттском употребляется преимущественно только в значении «достигать» (в отличие от др.-инд. *iyarti*). Сохранение древнего значения у производного глагола при изменении значения корневого глагола можно объяснить только тем, что *arnu-* принадлежит к числу древних производных от *er-/or-*. Это подтверждается и наличием ряда вторичных производных от *arnu-* в хеттском, ср. итеративный глагол *arnu-šk-* и именные основы *arnuu̯ala* и *arnuu̯ant-* (пер-

что «говорить» было одним из древних значений данного индоевропейского корня. Относительно значения «говорить» у слов данного корня в славянских языках ср.: *F. Sławski.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Zeszyt 2. Kraków, 1953. C. 189 (с указанием литературы вопроса).

[1] Фонетические особенности этой редуплицированной основы указывают на ее «доиранский» (доарийский) характер, см.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. S. 105 и S. 28.

[2] Ср.: *Мейе.* Введение. С. 214 и 219.

воначально причастие), употребляющиеся в качестве специальных терминов. Хеттский термин *arnuɥala* ‘уведенный (в качестве добычи)’, образованный от *arnu-*, употреблялся для обозначения особой категории рабов-военнопленных (NAMRA^{MEŠ}), игравших большую роль в жизни хеттского общества [1]. Причастие *arnuɥant-* уже в древнехеттском языке употребляется в качестве специального скотоводческого термина («Zur Begattung geführt» в § 77 A хеттских законов применяется к корове). Соответствующая хет. *arnu-* ведийская основа также приобрела самостоятельную значимость; древнеиндийские грамматики, анализируя форму *ɻṇváti* ‘он двигает’ (тематическое образование от *ɻṇoti*, 12 раз засвидетельствованное в «Ригведе»), выставляли *ɻṇv-* в качестве отдельного корня. Приведенные факты подтверждают предположение о том, что древнеиндийский глагол *ɻṇo-ti* и хет. *arnu-* восходят к древнему периоду развития индоевропейских диалектов. Поэтому обоснованным является сопоставление этих глаголов с древне-греч. *ὄρνυμι* ‘поднимаю, побуждаю’, ср. значение «двигать, сдвигать» хеттского и древнеиндийского глаголов; сходство каузативного значения данной глагольной основы в трех языках, засвидетельствованных древнейшими памятниками, представляет особый интерес для изучения значений общеиндоевропейских образований этого типа. Факты греческого языка особенно важны для анализа происхождения данной глагольной основы, так как в греческом языке сохраняется соотношение *ὄρνυμι* : *ορούω* ‘поднимаюсь, устремляюсь, вырываюсь’. Это соотношение показывает, что *-n*(*e*)- в данной основе было первоначально аффиксом, вставлявшимся между корнем и аффиксом *-*eu*-. Только после слияния *-*n*- и *-*eu*- в **ɻ-n-eu-* > *ɻ-neu* образовался суффикс **neu* [2]. Поскольку в данной глагольной основе выделяется сочетание морфем **ɻ-n-*, становится очевидным генетическое тождество гр. *ὄρνυμι* ‘поднимаю’ и армянского *y-ar-n-em* ‘я поднимаюсь’ (ср. выше в § 3, об армянских основах на *-anem*). Для указанных греческих и армянских производных от данного корня характерно значение «поднимать, подниматься» (ср. лат. *orior* ‘я встаю, поднимаюсь’). Поэтому не подлежит сомнению, что к тому же корню следует отнести хет. *arai-* ‘вставать’ [3]. Хет. *ar-ai-* ‘вставать’ является производным глаголом спряжения на *-ḫi* (ср. 3 л. ед. ч. наст. вр. *a-ra-i*, напр., Tun. 21; KUB XXI II + XIX 6 I 75 и т. п.), но некоторые

[1] Чтение идеограммы NAMRA.MEŠ как *arnuɥala* установлено Седатом Альпом: *S. Alp.* Die soziale Klasse der NAMRA Leute // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. Heidelberg, 1950. S. 113—135. О NAMRA^{MEŠ} см.: *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 285.

[2] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. Lief. 1. S. 326, 220, примеч. 1; *Мейе.* Введение. С. 231; *Benveniste.* Origines. S. 161—162.

[3] Принадлежность *arai* к данной группе слов отмечал Педерсен: *Pedersen.* Hittitisch. S. 122, ср. *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 136 (где предполагается связь суффиксов в *ar-ai-* с *or-i-or*). Вопрос о происхождении суффикса в *arai-* еще нельзя считать решенным.

формы этого глагола образуются иногда и по типу спряжения на *-mi* (ср. *a-ra-i* и *a-ra-iz-zi*). Переход глагола *arai-* в спряжение на *-mi* следует связать с тем, что глагол *ar-ai-* ʻвставать’ в хеттском языке соотносится с глаголом *ar-* ʻстоять, становиться’ (медиопассивное спряжение на *-mi*).

Как неоднократно указывалось в работах хеттологов [1], глагол *ar-* ʻстоять, становиться’ генетически связан с глаголами *ar-* ʻдостигать’, *arnu-* и *arai-*. Образование медиопассивных форм от корня **ar-* наблюдается и в других древних языках, ср. др.-инд. аорист *ar-ta*, др.-греч. аорист *ὦρτο*, ср. также лат. *or-i-or* (производная основа) и греч. *ὄρνυται*. Развитие значений хет. *ar-* становится понятным благодаря сопоставлению с *orior*, *ὄρνυται* и т. п.: медиопассивные формы имеют значение «подниматься, становиться, вставать, стоять» при значении «поднимать» у активных форм. В последнее время гипотеза о связи глаголов *ar-* ʻдостигать’ и *ar-* ʻстановиться, стоять’ получила подтверждение, так как установлено, что медиопассивные формы от *ar-* могут иметь также значение «быть принесенным, быть поставленным» [2]. Это значение следует признать весьма древним (ср. *arnu-* ʻпринести’, др.-инд. *rnoti*); оно указывает на несомненность происхождения хеттского медиопассивного глагола *ar-* от корня **or-*, производные от которого имели значение «принести, поднять». Различие типов спряжения корневых глаголов *ar-* ʻдостигать’ (активное спряжение на *-ḫi*) и *ar-* ʻстановиться, стоять’ (медиопассивное спряжение на *-mi*) можно сравнить с соотношением глаголов *te-* ʻговорить’ (спряжение на *-mi*) и *da*(*i*)*-* ʻставить, класть’ (спряжение на *-ḫi*), соответствующих ст.-сл. **дѣти**, **дѣѭти** (см. выше). Но в данном случае вопрос осложняется тем, что противопоставление медиопассивных и активных форм перекрещивается с противопоставлением спряжений на *-mi* и на *-ḫi* (ср. ниже о глаголе *eš* ʻсидеть, садиться’). Скорее всего, такое различие возникло благодаря переходу медиопассивного глагола спряжения на *-ḫi ar-* в тип спряжения на *-mi*. В медиопассиве спряжения на *-mi* и на *-ḫi* различаются только в трех формах. Поэтому глагол **ar-* ʻстоять’ после утраты им связи с глаголом *ar-* ʻдостигать’ легко мог перейти в тип спряжения на *-mi* (ср. более поздний переход в тип спряжения на *-mi* глагола *arai-* ʻвставать’).

Помимо указанных производных с носовым суффиксом в древних индоевропейских языках засвидетельствованы основы, произведенные от корня **or-* с помощью суффиксов **-s-* и **-sk-*, тесно между собою связанных (о связи суффиксов **-s-* и **-sk-* ср. ниже), 40 лет назад Бругман писал, что образование на **-ske*/*o-* *ŗcchá-ti* ʻон достигает’ известно «только из др.-инд.» («Aus

[1] *Götze—Pedersen.* MS. S. 47; *Pedersen.* Hittitisch. S. 92; *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. P. 55.

[2] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 27.

dem Altind. allein») [1]. В настоящее время точное соответствие др.-инд. *ṛcchá-* обнаружено в хеттском *aršk-* (написание *a-ar-aš-k*(-), Hat. II 13, KBo III 4 и III 70; написание *a-ar-ša-k*(-) в KUB XIII 2 I 25; т. о., чтение *arsk-* является бесспорным). Значение хет. *aršk-* ʻдостигать' в точности совпадает со значением др.-инд. *ṛccha-*; следует отметить, что в хеттском (в отличие от древнеиндийского и древнегреческого) и непроизводная основа *ar-* употребляется только в этом значении, тогда как другие древние значения корня **or-* сохранены в производных глаголах (см. выше). Тождество в значении и образовании данных хеттской и древнеиндийской производных основ позволяет предположить, что эта основа восходит к глубокой древности. Как давно уже установлено, в древних индоевропейских языках существуют параллельные глагольные основы с суффиксами *-š-* и *-šk-*, образованными от одного и того же корня (ср. выше о производных от *ed-*, о других фактах хеттского и кучанско-карашарских языков, подтверждающих это положение, см. ниже). В этой связи следует указать на то, что в древнеиндийском языке имеется глагол *ar-ṣ-* ʻбыстро двигаться, устремляться, течь', связь которого с корнем **er-*/*or-* ʻприводить в движение' давно уже была доказана [2]. Вторичный характер значения «течь» отчетливо выступает в ведийском, где глагол *arṣ-* иногда употребляется для обозначения быстрого, стремительного движения (повозки, зайцев, сокола), см., напр., RV, 779, 15 *śyenás ná taktás arṣati* ʻон (Сома) устремился (полетел) подобно быстрому соколу', ср. употребление *ὀρούω*, *ὀρούσεν* у Гомера (N 505) в значении «устремиться, вылететь». Следует указать также на встречающееся во второй мандале «Ригведы» сложное слово *ahy-arṣu* ʻустремляющийся подобно змее' (из *ahi* + *arṣ-*), RV, 229, 3. Эти факты подтверждают происхождение *arṣ-* от корня, обозначавшего движение разных предметов, а не только движение воды. Развитие значения *arṣ-* можно сопоставить с аналогичной семантической историей глагола «теку, течь» в славянских языках. Но возникновение значения «течь» (о жидкости; потоке и т. п.) у данного глагола относится к эпохе до создания «Вед», так как в «Ригведе» и других «Ведах» основным значением глагола *arṣ-* в подавляющем большинстве случаев его употребления было уже значение «течь». Эта датировка подтверждается тем, что в хеттском языке существует глагол *arš-*, имеющий значение «течь». Родство хеттского *arš-* с др.-инд. *arṣ-* не вызывает сомнений. Но следует обратить внимание и на различия между хеттским и древнеиндийским. Единственным значением хеттского *arš-* является значе-

[1] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. Lief. 1. S. 354.

[2] О словах других индоевропейских языков, родственных др.-инд. *arṣ-*, и о связи их с корнем **er-*/*or-* см.: *P. Persson.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. T. 2. Uppsala; Leipzig, 1912. S. 836.

ние «течь». Глагол *arš-* в этом значении послужил для образования ряда производных слов, среди которых следует отметить редуплицированную основу *aršaršura-* ʻпотокʼ [1], показательную потому, что основы этого типа образовывались в хеттском языке только от корневых глаголов; ср. также производный глагол *aršanu-* ʻзаставить течьʼ [2]. По типу спряжения *arš-* принадлежит к числу корневых атематических глаголов спряжения на *-mi* (в отличие от глаголов спряжения на *-ḫi*, где суффикс *-šš-* является живым, ср. ниже), но для некоторых форм этого глагола характерно образование по типу глаголов на *-iy̯a-* (*aršiy̯a-*), отмечающееся и в хеттских глаголах с суффиксом *-š-* [3]. Характерно, что именно этот тип спряжения оказывается общим для хеттского и лувийского.

В хетто-лувийском ритуальном тексте KUB IX 6 + KUB XXXV 39 пер. ст. I 25 (= LTU, с. 38) засвидетельствована лувийская форма (3 л. мн. ч. наст. вр. повел. накл.) *a-ar-ši-y̯a-an-du*, значение которой точно устанавливается благодаря сравнению хеттского и лувийского текстов ритуала [4]. В обряде, который описывается в данном тексте, основную роль играет возлияние жидкости (смеси вина, меда и масла) [5]. При описании того, как эта жидкость «течет», трижды повторяется глагол *arš-*: *ar-aš-zi* ʻтечетʼ (KUB IX 6 + KUB XXXV 39 пер. ст. I, строки 19, 21 и 22). Далее следуют сказанные полувийски слова жрицы, возливающей жидкость. В этом лувийском тексте с формами мн. ч. существительных, обозначающих составные части жидкости (*mallit-* ʻмедʼ, см. ниже, и др.), сочетается приведенная выше глагольная фора 3 л. мн. ч. повел. накл. *aršiy̯andu* (там же, строка 25, *-(a)ndu* — окончание). Значение этой формы в данном контексте может быть только: «пусть они (т. е. составные части жидкости) текут»; следовательно, *arš-iy̯a-* является лувийским глаголом со значением «течь». Факты лувийского языка показывают, что глагольная основа *arš-iy̯a-* ʻтечьʼ восходит к общехетто-лувийскому.

---

[1] *H. Otten.* Überlieferungen des Telepinu-Mythus. Berlin. 1943. S. 34, 70, примеч. 12.

[2] *Sommer.* HAB. P. 152, примеч. 3.

[3] Ср. спряжения хеттских глаголов *ešša-* и *halzešša-* (суффикс *-šša-*, см. ниже): *Фридрих.* Краткая грамматика. § 189. С. 112.

[4] Оттен не сопоставил хеттского и лувийского текстов данного ритуала, вследствие чего ограничился замечанием о предикативном характере данной лувийской формы (*Otten.* Luv. P. 83, ср. грамматический анализ формы *aršiy̯andu* на с. 121), но не определил ее значения.

[5] См. подробный анализ данного ритуала в исследовании: *M. Riemschneider.* Augengott und Heilige Hochzeit. Leipzig, 1953. S. 213—214. Римшнейдер использовала только хеттский текст ритуала; о лувийском тексте она только вскользь упоминает на с. 214 как об «иноязычном» («es folgt ein fremdsprachiger Text»), но не анализирует его.

Сравнение хетто-лувийского *arš-* с древнеиндийским *arṣ-* подтверждает древность данного образования. Учитывая возможность связей глагольного суффикса *-*s-* и *-*s-*, выступающего в формах аориста и будущего времени [1], с хетто-лув. *arš-* и др.-инд. *arṣ-*, можно сравнить греческие архаичные сигматические формы, образованные от данного корня: аорист *ὦρτε* и будущее время *ὄρσουσα*. В данном случае историю глагольной основы легче проследить на основе данных древнеиндийского языка, чем по материалам хеттского языка, где после распада группы глаголов на *-*es-*/-*s-* эта основа, как и многие другие (ср. ниже), стала непроизводной и полностью утратила связь с корневым глаголом *ar-*, который в хеттском языке стал употребляться только в значении «достигать». Установление древней морфологической структуры данной основы облегчается, во-первых, тем, что развитие значений можно проследить по ведийским текстам, во-вторых, тем, что известна тесная связь индоевропейских глагольных основ на *-s-* и на *-*sk-*. Поскольку значения хеттского и древнеиндийского производных на *-*sk-* от данного корня очень близки, естественно предположение о близости значений производных на *-s-* в тех же языках. Это предположение оправдывается при сопоставлении хет. *ar-šk-* и др.-инд. *ṛccha-*, хет. *ar-š-* и др.-инд. *ar-ṣ-*.

Как показывает рассмотрение производных от корня *ar-*, **or-*, *r-*, в хеттском языке отражена целая система производных глагольных основ, образованных от данного корня:

Язык	Корневая основа	Основа на *-*n-eu-*	Основа на *-*sk-*	Основа на *-*s-*
хеттский	*ar-*	*ar-nu-*	*ar-šk-*	*ar-š-*
древнеиндийский	*ar-*	*ṛ-nó-ti*	*ṛccha-ti*	*ar-ṣ-*
греческий	*ὀρ-*, *ὠρ-*	*ὄρ-νυ-μι* (: *ὀρούω*)		ср. *ὦρσε* ср. *ὄρσουσα*

Эти факты говорят о значительной роли данного корня в общеиндоевропейском языке-основе. Вместе с тем рассмотренные факты имеют и более общее значение, так как они свидетельствуют об отражении в хеттском языке одной из наиболее характерных черт системы индоевропейского глагола — наличия ряда независимых глагольных основ, образованных от одного корня.

[1] О связи суффикса *-a-*, выделяемого в древних производных глаголах, с приметой *s* в формах аориста и будущего времени см.: *K. Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 3. Lief. 1. § 255. S. 336—337.

§ 18. Глагол спряжения на *-ḫi nai-* и производные основы на *-š-* и *-šk-*

Глаголы, соответствующие хет. *da*(*i*)- и *ar*-, засвидетельствованы в ряде индоевропейских языков. Но наряду с этими глаголами к хеттским корневым глаголам спряжения на *-ḫi* относятся глаголы, представленные лишь в некоторых древних языках. Как и среди глаголов спряжения на *-mi*, можно встретить случаи, когда корневое слово представлено только в хеттском и индоевропейском.

Хеттский корневой глагол спряжения на *-ḫi nai-* ʻвести, посылать’, соответствует древнему индоиранскому *nay-* ʻвести’, засвидетельствованному во всех древних индоиранских диалектах. Как и в рассмотренных выше случаях, корневая основа, представленная в хеттском глаголе спряжения на *-ḫi*, в индоиранских языках образует корневой аорист (вед. *á-nī-tam*); кроме того, корень *-nī-* выступает в ведийском в ряде сложных слов (*pra-nī́-* и т. п.).

Как и в индоиранском, от данного корня в хеттском образуются и активные, и медиопассивные формы, ср. хет. *nai* (3 л. ед. ч. наст. вр. акт.) : *neḫari* (пасс.) и авест. *nayeiti* (акт.) : древнеперс. *a-nayata*. В индоиранском формы настоящего времени образуются от тематической основы [1]. Образование от корня, представленного в хеттском языке корневым глаголом спряжения на *-mi*, тематической основы настоящего времени в остальных индоевропейских языках можно обнаружить и в некоторых других случаях (см. ниже).

Характерной особенностью спряжения хеттского глагола *nai-* является то, что во многих формах окончанию предшествует *-s-*, напр., 2 л. мн. ч. наст. вр. *nai-š-teni*; Зоммер на этом основании сделал вывод о наличии в хеттском языке форм, образованных от *nai-* посредством «расширителя *-s*» [2].

Для хеттских глаголов с суффиксом *-š-* характерна тесная связь с синонимичными основами на *-š-k-* (ср. выше, § 2 об *ed-s-* и *ed-sk-*, § 17, об *ar-s-* и *ar-sk-*). Поэтому значительный интерес представляет наличие в хеттском языке наряду с основой *nai-š-* итеративной основы *naišk-*, ср. форму 3 л. ед. ч. повел. накл. медиопасс. *na-iš-ki-it-ta-ru* (KUB XVII 7 + XXXIII 93 + 95 + 96 IV 3 след.) [3]. Как показал в своей работе Барроу, в древнеиндийских формах аориста от *nay-* типа *anesata* (3 л. мн. ч. медиопасс.) можно выделить суффикс *-s-*, генетически тождественный хеттскому *-š-* в *nai-š-teni* [4]. Следовательно,

---

[1] Стертевант видит соответствие санскритской тематической основы в хеттских медиопассивных формах (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 241. P. 138), но это нельзя доказать, так как *-a-* в этих формах принадлежит окончанию (*-ari*, *-a*), а не основе.

[2] «*s*-Erweiterung zu *nai-*»: *Sommer.* AU. P. 417, 58, примеч. 3.

[3] См.: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. P. 13, примеч. 4.

[4] *T. Burrow.* The Sanskrit Precative // Asiatica (Festschrift Friedrich Willer). Leipzig, 1954. P. 35—42, особенно p. 39—41. Барроу рассматривал этот вопрос только в связи

производный глагол с суффиксом **-s-*, образованный от данного корня, является общим для хеттского и древнеиндийского [1], как и производные на **-s-* от корня **er-/or-* (§ 17).

§ 19. Хеттский глагол спряжения на *-ḫi spant-* в сравнении с родственными словами других индоевропейских языков

К числу хеттских корневых глаголов спряжения на *-ḫi* принадлежит глагол *šipant-* (*spant-*) ʻприносить жертву’. Сравнение хет. [*spant-*] с греч. *σπένδω* и лат. *spondeo* в настоящее время может считаться бесспорным с фонетической точки зрения, так как благодаря обнаружению написания *išpant-* в архаичных текстах [2] доказано, что написания *šipant-* и *išpant-* отражали произношение *spant*/*d*, предположенное ранее на основе данной этимологии [3]. Но некоторые вопросы, связанные с этимологией данного слова, еще не были освещены в научной литературе, так как недостаточное внимание уделялось анализу различных значений данного глагола в хеттском языке. Хеттский глагол *spant-* встречается в хеттских текстах религиозного содержания, главным образом в ритуалах, в значении «совершать жертвоприношение, совершать ритуальный обряд». В этом значении *spant-* часто сочетается с существительным *aniur* ʻобряд, ритуал’ (идеограмма SISKUR.SISKUR); поэтому *spant-* оказывается в данном употреблении тождественным по своему значению глаголу *aniia-* ʻделать, совершать (обряд — *aniur*)’, ср. следующие параллельные тексты: *pa-ap-ra-an-na-aš* SISKUR.SISKUR *ki-iš-ša-an ši-pa-an-ti* (Tun. I 8—9) ʻ(он или она) следующим образом совершает (*šipant-*) обряд (против) ритуальной нечистоты’ и *pa-ap-ra-an-na-aš* SISKUR.SISKUR *an-ni-iš-ki-mi* ʻ(я) совершаю (*aniia-*) обряд (против) ритуальной нечистоты’ KUB XII 58 II 9. В этом значении *spant-* (= идеограмма BAL) может употребляться и в качестве непереходного глагола, ср., напр., в автобиографии Хаттусилиса:

с анализом глагольных парадигм и оставил в стороне проблему связи суффикса *-s-* в этих парадигмах со словообразовательным суффиксом *-s-*, выделяемым в производных глаголах (ср. выше о др.-инд. *arš*, хет. *arṣ* и греч. *ὦρσε*). О формах сигматического аориста от *nay* в ведийском см.: *Macdonell.* Vedic Grammar. Strassburg, 1910. P. 379 и 383.

[1] Стертевант (Comp. Gr.[2] P. 117—118) усматривал сходство между индоиранским и хеттским в сохранении редуплицированных форм данного корня, связывая с *nai-* хет. *nanna-* ʻгнать, ехать’. Но эта этимология *nanna-* вызывает серьезные возражения (*Götze—Pedersen.* MS. P. 62, 14—16 и примеч. 1 на с. 16, ср. также о *penna-*: Там же. P. 63—64).

[2] См.: *F. Sommer.* Zu den letzten Publikationen hethitischen Keilschrifttexte aus Berlin // OLZ. 1953. № 1. P. 12—13 (примеч. 2) и p. 20 (со ссылкой на исследования Оттена).

[3] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 25. P. 14—15; § 27. P. 15; *Мейе.* Введение. С. 121.

nu-za A-NA DINGIR-*LIM* ^{LÚ}*ša-an-ku-un-ni-ia-an-za* BAL-*aḫ-ḫu-un* [1] ʻи, будучи жрецом божества, я совершал жертвоприношенияʼ (Hat. I, 18—19; непереходное употребление связано с наличием частицы *-za*), ср. также употребительные выражения типа *nu* IX-*ŠU ši-ip-pa-an-ti* (KUB XXXV 133 пер. ст. II 40) ʻи он девятый раз совершает (этот) обряд (*šipant-*)ʼ.

Но значительно чаще, чем в более общем значении «совершать ритуальный обряд», *spant-* употребляется в двух специальных значениях: «совершать жертвоприношение путем ритуального возлияния» и «совершать жертвоприношение, закалывая жертвенное животное». В значении «совершать жертвенное возлияние» глагол *spant-* сочетается с названиями различных жидкостей: вина, пива, сливок (соответственно с идеограммами GEŠTIN, KAŠ.GA.AL). При этом в некоторых ритуалах сообщается, что возлияние совершается с помощью сосуда ^{DUG}*išpantuzzi-* (пишется с детерминативом сосуда DUG). Поскольку *-uzzi-* является продуктивным суффиксом nomina instrumenti (ср. в § 3 о *kunkunuzzi*), давно уже было высказано предположение о связи существительного *išpantuzzi-* ʻсосуд для жертвенных возлияний' с глаголом *spant*. Против этого предположения выдвигались возражения, основанные на различии написаний *išp-* и *šip-* [2], но эти возражения следует признать несостоятельными после того, как обнаружено, что глагол *šipant* = *spant* в архаичных текстах писался как *išpant-* (см. выше) [3]. Встречавшиеся в хеттских ритуалах сочетания глагола *išpant-* (*šipant-*) с существительным *išpantu*(*zzi-*) указывают на наличие тесной связи между этими словами, ср., напр., ^{DUG}*iš-pa-an-du-ua-az IŠ-TU* GEŠTIN *ši-ip-pa-an-ti* (KUB VII 60 III 9—11) ʻиз сосуда *išpandu*(*zzi-*) (он) совершает жертвенное возлияние винаʼ (буквально ʻс виномʼ). Архаичная орфография производного *išpantuzzi-* показывает, что это производное было образовано еще в древнехеттский период, когда *spant-* и производные от этого глагола обычно передавались посредством написаний с начальным *išp-* (а не *šip-*, как в новохеттский период). С этим выводом согласуется то,

[1] О тождестве в данном тексте BAL-*aḫ-ḫu-un* = *ši-pa-an-da-aḫ-ḫu-un* ср.: *E. Sturtevant, G. Bechtel.* A Hittite Chrestomathy. Philadelphia, 1935. P. 87. Перевод, данный в настоящей работе, отличен от перевода Стертеванта, так как учтены другие аналогичные случаи употребления *spant-*.

[2] *Sommer.* HAB. P. 171—172; Зоммеру следует Фридрих: Краткая грамматика. § 24. С. 49; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 89.

[3] Зоммер в указанной выше работе (OLZ. 1953. № 1. P. 12), признавая несостоятельность своей прежней аргументации, тем не менее продолжает настаивать на том, что *išpant-* не связано с *išpantuzzi-*. Но никаких новых доводов в пользу этой точки зрения он не приводит. Позиция Зоммера вызывает удивление, так как в новых текстах, которым посвящена его статья, встречаются сочетания глагола *išpant-* с существительным *išpantuzzi-*, подтверждающим гипотезу о связи этих слов.

что уже в текстах начала новохеттского периода (напр., в молитве Мурсилиса во время чумы) встречаются вторичные производные от *išpantuzzi-*: существительное *išpantuzziiašša̯r* (которое, по-видимому, следует анализировать как отглагольное производное на *-(a)šar* от деноминативного глагола *išpantuzziia-*), употребляющееся в том же значении, что и *išpantuzzi-* [1], и имя деятеля *išpanduzziia-la-*. Существительное *išpanduzziia-la-* было названием жреца, ведавшего жертвенными возлияниями. В молитве Мурсилиса во время чумы Мурсилис просит богов оставить в живых жрецов, которые могут с помощью жертвоприношений умерить гнев божества и прекратить чуму: *nu-kán ŠA* DINGIR^{MEŠ} *ku-i-e-eš* LÚ^{MEŠ} NINDA.KUR$_4$.RA LÚ^{MEŠ} *iš-pa-an-tu-zu-zi-e-la-aš-ša a-aš-ša-an-te-eš na-at li-e nam-ma ak-kán-zi* ‘и которые жрецы, ведающие хлебом, и жрецы, ведающие возлияниями, еще остались в живых, пусть те (жрецы) больше не умирают’ (2-я молитва во время чумы, § 11).

Образование от *spant-* в значении «совершать жертвенные возлияния» уже в древнехеттский период производного *išpantuzzi* показывает, что данное значение этого глагола в хеттском было особенно существенным. Но *išpant-* в хеттских текстах часто употребляется и в другом специальном значении: «совершать заклание жертвенного животного». Чаще всего *šipant* употребляется, когда речь идет о заклании козла или овцы, ср., напр., *na-aš-ta* MAŠ.GAL *A-NA* ^{D}KAL *lu-u-li-mi ši-pa-an-ti nam-ma-an ar-ḫa ḫap-ap-pí-eš-na-an-zi* ‘потом она закалывает (приносит в жертву — *šipant-*) козла, после чего они свежуют его (делят его на части)’ (VBo T 24 II 3 след.). Поскольку в этом месте ритуала Anniu̯iianniš за глаголом *šipant-* следует глагол *arḫa ḫappešna(i)-* ‘свежевать, делить на части’ [2], очевидно, что глагол *šipant-* обозначает действие закалывания животного. В указанном значении глагол *šipant-* может употребляться, когда речь идет о заклании различных домашних животных: козла (см. приведенную цитату), овцы, напр., KUB XXXV 78 I 8: I UDU *ši-pa-an-ti* ‘он закалывает одну овцу’, свиньи, напр., в тексте KUB XVII 28 I 16—19 (идеографическое написание BAL-*an-da-aḫ-ḫi = ši-ip-pa-an-da-aḫ-ḫi*). Этим значением глагола *spant-* объясняется то, что за часто встречающейся в ритуалах формулой *šipanti nu memai* ‘(он) совершает жертвоприношение и говорит’ [3] следует обращение к богу *az-zi-ik-ki* ‘ешь (вволю)!’ (напр., Tun. IV 26), а не «пей», как можно было бы ждать, если бы *spant-* употреблялось в значении «совершать возлияния». От *spant-* в значении «закалывать жертвенное животное» образовано производное отглагольное существительное на *-u̯ar španduu̯ar* ‘закалывание (животного)’, засвидетель-

[1] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. 1952. P. 89; *Sommer.* HAB. P. 171.
[2] О значении этого глагола см.: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnaui. P. 44.
[3] Ср. об этой формуле: *Otten.* Luv. P. 21.

ствованное в выражении I UDU *ši-pa-an-du-u̯a-aš* ʻодна овца, предназначенная для заклания’ (KUB IV 13 III 33) с обычным для родительных падежей отглагольных существительных значением герундива (ср. выше о *kunannaš* и *ḫarkannaš*).

Анализ хеттских ритуальных текстов указывает на то, что глагол *spant-* в значении «закалывать животное» был очень употребительным. Оба указанных специальных значения этого глагола были тесно между собою связаны; показательно, что в недавно опубликованном тексте KUB XXXV 5 пер. ст. II 10 глагол *spant-* ʻсовершать жертвоприношение’ употребляется, когда речь идет одновременно о принесении в жертву овцы и о возлиянии вина: [^{D}UT]U-*i* I UDU GEŠTIN-*it ši-pa-an-*[*t*]*i* ʻон ради бога солнца одну овцу вином окропляет’, т. е. ʻон совершает жертвоприношение богу солнца, возливая вино на жертвенную овцу’. Зоммер и Элольф предполагали, что первоначальным значением данного глагола было «лить»; значением «лить, проливать (кровь)» они объясняли употребление *šipant-* по отношению к жертвенному животному [1]. Педерсен высказал сходную точку зрения, сославшись на этимологию данного слова: «nach der Etymologie ist die Bedeutung “Trankopfer ausgiessen” älter als die Bedeutung» opfern im Allgemeinen, “ein Tier opfern”» («судя по этимологии, значение “совершать жертвенное возлияние” древнее значения “приносить в жертву” вообще, “приносить в жертву животное”») [2].

Педерсен, несомненно, имел в виду сравнение с греч. *σπένδω* ʻсовершаю возлияние’. Сходство значений древнегреческого и хеттского глаголов очевидно. Особый интерес представляет употребление глагола *σπένδω* в «Илиаде», Λ 775. В этом месте «Илиады» описывается жертвоприношение: в жертву приносится бык, причем во время жертвоприношения Пелей держит чашу, возливая вино (*σπένδων… οἶνον*) на жертвенное животное, ср. указанный выше ритуальный хеттский текст, где совершается возлияние вина (GEŠTIN = *u̯i-i̯ana-*, родственно греч. *οἶνος*, см. ниже) на жертвенную овцу. Но греч. *σπένδω* имеет и значения, выходящие за пределы специального значения «совершать возлияние»: в ряде случаев *σπένδω* означает «торжественно заключать соглашение» [3], ср. значение *σπονδαί* ʻмир’ у Гомера. Это более общее значение греч. *σπένδω* и производных от данного греческого слова соответствует значению лат. *spondeo* ʻторжественно обязаться, клятвенно обещать; ручаться, быть поручителем; помолвить’. Значение лат. *spondeo*, употреблявшегося для обозначения различных торжественных обязательств, связанных с религиозными

[1] *F. Sommer, H. Ehelolf.* Das hethitische Ritual des Papanikri von Komana. Leipzig, 1924 (Boghazköi-Studien, H. 10). S. 16.

[2] *Pedersen.* Hittitisch. S. 156.

[3] Ср. об *ἐπι-σπένδω*: *Meringer.* Wörter und Sachen. 1. S. 177.

обрядами[1], может быть сопоставлено с хет. (*aniur*) *šipant*- ‘совершать (обряд)’. Следовательно, не только специальное значение хет. *šipant*- ‘совершать жертвенное возлияние’, но и более общее значение ‘совершать обряд’ имеет соответствие в значениях слов данного корня в родственных языках[2].

Следовательно, как с фонетической, так и с семантической стороны сравнение хет. *špant*- с гр. *σπένδω* и лат. *spondeō* можно считать твердо обоснованным. В латинском языке сохраняется только производный глагол (на *-*eie*-), но о его архаичности свидетельствует сохранение древней формы перфекта с редупликацией (*spopondī*, древнее *spepondi*). В греческом языке *σπένδω* принадлежит к тематическому типу, как и некоторые другие глаголы древних индоевропейских языков, соответствующие хеттским корневым глаголам спряжения на -*ḫi* (ср. § 18). Следует отметить, что и в греческом, и в хеттском языках имеются производные итеративные глаголы, образованные от данного корня посредством суффикса *-*sk*-. Но в хеттском языке суффикс *-*ske*- присоединяется непосредственно к корню: *iš-pa-an-za-aš-ki-i*[*z-zi*] (318/ d пер. ст. 3)[3], *iš-pa-an-za-ki-zi* (146/ d обр. ст. 3)[4] = *spant-sk*(*e*)-*zi*, тогда как в греческом суффиксу *-*sk*- предшествует тематический гласный: *σπενδ-ε-σκον*; аористическое образование *σπείσασκε* принадлежит к более новому типу, как все греческие итеративы на *σκ*, построенные на аористических основах[5]. В данном случае в греческом и хеттском представлены параллельные однотипные итеративы на *-*sk*-, самостоятельно образованные в каждом из родственных языков от глаголов, восходящих к корню **spend*- (ср. выше § 5 о производных на -*sk*-, образованных от **ēp*- в хеттском и латинском языках).

---

[1] «Se dit de toute espèce d’engagement de caractère religieux»: *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire etymologique de la langue latine. 3ème ed. P. 1135 (на с. 1136 в данном словаре ошибочно указано, что хет. *špant*- имеет только значение «совершать возлияния»). Учитывая то, что в древнегреческом *σπένδω* и производные от этого глагола часто употребляются для обозначения торжественного соглашения (ср. *σπονδαί* ‘мир’), со словами этого корня можно было бы сопоставить употребляющееся в текстах религиозного характера кучанско-карашарское *spant*- ‘доверять’ (о значении см.: *E. Sieg, E. Siegling.* Tocharische Sprachreste. Sprache B. H. 1: Die Udānālaṅkara-Fragmente: Übersetzung und Glossar. Göttingen, 1949. S. 190).

[2] Если правильна гипотеза Г. А. Капанцяна (*Г. А. Капанцян.* Хеттские боги у армян. Ереван, 1940. С. 14) о связи хет. *spant*- с арм. *spand* ‘жертва’, то специальное значение хет. *spant*- ‘закалывать животное’ имеет соответствие в армянском: ср. др.-арм. *spand-anoç* ‘скотобойня’. Но этот вопрос остается открытым, так как конечное *d* в *spand*- можно возводить к суффиксу *-*ti* (ср. *span-anel* ‘убивать’), см.: *A. Meillet.* Esquisse d’une grammaire comparée de l’armanien classique. Vienne, 1936. P. 75.

[3] Напечатано: *F. Sommer.* Zu den letzten Publikationen hethitischen Keilschrifttexte aus Berlin // OLZ. 1953. № 1.

[4] Там же.

[5] Ср.: *S. Schwyzer.* Griechiche Grammatik. 1939. Bd. I. S. 711.

§ 20. Глагол спряжения на *-ḫi gank-*

К корневым глаголам спряжения на *-ḫi* относится глагол *gank-* ʻвисеть, взвешиватьʼ. Производный каузативный глагол *kankanu-* ʻвешатьʼ и отглагольное существительное *gankuṷar* ʻвес, тяжестьʼ свидетельствуют о продуктивности данного корневого глагола, часто встречающегося уже в древнейших текстах, ср., напр., в древнехеттском фрагменте KBo III 27 = 2 BoTU 10*β* 9—10, 11—12, 21: *na-an a-aš-ki-iš-ši kán-kán-du* ʻи его пусть повесят на его воротахʼ (формула, часто повторяющаяся в обращениях древнехеттских царей). Семантическое и фонетическое соответствие данного глагола гот. *hahan*, др.-англ. *hon* (производный слабый глагол *hånʒian*), др.-исл. *hanga* и другим словам древних германских языков с тем же значением делает связь этих слов несомненной [1]. Наличие слов, общих для хеттского и древнегерманских языков, отмечается и в некоторых других случаях [2] (ср. ниже о хет. *šakuṷai-* ʻвидеть, смотретьʼ). Менее ясным является вопрос об отношении данных глаголов хеттского и германских языков к др.-инд. *śáṅkate-* ʻон колеблетсяʼ, лат. *cunctor* ʻон медлит, колеблетсяʼ. В пользу этой этимологии говорит как отмечавшаяся ранее близость значений некоторых германских производных от данного корня к значениям этих слов древнеиндийского и латинского языков, так и предполагаемое Краузе наличие соответствующего глагола со значением «замедлять» в кучанском (*śänk-*) [3]. Это последнее обстоятельство представляется существенным, так как кучанско-карашарский во многих отношениях близок к хеттскому (в частности, в области лексики). Однако ввиду того, что бесспорным является только родство хеттского и древнегерманских слов, в настоящее время нельзя окончательно решить, представлен ли в этих языках общеиндоевропейский корень. Поэтому определение древнего морфологического типа глагола, соответствующего в других индоевропейских языках хеттскому *kank-*, также вызывает затруднения. Тематический тип спряжения соответствующего глагола в германских языках может быть новообразованием, связанным с переходом в тематический тип образования форм настоящего времени всех германских сильных глаголов, но может отражать и более древнее состояние (ср. др.-инд. *śáṅkate*), ср. выше о соответствиях с

[1] Эта этимология в настоящее время дается в большинстве этимологических словарей, см. напр.: *S. Feist.* Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939. S. 231; *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 6. Bern, 1951. S. 566.

[2] См.: *E. Polomé.* Notes sur le vocabulaire religieux de germanique // La nouvelle Clio. 1954. T. VI. № 1/2. P. 41—42.

[3] *W. Krause.* Westtocharische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1952. S. 60—61, 293 (факты хеттского языка Краузе не использованы).

хеттским корневым глаголом спряжения на -*ḫi* в других индоевропейских языках (§ 18—19).

§ 21. Глагол спряжения на -*ḫi šek*-

Еще большие трудности вызывает исследование соответствий в других индоевропейских языках хеттскому корневому глаголу спряжения на -*ḫi šak*-/*šek*- ʻзнать’. Этот глагол встречается в древнехеттских текстах (см., напр., Tel. II, § 33, 70); по особенностям спряжения (чередование *e*/*a* в корне) он принадлежит к числу архаичных глаголов [1]. Но соответствие этому хеттскому глаголу до настоящего времени найдено только в латинском языке: французский лингвист А. Вайан указал на генетическое тождество хет. *šak*-/*šek*- и корня *sec*-, выделяемого в латинском *sciō* ʻзнать’ [2]. Суффиксальный характер -*i*- в латинском *sc*-*io* признавался многими исследователями, но происхождение этого суффикса не вполне ясно. А. Вайан считает возможным отождествить тип спряжения латинского и хеттского глаголов, но эта гипотеза, основывающаяся на спорном сближении индоевропейского перфекта (лат. перфект на -*ī*-) и хеттского спряжения на -*ḫi* [3], не может считаться доказанной. На основании сопоставления с такими однотипными латинскими глаголами, как, напр., *fiō* < **bhu̯*-*iu̯ō* [4], можно было бы предположить связь лат. *sc*-*io* с глаголами на *-*ī̆*-, **iu̯o*-. Поэтому значительный интерес представляет наличие в хеттском языке глагола *šak*-*iu̯a*- ʻоткрывать, объявлять’, являющегося производным на *-*iu̯o*- от *šak*-. Но вопрос о происхождении суффикса в лат.

[1] На основании (причастной) формы *ša*-*ak*-*nu*-*u̯a*-*an* (KUB XXXV 21 обр. ст. II = LTU, ст. 29) можно предполагать существование глагола *šaknu*- в лувийском (ср. о форме *šaknuu̯anti*: *Otten.* Luv. P. 102). В этом глаголе можно выделить суффикс каузативных глаголов -*nu*-. Возможность генетического тождества этой основы хеттскому *šak*- не исключена, но значение лувийской основы *šak*- еще твердо не установлено.

[2] *A. Vaillant.* Hittite *šakḫi*, latin *scio* // BSL. 1942—1945. T. 42. F. 1 (№ 124). P. 84—88. Акад. Вл. Георгиев относит это открытие Вайана к числу наиболее значительных достижений в области исследования хеттского языка за последнее время, см.: *V. Georgiev.* Etat actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balcanoasianiques // AOr. Praha, 1949. Vol. 17. P. I. P. 281. Этимология Вайана учтена также в последнем издании словаря: *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3ème ed. P. 1065.

[3] Ср.: *А. В. Десницкая.* О хеттском языке // Фридрих. Краткая грамматика. С. 30. Ср. различные точки зрения на происхождение спряжения на -*ḫi*, которые выдвинуты в опубликованных в 1953 г. статьях Розенкранца (Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. OLZ. 1953. Bd. II. H. 3), Кноблоха (Lingua. 1953. Vol. 3. № 4), Вернера (KLZ. 1953. P. 242); ср. также ниже, гл. II.

[4] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. Lief. 1. S. 183 b, 188—189.

sc-iō нуждается еще в дополнительном исследовании, равно как и проблема соотношения хеттского и латинского глаголов, образованных от данного корня, с синонимичным глаголом другого корня, известным из других индоевропейских диалектов: гр. (ϝ)*οἰδ-α*, др.-инд. *veda* ‘знаю’, гот. *wait* и т. п.

§ 22. Глагол *eš-* ‘сидеть’ и производные от него слова

Различие между корневыми глаголами спряжения на *-ḫi* и на *-mi* является характерной особенностью хеттского языка. Но в некоторых случаях нельзя быть уверенным в том, что в хеттском языке сохранилось древнее соотношение спряжений на *-mi* и на *-ḫi*. В частности, можно предполагать изменения в хеттском языке древнего типа спряжения корневого глагола *eš-* ‘сидеть, садиться’ (иероглифическое хеттское *as-*, лувийское *aš-*). При изучении форм корневого глагола *eš-* ‘сидеть, садиться’ обращает на себе внимание то, что различие между активными и медиопассивными формами у этого глагола в хеттском языке связано с различием в типе спряжения (ср. выше об активном и медиопассивном спряжении *ar-* ‘достигать’ и *ar-* ‘стоять’). Активные формы глагола *eš-* образуются по типу спряжения на *-mi*, медиопассивные — по типу спряжения на *-ḫi* (ср. обратное соотношение двух глаголов *ar-* в хеттском: медиопассивного глагола на *-mi* и активного глагола на *-ḫi*). В других древних индоевропейских языках известны только медиальные формы соответствующего корневого глагола: греч. *ἧσται* (у Гомера), др.-инд. *āste*, авест. *aste*. Эти медиальные формы были параллельны медиальным формам глаголов, соответствовавших хет. *ki*: греч. *κεῖται* и *ἧσται*, др.-инд. *śéte* и *āste*, авест. *saēte* и *āste*. Поэтому следовало бы ожидать, что и в хеттском языке данный глагол входил в ту же группу глаголов, что и *ki-* (медиопассивные глаголы спряжения на *-mi*, см. выше). Но в хеттском наблюдается иная картина: форма глагола *eš-* образуется по типу спряжения на *-mi* только в действительном залоге, где она не имеет соответствий в других древних индоевропейских языках, тогда как медиопассивные формы *eš-* отличны от форм *ki-* (3 л. ед. ч. наст. вр. *kitta*(*ri*), ср. *κεῖται*, но *eša*(*ri*)). Возможно, что тип спряжения хет. *eš-* в медиопассиве не отражает древнего состояния. Поскольку активные формы этого глагола в хеттском языке и медиопассивные формы этого глагола в других древних индоевропейских языках образуются по типу спряжения на *-mi*, этот тип спряжения глагола **es-* можно было бы признать более древним. Переход в спряжение на *-ḫi* медиопассивных форм этого глагола мог быть связан с тем, что редуплицированная основа *ašeš-*, в хеттском очень употребительная, спрягалась по типу спряжения на *-ḫi*. Переход из одного типа спряжения в другой в медиопассиве вполне возможен, так как различие двух типов спряжения в медиопассиве обнаруживалось только в формах 3 л. ед. ч.

(наст. и прош. вр. и повел. накл.). Но окончательное решение этого вопроса можно будет дать только после того, как будет установлено происхождение хеттского медиопассива [1].

Корневой глагол *eš-* ʻсадиться, сидеть; занимать, заселять’, в хеттском языке очень употребительный, послужил для образования целого ряда производных, из которых одно — итеративный глагол на *-nu* — является общим для клинописного хеттского и иероглифического хеттского языков: клинописное хеттское *aššanu-* ʻустраивать, приводить в порядок’, иероглифическое хеттское *ašnu* (форма 1 л. ед. ч. прош. вр. *a-s-nu-ụa-ha* в билингве из Каратепе, 84-е слово) [2]. Наиболее употребительные производные от корневого глагола *eš-* в свою очередь послужили для образования целого ряда производных, благодаря чему *eš-* стало центром целой серии производных слов. От причастия *aš-ant-*, выступающего и в самостоятельной наречной форме *ašandaš* (идеограмма DÚR-*aš*) [3], образовано существительное *ašandul* ʻгарнизон’ (ср. значение *eš-* ʻзанимать, заселять’). От этого существительного, часто встречающегося в повествованиях о войнах хеттских царей [4], в свою очередь образован ряд производных: глагол *aš-and-ul-ai-* ʻвоздерживаться; занимать (своими войсками) страну’, с которым связана итеративная основа *aš-and-ul-*(*a*)*i-šk-* и отглагольное существительное *aš-and-ul-atar*. Значительный интерес представляет морфологическая структура такой производной основы, как *ašandulišk-* (ср., напр., *a-ša-an-du-li-eš-ki-it* ʻдолго задерживался’, KBo III 4 = 2 BoTU 4 8 § 5 пер. ст. I 16). В этой глагольной основе за корнем *aš-* следует четыре суффикса: *aš-and-ul-*(*a*)*i-šk-*; подобные сочетания ряда суффиксов чрезвычайно характерны для хеттского словообразования.

О продуктивности корневого глагола *eš-*/*aš-* в хеттском языке свидетельствует и то, что от этого глагола образованы отвлеченные отглагольные существительные двух типов: на *-atar ašatar* ʻсидение’ и на *-eššar ašeššar* ʻселение, собрание людей, религиозное празднество’. Как корневой глагол *eš-*, так и редуплицированная основа *ašaš-* ʻсажать, заселять’, выступает в ряде употребительных фразеологических сочетаний с приглагольными наречиями-приставками. Производные от *ašaš-* во всех отношениях параллельны произ-

[1] Б. Розенкранц (*B. Rosenkranz.* OLZ. 1953. № 3/4. S. 147) указывает на возможность генетических связей медиальных окончаний и окончаний спряжения на *-ḫi*. В случае, если эта гипотеза подтвердится, сочетание залоговой дифференциации с различием в типе спряжения у глаголов *eš-* получит новое объяснение (но ср. обратное соотношение хеттских глаголов *ar-* ʻдостигать’ и *ar-* ʻстоять’).

[2] Ср. перевод Боссерта: *H. T. Bossert.* Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe // Oriens. 2. Leiden, 1949. № l. S. 105.

[3] *Sommer.* AU. P. 384.

[4] *Götze*. AM. S. 199 след.

водным от корневого глагола, ср. *eš-*/*aš-*: *aššanu-*, и *ašaš-*/*ašeš-*: *ašešanu-* ʻзаселятьʼ. Употребительность и продуктивность основы *ašaš-* свидетельствует о ее значительной роли в хеттском языке, но аналогичные редуплицированные основы от корня **es-* в других древних индоевропейских языках неизвестны.

Изучение производных от *eš-* ʻвидеть, сажатьʼ, как и от других рассмотренных выше хеттских корневых глаголов, показывает, какое большое значение для развития словарного состава хеттского языка имела словообразующая роль корневых слов, входивших в ядро базисного словаря древних индоевропейских диалектов.

§ 23. Глагол на *-iia-* *u̯ešiia-* и существительное *u̯ešši-*; имя деятеля *u̯estara-* и соответствующие ему слова в лувийском и древнеиранском языках

Выше (§ 13 и 15) отмечались случаи постепенного исчезновения корневых глаголов (спряжения на *-mi*) в хеттском языке. При исчезновении корневых глаголов их роль могли выполнять производные, см. выше (§ 15) о глаголах *i-* и *pai-*, *iu̯a-* и *iia-*. Исследование истории глагола *i-* (*ei-*/*i-*) в хеттском языке облегчается благодаря сохранению употребительных форм повелительного наклонения от этого глагола (*i-t*, *i-tten*) и наличию соответствующего корневого глагола в других индоевропейских языках. Но корневой глагол, который выходит из употребления в хеттском языке и встречается в хеттских текстах лишь в единичных случаях, может отсутствовать и в других группах индоевропейских языков, где могут быть представлены только производные от этого глагола. Такая картина обнаруживается при исследовании хеттского корневого глагола *u̯eš-*/*u̯aš-* ʻпастиʼ.

В хеттском языке имеется ряд производных отглагольного характера, образованных от корня *u̯eš-*; одно из этих производных (имя деятеля) является общим у хеттского языка (и лувийского) с авестийским. Но в древнеиранском языке имеются только производные от корня **u̯es-*. В хеттском языке соответствующий корневой глагол также выходит из употребления. Можно предполагать, что он засвидетельствован в форме 2 л. ед. ч. наст. вр. *u̯aš-ti* в тексте KUB IV 3 пер. ст. 12: *ḫa-me-iš-ḫi-za* GUD-*un U-UL u̯a-aš-ti* ʻвесной (ты) не пасешь (или: не будешь пасти) быка (своего, для себя — возвратная частица *-za*)ʼ [1]. На основании данной формы можно думать, что корневой глагол

[1] Об этом переводе *u̯ašti*, предложенном Элольфом, см.: *Sommer.* AU. P. 391; *E. Sturtevant.* Hittite Glossary. 2 ed. Philadelphia, 1935. P. 173. В лувийском языке также имелась основа *u̯aš-* с тем же значением (см. ниже), но предположение о лувийском характере данной формы исключается потому, что окончание 2 л. ед. ч. наст. вр. *-ti* в лувийском неизвестно.

ḫes-/ḫas- относился к числу глаголов спряжения на *-ḫi*, но известные до настоящего времени хеттские тексты не дают достаточного материала для решения этого вопроса [1].

Если корневой глагол *ḫeš-/ḫaš-* в хеттских текстах встречается крайне редко, то отглагольные производные от *ḫeš-* засвидетельствованы во многих хеттских текстах. Употребительной является именная основа общего рода *ḫeši-* ‘пастбище, выгон’, соответствующая в аккадско-хеттском словаре KBo I 45 I 14 аккадскому *rētu* ‘пастбище’ [2]. В этом словаре слова обычно группируются по их лексико-семантическим и словообразовательным связям, поэтому последовательность, в которой хеттские слова расположены хеттским составителем словаря, имеет существенное значение для понимания живых отношений, существовавших в системе хеттского языка. Форме им. пад. ед. ч. *u-e-ši-iš* в строке 14 предшествует в строке 13 хеттское слово, переданное идеограммой ^{LÚ}SIPAD ‘пастух’ (KBo I 45 I 13); эта идеограмма в хеттских текстах чередуется с фонетическим написанием ^{LÚ}*u-e-eš-ta-ra-aš* ‘пастух’ [3]. Таким образом, в словаре рядом стоят существительные *ḫešiš* ‘пастбище’ (= акк. *rētu*) и ^{LÚ}*ḫeštaraš* ‘пастух’(= акк. *rē’û*). Не подлежит сомнению, что словообразовательная связь между этими существительными сохранялась ко времени составления аккадско-хеттского словаря. В существительном *ḫeš-taraš* ‘пастух’ выделялся архаичный суффикс имени деятеля *–tara-* (ср. выше, § 9, об *ekuttara-*); соответственно в существительном *ḫeš-i-* ‘пастбище’ выделялся суффикс *-i-*. Образование отглагольных основ несреднего (одушевленного рода) с помощью суффикса *-i-* широко распространено в индоевропейских диалектах [4], в частности в славянском и кучанско-карашарском, напр., ст.-сл. **рѣчь** ‘речь’, нашедшее точное соответствие в кучанском *reki* ‘речь, слово’. Существительные типа *ḫešiš* в словообразовательной системе хеттского языка стоят изолированно; по-видимому, они являются остатками некогда более распространенного типа образования существительных. О роли данного типа существительных в дописьменный период развития хеттского языка свиде-

[1] Ср. относительно хеттских текстов, где засвидетельствовано *ḫaš-*: *Sommer.* AU. P. 217, примеч. 1, p. 391.

[2] Об ошибочной интерпретации аккадского *ri-du-ú — rētu* хеттским составителем этого словаря см.: *F. Sommer.* Hethitisches. II. Leipzig, 1922. S. 51, 61—62, примеч. 1; *Götze*. AM. P. 223.

[3] Фонетическое чтение этой идеограммы установлено Зоммером: *F. Sommer.* Hethitisches. II. S. 60.

[4] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. § 97. S. 167—169. О славянских языках ср.: *А. Мейе.* Общеславянский язык. § 379. С. 279; *W. Vondrak*. Vergleichende Slavische Grammatik. Bd. I. 1924. § 649. S. 640—641; *А. Вайан.* Руководство по старославянскому языку. § 132. С. 229.

тельствует то, что в хеттском языке большое значение приобрели глаголы на *-iia-*, исторически связанные с основами существительных на *-i-*. Образование от существительных на *-i-* отыменных глаголов с суффиксом *-i-ie/o-* было характерно для многих индоевропейских языков, напр. др.-инд. *jani-yá-ti* ‘(он) хочет жениться’: др.-инд. *jáni-h* ‘жена’ (ст.-сл. **женитъ** не имеет уже соответствующей основы на *-i-* [1], ср. ст.-сл. **жалитъ** : ст.-сл. **жаль** и т. п.). В хеттском языке число глаголов на *iia* < **i-io-* велико, но только в некоторых случаях удается проследить их связь с существительными на *-i-* [2]. Поэтому значительный интерес представляет хеттский глагол *ueš-iia-* ‘пасти’, являющийся производным от *ueši-* ‘пастбище’. Тесная связь между глаголом *ueš-iia-* и существительным *ueš-i-* сохранялась в период создания письменных памятников, как показывает следующий хеттский ритуальный текст, посвященный проклятию завоеванного вражеского города (KUB VII 60 III 23—29): *nu-ua-ar a-an-za-an* ^{d}U EN-*IA* GUD$^{HI.A}$-*KA* ^{GUD}*Še-e-ri* ^{GUD}*Hur-ri u-e-ši-in da-an-du* [3] *nu-ua-ra-an-kán* ^{GUD}*Še-ri-iš* ^{GUD}*Hur-ri-i*[*š-š*]*a uk-tu-u-ri u-e-še-eš-kán-du kuiš-ma-ua-ra-an-za e-ša-ri-ma nu-ua-kán A-NA* GUD$^{HI.A}$ *ŠA* ^{d}U *A-NA* ^{GUD}*Še-e-ri Ù A-NA* ^{GUD}*Hur-ri u-eš-ši-in ar-ha da-i* ‘И его де себе, (о) мой господин, бог грозы, твои быки Сери и Хурри да возьмут (как) пастбище (*ueši-*). И на нем де Сери и Хурри да пасутся (*ueševešk-*) постоянно. Если же кто на нем обоснуется и у быков бога грозы — Сери и Хурри — пастбище (*ueši-*) отнимет…’. Из этого текста со всей очевидностью явствует, что в хеттском языке наличествовала тесная связь между именной основой *ueši-* ‘пастбище’ и глаголом *ueševiia-* ‘пастись’, от которого образована итеративная основа *ueševešk-* [4], в данном контексте сочетающаяся с *ueši-*. Производный глагол *ueševiia-* ‘пасти, пастись’ в хеттских текстах встречается часто, как и производные от этого глагола: *ueševešk-* и отглагольное существительное *ueševiiauar* ‘пастьба’. Форма род. пад. этого существительного засвидетельствована в анналах Мурсилиса при повествовании о завоеваниях Пиххунияса, военного предводителя каскайских

[1] О соотношении др.-инд. *janī́-yá-ti* и ст.-сл. **женитъ** см.: А. *Мейе.* Общеславянский язык. С. 192; *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 3. Lief. 1. § 146. S. 221.

[2] Стертевант (*Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} § 222. P. 122—123), перечисляет некоторые из этих случаев, но не делает никаких выводов, ограничиваясь замечанием, что в приводимый им перечень глаголов на *-iia-* «включены некоторые производные от именных основ на *-i*» («some derivatives of *i*-stem nouns are included»): *Sturtevant.* Указ. соч. P. 122). Очень показательное соотношение *ueševiia* — *ueši* Стертевантом, однако, не приводится.

[3] Восстановление поврежденного места по Фридриху: *J. Friedlich.* Hethitisches Elementarbuch. 2. S. 43.

[4] Соотношение *-iia-* в *ueš-iia-* и *-e-* в *ueš-e-šk-* является фонетически закономерным (ср. *iia-* ‘делать’ : итератив *ešša-*, *ešk-* и т. п.). В данном тексте значение длительности, повторяемости действия, присущее форме *ueševešk-*, подчеркивается наречием *ukturi* ‘постоянно’.

племен (KBo III 4 = 2 BoTU 48, об III, § 31, 71—72): KUR ^{URU}*Iš-ti-ti-na-ma-za ḫu-u-ma-an da-a-aš na-at-za a-pí-el u-i-ši-ia-u-ua-aš pí-e-da-an i-ia-at* ‘Всю же страну Иститина он взял себе и сделал ее местом (для) своей пастьбы’ [1]. Формы родительного падежа отглагольного существительного в хеттском языке употреблялись сравнительно часто, но формы других косвенных падежей встречалась крайне редко; в частности, до недавнего времени был известен всего лишь один пример употребления отложительного падежа глагольного имени на *-uar*: *ụekuuarraš* (от *ụekuuar* ‘требование’) [2]. Между тем глагольное имя *ụešiiauar* представлено не только формой род. пад. *ụešiiauaš* (см. выше), но и формами других косвенных падежей, ср. форму отложительного падежа *ụešiiauanz* [3] в тексте поэмы «Песнь об Улликумми»: *nu* GUD *Še-ri-šu-un u-e-ši-ia-u-ua-an-za* [*u-un-ni-eš*] [4] ‘и быка Сери с пастьбы он привел’ (Ullikummi, 2 табл., III, 16—17). Наличие таких форм свидетельствует об употребительности отглагольного существительного *ụešiiauar*. Употребительными были и другие хеттские производные от корня *ụeš-*: *ụeši-* [5], *ụešiia-* (и *ụešešk-*). Производные от этого корня играют особую роль в хеттских текстах. Понятия, передаваемые этими словами, были особенно важны для хеттского общества, хозяйство которого было в значительной степени основано на ското-

[1] В этом предложении Гётце видел свидетельство того, что глагол *ụešiia-* имел наряду со значением «пасти» вторичное значение «править, управлять, царствовать» (*Götze*. AM. S. 89, 223, 320, но ср. буквальный перевод в сноске 72 а на с. 89; ср. также: *F. Sommer.* Hethitisches. S. 44, 61). Но Гётце (а до него Зоммер) не приняли во внимание других аналогичных текстов. В данном тексте речь идет о судьбе завоеванной страны. Это позволяет сопоставить данное место с цитированным выше ритуальным проклятием завоеванному городу. В ритуальном тексте завоеванный город отдается в качестве «пастбища» (*ụeši-*) священным быкам Хурри и Сери, а в тексте анналов Мурсилиса завоеватель берет завоеванную страну себе «для пастьбы» (род. пад. отглагольного существительного *ụešiiauar*). Близость этих двух мест является несомненной; она указывает на то, что *ụešiiauar* в тексте анналов Мурсилиса употреблено не в значении «царствование, управление», а в значении «пастьба, безраздельное хозяйничание». Связь этого переносного употребления с первоначальным оставалась более тесной, чем это предполагал Гётце. Учитывая характерное для хеттской формы родительного падежа отглагольного существительного значение долженствования, выражение *apel ụešiiauas peda-* следует перевести «место для его пастьбы = место, где он должен был хозяйничать».

[2] *Фридрих.* Краткая грамматика. § 205. С. 122.

[3] О формах отлож. пад. с *-n-* перед *-z-* см.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 33. С. 52; *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} § 48. P. 25, 88; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 46—47, примеч. 103.

[4] О восстановлении поврежденного места см.: *H. G.* Güterbock. The Song of Ullikummi // JCS. 1952. № 1. P. 10, примеч. 42.

[5] Ср. о *ụeši-*: *J. Friedrich.* ZA NF. Bd. V. S. 41.

водстве (что нашло яркое выражение в хеттских законах)[1]. Исключительное значение, которое придавалось благополучной (безопасной) пастьбе, особенно отчетливо отражено в молитве KUB XXIX, I. В этой молитве главному хеттскому божеству — богу грозы — воздается хвала за то, что он охраняет скот от хищных зверей и прочих опасностей. В особенности характерны следующие строки (KUB XXIX I § 9—10, 29—33): *nu-uš-ma-aš-za* ^{D}U *ad-da-aš-mi-iš pa-ra-a i-da-a-lu zi-ik-ki-it* GU[D$^{\underline{HI}.A}$*-uš-ma-aš kat-ta-an u-e-ši-it-ta-at* UDU$^{\underline{HI}.A}$*-uš-ma-aš ka*]*t-ta-an u-e-še-i̯a-at-ta* ‘И ради вас бог грозы — мой отец отвратил зло. Вам (т. е. ваших) быков он пас, вам (т. е. ваших) овец он пас’. В этой молитве охрана скота от различных бед (от «зла» *idalu-*) изображается в качестве наибольшего благодеяния бога грозы. Бог сам пасет (*u̯ešii̯a-*) овец и быков, принадлежащих подданным хеттского царя. Изображение бога в качестве пастуха характерно для многих хеттских текстов. Хеттский бог солнца носит титул, обозначаемый идеограммой ^{LÚ}SIPAD.UDU *ŠA* DUMU.LÚ.U$_{19}$.LU ‘пастух человечества’[2] (см., напр., договор царя Муваталлиса с Алаксандусом, KUB XXI I + XIX 6, IV, I). В известной молитве царя Муваталлиса (XIV—XIII вв. до н. э.) слово «пастух» в этом титуле бога солнца передано не идеограммой ^{LÚ}SIPAD.UDU (собственно «овечий пастух»), как в других текстах, а в фонетическом написании *u-e-eš-ta-ra-aš* ‘пастух’ (молитва Муваталлиса; KUB VI 45 III 52). Несомненно, существует внутренняя связь между изображением бога (солнца) в качестве «пастуха» (*u̯eštaraš*) человечества и цитированным выше ритуальным текстом, где говорится, что бог (грозы) «пас» (*u̯ešii̯a-*) овец и быков. Термин «пастух» (*u̯eštaraš*) в молитве Муваталлиса понимается в значении близком к буквальному, как об этом свидетельствует то, что, по словам Муваталлиса, бог осуществляет правосудие над человеком, собакой, свиньей и дикими полевыми зверями (следует отметить, что о диких зверях — крупных хищниках — речь идет и в ритуале KUB XXIX I, где говорится, что бог «пас» скот). Значительный интерес представляет то, что это специфическое употребление имени деятеля от корня *u̯eš-* ‘пасти’ является общим для хеттского и лувийского языков. Хеттское существительное *u̯eštara-* по типу образования является очень архаичным. Это — одно из двух существительных, в которых сохранился древний суффикс

[1] См. об этом: *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 303.

[2] Зоммер (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 1; ср.: *F. Sommer.* OLZ. 1953. S. 16 след.; *Otten.* Luv. S. 85) объясняет данный титул вавилонским влиянием. Но Зоммер не учитывает при этом изображения бога как пастуха (домашних животных) в хеттских ритуалах, а также не рассматривает аналогичных фактов в религиозных текстах других скотоводческих народов (напр., в авестийских гимнах). Между тем, эти факты показывают, что данный титул мог возникнуть у хеттов и самостоятельно — без вавилонского влияния.

-tara-, позднее почти полностью вытесненный синонимичным ему суффиксом имен деятеля *-tala-* (слав. *-tel-*, рус. *-тель*). Вывод о древности существительного *ʒeštara-*, который можно сделать на основании фактов самого хеттского языка, подтверждается благодаря сравнению с лувийским (ср. о хет. *ekuttara-* — выше, § 9)

В лувийском языке засвидетельствована именная основа *ʒaštara-*, соответствующая хеттской основе *ʒeštara-*[1] (с закономерным соответствием хет. *e* : лув. *a*). Эта основа представлена во вторичном производном *ʒaštaraḫi-*, встречающемся в сочетании DINGIR^{MEŠ}*-aš-ša-za-ti ʒa-aš-ša-ra-ḫi-ta-ti* (*ʒa-aš-ta-ra-ḫi-ta-ti*)[2] ʻбожественное *ʒaštaraḫi-*ʼ (KUB XXXV 45 II 9 = LTU, с. 46). Как показал Оттен[3], лувийское существительное *ʒaštaraḫi-* (с суффиксом отвлеченного имени существительного *-ḫi-*)[4] образовано от основы *ʒaštara-* ʻпастух (о боге)ʼ, в точности соответствующей хеттскому *ʒeštara-* в молитве Муваталлиса (соответственно идеограмме ^{LÚ}SIPAD в других аналогичных религиозных текстах). Лувийское DINGIR^{MEŠ}*-aš-ša-za-ti ʒa-aš-ša-ra-ḫi-ta-ti*, таким образом, означает «божественная пастьба, пасение» (употребляется в ритуальных пожеланиях тому человеку, ради которого совершается обряд). Это полное совпадение хеттского и лувийского употребления архаичной основы *ʒe/aštara-* ʻпастухʼ свидетельствует о том, что и в лувийском языке, как и в хеттском, производные от корня *ʒaš-* (хет. *ʒeš-*) играли особую роль[5].

---

[1] *Otten.* Luv. S. 85.

[2] Фонетический вариант *ʒa-aš-ša-ra-* (KUB XXXV 45 II 9 = LTU, с. 46) вместо параллельного *ʒa-as-ta-ra* (KUB XXXV 22, 4 = LTU, с. 32) объясняется поздним развитием *št* > *šš* в лувийском (а не ошибкой писца, как думает Оттен: *Otten.* Luv. S. 35, примеч. 3), ср. ниже о соотношении хет. *ḫašt-* : лув. *ḫašš-* ʻкостьʼ.

[3] *Otten.* Luv. S. 85.

[4] Об этом суффиксе см.: *Otten.* Luv. S. 48.

[5] К числу лувийских производных от этого корня, возможно, относится слово *ʒašša-*, встречающееся в ряде лувийских текстов (эти тексты указаны Оттеном, *Otten.* Luv., S. 43, где *ʒašša-* связывается с другим корнем) и в хеттском ритуале Туннави, насыщенном лувийскими словами и выражениями (о лувийских словах в этом ритуале ср.: *B. Rosenkranz.* Der gegenwärtige Stand der Erforschung der luvischen Sprache // Bibliotheca Orientalis. 1952. Jg. 9. № 5/6. S. 180; вслед за Розенкранцем насыщенность текста этого ритуала лувизмами отмечает: *H. T. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. II. H. 3. S. 310). В ритуале Туннави это слово встречается в контексте, который позволил Гётце предположить для этого слова, лувийский характер которого был Гётце неизвестен, значение «пастбище» (*A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. P. 19, 125). Это предположение Гётце подтверждается параллелизмом тех мест ритуала, где употребляется слово *ʒašša-* (Tun. III 36—37) и идеограмма ^{LÚ}SIPAD ʻпастухʼ (Tun. § 32, III 46—48), ср. выше о сочетании *ʒeši-* ʻпастбищеʼ и идеограммы ^{LÚ}SIPAD в аккадско-хеттском словаре. Но ввиду того, что лув. *ʒašša-* в

Сравнение хеттского языка с лувийским позволяет отнести образование имени деятеля с суффиксом *-*tor* от корня **u̯eš-* к очень древней эпохе развития индоевропейского диалекта, к которому восходят хетто-лувийские языки. Поэтому особое значение имеет то, что в авестийском языке имеется существительное *vāstar* ʻпастухʼ, в точности соответствующее хеттскому *u̯eštar*(*a*)- [1], лувийскому *u̯aštara-*. Изучение хеттских и лувийских фактов позволяет, не прибегая к сравнению с другими языками, установить древность образования этой хетто-лувийской именной основы; точно так же и изучение фактов древнеиранского (авестийского) языка свидетельствует об архаичности этой основы в древнеиранском. Существительное *vāstar* встречается только в древнейших гимнах «Авесты» (в «Гатах»). Но как в «Гатах», так и в более поздних частях «Авесты» встречается ряд очень употребительных и исключительно важных по своему социально-экономическому значению для носителей авестийского языка терминов, являющихся производными от именной основы *vāstar* ʻпастухʼ. Авестийское *vāstra* ʻпастбище, корм для скотаʼ является таким же тематическим соответствием *vāstar*, как и другие аналогичные индоиранские имена на **tro-* по отношению к именам деятеля на **ter*. Характерной особенностью древних индоевропейских имен деятеля с суффиксом **ter* (хет. *-tar*) является наличие наряду с ними производных от того же корня, обозначающих орудие действия, с суффиксами — **-tro*, **-tlo*, ср. хет. *u̯eštara-* ʻпастухʼ, лув. *u̯aštara-*, авест. *vāstar* ʻпастухʼ и *vāstra* ʻкорм для скотаʼ; др.-инд. *mantár* ʻмыслительʼ, др.-инд. *mán-tra-ḥ* ʻизречение, молитваʼ, авест. *mą-θrō* ʻизречение, словоʼ и *mą-θrə* (*m*) ʻмысль, думаʼ, ср. лит. *pa-miñ-klas* ʻпамятникʼ и т. п. [2]

одном из недавно найденных фрагментов имеет детерминатив деревянных предметов GIŠ (см. 43/k пер. ст. II 6, LTU, с. 113), данное толкование этого слова не может считаться бесспорным.

[1] Предположение о заимствовании из иранского в хеттский исключается как ввиду наличия других производных от того же корня в хеттском и лувийском, так и по фонетическим признакам: в случае заимствования и в хеттском ожидалось бы *a*, так как ко времени проникновения носителей индоиранских диалектов в Переднюю Азию во II тысячелетии до н. э. в индоиранском уже осуществился переход **e* > *a* (как показывают заимствования и собственные имена индоиранского происхождения в хеттских и хурритских памятниках). Близость хеттского и авестийского существительных была отмечена еще в 1922 г. Зоммером: *F. Sommer.* Hethitisch. II. S. 62. В новейших работах по сравнительной грамматике хеттского языка и по индоевропейскому словообразованию данное соответствие упоминается только мимоходом (ср.: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 60, 65; *E. Benveniste.* Nome d'agent et noms d'action en indo-europeen. Paris, 1948. P. 32, примеч. 1), между тем, оно представляет значительный интерес в лингвистическом и историческом отношении.

[2] Ср. об этом соотношении: *Brugmann.* Crundriss. Bd. II. T. 1. § 93. S. 156, § 250. S. 340, 342; *Мейе.* Введение. С. 283.

Наряду с основами *vāstar*, *vāstra-* в авестийском языке засвидетельствованы употребительные вторичные производные: существительное *vāstrya-* ʻскотовод, крестьянинʼ (мн. ч. от *vāstrya* имело значение «скотоводство, сельское хозяйство»), глагол *vāstrya-*, *vāstraya-* ʻпасти, заниматься сельским хозяйствомʼ. Понятия, выражаемые терминами, производными от именной основы *vāstar-*, *vāstr-*, имели исключительное значение для жизни скотоводческих племен, говоривших на древнеиранских диалектах. О социальной значимости производного существительного *vāstrya-* свидетельствует то, что в «Гатах» (Yasna, 53, 4) это слово употребляется для обозначения всей массы скотоводческого населения[1], а в более поздних частях «Авесты» *vāstrya* (и *vāstryō fšuyant-*, буквально ʻпастух-скотоводʼ) является названием представителя одного из трех основных «сословий» — «крестьянина». О роли производных от *vās-* дают представление такие авестийские тексты, как гимн в «Гатах», излагающий жалобы «души скота» (*gāuš urva*, Yasna, Gātā, 29, I след.). В этом гимне охрана скота изображается высшим благодеянием (*vohū vāstryā* ʻблаго пастьбыʼ, Yasna, 29, I) и занятием богов; «душа скота», обращаясь к богам, восклицает: *nōiṯ moi vāstā xšmaṯ anyo* ʻнет у меня никакого пастуха (*vāstar*) кроме вас (= богов)ʼ, Yasna, 29, I (ср. там же, 29, 2, обращение к богам относительно «судьи для скота», *gavoi ratuš*).

Авестийские и хеттские тексты показывают, что производные от хет. *ɥeš-*, авест. *vās-* выражали понятия, исключительно важные для носителей древних индоевропейских диалектов, чье хозяйство имело скотоводческий характер. На основании данных хетто-лувийского и древнеиранского языков можно предположить, что корневой глагол **ɥes-* некогда входил в ядро базисного словаря этих индоевропейских диалектов. Но в эпоху, засвидетельствованную письменными памятниками, в древнеиранском сохранялись только производные имена, образованные от этого глагола (*vās-tar*, *vās-tra*), и вторичные производные от этих именных основ (глагол *vāstraya* и т. п.).

[1] Комментируя это место, Бенвенист писал, что *vāstrya* здесь означает «l'ensemble de la population, representée par la classe la plus large, celle des agriculteurs» («все население в целом, представленное наиболее обширным классом — классом крестьян»): *E. Benveniste.* Les classes sociales dans la tradition avestique // Journal asiatique. 1932. T. CCXI. P. 129. При этом, однако, Бенвенист проецирует в далекое прошлое носителей древнеиранских диалектов те социальные отношения, которые отражены в более поздних частях «Авесты»; между тем три «сословия» («классы» по спорной терминологии Бенвениста) не были искони присущи социальной организации этих скотоводческих племен. Поэтому в указанном месте «Гат» употребление *vāstrya-* в значении «все скотоводы = все население» может отражать более древнее состояние общества, еще слабо дифференцированного и сохраняющего древние черты более раннего строя.

Сходная картина наблюдается и в хеттском языке, где производный глагол *ц̲еš-i-i̯a* заменяет архаический корневой глагол *ц̲еš-*. В ряде древних индоевропейских языков в том же значении употребляются слова, восходящие к другому корню (ст.-сл. **пасти**, лат. *pāscō* и т. п.) [1], но в хеттском языке глагол, родственный ст.-сл. **пасти**, не имеет данного специального значения (см. ниже о хет. *paḫš-*).

§ 24. Глагол на *-i̯a turi̯a-*

Анализ хеттских слов, восходящих к корню *ц̲еš-* ‘пасти’, показывает, что производный глагол на *-i̯a* (например, *ues-i̯a-* ‘пасти’) может заменить древний корневой глагол (напр. *ц̲еš-/ц̲аš-* ‘пасти’). Следует предположить аналогичный процесс и по отношению к глаголу *turi̯a-* ‘запрягать’.

Глагол *tur-i̯a-* встречается уже в древнейших хеттских текстах, в частности в архаичном сборнике «анекдотов» из жизни древнехеттского царства. В этом архаичном тексте говорится, что двух провинившихся людей «запрягли как быков» GUD-*li tu-ri-ir* (2 Bo TU 12 A I 16). Глагол *turi̯a-* в связи с запряганием быков употребляется и в архаичных по языку хеттских законах, § 79. В хеттских законах неоднократно встречается также и отглагольное существительное *turi̯a-u̯ar* ‘запрягание’; форма род. пад. ед. ч. этого отглагольного существительного входит в употребительное фразеологическое сочетание ANŠU.KUR.RA *tu-u-ri-i̯a-u-u̯a-aš* [2] ‘упряжная лошадь (рабочая лошадь)’ (хеттские законы, § 64 и § 180). Глагол *turi̯a-* и производные от него часто встречаются и в хеттских текстах более позднего времени. Следует отметить употребление этого глагола в текстах самых разнообразных жанров: в ритуале HTI + KUB IX 31 III I, в судебном протоколе KUB XIII 35 III 25 и др. Очень часто данный термин встречается в книге Киккули о коневодстве (KBo III 2 пер. ст. 24, 32; обр. ст. 47, 52, 57, 64 и т. д.), что объясняется специфическим характером данного текста. В хеттских текстах употребительно выра-

[1] Исчезновение корневого глагола **ц̲es-* ‘пасти’ могло быть связано с тем, что уже в древнюю эпоху развития индоевропейских диалектов образовались две другие непроизводные глагольные основы: **ц̲es-* ‘одевать(ся)’ и **ц̲es-* ‘покупать’ (см. ниже). В индоиранском *vas-* в *vastar* отличается от *vas-* ‘одеваться’ и *vas-* ‘покупать’ долготой гласного, но это различие могло быть позднейшего происхождения. Хеттские формы 2 л. ед. ч. наст. вр. *ц̲ašti* ‘пасешь’ и *ц̲ašti* ‘покупаешь’ являются омографами. Это делает вероятным предположение, что исчезновение корневого глагола **ц̲eš-* ‘пасти’ могло быть связано с появлением двух других омонимичных глаголов, ставших очень употребительными.

[2] Соответствует аккадскому *ŠA-ZI-IM-TI* (GUD$^{ḪI.A}$) ‘упряжные (быки)’, см.: *S. Alp.* // JCS. 1952. Vol. 6. № 2. P. 98, примеч. 32.

жение ^{GIŠ}GIGIR *tu-u-ri-i̯a-an* ‘запряженная повозка’ [1]. Анализ показывает, что уже в древний хеттский период глагол *turi̯a-* был употребительным словом, от которого были образованы производные слова и фразеологические выражения. Уже это наблюдение дает основание для предположения, что глагол *tur-i̯a-* принадлежит к числу архаичных глаголов на *-i̯a-*. Этот вывод подтверждается морфологическим анализом.

Если первоначальная морфологическая структура глагола *u̯ešši̯a-* в хеттском языке сохранилась благодаря наличию употребительного существительного *u̯eši-*, от которого образован этот глагол, то структура глагола *turi̯a-* была менее четкой. По происхождению *turi̯a-* является глаголом такого же типа, как *u̯ešši̯a-*. Существительное *turi-* ‘упряжь’, от которого образован этот глагол, засвидетельствовано в тексте KUB XX I I 22. Но, в отличие от существительного *u̯eši-*, существительное *turi-* употребляется крайне редко, при этом только в специальном фразеологическом сочетании, где это существительное имеет значение, далекое от первоначального [2]. Поэтому связь *turi-* и *turi̯a-*, с исторической точки зрения тождественная соотношению *u̯eši-* : *u̯ešši̯a-*, в период письменной истории хеттского языка была нарушена.

Поскольку *turi-* по типу образования является отглагольным существительным (см. в § 23 о *u̯eš-i-*), следует предполагать, что оно образовано от соответствующего корневого глагола (хет. *tur-*), ср. соотношение *u̯ešši̯a-* : *u̯eši-* : *u̯eš-* и *turi̯a-* : *turi-* : *tur-*. Такой корневой глагол до настоящего времени не обнаружен ни в хеттском, ни в других родственных языках, но в древнеиндийском языке имеется соответствующее корневое имя существительное (ср. выше о случаях, когда от корня, представленного в хеттском языке корневым глаголом, в древнеиндийском образована непроизводная именная основа). Ведийское *dhur-*, согласно результатам исследования Зоммера, означает «упряжь» [3]; это ведийское корневое имя соответствует хет. *tur-*.

§ 25. Глагол на *-i̯a u̯eri̯a-*

Рассмотренные в § 23—24 глаголы *u̯eš-i̯a-* и *tur-i̯a-* принадлежат к числу отыменных производных на **-i̯o-* > хет. *-i̯a-*, образованных от отглагольных имен на *-i-*, ср. *u̯eš-i-* и *u̯eš-i̯a-*, *tur-i-* и *tur-i̯a-*. Постепенное исчезновение

[1] См., напр., текст, напечатанный: *Götze—Pedersen.* MS. P. 10, обр. ст. 14 и 27.

[2] *M. Riemschneider.* Augengott und heilige Hochzeit. Leipzig, 1953. P. 180—181; ср.: *F. Sommer.* Aus Hans Ehelolfs Nachlaß // ZA NF. 1940. Bd. 12. S. 25.

[3] *F. Sommer.* Altindisch *dhur* // Die Sprache. Wien, 1949. Bd. I. S. 150—163; ср. также: *H. Pedersen.* Sanskrit *dur* et *dhur* // Lingua Poznaniensis. II. Poznań, 1951. S. 1—3; *M. Mayrhofer.* Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 48.

именной основы на *-i-* могло привести к тому, что структура производного отыменного глагола преобразовывалась (см. выше о *turi-* и *turiia-*), ср. ст.-сл. **женитъ**, уже не соотносящееся с основой на *-i-* в отличие от др.-инд. *janiya-tijani-* [1]. От таких глаголов на *-iia-*, являющихся древними отыменными основами, отличны глаголы на *-iia-*, образованные от непроизводных глаголов. В связи с отмиранием именных основ типа *turi-* эти две разновидности глаголов на *-iia-* могли смешиваться, но сравнение с родственными языками позволяет установить различие между ними и выделить древний суффикс в основах, ставших непроизводными.

Хеттский глагол *ueriia-* ‘звать’ с исторической точки зрения является глаголом на *-iia-*, но в хеттском языке он стал непроизводным, так как глагольные или именные основы, образованные от *uer-*, в хеттском языке не сохранились. С *ueriia-* обоснованно сопоставляют хеттскую частицу *-ua(r)-*, вводимую в буквально передаваемую речь; в научной литературе уже отмечалось, что происхождение *-uar-* аналогично происхождению русской частицы *де* < **дѣе(ть)** [2], ср. также рус. *мол*, *молвит* [3]. Частица *ua(r)* подвергалась действию различных фонетических процессов, изменяющих звуковой облик энклитик (ср., напр., утрату конечного *r*, сохраняющегося в этой частице только в интервокальном положении), поэтому не представляется возможным определить, к каким формам восходит *-ua(r)-*: к формам глагола на *-iia* или же к формам корневого глагола *uar-*/*uer-*, в письменный период истории хеттского языка исчезнувшего. Функции частицы *-uar-*, вводимой в буквально передаваемую речь, показывают, что глагол, образованный от корня *uer-*/*uar-*, имел не только значение «звать» (как *uer-*/*uar-* в более поздний период), но и значение «говорить, сказать, молвить». Поэтому связь хеттского глагола *uer-iia-* и частицы *-uar-* с корнем **uer-*/*uor-*, выделяемом в лат. *ver-bum*, нем. *Wor-t* и т. п., можно считать несомненной [4]. Глагольные основы, образованные от данного корня, известны в древнегреческом языке: формы тематического типа от (ϝ)εϱ- [5] и засвидетельствованный в древнейших текстах глагол *εἴϱω* ‘говорю’. Глагол *εἴϱω* образован путем присоединения к корню (**uer-*) суффикса *-ie/o-* [6]; по огласовке корня и по суффиксации гомеровское *εἴϱω*

[1] См.: *А. Мейе.* Общеславянский язык. § 249. С. 192.

[2] *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 71; ср.: *Götze—Pedersen.* MS. S. 74 и 30; ср. о *uar*: *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 52 (§ 31), 53 (§ 42), 149—150.

[3] См.: *Л. А. Булаховский.* Курс русского литературного языка. Т. II. Киев, 1953. С. 269—370.

[4] См. об этой этимологии: *F. Sommer.* Hethiter und Hethittisch. Stuttgart, 1947. S. 71.

[5] *F. Specht.* // KZ. Bd. 59. P. 65; *S. Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. I. 1939. S. 584 (о начальной дигамме в словах данного корня см.: Там же. S. 223).

[6] *П. Шантрен.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953. § 268. С. 194.

точно соответствует хет. *u̯er-i̯a-*. Поскольку гр. *εἴρω* и хет. *u̯eri̯a-* образованы в дописьменный период развития обоих индоевропейских диалектов, можно предполагать, что *εἴρω* < **u̯er-i̯ō* и *u̯eri̯a* являются генетически тождественными основами. Следовательно, в данном случае суффикс *-i̯o-* > хет. *i̯a-* присоединяется непосредственно к непроизводной основе [1] (а не к именной основе на *-i-*, как в глаголах *u̯ešii̯a-* и *turii̯a-*).

§ 26. Глагол на *-i̯a aršani̯a-* и родственные ему слова

Выше рассматривались два типа основ на *-i̯a-*: первичные производные типа *u̯eri̯a-* (гр. *εἴρω*) и вторичные производные от именных основ на *-i-* типа *u̯ešii̯a-* : *u̯ešši-*. Но вторичные производные на *-i̯a-* могли быть образованы в хеттском языке от различных первичных производных: как именных (напр., *lamn-i̯a-* ʻназывать’ от *laman* ʻимя’, см. ниже), так и глагольных (напр., *šešk-i̯a-* ʻспать’ от *šešk-*, см. § 14). В тех случаях, когда первичное производное не засвидетельствовано ни в хеттском, ни в других родственных языках, первоначальный характер производного на *-i̯a-* остается неясным. Такие трудности возникают при анализе глагола *aršani̯a-* ʻзавидовать, злиться’ [2]. Наряду с этим глаголом в хеттских текстах засвидетельствовано имя деятеля *aršanatalla-* ʻзавистник, враг’. Глагол *aršani̯a-* употребляется в текстах новохеттского периода в качестве глагола, соотносимого с именем деятеля *aršanatalla-*. Так, например, Хаттусилис III в автобиографии говорит о своих врагах: *nu-mu ar-ša-ni-i-e-ir* ʻи они мне завидовали’ (Hat. I, 32, ср. III, 55); после этого Хаттусилис сообщает, что его покровительница — богиня Иштар — защитила его от «завистников»: LÚ^{MEŠ} *ar-ša-na-tal-luš* (Hat. I, 59). Поэтому современные научные грамматики хеттского языка правильно изображают характерные для позднехеттского периода соотношения, приводя *aršani̯a-* в качестве глагола, сопоставлявшегося с *aršanatalla-* [3]. Но при этом не учитывается то, что *aršanatalla-* нельзя считать образованным от основы *aršani̯a-*, так как после вычленения суффикса *-(a)talla-* выделяется основа *aršan(a)-*, а не *aršani̯a-*.

[1] В случае, если кучанско-карашарское *we-* ʻсказать, говорить’ относится к этой же группе слов, можно было бы предполагать, что *-r-* здесь является древним формантом, но этимология данного кучанско-карашарского слова не является твердо установленной — Педерсен (*Pedersen.* Tocharisch. S. 132) связывает его с корнем **ueku*^{w}-.

[2] Значение ʻзавидовать’ было установлено уже давно (см.: *A. Götze.* Hattusilis. Leipzig, 1925. MVAG. 29. 3. S. 66). Значение ʻзлиться’, существенное для сравнения с родственными языками, установленное позднее (см.: *H. Güterbock.* Université d’Ankara // Revue de la Faculté de langues, d’histoire et de géographie. II. P. 402; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. 1952. S. 33).

[3] См.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 51б. С. 55; *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 77—78.

Это позволяет предположить, что данное имя деятеля образовано от глагола *aršan*(*a*)-, который позднее вышел из употребления, благодаря чему *aršanatalla-* стало соотноситься с другим производным от той же основы *aršan-iia-*, подобно тому как после исчезновения глагола *ueš-* ʻпастиʼ имя деятеля *uešt̰ara-* ʻпастухʼ соотносилось с производным глаголом *uešiia-* ʻпастиʼ (см. выше, § 23). Высказанное предположение находит подтверждение в недавно опубликованном тексте KUB XXXIII 9 (III 7), где засвидетельствовано причастие *aršanant-* ʻзавистливыйʼ. Эта причастная форма не могла быть образована от глагола *aršaniia-*, так как причастие от этого глагола, как и всех других глаголов на *-iia-*, должно оканчиваться на *-iiant-*. Сопоставление причастия *aršanant-* и имени деятеля *aršanatalla-* указывает на существование в хеттском языке глагола *aršan*(*a*)-, позднее вышедшего из употребления. Глагол *aršan-iia-* может быть вторичным отглагольным производным от глагола *aršan*(*a*)-, но возможна и другая интерпретация этого глагола на *-iia-*: *aršaniia-* могло быть отыменным производным от именной основы *aršan-*, ср. *lamniia-* от *laman*. В этом случае глагол *aršan*(*a*)- также является вторичным производным от именной основы с носовым суффиксом, а не глаголом с носовым глагольным суффиксом. Факты родственных языков не позволяют установить, какая из этих двух гипотез является правильной, но суффиксальный характер *-an-* в *aršan*(*a*)- несомненен, так как в других индоевропейских языках имеется ряд производных от того же корня без носового суффикса [1].

Наиболее близкие с семантической стороны соответствия хет. *aršaniia-* ʻзавидовать, злиться, сердиться’ и другим хеттским производным от той же основы обнаруживаются в индоиранских языках: др.-инд. *iršyati* ʻ(он) завидуетʼ, *irṣya* ʻзависть, ревностьʼ, вед. *irasyati* ʻон гневается, сердитсяʼ, вед. *irasya* ʻгневʼ; авест. *aras-ka-* ʻзависть’, *ərəši* ʻзависть’. К той же группе слов примыкает гомеровское *ἀρειή* ʻугрозаʼ (P 431) [2]. Ввиду того, что многие корни являются общими для хетто-лувийского и кучанско-карашарского (см., напр., в § 9 об *eku-*, куч. *yok-*), несомненный интерес представляет гипотеза Педерсена, согласно которой с хеттским *aršan-iia-* связано карашарское *arsal* ʻядовитая змея, ядовитое чудовище’ и карашарское *arsaklai* ʻзмея’ (< **r̥sātla*) [3]. Семантическая связь этого кучанско-карашарского слова с указанными выше хеттским и индоиранскими вполне вероятна. В пользу гипотезы Педерсена гово-

[1] Этимология хет. *aršaniia-* установлена Стертевантом (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 101) и Бенвенистом (*E. Benveniste* // BSL. Vol. 33. P. 139); ср. также: *W. Couvreur.* De Hettitische H... S. 96; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 33.

[2] О словах других индоевропейских языков, возводимых к тому же корню, см.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. I. § 115 f. S. 192; § 404. S. 531; *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 5. S. 337.

[3] *H. Pedersen.* Revue des études indo-européennes. Bucarest. T. 3. F. 1. P. 18.

рит то, что, судя по употреблению караш. *arsal* и куч. *arsaklai-*, значение названия «змеи» было вторичным, основным же было значение опасного, враждебного, злого (ядовитого) чудовища, ср., напр., Toch. Spr. № 155, 3 *wsomiṃ arsall oki anahal wass oki präskall anäs namtsu* ‘перед ним полный страха [1], как перед ядовитой змеей (ядовитым чудовищем *arsall*) или ядом Halahala’.

Указанные слова родственных языков свидетельствуют о том, что первоначальной корневой морфемой в хет. *aršaniia-* является *arš-*. Благодаря морфологическому опрощению первоначальные вторичные производные *arš-aniia-*, *arš-an-*(*a*)*talla*, *arš-an-ant-* превратились в первичные. Их древняя структура может быть установлена только благодаря сравнению с родственными языками.

§ 27. Глагол *paḫš-* и проблема глаголов на *-š-* и на *-šk-* в хетто-лувийских, кучанско-карашарских и других индоевропейских языках

В двух предыдущих параграфах рассматривались хеттские глаголы, в которых древние корневые морфемы могут быть выделены только благодаря сравнению с родственными языками, так как в хеттском языке данные глаголы стали непроизводными. Среди таких глаголов в хеттском языке значительную группу составляют древние глаголы на **-s-*. Выше рассматривались некоторые хеттские глаголы с суффиксом **-es-*/*-s-*, но морфологический анализ этих глаголов (*ed-s* > *ez-*, § 2, *lukk-eš-*, § 10, *ar-š-*, § 17, *nai-š-*, § 18) облегчается благодаря тому, что в хеттском языке сохранялись корневые глаголы, связанные с указанными производными на **-s-* (только в глаголе *ar-š-* суффикс уже не выделялся, см. § 17). Более сложной проблемой является анализ таких хеттских глаголов на **-s-*, где суффикс сросся с корнем, причем соответствующий корневой глагол не засвидетельствован. Особенности таких глаголов лучше всего могут быть изучены в связи с историей хеттского глагола *paḫš-*, поэтому исследованию этого глагола в настоящей работе уделяется особое внимание.

Значение хеттского глагола *paḫš-* определяется с большой точностью, так как это слово встречается в двух хеттско-аккадских двуязычных надписях. Одна из них — так называемое «завещание» Хаттусилиса I (около XVII в. до н. э.) — относится к древнехеттскому периоду, вторая — договор Мурсилиса II (XIV в. до н. э.) с Дуппи-Тесупом — относится к более поздней эпохе Нового царства. В обеих билингвах хеттскому *paḫš* соответствует аккадское *naṣaru* ‘защищать’ (HAB III 72/73 = IV 71/72; договор Мурсилиса II с Дуппи-Тесу-

[1] О значении формы *präskall* в данном тексте см.: *W. Thomas.* Die Tocharischen Verbaladjektive auf *-l*. Eine syntaktische Untersuchung. Berlin, 1952. S. 30.

пом, A7 = B7 [1]). Из этого следует вывод, что как в древнехеттский, так и в новохеттский период *paḫš-* имело значение «защищать». Этот вывод подтверждается также и тем, что фонетическое написание *paḫ*(*a*)*š-* часто чередуется с идеографическим PAP или полуидеографическим, полуфонетическим PAP-(*a*)*š*, например, в инструкциях для наместников, начальников и высших сановников одна и та же стереотипная формула встречается в двояком написании ^{d}UTU^{Šl} PAP-*aš-tin kat-ta-ma* NUMUN ^{d}UTU *pa-aḫ-ḫa-aš-tin* (KUB XXVI 12 + XXI 42 I 18—19 = 11—12) ‘солнце (царя) защищайте, соответственно же потомство (буквально: ‘семя’) “солнца” (царя) защищайте’ и несколькими строками ниже с написанием *pa-aḫ-ḫa-aš-tin* вместо PAP-*aš-tin* в первом предложении: ^{d}UTU^{Šl} *pa-aḫ-ḫa-aš-tin kat-ta-ma* NUMUN ^{d}UTU^{Šl} *pa-aḫ-ḫa-aš-tin* (KUB XXVI 12 + XXI 42 I 36—37 = 29—30). Поэтому можно утверждать, что *paḫš-* равнозначно идеограмме PAP ‘защищать’. Установленное таким образом значение «защищать» подтверждается всеми текстами, в которых засвидетельствовано слово *paḫš-*. Глагол *paḫš-* и производный от него глагол *paḫšanu-* (часто употребляющийся в том же значении, что и непроизводный глагол *paḫš-*) чрезвычайно часто встречаются в хеттских текстах, начиная с древнейших памятников и кончая текстами конца новохеттского периода.

В одном из древнейших памятников — «завещании» Хаттусилиса I — *paḫš-* и *paḫšanu-* часто употребляются в сочетании с существительным *uttar* ‘слово’: *uttar paḫš-*(*anu-*) ‘хранить, соблюдать слово (наказ царя)’, ср., напр. HAB § 21 III 46—47: *šu-me-eš-m*[*a la-b*]*a-ar-na-aš* LUGAL GAL *ud-da-ar-me-it pa-aḫ-ḫa-aš-nu-ut-ut-te-en* ‘Но вы должны хранить мое, великого царя Лабарны, слово’. Такое сочетание *paḫš-* с *uttar* ‘слово’ в завещании Хаттусилиса встречается трижды: HAB § 19 III 28; § 21 III 47; III 49; кроме того, в двух местах этого памятника в аналогичном сочетании употребляется производный глагол *paḫšanu-*: HAB § 20 III 36, ср. приведенное выше предложение из § 21 (III 46—47). Сочетание *uttar paḫš-* ‘хранить слово’ засвидетельствовано и в примыкающем к «завещанию» Хаттусилиса фрагменте 2 BoTU 10*β* (§ 3, строка 22, текст поврежден). Это сочетание *paḫš-* и *uddar*, имеющее в некоторых текстах характер сакральной формулы, является архаичным, так как в текстах древнехеттского периода оно встречается значительно чаще, чем в государственных договорах и других памятниках новохеттского времени [2].

[1] *Friedrich.* Staatsverträge. I. S. 6.

[2] Об употреблении *uddar paḫš* в текстах новохеттского периода ср.: *Sommer.* HAB. S. 209—210; *Friedrich.* Staatsverträge. I. P. 20, 126, II. P. 82. Следует отметить, что в новохеттских текстах *paḫš-* в сочетании с *memiya* ‘слово’ употребляется не только в связи с охраной, соблюдением «слова»; иногда речь идет о том, что посредством «слова» осуществляется защита, охрана того или иного лица, см.: *Friedrich.* Staatsverträge. II. P. 4; *Sommer.* HAB. S. 200.

Но в текстах древнехеттского периода употребление *paḫš-* отнюдь не ограничено его использованием в этом архаичном сочетании. В частности, следует отметить употребление *paḫš-* в связи с древнехеттскими похоронными обрядами в заключение «завещания» Хаттусилиса (HAB III 72—73/IV 71—72) *nu-mu… ták-na-az pa-aḫ-š*[*i*] ʻи похорони меня посредством землиʼ (ʻв землеʼ; в аккадском тексте билингвы *i-na er-še-tim us-ri-in-ni*). Развитие значений *paḫš-* ʻхранить > хоронитьʼ можно сопоставить с рус. *хоронить*.

К числу очень употребительных словосочетаний, в которые входят *paḫš-*, принадлежит сочетание *udne* (= идеограмме KUR) *paḫš-* ʻзащищать странуʼ. Сочетание *paḫš-* ʻзащищатьʼ и *udne* ʻстранаʼ встречается в архаичном ритуальном тексте, относящемся к древнему («протохеттскому») празднику *puruliia-* (введение к мифу об Иллуянкасе): *nu-ua ud-ni-e pa-aḫ-ša-nu-ua-an e-eš-du* ʻи страна де должна быть защищенаʼ (KBo III 7 I 5—6), ср. в ритуале KUB XXIX, II § 5, 18—19: *nu-za* LUGAL-*uš-ša ut-ne-*[*mi*] [1]*-it* É-*ir-mi-it-ta pa-aḫ-ḫa-aš-mi* ʻи я, царь, буду защищать свою страну и свой (буквально «мой») домʼ. Многократно сочетание *udne paḫš*(*-anu*)- ʻзащищать странуʼ повторяется в анналах Мурсилиса: KBo V 8 пер. ст. II 26; KUB XIV 16 пер. ст. I 24 и KBo V 8 II 23 (в последних двух местах *udne* сочетается с причастием *paḫḫašnuuan* ʻзащищенныйʼ от производного глагола *paḫḫašnu-*).

В текстах новохеттского периода, в особенности в памятниках юридического характера, *paḫš-* употребляется чрезвычайно часто, когда речь идет об охране царя, его потомства и его союзников. Поскольку эти темы являются центральными в государственных договорах, глагол *paḫš-* (и *paḫšanu-*) очень часто встречается в них. В сходном контексте *paḫš-* встречается в инструкциях для наместников, начальников и высших сановников (см. приведенную выше цитату), в клятве верности старейшин города Усса [2] и в других текстах, где говорится о необходимости и обязанности защищать царя [3]. В качестве

[1] Предлагая чтение *ut-ne-it*, Шварц (*B. Schwartz.* A Hittite Ritual Text // Orientalia. 1947. Vol. 16. F. 1. P. 40) понимает эту форму как творительный «сопроводительный» («of accompaniment»); такая функция творительного падежа в хеттском неизвестна, как и форма твор. пад. от *udne* ʻстранаʼ. Поэтому скорее нужно предположить чтение *ut-ne-mi-it* ʻмою странуʼ (вин. пад. ед. ч.), что подтверждается следующим É-*ir-mi-it* ʻмой домʼ (= *pir-mit*).

[2] См.: *E. Laroche.* Suppiluliuma II // RA. 1953. Vol. 47. № 2. P. 76—77.

[3] Следует в связи с этим заметить, что в тексте KUB XXIII, I (см. об этом тексте: *R. Ranoszek.* A propos de KUB XXIII, I // AOr. Vol. 18. № 4. P. 236—242) *paḫš-* сочетается с титулом LÚ*paḫḫurši-*, прилагавшимся к сыну хеттского царя. Точное значение этого титула до настоящего времени установлено не было; известно только, что он обозначает сына царя. Употребление этого титула в указанном тексте в словосочетании LÚ*pa-aḫ-ḫur-ši-in-pát pa-aḫ-ḫa-aš-tin* ʻзащищайте (*pahs-*) *paḫḫurši-*ʼ позволяет вы-

торжественных клятвенных формул эти случаи употребления *paḫš-* могут быть сопоставлены с употреблением *paḫš-* в наставлениях служителям храма, напр. *nu* É^{MEŠ} DINGIR^{MEŠ} *me-ik-ki mar-ri pa-aḫ-ḫa-aš-tin* ʻи ради самих себя зорко (буквально «очень») охраняйте храмы’ (KUB XIII 4 III 17).

Особенностью хеттского глагола *paḫš-* является то, что в большинстве случаев его употребления параллельно используются в одинаковом значении активные и медиопассивные формы. Но в некоторых случаях *paḫš-* в медиопассиве означает «отдавать себя под защиту, переходить под покровительство» [1], ср., напр., в автобиографии Хаттусилиса III (Hat. III, 5—6): *nu A-NA* [DING]IR^{LIM} *QA-DU* É-*TI-I̯A pa-ḫ*]*a-aš-ḫa-ḫa-at* ʻи я со своим домом перешел под покровительство божества’. С этим следует связать то, что производный от *paḫš-* глагол *paḫšanu-* может иметь значение «быть в безопасности»: *zi-ik* ĢUR.SAG *an-da-an pa-aḫ-ḫa-aš-ša-nu-ut* ʻты оставайся в безопасности в горах’ (буквально ‘в горе’), KUB XIX I I 15—16 [2]. Семантика производного глагола *paḫšanu-* представляет интерес для сопоставления с развитием значений слов, восходящих к тому же корню, в других родственных языках, в частности славянских. В частности, существенно то, что в некоторых случаях *paḫšanu-* означает «быть настороже, опасаться» [3]: в KUB XIII 4 III 54 (§ 13) *me-ik-ki-pát mar-ri pa-aḫ-ša-nu-u̯a-an-te-eš e-eš-tin* ʻради самих себя очень опасайтесь (будьте очень осторожны, будьте настороже)’ синонимично встречающемуся в другом месте того же документа (наставлений служителям хра-

сказать предположение о возможности связи между *paḫ-š-* (см. ниже о морфологической структуре этого слова) и *paḫ-urši-*, так как, судя по KUB XXIII I I 28a—29, титул *paḫḫurši-* обязывал подданных хеттского царя защищать носителя этого титула: ^{LÚ}*pa-ḫur-ši-i̯a-aš-ma-u̯a* DUMU-*I̯A ku-it te-mi* ^{LÚ}*pa-aḫ-ḫur-ši-in-pát pa-aḫ-ḫa-aš-tin* ʻесли я скажу: мой сын *paḫḫurši-*, то (вы) защищайте *paḫḫurši-*’. Но этот вопрос еще нуждается в изучении.

[1] *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. 2. Heidelberg, 1946. S. 95.

[2] Ср.: *B. Schwartz.* A Hittite Ritual Text // Orientalia. N. S. Roma, 1947. Vol. 16. № I. P. 25. Нельзя считать достаточно обоснованным другое толкование этого места, предложенное в качестве гипотезы: *P. Meriggi.* I miti di Kumarpi, il Kronos currico // Athenaeum. Pavia, 1953. Vol. 31. N. S. P. 113, примеч. 18. Мериджи предложил перевод «custodisci il tuo monto» («сторожи, храни твою гору» — Мериджи предполагает соответственно членение ĢUR.SAG-*an-tan* вместо ĢUR.SAG *an-dan*), ссылаясь на франц. *garder son lit*. Но, во-первых, других примеров, подтверждающих эту гипотезу, найти нельзя; во-вторых, в следующих строках (KUB XII I I 18—19) *paḫš-* употребляется в значении «защитить, обезопасить»; поэтому значение «быть в безопасности» для *paḫšanu-* в предыдущей строке соответствует контексту.

[3] *J. Friedrich.* Staatsverträge. II. P. 25, примеч. 1; *F. Sommer.* Die Ahhiyava-Urkunden. München, 1952 (Abh. d. Bayer. Akad. d. Wiss., Philos.-hist. Abt., N. F. 6). S. 63, примеч. 5.

ма) *me-i*[*k-ki mar-ri na-aḫ-*]*ḫa-an-t*[*e-eš e-eš-tin* ‘ради самих себя очень опасайтесь, бойтесь’ (KUB XIII 4 I 38, § 3).

Изучение важнейших случаев употребления хет. *paḫš-* и *paḫšanu-* указывает на близость значений этих хеттских глаголов к значениям производных от славянской глагольной основы **pās-* (рус. *спасти*, *упасти* и др.), родственной хет. *paḫš-*.

Для сравнения с фактами хеттского языка существенно то, что в славянских языках наряду с **пасти**, **пасѫ** и другими производными от той же основы, имеющими специальное отношение к скотоводству, существуют многочисленные древние производные, доказывающие существование у основы *pās-* значения «защищать, охранять». На это давно было обращено внимание в научной литературе, ср., напр., замечание Вондрака: «Slav. *pasą*, *pasti* ‘weiden’, eig. ‘hüten’, *sъ-pasti* ‘bewahren, retten’, gr. *σώζειν*» [1] («слав. **пасѫ**, **пасти** ‘пасти’, собств. ‘стеречь’, **съ-пасти** ‘охранить, спасти’, греч. *σώζειν*»).

Для сопоставления с хет. *paḫš-* очень показательны такие производные от глагольной основы *pas-* в древнерусском языке, как, например, **опасъ** ‘охрана, защита’ (в летописи по Ипатьевскому списку), **опасная грамота** ‘охранная грамота’. Значению «*defendere*, *tueri*» («защищать, охранять»), устанавливаемому для древнерусского **ѹпасти** [2], соответствует перевод хеттского *paḫš-* посредством латинского *tueri*, данный известным хеттологом Зоммером [3]. Значительный интерес представляет параллельное семантическое развитие, обнаруживаемое у хеттских и славянских производных от данной глагольной основы, ср. *paḫšanu-* ‘опасаться’ и рус. *опасаться* (др.-рус. **опасъ** наряду со значением «охрана, защита» имело значение «боязнь, страх»); *paḫšanu* ‘быть в безопасности’ и др.-рус. **съ съпасенiемъ** ‘безопасно’ (в договоре Игоря с греками); семантическое различие, обнаруживаемое в ряде случаев между активными и медиопассивными формами *paḫš-*, приблизительно соответствует различию между *спасать* и *спасаться* (ср. приведенную выше цитату из автобиографии Хаттусилиса). Сходство в значениях некоторых производных отчасти объясняется параллельным самостоятельным развитием двух родственных языков (общеславянского и хеттского), но исконная семантическая близость общеславянской глагольной основы **pās-* и хеттского глагола *paḫš-*

[1] *W. Vondrak.* Vergleichende Slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1924. S. 712. Различные значения данной основы впоследствии могли разойтись так далеко, что возникли омонимы вследствие распада полисемии. Г. О. Винокур считал глагол *пасти* в предложении «мы его на черный день пасем» («Горе от ума») омонимом к *пасти* в «пасти скот», см.: *Г. О. Винокур.* Заметки по русскому словообразованию // ИАН ОЛЯ. Т. 5. Вып. 4. 1946. С. 329.

[2] *А. Дювернуа.* Материалы для словаря древне-русского языка. М., 1894. С. 219.

[3] *Sommer.* HAB. S. 240 и 200.

не вызывает сомнений. В настоящее время доказано и фонетическое тождество этих глагольных основ [1]. Однако до настоящего времени эта этимология рассматривалась почти исключительно со стороны фонетической, между тем она имеет очень большое значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейского словообразования (в частности, и для исследования фактов славянских языков).

Обнаружение в хеттском языке глагола *paḫš-*, соответствующего общеславянскому *pas-*, по-новому освещает этимологию рус. *пасти*, **пасѫ**, долгое время представлявшуюся затруднительной [2]. После того как установлено генетическое тождество хет. *paḫš-* и слав. **pās-*, славянская основа **pās-* не может считаться возникшей только на славянской почве, как думали некоторые лингвисты начала XX в. [3]

Для исторического исследования данной основы необходимо использовать не только данные хеттского и славянских языков, но и факты других индоевропейских языков, в частности кучанско-карашарских («тохарских»). Славянское *-s-* в общеславянском *pas-* и хеттское *-s-* в *paḫš-* является частью корня, не может быть выделено в качестве суффикса. Но означает ли это, что и с исторической точки зрения эти глагольные основы являются неразложимыми? К такому выводу пришел норвежский лингвист Станг, ограничившийся сопоставлением хеттской и славянской форм [4]. Но данные кучанско-кара-

[1] Ср.: *T. Milewski.* L'indo-hittite. Kraków, 1936; *W. Couvreur.* De Hettitische *H*, een bijdrage tot de studie van het Indo-Europeesche vocalisme (Bibliothèque du Muscon 5). Leuven, 1937. P. 184—185; *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 31, и другие более поздние работы о ларингальной гипотезе.

[2] См., напр.: *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. Вып. 10. М., 1914. С. 23.

[3] Языковеды начала века пытались доказать исконное тождество славянского *pas-* и латинского *pasc-o-*, предполагая фонетическое развитие *$*sk̂$ > *s* в славянском. Противоречащее этой фонетической гипотезе ст.-сл. **искати**, рус. *искать* и т. п. пробовали объяснить как германское заимствование. (Эта широко распространенная в то время концепция изложена, напр., в курсе: *Р. Ф. Брандт.* Старославянский язык. Ч. II. Морфология глагола. М., 1904. С. 38.) Когда было показано, что допущение о заимствованном характере глагола **искати** должно быть отвергнуто, была выдвинута новая гипотеза, согласно которой *$sk̂$* давало в славянском *s*, а *sk* > *sk*, чем объясняли различие между **пасѫ** (**с** из * *$sk̂$*) и **искѫ** (**ск** из *sk*), см.: *W. Vondrak.* Vergleichende Slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1924. S. 440—441. Но и это предположение лишено достаточных оснований. Индоевропейский суффикс *-sk(e/o)-* в славянских языках отражается как *-sk-* (*А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 172), следовательно, в **пасти** этот суффикс не может быть представлен.

[4] Ср.: *S. Stang.* Das slavische und baltische Verbum // Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 1942. II. Historick-filologisk klasse. Oslo 1943. P. 30: «ur-

шарских («тохарских») языков, Стангом не использованные, позволяют сделать другие выводы.

В карашарском («тохарском А») языке отражен глагол *pās-*, в точности соответствующий хеттскому *paḫš-* и славянскому *pas-*. В хеттском языке *paḫš-* имеет значение «защищать», «охранять»; в славянских языках у слов этого корня имеется наряду со значениями, близкими к значениям хеттского *paḫš-*, значение «пасти»; значение карашарского *pas-* служит как бы промежуточным звеном между значениями этих славянских и хеттского слов, так как это карашарское слово имеет значение «охранять, защищать, пасти» [1]. Значение «защищать, охранять», засвидетельствованное у карашарского глагола *pās-*, объясняет употребление в сложных словах отглагольной основы *-pāṣe* ʻзащитник' [2], ср. *cu-pāṣen* ʻтебя защищающие' (Toch. Spr. 129 a I), *ri-pāṣe* ʻзащитник города' (Toch. Spr. 253 a 8), *pälska-pāṣe* ʻзащитник мысли' (очень употребительное в буддийских текстах сложное слово, Toch. Spr. 99 a 4, 319 b 8, 348 b 3). Со значением «защищать» связываются значения «избавить, спасти» (ср. рус. *спасти*, ст.-сл. **съпасти** и т. п.): *klopāsli s* [3] (*m*(*o*)*saṃ*) ʻчтобы спасти (защитить) от зла (от беды)' (277 a 8). Случаи, когда глагол *pās-* употребляется в значении «защищать имущество, владение», близки к тем случаям, где *pās-* употребляется в значении «пасти = защищать скот» (ср. характерную для древних индоевропейских языков связь значений лат. *pecus* ʻскот' и гот. *faíhu* ʻимущество', др.-исл. *naut* ʻголова скота' и лит. *nauda* ʻимущество').

В значении «защищать имущество» карашарский глагол *pās-* употребляется в «Puṇyavantajātaka» (Toch. Spr. 2 b 3 — страдательное причастие *pas-mam* ʻзащищаемое, оберегаемое (имущество)' [4]). Значение *pas-* ʻпасти' засвидетельствовано в ряде текстов; особый интерес представляет употребление

---

sprängliche athem. Wurzelverba...: *pasǫ*: h. *pahsti* (athem. *hi*-Verb) — «исконные атематические корневые глаголы: **пасѫ** : хет. *pahsti* (атемат. глагол на *-ḫi*)».

[1] Ср.: *G. S. Lane.* Vocabulary to the Tocharian Punyavantajātaka // Supplement to the «Journal of the American Oriental Society». № 8. 1948. P. 22; «*pas-* — guard, herd, pasture».

[2] О сложных словах с отглагольным вторым компонентом этого типа см.: *Sieg, Siegling, Schulze.* Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931. S. 12, 28, 243.

[3] Следует анализировать как *klop pāslis*: *E. Sieg, E. Siegling, B. Schulze.* Tocharische Grammatik. Göttinen, 1931 (сокращенно SSS). S. 447. Ср.: *W. Thomas.* Die Tocharische Verbaladjektive auf *-l*. Eine syntaktische Untersuchung (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientsforschung, Veröffentlichung № 9). Berlin, 1952. S. 53, примеч. 1.

[4] *E. Sieg.* Übersetzungen aus dem Tocharischen I (Abh. d. Preuß. Ak. d. Wiss. Jahrgang 1943, Philos.-hist. Klasse № 16). Berlin, 1944. S. 5, переводит в этом тексте *pas-mam* (ср. *пасомый*) как «behütet (Besitz)».

сочетания отглагольного прилагательного на *-l* от *pas- -pasäl* с существительным *semäl* ʻскот’, *semal pasäl* ʻскотоводство’ выступает в тексте Toch. Spr. 3 a 5 в качестве эквивалента др.-инд. *paśupalya* ʻскотоводство’ в параллельных санскритских текстах [1]: *sas wär tkanac wles nu semäl pasäl trit kuryar* ʻодно занятие — земледелие (буквально ʻвода для земли’ [2], *tkaṃ* = хет. *tekan* ʻземля’), второе — скотоводство, третье — торговля’. В этом тексте *semäl pasäl* является названием одного из главных занятий населения. В карашарских текстах буддийского содержания *pās-* употребляется в значении «блюсти, хранить (заповедь)», напр. Toch. Spr. 22 a 7: *yātka sakkrenta* (= *sak krenta*) *passi wnolmeṃ y* [*a*](*mo*)*rnta* ʻон приказал существам хранить (соблюдать) десять добрых дел (имеются в виду *śila* — нравственные предписания [3])’.

Следует указать на сходное употребление хеттского *paḫš-* в сакральных архаичных формулах типа *uttar paḫš-* ʻхранить слово (наказ царя)’ (см. выше). Не исключена возможность, что соответствующий карашарский глагол уже в древности, до периода воздействия буддизма на носителей кучанско-карашарских языков, получил сходное значение и именно поэтому позднее был использован для передачи буддийской терминологии санскритских текстов.

Как показывает рассмотрение основных случаев употребления карашарского *pas-*, этот глагол по своей семантике соответствует как хет. *paḫš-*, так и славянским глаголам, восходящим к общеславянскому *pas-*. Фонетическое тождество этих глагольных основ хеттского, карашарского и славянских языков бесспорно. Совершенно несомненно, что карашарское *pās-* родственно славянскому *pas-* и хеттскому *paḫš-*. Эти славянские, хеттская и карашарская глагольные основы восходят к индоевропейской глагольной основе на **-s-*. Но если обратиться к кучанскому языку, входящему вместе с карашарским языком в одну (кучанско-карашарскую, или «тохарскую») ветвь индоевропейской семьи языков, то окажется, что карашарскому *pas-* в кучанском языке соответствует *pāsk-* (ср. латинское *pascō* ʻпасу’).

Кучанское *pāsk-* по своему значению близко к хет. *paḫš-* и другим рассмотренным выше словам, родственным хеттскому *paḫš-*. В двуязычных ку-

[1] О санскритских параллелях карашарскому тексту 3 a 5 см.: *E. Sieg.* Übersetzungen aus dem Tocharischen I. S. 6, примеч. 4.

[2] В переводе кучанского *wär tkanac* («вода для земли = земледелие», термин, характерный для центральноазиатского хозяйства на поливных землях) следую Зигу (*E. Sieg.* Указ. соч. S. 6). Перевод Зига принят также и Томасом (*W. Tomas.* Die Tocharische Verbaladjektive auf *-l.* S. 62). Куврер в рецензии на перевод «Punyavantajataka» Лэйна (Bibliotheca Orientalis. IV. № 5. P. 125) предложил несколько иной перевод (согласно которому *wär tkaṃ* ʻвода — земля’ является сложным словом типа dvandva), но не дал достаточно убедительного обоснования своей интерпретации текста.

[3] Ср. об этом: *E. Sieg.* Übersetzungen aus dem Tocharischen I. S. 36, примеч. 13.

чанско-санскритских текстах кучанское *pāsk-* соответствует санскритскому *rakṣ-* ʻохранять, защищать, хранить’ (Udānāvarga, Varga XXXI, 23 4, 24 5) [1]. В ряде кучанских текстов *pāsk-* засвидетельствовано в значении «защищать, охранять»: напр. *indr*[*i*]*aṣṣi* [*t*]*w*(*e*)*r*(*i*) *paṣṣalyi* ʻврата (буквально «двери» — тохарское *twere* «дверь», ср. рус. *дверь*) органов чувств нужно защищать’ (Udānālaṅkāra, 67 b 5). Для сопоставления со славянскими и хеттскими производными от данной основы существенно употребление *pāsk-* в кучанском в значении «беречься, опасаться»: (*na*) [*ka*] *nma palskalñentaṃts yolaina tommeṃ paṣṣat* ʻдурные ошибки представлений, которых вы должны опасаться’ (Udānālankāra, 8 b 5).

Несомненна особо тесная связь между карашарским *pās-* и кучанским *pāsk-*, проявляющаяся в том специфическом буддийском религиозно-этическом значении, которое имеют эти глаголы. Кучанское *pāsk-* засвидетельствовано главным образом в текстах религиозного содержания, поэтому не вызывает удивления то, что глагол *pāsk-* ʻохранять’ (часто в сочетании *anaisai pask-* ʻзаботливо, тщательно охранять’) употребляется, когда речь идет об охране религиозных понятий (напр., Udānālaṅkāra, 44 8 — охрана монашества и т. п.). Но для сравнения фактов двух близкородственных языков — кучанского и карашарского — чрезвычайно важно то, что в деталях употребления в буддийских текстах карашарского *pās-* и кучанского *pāsk-* (и производных от этих глаголов) есть много общего.

Выше приводилась цитата, из которой видно, что карашарское *pās-* употреблялось, когда речь шла о соблюдении буддийских нравственных предписаний (*śila*). Такое употребление для кучанского *pāsk-* является основным. К приведенной выше цитате из карашарского текста, где речь идет о соблюдении буддийских десяти добрых дел, можно найти большое число соответствий в кучанских текстах, напр. *śak karmaṣṣai ytari tau paṣṣimar* ʻдесять дорог (*ytar*, лат. *iter*) делания, да храню (да блюду) я их!’ (Udānāstotra, 3 a 4) [2]. Кучанский глагол *pāsk-* обычно сочетается с существительным, означающим «нравственное предписание, нравственное поведение, сдержанность» (*śīla*, *saṃvar* — термины, заимствованные из санскритской буддийской терминологии); ср., напр., сочетание *saṃvar* и *pāsk* в Udānālaṅkāra, 23 a 2; ср. сложное слово *śil-paṣe* (того же типа, что и карашарские сложные слова со вторым компонентом *-paṣe*), означающее «хранящий, соблюдающий *śila-*» (парижские фрагменты Udānālaṅkāra, A a I) [3]. Такое употребление глагола *pāsk-* объясняет то, что производное от этого глагола существительное *papāṣ-*

[1] *Lévi.* Fr. P. 54 и 55.
[2] *Lévi.* Fr. P. 58.
[3] Там же. С. 72.

ṣorñe [1] получило значение «соблюдение нравственности, нравственность, нравственный строй души» (соответствует др.-инд. *śīla* в двуязычных санскритско-кучанских текстах, например Udanavarga, 14 b 2) [2]. Часто встречается сочетание *papāṣṣorñe pāsk-* ʻсоблюдать, охранять нравственность, нравственную сдержанность’ (напр., Udanalankava, 14 a 4, 14 a 5, 24 a 1 и парижский фрагмент A a 2) [3]. Соответственно привативное отглагольное образование *apassatte* [4] имеет значение «не хранящий нравственной сдержанности». Таким образом, значение «соблюдать буддийскую нравственную заповедь», отмечаемое и для карашарского *pas-*, у кучанского *pāsk-* и его производных стало центральным.

Выше отмечалось, что сопоставление с древнехеттским *uttar paḫš-* ʻхранить, соблюдать слово (наказ царя)’ делает вероятным предположение о том, что значение «соблюдать заповедь, наказ, слово» у данной глагольной основы может быть очень древним. Но специфическое употребление карашарского *pas-* и кучанского *pāsk-* применительно к десяти буддийским «добрым делам» (*śīla-*) не может относиться ко времени, предшествующему влиянию буддизма на носителей этих языков, общие черты в употреблении карашарского *pas-* и кучанского *pāsk-* свидетельствуют о наличии связи между этими словами в общекучанско-карашарский период, предшествующий созданию письменных памятников на этих языках. Это подтверждается и сходством фразеологических сочетаний, в которых употребляются эти глагольные основы. Среди карашарских сложных слов со вторым компонентом *-pase* ʻзащитник’ наиболее употребительным является *pälska-pase* ʻзащитник мысли’ (Toch., Spr. 99 a 4, 319 b 8, 348 b 3). Точно так же и кучанский глагол *pask-* неоднократно сочетается с *palsko* ʻмысль’: Udānāvarga, Varga XXXI, 24 b 5 [5]; Udānālaṅkāra 31 b 4.

Сравнительное изучение употребления *pās-* в буддийских карашарских текстах и *pāsk-* в буддийских кучанских текстах свидетельствует о том, что семантическая связь между этими словами является более тесной, чем семантическая связь между карашарским *pās-* и хет. *paḫš-*, кучанским *pāsk-* и латинским *pāscō* ʻпасу’. Тесная связь между карашарским *pās-* и кучанским *pāsk-*, обнаруживающаяся в значении и употреблении этих глаголов, застав-

[1] Образовано от субстантивированного причастия на *-or*: *W. Krause.* Westtocharische Grammatik. Bd. I: Das Verbum. 1952. S. 36 (§ 30, 4), ср. об этом существительном: *G. S. Lane.* Studies in Kuchean Grammar. 1952. P. 12 (§ 12); *Sieg, Siegling.* Tocharische Sprachreste // Sprache B. H. I: Die Udānālañkara — Fragmente. P. 136.

[2] *Lévi.* Fr. P. 48—49.

[3] *Lévi.* Fr. P. 72.

[4] О привативных производных этого типа ср.: *W. Krause.* Tocharian Studies in Germany // Word. 1948. Vol. 4. P. 51; *W. Krause.* Westtocharische Grammatik. Bd. I. S. 42; ср. также: *G. Lane.* Studies in Kuchean Grammar. I. § 36. P. 30—31.

[5] *Lévi.* Fr. P. 55.

ляет предположить, что они образованы от одного и того же общекучанско-карашарского корня. Обращает на себя внимание и то, что как карашарское *pās-*, так и кучанское *pāsk-* представлены главным образом медиальными формами (ср. частое употребление хеттского *paḫš-* в медиопассиве): карашарской форме 3 л. мн. ч. мед. залога *pasantra*, *pasantär* (ср. хет. *paḫšantaru* ʻони должны защищать') соответствует кучанское *paskentra* и т. п. (ср. медиопассивное *pascuntur* в латинском языке). Общим для обоих глаголов оказывается и образование отглагольного производного на *-e*, выступающего в качестве второго компонента сложных слов (ср. кучанское *śil-pase-* и карашарское *pälska-pase* и т. п.). Таким образом, рассмотрение семантических и морфологических особенностей карашарского *pās-* и кучанского *pāsk-* позволяет сделать вывод о тесной связи двух этих глаголов в кучанско-карашарском. Но основы этих глаголов являются различными: кучанский глагол имеет основу на *-sk-*, карашарский глагол — основу на *–s-*. Рассмотренные мною факты, свидетельствующие о близости этих основ во время, предшествующее созданию письменных памятников, не позволяют относить возникновение этих различий к периоду, более раннему, чем общекучанско-карашарский. Возникновение различия между этими глаголами следует связать с особенностями развития системы классов кучанско-карашарского глагола. К периоду создания письменных памятников на кучанско-карашарских языках (V—VIII вв. н. э.) как кучанское *pāsk-*, так и карашарское *pas-* стали непроизводными глаголами. Кучанское *pāsk-* спрягается по II классу (тематические непроизводные глаголы), что находит соответствие в спряжении карашарского *pas-* по IV классу (также тематические непроизводные глаголы) [1]. Но по происхождению кучанское *pāsk-* следует считать глаголом с суффиксом *-ske/o-*. Давно уже была замечена близость кучанского *pāsk-* и латинского *pāscō*, *pāvī*, подтверждающая это предположение [2]. В настоящее время установлено, что не только *pāsk-*, но и некоторые другие кучанские глаголы II класса восходят к образованиям на **-ske/o-* [3]. Поэтому для понимания происхождения кучанского *pask-* необходимо учесть особенности развития кучанско-карашарских глаголов на **-ske/o-* в их соотношении с другими глагольными классами [4].

---

[1] Классы кучанских глаголов указываются по классификации: *W. Krause.* Westtocharische Grammatik. Bd. I. Das Verbum. Heidelberg, 1952 (сокращенно: *Krause.* Das Verbum), классы карашарских глаголов даются согласно классификации Зига, Зиглинга и Шульца (SSS).

[2] *W. Petersen.* Hittite and Tocharian // Language. 1933. Vol. 9. № 1. P. 27.

[3] *G. S. Lane*. Rec. ad op.: *W. Krause.* Das Verbum // Language. 1953. Vol. 29. № 4. S. 487.

[4] До настоящего времени кучанское *pāsk-* и карашарское *pās-* в связи с историей кучанско-карашарского глагола не рассматривались, что отчасти объяснялось плохой

Как показывают новейшие исследования, в области глагола (как и в области именного склонения) существуют очень существенные различия между кучанским и карашарским языками. Более архаичную систему сохраняет кучанский язык; в карашарском языке эта древняя система значительно изменялась. В частности, это относится и к глаголам на *-*ske*/*o*-. В кучанском языке эти глаголы являются весьма употребительными и продуктивными (IX, X, XI классы кучанских глаголов). С помощью суффикса -*sk*- в кучанском образуются каузативные глаголы. Но параллельно с глаголами на -*sk*- в кучанском существуют глаголы на -*s*- (VIII класс кучанских глаголов). Значение суффикса -*s*- в кучанском очень близко к значению суффикса -*sk*-. Как правило, с помощью этого суффикса в кучанском образуются каузативные глаголы; напр., *luks*- ʻосвещатьʼ от корня *luk*- ʻсветитьʼ (латинское *lux* ʻсветʼ, хеттское *luk*- ʻсветатьʼ и т. п.). Благодаря тому что суффиксы -*sk*- и -*s*- очень близки друг к другу, от одного и того же глагола могут быть образованы синонимичные каузативные глаголы с суффиксами -*s*- и -*sk*-: таковы, например, каузативные образования на -*s*- и -*sk*- от глагола *tsärk*- ʻжечь, мучитьʼ [1]. В карашарском языке глаголы на -*s*- получили необычайное распространение (XIII—XI классы карашарских глаголов). Благодаря палатализации *k* в карашарском некоторые формы глаголов на -*sk*- и -*s*- фонетически совпали, что при синонимичности этих образований привело к смешению основ на -*sk*- и основ на -*s*- и к позднейшему вытеснению глаголов на -*sk*- глаголами на -*s*-, получившими в карашарском языке полное преобладание [2]. Карашарские глаголы на -*s*- полностью вытеснили глаголы на -*sk*-, которые в карашарском языке отсутствуют. Только в некоторых формах конъюнктива и претерита сохранились следы былого различия между глаголами на -*sk*- и глаголами на -*s*-, причем на основании этих форм можно утверждать, что и в карашарском существовали параллельные образования на -*sk*- и на -*s*- от одного и того же корня [3].

изученностью кучанского глагола (систематически исследованного только в последние годы). Поэтому замечания по этому поводу Ван Виндекенса, впервые сопоставившего кучанско-карашарские глаголы, с хеттским и славянским, были ошибочными (*Van Windekens.* Lexique etymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941. P. 88). Х. Педерсен ограничился чисто фонетической интерпретацией этой этимологии в связи с вопросом об отражении долгого *ā* в кучанском (*H. Pedersen.* Zur tocharischen Sprachgeschichte. København, 1944. S. 43).

[1] *Krause.* Das Verbum. S. 81.

[2] Фонетические причины преобладания глаголов на -*s*- были указаны Педерсеном (*Pedersen.* Toharisch. S. 167—168), но ему было неизвестно существование глаголов на -*s*- в кучанском. Кучанские и карашарские факты впервые сопоставлены В. Краузе (*Krause.* Das Verbum. P. 76—77).

[3] *W. Krause.* Указ. соч. S. 81—82, 177—178.

Таким образом, для общекучанско-карашарского («общетохарского») следует восстанавливать наличие двух параллельных типов глагольных образований на *-sk-* и на *-s-*. В кучанском языке сохранились оба эти типа. В карашарском языке глаголы на *-sk-* были вытеснены глаголами на *-s-*, причем в карашарских глаголах на *-s-* совпали древние глаголы на *-s-* и глаголы, относившиеся к общекучанско-карашарским образованиям на *-sk-*. Установленную таким образом картину можно пояснить следующей таблицей:

Общекучанско-карашарский	глаголы на *-s-*	глаголы на *-sk-*
Кучанский	глаголы на *-s-*	глаголы на *-sk-*
Карашарский	глаголы на *-s-*	

Эта картина развития кучанско-карашарских глаголов на *-sk-* и на *-s-* позволяет понять соотношение карашарского *-pās-* и кучанского *-pāsk-*. Принадлежность кучанского *pāsk-* в древности к типу глаголов с суффиксом *-sk-* устанавливается благодаря сравнению с латинским *pasco*. Поскольку известно, что в кучанском и карашарском существовали синонимичные производные от одного и того же корня с суффиксами *-s* и *-sk*, тесная связь по значению и употреблению кучанского *pāsk-* и карашарского *pās-* должна быть истолкована как соотношение глагола на *-sk- pāsk-* и глагола на *-s- pās-*. Поэтому не подлежит сомнению, что карашарское *pās-* исторически является глаголом на *-s-*. Суффикс *-s-* в карашарском *pās-* исторически связан с суффиксом *-sk-* в кучанском *pāsk-* так же, как связаны друг с другом суффиксы *-s-* и *-sk-* в кучанских образованиях от одного и того же корня, например кучанское *trik-s* (VIII класс): *trik-*(*a*)*sk-* (IX класс) от корня *trik-* ‘заблуждаться’.

Обобщение основы на *-s-* в карашарском *pās-* (при кучанском *pāsk-*) может быть связано с отмеченными выше особенностями развития глаголов на *-s-* в карашарском языке. Принадлежность глаголов *pās-* и *pāsk-* в эпоху создания письменных памятников кучанско-карашарских языков к непроизводным глаголам указывает на то, что процесс морфологического опрощения в данных основах имел место еще в дописьменный период развития языка. Но для общекучанско-карашарского следует предположить наличие двух родственных глагольных основ: основы на *-s- pās-* и основы на *-sk- pāsk-*.

Ввиду того, что карашарское *pās-* этимологически связано с хеттским *paḫš-* и славянским *pas-* (*nac-mu*), а кучанское *pāsk-* этимологически связано с латинским *pasco*, возникает вопрос: в какой мере можно соотношение кучанско-карашарских суффиксов *s* : *sk* привлекать для объяснения фактов других индоевропейских языков, т. е. в какой мере это соотношение отражает общеиндоевропейское состояние?

Общеиндоевропейский характер суффикса *-sk-* не вызывает сомнений. Немецкий лингвист Краузе в работе о кучанском глаголе (1952 г.) высказал предположение, что и кучанско-карашарский суффикс *-s-* унаследован от общеиндоевропейского; для подтверждения этого предположения Краузе приводит такие соотношения, как греческое *ἀέξω* ‘умножаю’ : латинское *augeo*; древнеиндийское *rakṣati* ‘он защищает’, греческое *ἄλεξω* ‘отражаю’ : гр. *ἀλκή* ‘защита’, др.-англ. *ealʒian* ‘защищать’ [1].

Эти факты, давно уже хорошо известные [2], свидетельствуют о том, что в общеиндоевропейском существовал глагольный суффикс *-s-*, соответствующий кучанско-карашарскому *-s-*. Помимо кучанско-карашарских языков, этот суффикс сохраняется в ведийском языке. В наиболее архаичных частях «Ригведы» засвидетельствовано около 10 производных глаголов с суффиксом *-s-* (так называемый «Doppelstamm» согласно терминологии, применяемой Грассманом в его словаре к «Ригведе») [3]. Сравнительно-исторический анализ показывает, что значительное число глагольных основ индоиранских и других древних индоевропейских языков в древности принадлежало к тому же типу, но суффикс *-s-* в этих основах перестал выделяться еще в дописьменный период [4]. Выше уже отмечалось, что кучанский глагол VIII класса *luks-* (от корня *luk-* ‘светить’) имеет соответствие в основе *leuk-s-*, *luk-es-*, отраженной во многих индоевропейских языках; тот же суффикс *-es-*/*-s-* выделяется в хеттском глаголе *lukk-eš-*, образованном от того же корня (см. об этом глаголе в § 10). Таким образом, мысль Краузе об архаичном характере кучанских глаголов на *-s-* полностью подтверждается фактами древних индоевропейских языков. Но Краузе (как и другие современные лингвисты) не обратил внимание на значение вопроса о соотношении *s : sk*. Между тем, еще Бругман указывал, что индоевропейский суффикс *-sk-* тесно связан с суффиксом *-s-* (в

[1] *Krause.* Das Verbum. S. 77. Следует отметить, что эта глагольная основа относится к тому же семантическому кругу, что и хет. *paḫš-*, караш. *pās-* (как отмечалось выше, санскритское *rakṣ-* соответствует кучанскому *pask-* в двуязычных кучанско-санскритских текстах).

[2] См. раздел об основах на *-s-* и *-so-* у Бругмана (*Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 3. Lief. 1. S. 336—350); *P. Persson*. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. T. 2. Uppsala; Leipzig, 1912. S. 555—556, 581—583.

[3] См. о ведийских глаголах на *-s*: *G. Grassmann.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873. S. 527, s. v. *tarusa* (Anm.); *Macdonell.* Vedic Grammar. Strassburg, 1910. P. 378.

[4] См.: *F. B. Kuiper.* Zur Geschichte der indoiranischen *s*-Präsentia // Acta Orientalia. 1934. Vol. 12. P. III—IV. S. 190—306 (с библиографией вопроса). Факты хеттского языка Кейпером не использованы; кучанско-карашарские факты использованы в крайне незначительной степени.

ἄλεξω и т. п.). Бругману и другим лингвистам начала XX в. не были известны факты кучанско-карашарских языков, подтверждающие это предположение. Поэтому выводы Бругмана и шведского лингвиста Перссона основывались только на сопоставлении синонимичных глагольных основ, образованных от одного и того же корня в одних языках с помощью суффикса *-s-*, в других языках с помощью суффикса *-sk-* [1], ср., напр., соотношение средневерхненем. *luschen* (с **-sk-*) ʻслушатьʼ: др.-инд. *śró-ati* (с **-s-*) от корня *k̂leu* (к формам, отражающим основу на *-s*, можно прибавить в настоящее время кучанское *klyaus-* ʻслышатьʼ и карачарское *klyos-*, входящее в ту же группу глаголов на *-s-*, что и карашарское *pās-*) [2]. Следует отметить, что у глагольной основы на **-es/s-*, образованной от корня *leuk-* (хеттское *lukk-eš-*, кучанское *luks-*), имеется соответствие в виде глагола на *-sk-* в армянском языке: арм. *lucanem* ʻя зажигаюʼ (по значению соответствует хет. *lukkiši* в хеттских законах, см. выше). В настоящее время гипотеза о тесном параллелизме глагольных основ на *-s-* и на *-sk-* подтверждается указаными выше фактами кучанско-карашарских языков, где суффиксы *-s-* и *-sk-* были очень близки, что позднее привело к их смешению в карашарском (см. выше). Все указанные выше факты позволяют утверждать, что в настоящее время несомненной является тесная связь между индоевропейскими глагольными суффиксами *-s-* и *-sk-*. Для сравнительно-исторического анализа хеттских глагольных основ (в частности, хет. *paḫš-*) очень важно то, что связь суффиксов *-s-* и *-sk-* можно установить и в самом хеттском языке. Ввиду значения этого вопроса, в свете сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков еще не рассматривавшегося, на нем следует остановиться более подробно.

В употреблении глагольных образований с суффиксом **-ske/o-* существуют черты, общие хеттскому и кучанско-карашарским языкам, что уже отмечалось в научной литературе [3]. Но до настоящего времени оставалось незамеченным то обстоятельство, что параллелизму каузативных суффиксов *-s-* : *-sk-* в кучанско-карашарских языках соответствует употребление в одинаковом значении суффиксов *-šk-* и *-š(š)* — в хеттском языке. Глагольный «итеративный» суффикс *-šk-* в хеттском языке имеет чаще всего значение длительности и многократности. Аналогичное значение имеет и глагольный «итеративный»

[1] *Brugmann.* Там же. S. 350—351; *P. Persson.* Указ. соч. S. 340.

[2] Зиг, Зиглинг и Шульце относят *klyos* и *pās-* к числу карашарских «сигматических корней» (SSS. S. 355). На общие черты этих карашарских глаголов с «корневым расширителем» *s* обращает внимание и H. Pedersen: Tocharisch. Vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941. S. 180.

[3] *W. Couvreur.* Les dérivés verbaux en *-ske/o* du hittite et du tocharien // Revue des études indo-européennes. Bucarest, 1938. T. I. F. 4. P. 89—101.

суффикс *-šš-* [1], представленный всего лишь в нескольких глаголах: *ḫalzešša-* ʻповторно звать, читать' (от *šalzai* ʻзвать') [2], *ešša-* ʻделать' [3] (от *iy̯a-*, соответствующего карашарскому *ya-* ʻделать'), *y̯arešša-* ʻспешить на помощь' (от *y̯arrai-* ʻпомогать' [4]), *šišša-* ʻвыбивать', ʻоставлять отпечаток' (от *šiy̯ai-* ʻотпечатывать') [5].

В статье, опубликованной в 1953 г., немецкий хеттолог Розенкранц писал по поводу хеттских глаголов на *-šš-*: «соответствия в других индоевропейских языках не установлены» [6]. Следует, однако, заметить, что в 1953 г. было установлено соответствие хеттским глаголам на *-šš-* в самом близком из родственных языков — лувийском, хотя и это соответствие до настоящего времени должным образом не объяснено. Тот же Розенкранц, которому принадлежит цитированное выше высказывание, несколько лет назад обнаружил в лувийском языке «итеративный» суффикс *-šš-*. В хеттском ритуале Туннави, который, как отмечалось выше, изобилует лувийскими словами и выражениями, встречается глагольная форма *ti-y̯a-ni-eš-eš-i* (Tun. II 12), чередующаяся с *ti-y̯a-ni-eš-ki-mi* (Tun. II 17) в абсолютно тождественном контексте [7]. На лувийский характер формы *tiy̯aneššui* указывает окончание 1 л. ед. ч. наст. вр. *-ui*; таким образом, устанавливается, что хеттской итеративной форме *tiianešk-* соответствует лувийская итеративная форма *tiy̯an-ešš-*. Розенкранц ограничился этим наблюдением: «*-šš- ist das luwische Iterativsuffix, das den hethitischen *-šk-* entspricht» [8] (*-šš- является лувийским итеративным суффиксом,

[1] *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 83; *E. H. Sturtevant, E. A. Hahn.* A Comparative Grammar of the Hittite Language. Vol. I. New Haven, 1951. P. 135.

[2] Ср. о *ḫalzešša-*: *Sommer.* HAB. S. 178; *A. Götze*. The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 39.

[3] Об *essa-* см.: *Sommer.* AU. S. 303 след.

[4] См.: *Götze*. AM. P. 210.

[5] См. об этом глаголе: *Sommer.* HAB. S. 179 и 244.

[6] *B. Rosenkranz.* Die hethitische *ḫi-* Konjugation // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1953. Bd. II. H. 3. S. 342: «Entsprechungen in andern idg. Sprachen sind nicht nachgewiesen».

[7] Гётце (*A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 10, примеч. 17) обратил внимание на это чередование, но не сделал из него никаких выводов, так как в этом случае, как и в других (см. выше, в § 23, о *y̯aššaši*), не учел значения лувийского языкового материала в этом памятнике.

[8] *B. Rosenkranz.* Der gegenwärtige Stand der Erforschung der luvischen Sprache // Bibliotheca Orientalis. 1952. Jg. 9. № 5/6. S. 160 (доклад, прочитанный на XXII Конгрессе востоковедов в Стамбуле в 1951 г.). В связи с тем, что найдено много общего в системе ликийского и лувийского глагола (см.: *F. J. Trisch.* Lycian, Luwian and Hittite // AOr. Praha, 1950. Vol. 18. № 1/2. P. 504—505), следует отметить, что Педерсен находил в ликийском глагольный суффикс *-s-*, соответствующий хеттскому *-šk-* (*H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. 1945. P. 26—27, 31). Но этот вопрос, как и все проблемы,

который соответствует хеттскому *-šk-*). Опираясь на это наблюдение Розенкранца, Боссерт сопоставил лувийский итеративный суффикс *-šš-* с суффиксом *-šš-* в хеттских глаголах *ḫalzešša-*, *u̯arešša-*, *ešša-*. Но характерное для работ Боссерта отсутствие понимания принципов сравнительно-исторического исследования языка привело этого известного хеттолога к ошибочным выводам. Ссылаясь на распространение в хеттском языке итеративных форм на *-šk-*, Боссерт считает основы типа *-ešša* «чуждыми клинописному хеттскому языку» и заимствованными из лувийского [1]. С этим предположением Боссерта никак нельзя согласиться, хотя сопоставление хеттских и лувийских глаголов с суффиксом *-šš-* следует признать заслугой Боссерта. Боссерт сделал ошибочный вывод из верных наблюдений, так как наличие одного и того же суффикса в двух близкородственных языках он без всяких на то оснований объяснил заимствованием. Боссерт ошибочно считает, что широкая употребительность суффикса *-šk-* в хеттском языке исключает возможность существования синонимичного архаичного суффикса. В этой связи большое значение приобретают новейшие исследования Оттена о развитии глаголов на *-šk-* в хеттском. Оттен, основываясь на сравнении хеттского языка с близко родственными ему лувийским и палайским языками и на исследовании древнехеттских текстов, приходит к выводу, что распространение суффикса *-šk-* в хеттском языке относится к позднему периоду развития хеттского языка [2]. Оттен в то время считал, что в 75 строках древнехеттской надписи царя Аниттаса ни разу не встречается итеративная форма на *-šk-*, что представляет разительный контраст с исключительно частым употреблением форм на *-šk-* в новохеттских текстах [3]. В свете этих фактов становится очевидной несостоятельностъ приведенной выше гипотезы Боссерта.

Наличие в лувийском языке итеративного суффикса *-šš-*, соответствующего хеттскому итеративному суффиксу *-šš-*, следует рассматривать как доказательство общехетто-лувийского характера этого суффикса. Суффикс *-šš-* в хеттском языке в древний период развития этого языка выступал в той же

связанные с исследованием индоевропейских черт ликийского языка, нуждается еще в дальнейшем изучении.

[1] *H. Th. Bossert.* Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe (5. Fortsetzung) // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1953. Bd. II. H. 3. S. 310.

[2] *H. Otten.* Hethitisch und Indogermanisch // Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse / Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1953. Jg. 2. H. 5. S. 327. Вопрос о суффиксе *-šš-* Оттен не рассматривает.

[3] *H. Otten.* Там же. К этим наблюдениям Оттена следует добавить, что в надписи Аниттаса засвидетельствована форма *ha-li-iš-ši-i̯a-nu-un* (2 BoTU 7 + 30, 58), возможно, образованная от *ḫališša-* (глагол на *-šš*, производный от *ḫaliu̯a-* ʻстановиться на колени’?).

функции, что и суффикс *-šk-*. В хеттском языке, как и в кучанском, от одной и той же глагольной основы могли быть образованы синонимичные производные на *-š-* и на *-šk-*: ср. *ḫalzešša-* и *ḫalzešk-* (от *ḫalzai* ʻзвать’), *šišša-* и *šiḭešk-* (от *šiḭai-* ʻотпечатывать’), ср. также *ešša-* и редкое *ešk-* (от *iḭa-* ʻделать’, см. ниже). Эти синонимичные производные противопоставляются друг к другу в морфологическом отношении: глаголы на *-šk-* принадлежат к спряжению на *-mi*, тогда как глаголы на *-š-* принадлежат к спряжению на *-ḫi*.

Изучение истории хеттского языка показывает, что число таких пар синонимичных (итеративных) глаголов на *-s-* и на *-sk-* в дописьменный период было значительно больше, но позднее формы глаголов на *-s-* могли вклиниться в парадигму корневого глагола (см. в § 2 об *eš-* и в § 18 о *naiš-*) или же глагол на *-š-* мог стать непроизводным глаголом, утратив связь с корневым глаголом и с параллельным производным от нее (см. в § 17 об *arš-*). В обоих случаях параллелизм древних производных (*ed-š-* и *ed-šk-*, *nai-š-* и *nai-šk-*, *arš-* и *ar-šk-*) нарушался, что было связано с отмиранием глагольного суффикса *-š-*. Суффикс *-šk-* в новохеттском языке становится исключительно употребительным и продуктивным, тогда как суффикс *-š-* встречается редко. В этом отношении новохеттский язык ближе к кучанскому языку, чем к карашарскому. Но все же и в кучанском языке глаголы на *-s-* играют гораздо большую роль, чем в хеттском. В хеттском языке формы на *-šk-*, образование которых стало возможным почти от каждого глагола, получили полное преобладание над синонимичными формами на *-š-* (ср. прямо противоположный процесс в карашарском языке). То обстоятельство, что в хеттском языке глагольный суффикс *-šš-* принадлежит к числу отмирающих словообразовательных средств, делает вероятным предположение, что к этому суффиксу восходит окаменевший формант *-š-*, выделяемый в некоторых глагольных основах [1]. В этом отношении особый интерес предоставляет глагол *au-*/*u*/*š*/- ʻвидеть’. В некоторых формах этого глагола выступает основа *auš-*. Давно уже обращено внимание на то, что основы *au-* и *auš-* во многих случаях равнозначны основе *ušk* (*au-*/*u-* + *šk*) [2]. Различие между *auš-* и *ušk-* сказывается только в спряжении: *auš-*

[1] Вопрос об окаменевшем форманте *-s-* в хеттском глаголе исследовал Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. S. 94—97). Педерсен не учитывал связей этого окаменевшего форманта с суффиксом *-šš-* в производных глаголах типа *ešša-*; кроме того, ему остались неизвестны хеттско-кучанско-карашарские соответствия в отношении суффикса *-s-*. Но тем не менее, Педерсен сделал ряд ценных выводов, в частности, установил принадлежность в древности глаголов на *-s-* к спряжению на *-ḫi* (что подтверждается исследованием глаголов типа *ešša-*, которые Педерсен не изучал).

[2] *W. Couvreur.* Les derivés verbeaux en *ske*/*o* du hittite et du tocharien. P. 95. Производный *ušk*, как и *auš-*, стал неразложимой основой, благодаря чему стало возможным образование вторичной итеративной формы *uškišk-* (ср. *šeškisk* от *šešk-*).

принадлежит к спряжению на *-ḫi*, *ušk-* — к спряжению на *-mi*. Такое морфологическое различие характерно для противопоставления хеттских производных глаголов на *-šk-* и на *-šš-*: все глаголы на *-šk-* принадлежат к спряжению на *-mi*, все глаголы на *-šš-* принадлежат к спряжению на *-ḫi*. Поэтому соотношение глаголов *au*/*u-* : *auš* (спряжение на *-ḫi*) : *ušk-* (спряжение на *-mi*) тождественно соотношению *ḫalzai-* : *ḫalzešša-* (спряжение на *-ḫi*) : *ḫalzešk-* (спряжение на *-mi*). Результаты такого морфологического анализа указывают на то, что в *auš-* корнем является *au-*, а *-š-* — суффикс, исторически тождественный суффиксу *-šš-* в *ešša-* и т. п. Этот вывод подтверждается благодаря сопоставлению с лувийским языком, где засвидетельствован глагол *aui-*/*aua-* ʻвидетьʼ [1], соответствующий хет. *au* в *au-š-* ʻвидетьʼ. Таким образом, в таком глаголе, как *auš-*, древний суффикс *-š-* сросся с корнем в процессе развития хеттского языка.

Подводя итоги рассмотрению вопроса о хеттских глаголах на *-š-* и на *-šk-*, можно сделать следующие выводы: в хетто-лувийских языках имеется глагольный суффикс *-š*(*š*)-, по своей функции близкий к итеративному суффиксу *-šk-*. Тесная связь суффиксов *š*(*š*) и *šk* в хеттском языке, аналогичная связи суффиксов *-s-* и *-sk-* в кучанско-карашарских языках и в других индоевропейских языках, позволяет установить, что хеттский суффикс *-š-* восходит к тому же общеиндоевропейскому суффиксу, что и кучанское *-s-* (в хет. *lukk-eš-*, соответствующем кучанскому *luks-*, представлен, следовательно, тот же индоевропейский суффикс **es*/*s* с другой огласовкой). Суффикс *-s-*, играющий существенную роль в древнехеттском языке (по-видимому, и в лувийском), постепенно становится отмирающим словообразовательным средством. В некоторых глаголах спряжения на *-ḫi* можно обнаружить мертвый суффикс *-s-*, сросшийся с корнем в процессе развития хеттского языка после его выделения из хетто-лувийской общности.

Эти выводы, в сочетании с рассмотренными выше фактами кучанско-карашарских языков, позволяют дать точный исторический анализ хеттской глагольной основы *paḫš-*. Хет. *paḫš-* относится к спряжению на *-ḫi*, что делает вероятной принадлежность этого глагола к числу глаголов с суффиксом *-s-* [2], сросшимся с корнем в результате процесса опрощения на относительно позднем этапе развития хеттского языка (ср. выше об *auš-* : лув. *au*(*i*)-) [3].

---

[1] Об этом лувийском глаголе см.: *B. Rosenkranz.* Der gegenwärtige Stand der Erforschung der luvischen Sprache // Bibliotheca Orientalis. IX. № 5/6. S. 161, примеч. 5; ср. также: *Otten.* Luv. C. 79, примеч. 92.

[2] К числу глаголов с формантом *-s-* хет. *paḫš-* относил Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. P. 97, 187), но он не дал обоснований этой гипотезы.

[3] Ввиду того, что хет. *auš-* в лувийском соответствует глагол, в котором *-s-* еще не срослось с корнем, представляет особый интерес лувийская форма *pa-aḫ-ḫi-it-ta-ru*

Рассмотренные выше факты позволяют изучить историю глагольных основ, родственных хет. *paḫš-*. Кучанско-карашарское соотношение суффиксов *-s-* : *-sk-*, аналогичная связь хеттских суффиксов *-š-* и *-šk-* и давно уже замеченный параллелизм суффиксов *-s(o)-* и *-sk(e/o)-* в других индоевропейских языках позволяет сделать вывод, что индоевропейские суффиксы *-s-* и *-sk(e/o)-* были очень близки по своим функциям [1]. В древних индоевропейских языках встречаются случаи, когда образованию на *-s-* в одних языках соответствует образование на *-sk-* в других языках; в кучанско-карашарских и хеттском языках такие параллельные основы на *-s-* и на *-sk-* встречаются в пределах одного языка (хеттское *ḫalzešša-* : *ḫalzešk-* и т. п.). В свете этих фактов оказывается возможным объяснение соотношения между хеттским *paḫš-*, славянским *pas-* и карашарским *pās-*, с одной стороны, кучанским *pāsk* и латинским *pasco*, с другой стороны. В одних из этих глаголов представлена основа с суффиксом *-s-*, в других — основа с суффиксом *-sk-*. Происхождение хеттского *paḫš-* из *paḫ-š-* (где *-s* — суффикс, синонимичный *-sk-*) объясняет принадлежность этого хеттского глагола к спряжению на *-ḫi* (характеризующего производные глаголы на *-š-*, в отличие от глаголов на *-šk-*).

(KUB XXXV 49 пер. ст. IV 3). Эта медиопассивная форма 3 л. ед. ч. повел. накл. образована от глагола *paḫḫ(i)-*. Учитывая то, что для *paḫš-* и родственных глаголов в латинском и кучанско-карашарском языках характерно спряжение по медиопассивному типу (см. выше), можно было бы сопоставить хет. *paḫš-* с лув. *paḫḫ(i)-*, ср. хет. *auš-* : лув. *au(i)-*. Значение ʻпусть (он) защитит’ соответствует контексту, в котором употреблена данная лувийская форма: в этом лувийском ритуале (KUB XXXV 49 = LTU, с. 51) речь идет об охране от «злых языков». Форме *paḫḫittaru* в строке 3 предшествует в строке 2 существительное EME-*in-zi* ʻязыки’; значение данного места ритуала (к сожалению, сильно поврежденного) может быть: «(от) языков... да защитит». Но ввиду плохой сохранности данного текста значение *paḫḫ(i)-* не может считаться твердо установленным.

[11] Бругман склонен был истолковывать связь суффиксов *-s(o)* и *-sk(e/o)* как свидетельство происхождения *-ske/o* из *-s* + *-ko* (о глагольном суффиксе *-k-* см.: *Мейе.* Введение. С. 237). В пользу этого предположения говорит то, что в ряде языков в той же функции выступает *sto* (из *s* + *to*, по предположению Перссона: *P. Persson.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. T. I. S. 340), ср. ниже об иероглифическом хеттском *-st-*. Характерно также и то, что суффикс *-s-* и в хеттском и в кучанском языке является малоупотребительной архаичной словообразовательной морфемой; в других индоевропейских языках этот суффикс становится мертвым формантом. Исключение представляет только карашарский язык, но распространение суффикса *-s-* в этом языке является поздним явлением, объясняемым особенностями фонетического развития карашарского. Таким образом, имеются доводы, говорящие в пользу большей древности суффикса *-s-* (по сравнению с суффиксом *-ske/o*). Но в настоящее время было бы преждевременным делать окончательные выводы по этому вопросу. Предстоит еще внимательно изучить соотношение этих суффиксов, их функциональную связь и различия между ними.

Предложенное объяснение рассматриваемых явлений может быть применено и к фактам латинского языка. Давно уже было замечено, что латинские формы *pāstum* и *pāstor* трудно объяснимы, если исходить из глагольной основы, представленной в *pā-sco* и *pā-vi* (по образцу (*g*)*nōsco* и *nōtor*, *scīsco* и *scī-tum* следовало бы ожидать **patum* и **pātor*). Делались попытки объяснять неправильное образование форм *pāstum* и *pāstor* тем, что они были образованы от основы настоящего времени (на *-sco*), причем сочетание *sct* упростилось в *st* (**pāsc-tos* > *pāstus*) [1]. Но это объяснение нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительным, так как предполагаемые здесь процессы не подтверждаются другими данными. Поэтому Мейе и Эрну пришли к выводу, что следует исходить из двух форм корня: *pā-* в *pā-sco*, *pā-vi* и *pā-bulum* ‘корм, пища (то, что служит для пастьбы)’ [2] и *pās-* в *pās-tum* и *pās-tor*. Поскольку рассматриваемые в настоящей работе факты Мейе и Эрну известны не были, они пришли к выводу, что основа *pās-* нигде, кроме латинского языка, не засвидетельствована [3]. Но известные в настоящее время данные позволяют связать латинскую основу *pās-* с соответствующими глагольными основами хеттского, карашарского и славянских языков. Сходство латинских фактов с кучанско-карашарскими и хеттскими тем более понятно, что давно уже замечена близость морфологии италийских и кучанско-карашарских (а отчасти и хеттского) языков. Установленные соотношения между родственными формами индоевропейских языков можно представить следующим образом:

Группа языков	Основа на *-š-*	Основа на *-šk-*
Славянская	ст.-сл. **пасѫ-ти**, **пас-ѫ** рус. *нас-ти*, *нас-у*	
Хеттский («анатолийская»)	*paḫš-*	
Кучанско-карашарская	карашарск. *pās-*	кучанск. *pāsk-*
Италийская	лат. *pās-tum* лат. *pās-tor*	лат. *pā-sco*

Существование параллельных основ *pā-s-* и *pā-sk-* в языках одной и той же группы (кучанско-карашарской) и даже в одном и том же языке (латинском) указывает на то, что морфологическое опрощение глагольной основы с

[1] *F. Sommer.* Handbuch der Lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914. S. 256, 501; *R. Kent.* The Forms of Latin. Baltimore, 1946. P. 133.

[2] «Ce qui sert à nourrir ou à faire paître»: *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3ème éd. Paris, 1951. P. 861.

[3] *A. Ernout, A. Meillet.* Указ. соч. P. 862.

суффиксом *-s-* осуществилось в отдельных индоевропейских языках на относительно позднем этапе их развития. В отношении хет. *paḫš-* эта датировка подтверждается принадлежностью *paḫš-* к спряжению на *-ḫi*, что сближает *paḫš-* с таким глаголом, как *auš-*, где опрощение произошло в период, непосредственно предшествующий созданию письменных памятников (ср. выше). Глаголы, в которых слияние **-s-* с корнем осуществилось в более ранний период, могут в хеттском языке относиться к спряжению на *-mi*.

Латинский язык имеет особое значение для решения данной проблемы, так как в латинском наряду с *pās-* засвидетельствована непроизводная основа *pā-* (в *pā-vi*, см. выше). С латинским *pā-* в *pā-vi* и *pā-sco* ʻпасуʼ часто сближают индоиранское *pā-* (др.-инд. *pā-ti* ʻ(он)бережет, защищает’). Ввиду того, что глаголы, родственные хет. *paḫš-* в славянских, латинском и карашарском языках имеют значение «пасти», для данной этимологии существенно то, что древнеиндийское *pā-* ʻзащищать’ часто употребляется, когда речь идет о защите скота, ср. сложные слова *go-pā-* ʻпастух, защитник’ (часто употребляется в «Ригведе») и *paśu-pā-* ʻпастух’. Оба эти сложных слова буквально означают «защитник скота»; в этой связи следует указать на то, что армянское *hoviw* ʻпастух’ обычно возводится к *ovi-pa-* ʻзащитник овец’[1]. Для сопоставления разбиравшихся выше хеттского и кучанско-карашарского слов с индоиранским корнем *pā-* значительный интерес представляет авестийское сложное слово *pāpo.vašah* ʻтот, кто произносит защитительное слово; тот, чье слово дает защиту’ [2] (Yasn. 57, 20). Употребление производного от *pā-* в этом сложном слове можно сопоставить с употреблением *paḫš-* в некоторых хеттских текстах (см. выше). Редупликация в древнеиранском производном *pāpo-* может быть сравнена с удвоением, характерным для кучанско-карашарских производных от *pās*, *pāsk-*, ср., напр., причастие прошедшего времени: кучанское *papassu*, карашарское *papsu*. Древнеиранское *pātar* ʻзащитник (о боге)’ по своей структуре соответствует лат. *pas-tor* ʻпастух’.

Рассмотрение древнеиндийских и древнеиранских производных от корня *pas-* делает очень вероятной гипотезу о генетическом тождестве этого индо-иранского корня непроизводной основы *pā-*, *paḫ-*, выделяемой в хеттском *paḫ-š-*, кучанском *pā-s-*, карашарском *pā-sk-*, латинском *pā-sco*, *pā-vi-*, *pā-s-tum* и рус. *nac-mu* [3].

---

[1] *A. Meillet.* Esquisse d’une grammaire compareé de l’arménien classique. 2ème éd. Vienne, 1936. P. 31; *Benveniste.* Origines. P. 168; *Ачарян.* История армянского языка. Ереван, 1941. С. 60. В настоящее время архетип следует представлять как **Hovi-paH-* (см. ниже об иероглифическом хеттском соответствии армянскому *hovi-*).

[2] См.: *Chr. Bartholomew.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. S. 888.

[3] Что касается греческого πῶυ ʻстадо’, сближаемого иногда с др.-инд. *pāti* и лат. *pāsco*, это сопоставление нельзя считать достаточно достоверным, так как индоевропейские **ō* и **ā* не могут быть непосредственно приравнены друг к другу. Ср., однако, гипотезу Бенвениста, Origines, с. 158.

§ 28. Глагол на *-*es*- *u̯eš*-

Глагол *paḫš*- и некоторые другие указанные в предыдущем параграфе глаголы с суффиксом -*š*- в хеттском языке принадлежат к спряжению на -*ḫi*. К спряжению на -*ḫi* принадлежали производные глаголы на -*aš*(*a*)- типа *ešša*-, *ḫalzešša*- и глаголы, ставшие непроизводными в дописьменный период истории хеттского языка (после его выделения из хетто-лувийского), см. в § 2 об *ez*- < **ed-s*-, в § 18 о *nai-š*- в § 27 об *au-š*-. Но некоторые другие глаголы с окаменевшим формантом -*es*-/-*s*- принадлежат в хеттском языке к спряжению на -*mi*. Педерсен, впервые установивший связь глаголов на -*s*- со спряжением на -*ḫi*, предполагал, что спряжение некоторых глаголов с суффиксом -*es*- по типу спряжения на -*mi* является результатом вторичного развития[1]. Это предположение справедливо по отношению к таким глаголам, как *mau-š*- ʻпадать’, принадлежавшим к тому же типу, что *au-š*- ʻвидеть’, ср. *au-š*-: *u-šk*-: *au*- (лув. *aui*-) и *mau-š*-: *mau-šk*-: *mummiia*- < **mu̯iia*-[2]. Переход в спряжение на -*mi* из другого типа можно предполагать и по отношению к глаголу *ar-š*- (см. § 17).

Но некоторые глаголы с суффиксом -*es*- принадлежали к спряжению на -*mi* уже в глубокой древности, как показывает сравнение хет. *u̯eš*- ʻодевать(ся)’ с родственными словами других индоевропейских языков.

Хеттский глагол *u̯eš*- ʻодевать, одеваться’, соответствующий лувийскому *u̯aš*-, спрягается по типу спряжения на -*mi*. В хеттском известны и активные, и медиопассивные формы этого глагола, в то время как в лувийском языке достоверно известны только медиопассивные формы глагола *u̯aš*- ʻодеваться’[3]. Медиопассивные формы данного хеттского глагола, напр. 3 л. ед. ч. наст. вр. *u-e-eš-ta* (KUB IX 28 X 15), имеют соответствия в других древних индоевропейских языках: др.-инд. *váste*, авест. *vaste*, гр. (ϝ)*ἕσται*, см. в § 12 об аналогичных соответствиях медиопассивным формам хет. *ki*- в индоиранском и греческом; следовательно, принадлежность глаголов *u̯eš*- и *ki*- к одному типу спряжения (на -*mi*) подтверждается данными родственных языков. Семантическое соотношение между активными формами хеттского глагола *u̯eš*-

[1] *Pedersen.* Hittitisch. P. 94—97.

[2] *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. P. 42. Независимо от Гётце наличие форманта -*š*- в глаголе *mauš*- показал Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. P. 172), но сопоставление с лат. *moveo*, принимаемое Педерсеном вслед за Стертевантом, нельзя считать бесспорным с семантической стороны. С формами типа *mauš-zi* (спряжение на -*mi*) можно сравнить формы типа *auš-zi*, которые также нельзя считать первичными (ср. *au-š-ta* по типу спряжения на -*ḫi*).

[3] Вопрос о хет. *u̯eš*- и лув. *u̯aš*- подробно рассматривается в монографии: *Otten.* Luv. P. 41—43 (с указанием литературы вопроса). Относительно лув. *u̯ašša*-, которое Оттен связывает с данным корнем, см. выше, § 23.

‘одевать’ и медиопассивными формами со значением «одеваться» имеет точное соответствие в кучанско-карашарском, но характер спряжения тематического глагола *wäs-* ‘одевать(ся)’ в кучанско-карашарском изменился и отличается от атематического типа, по которому образуются формы родственных глаголов в древних индоевропейских языках [1], в том числе в хеттском.

Наряду с глаголом *u̯eš-* ‘одевать(ся)’ в хеттском языке имеется производный глагол *u̯eš-iia-*, который можно сравнить с гот. *wasjan* (слабый глагол I класса) и другими однотипными глаголами древних германских языков, ср. также др.-инд. *vasaya-i* (каузатив от *vas-*). Глагол *u̯eš-/u̯aš-* ‘одеваться’ в хеттском языке (как и в других древних индоевропейских языках) был непроизводным, но сравнение с равнозначными глаголами, образованными от корня *eu-* (лат. *ex-uo* ‘раздеваю’, ст.-сл. **об-оути** и т. п.) позволяет установить наличие в этом глаголе суффикса *-es-* [2], который слился с корнем, по-видимому, уже на раннем этапе развития индоевропейских диалектов (задолго до создания древнейших письменных памятников). Морфологическая структура производного *u̯-eš-* отлична от морфологической структуры производных типа *paḫ-š*, так как в первом случае в нулевой ступени огласовки находится корень, во втором случае — суффикс. Изучение хеттских глаголов, в которых суффикс *-es-/-s-* еще не сросся с корнем, позволяет установить следующую закономерность: глаголы с суффиксом *-s-* с нулевой ступенью огласовки суффикса принадлежат к спряжению на *-ḫi*, тогда как глаголы с суффиксом *-es-* со ступенью огласовки суффикса *-e-/-o-* принадлежат к спряжению на *-mi*.

Глаголы типа *ḫalzešša-* (суффикс *-šša-* < **-so-*) принадлежат к спряжению на *-ḫi*, в то время как глаголы типа *lukk-eš-* (суффикс *es-* < **-es-*) принадлежат к спряжению на *-mi* (ср. лувийское *tiianešui*, где с суффиксом *-eš-* сочетается окончание *ui*, соответствующее хет. *mi*). Сравнение хет. *paḫ-š-* (спряжение на *-ḫi*): *u-eš-* (спряжение на *-mi*) показывает, что эта закономерность действительна и по отношению к древним производным данного типа. Таким образом, хеттский язык подтверждает правильность различения глаголов на *-s-(o)-* и глаголов на *-es-*, которое проводилось в работах по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков задолго до открытия фактов

[1] О спряжении кучанского *wäs-* см.: *W. Krause.* Das Verbum. S. 290; о карашарском см.: SSS. § 439. S. 355. Зиг, Зиглинг и Шульце относят *wäs-* к числу таких же «сигматических корней», как *pās-*. Формы, соответствующие тематическим формам глагола *wäs-*, можно найти в индоиранском (*usa-mana-*), но это сходство может объясняться параллельным развитием, т. е. переходом атематического глагола в тематический тип, которое могло осуществиться параллельно в двух языках (кучанско-карашарском и индоиранском).

[2] См.: *Brugmann.* Grundriss. S. 339; *Мейе.* Введение. С. 387 (и с. 389, но ср. непоследовательное причисление *wes-* к «корням» на с. 215).

хеттского языка [1]. Но эти два типа глаголов тесно между собою связаны, так как в них представлен один и тот же суффикс (но в двух разных вариантах), ср., напр., в § 10 о связи хет. *lukk-eš*- с кучанским *luks*-.

§ 29. Глагол на *-*es*- *kalleš*-

К числу хеттских глаголов спряжения на -*mi*, в которых суффикс -*es*- сросся с корнем, относится глагол *kalleš*- ʻзвать’ [2]. От непроизводной основы *kalleš*-, встречающейся уже в архаичных текстах (ср., напр., *ša-ra-a kal-li-iš-ta* ʻ(он) воззвал’, KUB XVII 6 I 1 — миф об Иллуянкасе), образовано отглагольное существительное *kallištar* ʻприглашение’, которое, по-видимому, в свою очередь лежит в основе некоторых производных [3]. Это показывает, что основа на -*es*- принадлежит к числу древних производных от данного корня. Такой вывод подтверждается благодаря сравнению с формами, образованными от этого корня в греческом языке. Еще до обнаружения в хеттском языке глагола *kalleš*-, родственного греч. *καλέω* ʻзову’ (также ʻприглашаю’), было установлено, что некоторые греческие формы (*καλέσαι*) отражают древнюю глагольную основу на -*es*- [4]. Следует отметить морфологическое тождество хеттских и греческих глагольных основ, входящих в число глаголов говорения: хет. *ɥeriia*- (§ 25) и хет. *kalleš*-. Учитывая тесную связь суффиксов -*s*- и -*sk*-, хеттское *kalleš*- можно сопоставить с формой *καλέσκετο* (0 338). Другие греческие формы [5], а также лат. *calo* ʻсозываю’ [6] указывают на то, что наряду с основой на -*es*- в древних индоевропейских языках существовали и другие произведенные от данного корня глагольные основы, которые, однако, в хеттском языке не представлены.

§ 30. Глагол *damaš*-

К глаголам с суффиксом -*es*-/-*s*-, принадлежащим к спряжению на -*mi*, относится *tamaš*- ʻтеснить, притеснять, угнетать’. Предположение о суффик-

[1] См.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 3. Lief. 1. § 256. S. 337—340.

[2] Значение установил: *Zuntz.* Atti del Reale Instituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. T. 96. P. 540.

[3] См. относительно *gallištarɥanili*: *A. Gurney.* Hittite Prayers of Mursili II // Annals of Archeology and Anthropology. Liverpool, 1940. P. 27, 87, но ср. также другую точку зрения, высказанную Фридрихом: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 95.

[4] Кейпер восстанавливал для этих греческих форм архетип **qḷḷ-es*-, см.: *F. Kuiper.* Beiträge zur griechischen Etymologie und Grammatik // Glotta. 1932. Bd. XXI. H. 3. S. 285.

[5] См.: *S. Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. I. 1939. S. 841; *F. Specht.* KZ. B. 59. S. 85 след.

[6] См. об этимологических связях этих слов: *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 6. Bern, 1951. S. 549.

сальном характере *-s-* в этом глаголе можно сделать уже на основании сравнения с итеративной основой *tamašk-*, см., напр., форму *dam-ma-aš-kán-zi* во фрагменте договора 1507/c + 2603/c[1]. Сравнение основ *tamaš-* и *tamašk-* только делает вероятней предположение о суффиксальном характере *-(a)š-* в данном глаголе, но не доказывает его, так как итеративная форма *šešk-* от *šeš-* указывает и на возможность происхождения *tamašk-* из *tamaš-* + *-šk-*. Доказательство того, что *tamaš-* в древности являлось производной основой, можно извлечь из сравнения с родственными словами других индоевропейских языков: гр. *δάμνημι*, *δαμάζω*, др.-инд. *damiayati*, лат. *domo*. В большинстве древних индоевропейских языков слова этого корня имеют значение «укрощать», в греческом (и ведийском) засвидетельствовано также значение «покорять, побеждать», близкое к значению хет. *tamaš-* в анналах Мурсилиса (напр., KBo III 4 II 75)[2]. Эта этимология, в настоящее время общепризнанная, позволяет доказать суффиксальный характер *-š-* в *tamaš-*[3]. Сигматические (аористические) формы, образованные от данного корня, имеются в греческом (*ἐδαμασα*)[4]. В греческом, как в других древних языках, данный корень выступает в виде «двуслогового» (ср. др.-инд. *dami-tr-* ‘укротитель’ и т. п.) с конечным **ə* (др.-инд. *-i-*, греч. *α*). Вопрос об отражении **ə* в хеттском языке очень сложен (ср. гл. II), но, во всяком случае, нет достаточных оснований для того, чтобы анализировать *tamaš* как *tama-š-* (где второе *-a-* < **-ə-*). Поскольку для хеттских глаголов с суффиксом *-es-/-s-*, принадлежащих к спряжению на *-mi*, характерна нередуцированная огласовка суффикса (см. § 28), в хет. *tamaš-* с большим вероятием можно выделить суффикс *-as-* < **-e/os*)[5].

---

[1] Напечатан: *H. Otten.* Mitteilungen des Institute für Orientsforschung. Bd. I. H. 1. Berlin, 1953. S. 128.

[2] Можно отметить также сходство в специфическом употреблении *tamaš-* во фрагменте Bo 2567 I 2 и I 14 (*H. Otten.* Там же. S. 125) и в употреблении в «Иллиаде», Γ 301.

[3] О суффиксе *-es-/-s-* в этом глаголе см.: *A. Vaillant* // BSL. T. 42. F. I. 1942—1945. № 124. P. 87.

[4] В *δαμασθείς* возможно другое объяснение *σ*, ср.: *П. Шантрен.* Историческая морфология греческого языка. С. 273.

[5] Косвенным доводом в пользу такой интерпретации может быть сравнение с хет. *dammešḫa-* ‘наказание’ (ср. восходящее к падежной форме этого существительного наречие *dammešḫa* ‘насильственно’, особенно показательное для семантической связи с *tamaš-*). В хеттском языке суффикс *-ḫa* не является продуктивным, но в лувийском языке имеется суффикс отвлеченных существительных *-ḫi*, который можно сопоставить с хет. *-ḫa*, учитывая частый переход основ на *-a-* в основы на *-i-* в лувийском (о лув. *-ḫi-* см.: *Otten.* Luv. S. 43, 85, 119; об основах на *-a-* и *-i-* см.: Там же. S. 34, 119). В этом случае *dammešḫa-* можно считать отвлеченным существительным,

Особый интерес представляет то обстоятельство, что от данного корня наряду с производными на *-es-*/*-s-* в древности были образованы производные с носовым аффиксом: греч. δάμνημι (архаичное по типу образования), с которым сопоставляют ирландское *dam-n-* (от *dam-* ‘страдать, допускать’) [1], ср. также др.-инд. *damanyat* (RV 925, 6). Образование от одного корня производных на *-s-* и *-sk-* и производных с носовым аффиксом было характерно для древних индоевропейских диалектов (ср. выше, § 17, о производных от *ar-* в хеттском языке). В древнейших памятниках индоевропейских языков засвидетельствован тип глагольных основ, в котором сочетается носовой аффикс с суффиксами *-s-* или *-sk-*, ср. параллелизм ведийских глаголов типа *pu-ni-ṣ-e*, карашарских глаголов на *-näs-* и *-nask-* (VIII и X классы карашарских глаголов) [2], кучанских глаголов на *-näsk-*, *nask-*, *-nask* (X класс кучанских глаголов) [3] и хеттских глаголов типа *ar-nu-šk-* (§ 17), *har-nin-k-išk-* (§ 8) и *tiia-nešk-*, соответствующего лувийскому *tiia-neš-* (§ 27). С этими типами древнеиндийских, хетто-лувийских и кучанско-карашарских («тохарских») глаголов можно сопоставить армянские глаголы типа *harcanem* [4] и греческие глаголы ὀφλισκάνω и ἀλυσκάνω, где носовой суффикс следует за суффиксом *-sk-*, а не предшествует ему, как в других диалектах (ср. также αὐξάνω от древнего глагола на *-s-* αὔξω [5], ср. § 27). Сочетание носового суффикса с суффиксами *-s-* или *-sk-* могло по-разному осуществляться в различных диалектах, но сходство этих процессов в родственных языках свидетельствует об общности исходного пункта развития.

Рассмотрение этих фактов показывает, что соотношение суффикса *-es-* в *tamaš-* и носового аффикса в δάμνημι можно связать с древними закономерностями индоевропейского словообразования.

образованным от глагола *tamaš-*/*tameš-* в эпоху, когда суффикс *-ḫa-* был продуктивным, а огласовка *-aš-* еще не была обобщена в глаголе *dam-aš-*/*-eš-*.

[1] *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. P. 325.

[2] Наличие в древнеиндийском языке соответствий этим карашарским глаголам отметил еще Kuiper в указанной выше работе: Zur Geschichte der indoiranischen *s*-Präsentia. S. 212, примеч. 2. О VIII и X классах карашарских глаголов см.: SSS. § 443. S. 357—358.

[3] *Krause.* Das Verbum. S. 96.

[4] См. об этом типе глаголов в армянском: *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 3. Lief. 1. § 228. 2. S. 315 (ср. там же об ἀλυσκάνω).

[5] Ср. также *κυ-νε-σ-μι, которое Кретчмер и другие лингвисты реконструировали на основе гомеровского κυνέω ‘целую’ : ἔκυσσα. С этим глаголом можно было бы сопоставить хет. *kuu̯aš-* ‘целовать’ (спряжение на *-mi*), ср. *kuuašk-* (*ku-u̯a-aš-kán-zi*, A Bo T 7 V 16). Но это сближение нельзя считать бесспорным, так как некоторые ученые дают другую этимологию хет. *kuu̯aš-*, сравнивая его с нем. *küssen*, англ. *kiss* и т. п., см.: *E. Polomé.* Notes sur le vocabulaire religieux du germanique // La nouvelle Clio. 1954. № 1/2. P. 42, 2f (с указанием литературы вопроса).

§ 31. Глагол *u̯aš-*

Суффиксальное *-s-*, сросшееся с корнем еще в дописьменный период истории индоевропейских диалектов, в некоторых случаях трудно отличить от *-s-*, являющегося исконной последней фонемой корня. Такая проблема возникает, в частности, при изучении хеттского глагола *u̯aš-* ʻпокупать’ [1] (спряжение на *-ḫi*: 3 л. ед. ч. *u̯asi*, KBo VI 2 II 45). В древнеиндийском, армянском, греческом и латинском языках данная основа встречается только в производном имени существительном (др.-инд. *vas-na-* ʻцена’, ср. деноминативный глагол *vasnayati* и т. п.). Ввиду того, что это производное существительное может принадлежать к типу **l*(*o*)*uk-s-no-* (от глагольной основы на *-s-*, см. § 10), давно уже выдвигалось предположение о суффиксальном характере *-s-* в **u̯e-s-no-*. В недавнее время эта гипотеза получила развитие в исследовании Краузе, который связал с **u̯e-s-no* кучанско-карашарскую глагольную основу *ws-*, *was-*, *wäs* ʻдавать’, где *-s-* является древним суффиксом (ср. формы типа *wawu*) [2]. Бенвенист выступил против этой гипотезы, ссылаясь на наличие глагола *u̯eš-* в хеттском [3]. Но Бенвенист не учитывает того, что в хеттском языке некоторые глаголы с суффиксом *-s-* стали непроизводными (§ 27—30); поэтому непроизводный характер хеттской основы *u̯aš-* еще не является опровержением гипотезы Краузе. Но вместе с тем древняя структура хеттского глагола спряжения на *-ḫi u̯aš-*, если принять гипотезу о его производном характере, остается не вполне ясной. Согласно указанной выше закономерности (§ 28) следовало бы разложить его на корень *u̯e*/o + суффикс *-s-* [4] (корень в ступени огласовки *e*/*o* + суффикс *-es-* в нулевой ступени огласовки), но до-

[1] *F. Sommer, H. Ehelolf.* Das hethitische Ritual des Papanikri von Komana. Leipzig, 1924. S. 74; *Friedrich.* Staatsverträge. S. 92, примеч. 4, ср.: *H. Ehelolf.* ZA NF. Bd. 9. 1937. S. 182, примеч. 4.

[2] *Krause.* Das Verbum. S. 185—186 (ср. парадигму на S. 224—225). С семантической стороны в пользу этой этимологии может говорить то, что значение «покупать» нельзя считать первичным по причинам исторического характера. Развитие значений «давать > покупать» вполне вероятно.

[3] *E. Benvenist.* Rec. ad op.: *W. Krause.* Westtocharische Grammatik // Journal asiatique. 1953. № 4. S. 520.

[4] В. Краузе (Указ. соч. S. 185—186) связывал *-s-* в кучанско-карашарском *w*(*a*)*s-* с приметой кучанско-карашарского претерита *-s-*. В этой связи следует отметить то, что Барроу установил связь между кучанско-карашарским суффиксом претерита *-s-* и суффиксом *-s-* хеттских глаголов спряжения на *-ḫi* (*T. Burrow.* The Sanscrit Precative // Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Leipzig, 1954. P. 39—40; недостатком работы Барроу является то, что оставлены в стороне вопросы изучения словообразовательной роли суффикса *-s-*, который исследуется только в связи с вопросами формообразования, ср. выше, § 18).

статочных подтверждений правильности такого анализа нет, так как корень *u̯e*- вне сочетаний с этим суффиксом достоверно засвидетельствован только в кучанско-карашарском (*wawu*) [1]. Поэтому в настоящее время суффиксальный характер *-š-* в *u̯aš-* ʻпокупать' нельзя считать окончательно доказанным.

§ 32. Морфологическая структура хеттских глаголов, восходящих к корню *keš*-; производная именная основа на *-ri kišri-*

Особые трудности представляет морфологический анализ глаголов, по отношению к которым можно предположить, что суффиксальное *-s-* следовало за *-s-*, являвшимся конечным согласным корня. Таким глаголом могло быть хет. *kišša-* ʻчесать, причесывать' [2], родственное рус. *чесать*, греч. *ξέω* и т. п. [3]

Хеттское *kišša*(*i*)- относилось к числу хеттских глаголов спряжения на *-ḫi*; уже Гётце установил принадлежность этого глагола к типу глаголов *ešša-*, *ḫalzešša-* [4], т. е. глаголов с суффиксом *-šša-* < **so*. Параллелизм глаголов *kišša-* и *kešk-* объясняется так же, как отмеченные в § 27 соотношения *ḫalzešša-* : *ḫalzešk-*. Но некоторые хеттские формы указывают на то, что глагол этого корня мог изменяться и по типу спряжения на *-mi* [5]. Это может быть объяснено позднейшим переходом в другой тип спряжения (ср. § 28), но возможно и

---

[1] Но ср. гипотезу о возведении рус. *вено* к *we-no* (А. *Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 108). Соотношение *we-s-no* : *we-no* в этом случае можно было бы сравнить с соотношением *l*(*e*)*uk-s-men*: *leuk-men* (§ 10), *ed-sm-*: *ed-m-*, *ed-s-l-* : *ed-l* (§ 2) и т. п.

[2] О значении этого глагола см.: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. P. 88—89.

[3] Об этимологии см.: *A. Goetze.* Там же. P. 39; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 41. Эта этимология, обоснованная в специальной хеттологической литературе, осталась неизвестной широким кругам специалистов по индоевропейским языкам. Характерно, в частности, то, что Покорный, обещавший привлечь все известные факты хеттского языка в последнем издании своего словаря, тем не менее обходит молчанием хеттское *kišša*(*i*), см.: *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 7. Bern, 1953. S. 585, s. v. *kes-*, ср. также: *F. Slawski.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Zeszyt 2. Kraków, 1953. C. 120. Это отрицательно сказывается на этимологических исследованиях; в частности, утверждение Ф. Славского (Указ. соч. С. 120) о том, что первоначальным значением корня **kes-* было только «*ryć*, *kopać*, *skrobać*» («рыть, копать, скрести») противоречит результатам сравнения семантически тождественных хет. *kišša*(*i*), рус. *чесать* (и родственных слов с тем же значением в других славянских языках), греч. *ξαίνω* ʻчешу' (сочетается с *εἴριον* ʻшерсть' у Гомера, *χ* 423), ср. также ниже об ирландском *cir* ʻгребень'.

[4] *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 88—89.

[5] *A. Goetze.* Там же.

другое объяснение: наряду с производным на *-*so*- > -*šša*- в хеттском языке могли существовать и другие производные от *keš*-, *kiš*-. В пользу второго объяснения говорит сравнение с греч. *ξέω*, *ξεστός*, *ξέσσαι*, где отражена основа **ks-es*-; в хеттской *kišša*- можно видеть основу **kes-s*-(*o*)-, аналогичную **ks-es*-. Это подтверждается тем, что другие производные от данного корня оказываются однотипными в хеттском и других индоевропейских языках.

Как показал Гётце, с хет. *kišša*(*i*)- ʻчесатьʼ связано существительное *kišri* ʻвид шерстиʼ [1] (пишется с детерминативом SÍG, ставящимся перед названиями изделий из шерсти). Существительное *kiš-ri*- принадлежит к тому же типу имен, что и рассмотренные выше *eš-ri*-, *ed-ri*-; как отмечалось выше, именам с суффиксом *-ri*- могут соответствовать имена с суффиксом *-ro*- (*-rā*-) в других родственных языках. Поэтому с хет. *kiš-ri* можно сопоставить ирландское *cīr* ʻгребеньʼ < **kēs-rā*- (со значением этого производного от **kes*- ср. значение др.-рус. **чесало** ʻгребеньʼ). Хет. *kiš-ri*- и ирландское *cir* < **kēs-rā* соотносятся так же, как ст.-сл. **выдра** < **ūd-rā* и латыш. *udri*, *ûd-ri*-(*s*) ʻвыдраʼ (корень **u̯ed*-, см. ниже):

Основа на *-rā*	Основа на *-ri*
ст.-сл. **выдра**	латыш. *ûd-ri*-
ирл. *cīr* < **kes-rā*-	хет. *kiš-ri*- [*kes-ri*]

Сравнение производных от этого корня в хеттском и других индоевропейских языках приводит к выводу о том, что соотношение *kišša*- : *kešk*- не доказывает суффиксального характера конечного *-s*- в *kes*-, так как *kišša*- можно возводить к **kes-s*(*o*)-, а *kešk*- может быть аналогично *šešk*- от корня *šeš*- (§ 14), т. е. **kesk*- < **kes-sk*-.

§ 33. Глагол *dušk*-

Анализ таких производных, как *kešk*- (§ 32) и *šešk*- (§ 14), показывает, что структура производных на *-sk*- от корней, оканчивавшихся на *-s*-, изменялась вследствие фонетического развития *-s-sk*- > *-sk*- > *-šk*-, напр. *ses-sk*- > *šešk*-. В хеттском языке поэтому в некоторых случаях бывает затруднительным определение первоначального состава корня в производных на *-sk*-, в частности, в тех производных, образование которых относится к дописьменному периоду истории языка.

[1] *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 89. Морфологической структуры существительного *kiš-ri*- Гётце не касается.

Число древних производных с суффиксом *-šk-* в хеттском языке значительно меньше числа древних производных с суффиксом *-š-*, так как распространение суффикса *-šk-* осуществилось на относительно более позднем этапе развития хеттского языка (см. выше, § 27, о результатах работ Оттена). Но в § 2 отмечалось наличие соответствий в других индоевропейских языках (балтийских и италийских) хеттскому производному на *-sk-* от корня *ed-*, которое засвидетельствовано в древнейших хеттских памятниках. К дописьменной эпохе развития хеттского языка следует отнести и образование глагола *dušk-* ‘радоваться’ [1].

В письменный период развития хеттского языка глагол *dušk-* выступает в качестве непроизводного. Суффикс *-šk-* в *dušk-* уже не выделялся, поэтому стало возможным образование итеративной основы *duškišk-* [2], ср. такое же сочетание двух суффиксов *-šk-* — омертвевшего и живого — в основах *šeškišk-* (от *šeš-*, ср. *šešk-*, § 14) и *uškišk-* (от *au-*/*u-*, см. § 27) [3]. Во всех трех случаях (*šeškišk-*, *uškišk-*, *duškišk-*) присоединение второго суффикса *-šk-* объяснялось омертвением суффикса в первоначально производной основе, осуществившегося под влиянием различных факторов: в основе *šešk-* — вследствие фонетического развития **šeš-šk-* > *šešk-*; в основе *ušk-* — вследствие того, что после омертвения форманта *-š-* в *auš-* возникло соотношение производной основы *ušk-* и непроизводной основы *auš-* (первоначально глагола на *-š-*, § 27), аналогичное соотношение *šešk-* : *šeš-*; в основе *dušk-* — вследствие того, что данный производный глагол уже не соотносился с соответствующим непроиз-

[1] Об этом глаголе, его значении и употреблении в хеттских текстах см.: *Sommer.* HAB. S. 83, 148, 247.

[2] О *duškišk-* см.: *Sommer.* HAB. S. 148, 247.

[3] Для характеристики хеттского словообразования, отличительной особенностью которого является нанизывание целого ряда суффиксов, чрезвычайно показательно отвлеченное существительное *uškiškatallatar* ‘служба дозорного’ (*A. Götze.* Madduwattas. Leipzig, 1928. S. 108), где можно выделить корень *u-* (ср. глагол *au-*/*u-* ‘видеть’), омертвевший формант *-šk-* (ср. глагол *ušk-*, синонимичный корневому глаголу *au-*/*u-*), суффикс *-šk-* (ср. итеративный глагол *uškišk-* ‘посматривать, наблюдать’), суффикс имени деятеля *-talla-* (ср. *uškiškatalla-* ‘наблюдатель, сторожевой’) и суффикс отвлеченного имени существительного *-(a)tar*. Следовательно, за корнем в этом слове следует один омертвевший формант и три живых суффикса, ср. аналогичные явления в кучанско-карашарском («тохарском»): кучанское *cämp-am-ne-tste* ‘имеющий способность’, где за корнем *cämp-* (*cämp-* ‘быть способным’) следует суффикс *-am*(*o*) (*cämp-amo-* ‘способный’), суффикс *-ne* (*cämp-am-ne* ‘способность’) и суффикс *-tste* (ср.: *W. Krause.* Tokharian Studies in Germany // Word. 1948. Vol. 4. № I. P. 52). Ср. также замечание А. Мейе о том, что за индоевропейским корнем в древних языках могло следовать «неограниченное число суффиксов»: *А. Мейе.* Введение. С. 172 (ср. также о латинском *ama-si-uncu-lu-s*: *L. Gray.* Foundations of Language. New York, 1939. P. 156).

водным глаголом. Следует отметить, что аналогичное явление — присоединение к основе на *-*ske*/*o*- второго суффикса *σκ* — наблюдается и в греческом: гомеровск. *βοσκέσκετο* (*μ* 355) от *βόσκω* ʻкормлю’ (: *βώτορ*). В обоих родственных языках можно выделить два хронологических пласта основ на *-sk-*: более древний, восходящий к дописьменному периоду истории языка, и более новый, обусловленный распространением итеративных основ на *-sk-* в относительно поздний период развития хеттского языка и некоторых греческих диалектов (в частности, в языке гомеровского эпоса). Этим объясняется возможность сочетания двух суффиксов *-sk-* в одном глаголе типа хет. *duškišk-* или греч. *βοσκέσκετο*.

От основы *dušk-*, ставшей непроизводной, было образовано не только итеративное *duškišk-*, но и производная глагольная основа *tuškara-* (инфинитив *tuškar-anna-* ʻрадоваться = для радости’), от которой в свою очередь произведено отвлеченное отглагольное существительное *duška-ratt-* ʻрадость’ (ср. *naḫšaratt-* ʻбоязнь’ : *naḫšar*(*i̯i̯*)*a-* ʻбояться’; корневой глагол *naḫ-* ʻбояться’). Производное отглагольное имя *duškaratt-* засвидетельствовано в целом ряде памятников хеттского языка, но глагол *duškara-*, от которого образовано это имя, встречается крайне редко (личные формы этого глагола до настоящего времени не обнаружены в опубликованных текстах). По типу образования глагол *duškara-* должен быть признан архаичным [1]. Образование этого производного от *dušk-* следует отнести ко времени не позднее начала древнехеттского периода. Но поскольку образование этого производного от *dušk-* могло стать возможным только после морфологического опрощения (превращения *dušk-* в непроизводную основу), указанные особенности основы *duškara-* свидетельствуют о том, что морфологическое опрощение глагола *dušk-* произошло в ранний период развития хеттского языка.

Для выделения в глаголе *dušk-* суффикса *-šk-* необходимо сравнение с родственными словами других индоевропейских языков: ср. хет. *dušk-* ʻрадоваться’ и др.-инд. *tuṣ-* с тем же значением (*túṣ-yati* ʻон радуется, он доволен’). Зоммер, установивший связь этих слов, предположил, что хеттское *dušk-* восходит к *tus-sk-* [2], т. е. аналогично по своей древней структуре *šešk-* < *ses-sk-*, *kešk-* < *kes-sk-*. Но основа *dušk-* отличается от основ *šešk-* и *kešk-* в том отношении, что она стала непроизводной задолго до создания древнейших пись-

[1] Глаголы этого типа в хеттском языке являются единичными. Возможно, что *duškara-* является не непосредственно отглагольным производным от *dušk-*, а деноминативным тематическим производным от незасвидетельствованной в памятниках архаичной отглагольной основы на *-r-*, ср. *duškaratt-* и *naḫšaratt-*, *duškara-* и *naḫšar*(*i̯i̯*)*a-*, которое связывается с именной основой на *-r-* в работах Педерсена: *Götze—Pedersen.* MS. S. 61; *Pedersen.* Hittitisch. S. 187.

[2] *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 73.

менных памятников, следовательно, основа *dušk-* принадлежит к числу наиболее древних производных на *-šk-*. Ввиду того, что для древних производных на *-sk-* характерно наличие параллельных производных на *-s-* (§ 27), соотношение хет. *dušk-* с др.-инд. *tuṣ-* можно истолковать иначе, чем это сделал Зоммер: можно предположить существование древней основы **t*(*e*)*u-sk-*, параллельной основе *teu-s-*, ср. в § 2 об архаичных основах *ed-sk-* и *ed-s-* и т. п. Косвенное подтверждение такого морфологического анализа др.-инд. *tuṣ-* можно видеть в др.-инд. *tuṣnim* ʻспокойно, тихоʼ (первоначально вин. пад. ж. р. от *tuṣna*), авест. *tusna-tusni* ʻспокойный, тихийʼ (ср. авест. *tusna-maiti* и т. п.), прус. *tusnan* (ср. прус. *tussise* ʻчтобы он молчалʼ). В этих словах индоиранских и прусского языков можно видеть отражение древнего имени на *-s-no* типа *leuk-s-no-* (§ 10, ср. в § 31 о *u̯esno-*); в особенности показательно наличие основы *tusna-* в прусском языке, где широко представлены производные на *-s-no-*/*-s-nā-*. Однако объяснение Зоммера нельзя считать полностью исключенным, так как процессы, подобные предполагаемому им, действительно, имели место в глаголах типа *šešk-* и *kešk-*. Поэтому в настоящее время вопрос о древней структуре корня (*teu-* или *teus-*), отраженного в хет. *dušk-*, нельзя считать окончательно решенным [1].

§ 34. Глагол *malda-*

Выше, в § 27—33, рассмотрены хеттские глаголы с суффиксами *-š-* или *-šk-*, которые в этих глаголах можно выделить только благодаря сравнению с родственными языками. Другую группу глаголов, ставших непроизводными уже в ранний период развития хеттского языка, составляют глаголы с суффиксом *-a*(*i*)-, восходящим к тематическому суффиксу *-e*(*o*) [2].

В некоторых случаях вторичный характер *-a*(*i*)- в глаголах этого типа удается установить благодаря фактам самого хеттского языка. В частности, такие единичные формы, как *mald-i* (3 л. ед. ч. наст. вр.) ʻон молит(ся)ʼ, позволяют предположить, что хеттский глагол *malda*(*i*)- ʻмолить (о чем-либо) божество, обещая принести жертвуʼ является тематическим производным, заменившим древний корневой глагол спряжения на *-ḫi mald-* [3] (ср. в § 37 о формах *lahui* и *lahuu̯ai*).

[1] Ср. также относительно слов этого корня в славянских языках и их предполагаемой связи с основой **teu-s-* в *тухнуть* и т. п.: *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка // Тр. Ин-та русского языка. Т. I. М.; Л., 1949. С. 23—24.

[2] Ср.: *Pedersen.* Hittitisch. S. 115—121 (§ 79).

[3] *Pedersen.* Там же. S. 119. Следует, однако, учитывать, что форма *maldi* может быть орфографическим (или фонетическим) вариантом формы *maldai*. Поэтому существование корневого глагола *mald-* в хеттском языке нельзя считать доказанным.

Глаголы этого корня известны в балтийских и славянских языках. Хет. *malda*(*i*) родственно литовскому *melsti* ʻпросить’, *malda* ʻпросьба, молитва’, общеславянскому **modliti* (рус. *молить*) из **molditi* [1]. Как недавно показал Ларош, хет. *malda*(*i*) в отличие от других синонимичных хеттских глаголов обозначало «la promesse d’offrande adressée à une divinité moyennant certains blenfaits» [2] («обещание принести жертву, обращенное к божеству для того, чтобы вымолить у него определенные благодеяния»). Поэтому для сравнения с этим хеттским глаголом особый интерес представляют данные славянских языков, позволившие задолго до открытия хет. *malda*(*i*)- установить для глагола данного корня значение «просить, умолять приношением жертвы» [3], ср. в русских диалектах *молить* ʻрезать, колоть животных по известному обряду’ [4]. Сравнение значений данных глаголов в хеттском и славянских языках подтверждает правильность вывода о том, что славянский глагол **modliti* имел значение, связанное с языческой религией древних носителей этих языков (ср. чеш. *modla* ʻидол, кумир’ [5]).

Сравнение со словами балтийских и славянских языков, восходящими к данному корню, подтверждает предположение о суффиксальном характере хеттского -*a*(*i*)- в *malda*(*i*)-, которое можно сделать благодаря сопоставлению хеттских форм *maldai* и *mald-i* (ср. выше об этой форме) и именной основы *mald-uu̯ar* ʻобет’ [6]. Менее ясным является отношение к данным словам армянского *maltʻ*, имеющего близкое значение (арм. *maltʻ-ank* ʻмолебствие, моле-

[1] *E. Benveniste.* Une racine indo-européenne // BSL. 1932. T. 33. Vol. 2 (99). P. 133—135. В работе Бенвениста, отражавшей уровень хеттологии того времени, значение хеттского слова не было определено с достаточной точностью. Поэтому в работе Бенвениста и следовавшего за ним Мейе (*А. Мейе.* Общеславянский язык. С. 402) осталась неотмеченной особая близость слов данного корня в хеттском и славянских языках.

[2] *E. Laroche.* Le vœu de Puduhepa // RA. 1949. Vol. 43. № 1/2. P. 67.

[3] *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1910—1914. С. 549.

[4] Ср.: *В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. СПб.; М., 1860. С. 340; ср. также: Дополнение к опыту областного великорусского словаря. 1858. С. 115 (со ссылкой на вятские говоры).

[5] О славянском *modla* см.: *L. Niederle.* Rukovet slovanskych starožitnosti. Praha, 1953. C. 308.

[6] *E. Laroche.* Le vœu de Puduhepa // RA. 1949. Vol. 43. № 1/2. P. 66. Учитывая связь основ на -*u*(*u̯a*)*r* с основами на -*u*- (см. § 6, ср. ниже раздел о прилагательных на -*u*-), с хет. *mald-u*(*u̯*)*ar* можно сравнить литовское *mald-u*-(*s*), встречающееся уже в старинных литовских памятниках (XVII в., см.: *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. C. 56). Но в данном случае возможно самостоятельное образование данных основ посредством суффиксов в двух родственных языках.

бен' и т. п.). Поскольку армянское *t'* некоторыми учеными возводится к *th-*, Бенвенист [1] и вслед за ним Поломэ [2] возводят армянское *malt'* к *melth* и видят в этом слове доказательство вторичного характера *d* в *meld-*, анализируемом как сочетание корня *mel-* с детерминативом *-d-* (чередующимся с *-th-* в армянском). Однако вопрос о происхождении *t'* принадлежит к числу недостаточно ясных проблем исторической фонетики армянского языка; некоторые ученые считали вероятным происхождение *t'* (не в начальном положении) из *d* [3]. Кроме того, даже если принять гипотезу об отражении *th* в армянском слове, чередование *d* и *th* (как и другие аналогичные чередования индоевропейских взрывных согласных) может быть объяснено фонетическими, а не морфологическими причинами, так как *th* многие ученые возводят к *t*(+ **H*), а *t* в ряде случаев чередуется с *d* [4]. По всем этим причинам гипотезу о производном характере основы *meld-* в настоящее время нельзя считать доказанной.

§ 35. Глагол *lišša-*

К числу хеттских глаголов с суффиксом *-a*(*i*)- относится *liš*(*š*)*ai-* 'собирать'. Этот глагол представляет значительный интерес, так как он позволяет установить древность корня **les-*, известного до недавнего времени только из германских и балтийских языков [5]. В древних германских языках сильный глагол этого корня имел конкретное значение, тождественное значению хеттского *lišša-* 'собирать': др.-нем. *lesen* 'собирать', гот. *lisan* 'собирать' (см., напр., Aíwaggêljô þairh Iôhannên, VI, 12). Но уже в древневерхненемецком и в древних скандинавских языках глаголы этого корня приобретают значение «читать» [6]. Аналогичное семантическое развитие обнаруживается в латыш-

[1] *E. Benveniste.* Une racine indo-européenne // BSL. 1932. T. 33. Vol. 2 (99). P. 133—135.

[2] *E. Polomé.* Notes sur le vocabulaire religieux du germanique // La nouvelle Clio. T. VI. № 1/2. 1954. P. 43.

[3] *Л. Мсериан.ц.* Этюды по армянской диалектологии. Ч. I. Сравнительная фонетика мушского диалекта в связи с фонетикой Грабара // Учен. зап. Московского ун-та. Вып. 24. М., 1899. § 134 2. С. 108.

[4] Ср., напр.: *Мейе.* Введение. С. 190.

[5] Вопрос о словах кельтских языков, сопоставляемых с нем. *lesen*, остается не вполне ясным, см.: *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Leif. 8. 1954. S. 680 (данные хеттского языка Покорным не учтены, хотя родство хет. *liš*(*ai*) с нем. *lesen* отмечалось Зоммером еще в 1947 г., см.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 4, ср. также: *E. Polomé.* Notes sur le vocabulaire religieux du germanique // La nouvelle Clio. T. VI).

[6] О словах скандинавских языков см.: *М. И. Стеблин-Каменский.* История скандинавских языков. М., 1953. С. 291.

ском языке: *lasît* ‘собирать; читать’ (ср. литовское *lasyti* ‘клевать, собирать’), *lēst* ‘клевать; считать’ (ср. литовское *lesti* ‘клевать’), *lest* ‘считать’ [1]. В хеттском языке глагол *lissai-* имеет только конкретное значение «собирать». Сравнение указанных глаголов древнегерманских, (восточно)балтийских и хеттского языков позволяет установить древнее значение данного корня. Вместе с тем сравнение хеттского глагола *lissai-* с родственными словами балтийских языков доказывает суффиксальный характер суффикса *-ai-* в хет. *lišša*(*i*)-, которое можно вести, следовательно, к *les-* ‘собирать’.

§ 36. Глагол *iškalla-*

К хеттским глаголам на *-ai-* принадлежит глагол *iškalla*(*i*)- = *skala-* (ср. в § 19 о написании *išpant* = *spant*). Глагол *iškalla*(*i*)- ‘разрывать, разрезать’ часто встречается в текстах древнехеттского периода, напр., в хеттских законах (§ 14, 15, 16), где засвидетельствовано также (в § 182) производное ^{TÚG}*iškaleššar* ‘разрезанное платье (платье с разрезом)’ [2], ср. также употребление *iškalla*(*i*)- в юридических текстах новохеттского периода, напр. в KUB XIII 35 IV 31: ^{GIŠ}KARA-*i̯a-u̯a U-UL iš-kal-la-aḫ-ḫu-un* ‘веревку я-де не разрывал (не разрезал)’ и т. п. В языке хеттских текстов основа *iškalla-*/*iškalle-* является непроизводной, но сравнение с родственными словами других индоевропейских языков (литовск. *skelti* ‘раскалывать, колоть’, латышск. *skelt* с тем же значением, латышское *skele* ‘отрезанный кусок, ломоть’, древнеисландское *skilja* ‘отделять’ и т. п.) доказывает вторичный характер суффикса *-ai-* [3]. В хеттском языке структура основы *iskalla-* изменилась, причем в более поздний период начал изменяться и тип спряжения этого глагола. Если в древних памятниках *iškallai-* спрягается по типу тематических глаголов спряжения на *-ḫi* (как *maldai-*, § 34), ср., напр., медиопассивные формы *iš-kal-la*(*-a*)*-ri* в § 15—16 Хеттских законов, то в позднейших текстах наряду с формами этого типа (цитированная выше форма 1 л. ед. ч. прош. вр. *iškallaḫḫun*) встречаются

[1] К. Мюленбах и Я. М. Эндзелин (*K. Mülenbach.* Latviešu valodas vardnica. Sejums 2. Riga, 1925—27. С. 423) склонны были объяснять семантическое развитие латыш. *lasit* влиянием немецкого языка. Но связь значений «читать» и «считать» в латышских глаголах *lasît*, *lēst*, *lest* необязательно связана с фактами германских языков, в то время как аналогичная связь значений обнаруживается у других слов балтийских и славянских языков, ср.: *А. П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953. § 104. С. 73.

[2] О значении этого слова см.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 88, ср.: *И. М. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 278 (§ 182).

[3] Об этимологии хет. *iškallai-* см.: *E. Benveniste.* BSL. 1932. T. 33. Vol. 2 (99). P. 139.

формы, образованные по типу глаголов на *-ai-* спряжения на *-mi*[1]: *iškallaizzi*, KUB XII 58 II 17.

Производные от *skel-* засвидетельствованы во многих индоевропейских языках[2]; вместе с тем известен и ряд производных от *kel-* с тем же значением[3]. Поэтому *skel-* обычно относят к числу индоевропейских основ с чередованием *s-* : *sk-*. В данном случае (в отличие от некоторых других: см. ниже о *taia-*) в хеттском языке засвидетельствована основа с начальным *s*.

§ 37. Глагол *laḫḫu*(*u̯a*)-; вопрос о выделении аффикса **-u̯-* в этом глаголе и родственных ему основах

Выше уже отмечалось (см. § 34), что в число тематических глаголов спряжения на *-ḫi* могли переходить корневые глаголы. С приведенным в § 34 соотношением форм *maldai* : *maldi* можно сопоставить соотношение форм 3 л. ед. ч. наст. вр. *laḫḫu̯ai* : *laḫui* ‘он льет’, показывающее, что тематический тип спряжения глагола *laḫu̯a-* ‘лить’ не является первоначальным. Но в отличие от глагола *mald*(*a*) глагол *laḫu*(*u̯a*)- обнаруживает исключительное разнообразие форм; наряду с формами *laḫḫu̯ai* (глагол спряжения на *-ḫi laḫḫu̯a-*) и *laḫui* (глагол на *ḫi laḫu-*) засвидетельствована форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *laḫuzi* (глагол спряжения на *-mi laḫu-*). Поэтому в точности определить древний тип спряжения данного глагола в хеттском не представляется возможным. Но вторичный характер суффикса *-a-* доказывается благодаря сравнению данных форм с именной основой *laḫḫu-* ‘сосуд с водой (для мытья рук)’, засвидетельствованной в сочетании *a-ar-ru-ma-aš la-aḫ-ḫu-uš* ‘сосуд с водой для умывания’[4], KUB III 94 II 17, ср. *ar-ru-um-ma-aš u̯a-a-tar* ‘вода для умывания’.

Сочетание *arrumaš laḫḫuš*, в котором производное от данного корня употреблено в связи с умыванием, особенно существенно для установления генетической связи хет. *laḫḫu-*, *laḫḫu̯a-* с греческим λούω ‘мою’, лат. *lavo*[5],

[1] О глаголах этого типа см.: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 223. P. 123 (с указанием литературы вопроса). При изучении этого типа следует иметь в виду, что написание *-a-i-* или *-a-e-* может быть сложным графическим обозначением монофтонга переднего ряда (ср. § 16), поэтому предположение об отражении *-i-* в суффиксе этих глаголов нельзя считать доказанным.

[2] Обширная литература о словах этого корня указана в словаре: *K. Mülenbach.* Latviešu valodas vardnica. IV sejums. Rīgā, 1929—1932. C. 26.

[3] См.: *Walde—Pokorny*. Bd. II. S. 590—596.

[4] О переводе сочетаний с *arrumaš* ср.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 28, 33.

[5] О фонетической стороне этой этимологии см.: *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 31; *Pedersen.* Hittitisch. S. 189; *E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. P. 35. Ср.: *O. Szereményi.* KZ. Bd. 70. S. 57 и след.

др.-арм. *lowanam* ‘я мою, я купаюсь’, галл. *lautro* ‘balneo’ (тождественно по образованию греч. λουτρόν ‘баня’). Косвенное отражение того значения данного корня, которое представлено в хеттском, можно предположить в кельтском названии «дождя», возводимом к тому же корню: семантическое соотношение валлийского *gwlaw* ‘дождь’ [1] и хет. *laḫḫu-* ‘лить’ можно сравнить с аналогичной смысловой связью литовского *lietus* ‘дождь’ и *lieti* ‘лить’, латышского *lietus* ‘дождь’ и *liet* ‘лить’, ср. рус. *ливень* и *лить* и т. п.

От хеттского глагола *laḫḫu*(*ua*)-, как и от некоторых других глаголов с индоевропейской этимологией, в хеттском языке образована редуплицированная основа *lelḫuua*(*i*)- ‘наливать (в несколько сосудов)’ [2]. Подобно рассмотренному в § 4 глаголу *ueuak-* глагол *lelḫuua*(*i*) является архаичным образованием со значением, близким к значению итеративных основ на *-šk-*, ср. противопоставление основы *laḫu-* в сочетании с единичным объектом и основы *lelhuuai-* в сочетании со множеством объектов [3] в тексте A Bo T 7 V 20: *A-NA* GAL LUGAL *la-a-ḫu-u-ua-i* ‘в чашу царя (он) наливает’ и A Bo T 7 V II: *A-NA* GAL$^{\text{ḪI.A}}$ *le-el-ḫu-u-ua-i* ‘в чаши (он) наливает’.

Следует отметить, что фонетически тождественная хет. *lelḫuu-* редуплицированная форма данного корня засвидетельствована в греческом причастии λελου-μένος (λελουμένος Ὠκεανοῖο ‘омытый в океане’, E 6, ср. выше о наличии соответствий хеттским редуплицированным основам в других индоевропейских языках).

Определение древнего состава корня, к которому восходят лат. *lavo* и греч. λούω, до открытия данных хеттского языка представлялось задачей неразрешимой [4]. На основании соображений структурно-фонетического характера Ф. Шпехт в одной из своих последних работ предположил, что *-u-* не входило в первоначальный состав корня. Однако Шпехту не удалось доказать этой гипотезы, так как данные хеттского языка им не были привлечены [5].

---

[1] Об этимологии кельтских названий дождя см.: *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 8. Bern, 1954. S. 692.

[2] Связь глаголов *laḫḫuua*(*i*) и *lelḫuuai-* обнаружил Фридрих: *J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexikon // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. S. 285. Значение глагола *lelhuuai-* установлено Оттеном, см.: *H. Otten.* Ein Beitrag zu den Bogazköy-Tafeln im Archäologischen Museum zu Ankara // Bibliotheca Orientalis. 1951. VIII. № 6. S. 227, примеч. 27.

[3] Об аналогичном значении итеративных глаголов на *-šk-* см.: *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 83, примеч. 1.

[4] Ср. замечание А. Мейе и А. Эрну: «On n’arrive à poser aucune forme indo-européenne précise» («Не удается установить никакой точной индоевропейской формы»): *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 5ème éd. Paris, 1951. T. I.

[5] См.: *F. Specht.* Zum sakralen *u* // Die Sprache. 1949. Bd. 1. S. 44. Следует отметить, что предположение Шпехта о «сакральном» значении *u* в данной основе и других основах, анализируемых в названной работе, является скорее всего фантастиче-

Для установления древнего морфологического строения основы *laḫḫu*- существенное значение имеет наличие в хеттском языке существительного *laḫḫur*(*a*)-, обозначающего предмет (по-видимому, сосуд), использовавшийся во время совершения обрядов. В некоторых ритуальных текстах существительное *laḫḫur*(*a*) употребляется в сочетании с глаголом *laḫḫua*- ‘лить’, ср., напр., сочетание формы дат.-мест. пад. ед. ч. ^{GIŠ}*la-aḫ-ḫu-ri* и формы 3 л. ед. ч. наст. вр. *la-aḫ-ḫu-u-u̯a-i* ‘он льет’ в ритуале KUB IX 31 II 8—9 (LTU, с. 15). Показательно при этом, что глагол *laḫ*(*ḫ*)*uu̯*(*a*)- в тех случаях, когда он сочетается с существительным *laḫḫur*(*a*)-, пишется с удвоенным *ḫḫ* (как и это существительное), хотя обычным является написание глагола с одним *ḫ*[1]. Поэтому можно предположить, что глагол *laḫḫu*(*a*)- был связан с существительным *laḫḫur*(*a*). В этом случае *laḫḫur*- следует считать древним производным на *-r* от основы *laḫḫu*-. Образование производных на *-r* от именных основ с суффиксом *-u*- было характерной чертой хеттского и некоторых других индоевропейских языков (ср. ниже об этом типе основ). Рассмотренные в § 6 факты показывают, что древние именные основы на *-u-er* генетически связаны с глагольными основами на *-u*-, *-u̯o*-, ср. хет. *tarḫuu̯ar* ‘способность’ и др.-инд. глагол *taru*-, *turva*-. Производные на *-u̯*-(*e*)*r* в хеттском языке уже в дописьменный период могли переходить из гетероклитического типа склонения в другие типы склонения (такой процесс характерен, в частности, для отглагольных существительных на *-uu̯ar*). Поэтому тип склонения хет. *laḫḫur*(*a*)- с обобщением основы на *-r*- не противоречит гипотезе о том, что это существительное первоначально принадлежало к числу основ на *-u-er*. Различие в огласовке суффиксов в существительных *tarḫuu̯ar* и *laḫḫur*-, *laḫuu̯ar* (KBo I 42 III 50) аналогично различию между вариантными формами именной основы *paḫḫur* ‘огонь’ в хеттском языке: *paḫḫ-ur* и *paḫḫ-uu̯ar* (ср. ниже об этом слове). Поэтому представляется вероятным, что основы *laḫḫu*-, *laḫḫur* по своей первоначальной структуре аналогичны рассмотренным в § 6 производным от *tarḫ*- [2]:

ским. Ни на чем не основано утверждение Шпехта, будто носители общеиндоевропейского языка были знакомы с умыванием только в качестве ритуального обряда (ср., напр.: *Ю. Липс.* Происхождение вещей. М., 1954. С. 51 и след.). Вместе с тем нет оснований считать, что значение «лить» в хет. языке было вторичного происхождения (ср. выше о кельтских словах этого корня); если это так, то следует признать недостоверными и те семасиологические предпосылки, на которых основана гипотеза Шпехта о значении *-u*- в *lou*-.

[1] Согласно данным, приведенным Стертевантом (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 47, примеч. 63), написания с одним *ḫ* встречаются в 50 случаях, написания со сдвоенным *ḫḫ* — в 5 случаях.

[2] В связи с анализом хет. *laḫḫu*- необходимо отметить наличие в лувийском тексте ритуала KUB XXXV 79 обр. ст. IV 12 (LTU. с. 76) глагольной формы *la-aḫ-ḫi-in-*

Корень	Глагольная основа на *-u̯-	Глагольная основа на *-u̯o-	Именная основа на -u-	Именная основа на *-uer/ur
хет. *tarḫ-*	др.-инд. *taru-*	др.-инд. *turva-*	хет. *tarḫ-uu̯-aš* (род. пад. ед. ч.)	хет. *tarḫuu̯ar*
хет. *laḫ-*	хет. *laḫ(ḫ)u-*	хет. *laḫḫuu̯a-*	хет. *laḫḫu-(š)*	хет. *laḫḫur-*

Преобразование древней морфологической структуры данной глагольной основы в других индоевропейских языках было связано с фонетическим развитием — с исчезновением фонемы, отраженной в хет. *ḫ* (ср. ниже об аналогичном преобразовании структуры индоевропейского названия «огня», хет. *paḫḫur*). Но и в хеттском языке суффикс *-u-* в глаголе *laḫḫu(u̯a)-* уже сросся с корнем. Это можно связать с тем, что глагольный суффикс *-u-* (и *-u̯o-*) уже в ранний период развития индоевропейских диалектов стал мертвым суффиксом и мог сращиваться с другими морфемами (ср. выше, в § 17, о хет. *ar-nu*, где *-nu-* < **n-u-*) [1].

§ 38. Глагол *malla*

Во всех рассмотренных выше случаях (§ 34—37) благодаря сравнению с родственными языками можно установить вторичный характер тематического глагольного суффикса (хет. *-a-* в *malda-*, *lišša-*, *iškalla-*, *laḫuu̯a-*). Более сложной проблемой является вопрос о древней морфологической структуре хеттского глагола *malla-* ʻмолоть’. Глаголы этого корня встречаются во всех группах индоевропейских языков, причем в одних индоевропейских языках они имеют значение «молоть», в других — значение «давить, мять» [2]. Хеттский язык, в ко-

ta-ri, где *-intari* является глагольным окончанием (см. об этом: *Otten.* Luv. S. 27). В хеттском тексте, предшествующем лувийскому, в том же ритуале употребляется глагол *la-ḫu-i* (KUB XXXV 79 пер. ст. I 6). Если лувийское *laḫḫ-* равнозначно хет. *laḫu-*, то предлагаемый анализ хеттских основ получает новое подтверждение. К сожалению, однако, лувийский текст ритуала сильно поврежден, и поэтому в настоящее время значение лувийского *laḫḫ-* нельзя считать твердо установленным.

[1] Ср., замечания Бругмана (*Brugmann.* Grundriss. B. 2. T. 3. Lief. 1. § 185. S. 270) о трудности проведения границы между глаголами с древним суффиксом *-u-* и глаголами, в которых *-u-* является составной частью корня. Ср. также ниже об именных основах на *-u-* типа *šiu-* ʻбог’.

[2] Ср.: *Мейе.* Введение. С. 388 (значение хет. *malla-* указано неточно); *А. Мейе.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 61—62. В указанных работах Мейе не учтены факты кучанско-карашарских («тохарских») языков, близких в данном отношении к армянскому и индоиранскому.

тором глагол *malla-* имеет значение «молоть, размалывать» [1], в этом отношении отличается от армянского и кучанско-карашарских («тохарских») языков, где (как в индоиранских) глагол этого корня имеет значение «давить, мять» [2].

А. Мейе, в ряде своих работ анализировавший слова данного корня, показал, что первоначально этот индоевропейский глагол спрягался по типу атематического спряжения на *-mi* [3]. Поэтому спряжение хет. *malla-* (спряжение на *-ḫi*) не совпадает с реконструированным общеиндоевропейским, ср. 3 л. ед. ч. наст. вр. — хет. *mallai* и предполагаемое общеиндоевропейское **me*/*olə-ti* и т. п. Учитывая вторичное происхождение типа спряжения таких хеттских тематических глаголов спряжения на *-ḫi*, как *laḫḫuua-* (§ 37), можно предположить, что тип спряжения глагола *malla-* является результатом позднейшего развития. Но данный вопрос осложняется ввиду того, что многие исследователи (в том числе А. Мейе [4]) реконструировали корень в виде двуслогового **melə-*. Отражение **ə* в хеттском в этом случае, как и в других (ср. в § 30 о глаголе *tamaš-*), остается не вполне ясным. Однако нет данных, говорящих за то, что *-a-* в хет. *malla-* может восходить к **ə*. Поэтому *malla-*, скорее всего, следует признать тематическим образованием, подобно гот. *mala*, др.-ирл. *melim* ‘я мелю’ и т. п. Сравнение этих тематических образований с производными на *-ie-* в славянском (ст.-сл. **млѣти**) и кучанско-карашарское (карашарское *malywet* ‘ты давишь’, кучанское *melye* ‘они топчут’) позволяет выделить корень, для которого можно предположить архетип **mel-* [5].

§ 39. Глагол *taia-*

Тематический гласный мог присоединяться не непосредственно к корню, а к первичному суффиксу, что приводило к образованию сложных по происхождению суффиксов, напр. *-u + o > -uo-*, ср. др.-инд. *taru-te* и *turva-ti* (§ 6). В некоторых случаях, когда слияние первичного суффикса с корнем осуществилось в древнюю эпоху, производный глагол с суффиксом *-uo-* < *-u-o-* или *-io-* < *-i-o-* трудно отличить от тематических глаголов, в которых *-u-* или *-i-*

[1] См.: *Sommer.* AU. S. 188, 415.

[2] На это следует обратить особое внимание потому, что во многих других отношениях хеттский язык близок к армянскому и кучанско-карашарскому.

[3] *Мейе.* Введение. С. 219; *А. Мейе.* Основные особенности германской группы языков. М., 1952. С. 98; *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951. § 226. С. 180; *А. Мейе.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 30—31, 61.

[4] *А. Мейе.* Там же. См. также литературу, указанную А. Преображенским: Этимологический словарь русского языка. Т. I. С. 553.

[5] По-видимому, к такому же выводу пришел Стертевант, предполагающий «индо-хеттский» корень *mol-* (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 68. P. 44; § 73. P. 46).

является последней фонемой корня, ср. § 37 о глаголе *laḫḫuua-* ʻлить’. К числу таких глаголов принадлежит хет. *taia-* ʻворовать, красть’ [1].

Хеттский глагол *taia-* засвидетельствован в ряде текстов древнехеттского периода. В особенности часто употребляется этот глагол в хеттских законах (Хеттские законы, § 19 и след., § 57, 58, 59, 63, 92, 94, 95 и т. д.). В законах часто употребляется и существительное *tai*(*a*)*zel* ʻворовство, кража’, обычно выступающее в форме род. пад. ед. ч. *ta-ia-zi-la-aš* ʻ(то) кражи’ («возмещение за кражу» [2], Хеттские законы, § 94 и 95) или ʻ(тот) кражи’ («вор», Хеттские законы, § 73). Существительное *tai*(*a*)*zel* образовано посредством суффикса *-zel*, на сложный характер которого указывают однотипные производные с суффиксом *-el*, напр. *ḫurkel* ʻсмертная казнь’. Поскольку *ḫurk-el* ʻсмертная казнь’ образовано от существительного *ḫurki-* ʻколесо’ [3], можно предполагать, что и *tai*(*a*)*zel* образовано от незасвидетельствованного в памятниках существительного **tai*(*a*)*zi-* [4]. Так как хеттский глагол *taia-* ʻкрасть, воровать’ родствен ст.-сл. (**оу-**)**таıж** (рус. *утаю*), хеттское **tai*(*a*)*zi-*, реконструируемое на основе древнехеттского *taiaz-el*, можно сравнить со ст.-сл. **тать** ʻвор’, возводимым к *taiti* [5] (в хеттском языке *ti* > *zi*). Вторичное производное **taiazel* ʻкража, воровство’ соотносилось с глаголом *taia-* ʻкрасть, воровать’ так же, как вторичное производное **татьба** соотносилось с глаголом **таıж**.

В хеттском языке, как и в славянских, засвидетельствована форма данной основы без начального *s-* в отличие от индоиранских языков, где наряду с производными типа ведийского *tayu-* ʻвор’ распространены производные типа ведийского *stena* ʻвор’, ведийского причастия *stayat* и т. п. Основа *(*s*)*taio-* ʻворовать’ встречается в целом ряде индоевропейских языков. Относительно древней морфологической структуры этой основы высказывались различные точки зрения; подытоживая их, Вальде и Покорный считали невозможным определить, является ли (*s*)*taio-* настоящим временем на *-io* от *ta-* или же производным от корневой формы *tai-* [6]. В пользу первого предположения говорит то, что в древних индоевропейских языках глагольный суффикс *-io-* (см. об этом суффиксе в § 23—26) часто служил для образования производ-

[1] О значении см.: *И. М. Дунаевская.* ЗХД. С. 261, примеч. 2.

[2] Ср.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 223. С. 131.

[3] *S. Alp* // JCS. 1952. Vol. 6. № 2. P. 96.

[4] Связь суффикса *-el* в *ḫurk-el* и суффикса *-z-el* в *taiazel* отмечал Стертевант (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 108. P. 77), но Стертевант ошибочно считал *ḫurkel* отглагольным производным (см. выше, § 8) и не обратил должного внимания на то, что палатализация *t*’ > *z* могла произойти только перед *i* (а не перед *e*), поэтому Стертевант (вслед за Бенвенистом) возводил *-zel* к **-tel*, с чем нельзя согласиться.

[5] *W. Vondrak.* Vergleichende Slawische Grammatik. S. 100. § 62 I.

[6] *Walde—Pokorny*. I. S.701.

ных от основ, оканчивающихся на долгий гласный [1] (ср. в § 16 о производных на *-i̯o* от *dhē-* типа ст.-сл. **дѣжѫ**). Но в данном случае вопрос осложняется тем, что форму корня *ta-* во многих случаях можно объяснять как результат вторичного фонетического развития *tai-* [2].

В хеттском языке *tai̯a-* спрягается по тому же типу, что и глаголы спряжения на *-mi* с суффиксом *-i̯a-* [3] (ср. выше, § 23—26). Но если в большинстве хеттских глаголов на *-i̯a-* суффикс был живым в эпоху, засвидетельствованную письменными памятниками, то *tai̯a/e-* (ср. формы 3 л. ед. ч. *tai̯azzi* и *tai̯ezzi*) в хеттском языке было непроизводной основой. В таких непроизводных глаголах, как *u̯er-i̯a-* (§ 25), суффикс легко выделяется благодаря сравнению с данными родственных языков. Глагол *tai̯a-* отличается и от глаголов этого типа. Поэтому следует думать, что если глагол *tai̯a-* и является производным на *-i̯o-*, то он принадлежит к числу более древних производных, чем глаголы на *-i̯a*, рассмотренные в § 23—26 [4].

§ 40. Глагол *i̯a-*

Особую проблему представляет история хеттского глагола *i̯a-* ʻделатьʼ (спряжение на *-mi*). Этот глагол чрезвычайно часто употребляется в хеттских памятниках, начиная с древнейших текстов. Уже в древних текстах употребительны фразеологические выражения, в которые входит глагол *i̯a-*: *kardi̯as i̯a-* ʻделать по своему желаниюʼ (ʻпо желанию своего сердцаʼ — *kardi-*, см. § 42), *ešḫar i̯a-* ʻпролить кровьʼ (ʻсделать кровавое делоʼ) и др. В древнехеттском языке встречаются и итеративные производные от глагола *i̯a-*, образованные посредством суффиксов *-so-* > *-š(s)a-* и *-sk-* > *-šk-*: *ešša-* ʻделатьʼ и *ešk-* ʻделатьʼ. Глагол *ešša-* ʻделатьʼ очень часто встречается в хеттских текстах древнего периода, напр. в «завещании» Хаттусилиса I (HAB II 25; II 43 и т. д.). Этот производный глагол входит в ряд употребительных в древнехеттском языке выражений (напр., *ešḫar ešša-* ʻпроливать кровьʼ, засвидетельствовано в таких древних памятниках, как документы Хаттусилиса I, HAB II 24—25, и Телепинуса, Tel. I, 23, ср. выше о параллельном выражении *ešḫar i̯a-*). В новохеттском языке обычно употребляется только итеративная

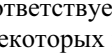
[1] Ср.: *Мейе.* Введение. С. 233; *Brugmann.* Grundriss. Bd. 4. T. 3. Lief. 1. C. 197 и след.

[2] Ср., напр., выше об интерпретации ст.-сл. **тать** Вондраком (и другими славистами).

[3] О спряжении *tai̯a-* в хеттском см.: *Pedersen.* Hittitisch. § 80. S. 136.

[4] Ср. замечание Вальде и Покорного о том, что корневая форма *tai̯-* может быть основана на древней форме настоящего времени на *-io* («Wzf. *tai-*, die aber auf einem *io*-Praes. beruhen könnte»: *Walde—Pokorny*. I. S. 701).

форма на *-šš- ešša-* но в архаичном сборнике рассказов («анекдотов») из жизни древнехеттского царства встречается форма 3 л. мн. ч. пр. вр. *ešk̲ir* (*e-eš-ši-kir*, 2 BoTU 12 A II 7, ср. *ešeškir* в KUB V 22, 21) [1], соответствующая обычному *ešš̲ir* (*ešš̲er*, *iššer*). Это показывает, что в древнехеттском языке существовали параллельные итеративные основы *ešša-* и *ešk-* (ср. выше о таких параллельных образованиях). Итеративная основа *ešša-* в древнехеттском языке была настолько употребительной, что она вытеснила параллельную основу *ešk-*. Этот факт следует объяснить архаичностью основы *ešša-*, ставшей употребительной еще в древний период развития хеттского языка — до периода, когда глаголы на *-šk-* вытеснили итеративные глаголы на *-š-* (см. выше). Поэтому глагол *ešša-* можно сопоставить с другими рассмотренными вьше архаичными глаголами на *-š-* (§ 27—32).

Архаичный характер производных от глагола *iia-* и роль этого глагола (и его производных) в древнехеттском языке позволяют предположить, что глагол *iia-* принадлежит к древнему словарному фонду хеттского языка. Этот вывод подтверждается благодаря привлечению данных других древних индоевропейских языков Малой Азии: ср. лувийское *aia-*/*iia-* ʻделатьʼ [2], при иерогл. хетт.  (*i-zi-i*) ʻделатьʼ (соответствует финикийскому *pl* «делать» в билингве из Каратепе, № 17 и № 44) [3]. Родственный глагол обнаружен

[1] Боссерту эти случаи остались неизвестны, так как он утверждает, что от *iia-* в хеттском языке имелось только производное на *-šš-*, см.: *H. T. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Foschung. 1953. Bd. 2. H. 3. S. 310. В работе Боссерта высказано предположение, что иероглифическое хеттское *aiast-* (от *aia-*, соответствующего хеттскому *iia-*, см. ниже) соответствует хеттскому *ešša-* (от *iia-*). Эта гипотеза заслуживает внимания, так как в некоторых индоевропейских языках **ske/o-* мало употребительно и в аналогичной функции выступает **sto*; в особенности показательны в этом отношении факты балтийских языков, ср.: *Chr. S. Stang.* Das slavische und baltische Verbum. S. 136—137; подробная библиография этого вопроса дана в книге: *J. Endzelins.* Latviešu valodas gramatika. Riga, 1951. C. 751—752. Но гипотеза Боссерта о существовании в иероглифическом хеттском суффикса *-st-* должна еще быть проверена, так как она основывается только на соответствии иероглифического хеттского *aiast-* (от *aia-* ʻделатьʼ) клинописному хеттскому *ešša-* (от *iia-* ʻделатьʼ).

[2] *Otten.* Luv. S. 82—83.

[3] *H. G. Güterbock.* Die Bedeutung der Bilinguis vom Karatepe für die Entzifferung der hethitischen Hieroglyphen // Eranos. 1949. Vol. 47. F. 3—4. S. 105; *J. Gelb.* The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite // Bibliotheca Orientalis. 1950. Jg. 7. № 5. P. 139; *J. Friedrich.* Zur Lesung der Hethitische Bilderschrift // AOr. 1953. Vol. 21. № 1. S. 120. Педерсен сопоставлял с хет. *iia-* и лув. *aia-* ликийское *a-di* ʻон делаетʼ, *a-dę* ʻон делалʼ, *a-ga* ʻя делалʼ (*H. Pedersen.* Lykisch und Hethitisch. København, 1945. § 49. S. 30), но эту этимологию нельзя считать бесспорной ввиду фонетических трудностей, отмеченных самим Педерсеном (см.: Там же).

и в кучанско-карашарском («тохарском»): кучанское *ya-m-* ʻделатьʼ, карашарское *ya-* ʻделатьʼ, ср. такие древнехеттские формы, как *i̯a-az-zi*, 629/c, 12 [1], показывающие, что в древнехеттском языке фонетический облик этой основы был близок к кучанско-карашарскому *ya-*. Выше отмечалось наличие других глаголов, известных только в древних индоевропейских языках Малой Азии и в кучанско-карашарском (см. о *eku-* § 9). В настоящее время таким глаголом следует признать и хет. *i̯i̯a-*, так как предлагаемое некоторыми учеными сближение с греч. *ἵημι* [2] ʻпосылаю, бросаю и т. п.ʼ, недостаточно обосновано со стороны семантики. Возведение хеттского *i̯i̯a-* ʻделатьʼ к корню **i̯ē-* : *i̯ə-* в словаре Покорного [3] нельзя считать оправданным, так как родство хет. *i̯i̯a-* с гр. *ἵημι* еще не доказано, а фонетическая структура лувийского и иероглифического хеттского *aia-* заставляет учитывать возможность другого анализа данной основы. В случае, если *aia-* отражает более древний облик этого глагола (ср. ниже о «протетическом гласном» в иероглифическом хеттском), архетип **i̯ē-* следует решительно отвергнуть. Лувийское и иероглифическое хеттское *aia-* позволяет предположить, что конечное *-a-* в данном глаголе может быть древним суффиксом. Но окончательные выводы относительно древней структуры данного глагола в настоящее время были бы преждевременными. Вместе с тем следует иметь в виду, что данная основа может быть не общеиндоевропейской.

§ 41. Глагол *mema-* и его древняя морфологическая структура

Выше, в § 4, 12, 37 отмечалось наличие в хеттском языке архаичных редуплицированных глагольных основ, образованных от индоевропейских корней. Как показано в работах ряда индоевропеистов и хеттологов [4], хеттский глагол *mema-* ʻговоритьʼ (спряжение на *-ḫi*) по происхождению является редуплицированным образованием от индоевропейского корня **men-*. Эта этимология до недавнего времени была предметом дискуссии, но установленные в последние годы факты лувийского языка позволяют дать ей окончательное доказательство.

---

[1] Опубликовал: *H. Otten.* Ein althethitischer Vertrag mit Kizzuvatna // JCS. 1951. Vol. 5. № 4. S. 129, ср. S. 130).

[2] См., напр.: *Pedersen.* Hittitisch. S. 198 (очень осторожное высказывание) и (в категорической форме): *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 6. Bern, 1951. S. 502.

[3] *J. Pokorny.* Там же. S. 502.

[4] См. литературу, указанную в работе: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 52, примеч. 92; C. 118, примеч. 12; *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 8. Bern, 1954. S. 726—728.

Хеттское *mema-* ‘говорить’ согласно данной этимологии следует сопоставить с греч. *μέμνημαι* ‘я помню’. Значение «говорить» у глаголов, образованных от корня **men-*, известно и в других индоевропейских языках, в частности, балтийских и славянских, ср., напр., латышское *minet* ‘упомянуть, назвать’ [1], литовское *minti* ‘звать, именовать’, др.-рус. **мѣнити** в значении ‘dicere’ [2] и т. п. Фонетическое развитие *mn* > *mm* или *mn* > *m* наблюдается в хеттском языке и в других случаях [3]. В данном случае подтверждение происхождения *mema-* < **memna-* можно видеть в написании слова *mema* с двойным *mm*, напр. *me-im-ma-aḫ-ḫu-un* и т. п. [4] Блестящее подтверждение правильности этой гипотезы дает открытие Э. Лароша, установившего благодаря сличению параллельного хетто-лувийского текста KUB XXIV 12 III 5 и KUB XXIV 12 II 19, что хеттскому *mema-* в лувийском соответствует глагол *mammana-* ‘говорить’ [5]. Соответствие хет. *e* и лувийского *a* в первом слоге является закономерным для хетто-лувийских слов (ср. об этом выше, § 1, 2, 9, 23). Поэтому следует думать, что хет. *mem*(*m*)*a-* и лувийское *mammana-* являются родственными редуплицированными глаголами, образованными от корня *men-*. Если в хеттском осуществилась ассимиляция **mn* > *mm*, то в лувийском сохраняется древний облик редуплицированной основы, соответствующей основе греч. *μέμονα*.

Особый интерес представляет хеттское имя существительное, образованное от данного корня. Это существительное, засвидетельствованное в нескольких вариантах — *memiia*(*n*)-, *memi*(*n*)-, — имеет не только значения «слово, речь», близкие к значениям глагола *mema* ‘говорить’, но и значение «настроение, расположение духа», близкое к значению производных от **men-* в других индоевропейских языках, ср., напр., др.-инд. *manyúṣ* ‘чувство, настроение, гнев’ и т. п. Это позволяет предположить, что данное существительное было образовано еще в тот период развития хетто-лувийских диалектов, когда производные от корня **men-* сохраняли древнее значение. По типу склонения существительное *memi*(*ian*) также является архаичным: оно относится к числу трех хеттских существительных общего рода, сохраняющих

[1] *K. Mülenbach.* Latviešu valodas vardnica. II sejums. Riga, 1925—27. C. 629—630.

[2] Ср.: *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 541—542.

[3] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 67. P. 43; *Pedersen.* Hittitisch. § 40. S. 45.

[4] О написании *mema-* с двойным *mm* см.: *H. Otten.* Ein kanaanäischer Mythus aus Bogazköy // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1953. Bd. 1. H. 1. S. 130, ср.: *Sommer.* AU. S. 39 и след.

[5] *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 115; 117, примеч. 15; ср. также: *Otten.* Luv. S. 83, примеч. 128.

чередование основы косвенных падежей на *-n-* [1] и основы именительного падежа без *-n-* (ср. о существительном *ḫara*(*n*) ʻорел’ в § 59).

Архаичным следует признать и итеративный глагол *memišk* (*me-mi-iš-ki-it*, Hat. IV, 8), ср. хет. *mema-* : *memišk* и греч. *μέμνημαι* : *μιμνήσκω* [2].

Учитывая установленную выше тесную связь суффиксов *-sk-* и *-s-*, следует отметить то, что наряду с этими производными на *-sk-* и в хеттском и в греческом языках имеются формы, в которых можно видеть отражение древнего глагольного суффикса *-s-*: хет. *me-mi-iš-te-ni* (2 л. мн. ч. наст. вр.), *me-mi-iš-ta* (2 и 3 л. ед. ч. прош. вр.), *me-mi-eš-tin* (2 л. мн. ч. повел. накл.) [3], ср. греч. *μεμνήσομαι* и *ἐμνήσθην* (ср. выше о возможной связи греческих сигматических форм будущего времени и аориста с глаголами на *-s-* в хеттском и других индоевропейских языках). Обращает на себя внимание то, что наиболее близкие структурные соответствия хет. *mema-* и производным от этого глагола обнаруживаются в греческом языке (ср. выше о других хеттских глаголах говорения, имеющих точные соответствия в греческом: *ɥeriḭa-*, § 25, и *kalleš-*, § 29).

§ 42. Общеиндоевропейское название «сердца» в свете данных хеттского языка

После рассмотрения (в § 1—41) индоевропейских корней, производные от которых в хеттском языке группируются вокруг глаголов [4], следует перейти к корням, представленным в хеттском языке, главным образом, именными основами.

Как можно заключить на основании рассмотрения изложенных выше фактов, в хеттском языке сохранилась большая группа древних индоевропейских корневых глаголов (в особенности глаголов спряжения на *-mi*). Значительно меньшую группу корневых слов составляют сохраненные в хеттском

[1] Формы *memini* (напр., *me-mi-ni* в KUB XXI I + XIX 6 I 71) и *meminaz* Фридрих (Краткая грамматика. С. 70, примеч. 1) объясняет чисто фонетически. Другое объяснение основы *memin-* (из редуплицированного *memen-*) маловероятно ввиду того, что формы *memini* и *meminaz* встречаются в новохеттских текстах, где *-i-* часто чередуется с *-ḭa-*.

[2] См.: *А. В. Десницкая.* О хеттском языке // *Фридрих И.* Краткая грамматика. С. 27; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 229. P. 130.

[3] О суффиксе **-es-* в этих формах см.: *Pedersen.* Hittitisch. S. 94, 96.

[4] Выше оставлены без рассмотрения такие глаголы, как, напр., *lip*(*p*)-, этимологию которых нельзя считать достоверной, так как недостаточно точно определено их значение в хеттском языке (относительно значения *lipp-*, которое часто связывают с индоевропейским корнем *leip-*, рус. *липкий* и т. п., см.: *E. Sturtevant.* Hittite Glossary. 2 ed. Philadelphia, 1936. P. 93).

языке древние корневые имена с нулевым суффиксом [1] (об именах с суффиксами гетероклитического склонения см. ниже). В частности, обращает на себя внимание то, что в хеттском языке отсутствуют корневые имена, образованные от тех же корней, что и хеттские корневые глаголы, хотя сопоставление хеттских корневых глаголов (напр., *luk-*, § 10) с корневыми именами других индоевропейских языков (напр., лат. *lux*) позволяет установить, что возможность образования от одного и того же корня корневого имени и корневого глагола отражается в хеттском языке. Многие корневые имена в древних индоевропейских языках выступали в качестве компонентов сложных слов [2]; хеттский язык, в котором сохранилось лишь несколько сложных слов, притом других структурных типов (см. ниже), в этом отношении расходится с другими древними индоевропейскими диалектами. Но в качестве самостоятельных существительных (не компонентов сложных слов) в хеттском языке сохраняются некоторые корневые имена, особенности которых имеют важное значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

Общеиндоевропейское название «сердца» в древних индоевропейских языках представлено рядом основ, образованных от одного и того же корня посредством нескольких суффиксов [3]. В хеттском языке сохраняется одновременно три таких основы, благодаря чему факты хеттского языка позволяют уяснить древнюю морфологическую структуру этих основ. В хеттском языке представлена основа *kar*(*a*)*t-*, соответствующая общеиндоевропейскому **k̂*(*e*)*r*(*e*)*d*: им. пад. ед. ч. *ka-ra*(*-a*)*-az* (= *k*(*a*)*rat-s*) [4], мест. пад. ед. ч. *kar-ta* (HAB III 58), отл. пад. ед. ч. *kar-ta-az* (KUB XXXI 127 III 10), им. пад. мн. ч. *ka-ra-a-te-eš* [5] (об особенностях фонетической структуры этой основы в хеттском см. ниже, глава II). Особенностью основы *kar*(*a*)*t-* в хеттском является ее принадлежность к числу имен существительных общего (несреднего) рода в отличие от родственных слов среднего рода в других индоевропейских языках. Вместе с тем эта основа только в некоторых случаях имеет значение «сердце», в других же случаях несомненно значение «внутренности, чрево» (ср. значение «сердцевина, средоточие» у слов того же корня в других индоевропейских языках), напр. *ma-a-an-mu-kán an-na-aš kar-ta-az* DINGIR-*LIA*

[1] Ср. замечание Краузе о немногочисленности корневых имен в кучанском языке (*Krause.* Das Verbum. § 42. S. 48), который во многих отношениях близок к хеттскому.

[2] Ср.: *А. В. Десницкая.* К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Учен. зап. ЛГУ. № 97. Сер. филол. наук. Вып. 14.

[3] Ср.: *Мейе.* Введение. С. 404—405.

[4] *H. Ehelolf* // ZA NF. Bd. IX. S. 176; *Sommer.* HAB. S. 94—95.

[5] *Friedrich.* Staatsverträge. II. S. 147.

GUL-*aš-ta* ʻкогда ты (это) мне, (о) мой бог, предписал (еще) из чрева (*kartaz*) матери (*annaz*, партитивная оппозиция [1])ʼ, KUB XXXI 127 III 10.

Наряду с основой **k̂er*(*e*)*d*- в хеттском, как и во многих других индоевропейских языках, представлена основа, образованная от **k̂erd*- с помощью суффикса -*i*-. Основа **k̂erdi*- в хеттском языке отражается в форме родительного падежа *kardiia̯š*, часто употребляющейся в переносном значении «(чьего-либо) сердца = чьего-либо желания», ср. фразеологическое выражение *kardiia̯š ia̯*- ʻделать согласно желанию (кого-либо)ʼ [2], ср. также производное *kardi-mi-at* ʻгневʼ [3], *kardi-mia̯*- ʻгневаться, сердитьсяʼ (ср. рус. *сердиться* : *сердце*) [4]. Употребление *kardi*- и производных от этого слова свидетельствует о том, что в отличие от *kard*-, служившего в хеттском языке анатомическим термином, основа *kardi*- получила дополнительные значения, связанные с пониманием сердца как средоточия желаний. Это различие показывает, что две данных основы в хеттском языке могли первоначально различаться, но в текстах форма род. пад. от существительного общего рода *kart*- не засвидетельствована, поэтому следует думать, что склонение *kart*- в хеттском было гетероклитическим: в форме род. пад. ед. ч. выступала основа на -*i*-.

Исключительный интерес представляет наличие в хеттском языке формы индоевропейского названия «сердца» среднего рода, оканчивающейся на -*r* без последующего зубного согласного. Эта форма засвидетельствована в фонетическом написании *gi-ir*, *ki-ir* = *ker*. Средний род существительного *kir* доказывается с абсолютной точностью, так как это существительное в ряде текстов засвидетельствовано в характерных для древнехеттского языка [5] сочетаниях с энклитическими притяжательными местоимениями: им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. -*mit* ʻмоеʼ, -*šit* ʻегоʼ, -*tit* ʻтвоеʼ. См. во фрагменте 533/f, найденном во время раскопок 1936 г., пер. ст. 6, *gi-ir-ši-it* ʻего сердцеʼ, пер. ст., II *gi-ir-mi-it* ʻмое сердцеʼ [6]; соответствующее сочетание *ki-ir-ti-it* ʻтвое сердцеʼ пять раз засвидетельствовано в древнехеттском переводе аккадского (вавилонского) текста в повторяющемся предложении: *ki-ir-ti-it-a mi-nu-an-du li-iš-ši-ma-at-ta ua̯-ar-aš-nu-ua̯-an-du* (2 BoTU 6, III 10, 12, 16, 22, 26) ʻпусть они смягчат свое сердце и пусть они умиротворят твою (буквально: тебе) печеньʼ.

---

[1] *J. Friedrich.* Zum hethititschen Lexicon // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. P. 283, примеч. 30.

[2] *Sommer.* AU. S. 31; *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 90; Hethitisches Wörterbuch. I. Lief. 1. S. 80.

[3] О связи этого слова с *kardi*- см.: *E. Laroche.* Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951. P. 135.

[4] Ср. также семантическую параллель в албанском, указанную Педерсеном: *Pedersen.* Hittitisch. S. 40.

[5] *Фридрих.* Краткая грамматика. § 113. С. 75.

[6] Опубликовано (со ссылкой на Элольфа) Зоммером: *Sommer.* HAB. S. 97.

В вавилонском оригинале данному хеттскому предложению соответствует *libba-ka liniḫḫu kabitta-ka lipaššiḫu* [1]; параллелизм хеттского *ki-ir-ti-it* и аккадского *libba-ka* делает интерпретацию данной хеттской формы бесспорной. Значение *kir*, *gir* не вызывает сомнений также и потому, что наряду с этим фонетическим написанием часто встречается полуидеографическое написание (с «комплементом» *-ir*) ŠÀ-*ir* ʻсердцеʼ [2]. Хеттское *gi-ir* = ŠÀ-*ir* чаще всего выступает в качестве формы им.-вин. пад. ср. р., но в некоторых случаях *gi-ir* следует понимать как форму мест. пад. ед. ч., ср. KUB XXIII 103 обр. ст. 10: DINGIR^{LIM}*-ši ma-aḫ-ḫa-an* ŠÀ-*ir pi-i̯a-an ḫar-zi* ʻкогда божество ему в сердце вложило (букв. «дало»)…ʼ [3]. Форма местного падежа основ на согласный, представляющая чистую основу с нулевым окончанием, является чрезвычайно древней; в хеттском языке к этому типу принадлежит лишь несколько архаичных именных форм, образованных преимущественно от основ на *-r*. Помимо формы *kir* и наречной формы *lammar* ʻтотчасʼ (от *lammar* ʻчасʼ, архаичного существительного гетероклитического типа), уже отмеченной Бенвенистом в связи с анализом данного типа образования местного падежа в индоевропейских языках [4], можно указать на форму этого типа, засвидетельствованную в архаичных по языку Хеттских законах (§ 9): É-*ir-ši* ʻего домуʼ (где согласующееся с существительным притяжательное местоимение стоит в форме дат.-мест. пад. ед. ч.) [5]. По тому же типу образованы наречные формы от архаичной основы на носовой *tagan* ʻвниз, на землюʼ. Следует отметить, что хеттское *tagan* (*da-ga-an*, *ta-ga-a-an*) находит точное соответствие в генетически тождественной карашарской форме с нулевым окончанием *tkaṃ* ʻна землю, к землеʼ (от *tkaṃ* ʻземляʼ) [6]: *mra c tkaṃ rmoräs* ʻсклонивший голову к землеʼ (Toch. Spr., 10 6—11a I). В хеттском языке данные формы постепенно исчезают; древнехеттское É-*ir* в новохеттских текстах не встречается, формы

[1] О вавилонском оригинале см.: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. P. 72, ср. p. 58—59, где дается доказательство вавилонского происхождения данного текста.

[2] Ср.: *E. Forrer.* Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves de l'Université Libre de Bruxelles. IV. 1936. P. 701; *Sommer.* HAB. S. 95—96; *A. Götze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. 1938. S. 119, примеч. 261.

[3] К переводу этого места ср.: *Sommer.* HAB. S. 68, 96.

[4] *Benveniste.* Origines. P. 91.

[5] См.: *Sommer.* HAB. S. 96. Фридрих (Краткая грамматика. § 64 в. С. 58) в данном случае следует своей старой точке зрения, справедливо вызывавшей критику Зоммера. Изложение вопроса о местном падеже этого типа в работе Фридриха не отвечает современному уровню знаний, см.: *Pedersen.* Hittitisch. § 20. S. 27; *Sommer.* HAB. S. 96.

[6] Своеобразие формы *tkaṃ* в данном употреблении отмечал *W. Couvrer* (Bibliotheca Orientalis. 1947. IV. № 5. P. 125), но он не дал этому явлению исторического объяснения, так как не сопоставил данную карашарскую форму с исторически тождественной ей хеттской формой.

lammar и *tagan* употребляются только в качестве изолированных наречных форм. Сопоставляя эти факты с результатами исследования Бенвениста, изучившего аналогичные явления в других древних индоевропейских языках [1], можно утверждать, что такие формы, как *ki-ir* (= ŠÀ-*ir*), *lammar*, É-*ir* (=*pir*), *tagan* (караш. *tkaṃ*), отражают древний облик соответствующих именных основ. Это показывает, что форма *ki-ir* (*ker*) является весьма древней; поэтому следует усомниться в правильности принятого рядом специалистов предположения о том, что хеттское *ki-ir* является результатом позднего развития формы **kerd* [2]. Сравнение с родственными языками также указывает на ошибочность точки зрения, согласно которой *kir* происходит из **kerd*.

Хеттское написание *ki-ir*, отражающее произношение *ker* [3], позволяет утверждать, что в хеттском языке существовало точное соответствие др.-греч. *κῆρ* ‘сердце’ (ср. р.). В XIX в., когда были известны только такие родственные слова индоевропейских языков, в которых за *r* следовал зубной, данная древнегреческая форма объяснялась как результат исчезновения зубного. Однако это объяснение оставалось спорным, так как из предполагаемого **κῆρδ* по законам греческой фонетики должно было развиться **κερδ* (с сокращением долгого гласного). Выход из этого затруднения видели в том, что исчезновение *δ* относили к эпохе, предшествовавшей сокращению долгих гласных в сочетании с сонантом и согласным [4]. Однако, поскольку данный фонетический закон действовал уже в древнюю эпоху развития общегреческого языка, возникновение формы *κηρ* тем самым отодвигалось к общеиндоевропейскому периоду.

Такая датировка впервые была предложена де Соссюром, установившим наличие соответствия греческому **κῆρ* в прусском языке. В статье о прусском слове *siran* ‘сердце’, опубликованной в 1892 г., Соссюр указал, что прусская основа *sīr* < **sēr*- в точности соответствует греческому *κῆρ*. Установив соотношение прус. *sîr*(*a*)- : лит. *širdìs* = гр. **κῆρ* : *καρδία*, Соссюр в конце своей статьи поставил вопрос о том, «не утратило ли первоначальное *ker*(*d*)- свое *d* еще в индоевропейскую эпоху, что разрешило бы противоречие, в котором находится *κῆρ* с известным законом греческой фонетики» [5]. В указанной ста-

[1] *Benveniste.* Origines. Ch. V: La question du locatif singulier. P. 87—99. Из указанных выше хеттских форм Бенвенистом отмечена только форма *lammar*.

[2] Предположение о развитии *ki-ir* из *kerd*, высказанное Зоммером (*Sommer.* HAB. S. 96), было принято Педерсеном (*Pedersen.* Hittitisch. S. 195) и Стертевантом (*Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} § 79. P. 56), ср. также: *A. Ernot, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3ème éd. Vol. 1. Paris, 1951. P. 254.

[3] *Sommer.* HAB. S. 96; *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 177.

[4] *S. Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. I. 1939. S. 279.

[5] *F. de Saussure.* Vieux prussien *siran* «le coeur» // Recueil des publications scientifiques. Heidelberg, 1922. P. 443.

тье Соссюр использовал для доказательства своего тезиса только такие прусские формы, как встречающиеся в катехизисах *siras*, *siran* и т. п.; в более поздней работе Соссюр ссылается и на форму *seyr*, засвидетельствованную в Эльбингском словаре: «прусское *siran*, *seyr* показывает, что это слово некогда имело форму... **βēr* = *κῆρ*» [1]. Много лет спустя данное сопоставление нашло окончательное подтверждение в работе Я. М. Эндзелина, показавшего, что прусское *seyr* в Эльбингском словаре (124 = «*hercze*») следует понимать как графическое отражение произношения **sēr* [2]. Но если де Соссюр тождество греч. *κῆρ* и прус. *seyr* объяснял общностью древнего фонетического развития (отпадением *d*), Я. М. Эндзелин переводит этот вопрос из области исторической фонетики в сферу морфологических исследований. В своей сравнительно-исторической грамматике балтийских языков Я. М. Эндзелин приводит прусс. *seyr*, сравниваемое им с *κῆρ*, в качестве архаичной формы им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. основы на *-r* [3]. Факты прусского и греческого языков подтверждают правильность такого освещения данных явлений.

В прусском языке существуют только такие формы данного слова (и производные от него), в которых корень кончается на *-r*: указанное выше *seyr* в словаре Эльбинга; в катехизисах формы ед. ч. род. пад. *siras*, дат. пад. *siru*, вин. пад. *sijran*, *siran*, вин. пад. мн. ч. *sirans*, производные *sirisku* ‘сердечно’ и *sir-sdau* ‘посреди’ (по образованию аналогично *pir-sdau* ‘перед’) [4]. В древнегреческом языке склонение на *-r* также засвидетельствовано: им.-вин. пад. *κῆρ*, род. пад. *κῆρος*, дат. пад. *κῆρι* (напр., у Гомера: *ε* 36) [5]; принадлежность этого слова к склонению на *-r* уже в общегреческую эпоху не вызывает сомнений [6]. Сопоставление указанных фонетических и морфологических особенностей греческого *κῆρ* и прусского *seyr* делает чрезвычайно вероятным предположение о том, что образование данной формы (**k̂ēr*) осуществилось не самостоятельно в западнобалтийском и общегреческом, а произошло в более раннюю эпоху близости этих индоевропейских диалектов. Однако делать такой окончательный вывод только на основании данных прусского и греческого языков, памятники которых относятся к различным эпохам, было бы преждевременно. Именно поэтому особое значение приобретают факты хеттского языка, в точности соответствующие рассмотренным данным древнегре-

[1] *F. de Saussure.* A propos de l’accentuation lituanienne // Recueil des publications scientifiques. Heidelberg, 1922. P. 505.

[2] *J. Endzelīns.* Filologu biedribas raksti. XII. C. 148.

[3] *J. Endzelīns.* Baltu valodu skanas un formas. Rīgā, 1948. C. 139.

[4] *Trautmann.* Die Altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1909. S. 424, 427.

[5] Ср. также о формах *κηρόφι* и *κηρόθι*: *S. Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. I. S. 128, 551, примеч. 6. Ср.: там же, S. 513 о производном *κηραίνω*.

[6] Ср.: *П. Шантрен.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 52.

ческого и прусского языков. Хеттское *gi-ir* (= *ker*) в сопоставлении с греческим *κῆρ* и прусским *seyr* позволяет установить общеиндоевропейский архетип **k̂ēr*. Утверждать, что в этих словах в трех индоевропейских диалектах произошло параллельное фонетическое изменение (отпадение *d*), нельзя. По отношению к греческому языку эта гипотеза наталкивается на фонетические трудности; в прусском и хеттском исчезновение *d* фонетически необъяснимо. В западнобалтийском, греческом и хеттском данное слово является архаическим существительным, принадлежащим к типу корневых имен на *–r*; не подлежит сомнению, что к этой группе основ данное слово относилось и в общеиндоевропейском. Встречающееся до сих пор в научных работах утверждение о том, что в гр. *κῆρ*, прус. *seyr* и хет. *kir* «сохранена» основа **k̂ērd-* [1], противоречит действительности и служит примером того, как новые факты искусственно приспосабливаются к устарелым теориям. Гипотеза об отпадении *d* в *κῆρ* возникла тогда, когда не были известны соответствия этой греческой форме в других индоевропейских языках. Но в настоящее время, после того как доказано фонетическое и морфологическое тождество основ на *-r* в двух языках с древнейшими памятниками и в таком архаичном языке, как прусский, следует признать беспочвенность фонетического возведения *ker-* к *kerd-*. Эти две основы необходимо считать разными образованиями от одного и того же корня. Следует заметить, что корень *ker-* и аффикс *-d-* давно уже выделялись в общеиндоевропейском названии «сердца» [2], но это оставалось чисто теоретическим построением. Рассмотренные выше хеттские факты вместе с данными других родственных языков позволяют сделать вывод, что в хеттском языке представлено архаичное корневое имя существительное среднего рода **k̂ēr* > *ki-ir*, засвидетельствованное наряду с именем существительным несреднего рода **k*(*e*)*r*(*e*)*d* > *kar*(*a*)*t-* ʻсердце, внутренности, чревоʼ (род. пад. *kard-iy̯-aš* образуется от основы *kardi-*).

Существование наряду с корневым именем синонимичных основ, расширенных архаичными суффиксами, можно отметить и в других случаях: наряду с редко встречающимся корневым именем *u̯id-* ʻводаʼ в хеттском языке засвидетельствовано существительное *u̯atar* с гетероклитическими суффиксами *r*/*n* (подробно о производных от корня **u̯ed* см. ниже, в связи с разбором существительных гетероклитического типа).

---

[1] *E. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3ème éd. (Хеттские факты в этом издании проверены Ларошем: *E. Laroche.* Recuel d'onomastique hittite. Paris, 1951. Vol. 1. P. 254: «Il est probable que le nominatif-accusatif était de la forme *kerd*, conservée dans hitt. *kir*, … gr. *κῆρ*, pruss. *seyr*» («Возможно, что имен.-вин. пад. имел форму *kerd-*, сохраненную в хет. *kir*, … греч. *κῆρ*, прус. *seyr*»).

[2] Ср., напр.: *Benveniste.* Origines. P. 180.

§ 43. Корневое имя существительное *u̯ett-*

Помимо указанных выше существительных *kir* ʻсердце’ и *u̯it* < **u̯ed-* ʻвода’, к числу хеттских корневых имен относится *u̯ett* [1] < **u̯et-* ʻгод’ (глухость индоевропейского **t* отражается в сдвоенном написании хет. *tt*). В других индоевропейских языках соответствующее корневое имя засвидетельствовано только в сложении: др.-инд. *par-ut* ʻв прошлом году’ (форма местного падежа с нулевым суффиксом, ср. о таких формах § 42).

Чаще всего в индоевропейских языках встречается именная основа, образованная от данного корня с суффиксами **-uso-*, **-es-* (ст.-сл. **вєтъхъ**, рус. *ветхий*; др.-инд. *vatsa-s*, греч. (ϝ)έτος ʻгод’). С основами типа греч. *έτος* можно сопоставить хеттское *u̯itaššiʻ* ʻгодовой’ [2], ср. ниже об однотипном *i̯ugašš-* (от *i̯uga-* ʻярмо’), которое также соответствует именным основам других индоевропейских языков с суффиксом **-es-*. В хеттских текстах засвидетельствовано существительное *u̯et-ant-atar*, встречающееся в форме дат.-мест. пад. *u̯it-ant-anni* [3] ʻна следующий год’. Это производное является отвлеченным образованием на *-atar* от основы *u̯et-ant-* [4], где *-ant-* собирательный суффикс, служащий для образования названий времен года в хеттском (*gimmant-* ʻзима’, см. ниже; *ḫamesḫant* ʻвесна’) и древнеиндийском: др.-инд. *hemant-as* ʻзима’, ср. хет. *gimmant-*; др.-инд. *vasanta-s* ʻвесна’ [5].

Клинописное хеттское наречие *u̯etti-li* ʻежегодно’ [6] представляет интерес потому, что близкая по морфологической структуре форма обнаружена в иероглифическом хеттском. В значении клинописного хеттского *u̯ett-* в иероглифическом хеттском встречается существительное *usa* ʻгод’ (в билингве из Каратепе)[7]; ср. лувийское *usa-* ʻгод’ [8]. Иероглифическое хеттское *usa-li* ʻежегодный’ [9] по своему образованию очень близко к клинописному хеттскому *u̯etti-li*.

---

[1] См. об этом слове: *B. Hrozny.* L’invasion des indo-européens… // AOr. 1929. Vol. 1. № 3. P. 281 и след. Ср. также о фразоологическом сочетании *u̯itti mei̯ani* ʻновогодний день’: *A. Goetze.* Contributions to Hittite Lexicography // JCS. 1950. Vol. 4. № 4. P. 223—225.

[2] *A. Götze.* Neue Bruchstücke zum großen Text des Hattusilis. Leipzig, 1930. S. 30, примеч. 2; ср.: *Г. А. Капанцян*. Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древней Малой Азии. Ереван, 1948. С. 15, примеч. 2.

[3] См.: *Götze.* AM. S. 240.

[4] *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 133; *H. Ehelolf* // ZA NF. Bd. IX. S. 182.

[5] *Benveniste.* Origines. P. 126, 127.

[6] *E. Laroche.* Le voeu de Puduhepa // RA. 1949. Vol. 43. № 1/2. P. 67.

[7] *H. T. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Foschung. Bd. II. S. 171 и след., 299, 315.

[8] *Otten.* Luv. S. 103.

[9] *H. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. II. H. 2. S. 171. На сходство иероглифического хет. *usali* с клинописным *u̯etti-li* Боссерт внимание не обратил.

Гипотеза Оттена о родстве основ *ɥett-* и *usa-* [1] не может считаться бесспорной, так как неясно их фонетическое соотношение [2], но, во всяком случае, несомненно, что по типу образования хет. *ɥetti-li* имеет близкое соответствие в иероглифическом хеттском.

§ 44. Корневое имя *ḫant-*; особенности родственных ему именных и наречных форм

Особое значение имеет сохранение в хеттском языке корневого имени *ḫant-* ʻпередняя сторонаʼ. В других индоевропейских языках сохранились только производные от данного корня и наречия (лат. *ante*, оскс. *ant*, греч. *ἀντί*, др.-инд. *anti* и т. п.), возникшие на основе падежных форм корневого имени, соответствующего хет. *ḫant-*. Происхождение этих слов от общеиндоевропейского корневого имени было предположено еще в XIX в., но эта гипотеза до недавнего времени считалась недоказанной [3]. Факты хеттского языка в данном случае, как и во многих других, подтвердили правильность гипотез, созданных благодаря применению сравнительно-исторического метода. В хеттском языке корневое имя *ḫant-* ʻпередняя сторонаʼ засвидетельствовано наряду с производными [4], которые имеют точные соответствия в других индоевропейских языках. Ряд форм этого корневого имени в хеттском, как и в других древних индоевропейских языках, носит наречный характер. Положение этих форм в хеттском языке отлично от их места в латинском, греческом и древнеиндийском, так как в хеттском языке наряду с наречием *ḫanti* (греч. *ἀντί*, др.-инд. *anti*), возникшим из древней формы дат.-мест. пад. ед. ч., сохраняется существительное *ḫant*, ср., напр., форму им. пад. ед. ч. *ḫanz*(*a*) = *ḫant-s*. Тем не менее, уже в хеттском языке окаменевшие падежные формы утрачивают связь с именем существительным *ḫant-*. В частности, происхождение послелога *ḫandaš* ʻсоответственно, ради, по желанию (кого-либо)ʼ из формы дат.-мест. пад. мн. ч. существительного *ḫant-* может быть установлено лишь путем научного анализа [5]. Самостоятельными словами стали и формы *ḫanda* (послелог-наречие) ʻтаким образом; действительно; соответственноʼ (в последнем значении — послелог, синонимичный *ḫandaš*) и *ḫanti* ʻотдельно, раздельно, особоʼ (*ḫanda* — древняя форма мест. пад.; *ḫanti* — форма дат. пад.).

[1] *Otten.* Luv. S. 110.

[2] Возможно, что *usa-* восходит к **uts-* > *uss-*, ср. др.-инд. *vat-s-* и т. п.

[3] Ср., напр., сомнения по этому поводу, высказанные в словаре: *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 67 (с указанием литературы вопроса). В новом издании словаря Покорный вынужден был пересмотреть свою старую точку зрения.

[4] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 51.

[5] *J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexicon // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. S. 306, примеч. 97.

Формы, образованные от *ḫant-*, часто употребляются в застывших фразеологических сочетаниях, постепенно превращающихся в сложные слова. От употребляющегося в специальных юридических текстах и инструкциях должностным лицам (напр., в наставлениях высшим сановникам, KUB XXVI 12 + XXI 42 III 11—12) выражения *ḫanti tii̯a-* ʻдонестиʼ образовано производное имя деятеля *ḫantitii̯atalla* — ʻдоносчикʼ, что указывает на тесное слияние *ḫanti* с глаголом. Аналогичные явления наблюдаются в других индоевропейских языках, в частности в древнегреческом (ср. глаголы типа *ἀντι-βολέω* и т. п.), но особенностью хеттского языка являются фразеологические сочетания глаголов с формой им. пад. ед. ч. *ḫanza* (=*ḫant-s*): *ḫanza ep-* ʻприветствоватьʼ и т. п.

Помимо наречных образований от данного корня в хеттском языке имеется ряд производных именных основ, указывающих на продуктивность корня *ḫant-* в хеттском языке. Основа *ḫant-* ʻпередняя сторона, лобʼ засвидетельствована в трех именах богов: *Ḫantaššaš* ʻбожество лбаʼ [1] (имя лувийского типа, ср. ниже о *Šakui̯aššaš*), *Ḫantašepa* [2], *Ḫantidaššu* [3]. Значение «лоб», обнаруженное у хеттской основы *ḫant-*, подтверждает родство с греч. *ἀντι*, лат. *ante* ряда слов индоевропейских языков со значением «лоб»: др.-исл. *enni*, др.-в.-нем. *andi*, *endi* ʻлобʼ, др.-ирл. *etan* < **ant-ono-* ʻлобʼ, ср. лат. *antiae* ʻволосы, спадающие на лобʼ [4].

Значение «лоб» было лишь одним из значений данного корня, так как другие производные в хеттском указывают на древность значения «передняя сторона». От *ḫant* в этом последнем значении с помощью суффикса **-ti̯o-* [5] образовано прилагательное *ḫantezzii̯a-* (более новая форма *ḫantezzi*) [6]. По типу образования это прилагательное является архаичным; оно часто встречается в древнейших хеттских текстах. Основным значением *ḫantezziia-* следует считать «передний, находящийся впереди» [7], ср. характерное выражение *ḫantezzii̯aš* GÌR-*aš* ʻпередняя ногаʼ (KUB X 631 30) и наречие *ḫantezzii̯az* ʻвпередиʼ (из формы отлож. пад. ед. ч.). Но уже в древних памятниках *ḫantezzii̯a-* может иметь значение «первый», ср. более поздние производные (от менее ар-

[1] *E. Laroche.* Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947. P. 70; *H. Otten* // JCS. Vol. 4. P. 125.

[2] *H. Otten* // Bibliotheca Orieantalis. 1951. Jg. 8. № 6. P. 226, примеч. 12.

[3] *E. Laroche.* Recherches sur les noms des dieux hittites.

[4] *E. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3ème ed. Paris, 1951. Vol. I. P. 65.

[5] Об этом суффиксе в хеттском *ḫantezzii̯as* см.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. 1947. S. 54; *Lohmann* // Indogermanische Forschungen. Bd. 51. S. 322—324.

[6] *Sommer.* HAB. S. 158, 93, примеч. 4.

[7] *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 54.

хаичной основы на *-i-* *ḫantezi*) *ḫantezzi* ʻпри первой возможности’ и *ḫantezzili* ʻвпервые’.

Уже в таком древнем памятнике, как документ Хаттусилиса III (HAB III 39), а также и в документе Телепинуса (Tel. I, 64—65) прилагательное *ḫantezziia-* употребляется в качестве социального термина в сочетании *ḫantezziiaš* ÌR ʻпервый подданный’. В применении к должностному лицу *ḫantezziia-* означает «главный» (идеограмма GAL)[1]. Следовательно, в древнехеттском языке *ḫantezziia-* применялось к лицам, занимавшим важные общественные должности или принадлежащим к верхушке общества[2]. В древнехеттских текстах, в особенности в документе Телепинуса, *ḫantezziia-* часто употребляется в значении «перворожденный (первенец) старший» (ср., напр., Tel. II, 10; 36; 37; 38). В законе Телепинуса о престолонаследии *ḫantezziia-* употребляется в качестве постоянного термина для обозначения старшего из сыновей и старшей из дочерей[3]. Таким образом, в то время как одни производные от *ḫant-* в хеттском становились служебными словами, другие (*ḫantezziia-*) приобрели абстрактное значение, далекое от первоначального значения *ḫant-* ʻпередняя сторона, лоб’.

Кроме корневых имен, рассмотренных выше, в хеттском языке имеется ряд существительных, которые стали непроизводными в древний период развития индоевропейских диалектов (напр., *gim-* ʻзима’, *šiu-* ʻбог’). Однако ввиду того, что в этих существительных предполагается наличие древних окаменевших аффиксов, они рассматриваются ниже в связи с вопросом о выделении древних корневых морфем в первоначально производных именных основах.

---

[1] Предположение Зоммера (HAB. S. 153—154), подтверждаемое приведенным ниже текстом документа Телепинуса (см. ниже, Приложение 1).

[2] См. ликийское *xñta-wata* ʻпредводитель’, сопоставляемое Педерсеном (*H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. S. 17, 25) и некоторыми другими учеными (ср., напр.: *В. Георгиев.* Вопросы родства средиземноморских языков // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 35) с хет. *ḫanti-*. Иероглифическое хеттское *ha*(*n*)*ta* ʻвождь’ могло бы быть сопоставлено с клинописным хеттским *ḫantezziias* ʻпервый (подданный); главное (должностное лицо)’ и ликийским *xñta-wata* ʻпредводитель’, если бы было принято чтение Гельба *hanta* (*J. Gelb*. The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Deciphrement of Hieroglyphic Hittite // Bibliotheca Orientalis. 1950. Jg. 7. № 5. P. 133). Но это чтение предполагает наличие *n*, не отраженного в написании, и поэтому не может считаться достоверным. Боссерт (*H. Th. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. II. H. 2. S. 186) предлагает чтение *hata* и связывает это слово с *kata* ʻцарь’, что может найти подтверждение в развитии *k* > *ḫ* в слове ʻцарица’ (*kattaḫ*) в клинописном хаттском языке (см. об этом ниже).

[3] Ср.: *И. М. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 257, примеч. 8. Ср. арм. *andranik* ʻпервенец’. (Родство арм. *andranik* и греч. *ἀντι* и т. п. предположено: *Bugge*, BB, 32. C. 2, но имеются и другие этимологии этого армянского слова.)

§ 45. Прилагательное на *-u- parku-*; глагол *parkeš-* и происхождение отыменных глаголов на *-eš-*

При изучении древних производных именных основ, образованных от индоевропейских корней, обращает на себя внимание то, что наиболее прозрачной в хеттском языке является структура древних прилагательных. Древние корневые морфемы и основообразующие суффиксы в ряде хеттских прилагательных выделяются при сопоставлении слов данного корня в пределах хеттского языка, это объясняется тем, что такие архаичные суффиксы прилагательных, как *-u-*, *-i-*, в хеттском языке выделялись еще в качестве самостоятельных морфем.

К числу хеттских прилагательных на *-u-* относится *parku-* ʻвысокий’. Морфологическая структура прилагательного *park-u-* ʻвысокий’ в хеттском языке является совершенно отчетливой, так как с этим прилагательным связан ряд других хеттских производных от корня *park-*.

Производные существительные, связанные с прилагательным *parku-*, отличаются тем, что они образованы не от основы на *-u-*, а непосредственно от корня: *park-atar* ʻвысота’, *park-ašti* ʻвысота’, ср. также синонимичное *park-eššar*. В этом отношении можно отметить сходство между прилагательными *park-u-* ʻвысокий’ и *palḫ-i-* ʻширокий’ (суффикс *-i-*, см. ниже), ср.

Корень	Производное прилагательное (суффикс *-u-* или *-i-*)	Производное существительное с суффиксом *-ašti*	Производное существительное с суффиксом *-atar*
park-	*park-u-*	*parg-ašti-*	*parg-atar*
palḫ-	*palḫ-i-*	*palḫ-ašti*	*palḫ-atar*

Параллелизм этих производных ощущался говорившими на хеттском языке, как об этом свидетельствует следующее место из новохеттской книги о коневодстве: *par-ga-tar-še-it* 6 IKU *pal-ḫa-tar-še-it-ma* 4 IKU$^{\text{ḪI.A}}$ ʻвысота его шесть IKU (IKU — «поле», мера длины), ширина же его 4 IKU’ (KBo III 22 пер. ст. 26). В указанном тексте *parg-atar-šet* ʻего высота’ и *palḫ-atar-šet* ʻего ширина’ выступают в качестве параллельных обозначений размеров ристалища [1]. То обстоятельство, что суффикс имени прилагательного отсутствует в

[1] Аналогичное сочетание *pargašti* и *palḫašti*, вероятно, имеется в новохеттской поэме «Песнь об Улликумми», где существительному *palḫašti*(*š*) (Ullikummi, 3 табл. I 21) предшествует *pargašti* согласно реконструкции поврежденного места, данной Гютербоком (Ullikummi, 3 табл. I 20; *H. G. Güterbock* // JCS. 1952. Vol. 6. № I. P. 18, примеч. 6). Представляется, что указанное место из новохеттской книги о коневодстве подтверждает правильность данной реконструкции (Гютербок параллельных текстов не приводит).

производном имени существительном, доказывает морфологическую членимость основы *park-u-* в хеттском языке. Этот вывод подтверждается при анализе хеттских глаголов, связанных с *park-u-*.

Хеттские глагольные формы, образованные от корня *park-*, носят архаичный характер. Форма *barg*(*a*)*nula*[1] является одной из крайне редких в хеттском языке форм с суффиксом *-l-*, соответствующим суффиксу *-l-* в отглагольных и глагольных формах кучанско-карашарских, армянского и славянских языков[2].

Форма *barg*(*a*)*nula* образована от глагола *bargnu-* ‘делать высоким’, который в хеттских текстах засвидетельствован только в этой архаичной форме (KUB XII 63 I 30). Это позволяет предположить, что глагол *barg-nu-* принадлежит к числу каузативных производных на *-nu-*, образованных до письменного периода истории языка. Такой вывод подтверждается благодаря сравнительно-историческому изучению соотношения *park-u-* : *barg-nu-*. Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков показывает, что суффикс *-nu-* возник из сочетания носового инфикса с суффиксом *-eu-*/*-u* (см. об *arnu-* в § 17). Факты, рассмотренные в § 6 и 37, показывают, что суффикс *-u-* в именных основах (хет. *tarḫ-u-*) и суффикс *-u-* в глагольных основах (др.-инд. *tar-u-*) генетически тождественны. Поэтому, если сравнение греч. *ὀρούω* и *ὄρνυμι* приводит к выводу о происхождении *-nu-* в хет. *ar-nu-* из сочетания *-n-* с глагольным суффиксом *-u-*, то сравнение хет. *park-u-* и *barg-nu-* также позволяет сделать вывод об инфигированном характере *-n-* в глаголе *barg-nu-*, ср. ниже об аналогичном соотношении *tepu-* и *tepnu-*, которые имеют точные соответствия в индоиранском. Глаголы на *-nu-*, в которых можно установить инфигированный характер *-n-*, принадлежат к числу наиболее архаичных глаголов этого типа, ср. в § 17 об *arnu-* и в § 47 о *tepnu-*.

Хеттское прилагательное *park-u-* ‘высокий’ имеет точное соответствие в древнеармянском языке[3] в основе косвенных падежей единственного числа прилагательного *barjr* ‘высокий’: род.-дат.-мест.-твор. пад. ед. ч. *barju*, от-

[1] См. о данной форме: *H. Pedersen.* Hittite *dalugnula* and *barganula* // JCS. 1947. Vol. 1. № 1. P. 61—64.

[2] Ср.: *W. Thomas.* Die Tocharische Verbaladjektive auf *-l*. Berlin, 1952; ср. также: *A. Hahn.* Subjunctive and Optative. 1953.

[3] Возможно, что соответствующая основа имелась и в лувийском, см. форму *párku-ua-i-mi-in-zi* в лувийском религиозном тексте KUB 86 пер. ст. II 7 (LTU, с. 85). В этой форме выделяется окончание им. пад. ед. ч. м. р. *-inzi-* и суффикс *-im*(*mi*)-. Судя по строке II 4, в тексте идет речь о Телепинусе; в хеттском варианте мифа о Телепинусе прилагательное *parku-* часто встречается (ср. KUB XVII 10 t 24; KUB XXXIII 9 пер. ст. II 7 и др.). Поэтому предположение о тождестве лувийской основы *parkuu*(*a*)- и хет. *parku-* не лишено вероятия.

лож. пад. *barjuē* (или *barju*) [1]. Формы им. пад. ед. ч. *barjr*, где *-r* < **-ur* [2], и им. пад. мн. ч. *barjunk‘* указывают на образование в древнеармянском языке от основы *barju-* < **b^hŗ$\hat{g}^h$u-* (хет. *parku-*) производного имени с гетероклитическими *суф*фиксами *-r*/*n-* [3]; аналогичное производное от прилагательного на *-u-* *panku-* имеется в хеттском языке (см. о *pankur* в § 46 и в Приложении I).

Сравнение арм. *barjr*, *barju-* и хет. *parku* ‘высокий’ с родственными словами других индоевропейских языков позволяет установить, что образование прилагательного с помощью суффикса *-eu-* в данном случае является особенностью только двух языков — хеттского и армянского [4]. В разных языках прилагательные образуются от корня **b^her$\hat{g}^h$* посредством разных суффиксов, что отметил еще Мейе, писавший: «Когда первая часть сложения — прилагательное, то какой бы ни был суффикс прилагательного, он может заменяться через *-i-*; так, ... авест. *bərəzi-čaxra* ‘высококолесный’ при *bərəzant-* ‘высокий’, ср. скр. *bŗhánt-*, др.-ирл. *Brigit* (имя собственное, букв. ‘высокая’)... вторичные суффиксы прилагательных бывают различны в форме мужского рода сравнительно с формою женского рода или с формою первой части сложения, точно так же, как они различествуют по языкам; так, например, основе на *-ent-* в индоиранском, скр. *bŗhánt*, и в кельтском, др.-ирл. *Brigit*, соответствует в хеттском и армянском основа на *-u-*, хет. *parku-*, арм. *barjr* (род. п. *barju*) ‘высокий’» [5]. Эти выводы Мейе в настоящее время можно подтвердить данными кучанско-карашарских языков. Прилагательное, образованное от дан-

[1] Привожу формы по: *A. Meillet.* Altarmenisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913. § 51 c. S. 51. Ср. также: *Н. Марр.* Грамматика древнеармянского языка. 1903. § 125. С. 106. О диалектных формах ср.: *Л. Мсериан̧.* Этюды по армянской диалектологии. Ч. 1 // Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. историко-филол. Вып. 24. М., 1899. § 155. С. 117; § 186. С. 130.

[2] См.: *A. Meillet.* Esquisse d’une grammaire comparée de l’arménien classique. Vienne, 1935. § 49. P. 82.

[3] Виндекенс (*A. J. Windekens.* Notes tokhariennes // AOr. Vol. 18. № 1/2. P. 520, примеч. 1) предположил, что кучанское *pärkre*, карашарское *pärkär* ‘длинный’ восходит к **b^hŗ$\hat{g}^h$uro*. Но ввиду того, что нет причин предполагать исчезновение *-u-* в кучанско-карашарском, более вероятным представляется архетип **b^hŗ$\hat{g}^h$ro*, установленный Педерсеном (*Pedersen.* Tocharisch. S. 39).

[4] Отмечено: *Мейе.* Введение. С. 298; *Benveniste.* Origines. P. 36. По сообщению Стертеванта, данной хетто-армянской изоглоссе особое значение придавал Сэпир (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 59, примеч. 115). Следует заметить, что обнаружение в хеттском прилагательного *parku-* подтверждает правильность давно уже установленного для арм. *barjr* архетипа *bhŗĝhu-* (см., напр.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 178), что является еще одним доказательством значения данных хеттского языка для проверки сравнительно-исторических гипотез.

[5] *Мейе.* Введение. С. 297—298.

ного корня, в кучанско-карашарском выступает в сложном слове со значением «восход солнца» («солнце восходящее»): карашарское *koṃ-pärkant* [1], кучанское *kaum-park-i-* [2].

Различие между суффиксом *-i-* в кучанском *-parki-* и суффиксом *-ant-* в карашарском *-pärk-ant-* можно сравнить с различием между авест. *bərəzi-* и *bərəzant* (но в кучанско-карашарском обе основы выступают в сложении, притом в качестве второй части сложного слова). Факты кучанско-карашарских языков представляют интерес также и потому, что они подтверждают предположение о наличии гетероклитического чередования суффиксов *i* : *u* : *n*(*t*) в основах, образованных от данного корня [3], так как в кучанско-карашарском засвидетельствованы основы с суффиксом *-r-*, обычно участвовавшим в таких чередованиях: карашарское *pärkär*, кучанское *pärkre* ʻдлинныйʼ (из $*b^hr̥\hat{g}^h$*-r-o-*, по Педерсену [4]), ср. ниже об аналогичных чередованиях суффиксов в основах, образованных от других корней.

Вместе с тем факты кучанско-карашарских языков доказывают то, что др.-инд. *bṛhánt-*, авест. *bərəzant-*, др.-ирл. *Brigit* (др.-валл. *bryeint* ʻпреимуществоʼ [5]) являются древними отглагольными прилагательными (об отглагольных прилагательных на *-ent-* ср. в § 2). Причастный характер данной основы с суффиксом *-ent-* предполагался еще младограмматиками, но эта гипотеза оставалась недоказанной, так как в ведийском не засвидетельствованы личные формы корневого глагола *bṛh-* [6], в отличие от кучанско-карашарских языков, где засвидетельствован соответствующий глагол.

Глагол *pärk-*, *park-* ʻподниматься’ в кучанских и карашарских текстах употребляется преимущественно тогда, когда речь идет о восходе солнца, поэтому не подлежит сомнению, что второй компонент карашарского сложного слова *koṃ-pärkant* ʻвосход солнцаʼ (собственно «солнце-восходящее; солнце-поднимающееся») является по происхождению причастием от глагола *pärk-* ʻподниматься, восходить (о солнце)’. Вместе с тем, несомненно родство карашар-

---

[1] Ср. об этом сложном слове: *A. J. Windekens.* Notes tokhariennes // AOr. Vol. 18. № 1/2. P. 520 (кучанское соответствие Виндекенсу оставалось неизвестным).

[2] *Krause.* Das Verbum. S. 49, 259 (сравнения с другими языками Краузе не делает).

[3] См.: *F. Specht.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 125—126 (факты кучанско-карашарских языков Шпехтом не были использованы).

[4] *Pedersen.* Tocharisch. S. 39.

[5] *Т. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 58, 234. Ср. аналогичное значение у кучанского производного от того же корня *pärka* ʻпреимуществоʼ (*Krause.* Das Vebum. § 37, 2. C. 47).

[6] О ведийских формах, в которых видели отражение этого глагола, ср.: *G. Grassmann.* Wörterbuch zum Rig-Veda. S. 910.

ского *pärkant* и др.-инд. *bṛhant-*, авест. *bərəzant-*, др.-ирд. *brigit*. На основании сравнения этих древних отглагольных прилагательных (причастий) с кучанско-карашарским глаголом *pärk-*, *park-* и с глагольными формами, образованными от *bṛh-* в ведийском (интенсив *barbṛh-*, каузатив *barhaya-* и т. п.), можно сделать вывод, что в древнюю эпоху развития индоевропейских диалектов существовал корневой глагол $*b^herĝ^h$-, от которого образованы указанные причастия.

Наличие в древности в хеттском этого глагола доказывается анализом хеттского глагола *parkeš-*, засвидетельствованного в тексте поэмы «Песнь об Улликумми». Глагол *parkeš-* ʻстать высоким, высоко подняться, вырастиʼ употребляется в этой поэме, когда речь идет о каменном чудовище — Улликумми: *nu-kán ku-un-ku-n*]*u-uz-zi-iš… pár-ki-iš-ta* (Ullikummi, 3 табл. I 16—17) ʻи Улликумми (*kunkunuzzi-*, см. выше в § 3 об этом производном от *kuen-*) стал высокимʼ; ср. *nu* NA_4*-aš pár-ki-iš-ta* ʻи камень (т. е. каменное чудовище) стал высоким («вырос»)ʼ (Ullikummi, 1 табл., A IV, 27). Морфологическая структура основы *park-eš-* ясна: это производный глагол с суффиксом *-eš-*, образованный от корня *park-*, глагол *park-eš-* не относится к числу отыменных глаголов, образованных в поздний период развития хеттского языка посредством продуктивного суффикса *-eš-*. В таких отыменных глаголах, образованных от прилагательных с основой на *-u-*, суффикс *-u-* предшествовал глагольному суффиксу *-eš-*, ср. *tep*(*a*)*u-eš-* от *tep-u-* ʻмаленькийʼ (при *tep-nu-* ʻуменьшатьʼ, ср. *barg*(*a*)*nu-*(*la*)- : *park-u-*), *idalu* ʻзлойʼ : *idalaue̯š-* ʻпоссоритьсяʼ, сделать злымʼ.

Педерсен установил, что продуктивные отыменные глаголы типа *idalaue̯š-* генетически связаны с более древними отглагольными производными типа *lukk-eš*[1] (от *luk-*, см. § 10, ср. в § 27—29 о глаголах на *-eš*). Поскольку *park-eš-* не может быть отнесено к числу отыменных глаголов типа *idalaue̯š-* (так как соотношение *parku-* : *parkeš-* отлично от соотношения *idalu-* : *idalaue̯š-*), можно предположить, что *park-eš-* является более древним производным, близким к отглагольным производным типа *lukk-eš-*. Как многократно отмечалось выше, наиболее характерной чертой древних производных глаголов с суффиксом *-*(*e*)*š-* было наличие параллельных глаголов с суффиксом *-šk-* (ср. ниже). Именно такое соотношение можно установить между глаголом *park-eš-* ʻстать высоким, вырастиʼ и *park-*(*e*)*šk-* ʻвырастатьʼ, ср. форму 3 л. ед. ч. наст. вр. медиопассива *par-ki-iš-kat-ta-ri* ʻ(он) вырастаетʼ (Ullikummi, 3 табл. I 27). Различие между медиопассивным спряжением *park*(*e*)*šk-* и активным спряжением *park-eš-* указывает на то, что *parkišk-* не является обычной итеративной формой, образованной от *parkeš-*. Соотношение *park-eš-* : *park-*(*e*)*šk-*

[1] *Pedersen.* Hittitisch. S. 95.

подтверждает то, что *park-eš* является древним отглагольным производным типа *lukk-eš-*. Как предположил Педерсен, употребление суффикса *-eš-* в глаголах типа *idalaṷeš-* стало возможным благодаря тому, что глагол на *-eš*, первоначально являвшийся отглагольным производным, позднее стал связываться не с непроизводным глаголом, а с прилагательным, образованным от того же корня [1]. Хеттский глагол *parkeš* (который еще не был известен во время написания работы Педерсена) позволяет наглядно проследить этот процесс. Первоначально глагол *parkeš-* был производным от глагола, родственного кучанско-карашарскому *park-*, *pärk-*. Позднее, после исчезновения (еще в дописьменный период) непроизводного глагола в хеттском языке, *park-eš-* стал восприниматься как производное от прилагательного *park-u-* [2]. Корневой глагол, от которого образован производный *parkeš-*, в хеттском языке не сохранился, но сохранившиеся в хеттском языке производные глагольные и именные основы, как и рассмотренные выше родственные слова других языков, свидетельствуют о продуктивности этого корня в древних индоевропейских диалектах [3].

§ 46. Прилагательное на *-u- panku-*

Прилагательные на *-u*, к числу которых принадлежало хет. *parku-* (§ 45), были широко распространены в древних индоевропейских диалектах. К этому типу индоевропейских прилагательных относились прилагательные со значениями «тяжелый», «глубокий», «высокий» и т. п. [4] Образование некото-

[1] *Pedersen.* Hittitisch. S. 95: «Ausgangspunkt für dieser Verwendung werden Fälle gewesen sein, wo das betreffende Adjektiv neben einem Verbum stand, wovon in Wirklichkeit die (*-eš-*)-Form abgeleitet war, die nachträglich mit dem Adjektiv eine besonders enge Assoziation einging».

[2] Возможно, что сходным образом объясняется и структура указанных выше существительных типа *parg-atar*.

[3] В ряде индоевропейских языков (в том числе в славянских, германских и кельтских) от корня $b^herĝ^h$-, к которому восходит хет. *park-u-*, образованы существительные со значением «гора». В хеттском языке такое существительное не засвидетельствовано, но характерно то, что прилагательное *parku-* часто сочетается с идеограммой ḪUR.SAG ‘гора’, ср. *pár-ga-mu-uš* ḪUR.SAG^{MEŠ}*-uš* ‘высокие горы’ (вин. пад. мн. ч.) в мифе о Телепинусе (KUB XXXIII 9 пер. ст. II 7, ср. KUB XVII 10 I 25) и HUR.SAG^{MEŠ}*-uš pár-ga-u-e-eš* ‘высокие горы’ в анналах Мурсилиса (KBo IV 4 обр. ст. IV 30, ср. аналогичное употребление *parku-* в сочетании с ḪUR.SAG в KBo IV 4 IV 7 и KUB XIV 15 III 40). В сходном контексте в KUB XII 63 I 30 след. употреблена форма *barganula-*.

[4] См. материал, собранный в книге: *F. Specht.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 108—109.

рых прилагательных этого типа относится к очень древнему периоду. К общеиндоевропейской эпохе можно возвести хеттское прилагательное *panku-* ʻсовокупный’. Ввиду того, что история этого прилагательного и родственных ему слов в хеттском языке представляет исключительно важную для хеттологии проблему, этот малоизученный вопрос подробно рассматривается в Приложении I к настоящей книге. В данном параграфе сообщаются только некоторые выводы, к которым можно прийти на основании изучения истории хет. *panku-* и родственных слов в хеттском и других индоевропейских языках. Обоснование этих выводов и анализ соответствующих текстов дается в Приложении I.

Хеттское *panku-*, древнеиндийское *bahu-* и древнегреческое *παχύς* восходят к общеиндоевропейскому прилагательному **$b^hn̥ĝ^h$-ú-* ʻобширный; густой’. Это прилагательное произведено с помощью суффикса **-eu-/-u-* от корня **$b^henĝ^h$-*. В древнегреческом языке прилагательное *παχύς* и другие производные от корня *παχ* < **$b^hn̥ĝ^h$-* обозначают обширность, толщину, густоту. То же значение обширности сохраняет древнеиндийское *bahulá-*, генетически тождественное греческому *παχυλός*.

Совпадение древнеиндийских фактов с древнеиранскими (авестийскими) доказывает, что в общеиндоиранском (общеарийском) слова, восходящие к корню **$b^henĝ^h$-*, имели значение обширности, больших размеров. Другие древнеиндийские производные от корня *bah-/baṃh-* (**$b^hn̥ĝ^h$-/*$b^henĝ^h$-*) сохраняют значение «густоты, крепости». Древние значения «обширный, густой» сочетаются в архаичных случаях употребления древнеиндийского прилагательного *bahu-* в «Ригведе» со значением «совокупный». Значение совокупности, собирательности у древнеиндийского *bahu-* было очень древним; в этом отношении древнеиндийское *bahu-* сближается с хеттским прилагательным *panku-*. Значение множественности у *bahu-* явилось результатом позднейшего развития: «совокупный, обширный (о множестве)», «многочисленный». Хеттские производные от корня *pank-* < **$b^hn̥ĝ^h$-* в древности сохраняли значение обширности, большой величины. Об этом свидетельствует архаичный глагол *pang-ariia-* ʻувеличиваться’ (от *pangar*(*i*)-, ср. *etriia-* от *etri*, § 2), употребление которого имеет соответствия в употреблении слов, восходящих к тому же корню в древнегреческом и древнеиндийском.

Основным значением хеттского прилагательного *panku-* было значение «совокупный», в некоторых случаях употребления этого прилагательного в сочетании с существительным ERÍN^{MEŠ} ʻвойско’ обнаруживается связь значения «совокупный» и «обширный»: *pankuš* ERÍN^{MEŠ} ʻцелое (совокупное) войско = большое войско’. Та же связь значений «совокупный» и «обширный» обнаруживается у застывшей формы творительного падежа *pangarit* ʻцелой

массой, целиком (о войске)', употребляющейся только во фразеологически связанном значении в текстах военного содержания. В этих текстах *pangarit* 'целой массой (о войске)' употребляется в том же значении, что и *pankuš* ERÍN^{MEŠ} 'целое (совокупное) войско'. Тот факт (ранее не отмечавшийся), что слова *pangarit* и *panku-* в указанных значениях чередуются в смежных строках одного и того же текста, доказывает, что ко времени составления этого текста (анналов Суппилулиумаса, начало новохеттского периода, XIV в. до н. э.) сохранялась связь между родственными словами *panku-* и *pangarit* (окаменевший падеж от основы *pang*(*a*)*r*(*i*)-). С морфологической точки зрения связь суффиксов — (*e*)*u-* и (*e*)*r-* в *pank-u-* и *pang-ar*(*i*) может быть сравнена с закономерным чередованием тех же суффиксов в других основах этого типа, ср. хет. *park-u* и карашарское *pärkär* (см. выше, § 45), хет. *tep-u-* и др.-инд. *dabh-ra-s* (§ 47) и т. п. По типу образования *pang*-(*a*)*r*(*i*)- является архаичной именной основой, ср. в § 2 об *et-ri-*, в § 1 об *eš-ri-*.

Прилагательное *panku-* чаще всего употребляется в применении к совокупности вооруженных людей; древность этого употребления подтверждается аналогичным употребленном архаичной формы *pangarit*. Сравнение хеттского перевода вавилонского астрологического текста с аккадским оригиналом этого текста показывает, что хеттское прилагательное *panku-* в сочетании с ERÍN^{MEŠ} 'войско' было эквивалентом аккадского *nagbatu* (доказательство этого ранее не отмечавшегося соответствия см. в Приложении I). То же аккадское слово (*nagbatu*) соответствует хеттскому существительному *panku-* 'панкус, государственное собрание' в аккадском варианте двуязычного хетто-аккадского «завещания» древнехеттского царя Хаттусилиса I. Сличение двух указанных хетто-аккадских билингв позволяет сделать вывод, что еще в эпоху Хаттусилиса I сохранялась тесная связь между прилагательным *panku-* 'совокупный (о войске)' и существительным *pankuš* 'государственное собрание', обозначавшим в начале древнехеттского периода совокупность свободных взрослых мужчин, способных носить оружие. Существительное *panku-š* 'панкус, государственное собрание' является субстантивированным прилагательным, что доказывается его склонением.

Изучение истории хеттского государственного собрания (*panku-*) показывает, что это собрание является пережиточным учреждением, восходящим к органу древнего социального строя. Поэтому исключительный интерес представляет наличие в хеттском языке генетически связанного с *panku-* существительного гетероклитического склонения *pankur*, род. пад., *pankun-aš* 'род'. Соотношение между хет. *panku-* и *pankur*/*n* аналогично рассмотренному в предыдущем параграфе соотношению между хет. *parku-* 'высокий' и армянским *barjr* 'высокий':

		Основа на *-u-*	Основа на *-ur*	Основа на *-un-*
Общеиндо-евр.	I	*$*b^h$ḭ$\hat{g}^h$-ú-*	*$*b^h$ḭ$\hat{g}^h$-ur*	*$*b^h$ḭ$\hat{g}^h$-un-*
	II	*$*b^h$n̥$\hat{g}^h$-ú-*	*$*b^h$n̥$\hat{g}^h$-ur*	*$*b^h$n̥$\hat{g}^h$-un-*
Армянский	I	*barju*	*barjr*	*barjunkʿ*
	II			
Хеттский	I	*parku-*		
	II	*panku-*	*pankur*	*pankunaš*

Образование основ на *-ur*/*n* (от основ на *-u-*) относится к эпохе, далеко отстоящей от времени создания древнейших письменных памятников хеттского языка. Все остальные основы на *-ur*/*n* за исключением *pankur-* не имеют соответствующих основ на *-u-* в хеттском (см. ниже о *paḫḫur* ʻогоньʼ). О разложении данного типа основ свидельствует их переход в другой тип склонения отглагольных существительных на *-uu̯ar* (единственное исключение составляет существительное *aššiiu̯auu̯ar*, § 48), также утративших связи с соответствующими основами на *-u-* (ср. выше, § 6 и 7). В то же время данные других древних индоевропейских языков, в особенности близкого к хеттскому во многих отношениях древнеармянского, позволяют утверждать, что образование основ на *-u-r*/*n* от основ на *-u-* было характерной чертой древних индоевропейских диалектов[1]. Поэтому образование хет. *pankur*/*n-* от *panku-* можно отнести к древнейшей эпохе дописьменного развития хеттского языка[2].

[1] *Benveniste.* Origines. P. 35—37.

[2] С точки зрения древнейших соотношений индоевропейской морфологической системы гетероклитическое образование *pankur* (*pankun-*) может быть сопоставлено с производным на *-l*(*o*)- от той же основы на *-u-*: др.-инд. *bahula-*, др.-гр. *παχυλός*. Общее происхождение древнеиндийских суффиксов *-ra* и *-la* (в *bahula-*) доказывается ведийскими фактами (*Macdonell.* Vedic Grammar. § 231. P. 142) и подтверждается сопоставлением с другими индоевропейскими языками. Связи образований на **-ul*(*o*) с образованиями на *-ur* отмечены для общеиндоевропейского в указанной работе Бенвениста, p. 40—41. В хеттском образования на *-ul* представлены суффиксом *-ul* (см.: Там же. P. 41). Но связь между архаичным *-ur* и *-ul* может быть установлена и в самом хеттском, на что Бенвенист не обратил внимания. Исключительному и архаичному образованию *pankur* от *panku-* соответствует нормальное для хеттского языка образование *aššul* ʻблагоʼ от *aššu-* ʻхорошийʼ. Соотношение между употребительным и продуктивным суффиксом *-ul* (*Фридрих.* Краткая грамматика. § 49 ж, 50 а. С. 55—56) и архаичным суффиксом *-ur* в *pankur* аналогично соотношению между продуктивным суффиксом имен деятеля *-tel*(*a*) и архаичным суффиксом *-tar*(*a*) (в двух изолированных словах, восходящих к глубокой древности, см. выше). В обоих случаях суффикс, получивший в хеттском широкое распространение, имеет плавный *-l* (*-ul*, *-tala*), а архаичный суффикс, представленный лишь в изолированных словах, имеет плавный *-r* (*-ur*, *-tara*).

Архаичное производное *pankur*, образованное от *panku-*, в хеттском языке является названием «рода». Это следует связать с тем, что в древнейших хеттских текстах субстантивированное прилагательное *panku-* употребляется в качестве названия учреждения, восходящего к органу родового строя. Связь этих двух архаичных социальных терминов доказывается хеттскими текстами XVII в. до н. э., которые отражают устройство общества с очень живучими пережитками родового строя (см. в Приложении I об отражении типичного для авункулата порядка наследования по женской линии в «завещании» Хаттусилиса). В двух дошедших до нас документах хеттский царь Хаттусилис I, обращаясь к «панкусу» (*pankuš*) — государственному собранию, называет панкус «родом» (*pankur*) своих подданных. Связь социальных терминов *pankur* и *panku-* подтверждается и благодаря анализу хеттских текстов религиозного содержания. Эти тексты позволяют предположить, что *panku-* и производные от этого слова употреблялись для обозначения совокупности членов рода или племени.

История хеттского термина *pankuš* непосредственно связана с развитием хеттского общества. История этого термина отражает развитие хеттского общества от дописьменного периода, когда *pankuš* было, по-видимому, названием собрания рода (*pankur*) и племени, к древнехеттскому, когда *pankuš* был собранием всех воинов (свободных) страны Хатти. Позднее *pankuš* становится собранием должностных лиц и военачальников; в это время (к концу древнехеттского периода) термин *pankuš* утрачивает былую связь как с *pankur* ʻрод’, так и с параллельным *pankus* ERÍN^{MEŠ} ʻсовокупность (всех) воинов’. Изменение значения этого термина отражает процесс преобразования органа родового строя в орган деспотического государства. Дальнейшее развитие хеттского государства, превращающегося в восточную деспотию, приводит к тому, что термин *pankuš* в позднехеттский период (перед крушением хеттского царства) выходит из употребления.

Изучение истории слова *panku-* в хеттском языке очень существенно для понимания таких особенностей развития производных от индоевропейских корней в хеттском языке, которые были связаны с историей носителей этого языка.

§ 47. Прилагательное на *-u- tepu-*

К числу употребительных прилагательных с суффиксом *-u-* относится хет. *tepu-* ʻмалый, небольшой, маленький’, с которым связан ряд производных. В поздний период развития хеттского языка от этого прилагательного был образован отыменной производный глагол *tep(a)ueš-* ʻуменьшаться’. Этот глагол, часто встречавшийся в текстах новохеттского периода (ср.,

напр., причастные формы в анналах Мурсилиса: KBo IV 4 III 24; III 25; IV 38 и т. д.), отличается от более древнего по типу образования глагола *park-eš-* (§ 45) тем, что суффиксальное *-u-* предшествует глагольному суффиксу *-eš-*. Наряду с этим глаголом в хеттских текстах встречается другой производный глагол — *tepnu* ʻуменьшать, умалять, унижать’, ср. также употребительный итератив *tepnušk-* (KBo III 4 I, 24; II 13 и др.). В письменный период истории языка *-nu-* в *tep-nu-* было единым суффиксом, но с исторической точки зрения *-n-* является инфиксом (ср. § 17 и 45), поэтому соотношение данного глагола на *-nu-* < **-n-u-* и прилагательного на *-u-* можно признать архаичным, как и рассмотренное в § 45 соотношение *park-u-* : *barg*(*a*)*-nu*. Как показал Педерсен, хеттским основам *tepu-* и *tepnu-* соответствуют др.-инд. (*á*)*dbhu-*(*ta-s*) и *dabh-nō-ti* ʻон повреждает’ [1]. Сравнение хет. *tepnu-*, др.-инд. *dabh-no-*(*ti*) и авест. *dᵛbənaota*, встречающегося в древнейшей части «Авесты» — «Гатах», позволяет предположить, что эта основа является очень древней. Тем больший интерес представляет то, что связанное с хет. *tepnu-* прилагательное также имеет соответствие в индоиранском. Предположение Педерсена о том, что др.-инд. *a-dbhu-ta-s* ʻчудесный’ имело первоначально значение «недоступный повреждению», подтверждается теми местами первых мандал «Ригведы», где *adbhutas* имеет значение «невидимый = скрытый от взоров» (антоним *dṛ́gya*, RV 298, 12; ср. RV 170, 1 и RV 25, 11). Но обычно в древнеиндийском языке в значении «маленький, малый» употребляется другое производное от данного корня: *dabh-ra-*, где *-r-* чередуется с *-u-*, ср. в § 45 о соотношении хет. *parku-* и карашарского *pärkär*:

Основа на *-u-*	Основа на **-r*(*o*)
хет. *park-u-*	караш. *pärkär*
хет. *tep-u-* (др.-инд. *dbhu-*)	др.-инд. *dabh-ra-*

Несмотря на то, что данная этимология хет. *tepu-* в настоящее время общепризнана, до сих пор осталось незамеченным то, что в хеттском языке с данным корнем была связана и глагольная основа на *-š-*, имеющая точное соответствие в древнеиндийском. Хеттский глагол *tepšanu-* ʻунижать, вредить’ является каузативным производным на *-nu-* от основы с суффиксом *-ša-* < **-so-* (см. о глаголах на **-so-* в хеттском в § 27—28). Существительное *tepšaa̯atar* ʻжалкое состояние, бедствие’, где благодаря сопоставлению с *tepša-nu* выделяются суффиксы *-u-* и *atar* (*tep-ša-a̯-atar*), позволяет предположить, что от этой глагольной основы на *-ša-* было образовано производное на *-u-* того

[1] *Pedersen.* Hittitisch. S. 144; см. также: *А. В. Десницкая.* О хеттском языке // *Фридрих*. Краткая грамматика. С. 27.

же типа, что и *tep-u-*. Хеттская архаичная основа *tepša-*, засвидетельствованная в производных *tepša-nu-* и *tepša-u̯-atar*, по своему значению и по структуре очень близка к ведийскому дезидеративу *dipsa-* ʻхотеть повредить, причинить вредʼ [1]. В ведийском языке помимо этого дезидератива существовал целый ряд глагольных основ, образованных от корня *dabh-* [2]; сравнение хеттского языка с ведийским показывает, что в хеттском в дописьменный период развития этого языка также существовали глагольные основы, образованные от этого корня.

Сопоставление хеттских основ *tepša-* и *tepnu-*, имеющих соответствия в древнеиндийском, представляет интерес в свете многочисленных фактов, указывающих на тесную связь глагольных суффиксов *-s-* и *-n-* (§ 30). Следует отметить также параллелизм в образовании основ *tep-u-* : *tep-n-u-* : *tep-ša-* и *park-u-* : *barg*(*a*)*-nu* : *park-eš-*. Но ввиду того, что глаголы на *-ša-* и на *-eš-* в хеттском языке развивались по-разному, судьба глаголов *park-eš-* и *tep-ša-* была различной. После распада древнего класса глаголов с суффиксом **-s-*/*-es-* и **-s-*(*o*)- глагол *park-eš-* сохранился, но стал соотноситься с прилагательным *park-u-*, как и другие аналогичные глаголы на *-eš-*. Напротив, глагол *tepša-* постепенно исчезает, и его производные утрачивают связь с прилагательным *tep-u-*.

§ 48. Прилагательное на *-u- aššu-* и родственные ему слова хетто-лувийских языков

Если для морфологического анализа основ прилагательных **d^{h}eb^h-u* (хет. *tep-u-*), **b^{h}r̥ĝ^h-eu̯* (хет. *park-u-*) и **b^{h}n̥ĝ^h-eu̯* (хет. *pank-u-*) наравне с данными хеттского языка можно использовать и данные других родственных языков, то для изучения древней структуры основы **(*e*/*os*)*-eu̯-* > хет. *aššu-* ʻхорошийʼ данные хеттского языка имеют исключительное значение. Родственные прилагательные имеются в древнегреческом (ἐύς) и древнеиндийском (*su-*), но только благодаря открытию хет. *aššu-* стало возможным детальное изучение истории этих основ [3]. В хеттском языке прилагательное *aššu-* очень употреби-

[1] Ср. о связи древнего глагольного суффикса **-s*(*o*)- с дезидеративным *-so-*: *Мейе.* Введение. С. 195; 229—230.

[2] Следует отметить, что сравнение с хеттским языком позволяет установить наличие инфиксации в др.-инд. основе *da-m̥-bh-* (вопреки мнению Бругмана, ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 3. Lief. 1. S. 275).

[3] Ср. замечание Швицера: «Die Etymologie von ἐύς ist durch hethit. *aššuš* in ein neues Stadium getreten» («Этимология ἐύς благодаря хет. *aššuš* вошла в новую стадию»): *S. Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. I. 1939. S. 433, примеч. 2. Относительно предполагаемой связи с данным словом литовского *sveikas* ʻздоровыйʼ см.: *E. Fraen-*

тельно. В значении «любезный, угодный, приятный (для кого-либо)» прилагательное *aššu-* встречается в древнейших текстах, ср. в надписи царя Аниттаса (2 BoTU 7 + 30 2) *ne-pí-iš-za-aš-ta* ^{d}IM-*un-ni a-aš-šu-uš e-eš-ta* ʻнебесному богу грозы (царь) был угоден’ (ср. там же, строка 3, повторение двух последних слов). Аналогичные формулы встречаются во многих религиозных текстах, ср., напр., в молитве I Bo T + 30 2: *ta-ba-ar-na-aš-kán* LUGAL-*uš* DINGIR^{MEŠ}-*aš a-aš-šu-uš* ʻтабарна, царь, угоден богам’. В ритуальных текстах *aššu-* часто употребляется для выражения того, что обряды или жертвоприношения «угодны, любезны, приятны» богам. В ритуальном тексте KUB XXIX I обожествляемый «очаг» (*ḫašša*, см. ниже) во время совершения ритуальных обрядов говорит: *apat-ya-mu-*(*kán*) *aššu* ʻмне-де это приятно’ (KUB XXIX I § 44 III, 48, повторяется в § 47, IV, 3). В свою очередь, боги, ради которых совершаются жертвоприношения, определяются прилагательным *aššaweš* (им. пад. мн. ч. от *aššu-* ʻблагосклонный, приносящий пользу, приятный’), см. KUB IX 6 II 5 след., BoT 24 IV 30, III I и др. В других текстах *aššu-* также часто имеет значение «приносящий пользу» [1].

В хеттских текстах помимо прилагательного *aššu-* часто употребляется и существительное *aššu-*. О древности этого существительного свидетельствует характер склонения *aššu-*, в некоторых падежах имеющего формы, характерные для существительных на *-u-* [2] (в отличие от прилагательных на *-u-*), ср. дат.-мест. пад. ед. ч. *aššui* ʻк добру’ наряду с закономерной формой прилагательного *aššawi* ʻк доброму’». Очень существенным представляется наличие этой формы, характерной для существительных на *-u-*, уже в древнейших памятниках, см. в документе Хаттусилиса I (HAB II 17) *aš-šu-u-i* (= аккадскому *pa-na-a-ti*, HAB I 17). Это показывает, что возникновение различия между прилагательным *aššu* < *(*e*/*o*)*s-ew-* и существительным среднего рода *aššu* < *(*e*/*o*)*s-u-* относится к периоду, предшествующему созданию письменных памятников. Этим объясняется и то, что значения существительного *aššu-* несколько отличны от значений прилагательного *aššu-*. Тогда как прилагательное *aššu-* имеет преимущественно значение «хороший = полезный, приятный (для кого-либо)» [3], существительное *aššu-* имеет более общее значение «хорошее, доброе = добро, благо». Существительное *aššu* ʻдобро’ является анто-

kel. Mélanges linguistiques offerts a Holger Pedersen. Aarhus, 1937 (Acta Jutlandica). P. 448; *F. Specht.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 128.

[1] Об этом значении *aššu* см.: *Sommer.* HAB. S. 46—47, 228—229.

[2] Значение этого факта отмечено Бенвенистом (*Benveniste.* Origines. P. 70). Гипотеза Бенвениста подтверждается указанными данными древнехеттских текстов (Бенвенистом не использованными).

[3] Эта особенность прилагательного *aššu-* подчеркнута Зоммером: *Sommer.* HAB. S. 46—47 (но без сравнения с существительным *aššu-*).

нимом существительного *idalu* ‘зло’ (см. их противопоставление в ритуале KUB IX 31 II 35 [1] и в анналах Мурсилиса, KBo V 8 пер. ст. I 13—14), в то время как прилагательное *aššu-* ‘приятный, угодный’ обычно не противопоставляется прилагательному *idalu-* ‘злой, дурной’. Но в то же время тесная связь прилагательного и существительного *aššu-* явственно ощущается в новохеттских текстах, что отражается и в морфологических особенностях этих слов. Их склонение в памятниках новохеттского времени перекрещивается: формы существительного *aššu-* иногда образуются по типу прилагательных на *-u-* (дат.-местн. пад. ед. ч. *aššaui* и т. п.), тогда как на формах прилагательного *aššu-* сказывается влияние склонения существительного *aššu-* [2]. Семантическая связь этих двух слов особенно отчетливо сказывается при их употреблении для обозначения (чьего-либо) хорошего отношения, расположения (к какому-либо лицу или предмету). С отмеченным выше употреблением прилагательного *aššu* в религиозных текстах связано специфическое употребление *aššu-* в качестве религиозного термина «благо (символ)» (иероглифическое хеттское △ ‘треугольник (символ)’, идеограмма SIG_5) [3].

Хеттское существительное *aššu* очень часто употребляется в значении «добро, имущество». В некоторых случаях это значение существительного *aššu-* можно связать со значением прилагательного *aššu-* ‘хороший, полезный’. В астрологическом предсказании KUB VIII I III 12 выражение *a-ru-na-aš aš-šu* ‘добро моря = рыбы’ [4] можно понять как «(все) полезное, что есть в море». Всего чаще *aššu* обозначает движимое имущество, в частности, материальные ценности — трофеи хеттских полководцев [5]. В этом значении существительное *aššu* ‘добро, имущество, добыча (трофеи)’ встречается уже в древнехеттских текстах. В документе Телепинуса при описании походов царя Мурсилиса I дважды говорится, что Мурсилис захватил $NAM.RA^{MEŠ}$ *a-aš-šu-uš-še-it* ‘(военно)пленных (рабов) (и) имущество его’ (завоеванного города — Хальпа и Вавилона), Tel. I 28—29, I 30—31. Захват добычи был одной из

[1] См.: *E. Sturtevant, G. Bechtel.* A Hittite Chrestomathy. P. 121.

[2] Из этих фактов можно сделать вывод о том, что характерное для древних индоевропейских диалектов морфологическое противопоставление прилагательных на *-u-* и существительных на *-u-* в новохеттский период могло устраняться, возможно, под влиянием того, что это морфологическое противопоставление отсутствовало в таких парах более позднего происхождения, как *panku-* ‘совокупный’ : *panku-* ‘собрание, панкус’ и т. п.

[3] *G. Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943. S. 29—30, 87—91.

[4] См.: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. S. 75.

[5] Об этом значении существительного *aššu* (в применении к военным трофеям хеттов) см.: *S. Alp.* Die soziale Klasse der NAMRA-Leute // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1950. Bd. I. S. 127, примеч. 19.

главных задач, ради которых хеттское государство вело завоевательные войны; не случайно поэтому существительное *aššu* ʻимущество’ в указанном значении чрезвычайно часто встречается в анналах хеттских царей. Следует заметить, что семантическое соотношение, близкое к соотношению хет. *aššu-* ʻхороший’ и *aššu* ʻимущество’, наблюдается и в других языках: английское *good* < древнеангл. *god* ʻхороший’, новоангл. *goods* ʻимущество’, ср. и рус. *добрый* и *добро*; сходное соотношение между коми *бур* ʻхороший’ и *бур* ʻдобро (в смысле имущества)’ рассматривается в одной из работ Д. В. Бубриха [1].

От именной основы *aššu* в хеттском языке образован ряд производных. Часто встречается существительное *aššul* ʻблагополучие, благо’, от которого образовано отвлеченное существительное *aššul-atar*. Наречие *aššu-li* ʻхорошо’ позволяет предположить связь наречий на *-li* с именными основами на *-l*, так как *aššu-li* можно понимать как окаменевший дат.-местн. пад. ед. ч. от *aššul* [2]. Некоторые производные от *aššu-* (*aššuu̯-atar* ʻдоброта, полезность’ и *aššuu̯-ant* ʻхороший’) могут быть относительно позднего происхождения.

О древности хеттских сложных слов, образованных от *aššu-*, свидетельствуют разыскания Лароша в области хеттской ономастики. Ларош показал, что среди хеттских собственных имен, засвидетельствованных в аккадских каппадокийских таблицах (т. е. в эпоху, предшествующую созданию письменных памятников хеттского языка), имеется целый ряд сложных слов, вторым компонентом которых является *-aššu* ʻхороший’ [3]. Ларош обратил внимание на значение этого факта, свидетельствующего о сохранении в древнехеттском языке в дописьменную эпоху его развития индоевропейского типа образования собственных имен путем сложения основ; в качестве образований, схожих с хеттскими именами с компонентом *-aššu* ʻхороший’, Ларош указал на русские собственные имена с компонентом *добро-* [4], ср. древнерусские имена **Добро-гость**, **Добро-славъ** (XIII в.) [5]. С результатами иссле-

[1] *Д. В. Бубрих* // Вестник АН СССР. 1946. № 4. С. 101: «От слов вроде коми *бур* — “хороший” следует твердо отличать слова вроде коми *бур* — “добро”. Историческая связь между теми и другими есть: ... но ныне они — отдельные слова. Это делается сразу ясно, если углубиться в их семантику. Так, семантика коми *бур* “хороший” развернута по всему фронту положительно оцениваемых явлений, а семантика коми *бур* “добро” развернута только по линии имущественных ценностей (да еще под влиянием русского языка по линии христианско-моральных ценностей)».

[2] *Фридрих.* Краткая грамматика. § 239. С. 136, дает другое объяснение возникновения наречий на *-li*, но ничем его не мотивирует.

[3] *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 107.

[4] *E. Laroche.* Там же. P. 142.

[5] См.: *А. М. Селищев.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Учен. зап. МГУ. Труды каф. рус. яз. Вып. 127. М., 1948. С. 144.

дования Лароша следует сопоставить открытие Зоммера, установившего, что хеттское имя (царя) *Šuppiluli-uma* образовано с помощью сложения основ [1]: *šuppi* ʻ(ритуально) чистый’ [2], *luli-* ʻисточник’. Хеттское имя *Šuppiluli-uma*, засвидетельствованное памятниками Нового царства, оказывается по своему первоначальному значению и структуре очень близким к древнехеттскому имени (в каппадокийских таблицах) *Utruu̯-ašu*, образованному, как показал Ларош [3], от хет. *u̯at*(*a*)*ru* ʻисточник’ (см. ниже о *u̯atar* ʻвода’) и *aššu-* ʻхороший, приносящий пользу’.

С другой стороны, открытие Лароша хорошо согласуется с фактами других родственных языков. Помимо указанных Ларошем параллелей в славянских и кельтских (галльские имена с компонентом *mato-*) языках следует прежде всего указать на наличие целого ряда древних собственных имен с компонентом **(e/o)s-u-* (хет. *aššu-*) в древнегреческом и индоиранских языках: др.-инд. *Su-grávas*, авест. *Hu-sravah* (*Hao-sravah*), греч. Εὐ-κλῆς; Бругман находил имена этого типа и в кельтских языках, сравнивая галльское *Sucarios* с др.-инд. *Su-kṣatra-s* [4]. Различие между начальным положением данной основы в сложных словах индоиранских и греческого языков и конечным положением *-aš*(*š*)*u-* в хеттских именах каппадокийских таблиц объясняется распространением в хеттском языке типа сложных слов с основой прилагательного в качестве второго компонента, см. ниже о *pattarpalḫiš* ʻкрылошироκий’. Но в хеттском языке были и такие сложные слова с компонентом *aššu-*, которые имеют точное соответствие в древнеиндийском: хеттское имя бога *aššu-šiu̯att* («благой день») точно соответствует др.-инд. *su-dyut* (см. об этом ниже, раздел о хет. *šiu-*). Следовательно, данные хеттского языка подтверждают значение основы **e/os-u-* для образования сложных слов в древних индоевропейских диалектах.

---

[1] *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 56.

[2] Слово *šuppi* ʻчистый’ Педерсен (Pedersen. Hittitisch. S. 36) связывал с др.-инд. *su-bha-nu* ʻкрасиво сияющий’ (следовательно, с *su-*, хет. *assu-*). Наличие параллельных основ с различной огласовкой возможно, ср. греч. ἐΰς и др.-инд. *su-*, но все же данная этимология Педерсена не является достаточно обоснованной, ср. критические замечания: *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1947. Vol. 56. P. 185. Нормальным соответствием др.-инд. *-bh-* должно быть хеттское *-p-* (ср. выше о *tep-* : *dabh-*), а не двойное *-pp-* (= др.-инд. *p*).

[3] *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. P. 107. С новохеттским *Šuppiluliuma* это древнехеттское имя Ларош не сравнивает, благодаря чему совпадение результатов его исследования с открытием, сделанным Зоммером, представляется особенно ценным.

[4] *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 1. S. 118. Ср. галльское *Su-ausia*, где второй компонент родствен ирландскому *au* ʻухо’ и т. п.

Факты хеттского языка имеют существенное значение для исследования особенностей употребления данной индоевропейской основы. Но еще большее значение данные хеттского языка имеют для анализа структуры основы **e/os-u*. Анализ морфологического строения этой основы значительно облегчается благодаря тому, что в хеттском языке отражены два древних типа производных от данного корня: прилагательное **e/os-(e)u-* и существительное среднего рода **e/os-u-* (см. выше). Но в хеттском языке имеются и другие производные от этого корня: представляется несомненной генетическая связь между хет. *aššu-* и хет. *ašš-iia-* ʻбыть любимым, быть приятным’. Для уяснения семантического соотношения между этими двумя словами следует принять во внимание то, что прилагательное *aššu-* в хеттских текстах часто употребляется в значении «приятный, угодный, любезный (кому-либо)»; в этом значении *aššu* встречается в древнейших текстах (см. выше). Фразеологические выражения типа *ammuk aššu* имеют значение «мне (это) нравится»; одним из значений *aššu* Фридрих с полным основанием считает «любимый» («beliebt») [1]. Как *aššu-*, так и производные от *aššu-* часто служат для выражения родственной любви, семейной привязанности, ср., с одной стороны, *aššu* ʻблагосклонность’ в предложении ŠEŠ-*IA-ia-mu* ^{I}NIR.GÁL-*iš a-aš-šu ḫar-ta* (Hat. I, 30—31) ʻбрат мой Муваталлис имел ко мне расположение (*aššu*)’, с другой стороны, *aššiiant-* ʻлюбимый’ в выражении ʻмой любимый сын’: DUMU-*IA a-aš-ši-ia-an-za* (KUB XXVI 88 обр. ст. 7). Прилагательное *aššu-* и производные от него (*aššul* в автобиографии Хаттусилиса, Hat. III, 54—55) часто употребляются для обозначения благосклонного отношения богов к тому, кто совершает жертвоприношения (см. выше). Аналогичное значение имеет производное от *aššiia-* существительное *aššiiauuar* в сочетании DINGIR^{MEŠ}*-aš aššiiauuar* (KUB XV 34 II 9) ʻблагосклонность богов’.

Приведенные факты не позволяют сомневаться в наличии семантической связи между *aššiia* ʻбыть приятным’ и *aššu* ʻприятный’. По своей морфологической структуре *aššiia-* является производным глаголом с суффиксом *-iia-*; но в отличие от большинства глаголов с этим суффиксом, *aššiia-* является древней основой (ср. выше в § 25 об архаичной основе *uer-iia-* ʻзвать’). О древности данного образования свидетельствует наличие в хеттском языке целого ряда производных от *aššiia-*; ср. *aššiiant* ʻлюбимый’, *aššiiatar* ʻлюбовь, благосклонность’ / ʻсупружеская любовь’ в Hat. III, 3), ср. также производный глагол *aššiia-nu-šk-* (KUB XXXI 42 II 23). От *aššiia-* образовано также отглагольное существительное на *-uar aššiiauar* (см. выше о его значении). В архаичной форме твор. пад. ед. ч. этого существительного сохраняется гетероклитическая основа косвенных падежей на *-n-*: *aššiiau-nnit* (KUB XXIV 13 II 12),

[1] См.: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 84.

aššiunit (KUB XXXIII 62 II 10). Другие отглагольные существительные этого типа перешли в другие типы склонения: с основой косвенных падежей, образованной без *r*/*n* (наиболее распространенный тип) или с обобщением суффикса *-r* (*ḫekuḫarraz* от *ḫekuḫar*, см. выше, § 4). Сохранение древнего типа склонения в форме *aššiḫaḫanit* свидетельствует об архаичности данной формы [1]. Архаичными были и другие хеттские производные от глагола *aššiḫa-*, как показывают работы Гётце, изучившего хеттские имена богов, встречающиеся в каппадокийских таблицах. Гётце доказал, что в ассирийских текстах из Кюль-Тепе в форме *A-ši-i-et* представлено имя бога, в хеттских клинописных текстах передававшееся посредством написания *A-aš-ši-ia-za* [2] = *Asiḫat-s*. Нельзя не согласиться с замечанием Гётце об этимологической связи *Ašiḫat* с хеттским *aššiḫa-* [3]: в *Ašiḫat* можно выделить тот же суффикс, что и в общехетто-лувийской основе **diḫat* (хет. *šiḫat-*, лув. *tiḫat* ʻбог солнца’, см. ниже). Образование имени бога от *aššiḫa-* становится понятным, если учесть роль производных от данного корня в хеттских текстах религиозного содержания (см. выше). Следует отметить, что в древнейших письменных памятниках из Малой Азии оказываются таким образом представленными (в собственных именах хеттского происхождения) две древние основы, образованные от данного корня: *aššu* и *aššiḫa-*.

Вывод об архаичности основы *aššiḫa-* подтверждается благодаря сравнению с данными иероглифического хеттского языка. Благодаря открытию двуязычной надписи из Каратепе окончательно установлено наличие в иероглифическом хеттском языке глагола *asi-* ʻлюбить’, ср. иероглифическое хеттское *a-si-i-me*(*-a*)*-s* ʻлюбимый’ [4]. Родство клинописного хеттского *aššḫa-* и

[1] Необходимо заметить, что эта форма является подтверждением правильности гипотезы Стертеванта о первоначальном гетероклитическом склонении хеттских отглагольных существительных на *-uḫar*, которая до настоящего времени основывалась на чисто теоретических предпосылках (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 101. P. 74; соответственно анализ этого типа имен, данного в книге: *Benveniste.* Origines. P. 119, должен быть пересмотрен).

[2] *A. Goetze.* The Teophorous Elemente of the Anatolian Proper Names from Cappadocia // Language. 1953. Vol. 29. № 3. P. 252, 274—275.

[3] Там же. P. 268.

[4] *A. Goetze.* Contributions to Hittite Lexicography // JCS. 1951. Vol. 5. № 2. P. 73 и примеч. 69. Ср. лувийскую основу *aššḫi-* (*Otten.* Luv. S. 112). Возможно, что к данному корню относится и лувийское *a-aš-ša-am-ma-aš*, которое встречается в лувийском тексте ритуала KUB IX 6 + XXXV 39 пер. ст. II 10 вслед за *a-aš-ša-u-e-eš* в хеттском тексте того же ритуала (II 6). Учитывая частые чередования *u* и *m* в хетто-лувийском форму *aššamaš* можно связать с *aššaḫeš* (ср. в хеттском языке чередования *-u-* : *-m-* типа *idalaḫeš* : *idalamuš*, *pargaḫeš* : *pargamuš* и т. п.), но возможна и другая интерпретация этой лувийской формы (*Otten.* Luv. S. 101).

иероглифического хеттского *as-i-* ʻлюбить’ свидетельствует о том, что данная глагольная основа была общей для древних индоевропейских языков Малой Азии. Для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков особенное значение имеет то, что в древних индоевропейских языках Малой Азии сохранилась производная глагольная основа, которая образована от данного корня, в других индоевропейских языках представленного только именной основой с суффиксом *-eu-*. Благодаря тому, что в хеттском языке наряду с прилагательным *aššu-* сохранялись другие производные от того же корня, в этом прилагательном на *-u-* (как и в других рассмотренных выше хеттских прилагательных на *-u-*) выделялся суффикс *-u-*, в отличие от родственных слов других индоевропейских языков [1].

§ 49. Прилагательное на *-i- dankui-*

Индоевропейские именные основы с суффиксом *-eu-* во многих отношениях близки к именным основам с суффиксом *-ei-* [2], ср. выше (§ 45) о чередовании суффикса *-u-* в хет. *parku-*, арм. *barjr* и суффикса *-i-* в авест. *bərəzi*, кучан. *parki-* [3], ср. также хеттское *idal-u-* ʻплохой’ и лувийское *addual-i-* ʻплохой’ [4] и т. п.

[1] В случае, если правильна предлагаемая Ларошем индоевропейская этимология хеттского существительного *udati* ʻвдова’ (*E. Laroche.* Le vœu de Puduhepa // RA. 1949. Vol. 43. № 1/2. P. 70, примеч. 2), в этом слове также можно видеть свидетельство того, что хеттский язык отражает эпоху до омертвения в некоторых основах суффикса прилагательных *-u-*. В то время как в других индоевропейских языках суффикс *-u-* в прилагательном, от которого образовано название «вдовы» (др.-инд. *vidhu-* ʻодинокий’: *vidhava* ʻвдова’ и т. п.), уже в древнюю эпоху сросся с корнем, в хеттском языке, согласно гипотезе Лароша, название «вдовы» было образовано от того же корня с помощью другого суффикса (о суффиксе имен женского рода *-ti* см.: *E. Laroche.* JCS. 1947. Vol. 1. P. 214).

[2] См.: *E. Benveniste.* Origines. Chapitre IV: Les themes en *-i-* et en *-u-*. P. 50—86.

[3] Сходное чередование суффикса *-u-* в хеттском и суффикса *-i-* в кучанском можно предположить по отношению к хеттской именной основе *maninku-* (где *-nin-* может передавать *-n-*, ср. *ḫar-nin-k = har-n-k-* и т. п.), которую некоторые ученые сопоставляют с кучанским *menki* ʻменьше, меньший’ (см. об этой этимологии: *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. P. 720; *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 8. 1954. S. 729). Но эта этимология нуждается в проверке в двух отношениях. Во-первых, *maninku-* как самостоятельное слово не засвидетельствовано. Эта основа выделяется только в производных словах (в отличие от других хеттских основ прилагательных на *-u-*), ср. *maninkuu̯ant-* ʻкороткий, близкий’, *maninkuu̯eš-* ʻукорачиваться’, *maninkuu̯aḫ-* ʻукорачиваться, приближаться’, *maninkuu̯aḫḫi* ʻ(о) близости’. Во-вторых, значение производных от *maninku-* отличается от значения кучанского *menki* и родственных слов в других индоевропейских языках.

[4] См.: *Otten.* Luv. S. 32, 110.

Как и прилагательные на *-eu-*, прилагательные на *-ei-* в хеттском языке в большинстве случаев легко поддаются анализу. Суффикс *-i-* в хеттском прилагательном *danku-i-* ʻтемный’, родственном немецкому *dunkel*[1], выделяется при сопоставлении этого прилагательного с родственными хеттскими словами. В хеттском языке имеется ряд производных от корня *danku-* (**d*^{h}*n̥g*^{w}*h-*), которые соотносятся с прилагательным *danku-i-*, но образованы непосредственно от корня, а не от основы прилагательного на *-i-*. Глагол *danku-eš-* ʻстать темным’[2] принадлежит к типу таких глаголов на *-eš-*, как *park-eš-* (§ 45). Точно так же как глаголу на *-eš- park-eš-* ʻстать высоким, подняться’ соответствует глагол *danku-eš-* ʻстать темным’, итеративной форме *parkešk-* соответствует итеративная форма *dankuešk-* (см., напр., Tun. II 48). Особый интерес представляет сравнение основ *dankueš-* и *dankuešk-* с основой *dankunešk-* ʻделать темным’, засвидетельствованной в форме *dankuneški* ʻ(они) делали темным’, Tun. II 30. Основу *dankunešk-* следует признать архаичной и по ее каузативному значению, находящему соответствие в значении глаголов с суффиксом *-na-* в «Ригведе»[3], и по морфологической структуре, так как сочетание носового аффикса с аффиксом *-š*(*k*)- характерно для древних индоевропейских диалектов, см. об этом выше, § 30. Сравнение основ *dankueš-* и *dankuešk-* с основой *dankunešk-* позволяет предположить, что и в данном случае (как в глаголах *barganu-*, § 45, и *tepnu-*, § 47) сохраняется инфиксальный характер *-n-*. Соотношение прилагательного на *-i- danku-i-* ʻтемный’ и каузативного глагола с носовым аффиксом *danku-n*(*e-šk-*) близко к соотношению прилагательного на *-u- park-u-* ʻвысокий’ и каузативного глагола с носовым аффиксом *barg-*(*a*)*nu-* ʻделать высоким’. Обращает на себя внимание параллелизм в образовании глаголов, соотносящихся с этими прилагательными на *-i-* и *-u-* (ср. выше о параллелизме именных производных от *park-u-* и *palḫ-i-*):

Корень	Прилагательное (суффикс *-u-* или *-i-*)	Каузативный глагол с носовым аффиксом	Глагол с суффиксом *-eš-*	Глагол с суффиксом *-ešk-*
park-	*park-u-*	*park-*(*a*)*nu-*	*park-eš-*	*park-ešk-*
danku-	*danku-i-*	*danku-n*(*ešk*)-	*danku-eš-*	*danku-ešk-*

[1] Об этимологии хет. *dankui-* см.: *Benveniste* // BSL. Vol. 32. P. 142; *E. Polomé.* Notes sur le vocabulaire religieux du germanique // La nouvelle Clio. 1954. P. 41; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 41.

[2] О написании MI-*iš=danku-eš* ср.: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 225. P. 126.

[3] Отмечено в работах Гётце и Стертеванта: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 84; *E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. § 41i. P. 45. Но Гётце и Стертевант не обратили должного внимания на морфологическое строение основы *dankunešk-*, в частности на сочетание аффиксов *-n*(*e*)- и *-šk-*.

Образованные от корня *danku-* глагольные основы, которые не были первоначально производными от основы прилагательного на *-i-*, позднее стали группироваться вокруг этого прилагательного (ср. в § 45 об аналогичном развитии производных от корня *park-*).

Прилагательное *danku-i-* является наиболее употребительным из производных, относящихся к корню *danku-*. В хеттских текстах очень часто встречаются такие фразеологические сочетания с этим прилагательным, как сочетание *dankui tekan* ‘темная земля’. Это сочетание имеется уже в древнейших хеттских литературных текстах, ср. в мифе о Телепинусе *da-an-ku-i tag-ni-i* ‘в темную землю’ (KUB XVII 10 IV 15). Сфера употребления данного сочетания не ограничивается текстами поэтического характера, ср., напр., форму отложит. пад. ед. ч. *da-an-ku-u̯a-az ták-na-az* в заклинании KUB VII 1 II 23 и в государственном договоре KUB XXI I + XIX 6 IV 36—37. В ряде текстов вместо *tekan* ‘земля’ в данном сочетании употребляется производное от *tekan* — *daganzipa* ‘земля’, см. *da-an-ku-i da-ga-an-zi-pí* ‘в темной земле’, Bo 2736 II [1]. Та же форма дат.-мест. пад. ед. ч. употребляется в идеографическом написании в тексте поэмы «Песнь об Улликумми»: MI-*i* KI-*pí* = *dankui daganzipi*, Ullikummi, 1 табл. C III 21, ср. написание MI-*iš da-ga-an-zi-pa-aš* ‘темная земля’ в KUB IV 4 II 13. Сопоставляя различные случаи употребления сочетания *dankui tekan* (*dankuiš daganzipaš*) ‘темная земля’, можно сделать вывод, что в этом сочетании *dankui-* выступает в качестве постоянного эпитета [2].

Став центром гнезда слов, образованных от корня *danku-*, употребительное прилагательное *danku-i-* сохранило свою древнюю морфологическую структуру, так как слова, группировавшиеся вокруг этого слова, не имели суффикса *-i-*. Результаты морфологического анализа, произведенного на основе данных хеттского языка, подтверждаются при сравнении с родственными языками.

От общеиндоевропейского корня **dheng^{w}h-*/**dhn̥g^{w}h-*, к которому восходит хеттское прилагательное *dankui-* ‘темный’, были образованы прилагательные с тем же значением и в других группах индоевропейских языков. Но суффиксы, с помощью которых образовывались эти прилагательные, в различных группах языков были разными. С суффиксом *-ei-* в хет. *dankui-* чередуется суффикс *-er-o-* в греч. *δνοφερός* ‘темный’ (встречается у Гомера). В древневерхненемецком языке обнаруживается чередование суффиксов *-(e)r-*

[1] Фрагмент, опубликованный Оттеном: JCS. Vol. 4. P. 135.

[2] Постоянные эпитеты этого типа часто встречаются в сочетании с названием «земли» в различных языках, ср., напр., сербск. *црна земља*, латыш. *melnu zemi* (Latvijas universitates macibas gramatu serija. № 22. Ievads latviešu tautas dzeja. I dala. Metrika un stilistika. Riga, 1940. C. 287).

и *-(e)l-*, ср., с одной стороны, основу на *-r-*, общую для ряда германских языков (др.-в.-нем. *tunker*, др.-сакс. *dunkar* и т. д.), с другой стороны, основу на *-l-*, которая в древневерхненемецком существовала наряду с основой на *-r-*: др.-в.-нем. *tunker* и *tunkal*, *dunkal* [1] (с производными *tunkalen*, *tunchelen* ʻтемнеть’, *tunchali* ʻтемнота’). Аналогичные чередования суффиксов *-ei-* : *-er-* : *-el-* обнаруживаются и при изучении хеттских прилагательных на *-i-*, см. ниже.

§ 50. Прилагательное на *-i- ḫarki-*

К той же группе прилагательных, что *danku-i-* ʻтемный’, относится хеттское прилагательное *ḫark-i-* ʻбелый, светлый’. О морфологической членимости данной основы в хеттском свидетельствует связанный с *ḫark-i-* глагол *ḫark-eš-* ʻбелеть, светлеть’ (ср. *danku-i-* : *danku-eš-*). Судя по выражению $IGI^{ḪI.A}$*-aš ḫarki* ʻглазной белок’ (буквально: «глаз белок»), встречающемуся в KUB XXXIII 66 II 18, в хеттском языке имелось и существительное *ḫarki-* (ср. р.), но недостаточность материала не позволяет установить, было ли это существительное результатом субстантивации прилагательного *ḫarki-* или же архаичной основой ср. р. типа *aššu-* ʻдобро’ (см. выше, § 48).

Именная основа, тождественная хеттскому *ḫarki-* ʻбелый, светлый’, имелась и в других родственных языках. Кучанско-карашарское *arki-* ʻбелый’ является точным соответствием хет. *ḫarki-*; в древнегреческом основа *ἀϱγι-* ʻбело-, ослепительно’ засвидетельствована в сложных словах, ср., напр., у Гомера *ἀϱγι-όδους* ʻбелозубый’. С греч. *ἀεγι-* в сложных словах сопоставляется др.-инд. *ṛji-* в собственном имени *Ṛji-gvan-* (*śvan-* — ʻсобака’, греч. *κύων*) [2].

Во многих индоевропейских языках название серебра образовано от этого же корня, но с помощью суффиксов *-ent-* или *-u-r-*; суффикс *-u-* известен в ряде других производных, помимо слов, восходящих к основе на *-ur/n* [3]. С

[1] Ср. суффикс *-el-* в именной основе с близким значением в кельтских языках: бретонское *teffal* ʻтемный, мрачный’ (ирл. *temel*, ср. др.-инд. *tam-ra*, *tam-ira-* ʻтемный’).

[2] Значению *ἀϱγι* в таких словах, как гомеровское «быстроногий (с ногами, мелькающими во время бега)», соответствует значение др.-инд. *ṛji-* в названии сокола *ṛji-pya*, ср. авест. *ərəzi-fya*, арм. *arciu* ʻорел’ (< **arci-wi*), ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 78; IF. Bd. XVII. S. 361. Тождество первой части этих сложных слов греческому *ἀϱγι* ʻослепительно’ представляется очень вероятным, если учесть наличие в греческом таких сложных слов, как *ἀϱγι-κέϱαυνος* ʻсверкающий молнией = молниеносный’. Если данная этимология правильна, то рассматриваемая основа на *-i-* оказывается представленной и в авестийском, и в армянском.

[3] *Benveniste.* Origines. P. 35. О чередовании суффиксов в основах, образованных от данного корня, ср. также: *Benveniste.* Origines. P. 12; *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 113—114.

суффиксами *-i-*, *-u*/*r*/*n*/- и *-en*(*t*) в производных от этого корня чередуется и суффикс *-ro-*: др.-инд. *ŗjraḥ* и т. п.[1] Картина чередований суффиксов оказывается чрезвычайно близкой к той, которая отмечена выше (§ 45) по отношению к производным от корня **bhṛgh-* (хет. *park-*):

Основа на *-i-*	Основа на *-u-*	Основа на *-ur*/*n-*	Основа на *-en*(*t*)-	Основа на *-r*(*o*)-
куч. *park-i-*	хет. *park-u-*	арм. *barjr*	др.-инд. *bṛh-ánt-* караш. *pärk-ant-*	караш. *pärkär*
хет. *ḫark-i-* греч. *ἀϱγι-*	греч. *ἀϱγ-ύ-*(*φεος*)	греч. *ἄϱγ-υϱ-ος* др.-инд. *arj-un-ah*	лат. *arg-ent-um*	др.-инд. *ŗj-rá-*

§ 51. Прилагательное на *-i- mekki-*

Следует отметить, что в индоиранских, греческом и некоторых других языках суффикс прилагательных *-i-* выступает в данных случаях только в словосложении, тогда как в хеттском и кучанско-карашарском языках этот суффикс образует основы прилагательных независимо от их роли в словосложении: ср. греч. *ἀϱγι*, хет. *ḫarki-* и кучанск. *ārkwi-*. Этот факт подтверждает давно уже высказанное предположение о том, что прилагательные в словосложении в древних индоевропейских языках имели тот же суффикс *-i-*, который встречается в ряде именных основ и не в словосложении[2]. Это положение Бругмана основывалось на особенностях др.-инд. *mahi*, выступавшего и в качестве первого члена сложного слова, напр. *mahi-ksatra-* ʻимеющий большую властьʼ, и в качестве формы им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. *mahi* ʻбольшойʼ[3]. Согласно интерпретации Бругмана, *i* в *mah-i-* в обоих случаях употребления этой основы (в словосложении и в качестве формы отдельного слова) является одним и тем же суффиксом. Но многие лингвисты не разделяли этой точки зрения, считая *-i-* в *mahi* отражением *ə*[4]. Однако факты хеттского языка подтверждают правильность концепции Бругмана. Древнеиндийскому *mahi-* соответствует хеттское *mekki*, где *-i-* является таким же суффиксом, как

[1] Основу, соответствующую др.-инд. *rjraḥ*, можно видеть в иероглифическом хеттском *harh*(*a*)*ras*, если правильно предположение Боссерта о родстве иероглифического хеттского *harharas* и клинописного хеттского *ḫark-i*, см.: *H. Bossert.* Das hethitische Felsrelief bei Hanyeri (Gezbeli) // Orientalia. 1954. Vol. 22. F. 2. S. 13.

[2] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 175.

[3] См. об этой форме: *J. Schmidt.* Die Pluralbildung der indogermanischen Neutra. S. 238, 247.

[4] *J. Wackernagel.* Altindische Grammatik. Bd. 2, 1. S. 58 (с указанием литературы).

-i- в *danku-i* и *ḫark-i-* [1], ср. соотношение *danku-eš-* : *ḫark-eš-* : *makk-eš-* ʻувеличиватьсяʼ (о значении *makk-eš-* ср. Приложение I, раздел о глаголе *pangariia-*, синонимичном *makk-eš-*). Суффикс *-i-* в хеттском *mekki-* чередуется с суффиксом *-l-* в гот. *mikils*, *-ent-* в др.-инд. *mah-ant-* и т. п. [2], т. е. входит в ту же систему чередований, что и суффикс *-i-* в прилагательных *danku-i-* и *ḫark-i-*. В большинстве индоевропейских языков прилагательное, образованное от данного корня, имеет значение «большой». Но значение хет. *mekk-i-* ʻмногочисленныйʼ находит точное соответствие в значении кучанского *māka* (карашарское *māk*), передающего др.-инд. *bahu* в кучанских переводах буддийских санскритских текстов, в которых *bahu-* имеет значение «многочисленный» (обычное в классическом санскрите, см. § 46 и Приложение I).

§ 52. Прилагательное на *-i- palḫi-*

Как отмечалось выше (§ 45, § 50—51), в древних индоевропейских языках суффикс *-i-* встречается обычно в основах прилагательных при словосложении. Поэтому особый интерес представляет прилагательное с суффиксом *-i- palḫ-i-* ʻширокийʼ, так как основа *palḫi-* входит в состав одного из тех немногих сложных слов, которые засвидетельствованы в хеттском языке. Хеттские собственные имена, известные из каппадокийских таблиц, показывают, что в древности словосложение в хеттском языке играло такую же роль, как и в других древних индоевропейских языках (см. выше, § 48). В каппадокийских таблицах встречаются хеттские собственные имена с первым компонентом *šuppi-* ʻчистыйʼ [3] (ср. в § 48 об имени *Šuppi-luli-uma-*), которое показывает, что употребление в качестве первой части сложного слова основ прилагательных с суффиксом *-i-* было известно хеттскому языку, как и другим индоевропейским языкам. Но в период истории хеттского языка, о котором можно судить по хеттским письменным памятникам, в хеттском языке сохранялось всего лишь несколько сложных слов, выступавших в качестве специ-

[1] Мейе (*Мейе.* Введение. С. 409) и Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. S. 36) сохраняли интерпретацию *i* в *mahi* как отражение **ə*, но в этом случае хеттское *mekki*, приводимое и Педерсеном и Мейе, остается необъясненным, так как хеттское *-i-* не может восходить к **ə*.

[2] Ср. об этих чередованиях: *Benveniste.* Origines. P. 18; *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. S. 111, 124. По поводу греческих слов, относящихся к этому корню, ср.: *В. Георгиев.* Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954. С. 27; ср. о хеттском *mekki-*: *В. Георгиев.* Проблемы минойского языка. София, 1953. С. 28.

[3] О сложных словах с компонентом *šuppi-* см.: *A. Goetze.* The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names // JCS. Vol. 7. № 2. P. 29.

фических терминов: скотоводческих *ta-i̯uga* ‘двугодовалый (о скоте)’ и религиозных (*šiuanz-anni* ‘мать бога’ звание жрицы) [1]. К области специальной религиозной терминологии принадлежит и сложное слово *pattar-palḫiš* ‘ширококрылый’, которое часто употребляется в текстах в качестве названия птицы, используемой при гадании [2]. По типу образования слово *pattar-palḫiš* следует признать весьма архаичным, так как оно принадлежит к числу сложных слов, образованных с помощью соположения основ без согласования прилагательного с предшествующим ему существительным: *pattar* ‘крыло’ — ср. р. (см. об этом слове ниже), *palḫiš* — общий род [3]. Своеобразие хет. *pattar-palḫi-š* заключается в том, что в этом сложном слове основа существительного предшествует основе прилагательного. Зоммер указал на наличие многочисленных сложных слов этого типа в кельтских языках и на параллели в некоторых других индоевропейских языках [4]; Г. А. Капанцян отметил наличие сложных слов этого типа в армянском [5]. К этому следует добавить то, что и в кучанском языке имеются однотипные образования: кучанское *kauṃ-parki* ‘восход солнца (солнце-восходящее)’ (см. § 45) полностью соответствует по своему типу хеттскому *pattar-palḫi-š*. В кучанском *kauṃ-park-i-*, как и в хеттском *pattar-palḫ-i-*, второй компонент имеет суффикс *-i-* (но хеттские имена на *-aššu-* в каппадокийских таблицах (§ 48) показывают, что суффикс *-i-* для второго компонента сложного слова не был обязательным).

Суффикс *-i-* в хет. *palḫi-* выделяется благодаря сопоставлению этого слова с отвлеченными именами существительными, от него образованными: *palḫ-atar*, *palḫ-eššar* и *palḫ-ašti* [6] ‘ширина’ (все три существительных являются си-

[1] Ср. замечание Мейе о распространении словосложения в древних индоевропейских языках главным образом в специальных областях лексики, особенно культовой (*Мейе.* Введение. С. 300).

[2] Соответствующие тексты указаны в статье: *J. Friedrich.* Die hethitischen Bruchstücke des Gilgames-Epos // ZA NF. 1929. Bd. V (XXXIX). H. 1/3. S. 36, примеч. 2.

[3] Ср. об этом: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 56; в связи с проблемой сложных слов в хеттском данное слово упоминают также: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 67 (§ 89); *Фридрих.* Грамматика. § 58. С. 57.

[4] *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 56.

[5] *Г. А. Капанцян.* К происхождению армянского языка. Ереван, 1946. С. 15—16. Г. А. Капанцян, к сожалению, не учел данных других индоевропейских языков, вследствие чего некритически воспринял утверждение Фридриха (ZA NF. Bd. V. H. 1/3. S. 36) о неиндоевропейском характере данного типа словосложения.

[6] Возможно, что с хет. *palḫ-aš-ti* (где *ašti* < *-os* + *t*/*e*/*i*-) и *palḫ-eššar* (где *eššar* < *es* + *r*) связано лувийское *pal-ḫa-aš-ḫa-aš*, засвидетельствованное в KUB XXXV 79 обр. ст. IV 3 (LTU, с. 76), ср. в § 30 о хеттском суффиксе *ešḫa* < *eš* + *ḫa* (в *dammešḫa-* и т. п.), которому фонетически может соответствовать лувийское *ašḫa-* в данном лувийском слове.

нонимами). Выше (в § 45) уже отмечалось полное структурное тождество этих производных от *palḫ-i-* и производных от прилагательного на *-u- park-u-*. Однотипные существительные образовывались и от других прилагательных на *-i-*, напр. *daluk-i-* ʻдлинный, долгийʼ (подробнее об этом прилагательном см. ниже, в связи с анализом окаменевших суффиксов в этой основе), ср. сочетание существительных *palḫ-ašti-* и *dalug-ašti-* в поэме «Песнь об Улликумми»: *na-aš da-lu-ga-aš-ti* 3 KAS.GÍD *pal-ḫa-aš-ti -ma-aš x* KAS.GÍD ʻи ее (скалы) длина 3 версты[1]), ширина же ее... верстʼ (Ullikummi, 1 табл. I, 15 = KUB XXXIII 98 I + 96 + Bo 4746 15).

Согласно общепринятой в настоящее время этимологии, хет. *palḫ-i-* ʻширокийʼ родственно латинскому *plā-n-us* ʻплоскийʼ[2], чередование суффиксов *-i-* : *-n-* в этих прилагательных аналогично чередованию суффиксов в других рассмотренных выше именных основах этого типа.

§ 53. Хеттское имя существительное гетероклитического типа *ꞑatar* и корневое имя *ꞑid-* в хетто-лувийских языках; существительное *ꞑataru* и вопрос об основах на *-ru-*

От рассмотренных выше (в § 45—52) именных основ с суффиксами *-u-* и *-i-*, которые в хеттском языке выделялись сравнительно легко, отличаются другие типы хеттских имен с суффиксами гетероклитического характера, в частности архаичные основы имен существительных с суффиксами *-r-*/*-n-*.

Рассмотрение архаичных хеттских именных основ гетероклитического типа с чередованием *-r-* : *-n-* целесообразно начать с существительного, морфологическая структура которого является наиболее отчетливой, — с индоевропейского названия «воды». В хеттском языке это существительное сохраняло древний тип склонения с противопоставлением основы им. пад. ед. ч. *ꞑatar* и основы косвенных падежей *ꞑeten-*. Характерной особенностью данно-

[1] О значении идеограммы KAS.GÍD = DANNA в хеттских текстах см.: *Götze.* AM. S. 312.

[2] *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 29; *E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laringeals. 1942. § 371. P. 42; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 65. P. 42; Стертевант (The Indo-Hittite Laringeals. P. 42) считал *palḫ-i-* родственным также и рус. *полый*. В пользу этой этимологии (Стертевантом детально не обоснованной) говорит сравнение значений данных слов. Хет. *palḫ-i-* определяет «обширные, широко раскрытые предметы» («large, wide-open objects»: *E. Laroche.* Hattic Deities and their Epithets // JCS. Vol. 1. 1947. P. 206); рус. *полый* в диалектах и старинных текстах имеет значение «открытый, растворенный настежь» (в выражениях типа «двери полы», ср. *половодье* ʻразлив водʼ и т. п.). Согласно данной этимологии с хет. *palḫašti-* можно сравнить рус. *полость*, ср. ниже о соответствии хет. *dalugašti-* в славянских языках.

го существительного в хеттском языке является противопоставление основы им. пад. на *-r* и основы косвенных падежей на *-n-* не только в формах ед. ч., но и в формах множественного числа. Хеттское *u̯atar* имеет особую форму мн. ч. (собирательную), отличающуюся от формы ед. ч. наличием в корне огласовки *e* (на письме *i*) в им. пад. *u̯idar* ʻводы, все наличное количество водыʼ. Для понимания значения этой формы показательно ее употребление в ритуальном тексте KBo V 2. В этом ритуальном тексте особую роль играет «ритуально чистая вода» — *šiḫillaš* [1] *u̯atar* (KBo V 2 I 20, IV 23—24, 36, 39, 43). В ритуале слово «вода» — *u̯atar* — многократно используется при описании обрядов, связанных с различными хурритскими божествами (KBo V 2 II 12, II 13, II 17). После передачи заключительных слов жреца (произносимых по-хурритски) в тексте говорится (KBo V 2 II 28): *nu u-i-da-a-ar A-NA ŠA-PAL* MUL$^{ḪI.A}$ *še-eš-zi* ʻи воды (= все то количество ритуально чистой воды, о которой речь шла выше) останутся (будут покоиться) под звездамиʼ [2]. Форма *u̯idar* употреблена здесь для обозначения всей массы воды (всех «вод»), употреблявшейся в ритуальных церемониях и остающейся «под звездами» до рассвета (следующая строка гласит: *ma-a-an lu-uk-kat-ta* ʻкогда рассвететʼ, KBo V 2 II 29). Собирательному значению этой формы мн. ч. соответствует употребление глагола (*šešzi* ʻпокоится, отдыхаетʼ) в форме ед. ч. (что является нормой для сочетаний с формой им.-пад. мн. ч. ср. р. в хеттском, как и в некоторых других древних индоевропейских языках). В аналогичном собирательном значении форма *u̯idar* употреблена в анналах Мурсилиса. Повествуя об осаде города Пуранда, Мурсилис говорит (KBo III 4; 2 BoTU 48 § 21 пер. II 65): *nu-u̯a-ši-kán u-i-da-a-ar ar-ḫa da-aḫ-ḫu-un* ʻи я взял у него прочь воду (= все воды)ʼ, т. е. ʻя прервал снабжение города водойʼ [3]. В аналогичном зна-

[1] *šeḫelli* — хурритский термин, употребляющийся в этом же ритуале в хурритском контексте, II 26: *še-ḫé-el-li-u̯e$_e$-na-ša* (ср. урартское *šeḫi*(*eri*)*e* ʻживойʼ, см.: *Г. А. Меликишвили.* ВДИ. 1954. № 1. С. 192—216). Хеттским соответствием *šeḫelli*- является *parkui*, ср. синонимичное *šeḫelliu̯aš u̯atar* выражение *parkui u̯atar* в ритуале KUB IX 6 + XXXV 39 пер. ст. I 2 (о соотношении *šeḫelli*- и *parkui*- ср.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 94, 96). Употребление хурритского термина в данном ритуале, насыщенном хурритскими словами и выражениями, является вполне понятным.

[2] Правильное толкование этого предложения впервые было дано Зоммером: *F. Sommer.* Hethitisches. II. Leipzig, 1922. S. 25, примеч. 1. Перевод этого предложения: *Фридрих.* Краткая грамматика хеттского языка. § 210 I а. С. 127, с небольшими вариациями повторяет перевод Зоммера (*u̯idar* Зоммер переводит «Wasser», Фридрих — «Wasserportionen»).

[3] По-видимому, имея в виду этот текст, Фридрих (*J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. S. 103) указывает для формы мн. ч. *u̯idar* дополнительное значение «Wasserzufuhren». Ср.: *F. Sommer.* Hethitisches. II. S. 2; *Götze.* AM. S. 63.

чении употребляется и форма дат. пад. мн. ч. *u-ꜫi*$_5$*-te-na-aš*, часто встречающаяся в текстах (ср., напр., в публикациях; KUB XXXV 34 = LTU, с. 55, 12).

Понимание формы *ꜫetenaš* в ряде текстов как формы мн. ч., давно уже предположенное Зоммером[1], подтверждается графическим изображением этой формы в недавно опубликованном тексте поэмы «Песнь об Улликумми»: форма мн. ч. *ꜫetenaš* передается сочетанием шумерской идеограммы A ʿвода’, шумерского окончания мн. ч. ḪI.A и «комплемента» *-naš*: A$^{\text{ḪI.A}}$*-na-aš* (Ullikummi, 1 табл., II, 35), тогда как для передачи формы дат.-мест. пад. ед. ч. служит сочетание идеограммы A (без окончания мн. ч.) с *-ni* : A-*ni* (Ullikummi, 3 I, III, 35). Образование этих гетероклитических форм множественного числа является отличительной особенностью хеттского языка; в других индоевропейских языках соответствующие явления не засвидетельствованы. Но гетероклитическая парадигма единственного числа существительного со значением «вода» хорошо сохранилась в ряде индоевропейских диалектов. Точным соответствием хеттского склонения им.-вин. пад. ед. ч. *ꜫatar*, род. пад. *ꜫetenaš*, дат. пад. *ꜫeteni*, отлож. пад. *ꜫetenaz*, твор. пад. *ꜫetenit*, *ꜫedanda*, является склонение умбрского существительного с тем же значением: им.-вин. пад. ед. ч. *utur*, отлож. пад. *une* (< **udne*, фонетическое развитие, параллельное развитию *-nn-* < **-tn-* в косвенных падежах хеттских существительных гетероклитического склонения на *-tar* типа *papratar* ʿоскверненность (ритуальная нечистота)’, род. пад. *paprannaš*). Чередование *-r-* и *-n-*, сохраненное в хеттском и италийском (умбрском), в греческом языке представлено в виде *-r-* : **-n̥t-* > *-ατ-* : ὕδωρ : ὑδ*-ατ-ος* (с расширением основы косвенных падежей посредством *-t-*). Чередование *-r-* и *-n-* ясно отражается и в германских языках, где основе на *-r-* в западногерманских языках (др.-в.-нем. *wazzar* , др.-англ. *wæter*, др.-сакс. *watar*) противостоит основа на *-n-* в готском *wato*, *watins* и др.-исл. *vatn*[2], ср. аналогичное распределение по германским диалектам форм на *-r-* и *-n-* индоевропейского названия «огня»: др.-англ. *fyr*, др.-в.-нем. *fuir*, гот. *fon*, др.-исл. *furr* и *funi* (ср. ниже о хет. *paḫḫur*). Некоторые другие индоевропейские языки обобщили основу косвенных падежей на *-n-*: др.-инд. *udan* ʿвода’, латышск. *udens* (ср. обобщение в латышском основы на *-n* индо-

[1] Ср.: *Sommer.* AU. S. 94, примеч. 1; HAB. S. 97.

[2] В качестве важного критерия, учитываемого при классификации германских диалектов, это различие между «гото-нордическим» («северо-восточногерманским») и западногерманским подчеркивается Педерсеном (*H. Pedersen.* Linguistic Science in the Nineteenth Century. Cambridge, 1931. P. 31, примеч. 1) и Мартинэ (*A. Martinet.* La parenté des langues germaniques // Vème Congrès international des linguistes. Deuxième publication. Rapports. Bruges, 1939). Ср. также замечания по данному вопросу М. М. Гухман, примечания к русскому переводу книги: *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. С. 340, 345.

европейского названия «крови», хет. *ešḫar*, *ešḫanaš*, латыш. *asiņs*), но и в этих языках основа на *-r-* отражена в производных словах: др.-инд. *an-udra-s* ʻбезводный’, находящее точное соответствие в др.-греч. *ἄν-υδρας*, латыш. *udris* ʻвыдра’, др.-инд. *udra-s* ʻречное животное’, гр. *ὕδρος* ʻводяная змея’ (напр., B 723), ст.-сл. **выдра**, рус. *выдра*, др.-в.-нем. *ottar* и т. п. Производные этого типа распространены во всех группах индоевропейских языков. Выше (§ 32) уже отмечалось, что по своему морфологическому типу латышское производное на *-ri- ud-ri-* соответствует хеттским существительным *eš-ri-*, *ed-ri-*, *kiš-ri-*; соотношение между *ud-ri-* и греч. *ὕδρος* аналогично соотношению между хет. *ed-ri-* и литовским *ed-ra* (ср. § 2). Как отмечалось выше, закономерным для архаичного слоя индоевропейской лексики является наличие параллельных производных на *-ro-* (*-ra-*), *-ri-*, *-ru-*. Поэтому теоретически вероятным следует считать существование наряду с производными типа рус. *выдра*, *ведро* и латышского *ud-ri-* производного на *-r-u- ud-ru-*. Это производное оказывается засвидетельствованным в хеттском языке: хет. *u̯attaru*, как показал Ларош, «means “spring” and is derived from *u̯at*(*t*)*ar* ʻwater’; it is literally ʻwater(ing) place’» [1] («означает “источник” и образовано от *u̯at*(*t*)*ar* ʻвода’; оно буквально означает ʻвод(ное) место’»). Это открытие французского хеттолога полностью согласуется с результатами, к которым приводит сравнительно-историческое изучение производных от корня **u̯ed-* в индоевропейских языках. Насколько позволяет судить засвидетельствованное уже в каппадокийских таблицах собственное имя *Utruwašu* (из *udru* + *aššu*, см. § 48), существительное *ud-ru* существовало в хеттском языке еще в дописьменный период его развития. Существительное *u̯attaru* часто встречается в религиозных текстах, связанных с протохеттской традицией (т. е. в наиболее древней группе текстов религиозного содержания), в частности в титуле богини *u̯attaruaš annaš* ʻмать источника’ [2] (KUB VIII 41 II 3; KUB XXXI 43a II 11). Форма род. пад. ед. ч. *u̯attaruaš*, сохраненная в этом архаичном выражении, указывает на то, что *u̯attaru* склонялось по типу древних именных основ ср. р. на *-u-* (ср. *aššu-* и т. п.). Хеттское *u̯attaru* было производным на *-u-* от основы на *-r*, подобно лит. *ed-ru-s*, *as*(*t*)*-ru-s*; сравнение этого хеттского слова с род-

[1] *E. Laroche*. Hattic Deities and their Epithets // JCS. 1947. Vol. I. P. 208. Вопроса о морфологической структуре данного существительного (и тем более о значении данного типа образования со сравнительно-исторической точки зрения) Ларош в своем исследовании не рассматривает, двойное написание *t* в *u̯attaru* и *u̯attar* должно объясняться позднейшими особенностями хеттской графики, ср. об аналогичных случаях (типа двойного *kk* в *mekki-*): *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 74.

[2] Ср. о роли идеограммы TUL (*u̯attaru*) в хеттских религиозных текстах: *A. Goetze.* The Teophorous Elements of the Anatolian Proper Names from Cappadocia // Language. 1953. Vol. 29. № 3. P. 270, примеч. 54; *E. Laroche.* JCS. 1947. Vol. 1. P. 208.

ственными словами других индоевропейских языков позволяет обнаружить морфологическое единообразие производных от корней *ak-*, *ed-* (§ 2) и *u̯ed-*:

Корень	Основа на *-ro-*	Основа на *-ri-*	Основа на *-ru-*
ak-	гр. *ἄκρος*	гр. *ἄκρις*	лит. *aš*(*t*)*rù-*
ed-	лит. *ed-ra-*	хет. *et-ri-*	лит. *ed-rù-*
ued-	гр. *ὕδρος*	латыш. *ud-ri-*	хет. *u̯attaru*

Хеттское *u̯attaru* и родственные производные на *-ro-*(*-ra*)*-*, *-ri-* в других индоевропейских языках показывают, что в параллельных именных образованиях с суффиксами *-r-*о-, *-r-i-* можно выделить древний суффикс *-r-* основы имен. пад. гетероклитического склонения. Высказанное положение подтверждается анализом других однотипных основ, в частности, производных от *ak-*, связь которых с гетероклитическим суффиксом *-r*/*n-* давно уже установлена [1]. Вывод о связи основ на *-ru-* с гетероклитическим типом склонения может быть использован для этимологического анализа ряда древних именных основ (см. ниже о хет. *ešḫaḫru* ‘слеза’).

Как уже отмечалось выше, в некоторых группах индоевропейских языков только производные основы типа латышского *ud-ri-* свидетельствуют о существовании в этих диалектах древней гетероклитической основы, родственной хеттскому *u̯atar*. В то же время в ряде индоевропейских языков засвидетельствованы основы, образованные от корня *u̯ed-* без помощи суффикса *r*/*n*: ст.-сл. **вода**, др.-англ. *wæt* ‘мокрый’ (: *wætan* ‘мочить’), греч. *ὕδος* ‘вода’, арм. *get* ‘река’ (**u̯edos*), фригийское *βεδυ* (ср. также ниже о лат. *unda* и прус. *unds*).

В особенности показательным является армянский язык, в других случаях хорошо сохранивший гетероклитическое склонение архаичных существительных (ср. ниже о хет. *paḫḫur*).

Существование различных типов именных основ, образованных от корня *u̯ed-*, привело А. Мейе к гипотезе о наличии в древности корневого имени *u̯ed-*/*ud-*. Мейе писал: «во многих случаях слово, имеющее в своем составе некий суффикс, присоединенный к корню, и образовалось в действительности приставлением вторичного суффикса к корневой основе; так, например, такие имена, как гр. *ὕδωρ* (с суффиксом на *-r-* в им.-вин. п.) ‘вода’, род. п. *ὕδατος* (с суффиксом на *-n-* в косвенных падежах) или как др.-сл. **вода**, суть производные от корневой основы *-wed-*, *wod-*, *ud-*, от которой есть, с другой

[1] См. о производных от *ak-*: *Benveniste.* Origines. P. 5.

стороны, и производное на *-es-*: гр. *ὕδει*, дат. п. ед. числа» [1]. В другой своей работе Мейе называл ст.-сл. **вода** «распространением старого нетематического корневого имени» [2] и замечал по этому поводу: «Со своей формой и вокализмом отглагольного существительного слав. **вода**, стоящее наряду с производными **вѣдро** и **выдра**, по-видимому, указывает на продуктивность глагольного корня *wed-*/*ud-* (скр. *unatti*, 3 л. мн. ч. *undanti* ‘он разливается водой’)» [3].

Глагольная основа *u̯ed-*, о которой говорит Мейе, помогает уяснить происхождение рассматриваемой группы именных основ. Связь этого глагольного корня, к инфигированным формам которого, по-видимому, восходят прус. *unds* ‘вода’, лат. *undare*, *unda* ‘волна’ [4], с именной основой на *-n-* (: *-r*) является совершенно отчетливой в ведийском языке, ср., напр., в I мандале «Ригведы» (RV I, 88, 5): *udábhis bhū́ma vi undánti* ‘землю водами (*udabhis* — твор. пад. мн. ч. от *udan*) орошает, пропитывает (*undanti* от корня *ud-* с носовым инфиксом)’. Учитывая то, что в древнеиндийском языке представлены и глагольные и именные основы, образованные от данного корня, следует обратить особое внимание на следы корневого имени *u̯ed-* в древнеиндийском. В качестве следов этого корневого имени можно рассматривать встречающуюся в двух местах «Ригведы» форму твор. пад. ед. ч. *ud-ā* (RV 395, 14; 707, 7). Однако, хотя Грассман на основании этой формы выставил в своем словаре «Ригведы» именную основу женского рода *ud-* ‘вода, волна’ [5], эта древнеиндийская основа, стоящая изолированно, обычно не учитывалась в работах по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков [6]. Поэтому исключительный интерес представляет то обстоятельство, что

[1] *Мейе.* Введение. С. 169—170.

[2] *А. Мейе.* Общеславянский язык. § 377. С. 278.

[3] *А. Мейе.* Указ. соч. § 571. С. 397.

[4] Ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 3. Lief. 1. S. 280. Согласно другой гипотезе (ср.: *Brugmann.* Там же. S. 281 о лит. *vanduo*) *n* в этих формах может быть связано с суффиксальным *n* (такое объяснение в особенности уместно по отношению к литовскому *vanduo*, ср. латыш. *udens*). В связи с этим возникает вопрос о возможной связи между суффиксом *-n-* именных гетероклитических образований и глагольным инфиксом *-n-*. Ср. сочетание инфигированной глагольной основы *und-* и именной основы на *-n udan* в приводимой здесь цитате из I мандалы «Ригведы».

[5] *G. Grässmann.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873. S. 252.

[6] Ср., напр., места, посвященные индоевропейскому названию «воды» в работах: *Мейе.* Введение. С. 169—170, 274, 320, 345; *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 1. S. 310, 347, 579; *Benveniste.* Origines. P. 20, 26, 29, 151, 156, 159, 180—183. Бенвенист, не учитывая существования архаичного корневого имени *wed-*/*ud-*, выдвинул гипотезу о вторичном характере *-d-* в данной основе. Согласно Бенвенисту, *-d-* присоединяется к корню в двух архаичных формах основы: I **ə₁eu-d*, II **ə₁w-ed* (*Benveniste.* Origines.

в хеттском языке засвидетельствовано наряду с существительным *u̯atar*, *u̯eten-au̯* корневое имя существительное *u̯ed-* ‘вода’ [1].

Так же, как и соответствующее древнеиндийское корневое имя, засвидетельствованное только в форме твор. пад. ед. ч. *ud-ā*, хеттское *u̯ed-* (*u̯it-*) встречается в памятниках в застывших формах косвенных падежей (возможно, приобретавших наречный характер): дат.-мест. пад. ед. ч. *u̯iti* ‘в воде’ (KBo III 8 III 2 19), отлож. пад. ед. ч. *u̯itaz* ‘из воды’ (KUB XXI 19 III 17). Чрезвычайно важным представляется тот факт, что эта хеттская именная основа находит точное соответствие в лувийском. В лувийском ритуальном тексте KUB XXXV пер. ст. II 6 (= LTU, с. 46) перечисляются следующие слова: ÍD^{MEŠ}*-an-za* Ú.SAL$^{HI.A}$*-an-za u-i-da-an-za* ‘потоки, луга, воды’ [2]. В форме *u̯idanza-* выделяется лувийское окончание вин. пад. мн. ч. общего рода *-anza* [3]; следовательно, данная именная основа в лувийском представлена в написании *u̯id-*, в точности соответствующем хеттскому написанию *u̯it-* [4]. Лувийская форма представляет значительный интерес потому, что она позволяет определить род данного корневого имени в хетто-лувийском. Контекст, в котором употребляются хеттские формы *u̯iti* и *u̯itaz*, не позволяет установить род этого хеттского имени; но близость морфологических систем хеттского и лувийского языков делает чрезвычайно вероятным предположение, что в хеттском языке *u̯it-* было существительным общего (одушевленного, несреднего рода), как и лувийское *u̯id-*(*anza*). Это предположение подтверждается благодаря сопоставлению с ведийским, где *ud-* (в *ud-ā-*) было существительным женского ро-

---

Р. 151, 156). Эта гипотеза не подтверждается ни морфологическими, ни семантическими фактами; кроме того, она противоречит фонетическим построениям самого Бенвениста, как показал: *K. Bergsland.* Sur les hypothèses les plus importantes relatives an phonème hittite *ḫ* // RHA. T. IV. 8e Année. Fasc. 31—32. 1938. P. 260—261. Ошибка Бенвениста вызвана тем, что он без всяких на то оснований предположил существование **ə* в архетипе данного слова; поэтому согласно гипотезе о трехфонемном составе корня пришлось счесть *-d-* аффиксом, что не может быть обосновано морфологически.

[1] Впервые отмечено Фридрихом (*J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexikon // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. S. 292, примеч. 66), не сделавшим, однако, никаких выводов из своего открытия.

[2] О переводе этого места см.: *E. Forrer.* ZDMG. 76. S. 220; *Otten.* Luv. P. 44.

[3] См. об этом окончании: *Otten.* Luv. P. 120. Оттен употребляет малоудачный термин «мужской род», который лучше заменить терминологией, употребляемой по отношению к хеттскому языку, так как в лувийском, как и в хеттском, имеется только два рода: средний и «общий» (мужской — женский, одушевленный, несредний).

[4] До настоящего времени тождество этих хеттского и лувийского корневых имен не отмечалось. Лувийское *u̯idanza* обычно сопоставлялось только с *u̯atar*, *u̯etenas*, что приводило к недостаточно обоснованному выводу об отсутствии гетероклитического склонения в лувийском (см.: *E. Forrer.* Там же; *Otten.* Luv. P. 36, примеч. 44).

да. Сравнение хеттского языка с лувийским и ведийским позволяет, таким образом, установить наличие двух древних имен, образованных от корня *u̯ed-* ʻвода’: имени среднего рода, принадлежащего к гетероклитическому типу с чередованием *-r/-n-* (хет. *u̯atar*, *u̯etenaš*; др.-инд. *udan*), и корневого имени несреднего рода (хетто-лув. *u̯it*, др.-инд. *ud*). Соотношение этих форм можно пояснить следующей таблицей:

Язык	Средний род (тип *-r/-n-*)	Несредний род (корневой тип)
общеиндоевропейский	**u̯e-/od-(e)r : *u̯e/od-(e)n-*	**u̯ed*
древнеиндийский	*udan-*	*ud-* (*uda*)
хеттский	*u̯atar*, *u̯eten-*, *u̯itar*	*u̯it-* (*u̯iti*, *u̯itaz*)
лувийский		*u̯id-* (*u̯idanza*)

Установление этого соотношения требует пересмотра гипотезы Мейе о наличии в индоевропейском языке-основе двух названий «воды»: названия среднего рода, образованного от корня *wed-*, и и названия несреднего рода, образованного от другого корня (др.-инд. *āpaḥ* ʻводы’)[1]. Как показывают приведенные факты, оба названия — среднего и несреднего рода — могли быть образованы от одного и того же корня. Сохранение двух древних названий «воды» делает прозрачной морфологическую структуру хеттского имени гетероклитического типа *u̯atar*, *u̯etenaš*, так как это имя соотносилось с другим именем того же корня *u̯it-*. Отмечая особенности функционирования этого корня в хеттском, следует указать на наличие вторичных производных, которые, как и в некоторых других аналогичных случаях, образовывались от основы на *-n-*; ср. хет. собирательное имя *u̯et-en-ant-* ʻводы’[2] с собирательным суффиксом *-ant-*[3]. Образования такого рода с нанизыванием нескольких суффиксов очень характерны для хеттского языка, но появление собирательного существительного *u̯et-en-ant-*, синонимичного архаичной форме *u̯id-ar* (см. выше), следует отнести к позднему периоду развития хеттского языка. В более ранний период, как и в эпоху создания письменных памятников, корень

[1] *Мейе.* Введение. С. 345 (ср. ниже критику понимания родовой значимости индоевропейского названия «огня» в работах Мейе).

[2] *E. Laroche.* Recuiel d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 133.

[3] См. об этом суффиксе: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 53 a. С. 56; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 113. P. 79; *E. Laroche*, изложение доклада в «Cahiers Ferdinand de Saussure», 1952.

ḫet- выступал в качестве самостоятельного имени, чем обусловливалась прозрачность морфологической структуры производных от этого корня существительных. Эти особенности функционирования корня *ḫed-* в хеттском языке делают данные хеттского языка особенно ценными для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

§ 54. Хеттское имя существительное гетероклитического типа *pattar* и его значение для сравнительно-исторического языкознания

Следует заметить, что индоевропейская именная основа, к которой восходит хет. *ḫatar*, отличается от других основ этого типа тем, что она соотносится с целым рядом других глагольных и именных основ, образованных от того же корня. Но существуют и некоторые другие архаичные существительные гетероклитического склонения с прозрачной структурой. Таким существительным было общеиндоевропейское название «крыла», представленное в хеттском языке: хет. *pattar* ‘крыло’ (об огласовке корня и чтении первого знака см. в Приложении II). Это хеттское слово до последнего времени не получило исчерпывающей интерпретации ни с филологической, ни с собственно лингвистической точки зрения. В сравнительно-исторических работах (в том числе в исследовании Бенвениста, специально посвященном гетероклитическому склонению) это слово вообще не упоминается [1]. Между тем, хет. *pattar* представляет значительный интерес для сравнительно-исторической грамматики.

Значение хеттского *pattar* устанавливается с абсолютной точностью благодаря следующему месту шумеро-аккадско-хеттского словаря KBo I 42 I 34 [2]:

шумерское слово	аккадское слово	хеттское слово
Á[.x.]SUD	*kap-pu*	*pát-tar*

В этом словаре *pattar* выступает в качестве хеттского эквивалента аккадского *kappu* ‘крыло’.

Хеттское слово *pattar* ‘крыло’ является архаичным словом, принадлежавшим к древнему лексическому фонду хеттского языка. Показательно уже

[1] Исключение составляет указанная выше книга Шпехта, но Шпехт ошибочно отнес хет. *pattar* к числу основ на *-r-* (*F. Specht.* Указ. соч. P. 157), а не к основам на *-r*/*n-*.

[2] Впервые напечатано: *F. Delitzsch.* Sumerisch-Akkadisch-Hethitische Vokabularfragmente. Berlin, 1914. S. 20. Kol. 1. № 9 (7478). Делицш, однако, не извлек никаких выводов из этого места, так как не знал чтения знака ▷—◁ (= *pát* в данном случае, см. ниже).

то обстоятельство, что эта основа входит в состав архаичного сложного слова *pattarpalḫiš* (см. § 52).

О глубокой архаичности хет. *pattar* ʻкрыло’ позволяет судить гетероклитическое склонение этого слова с противопоставлением основы имен. пад. ед. ч. *pattar* и основы косвенных падежей «*pít*» *-tan-* (см. анализ текстов, в которых встречаются формы этого слова, в Приложении 2). В настоящее время можно считать твердо установленным существование в хеттском языке названия «крыла» *pattar*, принадлежащего к гетероклитическому склонению с чередованием суффиксов *-r-*/*-n-* [1]. Это следует признать одним из замечательных подтверждений гипотетических реконструкций, производимых путем сравнительно-исторического изучения родственных языков, так как более чем за 50 лет до открытия в хеттском языке названия «крыла» *pattar*, принадлежащего к гетероклитическому склонению, И. Шмидт, сопоставляя факты различных индоевропейских языков, пришел к выводу, что общеиндоевропейским названием «крыла» было существительное **peter*, род. пад. **petn-es* с чередованием основы имен. пад. на *-r* и основы косвенных падежей на *-n-* [2]. Ни в одном индоевропейском языке за исключением клинописного хеттского гетероклитическая парадигма данного слова не сохранилась, поэтому И. Шмидт и следовавшие за ним ученые [3] опирались не на факты одного языка, а на сравнение различных родственных языков. То, что открытые через 50 лет после выхода в свет монографии Шмидта факты хеттского языка подтвердили эту гипотезу, показывает, насколько плодотворным является сравнительно-историческое изучение родственных языков и насколько целесообразными и точными могут быть производимые на его основе реконструкции.

В отношении склонения данного слова хеттский язык оказывается архаичнее всех других индоевропейских языков. Наиболее явные следы чередования *-r*/*n-* в склонении этого слова сохранили кельтские языки, во многих отношениях обнаруживающие общие черты с хеттским (в этой связи следует отметить, что и тип сложных слов, представленный в хет. *pattarpalḫiš* ʻширо-

[1] *W. Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943. S. 33. Открытие Бранденштейна учтено Фридрихом (*J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. 1946. S. 97) и Ларошем (*E. Laroche.* Hittitica // Revue de philologie. XXIII. F. 1. 1949. P. 39).

[2] *J. Schmidt.* Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889. S. 117 (примеч. 1), S. 173—176. Ср. на с. 176 вывод: «halte ich *peter-g*, gen. *petn-es* für die Benennung des Flügels in der Ursprache» («я считаю *peter-g*, род. *petn-es* названием крыла в праязыке»).

[3] *P. Persson.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. S. 837—888, 585; *Walde—Pokorny*. II. S. 19—21. Бенвенист (Origines. P. 12, 28), которому остались неизвестными факты хеттского языка, не внес ничего нового по сравнению с Перссоном.

кокрылый', лучше всего сохранился в кельтских языках)[1], ср. староваллийское *eterin* 'птица', мн. ч. *atar*, нововаллийское *aderyn*, мн. ч. *adar*[2] и ирландск. *en*, старокорнуэльск. *hethen*, староваллийское *etn* 'птица', древнебретонский отыменный глагол *etn-coil-ha-am* 'гадаю' (ср. древнебретонское *coel*, в глоссах *haruspicem*, ср. также употребление хет. *pattar-palḫiš* в качестве названия птицы, используемой при гаданиях) и т. п.

Основа на *-r* обобщена в ряде других индоевропейских языков: германских (др.-англ. *feðer*, новоангл. *feather* 'перо', нем. *Feder*, др.-исл. *fjǫðr*), армянском (арм. $t^{c}ir$ < **pter* 'полет') и др., причем в некоторых языках она «расширена» задненебным: авест. *fra-ptərəǰ-āt* 'птица'[3], греч. *πτέρυξ* 'крыло'. На этом основании Шмидт и следовавшие за ним ученые восстанавливали общеиндоевропейский архетип формы им. пад. ед. ч. данного слова в виде **pet*(*e*)*r-g*-. Однако хеттский язык, сохраняющий древнюю гетероклитическую парадигму данного слова, в то же время никаких следов задненебного в форме им. пад. не обнаруживает. Характерно, что в этом отношении нет единства даже между такими близкородственными языками, как индийские и иранские: если в древнеиранском (авестийском) задненебный присоединялся к основе на *-r fra-ptərəǰ-āt* 'птица', то в древнеиндийском аналогичное расширение имеется у основы на *-n-*: др.-инд. *pataṃga-* 'птица' (существительные на *-*(*n*)*ga-* в древнеиндийском стали продуктивным типом образования названий животных), тогда как основа на *-r* благодаря переразложению перешла в класс основ на *-tra — pattra-* 'крыло' (ср. более позднее вторичное образование *patatra-*). Аналогичные факты обнаруживаются и при изучении общеиндоевропейского названия «крови», где расширение посредством задненебного имеется только в древнеиндийском (*asṛ-k-*), тогда как хеттский и другие индоевропейские языки имеют простую основу на *-r* (см. § 55). Эти факты указывают на то, что задненебный присоединялся к одной из основ гетероклитического склонения в более поздний период развития индоевропейских диалектов (относительно отражения такого суффикса в хеттском см. ниже, § о хет. *daluk-i-*). Следовательно, подтверждая гипотезу Шмидта, факты хеттского языка вместе с тем позволяют внести уточнение в его реконструкцию: из двух восстановленных им и следовавшими за ним учеными форм им. пад. **peter-* и **peter-g* характерной для древнего периода развития общеиндоевропейского праязыка можно считать только первую форму, тогда как **pet*(*e*)*r-g* следует отнести к более позднему периоду развития некоторых диалектов, и признавать эту (вторую) форму общеиндоевропейской нет достаточных оснований.

[1] См. об этом: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 56.
[2] *H. Pedersen.* Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. I. S. 40, 90, 160.
[3] *Chr. Bartholomae.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. S. 984.

Морфологическая структура общеиндоевропейского слова, к которому восходит хеттское *pattar*, является вполне прозрачной: после выделения гетероклитических суффиксов -(*e*)*r*, -(*e*)*n*- обнаруживается корень **pet*-, представленный в греч. *πέτομαι* ‘я лечу’, др.-инд. *patisyati* ‘он будет лететь, будет падать’. Стертевант предполагал, что этим глаголам генетически тождественно хет. *piddai*- ‘бежать, торопиться, спешить’ [1], но значение этого хеттского глагола заметно отличается от семантики древнеиндийских и древнегреческих образований от данного корня, поэтому этимологию Стертеванта нельзя считать достаточно обоснованной со стороны значения. Значение хет. *piddai*- очень далеко и от значения хет. *pattar*. В эпоху, засвидетельствованную письменными памятниками, хеттское *pattar* ‘крыло’ не сопоставлялось с другими хеттскими словами того же корня (в отличие, напр., от др.-инд. *pattram* ‘крыло’, сохранявшего связь с др.-инд. *patis-yati* ‘(он) будет лететь’ и т. п.), и морфологическая членимость данного хеттского слова определялась только его принадлежностью к гетероклитическому склонению. Но с исторической точки зрения *pattar* принадлежит к числу образований, морфологическая структура которых является совершенно ясной; поэтому выделение в этом существительном гетероклитического склонения общеиндоевропейского корня **pet*- («лететь») не вызывает затруднений.

§ 55. Имя существительное гетероклитического типа *ešḫar* и родственные ему именные и глагольные основы; вопрос о связи существительных *ešḫar* и *ešḫaḫru*

К числу слов, принадлежащих к общеиндоевропейскому гетероклитическому типу, относится хеттское *ešḫar*, *eššar* ‘кровь’, род. пад. *ešḫanaš*, *ešnaš* (об особенностях фонетического облика этого слова в хеттском см. гл. II). Для изучения истории этого общеиндоевропейского названия крови особое значение имеют данные хеттского языка, где оно, безусловно, сохранялось в базисном словарном фонде (в отличие, напр., от греческого *ἔαρ* и латинского *asser* в греческом и латинском языках в период, засвидетельствованный письменными памятниками). Греческое *ἔαρ* (ср. также ниже об *ἴχωρ*), как и латинское *asser*, редко встречаются в письменных памятниках; данные, сообщаемые об этих архаичных словах Гесихием и Фестом, не восполняют пробела в наших знаниях о роли этих слов в древности. Редкими являются и случаи, в которых *asrj*, *asnaḥ* ‘кровь’ употребляется в «Ведах» (RV I, 164, 4; Atharva-Veda 5, 5, 8; 5, 5, 9). Тем больший интерес приобретают данные хеттского языка, в котором слово *ešḫar* является очень употребительным словом,

[1] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 82, 85. P. 59, 63.

входящим в ряд фразеологических сочетаний и служащим центром целого гнезда производных. Это слово часто встречается в хеттских текстах в своем основном значении «кровь» (ʻтёмно-красная кровь’ в противоположность *mani-* ʻсветлая кровь’; в словаре KBo I 51 II 17 хеттское *ešḫar* соответствует аккадскому *adammu*) [1]. Существительное *ešḫar* имеет также значение «кровавое дело, убийство»; в этом значении *ešḫar* употребляется в целом ряде фразеологических выражений, носящих архаичный характер. В древнехеттских памятниках часто встречается выражение *ešḫar iia-* ʻсделать кровавое дело, пролить кровь’ (также *ešḫar ešša-*, где *ešša-* — итеративный глагол на *-šš*(*a*)-, образованный от *iia-*, см. выше), ср. это выражение в документе Хаттусилиса I (HAB II 24—25/I 24—26 = аккадскому *dami epesu*), в документе Телепинуса (I 23; I 34; IV 19) и др.

Слово *ešḫar* ʻкровь, кровавое дело’ употребляется в ряде юридических и религиозно-этических выражений, восходящих, по-видимому, еще ко времени родового строя и связанных с обычаем кровной мести. К числу таких выражений принадлежит выражение *ešḫar šanḫ-* ʻстремиться к крови, требовать мщения’ (о богах): оно означает, что боги требуют кровной мести за убитого. Выражение это было широко употребительно; характерно, что даже Телепинус, выступавший против кровной мести (см. Приложение I), тем не менее, дважды в своем документе употребил это выражение: *na-pa* DINGIR^{MEŠ}*-aš at-ta-aš-ša-aš* ^{I}*Zi-dan-ta-aš e-eš-ḫar-še-it ša-an-ḫi-ir* ʻи (тогда) боги требовали крови Цитантаса отца его’ (Tel. § 20, I 69—70) [2]; *na-pa* DINGIR^{MEŠ} ^{I}*Pí-še-ni-ia-aš e-eš-ḫar ša-an-ḫi-ir* ʻи (тогда) боги требовали крови Писенияса’ (Tel. I, § 19, 66). Телепинус употребляет эти выражения, говоря о кровной мести. К характерным выражениям, связанным с обычаем кровной мести, принадлежит и термин *ešḫanaš išḫaš* ʻгосподин крови’ (Tel. § 49, IV 19), который обозначает

[1] Ср.: *H. Güterbock.* Symbolae Hrozny (Archiv Orientalni). III. P. 234, примеч. 65 в. О хеттском *mani-* ср.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 42.

[2] Перевод этого предложения, данный И. М. Дунаевской (ЗХЦ. С. 256), неудачен в двух отношениях. Во-первых, И. М. Дунаевская последовала за Стертевантом, который *ešḫar šanḫ-* переводил «отмстить за кровь» (*avenge* ʻмстить’ вместо правильного «требовать мщения»: *E. Sturtevant, G. Bechtel.* Hittite Chrestomathy. P. 187). И. М. Дунаевская переводит «смыть кровь», хотя *šanḫ-* в хеттском языке не может иметь такого значения (верный перевод выражения *ešḫar šanḫ-* дан Фридрихом: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 97). Во-вторых, И. М. Дунаевская неправильно истолковала конструкцию родительный падеж + существительное + притяжательное местоимение (см.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 222 а. С. 130). Конструкция *attaš-šaš* ^{I}*Zidantaš ešḫar-šet* ʻотца его Цитантаса кровь его’ означает ʻкровь его отца Цитантаса’, а не ʻкровь отца его Цитанта и его самого’, как ошибочно переводит *И. М. Дунаевская.* Данная конструкция характерна именно для древнехеттских текстов (ср.: *Sommer.* HAB. S. 110).

главу семьи убитого [1]. В документе Телепинуса дважды встречается и юридическое выражение *ešḫanaš uttar* ʻдело крови’ (Tel. II 47 § 30; IV § 49, 19), связанное с выражением *ešḫanaš išḫaš* ʻгосподин крови’ и *ešḫar iia-* ʻпролить кровь’ (ср. параллельное употребление этих трех выражений в Tel. § 49, IV 19). В документе Телепинуса древние обычаи, связанные с кровомщением, находят свое отражение и в исторической части (при повествовании о кровомщении внутри знатных родов), и в части законодательной, где говорится об обычаях, являющихся пережитками кровомщения (таков раздел о правах «господина крови»). Во всех этих случаях употребляются приведенные архаичные выражения, в которые входит слово *ešḫar* ʻкровь’, ср. архаичное по типу образования и по значению латышское *asiņs-nauda* ʻмщение, цена крови’ [2], показывающее, что и в других индоевропейских языках слова, родственные хет. *ešḫar*, *ešḫanaš* (напр. латыш. *asiņs* ʻкровь’) могли употребляться в сходных выражениях. Факты хеттского языка представляют исключительный интерес не только для изучения употребления этого названия «крови», но и для анализа морфологической структуры данного слова. Гетероклитический тип склонения с противопоставлением основы им. пад. на *-r* и основы косвенных падежей на *-n-* сохранен в данном случае и в хеттском языке, и в древнеиндийском: хет. *ešḫar*, род. пад. *ešḫanaš*, др.-инд. *asṛj*, род. пад. *asnas*. Основа на *-r* обобщена в греческом языке (*ἔαρ*), латинском (*asser*), карашарском («тохарском А») *ysār*; основа на *-n-* обобщена в латышском *asiņs* (в диалектах *asens*) [3]. Особый интерес представляет изучение морфологической структуры производных от *ešḫar*, *ešḫanas* в хеттском языке. Большинство производных образовано от основы на *-r* (но есть и производные от основы на *-n-*). Производное от основы на *-r ešḫarnu-* (*išḫarnu-*) ʻокровавить’ послужило для образования производного *ešḫa-r-nu-mai-* ʻсделать кровавым, замазать кровью’. Эта глагольная основа, отличающаяся характерным для хетт-

[1] См. об этом термине: ЗХЦ. С. 305, примеч. 1. К вопросу о кровомщении в хеттском обществе ср.: *San Nicolo.* Blutrache. Reallexikon der Assyriologie. Bd. II; *A. Götze.* Kleinasien. S. 109, примеч. 1.

[2] Ср., напр., в фольклорных текстах *maksasim tam labu asiņsnaudu* ʻмы ему заплатим хорошую цену крови’ (сборник: *Lerchis-Puskaitis.* Latviešu tautas teikas un pasakas. II. С. 36). Об архаичности данного слова свидетельствует сравнение со старолатышским (XVII в.) *kreena-naud* ʻвено, калым’, где *-nauda* также выступает в качестве второго компонента древнего термина, см. о *kreena-naud*: Jana Langija 1685 gada latviskivaciska vardnica ar isu latviesu gramatiku // Latvijas Universitates Raksti, Filologijas un filosof. fak. serija. III Sej. Papild. № 1. Rīgā, 1936. С. 177. Об отражении отношений, характерных для родового строя, в латышском фольклоре ср.: *J. Niedre.* Latviešu folklora. Riga, 1948. С. 33, 146. Ср.: *H. Moora.* Pirmatneja kopienas iekarta un agra feodala sabiedriba Latvigas PSR teritorija. Rīgā, 1952.

[3] *J. Endzelins.* Latviešu valodas grammatika. Rīgā, 1951. С. 330.

ского языка нанизыванием ряда суффиксов, имеет точное соответствие в лувийском *ašḫarnuma-* (*a-aš-ḫar-nu-um-ma-in-zi*, KUB XXXV 18 I 13)[1]. К числу глагольных образований от основы *ešḫar-* помимо *ešḫarnu* и *ešḫarnumai-* относится и итеративная форма *ešḫarrešk-*, встречающаяся только в одном месте: *eš-ḫar-ri-eš-ki-id-du* (KUB XVII 27 III 12); эта итеративная форма свидетельствует о наличии соответствующей глагольной основы *ešḫar*(*ai*)-, нигде, однако, не засвидетельствованной. В прилагательном *ešḫaruu̯ant-* ʻкроваво-красный, красный' выделяется суффикс *-u̯ant* (ср. *kištu̯ant-* ʻголодный' : *kašt* ʻголод'). Помимо производных слов, образованных от основы *ešḫar*, существуют и немногочисленные производные от основы на *-n-*: *ešḫan-ant-* ʻкровь' (равнозначно *ešḫar*, *ešḫanaš*, ср. параллельные *u̯eten-ant-*; ср. также *ḫilammar*, род. пад. *ḫilamnaš* ʻвход в здание храма' и *ḫilamn-ant* с тем же значением) и *išḫan-ittaratar* ʻкровное родство'[2]. Значительный интерес представляет морфологическая структура прилагательного *ešḫanuu̯ant-* ʻобагренный кровью' (HT I I 30), являющегося архаичным образованием, как об этом свидетельствует параллельное лувийское *ašḫanuu̯ant-*. Оттен предполагает исчезновение *-r-* в этих формах и в хеттском, и в лувийском[3]. С этим, однако, никак нельзя согласиться. Исчезновение *-r-* в таком положении (перед *n* в середине слова) не засвидетельствовано в других словах ни в хеттском, ни в лувийском. Вместе с тем именно основа *ešḫar* в хеттском, *ašḫar* в лувийском представлена в словах, где за *r* следует *-n-*: хеттское *ešḫarnu-*, *ešḫarnumai-*, лувийское *ašḫarnu-*. Поэтому предложенное Оттеном объяснение *ešḫanuu̯ant-* как происходящего из *ešḫarnuu̯ant* (*ešḫar-nu-*(*u̯*)*ant-*) должно быть отвергнуто. Предположение о том, что *ešḫanuu̯ant-* является прилагательным с суффиксом *-u̯ant*[4], образованным от основы *ešḫan-*, также не представляется удачным, так как неясно, почему наряду с *ešḫar-uu̯ant-* (см. выше) существует однотипное прилагательное, образованное от основы *ešḫen-*. Следует иметь в виду, что в хеттском языке в *ešḫanuu̯ant-* мог выделяться суффикс причастий *-ant* и суффикс каузативных глаголов *-nu-*; в этом случае в *ešḫanuu̯ant-* выделяется основа *ešḫ*(*a*)- (ср. ту же основу в *ešḫa-r-*, *ešḫa-n-*), суффикс *-nu-* и суффикс *-ant-*. Точно так же в лувийском *ašḫanuu̯ant-* членится на основу *ašḫ*(*a*)-, суффикс *-nu-* (известный и в других лувийских глагольных и отглагольных формах) и суффикс *-ant-*. Этот анализ данного хетто-лу-

[1] О лувийском характере данного места ср.: *Otten.* Luv. P. 36—37.

[2] Ср. об этом слове: *F. Hrozny* // Journal asiatique. 218. P. 314.

[3] *Otten.* Luv. S. 36—37.

[4] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 43; *Götze—Pedersen.* MS. S. 35, примеч. 1 (и вслед за ними: *Benveniste.* Origines. P. 9) ограничиваются сопоставлением образования *ešḫanuu̯ant* от *ešḫar*/*n-* с *šaknuu̯ant* от *šakkar*/*n*, но не уточняют, какое морфологическое членение этих основ ими предполагается.

вийского образования (архаичного, судя по его наличию и в хеттском, и в лувийском) предполагает наличие в хетто-лувийском глагольной непроизводной основы *ešḫ*(*a*)-. Это предположение доказывается наличием в хеттском языке итеративной глагольной основы *ešḫašk* (с суффиксом *-šk-*): ср. причастную форму *e-eš-ḫa-aš-kán-za* (*ešḫaškant-*)[1] (KUB VII 41 пер. ст. 15). Таким образом, морфологический анализ производных от данного корня в хеттском языке позволяет установить наличие в хетто-лувийском непроизводной основы *ešḫ-* и основ *ešḫa-r*, *ešḫa-n-*, от каждой из которых в свою очередь возможно было образование производных слов. Корневая морфема *ešḫ*(*a*)-, выделяемая в хеттском языке, и соответствующая корневая морфема *ašḫ*(*a*)- в лувийском несомненно восходят к общеиндоевропейской корневой морфеме с аналогичной фонетической структурой (ср. ниже). В данном случае данные хеттского и лувийского языков особенно важны, так как в этих языках с наибольшей отчетливостью можно установить древнее строение рассматриваемых основ.

В связи с анализом производных от хеттского *ešḫar* ‘кровь’ следует остановиться на хеттском существительном *ešḫaḫru* ‘поток слез, слезы, плач, рыдание’[2]. Это хеттское существительное встречается по преимуществу в текстах поэтического характера, ср., напр., следующие случаи его употребления: *ku-u̯a-at-u̯a u-e-eš-ki-ši nu-u̯a-ták-kán šu-up-pa-i̯a-za* IGI$^{ḪI.A}$*-u̯a-za iš-ḫa-aḫ-ru pa-ra-a a-ar-aš-zi* ‘почему же ты все умоляешь и текут у тебя потоки слез из чистых глаз’ (KUB XVII 9 I 20—22); *nu-uš-ši-kán iš-ḫa-aḫ-ru pa-ra-a* PA$_5^{ḪI.A}$*-uš ma-a-an a-ar-aš-ta* ‘и у него полился поток слез подобно потокам (воды)’[3] (KUB VIII 48 I 18), ср. также характерный для поэтических текстов параллелизм сочетаний *gi-ir-ši-it* ‘его сердце’ и *iš-ḫa-aḫ-ru-uš-še-it* ‘его плач’ (фрагмент 533)[4], строки 6—7 и *gi-ir-mi-it* ‘мое сердце’ и *iš-ḫa-aḫ-ru-mi-it* ‘мой плач’ (533/f, строки 11—12). В текстах того же жанра встречается производный глагол *išḫaḫru̯a-* ‘рыдать’ и причастие от этого глагола *išḫaḫru̯ant* ‘рыдающий, плачущий’, ср. следующий отрывок из мифологического текста: *an-*

[1] Чисто фонетическое объяснение данной формы, данное: *Götze—Pedersen.* MS. S. 31, неприемлемо в силу тех же соображений, которые приведены выше относительно интерпретации *ešḫanu̯ant-* Оттеном.

[2] О значении этого слова и производных от него см.: *J. Friedrich.* Die hethitische Bruchstücke des Gilgames-Epos // ZA NF. 1929. Bd. 5 (39). H. 1/3. S. 45—46, 77; ср. также: *J. Fridrich.* Hethitisches Wörterbuch. Leif. 1. Heidelberg, 1952. S. 85.

[3] О реконструкции поврежденных мест в переводе этого предложения ср.: *J. Friedrich.* Die churritische Mythus vom Schlangedämon Ḫedamma in hethitischer Sprache // AOr. Vol. 17. P. I. 1949. S. 247, 248, примеч. 40. Правильность этой реконструкции подтверждается приводимым ниже параллельным текстом из поэмы «Песнь об Улликумми».

[4] Напечатано: *Sommer.* HAB. S. 95. Употребление притяжательных местоимений указывает на архаичность данного текста.

na-aš DINGIR-*aš iš-ḫa-aḫ-ru-u̯a-an-za na-aš iš-ḫa-aḫ-ru-it u̯a-al-ḫa-an-za* ‘мать бога (была) плачущая, и рыдала она, (потому что) была сражена’ (Bo 25 33 ± 21 след.)[1], ср. также сочетание существительного *išḫaḫru-* с причастием *išḫaḫruu̯ant-* в поэме «Песнь об Улликумми»: *nu-za* ^{d}U-*aš da-ga-an e-ša-at nu-uš-ši-kán iš-ḫa-aḫ-ru pa-ra-a* $PA_5^{ḪI.A}$-*uš ma-a-an ar-ša-an-zi* ^{D}U-*aš* $IGI^{ḪI.A}$-*u̯a iš-ḫa-aḫ-ru-u̯a-an-za me-mi-i̯a-an me-mi-iš-ki-iz-zi* ‘И бог грозы сел на землю, и слезы его полились, как потоки, и бог грозы, плача (буквально «(с) плачущими глазами») сказал (следующее) слово’ (Ullikummi, KUB XXXIII 87 I 29—31)[2].

Анализ различных случаев употребления *išḫaḫru-* и производных от этого слова позволяет сделать вывод, что данное существительное имело характер архаичного слова, принадлежащего к торжественной лексике, чем объясняется его употребление в поэтических текстах и в ритуалах (напр., в ритуальном тексте медицинского характера, KUB VIII 38 II 8—10, ср. также приведенные ниже цитаты из ритуальных текстов, где *ešḫaḫru* сочетается с *ešḫar*). Архаичный характер данного слова подтверждается употреблением *ešḫaḫru* в древнехеттских текстах, в частности, в характерном для древнехеттского языка сочетании с энклитическим притяжательным местоимением (см. выше о фрагменте 533/f). В таком древнем памятнике, как двуязычный документ Хаттусилиса I, засвидетельствован производный глагол *išḫaḫruu̯a-*. Хеттскому *iš-ḫa-aḫ-ru-u̯a-at-ta-at* (HAB II 6) соответствует *di-ma-ti-su u-ul is-pu-uk* ‘он не пролил своих слез’ в аккадском варианте этого памятника (HAB I 6). По предположению Зоммера и Фанкельштейна, аккадское описательное выражение *dimati sapaku* ‘проливать слезы’ было использовано вместо *baku* ‘плакать’ потому, что тесно ощущалась связь *išḫaḫruu̯a-* с *išḫaḫru*[3]. Но возможно, что при выборе аккадского эквивалента хет. *išḫaḫruu̯a-* играл роль и стилистический фактор: описательное выражение могло более точно передать торжественный оттенок, присущий хеттскому глаголу, образованному от архаичного слова *išḫaḫru-*.

С архаичным характером хет. *išḫaḫru* следует связать то, что для морфологического анализа этого имени существительного необходимо сравнение с родственными языками. Хеттское *išḫaḫru* нельзя отделить от названий «слезы» в других индоевропейских языках, оканчивающихся на *-ru*[4]. В индоевро-

[1] Напечатано: *J. Friedrich* // ZA NF. Bd. 5 (39). H. 1/3. S. 77.

[2] Ср.: *H. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1952. Vol. 6. № 1. P. 13. К восстановлению поврежденного *išḫaḫruu̯ant-* ср. публикацию: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. P. 35.

[3] *Sommer.* HAB. S. 36—37.

[4] На это было обращено внимание Бенвенистом (*Benveniste.* Origines. P. 56) и Сэпиром (*E. Sapir.* Indo-European Words for tear. From Sapir’s Desk // Language. 1939. Vol. 15. № 3. P. 180—187). Но Бенвенист отметил это лишь мимоходом, тогда как

пейских языках имеется два названия «слезы» на *-ru-* помимо хет. *ešḫaḫru*: **ak̂ru-*, др.-инд. *aśru*, карашарская форма мн. ч. *ākruntə* ʻслезыʼ и **dak̂ru-*, греч. δακρυ, лат. *dacruma*, *lacruma*; к основе на *-ru* возводятся и некоторые формы кельтских языков [1]. Сравнение этих существительных с родственными словами показывает, что в **ak̂ru-* и **dak̂ru-* имеется аффикс *-ru-*. Для морфологического анализа др.-инд. *aś-ru-* и карашарск. *ak-ru-ntə* особенно существенно сравнение с названиями «слезы» в литовском и латышском языках, в литовском *ašara* ʻслезаʼ и латышском *asara* представлен хорошо известный в балтийских языках суффикс *-ara-*, соответствующий суффиксу *-er-* в других индоевропейских языках, ср. лит. *vak-ara-s*, латыш. *vak-ar-s* : ст.-сл. **вечеръ** [2]. Насколько позволяет судить сравнение лит. *vãs-ara*, латыш. *vas-ara* ʻвеснаʼ с рус. *вес-н-а* и другими родственными словами, отражающими гетероклитическое склонение на *-r*/*n-* [3], суффикс *-ara-* в балтийских языках может отражать древний суффикс **-er-* гетероклитического склонения. Поэтому образование **ak̂-ru-*, связанное с лит. *aš-ara-*, следует сопоставить с именными основами типа хет. *u̯attaru-* (§ 53). Это подтверждается наличием и в древнеиндийском, и в карашарском основ без суффикса *-u-*. Соотношение др.-инд. *aś-ru-* (в «Ведах») и *aś-ra-* (в некоторых санскритских текстах, ср. также др.-инд. глагол *aśrāyāmi*, соответствующий лит. *ãšaroju*) аналогично рассмотренным выше соотношениям типа *ed-ru-* : *ed-ro-*; сходным образом можно понимать и соотношение карашарской формы ед. ч. *ak-ərə* ʻслезаʼ и формы мн. ч. *ak-ru-ntə* ʻслезыʼ [4]. Аналогичные соотношения можно обнаружить и у слов, восходящих к архетипу **dak̂-*(*ru*)*-*, ср. наличие параллельных основ *dak-ru-* и *dak-ro* в кельтских языках [5] (ирл. *der*, вал. мн. ч. *dagrau* и т. п.). Показателен также параллелизм греч. δακ-ρυ; лат. *dac-ru-ma* и лит. *ed-ru-* (§ 2); *ed-ru-ma-*.

Рассмотренные факты доказывают, что в названиях «слезы» *dak̂-ru-* и **ak̂-ru-* имеется суффикс *-r-u-*, образованный путем присоединения *-u-* к

Сэпир увлекся бездоказательными реконструкциями и не дал точного исторического анализа хеттской основы (ср. ниже о гипотезе Сэпира).

[1] Ср.: *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949. Lief. 2. S. 179 (ср. S. 23).

[2] *J. Endzelins.* Baltu valodu skanas un formas. Rīgā, 1948. C. 90; *J. Endzelins.* Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951. C. 339.

[3] О словах, родственных лит. *vasara*, см.: *Benveniste.* Origines. P. 16.

[4] Педерсен (*Pedersen.* Tocharisch. P. 106, 71) объяснял форму ед. ч. чисто фонетически, но чередование *-r-*/*-ru-* может отражать древнее морфологическое чередование (собирательный характер хет. *ešḫaḫru* ʻпоток слезʼ может объяснить появление основы на *-ru-* в форме мн. ч. в карашарском).

[5] Об отражении **dakrom* в «островном кельтском» см.: *Thurneysen.* KZ. Bd. 48. S. 66.

древнему суффиксу -(*e*)*r*- и чередующийся с суффиксами *-*er*-, *-*ro*- в образованиях от того же корня. Это делает весьма вероятным предположение, что и в хет. *ešḫaḫru* ʻпоток слез, плачʼ имелся аналогичный суффикс. Данное предположение подтверждается благодаря сравнению с армянским существительным *ašxar* ʻплач, скорбьʼ, родство которого с хеттским *ešḫaḫru* установлено проф. Г. А. Капанцяном [1]. Значение арм. *ašxar* полностью соответствует значению хет. *ešḫaḫru*; значение глагола *ašxaryem* ʻоплакиваюʼ (ср. также *apašxarem* ʻкаюсь, раскаиваюсьʼ = греч. *μετανοῶ* [2]) близко к значению хет. *išḫaḫruua-*. С фонетической стороны данное соответствие также является вполне обоснованным, так как арм. *a* < **o* характерно для ряда индоевропейских основ, общих хеттскому и армянскому языкам [3]; соответствие арм. *x* и хет. *ḫaḫ* показывает, что сдвоенное *ḫaḫ* в *ešḫaḫru*, как и во многих других хеттских формах, служит для передачи глухого *ḫḫ*, ср. медиальные формы типа *ešḫaḫari = esxari* [4]. Армянское соответствие хет. *ešḫaḫru* в сочетании с фактами хеттской графики (частое чередование написаний *ḫaḫa* и *ḫa*, ср. гл. II) позволяет установить чтение данного хеттского слова как [*esxru*]. Но еще больший интерес арм. *ašxar* представляет для изучения морфологической структуры хет. *ešḫaḫru* [*esxru*], так как армянское сущест-

[1] *Г. А. Капанцян.* Хеттские боги у армян. Ереван, 1940. С. 15. К сожалению, в данном случае, как и во многих других, Г. А. Капанцян не сделал должных выводов из своего открытия, так как не использовал данных сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

[2] *A. Meillet.* Altarmenisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913. S. 170.

[3] Ср.: *А. А. Асмангулян.* Против гипотезы о «двуприродности» армянского языка // Вопросы языкознания. 1953. № 6. С. 29—30. После того как Курилович в ряде статей показал чисто индоиранское происхождение «закона Бругмана», вероятным стало чисто армянское происхождение различия между *o* > *a* и *o* > *o* (о неудаче попыток реконструировать два *o* ср.: *J. Kuryłowicz.* Word. 1950. Vol. 6. № 3. P. 206). Поэтому отражение *e*/*o* (*ešḫaḫru*) как *a* в армянском можно считать возможным. Однако все же, вследствие неизученности вопроса об армянском *a* < *o*, представляется затруднительным в подобных случаях разграничить исконно родственные слова от слов, заимствованных из хетто-лувийского в армянский в глубокой древности. Но армянское *ašxar*, отличающееся и по фонетическим и по морфологическим особенностям от хет. *ešḫaḫru*, не может быть заимствованием из хеттского. Нельзя считать полностью исключенной возможность того, что арм. *ašxar* заимствовано из языка хетто-лувийской группы типа лувийского или палайского (где хет. *e* соответствует *a*), но и в этом случае остаются в силе выводы о фонетическом и морфологическом строении хет. *ešḫaḫru*, сделанные на основе сравнения с *ašxar*, так как в обоих случаях *ašxar* является родственным хет. *ešḫaḫru* словом другого индоевропейского языка.

[4] О чтении этих медиальных окончаний см.: *Pedersen.* Hittitisch. P. 101; *E. Sturtevant.* Indo-Hittite Laryngeals. § 65 d. P. 63.

вительное показывает, что существовали производные от данного корня с суффиксом *-r-*, но без суффикса *-u-*.

Таким образом, в хет. *ešḫaḫru* выделяется корень [*esx-*] и суффикс *-ru-*, родственный суффиксу *-ru-* в др.-инд. *aś-ru-*. Как показывает хеттское *u̯attaru-* ʻисточникʼ (от *u̯atar* ʻводаʼ), именные основы на *-ru-* образуются от основы на *-r* существительных гетероклитического склонения. Поэтому следует поставить вопрос о возможной связи хет. *išḫaḫru* ʻпоток слез, рыданиеʼ с хеттским существительным гетероклитического склонения *ešḫar* ʻкровьʼ, в котором выделяется корень *ešḫ-*, фонетически тождественный корню [*esx-*] в *išḫaḫru-*. Впервые связь хет. *ešḫar* и *išḫaḫru* была предположена Сэпиром [1], но Сэпир не учел роли аффикса *-ru-* в древних индоевропейских языках, не установил правильного фонетического чтения хеттского *išḫaḫru* и не привлек данных древнеиндийского и армянского языков. Поэтому гипотеза Сэпира, возводившего *išḫaḫru* к сложному слову **ésxn̥-xk̂ru* ʻкровьʼ (ʻистечениеʼ) + ʻгорькийʼ, должна быть отвергнута, хотя мысль Сэпира о связи *ešḫar* и *išḫaḫru* является плодотворной. Сэпир, предполагая связь *ešḫaḫru* с *ešḫar*, основывался только на фонетическом тождестве начальных частей этих слов и на некоторой общности значения («effluvium» — «истечение, истекающая влага»). В настоящее время можно привести гораздо более веские доводы в пользу этой этимологии. Прежде всего, фонетически тождественными являются не начальные части этих слов, а их корневые морфемы: *ešḫ-* в *ešḫ-ar* и [*esx*] = *išḫaḫ-* в *išḫaḫ-ru*. Далее, по типу образования основа на *-ru išḫaḫru-* может быть производной от основы *ešḫ-ar*, ср. выше о соотношении *u̯at-ar* и *u̯attaru* [2] и т. п. Вместе с тем следует заметить, что в хеттских текстах часто встречаются сочетания слов *ešḫar* и *išḫaḫru*. Как отмечалось выше, *išḫaḫru* встречается в текстах поэтического характера и в ритуалах. В текстах обоих жанров *išḫaḫru* часто сочетается с *ešḫar*. Оба слова обозначали не просто «истекающую влагу»; они связаны с болезнями, бедствиями; в таком контексте и встречаются их сочетания. Так, напр., в заклятии дома и его частей говорится, что они должны освободиться от *i-da-a-lu pa-ap-ra-tar NI-IŠ* DINGIR^{LIM} *e-eš-ḫar ḫu-ur-ta-in e-eš-ḫa-aḫ-ru u̯a-aš-ta-in* ʻдурной осквернености (ритуальной нечистоты), клятвы, крови (*ešḫar*), проклятия, слез (*ešḫaḫru*), преступностиʼ (KUB VII 41 I 18 след.); ср. в обращении к богам: *šu-me-ša* DINGIR^{MEŠ}*-aš*

[1] *E. Sapir.* Indo-European Words for Tear // Language. 1939. Vol. 15. № 3. P. 180—187.

[2] Ср. *-u-*, следующее за основой *ešḫar* в *ešḫaru-u̯ant-* и *ešḫar-n-u-* (см. выше). Глагол *ešḫaru-iia-* и существительное *ešḫaru-il-* представляют значительный интерес для решения данного вопроса, но, к сожалению, значение этих слов точно не установлено (см.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. 1952. P. 43—44), поэтому гипотеза об их связи с *ešḫar* и *išḫaḫru-* не может иметь доказательной силы.

i-da-a-la-az ud-da-a-na-az li-in-ki-ia-az ḫu-ur-di-ia-az e-eš-ḫa-na-az iš-ḫa-aḫ-ru-ua-az QA-TAM-MA par-ku-ua-e-eš e-eš-tin ʻи вы, боги, также должны быть чисты от дурного слова, клятвы, проклятия, крови (*ešḫanaz*), слез (*išḫaḫruuaz*)ʼ (KUB XV 42 II 9—11). Сочетание существительных *ešḫar* и *išḫaḫru* встречается и в текстах мифологического содержания, см., напр., выражение DUMU.NAM.LÚ.U_{19}.LU *e-eš-ḫar iš-ḫa-aḫ-ru* ʻкровь (и) слезы человечестваʼ во фрагменте Bo 969, 24—25 [1].

Доказательство правильности предлагаемой интерпретации хет. *išḫaḫru* заключается в фактах древнеиндийского языка, где сохранилась именная основа *asra-* (ср. р.), имеющая двоякое значение: «слеза; кровь». Происхождение этой именной основы становится понятным в свете фактов, рассмотренных выше.

В значении «кровь» *asra* [2] редко употребляется в санскритских текстах: как само слово *asra* в значении «кровь», так и производные от него слова (*asrapa* ʻкровяная пиявкаʼ; *asrap* — название мифологического существа — «демона») и сложные слова с первым компонентом *asra-* ʻкровьʼ (*asrakhadīra* ʻмимоза, цветущая, кроваво-красным цветомʼ) — известны только из работ древнеиндийских грамматиков и лексикографов. Основа *asra-* ʻкровьʼ тесно связана с др.-инд. *asṛj* ʻкровьʼ, род. пад. *asnaḥ* (родственно хет. *ešḫar*, *ešḫanaš*, см. выше). Особенно наглядно связь этих основ проявляется в производном *asraja* ʻмясоʼ (Raganighantu, 17, I; ср. *asrajanman* ʻмясоʼ в словаре Galanos); в производной основе *asraja* ʻмясоʼ, образованной от *asra-* ʻкровьʼ, выступает аффикс *-j-* (*-g-*) характерный для древнеиндийской формы гетероклитической основы на *-r* (др.-инд. *asṛj* : хет. *ešḫar*). Наряду со значением «кровь» *asra* имеет и значение «слеза». В этом значении *asra* и производные от него более употребительны. В эпическом санскрите встречается прилагательное *asrayamanaka* ʻплачущийʼ («Mahabharata», 3, 297, 87); глагол *asray*, *asrayate* ʻплакатьʼ и прилагательное *asrin* ʻплачущийʼ известны только из древнеиндийских лексикографических и грамматических работ (как и *asra* ʻкровьʼ, ср. выше). Глагол *asrāy*, *asrayāte* использовался наряду с параллельным (и более употребительным) *aśrāyāmi* (ср. литовское *ãšaroju*) от другого корня (*aśru*); параллелизм образований от *aśru* ʻслезаʼ и *asra* ʻслезаʼ засвидетельствован и в производных *sāśru* ʻполный слезʼ (в эпическом санскрите) и *sāsra* ʻполный слез, плачущийʼ (в эпическом санскрите и часто в классическом сан-

[1] Напечатан в издании: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumbari. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 26, примеч. 1.

[2] Об этом слове и производных от него см. Малый санскритский словарь, изданный Российской Академией Наук: Sanskrit Wörterbuch in kürzerer Fassung / Bearbeitet von Otto Böhtlingk. T. I. St. Petersburg, 1879. S. 154.

скрите)[1]. Параллелизм синонимичных основ, образованных от разных корней — др.-инд. *aśru* ‘слеза’ и *asra* ‘слеза’, можно установить, сличая варианты текста «Рамаяны». Основы *aśru-*, *aśra-* и *asra-* чередуются в различных редакциях «Рамаяны»[2]. Следовательно, в санскрите явственно ощущается структурное единообразие синонимичных названий «слезы»: *aśra* (: *agru*) и *asra*.

Родство др.-инд. *asra* ‘слеза’ и хет. [*esxru*] ‘поток слез’ не вызывает сомнений, так как основы на *-r* в обоих этих существительных фонетически и семантически тождественны, а морфологическое соотношение между суффиксами аналогично соотношению др.-инд. *aśra* ‘слеза’ : др.-инд. *aśru* ‘слеза’. Но др.-инд. *aśra* ‘слеза; кровь’ вместе с тем родственно др.-инд. *asṛj*, хет. *ešḫar* ‘кровь’. Следовательно, изучение этого древнеиндийского слова позволяет доказать этимологическую связь между хет. *ešḫar* и *ešḫaḫru*. Можно утверждать, что от основы *ešḫar* в древности было образовано производное на *-u-* со значением, близким к значению др.-инд. *asra* «слеза, кровь»; образование этой основы следует отнести к периоду задолго до создания хеттских письменных памятников, чем объясняется различие в дальнейшем фонетическом развитии этих основ (см. ниже о фонетическом развитии *ešḫar* в хеттском; ср. также выше об архаичном характере основы *išḫaḫru* в хеттском).

Обращает на себя внимание полный параллелизм в образовании основ на *-ro-*, *-ra-*, *-ri-*, от целого ряда рассмотренных в настоящей работе индоевропейских корней, ср.

Основа с гетероклитическими суффиксами *-r/-n-*	Основа на *-ro-*	Основа на *-ru-*
хет. *u̯atar*, *u̯eten-aš* ‘вода’	др.-инд. *ud-ra-* (*an-ud-ra-* ‘безводный’)	хет. *u̯attaru* ‘источник’
хет. *ešḫar*, *ešḫan-aš*; др.-инд. *asṛ-j-* ‘кровь’	др.-инд. *as-ra* ‘кровь, слеза’	хет. *ešḫaḫru* ‘поток слез’

Рассмотренные факты показывают, что для архаичного слоя индоевропейской лексики, связанного с гетероклитическим склонением, образование основ таких типов было чрезвычайно характерным.

[1] Перечисление случаев употребления этих слов см. в Большом санскритском словаре Российской Академии Наук: Sanskrit-Wörterbuch / Hrsg. von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften; bearbeitet von Otto Böhtlingk und Rudolph Roth. T. VII. St. Petersburg, 1875. S. 966—967.

[2] Ср. цитированный выше Большой санскритский словарь Российской Академии Наук: Там же. S. 1706.

§ 56. Имя существительное гетероклитического типа *paḫḫur*

К числу архаичных слов, принадлежащих к гетероклитическому склонению, относится хеттское *paḫḫur* ‘огонь’, род. пад. *paḫḫuenaš*. В данном случае только в хеттском языке сохраняется гетероклитический характер парадигмы [1]; в древнеармянском языке, который в отношении сохранения гетероклитического типа на *-ur* обнаруживает общие черты с хеттским, чередование основ на *-r* и на *-n* отражено не в парадигме самого имени *hur* ‘огонь’ (род.-дат.-отл. *hroy*), а в его связи с производным *hn-oc* (где *hn-* < **hun-*) ‘горнило’ [2]. Остальные индоевропейские языки обобщили одну из двух основ: в одних языках встречается только основа на *-r*, в других языках — только основа на *-n*. Следует отметить, что это обобщение по-разному происходило не только в разных ветвях, но и в диалектах внутри одной и той же ветви (германской): основе на *-r* в др.-в.-нем. *fuir*, *fiur*, др.-англ. *fyr* противостоит гот. *fon* [3]; в древнеисландском наряду с *furr*, *fyrr* засвидетельствовано и *funi* (ср. выше в § 53 о соответствиях хет. *u̯atar*, *u̯etenaš* в германских языках). Эти факты германских языков наряду с фактами хеттского и армянского языков указывают на относительно поздний период преобразования гетероклитической парадигмы данного слова: в общеиндоевропейском праязыке даже на самом позднем этапе его развития это название огня принадлежало к гетероклитическому склонению. Архаический характер склонения данного слова и его распространение в большинстве индоевропейских языков делают несомненным то, что оно восходит к праязыку. Встречающееся в работах представителей итальянской неолингвистической школы утверждение о позднем происхождении этого слова, являющегося якобы нововведением «центральных» диалектов, основаны на фактической ошибке. Маттео Бартоли утверждал, что отсутствие слова, соответствующего готскому *fon*, свидетельствует об архаичности балтийских языков [4]; аналогичные утверждения встречаются

[1] Тип склонения лувийского *pa-a-ḫu-u-ur*, встречающегося только в одном тексте — KUB XXXV 107 обр. ст. III 4, LTU, с. 98 — и недостаточно ясного по своему значению, остается неизвестен.

[2] Впервые сопоставление армянских фактов с хеттскими произведено: *Г. А. Капанцян.* Chetto-armeniaca. Эривань, 1931—1933. С. 27 (но только в плане хетто-армянских связей без привлечения данных других индоевропейских языков); *Benveniste.* Origines. P. 10.

[3] О значении этого факта для классификации германских языков ср.: *A. Martinet.* La parenté des langues germaniques // Vème Congrés international des linguistes. Deuxième publication. Rapporte. Bruges, 1939. P. 140; *М. М. Гухман*, примечания к русскому переводу книги: *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 345.

[4] *M. Bartoli.* Il carattere conservativo dei linguaggi baltici // Studi baltici. Vol. 3. Roma, 1933. P. 7, 9, 10.

и в статьях Бонфанте [1]. В действительности же данное слово отсутствует только в литовском и латышском; в прусском языке, наоборот, отсутствует соответствие литовскому *ugnis* и латышскому *uguns*, но имеется слово *panno*, соответствующее готскому *fon*, хет. *paḫḫuenas*. Это прусское слово засвидетельствовано уже в древнейшем памятнике прусского языка — немецко-прусском Эльбингском словаре (XIV в. согласно датировке, принятой Я. М. Эндзелином), см. Эльбингский словарь, 169 в, 33 слово: *Ueuer-Panno* [2]. Эта же основа в форме *panu-* представлена в сложном слове *panu-staclan* ʻогниво’ (переводит немецкое «vuerysen» = *vurisern* в Эльбингском словаре, 370) [3].

Слово, соответствующее прусскому *panno*, было названием огня у балтийских племен, язык которых оказал влияние на прибалтийско-финские и финно-волжские языки, как показывают заимствованные из балтийского языка финск. *panu* ʻогонь’, мокша-мордовск. *päna-*(*kud*) ʻпечь’ [4] (наличие этого заимствования в финно-волжском указывает на очень большую давность заимствования). Таким образом, для древнейшей эпохи развития балтийских языков доказывается наличие названия огня, соответствующего хеттской основе косвенных падежей *paḫḫuen-*. Соотношение между двумя названиями огня в балтийских языках — прус. *panno*: лит. *ugnis*, латыш. *uguns* аналогично соотношению между соответствующими словами италийских языков: умбр. *pure*, *pir*, оск. *pur-* (в дат. пад. ед. ч. прил. ж. р. *purasiai*) и лат. *ignis* [5]. В одних языках (латинском, восточнобалтийских) наличествует название огня несреднего рода, в других языках (оскско-умбрском, западнобалтийском) — название огня среднего рода. Но из этого отнюдь не следует, что название огня среднего рода следует признать более новым словом, нововведением отдельных диалектов. Против такого предположения, высказанного «неолингвистами», говорит распределение этих названий огня в индоевропейских языках, которое можно представить в следующей таблице [6]:

---

[1] *G. Bonfante.* The Neolinguistic position // Language. 1947. Vol. 23. № 4. P. 374.

[2] *Trautmann.* Die Altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1909. S. 82, ср. S. 389.

[3] Об этом сложном слове ср.: *J. Endzelīns.* Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948. C. 62.

[4] См. о балтийском происхождении этих слов: *А. А. Шахматов.* Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Петроград, 1916. С. 34.

[5] Некоторые ученые, среди них Я. М. Эндзелин, отрицают возможность этимологической связи лит. *ugnis* с рус. *огонь*, лат. *ignis* (см. предисловие Я. М. Эндзелина к последнему (латышскому) изданию его грамматики латышского языка: *J. Endzelins.* Latviešu valodas gramatika. Riga, 1951. C. 3; подробнее в словаре: *K. Mülenbachs.* Latviešu valodas vardnica. IV Sejums. Riga, 1929—1932. C. 295 с указанием литературы вопроса), но эта точка зрения не является общепринятой.

[6] К данным, приведенным в таблице, следует прибавить, что некоторые ученые видели отражение этого же слова в рус. диал. *пырей* ʻпрыск, горячий пепел’, чеш. *pyř*

Группа языков	Название огня среднего рода	Название огня несреднего рода
хеттский	*paḫḫur*, *paḫḫuenaš*	
«тохарская» (кучанско-карашар.)	карашар. *por* кучан. *puwar*	
армянский	*hur*, *hn-oc*	
греческий	*πῦρ*	
германская	др.-англ. *fyr* др.-в.-нем. *fiur* гот. *fon* др.-исл. *funi*	
кельтская	ирл. *ur*	
италийская	умбр. *pure*, *pir* оск. *pur*-(*asiai*)	лат. *ignis*
балтийская	прус. *panno*	лит. *ugnis* латыш. *uguns*
славянская		рус. *огонь* ст.-сл. **ѻгнь**
индоиранская		др.-инд. *agniḥ*

Для решения вопроса о распространении этого названия «огня» особенно существенны данные ранее неизвестных индоевропейских языков — хеттского [1] и кучанско-карашарского. Факты хеттского языка имеют исключительное

и т. п. (ср.: *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. Вып. 10. М., 1914. С. 160; *J. Holub, F. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. С. 307, ср. там же о предполагаемой связи с рус. *пыл*, чеш. *pyl*.

[1] Данные хеттского языка вместе с тем заставляют пересмотреть и концепцию относительно значения этого слова, выдвинутую *Мейе.* Мейе считал, что название «одушевленного» (мужского) рода (др.-инд. *agniḥ*) обозначает огонь как действующее существо, обожествляемое в «индоевропейской религии» (др.-инд. *Agniḥ* ʻАгниʼ, имя бога), тогда как название среднего рода обозначает огонь как пассивный предмет. Согласно изложенной Мейе концепции «индоевропейской религии» и ее связи с индоевропейской родовой классификацией название огня среднего рода не могло быть использовано в древних индоевропейских языках в качестве названия огня как активного божества (см.: *А. Мейе.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. С. 345; подробнее см. в статье Мейе, напечатанной в: Memoires de la Société de linguistique de Paris. T. 21. 1920. P. 249—256, и в сборнике: *A. Meillet.* Linguistique historique et linguistique generale. P. 215). Между тем, в хеттском языке ^{d}*paḫḫur* употребляется в качестве имени бога огня (KUB XII 21 9 и др.); многочисленные тексты свидетельствуют о том, что культ огня (*paḫḫur*) играл большую роль в хеттской религии. В этом отношении очень показателен § 13 наставлений служите-

значение и для анализа морфологической структуры этого слова, так как в других индоевропейских языках морфологическое строение данной основы изменилось после исчезновения фонемы, сохраненной в хеттском *ḫ* (ср. гл. II). В хеттском языке *-r* (*-ar* в варианте основы *paḫḫur*, *paḫḫuuar*) и *-(e)n* (в *paḫḫu-en-*) выделяются в качестве формантов, характеризующих основу именительного падежа и основу косвенных падежей. Но основа *paḫḫu-* как таковая (без формантов *-r* и *-n*) не выступает ни при склонении, ни при словообразовании. Об этом свидетельствует производное существительное ^{DUG}*paḫḫunali* ‘жаровня’ (употребляется при описании ритуальных церемоний, см., напр., Tun. I 20, II 23, 26). Это существительное образовано с помощью суффикса nomina instrumenti *-ali* от основы косвенных падежей *paḫḫun-*: *paḫḫunalli* ‘жаровня’ так же относится к дат. пад. ед. ч. *paḫḫuni* ‘огню’ (им. падеж *paḫḫur*), как *kuttanalli* ‘ожерелье’ относится к дат. пад. ед. ч. *kuttani* ‘плечу’ (им. пад. *kuttar*), ср. *ḫaršanalli* ‘венок’ от *ḫaršan* (им. пад.) ‘голова’. От основы на *-r* образовано производное ^{GIŠ}*paḫḫur-ul*(*a*) ‘пепел(?)’ [1] (KUB 31 I 19). Поскольку основы *paḫḫun-* и *paḫḫur-* в хеттском языке выступают не только при словоизменении, но и при словообразовании, спаянность формантов *-n* и *-r* с непроизводной основой *paḫḫu-* была очень тесной. Это следует связать с отсутствием параллельных образований от той же непроизводной основы без *-r-* или *-n-*. Если *pankur* в древнехеттский период сохраняло связь с *panku* (см. выше) и поэтому реальным было морфологическое членение *panku-r*, *panku-n-aš*, то членимость *paḫḫu-r*, *paḫḫu-n-i* определялась только гетероклитическим характером парадигмы. Основа *paḫḫu-* в хеттском языке была непроизводной, но в пользу предположения о суффиксальном характере *-u-* [2] говорит сопоставление ва-

лям храма (KUB XIII 4 III 44 след.), который почти буквально совпадает с текстом инструкций придворным, носившим звание ‘людей огня’ (LÚ^{MEŠ} *pa-aḫ-ḫu-e-na-aš*, KBo V II пер. ст. I 21—24), ср. также § 44 хеттских законов и употребление *paḫḫur* в сакральной формуле в древнейшем тексте — 2 BoTU 10*β* § 3, 23—24 (два последних текста свидетельствуют о древности такого употребления этого слова). Против теории Мейе (основанной исключительно на данных древнеиндийского языка) говорят и факты других языков: ср. употребление в сакральной формуле (по Краузе «добуддийской», т. е. архаичной) кучанского *puwar* (в тексте, напечатанном: *W. Krause* // Word. 1948. Vol. 4. № I. P. 49), об оскском *purasiai* см. ниже, в разделе о хет. *ḫašša-* ‘очаг’, ср. также о прусском имени бога огня *Panike* (зват. пад. от *Panikan* от *panu*, ср. выше): *K. Buga.* Lietuviu kalbos žodynas. II sasiuvinis. Kaunas, 1925. C. XXVI. Эти факты заставляют критически отнестись к указанной концепции Мейе.

[1] Об этом слове ср.: *E. Sturtevant.* A Hittite Glossary. 2 ed. 1936. P. 133, *F. Sommer.* Aus Hans Ehelolf’s Nachlaß // ZA NF. Bd. 12 (46). 1940. S. 49, примеч. 4.

[2] См.: *Benveniste.* Origines. P. 10, 37, 169. К этому же типу Бенвенист относил и хет. *meḫur* ‘время’ (сопоставляется с производными от **mē-* ‘мерить’ в других индоевропейских языках), но этимологию этого последнего слова нельзя считать окончательно установленной.

риантных форм *paḫḫur*/*n* и *paḫḫuu̯ar* с существительными типа *pank-u-r* (§ 46 и Приложение I) и *tarḫ-uu̯-ar* (§ 6, продуктивный тип отглагольных существительных), *laḫḫ-ur-* (§ 37). Слияние древнего аффикса *-u-* с корнем наблюдается и в ряде других архаичных общеиндоевропейских именных основ (ср. ниже о хет. *šiu-* ʻбогʼ); в некоторых случаях к этим основам на *-u-* присоединялся суффикс *-r-*/*-n-* (ср. ниже о соответствии хет. *genu* ʻколеноʼ в армянском). Благодаря раннему слиянию *-u-* с корнем[1] основы *paḫḫu*(*u̯*)- в *paḫḫu*(*u̯*)*-ar* ʻогоньʼ и *u̯at-* в *u̯at-ar* ʻводаʼ (§ 56) в хеттском языке были в равной мере неразложимыми, но с исторической точки зрения только вторая из них может быть признана непроизводной.

§ 57. Древний морфологический тип именных основ *ḫappar* и *ḫappinant-*

В рассмотренных выше именах существительных гетероклитического склонения (§ 53—56) древнее чередование суффиксов **-er-*/**-en-* сохраняется в хеттском языке (в отличие от большинства других родственных языков, сохраняющих лишь косвенные следы этого чередования). Но этот тип склонения сохранялся в хеттском далеко не во всех случаях: выше уже отмечался переход в другой тип склонения некоторых отглагольных существительных на *-u̯ar* (ср. в § 4 о склонении *u̯ekuu̯ar* с обобщением основы на *-r* при сохранении древнего типа склонения существительного *aššiauu̯ar*, § 48). Лучше всего сохранялось гетероклитическое склонение в продуктивных основах на *-tar*, где древнее чередование *-r-*/*-n-* отражалось в противопоставлении основы им. пад. на *-tar* и основы косвенных падежей на *-nn* < **-tn-*, *-ten-*. В других же типах основ, где суффиксам *-r*/*-n-* не предшествовали другие суффиксы, в некоторых случаях наблюдается разрушение древнего типа склонения. Такой процесс можно предположить, в частности, по отношению к основе *ḫappar-*, *ḫappir*, чередующейся с основой *ḫappin-* в ряде слов, образованных от одного корня. Основа на *-en-* (написание *-in-*) отражена в производных *ḫappin-ant-* ʻбогатыйʼ, *ḫappin-aḫḫ-* ʻбыть богатымʼ, *ḫappin-eš-* ʻстановиться богатымʼ[2]. После выделения продуктивных суффиксов *-ant*, *-aḫḫ*, *-eš-* во всех этих словах выделяется именная основа *ḫappin-*, которая в хеттском вне этих производных, однако, не засвидетельствована. Как показал Ларош, с хет. *ḫappin-*

[1] В ряде хеттских текстов, где речь идет о поддержании огня в очаге, употребляется выражение *paḫḫur paḫš-* ʻохранять огоньʼ (напр., KUB XIII 4 III 45). Поэтому можно было бы предположить, что производное *paḫḫ-u-r*, *paḫḫ-uu̯-ar* связано с корнем *paḫ-* в *paḫ-š-* ʻохранятьʼ (ср. в § 27 о возможной связи слов *paḫ-š-* и *paḫḫurši*). Но этот вопрос еще нуждается в дополнительном исследовании.

[2] Об этом слове ср.: *A. Goetze* // JAOS. 1949. Vol. 69. P. 182.

ant- ‘богатый’ этимологически связано др.-инд. *ap-n-aḫ* ‘богатство, имущество’ [1] (где аффикс *-n-* выделяется при сравнении с лат. *op-s* и т. п.). Сравнение др.-инд. *ap-n-* и хет. *ḫapp-in-* позволяет сделать вывод о древности данной основы на **-en-*. Тем больший интерес представляет наличие в хеттском языке генетически связанной с ней основы на **-er*, *-r*. В хеттском *ḫappar* ‘цена, торговля’ (основа на *-r*) [2] при сопоставлении с *ḫapp-in-* выделяется (с исторической точки зрения) аффикс *-ar-*; в производном глаголе *ḫapparii̯a-*, *ḫapparai-, ḫappirai-* ‘продавать’ обнаруживается чередование *-ar-/-ir-* (где *-ir-* < **-er-*). Хеттологами давно уже отмечалось, что со словами *ḫappar* и *ḫappirai-* исторически связано существительное *ḫapp-ir(a)*. Но благодаря тому, что значение *ḫappira-* в хеттологической литературе определялось не вполне точно только как «город, поселение», развитие значений этого слова (при сопоставлении с *ḫappar* ‘цена’ и *ḫappirai-* ‘продавать’) предполагалось в виде «*рынок > город» [3]. В последних работах историков установлено, что основным значением хет. *ḫappira-* было «община, территориальная община» [4]. Хеттская территориальная община (*ḫappira*) характеризовалась еще пережитками общей собственности на землю [5]. Учитывая это, родство хет. *ḫappira* ‘территориальная община > поселение’ с хет. *ḫappar* ‘цена’ можно истолковать как свидетельство того, что слова данного корня первоначально могли обозначать общинную собственность и затем уже — в связи с развитием общества — «имущество» вообще, «богатство» отдельных лиц (др.-инд. *ap-h-aḫ* ‘имущество, богатство’, хет. *ḫapp-in-ant* ‘богатый’). Такая интерпретация развития значений данного корня представляется вероятной потому, что предположение о существовании общеиндоевропейского названия «богатства» должно еще быть подтверждено историческими данными. Для исследования истории значений производных от данного корня несомненный интерес представляют такие тексты, как § 146 хеттских законов, где сочетаются термины *ḫappira*

[1] *E. Laroche* // RHA. Vol. 2. P. 41 и след. С др.-инд. *ap-n-aḫ* в свете исследований В. Георгиева о догреческом индоевропейском языке в настоящее время сопоставляется и греч. *ἄφνος*, гомер. *αφνειός* ‘богатый’ (см. об этом: *M. Mayrhofer.* Bibliotheca Orientalis. 1952. Jg. 9. S. 3).

[2] О значении см.: *A. Goetze* // Language. Vol. 2. P. 268 и след., ср.: *И. М. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 274, примеч. 2.

[3] См.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. 1952. S. 55. Об этимологии ср.: *Götze—Pedersen.* MS. S. 72.

[4] *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 285, примеч. 1. Вопроса об этимологии этого слова и хеттских слов, с ним связанных, И. М. Дьяконов не касается.

[5] См.: *И. М. Дьяконов.* Там же. О хеттской «общине = селении» см. также: *В. В. Струве.* К вопросу о специфике рабовладельческих обществ древнего Востока // Вестник Ленинградского ун-та. 1953. № 9. С. 86—87.

(идеограмма URU) и *ḫappar* ʻцена’, когда идет речь об экономической жизни (сельской) общины [1].

Таким образом, можно предположить, что по своему первоначальному значению производные с суффиксом *-*er*- от корня, представленного в хеттском языке в форме *ḫapp*-, были весьма архаичными. Сравнение всех приведенных выше слов, родственных хет. *ḫapp-ir*(*a*)-, позволяет предположить, что в древности существовало имя существительное гетероклитического склонения, образованное от данного корня посредством суффиксов *-*er*-/*-*en*-. Но в хеттском языке засвидетельствованы только производные от этого существительного, большею частью изменившие свое значение, тогда как в других индоевропейских языках известна основа на *-*en*-, не соотносящаяся уже с основой на *-*er*- [2].

§ 58. Имя существительное *keššar*

Анализ хет. *ḫappar* показывает, что некоторые существительные гетероклитического склонения с чередованием *-*r*/*n*- могли в хеттском языке перейти в другой тип склонения, обобщив основу им. пад. на -*r*. Поэтому некоторые хеттские имена существительные на *r*- могут восходить к древним существительным гетероклитического типа. По отношению к хет. *keššar* ʻрука’ такая гипотеза недавно высказана Френкелем [3]. В хеттском языке это слово принадлежит к типу склонения на -*r*, ср. уже в древнехеттском тексте документа Телепинуса такие формы, как *kišri*- (дат.-мест. пад. ед. ч.), Tel. II, 21—22 и т. п. Но сравнивая это слово с родственным армянским *jer-n* ʻрука’ [4], Френкель предполагает, что в армянском имеется сочетание аффиксов *-*r*- и *-*n*-, аналогичное их сочетанию (в обратном порядке) в лат. *itineris*. Но в родственных словах других индоевропейских языков отражена только основа на

[1] Этимологическая связь терминов *ḫappira* и *ḫappar* не учтена И. М. Дунаевской в ее переводе этого текста и комментариях к нему, см.: ЗХЦ. С. 274.

[2] Сходный процесс обобщения основы на -*n*- древнего существительного гетероклитического склонения можно предполагать по отношению к хет. *ḫaršan* ʻголова’ (об архаичных формах основы на -*r*- *ḫaršar* см.: *H. Otten.* Bibliotheca Orientalis. Jg. 8. S. 226, примеч. 13). Но ввиду фонетических особенностей данной основы (развитие *ḫ* из задненебного, ср. др.-инд. *śīrṣán* ʻголова’), вопрос о ее происхождении является очень сложным (см. ниже, гл. II).

[3] *E. Fraenkel.* Morphologisches und Etymologisches // Lingua poznaniensis. IV. Poznań, 1953. S. 93—108.

[4] О диалектном *jɣeŕ*, *jeŕən* и т. п. см.: *Л. Мсериану.* Этюды по армянской диалектологии. Ч. 1 // Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. историко-филол. Вып. 24. М., 1899. С. 75, примеч. 1 на с. 75—76.

-r (албанское *dórë* ‘рука’, карашарское *tsarᵊ*, кучанское *šarᵊ* ‘рука’ и т. п.)[1]. Поэтому вопрос о древней морфологической структуре данной основы не может быть решен с такой точностью, которая возможна по отношению к хет. *ḫappar*, хотя членение хет. *keššar* с исторической точки зрения на *kešš-ar* представляется весьма вероятным (ср. *has-* < **ĝhes-* в др.-инд. *hástaḥ* ‘рука’ и т. п.).

§ 59. Имя существительное гетероклитического типа *ḫaraš*

Наряду с именами существительными на *-r*/*-n* в хеттском языке засвидетельствованы и именные основы, принадлежавшие к гетероклитическим образованиям других типов.

К особой разновидности гетероклитического склонения принадлежит представленное в хеттском языке индоевропейское название «орла»: хет. *ḫaraš*, род. пад. *ḫaranaš*. В хеттском языке этот тип склонения имен существительных общего рода с основой косвенных падежей на *-n* и с отсутствием *-n-* в именительном падеже представлен лишь тремя словами (*memiia*(*n*) ‘слово’, § 41, *arkamma*(*n*) ‘дань’, *ḫara*(*n*) ‘орел’)[2], но сравнительно-исторический анализ позволяет установить древность этого типа[3]. В хеттском языке данный тип склонения разрушается. В архаичных текстах мифологического содержания еще сохраняется четкое противопоставление формы им. пад. без *-n-* и форм косвенных падежей с основой на *-n-*, ср. в древнем мифе об исчезновении и возвращении бога плодородия Телепинуса: ^{d}UTU-*uš ḫa-a-ra-na-an*^{MUŠEN} *li-e-li-ua-an-da-an IŠ-PUR… ḫa-a-ra-aš*^{MUŠEN} *pa-it* ‘Бог солнца послал проворного(?) орла (*ḫaran-an*)... Орел (*ḫaraš*) полетел (буквально: пошел)’ (KUB XVII 10 I 24, 27). Архаичная форма вин. пад. ед. ч. *ḫaran-an* сохраняет-

[1] Вопрос о связи этих слов с греч. *χείρ* вызвал обширную литературу. Большинство лингвистов склоняется к положительному решению этого вопроса (ср. замечание: *А. А. Фрейман.* Хеттский язык в его отношении к индо-европейским // ИАН ОЛЯ. 1947. Т. 7. Вып. 3. С. 207), но против этой этимологии *χείρ* в 1953 г. выступил Френкель (см. указанную выше статью, где приводятся различные точки зрения по этому вопросу и дается подробная библиография).

[2] *Фридрих.* Грамматика. § 92 а. С. 70.

[3] *Benveniste.* Origines. P. 24. Выводы Бенвениста не учтены Педерсеном (*Pedersen.* Hittitisch. S. 41—42) и следующим за ним Стертевантом (*Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} § 123. P. 82), объясняющими этот тип в хеттском по аналогии с лат. *sermō*, *sermōnis* несмотря на то, что несомненна связь склонения *ḫara*(*n*) с другими разновидностями гетероклитического склонения. Но и в работе Бенвениста этот тип гетероклитических имен упоминается лишь мимоходом, и не указаны особенности его развития в хеттском языке.

ся в древнехеттском ритуальном тексте ABoT 4 + KUB XXXIV 121 + 1549/c + Bo 2416 III, 3 [1]: *ta nam-ma* ^{MUŠEN}*ḫa-a-ra-na-an ne-pí-ša tar-na-aḫ-ḫi* ‘и потом я (вы)пускаю орла к небу (в небо)’, ср. также форму *ḫaranan* в тексте KUB XXIII 13, 7. Но значительно чаще, чем архаичная форма вин. пад. ед. ч. *ḫaranan*, в хеттских памятниках встречается форма *ḫaran* (KUB XXX 34 IV 12 и др.); аналогичное образование вин. пад. ед. ч. засвидетельствовано и для *memiia*(*n*), вин. пад. *memiian* ‘слово’, причем у *memiia*(*n*) этот более поздний тип образования вин. пад. полностью вытеснил архаичный тип с основой на *-n-*. В остальных косвенных падежах как у *hara*(*n*), так и у *memiia*(*n*) сохраняется основа на *-n-*: род. пад. *ḫaranaš*, *memiianaš* и т. п.; эта же основа представлена и в форме им. пад. мн. ч. *ḫaraniš*^{MUŠEN} (KUB XXXIII 62 II 3). Данные хеттских текстов, следовательно, показывают, что разрушение древнего типа склонения прежде всего осуществлялось в форме вин. пад. ед. ч., что могло быть связано с отсутствием форм вин. пад. ед. ч. на *-n* у продуктивного типа гетероклитических основ ср. р., имевших форму им.-вин. п. ед. ч. на *-r*. При устранении сочетания омонимичных суффикса и окончания *-an-an-* в форме *ḫar-an-an* парадигма склонения существительного общего рода с противопоставлением основы им. пад. (*ḫaraš*) и основы косвенных падежей *ḫaran-* перестраивалась по типу парадигмы склонения продуктивных существительных гетероклитического склонения среднего рода с противопоставлением формы им. и вин. пад. формам других падежей. Поскольку существительное *ḫaraš* оставалось именем общего рода, различие в окончаниях им. и вин. пад. сохранялось, но под воздействием продуктивного и употребительного типа гетероклитических основ изменялось соотношение между основами им. и вин. пад. гетероклитического имени *ḫara*(*n*):

Падеж	*ḫara*(*n*) в древнехеттском языке		*ḫara*(*n*) в новохеттском языке		Продуктивный тип гетероклитических имен в новохеттском языке
Им. пад.	*ḫara-š*		*ḫara-š*	*hara-*	*papratar* ‘ритуальная нечистота’
Вин. пад.	*ḫaran-an*	*ḫaran-*	*ḫara-n*		
Другие косвенные падежи	*ḫaran-aš*		*ḫaran-aš*		*paprannaš*

[1] Об этом ритуальном тексте см.: *H. Otten.* Bibliotheca Orientalis. Jg. 8. № 6. S. 226. На принадлежность этого ритуала к древнехеттским текстам указывают такие языковые особенности, как союз *ta* (см. приводимую цитату).

От основы *ḫaran-*, как и от основ на *-n* других гетероклитических имен (ср. выше о *paḫḫun-ali*), было образовано производное с суффиксом *-l*(*i*)- *ḫaranili* (*ḫa-a-ra-ni-li*), представляющее интерес ввиду наличия в других индоевропейских языках основы на *-l* [1], образованной от того же корня. В тексте KUB XII 1 III 20 засвидетельствована лувийская основа *ḫarant-* [2] ‘орел’; соотношение лувийской основы *ḫarant-* и хеттской основы косвенных падежей гетероклитического имени *ḫaran-* подтверждает гипотезу Бенвениста о генетической связи хетто-лувийского суффикса *-ant-* с суффиксом *-en-* гетероклитического склонения [3].

Хеттской основе косвенных падежей *ḫaran-* соответствуют основы с суффиксом *-en-* в греческом и готском языках: греч. *ὄρνις* ‘птица’, гот. *ara*, им. пад. мн. ч. *aruns* ‘орел’ и родственные основы на *-n-* в других древних германских языках. В кельтских языках отражена основа на *hai-r* (валлийское *eryr* и т. п.) [4], в балтийских и славянских языках — основа на *-l*: литовское *erẽlis*, *erelỹs*, *ẽrelio*, ср. прус. *arelis*, латыш. диалект. и латг. им. пад. мн. ч. *ereļi* (в латгальском Евангелии 1753 г.) [5]; этим словам балтийских языков соответствует ст.-сл. **орълъ**, рус. *орел* и аналогичные образования в других славянских языках. Сравнивая эти формы, можно сделать заключение, что в производных от данного корня чередовались основы на *-r*, *-l*, *-n*, как, напр., в общеиндоевропейском названии «солнца». Но форма им. пад. ед. ч. *ḫaraš* в хеттском языке не имеет ни одного из этих суффиксов. Значительный интерес представляет точное соответствие этой хеттской формы литовскому *eras*, *aras*, встречающемуся в литовских народных песнях [6]. До открытия в хеттском языке формы *ḫaraš* лит. *aras*, *eras* не находило соответствий в других индоевропейских языках; поэтому объяснение этой формы представлялось

[1] Интерпретация *ḫaranili* как наречного образования с суффиксом *-li* (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 116. P. 30) может быть правильной с точки зрения хеттского языка эпохи создания письменных памятников, но не с исторической точки зрения (ср. выше о соотношении именной основы на *-l aššul* и наречия на *-li aššuli*).

[2] *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 119, ср. 513/i, 6, LTU. P. 108.

[3] *Benveniste.* Origines. P. 126—127.

[4] *H. Pedersen.* Vergleichende Grammatik der keltischer Sprachen. Göttingen, 1908. Bd. I. S. 491; *Г. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. § 256. С. 193.

[5] «Evangelia toto anno singulis domincis et festis diebus», с. 74. Современное латыш. *erglis* является результатом более позднего фонетического развития, см.: *J. Endzelīns.* Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951. С. 244—245.

[6] Lietuviškos dajnos užrašytos par Antana Juškevičę. Kazanius, 1880. № 193. С. 20. Наличие этого слова в литовских народных песнях опровергает предположение об искусственном характере этого слова, см.: *K. Būga.* Kalba ir senove. Kaunas, 1922. С. 55; *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžiu daryba. Vilnius, 1943. С. 21, примеч. 1.

крайне затруднительным [1]. Но в настоящее время представляется несомненным тождество хеттского *ḫaraš* и литовского *aras* (*eras*) [2]. Архаичная литовская форма указывает на то, что тип образования основы им. пад., отраженный в хеттском, сохранялся и в других индоевропейских диалектах. В хеттском языке в качестве непроизводной основы выступает *ḫara-* (ср. *ḫara-š*, *ḫara-n-an*, *ḫara-n-aš*), но сравнение с формами родственных языков не позволяет сомневаться в том, что с исторической точки зрения корнем в хеттском *ḫaraš* является *ḫar-*, ср. *ar-*, *er-* в литовском *ar-as*, *er-as* : *er-ẽlis*. Сравнение с родственными языками в данном случае оказывается необходимым, так как древняя морфологическая структура данной основы в хеттском языке не сохранилась с такой отчетливостью, которую можно отметить в отношении имен типа *u̯atar*, *u̯ete-naš*.

§ 60. Существительное *aiš*

Рассмотренные в предыдущем параграфе факты указывают на разрушение в хеттском языке древнего типа склонения с противопоставлением основы косвенных падежей на *-n* и основы им. пад. без особого суффикса гетероклитического склонения. О распаде данного типа склонения в хеттском свидетельствуют не только особенности развития нескольких принадлежащих к нему хеттских слов (см. выше о форме вин. пад. ед. ч. существительного *ḫara*(*n*)-), но и характер склонения хеттского существительного *aiš* «рот». Это существительное родственно др.-инд. *ās* ʻротʼ и соответствующим словам в других индоевропейских языках [3]. Бенвенист показал, что тип склоне-

[1] К. Буга и вслед за ним Шпехт (*F. Specht.* Der Ursprung der indogemanischen Deklination. S. 48) искали выход в признании этого слова искусственным неологизмом, что противоречит его наличию в языке литовского фольклора (см. предыдущее примечание). Скарджус, признавая ошибочность гипотезы К. Буги, тем не менее склонен был искать объяснение этого слова в обратном словообразовании (от *erẽlis* и т. п.), см.: *P. Skardžius.* Указ. соч. С. 21, 177.

[2] На близость этих форм до настоящего времени не обращено должного внимания. Покорный (*J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 4 Bern, 1950. S. 326) ограничивается тем, что сопровождает литовскую форму *aras* пометкой (в скобках) «ob alt?» («древняя ли (это форма)?»).

[3] Ср. об этой этимологии: *E. Sturtevant.* // Language. Vol. 14. P. 292; Он же. Comp. Gr.[2] P. 36; *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. P. 833; *Götze—Pedersen.* MS. S. 55 (в последней из указанных работ еще не учтено специальное исследование о данном хеттском слове Зоммера: *F. Sommer.* Germanen und Indogermanen: Festschrift für Hermann Hirt. Heidelberg, 1935. Bd. II. S. 291—296; ср. также: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 17). Вопрос о соотношении

ния др.-инд. *ās-*, род. пад. *āsn-as* «рта» соответствует хеттскому типу склонения *ḫar*(*aš*), *ḫaranaš* [1]; но Бенвенист в то время не знал о наличии в хеттском языке имени существительного, соответствующего др.-инд. *ās*, поэтому анализ истории данного типа склонения в хеттском языке в его работе отсутствует (тем более что он не учел и тенденции развития основ типа *ḫara*(*n*)- в хеттском). Если в древнеиндийском языке данный тип склонения названия «рта» хорошо сохранился, то в хеттском языке *ais* склоняется по обычному типу склонения существительных, не принадлежащих к гетероклитическому склонению: им. пад. *aiš*, род. пад. *išš-aš* [2] и т. п. Но открытия последних лет подтверждают принадлежность данного существительного к тому же типу индоевропейского склонения, что и *ḫara*(*n*): в лувийском языке обнаружено существительное *iššari* ‘рот’ [3], в котором можно выделить суффикс *-r-*, аналогичный *-r-* в кельтских соответствиях хет. *ḫara*(*n*)-. С лувийским *iššari* ‘рот’ связано хет. *iššalli* ‘слюна’ [4], ср. соотношение валл. *eryr* и рус. *орел*:

Основа с нулевым суффиксом (им. пад. ед. ч.)	Основа косвенных падежей на *-n-*	Основа на *-r*	Основа на *-l*
хет. *ḫar-* (*ḫar-aš*) лит. *ar-*, *er-* (*ar-as*, *er-as*)	хет. *ḫar-an-aš*	валл. *eryr*	лит. *er-ẽli*(*s*) (ср. хет. *ḫar-an-ili*)
др.-инд. *ās* хет. *aiš*	др.-инд. *as-n-as*	лув. *išš-ar*(*i*)	хет. *išš-al*(*i*)

Данный пример доказывает, что хеттский язык далеко не во всех случаях сохранил древний тип склонения существительных; в некоторых отношениях древнеиндийский язык оказывается более архаичным [5]. В древнеиндийском

типов склонения указанных хеттского и древнеиндийского существительных ни в одной из названных работ не ставился.

[1] *Benveniste.* Origines. P. 24.

[2] Ср. парадигму у Фридриха: Грамматика. § 91. С. 70.

[3] *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. P. 134, 139, примеч. 15; *Otten.* Luv. S. 78, 110. К указанным Оттеном лувийским текстам, где сочетаются EME ‘язык’ и *iššari-* ‘рот’, следует присоединить из последних публикаций 43/k пер. ст. I, 17—19 ([UZU]EME-*in*, 17; *iš-ša-*[*ra-*]*a-ti*, 18; *iš-ša-ra*, 19; LTU. с. 114). Место данного лувийского существительного среди родственных слов других языков ни Оттеном, ни Ларошем не было намечено.

[4] Связь хеттских существительных *aiš* (род. пад. *išš-aš*) и *iššalli* отмечал Стертевант (*Sturtevant.* Com. Gr.[2] § 115. P. 79), но ему осталось неизвестным родственное лувийское слово.

[5] Эти факты (как и факты, рассмотренные в § 57—59) имеют особое значение потому, что Стертевант, преувеличивая степень сохранения в хеттском языке древних особенностей гетероклитических имен, видел в особой архаичности хеттского именного склонения одно из подтверждений своей индо-хеттской гипотезы (см.: *F. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. § 17 a. P. 24—25).

языке отражено чередование основ с нулевым суффиксом (*ās*), с суффиксом *-n-*(*āsn-*) и с суффиксом *-i-*: *āsya*(*m*) ʻрот, пастьʼ (ср. сложное слово *aśmāsía* ʻтот, чей рот сделан из камняʼ, RV 215, 4). Польский лингвист Ян Отрембский предположил, что аффиксальное *-i-*, родственное др.-инд. *-i-* в *āsya-*, можно выделить в хеттском *a-i-š*. По мысли Отрембского, *-i-* в хеттском *a-i-š* чередуется с *-u-* в прус. *a-u-s-to* и т. п.[1] Следует заметить, что *-u-* в данной группе слов обнаруживается только в производных основах с суффиксом **-t*(*o*): др.-инд. *óṣṭha* ʻверхняя губаʼ (RV 230, 6 «губа»); ст.-сл. **оустa**, прус. *austo* ʻротʼ, лит. *áusčioti* ʻболтатьʼ, латыш. *auša* ʻболтун, ветрогонʼ < **austja*[2]. Поэтому хет. *-i-*, встречающееся не в производном на **-to*, нельзя считать полностью тождественным по функции *-u-* в указанных словах. Вместе с тем нужно учитывать то, что соответствие хеттского *-ai-*/*-i-* долгому гласному в других индоевропейских языках (*aiš*: др.-инд. *ās*, лат. *ōs*) встречается в ряде случаев (см. в § 16 о *dai-*/*ti-*), причем во всех этих случаях трудно определить, является ли *-i-* аффиксом или же написание *-ai-* следует истолковывать только как графическое изображение хеттского звука (или сочетания звуков), который фонетически соответствует долгому гласному в других родственных языках. По указанным причинам определение древнего состава корня в данном случае оказывается крайне сложной задачей, которая еще далека от окончательного решения.

§ 61. Прилагательное *maklant-*

Исследование таких родственных слов, как хет. *iššali-* : лув. *iššari* (§ 60), показывает, что в хеттском языке отражается чередование суффиксов именных основ *-l-* : *-r-*, причем в некоторых случаях основам на *-r-* в других языках соответствуют основы на *-l-* в хеттском языке[3]. Аналогичное явление обнаруживается при анализе хеттского прилагательного *maklant-* ʻхудойʼ. При сопоставлении с отвлеченным именем существительным *maklatar* ʻхудобаʼ (отлож. пад. ед. ч. *ma-ak-la-an-na-az*) в прилагательном *maklant-* выделяется продуктивный суффикс прилагательных *-ant-* и основа *makl-*. Если в прилага-

[1] *J. Otrębski.* Les traces de l'alternance indo-européenne *i* : *u* en hittite // AOr. Vol. 18. № 1/2. 1950. P. 367. Сходное предположение о наличии в данных словах инфикса *-u̯*/*i̯y-* было высказано Шварцем в диссертации: *B. Schwartz.* The Root and its Modification in Primitive Indo-European. 1947. P. 43, оставшейся, по-видимому, неизвестной Я. Отрембскому.

[2] Об этих словах балтийских языков ср.: *K. Būga.* Aistiški studijai. 1-oji dalis. Peterburgas, 1908. C. 101; *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžiu daryba. C. 516; *H. Mūlenbacha.* Latviešu valodas vārdnīca. S. I. C. 230.

[3] Ср. в § 46 о соотношении хеттских суффиксов *-tara-* : *tala-*; *-ur-* : *-ul-*.

тельных типа *danku-i-* или *park-u-* основообразующий суффикс выделяется при сравнении хеттских слов данного корня, то суффикс *-l-* в основе *mak-l-* может быть выделен только при сравнении с родственными словами других индоевропейских языков [1]. Суффикс *-l-* в этой основе чередуется с суффиксом *-r-* в др.-в.-нем. *magar* ‘худой’, лат. *macer* [2]; без этих суффиксов тот же корень представлен в дор. *μᾰκος*.

§ 62. Производные от общеиндоевропейского названия «кости» в хетто-лувийских языках

Чередование суффикса *-l-* с другими архаичными суффиксами гетероклитических имен можно обнаружить в хеттских основах, образованных от общеиндоевропейского названия «кости».

В хеттских текстах часто встречается имя существительное *ḫaštai-*. В ряде текстов, в частности ритуальных (ср., напр., Tun. I 46, II 9, 11), хеттское *ḫaštai-* имеет значение «кость», как и этимологически близкие др.-инд. *ásthi-*, др.-гр. *ὀστέον*. В других текстах, например, в анналах, повествующих о воинских походах хеттских царей, *ḫaštai-* выступает в значении «сила сопротивления, стойкость» [3]. Семантическое развитие хеттского *ḫaštai-* находит близкое соответствие в древнеиранском, где наряду с авестийским *ast-* ‘кость’ засвидетельствовано существительное *astən-tāt-* ‘жизненная сила’ (ср. также авестийское сложное слово *asti-aojah-* ‘сила костей, телесная мощь’, указывающее на исходный пункт данного семантического развития в древнеиранском).

Морфологическая структура хеттского *ḫaštai-* очень близка авест. *asti-*, др.-инд. *ásthi*, др.-гр. *ὀστέον* < **οστειον*. В хеттском существительном *ḫašt-ai-*, род. пад. *ḫašt-iy̯-aš*, представлен тот же индоевропейский суффикс **ei-/i-*, что и в родственных словах древнегреческого и индоиранских языков. Чередование суффиксов **-(e)i-* : **-(e)u-* можно отметить в структурно близких образованиях: хет. *ḫaštiy̯ant-* (KUB IX 4 I 37) < *hast-iy̯-ant* ‘кость’ и авест. *astvant* < *ast-v-ant-* ‘телесный, вещественный’ (часто встречается в «Авесте» в употребительных выражениях типа *dātarə gaēϑanąm astvaitinąm* ‘создатель вещественных миров’, Yast XIV 42 и т. д.). Для производных от данного корня в ин-

[1] Об этимологии хет. *maklant-* ср.: *E. Benveniste* // BSL. 1932. Vol. 33. P. 140; *Pedersen.* Hittitisch. S. 183; *Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. 8 Lieferung. S. 699.

[2] *Benveniste.* Origines. P. 18.

[3] *Sommer.* AU. S. 181 (со ссылкой на Элольфа); *Götze.* AM. S. 77, 167, 240—241; *J. Friedrich.* Hethitisches. Lief. 1. S. 63.

доиранских и греческом языках характерно чередование суффиксов **ei-*(*i-*) : **-en-*(*-n-*) [1].

Архаичные суффиксы **-ei-*, **-eu-*, **-en-* в индоевропейских именных основах данных типов чередовались с суффиксами **er*/**el* (ср. выше о хет. *išša-li-*, *ḫar-an-ili-*). Основа на *-r-*, родственная *ḫaštai-*, представлена в греч. *ἀστράγαλος*; в хеттском языке имеется ряд производных от основы на *-l-* *ḫaštal-*, которые обнаружены в текстах, опубликованных в последние годы. Значения производных от основы *ḫaštal-* тесно связаны со значением *ḫaštai-* ʻсила (сопротивления)ʼ; связь этих значений с основным значением основы *ḫašt-* ʻкостьʼ отчетливо проявляется в следующем месте «Песни об Улликумми»: *ku-it-ma-an-ua-ra-aš na-a-ui*$_5$ *ḫa-aš-ta-li-iš-zi ku-it-ma-an-ua-aš-ši ŠA* SAG.DU *GUL-GUL-LA-DU ma-a-ui*$_5$ *ḫa-tu-ki-iš-zi* (Ullikummi, 2 табл., II, 15—17) ʻпока еще он не стал сильным [2], пока еще череп его головы не стал страшнымʼ. Здесь производный глагол *ḫaštal-eš-* имеет значение «быть сильным»; в то же время речь идет о черепе, т. е. о костях (*ḫaštai-*) растущего чудовища (ср. употребление *ḫaštai-* по отношению ко всему скелету, включая череп, в хеттских ритуалах). Но чаще всего производные от *ḫaštal-* имеют значение, связанное с воинской стойкостью (*ḫaštai* — «сила сопротивления»); UR.SAG-*li-iš* (KUB XVII 7 III 3) = *ḫaštališ* ʻдоблестный воин (герой)ʼ, прилагательное с суффиксом *-u-* UR.SAG-*li-u-* = *ḫaštaliu-* ʻхрабрыйʼ, отвлеченное существительное UR.SAG-*tar* = *ḫaštaliiatar* (KUB XXXIII 105 I 13) ʻдоблесть, храбростьʼ [3]. О древности основы на *-l*, отраженной в *ḫaštali-*, *ḫaštali-u-* и *ḫaštaliį-atar*, свидетельствует собственное имя *Ḫaštali*, известное из каппадокийских таблиц [4].

Для основ с чередованием суффиксов на *-l-*, *-n-*, *-i-* характерно образование также и форм без суффиксов гетероклитического склонения, иногда с тематическим суффиксом, см. выше о хет. *ḫar-aš*. Формы этого типа, образованные от данного корня, обнаруживаются в хеттских архаичных терминах, связанных с хеттскими похоронными обрядами. Эти термины весьма своеоб-

[1] Ср.: *Мейе.* Введение. С. 406; *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 1. S. 577; *Benveniste.* Origines. P. 6—7, 51, 77—78, 176, 183—184.

[2] Предлагаемый перевод отличается от перевода Гютербока (JCS. 1952. Vol. 6. № 1. P. 15), который, как представляется, не подходит к данному контексту. Из двух значений, указанных для глагола *ḫaštaleš-* Фридрихом (*J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. 1952. S. 63), для перевода данного текста представляется целесообразным выбрать «stark werden», а не «heldenhaft werden».

[3] Ср.: *H. Güterbock.* // JCS. 1952. Vol. 6. № 1. S. 12—13; *H. Otten.* Предисловие к KUB XXXIII. S. III; Ларош (Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951. P. 116) переводит это слово «héroisme» («героизм»).

[4] *E. Laroche.* Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951. P. 116.

разны и по своей суффиксации и по своей огласовке. Ввиду значительного лингвистического интереса, который представляют эти еще недостаточно изученные термины, следует более подробно остановиться на их интерпретации.

В хеттских текстах часто упоминаются особые священные здания, называемые ^{É}*ḫešta-*. В автобиографии Хаттусилиса III в аналогичном контексте названо здание É *ḫaštiya-š*; это название буквально означает «дом костей»: *am-mu-uq-qa-za ku-it ḫa-aš-ti-ya-aš* É-*ir* DÙ-*nu-un na-at A-NA* DINGIR. *pa-ra-a pí-iḫ-ḫu-un* ʻкоторый дом костей я для себя («себе» — возвратная частица *za* [1]) сделал, тот (дом костей) я посвятил (буквально «передал») божеству' (Hat. IV, 75—76). Данное место автобиографии дало основания для предположения о том, что и название ^{É}*ḫešta-* связано с основой *ḫaštai-* [2], так как связь É *ḫaštiya-š* с *ḫaštai-* несомненна, и вместе с тем очевидна связь терминов É *ḫastiya-š* и ^{É}*ḫešta-*. Происхождение данных терминов можно уяснить, если привлечь известные в настоящее время данные о хеттских похоронных обрядах.

По свидетельству хеттских памятников, кости (*ḫaštai-*) умерших после сожжения собирались и складывались в особых помещениях [3]. В текстах, описывающих эти обряды, очень часто употребляется слово *ḫaštai-* ʻкость' — обычно во фразеологических сочетаниях, напр. *ḫaštiya-š lešu̯anzi* ʻсобирать кости' (*lešu̯anzi-* от *leš-* ʻсобирать', § 35), KUB XXX 15 I, 7, 17 и т. п. Описание обрядов заканчивается следующим образом [*ḫ*]*a-aš-ta-i ša-ra-a da-a-an-zi*... [*na-at*] *I-NA* É.NA$_4$-*ŠU pí-e-da-an-zi nu-kán I-NA* É.NA$_4$… [4] [^{GIŠ}NÁ^{ME}]^{Š} *iš-pár-ra-an-zi nu-kán ḫa-aš-ta-i IŠ-TU* ^{GIŠ}ŠÚ.A *ar-ḫa d*[*a-an-zi*] [*na-a*]*t-ša-an* ^{GIŠ}NÁ-*aš iš-pár-ra-an-da-aš ti-an-zi* (KUB XXX 15 46—49) ʻ(потом) (они) берут кости и их несут в «каменный дом» его (т. е. царя). В «каменном доме»... [5] (они) приготовляют ложе, снимают кости со «стула» [6], и их кладут на приго-

---

[1] На употребление в данном предложении возвратной частицы *za* не обращено должного внимания в существующих переводах автобиографии Хаттусилиса, между тем, для интерпретации данного текста это представляется очень существенным.

[2] *Götze.* AM. S. 265, ср. также: *A. Götze.* Hattusilis. Leipzig, 1925. S. 104; *E. Laroche.* Recherches. P. 74.

[3] *F. Sommer.* // OLZ. 1939. S. 679; *H. Otten.* Ein Bestattungsritual hethitischer Könige // ZA NF. Bd. 12. S. 206—224. Значение этих текстов для решения вопроса о ^{É}*ḫešta-* впервые отмечено Оттеном (*H. Otten.* Die Gottheit Lelvani der Boğazköy-Texte // JCS. 1950. Vol. 4. № 2. S. 130), но Оттен не дал анализа употребления *ḫaštai-* в соответствующих текстах, вследствие чего его замечание осталось недостаточно обоснованным. Относительно хеттских похоронных обрядов ср. также: *O. Gurney.* The Hittites. 1952. P. 164—169.

[4] За идеограммой É.NA$_4$ ʻкаменный дом' здесь следует поврежденное место, начинающееся идеограммой É ʻдом'. Представляется вероятной реконструкция É [*ḫaštiya-š*] или É [*ḫešta*] ʻдом костей' (т. е. «в каменном доме» — «доме [костей]»…).

[5] См. предыдущую сноску.

[6] На который до этого складывались кости.

товленное ложе’. Сопоставление данного текста с указанным выше местом автобиографии Хаттусилиса не позволяет сомневаться в том, что «домом костей» назывался тот «каменный дом», где «кости» (*ḫaštai-*) царя складывались на ложе. Этот каменный дом часто обозначается идеограммой É.NA$_4$.DINGIR$^{LIM\,1}$ (напр., KUB XII 48, I, 4 — в сочетании с *ḫaštai*, там же, строка 5). Знак DINGIR ‘божество’ в данном идеографическом обозначении может быть связан с хеттским выражением DINGIR *kiša-* ‘стать богом = умереть (о царе)’. Вместе с тем в этой связи нельзя не указать на приведенное выше место из автобиографии Хаттусилиса, сообщающего, что «дом костей», который он построил для себя (т. е. царский склеп, усыпальницу), он посвятил «божеству» (DINGIR). Как данное место автобиографии Хаттусилиса, так и само название É.NA$_4$.DINGIR ‘божественный каменный дом’ свидетельствует о том, что здание, в котором хранились кости мертвых, могло приобретать особое религиозное значение. Это объясняет употребление в хеттских текстах термина ^{É}*ḫešta-*. В зданиях, носивших это название, совершались обряды, связанные с культом Лельвани — хеттской богини загробного мира. В анналах Мурсилиса II (26 год, KBo II 5 = 2 BoTU 62, обор. ст. III 38—47) говорится: *ma-aḫ-ḫa-an-ma ḫa-mi-eš-ḫa-an-za ki-ša-at nu... I-NA* É *ḫé-eš-ti-ma A-NA* ^{D}*Li-el-u̯a-*[*ni*] EZEN *pu-ru-li-i̯a-aš* GAL-*in* EZEN-*an Ú-UL i-i̯a-nu-un nu-kán* ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši ša-ra-a ú-u̯a-nu-un nu A-NA* ^{D}*Li-el-u̯a-ni I-NA* É *ḫé-eš-ti-i* EZEN *pu-u-ru-li-i̯a-aš* GAL-*in* EZEN-*an i-i̯a-nu-un nu-kán ma-aḫ-ḫa-an I-NA* É *ḫé-eš-ti-i* GAL-*in* EZEN-*an aš-ša-nu-nu-un* ‘когда же наступила весна, так как... я в доме *ḫešta* богине Лельвани праздник *puruliia-*, большой праздник, не отпраздновал, я пришел (вверх) в город Хаттусас и богине Лельвани в доме *ḫešta* праздник *puruliia-*, большой праздник я отпраздновал, и когда я закончил в доме *ḫešta-* большой праздник...’ [2]. Из этого текста следует, что религиозный праздник, посвященный богине загробного мира, совершался в «доме *ḫešta-*». Во многих хеттских текстах религиозного содержания в связи с культом богини Лельвани упоминаются «дом *ḫešta-*» (встречается также и вариант «дом *ḫešti-*») и лица, совершающие религиозные церемонии в этом «доме». Иногда вместо хеттского имени богини Лельвани в этой связи употребляется аккадское имя соответствующей богини Аллатум, ср., напр., Bo 41/g I 9—10 [3] I ^{GIŠ}*zu-up-pa-ri ŠA* ^{D}*AL-LA*[-*TIM*…] LÚ.MEŠ ^{É}*ḫé-eš-ti-i ḫar-kán-zi* ‘Люди дома *ḫešti* держат факел богини Аллатум’. Обращает на себя внимание богатство

[1] Об этом термине ср.: *H. Otten.* // ZA NF. Bd. 12. S. 221—223; Bibliotheca Orientalis. Jg. 8. № 6. S. 232.

[2] Судя по контексту, это предложение может быть не главным, в связи с чем отпадает необходимость в том необычном переводе *maḫḫan*, который предложен: *Götze.* AM. S. 191, 246.

[3] Опубликовано Оттеном: JCS. Vol. 4. № 2. S. 132.

терминов, обозначающих лиц, занятых совершением обрядов в «доме *ḫešta*» — в памятниках встречаются следующие термины: LÚ ^{É}*ḫešta-*, LÚ ^{É}*ḫešti-* (см. приведенный пример), ^{LÚ}*ḫištašša*[1], ^{LÚ}*ḫeštumni* (Bo 2866 III 14)[2], ^{LÚ}*ḫeštumaša* (Bo 2866 III 15)[3]. Многообразие этих терминов, производных от основы *ḫešt-*, свидетельствует о религиозной значимости хеттского ^{É}*ḫešta-*. О том же свидетельствует и текст KUB XXX 32, в котором перечисляются многообразные работы, производимые в связи с ^{É}*ḫešta-*[4] (в данном тексте это слово выступает в форме им. пад. ед. ч. *ḫeštaš*, KUB XXX 32 I 14). Текст судебного протокола KUB XIII 35 18 показывает, что храм богини Лельвани (É ^{d}*Li-el-u̯a-ni*), т. е. ^{É}*ḫešta-*, использовался и при юридических церемониях (при приведении к присяге). Рассмотрение всех указанных лингвистических и исторических данных позволяет сделать вывод, что хеттское *ḫešta-* (^{É}*ḫešti-*) было зданием, предназначенным для сохранения костей (*ḫaštai-*) мертвых и для исполнения обрядов и религиозных праздников, связанных с культом богини загробного мира — Лельвани (аккад. Аллатум). Таким образом, связь ^{É}*ḫešta-* и производных от этого слова терминов с хеттским *ḫaštai-* ‘кость’ можно считать установленной.

Со сравнительно-исторической точки зрения ^{É}*ḫešta-* представляет интерес в двух отношениях: во-первых, это слово свидетельствует о наличии чередования **e*/*o* в данном корне, во-вторых, ^{É}*ḫešta-* и производное от этого слова ^{LÚ}*ḫištašša* (ср. в § 43 о *u̯itt-ašš-* от *u̯ett-* ‘год’) свидетельствуют о наличии в хеттском языке производных от основы *ḫe*/*ašt-* (без суффиксов *i* и *l*). Наличие двух параллельных основ ^{É}*ḫešta-* и ^{É}*ḫešti-* (ср. *ḫaštai-*) отражает весьма древнее состояние, так как существование параллельных основ от данного корня с суффиксом *-(*e*)*i-* и без этого суффикса отмечается и в других индоевропейских языках, ср. авест. *ast-* и *asti-*. Формы без характерных суффиксов гетероклитического склонения известны не только в авестийском и хеттском, но и в кучанском: кучанская форма мн. ч. *ā̆st-a* ‘кости’[5]. Для сравнения с этой кучанской формой особый интерес представляют факты лу-

[1] См.: *H. Otten.* // ZA NF. Bd. 14. S. 345.

[2] Опубликовано Оттеном: JCS. Vol. 4. № 2. S. 132, примеч. 31. Вопрос об отношении суффиксального *-u-* в производных ^{LÚ}*ḫé-eš-tu-um-ni* и ^{LÚ}*ḫé-eš-tu-u-ma-ša* к суффиксальному *-u-* в авест. *ast-v-ant* (см. выше) остается открытым, так как морфологическая структура данных хеттских производных и происхождение выделяемых в них суффиксов не вполне ясно (относительно суффикса *-umn-* ср.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 85; *Sturtevant.* Com. Gr.^{2} P. 81).

[3] Там же.

[4] Ср. об этом тексте: *J. Friedrich.* Archiv für Orientsforschung. Bd. 13. H. 3. Berlin, 1940. S. 154.

[5] Об этой форме в кучанском см.: *E. Sieg.* Die medizinischen und tantrischen Texte der Pariser Sammlung in Tocharisch B // KZ. 1954. Bd. 72. H. 1/2. S. 75.

вийского языка. Как доказывают новейшие исследования, хеттскому *ḫa/ešt/ei/-* в лувийском соответствует *ḫašša* ‘кости’ (форма им.-вин. пад. мн. ч. ср. р.) [1], чередующееся с идеограммой ^{UZU}GÌR.PAD.DU (= хет. *ḫaštai*). В опубликованных до настоящего времени лувийских текстах это лувийское слово засвидетельствовано только в форме им.-вин. пад. мн. ч. ср. р. *ḫa-aš-ša* (KUB XXXV II 9 = LTU, с. 17, KUB XXXV 45 пер. II 23 = LTU, с. 46), *ḫa-a-aš-ša* (KUB XXXV 33 обор. ст. III 4 = LTU, с. 36). В этой форме *ḫašša-* следует выделить окончание им.-вин. пад. мн. ч. ср. р. *-a-* [2]; таким образом, в лувийском имеется основа *ḫašš-* ‘кость’. Сравнение встречающихся в лувийских текстах фонетических вариантов *u̯aštara-* и *u̯aššara-*, соответствующих хет. *u̯eštara-* ‘пастух’ (см. выше), указывает на фонетическое развитие *st- > šš* в лувийском (ср. также выше, § 43, о лувийском *usa* ‘год’ и хет. *u̯et-*). Поэтому лувийскую форму мн. ч. *ḫašša* можно считать генетически тождественной кучанской форме мн. ч. *asta* ‘кости’ (что является еще одним свидетельством наличия явлений, общих для хетто-лувийского и кучанско-карашарского).

Несмотря на фонетическое сходство лув. *ḫašš-* ‘кость’ и латинского *os*, *oss-is*, эти основы нельзя считать тождественными, так как если лув. *ḫašš-* < *hast-* может объясняться характерным для лувийского изменением группы **-st-*, то фонетическое происхождение лат. *os* < **osts* подвергается сомнению в работах таких специалистов, как Мейе [3].

Эрну и Мейе писали в своем известном этимологическом словаре латинского языка: «остается... только одна гипотеза: нужно исходить из древнего *oss-* и признать, что *-t-* или *-th-* не являются существенными составными частями (éléments essentiels) названия “кости”» [4]. Предположение о суффиксальном характере **-t-* в данной основе некоторые лингвисты подкрепляют сравнением армянского *oskr* с валлийским *asgwrn* ‘кость’, корн. *ascorn*, где **-k-* может объясняться не фонетически [5], а морфологически: как отражение древ-

[1] *Otten.* Luv. S. 64—65. Еще до выхода в свет монографии Оттена это лувийское соответствие хет. *ḫaštai* было отмечено Фридрихом: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 63.

[2] См. об этом лувийском окончании: *Sommer.* AU. S. 50, примеч. 5; *Friedrich.* RHA. F. 47. S. 5; *Otten.* Luv. S. 120.

[3] *A. Meillet.* Sur latin *os* // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. T. XXIII. P. 259—261.

[4] *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. T. II. P. 834. Бенвенист (*Benveniste.* Origines. P. 183—184) признает суффиксальный характер *-t(h)-* в данной основе, но, в отличие от Мейе, считает все засвидетельствованные формы производными (*oss* Бенвенист по традиции возводит к **ost-s*).

[5] Фонетическое объяснение армянского *oskr* из **ost(h)-w-er* предполагалось (в виде гипотезы) Мейе (Введение. С. 406), и (в более категорической форме) Бенвенистом (*Benveniste.* Origines. P. 7).

него чередования суффиксов *-*k*- : *-*t*- [1]. Но слияние суффикса *-*t*- с корнем в данной основе осуществилось в очень древний период. В хеттском языке основа *ḫašt-* является неразложимой.

§ 63. Существительное *melit* и родственные слова хетто-лувийских языков

Анализ производных от общеиндоевропейского названия «кости» (§ 62) показывает, что для древних основ имен существительных были характерны те же чередования суффиксов (*-*ei*- : *-*eu*- : *-*er*- : *-*el*- : *-*en*-), которые отмечались выше (в § 45—52) в отношении имен прилагательных. Но если суффиксы *-i*- и *-u*- в хеттских именах прилагательных легко выделяются при сравнении с родственными хеттскими словами, то морфологический анализ хеттских существительных, имеющих архаичные суффиксы *-l*- и *-u*-, возможен в ряде случаев только при сравнении с данными родственных языков. Для установления хронологического различия между образованием основ прилагательных на *-i*- (типа *danka-i*-) и основ существительных на *-i*- (типа *ḫašt-i*-) особенно поучительно изучение хеттского *milit*- ‘мед’. Бенвенист предположил наличие гетероклитического чередования **i*/*n* в данной индоевропейской основе [2] (хет. *mil-it*, лат. *mel*, *mel-lis* и т. п.), но не принял во внимание фактов армянского языка, указывающих на чередование суффиксов *-i*- и **u-r* [3], ср. ирл. *mil* < **meli*- и арм. *mel-r* ‘мед’, род. пад. *melu* (архаичное производное типа *barjr* ‘высокий’, § 45—46, ср. арм. *cunr* ‘колено’: хет. *genu*), ср. производное *melu* ‘пчела’ [4]. Чередование суффиксов *-i*- и *-u-r* в данных основах близко к соотношениям типа кучанского *park-i*- : хет. *park-u*-, арм. *barjr*, род. пад. *barju*, но в отличие от суффикса *-i*- в основах прилагательных этого типа суффикс *-i*- в данном существительном не выделяется ни в хеттском, ни в других родственных языках.

Для архаичных индоевропейских имен, имеющих суффиксы гетероклитических типов, характерно присоединение к суффиксу переднеязычного

[1] См.: *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. S. 74, 207.

[2] *Benveniste.* Origines. P. 7—8.

[3] Возможно, что Бенвенист в данном случае некритически воспринял точку зрения младограмматиков, объяснявших армянскую форму поздним воздействием близкого по значению **medhu* (ср., напр.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 1. S. 182). Между тем, сравнение с другими армянскими производными на *-*ur*- не позволяет сомневаться в том, что *melr* по типу образования аналогично *barjr*, т. е. принадлежит к типу индоевропейских основ с закономерным чередованием *-*i*- : *-*u-r*/*n*-.

[4] См. об исключительности данного типа образования производного (*melu* ‘пчела’ при форме им. пад. *melr* ‘мед’) в древнеармянском: *A. Meillet.* Altarmenisches Elementarbuch. § 31 c. S. 28.

смычного или заднеязычного смычного, напр. др.-инд. *yák-r̥-t* ‘печень’, *ásr̥-k* (*ásr̥-j-*) ‘кровь’ (§ 55, ср. § 56). Еще младограмматики установили генетическое тождество *-t* в *yákr̥-t* и *-t* в греч. *μέλι-τ-ος* (род. пад. ед. ч.) [1]. Наличие чередования суффиксов **-i-* : **-u*(*-r*) в производных от данного корня позволяет установить, что *-t-* в хет. *mel-i-t*, греч. *μέλ-ι-τ-ος* и т. п. было и по своей функции тождественно *-t-* в др.-инд. *yák-r̥-t*: аффикс *-t-* в обоих случаях присоединялся к древнему суффиксу индоевропейских гетероклитических имен. Вторичное производное на *-i-t* является общим для большой группы индоевропейских диалектов: хеттского (*milit*), греческого (*μέλιτ-*), германских (гот. *miliþ*), албанского (*mjálte*), скифского (*μελίτιον. ροματι Σκυθικον*, Гесихий), кельтских (галльск. *Meliđđus*). Некоторые вторичные производные от основы **melit* носили весьма архаичный характер, напр., греч. *βλίττω* [2] < **mlit-i̯ō*. Одно из производных от данной основы в хеттском языке — *miliddu-* ‘сладкий’ [3] имеет точное морфологическое соответствие в кельтских языках (галльск. *Meliđđus*) [4]. Хеттское производное прилагательное на *-u mi-li-id-du* ‘сладкий’ (KUB XXXIII 62 II 16) наглядно свидетельствует о хронологическом различии в образовании основ прилагательных на *-u-*, *-i-* и основы существительного **mel-u-*, **mel-i-*. В прилагательных на *-u-* (даже столь архаичных, как *aššu-*, см. выше) и *-i-* основообразующий суффикс в хеттском языке обычно выделяется. В данном случае от неразложимой в хеттском языке основы на *-i-* (с вторичным суффиксом *-t-*), чередующейся с основой на *-u-* в армянском *melu*, *melr*, образовано новое производное на *-u-*, где с исторической точки зрения можно выделить 3 суффикса: **mel-i-t-u* (но в хеттском языке эта основа членится только на *melit-u-*). С прилагательным *militu-* ‘сладкий’ соотносится глагол *milit-eš-* ‘становиться сладким’ (ср. выше об аналогичных словообразовательных связях типа *park-u-* : *park-eš-*), но по своей морфологической структуре этот глагол является производным не от *melit-u-*, а от *melit*. Этим

[1] Ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 1. § 456. S. 581: «In ein paar Wörtern der in vorigen Paragraphen besprochenen Kategorie von *-r-* : *-n-* Stämmen erscheint hinter dem *r* des Nom.-Akk. Sg. noch. ein *t*, welches mit dem ursprünglichen Auslaut von gr. *μελι* = **melit*… identifiziert werden darf».

[2] Особую архаичность этого производного глагола подчеркивал Мейе: Введение. С. 237, 397; ср.: *П. Шантрен.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 199.

[3] О семантике этого хеттского прилагательного и других хеттских основ данной группы см.: *H. Ehelolf.* OLZ. 1933. S. 1—2; *Otten.* Luv. S. 20 (ср. также о *milit* в KUB XXX 36 II 1: *J. Friedrich.* Archiv für Orientsforschung. Berlin, 1940. Bd. 13. II. 3. S. 156). Наличие соответствия в кельтских языках в этих работах не отмечалось.

[4] Ср. др.-ирл. *mílsi* (вин. пад. мн. ч.) ‘сладких’, точно соответствующее хет. *miliddu-* по значению.

объясняется то, что параллельно с сочетанием прилагательного *militu* и глагола *militeš-* в ритуале KUB XXXIII 62 II 16 сл. употребляется сочетание *milit* и *militeš-* в аналогичном ритуальном тексте KUB XXXV 5 пер. ст. II 8—9 (LTU, с. 11); в этом ритуале глагол *militeš-* синонимичен описательному выражению LÀL-*it* (= *melit*) *i-u̯a-ar... e-eš-du* ʻда будет... (он) подобен меду’ (KUB XXVII 29 II 19). На основании анализа морфологической структуры и особенностей употребления указанных слов можно сделать вывод, что в хеттском языке *melit* стало непроизводной основой, от которой был образован ряд производных. Но сравнение с фактами лувийского языка позволяет предположить, что слияние аффикса *-t-* с основой **meli-* осуществилось после выделения хеттского языка из хетто-лувийской общности.

Значение лувийской именной основы *mallit* и связанной с ней основы *malli* представляется возможным установить на основании хетто-лувийского ритуального текста KUB IX 6 + KUB XXXV 39, который рассматривался выше (§ 17) при определении значения лувийского *aršiia-* ʻтечь’. В этом ритуале говорится о возлиянии жидкости, составленной из «меда» (идеограмма LÀL в хеттском тексте ритуала, KUB IX 6 + KUB XXXV 39, LTU, с. 37, пер. ст. I 6) и других веществ. Далее сообщается (по-хеттски), что жидкость «течет» (*ar-aš-zi*, тот же текст, пер. ст. I 19, 21, 22). За этим следует текст, произносимый жрицей по-лувийски. В лувийском тексте несколько именных основ в форме им. пад. мн. ч. (падежное окончание *-inzi*) сочетаются с формой 3 л. мн. ч. *aršiiandu* ʻпусть (они) текут’ (о значении этой формы в данном тексте см. § 17). Одна из этих именных основ *mallit-* (*ma-al-li-ti-in-zi*, тот же текст, пер. ст. I 24) с фонетической точки зрения является точным фонетическим соответствием хет. *melit* (о закономерном соответствии хет. *e* и лув. *a* см. выше). Понимание формы мн. ч. *mallit-inzi* как «медовые потоки» хорошо соответствует контексту. Этот вывод подтверждается при дальнейшем изучении данного ритуала: в лувийском тексте, который следует за рассмотренными выше местами, неоднократно повторяется сочетание именной основы *mallit* и основы *malli* с глаголом *aiaru* ʻпусть (он) делается’ [1], напр. *ma-al-li a-i-i̯a-ru* (тот же текст, обр. ст. II 12, ср. параллельные места там же, II 16 и II 27—28). Согласно предложенной выше интерпретации лувийского *mallit*, это сочетание следует понимать ʻпусть (он) (как) мед делается (делается медовым, сладким)’. Такая интерпретация этого сочетания находит подтверждение в параллельных хеттских ритуальных текстах, где многократно употребляются выражения, аналогичные данному лувийскому обороту, ср. хет. LÀL-*it* (= *melit*) *i-u̯a-ar… e-eš-du* (KUB XXVII 29 II 19) ʻда будет (он)... подобен меду’ и форму

[1] О значении формы *aiaru* в данном тексте см.: *Otten.* Luv. S. 81 (значение *mallit*, *malli* Оттену было неизвестно).

mi-li-ti-eš-du ‘пусть он станет сладким’ в KUB XXXI 62 II 16 след. и в KUB XXXV 5 пер. ст. II 8—9 (LTU, с. 11). Значение основ *malli-* и *mallit-*, которое устанавливается на основе рассмотренного ритуального текста, подтверждается при изучении других ритуальных текстов на хеттском и лувийском языке. В хеттском тексте ритуала KUB XXXII 8 обр. ст. III и 20 сообщается, что жрица совершает возлияния меда (идеограмма LÀL). При этом жрица «говорит заклинания по-лувийски так» (*lu-u-i-li ki-iš-ša-an ḫu-u-uk-ki-iš-ki-iz-zi*, тот же текст, III 24—25): *ma-al-i-ti-i̯a a-a-i̯a-ru* ‘да сделается (он) *malitii̯a*’, тот же текст, III 27. Сличение всех указанных текстов позволяет утверждать, что основа *mal*(*e*)*it* в лувийском языке соответствовала хеттскому *melit* (*milit*) ‘мед’. При этом особый интерес представляет параллельное существование основы на *-t mallit* и основы на *-i- malli-* в лувийском языке [1]. Этот факт дает основание для предположения о том, что слияние *-t* с основой **meli-* осуществилось в относительно поздний период развития хеттского языка, тогда как слияние с корнем **mel-* аффикса **-i-* следует отнести к более древнему периоду.

§ 64. Прилагательное *daluki-*

Так же как за суффиксом *-i-* в **mel-i-t* следует *-t-*, за суффиксами архаичных имен может следовать **-g-* или **-k-* (ср. в § 54—55 о хет. *ešḫar* : др.-инд. *ásr̥-j-*, *ásr̥-g-*, *ásr̥-k-*; хет. *patt-an-as* : др.-инд. *pat-aṃ-ga-*; ср. также ниже, в § 65, о хет. *kar-au̯-ar* ‘рог’; др.-инд. *śr-ṅ-ga-*). Такой задненебный аффикс может следовать не только за суффиксами **-r-* и **-n-* (как в приведенных выше словах древних индоиранских языков), но и за суффиксом **-u-*, напр. арм. *manr* ‘маленький’ (прилагательное на **-u-r* типа *barjr*) : *man-u-k* ‘ребенок’ [2],

[1] Оттен предполагал, что *malli-* употребляется в качестве «предикативной именной формы» в отличие от *mallit*: «findet sich in prädikativer Stellung der reine Stamm unter Verlust des auslautenden Dentals» (*Otten.* Luv. S. 83). Но эта гипотеза Оттена недостаточно обоснована, так как его интерпретация соответствующих текстов ограничивается истолкованием окончаний. Никаких предположений о значении основ *mallit* и *malli* Оттен в указанной монографии не высказал (связь с *milit* им не предполагалась, так как в примеч. 21 а к с. 21 он в этой работе ограничивается замечанием о том, что основа *milit* в лувийском не обнаружена). В настоящее время замечания Оттена по данному вопросу нуждаются в ряде поправок: в частности, нет оснований считать, что в *malli-* осуществилась «утрата» («Verlust») конечного зубного смычного, так как другие примеры исчезновения конечного *-t-* в лувийском неизвестны, а сравнение с родственными языками делает несомненным морфологическое происхождение различия между *malli-* и *mallit-* (в отличие от греч. *μέλιτ-* и *μέλι*, где возможно чисто фонетическое объяснение отсутствия конечного *-t*).

[2] В случае, если правильно сравнение хет. *maninku-* = *manku-* с кучанским *menk-i-* и т. п. (см. об этой этимологии выше), в хеттском можно обнаружить последователь-

ср. в славянских языках основы на *-*u*-*k*(*o*)- типа ст.-сл. **пѣс-ъ-къ** [1]. В хеттском языке к основе этого типа восходит прилагательное *dal-uki-* ʻдолгий, длинный’, родственное ст.-сл. **длъгъ**, рус. *долгий* [2] (несдвоенное написание *k* в хеттском указывает на звонкость согласного в древности). Суффикс *-i-* в *daluk-i-* выделяется при сравнении с другими хеттскими словами того же корня. Хеттское отвлеченное существительное *dalug-ašti*, образованное по тому же типу, что и *palḫ-ašti* (§ 52), имеет точное соответствие в славянских языках: польск. *długość* < **dъlgostь* [3]. Фридрих заметил по этому поводу: «*dalugašti* sieht geradezu “protoslavisch”» [4] («*dalugašti* выглядит прямо по-“праславянски”»). Как показывает сравнение со славянскими языками, основа *daluk-* в *daluk-i-* и *dalug-ašti-* восходит к корню **del-*: рус. *дл-ина*, старопольск. *dla* ʻдлина’ (ср. рус. *по-дле* и т. п.) [5]. Следовательно, в хеттском *dalug*(*i*)- выделяется суффикс *-ug* и корень *-dal*; суффикс *-ug* следует признать сложным, так как основе на *-u-* в хет. *dal-u-gi-*(*š*) соответствует основа на *-i-* в гр. *δολ-ι-χό-ς* [6]. С суффиксами *-*ei*- и *-*eu*- в указанных основах чередуется суффикс *-*en* в

ность аффиксов *-k-u-*, обратную той последовательности, в которой они выступают в армянском производном от того же корня, ср. хет. *man*(*in*)*-k-u-* и арм. *man-u-k-*.

[1] Согласно гипотезе Пизани (*V. Pisani.* Hittitisch *pašilas* // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. 2. H. 2. S. 217) этой славянской основе на *-*u-k* родственно хеттское *paš-i-la-* ʻгравий, щебень’ (где *-i-*, согласно данной гипотезе, чередуется с *-*u-*). Но возможно и иное происхождение хет. *pašila-* (ср. этимологию Стертеванта: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 86. P. 64, предполагающую отражение начального **bh-* в этом слове, что трудно проверить ввиду особенностей хеттской графики).

[2] Ср., напр., рус. *долгий* во временном значении и хет. *da-lu-ga-i̯a-az* MU.KAM-*za* «в течение долгих лет» (*E. Laroche.* Le vœu du Puduhepa // RA. 1949. Vol. 43. № 1/2. P. 57, 62, 67).

[3] *A. Мейе.* Общеславянский язык. § 419. С. 296. На данное соответствие многократно обращалось внимание в научной литературе. См., напр.: *Мейе.* Введение. С. 284; *Pedersen.* Hittitisch. S. 35; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 74; *А. В. Десницкая.* О хеттском языке // *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 36.

[4] *J. Friedrich.* Die hethitische Bruchstücke des Gilgames-Epos // ZA NF. 1929. Bd. 5. (39). H. 1/3. S. 35, примеч. 5.

[5] О производных от данного корня в славянских языках см.: *F. Sławski.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Zeszyt 2. Kraków, 1953. С. 148.

[6] Отмечено Яном Отрембским в статье: *J. Otrębski.* Les traces de l’alternance indo-européenne *i* : *u* en hittite // AOr. Vol. 18. № 1/2. P. 370—371. Но Отрембский не сопоставил чередований *i*/*u* с чередованиями других тесно связанных с ними гетероклитических суффиксов; поэтому в работе Отрембского осталась нераскрытой структура других древних производных от того же корня. Более полным является анализ Шпехта: *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. S. 126, но в работе Шпехта не освещена роль *-*g-*, следующего за суффиксами *-*i-*/*-*u-*/*-*n-* в производных от этого корня.

др.-перс. *dr-an-ga-*, лат. *longus* < **dl-on-g*(*h*)*os* [1] и т. п. Во всех этих основах за чередующимися суффиксами **-ei-* : **-eu-* : **-en-* следует задненебный (который в греческом следует возводить к **-gh-*) [2].

Хеттское прилагательное *daluk-i-* имеет такое же значение для установления относительной хронологии данных образований, какое прилагательное *milit-u-* имеет для решения аналогичного вопроса по отношению к основе *milit* (ср. выше). Прилагательное *daluk-i-* во всех отношениях тождественно хеттским прилагательным, в которых выделяются суффиксы *-i-* (о параллелизме *palḫ-i-*, *palḫ-ašti-* и *daluk-i-*, *dalug-ašti-* см. § 52) и *-u-* (ср. архаичную форму *dalug-nula-* от *daluk-i-*, структурно близкую к *parganula* от *park-u-*, см. § 45). В прилагательном *dal-u-k-i* с исторической точки зрения можно выделить 3 суффикса, но в хеттском языке основа *daluk-* является непроизводной, поэтому образование имен с помощью суффикса **-u-*, выделяемого в этой основе, должно быть отнесено к гораздо более ранней эпохе, чем образование прилагательных с суффиксами *-u-*, *-i-* типа *park-u-*, *palḫ-i-*, *daluk-i-*.

§ 65. Существительное *karau̯ar*

Как отмечалось в предыдущих параграфах, индоевропейские именные основы на **-u-* характеризовались частым присоединением суффиксов **-r*/*n-* к основообразующему суффиксу. В хеттском языке сохранилось лишь ограниченное количество основ на *-u-r*/*n*, сохранявших древнюю морфологическую структуру (ср. в § 46 о *pank-u-r*); в некоторых основах на *-u-r* (*paḫḫur*, § 56) суффикс *-u-* сросся с корнем. Но сравнение с другими индоевропейскими языками позволяет выделить древний суффикс **u̯-er* в таких хеттских именных основах, как *karau̯ar* ‘рог’ [3] (KUB XXI, I 15, 18, 19), обычно передающееся идеограммой SI (с фонетическим комплементом SI-*ar* в KUB I 42 III 44). Принадлежность существительного *karau̯ar* к гетероклитическому склонению в хеттском доказывается формой им.-вин. пад. мн. ч. $SI^{HI.A}$-*ar* = *karau̯ar* ‘рога’ (Ullikummi, 2 табл. III, 4), ср. выше (§ 53) об аналогичной форме

[1] Ср. архетип **dlangte*, устанавливаемый Педерсеном для албанских слов этой группы: *H. Pedersen* // KZ. Bd. 33. S. 545.

[2] Ср. об основах на *-ag*(*o*)- < **-n̥-gh*(*o*)- в греческом: *Brugmann.* Grundriss. Bd. 2. T. 1. S. 486, 513.

[3] Значение слова *karau̯ar* установлено Зоммером: OLZ. 1941. S. 60, примеч. 1; ср.: *G. Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943. S. 52; *E. Laroche.* Hittitica // Revue de philoligie. 1949. № 1. P. 38; *E. Laroche.* Problèmes de la linguistique asianique // Conférences de l’Institut de Linguistique de l’Université de Paris. IX année. Paris, 1950. P. 73; *H. Güterbock.* JCS. 1952. Vol. 6. № 1. P. 15—17. Со сравнительно-исторической точки зрения данное существительное еще не изучалось.

им.-вин. пад. мн. ч. *u̯atar* (= A^{HIA}-*ar*). Основа на *-n-* отражена в собственном имени *Karau̯ani* [1], тогда как основа на *-u-*, от которой образовано данное производное существительное, представлена, согласно гипотезе Ларош[2], в *karau* (KUB XXXIII 60 обр. ст. 7 = 61 IV 7). Точное соответствие хет. *karau̯ar* ʻрог’ имеется в авестийском: *srv-ara* ʻрогатый’[3]; хеттское соотношение *karau̯-ar* : *karau-* близко к соотношению авест. *srvara-* : *isrū-*, *srvā-* ʻрог, ноготь’. Факты древних индоиранских языков особенно показательны для установления гетероклитического характера образований от данного корня. Древнеиндийское *śr̥ṅga-* ʻрог’, аналогичное по структуре *pataṃga-* ʻптица’ (хет. *pattan-aš*, род. пад. от *pattar* ʻкрыло’), имеет характерный для древнеиндийского заднеязычный после гетероклитического *-n-*, отраженного в гот. *haúrn*, рус. *серна* и т. п. Подобно тому как **-u-* в древнеиранском *srū-* (лат. *cervus*, ср. древнекорн. *caruu*) чередуется с **-n-* в др.-инд *śr̥ṅga-*, суффикс **-eu-* в клинописном хеттском *kar-au̯-ar* ʻрог’ чередуется с суффиксом **-en-* в иероглифическом хеттском *śur*(*a*)*na-* ʻрог’[4]; ср. лат. *cer-u-us* : *cor-n-u*. Факты древних индоевропейских языков Малой Азии в сочетании с фактами других индоевропейских языков показывают, что в архаичных основах, образованных от данного корня, чередовались суффиксы **-eu̯-*/+*r*(*n*) и **-en-*.

§ 66. Существительное *genu*

В таких хеттских основах, как *karau̯*(*ar*) и *daluki-*, суффикс *-u-* не может быть выделен без сравнения с родственными языками, но при привлечении данных родственных языков можно выделить древний суффикс и корень. Бо-

[1] *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 24, 112, 136.

[2] Там же. P. 112.

[3] В свете данных хеттского языка неправильной представляется принятая рядом ученых гипотеза Бартоломэ (*Bartholomae.* Altiranisches Wörterbuch. Ст. 1650), возводившего авест. *srvara* к **sru + bhara*. Эта гипотеза несостоятельна и с фонетической точки зрения, так как предполагаемое Бартоломэ развитие *ū + bha > va* нельзя подтвердить другими фактами, и с морфологической, так как игнорируется связь авест. *srvara-* и *srvā-*.

[4] Значение данного иероглифического хеттского слова было установлено еще до обнаружения билингвы из Каратепе; в настоящее время можно считать доказанным и чтение первого согласного, предложенного более 10 лет назад Гельбом, см.: *J. Friedrich.* // AOr. 1953. Vol. 21. № 1. S. 134. Чтение данного слова имеет существенное значение для изучения отражения индоевропейских задненебных в иероглифическом хеттском. Следует заметить, что различие между задненебным и свистящим, наблюдаемое в клиноп. хет. *karau̯ar* и иерогл. хет. *śur*(*a*)*na*, сходно с аналогичным различием между рус. *корова* и *серна*, лит. *karve* и старолатышским *sirna*, до сих пор удовлетворительно необъясненным.

лее сложным является вопрос о структуре представленных в хеттском языке архаичных имен существительных ср. р. с суффиксом *-u-*. Только в редких случаях, когда сохраняется связь между прилагательным на **-eu-* и существительным на **-u-*, оказывается возможным выделить древний корень в хеттском существительном, не прибегая к сравнению с другими языками (ср. в § 48 о хет. *aššu-* ‘добро’). Существительные же типа хет. *gi-e-nu* ‘колено’ в эпоху создания письменных памятников были непроизводными, как и родственные им слова во многих других древних языках, ср. хет. *genu-* ‘колено’ и лат. *genu-* ‘колено’. При анализе таких имен существительных, как *genu-* ‘колено’, трудность заключается в том, что не засвидетельствованы другие производные от того же корня, но имеющие другой суффикс [1]. Однако суффикс *-u-* в данной основе можно выделить потому, что вторичные производные от основы **genu-* в древних индоевропейских языках по своей структуре тождественны рассмотренным выше архаичным производным от основ с суффиксом *-u-*. Для таких вторичных производных характерно присоединение к основе на *-u-* суффикса **-k-*, **-g-*, **-gh-* (см. § 64) или суффиксов *-r-*/*-n-* (§ 6, 45—46, 56, 65). Производные от **genu-* образованы по обоим типам, причем в армянском языке в одной гетероклитической парадигме объединены основы на **-u-g-* и на **-u-r-*: др.-арм. *cunr* ‘колено’, им. пад. мн. ч. *cunk-k‘*, род. пад. *cng-aç* (ср. гр. *γνυξ*, др.-англ. *knucel* и т. п.). Для изучения фактов хеттского языка особенно существенным является отражение производного на **-r-*/*-n-* (+ *t-*) в древнегреческом, древнеиндийском и армянском [2]. В древнегреческом и древнеиндийском сохранена основа на **-n-*(*t*) (др.-инд. *jānu-n̥-ī* ‘оба колена’, греч. ***γονϝ-α-τος***), тогда как в армянском сохранена основа на **-u-r cunr* ‘колено’ < **gōn-u-r*. Хеттский язык в данном случае оказывается близок к армянскому: в тексте Bo 2383 пер. ст. II 15 [3] встречается глагол *genuriia-* ‘встать на колени’ [4]. Данный глагол позволяет предполагать наличие в древнехеттском языке основы *genur*(*i*), ср. образование *pangariia-* от *pangar*(*i*)- (ср. об этих производных от *pank-* и об архаичном типе глаголов на -(*a*)-*riia-* в Приложении I). Наличие в древних индоевропейских языках производных с суффиксом **-r*/*-n*(*-t*) от данной основы на *-u* позволяет предполагать, что древняя структура **ge*/*on-u-* аналогична структуре других рассмотренных выше про-

[1] В греческом ***γωνία*** ‘угол’ нельзя выделить ***γων-*** (*Мейе.* Введение. С. 319), так как возможен архетип ****γωνϝ-ία*** (см., напр.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 181).

[2] Ср.: *Мейе.* Введение. С. 319, 320; *Benveniste.* Origines. P. 36. Факты хеттского языка в указанных работах не использованы.

[3] Напечатано в монографии: *G. G. von Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943. S. 6.

[4] *G. Brandenstein.* Указ. соч. S. 40, 93. Соответствия данной основе в других родственных языках Бранденштейном не отмечены.

изводных на *-u-*. Но так же как и по отношению к рассмотренному выше архаичному существительному гетероклитического склонения *paḫḫ-u-r*/*-n-*, слияние *-u-* с корнем следует отнести к очень древнему периоду развития индоевропейских диалектов. В хеттском языке производное *genur-* сохранилось только в редко встречающемся архаичном глаголе *genur-iia-*. Об изменении древнего грамматического типа существительного *genu* свидетельствует процесс перехода его из ср. р. в общий род, прослеживаемый по памятникам хеттского языка [1].

§ 67. Существительное *taru-*

К тому же типу архаичных основ среднего рода, что и *genu-*, относилось общеиндоевропейское название «дерева», к которому восходит хет. *taru-* ʻдерево’ (ср. греч. *δόρυ*). Основа на **-u-k-* отражена в германских языках (др.-исл. *trog*, др.-в.-нем. *trog* ʻкорыто’, с которыми сближают ирл. *drochat* ʻмост’), ср. выше об основе **genu-g-* в германских языках. В древнеиндийском и греческом в формах, родственных хет. *taru*, отражается основа на **-n/r + t*, как и в словах, родственных хет. *genu*, ср. гомер. *δούρατος* и *γούνατος*, вед. род. пад. *dru-ṇ-aḥ* и др.-инд. род. пад. дв. ч. *jā́nu-ṇ-oḥ*. Значительный интерес представляет обнаруженная Боссертом основа *tarau̯ara* ʻобеденный стол’ в иероглифическом хеттском, родственная клинописному хет. *taru* [2] (*tarau̯ara* ʻдеревянный (стол)’ > ʻобеденный стол’). Основа *tarau̯ara* является таким же производным от *taru*, как хет. *karau̯ara* ʻрог’ от основы **ke*/*or-u-* (лат. *cervus* и т. п.). Поэтому обоснованным является предположение о суффиксальном характере *-u-* в данном существительном, хотя и в этой основе морфологическое опрощение следует отнести к очень древней эпохе развития индоевропейских диалектов.

§ 68. Существительное *šiu-* и родственные ему именные основы в хеттском и других древних индоевропейских языках Малой Азии

К иному типу основ на *-u-* принадлежит существительное несреднего рода (в хеттском — общего рода, в других группах индоевропейских языков —

[1] О колебаниях между ср. р. и общим родом см.: *Götze.* AM. S. 215; *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 125—126; ср. также: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 69, примеч. 254. Помимо случаев употребления *genu-*, указанных в названных работах, см.: Ullikummi, I табл., III—IV 12; A IV 7; 10; 27.

[2] *H. Th. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Heidelberg, 1953. Bd. II. H. 3. S. 322. Основа *taru-* имеет, по-видимому, соответствие и в лувийском, см. о лувийском *tarušša-* ʻизображение’: *Otten.* Luv. S. 103 (о *taru* = GIŠ-*ru* в хеттском клинописном языке см.: *H. Ehelolf.* OLZ. 1933. S. 8).

мужского рода), употреблявшееся в древних индоевропейских языках для обозначения обожествляемого дневного света (гр. Ζεύς ‘Зевс’, арм. *tiw* ‘день’, лат. *deus* ‘бог’ и т. п.). В хеттском языке и других родственных ему индоевропейских языках Малой Азии имелся ряд производных от этой основы, очень продуктивной во всех древних индоевропейских языках. В качестве корневого слова в хеттском языке выступает основа *šiu-* ‘бог’, засвидетельствованная в надписи царя Аниттаса, которую некоторые ученые считают древнейшим памятником хеттского языка. В этой надписи *šiu-* встречается в сочетании с архаичным притяжательным местоимением [1]: ^{d}*ši-i-uš-mi-iš* ‘наш бог’ [2] (2 BoTU 7 + 30, 47), ^{d}*ši-u-šum-m*[*i-in*] ‘наш бог’ (*šiušummin* < **šiun-šmin*, где *šiun* — вин. пад. ед. ч. от *šiu-*), 2 BoTU 7 + 30, 39, 41, 47. Слово DINGIR-*uš* = *ši-uš* (вин. пад. мн. ч. DINGIR-*mu-uš* = *šiumuš*, ср. вин. пад. мн. ч. *pargamuš* от *parku-* и т. п.) встречается и в некоторых других текстах (форма им. пад. ед. ч. — KUB XXIV 2 пер. ст. 3 = I 13, KUB XXXIII 11 III 18; форма вин. пад. мн. ч. — KUB X 5 VI 5, KUB XXX 35 IV 2). Но значительно чаще в том же значении в хеттских текстах употребляются основы с суффиксом *-n- šiuna*/*i-* (засвидетельствовано двоякое склонение: по типу основ на *-i* и по типу основ на *-a* [3]). Основа *šiuna*/*i* ‘бог’ встречается уже в древнейших текстах: в надписи царя Аниттаса наряду с *šiu-* в аналогичной конструкции употребляется и равнозначное *šiuna* (^{d}*ši-u-na-šum-mi-iš*, 2 BoTU 7 + 30, 57). Основа на *-n*(*a*) употреблялась в некоторых архаичных выражениях, ср., напр., выражение *ši-u-na-an an-tu-uḫ-ši-iš-ša* ‘люди богов (прорицатели)’, встречающееся в древнехеттском документе Телепинуса (Tel. II, 32); засвидетельствованная в этом сочетании архаичная форма род. пад. мн. ч. на *-an* [4] встречается в нескольких текстах: *šiunan* (Bo 2544 II 18) [5], DINGIR^{MEŠ}*-nan*, KUB XXXI 143 обр. ст. 4. От основы на *-n- šiuni-* образовано и прилагательное *šiu-n-iḭ-ant* ‘божественный’,

[1] Употребление притяжательных местоимений наряду с некоторыми другими особенностями языка этой надписи подтверждает ее принадлежность к древнехеттскому периоду.

[2] О переводе см.: *H. Güterbock.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern // ZA NF. 1938. Bd. 10. S. 141, примеч. 2; *H. T. Bossert.* Ein hethitisches Königssiegel. Berlin, 1944 (Istanbuler Forschungen, 17). S. 21; *E. Laroche.* Recherches. P. 17, 76. Фридрих (*J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 98) наряду с толкованием *šiuš-šmiš* ‘наш бог’ упоминает также и возможность толкования *šiuš-miš* ‘мой бог’, но первый перевод считался лучше ввиду наличия в том же тексте формы *šiušummin* ‘их бога’.

[3] О склонении этих слов ср.: *H. Ehelolf* // ZA NF. 1937. Bd. 9. S. 170—181; *E. Laroche.* Recherches. P. 16—17.

[4] Об этой форме см.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 68. С. 59; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 48—49.

[5] Напечатано: *E. Laroche.* Recherches. P. 16.

употребляющееся в некоторых текстах [1] в конструкциях, синонимичных конструкциям с формой род. падежа *šiunan* в древнем языке.

В основах *šiu-n-a-* и *šiu-n-i-* за суффиксом *-n-* следует другой суффикс, но в хеттских текстах диалектального характера употребляется и основа *šiu̯-an* [2], где суффикс *-(*e*)*n*- не сочетается с другим (вторичным) суффиксом. С основой *šiu̯an-* следует сопоставить первую часть сложного слова *šiu̯anz-anna*, мн. ч. $^{\text{SAL.MEŠ}}$*ši-u̯a-an-za-an-ni-iš* ‘божественные матери’ (наименование жриц) [3]. В этом сложном слове, архаичном, как и другие немногочисленные хеттские сложные слова (ср. выше, § 48 и 52), засвидетельствована форма *šiu̯anz-*, которую можно сравнить с армянским *tw-ənǰ-* (*tiw* ‘день’, род.-дат. пад. *tw-ənǰ-ean*), ср. соответствие хеттского *-nz-* и армянского *-nǰ-* в формах местоимений [4].

Основы *šiu-* и *šiuna-*, *šiuni-* употребляются в хеттском языке только в значении «бог, божество», но сравнение с другими словами того же корня в хетто-лувийских языках позволяет установить связь значений «(обожествляемый) дневной свет» и «божество», отмечаемую и в родственных существительных других индоевропейских языков [5].

---

[1] *G. G. von Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943. S. 51—52.

[2] О хеттском характере этой основы см.: *B. Rosenkranz.* JCS. 1948. Vol. 2. № 4. P. 252—253.

[3] Предположение Зоммера о лувийском происхождении этого сложного слова (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 55) ошибочно, так как в лувийском данная основа имела другой звуковой облик (см. об этом ниже).

[4] Соответствие хет. *-nz-* и арм. *-nǰ-* в местоименных формах отмечено Г. А. Капанцяном в работах: К происхождению армянского языка. Ереван, 1946. С. 37; Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древней Малой Азии. Ереван, 1948. С. 10, примеч. 2. Соответствие хет. *-šiu̯anz-* и арм. *tw-ənǰ-* в этих работах не отмечалось.

[5] Если урартское *šiuini* ‘бог солнца’ (см.: *Г. А. Меликишвили.* Урартские клинообразные надписи // ВДИ. 1953. № 1. С. 294: надпись № 95, строки 1 и 4; № 4. С. 199, ср. примеч. 15 на с. 200: надпись В 158, строка 39; ср.: словарь в: ВДИ. 1954. № 1. С. 251, 194, 192) является заимствованием из хеттского, то в этом древнем заимствовании отражено значение хет. *šiuni-*, более раннее, чем то, которое засвидетельствовано письменными памятниками хеттского языка (ср. ниже об общехетто-лувийском **diu̯att-* > лув. *tiu̯att-* ‘бог солнца’). На сходство хеттского и урартского слов обратил внимание Кречмер (*P. Kretschmer.* Zwei eigentümliche hethitische Götternamen // AOr. Vol. 17. № 1. S. 414—415). Но в силу ошибочного понимания родственных связей урартского языка Кречмер не отметил того, что речь здесь может идти лишь о заимствовании из хеттского в урартский, а не об исконном родстве. Урартское *šiuini-* сопоставляется некоторыми лингвистами с хурритским *Šimike* (*Šimigi*) ‘бог солнца’ (ср.: *J. Friedrich.* Orientalia. N. S. IX. Roma, 1940. S. 211 и след.); если бы эта хурритo-урартская этимология была доказана, то сопоставление с хет. *šiuni* отпало бы, так как

Еще больше чем полвека назад Гётце указал на связь между хеттскими *šiuna-* ‘бог’ и *šiu̯att-* ‘день’, семантически точно соответствующую лат. *deus* : *diēs* [1]. Связь значений этих хеттских существительных становится особенно понятной, если учесть то, что хет. *šiu̯att* употребляется не только в значении «день», но и в качестве имени бога (с детерминативом, ставившимся перед именами богов): ^{D}*Ši-u̯a-at-ta-an* (вин. пад.), KUB XX 53 V 5; в хеттских текстах часто встречается также имя бога «хорошего (благого) дня» *aššu-šiu̯att* [2]. Хеттская именная основа *šiu̯att-* встречается уже в собственных именах, известных из каппадокийских таблиц [3], что свидетельствует о ее архаичности. Это имя восходит к периоду единства древних индоевропейских диалектов Малой Азии, как показывают недавно установленные факты языков, находящихся в ближайшем родстве с хеттским. В лувийском языке засвидетельствовано имя бога солнца ^{D}*ti-u̯a-az* ‘Тиват; бог солнца’ (идеограмма ^{D}UDU-*az*, в косвенном падеже ^{D}UTU-*u̯a-az*, полное фонетическое написание в KUB XXXV 68, 16; KUB XXXV 91 8; фрагментарное написание ^{D}*ti-u̯a-* в KUB XXXV 108 IV 5). После того как установлено значение ^{D}*tiu̯at-* в лувийском [4], это лувийское слово вместе с хеттским следует возвести к общеанатолийскому (хетто-лувийскому) *diu̯at-*; хеттское *šiu̯att* фонетически объясняется развитием **di* > *ši* (параллельно **ti* > *zi*) в хеттском [5]. Значение лувийского ^{D}*tiu̯att-*

урартский язык родственен хурритскому, и заимствованными можно признать только те урартские слова, которые не восходят к общехуррито-урартскому праязыку-основе. Однако сопоставление урартского *šiuini-* и хурритского *Šimike* (*Simigi*) с фонетической стороны никак нельзя считать бесспорным; поэтому вопрос о возможной связи урартского *šiuini* и хет. *šiuni* остается открытым.

[1] См.: *Götze—Pedersen.* MS. S. 72—23.

[2] Об этом божестве см.: *H. Otten.* Die Gottheit Lelvani der Boğazköy-Texte // JCS. 1950. Vol. 4. S. 126—127. О божестве *šiu̯att* ср.: *H. Bossert.* Asia. P. 86; *E. Laroche.* Recherches. P. 46, 77.

[3] Ср.: *A. Goetze.* The Teophorous Elements of the Anatolian Proper Names from Cappadocia // Language. 1953. Vol. 23. № 3. P. 263—278, предполагал, что имя *Šimnuman* в каппадокийских таблицах также связано с данным корнем (по Боссерту (Asia. P. 81), из **Siu̯an-uman*, ср. *šiu̯an* в хеттских текстах диалектального характера), но это нельзя считать доказанным (ср., однако, суффикс в др.-инд. *dyu-mn-*).

[4] *B. Rosenkranz.* Der luwische Name des Sonnengottes // JCS. 1948. Vol. II. № 4. P. 249—253; более краткое, но методически четкое, обоснование расшифровки см.: *Otten.* Luv. S. 50—51.

[5] Гипотеза об этом фонетическом процессе, давно уже высказанная в работе: *Götze—Pedersen.* MS. S. 73 (где в качестве параллели указывается развитие *tj* и *dj* в славянских языках), в настоящее время может считаться доказанной (см. формулировку этой фонетической закономерности в статье: *H. Otten.* Hethitisch und Indogermanisch // Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse. Ber-

‘бог солнца’ близко к значению хеттского ^{D}*šiu̯att* ‘бог дня (благого дня)’, но в значении «бог солнца» в хеттских текстах обычно употребляется слово более позднего происхождения *ištanu*(*š*), являющееся заимствованием из языка хатти (хаттское *eštan*) [1]. Сравнение хеттского языка с лувийским в данном случае показывает, что сфера употребления исконного общехетто-лувийского слова (образованного от индоевропейского корня) в хеттском языке изменилась вследствие проникновения в хеттский язык заимствования из языка хатти, что было связано с воздействием на религию носителей хеттского языка «протохеттской» религии (ср. в § 13 о заимствовании из «протохеттского» языка слова *tešḫa-*, *zašḫa-* ‘сон’ и о значении этого факта для изменения роли производных от индоевропейского корня **su̯ep-* в хеттском).

С изменением значения и употребления основы *šiu̯att-* в хеттском языке следует связать и изменение рода этого имени существительного. В лувийском языке существительное *tiu̯at* ‘Солнце (бог)’ несреднего (общего, одушевленного) рода: им. пад. *tiu̯at-s* = *tiu̯az*. Род этого существительного соответствовал характерным для лувийской религии представлениям, как явствует из сочетания *tatiš* ^{d}*tiu̯az* ‘отец-бог солнца’ [2] (KUB XXXV 107 III 10 — дат. пад. ед. ч., KUB XXXV 68, 16 — им. пад. ед. ч.). В хеттских текстах встречается аналогичное выражение [3] *attaš* ^{d}UTU-*uš* ‘отец-бог солнца’, но в этом хеттском выражении в качестве имени бога солнца общего рода употребляется хаттское заимствование *Ištanuš* (идеограмма ^{d}UTU-*uš*). В тех случаях, когда ^{d}*Šiu̯att-* употребляется в значении «бог дня», близком к значению лувийского *tiu̯at-*, род этого хеттского существительного сохраняется, ср. приведенную выше форму вин. пад. ед. ч. *šiu̯attan*. Но в других, несравненно более частых случаях, когда *šiu̯att-* употребляется в значении «день» (идеограмма UD.UD.KAM), наблюдаются колебания между общим и средним родом, ср.

---

lin, 1953. Jg. 1. H. 5. Mai. S. 329, примеч. 16). Рассматриваемые явления исключительно важны потому, что они доказывают существование различия **t* : **d* в хетто-лувийском (на что до сих пор не обращено должного внимания в зарубежной научной литературе).

[1] О хаттском *eštan* см.: *E. Laroche.* Hattic Deities and their Epithets // JCS. 1947. Vol. 1. P. 198, ср. по этому поводу замечания Оттена: *Otten.* Luv. S. 52.

[2] Ни Оттен (*Otten.* Luv. S. 51—52), ни Розенкранц (*B. Rosenkranz.* Указ. соч. // JCS. Vol. 2. S. 250—251), рассматривая данное лувийское словосочетание, не отметили его связи с родом существительного *tiu̯at-*, между тем, это важно для сравнения с хеттским.

[3] Параллелизм хеттского и лувийского словосочетаний отмечен Оттеном (*Otten.* Luv. S. 51, примеч. 143), но Оттен обратил внимание лишь на сходные черты хеттского и лувийского, тогда как в данном случае не меньший интерес представляют и различия между этими близко родственными языками.

параллельные формы им. пад. ед. ч. UD-*az* (общ. р.) и UD-*at* (ср. р.), вин. пад. ед. ч. UD.KAM-*an* (= ^{d}*Šiu̯attan*, общ. р.) и UD-*at* (ср. р.) [1].

Сравнение хет. *šiu̯att-* ‘день, бог (благого) дня’ с лувийским *tiu̯at-* ‘бог солнца’ показывает, что основа **diu̯at-* в древних индоевропейских языках Малой Азии употреблялась в качестве названия обожествляемого дневного света (древнее имя существительное несреднего рода). На значение «свет, дневной свет», существовавшее в древности у данной основы, указывает иероглифический хеттский язык. Согласно новейшим разысканиям, в иероглифическом хеттском языке имеется причастие *ta*$^{!}$*-u̯a-da-à-mi-as* (Кархемыш, A I в) ‘освещенный’ [2]. Это слово с иероглифическим хеттским названием бога солнца, как об этом свидетельствуют параллельные полуидеографические написания, напр. ^{d}UTU-*u̯a-tà-mi-as* (Кулулу, II I A e) [3], где ^{d}UTU — идеограмма бога солнца. На основании сопоставления подобных написаний определяется значение иероглифического хеттского *ta*$^{!}$*-wa-ta-* (или *te-wa-ta*, если следовать чтению Гельба, *ti-u̯a-ta* согласно чтению Лароша [4]; чтение гласного в этом иероглифическом знаке еще не установлено окончательно).

Иероглифическое хеттское *t*(*a*/*e*/*i*)*u̯at*(*a*)- ‘бог солнца’ очень близко к лувийскому *tiu̯at-* ‘бог солнца’ и клинописному хеттскому *šiu̯att-* ‘день’. Как показывает сравнение этих слов, данная основа была общей для древних индоевропейских языков Малой Азии, что говорит о ее большой архаичности. Поэтому следует обратить особое внимание на оставшееся до сих пор незамеченным наличие родственной именной основы в древнеиндийском языке. Представляется, что общеанатолийская основа на **-t-* (сдвоенное написание в хеттском указывает на глухость согласного), образованная от **diu-*, имеет точное соответствие в древнеиндийском *dyut* ‘сияние’. Как отмечалось выше, в хеттских текстах встречается имя бога *aššu-šiu̯att* ‘благой (хороший) день’; учитывая указанную выше (§ 48) связь древнехеттских сложных слов с компонентом *aššu-* ‘хороший’ и древнеиндийских сложных слов с компонентом *su-* ‘хороший’, нельзя не обратить внимание на исключительную бли-

[1] См. парадигму у Фридриха: Краткая грамматика. § 80. С. 65. См. там же об аналогичном развитии *aniį-att-*, принадлежавшего к тому же словообразовательному типу (ср. ниже о суффиксе *-att*).

[2] *P. Meriggi.* La riconstruzione di Kargamis // Rivista degli studi orientali. Vol. 29. Fasc. I—II. Roma, 1954. P. 5. Об иероглифических хеттских страдательных причастиях на *-mi* ср.: *A. Goetze.* // JCS. Vol. 5. № 2. S. 73.

[3] *P. Meriggi.* Там же. P. 5, примеч. 2 и p. 8. Мериджи склоняется к чтению Гельба (*te-* вместо *ta-*) на основании этимологических соображений.

[4] *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 140, примеч. 33 (П. Мериджи в указанной статье не упоминает этой гипотезы Лароша, близкой к его собственной интерпретации).

зость хеттского *aššu-šiu̯att* ʻблагой день’ и древнеиндийского *su-dyut* (встречается в I мандале «Ригведы»: RV 140, 1; 140, 3). В древнеиндийском существительном женского рода *dyu-t*, соотносящемся с *dyú* ʻнебо, день, сияние’, и производными от *dyu-*, напр. *dyu-mná*, выделяется суффикс *-t-*, который следует отождествить с суффиксом *-t-* в многочисленных древнеиндийских отвлеченных существительных женского рода. Точно так же суффикс *-att-* в общехетто-лувийском **diu-att* (общ. р.), выделяемый благодаря сопоставлению *šiu-* : *šiu-na-* : *šiu̯-att-*, следует отождествить с хеттским суффиксом *-att-* [1], образующим отвлеченные имена существительные общего рода (*kartimiu̯att-* ʻгнев’, *aniu̯att-* ʻдействие’, *naḫšaratt-* ʻстрах’, *dušgaratt-* ʻрадость’ и т. п.). Для уяснения морфологической структуры хет. *šiu̯att-* особенно поучительно сравнение с хеттским *aššiu̯-att* (см. выше, § 48). Оба хеттских существительных, употребляемых в качестве имен богов (известных уже из каппадокийских таблиц), содержат суффикс *-att*; в то же время *aššiu̯-att* является отвлеченным существительным, образованным от глагола *ašš-iu̯a-*, так же как *kartimiu̯att-* ʻгнев’ образовано от *kartimiu̯a-* и т. п. Таким образом, связь между др.-инд. *dyu-t* и отвлеченными существительными типа др.-инд. *stut-* ʻхвала’ (от *stu-*) находит точное соответствие в связи между хет. *šiu̯-att* и отвлеченными существительными типа хет. *kartimiu̯-att* (от *kartimiu̯a-*). В этой связи следует указать на то, что, как установил еще Бругман, индоевропейское название «ночи» принадлежит к тому же типу существительных на *-(*e*)*t-*, что и др.-инд. *stu-t* [2]. Выше (§ 11) уже указывалось, что хеттский язык подтверждает правильность морфологического анализа **ne*/*ok*^{w}*-t*, так как в хеттском сохранился и корневой глагол *neku* < **nek*^{w}*-*, и именная основа *nekut* < **nek*^{w}*-t*. Поэтому названия «дня» и «ночи» в хеттском языке оказываются образованными с помощью одного и того же суффикса **-et-*: *šiu̯-att* ʻдень’ и *neku-t* ʻночь’ (огласовка суффикса во второй основе ближе к обычному для древнеиндийского языка типу).

В древнеиндийском языке наряду с основой *dyu-t* существует синонимичная основа *dī-ti* (от корня **dei-* без аффикса (**e*/*u*), ср. албанское *ditë* ʻдень’; в «Ригведе» параллельно употребляются сложные слова *su-dyut* (хет.

[1] Принадлежность хет. *šiu̯att-* к числу абстрактных существительных на *-att-* отмечали еще Гётце и Педерсен: *Götze—Pedersen.* MS. S. 73, ср.: *H. Pedersen.* Hittitisch. S. 175—176. Но Гётце и Педерсен не отметили наличия точного соответствия данному образованию в древнеиндийском, что отрицательно сказалось на сравнительно-историческом рассмотрении суффикса *-att* в монографии: *H. Pedersen.* Hittitisch. S. 40, где не указано соответствие хет. *-att* и др.-инд. *-t*, хотя и отмечается, что этот хеттский суффикс восходит к общеиндоевропейскому суффиксу **-t-*.

[2] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 426. Ср. о суффиксе **-et-* в существительных типа *stu-t* и *noc-t*: *Мейе.* Введение. С. 279.

aššu-šiu̯att-) и *su-dīti* ʻхорошо сияющий; хорошее сияниеʼ. Поэтому исключительный интерес представляет предполагаемое Розенкранцем лувийское имя бога солнца ^{d}*di-ti-i* (40 3/f III 9), синонимичное *tiu̯at* [1]; с данным типом образования (на *-t*, но без аффикса *-u-*) может быть связано и палайское существительное *tiu̯at-* ʻбог солнцаʼ, значение которого устанавливается благодаря сличению параллельных перечислений богов: ^{D}*kataḫzipuri*, *tiu̯az*, ^{D}*ilaliu̯ant* и ^{D}*kataḫzipuri*, ^{D}UTU, ^{D}*ilaliu̯ant-* [2].

Факты хетто-лувийских и древнеиндийского языков показывают, что аффикс **-t-* мог присоединяться либо к корню **dei-*, либо к производной основе на **-u-*. Точно так же и аффикс **-n-* мог присоединяться либо к корню (лит. *dienà* ʻденьʼ, рус. *день* и т. п.), либо к производной основе на **-u-* (хет. *šiun-a*/*i-*) [3], ср.

Основа, от которой образуется производное слово	Суффикс **-(e)t-*	Суффикс **-(e)n-*
Непроизводная основа **dei-*	др.-инд. *dī-t-i-*	рус. *де-нь*
Производная основа **-(e)u-*	хет. *šiu̯att-*	хет. *šiu-na-*, *šiuni-*

Чередование суффикса **-(e)n-* в лит. *dienà* и суффикса **-(e)u-* в хет. *šiu-* частично сходно с теми чередованиями суффиксов **-eu-* и **-en-*, которые характерны для рассмотренных выше основ гетероклитического типа. Ввиду

[1] См.: *B. Rosenkranz.* Der luwische Name des Sonnengottes // JCS. 1948. Vol. 2. № 4. S. 251. На наличие параллелей в древнеиндийском Розенкранц внимания не обратил.

[2] См.: *E. Laroche.* RHA. 49. P. 10 и след. (палайский текст напечатан в: ZA NF. Bd. 14. S. 141). Благодаря привлечению лувийского *diti* и др.-инд. *dīti* отпадает одно из возражений Оттена (*Otten.* Luv. S. 51—52, примеч. 148) по поводу интерпретации данного палайского слова Ларошем (Оттен считал непонятным различие между палайской и хетто-лувийской основами). Следует заметить, что Оттен, высказывавший в названном сочинении некоторые сомнения относительно значения пал. *tiu̯at*, в указанной выше статье: Hethitisch und Indogermanisch (Wissenschaftliche Annalen. 1953. H. 5. S. 329) принимает толкование Лароша без оговорок.

[3] На связь хет. *šiuna* с индоевропейскими основами *dieu-* и **dino-* обратил внимание Кретчмер, но он не рассмотрел этих явлений на фоне других, близких к ним фактов индоевропейского словообразования, ограничившись замечанием: «sind die beiden Stämme *div* und *din* in dem Worte für ʻGottʼ zu *šiunis*, *šiwannis* kontaminiert» («обе основы *div* и *din* соединились в названии “бога”, образовав *šiunis*, *šiuannis*»): *P. Kretschmer.* Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten // Glotta. Bd. 30. S. 89.

того, что для гетероклитических основ типа лат. *cornu-* : *cervus*, хет. *karaṷar* особенно характерно сочетание суффикса *-*eu-* с суффиксами *-*er-*/-*en-*, существенным представляется наличие в хетто-лувийском наряду с основой на *-(*e*)*n-* (хет. *šiṷan-*, *šiuna*/*i-*) основы на *-ar-i-*: ср. лувийское *tiṷ-ariḭa* ʻсолнечный цветокʼ [1]. Значение этого слова с большой отчетливостью устанавливается благодаря ритуальному тексту KBo II 3 III 39 сл.: *nu* ^{SAL}ŠU.GI ^{D}UTU-*ṷa-aš ú-e-el-ku da-a-i na-at-za ti-ṷa-ri-ḭa hal-zi-iš-ša-i* ʻи «старая женщина» берет цветок солнца (бога солнца) и его называет *tiṷariḭa*ʼ. Принадлежность этого слова к лувийскому языку доказывается характером данного ритуального текста, относящегося к числу хетто-лувийских ритуалов из Киццуватна, где в качестве языка жрицы — «старой женщины» — выступает лувийский. Параллелизм ^{D}UTU-*ṷa-aš ú-e-el-ku* ʻцветы (бога) солнцаʼ (*tiṷat-* по-лувийски) и *tiṷariḭa-* не позволяет сомневаться в том, что налицо лувийский термин, образованный от корня *tiu-*, но в лувийском развитие объясняют ротацизмом.

Лувийскому *tiṷariḭa-* (ср. также лувийскую именную основу *tiṷ-ali*, связанную с *tiṷ-at-*) [2] могло бы соответствовать хеттское имя бога *Šiuri* [3] (ср. лув. *tiṷari-*). Сравнение лувийской основы *tiṷ-ari-* с хеттской основой *šiṷ-an*(*n*)*i* (ср. хет. *šiuni* : *šiuri*) показывает, что архаичные производные от данной именной основы на *-u-* общего рода близки к рассмотренным выше производным гетероклитических типов от основ на *-u* типа лат. *cervus*, древнекорнское *car-uu* и т. п. Поэтому, учитывая принимаемое Мейе [4] и другими учеными генетическое тождество суффикса *-(*e*)*t-* в словах типа др.-инд. *stu-t* и гетероклитического др.-инд. *yák-ṛ-t*, можно предполагать, что хет. *mil-i-t* и др.-инд. *dy-u-t* (хет. *si-u-att*) сходны по своей первоначальной структуре.

Корень **dei-* в хеттском языке, как и во многих других индоевропейских языках, засвидетельствован только в рассмотренных выше архаичных производных, в которых уже в глубокой древности произошло морфологическое опрощение, но изучение особенностей их структуры и сравнение с родственными языками позволяет установить первоначально производный характер основы *šiu-*, выступающей в хеттском языке уже в качестве корневого слова (как и соответствующее существительное в других древних индоевропейских языках).

---

[1] Следую переводу, предложенному Оттеном в указанной выше статье: Hethitisch und Indogermanisch. S. 329. В книге: *Otten.* Luv. S. 51, не «цветок» (Blume), а «растение» (Pflanze).

[2] О лувийском *tiṷ-ali* см.: *B. Rosenkranz.* JCS. Vol. 2. № 4. S. 252 (ср. хет. *šiṷattili* ʻежедневноʼ. В лувийском возможно развитие **tiṷar-i-* < **tiṷat*/*d-i-*).

[3] Тексты, в которых встречается *Šiuri*, указаны Ларошем: *E. Laroche.* Recherches. P. 76.

[4] *Мейе.* Введение. С. 278—279.

§ 69. Прилагательное *nekumant-*

Суффикс *-(*e*)*m*- выступал в гетероклитических именных образованиях в функции, сходной с функцией других рассмотренных выше суффиксов (*-*er*-, *-*el*-, *-*en*- и т. п.), ср. напр. в § 2 производные на *-*m*- от корня *ed-: др.-инд. *adman*, лит. *ėdmens* и т. п. В хеттском языке именные основы с этим суффиксом немногочисленны. В большинстве случаев суффикс этот в хеттском языке перестал выделяться (исключение составляют только производные со сложным суффиксом -(*i*)*ma*, см. в § 10 о *lalukkima*- и, вероятно, числительные типа *ši-ip-ta-mi-i̯a* ‘седьмой’).

Отличительной особенностью хеттских именных основ на *-*m*- является то, что *-*m*- в этих основах выступает в сочетании с последующим суффиксом *-*en*- или *-*ent*- < *-*en* + *-*t*-. К основам на *-*m-ent* принадлежит хеттское прилагательное *neku-mant*- ‘голый, нагой’ [1]. В хеттском языке эта основа была непроизводной [2], но сравнение с родственными словами других индоевропейских языков позволяет выделить корень *neku*- < *neg^{w}- (ср. рус. *нагой* и т. п.). Основа на *-*m* в других индоевропейских языках достоверно не засвидетельствована [3], поэтому в данном случае образование основы на -*m* может относиться к сравнительно позднему периоду в отличие от других случаев, рассматриваемых ниже.

§ 70. Общеиндоевропейское название «зимы» в хеттском языке

В производных на *-*ment*- с исторической точки зрения можно выделить два суффикса: *-*m*- и *-*ent*-. Суффикс *-*ent*- употреблялся не только для образования прилагательных (ср. об отглагольных прилагательных на *-*ent*- в § 2 и 45), но и для образования имен существительных (ср. в § 43 о существительном *u̯ettant*-). Поэтому сложный суффикс *-*ment*- в хеттском языке встречается не только в именах прилагательных (*neku-mant*-), но и в существительных.

---

[1] О значении этого прилагательного см.: *A. Götze.* Madduwattas. Leipzig, 1928. S. 120; *J. Friedrich.* Orientalia. N. S. 1940. Vol. 9. S. 208; ср. также: *J. Friedrich.* Der churritische Mythus vom Schlangedämon Hedammu in hethitischer Sprache // AOr. 1949. Vol. 17. Part I. S. 241, 252.

[2] Предположение Стертеванта о наличии связи между *nekumant*- и *neku*- ‘смеркаться’ основано на спорной интерпретации текста наставлений служителям храма (см. выше, § 11) и поэтому должно быть признано маловероятным.

[3] Высказывались предположения о развитии греч. λυμνος (Гесихий) < *νυγμός и авест. *maγnō*- < **naγ-mo*-, но оба случая недостаточно ясны. О словах этого корня ср.: Grammont. IF. Bd. 25. P. 371 и след. Ср. авест. *maγnənt*- и хет. *nekumant*-.

Имя существительное *gimmant-* ʻзима’ в древнехеттском языке было производным, так как суффикс *-ant-* выделялся при сопоставлении с именем существительным *gem-* ʻзима’ (ср. авест. *zyå̊* ʻзима’ и т. п.). Как и редко встречающееся корневое имя *u̯id-* ʻвода’ (§ 53), *gem-* засвидетельствовано только в нескольких текстах, при этом всегда в застывшей форме дат. пад. ед. ч., которая приобрела наречный характер [1]: *gemi* (KUB XIII 1 IV 12; KUB XXX 37 I 9 II), *gimmi* (KUB XIII 2 IV 23). Обычно в том же значении в хеттских текстах употребляется производное *gimmant-* (ср. хет. *ḫamešḫ-* ʻвесна’ и *ḫamešḫ-ant-* ʻвесна’); от этого существительного образован производный глагол архаичного типа *gimm-ant-ari̯a-* ʻзимовать’ (ср. *etri̯a-* от *etri-*, корень **ed-*, *pangari̯a-* от *pank-*, корень **b^{h}engŵ^h-*) [2]. Архаичность производного *gimmant-* доказывается не только ролью этого слова и характером вторичных производных от него в хеттском языке, но и благодаря сравнению его с др.-инд. *hemantá-*. Хеттский и древнеиндийский языки обнаруживают исключительное сходство не только в характере образования производного на **-ent-* от общеиндоевропейского названия «зимы» [3], но и в его соотношении с названием «весны»: хет. *gim-* ʻзима’, *gimmant-*; *ḫamešḫ-* ʻвесна’, *ḫammešḫant-*; др.-инд. *vasantá-* ʻвесна’: *hemantá-* ʻзима’, ср. параллельное употребление этих древнеиндийских существительных в «Ригведе», RV 987, 4, и параллельное употребление хеттских *ḫamešḫant-* и *gimmant-* в KBo II 5 обр. ст. III 38, IV 2 и т. п. Древнеиндийское *vas-ant*(*á*) при русском *весна*: латыш. *vas-ara* (ср. выше о латыш. *as-ara*) должно быть связано с суффиксом гетероклитического склонения **-er-*/**-en*/+**t* (ср. выше о лув. *ḫar-ant-* : хет. *ḫar-an-*). Аналогичный вывод можно сделать и в отношении др.-инд. *hem-antá*, хет. *gimm-ant*, так как образованные от **g^{h}eim-* основы в различных древних индоевропейских языках обнаруживают чередование **-r*/*-n-* [4]. Гетероклитический характер производных от данной основы делает вероятным предположение, высказанное еще

[1] См. об употреблении данного существительного в хеттских текстах: *F. Sommer.* OLZ. 1939. S. 685; *J. Friedrich*, рецензия на KUB XXX: Archiv für Orientsforschung. Berlin, 1940. Bd. 13. H. 3. S. 156; *J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexikon // JCS. Vol. 1. 1947. S. 292, примеч. 66.

[2] Представляется, что глагольная форма *gimmantanzi* (вместо обычного *gimmantari̯anzi*) в новохеттском тексте анналов Мурсилиса, которую Гетце (*Götze.* AM. S. 140, примеч. d) считает «необъяснимой», а Фридрих (*J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 4, примеч. 5) объясняет ошибкой писца, скорее всего, может быть связана с отмиранием архаичных глаголов на *-ar-i̯a-* в новохеттский период. Поэтому от *gimmant-* был образован тематический производный глагол, засвидетельствованный в форме *gim-ma-an-ta-an-zi*, KBo IV 4 обр. ст. IV 55.

[3] Указано Бенвенистом: *Benveniste.* Origines. P. 126—127.

[4] Ср.: *Benveniste.* Origines. P. 20, 93, 127, 183.

младограмматиками, о наличии в ней древнего суффикса *-*m-er-*/*-*m-en-*; соответственно общеиндоевропейское название «зимы» возводится к корню **ghei-*/*ghi-* [1].

§ 71. Существительное *laman*

К числу индоевропейских основ, в которых основообразующий суффикс перестал выделяться уже в дописьменный период развития хеттского языка, принадлежит хет. *laman* ‘имя’. Основа на *-*en-*, соответствующая хет. *laman*, засвидетельствована во многих древних индоевропейских языках (лат. *nōmen*, др.-инд. *nāman*, авест. *nāman* и т. п.). Об архаичности данной основы свидетельствует и то, что отыменный глагол на *-*i̯o-*, образованный от этой основы, является общим для ряда индоевропейских языков. Гот. *namnjan* ‘называть’ (имеющий соответствия в других германских языках), древнее происхождение которого давно уже предполагалось на основании сравнения с греч. *ὀνομαίνω* [2], в точности соответствует хет. *lamni̯a-* ‘называть’ (ср. синонимичное описательное выражение *lamnit ḫalzai-* ‘звать по имени’, KUB XV 34 III 9; III 50; 33 a III 5); ‘приказывать, приговаривать’ (последнее значение в выражении *A-NA* DUBBIN *lamni̯a-* ‘приговаривать к колесу’ [3], Hat. I, 35—36). Сопоставление клинописного хеттского (несийского) *laman* ‘имя’ с родственным иероглифическим хеттским *adamai* (чтение Боссерта [4]) или *azemai-* (чтение Гельба [5]) ‘имя’ не может дать существенного материала для морфологическо-

[1] Ср. замечания об этимологии слов данного корня в статье: *И. М. Тронский.* К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании // Учен. зап. ЛГУ. № 156. Вопросы грамматического строя и словарного состава языка». I. Л., 1952. С. 12.

[2] См.: *A. Мейе.* Основные особенности германской группы языков. М., 1952. С. 111. Наличие соответствующего глагола в хеттском языке ранее не отмечалось.

[3] Это не вполне ясное юридическое выражение (ср. о нем: *E. Sturtevant, G. Bechtel.* Hittite Chrestomathy. Philadelphia, 1935. P. 89; *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. S. 67) может быть сопоставлено со значением слова *ḫurkel* ‘наказание посредством колеса’ (*ḫurki-* ‘колесо’), которое установил: S. Alp. JCS. Vol. 6. № 2. P. 96.

[4] *H. Bossert.* Oriens. II. 1949. P. 110; Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. II. H. 2. S. 187.

[5] *I. Gelb.* The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyhic Hittite // Bibliotheca Orientalis. Jg. 7. № 5. 1950. P. 140. Учитывая характерное для древних языков Малой Азии чередование переднеязычных шумных и сонорных (ср. варианты титула хеттского царя *tabarna* : *labarna*, см. также в § 13 о чередовании *z* : *l* в названии города *Ziḫzina* : *Liḫzina*), *l* в хет. *laman* следует сопоставить с *-*d*/*z-* в иер. хет. *ad*/*za*/*emai* ‘имя’. Развитие **n* > *d* закономерно для иероглифического хеттского, ср. ниже об иероглифическом хет. *tapaša-s* ‘небо’ (хет. *nepiš* ‘небо’).

го анализа, так как неясно, в какой мере отсутствие конечного *n* в иероглифическом хеттском слове объясняется морфологическими причинами, а не фонетическими [1]. Гораздо большее значение имеет сравнение с фактами кучанско-карашарских языков, где представлена основа на *-m* без носового суффикса: кучанское *ńem*, карашарское *ńom* [2] ‘имя’. Соотношение хет. *laman* (лат. *nōmen*) и кучанского *ńem* аналогично соотношению др.-инд. *hemán* (мест. пад. ед. ч. с нулевым суффиксом) и хет. *gem-*; поэтому кучанско-карашарские факты подтверждают предположение о принадлежности хет. *laman* и хет. *gimm-an-t* к одному архаичному типу (с суффиксами **-men-/ *-mer-*). Но древняя структура этого слова остается не вполне ясной ввиду расхождения между формами с «протетическим» гласным и без этого гласного (ср. гл. II).

§ 72. Существительное *tekan*

С древними индоевропейскими основами на **-em-* исторически связано хеттское имя существительное *tekan* ‘земля’ (основа косвенных падежей *tagn-* : род. пад. ед. ч. *tagn-aš* и т. п.). Существительное *tekan* часто встречается в хеттских текстах, начиная с древнейших памятников (HAB III 73); особенно часто *tekan* употребляется в сочетании с *nepiš* ‘небо’; KUB XXI I + XIX 6 IV 26; KUB XV 34 I 2 и I 51; KBo V 2 III 5; KUB VII 60 III 18 и др., ср. также в § 49 об употребительном сочетании *tekan* ‘земля’ с прилагательным *dankui-* ‘темный’. В хеттских памятниках встречается также наречие *tagan* ‘вниз, на землю, к земле’ (напр., *ta-ga-a-an da-a-i* ‘кладет на землю’, KBo V 2 II 18), восходящее к форме местного падежа с нулевым окончанием (ср. § 42). От основы *te*/*aka*/*n*, которая в хеттском языке выступает в качестве непроизвод-

[1] Гётце (не сообщая оснований для своих выводов) пишет об «иероглифическом хеттском *adaman*» (*A. Goetze.* JCS. 1954. Vol. 8. № 2. С. 77, примеч. 59), но в то же время сопоставляет это слово с основой *a-da-ma-* в каппадокийских именах (Там же. С. 77), что, безусловно, непоследовательно. В связи с этой проблемой следует указать на форму *lamma-mit* ‘мое имя’ в древнейшем хеттском тексте — памятнике Хаттусилиса I (HAB III 13), где отсутствие конечного *n* может быть связано с отсутствием *-n-* в иероглифической хеттской основе. Объяснение хет. *lamma*, предлагаемое Фридрихом (*J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 63, примеч. 5) вслед за: *Sommer.* HAB. S. 141, ср.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 34. С. 52, о форме ŠUM-*aš-mit = lama-šmit*), не вполне обосновано со стороны нормальных фонетических и графических закономерностей, так как из *lamman-mit* ожидалось бы *lamammit* с удвоенным *mm*.

[2] Фонетической структуре этих кучанско-карашарских существительных посвящена одна из последних работ Педерсена: *H. Pedersen.* Eine Tocharische Frage // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. 1950. H. I. S. 103—104.

ной, образовано имя существительное *dagan-zipa-* ʻземля’ [1], синонимичное *tekan* (ср. в § 49 о параллельном употреблении *tekan* и *daganzipa* в сочетании с *dankui-*); существительное *daganzipa-* употребляется также и в качестве имени божества земли [2]. Приведенные слова свидетельствуют о том, что в хеттском языке название «земли» относилось к числу основ на *-n*. Родственные хеттскому *tekan* ʻземля’ слова в некоторых индоевропейских языках также относятся к числу основ на *-n*: карашарское *tkaṃ* ʻземля’ (ср. выше, в § 42, о точном соответствии архаичных форм местного падежа караш. *tkaṃ* и хет. *tagan*), род. пад. *tkan-is* (ср. кучанское *keṃ* ʻземля’) [3], греч. *χθών*, *χθονός* ʻземля’; основа на *-n* представлена и в кельтских словах, относящихся к данному корню [4]. Поскольку во всех этих языках (хеттском, кучанско-карашарских, греческом и кельтских) конечное **-m* изменялось в *-n*, а в других индоевропейских языках название «земли», родственное хет. *tekan*, принадлежит к числу основ на *-m*, следует предположить, что данное слово перешло из типа основ на **-m* в тип основ на *-n* в силу особенностей фонетического развития перечисленных индоевропейских диалектов [5]. По отношению к греческому языку эта гипотеза доказывается сравнением с производными типа *χθαμαλός* ʻнизменный’ и т. п.

Согласно чтению иероглифического хеттского ^{KI}*d*(*a*)-*ka*-*m*(*a*) ʻземля’ в Султанханской надписи, данному Боссертом [6], можно признать доказанным соответствующее развитие и для данной основы в древних индоевропейских языках Малой Азии [7].

---

[1] Гётце (*A. Goetze.* Language. 1953. № 3. P. 266) предполагает в этой основе «канесийский» суффикс *-šipa-*, ср. о *Hantašepa-* (от *hant-*, см. выше, § 44): *Otten.* Bibliotheca Orientalis. Jg. 8. 6. S. 226, примеч. 12 («Namentypus “indogermanischer” Gottheiten»).

[2] *E. Laroche.* Recherches. P. 68.

[3] О развитии групп согласных в данных словах ср. ниже, гл. II.

[4] *J. Vendryes.* Sur quelques faits de vocabulaire // Revue celtique. Vol. 40. № 3/4. P. 437—441.

[5] В *daganzipa-*, где за *-m-*, по-видимому, следовало **-s-* (см. выше о суффиксе **sepa-* в этом слове) можно предполагать развитие **-ms- > ns*, ср. об этом процессе: *W. Brandenstein.* Die idg. Lautgruppen *ms* und *ns* // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 5—12 (с. 6—7 о **dhĝhóm + s* «земля» > **dhĝhóns*).

[6] *H. Bossert.* Zu drei hieroglyphen-hethitischen Inschriften // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. H. 2. Heidelberg, 1950. S. 224. Сомнения, высказанные по этому поводу Фридрихом (Bibliotheca Orientalis. Maart. 1952. Jg. 9. № 2. S. 51, примеч. 5), касаются не самого чтения Боссерта, а его сравнительно-исторической интерпретации (в связи с недостаточно ясным вопросом о принадлежности иероглифического хеттского к языкам satəm).

[7] Это имеет особое значение потому, что некоторые ученые склонны были отрицать связь хет. *tekan* с другими родственными словами на том основании, что хетт-

Ввиду того, что в производных от данного корня отмечаются чередования суффиксов, аналогичные чередованиям в других производных на *-*mer*/*n* (авест. *zəmar*(*ə*) ʻв земле’: вед. мест. пад. *jman*) [1], можно предполагать, что эти слова относятся к тому же типу основ, что и другие рассмотренные выше слова с суффиксом *-*m*-. Но структура данного слова в большинстве древних индоевропейских языков преобразилась под влиянием факторов фонетического характера (ср. ниже, гл. II).

§ 73. Существительное *ḫulana*- и родственные ему слова

Значительно более четкой является структура представленных в хеттском языке именных основ на *-*no* и *-*eno*- (ср. выше о вторичных производных на *-*no*- типа *šiuna*-, § 68). Факты хеттского языка имеют существенное значение для анализа общеиндоевропейского названия «шерсти». Как установил Ларош [2], фонетическим чтением идеограммы SÍG(-*na*) ʻшерсть’ в хеттском языке было *hulana*, ср. ст.-сл. **влъна** ʻшерсть’, др.-инд. *ū́rṇā* и т. п. В большинстве индоевропейских языков данная основа является уже непроизводной (ср. полное изменение ее древней структуры в германских языках: гот. *wulla*, др.-нем. *wolla* и т. п.). Иное место занимает она в хеттском языке, где с *ḫulana* ʻшерсть’ связано существительное *ḫulali*- ʻверетено’ [3]; соотношение суффиксов *-an*-(*a*) и *-ali* в этих хеттских словах можно сопоставить с характерными для гетероклитических имен архаичными чередованиями типа авест. *ast-ən*- : хет. *ḫast-ali*-; хет. *ḫar-an*- : лит. *er-ẽli*(*s*); др.-инд. *ās-n*- : хет. *iss-ali*- (см. § 59—60, 62). В пользу предположения об архаичности суффикса *-*ali*- в *ḫulali*- го-

ское слово является основой на *-*n* (ср.: *E. Benveniste.* Forme indo-européenne de gr. χθών // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken. Paris, 1937. P. 194—195, ср. ниже, гл. II).

[1] *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Neudruck. Göttingen, 1947. S. 330, ср. S. 241.

[2] *E. Laroche.* Hittitica // Revue de philologie. 1949. P. 38; *Он же.* La bibliothèque de Hattusa // AOr. 1949. Vol. 17. № 2. 1949. P. 13, примеч. 18; *Он же.* Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 21, 74, 112. Об этимологии ср.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. I. S. 74. К случаю употребления написания SÍG-*ni-it*, указанному Фридрихом, следует присоединить KUB XXIV 11 III 11. Ср. также в указанных работах о лувийском **hulani* = SÍG-*la-ni*-.

[3] Связь этих слов отмечается Ларошем: *E. Laroche.* La bibliothèque de Hattusa // AOr. 1949. Vol. 17. № 2. P. 13, примеч. 18. О значении *ḫulali* см.: *F. Sommer, H. Ehelolf.* Das hethitische Ritual des Pāpanikri von Komana. Leipzig, 1924. S. 72. Правильная этимология этого слова была дана Стертевантом (*E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. § 47 f. P. 49).

ворит древность вторичного производного глагола *ḫ̣ulaliц̣а-* [1] ʻобвивать, обматывать’, образованного от *ḫ̣ulali-* (ср. *ц̣еši-ц̣а-* от *ц̣еši-*). Уже в таком древнем памятнике, как фрагмент обращения Хаттусилиса I к панкусу (2 BoTU 10β 26—27), глагол *ḫ̣ulaliц̣а-* употребляется в переносном значении «обвивать (о змее)»: ^{UR}[^{U}*ḫ̣a-a*]*t-t*[*u-ša-an*] MUŠ-*aš ḫ̣u-la-a-li-az-zi* ʻгород Хаттусас змея оплетет (обовьет своими кольцами)’. Такое употребление глагола *ḫ̣alaliц̣а-* в древнехеттском памятнике указывает на то, что значение этого глагола близко к значениям родственных глаголов других индоевропейских языков (лат. *volvō*, греч. *εἰλύω* и т. п.). Отглагольное существительное *ḫ̣ulaleššar* (*ḫ̣ula-l-*(*e*)*-šš̆ar* — производное от *ḫ̣ula-li-ц̣а-*) употребляется в значении «объем, окружность», являющемся результатом семантического развития *ḫ̣ulaliц̣а-* и его производных (ср. глагольно-наречное сочетание *anda hulaliц̣а-* ʻокружать’). Поскольку отыменный глагол *ḫ̣ulaliц̣а-* уже к началу письменного периода истории хеттского языка по своему значению отличался от существительного *ḫ̣ulali-*, образование этого глагола следует отнести еще к дописьменному периоду; тем более архаичным следует признать существительное *ḫ̣ulali-*, от которого образован этот глагол. Поэтому представляется вероятной принадлежность хет. *ḫ̣ulali-* к тому же архаичному типу именных основ, к которому относятся *išš̆ali-*, *ḫ̣ašt-ali-*. Этот факт представляет особый интерес, так как он свидетельствует о генетических связях именных основ на **-en-*(*-o-*/*-ā-*) с гетероклитическими именами на **-en-* / **-el-* / **-er-*, ср. *ḫ̣ul-ana-* : *ḫ̣ul-ali-* и др.-инд. *asthan-* : хет. *ḫ̣ašt-ali-*. Сохранение данного соотношения древних словообразовательных морфем следует признать архаической чертой хеттского языка (ср. в § 32 о сохранении в хеттском архаических производных от **kes-* ʻчесать (шерсть)’, принадлежащих к той же семантической группе, что и *ḫ̣ulali-*, *ḫ̣ulana-*). Но в хеттском языке, как и в других древних индоевропейских языках, представлены только производные от данного корня, хотя родственные ведийские глагольные формы (аорист *á-var*) позволяют предположить существование в древности архаичного корневого глагола, от которого образовано др.-инд. *ūrnā*, хет. *ḫ̣ul-ana-* и т. п.

§ 74. Существительное *ц̣ицана*

К тому же типу именных основ, что и *ḫ̣ul-ana-*, принадлежит, по-видимому, хет. *ц̣иц̣-ana* ʻвино’. Данное фонетическое чтение хеттской идеограммы GEŠTIN ʻвино’, давно уже предполагавшееся на основании комбинаторных

[1] В недавно опубликованных текстах можно указать на употребление *ḫ̣ulaliц̣а-* в ABoT 7 III 17, V 2; другие случаи употребления *ḫ̣ulaliц̣а-* указаны в названной выше книге: *Sommer, Ehelolf.* S. 72.

соображений [1], получило подтверждение в тексте Bo 2621.2.5 [2], где встречается написание, которое можно прочесть *u̯i*$_5$-*i̯a-na-aš* ‘вино’.

Но ввиду того, что знак можно прочитать и как *u̯i*$_5$, и как идеограмму GEŠTIN ‘вино’, оставалось вероятие чтения GESTIN-*i̯a-na-aš* [3]. В 1953 г. опубликован, однако, еще один текст, дающий, как представляется, окончательное подтверждение данному чтению [4]. В KUB XXXV 5 пер. ст. II 6 (LTU, с. 11) засвидетельствована форма *ú-i-i̯a-an-na-aš*. В этом магическом ритуале речь идет о ритуальных возлияниях вина. Указанной форме предшествует глагол *šipanti* ‘возливает’ (строка 4 и поврежденная строка 5), особенно часто употреблявшийся в связи с жертвенными возлияниями вина (ср. § 19); в строке 10 тот же глагол сочетается с идеограммой GEŠTIN ‘вино’. Поэтому можно с уверенностью отождествить *ú-i-i̯a-an-na-aš* в данном тексте и *u̯i*$_5$(или GEŠTIN)-*i̯a-na-aš* в тексте, опубликованном Бранденштейном. Если чтение *u̯i*$_5$ или GEŠTIN во втором случае остается в известной степени гипотетическим, то в первом случае чтение бесспорно. Сличение двух указанных написаний не позволяет более сомневаться в правильности чтения GEŠTIN=*u̯ii̯an*(*n*)*a*-, так как написание *ú-i*- тождественно написанию *u̯i*$_5$=GEŠTIN в параллельном тексте. В связи с установлением фонетического чтения хет. GEŠTIN=*u̯ii̯anas* значительный интерес представляет обнаружение Боссертом слова *u̯ianas* ‘вино’ в иероглифическом хеттском языке (ср. также предполагаемое лувийское *u̯in*-) [5].

Родство хет. *u̯ii̯ana*- ‘вино’ с греч. *οἶνος* ‘вино’ и родственными словами других индоевропейских языков не подлежит сомнению. Структура этих слов показывает, что они относились к производным на *-*no* [6]; предположение Мейе об их заимствованном характере вызывает серьезные возражения. В. Георгиев справедливо указал на значение хет. *u̯ii̯ana*- для решения этого вопроса [7]; в дополнение к высказанным им замечаниям следует указать на морфологический параллелизм названий «вина» и «шерсти» в хеттском и других индоевропейских языках:

---

[1] См.: *A. Götze.* Kleinasien. 1933. S. 111.

[2] *G. G. von Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. 1943. S. 53—54.

[3] О дополнительных аргументах в пользу чтения *u̯i*$_5$- ср.: *G. Brandenstein.* Указ. соч. S. 53—54; *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 14, примеч. 14; ср.: *H. Otten.* Bibliotheca Orientalis. Jg. 8. № 6. S. 228, примеч. 33.

[4] Для решения данного вопроса этот текст еще не привлекался.

[5] *H. Th. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. II. 2. S. 180—181.

[6] Ср.: *Brugmann.* Grundriss. B. II. T. 1. S. 262.

[7] *В. Георгиев.* Вопросы родства средиземноморских языков // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 63.

Основа на **no*, **nā*	Основа на **-e/o no-* (**-e/o nā-*)
др.-инд. *ū́r-ṇā-*, лит. *víl-na-*	хет. *ḫul-ana-*
греч. *οἶ-νο-ς*, *οἴ-νη* < **-nā-* (ср. лув. *u̯i-n-* ?)	хет. *u̯i(i̯)-ana-*

То, что данная именная основа входит в древнюю систему индоевропейских именных основ, показывает, что она либо вообще не является заимствованием (точка зрения Бругмана и ряда других ученых начала XX в., в недавнее время поддержанная В. Георгиевым), либо является очень древним заимствованием, уже в общеиндоевропейский период переосмысленным в соответствии с особенностями словообразовательной системы праязыка[1] (ср. явления «народной этимологии»). По-видимому, в период единства индоевропейских диалектов в данной основе выделялся корень **u̯ei-*, обнаруживаемый в ряде других слов, бесспорно, не заимствованного характера (лат. *vī-tis* ʻвиноград, лоза' и т. д.[2]), ср. соотношение *οἶ-νο-ς* : *vī-ti-*(*-s*) и др.-инд. *dí-na-* (рус. *день*) : *dī-ti-*, см. выше § 68.

§ 75. Существительное *paltana-*

К числу именных основ на *-ana-*, *-na-* в хеттском языке принадлежали некоторые названия частей тела, образованные от индоевропейских корней (ср. широко распространенные в индоевропейских языках названия частей тела на **-en-* типа др.-инд. *mūrdhan* ʻголова').

Одним из существенных открытий, связанных с изучением в течение последнего десятилетия ранее неизвестных хеттских текстов, было установление Гютербоком фонетического чтения хеттской идеограммы ^{UZU}ZAG.LU ʻплечо'. На основании изучения чередований идеографических и фонетических написаний установлено, что хеттским чтением этой идеограммы было существительное *paltana-* ʻплечо, лопатка' (= идеограмме ^{UZU}ZAG.LU и ак-

[1] Ср. замечание Е. Д. Поливанова о названии «лошади», встречаемом в ряде языковых семейств: «в данном названии лошади мы видим миграционный термин, распространявшийся, однако, в столь отдаленное время, что в пределах одной языковой семьи ему допустимо приписывать (с известными оговорками) и пра-языковый характер»: *Е. Д. Поливанов.* К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайских языков // Изв. АН СССР. С. 6. Т. 21. Л., 1927. С. 1202—1203, примеч. 3.

[2] Ср.: *Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 675; *В. Георгиев.* Указ. соч. С. 53.

кадскому *imittu*)[1]. Этимология этого хеттского слова не привлекла внимания исследователей[2], но правильный путь решения этого вопроса указан в беглом замечании Лароша: «cf. peut-être gr. *πλάτη* (le hittite présente des exemples d'elargissement en *-naš*)[3] — «ср. быть может гр. *πλάτη* (в хеттском языке встречаются случаи употребления расширителя *-naš*)». Значение др.-греч. *ὠμοπλάτη* ‘лопатка’, *πλάτη* ‘лопатка весла’, действительно, очень близко к значению хет. *paltana-*; производное от того же корня в ирландском (*leithe*) имеет значение «плечо»; с тем же корнем многие лингвисты связывают и старославянское **плєщє** ‘лопатка, плечо’ (рус. *плечо*)[4].

В ирландском (и других кельтских), в греческом и армянском имеются производные от этого корня с суффиксом *-*eno* (*-*eno*-), соответствующие по своей структуре хеттскому *palt-ana-*: ирл. *lethan* ‘широкий’, вал. *llydan*, корн. *ledan*, бретонское *ledan*, галльское *Litano-*; арм. *layn* ‘широкий’, ср. греч. *πλάτανος*. Таким образом, в одних и тех же индоевропейских диалектах засвидетельствованы родственные слова со значением «плечо» и со структурой, близкой к хеттскому *palt-ana-*:

Производные от **pelt*(*h*)-	Хеттский	Ирландский	Греческий	Другие индоевропейские языки
значение «плечо, лопатка»	*palt-ana*	*leithe*	(*ὠμο-*)*πλάτη*	ст.-сл. **плєщє**
суффикс *-*eno*-		*lethan*	*πλάτανος*	арм. *layn*

Сравнение указанных слов показывает, что производные от **pelt*(*h*)- могли иметь значение «плечо, лопатка»; вместе с тем производные типа хет. *palt-ana-* обнаруживаются в языках, во многих отношениях особенно тесно связанных с хеттским.

[1] *H. G. Güterbock.* Kumarbi. Mythen vom churritischen Kronos aus den hethitischen Fragmenten zusammengestellt, übersetzt und erklärt (Istanbuler Schriften № 16). Zürich; New York, 1946. S. 66; *H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1952. Vol. 6. № 1. P. 40.

[2] Характерно, что даже Стертевант, давший большое количество индоевропейских этимологий хеттских слов, ограничился положительной оценкой открытия Гютербока (см. *E. Sturtevant.* Rec. ad op.: *H. G. Güterbock.* Kumarbi // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. P. 357) и ни в рецензии на книгу на Гютербока, ни в более позднем издании своей сравнительной грамматики (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2]) ничего не говорит об этимологии этого слова.

[3] *E. Laroche.* Hittitica // Revue de philologie. 1949. № 1. P. 38.

[4] См.: *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951. § 402. С. 288; *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. Вып. 10. М., 1914. С. 74.

Суффикс *-*en*- в производных от *pelt(*h*)- чередуется с суффиксом *-*eu*-, ср. галльск. *Litano*- и *Lituauia*, греч. πλάτανος и Πλαταιαί < *Πλαταϝιαι.

Производные от *pelt(*h*)- на *-*eu*- выступают в функции прилагательных типа хет. *park-u*- (др.-инд. *pṛta-ú*- ʻширокий', гр. πλατύς, лит. *plat-ùs*), поэтому формы на -*i*- типа др.-инд. *prathi-man* нет оснований объяснять фонетическим развитием последней фонемы корня *ə > *i* [1]: соотношение др.-инд. *pṛth-ú*- : *prath-i*- аналогично рассмотренному выше соотношению хет. *park-u*- : куч. *park-i*- (§ 45). Некоторые ученые считают конечное *-*t*(*h*)- в *pelt(*h*)- древним аффиксом и связывают с этим же корнем хет. *palḫ*- (об этой основе ср. выше, § 52). С семантической стороны эта гипотеза может быть хорошо обоснована: ср., напр., употребление производных от корня *pleth- для обозначения обширности «земли» в древних индоиранских языках (см. об этом в Приложении I к настоящей книге) и употребление хет. *palḫi*- в сочетании *pal-ḫi-iš daga-an-zi-pa-aš* ʻширокая земля' (KBo IV 4 II 13). Но в хеттском языке нельзя обнаружить никаких следов связи между основами *palḫ*- и *palt*-. Гипотеза о связи этих основ наталкивается на серьезные трудности фонетического характера (см. об этом ниже, гл. II).

§ 76. Существительное *paršna-*

К числу общеиндоевропейских производных именных основ принадлежит представленное в хеттском языке название «части ноги», которое в одних индоевропейских языках (древнеиндийском, греческом, германском) выступает в значении «пята», в других языках (в латинском) может иметь значение «бедро, ляжка».

Хольгер Педерсен предположил, что хеттский глагол *paršna*(*i*)- ʻсадиться на корточки' часто встречающийся в ритуальных текстах [2], является отыменным образованием от хеттского имени существительного на -*a*, соответствующего др.-инд. *pā́rṣni*-, гот. *fairzna* (нем. *Ferse*), греч. πτέρνη ʻпята, пятка' [3]. Это предположение нашло блестящее подтверждение в опубликованном позднее хеттском мифе о боге Кумарби, где засвидетельствовано название «части ноги» *paršna*-. Более точное определение значения хеттского сущест-

[1] Восстановление архетипа *plethə- (см.: *Мейе.* Введение. С. 117, 131) связано с теорией Соссюра (принятой многими сторонниками ларингальной гипотезы) о происхождении *th < *t + ə. Но и в этом случае данный архетип следует признать неточным, так как согласно указанной теории происхождения глухих придыхательных *pleth- произошло из *pletə-; следовательно, в архетипе *plethə*- искусственно объединяются два различных (в хронологическом отношении) облика одной и той же основы.

[2] *J. Friedrich.* Archiv für Orientsforschung. 7. S. 200; *H. Pedersen.* Hittitisch. S. 157—153.

[3] *H. Pedersen.* Hittitisch. S. 158, примеч. 1.

вительного является затруднительным, так как из мифа о боге Кумарби явствует только, что *pár-ši-nu-uš-šu-uš* ʻего *paršna-*ʻ (Миф о Кумарби [1], I 18) является названием части ноги. Педерсен на основе значения этой основы в большинстве других родственных языков предполагал значение «пята»; Зоммер [2] считал, что контекст, в котором употребляется *paršna-* в мифе о боге Кумарби, скорее говорит о значении, соответствующем значению латинского *perna-*, но это нельзя считать доказанным. Твердо установлено лишь значение производного глагола *paršna*(*i*)-, но оно может быть выведено и из значения *paršna-* ʻпята' (по Педерсену) и из значения ʻбедро, ляжка' (по Зоммеру). Более точное определение семантики данной именной основы может стать возможным, если будут обнаружены новые случаи ее употребления, но уже сейчас несомненным является индоевропейское происхождение этого названия «части ноги».

Хеттское *paršna-* родственно др.-инд. *pā́rṣni-*, гот. *fairzna-*, греч. *πτέρνη* и лат. *perna*. О древности этой именной основы свидетельствует как ее распространение в древних индоевропейских языках, так и ее непроизводный характер во всех этих языках. Наличие носового суффикса в целом ряде индоевропейских названий частей тела (ср. выше о хет. *paltana-*) позволяет предположить членимость этой основы в древности, возможно, что в хет. *parš-* ʻбежать' представлен тот же корень, что и в *parš-na-* ʻчасть ноги'. Но окончательное решение вопроса о структуре этого корня затрудняется ввиду того, что в данном случае, как и во многих других, в именной основе, ставшей непроизводной, трудно отличить суффикс **-no-*, присоединявшийся к корню на **-s*, от суффикса **-s-no-* (тип **leuk-s-no-* от глагола **leuk-s*, **luk-es*, напр. кучанское *luks-*, см. § 10 и § 31), ср. названия частей тела типа др.-инд. *karásna-* ʻрука'. В *paršna-* (и, возможно, в *parš-* ʻбежать') *-s-* может быть древним суффиксом (глагольного происхождения, ср. выше о глагольном суффиксе **-s-*).

§ 77. Существительное *ḫuuant-*

С суффиксом **-en-* архаичных именных основ тесно связан суффикс **-ent-* < **-en-t-* (ср. о функции *-t-* в основах типа *mel-i-t* в § 63), ср. хет. *ḫaran-* : лув. *ḫarant-* (§ 59); хет. *gimm-ant-* : др.-инд. *hem-án* (§ 70) и т. п. В индоевропейских языках известен ряд древних именных основ с суффиксом **-ent-*, исторически связанных с причастиями на **-ent-* (ср. о названии «зуба» в § 2). К этому типу относится хеттское имя существительное *ḫuuant-* ʻветер'. В хеттском языке это существительное, по-видимому, стало уже непроизвод-

[1] Издание: *H. G. Güterbock.* Kumarbi. 1946 (Istanbuler Schriften № 16).
[2] *F. Sommer.* Hethitisch *paršnā-* und *paršnă-* // AOr. Vol. 17. P. 2. S. 374—378.

ным [1], но связь данной именной основы, представленной в ряде языков (лат. *ventus*, гот. *winds*, вал. *gwynt*, кучанское *yente* ‘ветер’) с глаголом сохраняется в греческом (*ἀέντες* : *ἄ(ϝ)ημι*) и древнеиндийском (*vā́nt-* : *vā-ti* ‘(он) дует’). Суффикс *-*en*(*t*)- в данной именной основе чередуется с суффиксом *-(*e*)*r*- в греч. *ἀ(ϝ)ήϱ* и с *-(*e*)*l*- в греч. *ἄελλα* ‘буря, вихрь’ и общекельтском названии «ветерка» (ирл. *ahél* ‘ветерок’, др.-корн. *auhel* и т. п.), ср. в § 2 об аналогичных чередованиях в архаичных производных от **ed*-. В большинстве индоевропейских языков данное производное на *-*ent*- перешло в тематический тип (лат. *ventus* < *u̯ēnt-os* и т. п.), но по отношению к хеттскому *ḫuu̯ant-* это нельзя утверждать с уверенностью [2], так как в текстах не засвидетельствована форма им. пад. ед. ч., по которой можно отличить тематическую форму от нетематической (засвидетельствованные формы род. пад. ед. ч. и им. пад. мн. ч. могли быть образованы и от основы на *-nt*- и от основы на *-nta*).

§ 78. Существительное *nepiš*

Сравнительно небольшое значение в хеттском языке имеют древние именные основы с суффиксом *-(*e*)*s* (ср. о *u̯itašši-* в § 43, о *ḫaštašši-* в § 62, ср. также ниже о *i̯ugašši-*). К этому типу принадлежит существительное *nepiš* ‘небо’, точно соответствующее ст.-сл. **нєбо**, **нєбєсє** как по морфологической структуре, так и по значению [3]. Сравнение со славянскими, греческим (*νέφος*) и древнеиндийским (*nábhaḥ*) языками указывает на древность данного существительного среднего рода на *-*es*, морфологическая структура которого раскрывается при сравнении с родственными словами типа лат. *neb-ula*, греч.

[1] Предположение Мериджи (*P. Meriggi.* Athenaeum. N. S. Vol. 31. Pavia, 1953. P. 348) о наличии связи между хет. *ḫuu̯ant-* ‘ветер’ и *ḫuu̯a*(*i*)- ‘бежать’ нельзя считать полностью верным для синхронного состояния хеттского языка.

[2] Стертевант (*E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. P. 41; ср.: *Он же.* Comp. Gr.[2] P. 49) приводит данное слово в форме *ḫuu̯andaš*, но это предположение не доказывается приводимыми им формами, встречающимися в текстах.

[3] В других индоевропейских языках данная основа и родственная ей основа на *-*l* типа латинского *neb-ula* употребляется в значении «облако, туман» (ср. также различие между словами данного корня в близкородственных языках: лит. *debesis* ‘облако’; латыш. *debess* ‘небо’). См. интерпретацию данного семантического различия в работе: *В. Н. Жирмунский.* Лингвистическая палеонтология Н. Я. Марра и история языка // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Ч. 2. М., 1952. С. 192. Ср. также специальную статью на эту тему В. Бранденштейна: Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 24—25. Можно указать на ряд аналогичных явлений в разных языках, ср. др.-инд. *abhra*, древнеиранское *abra* ‘облако’ : осетинское *arv* ‘небо’ : англ. *sky* ‘небо’, являющееся заимствованием из скандинавского: *ský* ‘облако’.

νεφέλη. В хеттском морфологический тип этой основы, ставшей непроизводной, постепенно изменялся [1], как об этом свидетельствует встречающаяся в ново-хеттских текстах наряду с формой им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. *nepiš* форма вин. пад. общего рода *ne-pí-ša-an*, Ullikummi, 3 табл., III A, 40. Переход в тип основ общего рода на *-a*(*s*) характерен и для родственного иероглифического хеттского *tapas-as* ʻнебоʼ [2]. Преобразование парадигмы данного имени в древних индоевропейских языках Малой Азии было связано с отмиранием древнего типа именных основ на *-*es*, ср. аналогичный процесс в балтийских языках [3], где родственная *nepiš* (иер. хет. *tapasas*) именная основа перешла в тип склонения на *-i-*: лит. *debesìs*, латыш. *debesis* (и *debess*). Данный случай показывает, что число хеттских основ на *-a-*(*-o-*) могло расшириться в поздний период развития хеттского языка за счет других типов, ставших непродуктивными.

§ 79. Существительное *ḫišša-*

К числу основ на *-*es-*, перешедших в другой тип не только в хеттском, но и в других индоевропейских языках, принадлежит хеттское существительное *ḫišša-* ʻдышлоʼ («Повозки» — Большой Медведицы), значение которого установлено благодаря последним публикациям хеттских текстов [4]. Это слово соответствует древнеиндийскому *īṣā-* ʻдышлоʼ [5]. Соответствие данного хеттского и древнеиндийского терминов представляет особый интерес ввиду на-

[1] Ср.: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 34.

[2] См. об этом слове в иероглифическом хеттском: *I. Gelb.* The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite // Bibliotheca orientalis. Jg. 7. № 5. 1950. P. 140; *S. Alp.* Bemerkungen zu den Hieroglyphen des hethitischen Monuments von Imamkulu // AOr. 1950. Vol. 18. № 1/2. S. 8.

[3] См.: *J. Endzelīns*. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948. § 157 в. C. 103.

[4] Otten, предисловие к KUB XXXIV, с. 11. К числу случаев употребления этого слова следует присоединить Bo 4929 V 18 (^{GIŠ}*ḫi-iš-ši pí-ra-an* ʻперед дышломʼ); напечатано в: JCS. Vol. 4. № 2. P. 121.

[5] *F. Sommer.* Altindisch *dhur-* // Die Sprache. B. I. Wien, 1949. S. 161 (со ссылкой на устное сообщение Оттена); независимо от Оттена это открытие сделал Ларош: *E. Laroche.* Hittitica // Revue de philologie. 1949. № 1. P. 37—38. Предположение Майрхофера о заимствованном характере хеттского слова (*M. Mayrhofer.* Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 48) следует признать невероятным как по фонетическим причинам (*ḫ* не могло развиться перед начальным *i*, как показывают хеттские слова иноязычного происхождения), так и по соображениям хронологическим (*ḫišša-* употребляется в текстах архаичного характера, тогда как индийские заимствования могли проникнуть в хеттский язык — через хурритское посредничество — только в новохеттский период).

личия других общих слов, относящихся к той же сфере, в древнеиндийском и хеттском: ср. др.-инд. *dhur* ʻупряжь (включая ярмо и дышло)ʼ и хет. *tur-iḫa-* ʻзапрягатьʼ (см. § 24); др.-инд. *īṣā-* и хет. *ḫišša-* ʻдышлоʼ; др.-инд. *yugám* и хет. *ḫugan* ʻярмоʼ (см. ниже об этом слове). Родственные слова имеются и в древнегреческом: гомер. *οἴηξ* и *οἰήιον*[1]. В «Илиаде» *οἴηξ* обозначает кольца на ярме (*ζυγόν*, др.-инд. *yugám*, хет. *ḫugan*), в которые продевались вожжи (Ω 269 — в сочетании с *ζυγόν* в предыдущей строке). Существительное *οἰήιον* в «Илиаде» употребляется в сочетании *οἰήια νηῶν* ʻкормила судовʼ (Т 43). Сравнение с *οἴηξ* и родственными словами других языков показывает, что значение «руль (судна), рукоятка руля» (ср. в «Одиссее»: *ι* 483, *μ* 218) у слова *οἰήιον* было вторичным, а первоначальным было значение «дышло = приспособление для управления движением» (в Т 43 значение уточнено с помощью *νηῶν*). По отношению к существительному *οἴᾱξ* такое семантическое развитие можно проследить по памятникам: ср. *οἴηξ* ʻкольца на ярме, в которые продеваются вожжиʼ у Гомера и позднейшее *οἰᾶξ* ʻрукоятка руля, рульʼ. Развитие значений древнегреческих производных от этой основы объясняется тем, что термин, первоначально относившийся к упряжи, позднее стал употребляться в качестве мореходного термина.

Данные языка гомеровских поэм показывают, что исходным значением древнегреческих производных от **(H)ois-ā-* было «приспособление для управления движением (повозки, судна)». Сравнение хет. *ḫišša-* ʻдышлоʼ (т. е. оглобля, прикрепляемая в передней оси для поворота повозки при парной запряжке) с др.-инд. *īṣā-* ʻдышлоʼ свидетельствует об особой архаичности значения гомеровского *οἴηξ* ʻкольца на ярме, в которые продевались вожжиʼ. Соответствие древних названий «дышла» (хет. *ḫišša-*) и «ярма» (хет. *ḫukan*) в трех индоевропейских языках, обладающих древнейшими памятниками, представляет исключительный интерес для изучения материальной культуры носителей диалектов индоевропейского языка-основы. С этими лингвистическими данными можно сопоставить археологические факты[2], свидетельствующие о раннем распространении в древней Европе и западной Азии упряжи

[1] Об этимологии этих слов см.: *Liden.* Studien zur altindischen und vergleichenden Sprachgeschichte. Uppsala, 1897. S. 60; *E. Boisacq.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1923. P. 687. Ср. там же о родственных словах славянских языков.

[2] См.: *J. Wiesner.* Fahren und Reiten in Alteuropa und im alten Orient (Der Alte Orient. Bd. 33. H. 2/4). 1939; некоторые данные применительно к анализу ведийских текстов собраны в исследовании: *R. Hauschhild.* Das Selbstlob (Atmastuti) des Somaberauschten Gottes Agni // Asiatica (Festschrift Friedrich Weller). Leipzig, 1954. S. 247—288. Ср. *Дж. Г. Д. Кларк.* Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953. С. 300, 306—307; *L. Niederle.* Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953. С. 336.

(хет. *tur-*, др.-инд. *dhur*), составными частями которой были ярмо (хет. *i̯ukan*, др.-инд. *yugám*, греч. *ζυγόν*) и прикрепленное к нему дышло (хет. *ḫišša-*, др.-инд. *īṣā-*, ср. греч. *οἴηξ*).

Из индоевропейских языков, засвидетельствованных более поздними письменными памятниками, эти названия «ярма» и «дышла» сохранили славянские языки: ст.-сл. **иго**, рус. *иго* и т. п.; чешск. *oje* [1], словинск. *oje* ʻдышлоʼ, рус. диалект. *воё*. От названия «ярма» в славянских языках засвидетельствована основа на **-es-*, архаичность которой доказывается сравнением с рядом древних языков (см. ниже о хеттском *i̯ug-aššī-*). Эта основа на *-es-* засвидетельствована в старославянском (**иго**, **ижесе**), а из живых славянских языков — в словенском (*igọ̑ – iž́ẹ̑sa*). В словенском языке сохранился и древний тип склонения общеславянского названия «дышла» (*ojȩ́* ʻдышло в воловьей упряжиʼ, *ojȇsa* [2]), тождественный типу склонения основы на **-es-* со значением «ярмо». Поэтому следует думать, что общеславянское **ojes- > *oje-* было основой на **-es-*. Сравнение с литовским *iena* ʻдышлоʼ и с этой славянской основой хеттского *ḫišša-* и др.-инд. *īṣā* позволяет предположить наличие древнего аффикса **-es-*(**-s*) + **-o-*(*ā-*) и в этих словах. Образование основы на **-es-*/**-s-* следует отнести к общеиндоевропейской эпохе, так как в отдельных диалектах она уже стала непроизводной.

§ 80. Прилагательное *neu̯a-*

Факты, рассмотренные выше, говорят о том, что далеко не все хеттские именные основы на *-a* (**-o-*) принадлежали к тематическому типу в дописьменный период развития языка. Но сравнение некоторых хеттских именных основ на *-a-* с родственными словами других индоевропейских языков показывает, что некоторые именные основы принадлежали к этому типу в целом ряде индоевропейских диалектов (что не всегда можно объяснить параллельным развитием).

Для большинства древних индоевропейских языков общим является прилагательное с тематическим суффиксом, представленное в хет. *neu̯a-* ʻновыйʼ [3]. Сравнивая хеттское *neu̯a-* < **neu̯o-* с родственными словами других

[1] Ср.: *F. Trávníček.* Slovník jazyka českého. Praha, 1952. C. 1084.

[2] *М. М. Хостник.* Грамматика словинского языка. Горица, 1900. С. 65 (см. там же о родственных словах в восточнославянских языках); *М. М. Хостник.* Словинско-русский словарь. Горица, 1901. С. 171.

[3] Ларош связывает с этой именной основой хеттское собственное имя *Niu̯a* и собственное имя *Niu̯ašu*, известное уже из каппадокийских таблиц (= *niu̯a-aššu-*, согласно Ларошу, см. о собственных именах на *-aššu-* выше, § 48): *E. Laroche.* Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951. P. 31, 107, 113.

языков, можно установить производный характер этой тематической основы, так как наряду с ней существуют производные от **neu̯-* на **-io-* и на **-r-* (ср. выше о суффиксах **-ei-*/**-er-* в архаичных именных основах): ср. греч. *νέος* и *νεαρός* [1] (ср. арм. *nor*), др.-инд. *návas* и *návyas* (ср. галльск. *Novio-* и т. п.). Основа **neu̯-* является непроизводной в письменный период развития всех индоевропейских диалектов [2]; в хеттском языке непроизводным является и тематическое производное прилагательное *neu̯a-*. О древности этой тематической основы свидетельствует как ее наличие в индоиранском, греческом, латинском, балтийском, славянском и хеттском, так и то, что образованный от нее отыменной глагол является общим для нескольких индоевропейских диалектов: хеттское *neu̯aḫḫ-* ‘обновлять’, греч. *νεᾶν* ‘заново пропахивать’, др.-в.-нем. *niuwōn* ‘обновлять’, лат. *novāre* ‘обновлять’ [3]. Фонетические особенности этого отыменного глагола (соответствие хет. *-aḫḫ-* долгому гласному в других индоевропейских языках) говорят об архаичности этого производного от тематической именной основы. В данном случае тематическое имя прилагательное восходит к глубокой древности; с этим можно связать отсутствие соответствующего атематического (корневого) имени во всех индоевропейских языках.

§ 81. Имена существительные *pedan* и *pata*

Именная основа *neu̯a-* является в хеттском языке единственной древней тематической основой, выступающей в качестве прилагательного. Значительно большее число тематических именных основ выступает в хеттском языке в качестве существительных.

Наиболее ясной является морфологическая структура хеттских производных основ среднего рода на **-a-m* > *-a-n* типа хет. *peda*(*n*) ‘место’. Существительное *peda*(*n*) очень часто употребляется в хеттских текстах [4]; оно входило в целый ряд устойчивых сочетаний, напр. *šalli pedan* ‘трон (буквально:

[1] Ср. о принадлежности этого слова к гетероклитическому типу: *E. Benveniste.* Origines. P. 18, 29. Структура производных типа *νεαρός* может дать основание для предположения о наличии в данной основе суффикса **-u̯er-* (**νεϝαρ* < **ne-u̯r*), но даже если принять эту гипотезу, слияние суффикса с корнем следует отнести к столь же древней эпохе, как и в рассмотренных выше основах типа *taru* ‘дерево’, *genu-* ‘колено’, *šiu-* ‘бог’.

[2] См. об этом соответствии: *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. § 36. P. 39.

[3] Там же.

[4] Различные случаи употребления *pedan* в хеттских текстах детально проанализированы Зоммером: *F. Sommer.* Hethitisches. II. S. 36—45. Зоммер, однако, не обратил должного внимания на проблему фразеологических сочетаний с *pedan*.

большое место)', *ḫaruaši peda*(*n*) 'потайное место'. Некоторые из этих сочетаний следует признать архаичными: сочетание *pedi-šši* (буквально «на его месте»), построенное по типу характерных для древнехеттского языка конструкций с притяжательным местоимением, в хеттских текстах употребляется в качестве наречия «на месте»; первоначальная смысловая структура этого сочетания преобразовалась [1]. Процесс слияния *pedan* с другим компонентом устойчивого фразеологического сочетания наблюдается и в выражении *tan pedaš* 'второй по месту (второго места)' [2]. Это выражение, встречающееся в древнехеттских памятниках (Tel. II, 36—38), постепенно превратилось в сложное слово, благодаря чему стало возможным образование отыменного глагола *ta-a-an pí-e-da-ša-aḫ-ḫi-ir* 'они делают (их) второразрядными' [3].

Слово *peda*(*n*), встречающееся во фразеологических выражениях архаичного характера, можно с уверенностью отнести к древнему словарному фонду хеттского языка. Соответствия этому слову обнаруживаются во многих древних индоевропейских языках: греч. *πέδον* 'почва', др.-инд. *padám* 'шаг, след' и т. п. В сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков давно уже установлено, что существительные, родственные др.-инд. *padám*, являются тематическими производными от атематического корневого имени, известного в качестве общеиндоевропейского названия «ноги» (др.-инд. *pā́t*, лат. *pes* и т. п.). Поэтому значительный интерес представляет то обстоятельство, что в хеттском было обнаружено и это общеиндоевропейское название «ноги»: хет. *pat*(*a*)- [4] «нога». В хеттском *pat*(*a*)- 'нога' имеется тематический суффикс (ср. суффикс **-e-/-o-*, обнаруживаемый в некоторых падежных формах слова **ped-* в других индоевропейских языках). В лувийском языке родственное имя существительное [5] засвидетельствовано в форме вин. пад. мн. ч. *pa-a-ta-an-za* 'ноги' (KUB IX 6 + KUB XXXV 39 обр. ст. III 29, LTU, с. 40) = *patanza*, где *-anza* — падежное окончание. Основа *pat*(*a*)-, соответствующая клинописному хеттскому *pat*(*a*) и лувийскому *pat*-(*anza*), обнаруживается и в иероглифическом хеттском: *pat*(*a*) 'нога' [6]. Сопоставление на-

[1] См. об этом сочетании: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 258 б. С. 140; *Sommer.* AU. S. 56; *Götze—Pedersen.* MS. S. 32, 64.

[2] О значении этого выражения ср.: *И. И. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 257, примеч. 8.

[3] Ср.: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 89. P. 67.

[4] *H. Otten.* Beiträge zum hethitischen Lexikon I. GÌR=*pata* — «Fuss» // ZA. Bd. 50. 1952. S. 230 и след.; ср.: *F. Sommer.* OLZ. 1953. S. 19 (об этом слове в тексте KUB XXXIV 120 6); *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 81 (s. v. *ikt-*), Lief. 4. S. 343.

[5] О лувийском *pat*(*a*) 'нога' см.: *Otten.* Luv. S. 79.

[6] *H. Th. Bossert.* Oriens. II. 1949. P. 114; *P. Meriggi.* Annali d. Fac. di Filos. e Lettere d. Univ. di Milano. IV. 1951. № 116. P. 182.

звания «ноги», общего для древних индоевропейских языков Малой Азии, с хет. *pedan* ʻместоʼ показывает, что в этих языках существовали производные от корня **ped-*, аналогичные др.-инд. *pā́t-* ʻногаʼ и *padám* ʻшаг, следʼ. Этот случай не является единичным.

§ 82. Имя существительное *i̯ugan* и родственные ему хеттские именные основы

К той же группе основ на **-o-m-*, что и *pedan*, принадлежит хет. *i̯uga*(*n*)[1] ʻярмоʼ, имеющее соответствия во многих индоевропейских языках, ср. др.-инд. *yugám*, греч. *ζυγόν*, лат. *jugum* и т. п. В хеттском языке глагол, соотносящийся с этой именной основой, не засвидетельствован. Но факты других индоевропейских языков ясно указывают на производный характер основы **i̯ug-om*, с которой во многих языках связан глагол, представленный чаще всего инфигированной основой: др.-инд. *yuj-* ʻсвязывать, запрягатьʼ, др.-инд. *ju-ñ-j-*, лат. *iungō*. Проникновение инфикса в именную основу в литовском *jùngas* ʻярмоʼ (при глаголе *jùngia*, *jùngti*) указывает на тесную связь глагольных и именных производных от этого корня. В особенности тесную связь глагола *yuj-* и имени *yugám* можно установить в древнеиндийском языке, где отглагольное существительное *yugám* наряду со значением «ярмо» имеет и другие значения, связанные со значениями глагола *yuj-*. Соответствующие значения можно обнаружить в древнехеттских текстах и у родственной хеттской именной основы.

В ряде параграфов архаичных по языку хеттских законов встречается именная основа *i̯uga-* ʻгодовалыйʼ (о скоте; Хеттские законы, § 67, 68). В тех же параграфах хеттских законов встречается сложное слово *ta-i̯uga-* ʻдвухлетнийʼ (*ta-* ʻдваʼ + *i̯uga-* ʻгод(овалый)ʼ). Слово *ta-i̯uga-*, употребляющееся (как и *i̯uga*) в качестве специального скотоводческого термина, является единственным хеттским сложным словом, образованным по данному древнему общеиндоевропейскому типу[2]. Поэтому сложное слово *ta-i̯uga-*, безусловно, было в хеттском языке архаизмом. Этот вывод подтверждается благодаря сравнению с фактами древнеиндийского языка.

Одним из значений древнеиндийского *yugá*(*m*) было временно́е значение «поколение; время жизни поколения; период из пяти лет; один из четырех циклов (периодов жизни мира)»[3]. Это значение отглагольного существитель-

[1] Специальная хеттологическая литература об этом слове указана Фридрихом: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 93.

[2] Ср. об этом: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 56—57.

[3] Многочисленные тексты, в которых *yuga-* употребляется в этом значении, указаны в Большом санскритском словаре Российской Академии наук, см.: Sanskrit-Wör-

ного было связано со значением глагола *yuj-* ʻсвязывать, располагать в определенной последовательности’, ср. значение причастия *yukta-* ʻследующий (друг за другом) в определенном порядке’ [1]. И причастие *yukta-*, и отглагольное существительное *yuga-* в древнеиндийском языке часто употребляются по отношению ко времени, отрезку времени, ср., напр., сложное слово *yuga-pad-* ʻодновременно’ и т. д. Для сравнения с хеттским *i̯uga-* особенно показательно древнеиндийское *yugāṁgaka* (вариант *yugāṁsaka*) ʻгод’ («часть» — *aṃgaka* «периода» — *yuga-*). Не подлежит сомнению то, что хет. *i̯uga-* ʻгодовалый’ и *ta-i̯uga-* ʻдвухлетний’ генетически связаны с др.-инд. *yuga*(*m*), употреблявшемся во временном значении [2]. В хеттском языке *i̯uga-* выступает в качестве второго компонента сложного слова, первым компонентом которого является числительное *ta-* ʻдва’: *ta-i̯uga-* ʻдвухлетний’. Древнеиндийское *yuga-* ʻпериод времени’ употребляется в сложном слове этого же типа, встречающемся уже в «Ригведе»: *tri-yugá-* ʻотрезок времени, охватывающий три периода жизни’ (RV 923, 1). Хеттское *i̯uga-* ʻгод(овалый)’ и др.-инд. *yuga-* ʻпериод времени’ очень близки по своему значению и употреблению, но в то же время хет. *i̯uga-* занимает другое место в системе языка. В древнеиндийском языке благодаря наличию тесной связи между многозначным глаголом *yuj-* и многозначным отглагольным существительным *yugá*(*m*), единство различных значений существительного («ярмо», «род, связанный общим происхождением»,

terbuch / Bearbeitet von Otto Böhtlingk und Rudolph Roth. Bd. 6. T. 2. St. Petersburg, 1871. S. 146.

[1] См. указанный том Большого санскритского словаря, с. 152.

[2] На возможность связи между др.-инд. *yuga-* и хет. *i̯uga-* указал Фридрих: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 93. Но Фридрих ограничился беглым замечанием, не проанализировав соотношение этих слов. Поэтому он оставил в стороне вопрос о связи этих слов с хет. *i̯ugan* и др.-инд. *yuj-* и не отметил сходства сложных слов, компонентами которых эти слова являются в «Ведах» и в древнехеттских текстах. Недостаточно внимательным изучением данной проблемы можно объяснить и то, что Фридрих ставит в данном случае вопрос о возможности заимствования из древнеиндийского языка в хеттский. Это предположение невероятно потому, что *i̯uga-* и архаичное сложное слово *ta-i̯uga-* встречаются в древнехеттских текстах (в законах), составление которых относится к периоду, предшествующему контакту хеттов с индийским слоем населения хурритского государства Митании (см. о разграничении исконно-родственных слов и древнеиндийских заимствований важные в методологическом отношении замечания Зоммера по поводу хет. *turi̯a-*: *F. Sommer.* Altindisch *dhur-* // Die Sprache. Wien, 1949. Bd. 1. S. 162). Кроме того, в семантическом отношении хеттское слово близко к древнеиндийскому, но не абсолютно совпадает с ним. Недостаточное внимание к фактам древнеиндийского языка отрицательно сказывается и на других работах об этом хеттском слове: *W. M. Austin, H. L. Smith.* The Etymology of Hittite *yukas* // Language. 1937. Vol. 13. № 2. P. 104—106; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 61 a. P. 34.

«поколение», «период времени») находит опору в единстве значений глагола. В хеттском же языке соответствующий глагол отсутствует. О былой связи значений хет. *i̯ugan* ‘ярмо’ и *i̯uga-* ‘год(овалый)’ может свидетельствовать близость сферы употребления этих терминов, встречающихся в текстах, где речь идет о домашних животных [1]. Но уже в древнехеттском языке осуществился процесс распада полисемии, вследствие которого *i̯ugan-* и *i̯uga-* стали разными словами.

Установление генетической связи между хет. *i̯ugan* ‘ярмо’ и *i̯uga-* ‘годовалый’ позволяет понять с исторической точки зрения и форму *i-ú-ga-aš-ša-aš* ‘годовалый’, употребляющуюся в хеттских законах в том же значении, что и *i̯uga-* [2] (§ 72 Хеттских законов по варианту KBo VI 23 3 16). При сравнении параллельных форм *i̯ugašš-aš* и *i̯ug-aš*, встречающихся в архаичном языке законов, в первой основе выделяется суффикс *-ašš-*: *i̯ug-ašš-aš* (ср. в § 43 о хет. *u̯it-ašši-*). Поэтому значительный интерес представляет тот факт, что и в ряде других индоевропейских языков от этого корня образована основа на **-e/os-*: греч. *ζεῦγος* ’упряжка, запряжка, пара’ [3]; лат. *iūger-um* ‘югер (площадь однодневной вспашки одной запряжкой)’, ст.-сл. **иго**, **ижесе** (формы на **-es-*, сохранились в словинском, ср. § 79). В хеттском языке основа на **-os-* встречается лишь в одном архаичном тексте, что можно связать с другими фактами, говорящими о постепенном исчезновении основ на **-es-* в хеттском языке (ср. выше о хет. *u̯ett-* ‘год’ и *nepiš* ‘небо’). В хеттском языке, как и во многих других родственных языках, производное от данного корня на **-o(m)* получило гораздо большее значение, чем производное на **-es-*, постепенно исчезнувшее.

---

[1] Поскольку хет. *ta-i̯uga-* ‘двухлетний’ употребляется только по отношению к домашним животным, несомненный интерес представляет предложенное Педерсеном сравнение с литовским *dveigỹs* ‘двугодовалое домашнее животное’ (*Götze—Pedersen.* MS. S. 68). С фонетической стороны это сопоставление не является бесспорным, так как в литовском не отражено *u* перед *g*. Но уже факты хеттского языка показывают, что в данном сложном слове могли происходить различные упрощения групп сонантов и гласных: в § 58 Хеттских законов наряду с формой *ta-a-i-ú-ga-aš* засвидетельствована форма *ta-a-ú-ga-aš*. Представляется существенным то, что, если принять эту этимологию, можно установить соответствия в хеттском и древнеиндийском именно тем литовским словам данного типа, которые являются общими для балтийского и славянского (т. е. наиболее архаичными): ср. лит. *dveigỹs*, сербск. *двизак* ‘двухлетний баран’, хет. *ta-i̯uga-* и лит. *treigỹs*, ст.-сл. **тризъ** ‘трехлетний’, др.-инд. *tri-yuga-*. Но вопрос этот нуждается еще в дальнейшем исследовании (ср. также лат. *bigae* < **du̯i-iug-*).

[2] Ср. об этой форме: *Sommer.* HAB. S. 158, примеч. 2, S. 234.

[3] Хет. *i̯ugaššaš* с этим греческим словом сопоставил Стертевант (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 61 a. P. 34), но он не отметил наличия сходных основ в других языках (в частности, в славянских).

§ 83. Существительное *ešḫa-*

К тематическим основам общего рода принадлежит хеттское существительное *ešḫa-* ʻгосподин, хозяинʼ. Об архаичности этого слова, часто встречающегося в древнехеттских текстах и в архаичных по языку текстах мифологического содержания, свидетельствует сохранение звательной формы *ešḫa* (чистая основа с нулевым окончанием) в сочетании *išḫa-mi* ʻ(о) господин мойʼ, Bo 3120 [1] III 8 (полуидеографическое написание EN-*mi* в параллельном тексте KUB XXXIII 120 III 8); KUB XXX 10 II 10; KUB XXXI 127 I 1. В хеттском языке в письменную эпоху его развития звательные формы сохранялись, главным образом, у некоторых имен собственных [2]; большинство нарицательных существительных утратило древние звательные формы, замененные формами им. пад. Поэтому звательная форма нарицательного имени существительного *ešḫa-* должна восходить к дописьменной эпохе.

Показательно также то, что *ešḫa-* в древнехеттских текстах встречается во фразеологических сочетаниях, которые по их значению должны быть признаны архаичными. В выражении *ešḫanaš išḫaš* ʻгосподин кровиʼ (Tel. IV, 19—20) *išḫa-* обозначает главу семьи убитого (о значении этого выражения, связанного с обычаем кровной мести, ср. выше, § 55); в сочетании с термином *iu̯aru* ʻивару (наследственный имущественный фонд семейной общины)ʼ [3] *išḫa-* в § 46 хеттских законов обозначает главу семьи, распоряжающегося этим наследственным фондом [4]. Поэтому можно думать, что *išḫa-* (*ešḫa-*) являлось древним термином, обозначающим главу семьи.

Для сравнения с данными родственных языков представляют интерес и другие случаи употребления *ešḫa-* в древнехеттских текстах. В сборнике «анекдотов» из жизни древнехеттского царства слово *ešḫa-* употребляется в рассказе о должностном лице из города Хурма Сандасе, который боялся хурритов и поэтому «уехал к господину» *nu eš-ḫé* [5] *pí-en-ni-iš*, 2 BoTU 12 A I 25.

---

[1] Фрагмент напечатан в издании: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 5. О звательной форме *išḫa-* в этом тексте см. там же, с. 35. Эту форму следует внести в виде дополнения в парадигмы, приведенные Педерсеном (*Pedersen.* Hittitisch. S. 34) и Фридрихом (Краткая грамматика. § 69. С. 59), что отмечено Фридрихом в словаре: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 85, где, однако, отсутствует ссылка на указанную работу Оттена.

[2] *H. G. Güterbock.* The Vocative in Hittite // JAOS. 1945. Vol. 65. № 4. P. 248—257.

[3] См. об «ивару»: *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 285—287, ср.: ВДИ. 1952. № 3. С. 208.

[4] ЗХЦ. С. 264, примеч. 18.

[5] Обращает на себя внимание это написание в архаичном тексте при обычном написании *iš-ḫi* или *iš-ḫi-i* в текстах новохеттского периода (*Фридрих.* Краткая грамматика. § 10. С. 46, отмечая наличие параллельных написаний *išḫi* и *ešḫe*, не указывает

В этом предложении *ešḫa-* обозначает высшее должностное лицо, под началом у которого состоял Сандас [1]. С этим следует сопоставить употребление *ešḫa-* в документе Телепинуса, где это слово обозначает царевичей (DUMU^{MEŠ} LUGAL), когда рассказывается о том, что их «подданные» («рабы» — ÌR^{MEŠ}) восстали против своих «господ» (*išḫaš*), Tel. I, 21—22. Следовательно, *ešḫa-* (*išḫa-*) в древнехеттском языке могло обозначать не только главу семьи, но и высшее должностное лицо, царевича-наместника области.

От имени существительного *ešḫa-* (*išḫa-*) ʻгосподинʼ образовано производное *išḫa-šša-* ʻгоспожа, хозяйкаʼ, в котором некоторые лингвисты видят архаичное образование типа лат. *uxor* ʻсупругаʼ (морфема **-sor-*) [2]. В пользу предположения о древности этого производного говорит наличие в хеттском языке целого ряда вторичных производных от основы *išḫa-šša-u-* (которая, в свою очередь, образована, по-видимому, от *išḫa-šša-*): прилагательного *išḫašša-u̯ant-* < *ishassar-u-ant-*; отыменного глагола *išḫašša-ru̯eš-* < *isḫassar-u-es-*, отвлеченного имени существительного *išḫašša-ru̯atar* < *isḫassar-u-atar* [3].

на хронологические различия между текстами, в которых встречаются эти написания). В таких различиях между архаичной орфографией и позднейшим написанием можно видеть косвенное свидетельство в пользу гипотезы Стертеванта о развитии **e > i* в хеттском (см.: *E. Sturtevant.* Language. 1942. Vol. 18. P. 181—186, где данные факты не приводятся). Но следует учитывать и возможность того, что в различии этих написаний могли сказаться чисто графические различия между разными школами письма.

[1] Об этом предложении см.: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. S. 78; *R. Hardy.* The Old Hittite Kingdom. A Political History. Chicago, 1941. P. 191.

[2] Эта гипотеза была высказана в очень осторожной форме Педерсеном (см.: *Г. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. § 329. С. 234, примеч.) и затем была развита Стертевантом, который считал **sor* «прото-индоевропейским» названием женщины (*E. H. Sturtevant.* An indoeuropean Word for «Woman» // Language. 1949. Vol. 25. № 4). Зоммер возражал против этого объяснения хеттского суффикса *-šara-* и предполагал иноязычное происхождение этого суффикса (причем в *išḫa-šša-* Зоммер предполагал сочетание хеттской основы с суффиксом иноязычного происхождения, как в англ. *godd-ess* ʻбогиняʼ, см.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. P. 86). Но аргументация Зоммера, основанная на том, что женские имена на *-šar* встречаются в каппадокийских таблицах, в настоящее время не может считаться убедительной, так как в последних работах Ларошa и Гётце показано хеттское происхождение значительного числа собственных имен, встречающихся в каппадокийских таблицах, см. выше (в особенности § 48). Поэтому точку зрения Майрхофера, ограничившегося при рассмотрении хет. *-šara-* повторением аргументов Зоммера (*M. Mayrhofer.* Gibt es ein idg. **-sor-* «Frau»? // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 37), нельзя признать бесспорной.

[3] Единственной работой, в которой рассматривается данное слово, остается до настоящего времени труд Зоммера: *Sommer.* AU. 1932. S. 258—259. Зоммеру в то время не было известно существование основы *išḫa-šša-* в хеттском языке (этот факт

Имя существительное *ešḫaš* ‘господин, хозяин’, об архаичности которого свидетельствуют рассмотренные выше факты, имеет точное соответствие в латинском *erus* ‘хозяин, господин, повелитель’ [1]. И в хеттском, и в латинском языках тематический гласный *-*o*- является частью непроизводной основы. Но установление суффиксального характера тематического гласного оказывается возможным при привлечении данных армянского языка. Как многократно отмечалось в научной литературе [2], с хеттским *ešḫa*- (*išḫa*-) генетически связано армянское *išxan*. Древнеармянское *išxan* ‘господин, глава, князь’ употреблялось в качестве эквивалента греч. *ἡγεμών* и *ἄρχων*, ср. производное *išxanut'iwn* ‘власть, господство, сила’, употреблявшееся в качестве эквивалента греч. *ἐξουσία* [3]. Древнеармянское *išxan*, близкое по значению к хет. *ešḫa*- и лат. *erus*, может быть сопоставлено с этими словами и со стороны фонетической, так как соответствие арм. *-iš*- < *-ĕs*- и лат. *-ĕs*- обнаруживается и в других случаях (арм. *gišer* ‘ночь’: лат. *vesper*, гр. *ἑσπέρα* [4]), равно как и соответствие хет. *-šḫ*- : арм. *šx* (см. в § 55 о хет. *ešḫaḫru* : арм. *ašxar*). В древнеармянском *išxan* выделяется суффикс имени деятеля *-an* [5], ср. глагол *išx-el*

был установлен Элольфом пять лет спустя: ZA NF. Bd. 9. S. 134), поэтому предположение о связи слов *išḫa*- и *išḫaššaruatar* Зоммеру представлялось необоснованным (*Sommer.* AU. S. 259). В настоящее время следует пересмотреть этот вопрос, так как в пользу предположения о связи хет. *išḫaššara*- ‘госпожа’ и *išḫaššaruatar* говорит употребление последнего слова (ср., напр., сочетание *išḫaššaruatar* с глаголом *aššiia*- ‘любить’ в KUB XXIV 13 II 11). Поэтому необходимо пересмотреть и перевод этого слова («дружественность, любезность, приличие (?); любовь»), предложенный (в качестве гипотезы) Зоммером и вслед за ним Фридрихом: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 85.

[1] Этимология дана Педерсеном (*Pedersen.* Hittitisch. S. 184) и принята большинством хеттологов, см.: *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 29; *E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. P. 57; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 85; *А. В. Десницкая.* О хеттском языке // *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 33.

[2] *Jensen.* ZA NF. B. 2. S. 82. Это соответствие отмечалось также Г. А. Капанцяном в его исследованиях о связях хеттского и армянского языков. Н. Я. Марр («Postface» к «Яфетическому сборнику», III, М.; Л., 1925. С. 173) ошибочно считал это армяно-хеттское соответствие доказательством «яфетического» характера хеттского языка. Во всех указанных работах не принималась во внимание связь хет. *ešḫaš* и лат. *erus*.

[3] *A. Meillet.* Altarmenisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913. S. 185.

[4] Ср. об этом соответствии: *H. Hübschmann.* Armenische Studien. I. Leipzig, 1883. № 71. S. 25; *Л. Мсериант.* Этюды по армянской диалектологии. Ч. I. Сравнительная фонетика мушского диалекта в связи с фонетикой Грабара // Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. историко-филол. Вып. 24. М., 1899. С. 50 (ср.: Там же. С. 125). Г. А. Капанцян (К происхождению армянского языка. Ереван, 1946. С. 33) относит *gišer* к числу слов, имеющих наиболее достоверную этимологию.

[5] Литература об этом суффиксе указана: *Л. Мсериант.* Указ. соч. С. 10. Наличие у арм. *išx-an* словообразовательных связей в грабаре исключает возможность заимствования из хетто-лувийских языков в армянский.

‘мочь, иметь силу, власть’. Поэтому можно предполагать, что хет. *ešḫa-* и лат. *erus* являются древними тематическими производными от корня, к которому восходит арм. *išx-*. Данный случай представляет особый интерес, так как факты хеттского языка позволяют установить связь между латинским и армянским словами, родство которых ранее не было известно.

§ 84. Существительное *ḫaššа-*

Общей для хеттского и лувийского языков является основа *hassa-* ‘очаг’: хеттское *ḫaššа* (идеограмма GUNNI) [1], лувийское *ḫaššanitti-* ‘очаг’ [2]. Хеттское *ḫaššа-* чаще всего употребляется в значении «очаг, посвященный божеству; алтарь», в аналогичном значении встречается и лув. *ḫaššanitti-*. В ряде хеттских текстов *ḫaššа-* ‘очаг, алтарь’ выступает в качестве обожествляемого предмета. В недавно опубликованном тексте ABoT 12 (IV 25) последовательно описываются жертвоприношения божеству, обожествленному «трону» и обожествленному «очагу» (*ḫaššі*); сходное сочетание обрядов, связанных с поклонением «трону» и «очагу» (GUNNI), можно отметить и в ритуале KUB XXIX I (IV, I). В большинстве хеттских ритуалов *ḫaššа-* употребляется в значении «очаг, в котором горит жертвенный огонь (*paḫḫur*); алтарь», ср., напр., в ритуальном тексте KUB XI 35 V 16: ^{LÚ}MUḪALDIM-*kán ḫa-aš-ši-i pa-aḫ-ḫur ua-ar-nu-uz-zi* ‘«повар» (придворное звание) разжигает огонь в алтаре’. Сочетание *ḫaššі paḫḫur* ‘в алтаре (в очаге) огонь’ встречается уже в таком древнем тексте, как фрагмент обращения Хаттусилиса I к его подданным. Хаттусилис повелевает своим подданным хранить его слово и поддерживать *paḫḫur ḫaššі* ‘огонь в очаге’ (2 BoTU 10 *β* § 3 22—24). За этим следует угроза: *m*[*a-a-an*]-*ša-an ḫa-aš-ši-i p*[*a-aḫ*]-*ḫu-ur na-at-ta pa-ra-iš-te-ni ta ú-iz-zi* ^{UR}[^{U}*ḫa-a*]*t-t*[*u-ša-an*] MUŠ-*aš ḫu-la-a-li-az-zi* ‘Когда же в очаге огонь не будете поддерживать, тогда придет (змея) и город Хаттусас змея оплетет (своими кольцами)’ (2 BoTU 10 *β* § 3 25—27). Сопоставление этого текста с другими хеттскими текстами, в которых употребляется сочетание *ḫaššі paḫḫur*, показывает, что это сочетание носило характер архаичной сакральной формулы, что представляет особый интерес для сравнения с фактами италийских языков.

Как указал Педерсен, хеттское *ḫaššі* в точности соответствует оскскому мест. пад. *aassaí* ‘на алтаре’ [3]. Эти хеттское и оскское слова, имеющие соот-

[1] О параллелизме написаний *ḫaššі* и *IŠ-TU* GUNNI см.: *В. К. Шилейко.* Богазкёйские фрагменты в собрании Н. П. Лихачева // ИГАИМК. Т. IV. Л., 1925. С. 318.

[2] *Otten.* Luv. S. 54—55.

[3] *Pedersen.* Hittitisch. S. 27, 164. Эта этимология принята всеми хеттологами, ср.: *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 49; *Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 62; ср.: *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 28, 34.

ветствия в ближайших родственных языках (с одной стороны, лувийское *ḫaššanitti*, с другой стороны, умбрск. *asa*, старолат. *āsa* > *āra*), в точности соответствуют друг другу по значению и употреблению. Как отмечает французский хеттолог Ларош, значение хеттского *ḫaššа* тождественно значению латинского *āra*: «autel comme foyer propre à la divinité» («алтарь как очаг, посвященный божеству»)[1]. Это сходство между хетто-лувийскими и италийскими языками приобретает особое значение ввиду того, что для хеттского и оскско-умрских языков общим является и название «огня» (хет. *paḫḫur*, см. § 56, умбрск. *pure*, *pir*, оскск. *pur*-). Поэтому следует отметить, что генетически тождественные хет. *ḫaššі* и оскск. *assaí* встречаются в очень сходных сочетаниях. К рассмотренному выше хеттскому сочетанию *ḫaššі paḫḫur* ʻв очаге огоньʼ близка оскская стереотипная сакральная формула *assaí*. *purasiaí* ʻaraе igniariaeʼ, дважды повторяющаяся в Агнонской надписи[2] (A 16, B 18; в *purasiaí* основа *pur*- генетически тождественна хеттскому *paḫḫur*).

Производный характер хет. *ḫaššа* и соответствующего общеиталийского слова доказывается благодаря сопоставлению с латинским *areo* ʻбыть сухимʼ и кучанско-карашарским *as*- ʻвысушиватьʼ, семантическая связь которых с указанными названиями «очага» подтверждается при сравнении этих слов с лат. *assus* ʻсухой, жареный, тушеныйʼ и др.-инд. *ā́sa*- ʻзола, пыльʼ[3].

§ 85. Существительное *arra*-

Выделение суффикса *-*o*- в тематических именных основах в ряде случаев возможно потому, что суффикс *-*o*- чередуется с *-*ā*- (ср. *ḫaššа*- : *āra*). Тематическая основа на *-*o*-, родственная хет. *arra*- ʻAfter, Gesäßʼ, засвидетельствована в греческом (атт. *ὄρρος*, гомер. *ὀρσο-θυρη* ʻзадняя дверь (в боковой стене Одиссеева зала)ʼ[4], армянском (*or*), германских языках (др.-в.-нем. *ars* > Arsch, др.-англ. *ears*, др.-исл. *ars*, *rass*)[5]. Суффикс *-*o*-, засвидетельствован-

[1] *E. Laroche.* Hittitica // Revue de philologie. 1949. № 1. P. 36.

[2] *И. Цветаев.* Сборник оскских надписей. Киев, 1877. С. 7—8; *I. Zvetaieff.* Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae. 1886. P. 32—33.

[3] О словах германских языков, связываемых с этим корнем, см.: *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 1. Bern, 1949. S. 68.

[4] Ср. также об ионическом *ὄρσος*: *E. Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. I. 1939. S. 284, 516.

[5] Вопрос об отражении *rs > rr в данном хеттском слове при сохранении группы *rš*, напр., в *ars*- ʻтечьʼ (см. выше) не вызывает серьезных затруднений. Фридрих уже отметил (IF. 1950. Bd. 60. H. 2. S. 157—158) сходство фонетического развития этой основы в хеттском и армянском. Но в армянском развитие *rs > rr представляет лишь один из двух возможных путей изменения группы *rs* (ср.: *A. Meillet.* Esquisse d'une

ный в этих словах, чередуется с **-ā-* в древнеирландском *err* < **ersā-* ʻхвост, конецʼ [1]. Чередование суффиксов *-o-*/*-ā-* позволяет выделить в данных основах корень **ers-*/*ors-* [2].

§ 86. Существительное *šakuu̯a* и его особенности; родственные слова хеттского, лувийского и других индоевропейских языков

В связи с анализом хеттских тематических именных основ следует рассмотреть вопрос о хеттском слове *šakuu̯a* «глаза» (идеограмма $IGI^{HI.A}$-*u̯a* ʻглазаʼ). Индоевропейское происхождение этого слова давно уже предполагается исследователями хеттского языка. О принадлежности этого слова к древнейшему фонду хеттской лексики свидетельствуют грамматические особенности *šakuu̯a*. Это слово выступает только в одной форме *šakuu̯a*. Форма *šakuu̯a* могла выступать в функции формы им.-вин. пад. мн. ч. ср. р., ср. встречающееся в ряде древних текстов сочетание *ša-ku-u̯a-aš-še-ta* ʻглаза егоʼ (в архаичном мифе об Иллуянкасе, KBo III 7 III 18, ср. также KUB XXIX 1 II 18 и т. п.). В этом выражении форма *šakuu̯a* сочетается с формой им.-вин. пад. ед. ч. притяжательного местоимения, что было закономерно для форм им.-вин. пад. мн. ч. существительных среднего рода [3].

Но в одном из древнейших хеттских текстов — в собрании рассказов («анекдотов») из жизни древнехеттского царства — засвидетельствовано сочетание *šakuu̯a* с формой притяжательного местоимения *šma*: *ša-ku-u̯a-aš-ma* (2 BoTU 12 A = KBo III 34 I 18) ʻ(перед) глазами ихʼ [4] (буквально ʻглазам ихʼ). Форму *-šma* в этом тексте следует признать вариантом более употребительной формы дат. пад. ед. ч. *-šmi*, ср. аналогичное чередование *a*/*i* в формах

---

grammaire comparée de l'armenien classique. Vienne, 1936). Аналогичную картину следует предположить и в хеттском языке, во многих отношениях близком к армянскому. В частности, в *arš-* ʻтечьʼ сохранению группы *rš* могли способствовать сочетания с согласными глагольных окончаний (отмечено уже: *Götze—Pedersen.* MS. S. 48).

[1] См. об этом древнеирландском слове: *H. Pedersen.* Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Bd. II. Göttingen, 1911. S. 151, ср.: *Г. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 49.

[2] Многократно высказывались предположения о суффиксальном характере *-s-* в этом слове (ср., напр.: *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. S. 238; см. также литературу, указанную в словаре: *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 5. Bern., 1950. S. 340), но эту гипотезу нельзя считать доказанной.

[3] *Фридрих.* Краткая грамматика. § 210 в. С. 127.

[4] О переводе данного места см.: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. S. 78, 97; *R. Hardy.* The Old Hittite Kingdom. Chicago, 1941. P. 191.

дат.-мест. пад. ед. ч. других притяжательных местоимений: *-mi* и редкое *-ma* ‘моему’, *-ši* и редкое *-ša* ‘его’. Поскольку притяжательное местоимение всегда согласуется с предшествующим ему существительным, форму *šakuṷa* нужно считать в данном тексте формой дат. пад. мн. ч.[1] Функционирование одной и той же формы (*šakuṷa*) в функции формы им.-вин. пад. мн. ч. (*šakuṷa-šše*t) и в функции дат. пад. мн. ч. (*šakuṷa-šma*) представляет собой исключительное явление в древнехеттском языке. В языке более поздних памятников такие случаи вообще неизвестны. Большая архаичность текста, в котором встречается данное выражение[2], и отсутствие подобных явлений в позднейших памятниках позволяет сделать вывод, что налицо архаизм, отражающий древние особенности склонения данного слова.

Представляется вероятным, что форма им.-вин.-дат. пад. *šakuṷa* восходит к древней форме двойственного числа. В хеттском языке двойственное число было утрачено. Следы формы им.-вин. пад. двойственного числа на **-o* > хет. *a* некоторые исследователи видели в застывших сочетаниях типа *ḫašša ḫanzašša* (обозначение двух степеней родства)[3]. Но при этом оставлялась без внимания форма *šakuṷa*, хотя по своей семантике это существительное представляет особый интерес для изучения пережитков двойственного числа (ср. сохранение пережиточных форм двойственного числа у названий парных органов в других индоевропейских языках, напр. славянских)[4]. В хеттском языке после утраты в нем двойственного числа *šakuṷa* имело значение Pluralia tantum; но если предположить, что форма *šakuṷa* восходит к эпохе, когда двойственное число в хеттском языке сохранялось, то для этой формы следует предположить значение двойственного числа, так как в общеиндоевропейском «названия парных органов имеют формы двойственного числа»[5]. Это

[1] Предположение Стертеванта (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 186. P. 108) о том, что *šakuṷa-šma* является формой им.-вин. пад. мн. ч. ср. р., представляется совершенно фантастическим, так как в этом случае ожидалась бы форма *šakuṷa-šemet* (см. выше о *šakuṷa-šet*, ср. также *ša-a-ku-ṷa-me-it* ‘мои глаза’ и т. п.). Фридрих (Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 97) ограничивается пометкой «(Form?)».

[2] См. об этом тексте: *H. G. Güterbock.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babylonien und Hethitern bis 1200 // ZA NF. Bd. 10. 1938. H. 1/2. S. 100—101.

[3] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 127 в. P. 83; ср.: *Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 49—51. Некоторые исследователи считают, что двойственное число имелось в иероглифическом хеттском, но этот вопрос является дискуссионным.

[4] Ср. сопоставление *šakuṷa* с пережиточными формами двойственного числа в славянском в статье: *T. Milewski.* Paralele hetycko-słowiańskie w ewolucji kategorii rodzaju // Rocznik slawistyczny. T. XVI. Cz. 1. C. 23.

[5] *Мейе.* Введение. С. 204.

предположение находит полное подтверждение в особенностях склонения данного хеттского существительного. Для их объяснения следует принять во внимание особенности системы падежей праязыка, отражаемой в хеттском языке. В хеттском именном склонении отсутствуют формы, соответствующие падежным окончаниям других языков на *-*bh*- и *-*m*-. В настоящее время можно считать твердо установленным, что падежные формы имен существительных на *-*bh*- и *-*m*- в общеиндоевропейском праязыке отсутствовали; они образовались из сочетаний наречного характера в процессе развития индоевропейских диалектов после отделения хетто-лувийского [1]. Поэтому, восстанавливая утраченные хеттским языком общеиндоевропейские именные формы двойственного числа, следует иметь в виду, что форма дат.(-отлож.) пад. дв. ч. на *-*bh*- или *-*m*-, типа др.-инд. *vṛkābhyām*, авест. *vəhrkaēibya*, ст.-сл. **влькома**, в хеттском языке отсутствовала на всем протяжении его истории, как отсутствовала она и в общеиндоевропейском праязыке. В связи с этим возникает вопрос об общеиндоевропейском архетипе формы дат.(-отлож.) пад. дв. ч. Решение этого вопроса было намечено еще в начале XX в., ср. замечание Бругмана: «In zum Teil offenbar aus idg. Zeit stammenden Fällen ist dieser Kasus nicht vom Stamm aus, sondern auf Grund des Nom.-Akk. Du. gebildet» [2] («В случаях, по-видимому, восходящих частично к общеиндоевропейскому времени, этот падеж образован не от основы, а от формы им.-вин. пад. дв. ч.»). Бругман указывает при этом на такие соотношения, как лат. *duō-bus* : *duō*, др.-инд. *dvá-bhyām* : *dvā́* и т. п. [3] В настоящее время, когда установлен вторичный характер *bh и *m в формах этого типа, можно, опираясь на эти давно уже отмеченные соотношения, сделать вывод о том, что в общеиндоевропейском языке-основе существовала единая форма им.-вин.-дат. пад. дв. ч. [4]; позднее формы на *-*bh*- и на *-*m*- были образованы от этой древней общеиндоевропейской формы им.-вин.-дат. пад. дв. ч. Таким образом, для отдаленного периода развития хеттского языка (хетто-лувийских диалектов) следует предполагать наличие формы дв. ч. имени существительного, которая могла выступать в функции именительного, винительного и дательного падежей. Как показывает изучение древнехеттских текстов, именно такой формой еще в начале 2 тысячелетия до н. э. было хет. *šakuṷa*. Это делает обоснованным предположение, что *šakuṷa* является формой двойственного числа, пе-

[1] См.: *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. I. Kraków, 1935. С. 165—168; *Pedersen.* Hittitisch. § 24. S. 30—32 (особенно S. 30).

[2] *K. Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 2. Lief. 1. § 206. S. 204.

[3] Там же. S. 204.

[4] Ср.: *И. М. Тронский.* К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 10. Л., 1946. С. 66—67.

режиточно сохранившейся в хеттском языке. В *šakuua* в этом случае выделяется то же окончание дв. ч. *-a* < *-*ō* [1], следы которого в хеттском языке усматривались в нескольких застывших сочетаниях типа *ḫašša ḫanzašša* (*с*м. выше). Следовательно, изучение древнехеттских явлений в сравнении с фактами других родственных языков позволяет предположить, что *šakuua* в хеттском языке является архаичной формой двойственного числа основы на *-*o*. Поскольку хеттский язык утратил двойственное число задолго до эпохи создания письменных памятников, *šakuu*(*a*)- должно принадлежать к числу слов, издавна входивших в базисный словарь хеттского языка.

Этот вывод подтверждается благодаря сравнению с лувийским языком. Полное фонетическое чтение идеограммы IGI$^{ḪI.A}$ в лувийских текстах до сих пор не было установлено, но точное совпадение «фонетического комплемента» *-ua*, следующего за этой идеограммой в лувийских текстах, с аналогичным написанием хет. *šakuua* = IGI$^{ḪI.A}$*-ua-* в хеттских текстах позволяет предполагать, что в лувийском имелось точное соответствие хет. *šakuua*. В этом отношении особенно показателен лувийский текст KUB XXXV 107 обр. ст. III (= LTU, с. 98), в котором засвидетельствована как непроизводная основа IGI$^{ḪI.A}$*-ua-* (строка 19), так и производное прилагательное с лувийским суффиксом *-aššī-*: IGI$^{ḪI.A}$*-ua-aš-ša-an-za* (вин. пад. мн. ч. общ. р., строка 16), IGI$^{ḪI.A}$*-ua-aš-ši-iš* (им. пад. ед. ч. общ. р., строка 17), ср. также производное от той же основы в лувийском заклятии против болезней KUB XXXV, 88 пер. II 5 (= LTU, с. 86) I[GI]$^{ḪI.A}$*-u*[*a-a*]*n-ta* (текст сильно поврежден). Особый интерес представляет засвидетельствованная в указанном лувийском тексте мифологического и магического содержания основа IGI$^{ḪI.A}$*-aššī-*. В лувийском языке известен ряд аналогичных прилагательных на *-aššī-*, образованных от названий частей тела. ср. *pat-aššī* ‘имеющий отношение к ноге, ножной’; лув. *pat*(*a*)- ‘нога’, хет. *pat*(*a*)- [2], *ḫarmaḫaššī-* ‘имеющий отношение к голове, голов-

[1] Следует отметить, что форма им.-вин. пад. дв. ч. основы общего рода после исчезновения двойственного числа неминуемо стала бы формой им.-вин. пад. мн. ч. среднего рода, так как отсутствие дифференциации им. пад. и вин. пад., характерное для двойственного числа, было бы переосмыслено как признак среднего рода. Поэтому окончание хет. *šakuua* может быть двоякого происхождения: наряду с возможностью сохранения окончания *-*ō* основы среднего рода (типа *ζυγώ*, см. об окончании *-*ō* у индоевропейских основ среднего рода на *-*o*: *K. Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 2. Lief. 1. § 202. S. 201) следует учитывать возможность переосмысления окончания *-*ō* > *a* им.-вин.-(дат.) пад. двойственного числа общего рода, которое могло быть отождествлено с окончанием им.-вин. пад. мн. ч. среднего рода. Ср. о частом изменении рода древних названий частей тела в хеттском: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 209 а. С. 125; *Sommer.* HAB. S. 110; *Götze.* AM. S. 215.

[2] См.: *Otten.* Luv. S. 78 и примеч. 87.

ной’; лув. *ḫarmaḫi* ‘голова’, иерогл.-хетт. *harmahi*[1]. В указанном тексте прилагательное IGI$^{ḪI.A}$-*ꭗašši-* ‘глазной’ сочетается с прилагательным *ḫarmaḫašši-* ‘головной’, написанным посредством идеограммы SAG.DU ‘голова’ с «фонетическим комплементом» *-ašši*: SAG.DU-*aš-ša-an-za* IGI$^{ḪI.A}$-*ꭗa-aš-ša-an-za* GIG-*an-za* «головные и глазные болезни[2] (KUB XXXV 107 обр. ст. III 16 = LTU, с. 98), ср. дальше в том же тексте SAG.DU-*aš-ši-iš* IGI$^{ḪI.A}$-*ꭗa-aš-ši-iš* GIG-*an-te-eš* [… (там же, III, 17, текст поврежден, но несомненно, что налицо те же слова в форме другого падежа) и в заклятии против болезней (KUB XXXV 88 об. ср. III 15 = LTU, с. 86): SAG.DU-*za* GIG-*za* IGI$^{ḪI.A}$-*za* GIG-*z*[(*a*)] (аналогичные сочетания идеограмм: «голова» + «болезнь», «глаза» + «болезнь»). Употребление в указанном лувийском тексте прилагательного IGI$^{ḪI.A}$-*ꭗašši-* ‘глазной’ не позволяет сомневаться в его принадлежности к тому типу прилагательных на *-ašši-*, к которому относятся *patašši-* ‘ножной’, *ḫarmaḫašši-* ‘головной’ и другие лувийские прилагательные, образованные от названий частей тела. Наряду с прилагательными этого типа суффикс *-ašši-* в лувийском языке образует производные от имен богов, которые в свою очередь могут употребляться в качестве имен богов: ^{D}*šaušqašši* (= ^{D}ISTAR-*ašši* от хурритского имени Иштар *Šaušqa*)[3], *telipunašši* от имени бога Телепина (Телепуна)[4]. В свете этих фактов особый интерес представляет то обстоятельство, в хеттских текстах религиозного содержания встречаются имена богов, образованные с помощью суффикса *-ašš*(*a*)- от названий частей тела, напр. ^{d}*Ḫantašša-* ‘божество лба’ (от *ḫanta-* ‘лоб’, см. выше, § 44), ^{d}*Ištamanašša* ‘божество слуха’ от *ištamana-* ‘ухо’ и т. д. Суффикс *-ašši-* в лувийском служит для образования прилагательных от частей тела и для образования названий богов; в таких названиях, как *Ištamanašša*, обе эти функции оказываются объединенными. Поскольку в хеттском языке суффикс *-ašš*(*a*/*i*)- в таком значении не встречается и вместе с тем известно, что в хеттских ритуальных текстах обнаруживается заметное влияние лувийского языка, обоснованным является предположение, что имена богов, образованные от названий частей тела, по происхождению связаны с лувийскими производными именными основами на *-ašš*(*i*)-. Поэтому существенное значение имеет тот факт, что среди этих имен богов встречается имя ^{d}*Šakuꭗašš*(*a*)- ‘божество глаз (божество зрения)’. Если принять во внимание лувийский характер суффикса имени *Šakuꭗašš*(*a*)-, то весьма вероятным представится тождество этого суффикса лувийского

[1] *Otten.* Luv. S. 77. Ср. суффикс *-*es*- во многих индоевропейских названиях частей тела.

[2] О переводе см.: *Otten.* Luv. S. 77.

[3] *J. Friedrich.* Archiv für Orientsforschung. Bd. 14. S. 331; *Otten.* Luv. S. 29.

[4] *Otten.* Luv. S. 19, примеч. 13.

IGI$^{\underline{HI.A}}$-*u̯ašš*(*i*)- ‘имеющий отношение к глазам, глазной’, засвидетельствованному в лувийских текстах [1]. Если предлагаемое сопоставление *Šaku̯ašš*(*a*)- и IGI$^{\underline{HI.A}}$-*u̯ašš*(*i*)- является правильным, то это служит окончательным доказательством общехетто-лувийского характера суффикса.

Таким образом, изучение морфологических особенностей хет. *šaku̯a* и сравнение с фактами лувийского языка позволяет установить принадлежность этого слова к древнему лексическому фонду хеттского языка. Поэтому давно уже высказанная гипотеза о принадлежности этого слова к общеиндоевропейскому фонду находит косвенное подтверждение в рассмотренных выше фактах.

Наиболее обоснованной как с семантической, так и с фонетической стороны этимологией хеттского *šaku̯a* было сближение с готским *saíhvan* ‘смотреть, видеть’ и с родственными глаголами других германских языков, а также кельтских языков и албанского. Однако почти во всех названных индоевропейских языках имеется только глагольная основа со значением «смотреть, видеть», тогда как в хеттском языке до недавнего времени была известна только именная основа со значением «глаза». Это существенное различие обычно отмечалось в качестве слабой стороны данной этимологии [2]. В настоящее время, однако, эти возражения отпадают, так как благодаря исследованию хеттских мифологических текстов установлено наличие в хеттском языке глагола *šaku̯ai*- ‘видеть, смотреть’ [3], соотносимого с именной основой *šaku̯a*- ‘глаза’. Наряду с *šaku̯ai*- в хеттских текстах мифологического содержания часто употребляется итеративная форма *šaku̯išk*-, ср. сочетание *šaku̯ai*- и *šaku̯išk*. В следующем тексте: [*nu-kán* ^{D}UTU-*uš ne-pí-ša-az kat-ta š*]*a-ku-u̯a-it nu-za* ^{D}*Ul-lu-kum-mi-in ša-ku-iš-ki-iz-zi* [^{D}*Ul-lu-kum-mi-ša-za ne-pí-*

[1] Имя божества *Šaku̯ašša*- в связи с вопросом о суффиксе -*šš*- в лувийском и хеттском упоминалось Зоммером (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 14), но Зоммер не мог сделать никаких выводов из своих наблюдений, так как до опубликования в 1953 г. лувийских текстов знания лувийского языка были весьма скудными (в частности, не были точно известны функции суффикса -*ašši*-, и не было известно наличие IGI$^{\underline{HI.A}}$-*u̯a* и производных от этой основы в лувийском). Оттен, исследовавший вновь опубликованные лувийские тексты (*Otten.* Luv.), не сделал никаких выводов относительно фонетического чтения идеограммы IGI$^{\underline{HI.A}}$ в лувийском, так как он не сопоставил лувийские основы на -*ašši* с именами богов на -*ašš*(*a*)-.

[2] Ср., напр.: *S. Feist.* Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939. S. 404—405.

[3] См. об этом: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 35, ср. также примеч. 5 на с. 20, примеч. 8 на с. 16; ср. также перевод: *H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1951. Vol. 5. № 4. P. 157, 159; 1952. Vol. 6. № 1. P. 17.

ša]-*an* ^{D}UTU-*un ša-ku-iš-ki-iz-zi* ‘И бог солнца с неба посмотрел (*šakuṷai-*), и Улликумми он увидел (*šakṷišk-*), а Улликумми (тоже) увидел (*šakṷišk-*) солнечного бога неба’ (Ullikummi, I табл., A IV 33—34). Ср. параллельное *na-an-za-an ša-ku-ṷa*[*-it*] ‘и он его видел’ (Ullikummi, II табл., IV, 12). Связь между именем *šakuṷa* и глаголом *šakuṷai-*, *šakṷišk-* оставалась очень тесной, как показывает, напр., следующий текст: *nu* ^{D}[*El*]-*la-al-lu-uš* IGI$^{ḪI.A}$-*ṷa kar-ap-ta nu-za* DUMU-*an ša-ku-iš-ki-iz-zi* ‘И Энлил поднял глаза (IGI$^{ḪI.A}$-*ṷa* = *šakuṷa*) и увидел (*šakṷišk-*) ребенка’ (Ullikummi, I табл., A IV 10—11). Глагол *šakuṷai-* часто встречается в поэме «Песня об Улликумми»; помимо приведенных примеров ср. форму *šakuṷaianun* ‘я видел’ (Ullikummi, I табл., II A, 12), указывающую на переход в продуктивный тип глаголов на *-iia-* [1].

Вторичный характер этого типа спряжения доказывается как сравнением с другими случаями употребления глагола *šakuṷa-* в поэме «Песнь об Улликумми», так и сопоставлением с древнехеттскими текстами, ср. причастную форму *šakuṷan* в § 50 Хеттских законов: *ku-e-la* ^{GIŠ}*e-ia-an a-aš-ki-iš-ši ša-ku-ṷa-a-an* ‘(тот), в чьих воротах [2] виднеется (видно) вечнозеленое дерево *eia*(*n*)’ [3] (должен быть свободен от государственных повинностей — *luzzi*), KBo VI 2 II 62. В этом предложении в соответствии с нормами хеттского язы-

[1] О форме *šakuṷaianun* см.: *Goetze.* JAOS. 1949. Vol. 69. P. 182 (ср. также перевод данного места, выполненный Гётце, в хрестоматии: *J. B. Pritchard.* Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton, 1950. P. 182); *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. P. 35.

[2] Конструкция *kuel aški-ši* ‘в чьих воротах его’, см. о такой конструкции в хеттских законах: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 222 а. С. 130.

[3] Общий смысл данного места этого параграфа давно уже был ясен исследователям, но точный перевод отсутствовал, так как оставалось неизвестным значение глагола *šakuṷa*(*i*)- (впервые значение этого глагола в данном тексте отмечено Оттеном: *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. P. 35, но Оттен не дал перевод этого места). Перевод И. М. Дунаевской (ЗХЦ. С. 265) неточен по двум причинам: во-первых, не учтено указанное выше открытие Оттена, во-вторых, не использована обширная литература о дереве *eia*(*-n*), указанная в работе: *Pedersen.* Hittitisch. S. 43 (ср.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 40; *B. Schwartz.* A Hittite Ritual Text // Orientalia. 1947. Vol. 17. № 1. P. 39, 47). В настоящее время точно установлено, что ^{GIŠ}*eian* было названием вечнозеленого дерева. Именно этим следует объяснить роль *eian* в обрядах, совершаемых в честь древнего малоазиатского («протохеттского») бога плодородия и растительности Телепинуса (KUB XVII 10 IV 28). Возможно, что ^{GIŠ}*eian* в § 50 Хеттских законов выступает именно в связи с древней культовой значимостью этого дерева (об употреблении ^{GIŠ}*eian* в культовых текстах см.: *Götze.* AM. S. 203, примеч. 1), так как в этом параграфе речь идет об освобождении от повинностей (*luzzi*) жречества в старинных священных городах (ср. об этом параграфе: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 5; *И. И. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 295).

ка причастная форма *šakuu̯an* (форма им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. от причастия *šakuu̯ant-*) от переходного глагола имеет пассивное значение «видимый».

Аналогичное употребление причастия *šakuu̯ant-* ʻвидимый' можно обнаружить и в других хеттских текстах, напр., в KUB XX 10 V 5 в сочетании *ZU-UP-PA-RU ša-a-ku-u̯a-an* ʻвидимый факел' [1].

Как показывают рассмотренные выше факты, в настоящее время можно считать твердо установленным наличие в хеттском языке глагола *šakuu̯ai-* ʻсмотреть, видеть', связанного с именной основой *šakuu̯a* ʻглаза'. Об архаичности этого глагола в хеттском языке свидетельствует его употребление в архаичных по языку хеттских законах (см. выше) и мифологических текстах (напр., в древнем мифе о Телепинусе, KUB XVII 10 II 16). Поэтому обоснованным является предположение о принадлежности этого глагола, как и связанного с ним имени существительного *šakuu̯a*, к древнему фонду хеттской лексики. С фонетической и семантической стороны безупречным представляется сравнение хеттского *šakuu̯ai-* ʻвидеть, смотреть' с готским *saihvan* ʻсмотреть, видеть', др.-исл. *sjá*, др.-в.-нем. *sehan*, др.-англ. *sēon*, др.-фризск. *siā*. Ввиду наличия ряда общих явлений в кельтских языках и хеттском значительный интерес представляет наличие соответствующего глагола в кельт-

[1] Возможно, что с причастием *šakuu̯ant-* связан глагол *šakuu̯andariia-* (это предположение давно уже высказывал Гётце: *Götze.* AM. S. 201—203, но в то время значение этого причастия и глагола, от которого оно образовано, еще не было известно). В пользу этой гипотезы говорит чередование написаний *šakuu̯andariia-* и IGI-*u̯a-an-da-ri-ia* (фрагмент 2457/c, II 17, напечатанный в: ZA NF. 1940. Bd. 12. S. 210), где IGI — идеограмма со значением «глаз» (*šakuu̯a*). Объяснить эти написания как «ребусные» нельзя, так как ребусные написания в хеттских текстах встречаются лишь при передаче собственных имен (ср.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 8. С. 45). Значение глагола *šakuu̯andariia-* нуждается в уточнении. Принятое в научной литературе толкование Гётце (*Götze.* AM. S. 201—202) должно быть пересмотрено, так как основной текст, на который опирался Гётце (KUB XVIII 51 II 16 след.), сильно поврежден, благодаря чему интерпретация этого текста у Гётце является по существу произвольной. Следует отметить, что связь глагола *šakuu̯andariia-* с *šakuu̯ant-* ʻвидимый', *šakuu̯ai-* ʻвидеть' помогает уяснить смысл одного из мест анналов Мурсилиса (KUB XIX 35 = 2 BoTU 61 B, пер. ст. I 38), где употреблению глагола *šakuu̯andariia-* предшествует замечание о том, что в тех землях, где находился Мурсилис, прежде не бывал никто из царей Хеттского царства. В этом тексте *šakuu̯andariia-* употребляется, когда речь идет об обозрении Мурсилисом этих прежде неизвестных хеттам земель. Менее ясным является значение *šakuu̯andariia-* в текстах религиозного содержания, где *šakuu̯andariia-* часто сочетается с EZEN ʻрелигиозный праздник'. Но с этим можно сопоставить употребление в религиозных текстах существительного *šakuu̯atar*, которое Римшнейдер считает производным от *šakuu̯a*, см.: *M. Riemschneider.* Augengott und heilige Hochzeit. Leipzig, 1953. S. 177, 180.

ских языках: среднеирландск. *ar-secha* ‘он должен нас видеть’; в кельтских языках имеется и именная основа, родственная хет. *šakuu̯a-*, древнеирландск. *ro-sc* (основа на *-*ō*-) ‘взгляд, глаз’, ср. древнеирландское сложное слово *ubull-ruisc* ‘круглоглазый’ [1]. С указанными глаголами хеттского, германских и ирландского языков сопоставляется также албанское *shoh* ‘(у)видеть, (по)смотреть’ (предположение о заимствованном характере этого албанского слова в настоящее время отвергается большинством специалистов). Представляется несомненным генетическое тождество указанных слов индоевропейских языков.

Тематический тип хет. *šakuu̯a*(*i*) ‘видеть’ может быть сопоставлен с тематическим образованием настоящего времени родственного сильного глагола (V класса) в германских языках, ср. выше об отражении основы на *-*o*- в хет. *šakuu̯a* ‘глаза’ и ирл. *ro-sc*. Другие формы, образованные от данного корня в германских языках (напр., именные основы: гот. *siuns* «зрение» < *sek^w-nis* [2], англ. *sight* < *sek^w-ti*), ясно показывают суффиксальный характер тематического гласного. Следовательно, в хет. *šakuu̯-a-*, *šakuu̯-a*(*i*), можно выделить тематический суффикс и корень *se/ok^w-. Этот корень в гот. *saihvan* часто отождествляется с корнем лат. *sequi* ‘следовать’ («следовать глазами, взглядом» > «видеть, смотреть») [3]. Но факты хеттского языка в сочетании с фактами других родственных языков показывают, что значение «видеть» для производного от данного корня является очень древним; поэтому, если хет. *šakuu̯a*(*i*)- связано с лат. *sequi*, то следует предположить, что значения «следовать» и «видеть» у этого глагола сочетались уже в период исторической общности индоевропейских диалектов. В этом случае хеттское название органа зрения следует признать вторичным производным от глагола со значением «видеть». С этим следует сопоставить то, что название «уха» в хеттском языке, как и в кучанско-карашарском, является производным от глагола со значением «слышать»: ср. хет. *ištamana* ‘ухо’: *ištamaš-* ‘слышать’ (ср. сходное по характеру, но произведенное от другого корня образование: карашарское *klots* ‘ухо’, кучанск. *klautso* : карашарское *klyos* ‘слышать’, кучанск. *klyaus-*, корень *$\hat{k}leu$- : рус. *слышать* и т. п.). В настоящее время можно считать несомненным, что хет. *šakuu̯a-* ‘глаза’, как и многие другие хеттские названия частей тела, образовано от корня, входившего в общеиндоевропейский фонд,

[1] *Thurneysen.* A Grammar of Old Irish. Dublin, 1946. § 346. P. 220.

[2] Об архетипе ср.: *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 67.

[3] В этом семантическом развитии некоторые ученые видели явление, характерное для языка охотников, ср.: *J. Vendryes.* Sur quelques mots de la langue des chasseurs // Archivium linguisticum. I. Glasgow, 1949. P. 23—29; *E. Polomé.* Notes sur le vocabulaire religieux du germanique // La nouvelle Clio. 1954. T. VI. № 1/2. P. 41.

ср. выше об *aiš* ‘рот’, *arra-* ‘After’, *ḫant-* ‘лоб’, *kir*, *kard-* ‘сердце’, *keššar* ‘рука’, *paltana-* ‘плечо’, *genu-* ‘колено’, *paršna-* ‘часть ноги’, *pat*(*a*)- ‘нога’ (§ 42, 44, 58, 60, 66, 75, 76, 81, 85).

Число слов хеттского языка, для которых предполагается индоевропейское происхождение, не ограничивается производными от корней, рассмотренных в настоящей главе. Но для целей настоящей книги целесообразно ограничиться анализом рассмотренных выше глагольных и именных основ, так как этимология ряда других хеттских слов не может в настоящее время считаться столь же достоверной [1].

Что же касается этимологического рассмотрения хеттского словаря в целом, для его полного анализа существенно выявление слов, представляющих собой заимствования (иногда достаточно древние) из неиндоевропейских языков, которые оказали влияние на хеттский, прежде всего из сакрального хаттского языка и хурритского языка. Оба эти языка, согласно новейшим разысканиям, относятся к северо-кавказским (хурритский — к восточной их подгруппе, хаттский — скорее всего к западной), но в хеттском есть и другие вероятные северо-кавказские заимствования, не выводимые из известной нам хаттской и хурритской лексики. Вычленение этого слоя в хеттском сделает индоевропейскую часть его этимологического анализа более надежной.

[1] Некоторые этимологии хеттских слов, не являющиеся в настоящее время бесспорными, указывались в ходе предшествующего изложения. В той мере, в какой привлечение некоторых других слов оказывается необходимо для освещения фонетических вопросов, эти слова рассматриваются в следующей главе.

Глава вторая

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей главе книги анализируются особенности структуры представленных в хеттском языке индоевропейских корневых морфем. При этом рассматриваются лишь те вопросы, которые имеют значение для построения общей теории структуры индоевропейского корня. Не имеющие прямого отношения к этой проблеме частные вопросы сравнительно-исторической фонетики хеттского языка (напр., вопрос об отражении в хеттском языке индоевропейского различия между смычными глухими и звонкими) в данной главе не разбираются. Изложение ведется в такой последовательности: сначала рассматривается вопрос об огласовке корня. С этим вопросом связана проблема сохранения в хеттском языке структуры корней, изменившихся в других языках в результате редукции гласного (хет. *tekan*, *tagn-* 'земля'). За параграфами, посвященными этим вопросам, следует раздел, в котором рассматривается вопрос о хеттском *ḫ*. Ввиду исключительной важности этого вопроса для теории индоевропейского корня, проблеме хеттского *ḫ* уделяется особое внимание в настоящей работе. В заключение дается обзор представленных в хеттском языке структурных типов индоевропейских корней.

§ 87. Огласовка корня

В хеттском языке отражена характерная особенность индоевропейской морфологии, заключающаяся в изменении огласовки корня в зависимости от морфологического типа образования и от характера присоединяемого к корню суффикса [1]. Чередования гласных в корне характерны в особенности для

[1] См. формулировки этой закономерности в работах: *В. А. Богородицкий.* Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. Казань, 1917. С. 72; *Мейе.* Введение. С. 173—174.

хеттского глагольного формообразования и словообразования; целый ряд архаичных именных основ также характеризуется чередованием гласных.

Соответствие огласовки корня в хеттском языке огласовке аналогичных форм в других индоевропейских языках особенно отчетливо устанавливается в тех случаях, когда корень имеет огласовку **ĕ* (*e* или *i* в хеттской графике). Хеттские корневые глаголы спряжения на *-mi* имеют в формах единственного числа настоящего времени огласовку **ĕ*, как и соответствующие глаголы других индоевропейских языков: хет. *eš-zi* (§ 1) : гр. ἐστι, старолитовск. *es-ti*, лат. *est*, гот. *ist*; ср. *kuen-zi* (§ 3), *uek-zi* (§ 4), *neku-zi* (§ 11), *šeš-zi* (§ 14) и т. п. Точное соответствие огласовки **ĕ* в хеттском и других индоевропейских языках наблюдается и в древних глагольных производных основах: огласовка хеттского глагола *uer-iia-* (§ 25) аналогична огласовке гр. εἴρω < *uer-i̯ō*.

Корневая огласовка **ĕ* является древней в целом ряде архаичных производных именных основ: хет. *milit* (*melit*, § 63) : гр. μέλι(τ); хет. *genu* (§ 66) : лат. *genu*; хет. *ped-an* (§ 81) : гр. πέδον, др.-исл. *fet*, арм. *het*; хет. *ešḫaš* (§ 83) : лат. *erus*. Характерная для индоевропейских именных основ ср. р. на **-es-* огласовка корня **ĕ* отражена в хет. *nepiš* (§ 78) : гр. νέφος; рус. *небо*. Сравнение с данными родственных языков позволяет установить архаичность огласовки **ĕ* в некоторых прилагательных: *neua-* (§ 80) и *mekki-* (§ 51).

В других именных основах огласовка **ĕ* оказывается характерной только для хеттского и некоторых других индоевропейских языков, тогда как в большинстве родственных языков соответствующие основы имеют корень в ступени **o*. Общеиндоевропейское название «ночи» восходит к архетипу **nok^{w}-t* (§ 11); только в хеттском *nekut* ‘вечер’ и кучанском *nekciye* ‘вечером’ засвидетельствована огласовка **e* [1]. В хеттском языке эта особенность огласовки производного существительного может быть связана с сохранением корневого глагола *neku-* (§ 11), исчезнувшего во всех других индоевропейских языках.

Особый случай представляют хеттские производные от индоевропейского названия «кости» (§ 62). Во всех подгруппах индоевропейской семьи языков слова этого корня имеет огласовку **o*. В хеттском же языке наряду с огласовкой **o* (*ḫaš-tai-*, *ḫaštal-*) засвидетельствована и огласовка **e* (*ḫešta-* и производные от *ḫešta-*, см. § 62). Наличие в хеттском языке таких основ, как *nekut-* и *ḫešt-*, представляет исключительный интерес. Эти факты показывают, что в настоящее время было бы преждевременно говорить о наличии в каких-либо индоевропейских основах «*o*, не находящегося в чередовании с *e*». Огласовка *o* во всех основах, образованных от какого-либо корня, не исключает

[1] Ср.: *W. Couvreur.* B-Tocharische Etymologien // AOr. 1950. Vol. 18. № 1/2. S. 127. Ср. также рус. *нетопырь*, возводимое Мейе к **nek^{w}to-piri-*.

того, что в дописьменный период могли существовать родственные слова с огласовкой **e*, которые остались неизвестны науке так же, как не были известны в начале нашего века хет. *nekut-*, кучанское *nekeiye* и хет. *ḫešt(a)-* [1].

В таких хеттских основах, как *nepiš*, *melit* и т. д., можно установить наличие краткого **ĕ*, соответствующего краткому *ĕ* в других индоевропейских языках. В других случаях хеттскому корневому гласному, обозначаемому в клинописи как *e* или *i*, соответствует в родственных языках долгий гласный **ē*, являющийся «ступенью удлинения» корневого **ĕ*. Количество гласных не находило отражения в хеттской клинописи [2], но можно предполагать, что в хетто-лувийском отражалось различие между основной ступенью **ĕ* и ступенью удлинения **ē* корневого гласного **ĕ* (ср. ниже о различии между корнями с основной ступенью **ĕ* и корнями с основной ступенью **ē*).

Хеттское корневое имя существительное *ki-ir* (*gi-ir*) ʻсердцеʼ генетически тождественно греч. *κῆρ*, прусскому *seyr* (§ 42). Поэтому можно думать, что хет. *ki-ir*, *gi-ir* восходит к **kēr*. Поскольку корневое имя существительное *u̯id-* ʻводаʼ (§ 53) принадлежит к тому же структурному типу хеттских корневых имен, можно предположить наличие долгого гласного и в этом слове. Представляется, что в пользу этой гипотезы говорят данные лувийского языка. Хеттскому краткому **ĕ* соответствует *a* в лувийском, палайском и иероглифическом хеттском. Это фонетическое соответствие наблюдается во всех случаях, когда в названных древних языках Малой Азии обнаруживается слово, родственное хеттскому слову с кратким *ĕ* (из индоевропейского краткого **ĕ*), ср. хет. *eš-* : лув., пал., иер. хет. *aš-* (§ 1), хет. *melit* : лув. *malit* (§ 63) и т. п. Между тем, хеттскому корневому *u̯id-* ʻводаʼ в лувийском соответствует *u̯id-* (вин. пад. *u̯id-anza* § 53). Объяснением этого соответствия может быть то, что хет. *u̯id-* и лув. *u̯id-* восходят к **u̯ēd-* (ср. ступень удлинения корневого гласного в однотипных корневых именах других индоевропейских языков). В

[1] Это представляется тем более существенным, что дополнительные аргументы в пользу существования двух **o*, основанные на фактах армянского и индоиранских языков, в настоящее время нельзя считать бесспорными. Наличием двух **o* (одного **o*, чередовавшегося с *e*, и второго *o*, не чередовавшегося с *e*) иногда объясняли так. наз. «закон Бругмана» в индоиранском, но в настоящее время Курилович показал чисто индоиранское происхождение этого явления, см.: *J. Kuryłowicz.* Tzw. prawo Brugmanna w indoirańskim // Rozprawy komisii orientalistycznej. Warszawa, 1952. № 4. С. 58—62. Относительно армянского языка ср.: *J. Kuryłowicz.* Reflexions sur l'apophonie qualitative en indo-européen // Word. 1950. Vol. 6. № 3. P. 206; ср. также: *H. Pedersen.* Wie viel Laute gab es im Indogermanischen? // KZ. Bd. 36. S. 86—103; *А. А. Асмангулян.* Против гипотезы о «двуприродности» армянского языка // Вопросы языкознания. 1953. № 6. С. 29.

[2] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 47. P. 23—24.

то время как общехетто-лувийское краткое **ĕ* дало в лувийском *a* (**mĕlit* > *malit* и т. п.), общехетто-лувийское долгое **ē* могло дать одинаковое отражение в односложных словах в хеттском и лувийском: хет. *u̯id-*, лув. *u̯id-* < **u̯ēd-* [1].

В других случаях определение количества гласного в основах, образованных от корней с основной ступенью **ĕ*, является более проблематичным. Сравнение хет. *kišri* (*kešri*) и ирл. *cīr* < **kēs-rā-* (§ 32), хет. *etri* и лит. *ėd-ra* (§ 2) позволяет установить, что в именных основах на **-r-o-*, **r-ā*, соответствовавших хеттским основам на **-r-i-*, в некоторых индоевропейских языках гласный **e* был в ступени удлинения. Но поскольку в хеттском за суффиксом **-r-* следовал другой вторичный суффикс (**-i*), данные образования могли быть не полностью тождественными, т. е. огласовка корня в хет. *kišri* могла отличаться от огласовки корня в ирл. *cīr*. К основам типа *kišri* близки основы на **-r-u* типа *ešḫaḫru* (§ 55), но сравнение с др.-инд. *asra* (§ 55) позволяет думать, что гласный **e* в этой основе был кратким, как и в генетически связанной с *ešḫaḫru* основе *ešḫar* (др.-инд. *ásr̥-k*, греч. ἔαρ) [2].

Помимо корней, где основной ступенью («первым полным видом») огласовки является краткое **ĕ*, в хеттском языке отражается долгое **ē* в корнях, где долгое **ē* выступает в качестве основной ступени огласовки. Для изучения различий между этими двумя видами *ē* в хеттском языке особенно показательно отражение индоевропейских корней **ĕs-* ʻбытьʼ (§ 1) и **ēs-* ʻсидетьʼ (§ 22). В действительном залоге хеттские корневые глаголы, восходящие к этим корням, спрягаются по типу спряжения на *-mi*. Различие между *ĕ* и *ē* в хеттской графике не передается, поэтому активные формы глаголов *eš-* ʻбытьʼ и *eš-* ʻсидетьʼ являются омографами, ср., напр., 3 л. ед. наст. вр. *e-eš-zi* ʻ(он) сидитʼ (гр. ἧσ-, др.-инд. *ās-*) и *e-eš-zi* ʻон естьʼ (гр. ἐσ-, др.-инд. *as-*). Эти формы двух указанных глаголов очень часто встречаются в хеттских текстах. Предположение о том, что они были омонимичны, представляется маловероятным. Омонимичность этих форм привела бы к затруднениям при общении, поскольку активные формы этих глаголов употребляются в сходном контексте и часто не могут быть разграничены, если исходить только из общего

[1] Различное отражение *e* в лувийском *u̯id-* < **u̯ēd-* и *u̯aštara* < **u̯ēs-tor* (хет. *u̯eštara*, авест. *vāstar*, § 23) может объясняться двумя причинами: во-первых, в **u̯ēs-tor *ē* находилось в середине слова перед группой согласных (а не в односложном слове перед одним согласным, как в *u̯id*); во-вторых, *ē* в данных двух словах различного происхождения: *ē* в **u̯ēd-* — это ступень удлинения корневого **ĕ*, тогда как *ē* в **u̯ēs-tor*, по-видимому, является «первым полным видом» корневого **ē* (см. ниже).

[2] Бенвенист (*Benveniste.* Origines. P. 8) считал, что хеттское написание *e-eš-ḫar* говорит о долготе *e*, см. по этому поводу: *H. Pedersen.* Hittitisch. S. 4, где предполагается несостоятельность аргументации Бенвениста. Относительно огласовки корня в этом слове ср.: *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 29, 35.

смысла предложения [1]. Поэтому следует думать, что одно и то же написание *e-eš-zi* могло передавать две различных формы двух разных слов: [*ĕszi*] ‘(он) есть’ и [*ēszi*] ‘(он) сидит’. Если эта гипотеза правильна, то можно предполагать, что в хеттском языке существовало фонологическое различие между кратким *ĕ* и долгим *ē*.

Долгое *ē*, являющееся основной ступенью огласовки корня, отражается в глаголе *ep-* (§ 5), как показывает сравнение с др.-инд. *āp-* и лат. *ap-* < **əp-*. Этот глагол представляет особый интерес для исследования изображения *ē* в хеттской клинописи. Наряду с обычным написанием *e-ip-ta* (ср. *e-ip-pu-un* в таком древнем тексте, как завещание Хаттусилиса: HAB II 8) в текстах встречается написание *a-ip-ta*, KBo V 6 I 11. Чтение обоих написаний одинаково: *eipta* = *aipta* = [*ēpt*]. Краткий гласный *e* мог передаваться посредством *e* или *i* в хеттской клинописи (как и долгий гласный в *e-ip-ta*), но сочетание *ai* никогда не использовалось для передачи краткого *ĕ*. Поэтому с написанием *aipta* = [*ēpt*] можно сопоставить написание *dai-* в ряде форм глагола, соответствующего др.-инд. *dhā-*, греч. θη- < **dhē-* (§ 16), ср. такие формы, как *dai-tti*, *dai-tteni* (где *-ti*, *-tteni-* глагольные окончания) и т. п.

Глагол, соответствующий др.-инд. *dhā-* < **dhē-*, в хеттской графике передается трояким образом. В ряде форм выступает основа *tiia-*, где *-ia-*, возможно, восходит к глагольному суффиксу **-io-* (ср. § 16). Написание *ti-* засвидетельствовано только перед последующим *-ia-*. Перед глагольными окончаниями, начинающимися с *ḫ*, обычно написание *te-*: *te-ḫḫi*, *te-ḫḫun*. Перед всеми другими глагольными личными окончаниями, которым не предшествует *-ia-*, данная основа пишется как *dai-*. Поскольку в *tiia-*, возможно, отражается суффикс **-io-*, спорным является толкование написания *dai-*, которое, с одной стороны, может быть сопоставлено с написанием *aipta* = [*ēpt*] (см. выше), с другой стороны, может связываться с наличием суффиксального **-i-* (ср. § 16). Написание *ti-* в *tiia-* близко к написанию *te-* в *te-ḫḫi*, так как *i* может в хеттском письме передавать гласный, восходящий к **ĕ̄*, ср. сходство в написании начального согласного в *te-* и *ti*: *te-ḫḫi*, *tiiaueni-* при *daitti* [2] и т. п. Но определение количества гласного в формах *teḫḫi*, *tehhun* затруднительно.

[1] В этом отношении показательны трудности, которые современные хеттологи испытывают при переводе формы *e-eš-zi* в некоторых предложениях, где она может означать и «(он) сидит», и «(он) есть», см.: *H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1952. Vol. 6. № 1, комментарии к таблице I «Песни об Улликумми».

[2] Относительно особенностей обозначения начального согласного данного корня в хеттской графике ср.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 73; *H. Otten.* Hethitisch und Indogermanisch // Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse / Deutsche Akademie der Wissenschften zu Berlin. 1953. Jg. 2. H. 5. S. 235.

Сравнение с родственными языками в данном случае не может иметь доказательной силы, так как долгий гласный в др.-инд. *dhā-* и гр. ϑη- может быть результатом вторичного развития, связанного с исчезновением фонемы, которая в хеттском языке сохранилась в виде *ḫ* в формах типа *te-ḫḫi*, *te-ḫḫun* [1] (ср. ниже). Поэтому хеттское *e* в *teḫḫi*, *teḫḫun* могло быть и кратким гласным.

Не во всех случаях при сравнении с родственными языками можно отличить корни, где основной ступенью (первым полным видом) огласовки корня было **ĕ* краткое, от корней, где основной ступенью огласовки было **ē* долгое. В хеттском существительном *u̯eštara* отражен долгий гласный, насколько можно судить на основании сравнения с авест. *vāstar* (§ 23) [2]. Поскольку в существительных этого типа корневой гласный обычно находился в основной ступени, нет оснований считать, что **ē* в *vāstar* < **u̯ēs-tor* является ступенью удлинения. Поэтому можно было бы предположить, что **u̯ēs-* принадлежит к числу корней, где долгий гласный был основной ступенью огласовки. Но данные для такого заключения нельзя считать достаточными, так как в древнеиранском данный корень известен только в производных именных основах, где долгота гласного могла быть обусловлена факторами позднейшего происхождения, напр., аналогическим воздействием других именных производных от того же корня (ср., напр., хет. *u̯eši-*, где гласный мог быть в ступени удлинения, ср. однотипное ст.-сл. **рѣчь** < **rēki-*, кучанское *reki* от корня *rek-*).

Если количественное чередование **ĕ* и **ē* в корнях, где основной ступенью огласовки было **ĕ* краткое, может быть установлено только благодаря сравнению с родственными языками, то количественное чередование **ĕ̄* и нулевой ступени огласовки корня в некоторых архаичных формах, образованных от корней тех же типов, в хеттском языке обнаруживается очень отчетливо. Огласовке **e* в формах единственного числа настоящего времени корневых глаголов спряжения на *-mi* типа *ku-en-zi* (3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *ku̯en-*, § 3) противопоставляется нулевая ступень огласовки в формах множественного числа типа *ku-na-an-zi*. Противопоставление по огласовке хеттских форм *ku̯enzi* : *kunanzi*, генетически тождественных др.-инд. *hánti* : *ghnánti* (*g*^{w}*hén-ti* : *g*^{w}*hn-énti*), стало уже классическим примером отражения индоевропейского аблаута в хеттском языке [3]. Но следует отметить, что противопоставление по огласовке форм единственного и множественного числа глагола *ku̯en-* (и некоторых других хеттских глаголов того же типа) в хеттском языке

[1] По отношению к корням *eš-* ʻсидеть’ и *ep-* ʻхватать’ такое затруднение не возникает, так как в хеттском языке корневой гласный в этих глаголах не сочетается с *h* (относительно более раннего состояния ср. ниже).

[2] Об огласовке данной основы в лувийском см. выше, примечание 1 на с. 330.

[3] Ср., напр.: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 52. Ср. также литературу, указанную в § 3.

сохранилось только в формах 3 л.[1], причем вся парадигма мн. ч. наст. вр. данного глагола в письменный период развития хеттского языка перестраивалась по иному типу. Наряду с архаичной формой 3 л. мн. ч: *ku-na-an-zi* встречается новообразование *ku-en-na-an-zi* (KUB XVII 35 I 32) с огласовкой *e* (как в единственном числе). Архаичные формы 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч. наст. вр. не засвидетельствованы; в памятниках встречаются только формы с огласовкой *e*: 1 л. мн. ч. *ku-en-nu-um-me-e-ni* (вариант *ku-en-nu-um-mi-e-ni*), 2 л. мн. ч. *ku-en-na-at-te-ni*[2]. Характерно, однако, что форма 3 л. мн. ч. повел. наклонения сохранила архаичную огласовку: *ku-na-an-du*, соответствующую ведийскому *ghnántu* ʻпусть бьютʼ[3] (ср. 3 л. ед. ч. хет. *ku-en-du, ku-in-du* : др.-инд. *hántu* ʻпусть бьетʼ), тогда как в форме 2 л. мн. ч. повелительного наклонения обнаруживается огласовка *e*: *ku-en-tin*. Эти факты показывают, что количественное чередование в личных формах глагола было архаичным явлением, постепенно устранявшимся в процессе развития хеттского языка. Понятно поэтому, что древнее различие между формами с огласовкой **ĕ* и формами с нулевой огласовкой корня сохраняется всего отчетливее в таких изолированных архаичных формах, как *it* ʻиди!ʼ и *e-ḫu* ʻприходиʼ (от корня **ei-*, § 15). В индоевропейских языках известны две формы 2 л. ед. ч. повелительного наклонения от глагола **ei-/i-* ʻидтиʼ: одна форма представляет собой основу в ступени огласовки *e* с нулевым суффиксом (к которой впоследствии в некоторых языках, в частности в литовском, могли присоединяться окончания), другая форма представляет собой сочетание основы в нулевой ступени огласовки с частицей **-dhi*. В греческом языке представлены обе формы. Согласно изложенному в § 15 пониманию хеттской формы *eḫu*, в хеттском языке, как и в греческом, отражены оба типа образования формы 2 л. ед. ч. повелительного наклонения; присоединение к основе **ei* > *e* окончания *-ḫu-* можно сопоставить с аналогичным процессом в литовском *eĩ-k*(*i*) при латинском *ī* (ср. латышское *ej* ʻиди!ʼ)[4]. Соотношение двух типов образования формы 2 ед. ч. повелительного наклонения можно представить в следующем виде:

[1] Следует в этой связи отметить, что в «Ригведе» данный корень в виде *ghn* < **g^{w}hn-* встречается также только в формах 3 л. мн. ч. (наст. вр. и повел. накл.), имеющих точное соответствие в хеттских текстах.

[2] Стертевант без достаточных оснований приводит формы с огласовкой *e*, не в парадигме глагола *kuen-*, а в парадигме глагола **kuennai-* (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 318. P. 162, ср. § 301, p. 151). Более точную картину спряжения глагола *kuen-* дает Фридрих: Краткая грамматика. § 171. С. 90. Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. P. 128) неполно освещает данный вопрос, так как не приводит форм позднейшего происхождения.

[3] См. об этом соответствии: *Мейе.* Введение. С. 250.

[4] Ср.: *J. Endzelīns.* Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951. § 601 в. С. 723.

Язык	Основа в ступени огласовки *e*	Основа в нулевой ступени огласовки (+ частица *-*dhi*)
общеиндоевропейский	**ei*	**i*(-*dhi*)
индоиранский		др.-инд. *i-hí*, авест. *i-ði*
греческий	(ἴ̈ξ-)ει	ῐ̈-θι
хеттский	*e*(-*ḫu*)	*i-t*
балтийские	лит. *eĩ-k*(*i*)	
латинский	*ī*	

В хеттском языке данное различие в огласовке связано с различением залогов (*eḫu* — медиопассивная форма, *it* — активная). Семантическое различие между формами *eḫu* ‘приходи!’ и *it* ‘иди!’ может быть в известной мере связано с более поздним включением этих форм в парадигмы производных глаголов (*uu̯a-* и *pai-* § 15), но грамматические (залоговые) различия могут отражать древнее состояние [1].

Для установления относительной хронологии развития количественного чередования гласных в хеттском языке очень показательны рассмотренные в § 27—32 соотношения между двумя типами глаголов на *-*es*-. В хеттском языке отражены два общеиндоевропейских типа глаголов на *-*es*-: глаголы с суффиксом в ступени огласовки *e*, принадлежащие к спряжению на -*mi*, и глаголы с суффиксом в нулевой ступени огласовки (*-*s*- + *-*o*-), принадлежащие к спряжению на -*ḫi*. Как показывает сравнение архаичных производных на *-*so*- (напр., **ed-so*- > *ezza*-, § 2, **d*^{h}*eb*^{h}*-so*- > *tepša*-, § 47, ср. о **kes-so*- в § 32 и т. п.) с архаичными производными на *-*es*- (**u̯-es*- > *u̯eš*-, § 28), ступень огласовки корня в производных этих типов была закономерно связана со ступенью огласовки суффикса. Когда суффикс выступает в ступени огласовки **e*, корень имеет нулевую ступень огласовки (*u̯-eš*-, § 28); когда суффикс выступает в нулевой ступени огласовки (*-*s*- с последующим тематическим гласным), корень имеет огласовку *e*- (**ed-s*-, § 2; **d*^{h}*eb*^{h}*-s*-, § 47; **kes-s*-, § 32 и т. п.). Это закономерное соотношение показывает, что в хеттском сохранились древние индоевропейские двучленные основы, дифференцировавшиеся

[1] Данный вопрос нуждается еще в дополнительном изучении в связи с проблемой происхождения хеттского глагольного окончания повел. накл. -*ḫu* (которое, повидимому, также относится к окончаниям медиопассива на -*ḫḫ*-, как окончание 3 л. мн. ч. повелит. накл. -*nt-u*- к другим окончаниям 3 л. мн. ч. на -*nt*-).

в зависимости от огласовки корня и суффикса [1]. Но данный принцип образования производных глаголов на *-*s*- перестал действовать задолго до создания древних письменных памятников. Как указывалось в § 45 (в связи с анализом глагола *park-eš*-), некоторые хеттские глаголы на *-*es*- благодаря исчезновению непроизводных глаголов, от которых были образованы производные на *-*es*-, стали соотноситься только с именными основами, напр. *park-eš*- : *park-u*- вместо более древнего *$b^herĝ^h$- (кучанско-карашарское *park*-, *pärk*- : хет. *park-eš* < *$b^hr̥ĝ^h$-*es*- : *park-u*-).

Позднее благодаря этому стало возможно образование многочисленных отыменных глаголов на -*eš*-. Если для древних отглагольных производных на -*es*- (включая архаичные глаголы типа *park-eš*-) характерно указанное выше закономерное соотношение огласовки корня и огласовки суффикса, то по отношению к более поздним отыменным производным на -*eš*- в хеттском языке данная закономерность уже не действовала. Для установления различия между двумя хронологическими слоями хеттских глаголов на *-*eš*-/*-*s*- показательно сопоставление двух производных, восходящих к корню *d^heb^h- (§ 47). Архаичный глагол *d^heb^h-*s*-(*o*)- (сохранившийся только в производных *tepš*(*a*)-*nu* и *tepš*(*a*)-*u̯atar*) построен по указанному выше принципу (корень в основной ступени огласовки + суффикс *-*s*- в нулевой ступени огласовки). Между тем, отыменной глагол на -*eš*- *tepau̯-eš*- (от *tepu*-) не характеризуется этим закономерным соотношением огласовки суффикса и огласовки основы, от которой образуется производный глагол на -*eš*- [2]. На основании изучения глаголов этого типа можно сделать следующий вывод об относительной хронологии данных явлений: закономерное соотношение между огласовкой корня и огласовкой суффикса в хетто-лувийском уже не имело обязательной силы в эпоху, когда стало возможным образование отыменных глаголов на -*es*-. Закономерная связь огласовки корня и огласовки суффикса характерна только для тех хеттских основ, которые восходят к общеиндоевропейской эпохе и к древнейшему периоду развития хетто-лувийского. Более поздние образования уже не отвечают этой закономерности. Таким образом, как изучение глагольного словообразования, так и изучение глагольного словоизменения (ср. выше о парадигме глагола *ku̯en*-) показывает, что явления количественного аблаута в хеттском языке не были живыми и продуктивными.

[1] См. детальный анализ ряда архаичных индоевропейских основ этого типа в исследовании Э. Бенвениста (*Benveniste.* Origines, особенно главы 9—10; указанные выше факты, относящиеся к глагольному словообразованию, Бенвенистом в его работе об именном словообразовании не были использованы).

[2] В отыменных производных на -*eš* глагольный суффикс обычно присоединяется не непосредственно к корню, а к суффиксу имени (исключения типа *park-eš*- являются архаичными образованиями, ср. выше).

В системе имени следы количественного аблаута также сохраняются лишь в наиболее архаичных образованиях. Закономерное для древнейших именных основ соотношение полного вида огласовки корня и нулевой ступени огласовки первичного суффикса отражается в таких именах, как *melit* (лувийское *mallit*, *malli* < **mel-i-*, § 63), и в производных на *-r-* типа *ešḫar* (др.-инд. *as-ṛ*, § 55), ср. *ešri* < **es-r-*(*i*) (§ 1), *etri* < **ĕd-r-*(*i*) (§ 2), *kišri* < **kĕs-r-*(*i*) (§ 32). Благодаря сравнению с родственными языками можно установить принадлежность к этому же типу основ среднего рода на *-u-*: *genu* < **gen-u-* (лат. *genu*, § 66) и *taru* < **dor-u-* (гр. δόρυ, § 67). Отличительной особенностью хеттского языка было то, что в хеттских именных основах лишь в редких случаях сохраняются параллельные парные образования от одного и того же корня типа рус. *дéрево* : *дровá*, гр. δόρυ : δρυ-(ός), др.-инд. *dáru* : *dróḥ*. Наличие двух параллельных именных форм, образованных от одного корня и различающихся ударением и взаимно связанной огласовкой корня и первичного суффикса («Vollstufe I» и «Vollstufe II» Хирта, I и II формы по терминологии Куриловича, «биномы» Бенвениста) [1], являлось отличительной особенностью древних индоевропейских языков. Но в хеттском языке некоторые корни имеют однотипную огласовку во всех производных именах, ср. выше об обобщении огласовки *e* в парадигме глагола *kuen-*. Обобщение какой-либо одной ступени огласовки в некоторых случаях может восходить к глубокой древности. Как показал в своей работе Аммер, нулевая огласовка корня **dei-* в др.-инд. *dyu-*, *Dyauḥ*, греч. Ζεύς и т. п. должна быть признана очень архаичной, так как основы данного структурного типа (начинающиеся с взрывного + **y*) в древних индоевропейских языках сохранились в редких случаях [2]. Поэтому значительный интерес представляет то, что во всех производных от данного корня в хеттском языке и родственных языках Малой Азии (см. о *šiu-* и словах, генетически связанных с *šiu-* в § 68) отражается основа **di-*(*e*)*u-* [3], где корень **dei-* выступает в нулевой ступени. Обобщение нулевой

[1] Ср., напр., о таких парных образованиях, связанных с общеиндоевропейским названием «дерева» (хет. *taru*) в работах: *H. Hirt.* Indogermanische Grammatik. II. S. 172; *Benveniste.* Origines. P. 54, 86, 178—179 (позднее Бенвенист вернулся к этой проблеме в статье: *E. Benveniste.* Problèmes sémantiques de la reconstruction. Linguistics today // Word. 1954. P. 259); *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. P. 150, примеч. 2; P. 93, 94 (с дополнением на р. 237), 137, 143—144, 150, 152, 228.

[2] *K. Ammer.* Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Wien, 1952. Bd. 2. H. 4. S. 203.

[3] Различие между **-eu-* и **-u-* в хеттском языке не отражается, так как дифтонг **-eu-* монофтонгизировался в хеттском и совпал с *u* из **-u-*. Поэтому различие между **-eu-* и **-u-* можно установить только на основании сравнения с родственными языками (напр., *-u-* отражается в *iuk-an-* по свидетельству др.-инд. *yugám*, гр. ζυγόν и т. п.,

ступени в ряде хеттских производных от **dei-u̯-* могло быть связано с известным законом, согласно которому при присоединении вторичного суффикса к основе, имеющей один суффикс, корень принимает нулевую ступень огласовки [1], ср., напр., *ši-u̯-att* < **di-u̯-ot* (ср. др.-инд. *dyut*, § 68).

Во всех рассмотренных выше случаях нулевой огласовкой характеризуются корни, где основной ступенью огласовки в других индоевропейских языках было **ĕ* краткое. Общеиндоевропейский глагол со значением «класть» во всех индоевропейских языках кроме хеттского имел основную ступень огласовки **ē* (греч. θη-, др.-инд. *dhā-*); количество гласного в хеттских формах типа *te-ḫḫi* (§ 16) остается неясным. Но исключительный интерес представляет наличие в хеттском языке основы, образованной от данного корня в нулевой ступени огласовки, — итеративного глагола *zikk-* (3 л. ед. ч. наст. вр. *zi-ik-ik-ki-iz-zi* ‘он кладет’, 3 л. мн. ч. *zi-ik-kán-zi* ‘они кладут’). В настоящее время общепризнано, что основу *zikk-* следует анализировать как [*t-sk-*] (ср. *azzik-* от *ed-*/*at-*, § 2) [2]. Следовательно, данный корень в хеттском языке в нулевой ступени огласовки характеризовался полным отсутствием гласного (как корни с основной ступенью огласовки **ĕ*, ср. **g^{w}hn-* > хет. *kun-* в *kunanzi* от *ku̯en-* < **g^{w}hen-* и т. п.).

С вопросом о количественном (и качественном) аблауте в хеттском языке тесно связана проблема хеттских глагольных и именных форм с огласовкой *a*. При исследовании данной проблемы следует учитывать то, что звуки, передаваемые посредством *a* в хеттской клинописи, имеют различное происхождение. Хеттское *a* соответствует долгому **ā* других индоевропейских языков в хет. *ta̯ia-* (§ 39), *ḫašša-* (§ 84); в *maklant* (§ 61) хеттское *a* соответствует *ā*, чередующемуся с **ə* в других индоевропейских языках (гр. дор. *μᾶκος* : лат. *macer*); ср. также ниже о соответствии хеттского *aḫ* долгому *ā* в других индоевропейских языках в таких словах, как *laḫ*(*ḫ*)-*u̯*(*a*)- (§ 37) и *paḫš-* (§ 27).

Огласовка *a* в хеттском языке обнаруживается в некоторых словах, которые могут быть сопоставлены со словами других индоевропейских языков, имеющими корневой гласный **ă*. Но эти немногочисленные слова имеют особый характер, как и слова других индоевропейских языков с гласным **ă* [3]. Слова хеттского языка, в которых можно предполагать отражение **ă*, явля-

§ 82) или с однотипными образованиями в хеттском языке (напр., *lukk-eš-*, § 10, возводится к **luk-és-* на основании сравнения с глаголами на **-es-* типа *u̯eš-* < **u̯-es-*).

[1] *Мейе.* Введение. С. 280—297.

[2] *Friedrich.* Staatsverträge. I. S. 82; *Pedersen.* Hittitisch. S. 89; *Фридрих.* Краткая грамматика. § 24. С. 49; *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} § 87. С. 66.

[3] Ср. об индоевропейском **ă*: *Мейе.* Введение. С. 124, 414; см. также статью А. Куна (*A. Kuhn.* KZ. 1953. Bd. 71.), посвященную этой проблеме (данные хеттского языка в работе Куна не использованы).

ются названиями родства. Поскольку некоторые названия родства могут принадлежать к так называемому «детскому языку», слова которого могут совпадать по звучанию и в неродственных языках, к определению происхождения этих слов следует подойти с особой осторожностью. Наибольшие сомнения вызывает индоевропейская этимология хеттского слова *atta-* (общ. р.) ʻотец’, которое Мейе считал родственным гр. ἄττα, лат. *atta*, гот. *atta*, ст.-сл. **отьць** [1].

Мейе считал, что это слово было не словом детского языка, а «фамильярным» обращением, с оттенком нежности, к лицу более или менее низшего общественного положения [2]. Но данные хеттского языка не подтверждают этой гипотезы, основанной только на анализе некоторых мест гомеровских поэм. В хеттском *atta-* является единственным словом со значением «отец-родитель» (ср., напр., в древнехеттской надписи царя Аниттаса, 2 BoTU 7 I 9); оно употребляется и в религиозных текстах в сочетании *adduš* DINGIR^{MEŠ} ʻотцы-боги (души умерших предков)’. Тот стилистический (экспрессивный) оттенок, который Мейе предполагает для др.-гр. ἄττα-, у хет. *atta-* отсутствует. Вместе с тем следует отметить два чрезвычайно важных для определения происхождения этого слова обстоятельства: во-первых, слово *atta-* ʻотец’ широко распространено в древних неиндоевропейских языках Передней Азии (хурритское *attai* ʻотец’, эламское *atta* ʻотец’, ср. шумерское *ad*(*a*)- ʻотец’) [3]; во-вторых, ни в одном из индоевропейских языков Малой Азии не обнаружено название «отца», точно совпадающее с хеттским *atta-*. В лувийских текстах встречается слово *tati-* ʻотец’ [4], родственное иероглифическому хет. *tata-* ʻотец’ [5] (с характерным для лувийского переходом в тип склонения на *-i-*, ср. лув. *anni-* ʻмать’: хет. *anna-*, палайское *anna-* ʻмать’). Эти слова лувийского и иероглифического хеттского языков можно сопоставить с др.-инд. *tatá* [6], гр. τατα, лат. *tata*, др.-корн. *tat* ʻотец’, украинским *mamo*, белорусским *mama*

[1] *Мейе.* Введение. С. 125.

[2] *Мейе.* Введение. С. 414. В другой работе, однако, Мейе называет *atta* «словом детской речи», см.: *А. Мейе.* Основные особенности германской группы языков. М., 1952. С. 119, ср. также: *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951. § 141. С. 108; § 570. С. 397.

[3] См.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 38; *И. М. Дьяконов.* О языках древней Передней Азии // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 46.

[4] *Otten.* Luv. S. 52.

[5] Чтение Боссерта (*H. T. Bossert.* Oriens. I. P. 180). Менее вероятно чтение Гельба *tita-* (*J. Gelb.* Bibliotheca Orientalis. 1950. P. 134, 138), но ср. о лувийской основе *tita-* (вариант *tati-* в тексте диалектального характера): *Otten.* Luv. S. 53.

[6] Сравнением иероглифического хеттского *tata-* с др.-инд. *tata-* В. Георгиев открывает список иероглифических хеттских слов с индоевропейской этимологией (Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 60; лувийское соответствие не указано), но при этом не оговаривается особый характер данных названий родства.

и т. п. (ср. рус. *тятя*) [1]. Мейе считал, что **tata* и **atta* являются разными формами одного и того же «слова звательного употребления» [2], но это нельзя считать бесспорным. Расхождение между названиями «отца» в древних индоевропейских языках Малой Азии станет еще более очевидным, если учесть то, что в палайском языке в том же значении выступает существительное *papa-* ‘отец’ [3], ср. рус. *nana*, чешск. и польск. *papa* ‘отец’, гр. *πάππα*. Данные факты показывают, что в хетто-лувийских языках в значении «отец» употреблялись три имени существительных: *atta-* (в клинописном хеттском), *tata-*, *tati* (в иероглифическом хеттском и лувийском), *papa-* (в палайском). Ни одно из них нельзя признать общехетто-лувийским; тем более сомнительным являлось бы предположение о принадлежности их к общеиндоевропейскому фонду. Наличие указанных выше созвучных слов в других индоевропейских языках в данном случае не имеет доказательной силы, так как аналогичные слова с тем же значением и той же фонетической структурой встречаются в самых различных языках мира [4].

Еще более сложную проблему представляет этимология хеттского слова *anna-* ‘мать’, часто встречающееся в сочетании с *atta-* ‘отец’ в хеттских текстах, начиная с древнейших памятников, ср., напр., фразеологическое сочетание *an-nu-uš at-tu-us i-e-it* ‘(он их) сделал матерями и отцами’ (т. е. обращается с ними как с родителями) в надписи царя Аниттаса, 2 BoTU 7, I 9. Слово *anna-* ‘мать’ в хеттском языке является центром словообразовательного гнезда слов (в отличие от *atta-* ‘отец’, не имеющего многочисленных производных): ср. *anna-* (идеограмма AMA) ‘мать’, отвлеченное существительное *anniy̯atar* ‘материнство’ [5], с основой косвенных падежей которого (*ani*(*y̯a*)*nn*(*i*) = идеограмма AMA-*anni*, KUB XXVI 81 I 6) связаны имена родства (^{LÚ})*anninniy̯ami-* ‘двоюродный брат’ [6] и ^{SAL}*anniniy̯ami-* ‘двоюродная сестра’, ср.

[1] Ср.: *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка // Труды Ин-та русского языка. I. М.; Л., 1942. С. 35. В указанной выше статье В. Георгиева (С. 68) приведена форма, известная из других восточнославянских языков (но не из русского).

[2] *Мейе.* Введение. С. 125.

[3] *H. Otten.* Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse. Berlin, 1953. Jg. 2. H. 5. S. 329.

[4] Так, например, *at*(*t*)*a-* ‘отец’ известно не только в индоевропейских языках и в древних неиндоевропейских языках Передней Азии, но и в тюркских языках и в языке эскимосском (см.: *В. П. Богораз.* Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949. С. 188).

[5] *F. Sommer.* ZA. Bd. 33. S. 88. Ср. об *annitalu̯atar* ‘способность рожать детей (?)’: *Zuntz.* Atti del Reale Institute Veneto di Scienze. Lettere ed Arti. T. 96. P. 539.

[6] Значение можно установить по следующему тексту: *A-NA* KUR URU *A-BI-I̯A-ma-aš* ^{I}*Mur-ši*-DINGIR^{LÍM} LUGAL GAL LUGAL KUR ^{URU}*Ḫa-at-ti* DUMU SAL+KU-*ŠU*

также название родства ^{SAL}*annaa̯anna* ʻмачеха’ (употребляется в Хеттских законах, § 190) [1] и, возможно, *annaneka-* ʻсестра (?)’ [2].

Роль основы *anna-* в словообразовании показывает, что слово *anna-* ʻмать’ принадлежит к относительно древнему слою хеттской лексики [3]. Этот вывод подтверждается при сравнении с родственными языками хетто-лувийской группы: слово *anna-* ʻмать’ является общим для клинописного хеттского, палайского [4], иероглифического хеттского [5] и лувийского языков (в лувийском *anna-* перешло в тип склонения на *-i*: лув. *anni-* [6], ср. основу на *-i-*, отраженную в хеттском отвлеченном существительном *anni̯-atar*). Но достоверной индоевропейской этимологии данное слово не имеет, хотя общехетто-лувийское *anna-* можно связывать с др.-инд. *nanā̆-* ʻмама’ (RV 824, 3) [7], албанским

A-NA ^{d}UTU^{ŠI}*-ma-aš a-an-ni-in-ni-i̯a-mi-iš* (KUB XXI I + XIX 6 III 34—36) ʻмоему же отцу Мурсилису, великому царю, царю Хатти, он сын сестры его, моему солнцу (= мне) же он двоюродный брат (*anninni̯ami-*)’ («мое солнце» выступает в качестве постоянного называния хеттского царя, от имени которого составлялся тот или иной документ, во всех текстах новохеттского периода).

[1] И. М. Дунаевская (ЗХЦ. С. 279, примеч. 10) приводит неправильное чтение этого термина; см. о правильном чтении Ehelolf, предисловие к KUB XXIX VI. Возможно, что налицо редупликация (*anna* + *anna*) с *a̯*, развивающимся между двумя гласными, ср. ниже о *ḫannaḫanna* (от *ḫanna*).

[2] По Гётце «единоутробные сестры» (*A. Goetze.* AOr. Vol. 17. № 1. S. 289 и след.). И. М. Дунаевская признает, что *annaneka-* — термин родства, образованный от *anna-* «мать» (ЗХЦ. С. 279, примеч. 12), но выступает против толкования Гётце (как и Фридрих: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 21). Представляется существенным то, что в Хеттских законах параграф, где речь идет об *annaneka-* (§ 191), следует за второй половиной § 190, где речь идет об *annaa̯anna-* ʻмачеха’.

[3] Следует, однако, иметь в виду, что образование некоторых хеттских терминов родства могло происходить уже в начале древнехеттского периода (см. об *antii̯ant-* в § 15), поэтому и термины типа *anninnii̯ami* могли быть образованы приблизительно в тот же период. Но слово *anna*, от которого образованы эти термины, должно было войти в базисный словарь хеттского языка задолго до этого периода.

[4] *H. Otten.* Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse. Berlin, 1953. Jg. 2. H. 5. S. 329.

[5] *I. Gelb.* Bibliotheca Orientalis. 1950. P. 134.

[6] *Otten.* Luv. S. 52, примеч. 153.

[7] Основа **nanā̆-* представляет особый интерес потому, что на этом примере можно проследить образование имени родства на **-ter* на основе слова «детского языка», ср. др.-инд. *nanā-* и *nanāndar*. Бругман (*Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. § 474 I. S. 602) считал возможным дать сходное объяснение индоевропейским названиям «матери» (**mā-ter-*) и «отца» (**pə-ter-*). Рассмотренные выше факты хетто-лувийских языков представляют исключительный интерес для решения проблемы, так как эти названия «матери» и «отца» в хетто-лувийском отсутствуют, причем в их функции выступают другие слова «детского языка». Проблема хетто-лувийских названий род-

nánë, *nënë* ‘мать, мама’ и т. п. так же, как **atta* сопоставляется с **tata* (см. выше). Стертевант считал, что хеттское *anna* генетически связано с *ḫanna-* ‘бабушка’, причем Стертевант предполагал исчезновение начального *h* в *anna-* под влиянием слова *atta-*, с которым *anna* часто сочетается в хеттских текстах [1]. В настоящее время эту гипотезу Стертеванта следует признать несостоятельной. Термин *atta-* ‘отец’ из языков хетто-лувийской группы встречается только в хеттском языке; поэтому если бы исчезновение начального *ḫ* в *anna* объяснялось влиянием *atta-*, то в других хетто-лувийских языках *ḫ* должно было бы сохраниться, что в действительности не наблюдается (ср. частое в лувийских текстах сочетание *anni- tati-*, палайское *papa- anna-*, соответствующее хет. *anna- atta-*).

Хеттское слово *ḫanna-* ‘бабушка’ (ср. редуплицированную форму *Ḫannaḫanna-*, выступающую в качестве названия божества [2]), которое Стертевант ошибочно связывал с *anna-* ‘мать’, является единственным из хеттских имен родства, где действительно можно предполагать соответствие хет. *a* (с предшествующим *ḫ*) краткому **ă* в других индоевропейских языках, ср. хет. *ḫanna-* ‘бабушка’ и арм. *han* ‘бабушка’ [3], лат. *anus* ‘старуха’, др.-в.-нем. *ana* (ср.-в.-нем. *ane*) ‘бабушка’, прус. *ane* ‘старая мать’ (ср. лит. *an-ýta* ‘мать мужа’), ср. греч. *ἄννις* ‘бабушка’ (ср. основу на *-i-* в лувийских названиях родства при основе на *-a-* в других хетто-лувийских языках). В пользу предположения об исконно индоевропейском характере данного слова говорят как его фонетические особенности (см. ниже о начальном *ḫ* в хеттском, соответствующем арм. *h*), так и его параллелизм с названием «деда» (хет. *ḫuḫḫa-*), встречающимся в тех же языках (см. ниже об этом слове). При этом следует отметить, что данное слово в хеттском и армянском языках по своей структу-

---

ства во многих отношениях остается неясной (так как многие термины, напр. названия «брата» и «сестры», скрыты под идеограммами), но, во всяком случае, категорические утверждения об утрате **mā-ter-* и **pə-ter-* в хеттском языке (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 42) представляются преждевременными, ср. иное решение этой проблемы в работах Бонфанте.

[1] *E. Sturtevant.* JAOS. 1937. Vol. 57. P. 136—139; *Он же.* Language. 1939. Vol. 15. P. 153; *Он же.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. § 37 в. P. 40; *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. 1947. Vol. 56—57. P. 162.

[2] О слове *Ḫannaḫanna-* см.: *H. Otten.* Überlieferungen des Telepinu-Mythus. Berlin, 1944. S. 10, примеч. 1; *E. Laroche.* JCS. Vol. 2. P. 125; *H. G. Güterbock.* JCS. 1952. Vol. 6. P. 36.

[3] Педерсен (*H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. § 43), А. В. Десницкая (Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 45) и В. Георгиев (Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 65) связывают с данным хеттским словом также ликийское *xñna*, для которого предположено значение «мать».

ре отличается от обычных слов «детского языка» типа *atta* или *tata*. Но все же и по отношению к данному слову следует учитывать возможность наличия фонетических особенностей, характерных только для имен родства, связанных с «детским языком» [1].

Помимо указанных выше названий родства [2] соответствие хет. *a* краткому *ă* в других индоевропейских языках можно предположить только в некоторых корнях, где за гласным *a* следует сонант. Вокализм греч. *ἀντί* и лат. *ante* (хет. *ḫant-*, § 44) не может быть непосредственно сопоставлен с вокализмом других рассматриваемых в настоящей работе основ, так как данные формы уже в дописьменную эпоху развития греческого и латинского языков стали служебными словами, вследствие чего на их звуковую структуру могли повлиять законы синтаксической фонетики. Но родственные этим словам производные от названия «лба» в ряде индоевропейских языков (лат. *antiae* и т. п., § 44) говорят в пользу предположения об отражении в данном слове краткого **ă*. Сходным образом можно предполагать отражение **ăr* в словах, родственных *ḫarki-* (§ 50), на основании сравнения с карашарским *arki-*. Но отличительной особенностью данных корней с сонантами (хет. *ḫant-* и хет. *ḫark-*) является то, что огласовка родственных слов в других языках может объясняться не только как развитие **ăn* и **ăr*, но и как различные отражения сочетаний сонантов с **e*/*o*, чередующимся с «schwa secundum» (**ь*, ступень редукции) и с отсутствием звука (нулевая ступень). Первое объяснение обычно предпочитается второму [3] потому, что во втором случае пришлось бы предполагать различные ступени огласовки в однотипных основах для объяснения форм разных языков, напр., для производных от названия «лба» пришлось бы предположить сочетание «schwa secundum» с **n* в латинском языке, сочетание **on* в германских языках и т. п. Применительно к хеттскому языку вопрос об огласовке этих корней является частью более общего вопроса об огласовке корней, в которых за гласным следует сонант.

Хеттские корни, в которых за гласным следуют сонанты *r*, *l*, *n*, отличаются исключительным единообразием огласовки. В большинстве таких корней

---

[1] В категорической форме хет. *ḫanna* как «Lallwort» определяет Фридрих, который не приводит указанных выше соответствий этому слову в других индоевропейских языках, см.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 50.

[2] К названиям родства типа хет. *ḫanna* примыкает *ḫuḫḫa-* ‘дед’, где на основании сравнения с родственными языками можно предполагать дифтонг **-ău-* в ступени редукции (ср. ниже об арм. *haw*, лат. *avus* и т. п.).

[3] Ср., однако, колебания Стертеванта (*E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. § 37 e. P. 40, 62, примеч. 5) между определением *aϱ-* в *ἀϱγι-* как ступени редукции (ср. др.-инд. *ṛji-*) и возведением *aϱ* к **ăr* (где **ă*, в свою очередь, возводится к сочетанию **e* с ларингальным).

обобщена огласовка *a* (во всех производных). В корнях, где за гласным следует только одна фонема — сонант, возможна также и огласовка *e* (напр., *kuen-*, § 3; *gen-u-*, § 66). Но в корнях, где за гласным следует сонант *r*, *l*, *n* + шумный согласный, огласовка *a* является правилом, не знающим исключений, ср. *ḫark-* (§ 8), *spant-* (§ 19), *kank-* (§ 20), *mald-ai-* (§ 34), *ḫant-* (§ 44), *park-* (§ 45), *pank-* (§ 46), *danku-* (§ 49), *ḫark-* (§ 50), *palt-* (§ 75) и т. п.

В родственных двум указанным выше корням (*ḫant-*, § 44, и *ḫark-*, § 50) основах других индоевропейских языков можно предполагать краткий гласный **ă*. Во всех других случаях огласовка *a* в хеттском языке наблюдается в корнях с основной ступенью огласовки **ĕ* (такое объяснение нельзя считать полностью исключенным и по отношению к *ḫant-* и *ḫark-*, см. выше). В хеттском языке слоговые сонанты дали такое же отражение, как сочетания **o* с сонантом: оба типа сочетаний с сонантами в хеттском дают *a* + сонант, т. е. **n̥ > an* и **on > an*, **r̥ > ar* и **or > ar*, **l̥ > al* и **ol > al* [1]. Различие между ступенью **o* и ступенью редукции можно установить только с помощью сравнительно-исторического анализа, причем далеко не во всех случаях представляется возможным четко разграничить эти два вида огласовки корня.

Огласовку **o* можно установить в таких корневых глаголах, как *ḫark-* (кельтское **org-*, § 8), *spand-* (*šipant-*, *išpant-*, лат. *spond-*, качественный аблаут по отношению к *σπένδω*, § 19), *kank-* (*konk-*, отраженное в гот. *hāhan* и родственных словах других германских языков [2], § 20). Огласовка **o* в тематическом глаголе *malda*(*i*)- (§ 34) определяется благодаря сравнению со славянским **modl- < *mold-* (ср. литовское *mald-*, чередующееся с *meld-*, лит. *maldà* : *melsti*). Глагол *malla-* (§ 38) в хеттском имеет огласовку *o*, известную и в ряде других языков (лат. *molo*, *molere* ‘молоть’, др.-в.-нем. *malan*, гот. *malan* и т. п.).

Сравнительно небольшим является число хеттских именных основ, образованных от корней данного типа и имеющих достоверную огласовку *o*: *ḫara*(*n*), ср. гр. *ὄρνις* (§ 59); *taru*, ср. гр. *δόρυ* (§ 67); *arra < *ors-os* (гр. гомер. *ὀρσο-*, § 85). В большинстве же хеттских именных основ сочетания *ar*, *al*, *an* в корне соответствуют звукам, восходящим к слоговым сонантам, в родственных словах других языков. Ступенью редукции, по-видимому, характеризовался ряд прилагательных на *-i-* и *-u-*, ср. хет. *dankui* : др.-в.-нем. *tunker*, *tunkal* (§ 49); *park-u-* : др.-инд. *bṛhánt-*, арм. *barjr*, *barju-* и т. п. (§ 45); хет. *panku-* : гр. *παχύ-ς*, др.-инд. *bahú-ḥ* (§ 46). Ступень редукции корневого гласного ха-

[1] Во втором издании грамматики Стертеванта (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2]) изложена гипотеза, согласно которой хет. *an* и т. п. восходит не к **n*, а к **ьn*, но эта гипотеза опровергнута Бенвенистом в статье: *E. Benveniste.* La flexion pronominale en hittite // Language. 1953. Vol. 29. № 3. P. 258 и след.

[2] См.: *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 189, примеч. 1, 2 (хеттское соответствие Прокошу не было известно).

рактерна для прилагательных этих типов и в других индоевропейских языках; наряду с этой огласовкой в родственных языках встречается и огласовка **o* и (в очень редких случаях) огласовка **e* (гот. *fil-u-* ‘много’ при гр. *πολ-ύ-ς* и др.-инд. *pur-ú-*). Но полное тождество таких производных, как *panku-*, гр. *παχύ-*, др.-инд. *bahú-*, позволяет считать достоверным отражение ступени редукции (а не ступени **o*) в хеттском [1]. Следует при этом иметь в виду, что огласовка прилагательных на *-i-* и *-u-* не была однотипной в хеттском языке. Вокализм корня в прилагательных этих типов находился в зависимости от состава согласных корня. Все прилагательные, образованные от корней, где за гласным следовал сонант + (шумный) согласный, имели огласовку *a* (*parku-*, § 45; *panku-*, § 46; *dankui-*, § 49; *palḫi*, § 52; ср. также *ḫarki-* : др.-инд. *ŕji-*, § 50, ср. выше об огласовке этого слова). Между тем, если за корневым гласным следовал шумный согласный, то корень имел огласовку *e*: *mekki-* (§ 51), *tepu-* (§ 47) (данная закономерность наблюдается в корнях с начальным согласным, об огласовке *aššu* см. ниже), ср.

	Корни с сочетанием гласный + сонант + (шумный) согласный (огласовка *a*)	Корни с сочетанием гласный + (шумный) согласный (огласовка *e*)
Прилагательные на *-i-*	*danku-i-* *palḫ-i-* (ср. *ḫark-i-*)	*mekk-i-*
Прилагательные на *-u-*	*park-u-* *pank-u-*	*tep-u-*

Данное различие в огласовке хеттских производных от корней, оканчивающихся на сочетание сонант + шумный согласный, и производных от корней, где за гласным следует один шумный согласный, представляет особый интерес потому, что, как показал Курилович, различие между двумя типами корней имело существенное значение и для морфологии других индоевропейских языков (в частности, индоиранских) [2].

[1] Огласовка лит. *bangùs* не имеет доказательной силы, так как сопоставление этого слова с *panku-* нельзя считать столь же достоверным, как сравнение с *παχύ-* и *bahú-* (см. Приложение I); кроме того, наряду с *bangus* (ступень **o*) в литовском имеется произведенное от того же корня прилагательное *bingùs* (ступень редукции).

[2] Различие между двумя видами индоевропейских корней («легкими», оканчивающимися на один согласный, и «тяжелыми», оканчивающимися на группу сонант + согласный) было установлено Куриловичем в монографии: *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. 1935, где была показана роль этого различия для понимания многих явлений фонетики и морфологии индоевропейского языка-основы и отдельных древних языков. Роль этого различия в древних индоиранских языках показана в послед-

С прилагательными типа *park-u-*, *palḫ-i-* связаны отвлеченные существительные на -(*a*)*tar* типа *park-atar*, *palḫ-atar*. По-видимому, в этих именах существительных также сохраняется ступень редукции огласовки корня (т. е. отражается слоговой сонант), ср. однотипное *i-tar*, имеющее соответствия в ряде других языков (§ 15).

Особый интерес представляет огласовка корня в именной форме *pangarit*, генетически связанной с *panku-* (§ 46). Данная форма образована от основы на -*r*(*i*)-. Та же огласовка наблюдается в производном глаголе *pangariia-*, который можно сравнить с однотипным *šuppariia-*, где отчетливо обнаруживается нулевая ступень (корень **sṷep-*, § 13). Майрхофер сопоставляет огласовку хет. *šuppariia-* с огласовкой греч. ὕπαρ [1], хотя и считает, что нулевая ступень здесь является не первоначальной огласовкой, а результатом аналогического воздействия других форм общеиндоевропейского гетероклитического имени **suépōr*, **supn-és* ‘сон’ (о причинах исчезновения этого имени в хеттском языке см. § 13). Однако по отношению к нулевой ступени в **sup-n-* возможно и иное объяснение: согласно Мейе, нулевая ступень характеризовала прежде всего вторичное производное на **-iio-*: **sup-n-iio-* > ст.-сл. **сънь-ьє**, греч. (ἐν-) ὑπνιον [2]. В настоящее время можно считать достоверным отражение в хеттском закона, по которому корень во вторичных производных наиболее архаичного типа имел нулевую ступень огласовки. Классический пример действия этого закона **k*^{w}*tur-io-* > др.-инд. *turī́ya-* ‘четвертый’ [3] предположен в хеттском *duia-* < **turia-* ‘четвертый’ [4]; тем же законом можно объяснить нулевую ступень огласовки некоторых производных от **dei-ṷo-* в хеттском, как и в других индоевропейских языках (ср. выше). Поскольку глаголы *šuppariia-* и *pangariia-* образованы от вторичных производных (ср. *pangarit*), нулевая ступень огласовки корня в этих словах может объясняться тем же законом, т. е. именная основа *pangari-* (и **suppari-*) может иметь нулевую огласовку по той же причине, что и именная основа **sup-n-i*(*io*)-. Отличие огласовки *pangari-*

них работах Куриловича, см., в частности: *J. Kuryłowicz.* Tzw. prawo Brugmanna w indoirańskim // Rozprawy komisji orientalistycznej. Warszawa, 1952. № 4. С. 58—62, ср. спорное теоретическое обоснование соотношения этих двух типов корней в работе: *J. Kuryłowicz.* La notion de l’isomorphisme. Cercle linguistique de Copenhague. Vol. 5 (Recherches structurales. 1949. Interventions dans le débat glossématique publiées à l’occasion du cinquantenaire de M. Louis Hjelmslev). P. 53—54. Указанные факты хеттского языка Куриловичем не использованы.

[1] *M. Mayrhofer.* Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 42—43.

[2] *Мейе.* Введение. С. 172.

[3] См.: Там же. С. 287. Значение проблематично, см. Дополнение.

[4] См. об этом хеттском слове: *F. Sommer.* IF. Bd. 59. P. 205 и след.; *Otten.* Luv. S. 28.

от огласовки *ešri-* (§ 1), *etri* (§ 2) и *kišri* (§ 32), где присоединение вторичного суффикса не ведет к нулевой огласовке корня, может быть связано с различиями в структуре корня (с наличием сонанта в корне типа *pank-*, ср. выше о соотношении *pank-u-* : *tep-u-*).

Ступень редукции огласовки обнаруживается не только во вторичных производных от основ на **-r-*, но и во вторичных производных от основ на **-n-*: ср. *palt-ana* (§ 75), где нулевая ступень огласовки доказывается как сравнением с арм. *layn*, греч. *πλάτανος* и т. п. (§ 75), так и сопоставлением с основами типа *ḫulana* (корень **Hu̯el-,* § 73).

В системе глагольного словообразования отражение нулевой ступени огласовки можно обнаружить в таких производных на **-es-* от корней на сонант, как *kall-eš-* (ср. греч. *καλεσ-* § 29), *park-eš-* (§ 45), ср. выше о сочетании нулевой ступени вокализма корня со ступенью **e* суффикса в производных этих типов (по-видимому, сходным образом построен и глагол *dam-aš-*, древнехет. *dam-eš-*; ср. о *dam-eš-ḫa* в § 30).

В некоторых случаях точное определение деталей количественного и качественного аблаута в основах, оканчивающихся на сонант (+ согласный) затрудняется особенностями хеттской графики. Как указывалось выше, в корневом имени *ki-ir* можно видеть отражение долгого **ē* (ступень удлинения **ĕ*). В формах названия «сердца», где за *-r-* следует **-ed-/-d-* (§ 42), суффикс выступает или в нулевой ступени, или в ступени **o*. Возможно, что с суффиксом в нулевой ступени сочетается корень в ступени **o* (**k̂or*), тогда как с суффиксом в ступени **o* сочетается корень в нулевой ступени (ср. выше о соотношениях типа **ed-s-* : **u̯-es-* и т. п.), ср., с одной стороны, основу *kard-* в форме мест. пад. ед. ч. *kar-ta* (HAB III 58) и отлож. пад. ед. ч. *kar-ta-az* (KUB XXXI 127 III 10), с другой стороны, основу *k*(*a*)*rat-* в форме им. пад. ед. ч. *ka-ra-az* [1] и *ka-ra-a-az* [2]. Но точное определение структуры таких форм, как *ka-ra-az*, затрудняется тем, что неизвестно, следует ли читать их как [*karats*] или как [*krats*] (последнее чтение более вероятно, так как при произношении *ka* в хеттской графике было бы закономерно повторение гласного *a* после знака *ka-*). Поэтому наряду с истолкованием *ka-ra-az* как формы с количественным чередованием (корень в виде *kr-*) нужно учитывать и возможность иного объяснения той же формы: *kar-* < **k̂or-*, качественное чередование **e*/*o-* (**k̂er-* : **k̂or*).

Трудности, связанные с разграничением явлений качественного и количественного аблаута, возникают не только при изучении корней, где за корневым гласным следует сонант. Та же проблема возникает при изучении чередования *e*/*a* в хеттских корнях других структурных типов. Чередование *e*/*a*

[1] *H. Ehelolf.* ZA NF. Bd. 9. S. 176.
[2] *Sommer.* HAB. S. 94—95; *Pedersen.* Hittitisch. S. 195.

в хеттском языке отражает индоевропейское чередование *e/o (качественный аблаут) в таких именных основах, как *ped-an* : *pata* (§ 81), ср. греч. дор. πῶς, им. пад. мн. ч. πόδες : гр. πέδον; *ḫaštai* (греч. οστέον) : *ḫešta-* (§ 62). В других именных основах также наблюдается чередование *e*/*a*. Но его связь с качественным чередованием *e*/*o* некоторыми учеными оспаривается. Архаичное имя существительное гетероклитического типа *u̯atar* 'вода' характеризуется противопоставлением огласовки корня *a* в им. пад. ед. ч., огласовки корня *e* в основе косвенных падежей (*u̯et-en-*) и огласовки *i*(*e*) в формах мн. ч. (им. пад. мн. ч. *u̯idar*, который отличается от им. пад. ед. ч. *u̯atar* только огласовкой корня, см. § 53). Были предложены объяснения чередования *e*/*a* в данном слове, предполагавшие позднее возникновение этого чередования в самом хеттском языке: согласно Милевскому, в формах косвенных падежей вокализм корня изменился в результате ассимилятивного воздействия гласного суффикса: *a* : *e* > *e* : *e* (*u̯et-en-*) [1]. Педерсен предполагает обратное развитие: по Педерсену вокализм *a* в *u̯atar* является результатом преобразования первоначального **e*, сохраненного в формах косвенных падежей, но изменившегося под воздействием последующего *a* в форме *u̯atar* [2]. Эти две взаимоисключающие гипотезы исходят из того очевидного факта, что в основах *u̯atar* и *u̯eten-* вокализм корня близок к вокализму суффикса. Но ошибочность гипотезы Педерсена о том, что вокализм корня в основе *u̯atar* обусловлен огласовкой суффикса, становится очевидной при сравнении формы им. пад. ед. ч. *u̯atar* с формой им. пад. мн. ч. *u̯idar* (§ 53; Педерсеном данная форма не была принята во внимание). Если бы огласовка *a* в корне была обусловлена (согласно предполагаемой Педерсеном «гармонии гласных» в хеттском языке) такой же огласовкой суффикса, то форма *u̯idar* была бы невозможной. Сравнение основ *u̯atar*, *u̯idar* и *u̯eten* показывает, что чередование *a*/*e* (*i* в хеттской графике) в данном корне носило не чисто фонетический характер (как думали Милевский и Педерсен), а, напротив, было морфологизованным чередованием. Роль этого чередования в данном корне была очень большой, так как различие между единственным и множественным числом в формах именительного падежа *u̯atar* : *u̯idar* выражалось только посредством различия в огласовке корня. Вместе с тем сравнение форм *u̯atar*, *u̯idar* и *u̯eten-aš* с общехетто-лувийским корневым именем *u̯id-* показывает, что огласовка **e* (по-видимому, с долгим **ē* в *u̯id-*, см. выше) была характерна для некоторых хетто-лувийских именных форм, восходящих к корню **u̯ed-*, еще в общехетто-лувийский период. В этой связи необходимо отметить то, что в армянском и фри-

[1] *T. Milewski.* Rocznik Orientalistyczny. VIII. 1932. S. 103.

[2] *Pedersen.* Hittitisch. S. 167. О гипотезе Милевского, прямо противоположной его собственной гипотезе, Педерсен не упоминает.

гийском, т. е. в двух языках, которые во многих отношениях близки к хеттолувийским языкам [1], также наблюдается огласовка *e в словах этого корня: фригийское βεδυ, армянское *get*, *getoy*. Поэтому нельзя согласиться и с гипотезой Милевского о том, что огласовка корня *e* в формах типа *ḫetenaš* является результатом чисто фонетического развития этих форм, осуществившегося в хеттском языке в поздний период его развития. Но вместе с тем следует отметить, что сочетание корня в ступени **e* с суффиксом в ступени **e* в основе **ḫed-en-* > хет. *ḫeten-* не соответствует указанному Бенвенистом закону построения двучленных основ (об отражении этого закона в хеттском языке см. выше). Данный случай не является единственным: такое же сочетание огласовки **e* корня и огласовки **e* суффикса наблюдается в основе на **-es- nepis* < **nebh-es-*, древность которой доказывается сравнением с древнеиндийским, древнегреческим и славянскими языками (§ 78, ср. основу на *-(*e*)*s- ḫissa-*, § 79). Сравнение основы **ḫed-en* с основой **nebh-es-* показывает, что возникновение таких основ может относиться к глубокой древности (ср. в § 78 об изменении типа склонения основы на **-es nepiš-* в хеттском, что показательно для определения относительной хронологии данного образования). Поэтому существенно то, что, согласно результатам последних работ Куриловича, сохранение огласовки *e* в индоевропейских формах род. пад. ед. ч. типа *ḫeten-aš* является архаизмом [2]. Но вопрос о хронологическом отношении таких основ гетероклитического типа, как *ḫet-en-* (корень в ступени *e* + суффикс в ступени *e*) и *ešḫar* (корень в ступени *e* + суффикс в ступени редукции: **r̥* > *ar*, ср. др.-инд. *ásr̥-k-*, § 55), является очень сложным, так как нужно считаться с возможностью преобразования по аналогии огласовки корня и суффикса в формах типа *ḫeten-aš*. На огласовку форм косвенных падежей, образованных от основы *ḫeten-*, могла повлиять огласовка существовавших в хеттском языке параллельно с ними косвенных падежей корневого имени *ḫid-* (см. § 53). Сравнение с другими однотипными образованиями в данном случае не может внести ясности, так как если огласовка формы им. пад. ед. ч. *pattar* (§ 54 и

[1] Общие для армянского и хеттского языков явления отмечались в работах Г. А. Капанцяна (ср. выше), Остина (*Austin.* Is Armenian an Anatolian Language // Language. 1942. P. 22—25), Поломэ (*E. Polomé.* Melanges Gregoire. II) и ряда других ученых. О явлениях, общих для хеттского и фригийского языков, см. в работах Фридриха и Педерсена (см. в особенности: *H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. København, 1945, с библиографией вопроса). Ср. в § 10 настоящей книги о развитии **kt* > *tt* в данных языках.

[2] *J. Kuryłowicz.* Réflexions sur l'apophonie qualitative en indo-européen // Word. 1950. Vol. 6. № 3. P. 210 (данные хеттского языка Курилович упоминает лишь попутно и очень осторожно, так как им не были учтены факты, говорящие против рассмотренной выше гипотезы Милевского).

Приложение II) аналогична огласовке формы им. пад. ед. ч. **u̯atar*, то чтение первого гласного в форме «*pít*»-*tanaš* окончательно не установлено (ср. Приложение II) [1]. Но независимо от того, насколько древней является огласовка форм типа *u̯etenaš*, представляется несомненным отражение древнего качественного чередования **o*/*e* > хет. *a*/*e* в таких формах, как *u̯atar* (ср. огласовку *o* в др.-в.-нем. *wazz-ar*, др.-англ. *wæter*, ср. также ст.-сл. **вода**), *u̯idar* и *u̯id-* (если правильно предположение об отражении в *u̯id-* долгого **ē*, ср. выше, то можно сравнить с *u̯id-* ст.-сл. **вѣдро**, др.-исл. *vátr*, где отражено **u̯ēd-*, ср. также выше об **ĕ* в армянском и фригийском).

В парадигме имени существительного *u̯atar* ‘вода’ различие между огласовкой *e* и огласовкой *a* связано с противопоставлением основы им. пад. ед. ч. и основы косвенных падежей. Сходные функции имеет чередование *e*/*a*, в парадигме имени существительного *tekan* ‘земля’ (§ 72), где основа им. пад. ед. ч. характеризуется огласовкой *e*, тогда как основа косвенных падежей характеризуется огласовкой *a* (*tag*(*a*)*n-*). Сходство в парадигмах *u̯atar* ‘вода’ и *tekan* ‘земля’ заключается только в функции чередования корневых гласных, но не в конкретном распределении гласных по основам (так как в *u̯atar* огласовка *a* < *o* характеризует огласовку основы им. пад. ед. ч., а не основы косвенных падежей, как в *tagn-*). Факты хеттского языка имеют особое значение для определения древней огласовки корня в общеиндоевропейском названии «земли» (хет. *tekan*, *tagn-*), так как в других индоевропейских языках корневой гласный в этом слове подвергся редукции (см. об этом подробнее ниже, § 88).

Качественное чередование *e*/*a* < **e*/*o* обнаруживается при сравнении архаичных хеттских отглагольных имен с глаголами, от которых они образованы: огласовка **o* > *a* в хет. *šašta-*, образованном от глагола *š*(*eš*) < **ses-* (§ 14), является закономерной для всех индоевропейских отглагольных имен существительных на **-to-* (хет. *-ta-*) типа греч. *φόῤ-το-ς* : *φέῤω* [2]. Чередование *e*/*a* служит не только для различения глагола и отглагольных производных, но и для дифференциации различных глагольных форм. Чередование *e*/*a* в хеттском языке обнаруживается в ряде корневых глаголов. По характеру этого чередования глаголы спряжения на *-mi* отличаются от глаголов спряжения на *-ḫi* [3].

---

[1] Поэтому нельзя признать достаточно обоснованным предположение Лароша (*E. Laroche.* Hittitica // Revue de philologie. 1949. № 1. P. 39) о том, что в парадигме этого хеттского имени существительного отражены общеиндоевропейские формы **ptēr*/ *ptenos*.

[2] Огласовка существительного *lutta*(*i*)- не показательна потому, что древний тип данного существительного в хеттском языке подвергся изменению (§ 10).

[3] Необходимость разграничения чередований гласных в корневых глаголах спряжения на *-mi* и в глаголах спряжения на *ḫi* отмечается Зоммером: *Sommer.* HAB. S. 101.

Хеттский корневой глагол спряжения на *-ḫi šak-* (§ 21) характеризуется регулярным чередованием огласовки *a* в формах единственного числа (настоящего времени, прошедшего времени изъявительного наклонения и в повелительном наклонении[1]) и огласовки *e* в формах множественного числа (также во всех временах и наклонениях)[2], ср.

	Огласовка *a* (единственное число)	Огласовка *e* (множественное число)
2 л. наст. вр. (изъявит. наклонение)	*ša-ak-ti* (*ša-a-ak-ti*)	*še-ik-te-ni*
1 л. прош. вр. (изъявит. наклонение)	*ša-ag-ga-aḫ-ḫu-un*	*še-ik-ku-e-en*
2 л. повел. наклонение	*ša-a-ak* (*sa-ki*)	*še-ik-tin*

Следы аналогичного чередования *a* в формах ед. ч. и *e* в формах мн. ч. сохраняются и в парадигме корневого глагола спряжения на *-ḫi ar-* (§ 17), в особенности в формах прошедшего времени:

	Огласовка *a* (единственное число)	Огласовка *e* (множественное число)
1 л. прош. вр.	*a-ar-*(*aḫ*)*-ḫu-un*	*e-ru-u-en*
3 л. прош. вр.	*a-ar-as*	*i-e-ri-ir*

В новохеттских текстах встречаются формы глаголов *šak-* и *ar-*, в которых огласовка уже не соответствует древней норме, напр., наряду с обычной формой 2 л. ед. ч. наст. вр. *ša-ak-ti* в двух текстах встречается форма *še-ik-ti* (KUB XVIII 67 I 9 и KUB VII 8 II 15)[3], наряду с формой 2 л. мн. ч. наст. вр. *e-ir-te-ni* встречается форма *a-ar-te-ni*. Эти факты показывают, что чередование *a* : *e* в корневых глаголах спряжения на *-ḫi* является архаичным явлением.

[1] Исключение составляет форма 1 л. ед. ч. повел. накл. *šegallu*, засвидетельствованная лишь в одном новохеттском тексте и, без сомнения, являющаяся новообразованием (ср. ниже).

[2] Ср. формулировку Зоммера: «Normalerweise der ganze Plural von *šak-* “wissen” den *e*-Vokalismus hat» (*Sommer.* HAB. S. 101); см. парадигму в книгах: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 184. С. 105—106; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 57. P. 31; § 232. P. 133; § 316. P. 160—161 (некоторые более редкие формы приведены в названной выше работе Зоммера), см. ссылки на тексты: *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 31.

[3] Фридрих (Краткая грамматика. С. 105) дает ссылку только на первый из двух встречающихся в текстах примеров употребления этой редкой формы.

Попытки объяснить его ассимилятивным воздействием гласного флексии [1] нельзя признать состоятельными, так как с этой точки зрения необъяснимыми являются такие формы, как *šekkanzi* (3 л. мн. ч. наст. вр.), где гласный корня отличен от гласного окончания (ср. выше о несостоятельности объяснения чередования *a* : *e* в *u̯atar* : *u̯eten-* как проявления «сингармонизма»). Поэтому представляется вероятной связь чередования *e* : *a* в *šek-* : *šak-* (и однотипном *er-* : *ar-*) с древним индоевропейским качественным чередованием **e* : **o*. Но отождествление данного чередования с чередованием в формах перфекта нельзя считать бесспорным, поскольку гипотетической остается связь этих форм с хеттским спряжением на *-ḫi*. Для форм ед. ч. перфекта (в действительном залоге) была характерна огласовка *o* (греч. *οἶδα*, *οἶσθα*, *οἶδε*), которую можно сравнить с огласовкой *a* в формах ед. ч. хеттских глаголов типа *šek-* и *ar*. Но в спряжении на *-ḫi* глаголов типа *šek-*/*šak-* огласовка *a* характеризовала формы ед. ч. обоих времен и обоих наклонений, что нельзя непосредственно сопоставить с системой огласовки перфекта в других древних индоевропейских языках [2].

---

[1] См.: *T. Miłewski.* Rocznik Orientalistyczny. VIII. 1932. C. 103; *A. Vaillant.* Hittite *šakḫi*, latin *scio* // BSL. 1942—1945. T. 42. F. I (№ 124). P. 84—88.

[2] Стертевант (Comp. Gr.[2] § 233. P. 133) и вслед за ним Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. P. 81, 198) отождествляли хет. *šak-* : *sek-* с гот. *sahv* : *sēhvum* (и предполагали поэтому отражение долгого **ē* в *šek-*). Но этимологическое сравнение хет. *šak-* ‘знать’ и гот. *saihv-an* ‘видеть’ следует отвергнуть, так как 1) **k*^{w} дает *ku-* в хеттском, 2) значение хет. *šak-* ‘знать’ отлично от значения гот. *saihv-an* ‘видеть’, 3) гот. *saihv-an* родственно хет. *šaku-u̯a-* ‘видеть’ (§ 85), которое никак не связано с *šak-* ‘знать’. Что же касается сравнения типа чередований в хеттских корневых глаголах спряжения на *-ḫi* и в претерите германских сильных глаголов с огласовкой *a*/*ē*, то и здесь теорию Стертеванта и Педерсена нельзя считать бесспорной. Для сравнения этих форм хеттского и германских языков необходимо сведение их к «общему знаменателю», которым Стертевант и Педерсен считали индоевропейский перфект. Но связь данных форм германского претерита с индоевропейским перфектом не является несомненной (ср.: *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 166—170). Следует, однако, иметь в виду, что вопрос о связи хеттского чередования *šek-*/*šak-* с огласовкой форм индоевропейского перфекта не зависит от проблемы происхождения германского чередования *a*/*ē* в претерите, так как, как показал Курилович, в древней системе перфекта имелось противопоставление огласовки **o* в ед. ч. и огласовки **e* во мн. ч. (связанное с более древним противопоставлением огласовки **o* в ед. ч. и ступени редукции во мн. ч.), см.: *J. Kuryłowicz.* Reflexions sur l’apophonie qualitative en indo-européen // Word. 1950. Vol. 6. № 3. P. 209 (ср.: Там же. С. 209, примеч. 5 о хет. *šak-*/*šek-*). Поэтому чередования этого типа служат веским аргументом в пользу теории о связи спряжения на *-ḫi* и перфекта (ср.: *A. Kammenhuber.* Studien zum hethitischen Infinitivsystem // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Bd. 2. H. 1. Berlin, 1954. S. 69, примеч. 62; иное решение того же вопроса дает: *B. Rosenkranz.* Die

Чередование *e*/*a* в личных формах корневых глаголов спряжения на *-mi* связано с противопоставлением ед. ч. и мн. ч., как и в глаголах спряжения на *-ḫi*. Но характер этого чередования иной. В формах настоящего времени корневых глаголов спряжения на *-mi* ступень *e* характеризует формы единственного числа (а не формы множественного числа, как в спряжении на *-ḫi*), ср. 1 л. ед. ч. *ešmi* (§ 1), *etmi* (§ 2), *ḳekmi* (§ 4), *šešmi* (§ 14), 3 л. ед. ч. *ekuzi* (§ 9) и т. п. Формы множественного числа в древнехеттских текстах имеют огласовку *a*, напр. формы 1 л. мн. ч. наст. вр. от глаголов *et-* и *eku- a-tu-e-ni a-ku-e-ni* 2 BoTU 11 *a* 19, ср. в архаичном ритуальном тексте Bo 41 94 5 [1] форму *a-du-e-ni* и т. п. В текстах новохеттского времени огласовка *e* проникает в некоторые формы множественного числа (напр., при огласовке *a* в древнехеттских формах мн. ч. глагола *ed-* в новохеттских текстах встречается огласовка *e*). Но в формах 3 л. мн. ч. настоящего времени и повелительного наклонения огласовка *a* сохраняется и в новохеттских текстах, ср., напр., формы 3 л. мн. ч. наст. вр. *ašanzi* (от *eš-*, § 1), 3 л. мн. ч. повелит. накл. *ašandu* и т. п. Эти факты оказываются исключительно близкими к картине, открывающейся при исследовании аблаута в корневых глаголах спряжения на *-mi* типа *kuen-* (см. выше). В глаголах типа *kuen-* формы ед. ч. также характеризуются огласовкой *e*, которая проникает в новохеттский период и в формы мн. ч., причем архаичная огласовка сохраняется только в формах 3 л. мн. ч. (наст. вр. и повел. накл., см. выше). Огласовка глаголов типа *kuenzi — kunanzi* и огласовка глаголов типа *ešzi — ašanzi* оказываются очень близки по тенденции их развития. Это подтверждает многократно высказывавшуюся в научной литературе мысль о том, что чередование *e*/*a* в формах корневых глаголов спряжения на *-mi* типа *ešzi — ašanzi* является отражением древнего количественного чередования [2]. Различие между характером чередований в глаголах *kuen-* и *eš-*/*aš-* можно объяснить особенностями структуры корня. Зависимость огласовки от структуры корня может быть установлена и по отношению к глаголам спряжения на *-mi tarḫ-*, § 6, *šanḫ-*, § 7, *ḫark-*, § 8, ср. выше об обязательности огласовки *a* в корнях этого типа. В односложных корневых глаголах спряжения на *-mi*, где за гласным следовал сонант + согласный, была обобщена огласов-

hethitische *hi*-Konjugation // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1953. Bd. 2. H. 3. S. 340).

[1] Опубликовано в монографии: *Sommer.* HAB. S. 148, примеч. 5. См. там же об огласовке *a* в формах мн. ч. глаголов *ed-* и *eku-* в древнехеттских текстах.

[2] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 220 a. P. 119; *T. Milewski.* L'indo-hittite et l'indo-européen // Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres, classe de philologie; classe d'histoire et de philosophie (No supplémentaire 2). 1936. P. 9—10; *A. Kammenhuber.* Studien zum hethitischen Infinitivsystem // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Bd. 2. H. 1. S. 56—58.

ка *a*. В глаголах того же спряжения, где за корневым гласным следовал сонант, наблюдается чередование огласовки *e* и нулевой ступени (*kuen-* : *kun-*), индоевропейское происхождение которого несомненно (ср. выше). То же чередование отражается в корнях, где за гласным следовал шумный согласный, в виде чередования *e* и *a*. Поэтому значительный интерес представляет гипотеза Б. Розенкранца о том, что *a* в формах типа *ašanzi* обозначает особый гласный. Розенкранц исходит из того, что в хеттском языке в начале слова употребляется два написания *a*: сдвоенное написание *a-a* и несдвоенное написание *a*. Уже Стертевант предположил, что различие между этими двумя написаниями отражает различие в произношении [1]. Розенкранц обратил внимание на то, что в формах типа *a-ša-an-zi* сдвоенное написание *a* не встречается [2]. Поскольку в других глаголах спряжения на *-mi* в тех же формах выступает нулевая ступень огласовки (*ku-na-an-zi* ʻони убиваютʼ, *ú-u̯a-an-zi* ʻони видятʼ от *au-* ʻвидетьʼ), Розенкранц предположил, что несдвоенное написание *a* в *a-ša-an-zi* отражает произношение, отличающееся от *a* в *u̯a-a-tar* (**uod-*) и т. п. Представляется, что данные других хетто-лувийских языков могут подтвердить эту гипотезу. Хеттскому *ĕ* в других хетто-лувийских языках соответствует *a*; поэтому чередование *e*/*a* в парадигме глаголов типа *eš-* в лувийском и палайском языках не отражается. Но в лувийском и палайском языках начальный гласный в формах единственного числа пишется иначе, чем начальный гласный в формах множественного числа (см. об этих формах в § 1). Ср., напр., формы 3 л. повелительного наклонения, где сопоставление с индоиранскими языками указывает на общеиндоевропейский характер количественного чередования (ср. выше о соответствии хет. *kuendu* : *kunandu* и др.-инд. *hántu* : *ghnántu*):

Язык	Единственное число	Множественное число
хеттский	*e-eš-du* (ср. *ku-en-du*)	*a-ša-an-du* (ср. *ku-na-an-du*)
лувийский	*a-aš-du*	*a-ša-an-du*
палайский	*a-aš-du*	*a-ša-an-du*
ведийский	*astu* (ср. *hantu*)	*santu* (ср. *ghnantu*)

Соответствие хеттского *a* в корнях типа *eš-* и нулевой ступени огласовки корня в других языках характерно и для неличных форм глаголов этого типа,

[1] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 47. P. 24.
[2] *B. Rosenkranz.* OLZ. 1953. № 3/4. S. 146.

равно как и для отглагольных имен. Как показала в своей диссертации Камменхубер, для хеттских форм verbum infinitum и для ряда отглагольных имен обязательной была нулевая огласовка корня в корнях типа *kuen-* и огласовка *a* в корнях типа *eš-* [1] (ср., напр., *kunannaš*, *kunatar* от *kuen-*, § 3; *itar* от **ei-*, § 15; *ad-atar* от *ed-*, § 2, и т. п.).

Для сравнения с родственными языками особенно показательна огласовка причастий, восходящих к древним отглагольным прилагательным на *-(*e*)*nt-* (см. § 2). Хеттское причастие от *eš-* ʻбытьʼ *ašant-* точно соответствует по значению ведийскому причастию *sant-* (см. § 1), где корень **es-* выступает в нулевой ступени огласовки. Хет. *adant-* (причастие от *ed-*, § 2) родственно общеиндоевропейскому названию «зуба», в котором в одних языках корень выступает в нулевой ступени (др.-инд. *dant-*, ср. др.-инд. *sant-* : хет. *ašant-*) [2], тогда как в других языках обнаруживается так называемый протетический гласный: греч. *ὀδούς*, *ὀδόντος*, арм. *atamn*. Из сравнения хет. *adant-* с греч. *ὀδοντ-* и арм. *atamn* нельзя, однако, сделать вывод о том, что греческому и армянскому протетическому гласному во всех случаях соответствует начальное *a* в клинописном хеттском. Это соответствие наблюдается только в причастии *adant-*, сохранявшем тесную связь с глаголом. В таком изолированном имени существительном, как *laman* (§ 71), данное соответствие не наблюдается. Однако в родственном иероглифическом хеттском существительном *adama-á-ta*$_{4/5}$*-ma*[*n*]*-za*, § 71) имеется начальное *a*, соответствующее протетическому гласному в греч. *ὄνομα* и арм. *anun* ʻимяʼ [3]. Сопоставление этих фактов показывает, что явление, аналогичное «протетическому гласному» в армянском и греческом, было характерно для древних индоевропейских языков Малой Азии. На основании сравнения хет. *adant-* с однотипными причастиями хеттского и других индоевропейских языков можно предполагать, что этот «протетический» гласный связан с редуцированной огласовкой корня.

Историческое объяснение огласовки *a* в формах типа *adanzi* и *adant-* должно исходить из двух фактов: 1) в родственных языках в аналогичных

[1] *A. Kammenhuber.* Studien zum hethitischen Infinitivsystem // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1954. Bd. 2. H. I. S. 58.

[2] В связи с сопоставлением хет. *adant-* : др.-инд. *dant-*; хет. *ašant-* : др.-инд. *sant-* можно было бы указать и на хет. *aššu-*, соответствующее др.-инд. *su-* (ср. в § 48 о родстве хет. *aššu šiuatt-* и др.-инд. *su-dyut-*). Но данный случай является более сложным, так как в прилагательных на *-u* возможна и ступень огласовки **o* (ср. также ступень **e* в греч. *ἐύς*), см. выше об огласовке других прилагательных на *-u-*.

[3] Некоторые специалисты в области древних языков Малой Азии предполагают значение «имя» для лидийского *ẽtamv* (*J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 4. Heidelberg, 1954. S. 334), которое в этом случае можно было бы сравнить с иероглифическим хеттским *á-ta*$_{4/5}$*-ma*[*n*]*-za,* ср. ликийское *adãma*(*n*) по Мелчерту.

формах нормальной является нулевая ступень (или ступень редукции), 2) в хеттском языке в аналогичных формах, образованных от глаголов с иной структурой корня, наблюдается нулевая ступень огласовки. В глаголах *ep-* (§ 5) и в активных формах глагола *eš-* ʻсидетьʼ (§ 22; в действительном залоге глагол спрягается по типу глаголов на *-mi*) наблюдается аналогичное чередование, ср. 3 л. ед. ч. наст. вр. *e-ip-zi* : 3 л. мн. ч. наст. вр. *ap-pa-an-zi*. Поскольку в глаголах *eš-* ʻсидетьʼ и *ep-* основной ступенью огласовки корня было **ē* долгое (ср. выше), *a* в формах типа *ap-pa-an-zi* может считаться отражением редуцированной огласовки корней этого типа. В хеттском ступень редукции корней типа **ēs-* и ступень редукции корней типа **ĕs-* графически не отличались: в обоих случаях выступает несдвоенное написание *a-* (ср. об этом написании выше). Вопрос о происхождении гласного, обозначавшегося как *a-* в корнях этих двух типов, обычно связывается в настоящее время с проблемами ларингальной гипотезы. Поэтому этот вопрос целесообразно рассмотреть ниже, после рассмотрения проблемы хеттского *ḫ*.

§ 88. Проблема **þ* и **ð* Бругмана в свете данных хеттского языка

Рассмотренные в § 87 факты показывают, что в хеттском языке отразилась редукция гласных и связанное с ней количественное чередование (напр., *kun-anzi* : *kuen-zi*). При этом в некоторых случаях в хеттском языке обнаруживается нередуцированный гласный там, где в других индоевропейских языках гласный исчез и в связи с этим фонетический облик основы претерпел значительные изменения. По отношению к таким словам данные хеттского языка приобретают особое значение, так как только хеттский язык позволяет установить древнейшую структуру корня и объяснить факты отдельных индоевропейских языков, казавшиеся прежде весьма запутанными и противоречивыми. Ввиду большой принципиальной важности этого вопроса, на нем следует остановиться подробнее.

Значение этих явлений состоит в том, что факты хеттского языка в сочетании с данными других ранее неизвестных языков («тохарских» — кучанско-карашарских) позволяют по-новому объяснить «загадку» т. наз. индоевропейского «межзубного спиранта» («гордиев узел бругмановского *þ*») [1].

Материал, на котором основывался Бругман и другие лингвисты, постулировавшие глухой и звонкий спиранты **þ* и **ð*, крайне скуден: это всего лишь несколько слов, которые трудно было свести к единому архетипу. Во

[1] «The Gordian Knot of Brugmann's *þ*», слова Мартинэ, см.: *A. Martinet.* Word. 1953. Vol. 9. № 3. P. 239. Гипотеза самого Мартинэ, некритически воспринявшего гипотезу Бенвениста (см. ниже), не способствует решению этой проблемы.

всех этих словах переднеязычный шумный согласный встречается в сочетании с «гуттуральным» (т. е. заднеязычным) шумным. Отмечая эту особенность слов с предполагаемым **þ*, многие лингвисты критически относились к гипотезе Бругмана [1]. Решительно выступал против гипотезы о существовании **þ* В. А. Богородицкий [2]. Не случайно противником этой гипотезы был именно представитель Казанской лингвистической школы, которая отличалась вниманием к фонологической стороне исследования звуков языка. С фонологической точки зрения предположение о существовании особой фонемы, отличающейся от других фонем только в одной позиции (в сочетании с заднеязычными), может вызвать сомнения, поскольку такие явления могут быть первоначально позиционно обусловленными, т. е. можно предполагать позднейшее своеобразное развитие сочетания фонем, а не особой фонемы. В. А. Богородицкий подходил к такой постановке вопроса, но критика гипотезы Бругмана оставалась неубедительной до тех пор, пока предполагалось, что речь идет о переднеязычном спиранте (как продолжали думать и Богородицкий, и Мейе).

Новый этап в изучении данной проблемы начинается после того, как было открыто соответствие одному из слов, где предполагалось **þ* в карашарском («тохарском А») и хеттском языках. На оснований сравнения греч. *χθών* ‘земля’ с хет. *tekan* (§ 72) и карашарским *tkaṃ* [3] Кречмер установил для данного слова архетип **dh(e)ĝhóm*, причем греческую форму Кречмер объяснил метатезой после исчезновения (редуцированного) гласного: **dhĝhōm* > **ghdhōm* > *χθών* [4]. Сходным образом объяснил историю греч. *χθών* Курилович, указавший на то, что метатеза **θχών* > *χθών* аналогична **τιτκω* > *τίκτω* [5]. Независимо от Куриловича то же наблюдение сделал В. Бранденштейн [6]. Заслу-

[1] Ср., напр., очень сдержанные замечания: *Мейе.* Введение. С. 123.

[2] *В. А. Богородицкий.* Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. Казань, 1917. С. 43: «я считаю принятие этого своеобразного согласного для праязыка излишним».

[3] Впервые на сходство хеттского и карашарского слов указал Педерсен (*H. Pedersen.* Groupement des dialectes indo-européennes. P. 41), но он не использовал эти факты для пересмотра теории Бругмана о **þ* и**ð*.

[4] *P. Kretschmer.* Glotta. Bd. 20. 1931. P. 65—67.

[5] *J. Kuryłowicz.* Les problèmes de la phonétique indoeuropéenne // Actes du IVème congrès international des linguistes. Copenhague, 1938. P. 63; *J. Kuryłowicz.* Quelques problèmes de consonantisme indo-européen // Prace filologiczne. XVII. P. 79—96. В указанных работах Куриловича дается интерпретация др.-инд. *kṣam* < **ṭśam* < **tśam*, позволяющая предположить отражение той же группы переднеязычный взрывной + заднеязычный взрывной в этом слове, соответствующем греч. *χθών*. На вторичность оглушения в **tśam* указывает звонкий согласный в *jmā*.

[6] *W. Brandenstein.* Streifzüge. I. Die idg. Spiranten *þ* und *ð* // Glotta. 1936. Bd. 25. H. 1/2. S. 27—30, ср. сопоставление с **τίτκω* на S. 27, примеч. 1. Статья напечатана в

гой Бранденштейна является то, что он связал данный процесс с законом, по которому сочетание переднеязычный (зубной) смычный + заднеязычный (гуттуральный) смычный не допускалось в древних индоевропейских языках. Вследствие этого закона в тех случаях, когда в результате редукции гласного в древних индоевропейских языках образовывалась такая группа, недопустимая по законам сочетаемости фонем, действовавшим в этих языках, эта группа преобразовывалась: либо путем метатезы [1], либо путем утраты переднеязычного, либо путем превращения его в спирант. Этим объясняется различие между греческими параллельными (частично разнодиалектными) формами, в которых видели раньше отражение *þ и *ð: 1) *κτείνω* (метатеза *κτ* : **τκ*, ср. выше о *τίκτω*), кр. *κατα-σκενει* (спирантизация: **τκ* > *σκ*), *καίνω* (утрата зубного звука); 2) *κτάομαι*, *Φιλο-κτήτης* (метатеза *κτ* < **τκ*) и (на аттических вазах) *Φιλο-σκητης* (спирантизация **τκ* > *σκ*) и т. п. Разнообразие этих вариантов одной и той же основы, которое оставалось непонятным при принятии гипотезы Бругмана, легко объясняется согласно теории Бранденштейна, согласно которой речь идет об устранении недопустимого по фонетическим законам сочетания фонем, возникшего в относительно поздний период вследствие редукции гласного.

В греческом языке в словах этого типа обычным является сочетание типа *κτ* (заднеязычный + переднеязычный) из более древней группы типа **τκ* (переднеязычный + заднеязычный). Это согласуется с результатами исследования Аммера, который показал, что единственной допустимой группой типа смычный + смычный в древних индоевропейских языках была группа с начальным заднеязычным [2]. Следовательно, в сочетании переднеязычный смычный + заднеязычный смычный неизбежно должна была произойти метатеза, если не осуществлялась спирантизация или утрата переднеязычного смычного. Работа Аммера представляет значительный интерес для изучения данного вопроса в другом отношении: Аммер указывает, что исключение из других индоевропейских языков составляют «тохарские» (кучанско-карашарские) языки, где в результате редукции гласного первого слога, вызванной его безударностью, возникают сочетания смычных других ти-

том же году, когда Курилович делал доклад на эту тему на IV Международном лингвистическом конгрессе (см. предыдущее примечание).

[1] *Reichelt.* IF. Bd. 40. S. 80.

[2] *K. Ammer.* Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Wien, 1952. Bd. 2. H. 4. S. 200—201, ср. на с. 205 вывод: «nur die Gutturalen als Vorderglieder in größerem Umfange Konsonantenverbindungen zu lassen». Аммер не учел новейших исследований о проблеме *þ, поэтому значение установленных им самим фактов для проблемы того, что он называет «загадочным звуком *þ*» («den rätselhaften *þ*-Laut», *K. Ammer.* Указ. соч. S. 200), Аммером не отмечено.

пов [1], ср., напр., кучанское *tkācer* (карашарское *ckācar*) ‘дочь’: др.-инд. *duhitár*, греч. θυγάτηρ, лит. *duktẽ*, *dukter*(*è*)*s* и т. п. С этим следует связать то, что единственным языком, где сохраняется группа переднеязычный смычный + заднеязычный смычный в названии «земли», является карашарский язык: ср. карашарское *tkaṃ* и греч. χθών < *θχών ‘земля’. Как показал Педерсен [2], в карашарском языке начальные группы согласных сохраняются лучше, чем в кучанском, ср., напр., хет. *keššar* (§ 58) : каршарское *tsar*^{ə} ‘рука’, карашарское *šar*^{ə} (с упрощением начальной группы согласных). Поэтому карашарскому *tkaṃ* в кучанском языке соответствует *keṃ* ‘земля’. Упрощение группы согласных, которое наблюдается в греч. *χαμαι*, *χαμηλός* при χθών < *θχών (ср. фригийское *Γδαν* : *ζεμελω*), тождественно процессу, наблюдаемому в кучанском *keṃ* при карашарском *tkaṃ*.

Если карашарское *tkaṃ* ближе к древнему облику общеиндоевропейского названия земли, чем кучанское *keṃ*, то в хеттском языке сохраняется наиболее архаичная из засвидетельствованных форм данного слова с нередуцированным гласным между начальными переднеязычным и заднеязычным согласными. Написание формы им. пад. ед. ч. *te-e-kán* ‘земля’ (вариант *te-kán*) делает несомненным чтение *tekan*; в формах косвенных падежей засвидетельствована основа с корневым гласным *a*: род. пад. ед. ч. *tág-na-a-aš*, дат.-мест. пад. ед. ч. *tág-na-a* и *tág-ni-i*, отлож. пад. *tág-na-a-az*. Во всех этих формах встречается написание со знаком *tág*, который в хеттских текстах употреблялся для обозначения группы переднеязычный смычный + гласный *a* + заднеязычный смычный. Иное написание той же основы встречается в производном *da-ga-an-zi-pa-aš* (напр., KUB IV 4 II 13, см. § 72) и в наречии *ta-ga-a-an* (напр., KBo V 2 II 18). Различие между написаниями *tág-* и *ta-ga-* в хеттской клинописи не было случайным: если первый знак (*ták*) служил для передачи сочетания согласный + гласный + согласный, то сочетание знаков (*ta-ga-*) служило для передачи сочетания двух согласных [3] (поэтому сочетание *ta-ga-* в хеттской клинописи отличается от сочетаний типа *ta-a-ga-* или *ta-ag-*, которые были равнозначны *tág-*). Обращает на себя внимание то, что написание *tág* = [*tag*-] встречается в тех случаях, когда гласный второго слога редуцирован: *tag-n-*, тогда как написание *ta-ga-* = [*tg*] встречается в тех случаях, когда во втором слоге имеется гласный: *ta-ga-a-an*. Поэтому в данных формах следует видеть проявление количественного аблаута: основа *tagn-* с огласовкой *a*

[1] *K. Ammer.* Указ. соч. S. 200.

[2] *Pedersen.* Tocharisch. S. 266. В указанной выше работе Аммера это обстоятельство не отмечено.

[3] Употребление сочетания *ta-ga-* для передачи группы согласных типа [*tk*] является характерным проявлением того, что Педерсен называет «die der Keilschrift innewohnende Tendenz, sich dem alphabetischen Prinzip zu nähern»: *Pedersen.* Hittitisch. S. 4.

корня и редукцией гласного суффикса противостоит основе [*tgan*] (*ta-ga-a-an*) с редукцией гласного корня и огласовкой *a* суффикса. Поскольку это соотношение соответствует древнему закону построения индоевропейских основ (ср. выше, § 87, о соотношениях типа **ed-s-* : **u̯-es-*), соотношение *tagn-* : *tgan* следует признать архаичным. В основе *tagn-* суффиксу в нулевой ступени огласовки предшествует корень в полной ступени огласовки **o* (качественное чередование по отношению к *e* в форме им. пад. ед. ч. *tekan*), тогда как в основе *tgan* суффиксу в ступени **ŏ* предшествует корень в нулевой огласовке [1].

Этот вывод, сделанный на основании анализа данных хеттской письменности, подтверждается при сравнении с родственными словами других индоевропейских языков. В иероглифической хеттской Султанханской надписи засвидетельствована форма дательного падежа ^{KI}*da-k*(*a*)-*ma* ‘земле’ [2], соответствующая клинописной хеттской форме дат.-мест. пад. единств. ч. *tág-na-a* (о соотношении основы на *-m* в иероглифическом хеттском и основы на *-n* в клинописном хеттском см. § 72). Если в иероглифическом хеттском можно предположить, следовательно, точное соответствие клинописному хеттскому *tagn-*, то в карашарском языке имеется точное соответствие клинописному

[1] В. Георгиев выдвигает два возможных объяснения чередований в данной хеттской основе: *ē* (*ə*): ноль или *e* (*o*): ноль (*В. Георгиев.* Проблемы минойского языка. София, 1953. С. 23; ср. относительно анализа данного слова в работе В. Георгиева критические замечания Б. В. Горнунга: Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 114—115). Но предположение о том, что в *tagn-* корень находится в ступени редукции (**ə*), нельзя обосновать, так как 1) соотношение *tagn-* : *tgan-* указывает на то, что в *tagn-* гласный корня не редуцирован, 2) вопрос о развитии **ə* в хеттском остается дискуссионным (см. ниже) и надежных примеров, подтверждающих возможность развития **ə* > *a* между согласными в хеттском, привести нельзя. Поэтому из двух указанных В. Георгиевым архетипов **dhəgh-* и **dhogh-* (Там же. С. 24) — следует выбрать второй: представляется, что решение данного вопроса в работе В. Георгиева оставалось неполным именно потому, что не отмечено наличие основы [*tkan*] в *dagan* и *dagan-zipa*. Предполагавшиеся В. Георгиевым соответствия в «минойском» языке нельзя считать достоверными, так как согласно чтению Вентриса и Чадвика, принятому в настоящее время и В. Георгиевым (*В. Георгиев.* Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954. С. 81), в языке крито-микенской письменности встречается греческая форма *χθονός* (в написании *kotono*).

[2] *H. Th. Bossert.* Zu drei hieroglyphen-hethitischen Inschriften // Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung. Bd. I. H. 2. Heidelberg, 1950. S. 224. Фридрих (*J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 4. Heidelberg, 1954. S. 336), ранее высказывавший некоторые сомнения по поводу данного чтения, в настоящее время приводит *takam* ‘земля’ в качестве одного из наиболее достоверных чтений слов иероглифического хеттского языка.

хеттскому [*tgan*] = *da-ga-a-an*. Как указано выше (§ 42), хеттское наречие *da-ga-a-an*, восходящее к форме местного падежа с нулевым окончанием, генетически тождественно карашарской форме местного падежа с нулевым окончанием *tkaṃ*.

Сравнение клинописного хеттского *tekan*, *tagn-*, [*tgan*] = *da-ga-an*, карашарского *tkaṃ* и кучанского *keṃ* позволяет наглядно проследить развитие общеиндоевропейского названия «земли». Только в древних индоевропейских языках Малой Азии сохранилось количественное и качественное чередование в основах, образованных от этого корня. Во всех других языках была обобщена основа на **-em* с нулевой ступенью огласовки корня, ставшая непроизводной. Ввиду того, что структура этой изолированной основы не соответствовала правилам сочетаний фонем, действовавшим в большинстве древних индоевропейских языков, она подверглась разного рода изменениям: метатезе (греч. *χθών*), упрощению начальной группы согласных (кучанское *keṃ*, ст.-сл. **земьꙗ** и т. п.) и т. д. Рассмотрение этих фактов позволяет сделать следующий вывод об относительной хронологии данных явлений: появление группы переднеязычный смычный + заднеязычный смычный произошло в период после омертвения суффикса **-em-* в архаичных именных основах и после возникновения количественного (и качественного) аблаута. Никаких оснований для предположения о наличии особой общеиндоевропейской переднеязычной фонемы в названии «земли» **dh*(*e*)*gh*(*e*/*o*)*m* найти нельзя.

Несмотря на то, что история общеиндоевропейского названия «земли» противоречит гипотезе о существовании **þ* и **ð*, некоторые лингвисты (Лежён, Мартинэ) до настоящего времени продолжают придерживаться этой гипотезы в новом ее варианте, предложенном Бенвенистом [1]. Бенвенист предположил на основании всего того же скудного материала, которым располагал Бругман, существование особых индоевропейских фонем; отличие его теории от гипотезы Бругмана заключалось лишь в том, что вместо сочетания гипотетического спиранта с задненебным Бенвенист предположил наличие особого рода аффрикат (сходное предположение задолго до этого было высказано Кюни). Основанием для пересмотра теории Бругмана послужило только то, что она противоречила пониманию структуры индоевропейского корня Бенвенистом. Поэтому рассуждения Бенвениста носили чисто умозрительный характер. Поскольку при основах типа **tekþ-* (по Бругману) отсутствуют параллельные им основы типа **tkeþ* [2], Бенвенист предположил, что вместо **kþ* нужно принять аффрикату **k*^{s}; сведение **tekþ* к *tek*^{s} позволяет

[1] *E. Benveniste.* Le problème du *þ* indo-européen // Bulletin de la Société de linguistique. Paris, 1937. T. 38. F. 1. P. 139—147.

[2] *E. Benveniste.* Указ. соч. P. 140.

подвести эти основы под трехфонемную схему строения индоевропейского корня. Таким же образом выводились аффрикаты *g^zh и *$g^{zw}h$ [1]. Относительно последней гипотетической фонемы такой выдающийся фонетист, как Граммон, с полным основанием писал: «le phonème complexe $g^{wþ}h$ est purement théorique; il paraît être imprononcable» («сложная фонема *$g^{wþ}h$ является чисто теоретической; она кажется непроизносимой») [2]. Гипотеза Бенвениста вызывает возражения не только с чисто фонетической стороны, но и со стороны фонологической: ни сам Бенвенист, ни другие ученые, принявшие его гипотезу (Мартинэ, Лежён), не дали фонологического доказательства того, что данные единицы действительно были фонемами, а не сочетаниями фонем [3]. Между тем, рассмотренные выше факты хеттского и кучанско-карашарского языков свидетельствуют о том, что речь идет именно о сочетании фонем.

История индоевропейского названия «земли» противоречила гипотезе Бенвениста [4], но, вместо того чтобы отказаться от этой гипотезы, Бенвенист сделал попытку опровергнуть общепринятую в настоящее время этимологию хет. *tekan* и карашарского *tkaṃ* [5]. Однако аргументы Бенвениста следует признать несостоятельными в свете вновь обнаруженных фактов. Бенвенист утверждал, что хеттское и карашарское слова обнаруживают основу на *-n-*, тогда как в греческом и других индоевропейских языках представлена основа на **-m-*. Но в действительности хеттское *tekan-*/*takan* исторически является основой на **-m-* (как и карашарское *tkaṃ*), о чем свидетельствует недавно обнаруженная в иероглифической хеттской Султанханской надписи форма *d*(*a*)-

[1] Помимо указанной выше статьи Бенвениста см. об этих гипотетических аффрикатах: *M. Lejeune.* Traité de phonétique grecque. Paris, 1947. P. 31—33; *A. Martinet.* Non-apophonic *O*-vocalism in Indo-European // Word. 1953. Vol. 9. № 3. P. 265, 267.

[2] *M. Grammont.* Phonétique du grec ancien. 1948. P. 197. Выражение «сложные фонемы» («phonèmes complexes») по отношению к *k^s, *$g^{wþ}h$ и т. п., Граммон употребляет вслед за Лежёном, ср.: *M. Lejeune.* Указ. соч. P. 31.

[3] Эта сторона вопроса очень отчетливо показана в исследовании: *W. P. Lehmann.* Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952. P. 9—10, 99—100, ср. в особенности на с. 100: «Phonemically... the structure is clear. It never contrasts minimally with a succession of velar and dental obstruent phonemes». Но сам Леман в недостаточной степени использовал факты хеттского языка, вследствие чего он не дал правильного определения порядка фонем, входящих в данную «группу» (cluster), и не указал на причины появления и устранения этой группы.

[4] На это указал Швицер при обсуждении доклада Бенвениста на IV Международном лингвистическом конгрессе, см.: Actes du quatrième congrès international de linguistes. Copenhague, 1938. P. 265.

[5] *E. Benveniste.* Forme indo-européenne du gr. *χθών* // Melanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken. Paris, 1937. P. 194—195.

kam(*a*) ‘земле’ (см. в § 72 о переходе данной основы из типа основ на *-*m* в тип основ на *-n* в ряде индоевропейских языков). Совершенно неубедителен и второй аргумент, приводимый Бенвенистом для доказательства отсутствия связи между гр. *χθών* и караш. *tkaṃ*. Речь идет о кучанском глаголе **ktsai*- ‘стареть’, который был сопоставлен Мейе с греч. *φθίνω*, др.-инд. *kṣinóti* ‘уничтожает’. Поскольку *φθίνω* и *kṣinóti* принадлежат к числу слов, в которых предполагается спирант Бругмана, Бенвенист считает невероятным, что сочетание *tk*- в карашарском *tkaṃ* восходит к сочетанию, близкому по структуре к тому, которое отражено как *kts*- в кучанском **ktsai*-.

Но сопоставление **ktsai*- и *φθίνω* отнюдь не бесспорно. Глагольные формы от этой основы в кучанском языке не засвидетельствованы; имеется лишь два производных имени: прилагательное *ksaise* < **ktsaitse* ‘старый’ и отвлеченное существительное *ktsaitsäññe* (*ksaitsñe*) ‘возраст’ [1]. Сопоставление двух этих имен с др.-инд. *kṣinóti* и др.-гр. *φθίνω* ’уничтожаю, разрушаю’ ни с семантической, ни с морфологической стороны нельзя считать несомненным. Бенвенист не учел и того, что группа *tk*- всегда сохраняется в словах данного типа только в карашарском языке, тогда как в кучанском языке в некоторых случаях она устраняется (караш. *tkaṃ* : куч. *keṃ*) [2], поэтому наличие в кучанском языке основы *ktsai*-, *ksai*- не опровергает этимологии карашарского *tkaṃ*. Выше отмечалось, что группа переднеязычный смычный + заднеязычный в древнегреческом устранялась различными способами: либо путем метатезы и ассибиляции переднеязычного, либо благодаря исчезновению переднеязычного; аналогичные процессы осуществлялись и в других индоевропейских языках. Поэтому, если *ktsai*- и связано с *φθίνω*, то это обстоятельство нисколько не противоречило бы наличию в кучанском языке наряду с *ktsai*- и основы *keṃ*-: в первом случае группа *tk* была бы устранена посредством метатезы и ассибиляции (**tk* > *kts*, ср. др.-инд. *kśam* < **dhĝhom*), во втором случае — благодаря упрощению **tk* > *k*. По всем этим причинам нельзя приводить это сопоставление для опровержения совершенно очевидной генетической связи хет. *tekan*, *tagn*-, *tagan* ‘земля’, иер. хет. *dakam*- ‘земля’, караш. *tkaṃ*, кучанского *keṃ*, греч. *χθών* ‘земля’, *χαμαί* ‘на земле’ и т. п. А принятие этой этимологии хет. *tekan* ведет к опровержению гипотезы Бенвениста по крайней мере в отношении одной из нескольких индоевропейских корневых морфем, на которых основываются гипотезы Бругмана и Бенвениста. Для окончательного

[1] Ср.: *Krause.* Das Verbum. S. 243.

[2] Группа *tk*- сохраняется и в кучанском, и в карашарском языках в названии «дочери» (см. выше), но редукция гласного, приведшая к образованию этой группы в кучанском *tkācer*, относится к гораздо более позднему периоду (в данном слове исчезновение гласного осуществилось в период самостоятельного развития кучанско-карашарского).

решения вопроса о так называемом «межзубном спиранте» (resp. «аффрикате» Бенвениста) существенное значение имеет гипотеза Зоммера, который с большим вероятием предположил для хет. *ḫartagga-* (общ. р.) значение «медведь» [1]. Согласно данному толкованию хеттского слова, его можно связать с греч. *ἄρκτος* ʻмедведь’, др.-инд. *ṛkṣa-*, лат. *ursus*, ирл. *art* и т. п., т. е. с группой слов, где предполагался зубной спирант (греч. *κτ* = др.-инд. *kṣ*). Сравнение таких слов, как ирл. *dú*, *don* ʻземля’ (родственно гр. *χθών*) и ирл. *art* ʻмедведь’ (гр. *ἄρκτος*), давно уже позволило сделать вывод о том, что в общеиндоевропейских названиях «земли» и «медведя» представлен шумный согласный (или группа шумных согласных) одного и того же типа, но различающийся по признаку глухости-звонкости (ирл. *d* в *dú* : ирл. *t* в *art*). Хеттская графика позволяет различить (в некоторых случаях) древние глухие и звонкие согласные в интервокальном положении: древние глухие могут обозначаться сдвоенным написанием, древние звонкие — несдвоенным [2] (ср. § 43). Поэтому различие между несдвоенным *k* в *te-*(*e*)*-kán* ʻземля’ и сдвоенным *-gg-* (*-kk-*, *-qq-*) в *ḫar-tág-ga-aš* ʻмедведь’ (KUB XXIX I 9 29), *ḫa-ar-táq-qa* (KUB XVI 43 обр. ст. 3) можно считать отражением древнего различия между глухим согласным (или группой согласных) в названии «медведя» и звонким согласным в названии «земли» [3]. Поскольку хет. *-gga-* (*-kka-*, *-qqa-*) в *ḫartagga-*

[1] К этому толкованию данного слова с некоторыми оговорками присоединился и Фридрих, см.: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 61 (со ссылкой на неопубликованное письмо Зоммера), ср. также: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 3. 1953. S. 283. Перевод этого слова нельзя считать абсолютно достоверным, так как он установлен не на основании чередования фонетического написания с идеограммой, а только на основании сличения различных контекстов. Но в пользу толкования Зоммера можно привести ряд аргументов. Зоммер указал на ритуальный текст KUB XXIX I 28—29, где *ḫar-tág-ga-aš* упоминается наряду с UR.MAḪ-*aš* ʻлев’ и UG.TUR ʻпантера’. С этим следует сопоставить параллелизм встречающихся в ритуалах выражений LÚ^{MEŠ} UR.MAḪ ʻлюди-львы’ (ʻлюди льва’), LÚ *hartagga-* ʻчеловек-медведь’, ʻмедвежий человек’ (по Фридриху: *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 3. S. 283) и LÚ^{MEŠ} UR.BAR.RA ʻлюди-волки’, ʻволчьи люди’ (напр., KUB VII 19 пер. ст. 5), ср. LÚ UR.ZÍR ʻчеловек-собака’ (для понимания значения данных культовых терминов особенно важен текст KUB IX 31 II 9 след., где описывается магическая церемония, во время которой на юношу надевается шкура барана, причем он должен кричать «по-волчьи» UR.BAR.RA-*ili*, ср. LÚ^{MEŠ} UR.BAR.RA ʻлюди-волки’, см. об этом тексте: *Otten.* Luv. S. 59).

[2] Точное определение древней фонетической значимости переднеязычного шумного согласного в *tekan* и *ḫartagga-* дать нельзя, так как глухость и звонкость в начале слова (*t* в *tekan*) и после другого согласного (*t* в *ḫartagga-*) не обозначается. Поэтому *-rt-* может быть из *-*rd-* или *-*rt-*.

[3] Там же.

можно возвести к *-*ko*-, хет. *ḫartaggaš* близко к архетипу **ŕdkos*, которое Бранденштейн предположил для общеиндоевропейского названия «медведя» на основании изложенного выше понимания проблемы *þ [1]. Согласно Бранденштейну, данная основа в общеиндоевропейском языке была производной. Это предположение представляется очень вероятным потому, что суффикс *-*ko*- часто встречается в индоевропейских названиях животных [2]. Наряду с суффиксом *-*ko*- может выступать суффикс *-*oko*- [3]. По-видимому, эта форма суффикса представлена в хет. *ḫartagga*-; это слово обычно пишется посредством знака -*tág*- (о чтении этого знака см. выше): *ḫar-tág-ga-aš* (KUB XXIX I 9 29), *ḫa-ar-táq-qa* (KUB XVI 43 обр. ст. 3); правильность чтения этого знака как обозначения трехфонемного сочетания подтверждается вариантными написаниями *ḫar-ta-ag-ga-an* (Bo 2740, 8) [4] и *ḫar-ta-ak-ki* (Bo 3202, 17) [5]. Но наряду с основой *ḫartagga*- в хеттских текстах встречается и вариант той же основы *ḫartka*-: так следует читать написание *har-ta-ka-aš*, Bo 2740, 6 [6], см. выше о различии написаний *tág*, *ta-ag* = [*tag*] и *ta-ka* = [*tk*(*a*)]; сдвоенное написание согласного после другого согласного не встречается, чем объясняется различие между *ḫar-tág-ga-aš* = *ḫartakkaš* и *ḫar-ta-ka-aš* = *ḫartkaš*. Если в хеттском языке параллельно существовали варианты одной и той же основы *ḫartakka*(*š*) и *ḫartka*(*š*) (второй вариант встречается гораздо реже), то в других индоевропейских языках отражена только основа на *-*ko*- без предшествующего гласного (как в хет. *ḫartka*-): греческое *ἄρκτος* можно возвести к **αρτκος* (ср. выше о *τίκτω* < **τιτκω*), причем в параллельной греческой форме *ἄρκος* наблюдается исчезновение переднеязычного смычного, аналогичное тому, что наблюдается в *χαμαί* при *χθών* < **θχών*; в ирл. *art*, лат. *ursus* и т. п. наблюдается упрощение группы смычных согласных, как и в названии «земли», родственном *χθών*. Преобразование группы согласных в данном слове, как и в

[1] *W. Brandenstein.* Streifzüge. Die idg. Spiranten *þ* und *ð* // Glotta. 1936. Bd. 25. H. l/2. S. 29. Следует отметить, что статья Бранденштейна опубликована за 16 лет того, как стало известно значение хет. *ḫartagga*-.

[2] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. § 476 d. S. 605; § 385 c. S. 505—506. Относительно корня, который можно предположить в данной основе, ср.: *W. Brandenstein.* Указ. соч. S. 29. Гипотеза Шпехта (*F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. S. 239—240) о морфологическом строении общеиндоевропейского названия «медведя» неудовлетворительна потому, что Шпехт совершенно игнорирует фонетическую сторону данной проблемы (это же относится и к интерпретации Шпехтом гр. *χθών*, см.: *F. Specht.* Указ. соч. S. 241).

[3] *Brugmann.* Grundriss. Bd. II. T. 1. S. 493—494 (ср.: *Мейе.* Введение. С. 280 о типе **oinoko*-).

[4] Тексты, напечатанные Гютербоком в: ZA NF. Bd. 10. H. 1/2. 1938. S. 87.

[5] Там же.

[6] Там же.

названии «земли», было, по-видимому, связано с морфологическим опрощением и с исчезновением гласного, засвидетельствованного в хет. *ḫartagga-*.

Если значение *ḫartagga-* ʻмедведьʼ установлено Зоммером правильно (что представляется очень вероятным), то это хеттское слово подтверждает гипотезу Бранденштейна, предполагавшего для данного слова архетип **ǵdkos* [1], а не гипотезу Бенвениста и его последователей, предполагавших архетип **ǵk^{s}o-* [2] (т. е. **ǵkþo-* по Бругману). Это показывает, что не только особенности фонетической структуры общеиндоевропейского названия «земли» (хет. *tekan*), но и особенности других слов, в которых предполагался «спирант» Бругмана («аффриката» Бенвениста), могут быть объяснены как результат развития сочетания переднеязычного смычного и заднеязычного смычного, которое возникло на относительно позднем этапе истории диалектов общеиндоевропейского языка. Общеиндоевропейские названия «земли» и «медведя» являлись наиболее достоверными общеиндоевропейскими примерами звуков этого типа; число других аналогичных слов очень ограничено, причем другие слова с предполагаемыми **þ*(*k^s*) и **ð* в*с*тречаются только в части диалектов. Поэтому, поскольку новое объяснение данных явлений, основанное на фактах хеттского языка, можно считать доказанным по отношению к названию «земли» (хет. *tekan*, *tagn*, *tgan-*) и очень вероятным по отношению к названию «медведя» (хет. *ḫartagga-*, согласно интерпретации Зоммера), гипотезы о существовании особых общеиндоевропейских переднеязычных спирантов или дорсальных аффрикат представляются в настоящее время несостоятельными.

Как отмечалось выше, гипотеза Бенвениста о существовании в общеиндоевропейском языке дорсальных аффрикат типа **k^s* основана на теории Бенвениста о структуре индоевропейского корня. Но из того, что гипотеза Бенвениста о фонемах типа **k^s* является ошибочной, нельзя механически делать вывод о несостоятельности теории Бенвениста о структуре корня (см. об этой теории в целом в § 91). Хет. *tekan*, *tagn-*, иер. хет. *dak*(*a*)*m-*, караш. *tkaṃ* опровергают архетип **g^{z}hem* (где **g^{z}h* — аффриката), предложенный для корня гр. *χθών* Бенвенистом и Лежёном. Но в то же время структура этих форм

[1] Бранденштейну не было известно наличие гласного перед **-ko* (в *ḫartagga-*); в этом отношении факты хеттского языка заставляют внести поправку в реконструкцию Бранденштейна. Вторая поправка касается начальной фонемы (см. следующее примечание).

[2] *E. Benveniste.* Le problème du *þ* indo-européen // BSL. 1937. Vol. 38. F. 1. P. 141; *M. Lejeune.* Traité de phonétique grecque. Paris, 1947. P. 32. Следует, однако отметить, что Бенвенист более точно, чем Бранденштейн, реконструировал начальные фонемы данной основы: хеттское *ḫar-* в *ḫartagga-* соответствует **ər-* в архетипе **ər-k^s*, к которому Бенвенист возводил **ǵk^s-o-* (*E. Benveniste.* Указ. соч. P. 141; знаком **ə* Бенвенист обозначал «ларингальный», давший *ḫ* в хеттском, ср. ниже, § 89).

вполне соответствует открытому Бенвенистом закону строения архаичных именных основ: *tekan* < **dhéĝhm̥-* (**m̥ > *am > *an* в конечном положении в хеттском); *tagn-* < **dhóĝh-m-*; хет. *da-ga-a-an* = [*tgan*], караш. *tkaṃ* < **dhĝh-ṓm* (откуда и гр. **θχών > χθών*). Следовательно, ошибка Бенвениста в данном случае состояла в том, что он попробовал подвести под установленную им норму (действовавшую только в очень древний период развития индоевропейских диалектов) такие основы, как гр. *χθών*, облик которых является, в действительности, результатом ряда гораздо более поздних процессов (обобщения нулевой ступени огласовки корня, морфологического опрощения, устранения недопустимого сочетания согласных путем метатезы), как это показывают неучтенные Бенвенистом факты хеттского языка.

§ 89. Особенности корневых морфем, в состав которых входит *ḫ*. Фонетическая характеристика хеттского *ḫ* и родственных ему фонем древних индоевропейских языков Малой Азии

Уже анализ таких хеттских слов, как *tekan* (§ 88), показывает, какое исключительное значение факты хетто-лувийских языков имеют для установления древнейшей структуры индоевропейских основ. Но особенную ценность представляют данные хеттского языка для исследования истории общеиндоевропейских корней, к которым восходят морфемы хеттского языка, включающие в свой состав *ḫ*. После работ выдающегося польского лингвиста Куриловича, посвященных этому вопросу, ларингальная гипотеза стала одной из основных проблем сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков (ср. выше, Введение).

Признавая ценность исследований ряда современных лингвистов, работавших в этой области, следует вместе с тем отметить один общий недостаток, присущий большинству работ по ларингальной гипотезе: крайнюю неопределенность фонетической характеристики так наз. «ларингальных», т. е. тех общеиндоевропейских фонем, к которым возводится хет. *ḫ*[1]. Все современные исследования по ларингальной гипотезе опираются на монографию Соссюра (ср. Введение), в которой отсутствовала детальная фонетическая интерпретация предполагаемых Соссюром явлений. Эта особенность исследования Соссюра отмечалась еще в начале XX в. С. Буличем, который писал:

[1] Этот недостаток отмечается в некоторых новейших работах по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, ср., напр., замечание Мессинга: «most of the recent works on Indo-European ablaut theory are highly schematic with regard to phonetic interpretation»: *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1947. Vol. 41—57. P. 164.

«Реальные звуковые особенности данного звука мало принимались Соссюром во внимание, что находилось в связи с довольно абстрактным, так сказать, алгебраическим характером всей его системы гласных, построенной предположительно для индоевропейского праязыка» [1]. Следует, однако, заметить, что эта неопределенность в характеристике фонемы *A* (т. е. той фонемы, с которой Курилович отождествил хет. *ḫ*) в то время была неизбежной, так как эта фонема не была засвидетельствована ни в одном из индоевропейских языков и Соссюр реконструировал ее только на основании изучения системы индоевропейских чередований. Поэтому спорными являются утверждения Ельмслева, считающего, что Соссюр сознательно не дал фонетической характеристики этой фонемы, так как для Соссюра это вообще не имело значения. Ельмслев пишет: «де-Соссюр сам никогда бы не решился на... чисто фонетическую интерпретацию. Для него *A* не было конкретным звуком, и он остерегался определить его с помощью фонетических примет, просто потому что это не имело для него никакого значения; его единственно интересовала система как таковая, а в этой системе *A* определялось своими определенными соотношениями с другими единицами системы...» [2]. Ельмслев по существу приписывает Соссюру свою собственную точку зрения. В своей статье о ларингальной гипотезе Ельмслев утверждает, что «грамматика общеиндоевропейского языка может быть создана только при сознательном отвлечении от априорных соображений фонетики» («la grammaire de l'indo-européen ne peut être faite qu'en faisant abstraction consciemment des considérations aprioriques de la phonétique» [3]). Если для Соссюра фонетическое определение фонемы *A* было невозможно ввиду отсутствия необходимых данных (а не потому, что это определение было для него излишним, как думает Ельмслев), то Ельмслев сознательно устраняется от фонетической характеристики этой фонемы, которая может быть дана в настоящее время на основе фактов хеттского языка [4].

Работы Ельмслева, в которых с наибольшей отчетливостью выражено структуралистическое понимание ларингальной гипотезы, в своей конкретной части не вносят ничего нового в изучение данного вопроса. Но следует признать, что недостаточное внимание к фонетической характеристике «ларингальных» обнаруживается и в таких исследованиях, которые в других отношениях являются очень ценными. Сам термин «ларингальные», который в

[1] *С. Булич.* Фонема // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 36. 1902. С. 239.

[2] *Л. Ельмслев.* Метод структурного анализа в лингвистике // Acta linguistica. Copenhague, 1950—51. Vol. 6. № 2/3. С. 60.

[3] *L. Hjelmslev.* Accent, intonation, quantité // Studi baltici. Vol. 6. Roma, 1937. P. 46.

[4] «On fait abstraction aussi du hittite»: *L. Hjelmslev.* Там же. P. 46, примеч. 70.

работах Меллера был введен для обозначения *A* и *O* Соссюра (и *E* Меллера) в связи с гипотезой Меллера о родстве индоевропейских *A* и *O* с семитическими ларингальными, в работах современных ученых, в большинстве своем не разделяющих гипотезу Меллера, употребляется совершенно условно [1]. Курилович обосновывал неопределенность фонетической характеристики «ларингальных» в своих работах тем, что вопрос о различии между ларингальными и фарингальными в данном случае «est d'importance secondaire, sans influence sur les conclusions d'un ordre purement phonologique» [2] («имеет второстепенное значение и не может оказать влияния на выводы чисто фонологического порядка»). Но вопрос о том, являются ли эти фонемы сонантами (как полагал Соссюр и вслед за ним некоторые современные ученые) или же «несонантическими» согласными (как считает сам Курилович), отнюдь не является второстепенным, так как от решения этой проблемы зависит решение других вопросов сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков (см. ниже). Поэтому влияние радикального противопоставления фонетики и фонологии отрицательно сказывается на ряде исследований в области ларингальной гипотезы. Как это ни странно, именно данные хеттского языка недостаточно учитываются в большинстве работ, посвященных «ларингальным» [3], хотя все ученые соглашаются с тем, что только хеттский язык действительно может дать доказательства существования этих звуков. В тех случаях, когда давалась фонетическая характеристика этих звуков (напр., в работах Сэпира), это делается без достаточного критического анализа данных хеттского языка. Между тем, именно хеттский язык может дать возможность установить приблизительный характер звука, который развился в хеттское *ḫ*. Поэтому должны быть использованы с возможной полнотой все приемы фонетического истолкования хеттских текстов.

Для установления фонетической характеристики хеттского *ḫ* (*hh*) наука располагает следующими способами: 1) изучение хеттской клинописи; 2) изучение клинописных графических систем, генетически близких к хеттской; 3) изучение иноязычных заимствований в хеттском языке; 4) изучение заимствований из хеттского языка в другие языки.

Хетты пользовались силлабической системой клинописи, в которой каждый знак передавал не один звук, а сочетание звуков. В частности, для передачи звука, который в научной передаче хеттской клинописи обозначается

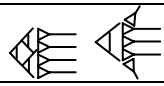
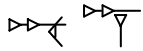
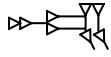
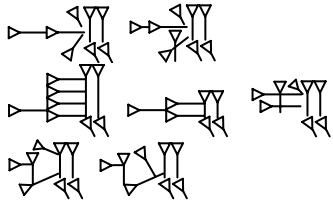
[1] См. замечания о термине «laryngeal» в монографии: *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. P. 15; ср. также замечания по данному вопросу в исследовании: *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 6.

[2] *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. I. Kraków, 1935. P. 27, примеч. 2.

[3] Ср. об этом: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 78.

посредством *ḫ* (*ḫḫ*), могли быть использованы следующие клинописные знаки (см. прилагаемую таблицу).

Таблица клинописных хеттских знаков, служащих для передачи *ḫ*

1.	*aḫ*, *iḫ*, *uḫ*		вариант	
2.	*ḫa*		варианты	
3	*ḫal*			
4.	*ḫap*			
5.	*ḫar*, *ḫur*		варианты	
6.	*ḫaš*		варианты	
7.	*ḫat*			
8.	*ḫé*			
9.	*ḫu*			
10.	*ḫi*		варианты	
11.	*maḫ*		варианты	
12.	*taḫ*, *túḫ*		варианты	

Эти же клинописные знаки или знаки, близкие к ним, употреблялись в аккадской клинописи, к которой восходит хеттская клинопись, и в клинописи хурритской, служившей, по-видимому, промежуточным звеном между хеттской и аккадской системами клинописи. Аккадское *ḫ* было заднеязычным

глухим щелевым согласным [1]. Хурритское *ḫ* также определяется как заднеязычный щелевой согласный, для определения хурритского *ḫ* и хеттского *ḫ* с точки зрения работы голосовых связок при произнесении этих звуков необходимо учитывать то, что в хурритской клинописи, как и в хеттской клинописи, различалось два написания согласных в интервокальном взрывном положении: сдвоенное и несдвоенное. Сравнение хурритской клинописи с написанными алфавитным письмом хурритскими текстами из Рас Шамра позволяет установить, что различие между сдвоенным и несдвоенным написанием интервокальных взрывных согласных отражало фонологическое различие между сильными (глухими) и слабыми (озвонченными или звонкими) взрывными согласными в хурритском языке [2]. Сравнительно-исторический анализ языка клинописи показывает, что индоевропейские глухие взрывные согласные в хеттском языке развились в звуки, часто (хотя и не всегда) передаваемые сдвоенным написанием в интервокальном положении, тогда как индоевропейские звонкие развились в звуки, часто отражаемые несдвоенным написанием в положении между гласными [3], ср., напр., дат.-мест. пад. ед. ч. *ḫiti* (**ḫed-* ‘вода’, § 53) и *ḫitti* (**ḫet-* ‘год’, § 43). Поэтому можно предполагать, что в хеттской клинописи различие между сдвоенным и несдвоенным написанием взрывных согласных первоначально передавало примерно такое же различие в произношении взрывных согласных, что и в хурритском [4]. Это предположение согласуется с принятым в настоящее время большинством специалистов мнением о том, что хетты переняли клинопись не непосредственно у ассириян (т. е. не чисто аккадскую форму клинописи), а либо через хурритов, либо из источника, общего у хеттской клинописи с хурритской [5].

---

[1] Ср.: *E. A. Speiser.* Comments on Recent Studies in Accadian Grammar // JAOS. 1953. Vol. 73. № 3. P. 130.

[2] К фонетической характеристике сдвоенных согласных в хурритском ср.: *И. М. Дьяконов.* О языках древней Передней Азии // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 52.

[3] Впервые установлено Стертевантом: *E. H. Sturtevant.* A Comparative Grammar of the Hittite Language. Philadelphia, 1933 (первое издание). § 66. P. 74.

[4] Поскольку в хурритском различие заключалось, по-видимому, в противопоставлении сильных и слабых (ср. выше), гипотезу о наличии «передвижения согласных» в хеттском (ср., напр.: *T. Milewski.* La mutation consonantique en hittite et dans les autres langues indo-européennes // AOr. Vol. 17. Part. 2. P. 189—195) нельзя считать исключенной: хеттское «передвижение согласных» можно было бы истолковать как переход противопоставления глухих и звонких в противопоставление сильных и слабых. Но не исключена и возможность различения в хеттском глухих и звонких, так как хеттская графика может быть близка к хурритской, но не обязательно должна совпадать с ней полностью.

[5] *P. M. Purves.* Hurrian Consonantal Pattern // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1941. № 4. P. 403—404; *E. A. Speiser.* Introduction to Hurrian.

И в хурритской клинописи, и в связанной с ней по происхождению хеттской клинописи, различие между сдвоенным и несдвоенным написанием согласных в интервокальном положении наблюдается не только при изображении на письме взрывных согласных, но и при изображении других согласных, в частности *ḫ*. Но выводы, сделанные по отношению к взрывным согласным, нельзя механически распространять на невзрывные согласные. Поэтому вопрос о чтении написаний *ḫ* и *ḫḫ* в хурритской и хеттской письменности является очень сложным.

Согласно Шпейзеру, в хурритском различались две фонемы: 1) глухой заднеязычный спирант *ḫ*, обозначавшийся сдвоенным написанием -*ḫḫ*- в интервокальном положении в хурритской клинописи и посредством знака [*ḫ*] в алфавитных текстах из Рас Шамра, 2) звонкий заднеязычный спирант γ, обозначавшийся несдвоенным написанием -*ḫ*- в интервокальном положении в хурритской клинописи и посредством знака [ġ] в алфавитных текстах из Рас Шамра [1]. Но интерпретация знака [ġ] в хурритских алфавитных текстах не может считаться окончательной, так как в текстах из Рас Шамра нет абсолютно достоверных соответствий хурритским словам, которые пишутся посредством несдвоенного *ḫ* в клинописи [2]. Кроме того, выводы, сделанные в отношении хурритского *ḫ*, нельзя переносить на хеттское *ḫ* без предварительного анализа данных хеттской письменности [3].

Для обоснования предположения о существовании в языке звонкого *ḫ* = [γ] часто используются наблюдения Гётце и Педерсена о смешении *ḫ* и *r* в параллельных написаниях *u̯aḫnu-*/*u̯arnu-* ‘сжигать’ [4], ср., напр., в недавно опуб-

New Haven, 1941. P. 13, примеч. 8; *E. Laroche.* Recherches. Paris, 1947. P. 132; *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. 1947. S. 9.

[1] *E. A. Speiser.* Introduction to Hurrian (The Annual of the American Schools of Oriental Research. Vol. 20, 1940—1941). New Haven, 1941. P. 44—49 (ср. также: *E. A. Speiser.* Phonetic Method in Hurrian Orthography (V. *ḫḫ* : *ḫ*) // Language. 1940. № 4. P. 334—336). В статье: *P. M. Purves.* Hurrian Consonantal Pattern // The American Journal of Semitic Language and Literatures. 1941. № 4. P. 395, выдвигается иная точка зрения, но все же и автор этой статьи соглашается с тем, что *ḫ* в хурритском могло иметь двоякое произношение (Там же. P. 395, примеч.).

[2] Рассуждения Шпейзера основаны на отождествлении алфавитного написания *ḫlpġ* с предполагаемым клинописным **Ḫalpaḫi*/*e*, но последнее написание в клинописных хурритских текстах не засвидетельствовано (см.: *E. A. Speiser.* Указ. соч.).

[3] В этой связи следует отметить то, что в алфавитных текстах из Рас Шамра слова *ġtš* [ḫtš] ‘серебро’ и *ḫty* ‘хетты’ имеют различные начальные знаки (ср.: *Sommer.* IF. 1937. Bd. 55. H. S. 173, примеч. 1), тогда как в хеттском языке соответствующие слова, по-видимому, произносились с одним и тем же начальным согласным, ср. идеографическое «ребусное» написание ^{URU}KÙ.BABBAR-*aš* = ^{URU}*Hattušaš* ‘(город) Хаттусас’, где KÙ.BABBAR — идеограмма со значением «серебро».

[4] *Götze—Pedersen.* MS. S. 28—32; ср.: *B. Rosenkranz.* OLZ. 1953. № 3/4. S. 145—146.

ликованных текстах ABoT 29 II 10 *ɥa-ar-nu-an-zi* и ABoT 31 3 6 [1] *ɥa-aḫ-nu-ɥa-a*[*n*]-[*zi*] ‘(они) сжигают’. Но ввиду того, что чередование *ḫ* : *r* наблюдается только в одном слове, оно может объясняться не фонетическими причинами [2] (напр., смешением двух синонимичных глаголов).

Эдуард Сэпир в ряде статей [3] доказывал различение в хеттском языке звонкого *ḫ* и глухого *ḫḫ*, основываясь на чтении слов, заимствованных, по его мнению, из хеттского языка в древнегреческий и семитические языки, а также из семитических языков в хеттский. Но этимологии, на которых основаны рассуждения Сэпира, сомнительны. Хеттское *ḫapatiš* ‘подчиненный’, по-видимому, действительно является заимствованным словом, так же как и несомненно связанное с ним армянское *hpat-ak* ‘подчиненный, подданный’ [4] (о заимствованном характере этого армянского слова говорит наличие *p*), которое не было учтено Сэпиром. Но это слово, возможно, происходит не из семитического **ʿabdu* ‘раб’, как думал Сэпир, а из протохеттского (хаттского) слова, основа которого засвидетельствована в имени протохеттского бога-защитника (идеограмма ^{d}LAMA) ^{d}*Hapantali* и в некоторых других протохеттских именах и словах [5]. Поэтому нет оснований считать *ḫ* в *ḫapatiš* соответствием звонкому семитическому ларингальному *ʿ*, как это делал Сэпир. Из всех этимологий, приводимых Сэпиром [6],

[1] О параллелизме данных текстов см.: *A. Goetze.* JCS. 1948. Vol. 2. № 3. S. 236.

[2] Куврер (*W. Couvreur.* De Hettitische *Ḫ*, een bijdrage tot de studie van het Indo-Europeesche vocalisme // Bibliothèque du Muséon 5. Leuven 1937. P. 54—55), основываясь на ряде колебаний в написании глагола *ɥarnu-*, считал его заимствованным (Педерсен, напротив, предлагал сопоставление со ст.-сл. **варити**).

[3] *E. Sapir.* Hittite *ḫapatiš* «vassal» and Greek *ὀπᾱδός* // Language. 1934. Vol. 10. P. 274—279; *Он же.* Greek *ἀτυζομαι*, a Hittite Loanword, and its Relatives // Language. 1936. Vol. 12. P. 175—180; *Он же.* Hebrew «Helmet», a Loanword and its Bearing on Indo-European Phonology // JAOS. 1937. Vol. 57. P. 73—77. В том же плане написана работа *J. Puhvel.* Semitic affinities of Hittite *har-as-zi* // JAOS. 1954. Vol. 74. № 2. P. 86—88. Но в этой работе Пухвель исходит из того фонетического определения хет. *ḫ*, которое дает Стертевант вслед за Сэпиром, поэтому было бы методически неправильно использовать этимологию, предлагаемую в этой работе, для определения фонетической значимости хет. *ḫ*.

[4] *Г. Капанцян.* Chetto-armeniaca. Эривань, 1931—1933. С. 120; *Он же.* Хайаса — колыбель армян. Ереван, 1947. С. 81.

[5] *E. Laroche.* Recherches. 1947. P. 22—23, 36. Сопоставление с др.-инд. *sapati* ‘он служит’, предложенное: *A. Juret.* Vocabulaire étymologique de la langue hittite // Publications de la faculté des lettres de l’Université de Strasbourg. F. 99. 1942. P. 35, неудовлетворительно с фонетической точки зрения, так как соответствие др.-инд. *s* и хет. *ḫ* в других случаях не наблюдается.

[6] Неосновательность большинства этих этимологий показана Педерсеном: *Pedersen.* Hittitisch. S. 189. К этимологии хет. *ḫatuki-* ср.: *E. Benveniste.* Mélanges linguistiques offerts à M. Holger Pedersen. Aarhus, 1937.

несомненна только одна; др.-евр. *ḥitti* ʻхеттскийʼ; хет. *ḫatti*. Но в этом слове хеттскому *ḫ* соответствует семитический глухой согласный; поэтому именно эта этимология ничего не дает для решения вопроса о звонком варианте *ḫ* в хеттском и о соотношении *-ḫḫ-* : *-ḫ-*.

Для правильного истолкования соотношения между *-ḫ-* и *-ḫḫ-* следует обратить внимание на три обстоятельства: 1) *-ḫḫ-* встречается обычно после *a*, *u*; *-ḫ-* — после *e*; 2) после *e* не только *ḫ*, но и другие невзрывные согласные обычно пишутся без удвоения; 3) после гласных, написанных с удвоением, не только *ḫ*, но и *l*, *m*, *n*, *r*, *s* (т. е. все хеттские невзрывные согласные) писались без удвоения [1]. Из этого можно сделать вывод о том, что распределение двух вариантов хеттского *ḫ* связано с его позицией: в положении после *e* обычно употреблялось *-ḫ-*, в положении после гласных *a*, *u* — *-ḫḫ-* (но есть и более сложные случаи, напр., *na-a-ḫu-un* ʻя боялсяʼ, где *-ḫ-* после *a* при параллельном написании *na-aḫ-ḫu-un*; при объяснении таких единичных случаев надо иметь в виду крайнюю неупорядоченность хеттской орфографии) [2]. Это дает основание предположить, что *ḫ* и *ḫḫ* в хеттском языке могли не быть разными фонемами; в пользу этого предположения говорят такие параллельные формы, как *la-a-ḫu-i* ʻон льетʼ и *la-aḫ-ḫu-tin* ʻлейтеʼ (2 л. мн. ч. повел. накл.), где различие между *-ḫ-* и *-ḫḫ-*, вероятно, зависит от комбинаторных условий: положение перед *u̯*(*w*) в первом случае, перед *u* слоговым — во втором случае.

И. Фридрих [3] предполагает, что в хеттском различались два вида *ḫ* (не связанные с различием в написании *ḫ* и *ḫḫ*): слабый, иногда исчезавший звук и сильный, близкий к *k*. Однако приводимые им доказательства неустойчивости *ḫ* представляют собой исключительные случаи. Форма *idalau̯atti* ʻты делаешь злоʼ встречается только один раз, причем в параллельном тексте и в других местах того же текста засвидетельствована форма с *ḫ idalau̯aḫti* [4]. В других формах глагола *idalau̯aḫḫ-* и аналогичных отыменных глаголов на *-aḫḫ-* всегда пишется *ḫ* (обычно удвоенное). Поэтому написание *idalau̯atti*, если оно отражает реальное произношение, должно быть результатом позднего (возможно, диалектального) развития. То же самое следует сказать и о слове *ešḫar*, род. пад. *ešḫanaš* ʻкровьʼ (§ 55). Во всех древнейших текстах в этом слове засвидетельствовано *ḫ*: ср., напр., в завещании Хаттусилиса *e-eš-ḫar* (HAB III 12), в книге «анекдотов» о древнехеттском царстве *e-eš-ḫar* (2 BoTU 12 A I 22, ср. *eš-ḫa*-[*aš*]-*kán-ta*, там же, I 20). Сдвоенное написание

[1] *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 40.

[2] Труднее объяснить такие формы, как *neḫḫi* ʻя веду', *teḫḫi* ʻя ставлю', но надо иметь в виду, что *-ḫḫ-* здесь принадлежит глагольному аффиксу (морфологическое членение *ne-ḫḫi*, *te-ḫḫi*), причем в основах этих глаголов *e* чередуется с *ai* (*nai-*, *tai-*).

[3] *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 51.

[4] См.: *Sturtevant.* Comp. Gr.[1] P. 72, примеч. 72.

ḫaḫ = *ḫḫ* засвидетельствовано в производном *ešḫaḫru*[1] (§ 55). Слово *ešḫar* чрезвычайно часто встречается в хеттских текстах, причем только в трех случаях встречаются формы с написанием *-šš-* (*-s-*) вместо *-šḫ-*: *i-e-eš-šar*[2] (только в одном тексте), род. пад. *e-eš-na-aš* (KBo III 1 II 47), *i-e-eš-na-aš* (KUB XVII 18 II 31). По-видимому, в этих формах осуществилась ассимиляция *šḫ* > *šš*[3], имеющая в незаимствованном слове характер исключительного явления, так как во всех других собственно хеттских (незаимствованных) словах сочетание *šḫ* сохраняется (ср., напр, *ešḫaš*, § 83 и т. д.). Сходный процесс устранения сочетания *šḫ*, давший другой результат: *šḫ* > *ḫ*, можно видеть в клинописной хеттской передаче имени протохеттского бога *Tašḫapuna*: в клинописных хеттских текстах это имя пишется часто с *ḫ* вместо *šḫ*: *Zaḫpuna*, *Zaḫapuna* (ср. выше, в § 13, о развитии *tešḫ-*, *zašḫ-*, *zazḫ-* = *zaḫ*). Такое же развитие *šḫ* > *ḫḫ* наблюдается в хурритской форме *aš-tu-uš-ḫi-e-na* ‘женский’ (KUB XXVII 3 IV 12), которая в богазкёйских текстах обычно выступает в виде *aš-tu-uḫ-ḫi-na*[4] (напр., в хеттском ритуале KBo V 2 III 16; о хурритских словах в этом ритуале ср. выше, § 53). Поскольку устранение сочетания *šḫ* наблюдается в богазкёйских текстах только при передаче хаттских и хурритских слов, можно предположить, что в слове *ešḫar* соответствующее развитие было связано с особым (диалектальным) характером тех трех текстов, в которых встречаются формы *eššar*, *ešnaš*[5].

---

[1] Написания типа *ḫaḫ* = *ḫḫ* употребляются для передачи сдвоенного *ḫḫ* не в интервокальном положении, напр., в глагольных окончаниях медиопассива: *ešḫaḫari* = *ešḫḫ*(*a*)*ri*, ср. также *túḫ-uḫ-ša* = *tuḫḫša* (глагол *tuḫḫš-* ‘очищать себя в культовом отношении’; о написании этого глагола см.: *Pedersen.* Hittitisch. S. 200; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 3. 1953. S. 226).

[2] *Götze—Pedersen.* MS. S. 32; *Pedersen.* Hittitisch. S. 192.

[3] См.: *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 41, примеч. 1. В пользу такого понимания говорит удвоенное написание *s* в *eššar*.

[4] Ассимиляцию *šḫ* > *ḫḫ* предполагает в этой форме Purves (Hurrian Consonantal Pattern // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1941. № 4. P. 397).

[5] В указанных словах хаттского и хурритского происхождения осуществилось развитие *šḫ* > *ḫ*(*ḫ*). Поэтому наряду с *ešḫar* (*išḫar*), *eššar* теоретически возможна и диалектальная форма **eḫḫar*, **iḫḫar*. В этой связи значительный интерес представляет гипотеза Кречмера (*P. Kretschmer.* Kleinasiatische Forschungen. I. 1930. P. 30 и след.; *Он же.* Österreichische Akademie der Wissenschaften. Anzeiger. 84. 1947. S. 19 и след.), в недавнее время поддержанная В. Георгиевым (*В. Георгиев.* Происхождение алфавита // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 55, примеч. 24; *В. Георгиев.* Проблема минойского языка. София, 1953. С. 103) и Майрхофером (*M. Mayrhofer.* IF. Bd. 61. H. 2/3. 1954. S. 293), о связи хет. *ešḫar* и греч. *ἰχώρ* ‘кровь богов’. Древнегреческое *ἰχώρ* сохраняет явные следы древнего значения «кровь» (как в хеттском *ešḫar*). В этом значении *ἰχώρ* употребляется у Эсхила (Агамемнон. 1480), в фундаментальном: Greek-

Примеры, где *ḫ* исчезает, можно найти чаще всего не в сочетании с согласными, а в интервокальном положении [1], ср. такие параллельные написания, как *Taḫarul* и *Tarulilli* (производное от *Taru-* имя протохеттского бога времени). Однако и здесь все наиболее надежные примеры относятся к собственным именам иноязычного происхождения. Казалось бы, хорошим примером исчезновения *ḫ* можно было бы считать союз *man* ‘когда’ наряду с эквивалентным ему *maḫḫan*, но этому противоречит употребление *man* вместо *maḫḫan* в языке наиболее архаичных памятников. Следовательно, большого материала, который доказывал бы неустойчивость *ḫ* в хеттском, нет.

Что же касается близости *ḫ* к *k*, это несомненный факт, хотя пример (*kilamni = hilammar*), приводимый Фридрихом, ненадежен [2]. Переход *k* в *ḫ* и *-ḫḫ-* в *-gg-* отмечается, напр., при передаче протохеттского *kataḫḫa* ‘царица’ в хеттских текстах [3]. Такие случаи подтверждают предположение о том, что *ḫ* был заднеязычным звуком [4]. Хороший пример, подтверждающий заднеязычный характер артикуляции хет. *ḫ*(*ḫ*)-, можно было бы видеть в хеттском *Aḫḫiiaua*, если бы можно было с уверенностью сопоставить это название с греческим Ἀχαι(ϝ)οί ‘ахейцы’. Этот вопрос еще нельзя считать окончательно решенным [5],

English Lexicon / Compiled by H. G. Lidell, R. Scott, Oxford, 1940. Vol. I. P. 846, значение «кровь» ошибочно принимается за результат более позднего развития). В «Илиаде», E, 339 ἰχώρ определяется как ἀμβροτον αἷμα θεοῖο ‘бессмертная кровь богов’. Предположение о хеттском происхождении древнегреческого названия «крови богов» приобретает особый интерес в свете новейших исследований о генетических связях хеттской и греческой мифологии (ср.: *A. Leky.* Neues zur hethitischen Epik // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Anzeiger. 90. Wien, 1953. № 17. S. 245).

[1] Ср.: *E. Laroche.* Recherches. P. 41, 31, 32, 35; *Он же.* Hattic Deities and their Epithets // JCS. 1947. Vol. 1. P. 213.

[2] А. Гётце предположил, что нужно читать не É *ḫilamni* (*Фридрих.* Краткая грамматика. С. 51), а идеограмму É-*KI-LAM-ni* (*A. Götze.* Die Annalen des Mursilis. 1933. S. 204, примеч. 1). Ср.: *K. Bergsland.* Sur les hypothèses les plus importantes relatives au phoneme hittite *H* // Revue hittite et asianique. 1938. T. IV. 8 année. Fasc. 31—32. P. 272. Фридрих в своих последних работах склоняется к чтению Гётце (*J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 3. Heidelberg, 1953. S. 281).

[3] *E. Laroche.* Recherches. P. 27; *H. Bossert.* Ein hethitisches Königssiegel. 1944. S. 105. О чередовании *ḫ*/*k* в хеттском ср. также: *G. Brandenstein.* Orientalia. N. S. Vol. 8. S. 69, примеч. 1; *E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. P. 105, примеч. 33 (с поправкой: *A. Goetze.* Language. 1953. Vol. 29. № 4. P. 568); *Otten.* Luv. S. 104.

[4] О близости *k* и *ḫ* в хеттском ср.: *Г. А. Капанцян.* Об одном хеттском мифе в связи с журавлем и божеством весны // Известия АН Армянской ССР. № 1—2. Ереван, 1944. С. 65—66.

[5] См. краткую историю вопроса: *Л. А. Белецкий.* Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950. С. 83; *S. Cavaignac.* La question hittito-achéemme après les dernières publications // Bulletin de la Correspondence

но сближение с египетским *i̯-q-j-w-š* = *'A-qi-ya-wa-ša* [1] говорит в пользу того, что хеттское *ḫ* соответствует здесь заднеязычному звуку в других языках. Это наблюдение подтверждается благодаря сравнению хеттского собственного имени *Giluḫepa* и его египетской передачи в виде *kj-r-gj-p* [2].

Чередование заднеязычного спиранта *ḫ* и заднеязычного смычного согласного наблюдается в таких хеттских словах, как *ḫamešḫant-* 'весна', ср. вариант *ḫameškant-* [3]. Но это явление, возможно, носит диалектальный характер, так как чередование *ḫ-*/*k-* и развитие *k* > *ḫ* широко распространено в других хетто-лувийских диалектах (см. ниже) и слову *ḫamešḫant-* в некоторых случаях предшествует «глоссовый клин» [4], отмечавший формы диалектального (или) иноязычного происхождения (чаще всего лувийские).

Подводя итоги этому обзору данных о произношении хеттского *ḫ*, можно сделать следующие выводы: 1) *ḫ* видимо, был заднеязычным спирантом; 2) возможно, что в хеттском языке имелось два варианта *ḫ*, зависевшие от положения этой фонемы и обозначавшиеся как *-ḫḫ-* и *-ḫ-*; 3) в некоторых случаях наблюдаются колебания между *k* и *ḫ*; по-видимому, можно говорить о переходе *k* > *ḫ*, но это явление может иметь диалектальный характер так же, как и исчезновение *ḫ* в группе согласных в результате ассимиляции.

При изучении хет. *ḫ* следует иметь в виду, что некоторое число хеттских слов, содержащих фонему *ḫ*, принадлежит к числу заимствований из неиндоевропейских языков Передней Азии. К числу заимствований из языка хатти («протохеттского») относятся, напр., такие слова, как хеттское ^{GIŠ}*ḫalmašu̯it-*

Hellénique. 1946. P. 58—66; ср. также написанную Б. В. Горнунгом главу «Греческий язык»: *Б. В. Горнунг.* История греческой литературы. М.; Л., 1946. С. 29, 33; *И. М. Тронский.* Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953. С. 127. В настоящее время для решения этого вопроса существенное значение имеет чтение крито-микенских надписей линеарного письма B, в которых Вентрис и Чадвик (а вслед за ними и В. Георгиев) находят данное название ахейцев, см.: *M. Ventris, J. Chadwick.* Evidence for Greek Dialekt in the Mycenaean Archives // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 73. 1953. P. 89; *J. Chadwiek.* Greek Records in the Minoan Script // Antiquity. A Quaterly Review of Archaeology. 1953. № 108. P. 199; *В. Георгиев.* Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954. С. 43, 72.

[1] *W. F. Albright.* The Vocalisation of the Egyptian Syllabic Orthography. 1934. P. 31; *F. Sommer.* Aḫḫiyava und kein Ende // IF. 1937. Bd. 55. H. 3/4. P. 284.

[2] См. об этом имени: *H. T. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. H. 3. S. 294. Хеттское *-l-* закономерно передается египетским *r*, ср. хет. *Ḫattušili-* и египетское *ḫ-t-s-r* и т. п. (в последнем случае хет. *ḫ* передается египетским заднеязычным спирантом *ḫ*).

[3] Следует отметить, что в *ḫamešḫant-* чередование *-ḫ-*/*-k-* наблюдается в группе *-šḫ-*, которая в некоторых других случаях подвергается изменению (см. выше об *ešḫar*).

[4] См., об этом: *W. Couvreur.* Bibliotheca Orientails. 1946. Jg. 3. № 4. S. 94.

‘трон’ (ритуальный термин) из хаттского *ḫanu̯ašuit* [1]; хеттское *antuḫḫa-*, *antu̯aḫḫa-*, *antuḫša-* ‘человек’ при хаттском *antuḫ-* [2]; ср. также в § 13 о хет. *tešḫa-* / *zašḫi-* / *zazḫi-*. К числу заимствований из хурритского языка принадлежат названия сосудов, употребляемых при ритуальных церемониях, — *ḫubrušḫi* [3] и *aḫrušḫi-* [4], а также специальные термины, употребляемые в предсказаниях оракулов: *ḫaikalli*, *ḫiriḫḫi*, *ḫiri*(*n*)*du-karri* [5]. Но употребление большинства таких заимствований ограничено текстами религиозного характера (ср. в § 13 об употреблении *tešḫa-*), так как именно в этой сфере особенно отчетливо проявлялось хурритское и хаттское влияние на культуру хеттов. Отдельные слова хурритского происхождения употребляются только в хеттских текстах, составители которых были хурритами, ср., напр., хурритские слова *šišḫau-* ‘пот’ и *uzuḫri-* ‘трава’ [6] в книге о лошади, написанной по-хеттски хурритом Киккули. Число слов, заимствованных из неиндоевропейских языков Передней Азии и вошедших позднее в словарь хеттского языка, было, насколько можно судить по имеющимся данным, очень незначительно (из слов, названных выше, к этой группе слов относили *antuḫḫa-* ‘человек’). В целом хеттский язык сохранил ядро своего базисного словаря [7].

---

[1] *E. Laroche.* RA. Vol. 41. P. 89. В значении «трон» в хеттских текстах неритуального характера употребляется выражение *šalli pedan* (буквально «большое место»).

[2] *E. Laroche.* Hattic Deities and their Epithets // JOS. 1947. Vol. 1. S. 195. Поэтому спорно предположение Педерсена (*H. Pedersen.* Tocharisch vom Gesichtspunkt des indoeuropäischen Sprachvergleichung. S. 235) о связи хет. *antuḫḫa-* с карашарским *oŋək*^{ə}, кучан. *e*^{rə}*kwe* и без того сомнительное с фонетической стороны.

[3] Согласно Гётце (*A. Goetze.* RHA. Vol. 12. Fasc. 54. P. 12, примеч. 46) имеет значение «миска». Предположение Бенвениста о связи этого хурритского термина с лат. *obrussa* ‘испытание золота на огне’ (см.: *E. Benveniste.* Le terme *obruza* (*obrussa*, ὄβρυζα) et la metallurgie de l’or // Revue de Philologie. 1953. T. 27. F. 2., P. 122—126) основано на чисто внешнем (фонетическом) сходстве этих слов и представляется маловероятным, так как нет никаких данных, на основании которых *ḫubrušḫi* можно было бы связывать с золотом. Согласно Г. Г. фон Бранденштейну (*G. G. von Brandenstein.* Zum Churritischen Lexikon // ZA NF. 1940. Bd. 12. S. 89), *ḫubrušḫi* (*ḫubruḫi*) образовано от хурритского *ḫubr-* ‘земля’. В ритуале KBo V 2 II 4—10 повествуется о *ḫuprušḫi-*, сделанных из дерева (ср.: *В. О. Шилейко.* Богазкёйские фрагменты в собрании Н. П. Лихачева // ИГАИМК. Т. I. Л., 1925. С. 322, примеч. 1).

[4] Термины *hub*/*prušḫi* и *aḫrušḫi* обычно употребляются вместе, ср.: *G. Brandenstein.* Указ. соч. С. 89; *В. К. Шилейко.* Указ. соч. С. 322.

[5] См. об этих терминах: *E. Laroche.* RHA. Vol. 12. Fasc. 54. P. 28, 37—38.

[6] См. об этих словах в хеттских текстах: *A. Kammenhuber.* OLZ. 1954. S. 233, примеч. 1.

[7] Ср. вывод, сделанный Зоммером в результате анализа иноязычных заимствований в хеттском языке: «daß von den Hethitern nach Kleinasien mitgebrachte Wortschatz im wesentlichen stabil geblieben ist»: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 95.

Хеттское *ḫ* входит в звуковой состав большого числа слов, принадлежащих к базисному словарю хеттского языка, в том числе в состав ряда слов с индоевропейской этимологией, равно как и в состав ряда словообразовательных аффиксов и флексий (в частности, глагольных окончаний). Учитывая устойчивость базисного словаря и грамматического строя языка, нельзя считать правильным объяснение хеттского *ḫ* только воздействием заимствований, которое было предложено американским лингвистом Уолтером Петерсеном, не признававшим ларингальной гипотезы [1].

Существенное значение для исследования хеттского *ḫ* имеет сравнение данных хеттского языка с фактами других древних индоевропейских языков Малой Азии. Во всех этих языках имелась фонема *ḫ*, генетически тождественная хеттскому *ḫ*, как показывает сравнение ряда корневых морфем и флексий (глагольных окончаний), общих для хеттского языка и других индоевропейских языков Малой Азии, ср., напр, хет. *ḫalz*(*a*)*i* ʻзвать’: лувийское *ḫalt-* ʻзвать’ [2] (на общехетто-лувийский характер этой основы указывает фонетическое соответствие хет. *z* < **t’* : лув. *t*); хет. ^{UZU}*ḫappeššar* ʻчасть тела’ [3] : лув. *ḫappiša-* ʻчасть тела’ [4]; хет. *ḫaddulatar* ʻздоровье’ : лув. *ḫattulaḫi* ʻздоровье’ [5] (где *-ḫi-* — лувийский суффикс отвлеченных имен существительных, соответствующий по своей функции хет. *-atar*); хет. *ḫaššik* = [*hassk*] ʻнасыщаться’ : палайское *ḫašš-* ʻнасыщаться; напиться вдоволь’ [6]; клинописное хеттское *ḫardu-* ʻпраправнук’ [7] : иероглифическое хеттское *hardu-* ʻпраправнук’ [8]; клинописное хет. *irḫa-*, *arḫa-* ʻграница, край, окружность’ (часто

[1] *W. Petersen.* The Origin of the Hittite *h* // Langage. 1934. Vol. 10. № 4.

[2] *Pedersen.* Hittitisch. § 81. S. 121; *B. Rosenkranz.* Beiträge zur Erforschung des Luvischen. Wiesbaden, 1952. S. 81 и след.; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 4. S. 328.

[3] *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. P. 42 след.

[4] *Otten.* Luv. S. 100. Представляется, что соотношение хет. *ḫappeššar* и лув. *ḫappiša-* аналогично соотношению встречающихся в хеттских текстах вариантов типа *ḫatreššar* и *ḫatrešša*, *papratar* и *paprata* (*Фридрих.* Краткая грамматика, с. 52, § 31; отсутствие конечного *-r* в именных основах на **-ter* наблюдается и в некоторых других индоевропейских языках, что акад. Ф. Ф. Фортунатов склонен был объяснять наличием «подвижного» конечного *-r* еще в общеиндоевропейском языке).

[5] *Otten.* Luv. S. 86.

[6] *H. Otten.* Palaisch *aḫu-* «trinken» und *at-* «essen» // Archiv für Orientsforschung. Bd. 15. H. 1. 1945. S. 31. Хет. *ḫaššik-* является глаголом на *-šk-* (см. выше о параллельных глаголах *azzik-*, § 2, и *akkušk-*, § 9). Соответствующий непроизводный глагол в хеттских текстах не засвидетельствован. Возможно, что в палайском *ḫašš-* отражается этот непроизводный глагол, но, с другой стороны, в палайском слове может иметься суффикс *-š-*, функционально соответствующий хет. *-šk-* (см. выше о суффиксах *-s-* и *-sk-* в хетто-лувийских языках, § 27—33).

[7] *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. P. 95—97.

[8] *E. Forrer.* Die hethitische Bilderschrift. S. 31.

встречается в древнехеттских текстах, напр., Tel. III, 8; 17—18; I, 27), *arḫa* ‘прочь’ (наречие, возникшее из окаменевшей формы мест. пад. ед. ч.) : иероглифическое хеттское *arha* ‘граница’ (двуязычная надпись из Каратепе, № 163) [1], *arha* ‘прочь’ (Каратепе, № 18) [2] и т. п. По отношению к некоторым из слов, общих для индоевропейских языков Малой Азии, можно было бы предположить, что они являются древними заимствованиями из неиндоевропейских языков, оказавших влияние на хетто-лувийский праязык. Но подобная гипотеза не может быть доказана в настоящее время даже применительно к какому-нибудь одному общехетто-лувийскому слову, включающему в свой звуковой состав фонему *ḫ*. В то же время целый ряд таких слов имеет достоверные индоевропейские этимологии, ср. хет. *ḫaštai-* : лув. *ḫašša-* (§ 62), хет. *ešḫar* : лув. *ašḫar* (§ 55); хет. *ḫara*(*n*) : лув. *ḫarant-* (§ 59); хет. *ḫulana-* : лув. *ḫulani* (§ 73); хет. *ḫašša-* : лув. *ḫaššaniti* (§ 84); ср. в § 6 о связи лувийского и иероглифического хеттского *tarḫunt-* с хет. *tarḫ-*, *tarḫu-*, ср. также ниже об этимологии хет. *ḫuḫḫa-* ‘дед’, родственного иероглифическому хеттскому *ḫuha-* ‘дед’.

Для сравнительно-исторического исследования происхождения хеттского *-ḫ-* в особенности существенным является анализ глагольных личных окончаний, по отношению к которым гипотеза о заимствовании исключается. В клинописном хеттском языке *ḫ* входит в состав целого ряда глагольных окончаний первого лица ед. ч., ср. окончание 1 л. ед. ч. наст. вр. (спряжение на *-ḫi*) *-ḫi* (действ. залог); окончание 1 л. ед. ч. наст. вр. медиопассива (обоих спряжений) *-ḫaḫari*, *-ḫari*, *-ḫa*; окончание 1 л. ед. ч. прош. вр. (спряжения на *-ḫi*) *-ḫin* (действ. залог); окончание 1 л. ед. ч. прош. вр. медиопассива (обоих спряжений) *-ḫaḫat*(*i*), *-ḫat*(*i*); окончание 1 л. ед. ч. медиопассива повел. накл. (обоих спряжений) *-ḫaḫaru*, *-ḫaru* (ср. также окончание 2 л. ед. ч. медиопассива повел. накл. *-ḫut*(*i*) и *-ḫu*, см. в § 15 об *e-ḫu*). Сравнение этих окончаний с родственными формами других древних индоевропейских языков Малой Азии затрудняется тем, что парадигмы спряжения глаголов в этих языках еще недостаточно известны [3].

---

[1] См. *H. T. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, Bd. I, H. 3. S. 273. Относительно различных индоевропейских этимологий, предлагавшихся для хет. *arḫa-*, см. *Götze—Pedersen.* MS. S. 76; *E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. S. 48, § 47 a; Belardi Ricerche Linguistiche, vol. 11.

[2] Об иероглифическом хеттском *arha* ‘прочь’ см. *H. G. Güterbock.* Die Bedeutung der Bilinguis vom Karatepe für die Entzifferung der hethitischen Hieroglyphen // Eranos. 1949. Vol. 47. Fasc. 3/4. S. 109; *I. J. Gelb.* The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite // Bibliotheca Orientalis. 1950. Jg. 7. № 5. S. 138.

[3] В частности, в имеющихся памятниках лувийского языка не засвидетельствованы формы 1 л. ед. ч. наст. вр. спряжения на *-ḫi*, хотя на основании других форм

Но уже в настоящее время можно считать несомненным то, что хет. *-ḫ(ḫ)-* в окончаниях первого лица единственного числа (в том числе 1 л. ед. ч. прош. вр., см. выше) генетически связано с *-ḫ-* в лувийском окончании 1 л. ед. ч. прош. вр. *-ḫa*[1] и иероглифическом хеттском окончании 1 л. ед. ч. прош. вр. *-ha*[2]. Роль *-h-* в спряжении указывает на то, что эта фонема не может быть результатом вторичного развития. Анализ спряжения глагола в хетто-лувийских языках доказывает то, что в общехетто-лувийском праязыке существовала фонема **h*. Этот вывод подтверждается при анализе общехетто-лувийской лексики (см. выше).

Для фонетического определения общехетто-лувийского **h* необходимо сопоставить рассмотренные выше данные о произношении хет. *ḫ* с данными, которые можно извлечь из памятников других древних индоевропейских языков Малой Азии. Памятники лувийского и палайского языков написаны такой же клинописью, как и памятники хеттского языка; для передачи *ḫ* в них употреблялись те же клинописные знаки, что и в хеттских текстах (см. приведенную выше таблицу). Произношение лувийского *ḫ* было близко к произношению хеттского *ḫ*, как показывает сравнение передачи собственных имен в хеттских и лувийских текстах: напр., название столицы хеттского государства писалось с начальным *ḫ* как в хеттских текстах (им. пад. ^{URU}*Ḫattušaš,* мест. пад. ^{URU}*Ḫattuši*), так и в лувийских текстах, напр., ^{URU}*ḫa-at-tu-ša* в лувийском ритуале KUB XXXV 133 пер. ст. II 29 и обр. ст. III 15. В лувийских текстах встречается сдвоенное написание *-ḫḫ-*, напр., в глагольных формах *pa-aḫ-ḫi-it-ta-ru* (KUB XXXV 49 пер. ст. IV 3 = LTU, с. 51; о возможной связи с хет. *paḫ-š-* см. выше, § 27, примеч. 2) и *la-aḫ-ḫi-in-ta-ri* (KUB XXXV 79 обр. ст. IV 12 = LTU, с. 76; о возможной связи с хет. *laḫḫ-u-* см. § 37, примеч. I на с. 262). В большинстве случаев в лувийском языке, как и в хеттском, сдвоенное написание *-ḫḫ-* наблюдается после гласных непереднего ряда, ср., помимо приведенных выше примеров, глагольное окончание *-ḫḫa*, соответствующее хет. *-ḫḫ*(*un*) : лув. *a-ṷa-a-ḫa* ‘я видел’ (фрагмент из раскопок 1939 г. 513/i 17, LTU, с. 108), соответствующее хет. *uḫḫun* ‘я видел’ (хет. *au-*/*u-* ‘видеть’: лув. *aṷi-*/*aṷa-* ‘видеть’, ср. также такие лувийские написания, как *a-aḫ-ḫa-ša-am-*

можно обнаружить различие между спряжениями на *-mi* и на *-ḫi* в древних индоевропейских языках Малой Азии, родственных хеттскому, см. *B. Rosenkranz.* Beiträge zur Erforschung des Luvischen, Wiesbaden, 1952; *B. Rosenkranz.* OLZ. 1953, № 3/4. S. 146.

[1] *Otten.* Luv. S. 121 и S. 31 (с указанием литературы вопроса). С данным окончанием ряд ученых с большим основанием сопоставляет ликийское окончание *-χa* (1 л. ед. ч. прош. вр.), см. *H. Pedersen*. Lykisch und Hittitisch // Meddelelser, Bd. 30, № 4. Zweite Auflage, 1949. S. 16; *F. J. Tritsch.* Lycian, Luwian and Hittite // Archiv Orientálni. Praha, 1950. Vol. 18. № 1/2. S. 504—505.

[2] *H. Bossert.* Oriens I. P. 181, 184 и след.; *I. Gelb.* Bibliotheca Orientalis. 1950. P. 138.

mi-iš (KUB XXXV 11 I 8; KUB XXXV 12 обр. ст. III 1; KUB XXXV 66 обр. ст. IV 2), *ḫu-u-uḫ-ḫar-ša-a*[*n-t*]*i-in-zi* (KUB XXXV 54 III 27 и 36, ср. в том же ритуале, II 51 *ḫu-u̯a-aḫ-ḫar-ša-an-ti-in-zi*) [1] и т. п. Следует, однако, иметь в виду, что лувийские тексты дошли до нас главным образом в качестве составных частей хеттских памятников в передаче хеттских писцов, которые могли привнести в них черты, характерные для хеттского письма. Поэтому сходство орфографии хеттских и лувийских текстов не обязательно должно свидетельствовать о полном совпадении произношения *-ḫḫ-* после гласных *a* и *u* в хеттском и лувийском языках. Вместе с тем по указанной причине особый интерес представляют те расхождения, которые обнаруживаются при передаче слов, содержащих *ḫ*, в хеттских и лувийских текстах. Малоазиатское племенное название, которое в хеттских текстах пишется ^{LÚ}*lulaḫḫi* со сдвоенным *ḫḫ*, в лувийских текстах пишется с одним *ḫ*: *lu-*(*u-*)*la-ḫi* [2]. С этим следует сопоставить различие между написанием *pa-a-ḫu-u-ur* в лувийском тексте KUB XXXV 107 III 4 и хеттским *paḫḫur* с обязательным сдвоенным *-ḫḫ-* (§ 56). Эти факты могут свидетельствовать о том, что различие между *-ḫ-* и *-ḫḫ-* в лувийском языке могло иметь меньшее значение, чем в хеттском [3]. Поэтому чрезвычайно существенным представляется то, что в иероглифическом хеттском языке, во многих отношениях близком к лувийскому, различие между *-ḫ-* и *-ḫḫ-* вообще не наблюдается.

В иероглифическом хеттском письме для обозначения *ḫ* используются следующие знаки (см. таблицу).

Фонетическое сходство *h* в иероглифическом хеттском языке и *ḫ* в клинописном хеттском языке доказывается благодаря сравнению передачи собственных имен в двуязычных надписях на этих языках, обнаруженных на печатях из Богазкёя [4]. Но в иероглифическом хеттском языке отсутствуют напи-

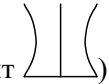
[1] Единственное исключение, где сдвоенное *-ḫḫ-* следует в лувийском слове за гласным переднего ряда, составляет форма *ti-i-iḫ-ḫa-* (KUB XXXV 106 I 2 и 7), но в этой форме сдвоенное *-ḫḫ-* может объясняться так же, как в хеттских глагольных формах типа *teḫḫi*, *neḫḫi* (см. выше): написание глагольного окончания со сдвоенным *-ḫḫ-*, обычное после гласных непереднего образования, сохраняется и перед гласными переднего ряда.

[2] Лувийские тексты, в которых употребляется это слово, указаны Оттеном: *Otten.* Luv. S. 104—105. На различие между хеттской и лувийской формами Оттен, который специально не занимается вопросом о лувийском *ḫ*, не обратил должного внимания.

[3] Следует, правда, отметить, что и в самих хеттских текстах встречаются параллельные написания типа *laḫḫu-* и *laḫu-* (см. выше), но, возможно, что и эти явления объясняются диалектальным характером текстов (см. ниже о написании *ḫuḫa-*).

[4] См. сравнительный анализ передачи имен *Pud*/*tuḫepa* и *Danuḫepa* на этих печатях в монографии *H. G. Güterbock.* Siegel aus Bogazköy, I. Berlin, 1940. S. 11—16, 28—30.

Таблица знаков иероглифического хеттского письма, используемых для передачи *h*

1. *ha* [1]	
2. *há*	(вариант )
3. *hà* [2]	
4. *hi* [3]	
5. *hu* [4]	
6. *hú* [5]	

сания, подобные хеттским клинописным написаниям, служащим для изображения *-ḫḫ-*. Это нельзя объяснить только особенностями письма, т. е. тем, что в иероглифическом хеттском письме имеются лишь знаки типа *h* + гласный и отсутствуют знаки типа гласный + *h* (в отличие от хеттской клинописи, ср. приведенные выше таблицы). Благодаря этой особенности иероглифического хеттского письма в иероглифических хеттских текстах невозможны написания типа *-hh-* (т. е. сочетание знака типа гласный + *h* и знака типа *h* + гласный) и типа *-ha-ah* (как в хет. *ešḫaḫru* = *ešḫḫru-*, см. выше). Но для изображе-

[1] *J. Friedrich.* Zur Lesung der hethitischen Bilderschrift // AOr. Praha, 1953. Vol. 21. № 1. S. 120, 125, 132; *R. D. Barnett.* Karatepe, the Key to the Hittite Hieroglyphan // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. 1953. Vol. 3. P. 79 (примеч. 2) и P. 81 (примеч. 3).

[2] *J. Friedrich.* Указ. соч. S. 129 (с указанием литературы вопроса) и S. 132.

[3] *H. T. Bossert.* Die Göttin Hepat. Belleten, 1951. S. 318; *R. D. Barnett.* Указ. соч. С. 81 (примеч. 3); *J. Friedrich.* Указ. соч. S. 123 (и примеч. 27 на с. 123).

[4] *H. G. Güterbock.* Die Bedeutung der Bilinguis vom Karatepe für die Entzifferung der hethitischen Hieroglyphan // Eranos. 1949. Vol. 47. Fasc. 3/4. S. 106 (о чтении данного знака в имени Tarhuns, ср. выше, § 5); *J. Friedrich.* Указ. соч. S. 133.

[5] *J. Friedrich.* Указ. соч. S. 133.

ния звука *-ḫḫ-* в хеттской клинописи наряду с написаниями типа *-ḫḫ-* и типа *-ḫa-aḫ-* использовался и третий способ: повторение знаков *ḫa-ḫa-*.

Повторение знаков *ḫa-ḫa-* было теоретически вполне возможно и в иероглифическом хеттском письме, но такое написание для передачи *ḫḫ* в иероглифических хеттских текстах не употребляется. В особенности показательно то, что глагольное окончание 1 л. ед. ч. (прош. вр.) в иероглифических хеттских текстах передается посредством одного знака *-ha-*, тогда как родственные окончания в клинописном хеттском языке часто пишутся посредством сочетания двух знаков *ḫa-ḫa-*, напр., 1 л. ед. ч. прош. вр. медиопассива *e-eš-ḫa-ḫa-at* (при параллельных написаниях *e-eš-ḫa-at*, *e-eš-ḫa-ti*, доказывающих правильность чтения *ešḫḫat*, ср. также другие написания однотипных форм 1 л. ед. ч. прош. вр. медиопассива: *ne-i̯a-aḫ-ḫa-at*, *i-i̯a-aḫ-ḫa-at* и т. п.).

Для сравнения клинописного хеттского интервокального *-ḫḫ-* и иероглифического хеттского интервокального *-ḫ-* особенно показателен звуковой облик общего для этих языков имени родства со значением «дед, предок»: клинописное хеттское *ḫuḫḫa-* (*ḫu-uḫ-ḫa-*), иероглифическое хеттское *huha-* ʻдедʼ [1]. И. Гельб в своей работе 1935 г. предполагал, что различие между сдвоенным *-ḫḫ-* в клинописном хеттском *ḫuḫḫa-* и несдвоенным *-h-* в иероглифическом хеттском *huha-* объясняется только графическим правилом, согласно которому сдвоенные согласные никогда не обозначаются виероглифическом хеттском письме [2]. Но факты, открытые в последние годы, позволяют показать, что различие между иероглифическим хеттским *huha-* и клинописным хеттским *ḫuḫḫa-* объясняется не только особенностями письма, но и особенностями фонетики этих двух языков.

В иероглифическом хеттском языке наряду с именем существительным *huha-* ʻдед, предокʼ имелись другие именные основы, образованные от этого слова, — существительное *huhat*(*a*)- ʻпрадедʼ [3], от которого в свою очередь

[1] Значение этого иероглифического хеттского слова было установлено (на основании сличения идеографического и фонетического написаний) Педерсеном (*H. Pedersen.* AOr. Vol. 5. C. 183—186) и вслед за ним Грозным (*Bedrich Hrozny.* Les inscriptions hittites hieroglyphiques. 2. P. 154). Правильное чтение установлено Гельбом (*I. J. Gelb.* Hittite Hieroglyphs, II. Chicago, 1935. P. 18) и окончательно подтверждено благодаря новейшим открытиям, ср. о чтении этого слова *J. Friedrich.* Zur Lesung der hethitischen Bilderschrift // AOr. 1953. Vol. 21. № 1. S. 133. Парадигма склонения слова *huha-* дана в работе *P. Meriggi.* Schizzo della declinazione nominale dell'eteo geroglifico // Archivio glottologico italiano. Firenze, 1952. Vol. 37. Fasc. 2. P. 127 (там же указаны тексты, в которых засвидетельствовано слово *huha-*).

[2] *I. J. Gelb.* Hittite Hieroglyphs, II. Chicago, 1935. P. 7, примеч. 2 (ср. о данном графическом правиле там же. P. 8).

[3] «bisnonno, proavo»: *P. Meriggi.* Schizzo della declinazione nominale dell'eteo geroglifico // Archivio glottologico italiano. Firenze, 1952. Vol. 37. Fasc. 2. P. 115.

было образовано прилагательное *huhatali-* ʻпринадлежащий предкам, (пра)дедовскийʼ [1]. Образование производных прилагательных этого типа на *-al*(*a/i*)- было характерно для иероглифического хеттского языка (ср. *tatali-* ʻотцовскийʼ от *tata-* ʻотецʼ, встречающееся в иероглифических хеттских текстах в сочетании с *huhatali-*) и, по-видимому, для языка лувийского [2]. В клинописном хеттском языке притяжательные производные типа иероглифического хеттского *ḫuḫatali-*, *tatali-* неупотребительны [3]. Исключение составляет одно место новохеттской поэмы «Песнь об Улликумми», где употреблены прилагательные *annala*, *attala*, *ḫuḫadalla-* ʻматеринские, отцовские, (пра)дедовскиеʼ [4] (Ullikummi, 3 табл., A III 50 = KUB XXXIII 106 III 50). На необычность суффикса (*-all-*) в этих формах обратил внимание Зоммер, с полным основанием предположивший, что этот суффикс заимствован из родственного языка [5]. Производное *attal*(*a*)- в этом случае следует рассматривать как диалек-

[1] Уже Гельб в названном сочинении близко подходил к правильному чтению и пониманию данного слова (*I. Gelb.* Hittite Hieroglyphs, II. P. 33), но ему оставалась неизвестной связь этого прилагательного со словами *huha-*, *huhat*(*a*)-, указанная в позднее время Мериджи: *P. Meriggi.* Указ. соч. P. 115.

[2] О лувийских производных с этим суффиксом см. *A. Goetze.* JCS. Vol. 8. № 2. S. 75 (факты иероглифического хеттского языка Гетце не использовал). Представляется, что изучение хетто-лувийских производных именных основ этого типа (до настоящего времени не использовавшихся в сравнительно-исторических работах) может подтвердить предполагаемую некоторыми учеными связь хеттских форм род. пад. на *-l* с латинскими прилагательными типа *erilis*.

[3] Некоторые производные с суффиксом -(*a*)*l* (где суффикс имеет иные функции) засвидетельствованы в хеттских текстах (см. *E. Laroche.* Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951. C. 130—132), но часть соответствующих примеров должна быть объяснена как формы других хетто-лувийских диалектов (ср. *A. Goetze.* JCS. Vol. 8. № 2. S. 75, о форме *ariḭadalli* в ритуале Туннави).

[4] См. перевод Гютербока: *H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1952. Vol. 7. № 1. P. 29. Значение *ḫuḫadalla* устанавливается с абсолютной точностью, так как данное место поэмы повествует о былых отцах (предках) *karuiliḭaš attaš* (Там же. III 51), ср. о значении этого места поэмы *F. Sommer.* OLZ. 1953. S. 13.

[5] *F. Sommer.* OLZ. 1953. № 1. S. 13. Эту гипотезу подтверждает то, что в поэме «Песнь об Улликумми» (как и в других текстах новохеттского периода) встречается ряд диалектальных форм, см. о языке этой поэмы *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 33. Для анализа форм типа *attala-* (где с хеттской основой сочетается суффикс, характерный не для хеттского языка, а для других диалектов) существенно наличие в тексте мифов о Кумарби таких форм, как *šešḫatta*, в которых с хеттской основой (*šeš-*, § 14) сочетаются лувийские (диалектальные) окончания (см. об этом *Friedrich.* RHA, 47. S. 8 и след.). Зоммер предположил лувийское происхождение суффикса *-alla-* в формах *attalla*, *annalla*, *ḫuḫadalla*. Но наиболее точные соответствия этим формам обнаруживаются не в лувийском, а в иероглифиче-

тальное образование, в котором суффикс *-all(a)*-сочетается с хеттской основой *att(a)*- (в других родственных языках в том же значении употребляется *tat(a/i)*- ʻотец’, см. выше об иероглифическом хеттском производном *tatali*-); по отношению к прилагательному *annal(a)*- возможно предположение о заимствовании (так как основа *anna/i*- была общехетто-лувийской). Что же касается формы *ḫu-u-ḫa-da-al-la*, то она может быть только заимствованной (ср. иероглиф. хет. *huhatali*-), так как в ней выделяется основа *ḫuḫat(a)*-, в хеттском языке отсутствующая, в отличие от иероглифического хеттского языка, где эта основа представлена в большом числе текстов [1]. Это объясняет графические особенности данной формы, казавшиеся до настоящего времени загадочными [2]: при сдвоенном *-ḫḫ-*, обязательном для клинописного хеттского *ḫuḫḫa-* (уже в древних текстах, напр., HAB III 40) [3], в форме *ḫu-ḫa-da-al-la* засвидетельствован несдвоенный согласный *-ḫ-*. Если в иероглифическом хеттском *hu-ha-* несдвоенное написание *-h-* можно объяснять особенностями графики, не передающей сдвоенных согласных (см. выше о мнении Гельба), то клинописное хеттское *ḫuḫadalla* таким образом объяснить нельзя, так как в этом же слове *-ll-* написано с удвоением согласного. Следовательно, можно предполагать, что несдвоенное написание *-ḫ-* в диалектальной форме *ḫuḫadall-*, соответствующей иероглифическому хеттскому *huhatal-*, отражает отличия, существовавшие между произношением *ḫuḫḫa-* в клинописном хеттском языке и *huha-* в иероглифическом хеттском языке.

Рассмотренные выше факты позволяют понять особенности хеттских собственных имен с первым компонентом *huha-*. В иероглифических хетт-

ском хеттском (*tatali-*, *huhatali-*). Зоммеру остались неизвестными новейшие работы в области иероглифического хеттского языка, позволяющие более точно определить происхождение данных форм и их структуру (в частности, анализ формы *ḫuḫadalla-* в работе Зоммера в настоящее время следует считать неточным, так как для Зоммера *-d-* в *-d-alla-* оставалось непонятным).

[1] Согласно Мериджи, иероглифическое хеттское *huhat(a)*- соответствует клинописному хеттскому *ḫuḫḫant-* ʻдед’ (*P. Meriggi.* Schizzo della declinazione nominale dell’eteo geroglifico. P. 115). Если эта гипотеза (основывающаяся на отсутствии обозначения носового перед последующим согласным в иероглифическом хеттском) верна, то форма *ḫuḫatalla-* должна быть признана заимствованной не только по указанным выше причинам, но и потому, что исчезновение носового перед последующим *-t-* наблюдается только в иероглифическом хеттском, но не в клинописном хеттском.

[2] Стертевант (*E. H. Sturtevant.* JCS. 1947. Vol. 1. № 4. P. 355) ввиду особенностей написания *ḫuḫadalla-* даже подвергал сомнению связь этого слова с *ḫuḫḫa-*.

[3] Единственное исключение, предполагаемое Зоммером в KUB XI 10 7, нельзя считать достоверным, так как текст поврежден и конец слова отсутствует: сохранились только знаки *ḫu-u-ḫ*[*a*… .

ских текстах встречается ряд собственных имен, в которых выделяется первый компонент *huha*[1]. Аналогичные собственные имена встречаются и в клинописных хеттских текстах, причем почти во всех этих именах в хеттской клинописи засвидетельствовано написание *Ḫuḫa-*. Расхождение между этим написанием и написанием хет. *ḫuḫḫa-* казалось необъяснимым, ср. характерное замечание Лароша об элементе *ḫuḫa-* в этих клинописных хеттских именах: «Malgré la graphie, inséparable, semble-t-il-, de hitt. *ḫuḫḫa-* ʿaïeul'»[2] («Несмотря на написание, кажется неотделимым от хет. *ḫuḫḫa-* ʿпредок'»). Но если учесть то, что многие клинописные хеттские имена носят диалектальный характер, а данные имена связаны с иероглифическими хеттскими именами собственными, начинающимися с *Huha-*, то различие между *Ḫuḫa-* и *ḫuḫḫa-* окажется аналогичным различию между *ḫuḫa-dall-* и *ḫuḫḫa-*: в обоих случаях в хеттской клинописи отражается различие произношения интервокального *-ḫḫ-* в клинописном хеттском (неситском) языке и произношения интервокального *-h-* в генетически тождественной корневой морфеме других родственных диалектов и языков, в частности, в иероглифическом хеттском *huha-*, родственном хет. *ḫuḫḫa-*.

На основании сравнения с хурритской графикой можно предполагать, что несдвоенное клинописное написание *-ḫ-* в *ḫu-u-ḫa-da-al-la* и т. п. могло отражать звонкость интервокального согласного (см. об этом выше). Возможность звонкого произношения *-h-* (напр., в *huha-*, *huhatali-*) в иероглифическом хеттском доказывается благодаря сравнению передачи одних и тех же собственных имен в иероглифическом хеттском языке и в семитических языках, ср., напр., иероглифическое хеттское ^{d}*Pa-ha-la-ta* и семитическое *Baʿalat*[3], где иероглифическое хеттское *h* передает семитический звонкий *ʿ*[4].

---

[1] См. *E. Laroche.* Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951. P. 56; *P. Meriggi.* Schizzo della declinazione nominale dell'eteo geroglifico // Archivio glottologico italiano. Firenze, 1952. Vol. 37. Fasc. 2. P. 127 (примеч. 15) и P. 137 (примеч. 23); ср. также *Goetze.* JCS. Vol. 8. № 2. P. 77.

[2] *E. Laroche.* Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951. P. 112 (перечень этих имен см. там же. P. 21; в статье Гётце: *A. Goetze.* JCS. Vol. 7. № 2. S. 77, дана неточная транслитерация этих имен).

[3] О соответствии этих двух имен см. *B. Hrozny.* Les inscriptions hittites hieroglyphiques, примеч. 1 на с. 26. P. 154; *I. J. Gelb.* The Hittite Hieroglyphs, II. Chicago, 1935. P. 16; ср. *P. Meriggi.* Schizzo della declinazione nominale dell'eteo geroglifico // Archivio glottologico italiano. 1952. Vol. 37. Fasc. 2. 1952. P. 114 и 118.

[4] Другие собственные имена, в которых наблюдается передача семитического *-ʿ-* посредством иероглифического хеттского *-h-*, анализируются Боссертом: *H. T. Bossert.* Oriens, I. S. 184 (ср. *Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, Bd. I. № 3. S. 294) и Фридрихом: *J. Friedrich.* AOr. Vol. 21. № 1. С. 121 и примеч. 31 на с. 124.

Следовательно, можно предполагать, что хеттскому глухому *-ḫḫ-* (*ḫuḫḫa-*) соответствует звонкий согласный в некоторых других родственных языках, в частности в иероглифическом хеттском. В этой связи чрезвычайно существенным представляется то, что в ликийском *χuga-* ʻдед (с материнской стороны)ʼ [1], которое многие ученые обоснованно сопоставляют с клинописным хет. *ḫuḫḫa* ʻдедʼ [2], засвидетельствован звонкий интервокальный согласный [3], как и в иероглифическом хеттском *huha-* [4]. Рассматриваемый пример имеет особое значение потому, что в этом случае оказывается возможным сравнить передачу *-h-* в родственных словах в трех системах письма: в хеттской клинописи, хеттском иероглифическом письме и ликийском алфавитном письме, ср. клинописное *ḫu-u-ḫa-* (в *ḫuḫadalla-*), иероглифическое *hu-ha-* и ликийское *χuga-*. Совпадение данных трех графических систем позволяет считать обоснованным предположение о звонком произношении *-h-* в данном слове в иероглифическом хеттском и ликийском языках, тогда как в хеттском языке в родственном слове засвидетельствовано *-ḫḫ-*. Хеттское *-ḫḫ-* могло быть позиционным вариантом фонемы *-h-*, произносившимся после *-u-* (см. выше), поэтому считать, что хет. *ḫuḫḫa* отражает более древнее произношение, чем иероглифическое хеттское *huha-*, было бы преждевременно.

В свете рассмотренных выше фактов представляется необоснованным утверждение Стертеванта о том, что сдвоенное написание *-ḫḫ-* в хет. *ḫuḫḫa-* отражает глухость индоевропейского «ларингального» **-x-* [5], отличавшегося от звонкого индоевропейского «ларингального» **-γ-*.

---

[1] Значение установлено В. Томсеном (morfædrene) и вслед за ним Х. Педерсеном (Grossvater (mütterlicherseits)), см. *H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch // Meddelelser. XXX. № 4. 1949. S. 25.

[2] *H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. S. 25; Sturtevant, Comp. Gr.[2] P. 7, 39, 47; *Б. Георгиев.* Вопросы родства средиземноморских языков // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 65. О предполагаемой индоевропейской этимологии см. ниже.

[3] Ликийское *-g-* можно считать звонким соответствием глухому заднеязычному спиранту *χ*, ср. чередование *-g-* и *-χ-* в ликийских окончаниях 1 л. ед. ч. прош. вр. *-ga* и *-χa* (см. об этих окончаниях *Tomp*. 1901. BB. Bd. XVI. C. 292—300; *Deeters.* Lykia // Paulys (-Wissowa) Real Encyclopädie Atertumswissenschaft. Bd. XIII. Ст. 2289).

[4] Совпадение фактов иероглифического хеттского и ликийского языков в отношении задненебного спиранта представляет особый интерес потому, что иероглифический хеттский и ликийский языки сближаются и в отражении индоевропейских задненебных смычных, ср. замечание П. Мериджи: «l'eteo geroglifico va invece col ramo satəm, di cui in Anatolia... si ha un rappresentante nel licio»: *P. Meriggi.* La bilingue di Karatepe in cananeo e geroglifici etei // Athenaeum. N. S. Vol. 29. Fasc. I—II. Pavia, 1951. P. 25—26, ср. там же, примеч. 3 на с. 48—49.

[5] Hitt. *ḫuḫḫaš*... The double writing of the medial consonant in Hitt(ite) requires IH (т. е. Indo-Hittite) **-x-* in that position: *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore,

Стертевант вслед за Сэпиром считал, что различие между *-ḫḫ-* и *-ḫ-* в хеттском языке отражает различие между двумя индоевропейскими «ларингальными» [1]. Но, как доказывают рассмотренные выше факты, данные хеттской графики и сравнение с родственными языками не подтверждают этой гипотезы. Различие между *-ḫ-* и *-ḫḫ-* в настоящее время нельзя безоговорочно возводить даже к общехетто-лувийскому; тем более рискованными были бы предположения об общеиндоевропейском происхождении этого различия.

Если различие между *-ḫ-* и *-ḫḫ-* могло и не носить общехетто-лувийского характера, то другая отмеченная выше существенная черта хеттского *ḫ*, а именно, заднеязычный характер этого звука, подтверждается многими фактами языков, родственных хеттскому. В хетто-лувийских языках широко распространено чередование спиранта *ḫ* и задненебного смычного *k*/*g*, ср., напр., параллельные лувийские написания *manaḫunn-* (*manaḫuu̯-an*)- / *mannakun-* [2], иероглифическое хеттское *kata-* ‘царь’ (заимствовано из хаттского языка: хаттское *katte* ‘царь’) [3], *hata-* ‘царь’ (форма, встречающаяся в большинстве иероглифических хеттских надписей) [4], ср. аналогичное чередование *ḫ-*/*k-* в клинописном хеттском *kattaḫḫa-* ‘царица’ (также хаттское заимствование: хат. *kattaḫ* от того же хаттского корня), вариант *ḫattaḫḫa-* [5].

Сравнение хаттских *katte*, *kattaḫ* и указанных слов клинописного и иероглифического хеттских языков, заимствованных из хаттского, показывает, что в этих языках в некоторых случаях осуществлялось фонетическое развитие *k* > *h* [6].

1942. § 36 a. C. 35. Во втором издании своей грамматики Стертевант принял гипотезу Педерсена о связи *ḫuḫḫa-* с ликийским *χuga-*, но тем не менее сохранил прежнее объяснение происхождения *-ḫḫ-* в этом слове (см. *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 39 и 47).

[1] *E. Sapir.* Hittite *ḫapatiš* “vassal” und Greek *ὀπᾰδός* // Language. 1934. Vol. 10, прим. 4 на с. 276.; *E. H. Sturtevant.* Evidence for Voicing in Indo-Hittite *γ* // Language. 1940. Vol. 16. P. 81—87. Относительно сходной гипотезы Куврера (*W. Couvreur.* De Hettitische H, een bijdrage tot de studie van het Indo-Europeesche vocalisme // Bibliotheque de Muséon. Leuven, 1937. 5.), ср. критические замечания Хендриксена (*Hendriksen.* Untersuchungen. § 8. Einzel- und Doppelschreibung des *h*. S. 38—42).

[2] См. о чередовании *-ḫ-*/*-k-* в лувийском *Otten.* Luv. S. 104.

[3] О хаттском *katte* см. *E. Laroche.* JCS. 1947. Vol. 1. P. 197.

[4] О чередовании *k-*/*h-* в этом слове см. *H. T. Bossert.* Jahrbuch für kleinasiatishe Forschung. Heidelberg, 1952. Bd. II. H. 2. S. 186. Боссерт не отметил хаттского происхождения этого слова и не указал на то, что аналогичное колебание имеется в клинописном хеттском *k*/*ḫattaḫḫa-*.

[5] *E. Laroche*. Recherches. P. 27 (факты иероглифического хеттского языка Ларошем не использованы, между тем данные формы в клинописных хеттских текстах могут иметь диалектальный характер).

[6] E. Laroche (Recherches. P. 42) связывает это явление с хеттским передвижением согласных, ср.: *V. Georgiev.* AOr. 1949. Vol. 17. P. 1. 1949. S. 281.

С этим связано то, что, как показал Боссерт, клинописному хеттскому *k* в ряде случаев соответствует иероглифическое хеттское *h* [1]. Аналогичное явление наблюдается и в палайском языке, ср. палайское *aḫu-* ʻпить’, соответствующее хет. *eku-* (лув. *aku-*), кучанско-карашарскому *yok-* ʻпить’ (§ 9). Учитывая эти явления, следует с вниманием отнестись к гипотезам ряда ученых, предполагающих, что не только в палайском *aḫu-* ʻпить’, но и в некоторых других словах древних индоевропейских языков Малой Азии фонема *h-* восходит к общеиндоевропейскому заднеязычному смычному согласному. Однако до настоящего времени нельзя привести ни одной этимологии, которая бы доказывала с абсолютной точностью такое происхождение *h* в какой-либо корневой морфеме лувийского и иероглифического хеттского языков. Многие ученые сопоставляют иероглифическую хеттскую энклитику *-ha* ʻи’ с латинским *-que* ʻи’ [2]. Но энклитика *-ha* имеется и в лувийском языке [3], где вместе с тем засвидетельствована местоименная основа *kui-* [4] < **k*^{w}(*e*)*i-* (лув. *kuiš* : хет. *kuiš* : лат. *quis*), доказывающая, что в лувийском **k*^{w} должно закономерно дать *ku-* (как и в хеттском). Поэтому гипотеза о происхождении энклитики *-ha* из **-k*^{w}*e* может исходить только из предположения об особом фонетическом развитии энклитики, отличном от развития полнозначных слов [5]. Но именно

[1] *H. Bossert.* Ein hethitisches Königssiegel. Berlin, 1944. S. 218; AOr. Vol. 18. № 3. S. 29, Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. II. H. 2. S. 186; Bd. I. H. 3. S. 275, ср. *Landsberger.* Sam’al, примеч. 32 на с. 15, и *Otten.* Luv. S. 104. Ср. выше, примеч. 1 на с. 230, о иер. хет. *ḫarḫaraš* (: хет. *ḫarki-*).

[2] *V. Georgiev.* Etat actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciénnes balcano-asianiques // AOr. Praha, 1949. Vol. 17. P. 1. P. 281; *R. D. Barnett.* Karatepe: The Key to the Hittite Hieroglyphs // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. 1953. Vol. 3. P. 73; *P. Meriggi.* Schizzo della declinazione nominale dell’eteo geroglifico // Archivio glottolopico italiano. Firenze, 1952. Vol. 37. Fasc. II. P. 135, примеч. 20 (ср. там же о предполагаемой Мериджи связи иер. хет. *-ha* в именах числительных с гр. *-κα* в *δέκα*).

[3] *Otten.* Luv. S. 55 и примеч. 161; S. 121; *B. Rosenkranz.* Beiträge zur Erforschung des Luvischen. Wiesbaden, 1952. S. 91.

[4] *Otten.* Luv. S. 41 и S. 120.

[5] Особое значение для исследования этого вопроса имеют слова хетто-лувийских языков, которые можно сопоставить с лат. *quis-que* (где местоименная основа **k*^{w}(*e*)*i-* сочетается с энклитикой **-k*^{w}*e*). Как показал Педерсен, с лат. *quisque* генетически связано хет. *kuiški* (*Götze—Pedersen.* MS. C. 56; *Pedersen.* Hittitisch. S. 174, ср. вариант *ku-is-ku*), где в энклитике осуществилась утрата лабиализации; аналогичное развитие энклитики Педерсен предположил в ликийском *ti-ke* (*Pedersen.* Hittitisch. S. 191, ср. об этом *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 7; *А. В. Десницкая.* Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 45). С другой стороны, В. Георгиев сопоставил с лат. *quisque* иероглифическое хеттское *kisha* (*V. Georgiev.* AOr. 1949. Vol.17. P. 1. 1949. S. 283); сходное предположение по отношению к лувийскому *kuišḫa*, *kuiḫa* высказал Оттен, см. *Otten.* Luv.,

поэтому данная этимология (остающаяся гипотетической) не может служить для доказательства происхождения *h* из задненебного смычного в корневых морфемах хетто-лувийских языков.

В настоящее время не может считаться бесспорной и гипотеза Педерсена[1] и следовавших за ним ученых[2] о происхождении в некоторых случаях хеттского *h* из задненебных индоевропейских звуков. Для доказательства этой гипотезы было приведено лишь несколько этимологий, часть которых является ошибочными или очень спорными, напр., сопоставление хеттского *ḫu-el-pí-iš* с греч. δελφύς[3] основывалось на неверном понимании этого хеттского слова, которое в действительности значит не «звереныш», а «молодой, свежий, нежный»[4]. В других случаях семантическая связь сравниваемых слов вполне возможна, ср., напр., хет. *ḫaliia-* ‘становиться на колени’ и лит. *kelỹs* ‘колено’. Но очень немногочисленные слова, в которых предполагается происхождение *ḫ* из индоевропейского задненебного, остаются изолированными, так как предполагаемое в них фонетическое развитие не отвечает законам сравнительно-исторической фонетики хеттского языка[5]: хеттское *ḫ* во всех

примеч. 132 на с. 53: «Das enklitische *-ḫa* dient der Wort- wie Satzverbindung; es verbindet sich mit dem Pronominalstamm *kui-* zu *kuiḫa*, *kuišḫa*, so daß ein Vergleich mit lat. *-que* naheliegt». Различие между фонетическим развитием **k^w(e)i-* и энклитики *-*k^we* в этом случае следовало бы объяснить особенностями произношения энклитики, как в хет. *kuiški*, так и в лув. *kuišḫa*, ср. замечания Педерсена о звуковом развитии хеттских энклитик: *Pedersen.* Hittitisch. S. 158: «Das in der Enklise stärkere Lautänderungen als im selbstständigen Wort eingetreten sich lässt sich nicht bezweifeln».

[1] *Pedersen.* Hittitisch. S. 138, 176—179. Сходные предположения ранее высказывались Грозным, Уолтером Петерсоном и некоторыми другими учеными.

[2] *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 25—27; *Hammerich.* Laryngeal before a Sonant // Medelelser. XXXI. 3. København, 1948. P. 54—58; ср. также *V. Georgiev.* Etat actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balcano-asianiques // Aor. Praha, 1949. Vol. 17. P. 1. S. 281; *Ladislav Zgusta.* La théorie laryngale // Aor. Praha, 1951. Vol. 19. № 3/4. S. 445, 471.

[3] *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 26; *Hammerich.* Laryngeal before a Sonant. P. 55.

[4] Ср. это прилагательное в применении к плодам, хлебу и т. п.: *J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexicon // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. C. 277—278.

[5] Хольгер Педерсен предполагал в подобных случаях развитие *ke*, *ge* > *ḱe*, *ǵe* > *ḱa*, *ǵa* > *ša* > *ḫa*. Но фонетическая сущность перехода *k* > *ḱ* > *ḫ* неясна: почему *ḱ* должно палатализоваться, прежде чем перейти в *ḫ*? Предположение Педерсена о *š* в качестве переходной ступени основывается на спорном сближении хеттского *ḫatrai-* ‘писать’ с аккадским *šataru-*, см. критические замечания: *M. Lejeune.* Hittite *ḫatrami*: Vénète *atraest* // BSL. 1950. T. 46. F. 1 (№ 132). C. 43—44 (к аргументам Лежёна следовало бы прибавить также и то, что хетты, заимствовавшие клинописное письмо у хурритов, а не непосредственно у ассириян, могли заимствовать соответствующую терминологию также скорее у хурритов, чем у ассириян). Кроме того, в тех случаях, когда

других случаях не восходит к индоевропейским задненебным согласным; индоевропейские задненебные, как правило, отражаются в хеттском в виде *-k-* (*-g-*), *-kk-* (*-gg-*), *ku* (*gu*). Если принять во внимание то, что переход *k* > *ḫ* часто наблюдается в других хетто-лувийских диалектах (пал. *aḫu-* : хет. *e*/*aku-*, ср. выше о наблюдениях Боссерта в отношении иероглифического хеттского языка), можно было бы предположить, что происхождение *h* из индоевропейского задненебного характерно для таких хеттских слов, в которых отражаются особенности звукового развития отдельных диалектов общехетто-лувийского языка [1]. Так, например, развитие *ḫ* < **k*, предполагаемое некоторыми учеными в хет. *ḫaršan* ‘голова’, ср. др.-инд. *śirṣán-* ‘голова’ [2], при закономерном развитии **k* > хет. *k* в хет. *karaṷar* ‘рог’ (§ 65), может быть объяснено, только если предположить, что речь идет о формах, первоначально принадлежавших разным диалектам. Развитие *ḫ* < **k* в *ḫaršan* могло бы быть объяснено в этом случае тем, что данное слово первоначально было словом диалекта типа палайского (с частым развитием *k* > *h*), и только позднее стало употребляться в данной звуковой форме в языке хеттской клинописи (неситском).

Косвенное подтверждение этому можно было бы видеть во встречающейся в новохеттском тексте поэмы «Песнь об Улликумми» диалектальной форме *ḫaršandanaḫiti* [3] и в лувийской форме *ḫaršanza* [4], если эти формы связаны с хет. *ḫaršan*.

Гипотеза о диалектальном происхождении формы с начальным *ḫ* возможна и по отношению к хет. *ḫalki-* ‘зерно’, которое ряд ученых вслед за

в хеттской графике наблюдаются колебания между *k-* и *ḫ-*, предположение о палатализации *k* исключается, так как за *k* следует *a*, ср. *ḫamešk*/*ḫant-*, *K*/*Ḫattaḫḫ*/*kka-* (см. выше).

[1] К сходной точке зрения склоняется В. Георгиев, который объясняет данное явление передвижением согласных: «en hittite ou dans une de ses composantes»: *V. Georgiev*. Praha, 1949. AOr. Vol. 17. P. 1. S. 281 (подчеркнуто нами).

[2] Подтверждение данной этимологии можно видеть в том, что, согласно Оттену (*H. Otten.* Bibliotheca Orientalis. VIII. № 6. примеч. 13 на с. 223), с хет. *ḫaršan* связано *ḫaršar*, чередование *-r/n-* предполагалось в архетипе др.-инд. *śīrṣán-* на основании сравнения с основами типа лат. *cerebrum* (где лат. *-br-* < **-sr-*, ср. *В. Линдсей*. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948. С. 145). Распад гетероклитической парадигмы в хет. *ḫaršar*/*n-* может быть связан с диалектальными особенностями данного слова (но ср. в § 57 в хет. *ḫappar*). Но ср. иную этимологию слова *ḫaršan*: *A. Kammenhuber.* OLZ. 1954. S. 302.

[3] Связь этой основы с *ḫaršan* предполагается Гютербоком: *H. G. Güterbock.* The Song of Ullikummi // JCS. 1952. Vol. 6. № I. P. 40, ср. *B. Rosenkranz.* Beiträge zur Erforschung des Luvischen, 1952. S. 22.

[4] Ср., однако, возражения против попыток связать эту форму с хет. *ḫaršan* в книге *Otten.* Luv. S. 58, примеч. 195.

Грозным сопоставлял со ст.-сл. **злакъ** [1]. Для выяснения происхождения хеттских слов, выступающих в качестве имен божеств, существенное значение имеет характер тех текстов и списков божеств, в которых употребляется то или иное имя; по этому признаку имя божества ^{d}*Ḫalki-* может быть отнесено к числу слов нехеттского (т. е. неситского) происхождения [2]. Предположение о диалектальном характере хеттских слов, в которых *ḫ* происходит из заднеязычного смычного, может быть подтверждено и анализом слов с «глоссовым клином» (ср. выше о *ḫamešḫant-* / *ḫameškant-*). Окончательное решение данного вопроса должно будет зависеть от решения двух других проблем, еще далеких от окончательного разрешения: от вопроса об отражении в хетто-лувийских диалектах индоевропейских заднеязычных смычных [3] и от вопроса о «передвижении согласных» в этих диалектах (которым Э. Ларош, В. Георгиев и некоторые другие ученые склонны объяснять развитие *k* > *ḫ* типа *aku-* > *aḫu-*). Но уже в настоящее время можно сделать два вывода из фактов, отно-

[1] Гипотезу об индоевропейском происхождении хетто-лувийского названия «зерна» следует признать вероятной в настоящее время, когда Ларош установил для хет. *eua-* значение ʻразновидность ячменяʼ (*E. Laroche.* RHA. II. Fasc. 53. P. 68), что позволяет сравнить это слово с др.-инд. *yava-* ʻячменьʼ, ирл. *eorna* ʻячменьʼ, гомер. ξειά ʻполбаʼ (см. *E. Laroche.* Там же; трудности вызывает, однако, отсутствие начального *i̯* в хеттском), ср. также хет. *kant-* ʻпшеницаʼ (по Форреру и Фридриху), сопоставляемое с авест. *gantuma* (*A. Kammenhuber.* OLZ. 1954. С. 228—229).

[2] Ср. о характере текстов, в которых употребляется ^{d}*Ḫalki- H. Otten. Pirva-* der Gott auf dem Pferde // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Heidelberg, Bd. II. H. 1. S. 66 и примеч. 28 на с. 73 (ср. *Otten.* Luv., примеч. 5 на с. 18). Зоммер (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 95) и вслед за ним Фридрих (*Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch, Lief. 1. S. 47) предполагали хурритское происхождение данного слова, но в последних своих работах Зоммер отказался от этой гипотезы и признал происхождение *ḫalki-* неясным, см. *Sommer.* OLZ. 1953. № 1. S. 6—7. Ларош, отрицающий хурритский характер этого слова (ср. *E. Laroche.* Recherches. P. 73), в то же время утверждает, что этимология позволяет считать это слово чисто хеттским (*E. Laroche.* RA. Vol. 47. № 1. P. 41), с чем нельзя согласиться, так как этимология, которую имеет в виду Ларош, предполагает развитие *ḫ* из заднеязычного, нетипичное для чисто неситской лексики.

[3] Изучение древних языков Малой Азии делает все более и более сложной проблему соотношения языков centum и satəm. Ср. *P. Meriggi.* La bilingue di Karatepe in cananeo e geroglifici etei // Athenaeum. Pavia, 1951. Vol. 29. F. I—II. P. 25—26, примеч. 3 на с. 48—49 (об отражении задненебных в ликийском). Об установлении благодаря новейшим открытиям принадлежности иероглифического хеттского к языкам satəm, см. *I. Gelb.* The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Deciphrement of Hieroglyphic Hittite // Bibliotheca Orientalis. VII. 5. September, 1950. S. 129—141, и в особенности *P. Meriggi.* I nuovi frammenti e le storia di Kargamis // Athenaeum. Vol. 30. Fasc. III—IV. 1952. P. 175. Об армянском ср. *W. Austin.* Is Armenian an Anatolian Language? // Language. 1942. Vol. 18. P. 24—25.

сящихся к данной проблеме: 1) хетто-лувийское *ḫ* было заднеязычным согласным, так как только этим можно объяснить частые колебания между *-ḫ-* и *-k/g-* в графике и переход *k*(*g*) > *ḫ* в отдельных хетто-лувийских диалектах; 2) происхождение *ḫ* из заднеязычного смычного наблюдается только в некоторых словах отдельных хетто-лувийских диалектов, но не в общехетто-лувийских основах, в состав которых входит *ḫ* (ср., напр., хет. *eku-*, *aku-* : пал. *aḫu-* : кучан. *yok-*, но хет. *ḫaššа-* : лув. *ḫaššaniti* : оскс. *aasaí* и т. п., см. выше примеры общехетто-лувийских морфем, в состав которых входит *ḫ*).

Сравнивая родственные слова хетто-лувийских языков, где имеется *ḫ*, которое нет оснований возводить к заднеязычному смычному, можно сделать вывод, что в таких словах *ḫ* обычно представлено как в хеттском, так и в других родственных языках Малой Азии (см. примеры, приведенные выше). Исключение составляет хетто-лувийский глагол со значением «связывать», который в лувийском языке выступает в форме *ḫišḫiia-* [1], тогда как в хеттском языке начальное *ḫ* отсутствует: хет. *išḫiia-*. Но отсутствие *ḫ* в хет. *išḫiia-* может объясняться диссимиляцией [2], в особенности вероятной ввиду наличия таких форм, как *išḫeḫḫun* (*iš-ḫi-iḫ-ḫu-un*, KBo V 8 II 3), где при сохранении начального *ḫ* наблюдалось бы сочетание трех фонем *ḫ-/-ḫḫ* в одном слове. Поэтому на основании этого одного примера нельзя делать вывод о том, что в лувийском *ḫ* сохранилось лучше, чем в хеттском [3].

---

[1] См. об этом слове *Otten.* Luv. S. 44 (с подробной библиографией вопроса). Сравнение хет. *išḫiia-* с др.-инд. *syati* ʻон связываетʼ (*Hendriksen.* Untersuchungen. S. 36) затрудняется фонетическим обликом данного лувийского слова, но это сравнение нельзя считать полностью исключенным, если принять гипотезу Форрера (*E. Forrer.* ZDMG. 76. S. 217), который выводил лув. *ḫišḫiia-* из редуплицированной формы. Редуплицированная форма *ḫišḫ*(*iia-*) от корня *šḫ*(*i*)- может быть сопоставлена с индоевропейскими редуплицированными формами типа др.-инд. *tiṣṭhāti* (корень *sthā-*/*ə*) и т. п., где в первом слоге отсутствует *s-*.

[2] *E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. C. 51, § 47 j. Согласно гипотезе Форрера (см. предыдущее примечание) возможно объяснение хеттской формы как нередуплицированной (*šḫ-* > *išḫ-* с протетическим гласным) в отличие от редуплицированной лувийской.

[3] В этой связи следует отметить то, что в лувийском языке в некоторых случаях замечается исчезновение *ḫ*, см. *Otten.* Luv. S. 104, ср. выше об аналогичных явлениях в хеттском, ср. также об иероглифическом хеттском *I. J. Gelb.* The Hittite Hieroglyphs, II. Chicago, 1935. P. 16. Следует отметить, что в одном из примеров, приводимых Оттеном, чередование *k/ḫ* наблюдается в слове, где в других текстах наблюдается исчезновение *ḫ*. Это показывает, что в применении к лувийскому языку гипотеза о двух *ḫ*, из которых одно чередуется с *k*, а другое может исчезать (*Фридрих.* Краткая грамматика. С. 51), безусловно, ошибочно, так как в лувийском оба эти явления наблюдаются по отношению к одному и тому же звуку.

Если в хеттском, лувийском, палайском и иероглифическом хеттском языках фонема *ḫ* представлена в целом ряде корневых морфем и аффиксов [1], в других индоевропейских языках соответствующая фонема (или фонемы, ср. ниже) не сохранилась. Единственное исключение составляет армянский язык [2], который и в других отношениях оказывается близким к хетто-лувийским языкам, но в армянском языке *h* сохраняется только в некоторых положениях (см. ниже). В остальных индоевропейских языках обнаруживаются только следы так наз. «ларингальных», исчезнувших еще в дописьменную эпоху развития этих языков [3]. Сравнение этих фактов позволяет в настоящее время считать твердо установленным то, что в общеиндоевропейском языке существовала фонема (фонемы), исчезнувшая в большинстве индоевропейских языков в дописьменную эпоху, но сохранившаяся в хетто-лувийском языке и в меньшей степени в армянском. Поскольку хеттский язык является наиболее изученным из древних языков Малой Азии, сохранявших фонему *ḫ*, факты хеттского языка имеют исключительное значение для исследования этой проблемы. Выше рассмотрены те данные, которые позволяют охарактеризовать фонему *ḫ* в хетто-лувийских языках со стороны ее звуковых свойств и определить ее с большим вероятием как заднеязычный щелевой шумный согласный. Для теории строения индоевропейского корня существенно как определение фонетических свойств *ḫ*, так и установление места, которое *ḫ* могло занимать в слове. Поэтому следует рассмотреть пред-

[1] Согласно Педерсену (*H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. København, 1949. S. 16, 17, 25), данная фонема сохранилась и в ликийском, см. выше о ликийском *χuga-* и окончании 1 л. ед. ч. прош. вр. *χa*(*-ga*).

[2] Впервые наблюдение о соответствии хет. *ḫ* армянскому *h* и *x* было сформулировано Г. А. Капанцяном (*Г. А. Капанцян.* Хеттские боги у армян. Ереван, 1940. С. 9, примеч.), но Г. А. Капанцян не связал это свое наблюдение с проблемами сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков. Связь армянского *h* с индоевропейским ларингальным была отмечена в работе *W. Austin.* Is Armenian an Anatolian Language // Language. 1942. Vol. 18. № 1. С. 22—26, ср. также *A. V. Jerejian.* The H-zero alternation in classical Armenian // Word. 1953. Vol. 9. № 2. В недавнее время опубликовано специальное исследование на эту тему: *E. Polomé.* Réflexes de laryngeals en arménien // Annuaire de l'Institut de Philologie et Histoire orientales et Slaves de l'Université Libre de Bruxelles. X (Melanges Henri Gregoire, II). Bruxelles, 1950. См. также Addenda et corrigenda к этой статье в том же органе, XII (Melanges Gregoire, IV). Bruxelles, 1953.

[3] Ср., напр., содержательную работу, посвященную анализу отражения ларингальных в ведийском: *F. B. J. Kuiper.* Traces of laryngeals in Vedic Sanskrit // India antiqua. Leyden, 1947. P. 193—212. Подробную библиографию работ о ларингальных в различных индоевропейских языках см. *L. Zgusta.* AOr. 1951. Vol. 19. № 3/4. S. 429—437.

ставленные в хеттском языке индоевропейские корневые морфемы с точки зрения того, какое место в корневой морфеме (и соответственно в слове) могло занимать *ḫ*.

В значительном числе случаев *ḫ* выступает в хеттском языке в начальном положении, чаще всего перед гласными непереднего ряда. Целый ряд слов хеттского языка, имеющих индоевропейскую этимологию, начинается с сочетания *ḫa-*. Начальное сочетание *ḫa-* в хеттском языке в некоторых случаях соответствует *a* в других индоевропейских языках, обычно в положении перед сонантами *n* и *r*: хет. *ḫant-* : лат. *ante*, гр. *ἀντί* (§ 44, ср. об огласовке этого корня в § 87), хет. *ḫark-i-* : лат. *arg-ent-um*, гр. *ἀργι-* (§ 50, ср. § 87), ср. также хет. *ḫannaš* ‘бабушка’: арм. *han* : лат. *anus* (§ 87). Как уже указывалось в § 87, *a* в таких словах, как гр. *ἀργι-*, может быть объяснено и как отражение ступени редукции сочетания **e*/*o* с **r*; такое объяснение является несомненным по отношению к гр. *ἄρκτος*, сопоставляемому с хет. *ḫartaggaš* (§ 88), ср. лат. *ursus* < **orcsos*, где *or* может отражать **ṛ*. Вероятным можно считать основанное на ларингальной гипотезе предположение о вторичном происхождении *a* в основах, где, по свидетельству хеттского языка, корневой гласный находился в положении между «ларингальным» и сонантами *n* и *r*. Первоначальным вокализмом корня в таких словах могло быть **e*/*o*: в позиции между «ларингальным» и сонантами *n*, *r* в определенных условиях (в связи с редукцией) могло развиваться **ă* вторичного происхождения. Если учесть наличие сонантов *n* и *r* в греч. *ἀργι-* и других словах, аналогичных ему по структуре корня, то отпадает необходимость в допущении «четвертого ларингального», предположенного (с известными оговорками) Куриловичем [1] для устранения кажущегося противоречия между фактами хеттского языка и постулатами ларингальной гипотезы.

Четвертый ларингальный предполагается на основании того, что в хеттском языке наряду со словами, где начальному *a-* других индоевропейских языков соответствует хет. *ḫa-*, имеются некоторые слова, где начальному *a-* других индоевропейских языков соответствует хет. *a-*. Принимая гипотезу о происхождении *a* из сочетания «ларингального» с **o*, необходимо допустить, что в словах, где хет. *a-* соответствует *a-* в других индоевропейских языках, начальный «ларингальный» исчез. Предполагается, что этот «четвертый ларингальный», в хеттском языке исчезнувший, отличался от того «ларингального», который сохранялся в хеттских словах типа *ḫarki-*. Гипотеза о сущест-

[1] Нужно заметить, что в работе *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes (с. 30) Курилович колебался относительно того, можно ли вводить $ə_4$, но уже в дополнениях к этой работе (Там же. P. 254—255) и в более поздней статье *J. Kuryłowicz.* L’indo-européen connaissait-il A à côté de O? // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken. Paris, 1937. P. 199—206, он принимает $ə_4$.

вовании четвертого ларингального не может быть признана достаточно обоснованной с методической стороны. Единственным основанием для допущения этой особой общеиндоевропейской фонемы было ее отсутствие в хеттском языке; Стертевант говорит поэтому об «отрицательном свидетельстве» («*negative evidence*»)[1] хеттского языка, позволяющем предположить существование этой фонемы. Такое «свидетельство» не может считаться в достаточной степени доказательным. Вместе с тем, за исключением слова *anna-* ‘мать’, не имеющего достоверной индоевропейской этимологии (см. § 87), не существует ни одного хеттского слова с предполагаемым начальным четвертым ларингальным, где за корневым гласным следовали бы сонанты *n* и *r*. Поэтому хеттские корни с начальным *ḫa-*, соответствующим *a-* в других индоевропейских языках, по своей фонологической структуре отличны от слов с начальным *a-*, соответствующим *a-* в родственных языках. Число этих последних слов очень ограничено, причем к ним принадлежат имена родства типа *atta-*, этимология которых не может считаться достоверной (§ 87), и наречия-приставки типа *appa* ‘назад’, звуковой облик которых мог претерпеть значительные изменения в силу особенностей синтаксической фонетики[2]. Поэтому гипотезу о существовании четвертого ларингального нельзя считать доказанной. Изучение основ типа *ḫarki-* : гр. *ἀϱγι-* позволяет предположить, что появление *ă* в таких основах могло быть связано с одновременным действием трех факторов: 1) наличия предыдущего ларингального, 2) наличия последующего сонанта *n* или *r* и 3) редукции корневого гласного (хотя бы в части форм). В словах типа *atta-* и *appa* отсутствуют все три фактора; поэтому вокализм *a* в этих словах может объясняться не теми фонетическими факторами, которые действовали в основах типа *ḫarki-*, а особым характером самих этих слов (слов «детского языка», служебных слов).

В основах типа *ḫartagga-*, *ḫarki-*, *ḫant-* сочетание *ḫa-*, соответствующее *a-* в других индоевропейских языках, предшествует сонанту. Иной является структура корня в хет. *ḫašša-* ‘очаг’ (§ 84), где за начальным *ḫa* следует шум-

[1] *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. § 39. P. 42.

[2] Более существенное значение для сравнительно-исторической фонетики может иметь хеттский глагол *aa-*/*ai-* ‘быть горячим, гореть’ (см. об этом глаголе: *A. Goetze.* JAOS. Vol. 74. № 3. P. 188), который может быть сопоставлен с индоевропейским **ai-* (эта этимология была дана еще Стертевантом: *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. P. 45, но Стертеванту оставалось неизвестным наличие хеттских форм с написанием *ai-*, при обычном *aa-*, подтверждающее правильность этой этимологии). Но написание форм этого глагола в хеттских текстах нуждается еще в дополнительном исследовании: согласно гипотезе Розенкранца (*B. Rosenkranz.* OLZ. 1953. № 3/4. S. 145—146) написание *a-a* может передавать гортанную смычку. В этом случае нельзя было бы говорить об исчезновении ларингального в этом слове.

ный (фрикативный) **s* > *š*. В этом случае и соответствия в других индоевропейских языках оказываются иными: хет. *ḫa* соответствует долгий гласный *ā* в италийских языках: лат. **āra*, оскск. *aasas*. Сопоставление с близким по структуре хет. *ḫišša-* ʻдышлоʼ (§ 79), которому соответствует др.-инд. *īṣā-* (ср. ниже), позволяет предположить, что долгота гласного в лат. *āra* не является случайной [1] (ср. долгое *ī* в др.-инд. *īṣā*). Но известный в настоящее время скудный материал не позволяет более точно определить условия, в которых начальный «ларингальный» мог вызвать появление долгого гласного.

От начального сочетания *ḫa-*, соответствующего начальному *a-* в других индоевропейских языках, следует отличать начальное *ḫa-*, соответствующее начальному *o-* в других индоевропейских языках, ср., напр., хет. *ḫark*(*-i*) : гр. *ἀϱγ*(*-ι*) (§ 50) и хет. *ḫark-* : ирл. *org-* (§ 8). В принципе возможно двоякое историческое объяснение различия между корнями типа *ḫark-* в *ḫarki-* (греч. **a-* в *ἀϱγι-*) и корнями типа *ḫark-* (ирл. **o* в *org-*): 1) либо следует признать **a* и **o* различными общеиндоевропейскими фонемами (традиционная точка зрения, восходящая к концепции младограмматической школы); в этом случае *ḫ* в *ḫarki-* ʻбелыйʼ и *ḫ* в *ḫark-* ʻпогибатьʼ могут быть возведены к одной и той же фонеме праязыка; 2) либо следует признать отражение двух разных «ларингальных» в корнях этих типов, причем позднейшие различия между **a* и **o* объясняются как отражение первоначальных различий между сочетанием двух разных ларингальных с **e*/*o* (точка зрения сторонников ларингальной гипотезы). Поскольку некоторые аргументы, приводимые в пользу положения о вторичном происхождении *a* в основах типа *ἀϱγι-*, можно считать убедительными (ср. выше), в настоящее время вторая точка зрения является более обоснованной. Но факты самого хеттского языка (и других древних индоевропейских языков Малой Азии) не позволяют разграничить два вида *ḫ* (см. выше). Поэтому гипотеза о существовании двух «ларингальных» еще не может считаться бесспорной. Некоторые ученые считают возможным предполагать наличие лишь одного общеиндоевропейского «ларингального» [2].

При изучении корневых морфем, в которых хеттскому начальному *ḫa-* соответствует начальное *o-* в других индоевропейских языках, следует иметь в виду, что это *o-* может находиться в чередовании с *e*. Чередование **o*/*e* наблюдается в общеиндоевропейском названии «орла», ср. хет. *ḫaraš* и лит. *aras*, *eras* (§ 59). В этом случае в хеттском языке отражено только **o* (хет. *a*),

[1] Хендриксену не было еще известно хет. *ḫišša*, поэтому соответствие хет. *ḫašša-* в италийских языках представлялось ему непонятным (Das lange *ā* in lat. *āra*, osk. *aasas* ist erstaunlich. *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 34).

[2] Ср. *L. Zgusta.* La théorie laryngale // AOr. 1951. Vol. 19. № 3/4. C. 428—472.

чередование которого с **e* устанавливается лишь на основании сравнения с другими родственными языками. Бóльшее значение для изучения данного вопроса имеет отраженное в хеттском языке общеиндоевропейское название «кости», где чередование **e*/*o* засвидетельствовано в самом хеттском языке (в отличие от других индоевропейских, ср. § 87), ср. хет. *ḫaštai-* : *ḫešta-* (§ 62). Хеттские слова этого корня показывают, что нельзя в данном случае объяснять вокализм **o* (хет. *a*) воздействием на **e* предшествующего ларингального [1], так как тот же «ларингальный» в форме *ḫešta-* не воспрепятствовал сохранению корневого *e*. В других случаях чередование **e*/*o* в корневых морфемах, где хет. *ḫa-* соответствует *o-* в других индоевропейских языках, не засвидетельствовано: ср. хет. *ḫapp-in-ant-*, *ḫapp-ir*/*-ar-* : лат. *ops* (§ 57); хет. *ḫark-* : ирл. *org-* (§ 8). Последний пример представляет особый интерес потому, что *ḫ* здесь отражено и в хетто-лувийском, и в армянском [2]. К числу таких основ принадлежит и индоевропейское название «овцы». В клинописных хеттских текстах «овца» постоянно обозначается идеограммой UDU; фонетическое чтение этой идеограммы в клинописном хеттском (неситском) языке неизвестно [3]. Но в 1953 г. Боссерт на основании надписи из Каратепе с абсолютной точностью установил значение иероглифического хеттского *ha-u̯a-s*(*a*) ‘овца’ (в билингве из Каратепе, № 270—272, чередуются написания

[1] Эта ошибочная точка зрения повторяется в целом ряде новейших исследований в области индоевропейских ларингальных, см., напр.: *A. Martinet.* Non-Apophonic *O*-Vocalism in Indo-European // Word. 1953. Vol. 9. № 3, примеч. 31 на с. 261 (Мартинэ предполагает архетип **A*^{w}*est*, причем тембр *o* в гр. *ὀστέον*, хет. *ḫaštai* Мартинэ объясняет влиянием «лабио»-ларингального **A*^{w}). Связь хет. *ḫaštai-* и *ḫešta-* Мартинэ не учел.

[2] Фонетическая реконструкция с начальным **p*, принятая Бругманом вслед за Лиденом (*Liden.* Armenische Studien. Göteborg, 1906. С. 87), должна быть исправлена ввиду того, что начальное *h* в армянском и хеттском (при отсутствии согласного перед гласным в кельтских языках) может восходить только к ларингальному; в этой связи следует исправить и не вполне точное замечание Льюиса и Педерсена (*Г. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 446) о том, что армянское *h* в *hark-* не этимологично. Правильнее было бы сказать, что арм. *h* (соответствующее хет. *ḫ*) в данном случае восходит к ларингальному, а не к **p*.

[3] Элольф (*H. Ehelolf.* ZA NF. Bd. 9, примеч. 1 на с. 179) и вслед за ним Педерсен (*Pedersen.* Hittitisch. S. 148, § 93) и Фридрих (*J. Friedrich.* Hethititisches Elementarbuch. T. II. C. 88) предполагали, что в значении ‘овца’ употреблялось причастие *i̯ant-* (от *i̯a-* ‘идти’, см. об этом глаголе в § 15). Но, как показал Гётце в одной из своих последних статей (*A. Goetze.* JCS. 1951. Vol. 5. № 1. P. 45), текст, на котором основывалось это предположение, нужно читать UDU *i̯ant* ‘идущая овца’; следовательно, чтение идеограммы UDU остается неизвестным.

^{UDU}*ha-u̯a-sa* и UDU-*u̯a-sa*) [1]. Академик В. Георгиев указал на родство иер. хет. *hau̯as* и лат. *ovis* [2]; эта этимология, правильность которой не подлежит сомнению, имеет особое значение для сопоставления с данными армянского языка. Как признают в настоящее время все специалисты по сравнительно-исторической грамматике армянского языка, армянское *hoviw* ʻпастух’ восходит к сложному слову, которое обычно реконструировалось как **ovi-pā-* ʻзащитник овец’ (см. об этом выше, § 27, ср. там же о древнеиндийских словах того же типа: *go-pā*, *paśu-pā-*, ср. также др.-инд. *avi-pāla-* ʻовечий пастух’) [3]. Следовательно, в этом архаичном сложном слове сохранилась армянская именная основа *hovi-* ʻовца’; армянское *h*, соответствующее иероглифическому хеттскому *h* в *hau̯as*, позволяет с уверенностью установить наличие «ларингального» в начале данной основы [4]. В армянском языке имеются и другие слова индоевропейского происхождения с начальным *ho-*, в которых также можно предположить отражение «ларингального», ср. арм. *hov-em* ʻдую’, родственное хет. *ḫu̯u̯ant-* ʻветер’ (§ 77, в хеттском тот же корень представлен в ступени редукции), ср. также арм. *hot* ʻзапах’: лат. *odor* и т. п.

В указанных словах клинописного хеттского, иероглифического хеттского и армянского языков отражается сочетание «ларингального» с последующим **o* в корнях, где чередование **e*/*o* не засвидетельствовано. Согласно ларингальной гипотезе, качество гласного в корнях, где *o* не чередуется с *e*, было связано с влиянием предшествующего ларингального (см. выше о сходном предположении в отношении вокализма *a* в основах типа гр. *ἀϱγι-*). Следует, однако, иметь в виду, что в некоторых из таких основ чередование **e*/*o* могло оказаться случайно не засвидетельствованным (см. об этом выше, § 87), как не было засвидетельствовано чередование *e*/*o* в индоевропейском названии «кости» до открытия хет. *ḫešta-*. Вместе с тем хеттский язык не дает возможности окончательно доказать предположение о влиянии «ларингального» на качество последующего гласного, так как в хеттском языке во всех корнях данного типа выступает уже сочетание *ḫa-*; следовательно, если развитие **e* >

[1] *H. T. Bossert.* Jahrbuch für kleiniasiatische Forschung. Heidelberg, 1953. Bd. II. H. 3. C. 316.

[2] *В. Георгиев.* Проблемы минойского языка. София, 1953. С. 9.

[3] См. об *avi-pāla-*: Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung / Bearbeitet von Otto Böhtlingk. Bd. 1. Petersburg, 1879. S. 130.

[4] Стертевант (*E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. § 22 a. P. 30) с большой осторожностью говорил о возможности отражения ларингального в армянском *hoviw*, так как ему не были известны открытые 11 лет спустя факты иероглифического хеттского языка. В указанной выше работе Поломэ об отражении ларингальных в армянском факты иероглифического хеттского языка также еще не были учтены.

**o* под влиянием предшествующего ларингального и имело место, то его следует отнести к периоду до выделения хеттского языка из общеиндоевропейской общности.

В пользу предположения о том, что «ларингальный» в определенных условиях мог влиять на качество последующего **e*, может говорить то обстоятельство, что почти все достоверные примеры отражения индоевропейских ларингальных в хетто-лувийских и армянском языках относятся к положению перед хет. *a*, армянским *a*, *o*. В хет. *ḫešta-* за *ḫ* следует *e*, но чередование **e*/*o* в этом корне, начинающемся с *ḫ*, представляет в хеттском языке исключительное явление. Хеттские слова с начальным *ḫe-*, в которых *ḫe* не чередуется с *ḫa* < **Ho*, обычно не имеют достоверной индоевропейской этимологии [1]. Однако, поскольку нет оснований для того чтобы считать эти слова заимствованными, вопрос о происхождении хеттского начального сочетания *he-* должен остаться открытым.

В положении перед согласными начальное *ḫ* в хеттском языке не встречается, но хеттский язык дает основания для заключения о том, что индоевропейский «ларингальный» мог предшествовать сонантам **u* и **i* [2]. Фонема *ḫ* в положении перед *u*(*u̯*) в хеттском языке представлена в таких основах индоевропейского происхождения, как *ḫuu̯-ant-* (§ 77; ср. выше об армянском *hovem* ʻдую’), *ḫul-ana* (§ 73) [3]. Согласно мнению Куриловича [4], поддержанному рядом других лингвистов [5], к общеиндоевропейскому фонду восходит также имя родства хет. *ḫuḫḫa-* ʻдед; предок’, соответствующее иероглифическому хеттскому *huha-* (см. выше) и, по-видимому, ликийскому *χuga-* (см. выше об этих словах и производных от них в древних языках Малой Азии). Это имя родства несомненно принадлежит к древнему словарному фонду хетто-лувийских языков: об этом свидетельствует как его наличие и в клинописном

[1] Трудность этимологического объяснения хеттских слов с начальным *ḫe-* отмечал Педерсен: *Pedersen.* Hittitisch. S. 183—184; ср. относительно глагола *ḫi-in-ik-zi* [*henkzi*] *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 28—29; относительно существительного *ḫenkan*, которое Бенвенист сопоставлял с *νέκταρ*, см. *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1947. Vol. 46—47. P. 192, примеч. 8.

[2] Ср. специальное исследование *L. L. Hammerich.* Laryngeal before a Sonant. København, 1948.

[3] Следует заметить, что реконструкция корня *wl-* в работе Бенвениста (*Benveniste.* Origines. P. 155) не соответствует фактам хеттского языка, которые Бенвенисту не были известны.

[4] *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. I. Kraków, 1935. C. 74.

[5] См., напр.: *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. P. 74; *H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch. København, 1949. S. 25 и след.; *В. Георгиев.* Вопросы родства средиземноморских языков // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 65.

хеттском, и в иероглифическом хеттском языке, так и наличие ряда производных от этого названия родства в данных языках (хет. *ḫuḫḫant-*, иер. хет. *huhat*(*a*)-, *huhatali-*, см. выше). Связь хет. *ḫuḫḫa-* ʻдедʼ с лат. *avus* ʻдедʼ, предположенная Куриловичем, подкрепляется армянским *haw* ʻдедʼ, которое подтверждает наличие «ларингального» в начале данного слова. Интервокальное **-H-* в армянском не сохраняется, поэтому соответствие *ḫuḫḫa-* : *haw* можно считать закономерным, если принять, что в хеттском (и других языках Малой Азии) отражается ступень редукции вокализма корня (**-au-* : **-u-*). В клинописном хеттском языке *ḫuḫḫa-* ʻдедʼ является термином, тесно связанным с *ḫanna-* ʻбабушкаʼ (см. об этом слове выше, § 87), ср. сочетание *ḫuḫḫa ḫanniš* ʻдеды и бабушкиʼ, в котором некоторые ученые видят пережиток архаичных форм двойственного числа [1]. Хеттская пара соотносительных (коррелативных) терминов *ḫuḫḫaš* : *ḫannaš* [2] находит точное соответствие в равнозначных армянских терминах родства *haw* : *han*, ср. лат. *avus* : *anus* [3]. В пользу этой этимологии хет. *ḫuḫḫa-* помимо указанных выше данных говорит также и то, что производное от хет. *ḫuḫḫa-*, образованное с помощью суффикса *-nt-* (хет. *ḫuḫḫant-*, ср. иер. хет. *huhat-*, восходящее, по Мериджи, к **huhant-*), может быть сопоставлено с архаичными по семантике производными на *-nt-*, образованными от **au-* в италийских и кельтских языках [4] (лат. *avunculus*, бретонское *eontr*), т. е. в языках, во многих отношениях близких к хеттскому. Хет. *ḫuḫḫ*(*a*)- представляет особый интерес для изучения фонетической структуры индоевропейских основ потому, что непроизводная основа в данном случае и начинается, и кончается «ларингальным» [5]. Однако следует иметь в виду, что данное слово носит специфический характер: повторение согласного (*ḫ* < **H*) в этом слове можно объяснить как явление, характерное для имен родства,

[1] *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] § 127 в. P. 83; ср., однако, критические замечания: *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 50—51; см. также о двойственном числе в хеттском языке выше, § 86.

[2] Согласно Педерсену (*H. Pedersen.* Lykisch und Hittitisch), хеттскому *ḫuḫḫaš* : *ḫannas* соответствуют ликийские *χ̃ña* : *χuga-* (см. выше). Данные ликийские слова также тесно связаны между собою, так как хотя *χ̃ña* имеет значение ʻматьʼ (а не ʻбабушкаʼ, как в хеттском), *χuga* имеет значение ʻдед с материнской стороныʼ.

[3] О латинских словах ср. *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3 ed. Paris. P. 56, 110.

[4] О семантике производных типа лат. *avunculus* см. отчет о докладе Бенвениста об индоевропейских именах родства: *E. Benveniste.* BSL. 1950. T. 46. F. I (№ 132). P. XXI, ср. также *А. В. Исаченко.* Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания // Slavia. 1953. 22.

[5] Суффиксальный характер тематического гласного в хет. *ḫuḫḫ-a-š*, лат. *avus* < **au̯-o-s* доказывается при сравнении со словами других родственных языков, где за *au-* следуют другие суффиксы (вал. *ewythr*, прус. *awis*, ст.-сл. **оүи** и т. п.).

связанных с «детским языком» [1] (ср. выше, в § 87, об именах родства типа палайского *papa*, иер. хет. *tata*), хотя такое объяснение и нельзя считать единственно возможным.

Для положения начального *ḫ* перед *i* (из индоевропейского **i*) в настоящее время можно указать на такой достоверный пример, как хет. *ḫišša-* (§ 79). Греческие *οἰήιον*, *οἴηξ* и славянское **ojes* (слов. *oje*, чешск. *oj* и т. п., см. § 79) указывают на то, что в хеттском языке представлена ступень редукции индоевропейского корня с дифтонгом **-oi-* [2]. Ступень редукции дифтонга **-oi-* засвидетельствована и в др.-инд. *īṣā-*, но при этом в древнеиндийском выступает долгое *ī*. Сравнение однотипных в фонетическом отношении основ: хет. *ḫišša-* : др.-инд. *īṣā-*; хет. *ḫašša-* : общеиталийское **āsa-* (см. выше), позволяет предположить, что долгота *ī* в древнеиндийском *īṣā-* может быть связана с исчезновением предшествующего «ларингального» (ср. ниже о влиянии последующего «ларингального» на долготу сонанта).

Выше рассмотрены случаи, где хеттское *ḫ* засвидетельствовано в начальном положении в корневых морфемах индоевропейского происхождения. В начальном положении хеттское *ḫ* соответствует *ḫ* в других индоевропейских языках Малой Азии (в положении перед *a*, *o*) и начальному *h* в древнеармянском. В положении в середине слова хеттское *ḫ* может соответствовать *h* в других индоевропейских языках Малой Азии (ср. выше о хет. *arḫa-* : иер. хет. *arha-* и т. п.). В древнеармянском соответствующий согласный (*x* — глубокий заднеязычный спирант [3]) засвидетельствован в середине слова только в положении после **s*: арм. *išx-an* родственно хет. *išḫas* (*ešḫas*, § 83), арм. *ašxar* родственно хет. *ešḫaḫru-* [*ešḫḫru-*] (§ 55). Хеттское *ḫ* в положении после *š* < **s* имеет соответствия и в лувийском языке, ср. хет. *ešḫar* ‘кровь’: лув. *ašḫar-*

[1] К такому объяснению особенностей фонетической структуры данного слова склоняется Хендриксен, см. *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 29, ср. также *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 71. Следует отметить, что лат. *avus*, ст.-сл. **оүи** и т. п. часто объяснялись как слова детского языка (Svým základem asi z řeci dětské, *J. Holub*, *F. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 402; факты хетто-лувийских языков авторами словаря не учтены), но архетип **H*(*a*)*uH-* гораздо легче поддается такой интерпретации, чем **au-*, в котором отсутствуют характерные черты слов детского языка.

[2] Ступень **-oi-* может быть отражена в лит. *iena-* ‘оглобля’, сопоставляемом некоторыми учеными со слав. **ojes-* ‘дышло’, см. *J. Holub, F. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 253 (о суффиксальном характере **-es-* в **ojes-* ср. в § 79). Но ср. предположение Лароша (*E. Laroche.* Hittitica // Revue de philologie. 1949. № 1. P. 37—38) о том, что греч. *o* в *οἰήιον* восходит к **ə*.

[3] А. Мейе определяет др.-арм. *x* как гуттуральный спирант, возможно более глубокой артикуляции, чем др.-арм. *k* и *g*, см. *A. Meillet.* Altarmenisches Elementarbuch. § 14. S. 11.

(§ 55), ср. также выше о соответствии хет. *išḫiia-* лув. *hišḫiia-* ‘связывать’ [1]. Наличие в ряде индоевропейских основ сочетания *-*s-* с последующим «ларингальным» представляет значительный интерес для исследования комбинаций фонем, возможных в морфемах общеиндоевропейского языка-основы (см. ниже, § 90).

В хеттских основах с достоверной индоевропейской этимологией сочетание *-šḫ-* является единственным возможным сочетанием ш у м н о г о согласного с *ḫ*. Но в ряде корней индоевропейского происхождения засвидетельствованы сочетания, в которых *ḫ* следует за сонантом, ср. *tarḫ-* (§ 6; по-видимому, общехетто-лувийская основа, ср. в § 6 с *tarḫunt-*), *šanḫ-* (§ 7), *palḫ-* (§ 52). Анализ хеттских корней этого типа имеет большое значение для изучения истории так называемых «долгих сонантов» [2]. История так называемых «долгих сонантов», открытых акад. Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. де Соссюром, всегда оставалась недостаточно ясной с фонетической точки зрения. По словам Мейе, «это лишь символы, а не определенные фонетические характеристики» [3]. Соссюр выдвинул гипотезу, согласно которой долгие сонанты являются результатом развития сочетания сонанта с гипотетической фонемой **A* (т. е. с «ларингальным», согласно позднейшей терминологии). Гипотеза Соссюра получила высокую оценку выдающихся представителей сравнительно-исторического языкознания: так, В. А. Богородицкий назвал это «замечательным обобщением де Соссюра» [4]; этой гипотезе следовали Мейе [5], Педерсен [6] и другие лингвисты еще до открытия фактов хеттского языка. В настоящее время гипотеза о происхождении «долгих сонантов» из сочетания сонанта с последующим «ларингальным» (**H*) может опираться на данные хеттского языка (но при этом понимание **H* оказывается отличным от интерпретации **A* как «сонантического» звука у Соссюра, см. об этом ниже, § 90). Надежной этимологией, относящейся к таким случаям, следует считать со-

[1] О предполагаемой индоевропейской этимологии этого слова см. выше.

[2] Ср. об этом типе корней статью *T. H. Maurer.* Unity of the Indo-European Ablaut System: The Dissylabic Roots // Language. 1947. Vol. 23. № 1. P. 1—22.

[3] *Мейе.* Введение. С. 146; Хаушильд в своей редакции Тумба (см.: *A. Thumb.* Handbuch des Sanskrit. T. 1. S. 71) называет такие символы, как *$\bar{r}$, математическими формулами, не отражающими точно фонетического облика того или иного корня.

[4] *В. А. Богородицкий.* Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. Казань, 1917. 2-е изд. С. 22. Иное понимание долгих слогообразующих изложено в трудах акад. Ф. Ф. Фортунатова и ученых его школы.

[5] Ср. изложение вопроса о долгих сонантах в книге *А. Мейе.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. С. 146—148, 463.

[6] Ср. *H. Pedersen.* Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. I. Göttingen, 1909. § 108.

поставление хеттского *šanḫ-* ‘просить, добиваться, пытаться’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *ša-an-ḫa-zi*, 1 л. ед. ч. прош. вр. *ša-an-ḫu-un*) и древнеиндийского *sanóti* ‘он добывает, достигает’, прич. *sātas* (§ 7). Долгое *ā* в древнеинд. *sātas* обычно возводили к долгому носовому сонанту **n̥̄* [1], причем характер этого гипотетического звука оставался неясным. Хеттское *šanḫ-* позволяет уточнить историю древнеиндийского звука *ā* в данной форме и заменить условный символ **n̥̄* сочетанием **nH* (где **H* вслед за Педерсеном мы обозначаем общеиндоевропейскую фонему, развившуюся в *ḫ* в хеттском языке). Судя по приведенному примеру, **nH* перед согласным отражалось как «долгий сонант».

Этот вывод подтверждается при сопоставлении хет. *tarḫ-* и древнеиндийского причастия корневого глагола *tīr-ṇa-* (§ 6), где *īr* возводилось обычно к **r̥̄*. Так называемый «долгий сонант» **r̥̄* может выступать в древнеиндийском языке в виде *īr* или *ūr*; поэтому закономерным следует считать и соответствие хет. *tarḫu-* (+ *-n*/*r* см. § 6) и др.-инд. *tūrv-*. Латинское *lā* в *plānus*, родственном хет. *palḫ-i-* (§ 52), также может быть одним из (двух) возможных отражений «долгого сонанта» **l̥̄* в латинском языке [2]. Следовательно, отождествление так называемых «долгих сонантов» с древними сочетаниями сонантов с **H* подтверждается во всех случаях, когда в хеттском языке отражаются корни данного типа [3].

Если положение о происхождении сочетаний, которые обычно возводились к «долгим сонантам», из сочетания сонанта с **H*, можно считать в настоящее время доказанным, то вопрос о происхождении долгих гласных из сочетаний гласных с **H* оказывается более сложным. Соответствующие хеттские примеры относятся, главным образом, к гласным непередних рядов; при этом в словах с индоевропейской этимологией хеттское *ḫ*, как показал Хендриксен, в положении после гласного не засвидетельствовано перед взрывными согласными [4]. В наиболее ясных в этимологическом отношении словах, где *ḫ* следует за гласным, за *ḫ* следует фрикативный *š* (ср. выше о сочетании *-šḫ-*) или *-u-*(*-u̯-*). Наиболее наглядным примером, относящимся к сочетанию гласного с последующим **H*, является хеттское *paḫš-* (§ 27), где наблюдается

[1] *A. A. Macdonell.* Vedic Grammar, примеч. 2 на с. 404; *A. Thumb.* Handbuch des Sanskrit. T. 1. Heidelberg, 1905. S. 419 и S. 71.

[2] Стертевант (*E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. § 371. P. 42) считал необходимым возводить *planus* к **plānos* < **plaxnos*, но для реконструирования **ă* после *l* нет достаточных оснований, так как лат. *lā* может восходить к так наз. долгому сонанту.

[3] К числу таких корней некоторые ученые присоединяют и хет. *parḫ-* ‘гнать’, но этимология этого глагола (сближаемого с гр. *περάω*, *πιπρᾱ́-σκω*, см. *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 29—30) не может еще считаться несомненной с семантической стороны.

[4] *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 34.

соответствие хеттского *aḫ* в *paḫš* и долгого *ā* в соответствующих славянских, кучанско-карашарских и латинских основах (ст.-сл. **пасть**, карашарск. *pās-*, лат. *pās-* в *paastores*, где *aa* = *ā*, и т. п.).

Следует, однако, иметь в виду сложность графического изображения данной основы в хеттской письменности. В хеттском языке встречаются параллельные написания *pa-aḫ-ḫa-aš-* и *pa-aḫ-š*(*a*)-, первое из которых можно читать и как *paḫš-* и как *paḫas-*. Некоторые ученые склоняются к тому, что между *ḫ* и *š* произносился гласный [1], другие считают, что налицо условное написание для передачи группы согласных с помощью клинописи [2]. Последнее мнение более вероятно, так как такие параллельные написания, как *pa-aḫ-ḫa-aš-nu-u̯a-an* и *pa-aḫ-ša-nu-u̯a-an* трудно объяснить, если исходить из звучания **paḫaš*. Кроме того, следует иметь ввиду, что в ряде форм встречается только написание *ḫš*, напр. в форме 2 л. ед. ч. повелит. накл. *pa-aḫ-ši* [*paḫši*]. Частое написание *-ḫa-aš-* следует, скорее всего, объяснить тем, что в этом слове, как и в других хеттских словах в положении после *a*, произносился особого рода глухой заднеязычный спирант, передававшийся на письме посредством двойного *ḫ* (в отличие от другого варианта фонемы *h*, появлявшегося после гласного переднего ряда и обозначавшегося посредством единичного *ḫ*, см. выше). Это двойное написание *ḫ* в хеттском в сочетании *ḫḫs* неминуемо должно вести к написанию *aḫ-ḫa-aš-*. Поэтому указанные хеттские написания следует читать как *paḫḫs*. Более сложным является вопрос о долготе *a* в этом слове. Как уже отмечалось выше, количество гласного в хеттской письменности не обозначалось. Но сравнение данных хеттского языка и других родственных языков не противоречит предположению о том, что в данном случае сочетание **-aH-*, сохранившееся в положении перед *-š-* в хеттском языке, в других языках отразилось как долгое **ā*. Поэтому древнейший индоевропейский архетип хеттского *paḫs*, славянского **pās-* и т. п. следует восстанавливать в виде **paH-s-* [3], где *-s-* — древний суффикс, близкий по значению к *-sk-* в **paH-sk-*. Индоевропейская основа **paH-* отражена в латинском *pā-vī*, *pā-bulum*; индоевропейская основа **paH-s* в хеттском *paḫš-*, славянском *pās* (русское *нас-*), карашарском *pās-*, латинском *pāstum*, *pāstores*; индоевропейская основа **paH-sk* — в кучанском *pāsk-*, латинском *pā-scō*.

---

[1] Мнение Фридриха относительно *paḫḫašnu-*: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. C. 95.

[2] См., напр., «*paḫšnu-* (*paḫš*) die Schreibungen im Text nur Behelf für inlautende Trikonsonanz)»: *H. Otten.* Zur Grammatikalischen und Lexikalischen Bestimmung des Luvischen // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientforschung. Veröffentlichung № 19. Berlin, 1953. S. 23.

[3] О морфологической структуре данной основы см. выше, § 27.

Этимологии других хеттских основ, в которых за сочетанием *-aḫ(ḫ)-* следует *-š-*, являются более спорными. Это относится, в частности, к хеттским словам, являющимся производными от *naḫḫ-* ‘бояться’. Педерсен [1] и вслед за ним многие другие ученые [2] сопоставляют хеттское *na-aḫ-ša-ra-az* ‘страх’, *na-aḫ-ša-ri-i̯a-az-zi* ‘он боится’ с ирландским *nár* (*á* = *ā*) ‘робкий, скромный, застенчивый’, предполагая, что группа **aHsr* дала *ār* (**naHsr* > **nāsr* > **nār* > **nár*). Но сложность предполагаемых фонетических изменений и неполное тождество значений делают эту этимологию не вполне достоверной, тем более что она не подтверждается фактами других индоевропейских языков [3].

Хеттское сочетание фонем *aḫ(ḫ)* в ряде основ встречается перед *-u-(-u̯-)*, являющимся древним суффиксом. Для сочетания гласный + *H* перед *u* существует такой пример, как хеттское *la-a-ḫu-* [*laḫu*] : греч. λόω, лат. *lavo* (§ 37). Хеттское *ḫ* в этой основе может объяснить загадочную долготу *ā* [4] в латинских формах перфекта (*lāvi*, *lāvit*); здесь можно предположить, что **aHu* развилось в **āu̯*. Огласовка *o* в греческом λόω при огласовке *ā* в лат. *lāvi* может быть использована для доказательства того, что последующий «ларингальный» мог влиять и на количество, и на качество долгого гласного, изменяя *o* в *ā*; с этим можно связать такие факты, как *o-* в тематическом прилагательном **peu̯o-* (хет. *peu̯a-*, § 80) при *ā* в производном глаголе, представленном в хеттском языке в виде *peu̯aḫḫ-*, в других индоевропейских языках — в виде **peu̯ā-* (§ 80). Эти факты могут быть использованы для объяснения чередования суффиксов **o* : **ā*, часто встречающегося в древних индоевропейских языках [5]. Следует, однако, отметить, что в настоящее время представляется

[1] *A. Götze, H. Pedersen.* Mursilis Sprachlähmung // Meddelelser. 21. 2. 1934. S. 61; *Г. Льюис, Х. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. § 26, 3. С. 49.

[2] См., напр.: *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 31—32; *Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 47.

[3] Предположение A. Juret (Vocabulaire etymologique de la langue hittite, p. 32) о связи с др.-инд. *námah* ‘почитание’ слишком гипотетично (хотя ритуальная сфера употребления и является общей у индоиранских производных от корня *nam-* и хеттских производных от *naḫ-*, ср., напр., *naḫḫan* ‘страх, боязнь, почтение, оказываемое божеству’, в автобиографии Хаттусилиса, Hat. I, 8), так как остается непонятным *-m-* в *nam-*.

[4] Ср. примеч. И. М. Тронского к русскому переводу книги *А. Эрну.* Историческая морфология латинского языка. С. 245 (ср. также объяснение Бругмана: *K. Brugmann*. Grundriss. Bd. II. T. 3. Lief. 3. S. 152 и S. 473).

[5] До недавнего времени чередования *-o-* : *-ā-* (в частности, в системе именных суффиксов) не объяснялись с помощью фонетических факторов, но ср.: *E. H. Sturtevant.* The Prehistory of Indo-European; a Summary // Language. 1952. Vol. 28. № 2 (Part I). P. 180 (с библиографией вопроса).

затруднительным определить точные условия, определившие развитие *ā* в *lāvi* при *o* в греч. λόω [1]. Предположение о том, что данный корень мог иметь в древности огласовку **e*, изменившуюся в результате позднейших фонетических процессов, подтверждается редуплицированной основой *lelḫuu̯a*(*i*)- (§ 37, ср. выше о структуре хеттских редуплицированных основ). Случаи, где гласный + *ḫ* находится перед неслоговым *u̯*, непосредственно смыкаются со случаями, где гласный + *ḫ* находится перед слоговым *u*, ср. *pa-aḫ-ḫu-u̯a-ar* и *pa-aḫ-ḫur* ‘огонь’. Этимология этого слова, принадлежавшего в хеттском языке к гетероклитическому склонению (род. пад. *pa-aḫ-ḫu-e-na-aš*), бесспорна (§ 56). В словах, соответствующих хет. *paḫḫur* в ряде индоевропейских языков, обнаруживается долгий гласный, но долгота гласного в данном случае может быть объяснена не как результат развития **aH*, а как результат стяжения *a* и *u* после исчезновения **H*.

Сопоставление хеттск. *paḫḫur* и греч. πῦρ заставляет сделать вывод о том, что греческое *ū* развилось из **aHu* > *ū*. Аналогичное происхождение долгого *ū* из *a’u* < *ayu* после выпадения интервокального задненебного звука можно наблюдать в монгольских языках, напр. *ayur* ‘гнев’ > *a’ur* > соврем. монг. *yyp* ‘зло, злоба’ (*yyp* = *yp*) [2]. Только гипнотическим воздействием гипотезы де Соссюра можно объяснить то, что в работах многих ученых естественное объяснение долгого гласного в греч. πῦρ из стяжения после утраты **H* в **paHur* заменяется очень сложными и неправдоподобными построениями, так, например, Хаммерих для того, чтобы найти в данном слове подтверждение теории Соссюра о происхождении долгих гласных, предполагает метатезу формы с корнем в ступени редукции **pHur* > **puHr* > *pūr* [3], после чего он даже выдвигает гипотезу о принадлежности этого слова к склонению на

[1] Ср. об этом гипотезу Стертеванта (*E. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. P. 35—36, p. 63 и 67). Известный интерес представляют также предположения Мартинэ, изложенные в статье *A. Martinet.* Non-Apophonic *O*-Vocalism in Indo-European // Word. 1953. Vol. 9. № 3. P. 261. Следует, однако, иметь в виду, что гипотеза Мартинэ об отражении в данном слове лабио-ларингального **A*^{w} (см. там же) несостоятельна уже потому, что *-u-* в *laḫ*(*ḫ*)*u-* не является составной частью древнего корня (см. в § 37 о суффиксальном характере *-u-* в этой основе). Теория Мартинэ о **A*^{w} в значительной мере опирается на ошибочную гипотезу Бенвениста об индоевропейских дорсальных аффрикатах (см. выше, § 88) и не может считаться достаточно аргументированной.

[2] *Б. Я. Владимирцов.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халха-монгольского наречия. Л., 1929. С. 195; промежуточная стадия *a’ūr* ‘гнев’ засвидетельствована около XIV в.: см. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.; Л., 1938. С. 108. Современное написание и значение приводится по книге Б. Х. Тодаевой «Грамматика современного монгольского языка». М., 1951. С. 189.

[3] *L. L. Hammerich.* Laryngeal before a Sonant. P. 36.

*-*Hr* [1]. Этот пример показывает, к каким рискованным выводам приходят те зарубежные ученые, которые руководствуются готовыми схемами, не внося в них необходимых изменений по мере открытия новых фактов.

Соотношение рассматриваемых хеттских форм с «тохарскими» (кучанско-карашарскими) позволяет предположить, что в зависимости от огласовки суффикса (соответственно, и в зависимости от слогового или неслогового характера последующего *u* или *u̯*) развитие сочетания гласного с **H* происходило по-разному: «тохарское» A (карашарское) *por*, очевидно, соответствует хеттскому *paḫḫur*, «тохарское» B (кучанское) *puwār* — хеттскому *paḫḫ*(*u*)*u̯ar* [2]. История архетипа **paHur* [3] показывает, какими разнообразными путями шло развитие сочетания с **H* > *h*: наряду с выпадением этого звука перед согласным следует учитывать и возможность стяжения после утраты **H* в интервокальном положении.

История данного слова представляет интерес и для установления относительной хронологии исчезновения «ларингального» (*H*). Изучение хет. **pahhur* и родственных слов в других индоевропейских языках показывает, что основа **paHu-* стала непроизводной раньше, чем исчез **H* между *a* и *u*. Основа **paHur*/*n-* является общеиндоевропейской; распад гетероклитической парадигмы в разных диалектах осуществился по-разному (ср. в § 56 о германских языках). Различными являются и фонетические рефлексы сочетания **-aHu-* в данной основе (ср. гр. *πῦϱ*, гот. *fōn*, др.-англ. *fȳr* и т. п.). Сравнение этих фактов позволяет установить, что обобщение одной из двух основ гетероклитического склонения происходило приблизительно в тот же период, что и изменения сочетаний гласных, вызванные исчезновением **H*. Оба эти процесса, давшие различные результаты в отдельных диалектах, нельзя считать общеиндоевропейскими; их следует отнести к наиболее раннему периоду самостоятельного развития отдельных диалектов.

Рассмотренные факты показывают, что **H* > *ḫ* после хет. *a* сохранялся в хеттском языке в положении перед сонантом *-*u-* > хет. *-u-* (*-u̯-*). Менее ясными в этимологическом отношении являются те случаи, где *-aḫ-* предшествует другим сонантам, в частности сонанту *l*. Долгое время в хеттском ^{GIŠ}*ma-a-aḫ-*

[1] Там же. P. 72. Столь же сомнительны догадки Стертеванта: The Indo-Hittite Laryngeals. P. 36—37.

[2] G. S. Lane (Problems of Tocharian Phonology // Language. 1938. Vol. 14. № 1. C. 34) дал неудачное толкование этих тохарских слов, так как не сопоставил их с хеттскими.

[3] Следует заметить, что звуковая структура хеттского слова позволяет усомниться в гипотезе Рамстедта о близости греч. *πῦϱ* и корейского *пуль* 'огонь' (*G. Ramstedt.* The Relation of the Altaic Languages to other Language Groups // Journal de la Société finno-ougrienne. T. 53. № 1. 1946—1947. Helsinki. P. 23).

la-aš видели соответствие греческому *μῆλον* ‘яблоко’, лат. *mālum* ‘яблоко’. Но Г. Капанцян [1] и Кюни [2], посвятившие специальные статьи этим словам, ошибочно считали, что хеттское *ma-a-aḫ-la-aš* означает «яблоко», «яблоня», тогда как в действительности значение этого слова было «виноградная лоза» [3]. Известный хеттолог Ф. Зоммер в своей последней книге пишет по этому поводу: «бывший парадный пример для *ah* перед согласным = *ā* в остальных индоевропейских языках, — хеттское *maḫla*... был миражом» [4]. Пытаться сохранить эту ставшую сомнительной этимологию путем расчленения этого слова на префикс **me-* и корень **xele* ‘плод’, как это делает Б. Шварц [5], или же предполагая (вслед за Вайяном) в хеттском незасвидетельствованное значение «ветвь плодового дерева» [6], — значило бы становиться на путь рискованных догадок, которые имеются в работах некоторых ученых [7].

С семантической стороны более вероятным представляется сопоставление хет. *maḫlaš* ‘виноградная лоза’ и *μῶλαξ*, которое, согласно Гесихию, является лидийским названием «вида вина» (*εἶδος οἴνου*), но данные об этом последнем слове (как и о лидийском языке в целом) являются слишком скудными.

Выше рассматривались слова, в которых перед сонантом *-u-* сохраняется сочетание *-aḫ-*. Есть основания думать, что и сочетание *eḫ* сохранялось в положении перед *-u-*. Это сочетание засвидетельствовано в существительных *meḫur* ‘время’ и *šeḫur* ‘urine’, которые принадлежат к тому же архаичному типу, что и *paḫḫur* (§ 56) и *pankur* (§ 46). Морфологические особенности су-

---

[1] *Г. А. Капанцян.* О происхождении латинского слова *mālum* «яблоко» // Известия АН Армянской ССР. 1945. Вып. 1—2. С. 9 и след. За Г. А. Капанцяном следует Д. Г. Редер в статье «Попытки акклиматизации чужеземных культурных растений в Древнем Египте» (Учен. зап. Моск. областн. педагог. ин-та. Т. XIV. 1950. Вып. 1. С. 103).

[2] *A. Cuny.* Hittite *maḫla-* “pommier”, lat. *mālus* (*mālum*), gr. *μᾶλος* (dor. *μᾶλον*, att. *μῆλον*) // Revue hittite et asianique. Paris, 1930. F. 1. C. 31—35.

[3] *H. Ehelolf.* OLZ. XXXVI. S. 5 и след. Этого значения хет. *maḫlaš* не учла И. М. Дунаевская в переводе второй таблицы хеттских законов // ЗХЦ. Вестник древней истории. 1952. № 4. С. 271.

[4] *F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. S. 79, ср. *Pedersen.* Hittitisch. S. 187.

[5] *B. Schwartz.* The Root and its Modification in Primitive Indo-European. 1947. P. 56. Шварц здесь следует Кюни (см. указанную выше статью).

[6] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1950. P. 242.

[7] В этой связи следует также отметить, что гипотезу о происхождении долгого гласного в греч. *μῆλον* вследствие возмещения исчезнувшего спиранта (*mahl* → *māl*) высказывал Н. Я. Марр в статье «Яфетические названия красок и плодов в греческом»: ИГАИМК, т. II, П., 1922. С. 327—328, но никаких доказательств своей гипотезы Н. Я. Марр не дал.

ществительных гетероклитического склонения *meḫur* и *šeḫur* позволяют предполагать, что корни, от которых образованы эти архаичные именные основы, принадлежат к древнейшим корневым морфемам хетто-лувийских языков [1]. Но этимология хет. *meḫur* и *šeḫur* не является столь же бесспорной, как этимология хет. *paḫḫur* (ср. выше относительно хеттских слов с начальным сочетанием *ḫe-*, происхождение которых менее ясно, чем история хеттских слов, начинающихся с *ḫa-*). Хеттское *meḫur* ‘время’ сопоставляется с производными от корня **mē-* ‘мерить’ в других индоевропейских языках [2]. Существительные, образованные от этого корня, могли иметь значение «время», напр., гот. *mel* ‘время’ (основа, общая для всех германских языков, ср. др.-англ. *mǣl* ‘отметка, метка; (в поэтических текстах) время еды’ и т. п.), ср. лит. *mẽtas* ‘время’: *matúoti* ‘измерять, мерить’ и т. п. Но точное соответствие хет. *meḫur* ни в одном из индоевропейских языков не обнаруживается. В хеттском же языке основа *meḫu-* выступает в качестве непроизводной; поэтому предположение о ее генетической связи с корнем **meH-* (**mē-*) ‘мерить’ остается гипотетический.

Хет. *šeḫur* ‘urine’ сопоставлено Стертевантом [3] и вслед за ним рядом других ученых [4] с др.-исл. *súrr* ‘кислый’, *saurr* ‘semen virile’, рус. *сырой* и т. п. Со

[1] Следует, однако, учитывать то, что, как одновременно установили на основании текстов, исследованных в последние годы, Зоммер (*F. Sommer.* Zu den letzten Publikationen hethitischer Keilschrifttexte aus Berlin // OLZ. Januar / Februar 1953. Jg. 48. № 1/2. S. 7) и Ларош (*E. Laroche.* Fragments hittites de Genève // RA. Vol. 46. № 1. P. 42) слово *šeḫur* (с неизвестным значением) встречается и в хурритских текстах из Богазкёя. Но, поскольку предположение о заимствованном характере хет. *šeḫur* исключается благодаря морфологическим особенностям этого хеттского слова, следует предположить либо случайное звуковое совпадение хеттского и хурритского слов, либо включение в хурритский текст хеттского слова (в качестве эвфемизма). В последнем случае хурритское *še-ḫu-ur-ni-ta* (KUB XXXII 25 III 26) может быть несовершенной хурритской передачей хеттской основы с чередованием *r*/*n* (*šeḫur*/*sehun-*, отсюда хурритское *šeḫurn-*).

[2] *Benveniste.* Origines. P. 37; *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 31; *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. З. 47, § 46 в, ср. *Pedersen.* Hittitisch. S. 189.

[3] *E. H. Sturtevant.* Language. 1936. Vol. 12. P. 182—185. Значение *šeḫur* ‘urine’ в настоящее время признается всеми специалистами, ср. *A. Kammenhuber.* OLZ. 1954.

[4] *Hendriksen.* Untersuchungen. S. 32; *Pedersen.* Hittitisch. S. 189. Поломэ (La nouvelle Clio. 1954. № 1. P. 42, примеч. 1) относит к тому же корню названия рек иллирийского и кельтского происхождения (*Sava*, *Savara*). Стертевант и Хендриксен связывали с тем же корнем **sē-men* > лат. *sēmen*, но этому противоречит общепринятое сопоставление лат. *sēmen* и общеиндоевропейского глагола **se-* со значением «сеять», ср. работу *A. V. Isačenko.* Príspevok k štúdiu najstarších vrstiev základného slovného fondu slovanských jazykov (Slovanské neutrá na *-men*) // Studie a práce linguistické. I (Na pocest šedesátých narozenin akademika Bohuslava Havranka). Praha, 1954. C. 116—117.

стороны значения эту этимологию можно признать вероятной; о наличии в хеттском языке других архаичных имен существительных на *-r*/*n*, принадлежащих к той же семантической группе, что *šeḫur*, свидетельствует хет. *šakkar*, которое Бенвенист сравнивает с греч. *σκῶρ*, *σκατός* ‘грязь’ [1]. Соотношение хет. *šeḫur* и др.-исл. *súrr* аналогично соотношению хет. *paḫḫur* и др.-исл. *fúrr*; поэтому, если данная этимология является правильной, то долгота *ū* в др.-исл. *súrr* должна объясняться стяжением (как и долгота *ū* в др.-исл. *fúrr*, греч. *πῦρ*, см. выше).

Рассмотренные выше факты показывают, что фонетическое строение целого ряда хеттских основ, имеющих индоевропейскую этимологию, подтверждает теорию о происхождении «долгих сонантов» из сочетаний сонанта с **H* («ларингальным») и теорию о происхождении долгих гласных из сочетаний кратких гласных с **H* (относительно некоторых более сложных случаев, относящихся к соответствиям, которые долгие гласные других индоевропейских языков имеют в хеттском языке, см. ниже, § 90).

Факты хеттского языка представляют особый интерес для изучения индоевропейских «ларингальных» еще и потому, что сопоставление структуры хеттских корней, включающих в свой фонетический состав фонему *ḫ*, и структуры других хеттских корневых морфем индоевропейского происхождения позволяет сделать некоторые выводы относительно фонетических особенностей индоевропейской фонемы (фонем), к которой восходит хеттское *ḫ*. Для решения этого последнего вопроса необходимо сопоставить различные структурные типы индоевропейских корневых морфем, представленных в хеттском языке. Этот вопрос рассматривается в следующем параграфе настоящей работы.

§ 90. Структурные типы индоевропейских корневых морфем, представленные в хеттском языке

Большинство индоевропейских корней, представленных в хеттском языке, принадлежит к типу согласный + гласный + согласный (тип CVC) [2]. Корни, принадлежащие к типу CVC, составляют 57% корней, рассмотренных в первой главе настоящей книги. Преобладание корней данного структурного

[1] *Benveniste.* Origines. P. 9; связь хет. *šakkar* и *zakkar* ‘Kot’, принимаемая Бенвенистом, в настоящее время некоторыми учеными оспаривается (см. *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 3. s. v. *zakkar*).

[2] Здесь и далее используются следующие условные обозначения: C — согласный (любой); V — гласный (любой); R — сонант; T — шумный согласный; K — смычный; S — фрикативный согласный; H — ларингальный.

типа отмечается исследователями и по отношению к другим индоевропейским языкам [1].

Вокализм корней данного структурного типа единообразен: в подавляющем большинстве этих корней в качестве корневого гласного выступает гласный *e*, чередующийся с **o* (и со ступенью редукции). Отступления от этого общего правила наблюдаются только в корнях, начинающихся или кончающихся *ḫ* < **H*: хеттским корням этого типа в других индоевропейских языках могут соответствовать корни с долгим *ā*, ср., напр., хет. *paḫš-* (корень *paḫ-*, § 27) : карашарское *pās-*, общеславянское **pās-*, лат. *pā-sk-* (ср. § 89); хет. *laḫḫ-u-* (§ 37) : лат. перфект *lāvi* (§ 89); хет. *ḫašša-* (корень *ḫaš-*, § 84) : общеиталийское **āsā-*, это явление, несомненно, связано с воздействием **H* (см. § 39); первоначально вокализм корней данного подтипа мог не отличаться от вокализма корней с корневым гласным **e*, как показывает сравнение хет. *laḫḫu-*, редуплицированная основа *lelḫuua* (с гласным *e* в первом слоге, ср. § 89) : греч. λό(ϝ)ω : лат. *lavo* : *lāvi* [2].

Состав согласных в корнях типа CVC является весьма разнообразным. Известны корни этого типа, начинающиеся со смычного согласного и кончающиеся сонантом (подтип KVR, наиболее широко представленный в хеттском языке подтип, ср., напр., *gen-*(*u*); § 66; *tar-u-* § 67; *kuen* < **g^{w}hen-*, § 3 и т. п.); начинающиеся с «ларингального» и кончающиеся сонантом (тип HVR, напр., *ḫar-an*, § 59; *ḫuu̯-ant*, § 77); начинающиеся сонантом и кончающиеся смычным согласным (тип RVK, напр., *u̯ek-*, § 4; *neku-* < **nek^{w}-*, § 11; *u̯ett-*, § 43 и т. п.) или «ларингальным» (тип RVH, напр., *laḫḫ-*, § 37); начинающиеся фрикативным и кончающиеся смычным согласным (типа SVK, напр., *šek-*, § 21); начинающиеся «ларингальным» и кончающиеся смычным (тип HVK, напр., *ḫapp-*, § 57) или фрикативным (тип HVS, напр., *ḫašš*(*-a-*), § 84); начинающиеся смычным и кончающиеся фрикативным согласным (тип KVS, напр., *kešš-*(*ar*), где *keš-* < **ĝ^{h}es-*, § 58); начинающиеся смычным и кончающиеся «ларингальным» (тип KVH, напр., *paḫ-š-*, § 27). Во всех указанных

[1] См. *A. Dostál.* K otázcę slovotvorných typů, zvláště slovanských // Studie a práce linguistické, I (K šedesátým narozeninám akademika Bohuslava Havránka). Praha, 1954. S. 102, ср. также *K. Ammer.* Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Wien, 1952. Bd. 2. H. 4. S. 199. Эта особенность индоевропейских языков отличает их от языков ряда других семей, ср. о результатах статистического анализа структурных типов корней в различных семитических языках *M. Cohen.* Sur la statistique linguistique // Conférences de l'Institut de Linguistique de Paris. IX année 1949. Paris, 1950. P. 12—16.

[2] Особый случай составляет вокализм корня, выделяемого в хет. *maklant-* (§ 61), ср. ниже.

подтипах начальный согласный по своим фонетическим особенностям отличается от конечного. Но известны и такие разновидности типа CVC, где начальный согласный принадлежит к той же фонетической категории, что и конечный: ряд корней этого типа начинается и кончается смычным согласным (тип KVK, напр., **pet-* в *patt-ar*, § 54; **ped-* в *pedan*, *pata-*, § 81). По отношению к этому подтипу индоевропейских корней действует закон, согласно которому «нет корней, которые бы начинались и оканчивались на смычную звонкую непридыхательную» [1]. В хеттском языке различие между придыхательными и непридыхательными смычными непосредственно не отражается, но сравнение с родственными языками показывает, что индоевропейские корни, представленные в хеттском языке, подчиняются данному закону. Структура соответствующих данному закону корней типа **dheĝh-* (хет. *tep-* в *tepu-*, *tepnu-*, *tepša-*, § 47) или **dhegh-* (*tek-an*, *tag-n-*, *d*(*a*)*g-an*, § 72 и § 88) показывает, что для индоевропейских корней вида CVC фонетическая близость начального и конечного согласного (напр., в корнях с начальным и конечным звонким придыхательным смычным) не являлась исключением. Уже поэтому вызывает сомнения предполагаемый некоторыми учеными закон, по которому индоевропейский корень не мог одновременно и начинаться, и кончаться сонантом [2]. Эта гипотеза противоречит и фактическим данным: многие индоевропейские корни, представленные в хеттском языке, принадлежат к типу сонант + гласный + сонант (RVR), ср., напр., *mall-* (§ 38), *mel*(*-i-t*) (§ 63), *nei-* (§ 18) и т. п.; значительное число корней этого типа обнаруживается и в других индоевропейских языках.

Нельзя считать бесспорным и другой закон (выдвигаемый некоторыми современными учеными вслед за Соссюром [3]), согласно которому индоевропейский корень не может начинаться и кончаться одним и тем же согласным. Выдвигая это положение, Бенвенист в своей обзорной статье оговаривается, что исключение составляет корень **ses-* [4], отраженный в хет. *šeš-* (§ 14), др.-

[1] *Мейе.* Введение. С. 191; см. относительно предполагаемого исторического объяснения данного закона воздействием ассимиляции (**ghep* > **ghebh*) *A. Cuny.* Revue de Phonetique. II. 1912. P. 128; *J. Duchesne-Guillemin*. Le problème de la racine // Vème Congrès International des linguistes. Deuxième publication. Rapports. Bruges, 1939. P. 16; *J. Whatmough*. Root and Base in Indo-European // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 54. 1943.

[2] *F. Specht.* Sprache. Band I. Wien, 1949. C. 44.

[3] *J. Duchesne-Guillemin.* Le problème de la racine // Vème Congrès International des linguistes. Deuxième publication. Rapports. Brugges, 1939. P. 16; *E. Benveniste.* Les langues du monde. 2ème éd. Paris, 1952. P. 9.

[4] *E. Benveniste.* Les langues du monde. Paris, 1952. P. 9.

инд. *sas*-. Особенности этого корня Бенвенист склонен объяснять его «экспрессивным» характером [1], однако установленное в § 14 значение этого корня («покоиться, отдыхать, быть в бездействии, спать») не согласуется с данной гипотезой Бенвениста. Но ввиду недостаточности примеров, где корень начинается и кончается одним и тем же согласным, в настоящее время нельзя определить более точно, в какой мере в общеиндоевропейском языке были представлены корни типа **ses*-.

Характерной особенностью хеттских корневых морфем индоевропейского происхождения, начинающихся с согласного, является то, что начальным согласным не может быть *r*-. Некоторые лингвисты объясняли отсутствие начального *r*- в хеттском воздействием «средиземноморского субстрата» [2], причем сходным образом объяснялись и аналогичные явления в армянском и греческом языках. Однако есть известные основания для того, чтобы признать это явление общеиндоевропейским [3]. Представляется также существенным то, что в древнехеттском языке в середине слова в словообразовательных аффиксах обнаруживается чередование плавных *-r*- и *-l*-: ср. в § 45 Хеттских законов варианты *ši-i̯a-at-ta-ri-i-e-iz-zi* ʻон запечатываетʼ [4] и (вариант KBo VI 5 IV 3) *ši-i̯a-at-tal-li-i̯a-a-zi* (от *šii̯a*- ʻдавить, нажимать; отпечатыватьʼ). Для хеттского языка характерны такие соотношения архаичных аффиксов с плавным *-r*- и продуктивных аффиксов с плавным *-l*-, как *-tara*- (только в двух архаичных именах деятеля, см. § 9 и § 23); *-tala*- (продуктивный аффикс имен деятеля); *-ur* (только в архаичных основах типа *paḫḫur*, § 56, и *pankur*, § 46); *-ul* (продуктивный суффикс, см. о соотношении суффиксов *ur* : *ul* в § 46, примеч. 2); ср. также окончание 3 л. ед. ч. повел. накл. медиопассива *-ru* и окончание 1 л. ед. ч. повел. накл. актива *-lu*. Наличие двух вариантов индоевропейских суффиксов **-ter*/**-tel* и **-ur*/**-ul* подтверждается данными других языков (ср. отражение суффикса **tel*- в славянских языках [5], отражение **ter* в греческом и ряде других языков; о суффиксе *-ur*/*-ul* ср. выше, § 46,

[1] La racine *ses*... est unique, et probablement de nature expressive // Там же. P. 9. См. выше, в § 14, об ошибочности предполагаемой им семантики этого корня.

[2] *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. 1947. Vol. 56—57. P. 191 и 196; *V. Čihař.* Die charakterischen Züge des mediterranen Substrats // AOr. 1954. Vol. 22. № 2/3. S. 413—414.

[3] *W. P. Lehmann.* The Distribution of Proto-Indo-European (r) // Language. 1951. Vol. 27. № 1 (с указанием литературы вопроса), ср. формулировку Бенвениста в Les langues du monde. Paris, 1952. P. 9.

[4] О значении этого глагола см. *F. Sommer.* Aus Hans Ehelolf's Nachlaß // ZA NF. 1940. Bd. 12. S. 47—50.

[5] Ср. об отражении суффикса **-tl* в армянском языке *Г. Капанцян.* К происхождению армянского языка. Ереван, 1946. С. 22—23.

примеч. 2); сопоставление этих фактов с частыми в индоевропейских языках чередованиями *r* и *l* в корневых морфемах позволило предположить, что в определенный период развития общеиндоевропейского языка **r* и **l* были вариантами одной плавной фонемы [1]. В этом случае отсутствие начального *r*- в ряде древних индоевропейских языков (в том числе в хеттском) может быть объяснено особенностями распределения в слове позиционных вариантов индоевропейской плавной фонемы. Но окончательное решение этого вопроса по отношению к хеттскому языку затрудняется тем, что до настоящего времени в хеттском языке не обнаружена ни одна из индоевропейских корневых морфем, в которых ранее предполагался начальный плавный **r*- (тогда как индоевропейские корневые морфемы с начальным плавным **l*- в хеттском языке засвидетельствованы, ср., напр., корень *luk*-, § 10; *laḫḫ-/-u*-, § 37; *leš*-, § 35). Поэтому не представляется возможным проверить гипотезу Лемана, согласно которой индоевропейские корневые морфемы с предполагаемым начальным **r* в действительности начинались с «ларингального» [2], ср. однако хет. *ḫartaggaš* 'медведь' (по Зоммеру, см. выше, § 88), где общеиндоевропейская основа с предполагавшимся начальным слогообразующим **r̥* действительно представлена с начальным *ḫ* [3]. Но соответствующие примеры с начальным неслоговым **r*- до настоящего времени неизвестны.

Как отмечалось выше, корни типа согласный + гласный + согласный составляют большинство индоевропейских корневых морфем, представленных в хеттском языке. Согласно гипотезе, изложенной в 1935 г. Бенвенистом, все индоевропейские корневые морфемы первоначально принадлежали к этому структурному типу [4]. Позднее Бенвенист сделал поправку к своей гипотезе, признав существование в общеиндоевропейском начального «приставочного *s*-, что ведет к тому, чтобы считать нормальным корень (типа) **spek*» («*s*-prefixé, conduisant à considérer comme normal one racine **spek*-») [5].

---

[1] См. работу E. Benveniste о фонологии слова и распределении согласных, напечатанную в Travaux du Cercle linguistique de Prague. Vol. 8 (Etudes phonologiques. Prague, 1939) (вопрос о чередовании *r*/*l* в общеиндоевропейском языке освещался также в статье *A. Meillet.* Ann. acad. Scient. fenn. XXVII (ser. B.). P. 157 и след.). С общефонетической точки зрения гипотеза о существовании одной плавной фонемы вполне вероятна, ср., напр., о корейском языке *Г. Рамстедт.* Грамматика корейского языка. 1951, § 29. С. 31.

[2] *W. P. Lehmann.* The Distribution of Proto-Indo-European (r) // Language. 1951. Vol. 27. № 1.

[3] Как отмечалось в § 88, правильная реконструкция начального ларингального в данном слове была впервые дана Бенвенистом.

[4] См. *E. Benveniste.* Origines. Ch. IX.

[5] *E. Benveniste.* Sur la théorie de la racine en indo-européen // Vème Congrès International des linguistes. Réponses au questionnaire, Suite. Bruges, 1939. P. 5.

Эта формулировка является несколько неопределенной, так как остается не вполне ясным, считает ли Бенвенист «приставочное *s*-» префиксом [1] или же ограничивается признанием чередований типа **spek-* : **pek-* [2]. В обоих случаях данная поправка не вносит существенных изменений в гипотезу Бенвениста, так как основы типа **skel-* (хет. *iskall-*, § 36) тесным образом связаны с корнями типа **kel* (ср. выше, § 36), которые Бенвенист считает «нормальными» индоевропейскими корнями.

Теория Бенвениста о трехчленной структуре всех индоевропейских корней (за исключением корней с начальным *s*-) наталкивается на серьезные практические трудности при ее применении к анализу конкретного материала древних индоевропейских языков. Даже те лингвисты, которые принимают теорию структуры корня Бенвениста, отмечают трудности, связанные со схематичностью этой теории. Американский лингвист Леман, в своей монографии «Прото-индоевропейская фонология» (1952 г.) сочувственно излагающий теорию Бенвениста [3], в последующей своей статье пишет: «формы, которые мы восстанавливаем, должны быть структурно симметричными, как, например, прото-индоевропейские корни Бенвениста. Этот метод опасен, так как он ведет нас к сверхструктурализации («over-structuralization»), но у нас нет другого способа проверки. Принятие корней любой формы, как это делали Вальде и Покорный и по-прежнему делает Покорный, ведет к хаосу» [4]. Правда, Леман вынужден признать, что нельзя во всех случаях свести корни к «математическим формулам» («Mathematical formulae»), выводимым согласно теории Бенвениста [5]. Но Леман (как и многие другие зарубежные лингвисты) все же не считает возможным в теории отказываться от этих математических формул. Характерно, однако, что, приступая к конкретному анализу структурных типов индоевропейских корней, Леман отступает от схемы Бенвениста, рассматривая в качестве корней морфемы **b*^{h}*eyd-* и т. п., не соответствующие этой схеме [6]. Аналогичные противоречия можно обнаружить и в работе Аммера, вышедшей в свет одновременно с монографией Лемана. Аммер кладет в основу своего исследования теорию Бенвениста, но в то же время отмечает крайне спорный характер этой теории, которая часто ведет к

[1] Точка зрения, изложенная, напр., в работе *J. Schrijnen. S*-causativum ou intensivum? // Scritti in onore di A. Trombetti. 1938. P. 67 и след.

[2] См., напр., осторожную формулировку *Мейе.* Введение. С. 189.

[3] *W. P. Lehmann.* Proto-Indoeuropean phonology. Austin, 1952. С. 17—18.

[4] Lehmann, рецензия на Studien zur indogermanischen Grundsprache // Language. 1954. Vol. 30. № 1. S. 103.

[5] *Lehmann.* Proto-Indoeuropean Phonology. P. 17.

[6] *Lehmann.* Proto-Indoeuropean Phonology. P. 106.

рискованным построениям [1]. Факты хеттского языка подтверждают выводы о спорности данной теории Бенвениста, которые многие лингвисты делают на основании анализа других индоевропейских языков [2].

Корни того типа, который Бенвенист считает «нормальным», в хеттском языке являются преобладающим, но не единственным типом. Сравнительно часто встречается в хеттском языке другой тип индоевропейских корней: согласный + гласный + сонант + шумный согласный (CVRT). Индоевропейские корни этого типа составляют 16% корней, рассмотренных в первой главе настоящей работы [3]. Для того чтобы свести индоевропейские корни этого типа к единицам, соответствующим теории Бенвениста, следовало бы доказать, что конечный (шумный) согласный первоначально не принадлежал к корню. Однако нельзя найти никаких морфологических и семантических доказательств правильности такого предположения по отношению к индоевропейским корням, представленным в хеттском языке в основах *ḫark-* (§ 8), *luk-* (§ 10), *ḫant-* (§ 44), *park-* (§ 45), *pank-* (§ 46), *danku-i-* (§ 49), *ḫark-i-* (§ 50) и т. п. И в хеттском языке, и в других древних индоевропейских языках основы типа **b^{h}erĝ^h-* (хет. *park-*), **leu̯k-* (хет. *luk-*) являются непроизводными; нет никаких данных, которые позволили бы предположить, что эти основы были производными в общеиндоевропейском языке. Напротив, в ряде работ Куриловича было показано, что различие между корнями, оканчивающимися на один согласный («легкие, или краткие корни»), и корнями, оканчивающимися на группу сонант + (шумный) согласный («тяжелые, или долгие корни»), является общеиндоевропейским; Курилович показал, что это различие играет существенную роль для объяснения многих явлений морфологии и фонетики

[1] «Ich halte aber Benvenistes These für verfrüht, da wir durch diese Annahme oft zu sehr kühnen Hypothesen verführt werden»: *K. Ammer.* Studien zur indo-germanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Wien, 1952. Bd. 2. H. 4. S. 199.

[2] Ср. выводы в строении корня в древнегреческом и других индоевропейских языках, сделанные в работе проф. А. А. Белецкого «Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)», Киев, 1950. С. 238. См. критические замечания относительно гипотезы о трехчленном составе корня в рецензии Дебруннера на монографию Бенвениста (*Debrunner.* IF. 1937), в докладе *J. Duchesne-Guillemin.* Le problème de la racine (Vème Congrès International des linguistes. Rapports. Bruges, 1939. P. 11) и в статье *J. Whatmough.* Root and Base in Indo-European // Harvard Studies in Classical Philology. 1943. Vol. 54. P. 1—23.

[3] В хеттском языке часть этих четырехчленных индоевропейских корней может выступать в виде трехчленных — в тех случаях, когда в хеттском осуществилась монофтонгизация дифтонга или обобщена нулевая ступень огласовки корня, ср., напр., хет. *luk* < **leuk-*/**luk-* (§ 10); точно так же трехчленные индоевропейские корни рассмотренного выше типа могут по тем же причинам в хеттском языке развиться в двучленные, напр. *ki* < **kei̯-* (§ 12).

общеиндоевропейского языка и отдельных его диалектов (в частности, индоиранского) [1]. Данные хеттского языка подтверждают это положение: как указывалось выше (§ 87), огласовка хеттских корневых морфем индоевропейского происхождения различается в зависимости от того, принадлежит эта морфема к типу «легких» (по терминологии Куриловича) или «тяжелых» корней (в особенности показательны различия в огласовке корня в однотипных образованиях, см. выше об огласовке корня в хеттских прилагательных на *-u-* и *-i-*).

Существенным представляется также и то, что соотношение начального и конечного согласного в непроизводных основах типа CVRT (т. е. в «тяжелых корнях») аналогично соотношению начального и конечного согласного в корнях типа CVC: к часто встречающемуся типу смычный звонкий придыхательный + гласный + смычный звонкий придыхательный (см. выше об этом типе корней) в структурном отношении близок также часто встречающийся тип смычный звонкий придыхательный + гласный + сонант + смычный звонкий придыхательный, напр. *$b^herĝ^h$- (хет. *park-*, § 45), *$b^henĝ^h$- (хет. *pank-*, § 46), *d^heng^wh- (хет. *danku-*) [2].

Все указанные выше факты свидетельствуют о том, что корни типа CVRT («тяжелые корни») следует считать таким же нормальным типом индоевропейских корней, как и корни типа CVC («легкие корни»). Чрезвычайно важным фактом представляется то, что в хеттском языке разновидностью корней типа согласный + гласный + сонант + шумный согласный (CVRT, напр., *pank-*) являются корни типа согласный + гласный + сонант + согласный *ḫ* (CVRH, см. о фонетических свойствах хет. *ḫ* выше § 89), напр., *tarḫ-* (§ 6), *šanḫ-* (§ 7), *palḫ-* (§ 13). Как отмечалось выше (§ 89), сравнительно-исторический анализ хеттских корней типа *tarḫ-* позволяет установить, что

[1] Ср. *J. Kuryłowicz.* Etudes indo-européennes. I. Kraków, 1935; ср. также опубликованные в последние годы работы Куриловича по фонетике и морфологии индоиранских языков (напр., *J. Kuryłowicz.* Tzw. prawo Brugmanna w indoirańskim // Rozprawy komisji orientalistycznej. Warszawa, 1952. № 4. S. 58—62, ср. также *J. Kuryłowicz.* BSL. 1947/48. I. S. 54). В своих работах, опубликованных на французском и польском языках, Курилович употребляет термины «тяжелые корни» (pierwiastki ciężkie) и «легкие корни» (pierwiastki lekkie), но в своих работах, написанных по-русски, Курилович в том же значении употребляет термины «долгий» (соответствует lourd — «тяжелый») и «краткий» (соответствует léger — «легкий») корень.

[2] Особое положение занимает основа *kank-* (§ 20), которая, по свидетельству родственных языков, начиналась и кончалась с одного и того же смычного глухого непридыхательного согласного (**konk-*), ср. выше о корне **ses-*. Но этот корень (от которого образовывались в германских языках редуплицированные формы) еще недостаточно ясен в этимологическом отношении (см. § 20).

индоевропейские корни, оканчивающиеся на так наз. «долгие сонанты», являются с исторической точки зрения корнями, оканчивавшимися на сочетание сонант + «ларингальный» (=RH). Поскольку число индоевропейских корней, оканчивающихся на «долгий сонант», составляет существенную часть всего общеиндоевропейского фонда корневых морфем, тип корней, оканчивающихся на сочетание сонант + «ларингальный» (=RH), нужно признать одним из часто встречающихся общеиндоевропейских структурных типов корневой морфемы. В хеттском языке такие корни являются разновидностью корней вида CVRT, т. е. корней, оканчивающихся на сочетание сонант + шумный согласный, так как в хеттском языке *ḫ* является шумным согласным (§ 89). Представляется необходимым распространение этого вывода и на общеиндоевропейский язык, так как в общеиндоевропейских корневых морфемах действовал закон убывающей звучности последних фонем корня (следующих за корневым гласным)[1]. Поэтому за сонантом в исходе корня ни в коем случае не мог следовать другой сонант[2]. Следовательно, корень типа CVRH может быть только разновидностью корней вида CVRT. Этот вывод, сделанный на основании современного состояния знаний о фонетической структуре морфем общеиндоевропейского языка, находит полное подтверждение в фактах хеттского языка.

В индоевропейских четырехчленных корневых морфемах наблюдается убывание звучности в конечной группе согласных, следующей за корневым гласным, и возрастание звучности в начальной группе согласных, предшествующей корневому гласному[3]. В хеттском языке представлены оба типа четырехчленных корневых морфем, ср., с одной стороны, *luk-* (§ 10, **leu̯k-*, тип CVRT), с другой стороны, *šup-* (§ 13, **su̯ep-*, тип TRVC). Четырехчленные корневые морфемы типа TRVC (шумный согласный + сонант + гласный + согласный), встречающиеся в хеттском языке, обычно имеют в качестве второй фонемы индоевропейский сонант **-u-*, в хеттском выступающий в качестве слогообразующего, напр. **su̯ep-*, хет. *šup-* (§ 13), **dhu̯er-*, хет. *tur-* (§ 24). Поэтому корневая морфема **Hu̯el-*, к которой восходит корень *ḫul-*, выделяемый в хет. *ḫulana*, *ḫulali-*, *ḫulaliya-* (§ 73), по своей структуре аналогична корневой

[1] *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. I. 3. § 5. Classification des racines indo-européennes. С. 121—130; ср. *А. А. Белецкий.* Принципы этимологических исследований. Киев, 1950. С. 238; *И. М. Тронский.* Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953. С. 101; *K. Ammer.* Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Bd. 2. H. 4. 1952. С. 213.

[2] Ср., *Мейе.* Введение. С. 192, ср. *F. de Saussure.* Cours de Linguistique Générale. 2e éd. Paris, 1922. P. 316.

[3] См. работы Куриловича, А. А. Белецкого и других лингвистов, указанные выше.

морфеме **dhu̯er*. В морфемах типа **su̯ep-* и **dhu̯er-* соблюдается закон восходящей звучности, по которому первый согласный, предшествующий сонанту, не может быть сонантом. Следовательно, индоевропейское **H-* в **Huel-* было шумным согласным, а не сонантом; действительно, этот шумный согласный выступает в хеттском *ḫul-* в виде заднеязычного спиранта *ḫ*.

Выводы, к которым приводит анализ указанных выше фактов, можно кратко сформулировать следующим образом:

1. Положение первое. Индоевропейские корни типа согласный + гласный + сонант + «ларингальный» (**H*) являются разновидностью корней типа согласный + гласный + сонант + шумный согласный, т. е. CVRH является разновидностью CVRT.

2. Положение второе. Индоевропейские корни типа «ларингальный» (**H*) + сонант + гласный + согласный являются разновидностью корней типа шумный согласный + сонант + гласный + согласный, т. е. HRVC является разновидностью TRVC.

3. Следовательно, индоевропейский «ларингальный» [1] был шумным согласным, т. е. H является разновидностью T.

Этот вывод, к которому приводит анализ структуры индоевропейских корневых морфем, находится в полном согласии с данными всех индоевропейских языков, в которых засвидетельствованы звуки, восходящие к общеиндоевропейскому **H*: хеттское *ḫ* (*ḫḫ*), лувийское *ḫ*, палайское *ḫ*, иероглифическое хеттское *h*, армянские *h* и *x* являются шумными (фрикативными) согласными (см. § 89) [2].

Анализ структурных типов индоевропейских корней и анализ фонетических данных хетто-лувийского и армянского языков позволяет считать твердо установленным принадлежность **H* к числу индоевропейских шумных согласных. Следовательно, теорию де Соссюра об индоевропейских «сонантических коэффициентах» в настоящее время нельзя принять в том виде, в каком она была выработана Соссюром. Соссюр, создавший эту теорию почти 80 лет назад, не мог предвидеть всех тех фактов, которые стали известны в настоящее время, после изучения хетто-лувийских языков. Признание заслуг де Соссюра не должно поэтому означать фетишизации всех положений его «Mémoire», которая наблюдается в работах некоторых ученых [3].

---

[1] Или индоевропейские ларингальные (ср. выше).

[2] Это же относится и к ликийскому *χ* (соответственно, звонкому *-g-*), которое Педерсен возводил к **H*, см. выше, § 89.

[3] В этом отношении характерно следующее высказывание: в своей итоговой статье Стертевант писал, что если приспособить хеттские факты к теории Соссюра, то нельзя принять меньше четырех ларингальных (см. *E. H. Sturtevant.* The Prehistory of

Следует отметить, что уже теория происхождения долгих сонантов, выдвинутая Соссюром, вступила в противоречие с гипотезой Соссюра о сонантическом характере *A* и *O*: то, что *A*, *O* служат для образования долгих сонантов, разрушает параллелизм между *A*, *O* и сонантами, так как сами по себе сонанты в сочетании с другими сонантами не образуют долгих сонантов. Курилович, с именем которого связан современный этап в развитии ларингальной гипотезы, в данном вопросе расходится с Соссюром и другими лингвистами, считавшими «ларингальный» (*A*, *O* Соссюра) сонантом. Курилович решительно утверждает, что *ə̯* был «несонантическим согласным» [1]. Но сам по себе символ *ə̯*, употреблявшийся Куриловичем для обозначения данных звуков, мог породить недоразумения. Обычно посредством **ə* обозначалось schwa indogermanicum primum, которое считалось гласным. Курилович пересмотрел традиционное понимание **ə*, установив, что **ə* следует понимать как сочетание несонантического согласного **ə̯* с редуцированным гласным **$_o$* (так наз. Schwa indogermanicum secundum, иногда обозначающееся посредством **$_e$* или **ь*). Но в этом случае обозначение **ə̯* (т. е. неслоговое *ə*) утрачивало всякий смысл, так как слоговое **ə*, по Куриловичу, не существовало [2].

Indoeuropean; a Summary // Language. 1952. Vol. 28. № 2 (part I). C. 179). Остается, однако, непонятным, почему нужно приспосабливать факты к теории.

[1] *J. Kuryłowicz.* Études indo-européennes. P. 42.

[2] Поэтому в настоящей работе обозначение ларингального посредством **ə* не принимается. Обозначения, предложенные Сэпиром и Стертевантом, неудачны в двух отношениях: во-первых, они исходят из необоснованного предположения о том, что существовало четыре ларингальных; во-вторых, эти обозначения предполагают фонетическую характеристику этих общеиндоевропейских звуков, которую также нельзя считать обоснованной (см. в § 89 о теории Сэпира — Стертеванта относительно различения глухого и звонкого ларингальных). Знак **A*, также употреблявшийся Стертевантом (*E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. P. 23), неудачен и потому, что этот знак употреблялся Соссюром для обозначения сонантов, и потому, что этот знак непонятен как символ, обозначающий шумный согласный. Поэтому в настоящей книге принято обозначение **H*, предложенное Педерсеном и применяемое в настоящее время многими лингвистами (напр., Хендриксеном, Хаммерихом, Коллинджем, чехословацким лингвистом Згуста и другими учеными). Обозначение **H* указывает на связь данной фонемы с хет. *ḫ* и поэтому удовлетворительно и с общефонетической, и с исторической точки зрения. Поскольку существование нескольких ларингальных еще не доказано (см. § 89), целесообразно употреблять один знак **H* (как делает Згуста), целесообразность употребления одного знака подтверждается тем, что даже ученые, признающие наличие двух ларингальных, часто вынуждены пользоваться единым знаком **H* для обозначения ларингального в тех случаях, когда нельзя отличить первый ларингальный от второго (см., напр., *A. Martinet.* Word. 1950. Vol. 6. № 2. P. 185).

Положение о несонантическом характере «ларингальных», выдвинутое Куриловичем, было принято многими лингвистами. Однако до недавнего времени значение этого факта для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков не привлекало в должной мере внимания лингвистов. Лишь постепенно появляются работы, освещающие эту проблему. Вопрос о месте, которое могли занимать ларингальные в индоевропейском корне, был поставлен в двух исследованиях, опубликованных в 1952 г.: в статье Аммера [1] и в монографии Лемана [2]. Авторы обоих этих исследований пришли к выводу, что ларингальные по месту, которые они могли занимать в корневой морфеме, могут быть отнесены к числу спирантов [3]. Спирантом является отражение **H* в хетто-лувийском и армянском языках. В этой связи значительный интерес представляет наличие в хеттском языке корней (не рассмотренных ни Леманом, ни Аммером), оканчивающихся на сочетание спиранта *š* и спиранта *ḫ*, напр. *ešḫar* : лув. *ašḫar-*, ср. хет. *ešḫaḫru* : арм. *ašxar* (§ 55), *ešḫaš* (§ 83). Нет оснований предполагать, что *ḫ* в данных словах было древним аффиксом [4]; анализ общеиндоевропейского названия «крови» позволяет считать непроизводную основу **esH-* весьма древней; то же относится и к непроизводной основе **ešḫ-* в *ešḫaš* ʻхозяинʼ, ср. повторение *-šḫ-* во встре-

[1] *K. Ammer.* Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. 1952. Bd. 2. H. 4. S. 211—212. В отличие от настоящей работы в указанном месте статьи Аммера анализируются не реально засвидетельствованные в хеттском языке типы корней, а типы корней, предполагаемые по ларингальной гипотезе (например, тип согласный + гласный + ларингальный + смычный согласный, который в хеттском языке не засвидетельствован, ср. ниже). Четкий анализ рассмотренных выше типов CVRH и HRVC не дан ни в работе Аммера, ни в указанной ниже монографии Лемана.

[2] *W. P. Lehmann.* Proto-Indo-European Phonology. 1952. P. 106—107 (раздел 14.5). Леман наряду с правильными положениями высказал и ошибочные, так как он не проводил должной границы между производными и непроизводными основами; поэтому, напр., он ошибочно предположил существование типа CeXR (обозначение Лемана, CVHR согласно обозначениям, принятым в данной работе). В качестве примера корней этого типа Леман приводит **lexw* : лат. *lāvit* (Там же. P. 106), но в действительности **-u-* (**-w-*) в этой основе было суффиксом (см. выше, § 37). Некоторые ошибки Лемана объясняются недостаточным использованием фактов хеттского языка: на основании др.-инд. *dabhnóti* Леман склонен предположить диалектальный тип CeCR (т. е. CVCR), см. *W. Lehmann.* Указ. соч., примеч. 4 на с. 106, но в действительности **-u-*, следующее за инфиксом, является в данной основе аффиксом, как показывает сравнение с хет. *tep-u-* : *tep-n-u-* : *tep-š*(*a*)- (§ 47).

[3] *K. Ammer.* Указ. соч. S. 212; *W. Lehmann.* Указ. соч. P. 107.

[4] В лувийском языке известен суффикс отвлеченных имен существительных *-ḫi*; в хеттском суффикс *-ḫa* можно предположить в таких словах, как *dammešḫa* (: *damaš-*/*dameš-*, § 30, см. выше). Но для морфологического анализа основ *ešḫar* и *ešḫaš* никаких оснований нет.

чающемся в древнехеттских текстах выражении *ešḫanaš ešḫaš* ʻгосподин (хозяин) крови’ (о значении этого архаичного выражения см. выше, § 55 и § 83).

Такие хеттские слова, как *ešḫanaš ešḫaš*, позволяют предположительно восстановить вероятный звуковой облик некоторых древнейших единиц индоевропейского праязыка. Такие факты хетто-лувийских языков позволяют предположить, что сочетание **sH* было возможно в исходе древних корневых морфем (ср. в § 89 о предполагаемой индоевропейской этимологии хет. *išḫiia-* : лув. *ḫišḫiia-*). Поскольку сочетание в исходе корня двух фонем, принадлежавших к одному типу, было бы исключительным явлением для общеиндоевропейского языка, нельзя утверждать с уверенностью, как это делают Аммер и Леман, что **H* было спирантом, как и **s*. Однако вместе о тем нельзя считать исключенным и то, что фрикативный согласный **s*, отличавшийся по своему положению в корне от других согласных (ср. корни типа хет. (*i*)*škall*; **skel-*, хет. *špant-*, **spend-*, где нарушен закон восходящей звучности в начальной группе согласных), мог предшествовать другому спиранту (**H*). Данный вопрос еще нельзя окончательно решить, так как основы с конечным сочетанием **-sH* известны в недостаточном количестве. Но уже сейчас можно утверждать, что независимо от того, каким был способ артикуляции шумного согласного **H* в общеиндоевропейском языке-основе, этот согласный не был сонантом (последовательность *s* + сонант в исходе корня невероятна).

Положение о том, что **H* был шумным согласный, развивается также в работах Барроу [1] и Коллинджа [2]. Заслугой Коллинджа является то, что он последовательно сделал все выводы в отношении индоевропейского **ə*, которые вытекают из этого понимания ларингальных. Если «ларингальный» является шумным согласным, то **ə* не может быть результатом развития «ларингального» («вокализации ларингального»). Как и Курилович, Коллиндж, исходя из понимания ларингальных как шумных согласных, приходит к выводу, что гласный **ə* в общеиндоевропейском языке отсутствовал. Теория Коллинджа представляет особый интерес в той ее части, которая касается корней типа *seṭ*. Согласно Коллинджу, гласный, который обычно возводили к **ə*, мог развиваться в отдельных диалектах после того, как вследствие редукции гласного возникали сочетания согласных, противоречащие произноси-

[1] *T. Burrow.* Transactions of the Philological Society. London, 1949. P. 29—61.

[2] *E. Collinge.* Laryngeals in Indo-European Ablaut, and Problems of the Zero Grade // Archivum linguisticum. Glasgow, 1953. Vol. 5. Fasc. 2. P. 75—87. Коллидж вслед за Леманом (*W. P. Lehmann.* Proto-Indo-European Phonology. P. 106—107) правильно указывает на то, что отличие ларингальных от сонантов проявляется, в частности, в том, что они не подчиняются закону Зиверса—Эджертона.

тельным нормам [1]; такое понимание эвфонического происхождения *-i* в конце древнеиндийских корней *seṭ* в последние годы обосновывается рядом ученых [2]. Как известно, объяснение *-i* в корнях типа *seṭ* как результата позднейшего фонетического развития было впервые предложено акад. Ф. Ф. Фортунатовым [3]. Согласно акад. Фортунатову, **ə*, выступавшее только в некоторых производных от корней *seṭ* не во всех диалектах и не чередующееся с долгим гласным, не принадлежало к корню. Так, напр., индоевропейские корни, выделяемые в др.-инд. *dami-tā́* ‘укротитель’: *dáṁ-tas* ‘обузданный’ или в др.-инд. *pati-ṣyáti* ‘он будет лететь’: *pat-tra-m* ‘крыло’, в общеиндоевропейском языке оканчивались не на гласный, а на согласный [4]. Данные хеттского языка могут быть согласованы с этой гипотезой Фортунатова: хет. *dam-eš-*/*dam-aš-*, родственное др.-инд. *dáṁ-tas* (§ 30), и хет. *patt-ar*, родственное др.-инд. *pattram* (§ 54), свидетельствуют о том, что в хеттском языке данные корни оканчивались не на гласный, а на согласный (ср. также хет. *mall*(*a*)-, § 38, и *palt-ana*, § 75, принадлежащие к числу корней данного структурного типа) [5]. В понимании состава согласных древних индоевропейских корней современная наука расходится с Фортунатовым, так как Фортунатову не было известно существование **H* в общеиндоевропейском языке. Но понимание гласного *-i-* в основах типа *dami-tā́*, *pati-ṣyáti* как результата вторичного развития оказы-

[1] См. обоснование этой точки зрения в работе *N. E. Collinge.* Laryngeals in Indo-European Ablaut and Probleme of the Zero Grade // Archivum linguisticum. 1953. Vol. 5. Fasc. 2. P. 75—87.

[2] См., помимо указанной выше работы Коллинджа, *T. Burrow.* Transactions of the Philological Society. London, 1949. P. 29—61; ср. *H. Galton.* American Journal of Philology. 1950. P. 180. Эвфонический характер *-i-* в корнях типа *seṭ* предполагается Куриловичем по отношению к др.-инд. языку.

[3] См. *Ф. Ф. Фортунатов.* Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков. Пг., 1922. С. 27—28 и с. 32—33.

[4] См. об этих двух корнях *Ф. Ф. Фортунатов.* Указ. соч. С. 32—33.

[5] В основах, которые отражены в хет. *dameš-*/*damaš-*, *pattar*, *malla-* и *paltana-*, некоторые лингвисты предполагают отражение ларингальных, но в хеттском языке *ḫ* в этих словах отсутствует. В словах *pattar* и *paltana* можно было бы предположить исчезновение *h* после *t*, которое принимается в ряде других случаев Педерсеном (*Pedersen.* Hittitisch. S. 184) и Хендриксеном (*Hendriksen.* Untersuchungen. S. 53). Эта гипотеза подтверждается тем, что в хаттских заимствованиях в хеттском языке сочетание *th* было утрачено: *Zithariya* (имя бога-покровителя) > *Zittariya*, *Zikhar*, *Ziphariya*, см. *E. Laroche.* Recherches. P. 40. Менее ясной является история основ *dameš-* и *malla-*. Попутно следует отметить, что поскольку наличие **H* после *-t-* в корне, от которого образовано хет. *paltana-* (§ 75), данными хеттского языка не доказывается с абсолютной точностью, предположение о происхождении **th* < **t* + *H* в настоящее время не может быть отнесено к числу строго доказанных постулатов ларингальной гипотезы.

вается чертой, общей для концепции Фортунатова и для названных выше исследований по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков.

Как указывалось выше, развитие в отдельных диалектах гласных, которые ранее возводились к **ə*, в корнях типа *seṭ* Коллиндж рассматривает как результат устранения групп согласных, образовавшихся в результате редукции гласного. Это объяснение по отношению к корням типа *seṭ* представляется вероятным, как ввиду доводов, приведенных самим Коллинджем, так и потому, что в настоящее время известны другие диалектальные процессы устранения групп (смычных) согласных, образовавшихся в результате редукции гласного (см. об этом выше, § 88). Однако вызывает возражения гипотеза Коллинджа о том, что все случаи, объяснявшиеся раньше как отражение **ə*, следует объяснять таким образом. Курилович (и вслед за ним Стертевант [1] и некоторые другие лингвисты) считали, что гласный, ранее возводившийся к **ə*, в ряде случаев должен пониматься как отражение сочетания редуцированного гласного с **H* («ларингальным»): **Hь > *ə*. Коллиндж возражает против этого объяснения, предполагая вместо трехступенной системы чередований Хирта—Гюнтерта [2] (ступень *e* : ступень редукции **ь* : нулевая ступень) двухступенную систему (ступень *e :* нулевая ступень). По мнению Коллинджа, гипотеза о существовании **ь* не является необходимой.

Представляется, однако, что наличие ступени редукции в корнях с вокализмом **e* едва ли может быть опровергнуто. Об этом свидетельствуют, в частности, рассмотренные выше (в § 87) чередования в корнях с краткими гласными типа *eš*(*zi*) : *aš*(*anzi*). Как указывалось в § 87, гласный *a* в формах, образованных от таких корней, выступает в тех случаях, когда в других родственных языках и в однотипных хеттских формах, образованных от корней с иной структурой, обнаруживается ступень редукции. На этом основании некоторые лингвисты, исходившие из предположения о сонантическом характере «ларингального», предполагали в таких корнях чередование **əes-* : **əs-* с развитием *ə > a* в хеттском [3]. Однако ввиду того, что «ларингальный» (*ə* Бенвениста) является шумным согласным, предположение о развитии хет. *eš-*/*aš-* из **əes-*/**əs-* должно быть отвергнуто. Наиболее естественным объяснением чередования типа *eš-*/*aš-* представляется поэтому предположение о

[1] См. *E. H. Sturtevant.* The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. P. 71—74. P. 18 и 90.

[2] *H. Hirt.* Der Indogermanische Ablaut. Strassburg, 1900. S. 15; *Güntert.* Indogermanische Ablautprobleme. Strassburg, 1916.

[3] См. *E. Benveniste.* Origines. Ch. IX; ср. критические замечания в статье *K. Bergsland.* Sur les hypothèses les plus importantes relatives au phonème hittite *ḫ* // RHA. 1938. T. IV, 8e Année. Fasc. 31—32. P. 260—261.

том, что *a* в корнях этого типа восходит к редуцированному **ь* (ср. отражение **ь* > *a* в армянском и италийских языках), который чередовался с *e*: **es-* : **ьs-* > хет. *eš-/aš-*; **ed-* : **ьd-*. Многие современные лингвисты считают, что в корнях типа *eš-*, *ed-* исчез начальный «ларингальный». Однако эта гипотеза исходит только из допущения о том, что каждый индоевропейский корень обязательно начинался с согласного [1]; поэтому в корнях, которые начинаются с гласного, предполагается исчезновение начального ларингального. Факты хеттского языка не могут быть использованы для доказательства этой гипотезы, так как в хеттском языке, как и в других древних индоевропейских языках, имеется целый ряд корневых морфем типа краткий гласный + согласный (VC) [2]. Следует отметить, что некоторые корни этого типа являются общими для всех хетто-лувийских языков (см. § 1 и § 2). Эти корни относятся к числу корневых морфем, играющих наибольшую роль в древних индоевропейских языках, ср., напр., **es-* (§ 1), **ed-* (§ 2), **ei-/*i-* > хет. *i* (§ 15), ср. также **er-*, хет. *ar-* (§ 17); **eu̯-*, выступающее в ступени редукции в глаголе *u̯-eš-* (§ 28) и т. п. Предположение о том, что начальный согласный в этих корнях исчез независимо в хетто-лувийских языках и в других индоевропейских языках, представляется мало вероятным, тем более что отсутствуют бесспорные данные, которые позволили бы предположить существование начальных «ларингальных» в корнях типа **es-*, **ed-* [3]. В целом ряде случаев хетто-лувийские языки и армянский сохранили начальное **H*, утраченное в других родственных языках (см. § 89). Но из этого нельзя сделать бесспорный вывод о том, что **H* имелось и в тех корнях, которые в хетто-лувийском и армянском язы-

[1] Эта гипотеза, не связанная непосредственно с теорией Соссюра о *A* и *O*, была впервые выдвинута Меллером и Кюни, предполагавшими, что индоевропейский корень строится по тем же законам, что и семитический корень, так как эти ученые принимали гипотезу о родстве индоевропейских и семитических языков, ср. в особенности: *Cuny.* Notes de phonétique historique indo-européen et sémitique // Revue de phonétique. Paris, 1912. Vol. 2. P. 101—125 (в этой статье изложена теория корня, позднее принятая Бенвенистом).

[2] Менее ясным является вопрос о хеттских корнях типа VRC. В обоих случаях, когда хеттские непроизводные основы этого типа имеют индоевропейскую этимологию (*arš-an-*, § 26, и *arraš* < **ors-o-s*, § 85), в качестве последнего согласного выступает *-š-*, который некоторые лингвисты считают детерминативом.

[3] Протетический гласный в общеиндоевропейском названии «зуба», отраженный в греческом и армянском языках (§ 2 и § 87), не является таким доказательством, так как понимание ларингального как шумного согласного препятствует предположению о связи ларингального с протетическим гласным. Протетический гласный в армянском языке не обнаруживает никаких следов связи с **H* > арм. *h*. В общеиндоевропейском названии «зуба» протетический гласный может быть сопоставлен с редуцированным **ь* > хет. *a* в *adant-* (§ 87).

ках начинаются с гласного. Представляется, что корневые морфемы **es-*, **ed-*, **ei-*, **er-* могли начинаться с гласного уже в тот период развития общеиндоевропейского языка, который предшествовал выделению хетто-лувийских диалектов [1].

Более вескими являются доводы, приводимые для доказательства исчезновения **H* в тех хеттских корнях, которые, по свидетельству других индоевропейских языков, имели долгий гласный. Однако и здесь структура двучленных корней типа VC, напр. **ēp-* > хет. **ēp-* (§ 5), **ēs-* > хет. *eš-* (§ 5, ср. § 87), вызывает серьезные трудности. Поскольку данные хеттского языка подтверждают гипотезу о происхождении долгих гласных из сочетаний кратких гласных с «ларингальными» (§ 89), многие ученые предполагают развитие **eH* > *ē* и в корнях **ēs-*, **ēp-*. Согласно Аммеру, структура корней типа **eHp-* не противоречит закону убывающей звучности в конечной группе согласных (см. об этом законе выше), так как сочетание гласный + спирант («ларингальный» по Аммеру является спирантом, см. об этом выше) + смычный отвечает этому закону [2]. Аммер не исследовал корней типа **ēs-*, в которых согласно данной гипотезе нужно предположить последовательность **eHs-*, не отвечающую указанному закону. Поскольку, однако, корни типа **esH-* были одним из возможных индоевропейских типов (см. об этом выше), нельзя отрицать и возможность существования типа **eHs-*; в обоих случаях наблюдалось бы сочетание «ларингального» (спиранта по Аммеру и Леману, см. выше) с фрикативным **s*, ср. сочетание **-Hs* в таких древних производных основах, как **paH-s-* (хет. *paḫš-*, § 27 и § 89).

---

[1] Предположение о сохранении в таких корнях начального ларингального в ранний период самостоятельного развития индоиранского и греческого языков не может в настоящее время считаться несомненным, так как истолкование Куриловичем соответствующих фактов (редупликации, явлений метрики и т. п.) некоторыми лингвистами оспаривается. Долготу в ведийских основах типа *dvīpa-* ‘остров’ Курилович (*Kuryłowicz.* Études indo-européennes, I) рассматривает как результат развития *dvi-* (‘два’) +**ə̯p-* (от **ə̯ep-* ‘вода’). Но, во-первых, здесь один постулат ларингальной гипотезы доказывается с помощью другого, тогда как происхождение долгого *ī* из сочетания с **ə* в данном случае не является единственным возможным объяснением; во-вторых, не учитывается возможность воздействия в формах типа *dvīpa-* (< *dvi-āpa-*?) долгого *ā*, засвидетельствованного в ведийском языке в вин. п. мн. ч. *ā́pas*, ср. *A. A. Macdonell.* Vedic Grammar (Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde. Bd. 1. H. 4). Strassburg, 1910. S. 217 и S. 152. См. относительно других ведийских фактов *G. M. Messing.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1947. Vol. 56—57. P. 178—180, ср.: Там же. P. 198.

[2] *K. Ammer.* Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Wien, 1952. Bd. 2. H. 4. S. 211—212.

Как отмечалось выше (§ 87), чередование гласных в хеттских корнях с долгим *ē* (*ep-*/*ap-*, § 5, и *eš-*/*aš-*, § 22) аналогично чередованию гласных в корнях с кратким *e* (напр., *eš-*/*aš-*, § 1). В случае, если гипотеза о происхождении *eš-* < **eHs-* и *ep-* < **eHp-* подтвердится, эта особенность чередования гласных в хеттских корневых морфемах может быть использована для подтверждения гипотезы о происхождении **ə* из сочетания *H* с редуцированным гласным, так как чередование *eš-*/*aš-* в этом случае можно возвести к чередованию **ēs-*/*əs-* = **ĕHs-*/*ьHs-*, ср. *ĕš-*/*aš-* < **ĕš-*/*ьš*. Но следует иметь в виду, что гипотеза о развитии долгого *ē* из сочетания *e* + «ларингальный» по отношению к корням типа **ēs-* и **ēp-* не может еще считаться доказанной, так как 1) в этих корнях **H* отсутствует во всех индоевропейских языках, в том числе и в хетто-лувийских, 2) хеттские примеры, доказывающие развитие **eH* > **ē*, являются менее убедительными, чем примеры, доказывающие развитие **aH* > **ā* (см. § 89). При современном состоянии знаний нельзя утверждать, что развитие **eHp-* > *ēp-* осуществилось в отдельных индоевропейских диалектах; возможно, что оно произошло еще в период до выделения отдельных диалектов (в отличие, напр., от развития основы **paHur*, см. об относительной хронологии развития этой основы в § 89).

Менее сложными представляются вопросы, связанные с историей таких основ, как *ta-i̯a-* (§ 39), где хет. *ta-* соответствует **tā-* в других индоевропейских языках. Поскольку хет. *ḫ* < **H* в положении перед неслоговым *i̯*, как правило, не засвидетельствовано, и в то же время хет. *aḫ* соответствует обычно *ā* < **aH-* в других индоевропейских языках, в таких основах можно предполагать исчезновение **H* (*ḫ*) перед *i̯* в хеттском (или в хетто-лувийском): **taH-i̯o-* > хет. *taia-*.

По отношению к основам типа *te-* (§ 16, ср. о ступени редукции *t-* в § 87) : др.-инд. *dhā-* возможно двоякое объяснение долготы гласного в других индоевропейских языках в свете ларингальной гипотезы: 1) или следует предположить исчезновение последней фонемы корня **H*: **dheH* > **dhē-* > греч. θη-; 2) или следует признать возможность воздействия на количество корневого гласного тех форм этого глагола спряжения на *-ḫi*, в которых за корнем следовало окончание, начинавшееся с **H*, ср. хет. *teḫḫi*, *teḫḫun* (аналогичное объяснение можно было бы выдвинуть по отношению к хеттскому глаголу *da-* ʻбратьʼ, который многие лингвисты считают родственным глаголу **dō-* ʻдаватьʼ, известному из других индоевропейских языков, ср. хет. *daḫḫi*, *daḫḫun*, где за корнем следует *-ḫḫ-*, принадлежащее аффиксу) [1].

[1] Глаголы **dhē-* и **dō-* по своей структуре образуют одну группу с глаголом **sthā-*, но отражение этого последнего глагола в хеттском языке является предметом дискуссии. Гипотеза Вернера (*R. Werner.* OLZ. 1953. S. 243), об отражении этого гла-

Освещение этой проблемы зависит от решения спорного вопроса о происхождении хеттского спряжения на *-ḫi* [1], рассмотрение которого не входит в задачи настоящего исследования.

Рассмотренные в настоящей главе книги факты показывают, что данные хеттского языка свидетельствуют о существовании в индоевропейском языке-основе не одного типа корня (как предполагают некоторые современные ученые вслед за Бенвенистом), а нескольких структурных типов (см. таблицу). Эти структурные типы индоевропейских корневых морфем представлены и в хеттском языке, и в других древних индоевропейских языках. Данные хеттского языка представляют особую ценность потому, что они позволяют в ряде случаев определить древнейший облик корневых морфем, в состав которых входил «ларингальный» **H*.

Структурные типы корневых морфем [2]

Структурная формула	Пример		Вариант с начальным *s-*	
1. CVC	*nek^{w}-	хет. *neku-*	**skel*	хет. *iškall-*
2. CVRT	*$b^{h}eng^{h}$-	хет. *pank-*	**spend-*	хет. *špant-*
3. TRVC	**su̯ep-*	хет. *šup-*		
4. VC	**es-*	хет. *eš-*		
5. VSH	**esH-*	хет. *ešḫ-*		

Дальнейшие уточнения, которые по мере накопления нового лексического материала с достоверными индоевропейскими этимологиями можно будет вносить в эту картину, могут касаться конкретных деталей внутри каждой из намеченных категорий. В частности, представляет интерес случай, где гласный представлен дифтонгом.

гола в виде *ištaḫḫ-* не является достоверной, так как значение глагола *ištaḫḫ-* еще не вполне разъяснено (во всяком случае, этот глагол не имеет значения «стоять», хотя предполагаемое Фридрихом значение «стоить» может быть связано с древним значением «стоять»).

[1] См. литературу вопроса, указанную в: *B. Rosenkranz.* Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Heidelberg, 1953. Bd. 2. H. 3.

[2] Морфемы, древнейшая структура которых остается дискуссионной (напр., **ēs-*, см. выше), в таблицу не включены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в настоящей работе факты позволяют установить некоторые характерные особенности хеттских глагольных и именных основ, восходящих к индоевропейским корням, и характерные черты представленных в хеттском языке индоевропейских корневых морфем.

Для архаичных хеттских основ характерно различие между глагольным и именным словообразованием. Система глагола характеризуется наличием значительного числа общеиндоевропейских корневых слов, большая часть которых принадлежит к спряжению на *-mi*, и относительной бедностью основообразующих суффиксов, из которых наибольшее значение имеет суффикс *-*es*-/-*s*-. Сравнительно-исторический анализ системы хеттского глагола подтверждает то, что образование многочленных глагольных основ с суффиксом *-*es*-/-*s*- было характерной особенностью древних индоевропейских диалектов. В хеттском языке, как и в кучанско-карашарском («тохарском»), в древний период его развития имелись синонимичные (тесно связанные между собой) производные основы с суффиксами *-*s*- и *-*sk*-; по мере развития хеттского языка итеративный суффикс -*sk*- получил преобладание над суффиксом -*s*-. Но в ряде архаичных глагольных основ суффикс -*es*-/-*s*- сохраняется, хотя в некоторых основах он сросся с корнем уже в эпоху, предшествующую созданию письменных памятников.

В системе глагола древние функции корня отчетливо сохраняются, так как, с одной стороны, имеется значительное число корневых глаголов, с другой стороны, известен ряд глагольных основ, образованных от одного корня. В хеттском языке сохранился ряд корневых глаголов, образованных от корней, которые в других родственных языках представлены только в производных основах (или в пережиточных редких формах корневого типа). Поэтому факты хеттского языка приобретают особое значение для изучения таких корней.

Другую картину представляет система именного словообразования. Обращает на себя внимание немногочисленность корневых имен с нулевым суффиксом. Сравнение хеттского языка с другими языками позволяет установить, что в хеттском языке отражается особенность общеиндоевропейско-

го, заключавшаяся в возможности образования от одного и того же корня корневого имени и корневого глагола. Но в хеттском языке в таких случаях может быть засвидетельствован корневой глагол, но не корневое имя (ср. хет. *luk-* ‘светать’ : лат. *lux* ‘свет’ и т. п.).

Если глагол характеризуется обилием корневых слов и относительной бедностью словообразовательных суффиксов, то система имени отличается, напротив, немногочисленностью корневых слов и богатством основообразующих суффиксов.

Большинство именных суффиксов входит в систему закономерных морфологических чередований гетероклитического типа (*r* : *n* : *l* : *i* : *u* и т. п.). Можно выделить различные хронологические слои образований с однотипными суффиксами: прилагательные на *-u-* и *-i-*, как правило, оказываются более поздними, легко поддающимися анализу производными основами в отличие от существительных на *-u-* и *-i-*, в которых слияние суффикса с корнем осуществлялось в древний период развития индоевропейских диалектов. Система гетероклитических чередующихся суффиксов в хеттском языке уже начала разрушаться, хотя некоторые типы чередований (*r*/*n*) хорошо сохранились. Особенно следует отметить наличие в хеттском языке архаичных именных основ на *-ri* < **-r-i-* и на *-ru* < **-r-u-*, связанных по происхождению с архаичными именами на *-r* (чередующееся с *-n-*); имена этого типа входят в закономерную систему индоевропейских основ с чередующимися суффиксами **-ri-* : **-ru-* : **-r*o-.

В тех случаях, когда наряду с производной именной основой в хеттском языке сохранялся архаичный корневой глагол (в других индоевропейских языках не засвидетельствованный), такая производная основа могла сохранять древнюю морфологическую структуру, изменившуюся в других языках, например хет. *neku-* ‘смеркаться’ : *neku-t-* ‘вечер’ (: рус. *ночь* и т. п.). Но во многих случаях именные основы с архаичными основообразующими суффиксами уже задолго до создания первых письменных памятников стали изолированными непроизводными основами. Поэтому морфологический анализ некоторых именных основ представляет особые трудности.

Анализ структуры индоевропейских корневых морфем, представленных в хеттском языке, показывает, что в хеттском языке обнаруживаются основные фонетико-морфологические закономерности строения архаичных индоевропейских основ. Связь огласовки корня с огласовкой суффикса особенно отчетливо проявляется в архаичных глагольных основах на *-es-*/*-s-*. Как в глагольных, так и в именных основах в хеттском языке наблюдается древнее качественное и количественное чередование гласных в корне, причем в новохеттский период древние особенности чередования гласных в некоторых глагольных парадигмах подвергаются преобразованию.

Характерной чертой хеттских «тяжелых» корней (корней на сонант + шумный согласный) является единообразие их огласовки. Благодаря этому однотипные в морфологическом отношении основы (напр., прилагательные на *-u-* и *-i-*) могут иметь различную огласовку в зависимости от структуры корня, от которого образованы эти основы; это свидетельствует о реальности различения «легких» и «тяжелых» корней применительно к хеттскому языку.

Для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков существенное значение имеет то, что в хеттском языке сохранена древняя структура некоторых именных основ, преобразовавшихся в других языках в результате устранения сочетания смычных согласных после редукции гласного. Анализ этих фактов хеттского языка и других обнаруженных в недавнее время фактов индоевропейских языков (хет. *tekan*, *tagn* ‘земля’, иероглифическое хет. *dakam* ‘земля’, карашарское *tkaṃ*) позволяет установить, что явления, для объяснения которых предполагалось *þ* Бругмана, в действительности объясняются как результат образования группы согласных после редукции гласного (в связи с количественным чередованием).

Исключительное значение для анализа древнейшей структуры индоевропейского слова имеет сохранение в хеттском языке индоевропейского **H* > хет. *ḫ*. Изучение корневых морфем, содержащих *h*, подтверждает происхождение *ā* долгого и так наз. «долгих сонантов» из сочетаний гласного и сонантов с **H*. Анализ данных, которые можно использовать для фонетического определения хеттского *ḫ* и родственных звуков других древних индоевропейских языков, позволяет установить, что хеттское *ḫ* было шумным согласным (заднеязычным спирантом). Этот вывод можно распространить и на индоевропейское **H*, к которому восходит хеттское *ḫ*, так как анализ структурных типов индоевропейских корневых морфем показывает, что **H* играло в корне роль шумного согласного. Корни типа согласный + гласный + сонант + *H* являются частным случаем корней типа согласный + гласный + сонант + шумный согласный; корни типа *H* + сонант + гласный + согласный являются частным случаем корней типа шумный согласный + сонант + гласный + согласный. Результаты анализа фонетических свойств хет. *ḫ* в согласии с результатами анализа структурных типов корневых морфем позволяют утверждать, что ларингальный был шумным согласным. Этот вывод имеет значение как для ларингальной гипотезы, так и для теории корня.

Данные хеттского языка не подтверждают предположения о том, что индоевропейский корень строился по одному структурно-фонетическому типу. Наиболее часто встречающимся типом корня является тип согласный + гласный + согласный, но этот тип нельзя считать единственно возможным. Наряду с корнями этого типа имелись корни четырехчленные, начинавшиеся с группы шумный согласный + сонант или кончавшиеся группой сонант +

шумный согласный, а также корни типа гласный + согласный; по этому последнему типу построены корни, от которых образованы наиболее употребительные общеиндоевропейские корневые глаголы. Наконец, факты хеттского языка дают основание и для принятия еще одного структурного типа: в хеттском языке представлены непроизводные основы с конечной группой фрикативный **s* + **H*. В структуре индоевропейских корневых морфем обнаруживаются определенные закономерности, но все же возможно значительно большее разнообразие структурных типов, чем это принимается школой Бенвениста. Необходимо вместе с тем указать, что нельзя считать полностью исключенным действие иных, более строгих закономерностей, определявших структуру корня в более ранний период развития общеиндоевропейского языка; но с помощью хеттского языка такие гипотезы не могут быть доказаны.

Рассмотренные в книге факты представляют интерес для исследования связей хеттского языка с другими хетто-лувийскими языками. Наиболее тесные связи обнаруживаются между хеттским и лувийским языками. Разобранные в книге лувийские тексты позволяют определить значение трех ранее неизвестных лувийских основ, родственных хеттским: лув. *aršiia* ʻтечьʼ : хет. *arš*-(*iia*) ʻтечьʼ; др.-инд. *arṣ*-; лув. *mallit*, *malli* ʻмедʼ : хет. *melit* ʻмедʼ : греч. *μέλι*(*τ*); лув. *aku* ʻпитьʼ : хет. *eku*-/*aku* ʻпитьʼ : кучанское *yok*-; с большим вероятием можно предположить также лувийское чтение с конечным *-u̯a*- для идеограммы со значением ʻглазаʼ, ср. хет. *šakiu̯a* ʻглазаʼ, *šakiu̯a* ʻвидетьʼ : гот. *saihwan*. Эти данные в дополнение к другим, ранее известным, подтверждают значительную близость хеттского и лувийского языков.

Из фактов, проливающих свет на отношения хеттского языка (и хетто-лувийских языков в целом) к другим подгруппам индоевропейской семьи языков, следует особенно отметить те данные, которые свидетельствуют о наличии многих явлений, общих только для кучанско-карашарских («тохарских») языков и хеттского (хетто-лувийских): сохранение глаголов на *-s*-, тесно связанных с глаголами на *-sk*-; лексические связи, ср. хет. *eku* ʻпитьʼ : кучан. *yok*; хет. *iia*- ʻделатьʼ : кучан. *ya*-; употребление общеиндоевропейского названия «ночи» в значении «вечер» (с огласовкой *e*); общие черты в структуре морфологически тождественных форм: хет. *dagan* ʻк землеʼ (наречие, развившееся из окаменевшей формы мест. пад. ед. ч.): карашарск. *tkaṃ* (форма, которая может выступать в аналогичной функции) и т. д.

Необходимо обратить внимание на то, что хеттский язык подтверждает целый ряд гипотез, высказанных в сравнительно-историческом языкознании задолго до расшифровки хеттских памятников; гипотезу о происхождении долгих сонантов и долгого *ā* из сочетаний с фонемами, исчезнувшими в других индоевропейских языках; гипотезу о существовании типа глаголов на *-s*-, тесно связанных с глаголами на *-sk*-; гипотезу о суффиксальном характере *-t*-

в общеиндоевропейском названии «ночи» (хет. *neku-t*); гипотезу о гетероклитическом типе склонения (на *-r*/*n*) общеиндоевропейского названия «крыла» (хет. *pattar*) и др. Хеттский язык не только подтверждает правильность этих гипотез, но и позволяет уточнить их и дополнить. Поэтому изучение хеттского языка представляет особый интерес и для общего языкознания, т. к. проверка сравнительно-исторических гипотез с помощью объективных критериев может способствовать дальнейшей разработке теории сравнительно-исторического языкознания.

Особый интерес может представить выявление таких наиболее древних черт отразившейся в хеттском языке ранней структуры, которые восходят к раннеобщеиндоевропейской («индо-хеттской», по Стертеванту) системе, существенно преобразовавшейся в других индоевропейских языках. Из явлений, важных для принципов строения корня, к таким чертам хеттского языка относится сохранение ларингальных, значительная древность которых удостоверяется наличием ностратических (картвельских и уральских) параллелей и вероятных сходств с афразийским (что было предугадано еще Меллером и Кюни, см. об этом во Введении). К архаизмам, которые выступают более рельефно в свете ностратического сравнения, принадлежат также признаки той серии индоевропейских глагольных форм, которая в хеттском языке отразилась в спряжении на *-ḫi* и в медиопассиве. Предполагаемые формы исходного типа спряжения, к которому восходят эти хеттские архаические части глагольной подсистемы, находят подтверждение благодаря внешнему сравнению.

Приложение I

История слов клинописного хеттского языка, восходящих к индоевропейскому корню *$b^henĝ^h$-

(в связи с историей хеттского *panku*- ‘государственное собрание’)

Изучение клинописного хеттского языка открывает большие возможности для исследования связей истории языка с историей общества, говорящего на этом языке. Многообразные памятники хеттского языка позволяют составить довольно полное представление о жизни хеттского общества не только в период Нового царства (вторая половина II тыс. до н. э.), но и в древнехеттский период (первая половина II тыс. до н. э.). Благодаря этому становится возможным установление общественно-исторических условий развития лексики хеттского языка. Для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков большое значение имеет изучение развития индоевропейского лексического фонда в хеттском языке — единственном индоевропейском языке, обладающем многочисленными письменными памятниками, начинающимися с первой половины II тыс. до н. э., при этом такими памятниками, которые позволяют изучать развитие языка в связи с развитием общества. Вместе с тем сравнительно-исторический анализ исконного индоевропейского фонда в хеттском словаре дает возможность установить факты дописьменного периода, имеющие значение и для исследования истории хеттского общества. В свою очередь исследование истории хеттского общества помогает детально изучить развитие словарного состава хеттского языка, что очень важно для уточнения этимологии хеттских слов.

Из этого следует, что для плодотворного решения вопросов хеттологии необходимо тесное сочетание лингвистического и исторического исследования; отсутствие контакта между смежными дисциплинами отрицательно сказывается на результатах исследования. В частности, одной из причин, препятствовавших всестороннему рассмотрению неоднократно обсуждавшегося в работах историков-хеттологов вопроса о характере хеттского *pankuš* ‘государственное собрание’, было недостаточное привлечение лингвистических

данных (другой причиной было то, что не учитывались данные таких древнейших хеттских текстов, как документ Хаттусилиса I, см. ниже). Между тем, этот вопрос имеет большое теоретическое значение в связи с проблемой сохранения пережиточных архаизмов и происхождения государства на Древнем Востоке. Поэтому использование всех ныне известных фактов для решения этого вопроса является актуальной задачей, выполнение этой задачи оказывается тесно связанным с задачей лингвистической: хотя для слова *pankuš* давно уже указана возможная индоевропейская этимология, эта этимология до настоящего времени никем не была детально обоснована (в особенности со стороны значения). Для уточнения индоевропейской этимологии хеттского слова в данном случае необходимо решение ряда хеттологических вопросов.

I. Слова, родственные хеттскому *panku-*, в других индоевропейских языках

Хеттское существительное *panku-* ʻгосударственное собраниеʼ (именительный падеж ед. ч. *pankuš*) по происхождению является субстантивированным прилагательным (что доказывается и характером склонения этого слова, см. об этом ниже). Наряду с этим существительном в хеттском языке существует прилагательное *panku-* ʻсовокупный, целыйʼ. Давно предположено, что хеттское прилагательное *panku-* по происхождению связано с древнеиндийским *bahú-* ʻмногочисленныйʼ и древнегреческим *παχύς* ʻтолстыйʼ [1] (связь двух последних слов между собою была обнаружена еще в XIX в.) [2].

Хеттское *panku-*, древнеиндийское *bahú-* и древнегреческ*ое παχύς* можно возвести к общеиндоевропейскому*$b^hn̥ĝ^hú$-.

Индоевропейское слоговое *$n̥$ дает *a* в древнеиндийском и древнегреческом и *an* в хеттском [3]. Наличие носового в корне доказывается, помимо хеттского, некоторыми древними индоиранскими словами, восходящими к этому

[1] *E. H. Sturtevant.* Indo-European *bh* corresponds to Hittite *p* // JAOS. 1930. Vol. 50. № 2. P. 125—126; *E. H. Sturtevant.* The Gutturals in Hittite and in Indo-European // Language. 1930. Vol. 6. № 3. P. 216.

[2] Некоторые трудные вопросы, связанные с формой сравнительной степени в древнегреческом, были решены еще Бругманом: *K. Brugmann.* Lateinische Etymologien I. *pinguis* // Indogermanische Forschungen. 1898. Bd. 9. H. 1/2. S. 346—353.

[3] Хеттское *an* могло отражать не только *$n̥$ слоговое (ступень редукции), но и *on* (ступень *o*); в данном случае вывод о происхождении *panku-* из *$b^hn̥ĝ^hu$- (а не из *$b^honĝ^hu$-) делается на основании сравнения с гр. *παχύς* и др.-инд. *bahú-* (ср. выше, § 87); об отражении в *panku-* ступени редукции огласовки корня см.: *Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 40, 41, 59; *E. Benveniste.* La flexion pronominale en hittite // Language. 1953. Vol. 29. № 3. P. 258.

же корню (напр., др.-инд. формой превосходной степени *báṃhiṣṭha-* «крепчайший» и т. п.), где в корне огласовка **e*/*o* в отличие от нулевой огласовки в *bahu-*. Соотношение согласных в древнеиндийском и древнегреческом объясняется регрессивной диссимиляцией придыхательных, характерной для этих языков. Хеттское *p*/*b* в начальном положении и *k*/*g* в положении после согласного могут закономерно соответствовать **b*^{h} и **ĝ*^{h}. Следовательно, в отношении закономерности фонетических соответствий между древними индоевропейскими языками рассматриваемая этимология является безукоризненной.

Восстановленное посредством сравнения фактов древнегреческого, древнеиндийского и хеттского языков общеиндоевропейское прилагательное **b*^{h}*nĝ*^{h}*ú-* образовано с помощью суффикса **-eu-*/*-u-* от корня **b*^{h}*e*/*onĝ*^{h}*-*/ **b*^{h}*n̥ĝ*^{h}*-* . Этот корень (др.-инд. *bah-*/*baṃh-*, древнегреческое *παχ-*, хет. *pank-*) является реальностью для каждого из рассматриваемых языков, так как наряду с *bahú-*, *παχύ-ς*, *panku-* в этих языках существуют другие производные от того же корня. В древнеиндийском наряду с *bahú-* (и производными от *bahú-*) имелось прилагательное *bahala-* ʻплотный, густойʼ и формы с огласовкой *e*/*o*: причастные формы, образованные от глагола *baṃh-*, каузативный глагол *baṃháya-* и форма превосходной степени *báṃh-iṣṭha-*, где отчетливо выделяется корень *baṃh-* [1] (о значении этих древнеиндийских слов см. ниже), этим древнеиндийским словам со ступенью **e*/*o* огласовки корня родственны производные с той же огласовкой (но с другими суффиксами) в древнеиранском (авестийском) *bązah* ʻвысота, глубинаʼ (где носовое *ą* из сочетания *a* + носовой, ср. др.-инд. *aṃ*, авест. *z* соответствует др.-инд. *h*) и *bąš-nav-* ʻвысота, глубинаʼ. В древнегреческом во всех производных корень выступает в нулевой ступени огласовки: древнеиндийскому *báṃhiṣṭha-* соответствует *πάχιστος* (превосходная степень к *παχύς*), древнеиранскому (авестийскому) *bąz-ah* соответствует существительное, образованное с тем же суффиксом (но с иной огласовкой корня) *παχ-ος* ʻтолщинаʼ. Кроме того, в древнегреческом имеется производное *πάχ-ετος* ʻобширный, толстыйʼ; суффикс *-ετος* обычно служит для образования отглагольных имен, поэтому это слово при отсутствии глагола с основой *παχ-* в древнегреческом некоторым ученым представлялось загадочным [2]. Однако

[1] Ср. замечание Е. Куриловича: с точки зрения ф о р м ы производные на *-iṣṭha-* могут считаться образованными непосредственно от глагольного корня: *J. Kuryłowicz.* L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952. P. 66.

[2] См., напр.: *P. Chantraine.* La formation des noms en grec ancien. Paris, 1930. P. 300. *F. Specht.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 346, объясняет *παχε-τ-ος* чередованием *t* : *s*, сопоставляя это слово с *παχο-ς*, но для такого объяснения нет никаких положительных оснований; Шпехт не учитывает связей этого слова с другими греческими производными с тем же суффиксом *-ετος* (см.

наличие в древнеиндийском глагольной основы *báṃh-* при параллелизме других греческих и индоиранских образований от того же корня позволяет предположить, что и в древнегреческом в дописьменный период существовал глагол того же корня, от которого и могло быть образовано *πάχετος*. В хеттском языке, как и в древнеиндийском и древнегреческом, существуют наряду с прилагательным на *-u* и другие производные от этого корня, см. ниже об окаменевшей форме твор. пад. *pangarit* и о глаголе *pangariia-* ‘увеличиться (в числе, в объеме)’. Таким образом, в указанных словах индоиранских, древнегреческого и хеттского языков выделяются непроизводные основы: др.-инд. *bah-*/*baṃh-*, авест. *bąz-*, др.-гр. *παχ-*, хеттск. *pank-*, восходящие к общеиндоевропейскому корню *$b^henĝ^h$-/*$b^hn̥ĝ^h$-. Следовательно, морфологический анализ позволяет выделить в *$b^hn̥ĝ^h$-*ú-* суффикс *-*u-* и корень *$b^hn̥ĝ^h$-; *bahú-*, *παχύ-* и *panku-* разлагаются с исторической точки зрения на *bah-ú-*, *παχ-ύ-* и *pank-u-*.

Общеиндоевропейское прилагательное *$b^hn̥ĝ^h$-*ú-*, для которого, как будет показано ниже, можно предположить древнее значение «обширный, густой (> охватывающий целую совокупность предметов)», принадлежит к числу прилагательных на *-u-*, составляющих значительную часть общеиндоевропейского фонда прилагательных (ср. выше, § 45—48).

Структура основы у большинства этих прилагательных однотипна: к корню в нулевой ступени огласовки присоединяется суффикс *-*eu-*/*-u-*, несущий ударение [1]. В именительном падеже ед. ч. суффикс *-*eu-* выступает в нулевой ступени огласовки: *-u-*(*s*). В родительном падеже суффикс выступает в ступени *e*/*o* : *-*e/ou-* [2]. Эта особенность огласовки суффикса, выведенная в качестве общего правила для доисторического индоевропейского состояния, наблюдается в склонении рассматриваемого прилагательного во всех трех языках: древнеиндийском, древнегреческом и хеттском:

	Древнеиндийский	Древнегреческий	Хеттский
им. пад. ед. ч.	*bahús*	*παχύς*	*pankuš*
род. пад. ед. ч.	*bahós*	*παχέος*	*pangauaš*

Во всех трех языках данное прилагательное в им. пад. ед. ч. имеет нулевую ступень огласовки суффикса: др.-инд. *-u-*, др.-гр. *-υ-*, хет. *-u-*; в родитель-

об отглагольных образованиях на *-ετος*: *E. Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. I. München, 1939. S. 502).

[1] *A. Мейе.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. С. 272. Ср. об огласовке прилагательных на *-u-* выше, § 87.

[2] Ср.: *F. Specht.* Указ. соч. S. 360, 381; *E. Benveniste.* Origines. P. 53—54; ср. также: *F. B. J. Kuiper.* Notes on Vedic Noun-Inflexion. Amsterdam, 1942.

ном падеже ед. ч. др.-инд. *-o-* < *-au-* < **-e/ou-*; др.-гр. *-ε-* < **-εϝ-* < **-eu̯-*; хет. *-au-* < **-ou-*. Иными словами, в родительном падеже во всех трех языках выступает ступень **e/o* огласовки суффикса. В хеттском языке в древний период его развития такой тип склонения служил признаком, отличающим прилагательные на *-u-* от существительных на *-u-* [1]. Поэтому уже одно то, что хеттское существительное *pankuš* 'государственное собрание' склоняется по этому образцу, доказывает его происхождение из (субстантивированного) прилагательного. Таким образом, структура основы и тип склонения хеттского *panku-*, др.-инд. *bahú-* и др.-гр. *παχύς* оказываются генетически тождественными.

Для изучения истории значений производных от данного корня и для обоснования этимологии *panku-* с семантической стороны существенны как рассматриваемые ниже факты хеттского языка, так и свидетельства древних памятников других родственных языков: гомеровских поэм и ведийских гимнов. Анализ употребления прилагательного *παχύς* в поэмах Гомера позволяет выделить следующие основные случаи. Прилагательное *παχύς* часто употребляется по отношению к частям тела в значении «толстый, тучный, мясистый»: в сочетании с *μηρός* 'бедро' (π 473), *αὐχήν* 'шея' (ι 372 — о шее циклопа Полифема), *χείρ* 'рука' (ε 309, ζ 128). В последнем сочетании значение *παχύς* может быть понято как «сильная, мускулистая, и поэтому толстая (рука)» (в первом случае — рука Энея, во втором — рука Одиссея). С этим связан и единственный случай употребления формы превосходной степени *πάχιστος* в поэмах Гомера: в качестве определения *μυών* 'соединение мышц (musculorum complexus)' (π 314). Форма сравнительной степени *πάσσων* 4 раза употребляется в «Одиссее» в стереотипной формуле, сообщающей, что богиня Афина сделала больше (*μείζων*) или выше (*μακρότερον*) и толще (величественнее) на вид Одиссея (ζ 230, ϑ 20), его отца Лаэрта (ω 369) и его жену Пенелопу (σ 195), иначе говоря, для характеристики того, как украшала богиня Афина внешность Одиссея и его родственников. В этой стереотипной формуле *πάσσων* сочетается с формами сравнительной степени других прилагательных, обозначающих значительную величину: *μείζων* (от *μέγας* 'большой'; ζ 230, ω 369) и *μακρότερον* (от *μακρός* 'длинный, высокий'; ϑ 20, σ 195). Следовательно, в поэмах Гомера прилагательное *παχύς* и формы степеней сравнения этого прилагательного употребляются для обозначения значительной величины, больших размеров как отдельных частей тела, так и всего тела человека. На то, что имеется в виду большая величина тела человека или частей те-

[1] *И. Фридрих.* Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952. С. 62, 64 (впервые установлено Зоммером и Элольфом). Ср. выше, в § 48, о различии в склонении существительного *aššu-* и прилагательного *aššu-* в древнехеттском языке.

ла без каких-либо определенных дополнительных оценок, указывает употребление одного и того же прилагательного по отношению к шее чудовища Полифема и по отношению к Одиссею и его родственникам.

Сходные значения устанавливаются для *παχύς* в сочетании с названиями предметов. *σκῆπτρον παχύ* (Σ 416) означает «толстый, объемистый посох (Гермеса)». О «камне» (*λᾶας*) говорится, что он «внизу толстый (широкий, тупой — *παχύς*), а вверху острый» (М 446—447): *πρυμνὸς*, *παχὺς*, *αὐτὰρ ὕπερθεν ὀξύς*. Этому соответствуют и значения других древнегреческих производных от корня *παχ-* < *$b^hn̥ĝ^h$- в поэмах Гомера. *πάχετος* употребляется для обозначения величины диска (*δίσκος*), который бросает Одиссей (ϑ 187), причем *πάχετος* в этом месте сочетается с *μείζων,* как *πάσσων* в других местах «Одиссеи» (ср. выше). Говоря о разросшемся масличном кусте, Одиссей замечает (ψ 191): *πάχετος δ᾽ ἦν ἠύτε κίων* («Он был широк (толст) подобно колонне»). С этим можно связать единственный случай употребления производного *πάχος* в поэме Гомера, это слово употребляется применительно к дубине Полифема, сделанной из масличного дерева. В этом месте (ι 324) *πάχος* ‘толщина’ употребляется параллельно с *μῆκος* ‘длина’.

Значения «широкий, обширный, толстый», которые устанавливаются для рассмотренных случаев, объясняют и употребление *παχύς* в сочетании *αὐλὸς… παχὺς… αἵματος* (χ 18—19) ‘широкая струя крови’ (речь идет о крови, текущей из носа, поэтому и употреблено слово *αὐλός*, буквально ‘трубка’). Вряд ли можно полностью отделить этот случай от сочетания *παχύς* с *αἷμα* ‘кровь’ в «Илиаде»: (Ψ 697) *αἷμα παχὺ*, которое обычно переводят «густая кровь».

Таким образом, в поэмах Гомера *παχύς* и другие производные от корня *παχ-* обозначают большой размер, величину, ширину, толщину, густоту. Поэтому они нередко сочетаются с другими словами, имеющими значение «большой», «длинный» и т. п. (*μεί ζων*, *μακρότερον*, *μῆκος*). Обычно с помощью этих слов дается качественная характеристика. О количественной характеристике можно говорить (и то с оговорками) только по отношению к *αὐλὸς… παχὺς… αἵματος* ‘широкая струя крови’, где речь идет в сущности о большом количестве крови. Некоторые (довольно редкие) случаи, когда *παχύς* благодаря семантике определяемого существительного приближается к значению «многочисленный», можно привести из позднейших авторов: в применении к *τράπεζα* ‘стол’ в значении «обильный стол» («стол, заставленный многочисленными яствами») у Филострата; в применении к перифразу в смысле «пространная, многословная речь» у Лонгина[1]. Но такого рода употребление *παχύς* в древнегреческом не получило распространения.

[1] См. примеры в фундаментальном: Greek-English Lexicon / Compiled by H. G. Liddell, H. Scott; a New Edition. Oxford, 1948. Vol. II. P. 1351.

Совсем иную картину представляет санскрит, где *bahú-* является чрезвычайно употребительным словом с основным значением «многочисленный». Панини в своей грамматике (I, 1.23) относил *bahúḥ* ‘многочисленный’ к числу слов, определяемых как *saṃkhyā* ‘(название) числа’ [1]. Продуктивность *bahú-* в этом значении в санскрите очень велика: число производных от *bahú-* и сложных слов, первым компонентом которых является *bahu-* ‘много’, немногим меньше ста [2]. Начало распространения этих производных и сложных слов можно видеть еще в ведийском; но ведийский же позволяет установить, что это значение *bahú-* не является исходным. На непервоначальный характер значения «многий, многочисленный» у др.-инд. *bahú-* указывают как рассматриваемые ниже случаи употребления этого слова в «Ведах», так и древние производные от *bahú-* и вообще от корня *baṃh-*/*bah-*, *bąz-* в индоиранском.

В древнеиндийском имеются производные от этого корня, которым соответствуют древнегреческие производные, образованные от того же корня с помощью тех же суффиксов: древнеиндийская форма превосходной степени *bámhiṣṭha-* соответствует др.-гр. *πάχιστος* (но с другой огласовкой корня); древнеиндийское производное от *bahú- bahulá-* в точности соответствует древнегреческому *παχυλός* (у Гомера не засвидетельствовано; известно у Аристотеля в наречной форме *παχυλῶς* ‘грубовато’). Эти два слова можно считать общими для древнеиндийского и древнегреческого, их образование можно с известным вероятием отнести к дописьменному периоду, к которому относится возникновение многих явлений, общих для древнегреческого и древнеиндийского. Поэтому можно предположить, что значения древнеиндийских *báṃhiṣṭha-* и *bahulá-* могут отражать древнее состояние. Действительно, значения этих слов оказываются гораздо ближе к значению древнегреческого *παχύς*, чем значение *bahú-*. Эти два производных слова, сохранив более древнее значение, тем самым оказались тесно между собою связанными. В особенности это очевидно в классическом санскрите, где *bahú-* полностью утратило следы более древнего значения, заметные в «Ведах». На особое семантическое положение *báṃhiṣṭha-* и *bahulá-* в санскрите со свойственной ему проницательностью обратил внимание Панини, который в своей грамматике (VI, 4.157) называет *báṃhiṣṭha-* превосходной степенью к *bahulá-* (а не к *bahú-*, значение которого ко времени составления грамматики Панини уже заметно отличалось от значения *báṃhiṣṭha-*).

[1] Рену в своем переводе грамматики Панини передает *saṃkhyā* посредством французского (nom de) nombre: *L. Renou.* La grammaire de Panini. Paris, 1948. F. I. P. 5.

[2] См. их перечень в Большом санскритском словаре Российской Академии наук: Sanskrit-Wörterbuch / Bearbeitet von O. Böhtlingk, R. Roth. T. 5. St. Petersburg, 1868. S. 49—61.

В «Ригведе» близость *báṃhiṣṭha-* и *bahulá-* проявляется, в частности, в подборе слов, с которыми они сочетаются: *báṃhiṣṭha-* употребляется в «Ригведе» только один раз — в качестве определения *śarma* ʻзащита, защищенное местоʼ : *báṃhiṣṭham śárma* ʻкрепчайшая, сильнейшая защитаʼ (RV V, 69, 2 — в обращении к Митре-Варуне). *Bahulá-* в «Ригведе» дважды сочетается с тем же словом *śárma*: *śárma bahulám* ʻширокая защитаʼ [1] (RV V, 55, 9; VI, 51, 5).

Значения др.-инд. *bahulá-* особенно показательны для сопоставления с семантикой древнегреческого *παχύς*. Ведийское словосочетание *bahulā́ gabhastī* ʻширокиʼ (толсты) рукиʼ (RV VI, 19, 3) соответствует гомеровскому *χειρὶ παχείῃ* (Е 309, ζ 128) ʻтолстой рукойʼ [2]. Подобно тому как в «Илиаде» и «Одиссее» *παχύς* и другие слова того же корня (*παχ-*) употребляются параллельно с иными словами, обозначающими значительную величину, большие размеры, в «Ригведе» *bahulá-* во многих случаях сочетается с прилагательными *pṛthú-* ʻширокийʼ, *urú-* ʻобширныйʼ, *gabhīrá-* ʻглубокийʼ. В особенности часто *bahulá-* употребляется в сочетании с *pṛthú-* (7 раз) [3]. Так, в только что упомянутом месте (RV VI, 19, 3) рядом с *bahulā́ gábhastī* стоит *pṛthú́ karásnā*; эти параллельные словосочетания синонимичны, и то и другое означает «широки руки» [4]. Синонимичность существительных (*gábhasti-* ʻрукаʼ и *karásna-* ʻрукаʼ) подчеркивает близость значений определяющих их прилагательных *bahulá-* и *pṛthú-*. В остальных случаях *pṛthú-* и *bahulá-* относятся к одному и тому же существительному; иногда к ним присоединяется *gabhīrá-* ʻглубокийʼ или *urú-* ʻобширныйʼ, благодаря чему создается нагромождение эпитетов, показывающих величину определяемого предмета. В «Ригведе» такое сочетание *bahulá-* и *pṛthú-* часто применяется к *dyā́vā-pṛthivī́* ʻземля и не-

[1] В последнем переводе Ригведы, выполненном Гельднером, данное сочетание переводится «ausgedehnten Schutz» (*K. F. Geldner.* Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. T. II. Cambridge (Mass.), 1951. S. 154) и «reichelichen Schutz» (Там же. S. 63).

[2] В этих сочетаниях можно было бы видеть косвенный аргумент в пользу гипотезы о связи *bahú-* и т. п. с др.-инд. *bāhuḥ* ʻрукаʼ, авест. *bāzuh* ʻрукаʼ, др.-гр. *πῆχυς* ʻлокотьʼ. Но фонетические обоснования этой гипотезы, приводимые Хиртом (*H. Hirt.* Indogermanische Grammatik. T. II. Heidelberg, 1921. S. 75), сомнительны, а наличие в кучанско-карашарском слова *pokeṃ* ʻрукаʼ заставляет признать очень большую древность этого названия руки (или части руки). Поэтому вопрос о связи этих двух групп слов (*panku-*, *παχύς* и *bahú-*, с одной стороны, *pokeṃ*, *πῆχυς* и *bāhuh*, с другой) относится к области весьма рискованных догадок о доистории общеиндоевропейского языка.

[3] Грасман (*G. Grassmann.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873. S. 903) приводит шесть случаев, но он при этом не учитывает места (RV VI, 19, 3), где *bahulá-* и *pṛthú-* определяют синонимичные существительные (см. ниже).

[4] Ср. перевод Гельднера: breit (sind)... Arme, umfangreich die Hände: *K. F. Geldner.* Указ. соч. T. II. S. 116.

бо' (двойное божество), напр. RV IV, 23, 10: *pṛthvī́ bahulé gabhīré* 'широкие обширные глубокие' (о земле и небе). Те места «Ригведы» (RV I, 185, 7; IV, 23, 10; X, 178, 2), где *bahulá-* в сочетании с *pṛthú-* определяет *dyā́va-pṛthivī́*, представляется целесообразным сопоставить со следующим авестийским текстом, где древнеиранские производные от тех же корней используются для характеристики огромных размеров земли: *avavaitya bązasča fraϑasča pairi. tanuya, yaϑa īm zå, astiča īm zå avaiti bązo yavaiti fraϑasčit* 'я отгоню (буквально «отделю, отстраню») [его душу от местопребывания душ] на такое расстояние в высоту и в ширину, как земля; а земля так же огромна в вышину, как и в ширину' [1] (Yasna, 19, 7). Здесь для характеристики необъятности земли употребляются существительные *fraϑah* < **pleth-os* 'ширина' и *bązah* < **b*^{h}*enĝ*^{h}*-os* 'высота' (ср. гр. *παχ-ος*); морфологическая однотипность двух этих существительных соответствует морфологической однотипности образованных от тех же корней ведийских прилагательных *pṛthú-* < **pl̥t*^{h}*-ú-* и *bahu-*(*la*)- < **b*^{h}*en̥ĝ*^{h}*-ú-*, сочетающихся в аналогичном контексте. Сравнение указанных мест «Ригведы» и «Авесты» позволяет установить, что в древних индоиранских языках производные от **b*^{h}*enĝ*^{h}- служили для обозначения огромных размеров земли [2] (и неба), ее протяженности во всех направлениях — как горизонтальном, так и в вертикальном (т. е. в вышину). В древнеиранском *bązah* стало обозначать протяженность только в вертикальном направлении: это авестийское слово имеет значения «высота, глубина» (ср. *gabhīrá-* 'глубокий', сочетающееся с *pṛthú-* и *bahú-* в качестве определения к *dyā́va-pṛthivī́* в «Ригведе», IV, 23, 10 и X, 178, 2). Сопоставление древнеиранского с древнеиндийским позволяет предположить для общеиндоиранского (общеарийского) корня, к которому восходят *baṃh-*/*bah* и *bąz-*, древнее значение очень большой величины, обширности, огромности.

Вместе с тем, производные от корня *baṃh-*/*bah-* в древнеиндийском имеют и значения «плотный, крепкий, густой», в «Ригведе» *bahú-* в одном случае выступает в качестве определения к *tamas* 'тьма' (RV VI, 10, 4) в значении «густой, плотный». Значение «крепчайший» устанавливается для формы превосходной степени *baṃhiṣṭha-* (ср. выше). Корневой глагол *baṃh-*, насколько можно судить по засвидетельствованным в «Ригведе» причастным формам (личные формы глагола в «Ведах» не засвидетельствованы), имел значение

[1] Перевод этого места дается согласно *Ch. Bartholomae.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. Стлб. 962; перевод первой половины этого предложения, данный Рейхельтом (*H. Reichelt.* Avesta Reader, Texts, Notes and Index. Strassburg, 1911. P. 174), повторяет толкование Бартоломэ.

[2] О необъятности размеров земли согласно ведийским космогоническим представлениям ср.: *A. B. Keith.* The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishadas. 1925. P. 78, 174.

«быть крепким, плотным, сильным»; каузативный глагол *baṃháya-* в санскрите имеет значение «укреплять». Санскритское прилагательное *bahala-* (в «Ведах» не засвидетельствованное) имеет значения «плотный, густой» (применительно к какому-либо веществу или жидкости — ср. у Гомера *αἷμα παχὺ* ʻгустая кровьʼ). Связь значений «обширный, широкий» и «густой, крепкий, плотный» у производных от корня *baṃh-*/*bah-* оставалась очень тесной еще в классическом санскрите, как об этом свидетельствует грамматика Панини. Панини (VI, 4.157) считал *baṃháya-* отыменным глаголом, образованным от *bahulá-*, ср. также выше о связи *bahulá-* и *baṃhiṣṭha-* в оценке Панини.

Значения «крепкий, плотный, густой, обширный», имеющиеся у производных от этого корня, легко объясняют употребление некоторых из этих производных в наречной функции для обозначения интенсивности действия: страдательное причастие прошедшего времени *bāḍhá* от *baṃh-* (с закономерным выпадением носового) [1] в форме местного падежа ед. ч. *bāḍhé* (RV I, 181, 7, ср. *bāḍha-sṛ́tvan*, RV I, 122, 10), а также *bahú* (форма ср. р. им.-вин. пад. ср. р.) в двух местах X мандалы «Ригведы» имеют значения «с силой, сильно, очень». Это отвлеченное значение, по-видимому, вторично по сравнению со значениями «обширный, густой», которые устанавливаются с большой достоверностью благодаря совпадению древнегреческих и древнеиндоиранских фактов. Вторичным является и значение «многочисленный».

Для объяснения связи более древних значений «обширный, густой» с более новым значением «многочисленный» существенно употребление в «Ригведе» слова *bahulá-*, значение которого, как отмечалось выше, отражает весьма архаичное состояние. *Bahulá-* в «Ригведе» часто выступает в качестве определения к *rayí-* ʻбогатство, доброʼ: *rayím bahulám* ʻобильное богатствоʼ (RV III, 1, 19; XI, 72, 8; IX, 107, 21). Здесь *bahulá-* сохраняет связь с обычным своим значением «обширный»; но в то же время речь идет об обширной совокупности благ. Этому отвечает и употребление *bahú-* в качестве определения к *vasavía* ʻбогатствоʼ: *bahú vasavíam* (RV II, 13, 13) ʻобильное богатствоʼ. Как отмечалось выше, для производных от корня *baṃh-*/*bah-* и, в частности, для *bahú-* в древности были характерны значения «обширный» и «густой, плотный». В случаях, когда речь шла о множестве, совокупности предметов, эти два значения тесно сближались: совокупность предметов является обширной (многочисленной) и вместе с тем густой (ср. русское *гуща* в применении к толпе, сборищу). Эту древнюю связь различных значений *bahú* можно увидеть в следующем ведийском примере: колчан, полный стрел, в «Ригведе» назван *bahvīnā́m pitā́ bahur* (RV VI, 75, 5). В этом месте *bahú-* употреблено дважды: в форме род. пад. мн. ч. *bahvīnā́m* ʻмногочисленныхʼ (густо запол-

[1] *A. Macdonell.* Vedic Grammar. Strassburg, 1910. P. 404.

няющих колчан стрел)'. Таким образом, в этом ведийском примере значения обширности, густоты и собирательности оказываются тесно между собой связанными. Подобное употребление *bahú-* в значении собирательности, совокупности следует признать первичным по отношению к значению многочисленности, которое уже в «Ригведе» отмечается и для *bahú-* (в ряде случаев), и для *bahulá-* (в редких случаях, из которых лишь один — RV VII, 76, 3 — можно признать относящимся к древнему тексту). Первичное собирательное значение *bahú* в более поздних частях «Ригведы» сливается со вторичным значением «многочисленный»: в X мандале (102, 8) можно перевести *baháve jánāya* 'многочисленным людям (в данном гимне имеются в виду воины)', но в этом месте *bahú-* употреблено в форме единственного числа в сочетании с собирательным существительным *jána-* 'род, люди'. *Baháve jánāya* буквально означает «обширной совокупности, большому множеству людей (воинов)». В санскрите этот древний оттенок значения полностью исчезает и вытесняется значением «многочисленный».

Таким образом, сопоставление древнегреческих и индоиранских фактов позволяет установить для $*b^h\underset{\circ}{n}\hat{g}^hú$- древние значения «обширный; густой». Ведийские факты говорят о древнем употреблении этого прилагательного в собирательном значении: «обширный, густой, охватывающий целую совокупность предметов». Как будет показано ниже, хеттские факты совпадают с ведийскими; это позволяет предположить, что собирательное значение было очень древним, но отсутствие соответствующих фактов в древнегреческом делает возможным и другое объяснение, согласно которому налицо результаты параллельного семантического развития в древнеиндийском и хеттском индоевропейского прилагательного со значением «обширный, густой».

С др.-инд. *bahú-* и гр. *παχύς* многие лингвисты [1] сравнивают литовское прилагательное *bingùs*, которое соответствует рассматриваемым прилагательным древних индоевропейских языков по типу образования и по огласовке. Расхождение между литовским *g* и др.-инд. *h* (< $*\hat{g}^h$) в настоящее время не может быть использовано для опровержения этой этимологии, так как известен целый ряд слов балтийских (и славянских) языков с аналогичным отражением индоевропейских «гуттуральных» [2], но эта фонетическая особенность данного слова может не приниматься во внимание только в том случае, если с семантической стороны данная этимология будет признана безупреч-

[1] См.: *K. Brugmann.* Lateinische Etymologien // IF. 1898. Bd. 9. H. 2. S. 346—353.

[2] Ср.: *E. Mayrhofer.* Das Gutturalproblem und das indogermanische Wort für Hase // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 27—32, 71 (с указанием других работ по данному вопросу). Отражение $*\hat{g}^h > g$ в лит. *bingùs* принимал еще Бругман, ср.: *Brugmann.* Grundriss. Bd. I. S. 545.

ной. Литовское *bingùs* употребляется чаще всего в качестве эпитета «коня» (*arklỹs*, *žìrgas*) [1] для характеристики его достоинств; в этом употреблении *bingùs* может иметь значения «красивый, статный, видный, откормленный» и т. п. Значение «откормленный (*išpenētas*) [2] может быть сопоставлено со значением *παχύς* ‘толстый, тучный, мясистый’ у Гомера; другие значения *bingùs* могут быть сопоставлены с употреблением *παχύς* в стереотипной формуле, где этот эпитет применяется к Одиссею и его родственникам, чья внешность была украшена богиней Афиной (см. выше). Для установления значения данного корня в старолитовском языке особый интерес представляет глагол *biñgti* (*bingsta*, *-o*), встречающийся в памятниках XVI в. [3] в значении «увеличиться, усилиться, превысить меру», которое соответствует значениям производных от корня *$b^henĝ^h$- в древнеиндийском и древнегреческом. Однако другие значения данных слов (*bingùs* ‘злой’, *biñgti* ‘разбушеваться, разозлиться’) трудно согласовать с данной этимологией, хотя для объяснения может быть использовано то, что *bingti* часто употребляется, когда речь идет о болезни («болезнь увеличивается» > «болезнь становится злее, опаснее»). Еще большие трудности возникают при сравнении лит. *bingus* и связанного с ним прилагательного (с огласовкой **o*) *bangùs* ‘сильный, проливной, бурный’ (обычно о дожде — в сочетании *bangus lietus* ‘проливной дождь’) [4] и *bangà* ‘проливной дождь, буря; волна’. Наличие значения «множество» у литовского *bangà* (ср. выше о *bahu-*), значение «избыток» у лит. *prabangà* и значение «чаща» у латышского *buoga*, сопоставляемого с этим словом [5], позволяет предположить для слов данного корня семантическое развитие «обширный, сильный > проливной, бурный», но с этим плохо согласуется значение прусского *pobanginnons* ‘взволнованный’ (встречается в катехизисах [6]), свидетельствующее, по-видимому, о древности значения «волна, волноваться» у производных от общебалтийского *bang-*. Поскольку связь производных от *bing-* и *bang-* в литовском языке является несомненной (ср. напр., синонимичные *prabangà* ‘роскошь, избыток’ и *prabingimas* и т. п.), можно было бы предположить более позднее смешение производных от двух различных корней, из которых

[1] См. многочисленные примеры, приведенные в Lietuvių kalbos žodynas (redagavo J. Balčikonis). T. I: A—B. Vilnius, 1941. C. 683.

[2] См.: Там же. C. 683; Dabartines lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954. C. 80.

[3] См.: Lietuvių kalbos žodynas (redagavo J. Balčikonis). T. I: A—B. Vilnius, 1941. C. 683 (с цитатами из ряда текстов XVI в.).

[4] См.: Там же. C. 524; Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954. C. 66.

[5] См.: *K. Mülenbachs.* Latviešu valodas vārdnīca. I. sējums. Rīgā, 1923—1925. C. 361, 262. Латышское *banga*, по-видимому, является заимствованием из куршского, см.: *K. Būga.* Lietuvių kalbos žodynas. II sąsiuvinis. Kaunas, 1925. C. CIII.

[6] *R. Trautmann.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910. S. 45, 402.

один родствен др.-инд. *baṃh-*. Но в настоящее время этот вопрос еще нельзя считать окончательно решенным, как и вопрос об этимологии латышского *bìezs* ʻплотный, густойʼ [1]. Со стороны значения латышское *bìezs* является точным соответствием *bahú-*, но *-ie-* в латышском *bìezs* не обязательно восходит к *-en-* [2]; кроме того, *bìezs* отличается от *bahú-*, *παχύς* и *panku-* по типу образования. По всем названным причинам этимология указанных слов балтийских языков остается недостаточно ясной, с семантической стороны еще недостаточно обоснована и сравнение *παχύς* с др.-в.-нем. *bungo* ʻкомʼ и родственными словами других германских языков [3]; сближение с латинским *pinguis* вызывает возражения и со стороны значения, и с фонетической стороны (лат. *p* не может восходить к **b^h*) [4]. Поэтому для исследования истории хеттского *panku-* целесообразно ограничиться сравнением рассмотренных выше данных древнеиндийского и древнегреческого языков с фактами хеттского языка.

II. Хеттское прилагательное *panku-* и родственные ему слова в хеттском языке

Для сравнения значений производных от корня **b^heng̑^{h}-* в клинописном хеттском, древнегреческом и древнеиндийском языках особый интерес представляет хеттский глагол *pangariia-*. С исторической точки зрения *pangariia-* является отыменным глаголом, образованным посредством суффикса *-iia-* от именной основы, засвидетельствованной в окаменевшей форме творительного падежа *pangarit* (форма *pangarit* анализируется ниже в связи с прилагательным *panku-*, близким к этой форме в семантическом отношении). В хеттском языке помимо глагола *pangariia-* известен еще только один глагол на *-riia-*, соотносящийся с именной основой на *-ri-*: глагол *etriia-* ʻкормитьʼ (со-

[1] Связь этого слова с *bahú-* принимается многими учеными, см., помимо литературы, указанной в словаре Мюленбаха (*K. Mülenbachs.* Указ. соч. I. S. 307), также *J. Pokorny.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 2. Bern, 1949. S. 127.

[2] *J. Endzelins.* Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951. C. 59—60. Развитие *ie* < **-en* можно доказать только с помощью родственных слов литовского, куршского или прусского языков, которые в данном случае не засвидетельствованы.

[3] См. перечень этих слов в словаре: *Walde—Pokorny.* II. S. 151.

[4] *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 1939. P. 769. Гипотезы, принимаемые некоторыми учеными для объяснения данного несоответствия (см.: *Walde—Pokorny.* Там же; *Pokorny.* Указ. соч. Lief. 2. S. 127), не могут считаться бесспорными. Покорный (*Pokorny.* Там же) принимает и сопоставление *παχύς* с кучанско-карашарским *pkatte* ʻширинаʼ, предложенное Виндекенсом, однако эта этимология противоречит нормальному отражению слоговых сонорных в кучанско-карашарском (**ṇ* > кучанско-карашарское *en*: *Pedersen.* Tocharisch. P. 41, 220).

ответствующий лувийскому *adri-*), образованный от архаичного имени существительного *etri-* ʻеда’ (об архаичности глагола *etriia-* см. выше, § 2). Такие случаи, когда при глаголе на *-r-iia-* сохраняется первичное производное имя на *-r*(*i*)-, в хеттском языке являются исключительными. В остальных глаголах на -(*a*)*riia-* произошло уже морфологическое переразложение, связанное с исчезновением первичных производных имен на *-ari-*, от которых были образованы глаголы на *-ariia-* < *-ari-ia*: глагол *gimmandariia-* ʻзимовать’ сопоставляется непосредственно с *gimmant-* ʻзима’ (см. выше, § 70), глагол *šakuuandariia-* (о значении этого глагола см. выше, § 86) мог сопоставляться с причастием *šakuuant-* (см. § 86) [1], глагол *šuppariia-* ʻспать’ был связан только с корневым глаголом *šup-* ʻспать’ (§ 13), ср. также *genuriia-* ʻстановиться на колени’, связанное с *genu-* ʻколено’ (§ 66). Все глаголы, относившиеся к немногочисленной группе глаголов на *-ariia-*, *-riia-*, следует признать архаичными. Об архаичности глагола *etriia-* свидетельствует сравнение с лувийским *adri-*; показательно также то, что *etriia-*, *šuppariia-*, *genuriia-* встречаются редко, при этом преимущественно в древнехеттских текстах или в архаичных ритуалах (ср. также о *gimmandariia-* выше). Все указанные глаголы образованы от слов с индоевропейской этимологией; их образование следует отнести к дописьменной эпохе, так как в письменный период развития хеттского языка именные основы, от которых произведены эти глаголы, либо перестали употребляться (в большинстве случаев), либо встречаются крайне редко (*etri-*) [2]. Образование глагола *pangariia-* можно с уверенностью отнести к ранней эпохе развития хеттского языка как ввиду того, что имя, от которого образован этот глагол, в письменных памятниках встречается только в изолированной форме наречного типа *pangarit*, так и потому, что глагол *pangariia-*

[1] *A. Götze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938 (American Oriental Series. Vol. 14). P. 75, и Стертевант (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 80) предполагают существование прилагательных *gimandari-* и *šakuuandari-*, но в хеттских памятниках такие формы не засвидетельствованы. Ни Гётце, ни Стертевант не рассмотрели проблемы глаголов на *-riia-* в целом, что делает данное ими объяснение глагола *gimmandariia-* недостаточным.

[2] Анализ слов индоевропейских языков, родственных хет. *etri-* (см. § 2), показывает, что хеттские имена на *-ri-*, от которых произведены глаголы типа *etriia-*, в свою очередь образованы от имен гетероклитического типа на *-r*/*n-*. Это согласуется с гипотезой Майрхофера (*M. Mayrhofer.* Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 42—43), согласно которой хет. *šuppariia-* связано с именем существительным гетероклитического типа **suu̯epōr*, род. пад. **supnés* (к тому же существительному, опираясь на исследования Фриска, Майрхофер возводит гомеровское ὕπαρ). Сходным образом можно объяснить и связь хет. *genuriia-* с *genu-r*/*n-* (§ 66). Таким образом, хеттские глаголы на *-riia-* оказываются связанными с очень архаичным типом индоевропейских именных основ.

засвидетельствован лишь в древнехеттских текстах. Значение глагола *pangariia-* можно установить на основе данных одного из древних текстов — документа Телепинуса (XVI в. до н. э.). Повествуя об убийствах лиц царского рода, составитель документа говорит: *nu šal-la-aš-pát ḫa-aš-ša-an-na-aš e-eš-ḫar pa-an-ga-ri-ia-at-ta-ti* ʻи кровь большой семьи[1] увеличивалась (крови большого рода стало очень много)ʼ (Tel. § 27, II, 31). Это же выражение *ešḫar pangariiattati* ʻкровь увеличивалась (крови стало много)ʼ повторяется через несколько строк, причем если первый раз оно употреблено самим автором, то вслед за тем оно вложено в уста «прорицателей» («людей богов»): *nu ši-ú-na-an an-tu-uḫ-ši-iš-ša tar-ši-ik-kán-zi ka-a-ša-ua* ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši e-eš-ḫar pa-an-ga-ri-ia-at-ta-ti* ʻи люди богов возвещали: «Смотрите! В городе Хаттусасе[2] крови стало много»ʼ (Tel. § 27, II, 32—33). Подобные повторения стандартных формул очень характерны для всех документов хеттских царей; иногда эти формулы при повторении слегка видоизменяются, вместо одного из слов подставляется его синоним. Это мы видим и в анализируемом тексте. В одном из последующих параграфов предписывается напоминать будущим царям о содержании данного документа. После этого следует цитата из предшествующего текста: *ka-ru-ú-ua e-eš-ḫar* ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši ma-ak-ki-eš-ta* ʻраньше (-де) кровь в городе Хаттусасе увеличивалась (крови становилось все больше и больше)ʼ (Tel. § 30, II, 48). Эта формула употребляется здесь в том же контексте, что и в двух предыдущих случаях (далее речь идет о «большом роде», как и в II, 31, и о созыве (судебного) собрания, как и в § 27). Нельзя сомневаться в том, что налицо два равнозначных варианта одной и той же формулы. Эти два варианта одной формулы: ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši e-eš-ḫar pa-an-ga-ri-ia-at-ta-ti* (Tel. II, 33) и *e-eš-ḫar* ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši ma-ak-ki-eš-ta* (Tel. II, 48) отличаются только порядком слов и тем, что во втором случае форма *pangariiattati* (3 л. ед. ч. прош. вр. медиопассива от *pangariia-*) заменена *makkešta* (3 л. ед. ч. прош. вр. действ. залог. от *makkeš-*). Вполне возможно, что глагол *makkeš-* вместо вышедшего из употребления *pangariia-* (не встречающегося в позднейших текстах) был вставлен позднее переписчиком (документ Телепинуса дошел до нас в копиях значительно более позднего времени).

Употребление глаголов *pangariia-* и *makkeš-* в указанных местах документа Телепинуса не позволяет сомневаться в близости значений этих двух

[1] Термин ʻбольшая семья, или большой родʼ (*ḫaššatar* ʻсемья, родʼ, ср. ниже о *pankur* ʻродʼ) означал совокупность родственников царя. Прилагательное *šalli-* ʻбольшойʼ здесь может означать принадлежность царю или вообще знатному лицу, как в *šalli* É-*ir* ʻ(царский) дворецʼ, буквально ʻбольшой домʼ и в *šalli pedan* ʻтронʼ, буквально ʻбольшое местоʼ. Но термин *šalli ḫaššatar* мог означать «большая семья» и в смысле социальной единицы, большей, чем семья.

[2] Хаттусас — столица Хеттского государства.

глаголов в данном контексте. Поэтому методически вполне закономерно определять значение *pangariia-* на основе значения *makkeš*. Значение *makkeš-* определяется с большой точностью: это производный глагол с суффиксом *-eš-*, образованный от прилагательного *mekki-* (ср. *šalleš-* ʻувеличиться’ от *šalli-* ʻбольшой’ [1] и т. п.); ср. о глаголах на *-eš-* этого типа в § 45, 47, 49—51). Значение прилагательного *mekki-* (ср. выше, § 51) было установлено еще до окончательной расшифровки хеттского языка [2], так как оно с абсолютной точностью извлекается из аккадско-хеттского словаря, где хеттское *mekki-* переводит аккадское *mādu* ʻмногий’ [3], ср. двуязычную хеттско-аккадскую надпись царя Хаттусилиса I, где *mekki-* также соответствует *mādu* (HAB I 31—32 = II 31—32; текст сильно поврежден, но в интересующем нас вопросе не вызывает сомнений: ср. I 31 *ma-a-tam* и II 32 *me-ik-ki*). Поскольку значение продуктивного суффикса *-eš-* хорошо известно, не представляет затруднений и перевод *makkeš-*: ʻумножиться, стать многочисленным’. Надо, однако, иметь в виду, что глаголы *makkeš-* и *pangariia-* в разбираемой формуле сочетаются с формой ед. ч. существительного *ešḫar* ʻкровь’. Во всех случаях употребления этого слова как в прямом значении ʻкровь’, так и в значении ʻкровавое дело = убийство’ (см. § 55) слово *ešḫar* выступает как существительное, употребляющееся только в единственном числе. Поэтому точный смысл как *ešḫar pangariiattati*, так и *ešḫar makkešta* следует передать ʻкровь увеличивалась (в количестве, объеме)’ [4]. Следовательно, для глагола *pangariia-* устанавливается значение ʻувеличиваться (в количестве, объеме)’. Этот глагол, образованный, по-видимому, еще в дописьменный период (см. выше), свидетельствует о наличии у корня *pank-* значения большой величины, объема, обширности, отмечаемой для родственных слов и в древнегреческом, и в древнеиндийском; хеттское *ešḫar pangariiattati* ʻкровь увеличивалась (в количестве), крови становилось много’ можно сравнить с *αὐλὸς... παχὺς... αἵματος* ʻширокая струя крови’ у Гомера [5]

[1] *Фидрих.* Краткая грамматика. С. 82.

[2] Sumerisch-Akkadisch-Hethitische Vokabularfragmente von F. Delitzsch (Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, Jahrgang, 1914, Philosophisch-Historische Klasse № 3). Berlin, 1914. S. 35: *mekki* ʻviel’.

[3] Там же. S. 29: № 2, 16—17 (№ 7434, a).

[4] Ср. переводы этого места: *L. Delaporte.* Les hittites. Paris, 1936. P. 171; *E. Sturtevant, G. Bechtel.* A Hittite Chrestomathy. Philadelphia, 1935. P. 189—191; *В. Б. Струве.* ВДИ. 1947. № 4. С. 19; *В. В. Струве.* Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1950. С. 230—231; *И. М. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 257.

[5] Следует также отметить, что глагол *makkeš-*, чередующийся с *pangariia-* в рассмотренном тексте, восходит к тому же индоевропейскому корню, что и древнегреческое *μέγας* ʻбольшой’ (ср. § 51). Форма сравнительной степени от *μέγας μείζων* у Гомера сочетается в ряде случаев с производными от корня *παχ-*: с формой сравнительной степени *πάσσων* и с прилагательным *πάχετος* (см. выше), по корню родствен-

(ср. выше). Следует думать, что значение именной основы *pangar*(*i*)-, от которой был образован глагол *pangariia-*, было первоначально близко к тому же значению (большой величины, большого объема). В письменных памятниках изолированная форма *pangarit* встречается только во фразеологически связанном значении; ввиду исключительного сходства в употреблении формы *pangarit* и прилагательного *panku-* эти два слова целесообразно рассматривать совместно.

Если значение обилия, большого объема, устанавливаемое для *pangariia-* в сочетании с *ešḫar* ‘кровь’, находит соответствия не только в древнеиндийском, но и в древнегреческом, то значения хеттского прилагательного *panku-* находят соответствие прежде всего в древнеиндийском. Отправной точкой для исследования значений этого слова с самого начала изучения клинописного хеттского языка было его употребление в аккадско-хеттском словаре. В этом словаре (KBo I 35 12) друг за другом следуют такие переводы:

Аккадское слово	Хеттский перевод
a-la-ak-tu	KASKAL-*aš*
al-ka-ka-tu	*pa-an-ku-uš* KASKAL-*aš*

Аккадское слово *alaktu* ‘путь’ в форме единственного числа переведено формой единственного числа хеттского слова, графически переданного идеограммой KASKAL с фонетически написанным падежным окончанием *-aš*. То же аккадское слово в форме множественного числа *alkakatu* (особое образование мн. ч. с повторением последнего согласного корня) переведено сочетанием хеттского прилагательного *pankuš* со словом KASKAL-*aš* в форме единственного числа[1]. Из этого следует, что значение прилагательного *panku-* в данном контексте соответствовало множественному числу аккадского слова. Данное место следует понимать как перевод аккадского *alkakatu*

ными *pangariia-*. Поэтому близость значений корней *makk-eš* и *pang-ariia-* находит соответствие в связи древнегреческих *μείζων* и *πάσσων*, *πάχετος*.

[1] *F. Delitzsch.* Указ. соч. S. 12, первый опубликовал это место (на с. 12 опечатка *-ar* вместо *an*; правильное написание в словаре в конце книги, с. 44; вместо *-ku-* Делицш читал *-šu-*, правильное чтение позднее было установлено Грозным). Вейднер (*E. P. Weidner.* Studien zur hethitischen Sprachwissenschaft. T. 1 // Leipziger semitistische Studien. Leipzig. 1917. Bd. 7. H. 1/2. S. 46, 125) первый дал в общем верное истолкование этого текста, указав на собирательное значение *pankuš*. Окончательную ясность в этот вопрос внес Гётце (*Götze.* AM. S. 239), доказав, что *pankuš* в этом месте не существительное (как ошибочно считал Вейднер и вслед за ним Зоммер: *Sommer.* Hethitisches. II. S. 17, примеч. 1), а прилагательное.

хеттским ʻвсеобщий (*pankuš*) выход (KASKAL-*aš*), поход (выход) многих с общей целью’ [1]. Следовательно, для хеттского *panku-* устанавливается значение «всеобщий, совокупный». Значение множественности выступает здесь не «в чистом виде», а лишь в связи с собирательным значением (ср. выше об архаичном употреблении *bahú-* в «Ригведе»). Это становится ясным и при анализе других случаев употребления прилагательного *panku-* в хеттском.

Чаще всего хеттское прилагательное *panku-* выступает в хеттском языке в качестве определения к существительному со значением «войско», которое на письме обозначается идеограммой ERÍN^{MEŠ}. Эта идеограмма имеет шумерское окончание множественного числа MEŠ, но почти во всех случаях, когда за этой идеограммой следует фонетически написанное хеттское окончание, это окончание свидетельствует о том, что под множественным числом идеограммы скрывается форма единственного числа хеттского имени существительного, принадлежащего к основам на *-t-*; напр. форма дат.-местн. пад. ед. ч. ERÍN^{MEŠ}*-ti*, KUB VIII I III 6; 2 BoTU 30 = KUB XXVI 71 IV (обр. ст.) 16, форма им. пад. ед. ч. ERÍN^{MEŠ}*-az*, KUB XIII 20 I 11; I Bo T 30 3 (но есть и некоторые случаи, указывающие на форму мн. ч.) [2]. В этом собирательном имени существительном сочетается единичность (единство всей совокупности войск) и множественность (множество воинов); это проявляется и в синтаксических особенностях сочетаний с ERÍN^{MEŠ}, в которых согласующиеся с этим словом прилагательные, местоимения и глагольные формы выступают то в форме единственного, то в форме множественного числа [3].

В тех случаях (очень частых), когда *panku-* является определением к ERÍN^{MEŠ}, существительное ERÍN^{MEŠ} функционирует в форме единственного числа; значение сочетания *pankuš* ERÍN^{MEŠ} следует определить как «целое войско; все войско; совокупное, соединенное войско; большое войско».

В анналах хеттского царя Мурсилиса II (XIV в. до н. э.) словосочетание *pankuš* ERÍN^{MEŠ} применительно к войскам противника употребляется тогда, когда описываются трудности, с которыми сталкивался Мурсилис в своих походах. Говоря о труднодоступности страны Арипсас, походом на которую пошел Мурсилис, составитель анналов сообщает: *nam-ma-at me-ik-ki pár-ku nu-kán* KUR-*e ku-it ḫu-u-ma-an ša-ra-a pa-a*[-*an*] *e-eš-ta na-an* ERÍN^{MEŠ} *pa-an-ku-uš ḫar-ta* ʻпотом она (страна Арипсас) очень высокая, и которая страна вся подня[та] вверх, ее целое войско держало’ (т. е. «и страну, которая вся поднята вверх, целое войско держало» — обычная для хеттских относительных

[1] Это понимание данного текста обосновано Гётце: *Götze.* AM. S. 239.

[2] Ср.: *Sommer.* HAB. S. 30, примеч. 4. В работе Зоммера и Фалькенштейна не могли быть учтены некоторые тексты, опубликованные поздее (в частности, молитва о царе I Bo T I 30 3).

[3] *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 125—126.

предложений конструкция [1]) (KBo IV 4 = 2 BoTU 58 B IV 7—8). Повествуя о борьбе Мурсилиса с бежавшими от него врагами, которых он называет рабами (NAMRA^{MEŠ} — особая категория рабов — государственные рабы — военнопленные, игравшие большую роль в жизни хеттского общества) [2], анналы Мурсилиса сообщают, что гора Ариннандас, на которой укрылись враги, была очень высокой. После этого в летописи говорится: NAMRA^{MEŠ}-*ma-an pa-an-ku-uš ḫar-ta* ERÍN^{MEŠ}-*ia-kán pa-an-ku-*[*uš še-ir eš-ta*] ‘рабы же всей массой ее занимали и войско цело(е было вверху)’ (KUB XIX 15 об. ст. III 42). Следует подчеркнуть то, что в этом месте прилагательное *panku-* употребляется дважды — в качестве определений к двум собирательным существительным, графически изображаемым идеограммами с показателями мн. ч. ERÍN^{MEŠ} и NAMRA^{MEŠ} (на сходство ERÍN^{MEŠ} с NAMRA^{MEŠ} в отношении синтаксическом в научной литературе уже было обращено внимание) [3]. Из контекста, в котором употребляется *pankuš* ERÍN^{MEŠ} и *pankuš* NAMRA^{MEŠ} в указанных случаях, следует, что значение совокупности у *panku-* сочеталось со значением обширности (совокупное войско, следовательно, обширное, многочисленное). Именно поэтому обширность войска упоминается наряду с труднодоступно-

[1] Гётце (*Götze.* AM. S. 135) переводил *kuit* в этом предложении как союз «так как». Но это противоречит смыслу (причинной связи между труднодоступностью страны и численностью гарнизона нет); надо думать, что *kuit* в этом предложении следует понимать как относительное местоимение — так же, как в предыдущем предложении (IV 6), верно переведенном Фридрихом (Краткая грамматика. § 208 в. С. 125).

[2] См. о NAMRA^{MEŠ}: *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 285, и выше, § 17. Были предложены два объяснения того, что Мурсилис в данном тексте называет жителей неприятельской страны (Арцавы) своими рабами — военнопленными (NAMRA^{MEŠ}). Согласно одному объяснению, Мурсилис в предвкушении того, что жители Арцавы превратятся в его рабов, заранее называет их рабами (объяснение Грозного, принятое Зоммером: *Sommer.* AU. 1932. S. 71, примеч. 1, и Фридрихом: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Lesestücke; Heidelberg, 1946. S. 67). Но Гётце убедительно показал, что арцавская война началась из-за отказа Арцавы выдать большую массу хеттских государственных рабов, бежавших в область Арцавы (*Götze.* AM. S. 219); поэтому NAMRA^{MEŠ} может относиться в данном тексте и к бывшим рабам (NAMRA^{MEŠ}), которых Мурсилис хочет силой вернуть себе (ср.: Там же. S. 218). Это объяснение позволило бы предположить, что арцавская война была одновременно и войной с Арцавой, и — в известной мере — войной с восставшими рабами (ср. сочетание идеограмм NAMRA^{MEŠ} ‘рабы’ и ERÍN^{MEŠ} ‘войско’ в приводимой ниже цитате). Но вопрос этот окончательно не решен. С. Альп, автор специального исследования о NAMRA^{MEŠ}, принимает первое объяснение (S. Alp. Die soziale Klasse der NAMRA-Leute // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. Heidelberg, 1950. S. 116, ср. на с. 114 о жителях Арцавы), но излагает и точку зрения Гётце (Там же. S. 127, примеч. 23), не приводя никаких возражений.

[3] *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 125—126.

стью местности в качестве обстоятельств, определявших характер военных действий. Это употребление *panku-* в качестве определения к существительному собирательному очень близко к таким случаям употребления *bahú-* в «Ведах», как *baháve jánāya* ʻобширной совокупности людей (воинов)ʼ (ср. выше).

Словосочетание *pankuš* ERÍN^{MEŠ}, по-видимому, приобрело характер устойчивого фразеологического сочетания. Поэтому оно употребляется не только в описаниях походов, но и в текстах иных жанров, когда речь в них заходит о войске. Так, в астрологических предсказаниях говорится: *nu-ma-a-an* ^{d}*SIN-aš a-ki za-aḫ-ḫi-ia-kán pa-an-ga-u-i* ERÍN^{MEŠ}*-ti ma-uš-zi* ʻи когда месяц умрет (т. е., когда наступит затмение луны), целому войску (суждено) пасть в битвеʼ (буквально «в битве целому войску падение будет»), KUB VIII I III 6 [1]. На основании таких сочетаний, как *ŠA* ^{LÚ}KÚR ERÍN$^{MEŠ.ḪI.A}$ *pa-an-ku-uš* ʻсоединенное (целое) войско врагаʼ (KUB IX I III 24), становятся возможными и такие сочетания, как *pankuš* ^{LÚ}KÚR (KUB XXIII 55 12) ʻобъединенный враг (враг со всем своим войском)ʼ. Такого рода употребление прилагательного *panku-* в качестве определения к существительному ERÍN^{MEŠ} и близким к нему по семантике словам (NAMRA^{MEŠ} и ^{LÚ}KÚR в смысле «неприятель, неприятельское войско») в хеттском языке является наиболее распространенным.

---

[1] Сочетание безличной формы *maušzi* (от глагола *mauš-* ʻпастьʼ) с формой дат.-мест. пад. имени существительного может пониматься двояко: или будет падение войску, или будет падение (потери) в войске (вариант Фридриха: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Lesestücke in Transkription. Heidelberg, 1946. S. 75: es wird im Heere (fallen-) Verlusten geben). Фридрих оставил без перевода *pangauᵘi*, очевидно, под влиянием Гётце, ошибочно связывавшего в этом предложении *pangauᵘi* с *zaḫḫiia* (*Götze.* AM. S. 240, ср. ниже о понимании *panku-* в работе Гётце). В более раннем переводе этого текста, вышедшем до появления книги Гётце, Фридрих связывал ERÍN-^{MEŠ}*-ti* с *pangauᵘi* (Aus dem hethitischen Schrifttum. II. серия der Alte Orient. Bd. 25. H. 2. Leipzig, 1925. S. 28), но это делало его перевод противоречивым. Именно сочетание *pangauᵘi* с ERÍN^{MEŠ}*-ti* показывает ошибочность перевода Фридриха: ясно, что речь идет о гибели целой совокупности войск, а не об отдельных потерях. Такое понимание соответствует контексту: до этого предсказывается близящаяся смерть царя, гибель страны, восстание. Значение местного падежа, которое Фридрих приписывает ERÍN^{MEŠ}*-ti*, безусловно, имеется у *zaḫḫiia* ʻв битвеʼ, сочетание двух форм *zaḫḫiia* и ERÍN^{MEŠ}*-ti* в значении местного падежа маловероятно. Скорее всего, первая форма имеет значение местного падежа, а вторая форма — значение дательного. Правильность предлагаемого перевода подтверждается при сравнении с параллельным местом того же текста: *nu ma-a-an* ^{d}*SIN-aš a-ki* ERÍN^{MEŠ}*-kán ma-uš-zi* (KUB VIII I II 13) ʻи когда месяц умрет, войско падетʼ. По всем этим причинам вариант перевода, предложенный в настоящей работе, представляется точнее варианта Фридриха. Ср. ниже об аккадском оригинале данного предсказания.

Рассмотренные особенности употребления прилагательного *panku-* в хеттском необходимо сопоставить с особенностями употребления в хеттском языке другого производного от корня *pank-* — окаменевшей формы творительного падежа *pangarit*, выступающей в функции наречия. До настоящего времени такое сопоставление не производилось, между тем, оно может много дать для уяснения значений этих родственных слов. Значение *pangarit* обычно определяется только на основании значения производного глагола *pangariia-* ‘увеличиваться (в количестве)’ (см. выше о семантике этого глагола). Соответственно значение именной основы *pangar*(*i*)- определялось как «множество, масса», значение *pangarit* «во множестве, массой» [1]. Но нельзя судить о значении *pangarit* только по производному глаголу, употреблявшемуся в письменных памятниках в ином контексте и, возможно, уже утрачивавшему связь с изолированной формой *pangar*(*i*) (ср. выше о глаголах на *-ariia-*). Между тем, в употреблении другого производного от того же корня — прилагательного *panku-* — есть очень много общего с употреблением *pangarit* (на что до настоящего времени не обращалось внимание).

Слово *pangarit* употребляется только в текстах военного характера в применении к войску. Совпадение этой особенности *pangarit* с установленными выше особенностями употребления *panku-* не может быть случайным, так как в одном и том же тексте *panku-* и *pangarit*, чередуясь в соседних строках, выступают в сходных значениях при повествовании о военных действиях. Форма *pangarit* употребляется в нескольких стереотипных формулах, одна из которых описывает гибель неприятельского войска, для определения значения *pangarit* существенно употребление стереотипной формулы, описывающей гибель войска врага, в анналах царя Суппилулиумаса (первого царя Нового царства). В этих анналах данная формула встречается очень часто (KUB XIX II I 8 9 и IV 39, 2 Bo TU 37 I 8 и I 10, KBo V 6 II I), причем в двух

[1] *A. Götze.* Madduwattaš. Leipzig, 1928 (MVAG. Bd. 32. № 1. Hethitische Texte in Umschrift. H. 3.). S. 115. Перевод, предложенный (без доказательств) Форрером (insgesamt (?), *E. Forrer.* 2 BoTU. S. 31), остался незамеченным ввиду того, что он был указан мимоходом (в примечаниях к текстам, транслитерированным Форрером), причем анализа соответствующих примеров Форер не дал (в отличие от Гётце). За данным Гётце толкованием примеров употребления *pangarit* до настоящего времени следовали и другие хеттологи (на Гётце же ссылается и Фридрих в своей заметке об этом слове: *Friedrich.* Zu AO 24, 3 // ZA NF. 1925. Jg. 36. Bd. 2. H. 3/4. S. 374). Гётце предположил также, что *pangarit* тождественно идеографическому написанию ŠU.DIM-*it* ‘с силой’. С этим нельзя согласиться, так как наряду с ŠU.DIM-*it* существуют и другие падежные формы: ŠU.DIM-*az*, ŠU.DIM-*za* тогда как *pangarit-* — окаменевшая падежная форма именной основы, от которой другие падежные формы не засвидетельствованы.

случаях употребление *pangarit* аналогично употреблению *panku-* в соседних строках. Говоря о войне с племенами Сути[1], составитель анналов сообщает: *nu-kán... pa-an-ku-un Šu-ti ku-en-ta* ʻи (он) разбил всех сути (все, целое войско Сути)ʼ, 2 BoTU 37 I 5—6. За этим следует дважды повторяющаяся формула (там же, I 8 и I 10) *nu* ERÍN^{MEŠ} ^{LÚ}KÚR *pa-an-ga-ri-t* BA.UG$_6$ ʻи вражеское войско погибло целикомʼ. Сходным образом за сочетанием *pa-an-ku-un* ERÍN^{MEŠ} *Šu-ti* ʻцелое войско Сутиʼ (вин. пад. ед. ч., KUB XIX II I 6) следует (там же, I 8—9) *nu* ^{L}[^{Ú}KÚR] *pa-an-ga-ri-it* BA.UG$_6$ ʻи враг (вражеское войско) погиб полностьюʼ (ср. выше о выражении *pankuš* ^{LÚ}KÚR). Указанные тексты показывают, что значение *pangarit* в этой формуле близко к значению *panku-*; оба слова служат для обозначения величины целого войска (обширное войско = целое войско). Это соответствует контексту: речь идет о полной победе полководцев, поддержанных богами, над их противниками. Поэтому употребление *pangarit* в этой формулировке можно сопоставить с *pangaụi* (ERÍN^{MEŠ}*-ti*) в цитированном выше астрологическом предсказании, где предвещается гибель «целого войска». Правильность такого понимания указанной формулы подтверждается другим местом тех же анналов: *na-aš-za ḫu-u-ma-an-du-uš tar-aḫ-ḫi-ir nu* ^{LÚ}KÚR *pa-an-ga-ri-it* BA.UG$_6$ ʻи (они) их (т. е. врагов) всех победили и враг погиб полностью (целиком)ʼ, KBo V 6 I 27. В последнем примере *pangarit* близко по значению к слову *ḫumant-* ʻвесьʼ, которое в других текстах может выступать в качестве синонима *panku-* (см. ниже). Другие случаи употребления *pangarit* показывают, что значение «полностью, целиком» было связано со значением «во множестве, целой массой», предполагаемым на основании значения производного *pangariḫa-*. Часто встречается формула ^{LÚ}KÚR *pa-an-ga-ri-it u-it* ʻврагпришел со всей совокупностью войск, целой массойʼ (KUB XXI 10 12, KBo III 22 5; KUB XIII 27 пер. ст. 22). В этой формуле обращает на себя внимание то, что глагол стоит в форме единственного числа; это соответствует значению совокупности, целостности, устанавливаемому для *pangarit*. Форма *pangarit* в таком контексте встречается в надписи царя Аниттаса, которую можно считать древнейшим памятником хеттского языка (датировка этого памятника подтверждается его графикой): [LUG]AL ^{URU}*Ku-uš-ša-ra* URU-*az kat-ta pa-an-ga-ri-it* [*ú-it*] ʻцарь спустился (сошел вниз) из (города) Куссара с целой массой (войск)[2] (со всей совокупностью своих войск = со всем своим войском)ʼ, надпись царя Анитта-

[1] О племенах Сути по данным хеттских памятников см.: *Götze.* AM. S. 79, 175, 242. Ср. о кочевых племенах Sutu: *В. И. Авдиев.* Военная история древнего Египта. Т. 1. М., 1943. С. 260.

[2] Ср. перевод, данный Грозным в его публикации этой надписи: *B. Hrozný.* L'invasion des indo-européens en Asie Mineure vers 2000 av. J.-C. // AOr. 1929. Vol. 1. № 3. P. 295: avec des masses (d'hommes).

са, 2 BoTU 7, 5. В предложениях, говорящих о приходе или выходе войска, *pangarit* может сочетаться не только с *иц̣а-* ʻприходитьʼ, но и с *anda ar-* ʻвступатьʼ: ERÍN^{MEŠ} *šu-te-ma pa-an-ga-ri-it an-da a-*[*ri*] [1] ʻвойско же Сути (см. о Сути выше) вошло/вступило целиком...ʼ, KBo V 6 II 1.

Последний пример показателен в том отношении, что в этой цитате из анналов Суппилулиумаса *pangarit* сочетается с *Šu-ti* в контексте, когда речь идет о приходе целого войска, тогда как в других местах того же текста *pangarit* сочетается с *Šu-ti*, когда описывается гибель целого войска (см. выше). Этим подтверждается тождество значений *pangarit* ʻцеликом, полностью, во всей совокупности, целой массойʼ в обоих стереотипных формулах. Частое употребление *pangarit* в связи с выходом или приходом целого войска следует сопоставить с цитированным выше (из аккадско-хеттского словаря) *pankuš* KASKAL-*aš* ʻвсеобщий выход (выход целой совокупности людей)ʼ; в этом случае значения *pangarit* и *panku-* снова оказываются очень близкими [2].

Генетическая связь прилагательного *panku-* и формы *pangarit* предполагалась уже давно, но до настоящего времени не было обращено внимание на сходство в значении и употреблении этих слов и на их несомненную связь, обнаруживаемую в анналах Суппилулиумаса [3]. Между тем, эти факты имеют существенное значение для исследования истории хеттских слов данного корня. Именная основа, от которой образована форма *pangarit*, является архаичным производным на *-r*(*i*)- [4] (ср. о чередовании суффиксов *-u* : *-r-* типа *panku-* : *pangarit*, хет. *parku-* : карашарск. *pärkär*, хет. *tepu-* : др.-инд. *dabhra-* выше, § 45—47; см. также выше о связи имен на *-ri-* типа *etri-*, от которых образованы глаголы на *-ri̯a-*, с архаичными гетероклитическими именами на *-r*(*n*)-). В хеттских текстах основа *pangar*(*i*)- засвидетельствована только в данной изолированной форме, уже в древних текстах носящей наречный характер (см. приведенную выше цитату из надписи царя Аниттаса). Эта форма

[1] Гётце (*A. Götze.* Madduwatas. S. 115) восстанавливал здесь форму мн. ч. *a-*[*ri-ir*]. Однако сопоставление с другими аналогичными текстами (см. выше) делает более вероятной реконструкцию Форрера *a-*[*ri*] (*E. Forrer.* 2 BoTU 41 6).

[2] Родство *panku-* и *pangarit* предполагалось Стертевантом, но он не изучал особенностей употребления данных слов. См.: *H. Sturtevant.* The Gutturals in Hittite and in Indo-European // Language. 1930. Vol. 6. № 3. P. 215. Значение *pangarit* Стертевантом (следовавшим за Гётце) указано неточно.

[3] Это связано с тем, что анналы Суппилулиумаса вообще не использовались в должной мере в хеттологической литературе (ср. замечание Фридриха: die Annalen des Suppiluliumas sind noch nicht befriedigend bearbeitet: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. 1946. S. 66, примеч. 2).

[4] Ср. производную именную основу на плавный в древнеиндийском: санскритское *bahala-* ʻплотный, густойʼ.

встречается в древнехеттских памятниках и в текстах начала новохеттского периода (в анналах Суппилулиумаса и в близком к ним по языку тексте KUB XXI 10 = 2 BoTU 45 12) [1]. Из текстов более позднего времени *pangarit* встречается лишь один раз в рассказе о Маддуватасе (согласно реконструкции поврежденного места, данной Гётце [2]): [^{I}*Ma-ad-du*]-*u̯a-at-ta-ša* [KUR-*e*] *ḫu-u-ma-an* [*IṢ*-]*BAT nam-m*[*a-at*] *IŠ-TU* ERÍN^{MEŠ} *pa*-[*an-ga*]-*ri-it ni-ni-ik*-[*ta*] ʻИ Маддуваттас взял всю страну, затем привел в боевую готовность ее со всей совокупностью (ее) войск’. В других новохеттских текстах (в том числе в таком значительном по объему памятнике военного содержания, как анналы Мурсилиса II, и в автобиографии Хаттусилиса III, язык которой, по-видимому, близок к разговорной речи) форма *pangarit* не встречается. Эти факты показывают, что *pangarit* может отражать значение, характерное для древних производных от корня *pank*- в хеттском языке. Сравнение глагола *pangariia*- ʻувеличиватьсяʼ, формы *pangarit* ʻцеликом; целой массой’ и прилагательного *panku*- ʻсовокупный, целый (обширный)’ позволяет проследить в хеттском языке связь значений «обширный» и «охватывающий целую обширную совокупность», которая имелась и в ведийском. Но если для поздневедийского *bahú*- господствующим является значение множественности как таковой, то в хеттском языке основным стало значение собирательности, а значение чистой множественности (из древнего собирательного) так и не развилось, ср. поздневедийское *bahúve jánāya* ʻмногочисленным людям’ («многочисленной совокупности воинов» в данном ведийском контексте) и хет. *pangau̯i* ERÍN^{MEŠ}-*ti* ʻцелому войску’. Хеттское *panku*- по своему употреблению ближе всего к таким случаям (весьма архаичным), как *bahú*- в применении к колчану, полному стрел, в «Ригведе» [3].

Благодаря тому, что для прилагательного *panku*- основным стало значение собирательности, совокупности, это прилагательное, в отличие от древнеиндийского *bahú*-, только в исключительных случаях употребляется в фор-

[1] См. об этом тексте *E. Forrer.* 2 BoTU. S. 31*. Форрер отметил то, что *pangarit* встречается лишь в некоторых хеттских текстах, но не связал этого с хронологическими различиями между текстами (так как им не было учтено наличие данной формы в надписи Аниттаса).

[2] *A. Götze.* Madduwatas. 1928. S. 12 (§ 8, пер. ст. 44—45).

[3] Единственное замечание о семантике хеттского *panku*-, которое имеется в сравнительно-исторических работах по индоевропеистике, — принадлежащее Э. Бенвенисту (*Benveniste.* Origines. P. 37) предположение, высказанное мимоходом и в очень краткой форме о развитии значений ʻ*массивный > весь, целый’, недостаточно учитывает это значение совокупности, собирательности, являющееся очень древним. Вместе с тем Бенвенист не учел и связей *panku*- с другими производными от того же корня в хеттском (*pangarit* и *pangariia*-).

ме множественного числа. Даже в этих единичных случаях сохраняется значение «совокупный, соединенный»: прилагательное *pankuš* в качестве определения к мн. ч. (вин. п.) *memiianuš* ʻслов’ указывает на то, что имеется в виду совокупность всех слов (данного текста), KUB XXIII 76 8. Помимо этого случая употребления *panku-* в форме вин. пад. мн. ч. *pankuš* можно указать еще только один пример употребления *panku-* во множественном числе (в форме им. пад.): *pangauešˇ*, употребленное при перечислении богов [1]. Употребление *panku-* при перечислении (имен богов или названий предметов) соответствует значению собирательности, ср., напр., *panku-* в конце перечисления GUD UDU NINDA.KUR$_4$.RA *pankun* [2] ʻ(и) бык, (и) овца, (и) хлеб (насущный) совокупно (т. е. все вместе)’ (буквально ʻсовокупный’ — форма вин. пад. ед. ч.), ср. синонимичное *ḫumant-* ʻвесь’ в параллельном тексте: *IŠ-TU* GUD$^{ḪI.A}$ UDU$^{ḪI.A}$ NINDA KAŠ *Ù IŠ-TU* GEŠTIN *ḫumandaz* ʻсо всеми быками, овцами, хлебом, пивом и вином’ (наставления должностным лицам храма, 1 46—47) [3].

---

[1] *Friedrich.* Zu AO 24, 3 // ZA NF. Bd. 2. S. 279 (со ссылкой на Форрера). В образцах склонения *panku-* форма *pangauešˇ* обычно не приводится; Стертевант (A Comparative Grammar of the Hittite Language. Vol. I. 1951. § 149) и Боссерт (*H. T. Bossert.* Beispielsammlung zur Hethitischen Formenlehre. T. 1. Die Nominal-Deklination. I. Veröffentlichung des Archäologischen Institutes der Universität Istanbul. Istanbul, 1935 — параллельный текст на немецком и турецком языках, S. 30) приводят только форму вин. пад. мн. ч.

[2] Текст Bo 28 23 13, впервые напечатанный Гётце: *Götze.* AM. S. 240.

[3] Цитируется по изданию: *E. Sturtevant, G. Bechtel.* A Hittite Chrestomathy. P. 130. Параллелизм двух приведенных словосочетаний (ранее не отмечавшийся) свидетельствует об ошибочности гипотезы Гётце (*Götze.* AM. S. 239—240), согласно которой *panku-* в положении после существительного означает «каждый, всякий». Против гипотезы Гётце говорят и другие доводы. В принципе неверна мысль, что в хеттском различное положение прилагательного может приводить к коренным различиям в смысле (ср. об этом: *Sommer.* HAB. S. 30, примеч. 2). Приводимые Гётце сочетания *pankuš* ^{LÚ}KÚR и ^{LÚ}KÚR *pankuš* несомненно имеют одинаковое значение: объединенный враг (т. е. совокупное вражеское войско). Серьезным недостатком указанного места работы Гётце является произвольное истолкование ряда примеров, вырванных из контекста: так, из разобранного выше астрологического предсказания Гётце приводит сочетание *zaḫḫiia pangaui*, которому он приписывает значение ʻв каждой битве’, между тем, *panku-* в этом тексте, как и во многих других, связано с ERÍN^{MEŠ}-*ti* (см. выше). В KUB XIX II I 6 *pankun* связано не только с ^{LÚ}KÚR, но и с последующим ERÍN^{MEŠ} (см. выше, ср. также о данном месте: *R. S. Hardy.* The Old Hittite Kingdom: A Political History // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago, 1941. Vol. 58. № 2. Private Edititon. P. 214). Поэтому гипотеза Гётце не выдерживает критики; очевидно, Гётце позднее сам усомнился в правильности своего предполо-

Прилагательное *panku-* может определять не только совокупность предметов или людей, но и какое-либо действие, переживание, общее для целой совокупности людей. Помимо указанного выше *pankuš* KASKAL-*aš* ʻвсеобщий выходʼ (в аккадско-хеттском словаре) к таким случаям относятся *panku ḫinkan* ʻвсеобщий (повальный) мор; эпидемияʼ, KUB V 1 I 47; V 3 I 44, и синонимичное *pankuš*... UGU_6-*aš* ʻвсеобщая... болезньʼ, KUB V 3 I 47. Последние примеры, где речь идет об эпидемии, следует сопоставить с употреблением *panku-* в первой молитве Мурсилиса во время чумы [1], I, 49—50, *nu a-pí-it pa-a*[*n-ku*]-*uš* KUR ^{URU}*Ḫa-at-ti ak-ki-iš-ki-it-ta-a-ri* ʻи от нее (от чумы) вся (целая, совокупная) страна Хатти умираетʼ. Как показывает это предложение, прилагательное *panku-* в значении «соединенное, совокупное (обширное скопление людей)» может применяться не только к войску, но и к населению целой страны, ср. выражение *šumeš* LÚ^{MEŠ} ^{URU}*Ḫatti pankuš* ʻвы, (все) объединенные люди страны Хаттиʼ (KUB XXI 37 V пер. 40), где форма единственного числа прилагательного *panku-* соответствует форме множественного числа *ḫumanteš* (от *ḫumant-* ʻвесьʼ) в параллельном тексте [*šum*]*eš* [2] LÚ^{MEŠ} KUR ^{URU}-*Išmirika ḫumanteš* ʻвы все люди страны Исмирикаʼ, KUB XXVI 41, сбор. II.

Последний пример употребления прилагательного *panku-* подводит к употреблению *panku-* в значении «государственное собрание страны Хатти», т. е. к употреблению существительного общего рода *panku-š*, которое по происхождению является субстантивированным прилагательным. Общий, т. е. одушевленный, несредний род этого существительного объясняется его употреблением для обозначения совокупности людей. Это следует сопоставить с тем, что прилагательное *panku-* в хеттских памятниках чаще всего употребляется по отношению к большой массе (вооруженных) людей. Как показывают рассмотренные ниже тексты, частое употребление прилагательного *panku-* в качестве определения существительного ERÍN^{MEŠ}-*t-* ʻвойско, войныʼ непосредственно связано с употреблением существительного *pankuš* в качестве социального термина «государственное собрание Хеттского царства» [3].

жения, так как *pangauaš* в ритуальном тексте KUB XII 53 II 13—14, переведенное в: AM. P. 240 «каждого (eines jeden) человека», в более поздней работе Гётце (The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 15) переводится «всего (all) человечества»).

[1] Цитируется по изданию: *A. Götze.* Die Pestgebete des Mursilis // Kleinasiatische Forschungen. I. 1930. S. 246.

[2] Реконструкция поврежденного места по: *A. Goetze.* Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography. New Haven, 1940 (Yale Oriental Series, Researches. Vol. 22). P. 44.

[3] В дальнейшем это существительное общего рода обозначается *pankuš* (где окончание им. пад. ед. ч. *-š* указывает на общий род имени) в отличие от прилагательного, везде обозначаемого как *panku-*. Существительное *pankuš* ʻсобрание, государственный орган хеттского царстваʼ ниже по-русски передается как «панкус».

III. Хеттский термин *pankuš* ‘государственное собрание’ в двуязычном документе Хаттусилиса I

Основными источниками, на которые можно опираться при изучении хеттского *pankuš* ‘государственное собрание’, являются два памятника древнехеттского периода: двуязычный (хеттско-аккадский) документ царя Хаттусилиса I (XVII в. до н. э.), который иногда называют «завещанием» Хаттусилиса, и более поздний документ Телепинуса. Рассмотрение данных этих памятников целесообразно начать с древнейшего из них — двуязычного текста Хаттусилиса I, который редко подробно освещался в исторической литературе. Этот текст является одним из самых ранних памятников хеттского языка. Этот документ является обращением Хаттусилиса к панкусу и должностным лицам Хеттского государства по поводу назначения наследника (преемника) Хаттусилиса. Как сообщается в этом тексте, преемником Хаттусилиса ранее был назначен сын его сестры (т. е. его племянник). Но позднее молодой преемник царя («лабарна», т. е. царь) был отстранен, и вместо него наследником был назначен сын [1] Хаттусилиса Мурсилис. До сих пор в исторической литературе не было обращено внимание на то, что в этом документе речь идет не только о частном случае назначения преемника царя (о предпочтении Мурсилиса прежнему наследнику), но и о порядке наследования. На это ясно указывает следующее заявление царя (HAB, § 2 I/II § 9; аккадский текст сохранялся полностью, хеттский поврежден): аккадск. DUMU SAL+KU *ma-am-ma-a-an ú-ul ú-ra-ab-ba-a*; хет. *nam-ma-az* DUMU SAL+KU^{TI}.ŠU ‘пусть впредь никто не возвеличивает [2] (в качестве своего преемника, наследника) сына своей се-

[1] В одном тексте позднейшего происхождения Мурсилис назван внуком Хаттусилиса. Но, как справедливо указал Гётце, следует больше доверять древним памятникам, непосредственно относящимся к этой эпохе (*A. Götze.* Die historische Einleitung des Aleppo-Vertrages // Altorientalische Studien Bruno Meissner… gewidmet = Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft. Leipzig, 1928. Bd. IV. H. 1. S. 64).

[2] Форма *ú-ra-ab-ba-a* образована от *rubbû* ‘возвеличивать, делать большим’. Зоммер и Фалькенштейн (HAB) предполагают в данном тексте специализированное значение воспитывать (в качестве преемника, наследника, приемного сына), но гипотеза об усыновлении царем племянника, выдвинутая Зоммером, не находит подтверждения в тексте, где речь идет только о назначении племянника лабарной (царем). Акад. В. В. Струве любезно указал автору настоящей работы на то, что *rubbû* может иметь здесь обычное значение ‘возвеличивать = делать большим’. Представляется, что в пользу этого толкования говорит употребление в хеттском варианте того же текста в разделе, где речь идет об отношении должностных лиц к будущему царю (HAB II 44), каузативного глагола *šallanu-* ‘делать большим’ (от хет. *šalli-* ‘большой’), соответствующего *rubbû* (соответствие хет. *šallanu-* и аккадского *rubbû* отмечалось Зоммером и Фалькенштейном (HAB), и Фридрихом (*J. Friedrich.* Hethitisches

стры’. Подобное распоряжение было бы бессмысленным, если бы у хеттов до Хаттусилиса не существовал обычай, по которому наследником назначался сын сестры царя. О существовании этого обычая свидетельствует то, что сам Хаттусилис, имевший несколько сыновей, назначил тем не менее своим наследником сына своей сестры и лишь спустя некоторое время переменил свое решение. Исследователи текста не дали этому никакого объяснения; историк Харди отрицал даже, что Хаттусилис говорит о своем племяннике (хотя значение идеограммы DUMU SAL+KU ‘сын сестры’ не вызывает сомнений ни у одного из исследователей), так как ему казалось невозможным назначение наследником племянника царя при жизни (хотя бы одного из) его сыновей [1]. Между тем, наличие более тесной связи между дядей и племянником по женской линии (т. е. со стороны сестры), чем между отцом и сыном, является установленным фактом для родового общества. При материнском праве сын принадлежал к другому роду (в отличие от сына сестры, входившего в тот же род, что и его дядя с материнской стороны). Поэтому, как показал Морган, у ирокезов при избрании «сахема» (старшины рода) никогда не избирали сына предыдущего сахема, но часто избирали сына его сестры; это характерно и для других племен при счете происхождения по женской линии . Там, где наследование должности и звания идет по женской линии, необходимо предположить существование счета происхождения по женской линии, что, в свою очередь, говорит о существовании рода. Об этом сообщает место у Тацита, где говорится о наличии у древних германцев «более священной и тесной» кровной связи между дядей с материнской стороны и племянником, чем между отцом и сыном [2].

Свидетельство о наследовании царского титула по женской линии, сохраняемое памятником Хаттусилиса I, имеет исключительное значение для исследования прошлого хеттского общества. Надо заметить, что следы материнского права уже отмечались исследователями и в хеттских законах, относящихся к семье и браку, и в исключительном положении, занимаемом хеттской царицей («Таванannой») [3]. Но, как справедливо указывал И. М. Дьяко-

Elementarbuch. T. II. S. 97, 115), однако названные ученые не сделали из соответствия этих двух слов всех необходимых выводов).

[1] *R. S. Hardy.* The Old Hittite Kingdom: A Political History. P. 194, примеч. 63.

[2] *Тацит.* Германия. Гл. 20.

[3] Ср., напр., в работах: *J. L. Myres.* Kleinasien // Historia mundi. Bd. II: Grundlagen und Entfaltung der ältesten Hochkulturen. Bern, 1953. S. 468; *H. G. Güterbook.* Authority and Law in the Hittite Kingdom (Authority and Law in the Ancient Orient, Supplement to JAOS. № 17. 1954). P. 17. В этой связи значительный интерес представляет также древнехеттское сочетание *annuš attuš* ‘матерей (и) отцов’, KBo III 22 I 9 (надпись Аниттаса) при последовательности *attaš annaš* ‘отец (и) мать’ в аналогичных сочета-

нов в отношении хеттских законов, неверно было бы говорить о матриархате у хеттов; речь идет лишь о пережитках былого материнского права [1]. В этом отношении особенно показателен текст Хаттусилиса I: он со всей очевидностью свидетельствует о былом наследовании по женской линии (от дяди с материнской стороны к племяннику — сыну сестры), но в то же время отменяет этот обычай. О прежде назначенном преемнике Хаттусилис говорит: (HAB II/I 14) *Ú-UL* DUMU-*IA* ‘он не сын мой (он мне не сын)’, и назначает вместо него другого наследника — своего сына. Документ Хаттусилиса, по-видимому, имеет целью оправдание этого мероприятия. Хаттусилис излагает причины, побудившие его переменить прежнее решение, опровергает наветы матери прежнего наследника (т. е. своей сестры) и далее говорит о взаимоотношениях будущего царя — Мурсилиса — с его подданными и с панкусом. Это рассуждение о правах и обязанностях хеттского царя сопровождается иллюстрациями из истории царствования Хаттусилиса. Документ носит характер наказа наследнику, панкусу и должностным лицам. Следует детально рассмотреть те места этого памятника, в которых упоминается *pankuš*.

Документ начинается с указания, к кому обращена речь Хаттусилиса. Аккадский текст соответствующего места сохранился, хеттский текст сильно поврежден, в частности, из клинописных знаков, обозначающих слово *pankuš*, сохранился только первый знак *pa-* и часть второго знака *-an-* [2]. Но слово *panku*(*š*) в этом месте восстанавливается с абсолютной точностью, так как в данном месте (HAB II/I 1) хеттскому *pa-a*[*n-*] соответствует аккадское *nagbati*, а в двух других местах этого же двуязычного текста (HAB IV/III 61 IV/III 62) хеттское *pankuš* переводится аккадским *nagbatu*.

Документ Хаттусилиса начинается следующим образом: аккадский текст I I (-2) [LUGAL GAL *T*]*a-ba-ar-na a-na* ERÍN^{MEŠ} *na-ag-pa-ti u a-na kab-tu-ti* [*iq-bi*] ‘великий царь Табарна (царский титул) воинам *nagbati* и сановникам сказал’, хеттский текст II I(—2) LU[GAL GAL] *Ta-ba-ar-na pa-a*[*n-k*/*g-*]... *me-miš-ta* ‘великий царь Табарна па[нкусу]... сказал’. Ввиду плохой сохранности хеттского текста следует обратить особое внимание на данные аккадского ва-

ниях в более поздних текстах (см.: *Otten.* Luv. S. 52, примеч. 155), ср. также последовательность мать—отец в иероглифическом хеттском (где особенно показательно расхождение между финикийской и иероглифической хеттской версиями надписи из Каратепе: *H. T. Bossert.* Oriens. Vol. 1. P. 180; Vol. II. P. 99) и лувийском (*Otten.* Luv. S. 52). Объяснение этих явлений в связи с пережитками материнского права предложено Боссертом и Оттеном в указанных выше работах.

[1] И. *М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 300, примеч. 2.

[2] См.: *Sommer.* HAB. S. 30, примеч. 1 (и фотографию в конце книги), ср. также рисунок Форрера в 2 BoTU 8.

рианта. Для рассматриваемого вопроса наибольшее значение имеет анализ аккадского слова *nagbatu*, соответствующего хеттскому *pankuš*.

До настоящего времени ассириологи не установили с достаточной точностью, от какого аккадского корня произведено это слово [1]. Но для изучения хеттского *pankuš* существенна не этимология аккадского *nagbatu*, а решение вопроса о том, почему это аккадское слово стало эквивалентом хеттского *pankuš*. Представляется, что на этот вопрос можно дать ответ, если рассмотреть фразеологические сочетания, в которых употребляется аккадское слово *nagbatu*.

В аккадских текстах из Богазкея *nagbatu* засвидетельствовано в двух памятниках: в указанных выше местах документа Хаттусилиса I (три раза, из них один раз в начале — в сочетании с ERÍN^{MEŠ} ʻвойско, воиныʼ) и в аккадском тексте государственного договора новохеттского периода в предложении ^{LÚ}*nakru i-na libbi mati-šu i-na na-ag-pa-ti-šu ir-ru-ub* ʻврагʼ в своей совокупности (целостности) вторгнется в сердце его страныʼ [2]. В аккадских текстах иного происхождения (т. е. не богазкейских) *nagbatu*, по данным фон Зодена [3] встречается только в предсказаниях в одной стереотипной фразе;

[1] Долгое время господствовала точка зрения Вейднера (*E. P. Weidner.* Politische Dokumente aus Kleinasien. Boghazköi-Studien. H. 8. Leipzig, 1923. S. 100, примеч. 1), согласно которой *nagbatu* является формой женского рода, производной от *nagbu* ʻсовокупностьʼ (что соответствует значению *panku*-). Необычная форма этого слова (*nagbatu* вместо закономерного *nagabtu*, ср.: HAB. S. 29, примеч. 3) связывалась с тем, что оно встречается только в богазкейских текстах, аккадский язык которых не безупречен. Но позднее В. фон Зоден указал на наличие *nagbatu* в аккадских текстах, не связанных с Малой Азией (*W. von Soden.* Zum akkadischen Wörterbuch. II. *nakbatu* // Orientalia. Roma, 1947. N. S. Vol. 16. Fasc. 1. S. 78—79). В связи с этим фон Зоден предложил новое объяснение этой формы как производной от корня *kbt* ʻбыть тяжелымʼ, основываясь на чередовании *nagbatu* с идеограммой DUGUD ʻтяжелыйʼ в аккадских текстах, но в его статье не учитываются в достаточной мере данные богазкейских текстов (в частности, то, что в HAB I 1 за *nagbatu* следует *kabtuti*, т. е. производное от того же корня *kbt*) и не изучаются фразеологические сочетания, в которых употребляется слово *nagbatu*. Для понимания хеттского *pankuš* гипотеза фон Зодена ничего не дает, так как при определении значения слова *nagbatu* (по фон Зодену ʻцелостность, сомкнутостьʼ) он исходит из семантики хеттского эквивалента этого слова (поэтому делать обратные заключения было бы методически неверно). С другой стороны, Гастер (*Th. H. Gaster.* The Canaanite Epic of Keret // Jewish Quaterly Review. 1947. Vol. 37. № 3. P. 290) и Гётце (*A. Goetze.* JAOS. 1954. Vol. 74. № 3. P. 190) указали на соответствие аккадского *nagbatu* и угаритского *ngb* (см. ниже), что не согласуется с гипотезой Зодена.

[2] Цитируется по изданию: *E. P. Weidner.* Politische Dokumente aus Kleinasien. S. 100.

[3] *W. von Soden.* Zum akkadischen Wörterbuch. II. *nakbatu* // Orientalia. N. S. 1947. Vol. 16. F. 1. S. 78.

umman... i-na na-ak-ba-ti-ša i-ma-(*aq-*)*qu-ut* ‘войско... падет в своей совокупности (целостности)’. Следовательно, во всех известных случаях *nagbatu* употребляется по отношению к войску [1] в сочетании со словами «войско» или «враг» (в значении «вражеское войско») [2]. Это полностью соответствует отмеченным выше особенностям фразеологических сочетаний, в которых употребляется прилагательное *panku-* (ср. также и употребление *pangarit* в применении к войску). В настоящее время представляется возможным указать на текст, который доказывает то, что хеттское *panku-* в словосочетании *pankuš* ERÍN^{MEŠ} ‘целое, совокупное войско’ было эквивалентом аккадского *nagbatu*. Данное словосочетание употребляется в хеттском астрологическом предсказании KUB VIII I III 6 (см. выше), этот хеттский текст, как давно уже установлено, является переводом с аккадского [3]. Поэтому хеттское *pangaṷi* ERÍN-^{MEŠ}*-ti maušzi* ‘целому войску суждено пасть (целое войско падет)’ в KUB VIII 1 III 6 следует признать переводом аккадской стереотипной фразы *umman... i-na na-ak-ba-ti-š*a *i-ma-*(*aq-*)*qú-ut* ‘войско... падет в своей совокупности’, которая часто встречается в предсказаниях. Следовательно, можно утверждать, что в соответствующих друг другу аккадской и хеттской формулах предсказания о гибели целого войска налицо такое же отождествление аккадского *nagbatu* и хеттского *panku-*, как и в двуязычном документе Хаттусилиса I. Автор аккадского варианта этого документа должен был найти возможно более

[1] Может быть, это имеет в виду Нейфельд, когда он замечает (по поводу HAB I 1): «*nagbati* refers to a body of warriors» («*nagbati* относится к отряду воинов»): *E. Neufeld.* The Hittite Laws. London, 1951. P. 113, примеч. 92. Но это утверждение Нейфельд не подкрепил анализом фактического материала.

[2] Если правильно предложенное Гастером и Гётце (см. выше) сопоставление аккадского *šabe nagbati* и угаритского *ṣbi ngb* (дважды встречается в эпосе о Керете), то употребление слов данного корня по отношению к войску (аккадское *šabe* = угаритское *ṣbi*) следует признать очень древним. В этой связи следует отметить то, что Гастер, предлагая данное сопоставление, основывался только на тексте документа Хаттусилиса; поэтому он склонен был считать и аккадское, и угаритское сочетание «техническим» термином, тождественным хеттскому *pankuš*, обозначающим «толпу» или окружение царя (*T. Gaster.* The Canaanite Epic of Keret // Jewisn Quaterly Review. 1947. Vol. 37. № 3. P. 290). Однако сравнение с другими случаями употребления аккадского *nagbatu* позволяет предположить для *ṣbi ngb* в случае, если это угаритское сочетание действительно тождественно аккадскому *šabe nagbati*, значение «совокупное войско», что лучше согласуется с контекстом, в котором употребляется данное сочетание в эпосе о Керете (см.: Mission de Ras-Shamra. T. II: La legende de Keret / Ch. Virolleaud (ed.). Paris, 1936. P. 38, 44).

[3] *E. P. Weidner.* Archiv für Keilschriftforschung. I; *J. Friedrich.* Aus dem hethitischen Schrifttum. II. S. 27, примеч. 2; *G. Furlani.* La religione degli hittiti. Bologna, 1936. P. 169, 179 (примеч. 93 — с указанием литературы вопроса).

точное аккадское соответствие хеттскому *pankuš* как названию специального государственного органа. Им было выбрано аккадское слово *nagbatu*, которое, подобно хеттскому прилагательному *panku-*, обычно употреблялось в применении к войску, совокупности воинов. В начале документа Хаттусилиса *nagbatu* употребляется в сочетании ERÍN^{MEŠ} *nagbati*, что нельзя не связать с частым употреблением сочетания прилагательного *panku-* с ERÍN^{MEŠ} ‘войско, воины’ в хеттских текстах. В дальнейшем в том же документе *nagbatu* = *pankuš* употребляется без ERÍN^{MEŠ} (HAB IV/III 61—62). Совершенно очевидно, что *nagbatu* в сочетании с ERÍN^{MEŠ} и *nagbatu* без ERÍN^{MEŠ} в данном тексте равнозначны; в обоих случаях хеттским эквивалентом является *pankuš*. Из этого следует, что *pankuš* в значении социального термина и *panku-* в сочетании с ERÍN^{MEŠ} ‘войско, воины’ очень близки друг другу [1]. Выбор аккадского эквивалента этого хеттского социального термина указывает на то, что данный государственный орган являлся «совокупностью воинов» (ERÍN^{MEŠ} *nagbati*, ср. *pankuš* ERÍN^{MEŠ}). В этой связи необходимо отметить то, что Хаттусилис, обращаясь к панкусу и сановникам, призывает их беречь в битве будущего царя (Мурсилиса) и помогать ему при подавлении восстаний и в случае войны. Содержание памятника делает очень вероятным предположение, что Хаттусилис обращается, действительно, к своим воинам.

Наряду с многочисленными представителями войска (в частности, царскими дружинниками) в *pankuš*, очевидно, входили и другие свободные жители страны Хатти, способные носить оружие [2]. О том, что термин *pankuš* в древности относился к совокупности свободного (мужского) населения хеттского государства, свидетельствует и опубликованный в 1953 г. Ф. Зоммером ранее неизвестный фрагмент царского указа древнехеттского периода, в котором имеется следующая строка: LÚ^{MEŠ} ^{URU}*Ḫa-at-ti pa-an-ku-uš* ^{URU}*Ḫa-a*[*t-ti*] (музейный № 76/e 18) [3] ‘люди страны Хатти, панкус страны Хатти’. Если со-

[1] Ср. частое употребление аккадского *puḫru*(*m*) ‘(народное) собрание’ в значении «войско», отмечаемое в ассирийских текстах Якобсеном: *Th. Jakobsen.* Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia // Journal of Near Earstern Studies. 1943. Vol. 2. № 3. P. 166—167, примеч. 44.

[2] Ср. определение состава панкуса в эпоху Хаттусилиса, данное Харди: *R. Hardy.* The Old Hittite Kingdom: A Political History. P. 214: «the totality of men capable of bearing arms» («совокупность всех мужчин, способных носить оружие»). Харди не учитывает, однако, того, что речь может идти только о свободных (не о рабах).

[3] *F. Sommer.* Zu den letzten Publikationen hethitischen Keilschrifttexte aus Berlin // OLZ. 1953. Jg. 48. № 1/2. S. 15 (о переводе *pankuš*, данном Зоммером ср. ниже). Если удастся реконструировать этот царский указ, то он может оказаться таким же ценным источником по истории древнехеттского периода, как и памятники Хаттусилиса и

поставить эту фразу с приведенной выше (KUB XXI 37 V пер. 40) *šumeš* LÚ$^{MEŠ\ URU}$*Ḫatti pankuš* ‘вы, (все) объединенные люди страны Хатти’, то станет ясным, что *panku-* (как прилагательное и позже как существительное) применялся к очень обширной совокупности свободного населения Хеттского государства (за вычетом всех рабов) [1].

Но все же вполне вероятно, что уже в эпоху Хаттусилиса I имелись значительные ограничения состава панкуса, связанные с местом жительства. В пользу этого предположения говорит то, что ряд мест § II документа Хаттусилиса, к сожалению, сильно поврежденных, может быть истолкован как запрещение населению ряда местностей (и даже местным старейшинам — LÚ^{MEŠ} ŠU.GI) «говорить» (с Мурсилисом, будущим царем), что обосновывается ссылкой на мятежные действия жителей города Таппассандаса. Поэтому можно предполагать, что в панкус входило главным образом население центра Хеттского государства — Хаттусаса. Однако нет никаких данных для того, чтобы предполагать какие-либо дополнительные ограничения состава панкуса.

Гипотеза Гётце [2] и Зоммера [3], принятая и некоторыми другими зарубежными учеными [4], согласно которой в панкус уже в эпоху Хаттусилиса I входили только представители знати, не находит подтверждения в текстах, относящихся к этому времени. Против этого предположения говорит то, что, как сообщается в начале анализируемого документа, Хаттусилис I обратился с

Телепинуса. В содержании опубликованных фрагментов этого указа есть много общего с документами Телепинуса и Хаттусилиса; речь идет о междоусобице, убийствах, упоминается панкус.

[1] И. М. Дьяконов, опираясь только на более поздний документ Телепинуса, высказал предположение, что *pankuš* первоначально был собранием всех свободных, способных носить оружие, то есть народным собранием; таковым был *pankuš*, вероятно, во времена первых царей — Анитты, Лабарны, Хаттусиля I и когда хеттское государство было еще только «городом-государством» Куссар (ЗХЦ. С. 291). Данные анализируемого текста (в цитированной работе И. М. Дьяконова не использованные) в целом не противоречат этой мысли, хотя все же надо думать, что состав панкуса при Хаттусилисе I был более ограниченным, чем в начале древнехеттского периода, см. ниже.

[2] *A. Götze.* Das Hethiter-Reich, ihre Stellung zwischen Ost und West (Серия Der Alte Orient, Bd. 27. H. 2). Leipzig, 1928. S. 20; *A. Götze.* Kleinasien (*W. Otto.* Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. 3. T. 1. Bd. 3. Dritter Abschnitt. Munich, 1933. S. 80—81); *Он же.* Hethiter, Churriter und Assyre. Oslo, 1936. P. 60—61.

[3] *Sommer.* HAB. S. 186, 211; OLZ. 1953. S. 15.

[4] Ср., напр.: *O. Gurney.* The Hittites. L., 1952. P. 63, 68. Более осторожную позицию занимает Гютербок: *H. G. Güterbock.* Authority and Law in the Hittite Kingdom // Authority and Law in the Ancient Orient. 1954. P. 19.

речью к совокупности воинов (панкусу) и к сановникам (аккадское *kabtuti*). Если бы важнейшие должностные лица — представители знати (*kabtuti*) — составляли панкус, то такая формулировка была бы тавтологией. По-видимому, наряду с панкусом, в который входили воины (и часть свободного населения страны Хатти), существовал совет знатных должностных лиц — аккадск. *kabtuti*.

Термин *kabtuti* в аккадском варианте документа Хаттусилиса встречается еще раз, когда речь идет о бедствиях, которые отстраненный наследник (сын сестры царя) мог принести населению страны. Говоря о возможных бедствиях, которые могли случиться по вине отстраненного наследника, царь стремится доказать, что, отстраняя бывшего наследника, он действовал в интересах свободного населения страны — сановников и других подданных царя. Иными словами, царь доказывает, что он действовал в интересах своих слушателей — сановников и членов панкуса, к которым обращена его речь. В этом месте (HAB I 22) *kabtuti* сочетается с ÌR^{MEŠ} ʻподданные’ как обозначение двух основных категорий жителей страны и соответственно двух основных категорий слушателей, к которым обращался царь [1] (соответствующий хеттский текст не сохранился). Далее в хеттском варианте (HAB II 43; соответствующий аккадский текст не сохранился) — Хаттусилис, обращаясь во втором лице множественного числа к своим слушателям и призывая их в случае будущей войны помогать Мурсилису, называет их ÌR^{MEŠ}-*ŠU Ù* LÚ^{MEŠ} GAL.GAL ʻмои подданные и великие люди’. Сопоставление этих двух мест двуязычной надписи делает вероятным предположение, что идеограмма LÚ^{MEŠ} GAL.GAL ʻвеликие люди’ в хеттском тексте соответствует *kabtuti* в аккадском тексте. Это предположение подтверждается и другим местом хеттского варианта надписи, где говорится о подданных наместника царя — правителя одной из областей страны Хатти. Снова называются (HAB § 20 III 43) две категории жителей: ÌR^{MEŠ}-*ŠU* LÚ.MEŠ GAL.GAL ʻего подданные и великие люди’ («великие люди» упоминаются и строчкой ниже, III 45).

Если сравнить это место с аккадским текстом (HAB I 32), где названы две категории жителей страны — *kabtuti* и ÌR^{MEŠ}, то станет очевидным, что эти

[1] Зоммер (HAB) и вслед за ним Фридрих (Hethitisches Elementarbuch. T. II) восстанавливают в этом месте помимо сохранившихся LÚ^{MEŠ} *kab-tu-ti-ia* ÌR^{MEŠ}-*ia* также [ERÍN^{MEŠ}]. Но эта реконструкция ни на чем не основана. Во всех сохранившихся местах как аккадского, так и хеттского текста говорится только о двух категориях жителей страны и слушателей царя; поэтому в указанном месте нельзя восстанавливать обозначение какой-то третьей категории. Зоммер, не обративший на это внимания, не смог найти правильный хеттский идеографический эквивалент аккадского *kabtuti* (Зоммер реконструирует LÚ^{MEŠ} DUGUD вместо нужного LÚ^{MEŠ} GAL.GAL, см. ниже).

две социальные категории назывались: одна в аккадском варианте *kabtuti*, в хеттском LÚ^{MEŠ} GAL.GAL ‘великие люди’, другая — и в хеттском и в аккадском ÌR^{MEŠ} ‘подданные’. Очевидно, в обращении царя к своим слушателям: ÌR^{MEŠ}-*ḪA Ù* LÚ^{MEŠ} GAL.GAL термин LÚ^{MEŠ} GAL.GAL соответствует *kabtuti* в начале документа Хаттусилиса. Но так как там сказано, что Хаттусилис обращается к *kabtuti* и панкусу (ERÍN^{MEŠ} *nagbati*), то обращение ÍR^{MEŠ}-*ḪA* ‘мои подданные’ нужно отнести к членам панкуса.

Если приведенный ряд сопоставлений указанных мест двуязычной надписи правилен, что нужно признать, что Хаттусилис говорит о двух основных категориях свободных жителей страны Хатти: о «подданных» (ÌR^{MEŠ}), входивших в состав панкуса (*pankuš*, ERÍN^{MEŠ} *nagbati*), и о сановниках — «великих людях» (LÚ^{MEŠ} GAL.GAL, *kabtuti*). Надо думать, что совокупность этих знатных лиц рассматривалась как особый орган, отличный от панкуса. На это указывает начало документа Хаттусилиса — царь обращается к панкусу и *kabtuti*.

Более точно определить состав панкуса и *kabtuti* (LÚ^{MEŠ} GAL.GAL) на основании данных документа Хаттусилиса не представляется возможным. Но некоторые косвенные данные можно извлечь из фрагмента 2 BoTU 10*β* = KBo III 27, который был составлен одновременно с рассматриваемым двуязычным текстом, возможно, по тому же поводу (т. е. по случаю назначения Мурсилиса наследником) и, скорее всего, должен считаться фрагментом этого же памятника[1]. В этом фрагменте Хаттусилис обращается к своим «подданным» (ÌR^{MEŠ}, KBo III 27 15); судя по словоупотреблению двуязычного документа Хаттусилиса, это обращение должно относиться к тем, кто входит в панкус (см. выше), далее во фрагменте речь идет о придворных должностных лицах, в том числе о «сынах дворца»[2] (DUMU^{MEŠ} É.GAL, KBo III 27 19) и о мешеди (*ME-ŠE-DI*[3] KBo III 27 17). Поэтому можно предполагать, что должностные лица, носившие эти титулы, входили в панкус; это предположение подтверждается документом Телепинуса (см. ниже).

---

[1] См. об этом тексте: *E. Forrer.* 2 BoTU. Leipzig, 1926. S. 4*; *A. Götze.* Die historische Einleitung des Aleppo-Vertrages // Altorientalische Studien Bruno Meissner... gewidmet. I. 1928. S. 64; *H. G. Güterbock.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern // ZA NF. 1938. Bd. 10. S. 99; *Sommer.* HAB. S. 156, 157, 160, 168, 169, 211—212, 220; *R. Hardy.* The Old Hittite Kingdom: A Political History. 1941. P. 199—200.

[2] Титул, встречающийся не только в клинописных хеттских, но и в иероглифических хеттских текстах, см.: *E. Laroche.* OLZ. 1954. № 8. P. 327.

[3] См. о происхождении этого аккадского титула *A. Goetze*. Rec. ad op.: *S. Alp.* Untersuchungen zu den Beamtennamen im hethitischen Festzeremoniell // JCS. 1947. Vol. 1. № 1. S. 81.

То обстоятельство, что придворные должностные лица входили в панкус, не противоречит существованию наряду с панкусом совета «великих людей» (*kabtuti* = LÚ^{MEŠ} GAL.GAL), так как ни мешеди, ни «сыны дворца» не были высшими придворными званиями — в отличие от титулов «главный мешеди» (GAL *ME-ŠE-DI*) и «начальник сынов дворца» (GAL DUMU^{MEŠ} É.GAL). Можно думать, что в то время как мешеди и «сыны дворца» входили в панкус, главный мешеди и начальник сынов дворца относились к числу членов совета высших сановников (*kabtuti* = LÚ^{MEŠ} GAL.GAL, ср. наличие той же идеограммы GAL ʻглавный, великийʼ в их титулах).

Существование наряду с народным собранием совета представителей знати характерно для многих древних обществ. Такой совет обычно приобретал все большее значение по мере того, как менялась социальная структура, утратившая черты демократии (пусть относительной) и двигавшейся в сторону феодальной деспотии. По-видимому, уже в эпоху Хаттусилиса I представители высшей знати занимали положение, резко отличное от положения рядовых членов панкуса.

На очень большие различия между высшими сановниками (которые обычно были близкими родственниками царя) и низшими должностными лицами указывает следующее обстоятельство: в указанном выше фрагменте 2 BoTU 10 *β* = KBo III 27 царь грозит жестоким наказанием должностным лицам, которые дерзнут ослушаться его приказа. В то же время представителям царского рода, повинным в кознях и даже в восстаниях против царя, не грозит такое наказание. Напротив, царь в двуязычном документе всячески подчеркивает свое милостивое отношение к своим врагам — членам царского рода, это показывает, что права должностных лиц — членов панкуса — и права сановников — представителей высшей знати — были несоизмеримы, что должно было сказываться и во влиянии, которое сановники могли оказывать на панкус.

Двуязычный документ Хаттусилиса I представляет особый интерес для изучения истории панкуса не только потому, что из него можно извлечь рассмотренные выше данные о составе панкуса, но и потому, что в нем говорится и о функциях панкуса. В конце документа определяются обязанности будущего царя — Мурсилиса. Ему вменяется в обязанность следующее (HAB III 59—61 § 21—22; сохранился в основном только хеттский текст, от аккадского варианта дошло лишь несколько слов): *ua-aš-du-ul ku-e-el-qa* [*a-u*]*t-ti na-aš-šu* DINGIR-*ni ku-iš-ki pí-ra-an ua-aš-ti na-aš-ma ut*[*-tar k*]*u-iš-ki* [*ku-*]*it-ki te-iz-zi nu*-[*z*]*a pa-an-ku-un* EGIR-*pa pu-nu-uš-ki* ʻ(если) ты увидишь чей-либо проступок (чью-либо провинность) или (если) кто-нибудь перед божеством провинится или (если) кто-нибудь какое-нибудь слово скажет, то (в каждом случае) ты спрашивай панкусʼ. Из этого явствует, что полномочия панкуса

были очень широки: царь должен был спрашивать о мнении панкуса в случае чьих-либо провинностей (преступлений), чьих-либо слов (видимо, имеются в виду речи преступного характера с точки зрения царя) и дел, которые могут рассматриваться как провинность перед божеством.

Зоммер считал возможным рассматривать этот текст как свидетельство, главным образом, религиозных функций панкуса [1]. Мысль о том, что панкус имел некоторые религиозные функции, не лишена оснований (см. об этом ниже), но в данном тексте «провинность перед божеством» выступает лишь как одна из трех категорий провинностей, относительно которых следует спрашивать панкус. Поэтому нет оснований рассматривать панкус как только «культовую общность» (Kultgemeinschaft) [2]; такое ограниченное понимание функций панкуса противоречит как только что цитированному перечислению случаев, в которых царь должен спрашивать мнение этого собрания, так и тому обстоятельству, что Хаттусилис обратился к панкусу (и сановникам) с речью о назначении наследника и взаимоотношениях царя и его подданных (т. е. с речью отнюдь не религиозного содержания, хотя в ней и содержатся краткие указания на религиозные обязанности царя).

Для доказательства своей гипотезы Зоммер предлагает оригинальное толкование места, в котором говорится о том, что «кто-нибудь какое-нибудь слово скажет». По мнению Зоммера, речь идет о слове, направленном против бога. Но богохульство даже Зоммер, склонный к модернизации хеттского общества, не может считать частым явлением. То, что панкус рассматривал дела о богохульстве, Зоммер считает доказательством исключительного положения панкуса. Соответственно предыдущее предложение (о «чьей-либо провинности») Зоммер трактует как указание на провинность лиц, занимающих особо важное положение, так как такая «исключительная инстанция» как панкус якобы не могла заниматься делами о всех должностных лицах (не говоря уже о всех подданных). Для более позднего времени (см. ниже о документе Телепинуса) панкус действительно может считаться редко собираемым органом, занимавшимся лишь особо важными делами. Но в документе Хаттусилиса таких данных нет; интерпретация приведенного места Зоммером [3] является примером того, как при анализе текстов некоторыми учеными привносятся необоснованные предположения. В особенности натянутым является предположение о том, что панкус рассматривал обвинения в богохульстве; знакомство с религиозной жизнью хеттского общества заставляет усомниться

[1] *Sommer.* HAB. S. 183, 186, 211.

[2] *Sommer.* HAB. S. 186.

[3] Более точен перевод Гётце (*A. Götze.* Kleinasien. S. 80) и Харди (*Hardy.* The Old Hittite Kingdom. P. 199).

в возможности такого рода «преступлений». На ошибочность концепции Зоммера следует обратить внимание потому, что его монография о документе Хаттусилиса долго оставалась единственным детальным исследованием, за которым следовали и некоторые другие ученые (напр., Фридрих в известном учебнике хеттского языка).

Если внимательно изучить цитированное место документа Хаттусилиса, не искажая его в угоду предвзятым мнениям, то станет ясно, что царь должен был советоваться с панкусом по поводу всех преступлений, в том числе по поводу преступных дел, (преступных) слов и провинностей перед божеством. Предложение, следующее за только что разобранным, гласит: *nu* EME[-*aš-ša*] EGIR-*pa pa-an-ga-u-i-pát u̯*[*a*]-*ḫa-an-za e-eš-du* ʻи речь (язык) да будет (каждый раз) обращена (буквально: повернута) к панкусу’ (HAB III 61—62, аккадский текст сильно поврежден). Это предложение может быть понято двояко: или (что всего вероятнее) перед панкусом должно происходить обсуждение указанных провинностей [1], или имеется в виду только последняя часть предыдущего предложения («если кто-нибудь какое-нибудь слово скажет»); в этом случае текст следовало бы понять так: панкусу нужно сообщить об этом «слове» (этой речи). Второе толкование менее вероятно, так как дальше о панкусе ничего уже не говорится, поэтому это (последнее) предложение должно иметь более общий характер. Маловероятно, что раздел о функциях панкуса кончался деталью, по существу повторяющей предыдущее предложение, так как там уже говорилось, что панкус нужно спрашивать по поводу «слова». Следовательно, это предложение нужно понимать, скорее всего, как указание на необходимость обсуждения преступлений и провинностей перед панкусом.

Зоммер предложил — в соответствии с гипотезой об исключительно религиозных функциях панкуса — иное толкование этого текста. По мнению Зоммера, EME ʻязык’ употребляется здесь в значении «дурной (злой) речи» одного из участников панкуса, из-за которой гнев богов может обрушиться на весь панкус. Соответственно данный текст понимается Зоммером в том смысле, что гнев богов (дурные последствия «языка» — EME) должен быть отвращен (EGIR-*pa u̯aḫnu*-) от панкуса [2]. Эта интерпретация текста, безусловно, ошибочна.

[1] Так понимают этот текст Гётце (*A. Götze.* Kleinasien. S. 80) и Делапорт (*L. Delaporte.* Les hittites. Paris, 1936. P. 172). Харди (The Old Hittite Kingdom. P. 199) переводит: «let the tongue (i. e. decision?) be turned back to the assembly» («пусть язык (т. е. решение?) будет повернут назад к собранию»), но передача EGIR-*pa* посредством *back* ʻназад’ ошибочна (см. ниже).

[2] *Sommer.* HAB. S. 184—185.

Во-первых, в разбираемом предложении речь идет не о гневе богов, а об EME ‘язык’. Зоммер ссылается на употребление EME в значении «(злой) язык, дурная речь» в ритуальных текстах, в частности, в сочетании *pangaụaš* EME, которое он понимает как «язык одного человека, осквернившего весь панкус». В действительности же из ритуальных текстов следует, что *pangaụaš* EME означает «язык целой совокупности людей» (см. ниже), а не «одной личности» (Einzelperson), как думает Зоммер. Мысль о том, что значения *panku-* как социального термина и *panku-* в *pangaụaš* EME могут быть тождественными, правильна (см. об этом ниже), но для понимания данного текста это ничего не дает. EME не обязательно употребляется в хеттских текстах в значении *idaluš* EME ‘злой язык’; это слово может обозначать речь, слова разного рода, например, слова человека, обращающегося к богам: *nu* DINGIR^{MEŠ} *ku-i-e-eš ki-e-da-ni* UD-*ti ku-e-da-ni ar-ku-u-e-eš-ni IŠ-TU* EME-*ỊA ḫal-zi-iḫ-ḫu-un* ‘и которых богов для которой молитвы я в этот день призвал своим языком (своей речью, обращением)’ KUB VI 45 III 21—22. Ясно, что в этой цитате EME не имеет значения «дурной язык». Поэтому нет оснований приписывать EME в любом контексте значение «дурной язык». Следовательно, и в разбираемом предложении EME не обязательно имеет значение «дурной язык, злая речь»; тем более сомнительна гипотеза Зоммера о том, что EME в данном случае означает «дурные последствия дурной речи».

Во-вторых, Зоммер ошибочно трактует значение сочетания EGIR-*pa* в данном предложении с глаголом *ụaḫnu-* ‘поворачивать’: EGIR-*pa ụaḫnu-* ‘отворачивать, поворачивать назад’. Для правильного анализа этого предложения нужно учесть, что EGIR-*pa* (= хеттское *appa*) имеется и в предыдущем предложении: *nu*-[*z*]*a pa-an-ku-un* EGIR-*pa pu-nu-uš-ki* ‘то панкус (каждый раз) спрашивай’. Зоммер (и следующий за ним Фридрих) правильно понимают EGIR-*pa* в этом предложении как обозначение повторяемости действия: EGIR-*pa* следует передать «каждый раз» (*jedeweils* у Зоммера, *jedesmal* у Фридриха) [1]. Нельзя сомневаться в том, что EGIR-*pa* в следующем предложении имеет то же значение: *nu*-[*z*]*a pa-an-ku-un* EGIR-*pa pu-nu-uš-ki nu* EME[-*aš-ša*] EGIR-*pa pa-an-ga-u-i-pát ụ*[*a*]-*ḫa-an-za e-eš-du* ‘то панкус каждый раз спрашивай и язык каждый раз к панкусу да будет обращен’. Поэтому рассуждение Зоммера о значении EGIR-*pa ụaḫnu-* в этом предложении лишается смысла.

В-третьих, по Зоммеру, форма дательного падежа *pangaụi* в данном случае должна иметь значение отложительного падежа («(гнев богов) да будет отвращен от панкуса»). Это предположение противоречит фактам не только хеттского, но и других древних индоевропейских языков.

[1] *Sommer.* HAB; *Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 97.

Все эти доводы показывают, что толкование Зоммера не выдерживает филологической критики; оно не обосновано и со стороны исторической, так как выдвигаемая им гипотеза об осквернении одним богохульствующим целого сообщества не находит подтверждения в текстах и во всей известной нам картине хеттской религии. Рассмотренный пример чрезвычайно показателен, так как по нему видно, что спорные социологические концепции приводят хеттологов (среди которых Зоммер является одним из крупнейших ученых) к серьезным просчетам и в филологической интерпретации текстов.

На основании рассмотренных данных документа Хаттусилиса можно сделать следующие выводы: в панкус в эту эпоху входили воины (свободные взрослые мужчины, способные носить оружие) — жители центральной части хеттского государства; в панкус же входили и придворные должностные лица, занимавшие низшие посты. Наряду с панкусом существовал совет высших сановников *kabtuti* = LÚ^{MEŠ} GAL.GAL. Царь должен был советоваться с панкусом по поводу преступных действий (в том числе «провинностей перед божеством») и преступных речей своих подданных. Обсуждение этих преступлений (провинностей) должно было происходить перед панкусом. Вместе с тем панкусу царь сообщал свое решение о назначении наследника (своего преемника).

IV. Термин *pankuš* ‘государственное собрание’ в документе Телепинуса

Более чем столетний период, полный междоусобиц, актов кровной мести и дворцовых переворотов, отделяет документ Хаттусилиса I от позднейшего памятника, по которому можно судить о составе и функциях хеттского панкуса, — от документа Телепинуса. Как и документ Хаттусилиса, этот памятник является обращением царя к панкусу. Это заключение можно сделать на основании следующих данных: Телепинус, как и Хаттусилис, обращается (во 2-й части документа) к аудитории во 2-м лице множественного числа. Собранию, к которому он обращается, Телепинус предписывает быть панкусом (Tel. II, 47, § 30) и судить преступников. Известно, что панкус при Телепинусе функционировал еще до составления данного документа (так как в это время три преступника были осуждены панкусом, см. ниже). Нет оснований думать, что состав панкуса от случая к случаю менялся. Поэтому не подлежит сомнению, что собрание, которое Телепинус призывает быть панкусом, было панкусом и в то время, когда к нему обращался Телепинус. Иными словами, документ Телепинуса является обращением к панкусу [1].

[1] Предположение о том, что Телепинус обращается к созванному им собранию, высказывал Стертевант, но он не отождествлял это собрание (assembly) с панкусом

То обстоятельство, что как документ Хаттусилиса, так и документ Телепинуса, являются обращением к панкусу, объясняет многие общие черты в структуре, стиле и содержании этих документов (но некоторые общие черты объясняются и другими причинами: сходством исторической ситуации и политических задач, стоявших перед авторами этих документов). Сопоставление этих двух памятников имеет очень большое значение, так как оно позволяет сделать выводы о характерных особенностях обращений царей древнехеттского периода к панкусу. Надо думать, что при составлении документа Телепинуса учитывался опыт предыдущих обращений хеттских царей к панкусу. В научной литературе уже отмечалась близость структуры памятников Хаттусилиса и Телепинуса в том отношении, что историческое повествование вводится для обоснования тех или иных политических пояснений и установлений [1]. В документе Телепинуса историческая и общая части более четко разграничены, чем в документе Хаттусилиса. Первая часть документа Телепинуса посвящена историческому повествованию о судьбах хеттского государства; вторая часть содержит политические выводы, обоснованные предыдущим изложением. В содержании обеих частей есть много общего с памятником Хаттусилиса. В частности, рассказ о восстании, имевшем место при Хаттусилисе, наличествует и в документе Хаттусилиса (§ 12—13), и в памятнике Телепинуса (§ 7). В обоих текстах рассказы о смутах и междоусобице приводятся для того, чтобы обосновать требование об объединении подданных — членов панкуса под властью царя, а также для мотивировки устанавливаемого порядка наследования.

Сходство в содержании обоих документов приводит и к дословным совпадениям. Как Хаттусилис, так и Телепинус подчеркивают свое милостивое отношение к их врагам, принадлежавшим к знатным родам. Хаттусилис, говоря о своем обращении с отстраненным наследником и с «дочерью», которая была замешана в восстании, дважды повторяет формулу: *nu az-zi-ik-ki-id-du ak-ku-uš-ki-id-du* ‘пусть он (она) ест (и) пьет’ (HAB II 33; III 21—22, итеративные формы, которые можно было бы перевести: «пусть он (она) закусыва-

(см.: *E. Sturtevant, G. Bechtel.* A Hittite Chrestomathy. P. 198). Более близка к изложенной выше точке зрения мысль И. М. Дьяконова и И. М. Дунаевской, которые считают документ Телепинуса законом, принятом в панкусе (ЗХЦ. № 4. С. 254, 292; к сожалению, в этой ценной работе не учтены связи документа Телепинуса с документом Хаттусилиса). В работе Гютербока дается новый перевод цитаты из документа Телепинуса, также исходящий из мысли о том, что Телепинус обращается к панкусу (*H. G. Güterbock.* The Authority and Law in the Hittite Kingdom. 1954. C. 19).

[1] *H. G. Güterbock.* Die historische Tradition... bei Babyloniern und Hethitern /// ZA NF. 1938. Bd. 10. P. 99.

ет и запивает»)[1]. Телепинус, характеризуя свое отношение к пощаженным им противникам — братьям Хуццияса, употребляет ту же формулу: *nu-ṷa-za az-zi-ik-kán-du ak-ku-uš-kán-du* ‘пусть-де они себе едят и пьют (закусывают и запивают)’ (Tel. II 24 § 23).

На это совпадение особенно следует обратить внимание потому, что многие ученые говорят об особой «гуманности» Телепинуса[2]. Как показывает сопоставление документов Хаттусилиса и Телепинуса, нельзя говорить о гуманности Телепинуса, отличавшей якобы его от других царей. В действительности и Хаттусилис, и Телепинус действовали сообразно с хеттскими обычаями. Легенда об особой «гуманности» хеттов критиковалась учеными, в частности акад. В. В. Струве[3]. Милостивое обращение хеттских царей с их знатными противниками объяснялось в действительности специфическим характером власти хеттского царя, еще не носившей характер деспотии типа египетской. «Гуманность» хеттских царей простиралась только на представителей высшей военно-рабовладельческой знати. Тот же Хаттусилис, который похваляется своим милостивым отношением к отстраненному наследнику — своему племяннику, угрожает низшим придворным чинам жестокой расправой в случае, если они «назовут имя» матери этого бывшего наследника, т. е.

---

[1] Сочетание глаголов *azzik-* и *akkušk-* очень часто встречается в ритуальных текстах в обращении к богам, напр. KUB XV 34 III 51: DINGIR.LÚ^{MEŠ} *šu-me-eš az-zi-ki-it-tin ak-ku-uš-ki-it-tin* ‘боги, вы пируйте и запивайте’, ср. KUB IX 31 (+ HT I + KUB IX 32) IV 21: *nu-ṷa apaš* DINGIR^{LÚM} *azzikkiddu akkuškiddu* ‘и это божество пусть ест и пьет (пирует и запивает)’ (ср. тождественную древнехеттскую формулу, приведенную выше). Точно такое же употребление данного сочетания можно отметить и в новохеттском тексте ханаанского мифа об Ашерту: фрагмент Bo 2 567 I 26 (напечатано Оттеном: *H. Otten.* Ein kananäischer Mythus aus Bogazköy // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1953. Bd. 1. H. 1. S. 126): *az-zi-ik-kán-zi ak-ku-uš-kán-zi* ‘(боги) пируют и пьют’. Но в новохеттских текстах, как и в древнехеттских, сочетание *akkušk-* и *azzik-* может относиться не только к богам, но и к людям, ср., напр., *nuza azzikanzi akkuškanzi* ‘и они (себе) едят (и) пьют’ (о жрице и человеке, ради которого совершается обряд), KBo V I III 50 след. Ср. также в рассказе Мурсилиса о том, как он лишился дара речи: *IŠ-TU* ^{GIŠ}BANŠUR-*ma-za-kán ku-e-iz-za az-zi-ik-ki-nu-un IŠ-TU* GAL-*ḭa-kán ku-e-iz-za ak-ku-uš-ki-nu-un* ‘с которого же стола я едал и из которой чаши я пивал...’ (*Götze—Pedersen.* MS. Обр. ст. 16—17). Во всех указанных текстах речь идет о счастливом (или даже блаженном) состоянии людей или богов, которые закусывают и запивают.

[2] На сходство двух указанных мест обратил внимание Харди (*R. S. Hardy.* The Old Hittite Kingdom. P. 209, примеч. 122), но и он, повторяя стереотипную для зарубежных ученых формулировку, говорит о «снисходительности» («leniency») Телепинуса (Там же. P. 122; ср. о «милосердии» — «mercy». P. 123).

[3] *В. В. Струве.* О гуманности хеттских законов // ВДИ. 1947. № 4. С. 11—20.

встанут на ее сторону (см. фрагмент KBo III 27 = 2 BoTU 10 *β*). После Хаттусилиса старинные обычаи, препятствовавшие убийствам внутри царского рода, были попраны; борьба за власть между представителями знатных родов заставляла их нарушать все традиционные запреты. Телепинус выступил против этих бесконечных убийств, подрывавших власть хеттского царя и военную мощь хеттского царства. Поэтому он подчеркивает свое милостивое отношение к братьям Хуццияса, но употребление при этом традиционной формулы не позволяет сомневаться в том, что Телепинус воскрешал старый обычай, а не вводил новый обычай, до него не существовавший. То обстоятельство, что Телепинус в этом отношении ближе к Хаттусилису, чем к своим непосредственным предшественникам, подтверждает уже высказанную в исторической науке мысль о том, что так называемая «реформа Телепинуса» в значительной мере закрепляла давно уже существовавшие обычаи и установления [1].

К такому пониманию «реформы» Телепинуса приводит и рассмотрение отношения Телепинуса к панкусу (попытки некоторых ученых объяснить личными настроениями царя созыв собрания Телепинусом столь же лишены научных оснований, как и рассуждения о «гуманности» и «снисходительности» Телепинуса) [2].

Существует значительное сходство между документами Хаттусилиса и Телепинуса в том отношении, что в них очерчиваются функции панкуса в применении к будущему (по-видимому, это — черта, общая для обращений хеттских царей к панкусу). Но документ Телепинуса иллюстрирует функции панкуса и конкретным примером.

Первое упоминание о панкусе в обращении Телепинуса встречается в рассказе о наказании трех преступников — Тануваса, Тахарваилиса и Тарухсуса, повинных в убийствах (Тахарваилис убил Титтаса и его семью; Тарухсус убил Хантилиса, Tel. § 21—22) и в заговоре против царя (Tel. § 25 — о Танувасе). Сообщается, что после раскрытия заговора «Тануваса, Тахарваилиса и Тарухсуса доставили и панкус предлагал предать их смертной казни»: *nu* ^{I}*Ta-nu-u̯a-an* ^{I}*Ta-ḫar-u̯a-i-li-in* ^{I}*Ta-ru-u̯h-š*[*u-un-na*] [*ú*]-*u̯a-te-ir nu-uš pa-an-ku-uš pa-ra-a ḫi-in-ga-ni ḫar-ta* (Tel. § 26 II 27—28).

---

[1] *Н. М. Никольский.* Реформа хеттского царя Телепина // Известия АН БССР. 1948. № 2. С. 56.

[2] Ср., напр., такое высказывание: «Потом, смерть жены и сына пробудила угрызения совести в душе Телепинуса, и именно поэтому он созвал собрание» («Puis, la mort de sa femme et de son fils ont éveillé des remords dans l’âme de Telibinou, et c’est pourquoi il a convoqué l’assemblée»): *E. Cavaignac.* Remarques sur l’inscription de Telibinou. Taharwaili, Tourouhson, Tanouwa // Revue hittite et asianique. 1930. T. 1. F. 1. P. 12.

Выражение *para ḫingani ḫarta* вызывало различные толкования [1], но в настоящее время представляется возможным дать его точный анализ. Послелог *para* ‘из’ в хеттском управляет отложительным или родительным падежом; поэтому в данном контексте, где *ḫingani* дат. падеж, а *para* предшествует *ḫingani*, *para* нельзя считать послелогом, это — наречие, которое нужно связывать с глаголом. В качестве наречия (приставки) *para* выступает в значении «вперед, наружу (движение изнутри вовне), дальше»; сочетание *para* с *ḫar*(*k*)- ‘иметь, держать’ *para ḫark*- должно иметь значение «держать, выдвигая вперед». Конструкцию *ḫar*(*k*)- с дательным-местным падежом *ḫingani* (от *ḫenkan* ‘смерть’) легко понять, так как существуют параллельные сочетания глагола *ḫar*(*k*)- с дательным-местным падежом имени существительного, причем эти сочетания всегда употребляются в связи с обвинением, обличением кого-либо: *u̯ašduli ḫar*(*k*)- ‘держать в провинности = считать виновным’, KUB XXIV 3 II 15—17 + 4 пер. 6 след.; XIV 12 об. II (это выражение особенно существенно для сопоставления с данным текстом потому, что *u̯ašdul* ‘провинность’ употребляется в тексте Хаттусилиса, когда речь идет о юридических функциях панкуса, см. выше) и *ANA AU̯ATE*^{MEŠ} *ḫark*- ‘держать к слову = призывать к ответу’ (*na-an A-NA A-U̯A-TE*^{MEŠ} *ku-e-da-aš ḫar-ku-un* ‘и которые упреки я ему делал’, буквально ‘и его к которым словам я держал’, письмо Tavalaga, I, 62, § 5 [2]); вместо аккадского с хеттским словом *memini ḫark*- ‘держать к слову = призывать к ответу’ [3]. Этому соответствует конструкция *ḫingani ḫark*- ‘держать к смерти’, относящаяся к приговору обвиняемым. Наречие (-приставка) *para* показывает, что действие направлено вовне. Поэтому *para ḫingani ḫarta* точнее всего было бы перевести «предлагал (советовал) к смерти», т. е. «предлагал (предать преступников) смертной казни». Такой перевод соответствует контексту, так как до этого говорится, что царь услышал о преступлении (заговоре), после чего преступников доставили, затем следует решение панкуса и, наконец, решение царя, заменившего смертную казнь более легким наказанием. Если сопоставить это с тем, что Хаттусилис требует от своего наследника спрашивать панкус по поводу преступлений, то станет ясно, что и в данном случае речь идет о таком совещании царя с панкусом.

---

[1] Наряду с переводом «приговорил к смерти», впервые данным в: *P. M. Witzel.* Hethitische Keilschrifturkunden (Keilinschriftliche Studien. H. 4). Fulda, 1924. S. 53, и принятым Фридрихом, существовало толкование Стертеванта «держал для приговора» (A Hittite Chrestomathy. P. 198; такое же понимание этого текста у Харди: *Hardy.* Указ. соч. P. 210). Зоммер, отвергая безусловно неверный перевод Стертеванта, еще в 1938 г. сомневался в правильности перевода Фридриха (HAB. S. 186).

[2] Цитируется по изданию: *Sommer.* AU. S. 5; ср. комментарий Зоммера. Там же. S. 75.

[3] *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. 1952. S. 56.

Дело Тануваса, Тахарваилиса и Тарухсуса — представителей знатных родов, осужденных панкусом, — Телепинус рассматривает в качестве очень важного прецедента, который в дальнейшем должен определять права панкуса. Обращаясь к панкусу, Телепинус говорит, что Танувас, Тахарваилис и Тарухсус «должны быть знаком» перед панкусом, когда панкус будет судить знатных сановников (Tel. II, § 33, см. ниже перевод этого места). По документу Телепинуса панкусу предоставляется право судить высших должностных лиц. Надо думать, что это не было нововведением по сравнению с эпохой Хаттусилиса I, так как Хаттусилис обязывал царя спрашивать мнение панкуса обо всех преступлениях, следовательно, и о преступлениях, совершенных высшими сановниками. Но в период, предшествовавший воцарению Телепинуса, преступления, совершаемые представителями высшей знати, оставались безнаказанными; фактически высшие сановники перестали быть подсудными панкусу (что было логическим следствием неравноправия членов панкуса и высшей знати, отмечаемого уже во время Хаттусилиса I, см. выше). Стремясь положить конец непрерывным дворцовым переворотам, Телепинус возрождает старинные права панкуса. Панкусу предписывается судить знатных сановников подобно тому, как были осуждены Танувас, Тахарваилис и Тарухсус. Поскольку высшие посты занимали обычно родственники царя, это означало, что панкус имел право судить представителей царского рода. Но в то же время панкус должен бы обезопасить ближайших родственников царя от возможных посягательств царя на их жизнь.

В документе Телепинуса содержится исключительно важное место, показывающее, что панкус имел полномочия создать судебное собрание для суда над самим царем в случае, если он попытается причинить зло своим ближайшим родственникам: *nam-ma ku-i-ša* LUGAL-*uš ki-ša-ri nu* ŠEŠ-*aš* SAL+KU-*aš i-da-lu ša-an-aḫ-zi šu-me-eš-ša pa-an-ku-uš-ši nu-uš-ši kar-ši te-it-te-en ki-i-ya e-eš-na-aš ut-tar* (Tel. II 46, § 30) ‘Потом кто станет царем и (если он) попытается (причинить) зло брату (или) сестре, то вы ему (будьте) панкусом[1] и ему

[1] Именное предложение *šumešša pankušši* обычно понимается как относящееся к будущему времени (*И. И. Дунаевская.* ЗХЦ. С. 257); предполагается, что налицо эллиптическая форма повелительного предложения (см. перевод, данный Фридрихом и Гётце: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. S. 79; *A. Götze.* Das Hethiter-Reich. S. 20). Но именные предложения этого типа в хеттском языке встречаются не только в повелительном наклонении, но и в настоящем времени (*Фридрих.* Краткая грамматика. § 212. С. 127—128.). Поэтому вполне возможен и перевод Гютербока: you are his pankus (*H. G. Güterbock.* Authority and Law in the Hittite Kingdom // Authority and Law in the Ancient Orient. 1954. P. 19), ср. близкий этому пониманию текста перевод: *В. В. Струве.* Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1950. С. 231.

прямо скажите: «Это, мол, дело крови!»’ (ср. § 43, где говорится,что царь не должен решать «дела крови» (т. е. дела об убийстве)). Далее панкусу предписывается указать будущему царю на документ Телепинуса: *tu-pí-az a-ú* ‘Смотри на таблицу!’ (Tel. II, 46; сходное требование того, чтобы будущий царь читал таблицы наказа, оставляемого его предшественником, содержится и в документе Хаттусилиса). В частности, панкусу предлагается сослаться на этот документ для доказательства того, что «прежде» (*karu*, т. е. до воцарения Телепинуса) в Хаттусасе было много крови. Эта ссылка на историческую часть документа Телепинуса как бы служит обоснованием для излагаемого затем положения, согласно которому царь, посягнувший на жизнь своей сестры или брата, отвечает «царской головой».

Телепинус сам подчеркивает различие между временем, предшествовавшим его воцарению («прежде крови становилось много»), и последующим периодом, когда должен действовать закон об ответственности царя за убийство его братьев и сестер. Поэтому мысль о том, что закон о подсудности царя был нововведением Телепинуса, является вполне обоснованной [1]. Но из документа Телепинуса следует только, что подсудность царя панкусу отсутствовала в эпоху перед вступлением на престол Телепинуса. Как явствует из исторической (первой) части документа Телепинуса, правление первых царей древнехеттского периода (кончая Мурсилисом I — преемником Хаттусилиса) Телепинус рассматривал как образец как во внутренней, так и во внешней политике. Возникает вопрос: не являлось ли положение о подсудности царя панкусу (в случае, если царь посягал на своего брата или сестру) нововведением для эпохи Телепинуса, но вместе с тем возвращением к старым обычаям, действовавшим еще при первых хеттских царях?

Анализ документа Хаттусилиса I подтверждает это предположение. В этом памятнике вслед за заявлением Хаттусилиса о лишении сына его сестры титула «лабарны» (царя) излагаются (довольно подробно, с сохранением чрезвычайно любопытной образности этого «плача») жалобы матери отстраненного наследника. За этими жалобами следуют оправдания Хаттусилиса I, который, во-первых, указывает на вред, который принес бы его подданным и сановникам (т. е. его слушателям) отстраненный наследник и его родственники, во-вторых, подробно описывает, как милостиво он (царь) обошелся с преступным племянником, подарив ему после его отстранения «много полей, много быков (и) много овец» (дальше в этом месте употребляется формула «пусть он ест и пьет», о которой речь шла выше). Если учесть, что данный памятник является обращением Хаттусилиса I к панкусу, то станет ясно, что

[1] Этой точки зрения придерживался такой выдающийся ученый, как Грозный, см.: *B. Hrozny*. Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens. 1943. P. 162.

Хаттусилис оправдывается перед панкусом, утверждая, что он не причинил зла сыну своей сестры. Аналогичный спор между Хаттусилисом и другой его ближайшей родственницей («дочерью») развертывается в связи с рассказом о восстании, в котором была замешана эта родственница царя. Эта родственница царя, виновная в государственном преступлении, тем не менее ведет себя очень независимо и требует, чтобы царь выделил ей больше имущественных ценностей, чем он был намерен дать ей. За этим снова следуют оправдания царя. Эти факты показывают, что в эпоху Хаттусилиса I взаимоотношения царя и его ближайших родственников подлежали обсуждению перед панкусом (ср. разобранное выше предложение «язык да будет обращен к панкусу»). Не могло идти и речи о том, чтобы царь убил неугодных ему родственников. Высшим наказанием для родственников царя было вроде «почетной ссылки»: им выделялись дворцы, земли, скот и предоставлялась возможность «есть и пить» (т. е. пользоваться всеми благами).

После царствования Хаттусилиса I положение меняется. Ожесточенная борьба за власть между представителями знатных родов, царскими родственниками и свойственниками привела к тому, что убийство царя или его родственников стало обычным явлением. Телепинус стремился положить конец длительному периоду цареубийств и актов кровной мести. С этой целью он восстановил древний обычай, по которому взаимоотношения царя с его братьями и сестрами контролируются панкусом. Но вместе с тем был введен и новый закон, продиктованный изменившимися условиями: за убийство брата или сестры царь отвечал своей головой. По существу этот новый закон был продолжением тех же древних установлений, но с тем отличием, что в древности убийство царем его родственников было бы фактом исключительным или вовсе невероятным.

Стремление Телепинуса восстановить обычаи и установления, характерные для раннего периода истории древнехеттского царства, особенно ярко сказывается в той характеристике единения древнехеттского общества вокруг царя, которая дается Телепинусом. О каждом из древнехеттских царей раннего периода (кончая Мурсилисом I — преемником Хаттусилиса I) в документе Телепинуса говорится: *na-pa* DUMU^{MEŠ}-*ŠU* SES^{MEŠ}-*ŠU* LÚ^{MEŠ} *ga-e-na-aš-še-eš-ša* LÚ^{MEŠ} *ḫa-aš-ša-an-na-aš-ša-aš Ù* ERÍN^{MEŠ}-*ŠU ta-ru-up-pa-an-te-eš e-še-ir* ‘и (тогда [1]) его сыновья, его братья, его свойственники, его кровные родственники (люди его семьи или его рода) (и) его воины собирались вместе (были объединены)’ [2]

[1] Смысл частицы *-apa* еще подлежит уточнению, ср.: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 304. С. 153.

[2] Как показано в работе: *A. Götze.* Die Pestgebete des Mursilis // Kleinasiatische Forschungen. I. 1930. S. 222—223, хеттский глагол *tarup-* является эквивалентом ак-

(Tel. I, 2—4, § 1; I, 13—15 § 1; I, 24—26 § 8). К царям, при которых цареубийства и кровавые распри между царскими родственниками и свойственниками стали обычным явлением (т. е. к периоду, отделяющему царствование Мурсилиса от царствования Телепинуса) эта формулировка не применяется. Но зато своим преемникам Телепинус предписывает *UR-RA-AM ŠE-RA-AM ku-iš am-mu-uk* EGIR-*an-da* LUGAL-*uš ki-ša-ri na-pa* ŠEŠ^{MEŠ}-*ŠU* DUMU^{MEŠ}-*ŠU* LÚ^{MEŠ} *ga-e-na-aš-ši-iš* LÚ^{MEŠ} *ḫa-aš-ša-an-na-aš-ša-aš Ù* ERÍN^{MEŠ}-*ŠU ta-ru-up-pa-an-te-eš a-ša-an-du* ‘Отныне кто после меня царем станет, то (тогда) его братья, его сыновья, его свойственники, его кровные родственники (люди его семьи или его рода) [1] (и) его воины да будут объединены’ (Tel. II, 40—42, § 29).

В работах ряда историков было высказано предположение, что в этой формуле перечисляются лица, входившие в состав панкуса [2]. В связи с таким предположением следует сопоставить формулировку с соответствующими данными текста Хаттусилиса. В документе Хаттусилиса содержится призыв к объединению всех, к кому он обращается, под властью будущего царя — Мурсилиса (HAB II 46). Обращается же Хаттусилис к своим подданным (ÌR^{MEŠ}), входящим в панкус (ERÍN^{MEŠ} *nagbati*), и к знатным сановникам (LÚ^{MEŠ} GAL.GAL = *kabtuti*). Есть все основания думать, что если существовал совет высших сановников, то в него прежде всего входили родственники и свойственники царя, как правило, занимавшие высшие государственные должности. Поэтому «братья, сыновья, свойственники и кровные родственники» царя в приведенной формулировке документа Телепинуса соответствуют, скорее всего, *kabtuti* (LÚ^{MEŠ} GAL.GAL) ‘знатным, великим людям’ текста Хаттуси-

---

кадского *puḫḫuru* ‘собирать’. В данном тексте *tarup-* обычно переводится «быть объединенным», см. *E. Forrer.* 2 BoTU. S. 12*, мнение которого принято и другими учеными, ср.: *A. Götze.* Die Pestgebete des Mursilis // Kleinasiatische Forschungen. I. 1930. S. 223; *Он же.* Kleinasien. S. 80, примеч. 1; *Sommer*, рецензия на книгу Гетце: Kleinasien // OLZ. 1935. № 5. S. 279; Фридрих переводит *taruppanteš ešir* ‘они были объединены’ («sie waren vereint»: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. I. § 200. S. 63; рус. пер.: *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 121). Этот же перевод принят И. М. Дунаевской (ЗХЦ. С. 254). Но все же нельзя считать исключенной и возможность перевода ‘собирались (на собрание)’ (ср. аккадское *puḫru*(*m*) ‘собрание’ от *puḫḫuru*).

[1] Во всех других случаях употребления этой формулировки в том же тексте порядок обратный: сначала сыновья, потом братья, сначала родственники, потом свойственники.

[2] Ср.: *Н. М. Никольский.* Реформа хеттского царя Телепина // Известия АН БССР. 1948. № 2. С. 54—55; *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 291. Акад. В. В. Струве, первоначально придерживавшийся сходной точки зрения (ср.: История древнего мира. Т. I. Древний Восток. 1935. С. 314—315), позднее видоизменил ее в связи со своим пониманием термина *tuliia-* (ср. об этом ниже).

лиса. Остающиеся за вычетом этих категорий «(царские) воины» ERÍN^{MEŠ} в тексте Телепинуса соответствуют этому же слову в сочетании ERÍN^{MEŠ} *nagbati* — аккадском термине, передающем хеттское *pankuš* в тексте Хаттусилиса. Судя по этому, Телепинус призывает к объединению как своих высших сановников, так и своих «воинов», входивших в состав панкуса.

Достоверно известно, что в эпоху Телепинуса в состав панкуса входило большое число должностных лиц и придворных, но нельзя считать, что панкус в то время стал советом только высших сановников. В панкус входили придворные должностные лица, занимавшие низшие посты, как об этом свидетельствует следующее место документа Телепинуса, определяющее взаимоотношения панкуса с высшими сановниками: *ki-nu-na ku-iz-za* UD-*az* ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši* DUMU^{MEŠ} É.GAL LÚ^{MEŠ} *ME-ŠE-DI* $^{LÚ.MEŠ}$IŠ.GUSKIN $^{LÚ.MEŠ}$QA.SU.DU$_8$.A LÚ[$^{MEŠ\ GIŠ}$B]AN[ŠU]R $^{LÚ.MEŠ}$MU LÚ$^{MEŠ\ GIŠ}$PA $^{LÚ.MEŠ}$*ša-la-aš-ḫi-ia-aš* $^{LÚ.MEŠ}$PA *LI-*[*IM ṢE-RI*] *ki-i ut-tar šu-ma-aš* EGIR-*an še-ik-tin* ^{I}*Ta-nu-ua-aš-ma* ^{I}*Ta-ḫar-ua-i-li-iš* ^{I}*Ta-ru-uḫ-šu-uš-ša I-NA PA-NI-KU-NU* IZKIM-*iš e-eš-d*[*u*] *nam-ma i-da-lu m*[*a-a-an k*]*u-iš-ki i-ia-zi na-aš-šu* ^{LÚ}*A-BU BI-DU* [*na-aš-ma* GAL DUMU^{MEŠ} É.GAL GAL G]EŠTIN GAL *ME-ŠE-DI* GAL$^{LÚ.MEŠ}$PA *LI-IM ŠE-RI …ḫa-an-te-zi-iš…* [ ]*-zi šu-ma-aš-ša pa-an-ku-uš an-da e*[*-ip-tin*] *nu-uš-ma-ša-an ka-ri-ip-tin* (Tel. § 33 II, 66—73) ‘Теперь же с которого дня (т. е. с этого дня) в городе Хаттусасе «сыны дворца», мешеди, золотые оруженосцы, кравчие (чашники), стольники (люди стола) хлебопеки (повара), люди жезла (по-видимому, вестники, герольды [1]), *salashiias* [2], полевые начальники тысяч — вы это дело (или: это слово [3]) знайте (впредь [4]); Танувас же, Тахарваилис (и) Тарухсус (см. о них выше) пусть будут (буквально: пусть будет) знаком перед вами: потом когда кто-нибудь сделает зло, будь то отец дома или начальник сынов дворца, главный виночерпий, главный мешеди, главный [5] над полевы-

[1] Ср.: *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 107.

[2] Звание должностного лица.

[3] Скорее всего, относится к предыдущим наставлениям Телепинуса.

[4] EGIR-*an* = *appan*, скорее всего, здесь выступает как наречие-приставка, а не самостоятельно во временном значении (как, по-видимому, полагает И. М. Дунаевская: ЗХЦ. С. 258, примеч. 6).

[5] В издании Форрера (2 BoTU 23 F § 33, 10) идеограмма GAL в этом месте отсутствует. По-видимому, поэтому И. М. Дунаевская перевела (ЗХЦ. С. 258) просто «полевые тысяченачальники». Но следует принять вариант Стертеванта (A Hittite Chrestomathy. P. 192), в издании которого значится GAL$^{LÚ.MEŠ}$PA *LI-IM ṢÈ-RI* ‘главные полевые начальники тысяч’. В издании Форрера в этом месте пропуск (что показывает и сам издатель, оставляя большой промежуток, помеченный восклицательным знаком). Пропуск легко восполняется по параллельному месту, 2 BoTU 23 F § 34, 15.

ми начальниками тысяч... первый [1] [ ] а вы, панкус, схватите (его) и его к себе поднимите (для суда)' [2].

Из этого места документа Телепинуса следует, что в состав панкуса входили различные должностные лица, носившие звания кравчих, стольников, пекарей и т. д., и представители войска — начальники тысяч, но не рядовые воины [3]. Эти данные частично совпадают с теми косвенными данными о составе панкуса, которые можно извлечь из фрагмента, составленного от имени Хаттусилиса (2 BoTU 10 *β*; см. выше). Там также говорится о мешеди и «сынах дворца» (но называются и некоторые другие звания, отсутствующие в

[1] Это слово (*ḫantezzis*) отсутствует в издании Стертеванта и в переводе И. М. Дунаевской (у Форрера имеется: 2 BoTU 23 F § 33, 11). Между тем, оно представляет в данном контексте значительный интерес. Зоммер уже высказывал предположение (по поводу текста Хаттусилиса I), что слово *ḫantezzis* могло иметь значение главный в применении к должностному лицу. Употребление этого прилагательного в данном контексте, где оно, по-видимому, чередуется с GAL, подтверждает эту догадку. По-видимому, именно *ḫantezzi-* скрывается под идеограммой GAL.

[2] Последнее (трудное для перевода) предложение не вполне точно передано И. М. Дунаевской (ЗХЦ. С. 258, примеч. 8). Как правильно указывает Стертевант (A Hittite Chrestomathy. P. 200), *nu-uš-ma-ša-an* в начале этого предложения нужно понимать как *nu-šmaš-an* 'и *-šmaš-* его'. Местоименная форма — *-šmaš-* может иметь значение дат.(-вин.) пад. 2 л. мн. ч. или 3 л. мн. ч. Но значение 3 л. мн. ч. в данном случае исключается по всему контексту: «им» не может относиться к панкусу и входящим в его состав должностным лицам, так как царь дважды в этом параграфе обращается к ним во 2-м лице мн. ч.; не может форма 3 л. мн. ч. относиться и к высшим сановникам (в значении: вы, панкус, передайте его — высшего сановника — на суд им — остальным высшим сановникам), так как эти высшие сановники в данном контексте упоминаются не в совокупности, а каждый в отдельности (о чем свидетельствуют и союзы *naššu-našma* 'или-или', и относящаяся к любому из них форма ед. ч. *-an*). Поэтому форму *-šmaš* в данном тексте нужно понимать как форму дат. пад. личного местоимения 2 л. мн. ч., употребленную в значении dativus ethicus. Такое употребление именно этой формы в сочетании с предшествующим союзом *nu* в хеттском широко распространено (см. соответствующие примеры с *nu-šmaš*: *Фридрих.* Краткая грамматика. § 219. С. 130). Глагол *karp-* 'подымать' в этом предложении нужно сопоставить с *para ḫark-* 'держать, выдвигая вперед' в аналогичном контексте (см. выше). Следовательно, *nu-šmaš-an karptin* следует перевести «и вам (т. е. себе) его подымите (для суда)».

[3] Это подтверждает уже высказывавшуюся ранее мысль о сужении состава панкуса при Телепинусе, ср.: *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 291; *Н. М. Никольский.* Реформа хеттского царя Телепина. С. 55; *В. В. Струве.* О гуманности хеттских законов // ВДИ. 1947. № 4. С. 20. Показательно также и то, что в приведенной выше формуле речь идет о воинах царя (ERÍN^{MEŠ}-*ŠU* 'его воины'), а не о всей совокупности воинов, как в тексте Хаттусилиса I.

документе Телепинуса). Чрезвычайно важно в цитированном месте документа Телепинуса противопоставление рядовых должностных лиц, входивших в состав панкуса, — мешеди, полевых начальников тысяч и т. п. — и высших сановников, которых имел право судить панкус: г л а в н ы х мешеди, г л а в н ы х над полевыми начальниками тысяч; точно так же рядовые «сыны дворца» (буквально «сыны большого дома») противопоставляются «отцам дома» (один из наиболее почетных титулов). Из других хеттских источников известно, что исполнение этих высших государственных должностей было сопряжено с большими военными полномочиями. Так, «главный виночерпий», который упоминается в приведенном месте среди высших сановников, был одним из главных военачальников Мурсилиса II. В автобиографии Хаттусилиса III сообщается, что, когда он был «главным мешеди» (также одно из высших званий, перечисляемых в приведенном месте), ему была вверена пехота и колесницы страны Хатти (Хеттского государства). Это сочетание военных обязанностей с придворными помогает уяснить и то обстоятельство, что панкус, в состав которого входили первоначально воины ERÍN^{MEŠ}, становится собранием придворных должностных лиц.

Высшие должности занимали обычно родственники царя. Поэтому приведенное выше место свидетельствует о том, что не только царь, но и его родственники — высшие сановники были подсудны панкусу. По-видимому, в документе Телепинуса определялись и полномочия высших сановников (совета высших сановников?). Возможно, что об этом шла речь в параграфе, который следовал за только что процитированным местом. Сохранилось только начало этого параграфа [1]: ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši-ma* $^{LÚ.MEŠ}$ … $^{LÚ.MEŠ}$*A-BU BI-DU* GAL.DUMU^{MEŠ} É.GAL... …GAL$^{LÚ\ MEŠ}$PA *LI-IM SE-RI* (2 BoTU 23 § 34, 13—15) ‘В городе же Хаттусасе люди..., «отцы дома», начальники сынов дворца... главные над полевыми начальниками тысяч...’ То обстоятельство, что «отцы дома» перечисляются здесь во множественном числе (а не в единственном, как в предыдущем параграфе), делает вероятным предположение, что здесь речь идет о совете высших сановников [2] (ср. параллельное начало предыдущего параграфа, где речь шла о собрании рядовых должностных лиц, также перечислявшихся во мн. ч.: «в городе Хаттусасе...»). Но ввиду того, что текст в этом месте прерывается, не представляется возможным более точно определить взаимоотношения панкуса и (совета?) высших сановников.

[1] Это место памятника опущено в переводе И. М. Дунаевской и во всех переводах на западноевропейские языки (Стертеванта, Фридриха, Грозного и Кавеньяка) за исключением перевода Витцеля.

[2] Витцель предлагал такое окончание этого предложения: должны собраться на суд: *P. M. Witzel.* Hethitische Keilschrifturkunden. Fulda, 1924. P. 59.

Ряд ученых считает, что о совете высших сановников речь идет в других местах текста Телепинуса, где употребляется термин *tuliia-*. Ввиду того, что этот термин употребляется в значении, близком к значении *pankuš*, необходимо рассмотреть вопрос об этом термине в настоящей работе.

Термин *tuliia-* употребляется в документе Телепинуса дважды. В первом случае речь идет об уже происшедшем событии: после указания на то, что, по мнению «людей богов», крови в Хаттусасе стало много (см. выше о *pangariia-*), Телепинус заявляет *nu* ^{I}*Te-li-pí-nu-uš* ^{URU}*Ha-at-tu-ši tu-li-ia-an ḫal-zi-iḫ-ḫu-un* ʻи я, Телепинус, в городе Хаттусасе созвал *tuliia-*ʼ (Tel. II, 34, § 27). За этим следует повеление о том, чтобы никто не убивал «сына (царской) семьи». Во втором случае термин *tuliia-* употребляется в наставлении, которое Телепинус дает панкусу относительно того, как следует покарать царя, посягнувшего на жизнь брата (сына царской семьи!) или сестры, здесь за ссылкой на то, что крови стало много, следует положение об ответственности царя за убийство брата или сестры. Затем Телепинус предписывает панкусу для наказания преступного царя созвать *tuliia-*: *nu tu-li-ia-an ḫal-zi-iš-tin* ʻи (вы) *tuliia-* созовитеʼ (Tel. II, 51, § 31). Следовательно, в обоих случаях выражение «созвать *tuliia-*» (*tuliian ḫalzai-*) употребляется, когда речь идет о пресечении и наказании убийств внутри царского рода; это мероприятие (созыв *tuliia-*) в обоих случаях мотивируется тем, что «крови в Хаттусасе стало много».

Таким образом, в двух приведенных местах текста Телепинуса речь идет о том, что царь созвал собрание (суда) для пресечения убийств «сынов (царской) семьи», и о том, что панкус должен созвать такое же судебное собрание в случае, если царь посягнет на жизнь своего брата или своей сестры. Не вполне ясным является вопрос о составе этого судебного собрания. Предположение; о том, что *tuliia-* — это собрание панкуса [1], противоречит последовательности, в которой эти термины употребляются в документе Телепинуса. Обращаясь к должностным лицам, Телепинус предписывает им, в случае посягательств будущего царя на жизнь своих братьев и сестер, быть «для него (т. е. для царя) панкусом» (см. выше) и напомнить ему о содержании таблиц документа Телепинуса; после этого царь предлагает панкусу «созвать судебное собрание (*tuliia-*)». К панкусу Телепинус обращается (в этом месте и далее) во 2-м л. мн. ч., а когда речь идет о тех, кто будет судить царя (т. е. о входящих в состав *tuliia-* судебного собрания), Телепинус переходит к 3 л. мн. ч. Поэтому надо думать, что состав панкуса мог отличаться от состава судебного собрания, которое разбирало дела об убийствах внутри царского

[1] Понимание *tuliia-* как собрания панкуса предложено И. М. Дьяконовым и И. М. Дунаевской, ЗХЦ. С. 290—291, примеч. 3. Близко к этому понимание данного текста у Зоммера: НАВ. С. 186.

рода. В следующих параграфах речь идет о высших сановниках, поэтому вероятно предположение, что *tuliia-* — совет высших сановников [1], но это еще нельзя считать окончательно доказанным.

Для определения значения термина *tuliia-* следует рассмотреть его употребление в других памятниках хеттского (и лувийского) языков. В обоих цитированных выше местах документа Телепинуса *tuliia-* употребляется в сочетании с глаголом *ḫalzai-* ‘звать, созывать’. Если в тексте Телепинуса *ḫalzai-* сочетается с формой вин. пад. ед. ч. *tuliian*, то в государственных договорах новохеттского периода *ḫalzai-* часто сочетается с формой дат.-мест. пад. ед. ч. *tuliia*, когда речь идет о призывании тысячи богов в качестве свидетелей. Представляется, что для понимания такого употребления *tuliia-* необходимо сопоставить с этими местами государственных договоров ряд текстов, где *tuliia-* обозначает собрание (совет) богов. В двух таких текстах речь идет о *tuliiaš peda* ‘месте собрания (богов)’: *tu-li-ia-aš pí-e-da-aš* DINGIR^{MEŠ} *ku-e-da-ni pí-di tu-li-ia ti-iš-kán-zi* ‘место собрания (совета), к которому месту боги обычно ходят на совет’ [2] (ср. в поэме «Песнь об Улликумми»: *na-at du-li-ia-aš pí-di an-da e-ri-ir* ‘и к месту собрания они (боги) пришли’, Ullikummi, 3 табл., IV, 18). Собрание богов упоминается также и в другом месте эпоса о Кумарби: *du-li-ia-za ar-ha u-*[*it*] ‘с собрания (он) ушел’ (или ‘они ушли’, текст поврежден), Ullikummi, 3 табл., III A 5), а также в поврежденном тексте KUB XVII: DINGIR^{MEŠ}*-za* ^{GIŠ}*ḫa-tal-ki-iš-ni kat-ta-an tu-li-i*[*a*]... ‘под деревом *ḫatalkešna* боги на совет...’ [3]. Сопоставление с приведенными примерами употребления *tuliia-* в значении «собрание, совет богов» позволяет понять употребление этого слова в государственных договорах в формуле следующего характера: *nu-ut-ta ki-i ku-it TUP-PU iš-ḫi-ú-la-aš i-ia-u-un nu ka-a-ša a-pí-*

[1] Харди (The Old Hittite Kingdom. P. 214) высказал в осторожной форме предположение о том, что *tuliia-* в документе Телепинуса соответствует аккадскому *kabtuti* в документе Хаттусилиса. В категорической форме это же утверждает Нейфельд: *E. Neufeld.* The Hittite Laws. 1951. P. 113, примеч. 92 (но в примеч. 105 на с. 115 Нейфельд высказывает иную, на этот раз совершенно фантастическую гипотезу о существовании внутри хеттской аристократии двух групп: *pankuš* и *tuliiaš*). Мнения о том, что *tuliia-* — совет высших должностных лиц и родственников царя, придерживается в своих последних работах акад. В. В. Струве: О гуманности хеттских законов // ВДИ. 1947. С. 19—20 (ср. аналогичное мнение А. В. Десницкой: О хеттском языке // *Фридрих.* Краткая грамматика. С. 20).

[2] Надпись, впервые опубликованная Böhl’ем, строки 10—11. Цитируется по *F. Sommer.* Hethitisches. II // Boghazköi-Studien. 7. Leipzig, 1922. S. 14, примеч. 2). Итеративная форма *ti-iš-kan-zi* имеет значение русского *хаживают*.

[3] Гётце восстанавливает в этом месте глагол «собрались» («gathered»): *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. 1938. P. 91.

e-da-ni me-mi-ni LI-IM DINGIR^{MEŠ} *tu-li-ia ḫal-zi-ia-an-te-eš nu uš-kán-du iš-ta-ma-aš-kán-du-ia na-at ku-ut-ru-e-eš a-ša-an-du* ‘и так как я тебе эту таблицу договора сделал, смотри! по этому случаю тысяча богов созвана на совет (*tuliia-*), пусть они видят и пусть они слышат и пусть они будут свидетелями этому’ (KBo IV 10 I 50). В собрании хеттских государственных договоров, изданном Фридрихом, выражение *taliia ḫalzai-* ‘созывать на совет (*tuliia-*)’ в сочетании с *LI-IM* DINGIR^{MEŠ} ‘тысяча богов’, употребляется в трех случаях. В двух случаях богов призывают хеттский царь и его союзник — правитель подвластной хеттскому царю области: *LI-IM* DINGIR^{MEŠ} *tu-li-ia ḫal-zi-ú-en* ‘тысячу богов мы созвали на совет (*tuliia-*)’ (договор Суппилулиумаса с Хукканасом, § 61, 40, договор Мурсилиса II с Таргасналисом, § 15, II, 55) [1]. В более позднем примере тысячу богов созывает только хеттский царь: *LI-IM* DINGIR^{MEŠ} ^{d}UTU^{ŠI} ^{I}*La-ba-ar-na* ^{I}NIR.GÁL LUGAL GAL *tu-ú-li-ia ḫal-zi-iḫ-ḫu-un* ‘тысячу богов я, солнце, лабарна Муваталлис, великий царь, призвал на совет (*tuliia-*)’ (договор Муваталлиса с Алаксандусом, IV, 38—40) [2], причем в этом случае боги не просто являются свидетелями, но и должны в будущем защищать покорного союзника хеттского царя. Такое расширенное толкование функций призванных на совет (*tuliia-*) богов, которые выступают в этом случае в качестве помощников хеттского царя, следует признать результатом позднейшего переосмысления этой формулы в духе позднехеттского обожествления царя (ср. нагромождение царских титулов в приведенной цитате). Первоначальное значение формулы *tuliia ḫalzai-*, как показывают более ранние примеры ее употребления в государственных договорах, состояло в том, что «тысяча богов» (т. е. все боги хеттского царства) призывались на совет в качестве свидетелей при заключении договора.

В научной литературе употребление хеттского слова *tuliia-* уже сопоставлялось с аналогичным употреблением аккадского *puḫrum* ‘собрание’ [3]. В связи с этим следует отметить то, что, согласно мнению некоторых современных ученых, совет богов в вавилонской мифологии изображался «по образу народного собрания древнейших времен» [4] и поэтому употребление термина *puḫru*(*m*) в значении «совет (богов)» [5] было вторичным по сравнению с

[1] *Friedrich.* Staatsverträge. I. 68; II. 110.

[2] Там же. II. P. 32, *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. P. 19.

[3] *A. Götze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 35, примеч. 77; *R. S. Hardy.* The Old Hittite Kingdom. P. 215.

[4] *Д. Г. Редер.* Военная демократия в странах древнего Востока // МОПИ. Ученые записки. Т. 14. 1950. Труды каф. истории древнего мира. Вып. 1. С. 122; ср.: *И. М. Дьяконов.* Государственный строй древнейшего Шумера // ВДИ. 1952. № 2. С. 22.

[5] См. примеры в работе *Th. Jakobsen.* Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia // Journal of Near Eastern Studies. 1943. Vol. 2. № 3. P. 157, примеч. 45. P. 168, примеч. 52.

употреблением *puhru*(*m*) в значении «(народное) собрание». Сходным образом можно было бы истолковать и развитие значений хеттского *tuliia-*, означающего (в одном и том же фразеологическом сочетании с глаголом *ḫalzai-* ‘созывать’) судебное собрание в древнехеттском тексте Телепинуса (ср. выражение *ŠA* DINIM *tu-li-ia-aš* ‘собрание суда’ в тексте HT 6 I 16) и собрание богов (созываемых в качестве свидетелей) в новохеттских текстах. Но следует иметь в виду, что изображение «совета богов» в хеттской мифологии может быть связано с более поздним влиянием мифологии древней Месопотамии[1]. В этом случае развитие значений хеттского *tuliia-* можно было бы объяснить тем, что *tuliia-*, являвшееся эквивалентом аккадского *puḫrum* ‘собрание’ (ср. рассмотренные выше случаи, где *tuliia-* сочетается с *ḫalzai-*, и сочетание *ḫalzai-* с аккадским *A-NA PU-UḪ-RI* ‘на собрание’ в хеттском тексте KUB XXVI 12 III 29) было использовано для передачи аккадского слова и в специальном значении «совет богов».

Для исследования хеттского *tuliia-* существенный интерес представляет наличие слова *tuliia-* в лувийском языке, о чем свидетельствуют опубликованные в 1953 г. лувийские тексты. Наряду с *tuliia-* в лувийском существует и производное от *tuliia-* именное образование *tuliiašša*/*i-* (с хорошо известным лувийским суффиксом *-ašša-* (*-aššī-*). В лувийских текстах, опубликованных до настоящего времени, это производное слово *tuliiašša*/*i-* употребляется много раз (что, учитывая малое количество известных текстов, позволяет сделать вывод о его большой употребительности): KUB IX 6 I 30 + XXXV 39 = LTU, с. 38, KUB XXXV 43, об. III 32 = LTU, с. 45, KUB XXXV 46 = LTU, с. 48, KUB XXXV 49 I 6—9 = LTU, с. 51. Во всех указанных случаях производное слово *tuliiašša*/*i-* употребляется в контексте, аналогичном тому, в котором употребляется в лувийских текстах слово *tuliia-*. Оба эти слова употребляются в конце перечисления лиц различного семейного и общественного положения, о которых идет речь в лувийских ритуальных текстах. Лучше всего сохранился следующий лувийский текст, в котором употребляется слово *tuliia-*: AMA-*ia-an ta-a-ti-ia-an* ŠEŠ-*ia-an* SAL+KU-*ia-an* ÌR-*ia-an* GEMÉ-*ia-an* ^{LÚ}*lu-u-la-ḫi-ia-an* ^{LÚ}*ḫa-pí-ri-ia-an kur-ša-aš-ša-an tu-u-li-ia-an* (KUB XXXV 45 пер. II 2—4 = LTU, с. 46) ‘мать, отца, брата, сестру, раба, рабыню, лулахийца, хапирийца (Лулахи и Хапири — названия племен, обитавших на востоке и юго-востоке Малой Азии), *kuršašša-* (? — значение неясно, слово везде упот-

[1] В категорической форме это утверждает Гютербок в своей статье: the assembly of gods in one of the Kumarbi epics is no more than a literary motif taken over from Mesopotamian nobles: *H. G. Güterbock.* Authority and Law in the Hittite Kingdom // Authority and Law in the Ancient Orient. 1954. P. 19. Но Гютербок не сопоставил данного места эпоса о Кумарби с другими рассмотренными выше текстами, где *tuliia-* имеет значение «совет богов».

ребляется вместе с *tuliia-* или *tuliiašša/i-*, возможно, в качестве определения)[1], *tuliia-*'.

Употребление лувийских слов *tuliia-* и *tuliiašša/i-* позволяет предположить, что *tuliia-* в лувийском, как и в хеттском, могло быть связано с обозначением собрания, совокупности различных лиц (ср. употребление лувийских слов *tuliia-* и *tuliiašša-* в конце перечислений и отмеченное выше употребление хеттского прилагательного *panku-* в конце перечислений). Наличие слова *tuliia-* и в древнехеттском языке, и в лувийском свидетельствует об общехетто-лувийском характере этого слова[2]. Это делает вероятным предположение о том, что хеттское *tuliia-* является древним термином, обозначающим «собрание, совет». Поскольку «народное собрание» обозначалось термином *pankuš*, хеттское *tuliia-* могло обозначать собрание другого рода, в частности совет высших должностных лиц и родственников царя, существование которого можно предполагать на основании документа Хаттусилиса I. С этой гипотезой согласуется то, что, по словам Телепинуса, *tuliia-* решает дела, связанные с убийством члена царской семьи.

Подводя итоги рассмотрению данных текста Телепинуса, нужно сделать следующие выводы: царь советуется с панкусом о наказании для представителей знатных родов, причем царь может смягчить приговор панкуса. Панкус имеет право созвать судебное собрание для наказания царя, посягнувшего на жизнь своего брата или сестры. Панкус имеет право судить высших сановников. В состав панкуса входят многочисленные должностные лица и начальники тысяч. Если сопоставить эти данные с данными более раннего документа Хаттусилиса I, то можно заметить, что состав и функции панкуса изменились. Панкус по-прежнему включает в свой состав низших должностных лиц (мешеди, «сынов дворца» и т. п.), но в него уже не входят все «воины»; в имеющемся тексте речь идет только о начальниках тысяч. Следовательно, состав панкуса значительно сузился. Изменились и функции панкуса. К нему по-прежнему царь обращается за советом по поводу наказания преступлений; но в связи с тем, что частыми стали убийства членов царского рода, панкус

[1] См.: *H. Otten.* Luv. S. 105—106. Оттен совсем не привлекает данные о хеттском *tuliia-*, что отрицательно сказывается на его анализе текстов.

[2] Предположение о заимствовании из лувийского в хеттский исключается потому, что такие заимствования имеют место начиная с 1400 г. до н. э. и позднее (см.: *Otten.* Luv. S. 91, 29), тогда как документ Телепинуса относится к значительно более раннему времени (никаких следов влияния лувийского языка в документе Телепинуса обнаружить нельзя). В свете данных лувийского языка особый интерес представляет предположение Зоммера о том, что *tuliia-* принадлежит к числу слов, имеющих индоевропейскую этимологию (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. 1947. S. 42).

получает право созывать судебное собрание (*tuliia-*) для наказания царя, посягнувшего на жизнь своего брата или сестры.

Очень важным разделом документа Телепинуса является закон о престолонаследии. То, что Телепинус (как и Хаттусилис) обращается к панкусу с распоряжением о порядке наследования власти, свидетельствует о наличии у панкуса в древности особых полномочий при назначении наследника царя. Но обращает на себя внимание то, что в законе о престолонаследии, введенном Телепинусом, ничего не говорится о роли панкуса [1]. Это тем более существенно, что обращение Хаттусилиса к панкусу и знатным сановникам было посвящено в основном именно вопросу о назначении преемника царя. Хаттусилис считал необходимым сообщить панкусу о назначении наследника царя и дать подробные обоснования перемены прежнего решения. Положение коренным образом меняется после закона о престолонаследии, введенного Телепинусом. Телепинус установил твердый порядок престолонаследия; необходимость совещания по этому поводу с панкусом в законе Телепинуса не упоминается. Это и понятно, так как по закону Телепинуса порядок престолонаследия определялся только этим законом, и воля царя и решение панкуса не могли его изменить. Таким образом, если при Хаттусилисе I вопрос о назначении наследника решался в каждом отдельном случае царем, который сообщал о своем решении панкусу (собранию воинов), то к концу древнехеттского периода был введен закон, по которому панкус отстранялся от решения вопроса о престолонаследии. Несомненно, что это следует понять как уничтожение последних следов выборности царя [2].

Документ Хаттусилиса свидетельствует о наличии у хеттов народного собрания (панкуса), совета знатных сановников и царя (верховного военачальника). Можно реконструировать более ранние демократические учреждения, развитие (а потом трансформация и вероятное отмирание) которых шло параллельно усилению центральной царской власти. Для древнехеттско-

[1] Бездоказательно утверждение Перуцци, будто панкус, созданный (?) Телепинусом, имел «il compito specifico di fare rispettare la legalità nei casi controversi per la successione al trono» («особую задачу заставлять уважать законность в спорных случаях престолонаследия»). *G. Peruzzi.* Storia e civiltà degli hittiti. Napoli, 1950. P. 47. В тексте Телепинуса нет оснований для этой гипотезы.

[2] О выборности царя в начале древнехеттского периода см.: *A. Götze.* Das Hethiter-Reich. 1928. S. 17; *A. Götze.* Kleinasien. 1933. S. 80; *A. Götze.* Hethiter, Churriter und Assyrer. Oslo, 1936. S. 60—61; *R. Dussaud.* Les religions des hittites et des hourrites, des phéniciens et des syriens // Mana. Introduction à l’histoire des religions. Les anciennes religions orientales. 2e éd. Paris, 1949. P. 350—351; *G. Peruzzi.* Storia e civiltà degli hittiti. Napoli, 1950. P. 77; *O. R. Gurney.* The Hittites. London, 1952. P. 63—64; *J. L. Myres.* Kleinasien // Historia Mundi. Bd. II. Bern, 1953. P. 467.

го общества чрезвычайно характерно превращение войн в постоянный промысел. Войны в период ранней демократии ведут к усилению власти верховного военачальника. Избрание преемников верховного военачальника из одного и того же семейства переходит постепенно в наследственную власть. Эта борьба за власть, узурпация царской власти представителями знатных родов характеризует историю хеттского общества в период, отделяющий документ Хаттусилиса I от документа Телепинуса I. Документ Телепинуса дает ценный материал для изучения последнего этапа развития хеттского общества от первичной демократии к наследственной монархии. По мере развития хеттского военно-рабовладельческого государства изменялся и характер государственного собрания — панкуса.

V. Хеттское слово *pankur* ‘род’ и его связь со словом *panku-*

Кажется возможным применить (хотя бы гипотетически) результаты лингвистического анализа разбираемых слов и родственных им терминов для уяснения деталей процесса возникновения и развития «собрания» у хеттов. Первоначально оно было инструментом, прямо связанным с социальной родовой структурой. Именно в этом направлении шло в последние 15 лет изучение вопроса о хеттском *pankuš* в исторической науке. В настоящее время наши историки, занимавшиеся этим вопросом, сходятся на том, что *pankuš* является пережитком собрания, характерного для раннего строя [1]. Эта точка зрения подтверждается рассмотренными выше данными древнехеттских текстов, прежде всего памятников Хаттусилиса I, который ранее не привлекался для изучения данного вопроса в нашей исторической литературе.

Особое значение для исследования данной проблемы имеет история хеттского слова *pankur* ‘род’, генетически связанного с *panku-*.

Хеттское слово *pankur* принадлежит к существительным среднего рода гетероклитического склонения — с чередованием *-r* в именительном падеже и *-n-* в косвенных надежах: им. пад. ед. ч. *pankur*, род. пад. ед. ч. *pankunaš*, твор. пад. ед. ч. *pankunit*. Поэтому вопрос о морфологической связи хеттского прилагательного (и субстантивированного прилагательного > существительного) *panku-* с хеттским существительным *pankur*/*n-* является частью пробле-

[1] *В. В. Струве.* История Древнего Востока. 1941. С. 250 (раздел о хеттском царстве написан М. А. Коростовцевым); *В. В. Струве.* О гуманности хеттских законов // ВДИ. 1947. № 4. С. 19—20; *Н. М. Никольский.* Реформа хеттского царя Телепина // Известия АН БССР. 1948. № 2. С. 51—57; *Д. Г. Редер.* Военная демократия в странах Древнего Востока // Московский обл. пед. ин-т. Уч. зап. Т. 14. 1950. С. 125; *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. 1952. С. 291; *В. И. Авдиев.* История Древнего Востока. 1953. С. 333.

мы соотношения в индоевропейских языках именных основ на *-u-* с гетероклитическими именными основами на *-ur/n-* [1]. В новейших сравнительно-исторических исследованиях показано, что от многих индоевропейских основ на *-u-* были образованы вторичные производные основы на *-ur/n-* [2].

Для сопоставления с хеттскими фактами чрезвычайно важно то, что из всех индоевропейских языков склонение прилагательных и существительных среднего рода, в котором чередуются *-u-* и *-ur/n-*, лучше всего сохранено в армянском [3], в котором в различных областях — в фонетике, морфологии, лексике и даже синтаксисе — обнаруживается очень много явлений, общих с хеттским языком. Соотношение армянского *barjr* ‘высокий’ (архаичная основа на *-ur/n*, см. выше, § 45) и родственного хеттского *parku-* ‘высокий’ (§ 45) полностью тождественно соотношению хет. *pankur* и *panku-* (см. выше, § 46). Но это соотношение основы на *-u-* и гетероклитического образования на *-ur/un-* в хеттском языке является исключительным, все остальные хеттские основы на *-ur/un-* — *meḫur* род. пад. *meḫunaš* ‘время’ (см. об этимологии выше, § 89), *šeḫur*, род. пад. *šeḫunaš* ‘моча’ (ср. об этимологии в § 89), *paḫḫur*, род. пад. *paḫḫuenaš* ‘огонь’ (см. выше, § 56) — не имеют соответствующих основ на *-u-* в хеттском [4]. Хеттское *paḫḫuu̯ar*, *paḫḫuenaš*, дат. *paḫḫueni* и дат. *meḫḫueni* показывают, кроме того, несколько иной тип склонения [5] (с другой огласовкой суффиксов **-er/-en-*); другой огласовкой (по сравнению с *pankur*) отличаются и отглагольные имена на *-uu̯ar* (первоначально гетероклитического типа), в хеттском изменяющие древний тип склонения и утрачивающие связь с основами на *-u-* (см. об этих отглагольных именах выше, § 6, 37, 46, 48). Изолированное положение морфологического соотношения *panku* : *pankur/n* в

[1] Впервые на это обратил внимание Э. Бенвенист (Origines. P. 37), но он не дал правильного анализа соотношения между *panku-* и *pankur*, так как значение слова *pankur* он понимал ошибочно.

[2] *E. Benveniste.* Указ. соч. P. 35—37. Несколько иное освещение эти факты получили в работах Шпехта, см.: *F. Specht.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. 1947. S. 112 (по мнению Шпехта, формы на *-u* и на *-ur/n-* сосуществовали в древности в одной парадигме).

[3] Этот факт отмечен в качестве одной из армяно-хеттских изоглосс впервые проф. Г. А. Капанцяном (Chetto-armeniaca. Эривань, 1931—1933. С. 26—27), который, к сожалению, не связал установленную им особенность армянского и хеттского языков с фактами других индоевропейских языков, это было позднее сделано Бенвенистом: *E. Benveniste.* Origines. P. 36—37, которому работа Г. А. Капанцяна осталась неизвестной.

[4] Отмечено уже Бенвенистом: *Benveniste.* Origines. P. 37.

[5] Босcерт (*H. Bossert.* Beispielsammlung zur Hethitischen Formenlehre. I. Istanbul, 1935. P. 47—49), относит *pankur* и *šeḫur* к склонению на *-ur/-un-*, а *paḫḫu*(*u̯a*)*r* и *meḫḫur* к склонению на *-ur/-un-* /*-uu̯ar/-u̯en-*.

хеттском при наличии параллелей в других индоевропейских языках, в особенности в армянском, показывает, что образование имени *pankur* следует отнести к дописьменному периоду развития хеттского языка (по-видимому, еще к III тыс. до н. э.). Поэтому семантика этого архаичного существительного представляет большой интерес для исследования древних значений именной основы *panku-*, от которой задолго до появления первых письменных памятников хеттского языка было образовано слово *pankur*.

При изучении употребления хеттского слова *pankur* ‘род’ обращает на себя внимание то, что это слово почти всегда применяется к людям (к совокупности людей). Лишь в двух случаях слово *pankur* засвидетельствовано в сочетании с названиями домашних животных (в значении «приплод, помет, совокупность всего приплода»): *ŠA* SAḪ *pankunit* ‘пометом [1] свиньи’ KUB VII 55 пер. 6; *ŠA* MÁŠ *pa-an-kur* ‘приплод козла’ KUB XXIV 14 I 15. В тех же случаях, когда *pankur* применяется к людям, это слово всегда употребляется в связи с обозначением кровного родства: *apel* ŠUM-*an* (=*laman*) NUMUN-*an pankur-šet* ‘его (этого человека) имя, потомство (буквально: семя), его род’ KUB XXIII 76 17; *nan-kan... QA-DU* D[AM-*ŠU* DUMU^{MEŠ}-*ŠU*] *pankur-šet ištarna arḫa ḫarninkandu* ‘и его... вместе с женой его, его детьми, его род они должны (полностью *ištarna arḫa*) уничтожить’, воинская присяга, KBo VI 34 III 30.

Наряду с термином *pankur* ‘род’ в сходном значении употреблялось (более часто встречающееся) слово *ḫaššatar* (и *ḫanšatar*, являющееся, по-видимому, вариантом *ḫaššatar*), которое образовано от глагола *ḫaš-* ‘родить, зачать’ посредством продуктивного суффикса *-atar*. Морфологический тип, к которому принадлежит хет. *ḫaššatar*, не позволяет считать это слово таким же древним, как слово *pankur*. Но различие между этими двумя словами состояло не только в том, что они принадлежали к различным хронологическим пластам хеттской лексики. Слово *ḫaššatar* в качестве социального термина имело основное значение «семья» (соответствует аккадскому *KIMTU*) [2], употребление этого слова в некоторых текстах в значении «род» объясняется частыми семантическими изменениями такого типа, наблюдающимися в различных языках [3]. Для исследования соотношения терминов *pankur* ‘род’ и

[1] Толкование Гётце: *A. Götze.* Über die hethitische Königsfamilie // AOr. Vol. 2. S. 161, примеч. 1. Возражения Зоммера (*Sommer.* HAB. S. 76, примеч. 3) можно принять только в том смысле, что перевод «помет = приплод» годится не для всех случаев.

[2] См. о *ḫaššatar*: *A. Götze.* Über die hethitische Königsfamilie // AOr. Vol. 2. № 1. S. 161; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 62.

[3] См. *М. Э. Матье.* Из истории семьи и рода в древнем Египте // ВДИ. 1954. № 3. С. 52, ср. замечание на с. 54: «с течением времени первоначальное значение подобных терминов могло уже не всегда ощущаться, и слова “родовой” и “семейный”, “род” и “семья” могли порой употребляться в переменном значении».

ḫaššatar ‘семья’ показателен следующий текст, в котором встречаются оба эти термина: *ŠA* É-*ŠU ŠA* ŠEŠ-*ŠU* SAL+KU-*ŠU ḫaššanašši pankunašši* ^{LÚ}*kaenanti* ^{LÚ}*arešši* (KUB XIII 20 I 33) ‘(Этого никто не должен делать) [тому, кто принадлежит] его (собственному) дому, его брату и его сестре [1], (члену) его семьи, (члену) его рода, его свойственнику, его другу (сотоварищу)’. Здесь рядом употреблено *ḫaššanaš-ši* ‘ему (т. е. члену) семьи’ и *pankunaš-ši* ‘ему (т. е. члену) рода (*pankur*)’. Данный текст не позволяет сомневаться в том, что *pankur* обозначает социальную единицу большую, чем *ḫaššatar* ‘семья’, но включающую кровных родственников, — в отличие от *kaena-*(*nt-*), обозначающего свойство. Сочетание данных терминов в приведенном тексте можно сопоставить с аналогичным сочетанием аккадских терминов *kim-ti-ia ni-su-ti-ia* в сходном контексте (King Magic № 11, 22), которое Эбелинг [2] переводит «моей семьи, моего рода» (ср. выше о семантическом тождестве хеттского *ḫaššatar* и аккадского *kimtu*).

Употребление архаичного слова *pankur* ‘род’ в качестве социального термина нельзя не сопоставить с употреблением в качестве социального термина связанного с ним имени существительного *panku-* ‘народное собрание’ (из субстантивированного прилагательного). Можно предположить, что *panku-* еще задолго до создания первых письменных памятников часто употреблялось в значении «совокупный, соединенный (о социальной единице — роде или племени)». Этим можно было бы объяснить, с одной стороны, образование от него существительного *pankur* ‘род’, с другой стороны, субстантивированное употребление слова *panku-* в значении «родовое или племенное собрание», позднее «народное собрание». Высказанная гипотеза подтверждается данными древнейших хеттских текстов, показывающих, что связь значений *pankur* ‘род’ и *pankuš* ‘народное собрание (собрание воинов)’ ощущалась еще в эпоху Хаттусилиса I.

Документ Хаттусилиса I, как отмечалось выше, является обращением царя к панкусу — собранию воинов — и сановникам. В этом тексте имеется место, где царь обращается к своим слушателям (во 2-м лице мн. ч.) с просьбой беречь в военных походах будущего царя — Мурсилиса: [*ták-k*]*u la-aḫ-ḫa-ma pí-e-ḫu-te-it-te-n*[*i na-an* SIG_5-*in*] EGIR-*pa ú-ua-te-tin* ‘[есл]и же в поход (его) поведете, то его благополучно назад приведите’ (HAB II 45). Это воззвание к войску обращено, несомненно, к панкусу — ERÍN^{MEŠ} *nagbati* (совокупности воинов). Царь продолжает свое обращение к панкусу следующим образом:

[1] Родительные падежи для большей ясности русского перевода переданы дательными: буквально его брата (и) его сестры = тому, кто относится (принадлежит) к его братьям и сестрам. О синтаксических связях в данном предложении см.: *Sommer.* HAB. S 76, примеч. 2.

[2] *E. Ebeling.* Die akkadische Gebetsserie Handerhebung. Berlin, 1953. P. 75.

šu-me-en-za-na ú-e-it-na-aš ma-a-an pa-an-ku-ur-še-me-it I^{EN} *e-eš-du* [*ku-u-ru-ur ? n*]*u-ụa-an e-eš-du ši-i-e-el* $ÌR^{MEŠ}$*-ŠU I-NA* I AMA *ḫa-aš-ša-an-te-eš* (HAB II 46—47) ‘Ваш род (*pankur*) да будет единым как волчий (род, волчья стая) [1]; да не будет (в нем) вражды (?); его (будущего царя — Мурсилиса) подданные от одной матери рождены’.

Трудно переоценить значение приведенного текста для изучаемой проблемы. Царь, обращаясь к *pankuš*’у, называет *pankuš* — совокупность своих подданных — «родом» (*pankur*). Эта мысль развивается в следующем предложении: все подданные царя (все входящие в *pankuš*) рождены (*ḫaššanteš* — тот же корень, что и в *ḫaššatar* ‘семья, род’) от одной матери и поэтому входят в один род — *pankur*. Этот текст является безусловным доказательством того, что *pankur* ‘род’ и *panku-* ‘собрание (рода, племени, народа, войска)’ первоначально были очень близки по значению. Аналогичная формулировка содержится и во фрагменте 2 BoTU 10*β*, являющемся, скорее всего, частью того же документа Хаттусилиса (см. выше). Хаттусилис, обращаясь к своим подданным (к панкусу), говорит в этом фрагменте: *šu-mi-in-za-na* $ÌR^{MEŠ}$*-am-ma-an* UR.BAR.RA-*aš ma-a-an pa-an-gu*[*r še-me-it*] I^{EN} *e-eš-tu* ‘и вас (родит. пад. мн. ч.), моих подданных, род да будет единым как волчий (род, волчья стая)’ (2 BoTU 10*β* 15—16). Повторение этой формулы указывает на то, что она принадлежит к числу стереотипных фраз, которые воспроизводятся по готовому образцу. Благодаря архаичности древнехеттского общества формулировки, восходящие к глубокой древности, долгое время могли сохраняться; это относится и к приведенному обращению хеттского царя, в котором чувствуется язык военачальника, обращающегося к древнему собранию.

Для изучения начального этапа медленного процесса развития хеттского государственного собрания из органа родового строя история не располагает письменными источниками. Именно поэтому особое значение приобретают данные лингвистические, которые помогают восстановить отношения до-

[1] Зоммер (HAB. S. 75) считает это чисто пластическим сравнением. Употребление *pankur* в значении ‘(волчий) род’, ‘стая’ не должно удивлять, если учесть указанные выше случаи, когда это слово употребляется в сочетании с названиями домашних животных. Сравнения с животными очень часты в хеттских текстах: в том же документе Хаттусилиса Мурсилис назван львом, мать отстраненного наследника — змеей. В хеттском ритуале, недавно переведенном Шварцем (Orientalia. Vol. 16. 1947. № 1. P. 32), о царе говорится, что у него глаза орла и зубы льва. Но все же можно сомневаться в том, что в данном случае имеется только сравнение. Мысль о том, что здесь могут сохраняться следы называния рода именем животного была бы недостаточно обоснованной, но возможна связь этого текста с ритуальными текстами, где упоминаются «волчьи люди» $^{LÚ.MEŠ}$UR.BAR.RA; KUB VII 19 пер. 5; ср. UR.BAR.RA-*ili* ‘(говорит) как волк, по-волчьи’ — о ритуальных действиях, KUB X 31 II 12, ср. выше, § 88.

письменного периода, в частности, особенно важны рассмотренные выше факты, говорящие о древней связи хеттского *panku*- и *pankur* [1]. Связь терминов *pankur* и *panku*- обнаруживается не только при изучении документа Хаттусилиса I, но и при исследовании некоторых других памятников хеттского языка, в частности текстов оракулов. Этот вопрос необходимо рассмотреть в связи с употреблением хеттского *panku*- в других хеттских текстах религиозного содержания.

VI. Употребление существительного *panku*- в хеттских текстах религиозного содержания

В хеттском языке *panku*- выступает в качестве существительного в текстах двух жанров: религиозных и политических. Религиозные памятники позволяют сопоставить употребление *panku*- в качестве прилагательного с его употреблением в качестве существительного в сходном контексте, а именно: в сочетании с существительным, обозначавшимся идеограммой EME ʻязык’ (хеттским чтением этой идеограммы было *lala*-) [2]. Это слово чрезвычайно

[1] Ни один из ученых, писавших о соотношении этих слов, не учел того, что *panku*- и *pankur* являются терминами, связанными с жизнью общества. Связь между *pankur* и *panku*- была предположена Гётце (Über die hethitische Königsfamilie // AOr. Vol. 2. № 1. S. 161), но он не привел веских доказательств в пользу этого правильного предположения. Зоммер, который в силу своих социологических теорий не смог правильно истолковать данные текста Хаттусилиса, в своем издании этого памятника резко возражал против гипотезы Гётце (*Sommer.* HAB. P. 76, примеч. 3). Зоммер предположил для *pankur* исходное значение части тела, связанной с размножением (Там же. S. 76, 241); это не находит ни малейшего подтверждения в рассмотренных выше показаниях памятников и служит еще одним свидетельством того, как исторические взгляды Зоммера отрицательно сказываются на его лингвистических построениях. Очевидно, под влиянием Зоммера, Стертевант очень неуверенно говорит о возможности связи между *pankur* и *panku*- (*Sturtevant.* Comp. Gr.^{2} P. 70. § 90). Бенвенист, признававший эту этимологию, тем не менее не дал правильного семантического анализа связей между этими словами, так как он не только не осветил социальной значимости этих терминов, но и не учитывал значения «совокупность» у *panku*- и приписывал *pankur* несуществующее значение «масса» (*Benveniste.* Origines. P. 37).

[2] Это предположение, высказанное еще Зоммером (HAB. S. 138), получило подтверждение в дополнительных материалах, опубликованных в последние годы Оттеном (*Otten.* Luv. S. 77, примеч. 83; Bibliotheca Orientalis. Jg. 8. № 6. P. 225, примеч. 9) и Ларошем (*E. Laroche.* RA. 1954. Vol. 18. № 1. P. 46), ср. также: *Kammenhuber.* OLZ. 1954. S. 231; *Г. А. Капанцян.* Палайский язык // AOr. 1954. Vol. 22. № 4. S. 510). Наличие в хетто-лувийских языках особого названия языка, не сопоставляемого с общеиндоевропейским, не противоречит высказанному выше (§ 86) положению о том, что в хеттском языке хорошо сохранился ряд индоевропейских названий частей тела,

часто употребляется в ритуальных текстах, так как в хеттских ритуалах заклятия против «дурного языка» (злоречия) играли очень важную роль. В описаниях обрядов нередко встречаются упоминания о «колдовских (волшебных) языках» (EME$^{Ḫ\text{I.A}}$ *alu̯anzinaš* KUB XXIV 12 III 12—13; II 6), которые изготовлялись из глины (EME IM ʻглиняный языкʼ, Tun. I 44) или железа или гравировались на серебре и затем использовались в качестве символических изображений во время религиозных церемоний. В соответствующих ритуальных текстах идеограмма EME ʻязыкʼ (и хеттское *lala* с тем же значением) очень часто сочетается с прилагательным *panku-* и с существительным *panku-*. Ввиду того, что употребление *panku-* в качестве прилагательного должно было предшествовать субстантивации этого прилагательного, целесообразно начать рассмотрение этих сочетаний в тех случаях, где *panku-* — прилагательное.

Прилагательное *panku-* в форме род. пад. ед. ч. *pangau̯aš* в ряде случаев употребляется в качестве определения к существительному (в форме род. пад. ед. ч.), сочетающемуся с EME и показывающему, о чьем языке (т. е. о чьем злоречии) говорится в данном ритуале. В двух случаях имеется в виду злоречие (дурной язык, дурное мнение) всего рода (семьи) или же всех родов (семей), соответственно *panku-* употребляется в сочетаниях *pangau̯aš ḫanšannaš* EME-*an* ʻязык целого (совокупного) рода (семьи)ʼ (KUB 4 IV 9 + HT 6 пер.17), *pangau̯aš* MÁŠ$^{Ḫ\text{I.A}}$ EME-*an* ʻязык целого (совокупного) родаʼ (или ʻсовокупных родовʼ, так как идеограмма MÁŠ ʻродʼ употреблена здесь с показателем множественности ḪI.A), KUB IX 4 IV 13. Эти случаи представляют особый интерес потому, что анализ терминов *pankur* и *panku-* позволяет считать употребление прилагательного *panku-* в качестве определения «рода» весьма архаичным (см. выше).

В другом случае речь идет о «языке» еще более обширной совокупности людей: DUMU.LÚ.U$_{19}$.LU *pangau̯aš* EME ʻязык всего (совокупного) человечестваʼ (KUB XII 58 = Tun. 38). Последний пример оказывается особенно поучительным, потому что наряду с цитированным выражением, где *panku-* является прилагательным, в том же ритуале Туннави в сходном контексте

так как именно в отношении названия языка наблюдаются существенные расхождения между отдельными индоевропейскими языками, в том числе такими близкородственными языками, как индоиранские (см. об этом *E. Benveniste.* Notes avestiques // Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Leipzig, 1954. P. 30; ср. также опубликованную одновременно с работой Бенвениста статью *V. Pisani.* Griech. *γλῶσσα* // IF. Bd. 61. H. 3/4. 1954. P. 141—146). Следует отметить то, что неиндоевропейские названия частей тела в хеттском языке в тех случаях, когда они не образованы от глаголов (*ištamana* ʻухоʼ : *ištamaš-* ʻслышатьʼ, § 86), характеризуются редупликацией, ср. *lala-* ʻязыкʼ и *titita-* ʻ*нос*ʼ (на особый характер последнего слова указывает отсутствие палатализации переднеязычного смычного перед *i*).

panku- употребляется в качестве существительного. Рассмотрим подробнее этот случай.

Рассматриваемый религиозный текст посвящен ритуальному очищению человека, который был до этого осквернен, сделан ритуально нечистым. Важнейшие с точки зрения хеттской религии понятия перечисляются при этом в такой последовательности: кто-то сделал его нечистым перед судом богов (*PA-NI* DINGIR^{MEŠ} *ku-iš-ki pa-ap-ra-aḫ-ta* ʻперед богами кто-то сделал нечистымʼ, Tun. II § 18, 31—32), перед судом мертвых (*ag-ga-an-da-aš ku-iš-ki pí-ra-an pa-ap-ra-aḫ-ta* ʻперед мертвыми кто-то сделал нечистымʼ, Tun. II 32—33), перед судом человечества (*PA-NI* DUMU.LÚ.U$_{19}$.LU *ku-iš-ki pa-ap-ra-aḫ-ta* ʻперед человечеством кто-то сделал нечистымʼ, II 33). Затем тот, ради кого совершается ритуал, освобождается от «дурной нечистоты, колдовства (и) виновности» (*i-da-lu pa-ap-ra-tar al-u̯a-an-za-tar a-aš-ta-i̯a-ra-tar*, Tun. II § 19, 36). После этого вновь перечисляются (в той же последовательности) боги, мертвые (души мертвых) и человечество. Оскверненный освобождается от последствий того, что он был сделан перед ними нечистым: от «гнева бога» (*ŠA* DINGIR-*LÌ kar-pí-in* II 37 § 19), «страха мертвых» (*ag-ga-an-ta-aš... ḫa-tu-ga-tar* II 37 § 19) и, наконец, от «дурного языка всего (соединенного, совокупного — *pangau̯aš*) человечества»: *ŠA* DUMU.LÚ.U$_{19}$.LU-*ma-aš-ši-kán pa-an-ga-u-u̯a-aš i-da-lu-un* EME-*an da-aš-ki-mi* ʻи его (ее) я избавляю от дурного языка (злоречия) всего человечестваʼ (Tun. II 38—39).

Далее в том же ритуале вновь говорится об освобождении от дурной нечистоты (оскверненности), колдовства и виновности и об избавлении от гнева богов, страха мертвых и дурного отношения человечества: *na-at ar-ḫa tar-*[*n*]*a i-da-lu pa-ap-ra-tar al-u̯a-za-a-a-tar a-aš-ta-i̯a-ra-tar* DINGIR^{MEŠ}*-aš kar-pí-in ag-ga-an-ta-aš ḫa-tu-ga-tar* DUMU-*la-an-na-aš ḫu-i-pa-i̯a-ta-an na-at ar-ḫa tar-na* ʻи устрани это! Дурную оскверненность, колдовство, виновность, гнев богов, страх мертвых, злое отношение человечества [1] — устрани это!ʼ (Tun. II § 22, 57—60). Наконец, «дурная нечистота, колдовство и виновность» (*idalu papratar alu̯azatar aštai̯atar*, Tun. § 31 III 39—40) перечисляются еще раз, причем за этим перечислением вновь следует «гнев богов» (DINGIR^{MEŠ}*-aš kar-pí-in*). Но за этим перечислением, повторяющимся в одинаковом контексте третий раз, следует EME ʻязыкʼ в сочетании не с *pangau̯aš* DUMU.LÚ.U$_{19}$.LU ʻвсего человечестваʼ (в значении «язык всего человечества»), как до этого, а в

[1] Полное тождество этого текста (Tun. II 57—60) предыдущему аналогичному тексту (Tun. II 36—39) не позволяет сомневаться в том, что *ḫuipai̯att-* синонимично *idalu* EME ʻзлой языкʼ. Поэтому можно с большей определенностью говорить о значении этого слова, чем это делалось до сих пор (ср. неуверенный перевод в последнем словаре хеттского языка *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1952. S. 71).

сочетании с родительным падежом единственного числа существительного *panku-*: *pa-an-ga-u-ua-aš* EME-*an* (Tun. III § 31, 42) [1].

Сходство всего окружения, в котором в двух параллельных местах ритуала Туннави употребляется *pangauaš* DUMU.LÚ.U_{19}.LU EME и *pangauaš* EME, не позволяет сомневаться в том, что значения этих двух выражений очень близки. По-видимому, существительное *panku-* в этом контексте выступает в значении «целая очень обширная совокупность людей»; соответственно *pangauaš* EME означает «язык целой обширной совокупности людей». Правильность такого перевода подтверждается и тем, что в одном ритуальном тексте говорится о волшебном изображении «языка всех» (*ḫu-u-ma-an-da-aš* EME-*an*, KUB XXIV 12 II 6); здесь *ḫumanteš* ʻвсеʼ выступает в качестве синонима существительного *pankuš* ʻобширнейшая совокупность людей, включающая всехʼ (ср. выше о синонимичности *ḫumant-* и *panku-* в конце перечислений и в применении к населению целой страны).

Необходимо обратить внимание на то, что в выражении *pangauaš* EME (которое очень часто употребляется в ритуальных текстах) [2] *panku-* означает совокупность людей, мнение которой имеет очень большое значение: (злая) «речь этой совокупности людей» (*pangauaš* EME) в ряде текстов в перечислениях занимает второе место — вслед за гневом богов (DINGIR^{MEŠ}-*aš kar-pí-in*), см. KUB IX 4 II 8, KUB IX 34 IV 8, ср. также и рассмотренный выше текст, Tun. III § 31. В этом отношении употребление *panku-* в религиозных текстах сближается с употреблением *panku-* в качестве названия собрания, мнение которого определяет судьбу человека.

Зоммер считал, что в религиозных текстах речь идет о панкусе, т. е. о *panku-* в значении социального термина [3]. Эту гипотезу в той форме, в которой ее изложил Зоммер, принять нельзя. Зоммер полагал, что выражение

[1] Одним из недостатков рассуждений Зоммера о выражении *pangauaš* EME (HAB. S. 138) является то, что он не учитывал контекста (в широком понимании). Поэтому Зоммер не заметил, что место этого выражения в перечислениях определяется иерархией религиозных понятий, что доказывается рассмотренным выше текстом.

[2] К случаям употребления этого выражения, указанным Зоммером (*Sommer.* HAB. S. 138), в настоящее время следует прибавить следующие места текстов, опубликованных в 1953 г.: KUB XXXV 80 I 10 и 13; KUB XXXV 146 III 3 (в тексте KUB XXXV 80 I 10 засвидетельствована партитивная аппозиция: *pa-an-ga-u-ua-az* EME-*az* ʻот языка *panku-*ʼ, ср. аналогичную конструкцию во фрагменте Bo 3290, напечатанном в книге *Otten.* Luv. S. 77, примеч. 83).

[3] *Sommer.* HAB. S. 138, 136. Эта точка зрения не подвергалась обсуждению в научной литературе. В работах лингвистов в этом вопросе господствует полная неясность. Так, в последней книге Оттена (*Otten.* Luv.) *panku-* в ритуальных текстах в сочетании с EME переводится то в соответствии с концепцией Зоммера (S. 77, примеч. 33), то просто как «толпа, множество» (людей) (S. 93).

pangaua̯š EME означает «язык (речь) одного члена панкуса, осквернившего весь панкус» и навлекшего на панкус несчастья (гнев богов). Но анализ контекста, в котором употребляется это выражение, показывает ошибочность такой интерпретации; в действительности *pangaua̯š* EME означает «язык» (речь) целой совокупности людей, очень обширной (ср. параллельное «язык всего человечества», см. выше). Зоммер думал, что один человек навлекает кару (гнев богов) на весь *panku-* (панкус); но анализированный выше текст ритуала Туннави показывает, что, наоборот, человек становится ритуально нечистым «перед божеством и перед всем человечеством» и поэтому боится гнева богов и злой речи *panku-*. Таким образом, сочетание *pangaua̯š* EME следует истолковывать совсем не так, как предлагает Зоммер. Однако мысль о том, что *panku-* в этом выражении может быть связано с *panku-* ʻпанкус, народное собраниеʼ, заслуживает внимания.

При ритуальном очищении (см. выше) человека освобождают от гнева богов, перед которыми он стал нечистым, и от дурного языка всего человечества, перед которым он стал нечистым; позднее речь идет об освобождении от гнева богов и от дурной (злой) речи *panku-* — обширной совокупности людей. Если сопоставить это с предписанием Хаттусилиса I о необходимости советоваться с панкусом по поводу провинностей перед божеством, то очень частая в ритуальных текстах связь «гнева богов» с дурной речью панкуса (т. е. с речью панкуса, направленной против того, кто провинился перед божеством) становится вполне понятной. Согласно воззрениям хеттов, «совершивший преступление считался ритуально нечистым» [1]; поэтому упоминание панкуса — юридической инстанции — в религиозном тексте, описывающем ритуал очищения, является закономерным. Существенно также и то, что (злая) речь *panku-* представляла опасность не только для отдельного человека, но и для целого селения (URU), как это следует из ритуалов, где селение (или город) освобождается от злой речи *panku-*: *ma-a-an* URU-*an iš-ḫa-an-aš li-in-ki-i̯a-aš pa-an-ga-u-u̯a-aš la-la-aš a-ni-i̯a-mi* ʻкогда я совершаю (обряд для очищения) города (селения) от крови (кровавого дела, см. о значении *ešḫar* в § 55), клятвопреступления, (злого) языка *panku-*ʻ, KUB XXX 35 I 1, ср. также аналогичный текст Bo 3290 [2]. В этом ритуале город (селение) освобождается от преступлений и от (злой) речи *panku-*, вызванной этими преступлениями. Поэтому можно думать, что *panku-* в данном случае выступает в качестве названия юридической инстанции, от решения которой зависела судьба селения. Наиболее веским доводом, говорящим в пользу такой интерпретации выражения *pangaua̯š* EME ʻязык *panku*ʼ, является употребление параллельного сочетания *pangaua̯š* IGI$^{ḪI.A}$ ʻглаза обширной совокупности людей (= панкуса)ʼ.

[1] *И. М. Дьяконов.* ЗХЦ. С. 101, примеч. 2.

[2] Фрагмент, напечатанный в книге *Otten.* Luv. S. 77, примеч. 77.

«Глаза» (IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$) употребляются в ритуальных текстах в значении, очень близком к EME ʻязык’, как об этом свидетельствует следующее место: *i-da-lu-uš-ya-aš-ša-an an-tu-u-ya-aḫ-za i-da-lu-uš* EME-*aš i-da-a-la-ya* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$-*ya* ʻдурной (злой) человек, дурные (злые) языки, дурные (злые) глаза’ (KUB XII 44 III 6—8). Здесь объединяется зло, связанное с дурной речью, и зло, идущее от сглаза, дурного глаза. Поэтому значение сочетания *pangaya̯aš* EME должно быть близко к значению сочетания *pangaya̯aš* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$. Значение сочетания *pangaya̯aš* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$ выясняется из следующего ритуального текста: *ar-ḫa-ma-at-ši-kán da-aḫ-ḫu-un* SAL.ŠU.GI *na-at-ši-kan ar-ḫa an-šu-un* KUR-*e-an-da-aš tar-ku-ya-an-da* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$-*ya* LUGAL SAL.LUGAL URU-*aš* É *ad-da-aš an-na-aš* LÚ^{MEŠ} *RA-BU-TIM* ^{LÚ}*ḪA-AZ-ZI-I̯A-AN-NI* ^{LÚ}*ma-ni-i̯a-aḫ-ḫi-i̯a-aš* EN-*aš* $^{\text{LÚ.MEŠ}}$DUMU.É.GAL *tar-ku-ya-an-da* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$-*ya da-aḫ-ḫu-un pan-ga-u-ya-aš ma-ni-in-ku-ya-an-da tar-ku-ya-an-da* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$ *ŠA* É-*TI* SAG.GÉME.ÌR^{MEŠ} *tar-ku-ya-an-da* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$-*ya da-aḫ-ḫu-un* ʻя избавила его от этого (буквально «я взяла это прочь от него»). Я, старая женщина (действующее лицо многих хеттских ритуальных текстов), стерла это с него: страны гневный [1] взгляд, царя (и) царицы, города, родительского дома, знатных (людей), главного в городе [2], правителя страны, господина, «сынов дворца» гневный взгляд, панкуса пристальный гневный взгляд, служителей дома гневный взгляд я взяла (убрала)’ (KUB XXIV 13 III 18—23 = HT 94). Из контекста следует, что в сочетании *pangaya̯aš* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$ *panku-* следует понимать как общественный термин; это подсказывает перечисление рядом с «глазами панкуса» «глаз» (IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$), т. е. «взглядов» различных должностных лиц, царя и царицы и т. д. В особенности показательно то, что «взгляду панкуса» предшествует «взгляд сынов дворца», которые, как показывает документ Телепинуса и фрагмент 2 BoTU 10 *β*, входили в состав панкуса. Существенно также и то, что перечисление начинается со «взгляда страны» (ср. выражение *pankuš* ^{URU}*Ḫatti* ʻпанкус страны Хатти = вся (совокупная) страна Хатти’).Судя по этому тексту, *panku-* в ритуальных текстах могло иметь значение «панкус, собрание».

Наряду с сочетаниями *pangaya̯aš* IGI$^{Ḫ\text{I.A}}$ и *pangaya̯aš* EME в хеттских сакральных текстах засвидетельствовано выражение *pangaya̯aš* TI-*tar* ʻжизнь целой совокупности людей’ [3].

---

[1] Перевод *tarkuya̯anda* ʻгневный’ обоснован Гётце: *A. Goetze.* Hittite *tarkuwa*(*i*)- // Language. Vol. 15. 1939. № 2. P. 118—119.

[2] А. Гётце (The Hittite Ritual of Tunnawi) переводит ^{LÚ}*ḪA-AZ-ZI-I̯A-AN-NI* ʻмэр’ (the mayor), но этот перевод является крайней модернизацией хеттского общественного устройства.

[3] В тексте KUB XXXV 146 II 3 употребляется также выражение того же типа *pangaya̯aš ḫuššil*, но о значении этого выражения судить нельзя, так как неизвестно значение слова *ḫuššil* в данном тексте, см.: *Werner.* OLZ. 1954. № 7/8. S. 297; о значении

Ввиду того, что выражение *pangauas* TI-*tar* ‘жизнь *panku-*’ часто встречается в текстах предсказаний [1], представляется целесообразным сопоставить с употреблением *panku-* в этом выражении другие случаи употребления существительного *panku-* в текстах, где описываются предсказания. Существительное *panku-* очень часто встречается в хеттских текстах, описывающих предсказания оракула «действия» (KIN). Предсказания этого оракула давались после бросания жребия [2]. В соответствующих ритуальных церемониях большую роль играл *panku-*. При описании предсказания оракула KIN сообщается, что *panku-* дал невыгодное (для спрашивающего) решение *pa-an-ku-uš-za* KAP-*la-tar* ḪUL-*lu-ia* ME-*aš* (KBo II 6 III 25) ‘*panku-* дал неблагоприятное решение (буквально: «неблагоприятность») и зло’ [3]. Эта формулировка напоминает о юридических функциях панкуса и о выражениях «(злой) язык *panku-*» и «гневный взгляд *panku-*» в рассмотренных выше ритуальных текстах. Употребление существительного *pankuš* аналогично употреблению слова LUGAL-*uš* ‘царь’ в том же тексте оракула KIN (KBo II 6 I 22): LUGAL-*uš-za* ZAG-*tar*... ME-*aš* ‘царь дал благоприятное решение’ (ZAG-*tar* ‘благоприятность’ — противоположность KAP-*la-tar* ‘неблагоприятность’ в текстах, относящихся к оракулам [4]). Из сопоставления двух приведенных мест следует, что

слова *ḫuššil* ср.: *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 67—68; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 74; в пользу предположения о заимствованном характере этого слова говорят его фонетические особенности, ср. чередования *ḫuššili — ḫuššuli-* (*Otten.* Bibliotheca Orientalis. Jg. 8. S. 227, примеч. 20), ср. *Telepinu-*/*Telepunu-* и т. п.

[1] См. об этом: *A. Goetze.* JCS. 1947. Vol. 1. № 1. P. 87; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. S. 96. Гётце переводит это выражение «life of the pankus», Фридрих — «Leben der Gemeinschaft».

[2] Толкование Гётце (*A. Götze.* Kleinasien. 1933. S. 141), принятое *G. Furlani.* La religione degli hittiti. Bologna, 1936. P. 136; ср. также *J. Friedrich.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 75; оригинальную интерпретацию оракула KIN (основанную в целом на описании Гётце) дает *M. Riemschneider.* Augengott und heilige Hochzeil // Fragen zur vorgeschiehtlichen Religion. I. Leipzig, 1953. S. 199, 162 примеч. 1.

[3] В первые годы исследования хеттского языка Зоммер ошибочно принял в этом предложении (и другом, ему аналогичном) форму им. пад. *pankuš* за форму род. пад. (*F. Sommer.* Hethitisches. II. S. 17—17, примеч. 1). Такая ошибка была простительна в 1922 г., но вызывает удивление то, что Стертевант в 1951 г., со ссылкой на эту работу Зоммера тридцатилетней давности, говорил о редкой форме род. пад. на *-uš* и пробовал даже дать ей сравнительно-историческое объяснение (*Sturtevant.* Comp. Gr.[2] P. 86). Эта серьезная ошибка главы американской школы хеттологов свидетельствует о необходимости тщательной филологической проверки данных по хеттскому языку, которые приводятся в сравнительно-исторических работах.

[4] Установлено Грозным: *F. Hrozny.* Hethitische Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig, l919. S. 35, примеч. 7.

panku- в этом тексте употребляется в значении инстанции, решение которой может быть соотнесено с решением царя. Но нельзя думать, что в текстах оракула KIN речь идет о юридических инстанциях в буквальном смысле слова. Как уже указывалось в научной литературе, *panku-* и царь в текстах оракула KIN выступают во время бросания жребия [1]. Из различных хеттских источников известно, что царь лично принимал участие в самых разнообразных религиозных церемониях, празднествах, гаданиях [2]. Поэтому надо думать, что и в гаданиях оракула KIN отражены эти религиозные функции царя. Поскольку *pankuš* наряду с царем участвует в гаданиях этого оракула, в текстах оракула KIN можно видеть отражение особых религиозных функций древнего собрания.

В текстах оракула KIN существительное *pankuš* обычно сочетается с глаголом ME-*aš* ‘дал’; часто в этих текстах параллельно употребляются существительные *pankuš* и LUGAL-*uš*. Исключительный интерес представляет то, что в тексте оракула KIN (KUB VI 3 13 17) в аналогичном сочетании с LUGAL-*aš* ‘царь’ и ME-*aš* ‘дал’ употреблено существительное *pankur* ‘род’ [3] (см. выше о связи этого слова с *panku-*). Чередование существительных *pankur* и *pankuš* в параллельных текстах оракула KIN показывает, что значение *pankuš* в этих текстах было близко к значению *pankur* ‘род’. Поэтому можно предположить, что в текстах оракула KIN отражены древние религиозные функции собрания (*pankuš*) рода (*pankur*). В указанном тексте оракула KIN слово *pankur* ‘род’ употребляется вместе со словом TI-*tar* ‘жизнь’ (KUB VI 3 13 17), что можно сопоставить с выражением *pangauaš* TI-*tar* ‘жизнь *panku-*’, часто употребляющимся в текстах предсказаний (см. выше). Это сопоставление показывает, что *pangauaš* TI-*tar* могло иметь значение «жизнь всего рода, племени, всего данного общества».

Полный параллелизм выражений *pangauaš* EME ‘язык *panku-*’, *pangauaš* IGI$^{HI.A}$ ‘глаза (взгляд) *panku-*’, *pangauaš* TI-*tar* ‘жизнь *panku-*’, равно как и употребление этих словосочетаний в текстах близких жанров, делают вероятным

---

[1] *A. Götze.* Kleinasien. S. 141; *G. Furlani.* La religione degli hittiti. P. 136. И Гётце, и Фурлани считают, что речь идет о панкусе — собрании («l’assemblea» — «собрание» у Фурлани), ср. также *M. Riemschneider.* Указ. соч. S. 199.

[2] *G. Furlani.* La religione degli hittiti. P. 114; *И. М. Дьяконов.* ЗХД. С. 291—292. О религиозных функциях хеттского царя ср. также *R. Dussaud.* Les religions des hittites et des hourrites, des pheniciens et des syriens // Mana. Introduction à l’histoire des religions. Les anciens religions. 2ème éd. Paris, 1949. P. 350—351.

[3] Параллелизм в употреблении слов *pankur* и *panku-* в текстах оракула KIN ранее но отмечался в научной литературе; на употребление слова *pankur* в данном тексте обратил внимание Фридрих в одной из своих ранних работ (ZA NF. 1924. Bd. 3. H. 3. S. 184), но эта его статья была написана задолго до того, как была установлена связь между словами *pankur* и *panku-*.

тождество значений *panku-* во всех этих сочетаниях. Выражение *pangaụaš ḫanšannaš* EME ʻязык целого родаʼ показывает, что и в сочетаниях с EME *panku-* могло употребляться, когда речь шла о совокупности членов рода. Как явствует из текстов, в которых употребляется выражение *pangaụaš* EME), имелась в виду «(дурная, злая) речь, неблагоприятный приговор всего рода, племени, всей данной общественной группы». Такой приговор выносился на собрании рода, племени, всего данного общества, чем объясняется рассмотренное выше употребление выражений *pangaụaš* EME и *pangaụaš* IGI.ḪI.A в хеттских ритуалах. С такой интерпретацией значения *pankuš* в хеттских текстах религиозного содержания согласуется и употребление этого существительного в текстах оракула KIN [1].

Рассмотренные выше факты проливают свет и на другие случаи употребления *pankuš* в ритуалах. В тех случаях, когда *pankuš* в ритуалах не сочетается с EME ʻязыкʼ, это существительное употребляется в значении «совокупность людей, занимающихся ритуальными церемониями; совокупность всех, участвующих в совершении обряда» [2] (HT 39 об. 4, KUB XII 8 II III 4; KUB XXV 36 II 10, 14 37 II 21 38 V 8, 11 и др.). Часто *panku-* обозначает совокупность поющих или восклицающих во время богослужения. Так, в хеттских молитвах Мурсилиса II дважды повторяется стереотипная формула: *nu pa-an-ku-uš a-pa-a-at e-eš-du ḫal-za-a-i* ʻи совокупность всех участвующих в совершении обряда восклицает: «Да будет так!»ʼ (молитвы Мурсилиса [3], A IV 18—19, B II 18—19, C III 43; об *apat ešdu* см. выше, § 1). Но *panku-* может относиться и к тем, кто совершает ритуальные действия, напр., в недавно опубликованном ритуальном тексте (KUB XXXV I пер. 3 = LTU, с. 9) *pa-an-ku-uš i-ịa-at-t*[*a*(*-ri*)] ʻвсе участвующие в совершении обряда идут (выступают)ʼ [4]...

---

[1] Хеттские тексты оракулов имеют много общего с ритуальными текстами, ср., напр., замечания Оттена о хеттском памятнике, в котором сочетаются черты текста оракула и ритуала: *H. Otten.* Bibliotheca Orientalis. Jg. 8. № 6. S. 229.

[2] Ср. употребление *bahu* в Ригведе в следующих сочетаниях: *bahávas víprās* ʻмногочисленные певцы, молящиесяʼ (RV II, 18, 3), *bahávas manīṣínas* ʻмногочисленные молящиеся (те, кто возносит молитву во время жертвоприношения)ʼ (RV IX, 35, 2; IX, 72, 1) и *bahávas náras* ʻмногочисленные мужи (совершающие жертвоприношение)ʼ (RV X, 107, 3).

[3] Издание: *O. R. Gurney.* Hittite Prayers of Mursili II // University of Liverpool, Annals of Archaeology and Anthropology. 1940. Vol. 27. P. 34, 36.

[4] Поэтому слишком узок перевод *panku-* ʻхорʼ в текстах такого рода, данный Гётце (the chorus, Hittite Ritual of Tunnawi. P. 33) и принятый Вернером (*Werner.* OLZ. 1954. S. 297). Вернее перевод О. Герни (Указ. соч. P. 35, 37, 116) «the congregation», но этот термин в английском языке имеет значения, слишком тесно связанные с христианским культом (как русское «паства»). Для перевода хеттского термина жела-

В этом значении *panku-* может быть противопоставлено одному [1], двум (KUB XXXV I 36 IV) или трем (KUB XV 8 II 11) людям, исполняющим особые функции при богослужении. Такие случаи показывают, что *pankuš* обозначал большую совокупность участвующих в обряде [2]. Особый интерес представляет опубликованный в 1953 г. текст KUB XXXV I 36 IV, где приводятся ритуальные песнопения, которыми обменивается *pankuš* и два человека, носящих название LÚ^{MEŠ} GAL-*ŠU-NU* («их начальники, главные над ними»), ср. аналогичное сочетание терминов GAL-*ŠU-NU* и *panku*[*u*] во фрагменте 164/k (LTU, с. 115), найденном во время раскопок 1952 г.

В свете других рассмотренных выше фактов можно предположить, что такое употребление хеттского существительного *pankuš* в ритуальных текстах связано с древними sancta gentilitia — религиозными празднествами, в которых принимала участие вся совокупность (*pankuš*) членов рода (*pankur*). Как данные текстов исторического (политического) содержания, так и данные религиозных текстов свидетельствуют о том, что *panku-* обозначало собрание членов определенной общественной группы (первоначально рода, а затем и больших общественных единиц), имевшее юридические и религиозные функции.

VII. Исчезновение «государственного собрания» (*pankuš*) в новохеттский период

О периоде, непосредственно следущем за царствованием Телепинуса, сохранились лишь отрывочные сведения, настолько скудные, что некоторые ученые отрицали даже существование «среднехеттских» царей. В настоящее время имена этих царей установлены благодаря обнаружению списков царей [3], но все же внутренняя история хеттского государства в среднехеттский период остается почти совсем неизвестной. В частности, неизвестна и судьба панкуса в среднехеттский период. Известно лишь, что хеттское царство пе

тельно выбрать более точный эквивалент, не навязывающий чуждых хеттскому обществу ассоциаций.

[1] *J. Friedrich.* Zu AO 24, 3 // ZA NF. II. 1925. P. 279.

[2] О количестве лиц, определяемых термином *pankuš* в ритуальных текстах, могут дать понятие археологические данные: согласно О. Герни, вся совокупность участвующих в обряде (congregation) располагалась во внутреннем дворе богазкейских храмов площадью от 200 до 500 м^2, см.: *O. R. Garney.* The Hittites. London, 1952. P. 145—147 (и рисунки 9 и 10 на с. 146—147).

[3] *H. Otten.* Die hethitische Königsliste und die altorientalische Chronologie // MDOG. 1951. 83. S. 47—71; *A. Goetze.* The Predeccessors of Suppiluliumas of Hatti // JAOS. 1952. Vol. 72. № 2. P. 67—72.

реживало период упадка, кончающийся к эпохе царя Суппилулиумаса (XIV в. до н. э.). С этого времени начинаются многочисленные новохеттские памятники.

Отсутствие данных о периоде, следующем за царствованием Телепинуса, не позволяет проследить непосредственные результаты «реформы» Телепинуса. Но в новохеттский период из всех положений документа Телепинуса сохраняет значение лишь закон о престолонаследии [1], т. е. как раз тот закон, в котором не сохранялось никаких следов былой зависимости царя от панкуса (см. выше). В новохеттских источниках нет никаких указаний на ограничения власти царя.

Термин *pankuš* ‘государственное собрание’ в текстах Нового царства не встречается. К новохеттскому периоду могут быть отнесены лишь некоторые религиозные памятники, в которых *panku-* употребляется в значении, близком к значению «собрание (рода, всего общества)» (см. выше). Но, во-первых, эти памятники сохраняют многие архаичные черты, в частности, их язык близок к древнехеттскому. Во-вторых, в этих памятниках имеются в виду прежде всего религиозные функции *panku-* ‘собрания (рода, племени)’. Между тем, известно, что учреждения, восходящие к родовым, могут продолжать функционировать в качестве религиозных товариществ долгое время после того, как они лишаются политического значения . Поэтому данные религиозных текстов не могут быть использованы для доказательства существования панкуса в новохеттский период.

В исторических, юридических и политических текстах новохеттского времени термин *pankuš* ‘государственное собрание’ не засвидетельствован. Если число древнехеттских памятников, дошедших до нас, сравнительно невелико, а среднехеттские памятники (за исключением нескольких надписей) вовсе не сохранились, то о новохеттском периоде можно составить очень полное представление благодаря наличию многообразных памятников. Невероятным поэтому было бы предположение, что слово *pankuš* случайно оказалось незасвидетельствованным в дошедших до нас документах. Несомнен-

[1] Попытка Фридриха (*Friedrich.* Staatsverträge. S. 107, 138) увидеть в одном новохеттском тексте следы выборности царя основана на неправильном чтении соответствующего текста (см.: *F. Sommer.* OLZ. 1935. № 5. Ст. 279). Хеттский царь говорит в этом месте о своем сыне: «я о нем скажу: “Пусть каждый его признает (царем)” и на него укажу, возведу его в наследники (*ištarna tekkuššami*)». Фридрих ошибочно понял *ištarna* не как приглагольное наречие (приставку), а как послелог «среди» с опущенным существительным («великие люди, вассалы, собрание») и поэтому перевел «представлю среди (собрания)». Но в действительности предположение о пропуске существительного в этом месте ни на чем не основано. Послелог без существительного в хеттском языке никогда не употребляется.

ным является вывод, что *pankuš* в значении «(народное), государственное собрание страны Хатти» уже не употреблялось [1].

Э. Стертевант считал обращением к панкусу автобиографию Хаттусилиса III, одного из царей новохеттского периода. Но изучение этого документа полностью опровергает подобную гипотезу. По мнению Стертеванта, «while the document... is not ostensibly adressed to this body, it is hard to see what other purpose it could have had» [2] («несмотря на то, что документ не обращен явно к этому органу (имеется в виду панкус), трудно понять, какую другую цель он мог бы иметь»). На самом же деле, эту цель установить вовсе не так трудно. Содержание памятника удачно резюмировал акад. В. В. Струве, определивший его как «надпись, в которой Хаттусиль сообщает о великих милостях к нему богини Иштарь во время всей его жизни» [3]. Документ Хаттусилиса имеет явно выраженную религиозную цель — прославление богини Иштар. Об этой цели говорится в самом начале памятника (I, 5): *ŠA* ^{d}IŠTAR *pa-ra-a ḫa-an-da-an-da-tar me-ma-aḫ-ḫi* ‘я говорю о божественной власти Иштар’. Но эта религиозная цель обусловлена целью политической: Хаттусилис III, прославляя Иштар, прославляет вместе с тем самого себя — любимца и избранника этой богини. Все поступки Хаттусилиса оправдываются тем, что он их совершал согласно воле Иштар. Хаттусилис в своем документе стремится также обеспечить и для своих потомков выгоды (в том числе и материальные выгоды — освобождение от налогов [4]), связанные с тем, что отправление культа Иштар должно стать фамильной привилегией семьи Хаттусилиса III [5]. В этом документе с необычайной отчетливостью выражена мысль о тесной связи царя с божеством, чуждая древнехеттскому обществу, где сохранялись еще следы выборности царя. Поэтому автобиография Хаттусилиса III не служит доказательством существования панкуса в этот период, как думал Стертевант, а, напротив, показывает понимание власти царя, характерное для Нового царства. Для исследования причин, по которым панкус перестал функционировать, очень важно понять отличие роли царя в древнехеттский период от положе-

[1] К такому выводу приходят в своих работах: *O. Gurney.* The Hittites. L., 1952. P. 69; *H. Göterbock.* Authority and Law in the Hittite Kingdom // Authority and Law in the Ancient Orient. Supplement to JAOS. № 17. 1954. P. 19.

[2] *E. Sturtevant, G. Bechtel.* A Hittite Chrestomathy. P. 84.

[3] *В. В. Струве.* Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества // ИГАИМК. 1934. Вып. 97. С. 67, примеч. 28.

[4] См.: *A. Götze.* Neue Bruchstücke zum großen Text des Hattusilis. Leipzig, 1930. S. 48.

[5] Ср.: *H. G. Güterbock.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Bablyloniern und Hethittern (II). Hethiter // ZA NF. 1938. Bd. 10 (46). H. 1/2. S. 94—95.

ния обоготворенного деспота Нового царства [1]. Поэтому особенно ценны показания таких памятников, как автобиография Хаттусилиса [2].

Отсутствие термина *pankuš* ‘(государственное) собрание’ в новохеттских памятниках следует связать с тем, что в результате социально-экономического развития хеттского военно-рабовладельческого государства характер власти царя изменился. Хеттское государство приобрело характер восточной деспотии. Рассмотренные выше лингвистические и исторические факты позволяют проследить развитие хеттского общества от того дописьменного периода, когда слова *pankur* ‘род’ и *panku-* ‘собрание’ были тесно между собою связаны, к эпохе древнехеттского царства с еще живучими пережитками прежней структуры и, наконец, к Новому царству, когда хеттское государственное собрание отмирает. Для историка этот процесс особенно интересен потому, что в данном случае удается наглядно изучить постепенное возникновение и развитие государственных органов путем преобразования. С лингвистической точки зрения рассмотренные факты представляют большую ценность вследствие того, что они показывают, как развитие производных от общеиндоевропейских корней в хеттском языке было связано с особенностями истории носителей этого языка.

[1] Ср. замечание В. И. Авдиева: «в Хеттском государстве постепенно формируется культ обоготворенного царя, что является типичной чертой восточной деспотии» (*В. И. Авдиев.* История Древнего Востока. М., 1953. С. 348).

[2] Для исследования роли царя в хеттском обществе значительный интерес представляет также молитва о царе I Bo T I 30, 2—8, транслитерацию и перевод которой дал Гётце, см.: *A. Goetze.* JCS. 1947. Vol. 1. № 1. P. 90—91.

Приложение II

Значение и чтение слова в хеттских ритуальных текстах

На основании шумеро-аккадского-хеттского словаря KBo I 42 I 34 для хеттского существительного «*pít*»-*tar* установлено значение ʻкрыло’ (см. выше, § 54). Принадлежность хеттского «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ к гетероклитическому склонению открыл Г. Бранденштейн, сопоставив «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ в Bo 2383 пер. I 22 с формой род. пад. ед. ч. (или род.-дат. пад. мн. ч.) «*pit*»-(*ta*-)-*na-aš* ʻкрыла (крыльев)’ в том же тексте, пер. I 26 и I 13 [1]. Но Г. Бранденштейн не довел до конца исследования этого вопроса, так как не рассмотрел следующей важной проблемы, возникающей в связи с установлением принадлежности «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ к гетероклитическому склонению. Хеттское «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ пишется с первым знаком , который в хеттских текстах может читаться *pít* и *pát* [2] (условная транслитерация — «*pít*», «*píd*»). Давно уже обращено внимание на то обстоятельство, что пишущееся с первым знаком «*pít*» и принадлежащее к гетероклитическому склонению слово «*pít*»-*tar*, дат.-мест. пад. «*píd*»-*da-ni* часто встречается в ритуальных текстах. Фридрих [3] и вслед за ним Гётце [4] и Стертевант [5] предполо-

---

[1] *G. Braudenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943. S. 33. Ср. выше, § 54.

[2] *E. Laroche.* Quelques valeurs rares du syllabaire Hittite // Revue d’Assyriologie. 1952. Vol. 46. № 3. P. 161. Помимо литературы, указанной Ларошем, см.: *G. Brandenstein.* Указ. соч. S. 26—27; *Pedersen.* Hittitisch. S. 76—77, 196—197 (с дальнейшей библиографией вопроса).

[3] Условная транслитерация *pít-tar* для этого слова была предложена Гютербоком, отмечавшим спорность фонетического чтения этого существительного, см.: *H. G. Güterbock.* Die heth. Verba *peda*-, *pidda*- usw. und die Lautwerte des Zeichens // ZA NF. Bd. 8 (42). H. 1/4. S. 232; *J. Friedrich.* Zu AO. 25. 2 (Aus dem hethitischen Schrifttum. H. 2) // ZA NF. 1926. Bd. 3 (37) H. 3. S. 190—191.

[4] *A. Götze.* Über die Partikeln *-za*, *-kan* und *-šan* der hethitischen Satzverbindung // AOr. 1933. Vol. 5. № 1. S. 34.

[5] *E. Sturtevant, G. Bechtel.* Hittite Chrestomathy. P. 107, 109, 119.

жили, что «*pít*»-*tar* в этих текстах следует понимать как «корзинка» или «тарелка, поднос». Но эта интерпретация была чрезвычайно гадательной, и даже ученые, принимавшие этот перевод «*pít*»-*tar* в ритуальных текстах, часто сопровождали его вопросительным знаком [1]. В настоящее время, после установления Г. Бранденштейном гетероклитического склонения хеттского «*pít*»-*tar* ʻкрыло’, следует заново рассмотреть вопрос о слове «*pít*»-*tar* в хеттских текстах и решить, действительно ли имеется два слова с этим одинаковым написанием и различным значением («тарелка, корзинка» и «крыло») или же речь идет об одном и том же слове («крыло»). Решение этого вопроса имеет большое значение не только для интерпретации соответствующих текстов, но и для установления точного фонетического чтения хеттского названия «крыла», что представляет значительный интерес для сравнительной грамматики. В тексте Bo 2650 II 21 [2] встречается написание *pa-at-tar*.

Судя по контексту, слово *pa-at-tar* эквивалентно «*pít*»-*tar* в ритуальных текстах, поэтому, если существует лишь одно слово «*pít*»-*tar*, то его точное чтение *pattar* можно считать установленным, если же существует два слова, писавшихся «*pít*»-*tar*, то чтение *pattar* в несомненностью устанавливается лишь для одного из них [3].

Приступая к рассмотрению данного вопроса, следует прежде всего отметить, что наличие двух омографов, принадлежащих к одному и тому же чрезвычайно архаичному типу склонения (который охватывает всего лишь считаное число хеттских существительных), следует признать маловероятным. Поэтому необходимо изучить данные текстов и выяснить, есть ли основания для разграничения двух слов «*pít*»-*tar* ʻкорзина, тарелка(?)’ и «*pít*»-*tar* ʻкрыло’. С несомненностью известно только значение «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ (из аккадско-хеттского словаря, см. выше). Значение «*pít*»-*tar* ʻкорзина’ Фридрих вывел на том основании, что этому слову в ритуальных текстах часто предшествует детерминатив GI [4]. Но детерминатив GI, предшествующий названию какого-либо предмета, означает лишь, что этот предмет сделан из трост-

[1] См., напр.: *H. Otten.* Überlieferungen des Telepinu-Mythus. Berlin, 1943. S. 10, примеч. 4.

[2] Напечатано: *G. Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943. S. 27.

[3] Эта трудность не была принята во внимание Бранденштейном: Указ. соч. S. 27. Поэтому правильность чтения *pattar* ʻкрыло’, принятого Бранденштейном (Там же. S. 27) и вслед за ним Зоммером (*F. Sommer.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 56) и Ларошем (Hittitica // Revue de philologie. 1949. Vol. 23. № 1. P. 39) до настоящего времени строго не была доказана.

[4] См.: *J. Friedrich.* Zu AO. 25. 2 (Aus dem hethitischen Schrifttum. H. 2) // ZA NF. 1926. Bd. 3 (37). H. 3. S. 190—191.

ника[1] (шумерское GI — «тростник, трубка»). Следовательно, написание ^{GI}«*pít*»-*tar* означает «“*pit*”-*tar*, сделанный из тростника»[2]. Из этого, однако, нельзя делать никаких выводов относительно значения самого слова «*pít*»-*tar*. Следует учесть то обстоятельство, что ^{GI}«*pít*»-*tar* употребляется только в описаниях ритуалов, где часто речь идет о символических изображениях различных предметов, причем указывается материал, из которого эти изображения сделаны, например волшебные языки из глины (см. выше, Приложение I, раздел о *lala*-, *pangaṷaš lala* = EME). Из того, что в ритуалах речь идет о языках (*lala*-) из глины или из металла, не следует, что само слово *lala*- («язык») обозначает глиняный или металлический предмет. Точно так же и из того, что в ритуалах описываются «*pít*»-*tar* из тростника, вовсе не следует, что само по себе слово «*pít*»-*tar* означает предмет, сделанный из тростника. Таким образом, написание ^{GI}«*pít*»-*tar* нельзя считать доводом, говорящим против отождествления данного слова со словом «*pít*»-*tar* ʻкрыло’; ^{GI}«*pít*»-*tar* может означать «(символическое) изображение крыла, сделанное из тростника»[3]. В этой связи следует отметить, что в тех же ритуалах, где упоминается ^{GI}«*pít*»-*tar*, речь идет и о других используемых при священнодействии предметах, сделанных из тростника: в ритуале Туннави незадолго до упоминания с ^{GI}«*pít*»-*tar* (Tun. I 51) говорится о сооружении «(ритуального) шатра[4]» из тростника — ^{GIŠ}ZA.LAM.GAR.ḪI.A *ŠA* GI (Tun. I 40); в ритуале Dupaduparša, KUB IX 6 + KUB XXXV 39 (LTU, с. 37—38) пер. ст. I 3—5 и I 14—16 дважды рядом упоминаются ^{GI}«*pít*»-*tar* и ^{GIŠ}PISÀN *ŠA* GI ʻтрубка для воды из тростника’[5]. Таким образом, вполне вероятно, что ^{GI}«*pít*»-*tar* в ритуальных текстах может означать «крыло (^{GI}«*pít*»-*tar*) из тростника». Для решения рассматриваемого вопроса существенно то, что слово «*pít*»-*tar* в значении «крыло» часто встречается в хеттских текстах религиозного содержания при описании предметов, имеющих сакральное значение. Многократно употребляется это слово в ин-

[1] Ср. о детерминативе GI в хеттских текстах: *A. Götze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. 1938. P. 112.

[2] Ср.: *J. Friedrich.* Zu AO. 25. 2. S. 190: Der Gegenstand ist also aus Rohr verfertigt (Таким образом, предмет изготовлен из камыша).

[3] К такому пониманию ^{GI}«*pít*»-*tar* близко подошла в своей работе М. Римшнейдер, указавшая, что данный предмет может быть понят как «eine Art “Rohrflügel”»: *M. Riemschneider.* Augengott und heilige Hochzeit // Fragen zur vorgeschichtlichen Religion. I. Leipzig, 1953. S. 213. Но здесь же Римшнейдер предлагает и другое понимание ^{GI}«*pít*»-*tar*, близкое к прежней интерпретации Фридриха (см.: Там же. S. 213).

[4] О ритуальном шатре и его роли в хеттских ритуалах см.: *A. Götze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 93, примеч. 2; *A. Götze.* Kleinasien. S. 159.

[5] О значении ^{GIŠ}PISÀN см.: *M. Riemschneider.* Указ. соч. S. 213, примеч. 1; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 4. Heidelberg, 1954. S. 289.

вентарных описаниях изображений богов и обоготворяемых существ. Существительное «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ засвидетельствовано в описании обожествляемого крылатого льва (*auti*) [1]: *a-ú-ti-i̯a-aš-ma-kán* «[*p*]*ít*»-*tạ-nạ-aš* ZẠ[G-*za* GÙB-*za*] ^{D}*Ni-na-at-ta-aš* ^{D}*Ku-li-it-ta-aš* GUB-*ri* ʻнаправо же и налево от крыльев льва стоят (божества) Нинаттас (и) Кулиттас’ (Bo 2383 [2] пер. I 13—14), ср. параллельное место [EGIR-*an-d*]*a-ma-kán* «*pít*»-*na-aš* ZAG-*za* GÙB-*za* [^{D}*Ni-na*]*at-ta-aš* ^{D}*Ku-li-it-ta-aš* GUB-*ri* ʻвнизу же направо (и) налево от крыльев стоят Нинаттас (и) Кулиттас’ (Bo 2383 пер. I 26—27).

Еще большее значение имеет употребление существительного «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ в текстах, посвященных хурритской богине Иштар (^{d}LIŠ) [3], ср., напр., описание «Иштар (боевого) клича» [4] (^{d}LIŠ *ḫalziḭauṷaš*): ^{d}LIŠ *ḫal-zi-i̯a-u-ṷa-aš* ALAM GUŠKIN LÚ GUB-*an-za* ZAG.UDU-*za* «*pít*»-*tar* (написание *tar i*-«*pít*») *ú-ṷa-an* ʻИштар боевого клича, статуя из золота, стоящий человек (буквально: мужчина), из плеча (которого) выходит крыло’ (Bo 2383 пер. I 21—22; в подлиннике причастный оборот: «крыло выходящее»). Крыло было важнейшим атрибутом этого божества, как показывают его изображения в галерее Язиликая и на других памятниках хеттского изобразительного искусства [5]; не случайно поэтому слово «крыло» («*pít*»-*tar*) играет особую роль в текстах, посвященных хурритской Иштар. Крыло было и отличительным признаком некоторых других богов и божественных существ хеттской мифологии, в частности, священной птицы — орла, игравшего значительную роль в хеттских ритуальных текстах (ср. выше о роли птицы «*pit*»-*tar-palḫiš* в текстах оракулов). Если учесть значение «крыла» (богини Иштар, крылатого льва, священной птицы) в хеттской мифологии, то не приходится удивляться тому, что этот важный религиозный символ играет особую роль в ритуалах. В ри-

[1] *G. Brandenstein.* Указ. соч. S. 91, переводил *auti* условно как лев-сфинкс; перевод «лев» был дан позднее Гютербоком (Bulleten. 26. P. 313, примеч. 56) и принят Фридрихом (*J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1). Ларош (*E. Laroche.* Recueil d’onomastique hittite. P. 121) придерживался еще перевода «sphinx-lion», но это, по-видимому, объяснялось тем, что ему осталась неизвестной работа Гютербока.

[2] Текст Bo 2383 напечатан: *G. Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin. S. 4—6.

[3] Интерпретация текстов, посвященных этому божеству, дается по Ларошу, убедительно показавшему правильность своей точки зрения путем сличения памятников хеттского изобразительного искусства с данными хеттских клинописных и иероглифических надписей: *E. Laroche.* Le pantheon de Yazilikoya // JCS. 1952. Vol. 6. № 3. P. 116—117, 119. См. там же о значении LÙ в этом тексте.

[4] Перевод этого имени согласно Ларошу: Там же. P. 119.

[5] Эдуард Мейер еще до расшифровки хеттской письменности назвал данное божество крылатым богом (Geflügelter Gott), см.: *E. Meyer.* Reich und Kultur der Hetiter. Berlin, 1914. S. 96, 104, примеч. 1.

туалах особое сакральное значение имеет «крыло орла» Á.MUŠEN-*aš* «*pít*»-*tar*. «Крыло» («*pít*»-*tar*) играет важную роль в ритуалах «старой женщины» (SAL.ŠU.GI): так, в ритуале Туннави «старая женщина» (жрица), произнося заклинания, «берет крыло и размахивает им (крылом) над ним (т. е. над тем, ради кого совершается обряд)» — «*pít*»-*tar da-a-i na-at-kán še-ir ar-ḫa ua-aḫ-nu-zi* (Tun. § 13 II 4—5). Гётце, переводя ритуал Туннави, дал правильный перевод «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ в этом случае и в нескольких других [1], но в остальных случаях сохранил старый перевод «поднос» [2]. Нетрудно заметить, что при переводе Гётце руководствовался только грамматическими соображениями: поскольку Гётце не была известна принадлежность слова «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ к гетероклитическому склонению, форму «*pít*»-*da-ni* Гётце переводил «на поднос(е)» (а не «на крыло»). В настоящее время, когда известен гетероклитический характер склонения хет. «*pít*»-*tar* ʻкрыло’, необходимо произвести пересмотр перевода Гётце. Различный перевод форм «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ и «*píd*»-*da-ni* (по Гётце «на поднос») отнюдь не диктуется контекстом и вносит лишь дополнительные трудности в интерпретацию ритуальных текстов. Обращает на себя внимание то, что «*pít*»-*tar* и «*píd*»-*da-ni* в ритуале Туннави всегда встречаются рядом. После того, как жрица «размахивая крылом («*pít*»-*tar*), произносит заклинания (Tun. II 4—6), жрица поднимает другие сакральные предметы, произносит новые заклинания (Tun. II 9—12), после чего эти сакральные предметы она «*píd*»-*da-ni da-a-i* ʻкладет на «*pít*»-*tar*’, Tun. II 13. Естественно предположение, что предметы складываются по мере их использования: сначала жрица размахивала «крылом», затем положила его, после чего взяла другие предметы, произнесла новые заклинания и положила эти предметы «на крыло» («*píd*»-*da-ni*). Таким образом, «*pít*»-*tar* и «*pít*»-*da-ni* в этих смежных строках ритуала имеет значение «крыло». Точно так же есть основания для отождествления «*píd*»-*da-ni* в § 19 (Tun. II 40) и «*pít*»-*tar* в § 26 (Tun. III 12): в § 19—20 «*píd*»-*da-ni* (Tun. II 40) упоминается рядом с «черной рубашкой» и «черной обувью» (Tun. II 41—43); в такой же последовательности эти предметы перечисляются в § 26 (Tun. II 12—13). Поскольку перечисления в ритуалах даются обычно в стереотипной последовательности, надо думать, что в обоих случаях речь идет об одном и том же предмете — «крыле». Таким образом, в двух местах ритуала Туннави «*pít*»-*tar* и «*pít*»-*da-ni* являются двумя разными падежами существительного «*pít*»-*tar* ʻкрыло’. Более сложным является третье место, в котором в этом ритуале употребляются данные формы. В этом месте (Tun. § 9 I 46 и I 51) «*pít*»-*tar* и «*píd*»-*da-ni-i* относятся не к одному и тому же предмету, но сопоставление с другими ритуальными

[1] *A. Goetze.* The Hittite Ritual of Tunnawi. P. 9, 11, 17, 118.
[2] *A. Goetze.* Там же. P. 9, 11, 15, 118.

текстами позволяет установить, что и здесь речь идет не о «крыле» и «подносе» (как полагал Гётце), а о двух разных видах «крыла»: о небольшом «крыле орла» и о большом символическом изображении крыла, сделанном из тростника. В указанном месте ритуала Туннави говорится, что жрица — «старая женщина» (SAL.ŠU.GI) — берет различные предметы, имеющие сакральное значение, в том числе «крыло орла» — Á.MUSEN-*aš* «*pít*»-*tar* (Tun. I 46) ʻи все это (она) размещает на «*pít*»-*tar*, сделанном из тростника’ *nu-uš-ša-an ki-i ḫu-u-ma-an* ^{GI}«*píd*»-*da-ni-i kat-ta ḫa-an-da-iz-zi* (Tun. I 51). Следовательно, во время ритуальных церемоний «*pít*»-*tar* ʻкрыло (орла)’ вместе с другими предметами помещался на «*pít*»-*tar*, сделанный из тростника. Описания ритуальных церемоний в хеттских текстах стереотипны; поэтому обычно описанию какого-либо обряда в одном из ритуалов находится точное соответствие в другом ритуальном тексте. Описанный в ритуале Туннави обряд помещения одного «*pít*»-*tar* («крыла» орла) вместе с другими сакральными предметами на другое «*pít*»-*tar* (сделанное из тростника), находит точное соответствие во фрагменте ритуального текста Bo 2357 [1]. В этом ритуальном тексте перечисляются различные предметы, среди них *am-mi-ia-an* «*pít*»-*tar* ʻмаленькое «*pit*»-*tar*’ (Bo 2357 I 9); затем тот, кто совершает обряд, говорит: *na-at-kán ḫu-m*[*a-an da-aḫ-ḫi*] *na-at-kán* GAL-*li* «*píd*»-*da-ni te-eḫ-ḫi* ʻи все это я беру и (это) я кладу на большое «*píd*»-*dar*’ (Bo 2357 I 9—10). Из этого текста со всей очевидностью следует, что «маленькое “*píd*”-*dar*» и «большое “*píd*”-*dar*» — два вида одного и того же предмета, используемого в ритуальных церемониях [2].

Параллелизм данного текста и указанного места ритуала Туннави не вызывает сомнений; в особенности следует отметить сочетание *ḫuman* «все» с формой «*pít*»-*tani*, повторяющееся в обоих текстах (третьим параллельным текстом можно считать KUB XXXV 93 пер. ст. LTU, с. 90, 10: *hu-u-ma-an-ta* ^{GIŠ}«*pid*»-*d*[*a-ni*]). В ритуальном тексте Bo 2357 говорится о двух видах одного и того же предмета, следовательно, и в параллельном месте ритуала Туннави речь идет о двух видах одного и того же предмета — «*pít*»-*tar*. Но относительно первого «*pít*»-*tar* в тексте ритуала Туннави сказано, что это — «крыло» (орла); следовательно и второе «*pít*»-*tar* (сделанное из тростника) в тексте ритуала Туннави следует понимать как изображение «крыла» (символическое

[1] Фрагмент напечатан Оттеном: *H. Otten.* Überlieferungen des Telepinu-Mythus. Berlin, 1944. S. 10, примеч. 4. Параллелизм данного фрагмента и указанного места ритуала Туннави Оттеном отмечен не был.

[2] Данный текст показывает, что определение размеров «*pít*»-*tar*, данное Фридрихом (ZA NF. Bd. 3. H. 3. S. 191), является неточным, так как этот предмет может иметь различные размеры.

изображение из тростника). Аналогичным образом следует понимать «*pít*»-*tar* и в приведенном отрывке Bo 2357 [1].

Для обоснования того, что «*pít*»-*tar* и ^{GI}*pít-tar* в ритуальных текстах следует переводить не «корзинка, тарелка, поднос», как это делалось до сих пор, а «крыло», «изображение крыла, сделанное из тростника», существенно употребление данного слова именно в тех местах ритуалов, где речь идет о «птице» (MUŠEN). В частности, в ритуале Аннивиянис, где Стертевант переводил «*píd*»-*da-ni-i* ʻв корзинкеʼ («*in a basket*») [2] это слово употребляется, когда речь идет о сакральной птице: идеограмма MUŠEN.ḪI.A ʻптицыʼ (мн. ч.) в строке I, 18 этого ритуального текста предшествует «*píd*»-*da-ni-i*; MUŠEN ʻптицаʼ в строке I, 27 следует за той же формой «*píd*»-*da-ni-i* (см. ритуал Аннивиянис, VBo T 24, I, 19 и I, 24). Аналогичное сочетание MUŠEN ʻптицаʼ и ^{GIŠ}«*píd*»-*da-ni* [3] можно обнаружить в недавно опубликованном ритуале KUB XXXV 93 пер. ст. I 4 и I 10. Эти факты указывают на правильность перевода «*píd*»-*da-ni-i* ʻна крыле, на изображении крылаʼ.

Следовательно, в хеттском языке не существовало двух омографов «*pít*»-*tar*, принадлежавших к гетероклитическому склонению; в действитель-

[1] В пользу этого понимания «*pít*»-*tar* в данном фрагменте помимо приведенных выше соображений следует привести и следующий вспомогательный довод фразеологического характера. Анализ употребления прилагательного *amiia-* в хеттских текстах позволяет предполагать, что оно употреблялось лишь в сочетании с несколькими определенными существительными, близкими по семантике (в отличие от синонимичного прилагательного *tepu-*, широко употребительного). Известны случаи, в которых *amiia-* употребляется в сочетании с *partaua-r* ʻмаховое перо, крыло’, напр., [*pá*]*r-ta-u-ua-aš-še-et-ua a-mi-ia-an-ta* ʻих крылья-де маленькие’, KUB XVII 10 I 38 (см. выше); это делает вероятным предположение, что в тех случаях, когда *amiia*-сочетается с «*pít*»-*tar*, «*pít*»-*tar* имеет значение, близкое к *partaua-r*. В этой связи следует отметить то, что «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ и *partaua-r* ʻмаховое перо, крыло’ в хеттском языке были близкими синонимами; характерно, что в шумеро-аккадско-хеттском словаре, где слова часто группируются по их лексико-семантическим связям, «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ и *partaua-r* ʻмаховое перо, крыло’ помещены рядом, см. KBo I 42 34—36:

Строки	Шумерское слово (столбец поврежден)	Аккадское слово	Хеттское слово
34	[Á.]SUD	*KAP-PU*	«*pít*»-*tar*
35	Á-]	*AB-RU*	*par-ta-a-u-ua-ar*
36	]	*AB-RU*	*par-ta-a-u-ua-ar*

[2] *E. Sturtevant, G. Bechtel.* Hittite Chrestomathy. P. 107, 109.

[3] См. о реконструкции поврежденного места: *Otten.* LTU, примеч. 2 на с. 90.

ности речь идет не о двух разных словах, как ошибочно указывают современные словари хеттского языка (напр., словарь Стертеванта), а об одном и том же слове «*pít*»-*tar* ʻкрыло’ и различных случаях его употребления в хеттских текстах. Этот вывод позволяет точно установить чтение формы им.-вин. пад. ед. ч. этого слова.

В ритуальных текстах, где «крыло» и его символическое изображение из тростника играют значительную роль, часто встречается описание того, что жрица (жрец) «берет крыло», напр. EGIR-*ŠU-ma* «*pít*»-*tar da-a-i* ʻпотом она («старая женщина» — жрица) берет крыло’ (Tun. II 4—5, ср. выше). В одном из этих текстов слово «*pít*»-*tar* написано не согласно обычному хеттскому написанию данного слова с первым знаком 𒄑𒀀, а с помощью других клинописных знаков: *nu* I *pa-at-tar da-a-i* ʻи 1 крыло (она) берет’ (Bo 2650 II 21). Если написание «*pít*»-*tar* может быть прочитано и как *pittar* и как *pattar*, то написание *pa-at-tar* не оставляет никаких сомнений относительно звучания формы им.-вин. пад. ед. ч. данного слова в хеттском. Если чтение этой формы *pattar* можно признать строго доказанным, то характер корневого гласного в формах косвенных падежей остается неясным. Бранденштейн и вслед за ним Ларош [1] предположили для форм косвенных падежей ту же огласовку *a*, что и в форме *pattar* (род. пад. *pattanaš* и т. п.), но они не учитывали того, что однотипное имя существительное *u̯atar* (§ 53) характеризуется противопоставлением основы им.-вин. пад. ед. ч. и основы косвенных падежей по качеству корневого гласного (см. § 87). Поэтому по образцу *u̯atar*, *u̯etenaš* (*u̯itenaš*) можно считать возможной и огласовку *pattar*, *pittanaš* (однако расхождение между огласовкой суффикса **en* в *u̯etenaš* и «*pít*»-*tanaš* указывает на отсутствие полного параллелизма между этими формами).

Определение значения существительного *pattar* в хеттских ритуалах представляет интерес для решения не только фонетических, но и морфологических вопросов, так как хеттские ритуалы дают большой материал, позволяющий изучить склонение этого существительного. Особенно часто данное слово встречается в ритуале KUB IX 6 + KUB XXXV 39 (LTU, с. 37—41). Для анализа склонения слова *pattar* показательно противопоставление форм *pát-tar* и ^{GI}«*pít*»-*ta-a-ni* в строке I 3 указанного текста, ср. также формы ^{GI}*pát-tar* в строке I 11 и ^{GI}«*píd*»-*da-ni-i* в I 12, формы ^{GI}*pát-tar* в I 13 и ^{GI}«*píd*»-*da-ni-i* в I 14, ср. ту же форму в I 20, формы ^{GI}«*píd*»-*da-na-az* в I 21 и I 36. В сочетании с другими цитированными выше текстами эти данные позволяют установить следующую парадигму склонения изучаемого слова:

[1] *G. Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943. S. 4, 6, 39; *E. Laroche.* Revue de philologie. 1949. № 1. P. 39. Ср. выше, § 87.

	Единственное число
Им.-вин. п.	*pattar*
Род. п.	«*pít*»-*tanaš*
Дат.-местн. п.	«*pít*»-*tani*
Отлож. п.	«*pít*»-*tanaz*
	Множественное число
Род. п.	«*pít*»-*tanaš*

Характер склонения этого слова представляет значительный интерес как для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков (см. § 54), так и для общего языкознания, так как в данном случае (как и во многих других) данные хеттского языка подтверждают гипотезу, высказанную на основании сравнительно-исторического исследования родственных слов других языков, еще за несколько десятилетий до расшифровки хеттского языка.

Далеко не во всех случаях удается доказать, что рассматриваемые комбинации клинописных знаков передают именно формы приведенной выше парадигмы существительного со значением «крыло» индоевропейского происхождения. В ряде текстов возможность понимания сходной (омографической) комбинации знаков как «корзина» остается вполне вероятной (в этом сходится большинство современных издателей ритуалов). Но отмеченная возможность истолкования хотя бы части обрядовых текстов как относящихся к «крылу», а не к «корзине», тоже должна учитываться, но хотя на ней и трудно настаивать категорически. Для интерпретации ритуалов необходима более полная реконструкция описываемых в них действий, возможности которой зависят от степени разработанности общей семиотической картины хеттской обрядности, которая, при всех уже достигнутых успехах, нуждается в существенном обогащении, связанном с увеличением числа комментируемых текстов.

СОКРАЩЕНИЯ

I. Сокращенные ссылки на тексты

ABoT — Ankara Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy-Tabletleri. Istanbul, 1948.

Bo — Богазкёйские тексты под музейным номером (приводятся со ссылкой на место публикации).

2 BoTU — *Forrer E.* Die Boghazköi-Texte in Umschrift. Bd. 2. Leipzig, 1926.

HAB — двуязычная хеттско-аккадская надпись Хаттусилиса I (издание *Sommer F., Falkenstein A.* Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I. München, 1938).

Hat — автобиография Хаттусилиса III (по изданиям *Sturtevant E. H., Bechtel G.* A Hittite Chrestomathy. Philadelphia, 1935. P. 42—82; *Friedrich J.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. Heidelberg, 1946. S. 10—14).

HT — Hittite Texts in the Cuneiform Character. London, 1920.

I Bo T — Istanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan. Boğazköy-tabletlerinden seçme metinler. Istanbul (I—II).

KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig, 1923—25.

KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin, I—XXXV.

Lévi. Fr — *Lévi S.* Fragments de textes koutchéens. Paris, 1933.

LTU — Luvische Texte in Umschrift von *H. Otten.* Berlin, 1953.

RV — Ṛg-Veda.

Tel. — документ Телепинуса (по изданиям *Forrer E.* Die Boghazköi-Texte in Umschrift. Bd. 2, текст № 23; *Sturtevant E. H., Bechtel G.* A Hittite Chrestomathy. P. 174—192; *Friedrich J.* Hethitisches Elementarbuch. T. II. S. 57—60).

Toch. Spr. — *Sieg E., Siegling W.* Tocharische Sprachreste. Berlin; Leipzig, 1921.

Tun. — ритуал Туннави (издание *Götze A.* The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938).

Udānālaṅkara — *Sieg E., Siegling W.* Tocharische Sprachreste: Spache B. H. 1. Die Udānālaṅkara-Fragmente. Göttingen, 1949.

Ullikummi — поэма «Песнь об Улликумми» (по изданию *Güterbock H. G.* The Song of Ullikummi // Journal of Cuneiform Studies. 1951. Vol. 5. № 6; 1952. Vol. 6. № 1).

VBoT — *Götze A.* Verstreute Boghazköi-Texte. Marburg, 1930.

Хеттские законы — издания *Neufeld E.* The Hittite Laws. London, 1951; *Hrozny F.* Code Hittite Provenant de l'Asie Mineure. Paris, 1922.

Памятники, найденные во время раскопок в Богазкёе в 1931—1952 гг., обозначаются посредством условного буквенного указания года экспедиции (a — 1931 г., f — 1936 г. и т. п.) и порядкового номера (приводятся со ссылкой на место публикации).

Песни поэм Гомера согласно традиции обозначаются буквами греческого алфавита.

II. Названия журналов и научных работ

ВДИ — Вестник древней истории.

ЗХЦ — Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / Пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова // Вестник древней истории. 1952. № 3, 4.

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

ИАН ОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.

Мейе. Введение — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.

Фридрих. Краткая грамматика — *Фридрих И.* Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.

AOr. — Archiv Orientální.

BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research.

BB — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen.

Benveniste. Origines — *Benveniste E.* Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935.

Brugmann. Grundriss — *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. I—II. Strassburg, 1897—1916 (2-е изд.).

BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris.

Friedrich. Staatsverträge — *Friedrich J.* Staatsverträge des Hatti-Reiches. I—II. Leipzig, 1926—1930.

Götze. AM — *Götze A.* Die Annalen des Mursilis. Leipzig, 1933.

Götze. Kleinasien — *Götze A.* Kleinasien. Kulturgeschichte des Alten Oriens. Handbuch der Altertumswissenschaft. III. I. 3. Abschnitt. 1933.

Götze—Pedersen. MS — *Götze A., Pedersen H.* Muršiliš Sprachlähmung. København, 1934.

Hendriksen. Untersuchungen — *Hendriksen H.* Untersuchungen über die Bedeutung des Hethitischen für die Laryngaltheorie. København, 1941.

IF — Indogermanische Forschungen.

JAOS — Journal of the American Oriental Society.

JCS — Journal of Cuneiform Studies.

Krause. Das Verbum — *Krause W.* Westtocharische Grammatik. Bd. I: Das Verbum. 1952.

KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.

Laroche. Recherches — *Laroche E.* Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947.

MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.

Meddelelser — Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser.

MVAG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft.

OLZ — Orientalistische Literaturzeitung.

Otten. Luv. — *Otten H.* Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1953.
Pedersen. Hittitisch. — *Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938 (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Hist.-filol. Meddelelser. XXV. 2).
Pedersen. Tocharisch — *Pedersen H.* Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941.
RA — Revue d'assyriologie et archéologie orientale.
RHA — Revue hittite et asianique.
Sommer. AU — *Sommer F.* Die Aḫḫiyavā — Urkunden. München, 1932.
Sommer. HAB — *Sommer F., Falkenstein A.* Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). München, 1938.
SSS — *Sieg E., Siegling W., Schulze W.* Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931.
Sturtevant. Comp. Gr.[1] — *Sturtevant E. H.* A Comparative Grammar of the Hittite Language. Philadelphia, 1933.
Sturtevant. Comp. Gr.[2] — *Sturtevant E. H., Hahn A.* A Comparative Grammar of the Hittite Language. Vol. 1. New Haven, 1951.
Walde—Pokorny — *Walde A., Pokorny J.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Bd. I—II. Leipzip, 1928—1933.
ZA NF — Zeitschrift för Assyriologie. Neue Folge.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

В книге употребляются общепринятые в лингвистической литературе сокращенные обозначения названий языков (арм. — армянский, др.-инд. — древнеиндийский, ст.-сл. — старославянский и т. п.) и грамматических терминов (ср. р. — средний род, мн. ч. — множественное число и т. п.). Названия древних индоевропейских языков Малой Азии сокращаются следующим образом: хет. — клинописный хеттский, лув. — лувийский, пал. — палайский, иер. хет. — иероглифический хеттский.

Хеттские слова в настоящей книге приводятся, как во всех хеттологических работах, в двоякой транслитерации: в транслитерации по знакам, точно передающей знаки хеттской клинописи, напр. *pa-an-kur*, и в упрощенной транслитерации, напр. *pankur*. В обоих случаях в транслитерации сохраняется характерное для хеттской графики смешение предполагаемых для позднейшего индоевропейского глухих и звонких согласных при различении сдвоенных и несдвоенных (эта оппозиция может интерпретироваться и как различение напряженных и ненапряженных смычных, а также и как оппозиция неглоттализованных и глоттализованных абруптивов, в пользу чего говорит глоттальная теория, остающаяся дискуссионной), а также смешение *e* и *i*. В транслитерации хеттских памятников употребляются знаки *ḫ* и *š*, в настоящей книге по техническим причинам замененные в некоторых случаях знаками *h* (= *ḫ*) и *s* (= *š*).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авдиев В. И.* История Древнего Востока. М., 1953.
2. *Асмангулян А. А.* Против гипотезы о «двуприродности» армянского языка // Вопросы языкознания. 1953. № 6.
3. *Белецкий А. А*. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950.
4. *Богородицкий В. А.* Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. 2-е изд. Казань, 1917.
5. *Будагов Р. А*. Из истории языкознания (Соссюр и соссюрианство) // Материалы к курсам языкознания / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. М., 1954.
6. *Булаховский Л. А*. Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина. 2-е изд. М., 1952.
7. *Георгиев В*. Проблемы минойского языка. София, 1953.
8. *Георгиев В*. Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954.
9. *Георгиев В.* Вопросы родства средиземноморских языков // Вопросы языкознания. 1954. № 4.
10. *Горнунг Б. В.* К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1950. Т. 9. Вып. 5.
11. *Горнунг Б. В.* О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков // Тез. докл. научн. сотр. Ин-та языкознания на объединенной сессии Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР. М., 1951.
12. *Горнунг Б. В*., *Левин В. Д*., *Сидоров В. Н*. Проблема образования и развития языковых семей // Вопросы языкознания. 1952. № 1.
13. *Горнунг Б. В.* О так называемых «азианических языках» // Изв. АН Арм. ССР. 1954. № 6.
14. *Десницкая А. В*. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1949. Вып. 14. № 97.
15. *Десницкая А. В.* О хеттском языке // Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
16. *Десницкая А. В.* Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков // Вопросы языкознания. 1952. № 4.

17. Законы Вавилонии, Ассирии и хеттского царства / Пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова // Вестник древней истории. 1952. № 3, 4.
18. *Капанцян Г. А*. Chetto-armeniaca. Эривань, 1931—1933.
19. *Капанцян Г. А*. Хеттские боги у армян. Ереван, 1940.
20. *Капанцян Г. А*. К происхождению армянского языка. Ереван, 1946.
21. *Капанцян Г. А*. Хайаса — колыбель армян. Ереван, 1947.
22. *Капанцян Г. А*. Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древней Малой Азии. Ереван, 1948.
23. *Кузнецов П. С*. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. Т. 2. 1953.
24. *Мейе А*. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
25. *Мейе А*. Общеславянский язык. М., 1951.
26. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
27. *Никольский Н. М.* Реформа хеттского царя Телепина // Изв. АН БССР. 1948. № 2.
28. *Потебня А. А*. Из записок по русской грамматике. I—II. Харьков, 1888.
29. *Прокош Э*. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
30. *Редер Д. Г*. Военная демократия в странах Древнего Востока // Учен. зап. МОПИ. Т. 14. Тр. кафедры истории древнего мира. Вып. 1. М., 1950.
31. *Смирницкий А. И.* К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании // Вопросы языкознания. 1952. № 4.
32. *Струве В. В.* Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества // Изв. Гос. Академии истории материальной культуры. Вып. 97. С. 45—66.
33. *Струве В. В*. История древнего мира. Т. 1: Древний Восток. М., 1936.
34. *Струве В. В.* Параграфы 34 и 36 хеттского судебника // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 33—38.
35. *Струве В. В*. История Древнего Востока. Л., 1941.
36. *Струве В. В*. О «гуманности» хеттских законов // Вестник древней истории. 1947. № 4.
37. *Струве В. В*. К вопросу о специфике рабовладельческих обществ древнего Востока // Вестник Ленинградского ун-та. 1953. № 9.
38. *Фрейман А. А.* Хеттский язык в его отношении к индоевропейским // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1947. Т. 6. Вып. 3.
39. *Фрейман А. А*. Тохарский вопрос и его решение в отечественной науке // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. Вып. 3. Л., 1952. С. 123—135.
40. *Фридрих И*. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
41. *Шилейко В. К.* Богазкёйские фрагменты в собрании Н. П. Лихачева // Изв. Российской Академии истории материальной культуры. Т. 4. Л., 1925. С. 318—324.
42. *Alp S.* Bemerkungen zu den Hieroglyphen des hethitischen Monuments von Imamkulu // Archiv Orientální. 1950. Vol. 18. № 1/2.
43. *Alp S.* Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute und ihre hethitische Bezeichnung // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. Heidelberg, 1950.
44. *Ammer K.* Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Wien, 1952. Bd. 2. H. 4. S. 193—214.
45. *Barnett R. D.* Karatepe. The Key to the Hittite Hieroglyphs // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. 1953. Vol. 3.

46. *Benveniste E*. Une racine indo-européenne // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1932. T. 33. Vol. 2 (99). P. 133—135.
47. *Benveniste E*. Les classes sociales dans la tradition avestique // Journal asiatique. 1932. T. 211.
48. *Benveniste E*. Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935.
49. *Benveniste E*. Forme indo-européenne de gr. χθών // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken. Paris, 1937.
50. *Benveniste E*. Le problème du *þ* indo-européen // Bulletin de la Société linguistique. Paris, 1937. T. 38. Vol. 1. P. 139—147.
51. *Benveniste E*. Sur la théorie de la racine en indo-européen // 5ème Congrès international des linguistes. Reponses (Suite). Bruges, 1939.
52. *Benveniste E*. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948.
53. *Benveniste E.* La flexion pronominale en hittite // Language. 1953. Vol. 29. № 3.
54. *Bergsland K*. Sur les hypotheses les plus importantes relatives au phoneme hittite *h* // Revue hittite et asianique. 1938. Vol. IV. 8 année. Fasc. 31/32.
55. *Bittel K.* Hethiter und Proto-Hattier. Eine archäologische Betrachtung // Historia. 1950. Bd. I. H. 2. S. 267—286.
56. *Borgström C. Hj.* Internal Reconstruction of Pre-Indo-European Word-Forms // Word. 1954. Vol. 10. № 2/3 (Linguistics Today). P. 275—287.
57. *Bossert H. T.* Beispielsammlung zur hethitischen Formenlehre. I. Istanbul, 1935.
58. *Bossert H. T*. Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe // Oriens. I. 1948; Oriens. II. 1949; Archiv Orientální. 1950. Vol. 18. № 3. S. 10—42; Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1951. Bd. I. H. 3. S. 264—295; 1952. Bd. II. H. 2. S. 166—188.
59. *Bossert H.* Zu drei hieroglyphen-hethitischen Inschriften // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. H. 25.
60. *Bossert H. Th*. GIŠ.ḪUR // Bibliotheca Orientalis. 1952. Jg. 9. № 5/6. S. 172.
61. *Bossert H. Th*. Das hethitische Felsrelief bei Hanyeri (Gezbeli) // Orientalia. 1954. Vol. 22. Fasc. 2.
62. *Brandenstein G. G. von.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943.
63. *Brandenstein W*. Streifzüge. I. Die idg. Spiranten *þ* und *ð* // Glotta. 1936. Bd. 25. H. 1/2. S. 27—30.
64. *Brandenstein W.* Die idg. Lautgruppen *ms* und *ns* // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 5—12.
65. *Burrow T*. The Sanskrit Precative // Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Leipzig, 1954. P. 35—42.
66. *Contenau G*. La civilisation des hittites et des hourrites de Mitanni. Paris, 1946 (nouv. éd.).
67. *Couvreur W*. Les dérivés verbeaux en *-ske/o* du hittite et du tocharien // Revue des études indo-européennes. Bucarest, 1938. T. I. F. 1. P. 89—101.
68. *Couvreur W.* B-Tocharische Etymologien // Archiv Orientální. Vol. 18. № 1/2. 1950.
69. *Cuny A*. Notes de phonetique historique: indo-européen et sémitique // Revue de phonetique. II. 1912.
70. *Cuny A*. Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-semitiques. Paris, 1946.
71. *Delaporte L*. Les hittites. Paris, 1936.

72. *Delitzsch F.* Sumerisch — Akkadisch — Hethitische Vokabularfragmente. Berlin, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1914. Philosophisch-historische Klasse № 3).
73. *Dostál A.* K otázce slovotvorných typů, zvláště slovanských // Studie a práce linguistické. I. K šedesátým narozeninam akademika Bohuslava Havránka. Praha, 1954.
74. *Duchesne-Guillemin J.* Le problème de la racine // 5ème Congrès international des linguistes. Deuxième publication. Rapports. Bruges, 1939. P. 7—18.
75. *Endzelins J.* Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948.
76. *Ernout A.*, *Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3ème éd. Paris, 1951.
77. *Fraenkel E.* Morphologisches und Etymologisches // Lingua poznaniensis. IV. Poznań, 1953. S. 93—108.
78. *Friedrich J.* Staatsverträge des Hatti-Reiches. I. Leipzig, 1926; II. Leipzig, 1930.
79. *Friedrich J.* Die hethitischen Bruchstücke des Gilgames-Epos // Zeitschrift für Assyriologie. N. F. 1929. Bd. 5. H. 1/3.
80. *Friedrich J.* Hethitisches Elementarbuch. T. I. Heidelberg, 1940; T. II. Heidelberg, 1946.
81. *Friedrich J.* Zum hethitischen Lexikon // Journal of Cuneiform Studies. 1947. Vol. 1. № 4.
82. *Friedrich J.* Der churritische Mythus vom Schlangedämon Kedammu in hethitischer Sprache // Archiv Orientálni. 1949. Vol. 17. P. I. S. 230—254.
83. *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1—4. Heidelberg, 1952—1954.
84. *Friedrich J.* Zur Lesung der hethitischen Bilderschrift // Archiv Orientálni. 1953. Vol. 21. № 1.
85. *Friedrich J.* Das Glossenkeilwort *limma* im Hethitischen // Orientalia. N. S. 1953. Vol. 22. F. 2.
86. *Furlani G.* La religione degli hittiti. Bologna, 1936.
87. *Gaster Th. H.* Thespis. Ritual, Myth and Drama in the ancient Near East. New York, 1950.
88. *Gelb I. J.* The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Deciphrement of Hieroglyphic Hittite // Bibliotheca Orientalis. 1950. Jg. 7. № 5. P. 129—141.
89. *Georgiev V.* Etat actuel des recherches et coordination du travail dans la domaine des langues anciennes balcano-asianiques // Archiv Orientální. 1949. Vol. 17. P. I.
90. *Götze A.* Ḫattusilis. Leipzig, 1925.
91. *Götze A.* Madduwattas. Leipzig, 1928.
92. *Götze A.* Das Hethiter-Reich, ihre Stellung zwischen Ost und West // Der Alte Orient. Leipzig, 1928. Bd. 27. H. 2.
93. *Götze A.* Die Pestgebete des Mursilis. Отд. оттиск из «Kleinasiatische Forschungen». Bd. I. 1930.
94. *Götze A.* Neue Bruchstücke zum großen Text des Hattusilis. Leipzig, 1930.
95. *Götze A.* Die Annalen des Mursilis. Leipzig, 1933.
96. *Götze A.* Kleinasien // W. Otto. Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. 3. T. 1. Bd. 3. Dritter Abschnitt. Munich, 1933.
97. *Götze A.*, *Pedersen H.* Mursilis Sprachlähmung. København, 1934 (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, hist.-filol. Meddelelser. XXI. I).
98. *Götze A.* Hethiter, Churriter und Assyrer. Oslo, 1936.
99. *Goetze A.* (in cooperation with Sturtevant E.) The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938.

100. *Goetze A*. Kizzuwatna. New Haven, 1940 (Oriental Series Research. 22).
101. *Goetze A*. The Problem of Chronology and Early Hittite History // Bulletin of the American Schools Oriental Studies. Jerusalem; Bagdad, 1951. № 122. P. 18—25.
102. *Goetze A*. Contributions to Hittite Lexicography // Journal of Cuneiform Studies. 1951. Vol. 5. № 2.
103. *Goetze A*. The Theophorous Elements of the Anatolian Proper Names from Cappadocia // Language. 1953. Vol. 29. № 3.
104. *Goetze A*. The linguistic Continuity of Anatolia as shown by its proper names // Journal of Cuneiform Studies. 1954. Vol. 8. № 2. P. 74—81.
105. *Grassmann G.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873.
106. *Gurney O. R*. Hittite Prayers of Mursili II // University of Liverpool. Annals of Archaeology and Anthropology. Liverpool, 1940. Vol. 27.
107. *Gurney O*. The Hittites. London, 1952; 2nd ed. London, 1954.
108. *Güterbock H. G*. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern. II // Zeitschrift für Assyriologie. N. F. 1938. Bd. 10.
109. *Güterbock H. G*. The Vocative in Hittite // Journal of the American Oriental Society. 1945. Vol. 65. № 4. P. 248—257.
110. *Güterbock H. G*. Die Bedeutung der Bilinguis vom Karatepe für die Entzifferung der hethitischen Hieroglyphen // Eranos. 1949. Vol. 47. F. 3—4. S. 93—115.
111. *Güterbock H. G*. The Song of Ullikummi // Journal of Cuneiform Studies. 1951. Vol. 5. № 6; 1952. Vol. 6. № 1. P. 8—42.
112. *Güterbock H. G*. Authority and Law in the Hittite Kingdom // Authority and Law in the Ancient Orient. Supplement to JAOS. № 17. 1954.
113. *Hammerich L. L.* Laryngeal before a Sonant. København, 1948 (Meddelelser b. 31. № 3).
114. *Hardy R. S*. The Old Hittite Kingdom. A Political History // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1941. Vol. 58. № 2 (отдельное издание — Chicago, 1941).
115. *Hrozny F*. Die Sprache der Hethiter. Leipzig, 1917.
116. *Hrozny B*. L'invasion des indo-européens en Asie mineure vers 2000 av. J.-C. // Archiv Orientální. 1929. Vol. 1. № 3.
117. *Hrozny B*. Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens. Praha, 1943.
118. *Kammenhuber A*. Studien zum hethitischen Infinitivsystem // Mitteilingen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1954. Bd. 2. H. 1.
119. *Krause W*. Tocharian Studies in Germany // Word. 1948. Vol. 4.
120. *Krause W*. Westtocharische Crammatik. Bd. 1. Das Verbum. Heidelberg, 1952.
121. *Kronnasser H*. Structural Linguistics und Laryngal-theorie // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952.
122. *Kuiper F. B*. Zur Geschichte der indoiranischen *s*-Präsentia // Acta orientalia. 1934. Vol. 12. P. 3—4. S. 190—306.
123. *Kuiper F. B*. Traces of laryngeals in Vedic Sanskrit // India antiqua. Leyden, 1947. P. 198—212.
124. *Kuryłowicz J. ə* indo-européen et *ḫ* hittite // Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski. 1927. P. 95—104.

125. *Kuryłowicz J.* Études indo-européennes // Polska Akademja Umiejętności. Prace komisji językowej. № 21. Kraków, 1935.
126. *Kuryłowicz J.* L'indo-européen connaissait-il *A* à côté de *O*? // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken. Paris, 1937. P. 199—206.
127. *Kuryłowicz J.* Quelques problèmes de consonantisme indo-européen // Prace filologiczne. 17. Lwów, 1937.
128. *Kuryłowicz J.* Réflexions sur l'apophonie qualitative en indo-européen // Word. 1950. Vol. 6. № 3.
129. *Kuryłowicz J.* L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952.
130. *Kuryłowicz J.* Tzw. prawo Brugmanna w indoiranskim // Rozprawy komisji orientalistycznej. Warszawa, 1952. № 4. C. 58—62.
131. *Laroche E.* Hattic Deities and their Epithets // Journal of Cuneiform Studies. 1947. Vol. 1.
132. *Laroche E.* Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947.
133. *Laroche E.* Tessub, Hebat et leur cour // Journal of Cuneiform Studies. 1948. Vol. 2. № 2. P. 113—136.
134. *Laroche E.* Hittitica // Revue de philologie. 1949. T. 23. F. I. P. 36—40.
135. *Laroche E.* Le vœu de Puduhepa // Revue d'assyriologie. 1949. Vol. 43. № 1/2.
136. *Laroche E.* La bibliotheque de Hattusa // Archiv Orientální. 1949. Vol. 17. P. II.
137. *Laroche E.* Problèmes de la linguistique asianique // Conférences de 1'Institut de linguistique de 1'Université de Paris. 9 année. Paris, 1950.
138. *Laroche E.* Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951.
139. *Laroche E.* Le pantheon de Yazilikaya // Journal of Cuneiform Studies. 1952. Vol. 6. № 3. P. 115—123.
140. *Laroche E.* Suppiluliuma II // Revue d'assyriologie. 1953. Vol. 47. № 2. P. 70—78.
141. *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952.
142. *Martinet A.* Non-Apophonic *O*-Vocalism in Indo-European // Word. 1953. Vol. 9. № 3.
143. *Maurer Th. H.* Unity of Indo-European Ablaut System: the dissyllabic Roots // Language. 1947. Vol. 23. № 1/2. P. 1—22.
144. *Mayrhofer M.* Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. P. 39—55.
145. *Mayrhofer M.* Hethitisches *eku-* «trinken» und die vedische Bedeutung von *asnati* // Kuhn's Zeitschrift. 1953. Bd. 71. H. 1/2. S. 45—48.
146. *Meillet A.* Altarmenisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913.
147. *Meillet A.* La notion de radical en français // Linguistique historique et linguistique générale. T. II. Paris, 1936. P. 123—127.
148. *Meillet A.* Esquisse d'une grammaire comparée de l'armenien classique. 2ème éd. Vienne, 1936.
149. *Meriggi P.* La bilingue di Karatepe in cananeo e geroglifici etei // Athenaeum. Pavia, 1951. Vol. 29. Fasc. I—II.
150. *Meriggi P.* Schizzo della declinazione nominale dell'eteo geroglifico // Archivio glottologico italiano. Firenze, 1952. Vol. 37. Fasc. II.
151. *Meriggi P.* I nuovi frammenti e la storia di Kargamis // Athenaeum. N. S. Pavia, 1952. Vol. 30. Fasc. III—IV.

152. *Meriggi P*. I miti di Kumarpi, il Kronos currico // Athenaeum. N. S. Pavia, 1953. Vol. 31. P. 101—157.
153. *Messing G. M.* Selected Studies in Indo-European Phonology // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1947. Vol. 56.
154. *Möller H*. Die semitisch-vorindogermanischen laryngalen Konsonanten. København, 1917.
155. *Neufeld E*. Notes on Hittite Laws // Archiv Orientální. 1950. Vol. 18. № 4.
156. *Neufeld E*. The Hittite Laws. London, 1951.
157. *Otten H.* Ein Bestattungsritual hethitischer Könige // Zeitschrift für Assyriologie. N. F. 1940. Bd. 12.
158. *Otten H*. Zum Palaischen // Zeitschrift für Assyriologie. N. F. 1943. Bd. 14.
159. *Otten H*. Überlieferungen des Telepinu-Mythus. Berlin, 1944.
160. *Otten H*. Die Gottheit Lelvani der Boğazköy-Texte // Journal of Cuneiform Studies. 1950. Vol. 4. № 2.
161. *Otten H*. Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950.
162. *Otten H*. Ein althethitischer Vertrag mit Kizzuvatna // Journal of Cuneiform Studies. 1951. Vol. 5. № 4.
163. *Otten H*. Ein Beitrag zu den Boğazköy Tafeln im Archäologischen Museum zu Ankara // Bibliotheca Orientalis. 1951. Jg. 8. № 6.
164. *Otten H*. Ein kanaanäischer Mythus aus Boğazköy // Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung. Berlin, 1953. Bd. 1. H. 1.
165. *Otten H*. Hethitisch und Indogermanisch // Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse / Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1953. Jg. 2. H. 5.
166. *Otten H*. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1953.
167. *Pedersen H*. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938. (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Hist.-filol. Meddelelser. XXV. 2).
168. *Pedersen H*. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941.
169. *Pedersen H*. Zur tocharischen Sprachgeschichte. København, 1944.
170. *Pedersen H*. Lykisch und Hittitisch. København, 1949 (2. Aufl.). (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Hist.-filol. Meddelelser. XXX. 4).
171. *Pedersen H*. Eine tocharische Frage // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1950. Bd. 1. H. 1. S. 103—104.
172. *Persson P*. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. T. 1—2. Leipzig; Uppsala, 1912.
173. *Peruzzi G*. Storia e civiltà degli hittiti. Napoli, 1950.
174. *Pokorny J*. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 1—8. Bern, 1948—1954.
175. *Polomé E*. Notes sur le vocabulaire religieux du germanique // La nouvelle Clio. 1954. T. 6. № 1/2. P. 40—55.
176. *Ranoszek R*. À propos de KUB XXIII, 1 // Archiv Orientální. Vol. 18. № 4.
177. *Riemschneider M.* Augengott und heilige Hochzeit (Fragen zur vorgeschichtlichen Religion. 1). Leipzig, 1953.

178. *Rosenkranz B*. Der luwische Name des Sonnengottes // Journal of Cuneiform Studies. 1948. Vol. 2. № 4. P. 249—253.
179. *Rosenkranz B*. Der gegenwärtige Stand der Erforschung der luvischen Sprache // Bibliotheca Orientalis. 1952. Jg. 9. № 5/6.
180. *Rosenkranz B*. Die hethitische *hi*-Konjugation // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1953. Bd. 2. H. 3.
181. *Rosenkranz B*. Luvisch und «anatolische» Sprachen // Forschungen und Fortschritte. 1954. Jg. 28. H. 10. S. 308—312.
182. *Sapir E*. Indo-European Words for «tear». From Sapir's Desk // Language. 1939. Vol. 15. № 3. P. 180—187.
183. *Saussure F. de.* Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes // Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. Heidelberg, 1922.
184. *Saussure F. de.* Vieux prussien *siran* «le coeur» // Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. Heidelberg, 1922. P. 505.
185. *Schmidt J*. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.
186. *Schwartz B*. The Root and its Modification in Primitive Indo-European // Language Dissertation № 40 (Supplement to «Language». 1947. Vol. 23. № 1).
187. *Schwartz B*. A Hittite Ritual Text // Orientalia. 1947. Vol. 16. F. I.
188. *Sieg E*., *Siegling E.*, *Schulze W*. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931.
189. *Sieg E*. Übersetzungen aus dem Tocharischen I (Abh. d. Preuß. Akad. d. Wiss. Philos.-hist. Klasse № 16). Berlin, 1944.
190. *Sommer F*. Hethitisches. I. Leipzig, 1920; II. Leipzig, 1922.
191. *Sommer F.*, *Ehelolf H.* Das hethitische Ritual des Papanikri von Komana. Leipzig, 1924 (Boghazköi-Studien. H. 10).
192. *Sommer F*. Die Aḫḫiyavā-Urkunden. München, 1932 (Abh. d. Bayer. Akad. d. Wiss. Philos.-hist. Abt. N. F. 6).
193. *Sommer F.*, *Falkenstein A.* Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). München, 1938.
194. *Sommer F*. Aus Hans Ehelolf's Nachlaß // Zeitschrift für Assyriologie. N. F. Bd. 12. 1940.
195. *Sommer F*. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947.
196. *Sommer F.* Hethitisch *paršnā-* und *paršnă-* // Archiv Orientální. Vol. 17. P. 2. S. 374—378.
197. *Sommer F.* Altindisch *dhur-* // Die Sprache. Wien, 1949. Bd. 1. P. 150—163.
198. *Sommer F*. Zu den letzten Publikationen hethitischen Keilschrifttexte aus Berlin // Orientalistische Literaturzeitung. 1953. Jg. 18. № 1/2.
199. *Sommerfelt A*. Some New Ideas on the Structure of the Indo-European Parent Language // Transactions of the Philological Society 1945. London, 1946. P. 206—221.
200. *Specht F*. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Neudruck. Göttingen, 1947.
201. *Specht F.* Die «indogermanische» Sprachwissenschaft von den Junggrammatikern bis zum ersten Weltkriege // Lexis. Glückstadt, 1948. Bd. 1.
202. *Sturtevant E.*, *Bechtel G*. A Hittite Chrestomathy. Philadelphia, 1935.
203. *Sturtevant E. H*. Hittite Glossary. 2nd ed. Philadelphia, 1936.

204. *Sturtevant E*. Hittite Evidence against Fullgrade *o* // Language. 1938. Vol. 14.
205. *Sturtevant E*. The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942.
206. *Sturtevant E. H.*, *Hahn A*. A Comparative Grammar of the Hittite Language. New Haven, 1951. Vol. 1.
207. *Sturtevant E. H*. The Prehistory of Indo-European; a Summary // Language. 1952. Vol. 28. № 2. P. I.
208. *Thomas W*. Die Tocharische Verbaladjektive auf *-l*. Berlin, 1952.
209. *Tritsch F. J*. Lycian, Luwian and Hittite // Archiv Orientální. Praha, 1950. Vol. 18. № 1/2. P. 494—518.
210. *Vaillant A*. Hittite *sakhi*, latin *scio* // Bulletin de la Societe de linguistique de Paris. T. 42. F. 1 (№ 124). 1942—1945. P. 84—88.
211. *Ventris M.*, *Chadwick J.* Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives // The Journal of Hellenic Studies. 1953. Vol. 73.
212. *Werner R*. Zur Stellung des Luwischen unter den altanatolischen Sprachen // Orientalistische Literaturzeitung. 1954. № 7/8.
213. *Whatmough J*. Root and Base in Indo-European // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1943. Vol. 54.
214. *Witzel P. M*. Hethitische Keilschrifturkunden (Keilinschriftliche Studien, H. 4). Fulda, 1924.
215. *Zgusta L*. La théorie laryngale // Archiv Orientálni. 1951. Vol. 19. № 3/4.

ДОПОЛНЕНИЕ

В настоящем разделе за недостатком места приводится только часть полученной за последние десятилетия информации о словах, морфах и словообразовательных категориях, изучавшихся в книге. Дальнейшие детали можно найти в указываемой новой литературе. Выборочно я касаюсь здесь и дополнительной литературы (прежде всего обзорной, содержащей дальнейшие библиографические ссылки) и новых точек зрения и результатов, которые могут способствовать дальнейшей разработке полученных выводов.

К Введению

К рассмотренным во Введении и в Главе 2-й проблемам структуры корневой морфемы и связанным с этим вопросам (в частности, ларингальной теории) и к типологическому сравнению структуры индоевропейского корня с корнем в других семьях (в частности, картвельской) обращаются [Семереньи 1980: 111—115, 138—150; Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 215—266; Иванов 2001: 69—111].

К Главе 1-й

Структура глагольных основ и индоевропейских корней, в них обнаруживаемых (см. Главу 1), рассмотрена детально: [Иванов 1981; Oettinger 1979; Jasanoff 2003].

К § 1. История индоевропейского корня **es-* > др.-хет. *eš-/aš-* в хеттском и в других индоевропейских диалектах изучена в [Bader 1976; Oettinger 1979: 9, 80, 561—562; Иванов 1981: 73—92, 177—184 (вслед за Бадер подчеркнута ранняя роль тематических форм в образованиях от этого корня, а также архаических следов древнего спряжения в южно-анатолийском лувийском; собраны данные о древних неличных формах, в частности, с. 81—82 о специфике предикативного употребления причастия наст. вр. хет. *ašant-* и родственных

форм со значением ʻистинный, виновный’ в хеттском, латыни, древнеисландском, древнеиндийском); Puhvel 1984, Jasanoff 2003]. Обнаружение отглагольной формы лув. *puwa* ʻраньше, прежде, бывало’ (глагольный корень **bhuH-* ʻбыть, расти’ с ностратической этимологией) позволило восстановить возможную ностратическую парадигму глаголов, к которым восходят эти два индоевропейских. Первый из них был в хеттском (где в дописьменный период он должен был бы принадлежать ко второй серии форм, позднее давших спряжение на *-ḫi*) утрачен до возникновения ранних текстов в отличие от южно-анатолийских, см.: [Ivanov 2001; Иванов 2002: 233—238].

К § 2. Судьба индоевропейского корня **ed-* > др.-хет. *ed-*/*ad-* в анатолийском и других индоевропейских диалектах исследована в [Oettinger 1979: 90; Иванов 1981: 26—27, 92—97; Puhvel 1984].

К § 3. Об истории индоевропейского корня **g*^{wh}*en-* > др.-хет. *kuen-*/*kun-* см.: [Oettinger 1979: 119, Иванов 1981: 11, 14, сн. 4, 26, 110—115 (высказывается предположение, что активные атематические формы, по огласовке совпадающие в хеттском и древнеиндийском, были инновацией этих диалектов, тогда как в авестийском сохранились следы архаичных медиальных форм), Puhvel 1996].

К § 4. Формы глагола, образованного от корня **wek̂-* > др.-хет. *wek-*, рассмотрены в [Oettinger 1979: 93, 100, 136; Иванов 1965: 59; 1981: 11, 60].

К § 5. О глаголе **ēp-*> др.-хет. *ēp-* см.: [Oettinger 1979: 12; Puhvel 1984; Иванов 2001: 12].

К § 6. Об индо-иранских соответствиях именным формам, образованным от хет. *tarḫ-*, см.: [Иванов 2001: 13, 104, 154, 194]. Из производных от этой основы значительный интерес представляет название новой хеттской столицы *Tarḫ-unt-ašša-š*, ср. о ее создании [Singer 1996].

К § 7. О характере производных от корня **s*(*e*/*o*)*nH-*/*sn̥H* > хет. *šanḫ-* в свете ларингальной теории см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 1: 198].

К § 8. О формах, восходящих к **Horg-* > хет. *ḫark-*, см.: [Oettinger 1979: 9, 43, 191; Иванов 1965: 62; 1981: 41—42].

К § 9. Об анатолийских и тохарских глаголах, возводимых к корню **e*/*ok*^{w}-: [Krause, Thomas 1960, I: 197; Иванов 1981: 11].

К § 10. Формы, производные от корня **leuk-*/**luk-*, рассмотрены в [Oettinger 1979: 271—276, 341; Иванов 1981: 13, 86, 98, 118]; семантика хеттской, древнеиндийской и тохарской форм типа хет. *lalukk-ima-* изучена в [Иванов 2003: 27—30].

К § 11. Анализу индоевропейского названия ʻночи’, посвящена одна из последних работ В. Н. Топорова, написанная незадолго до смерти великого ученого: [Топоров 2005], о глаголе хет. *neku-* < **nek*^{w}- [Там же: 174; Иванов 1981: 118; 2001: 104].

К § 12. О древнейших формах медиопассива (в раннем хеттском спряжении на *-ḫi*) от корня **k̂ei-* и их диалектных вариантах см.: [Neu 1968a, b; Oettinger 1979: 525, 556]; ср. [Иванов 1981: 38, 54; 2001: 158, 163].

К § 13. О корне **swep-*/**sup-* > хет. *šup-*, глаголах, от него образованных, и семантическом поле слов, относящихся ко сну в хеттском языке, см.: [Иванов 1981: 118; 2001: 16].

К § 14. О корне **ses-* > хет. *šeš-* см.: [Иванов 1961; 1981: 55, 130; 2001: 102].

К § 15. Об истории глагола **ei-* и производных от него, в частности, хет. *pai-*, *uwa-*, *iya-* см.: [Иванов 1965: 75, 117—120; 1981: 97—103; Puhvel HED, 2, 1984: 325; CHD, P: s.v. *pai-*].

К § 16. О хеттском глаголе *dai-*/*te-* < **dheH-* и производных от того же корня в других индоевропейских языках см.: [Oettinger 1979: 125; Lindeman 1979; Иванов 1981: 139—157].

К § 17. О глагольных формах от корня **e*/*or-* см.: [Bader 1978: 38; Neu 1974: 91; Иванов 1981: 60, 65].

К § 18. О хеттском глаголе *nai-*/*ne-* и его соответствии в древнеиндийском см.: [Oettinger 1979: 515; Lindeman 1979: 154—155; Иванов 1981: 60, 181—182].

К § 19. О корне **spe*/*ond-* > хет. *š*(*i*)*pant-*/*išpant-* ср.: [Иванов 1965: 83, 100; 1968: 229; 1981: 91].

К § 20. О грамматических особенностях форм, родственных хет. *gang*(*a*)*ḫḫi*, см.: [Иванов 1981: 61].

К § 21. О типе спряжения форм от корня **sek-*, хет. *šak-* ср.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 178, Иванов 1981: 61].

К § 22. Об истории форм хет. *ēš-* см.: [Watkins 1969: 86; Oettinger 1976: 121; 1979: 514; Иванов 1981: 55; Puhvel 1984].

К § 23. О формах, образованных от корня **wes-*, в хеттском и древнеиранском ср.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 695, 824; Иванов 2001: 38, 210].

К § 24. О значении и употреблении форм, образованных от корня **dhur-*, в хеттском и ведийском, см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 731; Иванов 2001: 38, 310].

К § 25. О двучленных структурах (биномах по схеме Бенвениста), образуемых с участием корня **wer-* в качестве первого элемента, см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 231].

К § 26. О хеттском глаголе *waršaniya-* см.: [Oettinger 1979].

К § 27. Одним из ценных открытий В. Н. Топорова, сделанных им в начале его занятий славянской и индоевропейской этимологией, было наблюдение об архаизме значения древнесловенского глагола в формуле *roti*, *kojixže ne pasem* ‘клятвы (соответствует др.-инд. *vrata-*), которые мы не соблюдаем’ во Фрейзингенских отрывках. Как заметил *В. Н. Топоров [1959: 92—93],

значение глагола ʻхранить (клятвы, слово)ʼ в древнесловенском согласуется с незадолго до того найденными аналогичными употреблениями родственного глагола в хеттском и тохарском.

Наиболее близкой хеттской параллелью являются формулы типа *lingai-* ʻклятваʼ (вин. п. мн. ч. *lingauš* ʻклятвыʼ, корень **leig-* ʻсвязывать' [Puhvel 1991], s.v. *lingai-*, лат. *ligāre* [Pokorny 1959: 668; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 806]; возможна связь с др.-инд. *ā-liṅg-* ʻсоединять', *liṅga-* ʻзнакʼ с вероятными литовскими соответствиями ([Топоров 2006: 113—116]) + *paḫš-* ʻхранить, соблюдать, выполнять клятвуʼ (= аккадск. *ADE*/*MĀMĪTA*/*NIŠ NAṢARU*): *nu-mān kūš lingauš paḫ*(*a*)*šduma šumeš-a* DINGIR^{MEŠ}*-eš paḫšantaru* ʻесли вы соблюдете (сохраните) эти клятвы, да хранят вас богиʼ (договор хеттов с каскайцами среднехеттского периода [Schuler 1965: 111], см. о дубликатах к этому тексту и других аналогичных местах в хеттских и аккадских договорах [CHD 1980: 67; 1990: s. v. *paḫš-*]); *nu NI-ŠI* DINGIR-*LIM ŠA* LUGAL *U* ŠU LUGAL *paḫši* ʻхрани клятву царя и руку царяʼ, KBo 5.9.1 23—24 [Friedrich 1926]; *mān-wa kima NI-IŠ* DINGIR-*LIM paḫašteni* «мол. ʻесли же эту клятву божества будете соблюдать/хранить'», KUB 43.38 rev. 29 (новохеттский ритуальный текст, ср. более широкий контекст с переводом: [Айхенвальд, Баюн, Иванов 1985: словарная статья № 9]). Божества клятвы (*linkiyaš* = *NI-IŠ* DINGIR^{MEŠ}) сами выступают как субъект при этом медиальном глаголе: *nu-tta kuš NI-IŠ* DINGIR^{MEŠ}… SILIM-*li paḫšan*[*t*]*aru* ʻи тебя боги клятвы... на благо (твое) будут защищать (хранить)ʼ, KBo 4.10 rev. 6—10, договор с Ульми-Тешшубом, о восстановлении лакуны по фрагментам см.: [CHD 1990: s.v. *paḫš-*]). Хеттский глагол *paḫš-* в качестве переходного сочетается с выражающими соответствующий объект действия существительными, относящимися к тому же семантическому полю, что ʻклятваʼ: *uttar* ʻслово, вещь, дело, причинаʼ (= аккад. *AWATU*, шумер. INIM ʻсловоʼ; хеттское существительное из и.-е. **wed-tr̥*, ср. об этом корне **wed-* ʻговоритьʼ [Pokorny 1959: 76, Watkins 1985: 73; Топоров 2006: 460, 486]) + *paḫš-* ʻхранить, беречь словоʼ — *man-ma kē AWATE*^{MEŠ} (вариант INIM^{MEŠ}) *paḫḫaštin nu-tta-kan... aššu*[(*li pa*)]*ḫšantaru* ʻно если вы будете следовать этим словам (как видно из предшествующей части этого текста, — словам таблички), то [боги клятвы] тебя (на твое) благо защитятʼ, KUB 21.1 IV 42—44, новохеттский договор Мурсилиса II с Алаксанду [Friedrich 1931, I: 82 и след.], ср. выше об аналогичной фразе в договоре с Ульми-Тешшубом, параллели в других договорах отмечены в [CHD 1990: s. v. *paḫš-*]); *kuiš-ma kē AWATE*^{MEŠ} *paḫšari* ʻ(тот,) который сохранит эти словаʼ, KUB 21.15 IV 6 (новохеттская автобиография Хаттусилиса III [Sturtevant, Bechtel 1936; Goetze 1930: 52]); LUGAL-*waš uttar paḫḫašten* ʻслово отца храните'), KUB 31,115. 15—19 (поздняя копия древнехеттского текста Пимпиры), см. также приводимые ниже примеры употребления этой формулы в древнехеттском «Заве-

щании» царя Хаттусилиса I (к этим случаям примыкает и установленное Чикагским словарем значение «хранить секрет» — «слово» — *memiyan*, содержащее тайну [CHD 1990: s.v. *paḫš-*]).

Из других оборотов с хет. *paḫš-* для сопоставления с подобным употреблением тохарского глагола особенно интересно хеттское словосочетание *išḫiul* ʻсоглашение, договор, поведение, обязанность’ (древнее обозначение «общественного договора», заимствованное в форме *išḫiullum* ʻфинансовый договор’ в язык староассирийских табличек из торговых колоний в Каппадокии рубежа III—II тыс. до н. э. и поэтому относящееся к числу самых ранних индоевропейских слов, известных из письменной традиции; этимологически тождественно лит. *siū́las* ʻнить, нитка’ от основы глагола лит. *siùva*, ст.-слав. **шити**, др.-инд. причаст. *syū-tá-* ʻсшитый’, *syū́-man* ʻнить’, хет. *išḫi-mana* ʻверевка, ремень’, *išḫiya-* ʻсвязывать’, лув. *ḫṛšḫiya-* ʻсвязывать’ [Pokorny 1959: 915, Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 704; Watkins 1985: 68—69; Иванов 1981: 166; 2001: 15, 90]) + *paḫš-* ʻсоблюдать договоренность, исполнять обязанность, следовать предписанному поведению’: *nu zik HAZANNU ŠA* ^{URU}*Hatti išḫiul kišan paḫši* ʻты, чиновник «хазанну», следуй таким (описанным выше) образом поведению, положенному в стране хеттов (в городе Хаттусе)’ Bo 69/1266 (далее следует запрет позволять кому-нибудь добиться уклонения чиновника от этой линии поведения [CHD 1990: s.v. *paḫš-*], заключение инструкций этому виду чиновников). Приведенная формула может сочетаться с близкой к ней по значению *šaklai-* (ʻобряд, обычай’, сопоставляется с корнем лат. *sacer* ʻсвященный’ [Pokorny 1959: 878; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 801; Watkins 1985: 55] + *paḫš-* ʻсоблюдать обычай, совершать обряд’: [*n*]*u-wa* É *išḫiul šaklaini-a paḫši* ʻи, мол, охраняй дом (= храм богини Иштар), исполняй обязанность, следуй обряду (обычаю)’, KBo 17.65 rev. 58, обряд при рождении ребенка (к сочетанию двух последних существительных, см. строку из гимна Богу Солнца: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 801, примеч. 1]).

По существу точно совпадающее значение (хотя и выступающее в более позднем контексте буддийской проповеди) характеризует родственные тохарские слова — тох. A *pās-* ʻблюсти (закон, заповедь), охранять (мысль), защищать, спасать, избавлять, пасти’ [Lane 1948: 22; Иванов 1961]: *yātka sakkrenta* (= *sak krenta*) *passi wnolmeṃy*[*a*](*mo*)*rnta* ʻон приказал существам хранить (выполнять) десять добрых дел (= др.-инд. *śila-*)’ [Sieg, Siegling 1921: 22a7]; тох. B *pāsk-* ʻблюсти, хранить (нравственность, закон, заповедь), вести себя согласно нравственному закону, защищать, охранять’ [Adams 1999: 219], ср. *śak karmassai ytari taupa passimar* ʻдесять дорог делания, да храню (да блюду) я их’ «Udānāstotra», 3a4.

Общее для двух тохарских языков употребление тох. A *pāš-* и тох. B *pāsk-* применительно к десяти добрым делам относится ко времени влияния

буддизма на говоривших на этих языках. Но само значение глаголов в этих выражениях предполагает их изначальное семантическое сходство. Существенность значений, связанных с «исполнением нравственного закона», для тохарского B *pāsk-* и A *pās-* видна и в частоте имеющих такой смысл сочетаний этих глаголов (по распространенному в древних индоевропейских языках типу figura etymologica) с образованными от них существительными B *papāṣṣorñe* ʻнравственный закон’, A *pāpṣune* [Van Windekens 1976: 33]; в обоих тохарских языках эти отвлеченные существительные образованы от редуплицированных основ причастий прошедшего времени — B *pāpṣu*, A *papāṣṣu* с помощью суффиксов, восходящих соответственно к гетероклитическим *-*u*/*we*/*or*/*n*-, ср. [Иванов 2001: 153—155]. Сочетания однокоренных глаголов и существительных B *papāṣṣorñe pāsk-*, A *pāpṣune pās-* означают ʻвести нравственный образ жизни, придерживаться нравственного закона’. Для сравнения этих сочетаний и их прагматического контекста в речи с употреблением родственных форм в древнехеттском особый интерес представляет следующий отрывок из тохарской A буддийской мистериальной пьесы:

lyukrā kakmusām purpār tkaṃ [*ena*] *ṣṣi, se!*
āpas pācräṣṣi śaśmunt slyi cam mar katkat!
ppāsār pāpsune, paṣṣ el, päṣṣäm talkyentu!
pyām yark kraṅcäṣṣi, peṃsār ykoṅca]*s*

ʻНаслаждайся землей (, к тебе) пришедшей (= тебе доставшейся по наследству! Правь ею, о сын!
Не отступай от правил, установленных праотцами (предками)!
Придерживайся нравственного закона, раздавай дары и совершай жертвоприношения!
Заставляй добрых (людей) воздавать тебе почести, наказывай забывающих (о долге)!
(Maitreyasamiti-Nataka [Sieg, Siegling 1921: A 256 a 2—5])

При всем различии эпох и характера самих нравственных предписаний семантика и прагматика глагола, обозначающего сохранение этих предписаний, предписываемое отцом царскому сыну (наследнику), полностью совпадает в цитируемом тохарском A отрывке (VII в. н. э.) и в древнехеттском завещании Хаттусилиса I (XVII в. до н. э.), KUB 1.16, и в связанных с ним текстах (2 BoTU 10 β, § 3, 22). Сопоставление указанных близких значений родственных глаголов в хеттском, тохарском и славянском позволяет поставить вопрос о соотношении разных употреблений этих слов не только в каждом из сравниваемых языков, но и в праиндоевропейском. В древнехеттском преобладающим было значение «хранить слово, исполнять заповедь», но в том же «Завещании» Хаттусилиса III, откуда выше приведены примеры такого употребления *paḫš-* и производного *paḫš-anu-*, есть в заключительной его

части выражение *nu-mu... takn-az paḫši* ʻи похорони меня (= сохрани меня) посредством земли (= в земле)ʼ KUB 1.16 III 71—72 (в аккадском тексте этого двуязычного документа использована соответствующая формула *INA ERṢETIM USRINNI*, там же, IV, 71—72). Развитие значений аналогично рус. *хоронить — хорониться*, ст.-слав. **хранити**.

В позднейших среднехеттских и новохеттских текстах глагол и его производные сохраняет основное значение «хранить, сохранять» по отношению к людям, имуществу, ценностям, а также всем упомянутым выше нравственным и словесным категориям (к последним близко и значение «хранить секрет», установленное Чикагским словарем). В качестве дополнительных значений отмечаются «предохранять, обезопасить от вредных вещей», «стараться найти спасение в чем-либо», «быть настороже по отношению к чему-либо» [CHD 1990: s.v. *paḫš-*].

В тохарских языках при повышенной распространенности (особенно в тохарском B) отмеченных выше буддийских нравственных контекстов основным значением остается «хранить, сохранять, защищать». В тохарском A глагольные производные употребляются и по отношению к пастьбе скота: *semal pasäl* ʻскотоводствоʼ переводит др.-инд. *paśupalya* и обозначает одно из 3 главных занятий населения [Sieg, Siegling 1921: 22a7]. Отсутствие аналогичных случаев использования глагола является отличительной особенностью хеттского языка, в котором до сих пор ни в одном из опубликованных текстов не встретился пример употребления глагола *paḫš-* по отношению к скоту. Этим хеттский язык отличается ото всех других индоевропейских языков, включая тохарский. Возникает подозрение, что глагол в раннеиндоевропейском («индо-хеттском»), до отделения хеттского и других (северо)-антолийских языков от общеиндоевропейского праязыка мог еще не иметь специального значения «пасти (скот)», которое характеризует латинские и славянские глаголы с суффиксами *-s-/-sk-* и индо-иранские глагольные формы, образованные от бессуффиксального **pā-*, как и др.-арм. *hoviw* ʻпастухʼ < **Howi-paH-*. Неучастие хет. *paḫš-* в текстах, относящихся к скотоводству, могло быть связано с сохранением в хеттском языке глагола *wešiya-* ʻпастиʼ, который, судя по иранским соответствиям (авест. *vāstrya-* ʻсельскохозяйственная каста населенияʼ), был унаследован от общеиндоевропейского праязыка. Особенно показательно употребление хеттского отглагольного имени действия *weš-tara-š* ʻпастухʼ (с архаическим суффиксом *-tara-*) по отношению к богу в молитве Солнцу царя Мурсилиса II, совпадающее с авест. *vāstar-* в близком употреблении в молитве Души Скота в Гатах «Авесты» ([Иванов 1957; Benveniste 1962]). В латинской традиции соответствующее имя существительное *pāstor* образовано от лат. *pāscō* ʻпасуʼ. Как предположила Ф. Бадер, западная изоглосса в индоевропейской языковой области представ-

лена значением ʻпасти’ (в частности, в латинском и славянском), а восточная изоглосса — значением ʻзащитить’ — в хеттском ([Bader 1976]), ср. также о значениях глагола в индоевропейском и его возможных продолжениях в других диалектах ([Bader 1974; 1978]). Нормир ставил вопрос о существовании двух первоначально различных глагольных корней — хеттско-тохарского и исходного для форм других диалектов, но этот взгляд подвергался оправданной критике ([Adams 1999: 219]), т. к. существуют семантические промежуточные звенья (в частности, в разбираемых славянских словах) и грамматические формы разных языков очень близки (в особенности медиопассивные). Однако, поскольку сейчас компаративисты соглашаются в признании хеттского и тохарского ранее всего отделившимися диалектами, кажется возможным допущение, что в этих языках отразились наиболее ранние черты семантики индоевропейского глагола. Нельзя полностью исключить и возможность социолингвистического подхода к различиям в употреблении слов: лексика, относящаяся к скотоводству, могла и не находить отражения в государственных договорах, из которых черпается большинство древнехеттских примеров.

Из дополнительных аргументов, которые можно было бы привести в пользу предположения об особом архаизме рассмотренных выше «словесных» и нравственных значений в хеттском (и тохарском), можно было бы указать на грамматические особенности хеттского глагола. Как и в тохарском и в латыни, большинство его форм являются медиопассивными. Исходя из понимания среднего залога как субъективного, предложенного Бенвенистом в связи с анализом хеттского глагола и принятого затем рядом лингвистов ([Семереньи 1980: 269—270]), казалось бы возможным допустить, что глагол потому относится к медиопассиву, что он дает характеристику житейской позиции субъекта по отношению к словесным текстам (клятвам, наставлениям, заповедям). Принадлежность хеттского *paḫš-* к спряжению на *-ḫi*, которое связано с медиопассивом и его семантикой ([Иванов 1981]) подтверждает это же предположение.

Гипотеза, по которой хеттский глагол утратил значение, которое было в «западном» ареале индоевропейского, пока нельзя было бы подтвердить достоверными доводами. Однако в пользу этой гипотезы говорили бы некоторые из предложенных ностратических соответствий. Но предполагаемые слова, родственные и.-е. **pe/oH-* в уральском (**pə̄ńa* ʻпасти, присматривать за скотом’, саамск. *binnje* ʻсодержать, присматривать’ [Иллич-Свитыч 1971: 354]) и дравидийском (**pēn-*, ю.-дравид. **pēn-*, прателугу *pen-*) были найдены на основании прежних индоевропейских семантических реконструкций и поэтому возможно сами нуждаются еще в уточнении. С фонетической и семантической стороны ничто не мешает сравнению индоевропейских слов с эламским *baḫa* ʻзащита, защитник’ [Rosenkranz 1971; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 883].

Но слово можно было бы считать ностратическим только в случае принятия эламско-дравидийского родства, остающегося спорным. В противном случае вероятнее его расценить как заимствование из одного из раннеиндоевропейских (индо-хеттских) диалектов, где еще сохранялись ларингальные. Оно бы подтвердило, что в этот период основным было значение «защищать», еще не приуроченное к скоту, но в некоторых диалектах специализировавшееся в значениях, связанных со «словом».

К § 28. Об употреблении производных от корня **wes-* см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 705].

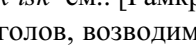
К § 29. О хет. *kalleš-* и его древнегреческом соответствии см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 202].

К § 30. Хет. *damaš-* и родственные глаголы в других индоевропейских языках рассмотрены в кн.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 483—484, примеч. 3].

К § 31. Об употреблении производных от корня **we/os-* > хет. *waš-* см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 747].

К § 32. О словах индоевропейских языков, родственных хет. *keš-*, см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 578, примеч. 1].

К § 33. О формах типа хет. *dušk-išk-* см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 347].

К § 34. О типе спряжения глаголов, возводимых к корню **mold-*, и их семантике ср.: [Oettinger 1979: 322, 443; Stang 1966: 327; Иванов 1960; 1965: 104, 244—246; 1981: 171]. Сохранению праславянского *-dl-* < и.-е. **-ld-* (др.-хетт. *maldai-* ‘молиться принося жертву’,  *nu ma-a-al-taḫ-ḫu-un* ‘и я помолился, совершив жертвоприношение’, надпись Анитты, 59; лит. *maldýti*, латыш. [*sa*]*maldît*) в др.-слов. *modliti se* ‘молиться’ (и в соответствующих формах в современных сев.-словенских диалектах) отвечают сходные формы в зап. слав. языках: словацк. *modliti sa*, чеш. *modliti se*, польск. *modlić się*, в.-луж. *modlić so*, н.-луж. *modliś.* Изоглосса **modl-* > **mol-* характеризует большинство ю.-слав. языков и вост. диалекты за исключением испытавших влияние балтийской зоны. В последних осуществился переход **-dl-* > *-gl-*. Зап.-слав. **modl-* ‘молиться’ и вост.-слав./ю.-слав. **mol-* соответствует **mogl-* в польских диалетах Мазовши и Куявы [Brückner 1907; Шахматов 1915: 100; Taszycki 1957; Karaś 1986]. В др.-польск. текстах с такими диалектными чертами обнаруживаются формы от *moglić* ‘молиться’ (*się moglił*, «De morte prologus», написано в 1463—1465 гг., 1.23, [Chr. St. pol.: 268]; «Historia Aleksanra Wielkiego, krola macedońskiego», переведенная с латинского в 1510 г., 1.172, [Chr. St. pol.: 227]; *się mogliła*, «O pokusie celestnej panny Eufraksyjej», переведено с латинского в 1524 г., 1.30, [Chr. St. pol.: 119], *moglitwa* ‘молитва’ (*moglytwa*, «Jako panna Eufraksyja w naprawy ducha złego mało sobie oka nie wykłoła», переведено с латинского в 1524 г., 1.87, [Chr. St. pol.: 120]).

К § 35. О хет. *lišš-ai-* ‘подбирать, собирать’ и германо-балтийском соответствии см.: [CHD, 1980: vol. 3, f. l, p. 72; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 826, примеч. 3].

К § 36. О хет. *iškallai-* и родственных словах других индоевропейских и ностратических языков [Oettinger 1979: 514, 549; Иллич-Свитыч 1971, 1: 196; Иванов 1981: 172].

К § 37. Хеттские и другие индоевропейские формы, родственные хет. *laḫḫuwa-*, изучаются в кн. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 211, 221].

К § 38. Хет. *malla-* и родственные формы в других индоевропейских языках рассматриваются в: [CHD, 1980: vol. 3, f. l, p. 13—15; Oettinger 1979: 277—279; Stang 1966: 333, 337, 360, 475; Иванов 1981: 170].

К § 39. Хет. *taya-* и родственные слова описаны в кн. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 748].

К § 40. Хет. *iya-* и родственные формы других анатолийских языков и тохарского рассмотрены в: [Oettinger 1979: 26, 347—349, 242; Иванов 1965: 140—141; 1981: 12—13].

К § 41. Хет. *mema-* рассматривается в: [Иванов 1981: 172; Van Brock 1964: 137; Oettinger 1979: 486; Puhvel 2004; CHD 1986: vol. 3, f. 3, p. 254—263].

К § 42. О названии «сердца» в хеттском и индоевропейском ср.: [Szemerényi 1970; Xu 1995; Puhvel 1997; Иванов 1981: 143—148 (об этимологии хет. *karat* в сравнении с др.-инд. *śrad*, лат. *credō*)]. К семантической типологии ср.: [Флоренский 1914]. В целом о хеттском именном словообразовании см.: [Riecken 1999]. Обзор древних форм именного склонения: [Adrados 1988].

К § 43. О хет. *wett-* см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, П: 783].

К § 44. О формах, родственных хеттскому *ḫant-*, см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 814]. Возможные соответствия в афроазиатском, в частности, древнеегипетском, впервые указанные Форрером, обсуждаются в кн. [Levin 1995: 382 и след.].

К § 45. О формах, родственных хет. *parku-* см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 781, 879].

К § 46. Спорные вопросы, относящиеся к этимологии хет. *panku-* и *pankur*, рассмотрены ниже в дополнении к Приложению I.

К § 47. Хет. *tepu-* и слова, ему родственные, изучаются в кн. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 782].

К § 48. Прилагательное хет. *aššu-* и родственные слова разобраны в: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 780, 860; Puhvel 1984: vol. 1; Иванов 2001: 123].

К § 49. О хеттском прилагательном *dankui-* см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 200; II: 711; Oettinger 1989—1990].

К § 50. О хеттском прилагательном *ḫarki-* см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 200; II: 711].

К § 51. О хеттском прилагательном *mekki-* см.: [Puhvel, CHD 1986: vol. 3, f. 3, p. 244—249; Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 208; II: 782].

К § 52. О хеттском прилагательном *palḫi-* см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 198, 200, 205; II: 781; CHD 1990: vol. 3].

К § 53. О словах, родственных хет. *watar*, см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 273; II: 671; Иванов 2001: 108, 198].

К § 54 и к Приложению 2. О хет. *pattar* и родственных словах см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 45, 57, 226; II: 537]; оба омонима подробно разобраны в [CHD 1990: vol. 3, f. l].

К § 55. Хет. *ešḫar* и родственные слова рассмотрены в: [Puhvel 1984: vol. 2; Иванов 2001: 31].

К § 56. Хет. *paḫḫur* и родственные формы других индоевропейских языков рассмотрены в работах: [Иванов 1960; 2003; CHD 1990: vol. 3, f. l].

К § 57. Формы, родственные хет. *ḫappar*, *ḫappinant-*, разъясняются благодаря сопоставлению с хеттским корневым атматическим глаголом спряжения на *-mi ḫap-* ‘быть в изобилии’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *ḫap-zi*), родственном лат. *Op-s* ‘Божество Плодородия’ (корневое атематическое имя существительное [Иванов 1981: 118]), родственно лат. *op-ul-ent-us* ‘богатый’, диссимиляция из **op-en-ent-* = **Hop-en-ent-* > хет. *ḫappinant-* ‘богатый’, лат. *op-es* ‘имущество, изобилие, богатство’, др.-инд. *ap-na-* ‘имущество, богатство, работа’, авест. *afnah-vant-* ‘богатый имуществом’ (ср. об этих и других соответствиях [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 746]).

К § 58. О хеттском существительном *keššar* и родственных словах других индоевропейских языков ср. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 785; Иванов 2001: 85]. Представляется возможным, что исходной для всех диалектов была гетероклитическая парадигма с противопоставлением формы им.-вин. п. на *-r*, отраженной в анатолийском (с закономерной утратой начального звонкого придыхательного заднеязычного смычного в южно-анатолийском: лув. *iššari*, лик. *izre*), тохарском (A *tsar*, B *ṣar*), древнегреческом (*χεί̯ᾱ*) и формы косвеных падежей на *-n* (контаминацию обеих форм можно было бы видеть в др.-арм. *jeṙn*). В части диалектов первоначально за этими гетероклитическими показателями могло следовать *-t* (ср. тип др.-инд. *yak-ṛ-t* ‘печень’). В индо-иранском (др.-инд. *hasta-*, авест. *zasta-*), латинском *(praesto* < **pra-hestōd* ‘под рукой’), балтийском (лит. *pa-žasti-s* ‘подмышка’) этот суффикс позднее заменил вытесненный им гетероклитический суффикс и вошел в сочетание с последующим элементом.

К § 59. Наиболее интересной гипотезой, касающейся слов, родственных хет. *ḫara*(*n*)-, является предположение, по которому родственное имя существительное в индоевропейском «евфратском» диалекте (Ю. Месопотамия, IV тыс. до н. э.) имело форму *ḫurin* ‘орел’ [Wittaker 1998; Иванов 2004: 48].

Если эта интерпретация слова подтвердится, можно будет думать, что в евфратском хотя бы в части слов индоевропейского происхождения сохраняется (начальный) ларингальный (перед гласным **o*, который в клинописи мог передаваться посредством знаков для *u*).

К § 60. Прояснению необычного чередования в корневой морфеме хет. *aiš-*/*išš-* могут способствовать ностратические параллели. В частности, возможно родство с пратюрк. **Agiŕ* > др.-тюркск. *ayiz* (о дальнейших алтайских соответствиях см.: [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: pt. I, A—K, p. 274]), праэскимосско-алеутск. *ayi-ttaR* ʻоткрытый ротʼ [Иванов 2005: 89]. Согласный, след которого можно было бы видеть в этих формах, мог соответствовать исчезнувшей фонеме также и в индоевропейском. Индоевропейское название «рта» отличается многообразием вариантов, которые имеют общие элементы в начале и конце корня: начальный гласный **o* и конечный спирант **-s-*. Между двумя этими постоянными фонемами находятся такие переменные, которые отличаются от одной диалектной группы к другой. В индо-иранском и кельто-италийском реконструируется в этой серединной позиции ларингальный **H*. Его исчезновение вызвало образование долгого гласного, отраженного в санскрите.

К § 61. Об истолковании хет. *maklant-* в свете ларингальной гипотезы см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 209].

К § 62. Вопрос об этимологии хет. *ḫešta* и об отношении этого слова к хеттскому и индоевропейскому названию «кости» остается спорным.

К § 63. Высказанное автором в рукописи книги и в напечатанной сразу после ее написания статье ([Иванов 1958]) предположение о значении лув. *mallit* ʻмедʼ совпало с вышедшим тогда же аналогичным выводом П. Мериджи, принятым всеми специалистами.

К § 64. Хет. *daluki-* при наличии известных фонетических трудностей (истолкование *-u-*) представляет собой соответствие прилагательному со значением ʻдолгий, длинныйʼ в ряде родственных языков. Разительное словообразовательное сходство хеттского производного существительного *dalugašti* ʻдлинаʼ и праславянского слова **dъlg-ostь* с тем же значением вопреки сомнениям Бенвениста ([Benveniste 1962]) и некоторых других ученых нельзя считать результатом конвергенции, объясняемой параллельным независимым развитием (см.: [Иванов 1987]). Соответствие является одной из изоглосс, указывающих на контакты северно-анатолийского с индоевропейским диалектом, который был первоначальным источником праславянского.

К § 65. Хеттское существительное *karawar* входит в группу образованных от одного корня индоевропейских слов, обозначающих ʻрог, голову, рогатое животноеʼ [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 173; Nussbaum 1986]. Поскольку в славянских собирательных формах (ст.-слав. вода), восходящих к

праиндоевропейским, конечное *-r* (как представленное в хет. *watar* ʻвода, водыʼ) отсутствует, можно (вслед за Бирнбаумом) предположить его потерю (в определенных фонетических-акцентологических условиях, как полагал еще Фортунатов в отношении существительных с основой на *-r*: рус. *мать*, *дочь*). В рус. *корова* и родственных словах других славянских и балтийских языков можно видеть точное морфологическое соответствие хет. *karawar* < **kor-w*(*e*/*o*)*r*- (с точки зрения сравнительно-исторической фонетики особенностью слов типа рус. *корова*, лит. *karvė* является отражение индоевропейских заднеязычных по типу *centum*, но такого рода рефлексы в балто-славянском в определенных позициях вполне возможны).

К § 66. О морфонологических особенностях биномов, образованных теми же морфемами, что и в хет. *genu* (*gi-e-nu*), см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 173, 233].

К § 67. О структуре производных от корня и словообразовательных морфем, соединенных в хет. *taru*, см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 174, 233] (предполагается соотношение двух биномов — сопряженных основ с аблаутными состояниями по схеме Бенвениста). По гипотезе С. А. Старостина, начальная смычная фонема этого слова с точки зрения ностратического внешнего сравнения относится к типу, в котором индоевропейские и картвельские звонкие смычные соответствуют алтайским глухим придыхательным [Иванов 2001: 235]; в некоторых индоевропейских диалектах известен вариант с исчезновением этой фонемы, оказывающейся нестабильной.

К § 68. Подробное исследование судьбы хеттских и других анатолийских слов, родственных хет. *šiu-*, предложено в статье [Иванов 1961]. Отличие ранних древнехеттских текстов (надписи Анитты и неситских ритуалов) от позднейших состоит в употреблении имени Бога *Šiu-šmiš* ʻБог Нашʼ в качестве одного из главных имен богов. В позднейших текстах основа существительного, содержащая вторичные суффиксы -**n*-, -*(*o*)*t*- обозначает ʻбогаʼ и ʻденьʼ ([Иванов 2001: 13]) (как лат. *deus*, *dies*; о названиях «дня» [Топоров 2005]).

К § 69. Гипотеза о возможной древней связи основ хет. *neku*-(*t*) и *neku-mant* продолжает упоминаться в этимологических работах [Топоров 2005: 175]. С фонетической точки зрения связь этих корней вызывает трудности.

К § 70. Хет. *gimm*-(*ant*)- ʻзимаʼ входит в архаичную систему трехчленного обозначения времен года, восстанавливаемую для индоевропейского как **wes-r*/*n*- ʻвесна-летоʼ — **sen*- ʻлето-осеньʼ — **g*^{h}*eym*- ʻзимаʼ (см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 853, примеч. 1]). Хеттская тройка *ḫamešḫa-nt* (< **ḫant*- + **wešḫa-nt*- [Ivanov 2004]) ʻвесна-летоʼ — *zen-ant-gimm-ant*- еще близка к индоевропейской и соответствует др.-греч. *ἔαρ* — *ὀπώρη* (< **op-os-ar*- ʻпосле летаʼ [Chantraine 1990: 813]) *-χειμών*; др.-арм. *garun* — *ašun* — *jmern*, праславян. **vesna* — **jesenĭ* — **zima.* Древняя форма гетероклитической (обычной

для названий времен года) формы на *-r-* отражена в тох. B *śimpriye* ‘зима’, *śimprāye* ‘зимний’, ср. тох. A *śärme* ‘зима’ < **śäm(ä)rāi-* [Schmidt 1994: 280; Adams 1999: 630], др.-греч. *χείμερινος* ‘зимний’, др.-арм. *jmeṙn* ‘зима’, лат. *hibernus*. Кажется возможным, что в хет. *gimm-ant-ariya-* ‘зимовать’ сохранился след подобного хеттского дописьменного образования на *-ar-*. Но в поздних хеттских текстах этот глагол рассматривается как замена более раннего **giman-iya-* от основы на *-n-* ([Rieken 1999: 77]), тождественной др.-греч. *χειμα*, *χειμών*, албан. *dimër*/*dimën*, др.-инд. *hem-an.* Если именная основа **gimm-ar-*, входившая в парадигму гетероклитического существительного, еще сохранялась в предыстории хеттского языка, то глагол **gimar-iya-* мог быть от нее образован по типу *pangariya-* ‘увеличиваться в числе’, от *pangar*(*i*)-, *šuppa-r-iya* ‘спать’ от **šuppar-* ‘сон’ [Rieken 1999: 305, примеч. 1468]. Позднее когда *gimm-ant-* (= др.-инд. *hem-anta-*, важная хетто-индо-арийская изоглосса, ср. также др.-инд. *vas-anta-* = хет. {*ḫa*}*mešḫ- anta-*) стало главным хеттским обозначением «зимы», могла образоваться новая контаминированная глагольная основа *gimm-ant-ariya-* (о позднем характере этой комбинации суффиксов см.: [Starke 1990: 383—384; Rieken 1999: 276 и примеч. 1308]). Возможно и образование промежуточной именной основы **gimm-ant-ar*(*i*)- (ср.: [Puhvel 1997: 147], с литературой вопроса), но она могла быть поздней заменой предшествовавшего ей **gimm-ar-*.

К § 71. Хет. *laman* (с преобразованием начального носового в латеральный, как в некоторых из уральских вариантов слова) предположительно входит в группу слов с этимологией, предполагающей их распространение в нескольких макросемьях, что делает возможным отнесение слова к самому раннему лексическому запасу Человека Разумного (о двух возможных объяснениях см.: [Иванов 2001б]). В древнехеттском языке обнаруживается архаическое сочетание *laman te-* ‘произносить (= класть) имя’, восходящее к индоевропейскому [Иванов 1981: 140—141].

К § 72 и § 88. Хотя многие ученые принимают объяснение развития группы согласных в индоевропейском названии «земли», подсказываемое структурой хет. *tekan* и его тохарских соответствий, а также хет. *ḫartagga-* ‘медведь’ [Puhvel 1991], тем не менее ссылки на спиранты Бругмана и их видоизменение у Бенвениста продолжаются, см. взвешенное обсуждение с библиографией: [Семереньи 1980: 64—65; Melchert 1994], см. ниже комментарий к § 88. И.-е. **dheg’hom* > хет. *tekan* находит себе закономерное фонетическое соответствие в клинописном лувийском *tiyam-i*, тогда как иероглифическое лувийское *takama* скорее всего является заимствованием из хеттского. На иер. лувийском составлялись надписи князей мелких областей Сев. Сирии и соседних ареалов, правители которых самой формой надписи и ее языком хотели утвердить себя как продолжателей имперской хеттской традиции.

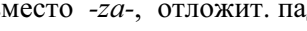
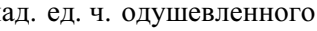
К § 73. Хет. *ḫulana-*, как и родственные слова других индоевропейских языков, в частности, балто-славянских, наряду с основным значением «шерсть» приобрело и метафорический смысл, относящийся к волнам, волнистой поверхности воды. Связанное с этим переносным значением название реки Хулана встречается уже в древнехеттской надписи Анитты [Neu 1974: 33—34]. Оно сопоставимо с названием реки *Vilnia*, по которому получил свое название город Вильнюс, и с другими гидронимами от того же корня [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 861—862, примеч. 2].

К § 74. Хет. *wiyana-* рассматривается как индоевропейское слово, заимствованное во многие языки соседних с праиндоевропейским семей — (западно-)семитский, картвельский, некоторые северо-кавказские (в том числе возможно в хаттский, если подтвердится предположенное ранее значение хат. *win-du*) [Иванов 2004: 57].

К § 75. Хет. *paltana-* (о значении см.: [CHD: s.v.]) находит самое близкое семантическое соответствие среди других производных от этого корня в славянском [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 781], ср. рус. *плечо.* Реконструкция формы корня основывается на предположении о происхождения глухого придыхательного из сочетания смычного с ларингальным, см.: [Там же, I: 55, 200].

К § 76. Хет. *parsna-* описано в [CHD: s.v.]. К числу слов, удостоверяющих общеиндоевропейский характер термина, относится лат. *perna* [Pokomy 1959: 823; Watkins 1985: 50]. Из родственных индо-иранских форм кроме древнеиндийской и авестийской ср. средневековые восточно-иранские и современные памирские названия «пятки» [Стеблин-Каменский 1999: 266].

К § 77. Хет. *ḫuwant-*, по активному суффиксу совпадающее с тохарской и западно-индоевропейскими формами [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 676], представляет интерес для географии слов.

К § 78. Ср. уже в древнейшей надписи Анитты, строка 2, др.-хет.  *ne-pí-iš-za-aš-ta = nepis* (+ частица *za*?) + частица *asta* или *nepisas* (род. пад. ед. ч.) + *as* (энклитическое местоимение имен. пад. ед. ч.?) + частица *asta*, ср.  *ne-pi-ša-aš* та же надпись, строки 20, 51 и 56: *-ša-* вместо *-za-*, отложит. пад. ед. ч. *-z = -az*, ср. род. пад. ед. ч. *-aš*? Ср. род. пад. ед. ч. одушевленного рода *nepiš-an.* Именная основа **nebh-es-*, восстанавливаемая для хеттского и прабалто-славянского, отличается от других биномов типа, описанного Бенвенистом [Benveniste 1935], одинаковостью огласовки **e* обеих морфем — корневой и суффиксальной (ср. о возможном развитии огласовки *e* [Гамкрелидзе, Иванов 1984, I: 167]. О согласных корня ср. [Иванов 2002: 219].

К § 79. Хет. *ḫišša-* представляет собой интересный пример, позволяющий думать о возможном влиянии на количество гласного предшествующего ла-

рингального (а не только последующего, как это предполагалось в классической теории, гл. 2, § 89). Для восстановления общеиндоевропейского семантического поля упряжи существенно соответствие хет. *ḫišša-*, восточноиндоевропейских (индо-иранских, др.-греч. гомер. *οἴηκες* (мн. ч.) ‘кольца на ярме, сквозь которые продевались поводья’), *οἰήιον* ‘дышло, шлем, руль’ (с развитием мореходного значения, характерного и для родственных слов германских языков), словен. *oje*, *ojesa* ‘дышло’, чеш. *oj*, др.-польск. *oje*, в.-лужицк. *wojo* (праславянская основа на **-s-*), лит. *iena*, древнее балтийское заимствование в финском *aisa* <**ois-*.

К § 80. Хет. *new-a-ḫḫ-* в соотнесении с *new-a-* имеет соответствия в других индоевропейских языках и может помочь восстановлению предыстории древнего типа спряжения глаголов с ларингальным суффиксом [Иванов 2001: 202].

К § 81. Хет. *pedan* и *pata-* подтверждают древний тип чередования корневого гласного в хеттском [Иванов 2001: 104].

К § 82. Хет. *yugan* вместе с родственными словами других индоевропейских языков позволяет восстановить существенный элемент древнего семантического поля упряжи. Хотя направление заимствований по отношению к этому праязыковому слову и возможному заимствованию в северо-кавказском, картвельском и семитском остается дискуссионным, несомненно, что речь идет о периоде создания упряжи носителями перечисленных групп языков. В индоевропейских диалектах представлена основа на -**o*: хет. *yukan*; др.-инд. вед. *yugam* ‘ярмо’, вост.-иран. язгулям. *yoγ*, шугнан. *yuγ*; мунджан. *yəgh*/*yγ* [Андреев, Пещерева 1957: 366; Грюнберг 1972: 169, предложение 5; с. 392; Стеблин-Каменский 1985: 161]; арм. *lowc*, др.-греч. *ζυγόν*; ст.-слав. иго; др.-исл. *ok*, гот. *yuk* ‘пара’, лат. *iugum*; основа на -**s-* представлена в микенском греческом (дат. мн. *ze-u-ke-si* ‘для пар’). Глагол, от которого образованы эти именные основы, представлен в хеттском и в других диалектах производными основами разных типов (с носовым инфиксом, проникающим и в именные формы, с сигматическим показателем, медиопассивным глаголом на -**dh-*): др.-инд. *yuj-*/*yu-na-k-ti*; нуристани прасун *pə*, императив *ypu* ‘приготовь’, кати *yip* [Turner 1989: 607], вайгали *ypoy*, авест. *yaog-*; др.-греч. *ζεύγνυμι*.

Индоевропейское название «ярма» сходно с северо-восточно-кавказскими словами с тем же значением: нахск. **duq* ‘ярмо’ > чечен. *duq*, аваро-анд. **ruλ:V* ‘ярмо’ > авар. *ruλ:*; лезгин. **?rλ:*^{w} ‘yoke’ > табассаран. *jurk:-aR*, цахур. *ok*, крыз. *uk-ar*, хиналуг. *ing* ‘ярмо’, зап.-кавк. **b*(*ə*)*γə* ‘ярмо’ > кабард. *bə* ‘ярмо’, прасев.-кавк. **?rgw* ‘ярмо’ отлично от **rikwV* ‘палка для ярма’ > лак. *ruk* ‘yoke’, дарг. *duk* ‘yoke’ [Nikolayev, Starostin 1994: 220, 954; Старостин 1985: 80]. Главным источником заимствования могли быть диалекты восточно-индоевропейской группы: иранский и армянский, возможно греческий.

Восточно-кавказские имена с начальным *r-* можно непосредственно сравнить с восточно-иранскими формами типа вахан. *rig* ʻтяж, прикрепляющий ярмо к дышлу’ ([Стеблин-Каменский 1999: 395—396], там же о других памирских словах этого рода). К числу относительно поздних заимствований из индоевропейских диалектов принадлежат картвельские слова: сван. *ɣwa-*, *uɣwa* ʻярмо’, мегрел. *uɣu-*, лаз. *uɣu*, грузин. *uɣel-ɣ* ʻярмо’, в которых предполагаются поздние иранские заимствования [Климов 1994: 68—72]. Иллич-Свитыч предполагал отражение индоевропейских слов в семитском (аккад. *llu*/*illi*/*ullu* ʻцепи’, др.-евр. *ol*, др.-евр. *hullu*), ср.: [Nikolayev, Starostin 1994: 220].

К § 83. Хет. *ešḫa-*. Слово вместе с соответствующим лат. *erus* представляет интерес для реконструкции индоевропейских социальных терминов [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 480].

К § 84. Хет. *ḫašša*. Существительное со значением ʻалтарь, очаг’ в хеттском, лувийском и италийских языках возводится к корню со значением ʻгореть, быть сухим’ [Pokorny 1959: 68; Watkins 1985: 3—4].

К § 85. Об и.-е. **ors-o-* > хет. *arra-* и его отражении в отдельных диалектах см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 817].

К § 86. Хет. *šakuwa* соотносится с лувийским *tawa* ʻглаза’ с закономерной утратой велярного в лувийском и с соответствием начального хет. *š-* / лув. *t-* фонеме *s mobile*, которая в одних индоевропейских диалектах присутствует в имени (хет. *šakuwa* ʻглаза’, *šaku-ni* ʻисточник’, ср.-ирл. *ro-sc* ʻвзгляд’) и/или глаголе (хет. *šakuwai-* ʻувидеть’, *šakuwišk-* ʻдолго смотреть’, албан. *shoh* < **sok*^{w}*-* + *-*sk’-* [Иванов 1981: 205—206]; ср.-ирл. *ar-secha* ʻон должен вас видеть’, гот. *saihvan*, др.-исл. *sjá*, др.-фриз. *sīa*, др.-англ. *sēon*, др.-в.-нем. *sehan* ʻвидеть’) или же отсутствует (тох. A *ak*, B *ek*, др.-инд. *akṣi*, авест. *aši*, арм. *ակն*, др.-греч. *ὄσσε*, лат. *oculus*, лит. *akìs* ʻглаз’, ст.-слав. око, праслав. **okn-* ʻисточник’). Такие же фонетические соотношения начального хет. *š-* / лув. *t-* / *s-mobile* повторяются в хет. *šanku*(*wa*)*i-* ʻногти’: лув. *tammuga-* ʻостриженные части ногтей’: тох. B *mekwa* ʻногти’, A *maku*: лат. *ungui-s*; др.-греч. *ὄνυξ*; лит. *nãgas*, латыш. *nags* ʻноготь’, рус. *ноготь* (подробнее о словах этого корня см.: [Иванов 2002: 319—221]). Приведенные соответствия делают возможной реконструкцию особой индоевропейской фрикативной фонемы (судя по единственному языку, где эта фонема нашла себе особое выражение — лувийскому, она могла быть близка в типу [θ], ср. произношение начального согласного в англ. *thin*). Помимо интереса, который может вызвать принципиальная возможность обнаружения новой праиндоевропейской фонемы и увеличение числа реконструируемых для индоевропейского праязыка фонем, следует особо отметить возможный вклад в понимание истории индоевропейского корня. Приведенные слова показывают, что в праязыке существовали такие типы корневых морфем с начальным шумным согласным, которые в боль-

шинстве позднейших диалектов теряли эту фонему и переходили в тип с начальным гласным. Если Кюни и Бенвенист (а следом за ними и многие другие сторонники ларингальной теории) правы в предположении, что корень обязательно начинался не с гласного, то из этого еще не следует, что (как это было принято в большинстве опубликованных в последние десятилетия реконструкций) каждому традиционно восстанавливаемому начальному гласному можно добавить стоявший перед ним ларингальный (предложенное покойной Хилл объяснение данного хетто-лувийского соответствия воздействием третьего ларингального в контексте лабиальных фонем не кажется достаточно аргументированным). Можно начать систематически изучать возможные инициали праязыковых корней. Учитывая тенденцию к исчезновению начальных согласных, обнаруживающуюся во многих позднейших диалектах, следует искать в них следы предшествующего состояния с более единообразной структурой корневой морфемы.

К § 87. Об огласовке корневых имен ср.: [Красухин 2004: 224—297].

К § 88. См. выше к § 72.

К § 89. При огромности литературы, посвященной индоевропейским ларингальным, некоторые важные вопросы, касающиеся их числа и хронологии исчезновения в отдельных диалектах, остаются нерешенными. Кроме анатолийских языков ларингальные (в некоторых словах перед гласным в начальной позиции) сохраняются в древнеармянском. Вероятной кажется гипотеза, высказанная тохароведом Шмидтом (и ранее предвосхищенная Сепиром), по которой в нескольких архаичных тохарских глаголах на стыке морфем внутри слова ларингальный отражается как велярный. Время существования и исчезновения ларингальных в древнеиндийском на большом материале с применением статистических методов в последнее время изучал талантливый молодой московский ученый И. Герасимов, но несчастный случай оборвал его жизнь, не дав ему возможности приготовить завершенный труд для печати. Предыстория индоевропейских ларингальных постепенно уточняется благодаря внешнему сравнению. В других ностратических языках непосредственное соответствие индоевропейские ларингальные (как установил уже Иллич-Свитыч) находят в картвельском, в том числе в глагольной флексии, функционально сопоставимой с праиндоевропейской, что существенно для реконструкции [Иванов 1981: 68—69]. Хотя некоторые из ярких соответствий, которые индоевропейские ларингальные нашли в уральском ([Čop 1970; 1974; 1989]), пробуют объяснить и заимствованиями (ср.: [Koivulehto 1999]), в целом несоменно наследие ностратической древности в уральском (о глаголе: [Kortland 2001]). В свете предложенного Старостиным и Милитаревым понимания афразийского как макросемьи, отдаленно родственной ностратической, афразийские соответствия, намеченные еще Меллером и Кюни и раз-

витые Илличем-Свитычем и Долгопольским, подтверждают глубокую древность ларингальных и обусловленной ими древнейшей структуры корня и ее ранней трансформации во всех диалектах ностратического и афразийского.

К § 90. По мере увеличения числа хеттских корневых морфем, для которых установлены достоверные индоевропейские этимологии, предлагаемая схема основных структурных типов корневых морфем находит подтверждение на большом статистически значимом материале.

Для сопоставления хеттского с праиндоевропейским и отдельными диалектами особый интерес представляет тип *HVRT-, который при падении ларингальных переходит в других языках в категорию корней, начинающихся с гласного: хет. *ḫark-i-* ʻбелый’: тох. A *ārk-i-* ʻбелый’ ([Иванов 1981: 63]; относительно связи с индоевропейским и северокавказским названием «серебра» см.: [Иванов 1983; Старостин 1985]); хет. *ḫartagga-* ʻмедведь’ ([Puhvel 1991], см. выше к § 72; предполагается суффикс названий животных -**ko-*; в баск. *hart*, заимствованном из иберо-кельтского, мог сохраниться след еще не исчезнувшего ларингального).

К Заключению

Как и в целом по отношению к индоевропейскому, основные пространственно-временные задачи уточняются благодаря новым материалам, прежде всего ностратическим, и применению на разных хронологических уровнях методов лингвистической географии. Главной целью становится выявление тех древнейших элементов древнехеттской структуры, которые представляют собой архаизм с точки зрения ностратической перспективы и вместе с тем позволяют проследить преобразование архаических схем, постепенно заменявшихся новообразованиями, благодаря конвергенции совпавшими с развитием в других индоевропейских диалектах.

К Приложению I

Альтернативная этимология хет. *panku-*, многократно обсуждавшаяся в последние десятилетия, предполагает возможную связь этого слова с индоевропейским обозначением «всего» (др.-греч. *παντ-*, тох. A, B *pont-*), «пяти» (**penk*^{w}*e* > др.-инд. *pañca* ʻ5’), «пятерни» (англ. *fist* и т. п.). При всем остроумии этих гипотез, поддержанных именами известных ученых, их выдвинувших, для истории семантики хеттских слов они ничего не дают. Поэтому анализ контекстов употребления хеттских слов заставляет предпочесть прежнюю этимологию, проясняющую пути развития значений в раннем древнехеттском.

Сохраняется немало трудностей вокруг синхронного истолкования значений хет. *pankur*. Значение «род», существенное для толкования приводимого места из Завещания царя Хаттусилиса I, остается бесспорным. Но в важных и для этого контекста, и для других подобных случаях применения слова не к людям, а к животным, остается в силе предложенное Гютербоком (см.: [CHD: s.v. *pankur*]) понимание термина как относящегося к части тела (при этом выходящей вовне и поэтому определяющей ранимость или уязвимость животного). Если не принимать предположения о наличии омонимов, из которых для одного нужно предположить это последнее значение, а для другого — значение «род» или ему подобное, то необходимо наметить возможные пути развития контекстуальных употреблений слова. Приемлемым кажется допущение, по которому по отношению к животному слово означает не одну часть тела, а их «совокупность» на подобие более поздних обозначений «организма» в целом. На важность употребления термина как социального указывают тексты оракулов, где *pankur* выступает в контекстах, сходных с теми, где действует *panku-* ‘собрание’, ‘царь’ и другие социально значимые институты.

К Приложению II

Ср. выше, к § 54. В цитированных ритуалах встречаются оба значения разбираемого сочетания знаков — «крыло» (вероятное в большинстве разобранных примеров) и «корзина», в части рассмотренных случаев с трудом отличимое от первого.

БИБЛИОГРАФИЯ
К ПРЕДИСЛОВИЮ И ДОПОЛНЕНИЮ

Айхенвальд А. Ю., *Баюн Л. С.*, *Иванов Вяч. Вс.* Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в Малой Азии II—I тыс. до н. э. // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический источник. М., 1985. С. 4—97.

Андреев М. С., *Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. М.; Л., 1957.

Гамкрелидзе Т. В., *Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972.

Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // Acta Linguistica. 1950—1951. Vol. VI. Fasc. 2—3 (первоначально статья написана и напечатана по-русски; переиздание: История языкознания XIX—XX веков / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1965. С. 102—109; книга переиздавалась несколько раз).

Иванов Вяч. Вс. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1. С. 43—52.

Иванов Вяч. Вс. К изучению лексики лувийского языка // Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 141—150.

Иванов Вяч. Вс. Hittite Word-Formation in the Light of Historical Comparative Linguistics // Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. Т. 1. М., 1962. С. 268—275 (русский текст этого доклада был ранее напечатан отдельной брошюрой: Хеттское словообразование в сравнительно-историческом освещении. М., 1960. XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР).

Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки. М., 1981.

Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.

Иванов Вяч. Вс. О возможности этимологического отождествления слов, относящихся к одинаковым словообразовательным типам, в родственных языках (праслав. **dъlg-ostь* = хет. *dalugašti*) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987. С. 150—156.

Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. 2-е изд. М., 2001.

Иванов Вяч. Вс. Языковые следы мифологии имени // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001а. С. 40—42.

Иванов Вяч. Вс. Балто-южноанатолийские изоглоссы // Балто-славянские исследования. М., 2002. С. 215—250.

Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М., 2003.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М., 2004.

Иванов Вяч. Вс. [Комментарий к] *Нецветов Я.* Алеутско-русский словарь // Малые языки и традиции существования на грани. Вып. 1. М., 2005. С. 79—121.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971.

Климов Г. А. Древние индоевропеизмы в картвельских языках. М., 1994.

Красухин К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции. Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия / Ред. Б. Б. Пиотровский. 1985. С. 74—94.

Стеблин-Каменский И. М. Название пахотного орудия в памирских языках // Иранское языкознание. Ежегодник 1981. М., 1985. С. 154—170.

Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Топоров В. Н. Slovenica // Вопросы славянского языкознания. Вып. 4. М., 1959.

Топоров В. Н. Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга. Об и.-е. **nok*^{w}*-t-* (**nek*^{w}*-t*) & **dein-*/*dǐn-* (**deien-*) и **dein-*/*dǐn-* (**deien-*) & **nok*^{w}*-t-* (**nek*^{w}*-t*) // Hr̥dā mánasā: Сб. ст. к 70-летию Л. Г. Герценберга. СПб., 2005. С. 153—175.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2006.

Флоренский П. Столп и утверждение истины. 1914.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Adams D. G. A Dictionary of Tocharian B // Leiden Studies in Indo-European 10 / Ed. by R. S. P. Beekes, A. Lubotsky, J. J. S. Weitenberg. Amsterdam; Atlanta, 1999.

Adiego I. J. Deux notes sur recriture et la langue cariennes. Kadmos 29/2 (1990). P. 133—137.

Adiego I. J. Recherches cariennes: Essai d'amelioration du systeme de J. D. Ray. Kadmos 31/1 (1992). P. 25—39.

Adrados F. R. Archaisms in Anatolian Nominal Inflexion // Yoel L. Arbeitman (ed.). A Linguistic Happening in Memory of Ben Schwartz: Studies in Anatolian, Italic, and Other Indo-European Languages (Bibliotheque des cahiers de l'institut de linguistique de Louvain. 42). Louvain-la-Neuve: Peeters, 1988. P. 13—40.

Alp S. Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük. Ankara, 1991.

Archi. Middle Hittite — 'Middle Kingdom' // Festschrift Hoffner. 2003. P. 1—.

Archi. Remarks on the Early Empire Documents // Archiv für Orient-Forschung. 32. 2005. P. 225—229.

Bader F. Persée, Περϑω et l'expression archaïque du temps en indo-européen // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1974. T. 69. F. 1.

Bader F. Le présent du verbe «être» en l'indo-européen // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 71. Fasc. l. 1976. P. 27—111.

Bader F. Noms de bergers de la racine **-pā-* // Studies in Greek, Italic and Indo-European offered to L. R. Palmer. Innsbruck, 1976.

Bader F. Flexions d'aoristes sigmatiques // Étrennes de septantennes. Paris, 1978. P. 29—44.
Bader F. De «protéger» à «razzier» au néolithique indo-européen (phraséologie, étymologies, civilisation) // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1978a. T. 73. F. 1.
Benveniste E. Hittite et indo-européen. Paris, 1962.
Brückner A. Studia fonetyczne. II. Polskie *tl* i *dl* // Prace Filologiczne. T. VI. 1907. C. 598—601.
Carruba O. Zum Stand der Entzifferung des Karischen. Kadmos, 1998. P. 37.
Cotticelli-Kurras P., *Hagenbuchner-Dresel A.* Hethitisches Wörterbuch. 2te Auflage. Bd. 3. Lieferung 16. 2004.
CHD — см.: *Güterbock H. G.*, *Hoffner H. A.*
Friedrich J., *Kammenhuber A.* Hethitisches Wörterbuch. Bd. I—III: H. Lieferung 11. Heidelberg, 1991.
Friedrich J., *Kammenhuber A.*, *Hoffmann I.* Hethitisches Wörterbuch II. Völlig neubearbeitete Auflage auf der Grund der edierten hethitischen Texte, III/14: H. Heidelberg, 2000—2004.
Giannota M. E. (ed.). La decifrazione del cario. Atti del 1 Simposio Internazionale. Roma, 1994.
Giorgieri M. Ein Text über Tempelbedienstete aus Kuşakli (KuT 32) // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. 128. 1996. S. 121—132.
Güterbock H. G., *Hoffher H. A.* (eds.). The Hittite Dictionay of Chicago. Chicago, 1989 (сокращенно — CHD).
Hawkins J. D. Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. I. Inscriptions of the Iron Age. Parts 1, 2, 3 // Studies in Indo-European Languages and Cultures. New series. 8.1 / Ed. by R. Gusmani, A. Morpugo-Davies, K. Strunk, C. Watkins. Berlin; New York, 2000.
Hazenbos J. Die in Kuşakli gefundenen Kultinventare // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. 128. 1996. S. 95—104.
Ivanov Vyach. Southern Anatolian and Northern Anatolian as Separate Indo-European Dialects and Anatolian as a Late Linguistic Zone // R. Drews (ed.). Greater Anatolia and the Indo-Hittite Language Family. Washington, 2001.
Ivanov Vyach. Indo-European **bhuH*- in Luwian and the Prehistory of Past and Perfect // Proceedings of the Twelth Annual UCLA Indo-European Conference. Los Angeles / Ed. M. Huld. K. Jones-Bley, A. Della Volpe, M. R. Dexter (Journal of Indo-European Studies. Monograph Series. № 40). Washington, DC, Institute for the Study of Man, 2001b. P. 80—106.
Jasanoff J. H. Hittite and the Indo-European Verb. 2003.
Kammenhuber A. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch // Handbuch der Orientalistik. 1.2. Bd. 1—2. Lief. 2. Leiden, 1969.
Kammenhuber A. Materialien zu einem hethitischen Thesaurus. Heidelberg, 1973—.
Kammerzell F. Studien zu Sprache und Geschichte der Karier in Ägypten (Göttinger Orientforschungen. 4 Reihe Ägypten. Bd. 27). Wiesbaden, 1993.
Karaś M. Jeszcze o zachowaniu się grup spółgłoskowych dl, tl w języku polskim // Język polski i jego istoria. Wybor pism. 1986. P. 178—181.
Kassian A., *Korolev A.*, *Sidel'tsev A.* Hittite Funerary Ritual *šalliš waštaiš* // Alter Orient und Altes Testament. 288. 2002.
Kimball S. E. Historical Phonology of Hittite // IBS 95. Innsbruck, 1999.

Klinger J. Das Corpus der Maṣat-Briefe und seine Beziehung zu den Texten aus Hattuša // Zeitschrift für Assyriologie. 85. 1995. S. 74—108.

Krause W., *Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. T. l. Heidelberg, 1960.

Laroche E. La stèle trilingue de Létôon. Dexième partie, l'inscription lyciénne // Fouilles de Xanthos VI. Paris, 1979.

Levin S. Semitic and Indo-European: The Principle Etymologies. Amsterdam, 1995.

Lindeman F. O. Remarques sur la flexion des verbes du type de *teḫḫi* en hittite // Hethitisch und Indogermanisch / Ed. by E. Neu, W. Meid. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 25. Innsbruck, 1979. P. 153—157.

Melchert H. C. Lycian Lexicon. Lexica Anatolica. Vol. 1. Chapel Hill, N.C. Second fully revised ed., 2003.

Melchert H. C. Anatolian Historical Phonology // Leiden Studies in Indo-European. 3 / Ed. R. S. P. Beekes, A. Lubotsky, J. J. S. Weitenberg. Amsterdam; Atlanta, GA, 1994.

Neu E. Interpretation der hethitischen mediopassivischen Verbalformen. Wiesbaden, 1968.

Neu E. Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen. Wiesbaden, 1968.

Neu E. Ein althethitisches Gewitterritual. Wiesbaden, 1970.

Neu E. Der Anitta-Text. Wiesbaden, 1974.

Neu E. Das hurritische Epos der Freilassung I: Untersuchungen zu einem hurritisch-hethitischen Textensemble aus Hattusa. Wiesbaden, 1996.

Neu E., *Meid W.* Hethitisch und Indogermanisch. 1979.

Nikolayev S. L., *Starostin S. A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994.

Nussbaum A. J. Head and Horn in Indo-European // Studies in Indo-European language and Culture. New Series. 2. Berlin; New York, 1986.

Oettinger N. Der indogermanische Stativ // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 34. München, 1976. S. 109—149.

Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums // Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft. Bd. 64. Nürnberg, 1979.

Oettinger N. šawitra «Horn», eine Hethitische *-*tro-* Bildung // Hethitisch und Indogermanisch / Ed. E. Neu, W. Meid // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 25. Innsbruck, 1989. S. 197—203.

Oettinger N. Die 'dunkle Erde' im Hethitischen und Griechischen // WO 20—21. 1989/ 1990. P. 83—98.

Otten H. Hethitische Totenrituale. Berlin, 1958.

Otten H. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa. Wiesbaden, 1973.

Otten H. Zu einigen Neufunden hethitischer Königsiegel. Mainz; Stuttgart, 1993.

Otten H. Die hethitischen Königsiegeln der früheren Grossreichszeit. 1995.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Puhvel J. Anatolian: Autochton or Interloper? // The Journal of Indo-European Studies. 22. 1994. P. 251—263.

Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 1: Words beginning with A2; Words beginning with E. 1984; Vol. 3: Words beginning with H. 1991; Vol. 4: Words beginning with K. 1996; Vol. 5: Words beginning with L, Indices to volumes 1—5, Trends in Linguistics. Documentation 18. 2001; Vol. 6: Words beginning with M. Berlin; New York, 2004.

Rieken E. Untersuchungen zur Nominalen Stammbildung des Hethitischen // St Bo T 44. 1999.

Rosenkranz B. Zur Genealogie des Elamischen // Anthropos. Vol. 66. 1971. № 1/2. P. 202—216.

Salvini M., *Tremouille M.-C.* Les textes hittites de Meskéné/Emar // Studi Micenei e Egeo-Anatolici. 45. 2003. P. 225—271.

Schuler E. von. Die Kaškäer. Berlin, 1965.

Singer I. Muwatalli's Prayer to the Assembly of Gods Through the Storm-God of Lightning (CTH 381). Atlanta, 1996.

Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966.

St Bo T — Studien zu den Bogazköy-Texten. Wiesbaden, 1965—.

Starostin S. A., *Dybo A. V.*, *Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. I—III. Leiden, 2003.

Süel A. Ortaköy-Šapinuwa tabletlerinin tarihlendirilmesi [История табличек из Ортакёя-Сапинувы] // Third Congress of Hittitology. Ankara, 1998. P. 551—558.

Szemerényi O. The Indo-European Name of the «Heart» // Donum Balticum. Stockholm, 1970. P. 515—533.

Taszycki W. O gwarowych formach *mgleć*, *mgły*, *moglić się*, *moglitwa* itp. Rozdział z historycznej dialektologii polskiej // Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej. 2. 1957. S. 230—246 (переизд.: *Taszycki W.* Rozprawy i studia polonistyczne. II. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1961. S. 259—274).

THeth — Texte der Hethiter. Heidelberg, 1971—.

Turner R. L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1989 (переизд.; 1-е изд. 1966).

Van Brock N. Les thèmes verbaux à redoublement du Hittite et le verbe indo-européen // Revue Hittite et asianique. T. XXII. Fasc. 4. 1964.

Van Windekens A. J. Le tokharien confronté avec des autres langues indo-européennes. Vol. I. La phonétique et le vocabulaire // Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université Catholique Néerlandaise de Louvain. Fasc. XI. Louvain, 1976.

Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Bd. 3. T. l. Heidelberg, 1969.

Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston, 1985.

Wittaker G. Traces of an Early Indo-European Languages in Southern Mesopotamia // Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft. Heft 1. 1998.

Xu C. Hittite *ker*/*kart-* «heart»: Functional and Ritual Aspects // Journal of Ancient Civilizations. 10. 1995. P. 33—40.

INDO-EUROPEAN ROOTS IN THE CUNEIFORM HITTITE LANGUAGE AND THE SPECIAL FEATURES OF THEIR STRUCTURE

All those Indo-European etymologies of the Hittite words that have belonged to the established stock of lexical units have been described in this volume from a diachronic point of view. Hittite word-derivation has been studied on the example of the elements discussed in this book. The words with an established Indo-European etymology have been studied according to the place of a characteristic representative of a root in the system of Hittite word-derivation. The verbs are studied on the base of the distinction between the two main conjugations.. Inside each of these classes (the *-mi* conjugation and the *-ḫi* conjugation) root-verbs are distinguished from those having affixes (prefixes and infixes). In nominal classes the dominant difference is that between the root nouns on the one hand and the heteroclitic nouns and nouns with other suffixes on the other. The following roots, words and lexical groups with Indo-European etymologies have been studied in this volume: chapter 1, The verbs of the -mi- conjugation § 1: the root verb-copula *eš* «to be» and its derivatives; including nominal stems *ešri-* (from an original heteroclitic form in *ṛ*) and *eš-en-t-*; § 2: the root verb *ed-* «to eat» and its derivatives of the same type as those of the previous one as well as verbal stems in **-s-* and *-sk-* derived from this root-verb; § 3: the root verb *kwen-* «to strike, to kill» and peculiarities of its deived stems; a reduplicated nominal form *kunkunuzzi-* (intensive reduplication); § 4: the root verb *wek-* «to ask» and derived forms; the reduplicated verbal stem *wewak-* and the problem of the reduplication of the initial part of the first syllable (a «perfective» reduplication in terms of the other cognate languages); § 5: the root verb *ep-* «to seize, to catch» and its transforms; § 6: the root verb *tarḫ-* «to conquer» and relted stems in *-u*/*w-er-*/*en-* in Hittite, Luwian and Indo-Iranian; § 7: the root verb *šanḫ-* «to desire, to struggle for»; § 8: the root verb *ḫark-* «to destroy» and the stems with suffixes and infixes derived from the cognate verbs in Anatolian and in the rest of Indo-European; § 9: the root verb *eku-* «to drink» and

cognate forms in Anatolian and Tokharian; § 10: the root verb *luk-* «to give light» and derived forms in: a verbal stem in *-eš-*, derived nominal forms *lutta* 'window', *lalukkima-* «shine, shining» and related forms in the other Indo-European dialects; problems of semantics; § 11: the root verb *neku-* «to get dark (about the evening time)» and the importance of the Hittite data for the historical interpretation of the common Indo-European word for «night» («evening» in Hittite and Tokharian); § 12: the Mediopassive root verb *ki-* «to lie, to be quiet» and the suppletive relation to the verb for «to die»; § 13: the Mediopassive root verb **swep*, *šup-* «to sleep», related forms and possible reasons for the disappearance of the verb in Hittite-; § 14: the verb *šeš-* «to lie quiet, to rest, to be asleep»; the history of the forms derived from *šeš-* in their relation to the forms derived from *šup-*; § 15: Hittite words derived from the root **ei-/i* «to go»-; archaic derived stems and the origin of the term *antiyant-* «a husband of the daughter entering the family (and the family's house)»; the group of the (root)verbs of the *-ḫi* conjugation follows: § 16: the verb *dai-/te-* «to put» and its Indo-European correspondences in the light of the laryngeal theory; § 17: the verb *ar-* denoting movements in space and related Indo-European verbal forms in **n(e)u-*, **-s-*, **-sk'-*; § 18: the same types of derived verbs cognate to the verb *nai-* «to turn»; § 19: Hittite verb *(i)š(i)pant-* «to perform a sacrifice (pouring wine on a sacrificial animal- the victim) and its comparison to semantically close forms of the other Indo-European languages; § 20: the verb *gank-* «to hang»; § 21: the verb *šek-* «to know»; § 22: the verb *eš-* «to sit» and its derivatives; the verbs in *iya-*: § 23: the verb *weš-iya-* «to herd, to keep the cattle» and a nominal stem *weš-i*; the noun of agent *weš-tara-* «herdsman» in its relation to the Indo-Iranian (particularly Avestan) form; § 24: the verb *tur-iya-* «to put animals (or people) into the chariot equipment» and related Indo-Aryan forms; § 25: the verb *wer-iya-* and Indo-European words of the semantic field of speech; § 26: the verb *waršaniya-*; a group of verbs with the old suffixes **-s-* and *-*sk'-*; § 27: the verb *paḫ-š-* «to, preserve, to keep» and its origin in the light of the study of the verbs with the suffixes **-s-* and *-*sk'-* in Anatolian, Tokharian and other Indo-European languages; the peculiar shades of meaning in Anatolian and Tokharian; § 28: the verb in *eš-weš-* < **w-es* «to dress up»; § 29: the verb *kall-es-* «to call»; § 30: the verb *dam-aš-* «to take by force, to be violent»; § 31: the verb *waš-* (from **we/os-* «buy-and-sell»); § 32: the old morphological structure of the words going back to the Hittite *kiš-*, a nominal stem *kiš-ri*; § 33: the verb *du-šk-* «to be happy, to enjoy»; a group of the verbs with an old thematic suffix: § 34: the verb *malda-* «to pray performing a sacrifice» and cognate forms with similar meaning in Balto-Slavic and other languages; § 35: the verb *lišš-a-* «to gather together» and cognate words; § 36: the verb *iškalla-* «to split»; § 37: the verb *laḫḫuwa-* «to pour» and the problem of its original morphological structure; § 38: the verb *malla-* «to grind»; § 39: the verb *taya-* «to steal» and tis relation to the cognate words; § 40: the verb *iya-*

«to do, to make» and its relation to Anatolian and Tokharian forms derived of the same root; § 41: the trace of the ancient «normal» reduplication (of a «perfective» type in terms of the grammar of the other Indo-European languages) in the verb *mema-* «to speak»; Hittite root nouns with an established Indo-European etymology; § 42: the Proto-Indo-European noun «heart» in the light of the Hittite data (Old Hittite *kir*/*kard-i-*); § 43: the root noun *wett-* and corresponding forms in the other dialects; § 44: the root noun *ḫant-* «forehead» and related Hittite forms with Indo-European correspondences; adjectives in *-u-* (an archaic type studied recently in the light of the Baltic and some other correspondences): § 45: the adjective *park-u-* «high», the verb *park-eš-* «to get higher» and the origin of the verbs in *-eš-* derived from nominal and adjectival stems; § 46: the adjective *pank-u-* «whole, total, all» and related forms (a detailed analysis in connection to the history of the Hittite noun *pank-u-* «assembly» is given in a special supplement to the volume; § 47: the adjective *tep-u-* «small» and related words; § 48: the adjective *aššu-* «good» and related forms in the other dialects; the adjectives in *-i-*; § 49: the adjective *danku-i-* «dark» and cognate words in the ither Indo-European languages; § 50: the adjective *ḫark-i-* «white» and its semantic prehistory on the base of comparison to the other (Tokharian) forms; § 51: the adjective *mekk-i-* and formal and semantic aspects of its comparison to related words of the other Indo-European dialects; § 52: the adjective *palḫi-* «broad» and related forms; Hittite nouns of a heteroclitic type: § 53: the noun *wat-ar* «water» and a root noun *wid-* in Anatolian, the derived nominal stem *watar-u-* and the question of the origin of the stems in *-r-u-*; § 54: the noun *patt-ar* «wing» and the importance of the word for the comparative studies (some questions of the understanding of the ritual texts containing this word or another one which is its homonym are discussed in asecond supplement to the volume); § 55: the noun *ešḫ- ar* «lood» and nominal and verbal stems cognate to it; the problem of its connection to the noun *ešḫaḫ-r-u-* «tear»; § 56: the noun *paḫḫu-r* «fire» and corresponding forms of the cognate languages; § 57: the ancient grammatical type of the stems *ḫapp-ar* «price» and *ḫapp-in-ant-* «rich»; § 58: the noun *kešš-ar* «hand» and problems connected to its correspondences in the other Indo-European languages; § 59: the noun *ḫara-š* «eagle» and its correspondences; the problem of the origin of this subset of heteroclitic forms; § 60: the noun *aiš* «mouth» and its correspondences; § 61: the adjective *makl-ant-* and its ancient morphological type; § 62: forms derived from the Proto-Indo-European word for «bone» in Anatolian; §63: the noun *melit* «honey», its ancient structure and corresponding forms in the other Indo-European languages; § 64: the adjective *daluki-* and its ancient structure; the related nouns in Hittite and other Indo-European languages; § 65: the noun *karawar* «horn» and related forms; the nouns with a nominal suffix **-u-*; § 66: the noun *gen-u-* «knee» and corresponding forms of the other related languages; § 67: the noun *tar-u-* «tree» and the problem of the two-partite (binominal)

structures as discovered by Benveniste; § 68: the noun *ši-u-* «god» and related forms of the other Anatolian languages; separate difficult forms; § 69: the adjective *nekumant-* and its old structure; § 70: the Proto-Indo-European word for «winter» in Hittite; § 71: the noun *laman* «name» and peculiarities; § 72: the noun *tekan* «earth» and cognate forms (the difficult phonetic problems related to the word are discussed in the § 88 in the next chapter); § 73: the noun *ḫulana-* «wool» and its original structure; § 74: the word *wiyana-* «wine», its Indo-European origin and cognate forms in the other languages; § 75: the noun *paltana-* and its ancient structure; § 76: the noun *paršna-* and its morphological type; § 77: the noun *ḫuwant-* «wind» and its correspondences; § 78: the noun *nepiš* «sky» and its structure; § 79: the noun *ḫišša* and related forms; § 80: the adjective *newa-* «new» and its correspondences; § 81: the nouns *pedan* and *pata-*, their relation from the point of view of the Indo-European comparative grammar; § 82: the noun *yugan* «yoke» and semantic questions of its prehistory; § 83: the noun *ešḫa-* «master, lord» and related forms; § 84: the noun *ḫašša* «fire-place» and archaic formula that uses it; § 85: the noun *arra*; § 86: peculiar features of the form *šakuwa* «eyes», related forms in Anatolian and other cognate languages.

In the second chapter special features of the Indo-European roots represented in Hittite are discussed: § 87 deals with the ablaut changes of the root vowel. In § 88 the problem of the spirant (fricative) phonemes reconstructed by Brugmann are studied in the light of the Hittite data. In § 89 the problem of the structure of the roots that include laryngeals is studied. Corresponding phonemes in Anatolian languages are analyzed. In § 90 a structural classification of the Indo-European roots in Hittite is given.